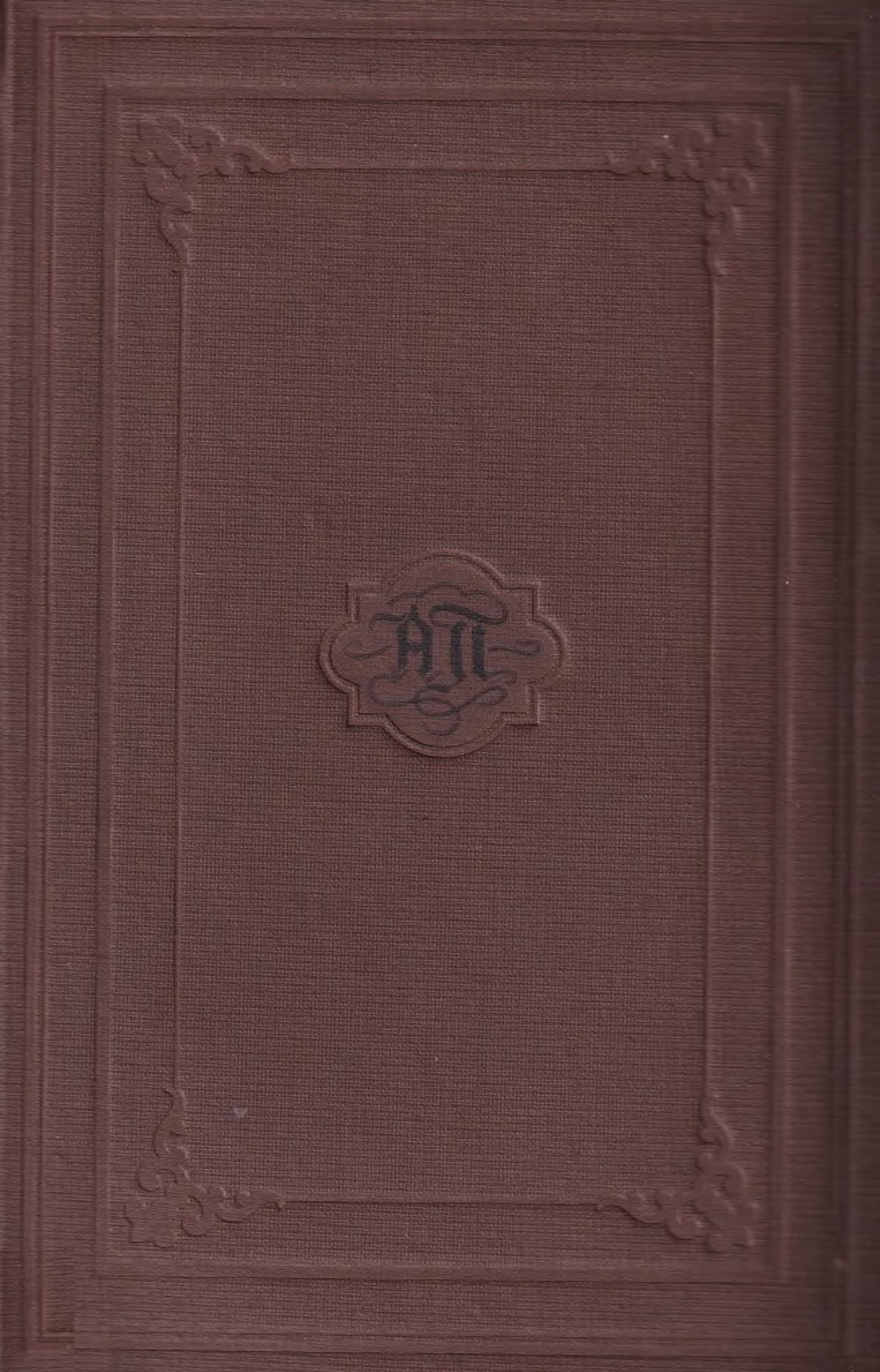

ACADEMIA

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ

А. С. ПУШКИНА

1837—1937

МОСКВА ACADEMIA ЛЕНИНГРАД

РУКОЮ ПУШКИНА

НЕСОБРАННЫЕ И НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ТЕКСТЫ

подготовили к печати и комментировали
М. А. ЦЯВЛОВСКИЙ, Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ, Т. Г. ЗЕНГЕР

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКОГО ДОМА)
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

19 ACADEMIA · 35

Переплет и супер-обложка по рисункам А. А. Толоконникова

НАПЕЧАТАНО
ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР
НЕПРЕМЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ АКАДЕМИК В. ВОЛГИН
11 апреля 1935 г.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов.

Пушкин о Вольтере

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей книги — собрать воедино тексты Пушкина, которые, не являясь «произведениями», плодом его творчества, не входят в полные собрания его сочинений.

Признание того или иного писания «произведением», продуктом творчества, достойным в качестве такового включения в собрание сочинений, часто дело весьма условное. Поэтому, если рассмотреть с этой точки зрения состав «полных собраний сочинений» Пушкина, окажется, что одна часть писаний Пушкина входит во все эти «собрания», другая часть — в одни «собрания» входит, в другие не входит, и, наконец, третья часть писаний ни в одно из «собраний» не входит.

Тексты последних двух категорий и явились предметом регистрации и изучения составителями настоящей книги.

Для выявления указанных писаний Пушкина были, страница за страницей, изучены все рукописи Пушкина. В результате этой большой, кропотливой работы было собрано значительное количество текстов, часть которых не только никогда не включалась в собрания сочинений, но и вообще не опубликовывалась.

Все эти тексты по происхождению своему могут быть разделены на две основные группы. Первую составляют тексты, находившиеся в личном архиве Пушкина, его писания интимного характера, для себя, вторую — тексты, находившиеся в архивах государственных учреждений и частных лиц, писания, по природе своей предназначавшиеся для других, писания, так сказать, публичного характера.

Деление это, до известной степени, конечно, условно. Относительно некоторых текстов трудно определить, к какой категории они должны бы быть отнесены. Так, черновики писем, написанных Пушкиным для Е. Шишковой и неизвестного, помещенные нами во второй части в качестве текстов, явно предназначенных для других, могли бы быть отнесены и в первую часть как черновики, оставшиеся в архиве Пушкина. Наоборот, исправления Пушкина в стихотворении Вяземского «К ним», помещенные во втором отделе первой части, формально, как находящиеся в архиве Вяземского, было бы правильнее поместить во второй части книги.

Тексты первой категории разбиты нами на одиннадцать групп, расположенных в порядке убывающей творческой значимости писаний.

Первый отдел составляют переводы Пушкина с иностранных языков. Лишь небольшая часть этих переводов вошла в некоторые собрания сочинений Пушкина, а семь переводов совсем не опубликовывались.

Второй отдел занимают исправления Пушкина, сделанные им в тексте других авторов, — это, во-первых, замечания Пушкина на стих П. А. Вяземского «К ним»; во-вторых, впервые публикуемые исправления в переводе Жуковского «Слова о полку Игореве» и, в-третьих, тоже впервые публикуемые исправления, сделанные Пушкиным в тексте «Воспоминаний» П. В. Нащокина. Второе — часть большой работы, проделанной Пушкиным над «Словом», свидетельствующей о глубоком интересе поэта к этому замечательному памятнику. Третье — чисто редакторская правка. Как пользовался Пушкин правом редактора, печатая чужие произведения в своем «Современнике», мы не знаем, так как рукописи этих произведений не сохранились. Тем интереснее правка Пушкина, которой он подверг синтаксически часто беспомощный, но в целом колоритнейший рассказ своего друга.

В третий отдел входят фрагменты произведений в виде черновых набросков, не приурочиваемых к произведениям, известным в печати, черновые отрывки писем, беловые тексты которых неизвестны, заметки при чтении книг (среди последних особенно интересны впервые публикуемые заметки при чтении II тома «Истории русского народа» Полевого), записи мыслей и т. п. Все эти писания или оставались до сих пор «невыявленными» в рукописях поэта, или по своей «незначительности» не включались в собрания сочинений.

В четвертый отдел входят составленные Пушкиным проекты и планы изданий собственных произведений и томов «Современника», дающие картину работ Пушкина над композицией своих книг, начиная с лицейского проекта 1816 года издания книжки стихотворений и кончая неосуществленным планом 30-х годов собрания сочинений в восьми или девяти томах.

Пятый отдел — списки собственных произведений, составлявшиеся Пушкиным по разным поводам для памяти.

Шестой отдел, самый большой по числу входящих в него номеров, составляют записи самого разнообразного содержания: интимные, «тайны письмена», по выражению Пушкина, пометы о событиях в жизни Пушкина, списки лиц, кому нужно написать письма, списки покупок вещей, адреса, рецепт, стихи народных песен с метрической схемой, тексты обложек рукописей произведений, подсчеты стихов и т. п. Из ста двух записей этого отдела тридцать одна запись печатается впервые.

В особый, седьмой, отдел выделены приходо-расходные записи, списки долгов и сметы расходов, представляющие собой исключительный по значению биографический материал, лишь частично использованный покойным П. Е. Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики».

Восьмой отдел составляют подписи к рисункам и карта Приднепровья. Как известно, многочисленные рисунки Пушкина, испещряющие сотни страниц его рукописей, обычно не имеют при себе текста. Исключение составляет лишь небольшая серия печатаемых рисунков.

В девятом отделе даны записи народных сказок и песен, впервые собранные полностью.

В десятый отдел входят, во-первых, копии, сделанные Пушкиным с текстов стихотворений русских и иностранных авторов. Копии эти — драгоценный материал для суждения о Пушкине как ценителе поэтических произведений — дополняют те высказывания поэта, какие мы находим на эту тему в его сочинениях и письмах. Затем сюда же отнесены нами выписки из книг, журналов и газет, цитаты, неиспользованные эпиграфы и копии с документов. Записи эти, в большей своей части публикуемые впервые, красноречиво свидетельствуют о тех широких умственных интересах, какими жил поэт.

Заключает первую часть книги одиннадцатый отдел — надписи на книгах: о принадлежности их Пушкину, о времени их покупки и т. п.

Вторая часть книги — писания Пушкина, хранящиеся в государственных и частных архивах — заключает в себе также одиннадцать отделов.

Первый отдел составляют переводы одиннадцати русских народных песен на *французский язык*, сделанные Пушкиным в 1836 г. для Леве-Веймара.

Во второй отдел входят записи в альбомы. Сюда относятся, во-первых, записи Пушкина прозаические («донжуанский» список и другие); во-вторых, записи собственных его стихотворений; в-третьих, записи стихотворений других авторов.

В третий отдел выделены подписи Пушкина к рисункам, находящимся главным образом в альбоме Ушаковых.

Четвертый отдел тавляют записи, сделанные Пушкиным на рукописях других лиц.

Пятый отдел составляют надписи Пушкина на книгах собственных сочинений и сочинений других авторов.

В шестой отдел входят шуточные «протоколы» празднований лицейских годовщин.

В седьмой — показания по делам о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады».

Восьмой отдел заключает в себе разного рода деловые документы — прошения, доверенности, контракты и т. п., характеризующие главным образом материальный быт Пушкина.

В девятом отделе собраны векселя и денежные обязательства, которые многократно вынужден был выдавать всегда нуждавшийся в деньгах Пушкин.

В десятый отдел вошли черновики писем, составленные Пушкиным для Н. Н. Раевского, Е. Шишковой и неизвестного.

Наконец, одиннадцатый отдел заключает в себе официальные документы, относящиеся к службе Пушкина в качестве чиновника Коллегии иностранных дел.

Тексты внутри отделов расположены в хронологическом порядке их написания. Почти все печатаемые пушкинские тексты воспроизводятся по подлинникам, причем они выделены корпусом; тексты, писанные не Пушкина рукою, набраны петитом, за исключением случаев, каждый раз особо оговоренных; петитом набраны также и комментарии к каждому отдельному номеру самостоятельного текста; переводы с иностранных языков набраны корпусом, но без шпон. Транскрипции автографов, хранящихся в Москве, сделаны Т. Г. Зенгер, а ленинградских — Л. Б. Модзалевским. Д. П. Якубовичем сделаны транскрипции и комментарий к «Роману о лисе», ленинградскому тексту «Цыганочки» Сервантеса и к выписке из Бэкона. Д. П. Якубовичем же сделана транскрипция записей в библиотеке Вольтера. И. А. Лихачеву принадлежат транскрипция московского текста «Цыганочки» Сервантеса, комментарий переводов Пушкина с испанского и перевод фрагмента «Романа о лисе» с старофранцузского языка на русский. Н. Г. Зенгеру принадлежат перевод немецкой биографии А. П. Ганнибала и комментарий к ней. Перевод двух песен Сафо и комментарий к ним сделаны М. Е. Грабарь-Пассек. Переводы французских текстов сделаны М. Г. Муравьевой, которой проделана большая работа по отысканию источников выписок и цитат Пушкина и собран материал для комментариев к ряду его записей.

Все переводы, кроме одного, английских текстов сделаны А. А. Ахматовой, один текст переведен Г. О. Винокуром.

Перевод стихотворений Мицкевича сделан Н. К. Гудзием. Запись арабских букв объяснена Л. И. Жирковым, запись турецких слов прокомментирована Б. В. Миллером, а запись еврейских букв объяснена Г. О. Винокуром.

Ценными указаниями и транскрипцией нескольких трудно читаемых мест составители обязаны С. М. Бонди. Заметка о книге Мандзони написана Б. А. Грифцовым. П. С. Поповым написан комментарий к «Маршруту от Тифлиса до Арзрума». Рецепт объяснен доктором А. П. Савельевым. Ряд справок и указаний сделаны: В. С. Арсеньевым, Н. С. Ашукиным, В. В. Виноградовым, Г. О. Винокуром, А. М. Де-Рибасом, Н. П. Киселевым, Ю. Г. Оксманом, Н. Н. Столовым, Б. В. Томашевским, М. М. Чистяковой и Н. П. Чулковым.

Хранитель рукописей Пушкина в библиотеке СССР им. Ленина Г. П. Георгиевский с неизменной готовностью оказывал свое содействие в нашей работе.

К. П. Богаевская принимала ближайшее участие в техническом оформлении оригинала набора.

Всем им приносим нашу благодарность.

М. Цявловский

10 февраля 1935 г.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А — Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Издание П. В. Анненкова. СПб. Шесть томов — 1855. Седьмой том — 1857.

Ak — Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Том первый. Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. СПб. 1899. Второе издание. СПб. 1900. Том второй. (Редакция В. Е. Якушкина.) СПб. 1905. Том третий. (Редакция В. Е. Якушкина и П. О. Морозова.) СПб. 1912. Том четвертый. (Редакция П. О. Морозова.) Пгр. 1916. Том девятый. Издание Академии Наук СССР. (Редакция Н. К. Козмина.) Первый полутом. Историко-литературные, критические, публицистические и полемические статьи и *заметки. Лгр. 1928*. Второй полутом. Примечания к историко-литературным, критическим, публицистическим и полемическим статьям и заметкам. Лгр. 1929. Том одиннадцатый. Издание Императорской Академии Наук. (Редакция В. Е. Якушкина и Н. Н. Фирсова.). Пгр. 1914.

Ал[1] — Альбом Московской Пушкинской выставки 1880 года. Издание Общества любителей российской словесности под редакцией действительного члена Льва Поливанова. М. 1887.

Ал[2] — Альбом Пушкинской выставки, устроенной Обществом любителей российской словесности в залах Исторического музея в Москве 29 мая — 13 июня 1899 г. Под наблюдением Комиссии О. Л. Р. С. по устройству Пушкинской выставки. Исполнен и издан художественной фототипией К. А. Фишера. М. 1899.

Ал[3] — Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии Наук в С.-Петербурге. Май 1899. Составлен под редакцией Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. Изд. К. А. Фишера. 1899.

АП — Сочинения Пушкина. Издание Императорской Академии Наук. Переписка под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. СПб. Том первый (1815—1826) — 1906. Том второй (1827—1832) — 1908. Том третий (1833—1837) — 1911.

Б — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений со сводом вариантов и объяснительными примечаниями, в 3 томах и 6 частях. Редакция, вступительные статьи и комментарий Валерия Брюсова. Гиз. М. 1919 (на обложке: 1920). Том первый, часть первая.

БЗ — «Библиографические Записки».

Бр — Бартенев. «Рукописи Пушкина» — «Русский Архив» 1881, I.

Бр[1] *I* — Бартенев. «Пушкин», I. М. 1881.

Бр[1] *II* — Бартенев. «Пушкин», II. М. 1885.

В — Библиотека великих писателей, под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Издание Брокгауз-Ефрона. СПб. Том I — 1907. Том II — 1908. Том III — 1909. Том IV — 1910. Том V — 1911. Том VI — 1915.

ВЕ — «Вестник Европы».

ВПД — Временник Пушкинского Дома. 1913. Временник Пушкинского Дома. 1914. Пгр. (1915).

ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (в Москве).

ГД — Гастфрейнд Н. А. «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского Главного архивов Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг.». СПб. 1900.

ГИМ — Государственный Исторический музей в Москве.

ДМ — Дневник А. С. Пушкина (1833—1835 гг.). Труды Государственного Румянцевского музея. Выпуск I. Гиз. М. 1923.

ДП — Дневник Пушкина 1833—1835. Под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьею П. Е. Щеголева. Гиз. 1923.

Е[1] — Сочинения А. С. Пушкина. Издание третье, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. Шесть томов. Изд. Я. А. Исакова. СПб. 1880.

Е[2] — Сочинения А. С. Пушкина. Издание осьмое, исправленное и дополненное, под редакцией П. А. Ефремова. Семь томов. *Изд. Ф. И.* Ан ского. М. 1882.

Е[3] — А. С. Пушкин. Полное собрание его сочинений. Издание В. В. Комарова, под редакцией П. А. Ефремова. Семь томов. СПб. 1887.

Е[4] — Сочинения А. С. Пушкина. Редакция П. А. Ефремова. Издание А. С. Суворина. СПб. Первые семь томов — 1903. Восьмой том — 1905.

ИВ — «Исторический Вестник».

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии Наук (Пушкинский Дом).

КА — «Красный Архив».

КН — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева, П. Е. Щеголева. Приложение к журналу «Красная Нива» на 1930 год. Гиз. Томы I—IV — 1930. Томы V—VI — 1931.

ЛБ — Публичная библиотека СССР им. Ленина.

М[1] — Сочинения А. С. Пушкина. Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под редакцией и с объяснительными примечаниями П. О. Морозова. Семь томов. СПб. 1887.

М[2] — Сочинения и письма А. С. Пушкина, под редакцией П. О. Морозова. Восемь томов. Изд. «Просвещение». СПб. 1903.

НП — «Неизданный Пушкин». Собрание А. Ф. Онегина, Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. Изд. «Атеней». СПб. 1922.

ОА — «Остафьевский архив князей Вяземских». I. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1812—1819. Изд. гр. С. Д. Шереметева.

Под редакцией и с примечаниями В. И. Саитова. СПб. 1899. II. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1820—1823. (Текст.) СПб. 1899. II. То же. (Примечания.) СПб. 1910. III. Переписка кн. П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. 1824—1836. (Текст.) СПб. 1899. III. То же. (Примечания.) СПб. 1908.

ОП — «Пушкин». Статьи и материалы под редакцией М. П. Алексеева. Одесский Дом ученых. Пушкинская комиссия. Одесса. Выпуск I — 1925. Выпуск II — 1926. Выпуск III — 1926.

П — Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР. Гиз. Том I (1815—1825) — 1926. Том II (1826—1830) — 1928.

ПБЛ — Публичная библиотека РСФСР им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

ПГ — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, под общей редакцией Демьяна Бедного, А. В. Луначарского, П. Н. Сакулина, В. И. Соловьева и П. Е. Щеголева. ГИХЛ. 1931.

ПК — «Песни, собранные П. В. Киреевским» (новая серия), изданные Обществом любителей российской словесности при Императорском Московском университете, под редакцией В. Ф. Миллера и М. Н. Сперанского. Выпуск I (Песни обрядовые). М. 1911. Под редакцией М. Н. Сперанского. Выпуск II, часть 2 (Песни необрядовые). М. 1929.

ПП — Письма Пушкина и к Пушкину. Новые материалы, собранные книгоиздательством «Скорпион». Редакция и примечания Валерия Брюсова. М. 1903.

ПС — «Пушкин и его современники». Материалы и исследования. Повременное издание Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб. [под ред. Б. Л. Модзалевского.] Вып. I — 1903. Вып. II — 1904. Вып. III — 1905. Вып. IV — 1906. Вып. V—1907. Вып. VI, VII и VIII — 1908. Вып. IX—X — 1910. Вып. XI—XII — 1909. Вып. XIII — 1910. Вып. XIV—XV — 1911. Вып. XVI, XVII—XVIII — 1913. Вып. XIX—XX — 1914. Вып. XXI—XXII — 1915. Вып. XXIII—XXIV и XXV—XXVII — 1916. Вып. XXVIII—1917. Вып. XXIX—XXX — 1918. Вып. XXXI—XXXII — 1927. Вып. XXXIII—XXXV — 1923. Вып. XXXVI — 1923. Вып. XXXVII — 1928. Вып. XXXVIII—XXXIX — 1930.

ПХ — Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово (1827—1832). Труды Пушкинского Дома. Выпуск XLVIII. Издательство Академии Наук СССР. Лгр. 1927.

РА — «Русский Архив».

РП — Л. Б. Модзалевский. «Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде», Труды Пушкинского Дома Академии Наук СССР и Пушкинского комитета Государственного института истории искусств. Изд. «Academia». Лгр. 1929.

РС — «Русская Старина».

СД — С. С. Сухонин. «Дела III Отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине». СПб. 1906.

СН — «Старина и Новизна».

СО — «Сын Отечества».

СПД — «Сборник Пушкинского Дома на 1923 год». Гиз. Пгр. 1922.

ТМ — Театральный музей имени А. А. Бахрушина в Москве.

УА — Ушаковский альбом, хранящийся в Публичной библиотеке СССР им. Ленина.

ЦМЛ — Центральный музей художественной литературы, критики и публицистики (в Москве), ныне — Государственный Литературный Музей.

Ш — И. А. Шляпкин. «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина». СПб. 1903.

ЩМ — П. Е. Щеголев. «Пушкин и мужики». По неизданным материалам. Изд. «Федерация». М. [1928.]

ЩП[1] — П. Е. Щеголев. «Пушкин». Очерки. Изд. «Шиповник». СПб. 1912. Книга с заглавным листом: П. Е. Щеголев. Пушкин. Очерки. Издание второе. Удостоено Пушкинской премии Императорской Академии Наук. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова (СПб.) s. a. напечатана с того же набора, с какого напечатано первое издание, и поэтому нами на это издание ссылок не делается.

ЩП[3] — «Из жизни и творчества Пушкина». Издание третье, исправленное и дополненное. Гиз. 1931.

Э — Абрам Эфрос. «Рисунки поэта». Изд. «Федерация». М. 1930.

Я — В. Е. Якушкин. «Рукописи Александра Сергеевича Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве» — «Русская Старина» 1884, № II—XII.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕКСТЫ В АРХИВЕ ПУШКИНА

I

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДЫ

Собранные здесь тексты являются упражнениями Пушкина при изучении им языков — начиная с записей букв, отдельных слов и выражений и кончая обработанными переводами. Из последних не включены в отдел «Записки Моро де Бразе», «Джон Теннер» и все стихотворные переводы, печатающиеся во всех собраниях сочинений Пушкина.

Прежде всего поражает обилие языков, которых в той или иной степени касался Пушкин. Французский, старофранцузский, итальянский, испанский, английский, немецкий, древнегреческий, латинский, древнерусский, церковнославянский, сербский, польский, украинский, древнееврейский, арабский, турецкий — шестнадцать языков.

С французского Пушкин перевел отрывок из очерка английской литературы Шатобриана, с старофранцузского — отрывок «Романа о лисе», с испанского — два отрывка из «Цыганочки» Сервантеса, с английского — отрывки из «Гяура» и «Чайльд Гарольда» Байрона, из «Странника» Вордсворта, из «Марциана Колонна» Барри Корнуола и неизвестный фрагмент, с немецкого — биографию Ганнибала, с греческого — начало «Одиссеи» Гомера, с латинского — отрывок из X сатиры Ювенала, с церковнославянского — отрывок из «Песни песней» царя Соломона, с сербского — отрывок песни «Три печали» из сборника Вука Караджича и, наконец, с турецкого — отдельные слова и выражения.

Из всех этих языков Пушкин в совершенстве владел лишь французским. Известны слова французского исследователя русской литературы графа Алексея Сен-При о том, что «слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю».[1]

При глубоком знании французского языка, при интересе Пушкина к истокам литературы, к фольклору, Пушкин делает перевод на современный ему французский язык со старофранцузского (Роман о Лисе) и, наконец, на французский для своего знакомого Леве-Веймара переводит одиннадцать русских народных песен, переводит в прозе, чтобы в возможно точном виде дать французу понятие о русской народной поэзии.

Вот что писал современник, очевидно Сенковский, об изучении Пушкиным языков: «Из языков он тогда в Лицее знал один только фран-

---

[1] См. П. И. Бартенев. «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии» — «Московские Ведомости» 1854, № 71, стр. 7 отд.отт.

цузский и весьма слабо латинский. После, уже в зрелом возрасте, выучился по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-польски, и то в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы. В самом чтении он отличался тою же быстротою соображения и проницательностью, которые давали ему возможность и на зеленой лавке равняться в успехах с прилежнейшими товарищами: часто, не понимая буквально Шекспира, Гете, Байрона, он угадывал их, постигал и толковал вернее и остроумнее, чем иногда хорошие знатоки языка, переводчики и комментаторы по званию».[1] Относительно знания Пушкиным итальянского языка исследователи этого вопроса, после сомневавшегося Корша, сошлись на том, что Пушкин этот язык знал. Разногласие могло быть только о степени знания этого языка.[2] Между тем выписка Пушкина, как теперь выяснилось, из Манцзони,[3] сделанная с середины абзаца в конце книги, говорит, что он прочел эту книгу, — значит, к 1835 году свободно читал по-итальянски.

Сенковский не говорит, что Пушкин занимался испанским языком, но об этом писал отец поэта в своей ответной статье на биографию его: «Справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по испански».[4] Следы этих занятий находим в рукописях поэта, где имеются два переводных отрывка из новеллы Сервантеса «Цыганочка» («La Gitanilla») Занятия эти относятся к весне 1832 года.

Английским языком Пушкин специально занимался,[5] и свидетельством этого является ряд переводов с 1821 до 1836 года.

Немецкому языку в детстве, как сообщает в своих воспоминаниях О. С. Павлищева, Пушкин не учился. В записи этих воспоминаний сказано: «Немецкого же учителя у них ⟨т. е. у Ольги и Александра Пушкиных⟩ никогда не бывало; была одна гувернантка немка, но и та всегда говорила по-русски».[6] Не лучше обстояло и в Лицее, где немецкий язык и даже немецкая литература преподавались на французском языке.[7]

---

[1] «Портретная и биографическая галлерея словесности, наук, художеств и искусств в России». I, Пушкин-Брюллов. СПб. 1841, стр. 2.

[2] Смотри работы: Ф. Е. Корша в *ПС* VII, Ю. Н. Верховского в *ПС* XII, В. Я. Брюсова в *РА* 1908, XII, М. Н. Розанова «Пушкин и Данте» в *ПС* XXXVII, стр. 15—17. Ср. другие работы М. Н. Розанова: «Пушкин и Петрарка» («Московский пушкинист», II, 1930, стр. 116 сл.), «Пушкин и Гольдони» (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 1930, стр. 141 сл.) и «Об источниках стихотворения Пушкина „Из Пиндемонте"» («Пушкин». Сборник второй, под ред. Н. К. Пиксанова, 1930, стр. 111 сл.).

[3] См. стр. 555—556.

[4] «Отечественные Записки» 1841, XV, стр. I—IV «Особого приложения».

[5] См. статью М. А. Цявловского «Пушкин и английский язык» — *ПС* XVII—XVIII.

[6] «Воспоминания о детстве А. С. Пушкина, со слов его сестры О. С. Павлищевой». Рукопись хранится в Литературном музее в Москве.

[7] «Записка графа Корфа» в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». СПб. 1899, стр. 231.

О своем знании немецкого языка сам Пушкин говорил Ксенофонту Полевому: «Только с немецким не могу я сладить. Выучусь ему и опять всё забуду: это случалось уже не раз».[1] Говорить это мог Пушкин не ранее осени 1826 года, когда он впервые познакомился с Полевым в Москве. А о 1826 же годе рассказывает и Шевырев: «Гете и Шиллера он не читал в подлиннике».[2] Поэтому нельзя сказать, на каком языке он читал «Фауста». Возможно, что со слов Полевого писал и Булгарин в 1833 году: «Пушкин даже не мог постигнуть всех красот немецкой поэзии, ибо он не столь силен в немецком языке, чтобы понимать красоты пиитического языка»; и еще: «Может быть А. С. Пушкин теперь и понимает совершенно Байрона и Гете в подлиннике, но когда он начал писать, он не знал столько ни английского, ни немецкого языка, чтобы понимать высшую поэзию. Это всем известно».[3]

Если не считать перевода из Шиллера («Пуншевая песня»), возможно, принадлежащего Льву Сергеевичу Пушкину, и эпиграфов из Гете и Виланда, то у нас имеется лишь один документ, свидетельствующий об обращении Пушкина к немецкому языку, — это перевод биографии Ганнибала с немецкого на русский язык.[4]

О занятиях Пушкина греческим языком не было никаких сведений. В письме к Н. И. Гнедичу от 6 января 1830 года Пушкин писал: «Незнание греческого языка мешает мне приступить к полному разбору Илиады вашей». Выписка первых строк Одиссеи и попытка перевода их указывают на какие-то начальные занятия.

О латинском языке мы знаем больше. Тот же Ксенофонт Полевой сообщает следующее: «Уже во время славы своей он выучился, живя в деревне, латинскому языку, которого почти не знал вышедши из Лицея».[5] Полевой разумеет очевидно занятия Пушкина латинским языком в тридцатых годах, потому что вот что сам поэт писал в 1830 году: «С тех пор как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык».[6]

Первый известный нам перевод Пушкина с латинского языка «Мальчику» из Катулла сделан 18 февраля 1832 года. Как этот, так и другие переводы латинских поэтов сделаны Пушкиным если не с французского перевода, то во всяком случае при его посредстве. В библиотеке Пушкина имелась серия изданий латинских писателей, где латинский текст напечатан en regard с французским переводом. Попытка перевести стихи

---

[1] «Живописное Обозрение» 1837, III, л. 10, № 80.
[2] Л. Н. Майков. «Пушкин». СПб. 1899, стр. 330.
[3] «Сын Отечества и Северный Архив» 1833, т. 33, № 6.
[4] См. стр. 34 — 38.
[5] М. А. Цявловский. «Книга воспоминаний о Пушкине». М. 1931, стр. 370.
[6] Заметки об «Евгении Онегине» («Шестой песни Онегина не разбирали»).

Ювенала непосредственно с латинского была оставлена в самом начале, и стихотворный перевод Пушкин сделал, конечно, больше руководствуясь французским текстом, чем латинским.

С помощью французских переводов Пушкин латинских писателей понимал прекрасно, о чем свидетельствует рассказ Соболевского о том, как «Сергею Сергеевичу Мальцеву, отлично знавшему по-латыни, Пушкин стал объяснять Марциала. Тот не мог надивиться верности и меткости его замечаний. Красоты Марциала ему были понятнее, чем Мальцеву, изучавшему поэта».[1] Эта встреча относится к тридцатым годам. О гениальном даре Пушкина постигать иностранных поэтов даже при небольшом знании языка свидетельствуют и Сенковский, и Ксенофонт Полевой и Шевырев.

Очень интересен рассказ Нащокина, записанный Бартеневым: «Пушкин был человек самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гульянов, встретясь с ним у Нащокина, не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гульянова своими светлыми мыслями, некоторыми верными замечаниями. Раз, Нащокин помнит, у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих с в е т, б л е с к, слышится буква „л"».[2]

Интересовался Пушкин и славянскими языками. Знание церковнославянского языка было естественно для каждого грамотного человека сто лет назад. Библия была читаемой книгой. На русском языке ее еще не было,— ее читали на французском или церковнославянском языке. Пушкин, сидя в Михайловском, в ссылке, несколько раз писал, чтобы ему прислали две библии, т. е. на этих двух языках. Еще в 1821 году сделал он перевод из «Песни песней» царя Соломона с церковнославянского языка. Занимался Пушкин и древнерусским языком, и им проделана большая работа над текстом «Слова о полку Игореве».

С сербского языка Пушкин перевел две «Песни западных славян», а материалом для третьей была книга Вука Караджича.

Списанные Пушкиным в свою рабочую тетрадь стихотворения Мицкевича свидетельствуют, насколько непривычно было для Пушкина писание на польском языке, и вместе с тем сделанные в это же время переводы баллад Мицкевича доказывают понимание польского подлинника.

Украинский язык встречается в рукописях Пушкина однажды. Им записаны четыре стиха из песни, вошедшей в сборник украинских песен Максимовича 1834 года.

Были у Пушкина попытки ознакомления с древнееврейским и с восточными языками. Так, в марте 1832 года поэт сделал запись еврей-

---

[1] М. А. Цявловский. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым». М. 1925, стр. 39 и 105.

[2] Там же, стр. 39.

ской азбуки; язык этот Пушкин, по собственному признанию, хотел изучить для того, чтобы переводить Книгу Иова.[1]

Пушкиным записано несколько обиходных выражений на турецком языке в русской и французской транскрипции, с французскими переводами. Сделано это было во время пребывания поэта в Кишиневе. Более интересны запись арабских букв с объяснением фонетики их и попытка записи арабского слова.

Изучение языков у Пушкина не носило систематического характера, но в его библиотеке отдел языкознания занимает видное место.[2] Анализ и характеристика книг этого отдела (как впрочем и всех других) — благодарная задача для будущих исследователей.

Характерным для Пушкина приемом перевода был следующий: непонятные в переводимом тексте слова он писал в переводе на языке оригинала или же ставил временно, начерно слова, которые нужно было впоследствии заменить другими. Во всех таких случаях сомнительные слова подчеркивались Пушкиным для памяти. Иногда непонятные слова выписывались отдельно, чтобы не задерживать работу, и потом уже находили себе соответственный перевод. Нередко русские переводы Пушкина пестрят французскими словами, свидетельствующими о том, что поэт думал по-французски. Любопытно отметить, что Пушкин почти всегда брал текст для перевода с начала какого-нибудь произведения, как бы оставляя себе *надежду*, что он когда-нибудь закончит его перевод. Это говорит о больших планах поэта, но долго быть «почтовой лошадью просвещения» он не мог.

Не случайным кажется нам, что именно тридцатые годы, отмечаемые убылью лирического творчества Пушкина, заполнялись жадным изучением языков и стихотворными художественными переводами.

Транскрипция №№ 1, 2, 6, 13, 15 и 16 сделана Л. Б. Модзалевским, №№ 3, 5, 8, 12 и 14 — мною, № 4 — С. М. Бонди и Л. Б. Модзалевским, № 5 (немецкий текст) — М. Г. Муравьевой и мною, №№ 7 и 9 — Д. П. Якубовичем, № 8 — И. А. Лихачевым, № 10 — М. А. Цявловским, № 11 — С. М. Бонди и мною

Комментарий к переводу Пушкина из «Гяура» Байрона (№ 1), из «Песни песней» (№ 3), к тексту, автор которого неизвестен (№ 4), к переводу из Вордсворта (№ 11), из сербской песни (№ 12), из Бари Корнуола (№ 13), из «Чайльд Гарольда» Байрона (№ 14), из Шатобриана (№ 16) сделаны мною. Комментарий к переводу Пушкина биографии Ганнибала (№ 5) принадлежит Н. Г. Зенгеру, к переводу турецких слов (№ 2) — Б. В. Миллеру, к записи еврейских букв (№ 6) — Г. О. Винокуру, к пере-

---

[1] Из письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову от 12 октября 1832 г. См. *РА* 1883, № 12, стр. 535.

[2] См. Систематический каталог библиотеки Пушкина. *ПС* IX—X, стр. 429.

воду «Романа о Лисе» (№ 7) — Д. П. Якубовичу и И. А. Лихачеву (последние шесть абзацев), к переводам из Сервантеса (№№ 8—9) — И. А. Лихачеву с моим участием, к переводам из Одиссеи (№ 10) и из Ювенала (№ 11) — М. А. Цявловскому, к записи арабских букв (№ 17) — Л. И. Жиркову и мне. Французский текст переведен (№ 1) М. Г. Муравьевой, английский (№№ 1, 11 и 13) — А. А. Ахматовой, немецкий (№ 5) — Н. Г. Зенгером, сербский (№ 12) — С. М. Бонди, старофранцузский (№ 7) — И. А. Лихачевым, которым сообщен и оригинальный текст.

Т. Зенгер

1.

Байрон. «Гяур»

traduction litterale

pas un souffle d'air pour briser ce flot, qui roule sur la greve d'Athenes; pres de cette tombe [qui] [apparait] élevée [haut] sur le rocher (стремнина) [sur la] [de] premier objet et que salue [le premier] sur cette terre qu'il sauva en vain le vaisseau qui s'en revient: quand revivra un tel herois?

. . . . .

.... Doux climat! où chaque saison sourit doucement sur les ⟨*нрзбр*⟩ iles benies qui vues des hauteur de Colonna enchantent le coeur, qui rejouit l'oeil et l' ⟨*нрзбр*⟩ plonge [sur] dans une contemplation rêveuse.

La la surface riante de l'Ocean réflecte

Перевод:

буквальный перевод

ни одного дуновения воздуха, чтобы разбить этот вал, накатывающийся на Афинский берег; близ этой могилы [которая] [является] воздвигнута [высоко] на скале (стремнина) [на] первый предмет и который приветствует [первый] на этой земле, напрасно им спасенной, корабль оттуда возвращающийся, когда возвратится к жизни такой герой?

. . . .

....Мягкий климат! где всякое время года сладостно улыбается на *нрзбр* благословенные острова, которые когда видишь их с высоты Колоны, очаровывают сердце, которое радует глаз и *нрзбр* окунает [на] в мечтательное созерцание.

Там смеющаяся поверхность океана отражает

Автограф находится в *ИРЛИ* (№ 363), куда поступил из Онегинского собрания (*ПС* XII, 20—21, № 53). Текст написан на третьей странице сложенного пополам полулиста писчей бумаги с водяным знаком фабрики Хлюстиных и годом ...8 (т. е. 1818).

На смежной странице в том же направлении написан черновой текст начала «Братьев-разбойников» («Не стая воронов слеталась»), датируемого 1821—1822 гг. Те же чернила и почерк позволяют так же датировать и перевод.

Впервые напечатано, до слов «d'Athènes», в указанном номере *ПС*. Целиком текст напечатан Морозовым в *Ak* III, 190, в *B* VI, 178 и затем в *НП* в обоих изданиях.

Оригиналом перевода Пушкину послужили начальные двенадцать с половиной строк «Гяура» Байрона, читающиеся в оригинале так:

The Giaour

No breath of air to breack the wave
That rolls below the Athenian's grave,
That tomb which, gleaming o'er the cliff,
First greets the homeward-veering skiff,
High o'er the land he saved in vain;
When shall such hero live again?
. . . .
Fair clime! where every season smiles
Benignant o'er those blessed isles,
Which, seen from far Colonna's height,
Make glad the heart that hails the sight
And lend to loneliness delight.
There mildly dimpling, Ocean's cheek
Reflects ⟨the tints of many a peak
Caught by the laughing tides that lave
These Edens of the eastern wave⟩

Перевод:

В воздухе нет дуновения, которое могло бы разбить волну,
Катящуюся к подножию могилы афинянина,
К той гробнице, что высоко над страной,
Спасенной им напрасно, блестит на утесе
И первая приветствует плывущий на родину корабль.
Когда вновь будет жить такой герой?
. . . .
Прекрасный край, где каждое время года улыбается,
Благосклонное к благословенным островам,
Которые, когда их завидишь с далекой высоты Колонны,
Веселят сердце, приветствующее этот вид,
И дарят усладу одиночеству.

Там нежно улыбающаяся щека океана
Отражает ⟨оттенки горных вершин,
Пойманных смеющимися потоками, которые омывают
Сии Эдемы восточного моря⟩

Вслед за дословным французским переводом в рукописи поэта имеется попытка переложить его в русские стихи. Из чернового наброска вычитываются три стиха: [1]

Нет ветра — синяя волна
На прах Афин катится [2]

Высокая могила зрится

но и начало это было отвергнуто Пушкиным, и он перечеркнул его. Еще Морозов в своей публикации текста (*Ak* III, 191) отметил неточность перевода Пушкина: английское слово *grave — могила* он передает французским *la grève — берег*. Но любопытно, что в русском переводе он передал правильный смысл словом *прах*.

Это — первый из известных нам переводов Пушкина. Может быть, относится он даже к 1820 г., когда Пушкин в Гурзуфе занимался с Н. Н. Раевским изучением английского языка (см. статью М. А. Цявловского «Пушкин и английский язык» в *ПС* XVII—XVIII).

Пушкин очень любил «Гяура» Байрона, находя его достоинства «в пламенном изображении страстей», так что его выбор даже для начальных занятий не случаен. Байрона он считал прежде всего «певцом Гяура и Жуана», «певцом Леилы». Оригинальность Байрона он видел в «Чайльд-Гарольде», «Гяуре» и «Дон Жуане». 1 декабря 1823 г. Пушкин писал А. И. Тургеневу и спрашивал о Жуковском: «Правда ли, что он переводит Гяура?» В середине июня 1824 г. поэт писал Вяземскому по поводу смерти Байрона: «Гений Байрона бледнел с его молодостью. — В своих трагедиях, не выключая и Каина, он уж не тот пламенный Демон, который создал Гяура и Чильд Гарольда», и еще к нему же в середине апреля 1825 г.: «... Европеец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. — Вот почему Байрон так и прелестен в Гяуре, в Абидосской невесте и проч.». Наконец, благодаря А. П. Керн за присылку ему в деревню последнего издания Байрона, Пушкин писал ей (8 декабря 1825 г.): «Байрон получил в глазах моих новую прелесть, — все героини его облекутся в моем воображении в черты, забыть которые невозможно. Вас буду видеть я в Гюльнаре и в Леиле: самый идеал Байрона не мог быть более божественно прекрасен».

---

[1] Печатается в том или ином виде в собраниях сочинений Пушкина начиная с *Ak* III.

[2] Стих явно неполный. Третий стих не написан.

2.

Перевод турецких слов

Гетирь		apportez
bré		Holà
capii capà		fermez la porte
iok		нѣту
calmadì		— — — уже
mahamerôlane		je vous remercie
verbana		donnez moi
Guzèl		
Eck meck		
Sabanis Hairolsun		[que] heureux jour b j
[Hozgeldin		[le bien venu]
= = = = buldum		&
	buldou	avez vous trouvé
bulmadi		je ne l'ai pas trouvé
Ke fe nisi imi	—	votre santé?
[Ch] [Chukir] Sukir		bien
à baamanet		à Dieu
bas		tête
verbana sick meck		donnez moi
		pour boire

Даем перевод французских слов.

Apportez — принесите; Holà — эй; fermez la porte—затворите дверь; je vous remercie — благодарю вас; donnez moi — дайте мне; heureux jour — счастливый день; b j — bon jour — добрый день; le bien venu — дорогой гость; avez vous trouvé — нашли ли вы?; je ne l'ai pas trouvé — я его не нашел; votre santé? — ваше здоровье?; bien — хорошо; à Dieu — прощай (с богом); tête — голова; donnez moi pour boire[1] — дайте мне пить.

Автограф хранится в *ИРЛИ* под №410. Бумага ветхая с водяным знаком: J. Wha⟨tman⟩; листок разорван пополам. Кроме записи, на нем большое количество рисунков. Печатается впервые. Факсимильно воспроизведено в Пушкинском номере «Литературного Наследства», стр. 275—276, при статье Б. В. Томашевского. Здесь текст записи Пушкина сопровождается

[1] У Пушкина описка: «pour» вместо «à».

обстоятельным лингвистическим анализом Н. К. Дмитриева (стр. 319—320). Текст представляет собою запись турецких слов с переводом их на французский язык.

На основании рисунков, имеющихся на листке, запись нужно датировать 1821 г. В 1929 г. во время поездки в Закавказье, Пушкин вспомнил одну фразу из своей кишиневской записи.

В «Путешествии в Арзрум» поэт рассказывает, как он в ответ на непонятные речи турецкого старшины отвечал одно: *вербана ат* (дай мне лошадь).

Передаю слова, записанные Пушкиным, тем латинским алфавитом, который в настоящее время (с 1928 г.) принят в Турции, вместо бывшего арабского, и который довольно близко передает фонематику турецкого языка.

Прилагаю точный перевод разобранных турецких слов:

getir — принеси.
bre — ну, ты! эй! ну!
kapîyî kapa — дверь закрой!
yok — нет
kalmadî — он не остался (может быть понято: «уже не осталось»).
muammer olun(uz) — будьте долговечны!
ver bana — дай мне.
güzel — красивый.
ekmek — хлеб.
sabahiniz hayîr olsun — утреннее приветствие («утро ваше да будет во благо!»).
hoşgeldin — добро пожаловать!
buldum — я нашел.
buldun — ты нашел.
bulmadî — он не нашел. «Je ne l'ai pas trouvé» было бы «onu bulmadim»,
keyifiniz iyi mi — как ваше здоровье? (буквально: «здоровье ваше хорошо ли?»).
şükür — благодарю (буквально: благодарность).
à baamanet текста — малопонятно. Emanet — значит «препоручение», «отдача на хранение», — здесь, очевидно, богу (формула прощания).
baş (баш) — голова. У Пушкина — bas (бас).
ver bana sikmek — дай мне соїге — фраза построена грамматически неправильно.

Вышеприведенные слова и фразы воспроизводят так называемый османско-турецкий язык, распространенный в Турции. Записал их Пушкин в Бессарабии. В его эпоху как в соседней Молдавии, так и в ней самой турецкий язык был еще достаточно распространен.

3.

Соломон «Песнь песней»

Пѣснь пѣсней царя Соломона

с
Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ [т]воихъ. Перси твои приятнѣе вина и запахъ мvра твоего лучше всѣхъ ароматъ — имя
лъ я
твое сладостно какъ изліанное мvро. для этого, юная возлюбиша
ебя
тя

Лобзай меня, твои лобзанья
Мнѣ слаще мvра и вина

[во мнѣ] въ крови горитъ огонь
[Тобой] кипятъ [любви] желанья,
Душа тобой упоена;

Автограф находится в тетради № 2365, л. 53. Текст этот представляет собой прозаический перевод Пушкина из Библии (первые два стиха первой главы «Песни песней» царя Соломона) с церковнославянского языка. Четыре же стиха — переложение этого перевода в стихи. Окончательным плодом этой работы было стихотворение Пушкина «В крови горит огонь желанья». Оригинал для перевода Пушкина читается так:

«Да лобжет мя от лобзаний уст своих: яко блага сосца твоя паче вина. И воня мvра твоего паче всех аромат. Мvро излиянное имя твое: сего ради отроковицы возлюбиша тя».

Весь текст написан Пушкиным сразу, кроме поправки в конце прозаического текста и слов «в крови горитъ огонь», вписанных другими чернилами. Под этим текстом расположены два списка произведений 1821 и 1822 гг. (см. стр. 274), датируемые 1822 г. Таким образом прозаический перевод «Песни песней» и первая редакция четырех стихов написаны в 1822 г.; Пушкиным же стихотворение «В крови горит огонь желанья» датировано 1825 г., когда, возможно, оно и было завершено.

Впервые напечатано Якушкиным (*Я* IV, 103).

Любопытно, что когда уже в тридцатых годах Пушкин высказывался против славянизмов в русском языке, он вспомнил это переведенное им из Библии место: «Убедились ли мы, что славянский язык не есть язык русский, и что мы не можем смешивать их своенравно, что если многие слова, многие обороты счастливо могут быть заимствованы из церковных книг в нашу литературу — то из сего еще не следует, чтобы мы могли писать «да лобжот мя лобзанием» вместо «цалуй меня etc» (см. черновой текст к так называемым «Мыслям на дороге» *Ak* IX, примеч. стр. 524)

4.

Въ началѣ [міра] [все] не было ни
жизни, ни свѣта — земля [и во] была
ю
разведена вода[ми] — воздухъ не
густо и
движимъ. Небо, √черно [вдругъ]
блеснула яркая
вдругъ На небѣ [загорѣлась] точка, она
[была]
разгоралась болѣ и болѣ и стало солнце.
[голубое]
міръ освѣтился — небо [стало чисто] [и]
[цвѣтомъ] е
стало прозрачно-голубо[ва] [цвѣт] земля
у солнце двинулось
[о]далилась отъ воды — √и вѣтры
\+ ы и
повѣяли — таков[ъ] был[ъ] первый
и первая ночь
день [міра].

Солнце [з] зашло за край міра
новый міръ испуг
и все померкло снова, [но не прежнимъ]
тысячи хъ
тогда заблистали новы[я] точки и
съ другого края міра явилась луна
чтобъ успокоить +

(оборот листка)

[На др. день]
и вѣтры повѣяли
[Солнце взошло снова]. Земля вспотѣла
[дно] травы, деревья
[даже] [и воды] и породила мно[го] жи
жо
вотныхъ —

[На третій день] согрѣлось дно водное
и породило рыбъ —

вы
[На 4 день] Птицы [при]летѣли изъ
облаковъ и сѣли на вѣтви древесныя
произвело
Такъ Солнце [породило] [все] свѣтъ и жизнь.

Автограф из Майковского собрания (№ 94) находится в *ИРЛИ* № 593 (см. *ПС* IV, 22, № 5). Он написан с двух сторон четвертки голубой бумаги верже с водяным знаком Ф. Д. Я. На обороте жандармская помета «37».

Почерк середины двадцатых годов. Возможно, что листок этот вырван Пушкиным из тетради, ныне № 2365 или № 2367 Ленинской библиотеки в Москве.

Печатается впервые. Текст представляет собою, повидимому, опыт перевода, вероятнее всего с какого-то английского источника, установить который пока не удалось.

5.

Биография А. П. Ганнибала

А⟨брамъ⟩ П⟨етровичъ⟩ Ан⟨нибалъ⟩ былъ дѣйствительно заслуженный Генералъ въ Имп⟨ераторской⟩ Русской службѣ, кавал⟨еръ⟩ орд⟨еновъ⟩ Алекс⟨андра⟩ Невск⟨аго⟩ и Ан⟨ны⟩. Родомъ
въ
былъ африканскій арапъ изъ Абиссиніи, сынъ тогдашнія вре-
въ
мена сильнаго Владѣльца Абиссиніи, столь гордаго своимъ произхожденіемъ, что выводилъ оное прямо отъ Аннибала.
Сей Владѣлецъ
[Этотъ *нрзбр*] былъ Вассаломъ Отом⟨анской⟩ Имп⟨еріи⟩ въ концѣ прошедшаго столѣтія, взбунтовавшагося противу Тур⟨ецкаго⟩ Правл⟨енія⟩, вмѣстѣ со многими другими князьями, утѣсненными налогами. Послѣ многихъ жаркихъ битвъ сила побѣ-
8 лѣтъ
дила. И сей Ганнибалъ какъ меньшой сынъ Влад⟨ѣльца⟩, вмѣ-
юношами
стѣ съ другими знатными [отроками] былъ отвезенъ въ залогъ въ Конст⟨антинополь⟩. Жребій сей долженъ былъ миновать отрока. Но мать его была послѣдняя изъ 30 женъ Афр⟨иканскаго⟩ Владѣльца — Проччія Княгини, поддержанныя своими свя-

зями, чрезъ интриги родственниковъ, обманомъ посадили его
единственная, любимая
на корабль, назначенный для отвоза залоговъ. — Сестра его, старѣе его нѣсколькими годами, имѣла довольно духа, чтобъ бороться за него. — Она уступила силѣ, проводила его до лодки, надѣясь просьбами его избавить или изкупить жертвою всѣхъ своихъ драгоцѣнностей. — Но видя, что всѣ ея старанія были тщетны, бросилась она въ морѣ и утонула. — Въ самой глубокой старости текли слёзы его въ воспоминаніи люб-
всегда
ви и дружбы — и живо и ново представлялась ему сія картина. — Вскорѣ послѣ привезенъ былъ А⟨ннибалъ⟩ въ Конст⟨антинополь⟩, и вмѣстѣ съ другими юношами принятъ въ сераль Султана, гдѣ пробылъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ.

Петръ имѣлъ горесть видѣть, что подданные его опорствовали [1] къ просвѣщенію, желалъ [имѣть] показать симъ примѣръ надъ совершенно чуждою породою людей и писалъ къ своему посланнику чтобъ онъ прислалъ ему Арапчика съ хорошими способностями — Сей (за одно съ Визиремъ) съ немалой опасностію прислалъ ему 3. [Из] Между тѣмъ одинъ изъ его братіевъ наслѣдовалъ ихъ престарѣлому Отцу. Въ сіе время посланникъ послалъ Ибрагима Аннибала, другова арапа, и еще одного Рагузинца. Имп⟨ераторъ⟩ былъ чрезвычайно доволенъ и
его
принялся съ большимъ вниманіемъ за [ихъ] воспитаніемъ, [2] придерживаясь главной своей мысли. Петръ, по своей прозорливости, увидѣлъ тотчасъ разположенія дѣтей, ⟨Аннибала⟩ [какъ
илъ
живого, смѣлаго назнач[еннаго] въ военную службу, Рагузинца тихаго, разсудительнаго, глубокомысленнаго въ статскую — и сей былъ извѣстенъ въ послѣдствіи подъ именемъ Графа Рагузинскаго.

Ган⟨нибалъ⟩ неразлучный съ Императоромъ спалъ то въ его кабинетѣ, то въ его токарнѣ, и вскорѣ потомъ сдѣлался тайнымъ секретаремъ своего Имп⟨ератора⟩. — Государь имѣлъ

[1] *Описка: вместо* упорствовали.
[2] *Описка: вместо* воспитаніе.

ъ

всегда надъ своей постелью Аспидную доску; ~~~~~~~~~ госу-
приходившія ему мысли
дарь писалъ ночью V, а Ан⟨нибалъ⟩ утромъ переписывалъ [и от] и разсылать [1] по разнымъ коллегіямъ. — Государь былъ день ото дня болѣе убѣжденъ дарованіями сего юноши, и подъ собственнымъ своимъ надзоромъ далъ ему лучшихъ учителей — особенно математиковъ. — Сіи занятія продолжались безпрерывно, въ самыхъ трудахъ и походахъ Имп⟨ератора⟩ до 1707, гдѣ онъ въ Польшѣ крещенъ — Государемъ и Королевою Польскою, супругою Августа II. Онъ получилъ имя Петра, но имѣя уже привычку называться Ібрагимомъ, съ позволенія Петра подписывался вездѣ Ібрагимомъ — хотя въ книгѣ свидѣтельства церковнаго названъ Петромъ, а какъ Имп⟨ераторъ⟩ заступалъ ему мѣсто отца — Петр⟨омъ⟩ Петровичемъ. —

Въ сіе время братъ его, полагая его въ Конст⟨антинополѣ⟩ и вѣроятно побужденной къ тому матерью сего послѣдняго — по-
ъ
слалъ братіевъ для изкупленія сего новаго Іосифа. — Он[и]
ъ
пріѣхал[и] и въ Петербургъ, [по Ганн] но, къ сожалѣнію двухъ братіевъ горячо простившихся на вѣки Петръ его не отпустилъ. Въ послѣдствіи старикъ хотѣлъ возобновить требованіе на Африканское владѣніе, но Ив. Абр. Ганнибалъ ⟨*нрзбр*⟩ отсо-
Княжескаго
вѣтовалъ ему сію странную мысль — говоря для [Царскаго] званія нужно и царское [2] богатство и старый арапъ съ нимъ согласился. Въ государствѣ, гдѣ такъ хорошо заслуги награждаются, легко было бы Аннибалу имѣть великое богатство естьлибъ онъ жилъ съ меньшею разточительностію. Имп⟨ератрица⟩ Елиз⟨авета⟩ отличала его ото всѣхъ, называла братомъ и осыпала его своими милостями. Но онъ никогда симъ не пользовался ни для себя, ни для родныхъ, и удовольствовался одними подарками. Послѣ его смерти осталось только 1400 душъ.

Петръ съ удовольствіемъ видѣлъ успѣхи своего ученика, и для усовершенствованія въ наукахъ послалъ его съ рекоменда-

---

[1] *Описка: вместо* разсылалъ.

[2] *Вероятно Пушкин забыл заменить слово* царское *словом* княжеское.

тельными письмами и съ хорошимъ пенсіономъ къ Регенту, который помѣстилъ его въ Ecole militaire, гдѣ онъ окончилъ курсъ матем⟨атическихъ⟩ Наукъ подъ руководствомъ Belior (Belior), выпущенъ былъ оттуда офицеромъ артил⟨леріи⟩, служилъ въ Гишпанской наслѣдственной войнѣ капитаномъ арт⟨иллеріи⟩, былъ во всѣхъ походахъ, былъ употребленъ въ копаніи минъ, раненъ въ голову въ одномъ подземномъ сраженіи и взятъ въ плѣнъ. Петръ I не спускалъ съ него глазъ, и слышалъ часто свидѣтельства о его прилѣжаніи, способностяхъ и хорошемъ повѣденіи, и лѣтъ черезъ 6 вызвалъ его въ Россію. —

Но просвѣщеніе, Роскошь и самый климатъ Франціи остановило молодого арапа — и для того онъ отлагалъ свое возвращеніе, то подъ предлогомъ болѣзни, то неокончанія Наукъ. Петръ [ни] угадалъ причину сію, и писалъ Регенту, что онъ Анниб⟨ала⟩ принуждать никакъ не намѣренъ вступить въ свою службу, что онъ совершенно свободенъ и что предоставляетъ онъ все его совѣсти. — Герцогъ показалъ Ганнибалу сіе письмо. Ган-
французовъ ихъ
нибалъ немедленно оставилъ службу, благодаривъ [Регента] за [его] ласки, [за] и честь. Государь поѣхалъ къ нему навстрѣчу съ Екатериной до 27 верстѣ до Краснаго села и сдѣлалъ его (28 лѣтъ) бомбардирской роты Л. Г. Преображенскаго полка, коего полка самъ Петръ былъ — капитаномъ, капитанъ-лейтенантомъ, въ коемъ чинѣ могъ онъ Государя всегда видѣть безъ доклада, послѣ былъ онъ употребляемъ въ разныхъ дѣлахъ болѣе и болѣе заслуживая довѣренность Петра.

Передъ смертію Петра посланъ онъ былъ для поправки укрѣпленій въ Ригу [имѣвъ недостатокъ.] При чемъ Государь пожаловалъ ему 2000 черв⟨онцевъ⟩ Голл⟨андскихъ⟩. Петръ умирая просилъ объ немъ свою наслѣдницу и Великую Княжну Елизавету дабы его какъ чужестранца ~~~~~~~~ Послѣ его смерти возвратился онъ въ П.б., оплакивая съ вѣрными Слугами Отеч⟨ества⟩ потерю Государя. Много труда стоило ему получить было деньги свои, въ чемъ помогла ему Елизавета. Екатерина
и
сдѣлала его учителемъ математик[омъ] Петра II, коимъ онъ былъ

очень любимъ — во всѣ 2 года Царст⟨вованія⟩ Екат⟨ерины⟩. Послѣ ея смерти Петръ II взошелъ на престолъ и Ан⟨нибалъ⟩ былъ отдаленъ отъ двора [1]

[былъ] Меньщиковъ подъ предлогомъ благовиднымъ сослалъ Африканца на берега Амура, мѣрить Китайск[ую] [стѣну] границы, препорученіе найденное токмо для его удаленія. Послѣ паденія Долгорукіе не почли за нужное призвать Аннибала, онъ все оставался тамъ. [2]

но [3] Минихъ помогъ ему возвратиться изъ Сибири и спрятанъ былъ въ Перновской Гарнизонъ Инженернымъ Маіоромъ. —

Женился онъ тамъ на дочери Капитана Матѳея фонъ Шеберха — урожденнаго Шведа, женатаго на Лифляндкѣ рож⟨денной⟩ ф⟨онъ⟩ Альбедиль — и вышелъ въ отставку. — Купилъ онъ себѣ около Ревеля деревню Корикула, гдѣ онъ жилъ съ своею фамиліею. —

Елизавету [4] воцарилась — Анни⟨балъ⟩ написалъ ей только — Помяни мя Г⟨оспо⟩ди Егда etc. — Она тотчасъ подарила ему 600 душъ въ Пск⟨овской⟩ Губ⟨ерніи⟩ и село Рагола [въ] около Ревеля, сдѣлала его бригадиромъ, обер-комендантомъ Ревеля, Ген⟨ералъ⟩-Маіоромъ, послѣ Генералъ-Инженеромъ, Ген⟨ералъ⟩-Аншефомъ, и Директоромъ Каналовъ въ Кронштадтѣ и Ладожскаго сообщенія. При Петрѣ III попалъ онъ въ отставку по болѣзни, подагрѣ и кончилъ жизнь философомъ, 1781 14 мая на 93 ⟨г.⟩ погреб⟨енъ⟩ въ Суйдѣ близь своей супругѣ.

Первая жена называлась Авдотья Алексѣевна — (греч⟨ескаго⟩ испов⟨ѣданія⟩), родила ему дочь Авдотію, пострижена въ Тихвинѣ; дочь умерла Невѣстою — вторая жена его Христина Регина ф.-Шеберхъ умерла 13 мая 1781 г. на 76 году, имѣлъ 11 дѣтей отъ нее.

---

[1] *Здесь оставлена четверть страницы чистой.*
[2] *Далее оставлено более чем четверть страницы чистой.*
[3] *Отсюда другие чернила и бумага.*
[4] *Описка: вместо* Елизавета.

В нескольких местах на полях этого текста имеются пометы, а именно:

На стр. 1 на полях в поперечном направлении, против строк: «прочие княгини, поддержанные», до слов: «сестра его, старее его...» написано:

Щепотьевъ

Внизу стр. 1, в поперечном же направлении, против строк: «проводила его до лодки...» до слов: «... всех своих драгоценностей» — сделан расчет:

```
1725
  28
----
1697
   9
----
1708
```

На стр. 2 на полях против строк: «чуждою породою людей и писал к своему посланнику, чтоб он прислал» написано:

Шепелеву.

Против того же места, но с правой стороны текста, на полях стр. 3, написано:

привезенъ въ 696.

На верхних полях стр. 4, над словами: «он получил имя Петра» — сделан расчет:

```
[26 лѣтъ] [25]     [1699]
                      [9]
                   ------
                     [08]
```

Текст перевода немецкой биографии А. П. Ганнибала написан рукою Пушкина на пяти листах (десяти страницах): 28, 57, 29, 56 и 58, сшитой жандармами из отдельных листов, тетради № 2387 А.

Бумага в лист (первых четырех листов белая, толстая, верже, пятого листа желтее, другого качества) с водяными знаками: 1) в круглом щите, увенчанном короной английского типа, стоящий лев с мечом в поднятой лапе; на кайме щита надпись: P A T R I A; 2) A F R A L L.

Указание на существование этого перевода было дано Якушкиным, в *Я* XII, 552, сообщившим о том, что имеется «неполный собственноручный перевод немецкой биографии А. П. Ганнибала».

Впервые из этого перевода были напечатаны Я. К. Гротом в его сборнике статей о Пушкине 1887 г. два отрывка, найденные в бумагах П. А. Плетнева после его смерти. Именно, Грот обнаружил среди них копию руки Плетнева статьи Пушкина «Родословная Пушкиных и Ганнибалов», после текста которой имеются, под заглавием «Дополнения или подробн<ейший?> текст», два отрывка из перевода немецкой биографии Абрама Ганнибала. Первый отрывок заключает в себе текст, начиная со слов: «Он родом был из Абиссинии...» и кончая словами: «... был известен

впоследствии под именем графа Рагузинского», а второй — со слов: «Его, по ходатайству Миниха, определили в Перновский гарнизон...» и кончая словами: «...жил со своею фамилиею». Текст этих отрывков стилистически отличается от подлинного текста перевода руки Пушкина, что объясняется правкой Плетнева. См. Я. К. Грот «К родословной Пушкиных и Ганнибалов» в книге «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники». СПб. 1887, стр. 182—183.

Впервые полностью перевод был напечатан Шляпкиным по копии А. И. Незеленова в *Ш* 319—322, а затем, по подлиннику, Морозовым в *М²* VI, 690—694. Ср. в статье А. И. Незеленова «Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина» в *ИВ* 1889, № 3, стр. 691.

Немецкий текст, с которого был сделан перевод, находится в той же тетради, что и перевод, занимая в ней листы 40—45.

Бумага в лист, белая, толстая, верже, с водяными знаками: 1) улей над скрещенными лавровой и пальмовой ветвями; 2) «Rall DH».

Текст написан неизвестной, может быть женской, рукой, мелким, тонким, акуратным почерком, без помарок. Чернила выцветшие. Шрифт готический, за исключением имен собственных, большей частью написанных латинскими буквами. Написан текст, судя по перемене чернил и оттенкам в почерке, в несколько приемов.

Текст кишит ошибками, главным образом в падежных окончаниях[1] (например: mit ande*re*... Fürsten; unter de*n*... Namen bekannt; in seine*n* Vaterlande и т. д.). Написана биография высокопарным, витиеватым слогом. Встречаются тяжеловесные повторения и анаколуфы. В общем текст нельзя считать стилистически отделанным, но в относительной бойкости пера автору нельзя отказать. Сопоставление этого свойства с вышеуказанной неграмотностью вызывает подозрение, что писал не автор биографической записки; текст мог либо диктоваться, либо копироваться с рукописи, отличающейся неясными окончаниями слов.

Печатаемый по Пушкинской рукописи перевод отличается в своей начальной части почти дословчой передачей немецкого оригинала, но затем встречается целый ряд пропусков большего или меньшего размера, и переложение сильно упрощается. Для наглядности сопоставления перевода с оригиналом мы заключили, как в немецком тексте, так и в прилагаемом нашем дословном переводе, в ломаные скобки те места, которые пропущены в Пушкинском переводе.

Дважды в рукописи Пушкина оставлено более или менее значительное место для непереведенных частей текста.

Все прочие пропуски отдельных слов или целых предложений сделаны сознательно, главным образом за счет риторики или тавтологии; отбрасываются обильно употребляемые титулы высочайших особ; сохраняется лишь передача фактов; лаконичная деловитость достигается без

[1] Немецкий текст дается нами с сохранением орфографии подлинника.

ущерба фактической стороне немецкого рассказа и какого-либо изменения его смысла.

Более существенным является пропущенное в переводе сообщение об автобиографическом рассказе умирающего Ганнибала, а также подробность вывоза арапчат из Константинополя и почти все дальнейшие упоминания о спутниках Ганнибала.

О самом переводе П. О. Морозов писал, что его «стилистические и грамматические неправильности можно объяснить поспешностью и небрежностью; может быть, Пушкин писал под диктовку переводчика и, во всяком случае, не особенно заботился о литературности этого отрывка, видя в нем только черновой материал, которым, действительно, и воспользовался при составлении «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» (*М*² VI, 690).

П. А. Ефремов прямо говорит, что русский перевод, «очень тяжелый и неправильный, нельзя признавать сделанным самим Пушкиным» (*Е*⁴ VIII, стр. 574).

Такого же мнения И. А. Шляпкин: рукопись «представляет перевод немецкой биографии и будто бы написана Пушкиным собственноручно: но этому противоречат неправильные обороты и удивительная, свойственная иностранцу безграмотность» (*Ш* 322).

Не имея достаточных данных для решения вопроса о степени самостоятельности Пушкина в этом переводе, укажем лишь на следующие обстоятельства. Все свидетельства современников говорят, что Пушкин плохо знал немецкий язык; [1] однако, по собственному признанию Пушкина Кс. Полевому, [2] бывали моменты, когда он выучивался немецкому языку, хотя затем его и забывал. Вполне допустимо, что для прочтения немецкой биографии прадеда, а может быть, в процессе ознакомления с ней Пушкин и попытался вновь осилить этот язык и достиг этого настолько, чтобы сделать перевод. Это тем более вероятно, что два куска остались непереведенными, с сохранением для них места в рукописи, очевидно, в силу трудности понимания, а в двух случаях немецкий текст был не понят (см. примечания к «требованию на африканское владение» и к «расточительности» Ганнибала). Недостатки языка перевода, на которые указывает большинство исследователей, могут в этом случае объясняться тем, что внимание Пушкина было слишком поглощено преодолением трудностей передачи содержания, чтобы отделывать слог. Напротив, если бы Пушкин записывал под диктовку чужой перевод, он бы больше внимания обращал на неправильные обороты.

Датировка этого перевода, написанного рукой Пушкина, тесно связана с вопросом о моменте получения им немецкой биографии. Прежде всего мы с уверенностью устанавливаем следующие хронологические границы — конец 1824 г. и середина 1827 г., по следующим соображениям: сличение

---

[1] См. стр. 22—23.

[2] См. стр. 23.

ее с краткой биографией Ганнибала в примечании к строфе L главы 1 «Евгения Онегина» (1-е издание, 1825 г., подписанное к цензуре 29 декабря 1824 г.) доказывает незнакомство Пушкина с этим документом: отправка Ганнибала из Константинополя толкуется не как выполнение заказа Петра, а как подарок, сделанный ему послом; ссылка Ганнибала в Сибирь объясняется происками Бирона, а не Меншикова; отсутствует дата смерти, между тем как она приводится для второстепенного лица — Ивана Абрамовича Ганнибала; наконец, некоторым подтверждением нашего положения могут служить следующие слова этого примечания: «В России, где память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям». С другой стороны, 1827 год есть год написания «Арапа Петра Великого» (начат 31 июля), первый абзац которого буквально соответствует рассказу немецкой рукописи о пребывании Ганнибала во Франции.

Признав эту приблизительную датировку установленной, мы присоединяемся к гипотезе Шляпкина (*Ш* 323), что эта немецкая биография и есть те самые мемуары, на получение которых от своего двоюродного деда Петра Абрамовича Ганнибала надеется Пушкин в августе 1825 г. В письме к П. А. Осиповой от 11 августа 1825 г. он пишет:

«...Je compte voir encore mon vieux nègre de Grand' Oncle qui, je suppose, va mourir un de ces quatre matins et il faut que j'aie de lui des memoires concernant mon aïeul...»[1]

Таким образом, перевод мог быть сделан, в этом случае, между августом 1825 г. и августом 1827 г.

Что касается автора немецкой рукописи, то предположение Шляпкина (*Ш* 323), что им является тот же П. А. Ганнибал, нам представляется ошибочным. Ведь Пушкин не мог же в этом случае не знать автора, так как с этим дядей поддерживал отношения,[2] и от него же, видимо, эта рукопись была получена. Между тем в «Родословной Пушкиных и Ганнибалов», составленной на основании немецкой биографии, он ссылается на нее всегда как на анонимный документ: «сказано в рукописной его биографии», «говорит его немецкий биограф».

Там же Шляпкин задает вопрос: «не были ли ее первоначальным источником рассказы Христины Шеберг».[3] Мы же полагаем, что первоисточником послужили непосредственно сообщения самого Абрама Петровича. Мы имеем два свидетельства о таковых. Во-первых, самого Пушкина: «он <прадед> написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их сжечь

---

[1] «...Я рассчитываю еще проведать моего старого негра-дедушку, который, как я предполагаю, на этих днях умрет, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, относящиеся до моего прадеда...» (*П* I, № 168).

[2] Ср. о встрече с Ганнибалом запись летом 1817 г. (в автобиографических записках) и упомянутое письмо.

[3] Жены Абрама Петровича Ганнибала.

вместе с другими драгоценными бумагами...»[1] Близкие его вполне могли с ними ознакомиться. Второе же свидетельство содержится в самой немецкой биографии: «За 8 дней до смерти пребывал он в состоянии сильнейшего упадка сил, но столь хорошей памяти, что смог припомнить в полной точности события за много лет и их рассказать...» Кто именно написал эту биографию, остается невыясненным. Во всяком случае не жена, умершая за день до смерти мужа, и не сын Петр. Вероятно, кто-либо из других членов семьи или немецких друзей.

Оценить в полной мере немецкую рукопись как исторический источник — дело исследователя биографии Ганнибала; известный в настоящее время достоверный материал слишком невелик для суждения об этом документе во всех деталях. Однако мы должны предупредить читателя о необходимости критического отношения к нему.

Во-первых, следует указать на некоторые несообразности хронологические,— например, посылка Ганнибала во Францию относится к 1716 г.,[2] и следовательно, он не мог участвовать в войне за испанское наследство, кончившейся в 1714 г.; согласно немецкой биографии, Ганнибал вступает на службу вновь с воцарением Елизаветы, т. е. в 1742 г., тогда как, по формуляру, он уже в 1740 г. определен в Ревельский гарнизон, и т. п. Что же касается характера подачи фактов, то надо отметить высокопарный тон повествования и известную субъективность немецкого биографа, столь частую в старых жизнеописаниях, особенно семейного происхождения. Она сказывается в подчеркивании значения Ганнибала среди лиц, близких к Петру, в эвфемистическом толковании мотивов выписки арапчат из Константинополя, столь не вяжущемся с таинственностью этого похищения из сераля, и в сглаживании всех семейных неладов.[3]

Немецкий текст биографии Ганнибала печатается впервые; впервые же дается полный его перевод.

Awraam Petrowitsch Hannibal war wirklich dienstleistender General Enchef in Russisch Kaiserlichen Diensten; Ritter der Orden: des Heiligen Alexander-Newsky und der Heiligen Anne. Er war von Geburt ein Afrikanischer Mohr aus Abyssinien; der Sohn eines dasigen mächtigen und regierenden reichen Fürsten, der seine Abkunft noch stolz aus gerader Linie dem Geschlechte des berühmten Hannibals den Schrecken Roms herleitet. Sein Vater war ein Vassale des Türkischen Kaisers oder des Ottomannischen Reichs, welcher gegen Ende des vorigten Jahrhunderts mit andere Abyssinischen Fürsten seinen Landesleuten und Bundesgenossen, sich wegen Druck und Belästigung gegen seinen Oberherrn den Sultan aufgelehnt gehabt; worauf verschiedene kleine aber blutige Kriege erfolget, in denen aber doch zuletzt die Macht gesieget und dieser Hannibal noch als Knabe und jüngster Sohn des herrschenden Fürsten in seinen achten Jahre nebst andern Jünglingen von ansehnlicher Geburt als Geißeln nach Constantinopel gesandt.

---

[1] «Родословная Пушкиных и Ганнибалов».
[2] М. Н. Лонгинов на основании послужного списка. *РА* 1864², стлб. 228.
[3] См. примечание к *Авдотья Алексеевна.*

Zwar seiner Jugend nach hätte Ihm dieses Loos so frühe noch nicht treffen sollen, doch da sein Vater der mahomethanischen Gewohnheit nach, sehr viele Frauen, ja derer sogar bis auf die etliche dreißig gehabt, von die dem Verhältniße gemäß auch eine Menge Kinder gezeuget gewesen, so haben die viele alte Fürstinen und ihre Kinder in einer gemeinschaftlichen Absicht sich und die Ihrigen zu schonen es dahin zu vermögen gewußt, deß er als der jüngste Sohn einer der jüngsten Gemahlinnen, als die bei Hofe nicht so vielen Anhang gehabt, durch List und Intrigen fast mit Gewalt auf ein Türkisches Fahrzeug gesetzt und der Ihn zubereiteten Bestimmung überantwortet.

Seine einzigste leibliche Schwester Lahann die etliche Jahre älter als er gewesen. hatte noch Muth genug sich dieser Gewalthätigkeit zu wiedersetzen. Sie versuchte alles, mußte zuletzt doch der Mehrheit weichen, begleitete Ihn bis an den Bord dieses Schifleins in noch schmeichelnder Hoffnung die Freiheit dieses vielgeliebten Bruders durch Flehn zu erhalten, oder durch ihre Kostbarkeiten zu erkaufen; doch da sie auch auf die lezt Ihr zärtliches Bemühen fruchtlos fand, stürzte sie sich aus Verzweifelung ins Meer und ertrank. Noch bis ans Ende dieses verehrungswürdigen Greisen, floßen Ihm Zähren. der zärtlichsten Freundschaft und Liebe wenn er sich Ihrer errinnerte; denn obgleich Er bey diesem Tragischen Auftritt noch sehr jugendlich gewesen so wurde doch jedes mal dieses betrübte Andenken für Ihn neu und vollkommen, wenn er an Sie dachte; denn dieses Opfer verdiente Ihre schwesterliche Zärtlichkeit um so viel mehr, weil sie so sehr für seine Freiheit gestritten, und sie nur beide die einzigsten Geschwister von einer Mutter waren. Nicht lange nach dieser Trennung auf ewig, kam Hannibal in Constantinopel an, und wurde nebst den übrigen jugendlichen Geißeln zum Erzug ins Seralio unter die Edelknaben des Großherrn eingeschloßen, als wo er ein Jahr und etliche Monate zugebracht.

Während dieser Zeit regierte Kaiser Peter der Erste in Rußland und war bemühet bey Einführung der Künste und Wissenschaften in seinen Reiche, letzte auch auf dem vornehmsten Theile seiner Unterthanen dem Adel zu verbreiten. Es gelang ihm zwar in diesen Vornehmen einigermaßen fortzuschreiten, doch in Erwägung der so großen Menge von Ritterschaft des weitläufigsten Reiches in der Welt, war die Anzahl der zum Lernen lustbezeigenden zu Geringe; und eben dieses erweckte den hochseeligen Kaiser den bekümmerndesten, den kränkensten Schmerz. Er sann auf Mittel seinem Volke etliche auch dem äußerem Scheine nach auffallenden Urbilder zu ziehen, und dann zum Muster und Beispiele auf zu stellen; verfiel endlich auf den Gedanken, an seinen zu der Zeit sich in Constantinopel befindlichen Gesandten zu schreiben; daß er Ihm etliche Afrikanische Mohren Knaben von guten Fähigkeiten verschaffen und übersenden sollte. Sein Ministre befolgte diese Befehle aufs treulichste; machte sich mit dem Vorsteher des Seralio wo des Großherrn Edelknaben erzogen, und unterrichtet wurden bekannt, bemerkte sich etliche der besten zu seinen Zwecke tauglichen, und erhielt endlich auf eine geheime nicht wenig gefährliche Weise durch Vermittelung des damaligen Großveziers drey dergleichen muntere fähige Knaben, wie die Folgen zeigen werden.

Während dieser Zeit war der Vater von den seeligen Generalencheff Hannibal den er in einen schon reifen und fast unvermögenden Alter verlaßen, gestorben, und die Folge der Regierung einen seiner Stiefbrüder zu Theil geworden, der ungefähr um diese Zeit zu herrschen anfing. Der rußisch Kaiserliche Minister erfreuet den Willen

eines Monarchen zu befolgen, sandte diesen Ibrahim Hannibal noch einen schwarzen Knaben einen seiner Landesleute von ansehnlicher Herkunft (der unterwegens aber an den Blattern verstorben) und einen Ragusen von fast gleichen Alter unter Zehn Jahren nach Moskau. — Der Kaiser war, obgleich Er den Verlust des dritten bedauerte, doch mit der Erhaltung dieser beiden angelangten Knaben zufrieden nnd übernahm Selbst die Besorgung ihrer Erzuges, umso eifriger, weil Er wie schon gesagt Beyspiele aus sie ziehen, die Er mit der Zeit seinem Volke zum Muster und zur Beschämung aufstellen wollte, um sie zu überzeigen das aus jedem Volke und nicht minder aus fast wilde Menschen — aus Neger, die unsere gesittene Nationen nur dem Sclaven Stande widmen, Männer können gebildet werden, die durch Fleiß, Kentnisse und Wissenschaften zu erwerben im Stande sind, durch die sie geschickt und fähig würden, ihren Herrn in allen Fällen als taugliche und brauchbare Diener behülflich und nützlich zu sein. — Kaiser Peter des Große, als nicht minder großer Menschenkenner erforschte zum voraus die Neigungen seiner angekommenen Objekte bestimmte seinen Hannibal als einen raschen, munteren und feurigen Knaben zum Militair; der Raguse aber, der nachgehends unter den Namen des Grafen Ragusinsky in Rußland bekannt gewesen, als stillern und tiefsinnigern zum Zivil-etat.

Hannibal betreffend, so schlief Er in des Kaisers Nebenkabinett in der Drechselkammer, und wurde bald darauf in vielen wichtigen Fällen der Geheimschreiber seines Herrn des Kaisers; der beständig über seinen Bette etliche Schreibtafel hängen hatte, als auf welche sein stets geschäftiger großer Geist zum Wohl seiner Unterthanen, so sehr er auch durch Arbeiten des Tages ermüdet gewesen, und der erquickenden Ruhe bedürfet, dieser fast nie rastende Geist ihn doch oft geweckt und munter erhalten, da er dann im dunkeln, ohne Licht wichtige und lange Entwürfe nach dem Gefühle hin geschrieben, welche sein Zögling den anderen Morgen ins reine schreiben und selbe nach gehörig geschehener Unterschrift nach den Collegen und Behörden wie es erforderlich gewesen, als neue Gesetze und zu befolgende Befehle abgesandt. — Der große Monarch der nie Verdienste und gute Eigenschaften verkannte, überzeugte sich auch hier von Tag zu Tage mehr von den Fähigkeiten dieses Jünglings, welche mehr als Schreiber Geschick versprachen, um also selbige vollkommen zu entwickeln, auszubilden und den Mann aus Ihn zu bilden, den Er nachgehends gewährte, gab er ihn unter seiner eigenen Aufsicht die besten, die wirksamsten Belohnungen, und in vielen, besonders mathematischen Wissenschaften und andern Kenntnißen nebst Sprachen die geschicktesten Lehrer. Diese übung dauerte selbst auf den beschwerlichsten Reisen Campagnien und Märschen des Kaisers, als wo Hannibal beständig zu gegen gewesen; mit ununterbrochenen Eifer fort, und ungefähr im Jahre 1707 wurde er in Pohlen in der Griechischen Religion getauft und selbst der Kaiser nebst der Königen von Pohlen, Augusti des 2-ten Gemahlin, beehrten diesen Taufakt mit Ihrer hochen Gegenwarth, als Taufzeugen. Er bekam nach seinen hochen Taufzeugen dem Kaiser den Nahmen Peter, da er aber in seinen Vaterlande vorher Ibrahim, das ist in der Arabischen Sprache Abraham, genannt worden, so ist durch allgemeine Gewohnheit, da er so lange ungetauft, Abrahamm genannt worden, nicht sein neuer Taufnahme, sondern der vorigte alte bis an sein Ende im Gebrauch geblieben, als mit welchen Er sich zu nennen und zu unterschreiben nachher Erlaubniß

erhalten, und nur in den Kirchenbücher ist er Peter genannt worden. Mit des Vaters Zunahmen den Griechischen Gebrauche nach Petrowitsch heißt er wie gedacht nach seinen Allerdurchlauchtigsten Taufzeugen.

Während dieser Zeit hat sein regierender Stiefbruder, ich glaube auf Anlaß der zu der Zeit noch lebenden Mutter dieses europäischen Hannibals diesen seinen der Meinung nach, sich noch als Geißel, in Constantinopel befindlichen Halbbruder, durch andere *auf lösen*[1] wollen, und in dieser Absicht einen seiner jüngern Bruder den Auftrag dazu übertragen; welcher auch der Spur dieses mit Gewalt entführten zweiten Josephs nachgegangen; hat ihn zuerst in Stanboul gesucht und ist darauf in Petersburg gewesen, als wo Er Ihn durch großes Lösegeld loszukaufen und mitzunehmen gedachte. Doch da es unmöglich gewesen einen sich schon als überzeugten Christ fühlenden und so vieles Gute versprechenden Jünglinge aufs neue dem Heidenthume und der Barberey zu überantworten, als wo zu Er der Europäischen Lebensart schon gewohnt, auch selbst keine Lust bezeiget, so ist diesem suchenden Bruder sein Gesuch abgesaget, worauf er seinen jüngern Bruder mit kostbaren Gewehren und Arabischen-Schriften Ihres Herkommens wegen beschenkend, nach seiner Heimath unverrichteter Sache mit vieler Wehmuth von beiden Theilen abgereiset. Laut diesen Schriften und Beweisen hat der seelige Stammvater des jetzt in Europa lebenden Hannibalschen Geschlechtes lange nachher in unsern schon neuern Zeiten auf seine fürstliche Ahnen und Geburt Ansprüche machen; dieses Prädicat produzieren und erneuern wollen; doch sein ältester Herr Sohn der General Lieutenant und Ritter Iwan Abramowitsch Hannibal hat ihm dieses Unternehmen wiederrathen aus Ursache weil die fürstliche Würde auch fürstliches Vermögen und Auskommen erfordert.

Diese Erforderniße die vorige Zeit über in gehörigen Maaße zu erlangen, würde dem seeligen Haubte dieses Geschlechtes in unsern Reiche wo Verdienste so hinlänglich belohnt werden, auch leicht genug gewesen sein, wenn Er mindere Genügsamkeit und Mäßigung besessen hätte. Denn die höchstseelige Kaiserin Elisabeth war eine besonders Gnädige Beschützerin und Wohlwollerin von ihm, hat Ihm nicht selten mit den Bruder Namen beehrt gehabt und stets mit besonderer Auszeichnung für viele andere begegnet. Doch hat Er nie eine Gelegenheit zu seinem Vortheil genützet, oder selbst um was für sich noch den Seinigen gebethen; daher es auch nur bey den Geschenken geblieben die in der Folge angezeiget werden sollen; und zu welchem Vermögen Er durch sein eigen Wohl erworbenes sich noch etliche Güter zu gekauft so, daß nach seinen Tode seine Nachlaßenschaft kaum Eintausend vierhundert Seelen männlichen Geschlechts betrügen.

Der Kaiser Peter der Große sahe mit Vergnügen den sich beschleunigenden Fortgang in den Kentnißen und Wißenschaften seines Pathen und um sie nach damaligen Zeites Umstände noch vollkommner zu machen, schickte Er Ihn mit einer ansehnlichen Pension und besondern Empfehlungen an den damaligen Regenten von Frankreich den Herzoge von Orlean mit der sehnlichsten Bitte die Aufsicht über Ihm auf sich zu nehmen; als wo er auch in den Ritterlichen Militärschule seine Kriegs-Studia, und besonders seine mathemathische Kentniße unter den großen Belior völlig beendet, von da als Offizier

---

[1] *Против этого слова на полях той же рукой написано* einlösen.

zu der Artillerie versetzet und nachgehends in dem Spanischen Erbfolge-Kriege als Artillerie Haubtmann alle Feldzüge mit gemacht, auch zur Zeit sich im Ingenier Wesen in den Gallerien zu Minen gebrauchen laßen, all da unter irdische Kriege mitgeführet und in dieser seiner Pflicht bey einer solchen Begebenheit in dem Kopfe sehr stark verwundet und auf der letzt gefangen worden.

Peter der Große hatte während der Zeit beständig und unabläßig Acht auf Ihn geben und alle seine Handlungen bemerken lassen. Liebte der Kaiser Ihn zuvor fast Väterlich, so wurde der Herr durch den guten Ruf und den Empfehlungen wegen seinen Fleiße, seiner Geschicklichkeit und guter Führung Ihm noch gnädiger. Er wünschte also diesen seinen Zögling zu dessen Erzug Er die Erste Grundlage geleget, in seinem Dienste selbst zu benutzen; rief Ihn also nach Verlauf von 6 bis 7 Jahren ins Land Zurück.— Doch die merklichen Vorzüge die Frankreich zu der Zeit für Rußland hatte; die damalige Pracht des Hofes und selbst die angenehmere Himmelsgegend, die der Natur eines Afrikaners angemeßener waren, hatten für ihn so viele unwiederstehliche Reitze, daß er seinen Beruf nach Norden nicht so gleich gefolget, sondern noch nach zwey Jahre sich theils mit noch nicht vollige Erlernung aller mathemathischen Wissenschaften, theils mit mißlichen Gesundheits Umständen entschuldiget; und seine Rückreise von Zeit zu Zeit verlängert. Die wahre Ursache dieses verzögernden Betrageus konnte dem Scharfsinn des Kaisers nicht entgehen. Er schrieb an den Regenten daß er Hannibal nicht zu seinen Dienste zwänge und Ihn hierdurch für völlig frei erkläre nach seinen eigenen Gewissen und nach Willkühr zu handeln. Der Herzog zeigte Ihn den Brief des Kaysers. — Die Erkenntlichkeit wurde bey ihm rege, neu und seine Dankbarkeit zu seinen besten Wohlthäter zwang Ihn so gleich sich für den Französischen Dienste, alle genoßene Ehre und Gnade zu bedanken. Er nahm seinen Abschied und eilte sich seinen Herrn aufs unterthänigste von neuem zum Dienste darzustellen. Der Kaiser bekam von seiner Näherung Nachricht, fuhr ihn aus Petersburg bis Kraßnejo-Selo mit seiner Gemahlin der Kaiserin Catharina auf die 27-ste Werste entgegen, und machte ihn darauf in dem 28-ste Jahre seines Alters zum Capitaine Lieutenant der Bombardier Compagnie des Preobrajenskischen Garde- Regiments, als von welchen jeder regierende Monarch selbst stets Capitaine ist, und in welchen Posten zu der Zeit also täglich sichere Gelegenheit war, seinen Haubtmann ohne vorgestellt zu werden, oft selbst zu sprechen.

Hier nach wurde Er schon als Mann von geprüften Verdienste in verschiedenen wichtigen Geschäften gebrauchet, und setzte sich bei Endigung einer jeden fester und fester in der Gunst seines Wohllthäters. Kurz vor dem Tode des Kaisers wurde Er zur Anlegung etlicher neuen Festungswerken nach Riga beordert. Er hatte zu seinen eigenen Ausgaben Mangel an Geld, meldete dieses den Kaiser, der so gleich den Befehl gal Ihn 2000 Holländische Species Dukaten zu übersenden, selbst aber kurz darauf verstarb. Noch mehren Beweiß von der vollkommensten Gnade des höchstseeligen Kaisers giebt dieses: daß Er selbst auf seinen Sterbebette seinen Hannibal nicht vergeßen, sondern seiner hohen Nachfolgerinn seiner kaiserlichen Gemahlinn und seiner hohen Prinzessin Tochter nachmaligen Kaiserinn Elisabeth für ihn weiter zu sorgen, und Ihn als Ausländer zu beschützen, in Gegenwarth aller der die bei den Tode des höchstseeligen Herrn zugegen gewesen, aufs angelegentlichste empfohlen. Er kam bald nach vollendeter Verrichtung aus Riga nach Hofe zurück, half mit den dem Gottseelige Kaiser ergebenen,

nachgebliebenen treuen Dienern, den so schmerzhaften unersetzlichen Verlust eines so sehr vielgeliebten Herrn aufs aufrichtigste beweinen, und erhielt nach sehr vieler angewandten Mühe und Suchens doch endlich durch Vermittelung der Prinzeßin Elisabeth die Ihm zugedacht gewesene Zweytausend Dukaten (Eine nicht geringe Summe zu der Zeit).

Die Kaiserin Catherine die Erste übertrug Ihm sogleich darauf den Unterricht, besonders in den mathemathischen Wissenschaften, als ersten und besten Ingenieur in Rußland bey Ihrem Enkel den Cronprinzen Peter Alexeiewitsch, nachmaligen Kaiser Peter II welchen Auftrag er die Zeit Ihrer Regierung über mit allen Fleiße und Eifer vorgestanden; von diesem Herrn vollkommen geliebt, und beständig ungetrennt zu seiner Seite gewesen. Nach dem Tode der Hochstseeligen Kaiserin Catherina der I-ten bestieg dieser Kronprinz den Großväterlichen Thron, und zu eben dieser Zeit wurde Hannibal vom Hofe entfernt. Diese Entfernung war keine Ungnade. Er als ein Mann der in dem Cabinette Peter des Ersten, dieses großen Schöpfers einen so mächtigen und weitläufigen Reichs erzogen, in derselben auch selbst nicht unthätig gewesen, alle Plane oder Entwürfe gewußt und inne gehabt, war seiner geprüften Treue und Redlichkeit wegen also nicht der Mann der in diesen Zeitpunkte in einer solchen Nähe bey Hofe, neben einen so verschlagenden und mächtig Gewalthabenden Minister als Fürst Menschikof war, sein Glück machen konnte. Er fand Ihm also eine dem Anschein nach höchstwichtige Verrichtung; und entfernte ihn von der Residenz, bis nach jenseits den Amur Strohme, an die damalige Chinesische Grenze, in einem Geschäfte, das fast nur blos zu dem Ende Sein Dasein erhalten zu haben schien, um Hannibal, so weit und lange als nur möglich in der Ferne zu erhalten und bei Hofe in Vergeßenheit zu bringen. Auch selbst nach dem Falle Menschikows hatten die am Ruder des Reichs sitzende Fürsten Dolgorukows eben so weiniges Verlangen Hannibal bei Hofe zu sehen, und Er blieb wie zuvor an der Gränze von China. —

Nach seinen thätigen Fleiße hätte er wohl mehr denn nur diesen Auftrag beenden können; Er war also balde fertig. Er schrieb und meldete dieses, er widerholte es etliche malen, doch es war fruchtlos und keine Antwort folgte, zu letzt fehlte es sogar in diesen wüsten Orte an den nothwendigsten Bedürfnißen und Unterhalt. Er glaubte daß sein Rapport in Erwägung der unendlich weiten Entfernung verloren gegangen und war schon in der äußersten unangenehmsten Lage, weil sein zur Thätigkeit gewohnter Geist beßre Nahrung und Er denselben Verrichtungen wünsche, die seinen Eigenschaften und der Laufbahn seiner Ehre angemeßner wären.

Während dieser Zeit regierte schon die Kaiserin Anna Ivanovna. Bey den Ansehn des damaligen Ministers Graf Biron (nachmaliger Herzog von Curland) der nicht minder Ursache als selbst Menschikof oder Dolgorukis hatten Hannibal als Zögling von Peter den Großen eben so wenig in der Nähe der Residenz zu dulden, achtete also sehr wenig auf seine so sehr kümmerliche nothklagende Berichte aus Siberien; aber sein alter wahrer Freund Graf Münich wurde Ihm zu seiner Zurückkunft aus Siberien behülflich, und versteckte Ihn nachgehnds auf gewißer Weise als Ingenieur Major in die Pernausche Garnison. (In welchen Charakter Er während der Zeit seiner Abwesend-

heit wirklich zurückgesetzt worden). Hier war er doch wieder wenigstens in einer bewohnten Gegend, unter Menschen, aus dem Gesicht seiner Neider ziemlich weit, und so zu sagen ohnbemerkt. Ihm aber als einen Mann der sich fühlte der zu was Größerem als Festungsflicker gestimmet wurde, wurde also dieser neue Aufenthalt zwar langweilig genug. (Er trug es aber so lange als möglich mit Geduld). Während der Zeit, hatte er zum zweiten male geheiratet und zwar eines dasigen Haubtmanns Matthiae von Schöberg Tochter. Dieser Capitaine Schöberg war ein geborner Schwede, seine Gemahlin aber eine Lievländerin, eine geborene von Albedyl. Er entschloß sich also den für Ihn nicht mehr vorteilhaften Dienst, ohne weitere Aussichten zu neuem Glücke und weitere Beförderung zu verlassen. Er nahm seine geerbte 2000 und was er während seiner Dienste von seinen Gehalte erspart hatte, und kaufte sich das ohnweit Reval gelegene Guth Karrikulla von 1½ revalsche Hacken und lebte als Landwirthe als genügsamer Weise mit einer anwachsender Familie (die er ohne dieses zu unternehmen nicht so füglich versorgen können) so gut und zufrieden, als es sein Geschick ihn hieß. Nun näherte sich ihm zum andern male ein neuer Zeitpunkt seines Glückes, Elisabeth die I-ste Peter des großen Tochter bestieg den ihr rechtmäßig gehörigen väterlichen Thron. So sehr von ihr gekannt schrieb er ihr nur diese Worte: H e r r g e d e n k e m e i n w e n n d u i n d e i n R e i c h b i s t. Sie als eine huldreiche gnädige Prinzeßin errinerte sich des treuen Dieners Ihrer Eltern, der bei ihren Anwuchse stets zugegen gewesen sogleich; verschrieb ihn zu sich, beschenkte ihn kaiserlich, gab ihm das Gut Rahola in Estland unweit Reval mit 600 Erbbauern in der Pleskofschen Provinz. Machte Ihn zum Brigadier und Oberkommandanten von Reval, und gleich darauf zum General Majoren. Nach diesem ist Er General-Ingenieur, hierauf General-Enschef und Direktor der Canäle: des von Peter den Großen in Cronstadt und des Ladogaschen Canals gewesen; bis er in der Regierung Kaisers Peter den Dritten wegen seine kränklichen Gesundheits-Umstände, besonders seines heftigen[1] Podagras und der im Französischen Dienste erhaltene Bleßuren wegen, seinen Abschied nahm und zum zweiten male als Weiser in stiller Ruh ein ländliches Leben anfing, welches er auch da beschlossen. Er starb 1781 den 14-ten May im 93-ten Jahre seines Alters und ist neben seiner seeligen Gemahlin in der Kirche seiner Haubtguthes Suida im Sophienschen Kreise 58 Werst von St. Petersbourg gelegen begraben. Nach acht Tage vor seinen Tode war er bei einer schon heftigen Entkräftung noch bei so guten Gedächtniße, daß Er sich mit aller Genauigkeit, Begebenheiten von vielen Jahren zu besinnen und selbst zu erzählen wußte.

Seine erste Gemahlin war eine Griechin von Geburt und hieß Awdotja Alexejewna die ihm eine Tochter Awdotja geboren und kurz darauf in der Stadt Tifin sich als Nonne einkleiden ließ, als wo sie auch ihr Leben geendet. Diese Tochter aber starb als versprochene Braut in ihren besten Jahren.

Seine zweite Gemalin Christina Regine v. Schöberg starb am 13-ten May 1781 in derselben Lutheranischen Religion in der sie erzogen im 76-ten Jahre Ihres Alters; ist auch in derselben Suidschen Kirche begraben. Mit ihr hat er eilf Kinder gehabt. —

---

[1] *Было:* kränklichen.

Рукою Пушкина

Перевод: [1]

Авраам Петрович Ганнибал был действительно заслуженным генерал-аншефом русской императорской службы, кавалер орденов св. Александра Невского и св. Анны. Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из тамошних могущественных и богатых влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима. Его отец был вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот он восстал в конце прошлого века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; этому последовали разные небольшие, но кровопролитные войны; однако же, в конце концов победила сила, и этот Ганнибал, восьмилетний мальчик, младший сын владетельного князя, был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника.

Собственно, по молодости лет, этот жребий должен был миновать его. Однако, так как у его отца, по мусульманскому обычаю, было много, и даже чуть ли не тридцать, жен и соответственно этому множество детей, эти многочисленные старые княгини с детьми, объединенные стремлением спасти себя и своих, нашли способ хитростью и интригами почти насильно посадить его, как младшего сына одной из младших княгинь, не имеющей при дворе достаточно приверженцев на турецкий корабль и поручить его предназначенной ему судьбе.

У его единственной родной сестры Лагани, бывшей на несколько лет его старше, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная наконец уступить большинству, она еще, в тлеющей надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата, проводила его до борта этого кораблика; однако, видя, что все последние усилия ее нежности бесплодны, она бросилась ⟨в отчаянии⟩ в море и утонула. Еще в конце своих дней проливал сей достопочтенный старец слезы, вспоминая об этой нежнейшей дружбе и любви, так как, несмотря на его чрезвычайную молодость в момент этого трагического происшествия, это печальное воспоминание вставало перед ним как новое, во всех подробностях ⟨каждый раз, что он думал о сестре; ибо этой жертвы тем более заслуживала ее нежность сестры, что она боролась за его свободу, и что они были единственными детьми своей матери.⟩ Вскоре после этой разлуки навеки прибыл Ганнибал в Константинополь и был с прочими юношами-заложниками заключен в сераль ⟨для воспитания в числе пажей⟩ султана; он пробыл здесь год и несколько месяцев.

⟨В это время в России царствовал император⟩ Петр Великий, который насаждал искусство и науку в своем государстве, старался распро-

[1] В ломаные скобки заключены слова, не переведенные Пушкиным.

странить их в благороднейшей части своих подданных, в дворянстве. Правда, ему удалось достичь в этом предприятии известных успехов, однако, если иметь в виду громадную массу дворянства широчайшей империи мира, то число проявляющих охоту к учению было слишком незначительно; это-то и вызывало в благородном государе болезненное огорчение и озабоченность. Он обдумывал средство воспитать несколько таких человеческих образцов, которые бы поражали самым внешним видом, чтобы выставить их затем примером своему народу; тут он напал на мысль написать своему, тогда находившемуся в Константинополе, послу, чтобы тот ему достал и переслал ⟨нескольких⟩ африканских арапчат, отличающихся хорошими способностями. Его посол ⟨в точности выполнил это повеление: он познакомился с заведующим сералем, где воспитывались и обучались пажи султана, заметил себе нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и наконец тайным и⟩ отнюдь не безопасным способом, при посредстве тогдашнего великого визиря, получил трех мальчиков, ⟨расторопных и способных, как это покажут последствия.⟩

В это время ⟨умер отец покойного генерал-аншефа Ганнибала, которого он оставил в пожилом и почти дряхлом возрасте, и⟩ очередь наследования досталась на долю одного из его сводных братьев, ⟨который примерно в это время и начал править.⟩ Российский императорский посол, ⟨счастливый выполнить волю своего государя,⟩ отправил этого Ибрагима Ганнибала, еще одного черного мальчика ⟨знатного происхождения, его соотечественника, (который в пути скончался от оспы)⟩, и одного рагузинца, ⟨почти сверстников, все моложе десяти лет, в Москву.⟩ — Государь, ⟨опечаленный потерей третьего,⟩ был доволен ⟨получением этих двух прибывших мальчиков,⟩ и взял на себя заботу об их воспитании, с тем большим усердием, что, как было сказано, он из них хотел извлечь образец, ⟨который бы он мог ставить своему народу в пример и в посрамление, как доказательство, что из каждого народа, и не меньше из негров, почти диких людей, которых наши цивилизованные нации определяют только в сословие рабов, — могут быть выработаны люди, способные прилежанием получить знания в науках и тем приобрести способность быть полезными и нужными, во всех случаях пригодными слугами своего государя.⟩ — Император Петр Великий, в качестве не менее великого знатока людей, установил сразу наклонности своих прибывших питомцев и предназначил своего Ганнибала, живого, расторопного и горячего мальчика, в военную службу, рагузинца же, впоследствии известного в России под именем графа Рагузинского, как более тихого и вдумчивого, — к гражданской службе.

Что касается Ганнибала, то он спал в дополнительном кабинете государя, в токарне, и вскоре сделался во многих важных случаях секретарем своего государя; у последнего над постелью всегда висело несколько аспидных досок; ⟨как бы он ни был утомлен от дневных трудов и как

бы ни нуждался в покое, его великий дух, вечно деятельный во благо подданных, этот почти никогда не отдыхающий дух, часто будил его и поддерживал в бодрствующем состоянии;⟩ и тут в темноте, без света, записывал он по вдохновению важные и длинные проекты; на утро его питомец должен был эти заметки переписывать начисто и после надлежащего подписания рассылать их по коллегиям ⟨и соответственным учреждениям, в качестве новых законов и повелений для исполнения.⟩ — Великий монарх, ⟨которому не свойственно было проглядеть заслуги и хорошие качества,⟩ и здесь изо дня в день всё больше убеждался в способностях этого юноши, ⟨которые предвещали большее, чем судьбу писца; чтобы их в полной мере развить и образовать, и чтобы выработать из Ганнибала того мужа, которым он впоследствии стал⟩, он назначил ему под собственным присмотром ⟨лучшие и наиболее действительные награды;⟩ во многих же науках, особенно математических, и в других знаниях наряду с языками приставил он самых искусных учителей. Эти занятия продолжались ⟨с неугасимым прилежанием⟩ даже во время самых тяжелых путешествий, кампаний и походов государя, в коих Ганнибал неизменно присутствовал. Приблизительно в 1707 году был он в Польше окрещен в греческую веру, и сам император вместе с польской королевой, супругой Августа II, почтили этот обряд своим высочайшим присутствием в качестве восприемников. По имени своего высокого восприемника был он назван Петром, но так как прежде, на родине, его именовали Ибрагимом ⟨что по-арабски значит Авраам, и в виду того, что он так долго оставался некрещеным, то⟩ по общей привычке звать его Авраамом сохранилось за ним до самой смерти не новое, а старое имя; он даже получил затем разрешение именоваться и подписываться этим именем, и только в церковных книгах его называли Петром. По отчеству, употребляемому согласно греческому обычаю, назван он Петрович в честь своего августейшего восприемника.

В это время его правящий сводный брат, я думаю, побужденный тогда еще живой матерью этого европейского Ганнибала, в предположении, что этот сводный брат еще находится в Константинополе в качестве заложника, захотел его выкупить через посредство других, и выполнение этого поручил одному из своих младших братьев; последний отправился по следам увезенного нового Иосифа; ⟨сперва он искал его в Стамбуле,⟩ а затем был в Петербурге, ⟨где рассчитывал его выкупить за большую сумму и захватить с собой.⟩ Однако, ⟨было невозможно возвратить язычеству и варварству столь многообещающего юношу, уже чувствующего себя убежденным христианином; привыкнув к европейскому образу жизни, он и сам не проявлял желания вернуться, и⟩ этому домогающемуся брату было отказано в его просьбе; ⟨тогда, одарив младшего брата ценным оружием и арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал он на родину, не добившись поставленной цели,⟩ с большой скорбью с той и другой стороны.

Много позже, уже в наше недавнее время, покойный родоначальник ныне в Европе существующего рода Ганнибалов хотел притязать на возобновление княжеского титула, опираясь на свое рождение от княжеских предков согласно этим документам и доказательствам; однако его старший сын, генерал-лейтенант и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, отсоветовал ему это предприятие на основании того аргумента, что княжеское достоинство требует и княжеского состояния.

Достичь этих требований старого времени в нужной степени было бы покойному главе этого рода вполне легко в нашем государстве, где заслуги столь достаточно вознаграждаются, если бы он отличался меньшей скромностью и умеренностью. Ибо блаженной памяти императрица Елизавета была его особенно милостивой и благосклонной защитницей, нередко оказывала ему честь, именуя братом, и неизменно встречала с особыми отличиями перед многими другими.

Однако он ни разу не воспользовался в свою выгоду представлявшимися случаями и не просил ничего для себя или своих; поэтому дело ограничилось теми подарками, о которых будет сказано ниже; к этому состоянию прикупил он еще несколько имений на собственные благоприобретенные средства, так что после его смерти его наследие могло состоять из тысячи четырехсот душ мужского пола.

Император Петр Великий с удовольствием видел растущие успехи своего крестника в знаниях и науках; для усовершенствования соответственно обстоятельствам тогдашнего времени послал он его с значительной стипендией и особыми рекомендациями к тогдашнему регенту Франции герцогу Орлеанскому с горячей просьбой взять на себя наблюдение за ним; там он полностью закончил в дворянском военном училище свою военную подготовку, особенно же изучение математики при великом Белиоре; произведенный оттуда в офицеры артиллерии, он затем участвовал в войне за испанское наследство во всех походах в чине капитана артиллерии; тогда же он был использован и в инженерном деле в минных галлереях, участвуя здесь в подземных сражениях; при этом однажды был сильно ранен в голову и в конце концов взят в плен.

Петр Великий тем временем неотступно следил за ним, замечая все его деяния. Если государь его и прежде любил почти отечески, то вследствие его хорошей славы, отзывов об усердии, способностях и поведении стал к нему милостивее, ⟨желая использовать в собственной службе своего питомца, в воспитании коего он заложил фундамент,⟩ он его вызвал по истечении 6 или 7 лет обратно.

Однако, заметные преимущества, которые Франция в то время имела перед Россией, тогдашняя роскошь двора и даже климат, более благоприятный природе африканца, представляли для него столько неотразимой прелести, что он не сразу последовал вызову на север и в течение еще двух лет отговаривался то еще неполным освоением всех математических наук, то плохим состоянием здоровья, и всё откладывал свое

возвращение. Настоящая причина этой проволочки не могла укрыться от проницательности государя. Он написал регенту, что Ганнибала к своей службе не неволит и настоящим предоставляет ему полную свободу действовать по собственной совести и доброй воле. Герцог показал ему письмо государя. — Это вновь оживило в нем признательность, и его благодарность к своему лучшему благодетелю заставила его сейчас же благодарить (французов) за всю честь и милости, которые он испытал на французской службе. Он подал в отставку ⟨и поспешил к своему государю, чтобы верноподданнически представиться для возобновления службы. Получив известие об его приближении,⟩ государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему навстречу из Петербурга до Красного Села, на 27-ю версту, а затем назначил его на 28-м году капитан-лейтенантом бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка; в последнем каждый правящий монарх всегда сам является капитаном, и потому Ганнибал по своей должности имел ежедневный верный случай часто говорить со своим капитаном, без предварительного доклада.

Затем, в качестве испытанного и заслуженного человека, он был использован для различных важных дел; и с окончанием каждого из них входил всё крепче и крепче в милость своего благодетеля. Незадолго до смерти государя он был командирован в Ригу для закладки нескольких крепостных верков. Ощущая недостаток в деньгах для личных расходов, он доложил это государю, который немедленно распорядился о пересылке ему 2000 голландских дукатов; ⟨вскоре же затем скончался. Еще большее доказательство высокой милости приснопамятного императора дает следующий факт: на смертном одре он не забыл своего Ганнибала, но в присутствии всех, окружающих его в момент кончины, настоятельнейшим образом⟩ поручил ⟨своей высокой наследнице — августейшей супруге и высокой принцессе,⟩ своей дочери, впоследствии императрице Елизавете, дальнейшую заботу о нем и защиту его как иностранца. Вскоре, по выполнении поручения, он вернулся из Риги ко двору, искреннейше помог оставшимся верным и преданным слугам почившего императора оплакивать столь болезненную и невознаградимую потерю своего горячо любимого государя и после многих усилий и хлопот всё же наконец получил при посредстве великой княжны Елисаветы назначенные ему две тысячи дукатов (немалая сумма по тому времени).

Императрица Екатерина I немедленно приставила его, как первого и лучшего инженера России, к своему внуку, наследнику, великому князю Петру Алексеевичу, будущему императору Петру II, для преподавания, главным образом, математических наук; в течение всего ее царствования он отправлял это поручение со всем прилежанием и усердием, был чрезвычайно любим этим государем ⟨и всегда неотлучно при нем находился⟩. После смерти блаженной памяти императрицы Екатерины I этот наслед-

ник вступил на дедовский престол, и в это же время Ганнибал был удален от двора. ⟨Однако это удаление не было знаком немилости. Воспитанный в кабинете Петра I, этого великого созидателя столь могущественного и громадного государства, в котором он и сам был не совсем бездеятельным, зная все планы и предположения, он был вследствие своей испытанной верности и честности следовательно не такой человек, который бы в этот момент и в такой близости ко двору, при столь хитром, всемогущем министре, каким был князь⟩ Меншиков, ⟨мог сделать свое счастье. Последний⟩ нашел ему чрезвычайно важное по виду поручение и удалил его таким образом из столицы, именно по ту сторону реки Амура, к тогдашней китайской границе, к предприятию, которое, как казалось, почти только для той цели и было создано, чтобы удержать Ганнибала по возможности долго вдали от двора до окончательного забвения. И даже после падения Меншикова стоящие у кормила государства князья Долгоруковы проявили столь же мало потребности видеть Ганнибала при дворе, и он попрежнему остался на границе Китая.

⟨По своему деятельному усердию он мог бы справиться больше, чем только с этим поручением. Следовательно, он скоро его выполнил. Написав доклад об этом, он повторял это несколько раз, но всё тщетно, — ответа не поступало. Под конец в этом диком месте недоставало необходимого для удовлетворения даже первых потребностей. Он думал, что его рапорт пропал вследствие бесконечно далекого расстояния, и пребывал в крайне неприятном положении, потому что его привычный к деятельности дух требовал лучшей пищи, и он желал таких обязанностей, которые бы более соответствовали его свойствам и карьере, на которую его звала честь.

В это время уже царствовала Анна Ивановна. При влиянии тогдашнего министра графа Бирона (будущего герцога Курляндского), который имел столь же мало основания, как сам Меншиков или Долгоруковы, терпеть вблизи столицы Ганнибала, как питомца Петра Великого, а следовательно обращал очень мало внимания на его столь жалобные донесения из Сибири; однако⟩ его старый верный друг граф Миних оказал ему помощь в возвращении из Сибири и в известном роде запрятал его затем в Перновский гарнизон в качестве инженер-майора, ⟨(в каковую должность он действительно был снижен во время своего отсутствия). Здесь же он был хоть вновь в обитаемой местности, среди людей, довольно далеко от лица своих завистников и, так сказать, незамеченным. Однако ему, человеку, который себя чувствовал способным к большему, чем это новое местопребывание, было достаточно скучно (он его терпеливо выносил всё же, сколь мог, долго)⟩. За это время он ⟨вторично⟩ женился, именно на дочери тамошнего капитана Матвея фон Шеберг (Schöberg). Этот капитан Шеберг был родом швед, жена же его, урожденная фон Альбедиль (Albedyl) — лифляндка. Он решился оставить эту ему больше

не выгодную службу, ⟨не дающую никаких видов на новое счастье и дальнейшее повышение в чинах. Он взял свои унаследованные 2000 и то, что он отложил из содержания за время своей службы,⟩ и купил себе расположенное недалеко от Ревеля имение Каррикулла ⟨в $1^1/_2$ ревельских гакенов⟩ и жил сельским хозяином, ⟨как нетребовательный мудрец с растущим семейством (которого без этого шага он не смог бы как следует обеспечить), столь хорошо и довольно, как это ему повелевала судьба.

Тут к нему вторично приблизился новый момент его счастья:⟩ Елисавета ⟨дочь Петра Великого,⟩ вступила на по праву принадлежащий ей отцовский престол. ⟨Хорошо ей знакомый⟩, он написал ей только следующие слова: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие свое!» ⟨В качестве милостивой и благосклонной принцессы вспомнила она тотчас верного слугу своих родителей, спутника ее молодости, выписала его к себе, по-царски одарила,⟩ пожаловала ему имение Рагола в Эстляндии, недалеко от Ревеля, с 600 крепостных в Плесковской провинции. Сделала его бригадиром и обер-комендантом Ревеля, и вслед затем генерал-майором. Затем он производится в инженер-генералы, потом в генерал-аншефы, состоя при этом директором каналов Петра Великого в Кронштадте и Ладожского, пока в царствование Петра III, вследствие болезненного состояния здоровья, особенно же своей жестокой подагры ⟨и ранений, полученных за время французской службы,⟩ не вышел в отставку и не начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое. Тут же он окончил и дни свои. Он умер в 1781 году, 14 мая, на 93-м году жизни. Похоронен он вместе с своей супругой в ⟨церкви своего главного имения⟩ Суйда ⟨Софийского уезда, в 58 верстах от С.-Петербурга. За 8 дней до смерти пребывал он в состоянии сильнейшего упадка сил, но столь хорошей памяти что смог припомнить в полной точности события за много лет и их рассказать.⟩

Его первая жена была родом гречанка и называлась Авдотья Алексеевна, она родила ему дочь Авдотью, и вскоре после того постриглась в Тихвине в монахини, где и скончалась. Дочь же ее умерла помолвленной невестой, в расцвете лет.

Его 2-я супруга Христина Регина фон-Шеберг, умерла на 76-м году 13 мая 1781, ⟨пребывая в своем же лютеранском вероисповедании, в котором она воспитывалась. Она похоронена в той же церкви, в Суйде.⟩ От нее у него было одиннадцать детей.

Абрам Петрович Аннибал (р. в 1697 или 1698 г., ум. 14 мая 1781 г.) — родоначальник русского рода Ганнибалов, прадед Пушкина (дед его матери, Надежды Осиповны Пушкиной, рожденной Ганнибал).

ордена св. Анны. — В немецком подлиннике значится: «Анны». Пушкин передал сокращенно: «Ан.». Это ввело в заблуждение некоторых редакторов. Так, Морозов (*М*[2] VI, 690) и Шляпкин (*Ш* 319) передают это место:

«ордена Андрея». Высшего русского ордена «Андрея Первозванного» Ганнибал не имел.

выводил оное прямо от Аннибала. — Ганнибал — знаменитый карфагенский полководец III века до н. э., боровшийся против Рима во 2-ю пуническую войну.

рагузинец — уроженец гор. Рагузы в Далмации у Адриатического моря.

был он в Польше окрещен. — В 1707 г., в бытность с Петром I в Вильне, крещен в православие в Пятницкой церкви.

королевой польской, супругой Августа II — Христина-Эбергардина.

нового Иосифа. — Имеется в виду аналогия с библейским рассказом об Иосифе, проданном братьями в рабство.

возобновить требование на Африканское владение. — Немецкий текст здесь средактирован неясно и, быть может, искажен переписчиком («притязать на своих княжеских предков и рождение — предъявить ⟨в документах⟩ и возобновить этот титул»). Однако, очевидно, имелись в виду лишь хлопоты о титуле. Ведь едва ли Ганнибал имел какие-либо права на африканские владения, будучи младшим сыном чуть ли не от тридцатой жены, при «соответствующем количестве детей», согласно немецкой биографии, или младшим из девятнадцати сыновей, согласно другому семейному преданию («Евг. Он.», гл. I, строфа L, примеч.). Что касается титула, то сомнительно, чтобы он его хотел добиваться в Абиссинии, где, судя по приезду брата, его принадлежность к семье владетельного князя, а следовательно, связанные с этим звания, не оспаривались. Вероятнее всего, он хотел хлопотать, в качестве отпрыска рода владетельных князей, о княжеском достоинстве в России. Совету сына он все же последовал, так как в делах Департамента Герольдии никакой переписки по этому поводу не имеется, а есть лишь дело о дворянстве и гербе (см. стр. 865).

с меньшею расточительностью. — Здесь при переводе не понят немецкий текст. Биограф Ганнибала высказывает ту мысль, что в России, где заслуги хорошо вознаграждаются, Ганнибал мог бы приобрести себе хорошее состояние, однако, довольствуясь немногим и отличаясь скромностью, он никаких благ себе не выпрашивал, и потому оставался человеком небогатым.

Регент — герцог Филипп Орлеанский, бывший в 1715—1723 гг., во время малолетства Людовика XV, регентом Франции.

Гишпанская наследственная война — так называемая война за испанское наследство (1700—1714), в котором Людовик XIV отстаивал притязания на испанский престол своего внука Филиппа Анжуйского (впоследствии Филиппа V, короля Испании) против коалиции, состоявшей из Англии, Голландии, Австрии и части германских государств. См. стр. 43.

Меншиков (род. ок. 1670 г., ум. в 1729 г.) — Александр Данилович, светлейший князь, фаворит Петра I, временщик при Екатерине I и Петре II до ареста (8 сентября 1727 г.) и ссылки в Сибирь.

поручение... по ту сторону реки Амура — согласно сообщению Д. Н. Бантыша-Каменского («Словарь достопамятных людей русской земли», 1836, 2, стр. 12), поручение заключалось в перенесении на новое место города Селенгинска.

князья Долгоруковы — Василий Лукич, Алексей Григорьевич с сыном Иваном и дочерью Екатериной, помолвленной за Петра II, и другие члены этой семьи — соперничали с Меншиковым в смысле влияния на Петра II, добились, в конце концов, его свержения и сами продержались у власти до воцарения Анны Иоанновны, когда они все были сосланы в Сибирь.

Граф Миних — Бурхард-Христофор (1683—1767), главный директор над фортификациями при Петре II; был во главе переворота 8 ноября 1740 г., свергнувшего Бирона; затем первый министр; при Елизавете сослан в Сибирь, откуда возвращен лишь Петром III.

«*Помяни мя господи, егда* ⟨приидеши во царствие свое⟩» — цитата из Евангелия от Луки, гл. 23.

Авдотья Алексеевна — Первую жену Ганнибала звали Евдокия Андреевна Диопер; в Пушкинском переводе она значится греческого вероисповедания, в немецкой рукописи — гречанкой по рождению. В «Родословной Пушкиных и Ганнибалов» Пушкин говорит о ней: «красавица, родом гречанка». Все биографы Ганнибалов называют ее гречанкой. Сведений о национальности отца ее, Андрея Диопер, капитана галерного флота, у нас нет.

В виду постоянной идентификации в немецких текстах слова греческий со словом православный, у нас нет твердой уверенности, что автор немецкой рукописи имел в виду национальность, тем более, что о второй жене говорится, что она была лютеранкой, т. е. подчеркивается принадлежность к религии.

Евдокия Андреевна была отцом выдана замуж за Ганнибала в Петербурге в январе—феврале 1731 г. против воли, причем до свадьбы она сошлась с флотским поручиком Кайсаровым. Вскоре затем Ганнибал был назначен в Пернов преподавать математику и черчение кондукторам. Евдокия Андреевна в первый же год изменила мужу с одним из его учеников, Шишковым; узнавший об этом муж посадил ее под караул, где подвергал пыткам, и начал бракоразводное дело, которое затянулось на 22 года, половину коих жена провела в заключении. За это время Ганнибал сошелся с Христиной-Региной Шеберг, прижив с ней детей; в 1736 г. ему удалось с трудом найти священника, согласившегося их обвенчать при живой жене. В 1753 г. (9 сентября) первый брак был расторгнут, Евдокия Андреевна заточена в Староладожский монастырь (а не Тихвинский, как говорится в немецкой биографии), второй брак Ганнибала и дети его узаконены. У Евдокии Андреевны детей от Ганнибала не было, так что сообщение о дочери Авдотье ошибочно (*РС* 1877, I, стр. 69—78).

Примечания к дословному переводу редактора с немецкой биографии (к местам, не вошедшим в перевод Пушкинской рукописи):

Граф Бирон Эрнест-Иоганн (1690—1772), с 1757 г. герцог Курляндский — временщик при Анне Иоанновне; свергнут после ее смерти Минихом и сослан в Сибирь; впоследствии возвращен.

Гак или *гакен* — известная площадь возделанной земли, по которой в Эстляндии взимались налоги и которая определялась по числу обрабатывавших ее рабочих, причем гак соответствовал одному недельному конному рабочему.

Примечания к записям Пушкина на полях перевода (стр. 39):

Шепелеву. — В немецком тексте этого слова нет. Оно добавлено Пушкиным на полях и, видимо, относится к слову «посланнику». В изданиях (*М*[3] 690 и *Ш* 319) введено в текст. Очевидно, имеется в виду Дмитрий Андреевич Шепелев, о котором известно, что он служил в гвардии, пользовался расположением царя, сопровождал его в 1716—1717 гг., во время второй его поездки за границу, впоследствии был генерал-аншефом, умер в 1759 г. Ни о службе, ни о поездке в Константинополь биографы Шепелева не сообщают. Пушкин относил привоз Ганнибала к 1696 г. Однако в то время, к которому впоследствии открытые документы [прошение Ганнибала (стр. 864) и формуляр (*РА* 1864[3], стлб. 228)] относят этот факт (1705—1706), послом в Константинополе был Петр Андреевич Толстой (1645—1729), именно с 1701 по 1714 г., причем он был первым постоянным послом в Турции. Сам Ганнибал указывает в упомянутом прошении, что он выехал в Россию при графе Савве Владиславиче. Таким образом, имя Шепелева здесь, в контексте, неясно и может быть объяснено в сочетании с Щепотьевым (см. ниже).

Щепотьев Михаил Иванович — сержант л.-гв. Преображенского полка, любимец Петра I, постоянно при нем находившийся и выполнявший различные поручения. Погиб в октябре 1706 г. в морском бою под Выборгом. Связь этой приписки с текстом неясна. Во всяком случае, очевидно, интерес к Ганнибалу направлял внимание Пушкина и на других любимцев Петра

Находящийся на полях рукописи стр. 1 расчет представляет собою, вероятно, вычисление года прибытия Ганнибала в Россию, но расчет этот неясен; 28 — возраст возвращения Ганнибала из Франции и получения им чина капитан-лейтенанта, 9 — возраст присылки его из Константинополя. Но даты основаны не на данных немецкой биографии и, может быть, приписаны позже перевода. Вообще даты в биографии Ганнибала очень спорны (см. М. Н. Лонгинов, *РА* 1864[3], стлб. 218—232).

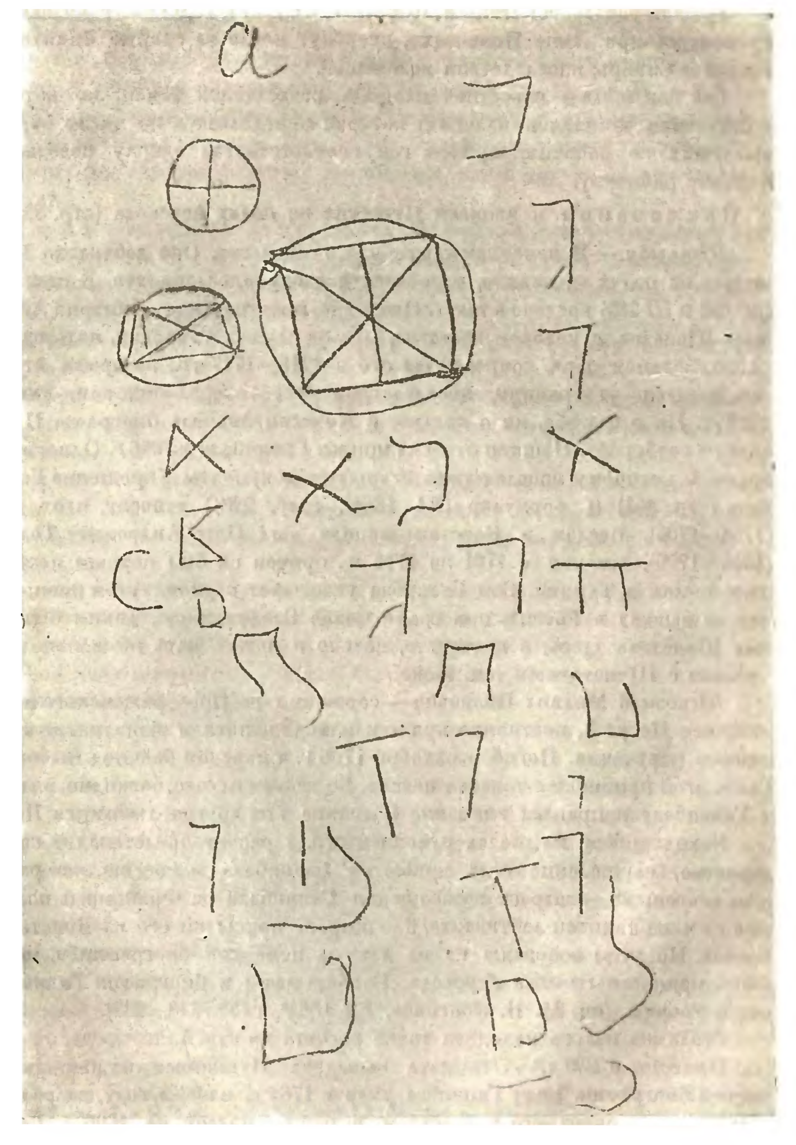
Столь же неясна исходная точка расчета на стр. 4.

Привезен в 696 г. — Эта дата выведена Пушкиным из данных немецкой биографии. Если Ганнибал умер в 1781 г. на 93-м году, то родился в 1688 г., и привоз его в 8-летнем возрасте падает на 1696 г. Расчет приблизителен.

6.

Запись еврейского алфавита

⟨л.95д⟩

⟨л. 94$_2$⟩

16 мая

A א א Alef alpha

ב bait B.

ג Dj Djimel Г Ж ג

ד Dalet Δελτα D T T

ה H Ha

ו W oao Y

ז Zin Z З Z

ח Heit

ט th θ theit

י i iwd

כ Kaf

ל lamed Λ λ

מ mem

נ noun

ס Samek.

ע aïn

פ fa

צ Som

ק qoof

ר p i.r kes

ש ш шинъ

ת taw

Запись Пушкина еврейского алфавита

⟨л. 93_2⟩	a	alef	⟨л. 94_1⟩	K
	b	Bait		L
	g	Djimel		m
	D	Dalet		n
	H	Ha		S
	ω	yay		Q
	Z	Zin		R
	H	Heit		Ш
	ϒ			T+
	Î			

Записи сделаны на лл. 93_2—95_1 записной книжки Пушкина, хранящейся в ПБЛ (см. *РП*, стр. 26). Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 918—919; ср. стр. 920.

Датированы самим Пушкиным 16 марта ⟨1832 г.⟩.

Записи на л. 95_1 представляют собою попытку вывести начертания еврейских букв из того же квадрата с двумя диагоналями и вертикальной линией, делящей квадрат на две равные части, вписанного в круг, из которого Пушкин выводил в своем table-talk начертания арабских цифр.

Запись на л. 94_2 представляет собою изображение еврейского алфавита в порядке букв, принятом в еврейской грамматике, с обозначением звукового качества букв, названий букв и соответствий отдельных букв в греческом алфавите. Буквы написаны в два столбца.

Правильное название седьмой буквы первого столбца — ז — заин, а не zin. Буква צ (четвертая во втором столбце) называется «цаде» или «цадик». Пушкин записал «som», может быть, под влиянием буквы samok (первая во втором столбце).

Запись на лл. 93_2—94_1, представляет собою таблицу соответствий еврейских букв буквам латинского алфавита, в двух случаях — греческого и в одном случае — русского. Буквы выписаны в один столбец в порядке еврейского алфавита, причем названия еврейских букв, приведенные в транскрипции, проставлены только при первых восьми буквах. Еврейская буква «вав», название которой Пушкин передает в русской транскрипции «уау», сопоставлена с греческой омегой, как и в записи на л. 94_2. Правильнее сопоставить ее с греческим ипсилоном, который, очевидно по ошибке, Пушкин выписал после «H» для обозначения соответствия еврейской букве «thait». После буквы «S» (еврейская буква «самех») выписано Q, соответствующее еврейской букве «коф», а три буквы еврейского алфавита, находящиеся между «самех» и «коф», опущены. В качестве соответствия букве «шин» выписана русская буква «ш».

В библиотеке Пушкина была книга по еврейскому языку: Hurwitz Hyman «The Elements of the Hebrew Language». London. 1829. См. *ПС* IX—X, № 1014, стр. 255.

7.

Roman du Renart.[1]

Seigneur vous avez oui maint conte
Que maint conteur vous raconte
Comme Paris ravit Helène
Les maux qu'il en eu et la peine
De Tristan qui fit la chevre
Qui en dit assez bellement
Et fables et chansons de gestes.
Roman du loup et de la bête
Maint autre conte par la terre.
Mais jamais n'ouïtes la guerre
dont la
Qui tant dura [de] grande issue
Entre Renard et Isangrin
Qui moult dura et bien fut dure
C'etoit pure guerre de deux barons
Onques ils ne s'entr'aimerent jor
Mainte mêllé et maint combat
Eut lieu entre eux. C'est vrai:
Des apresent je com̄enceroi l'histoire.
Et de la noise et de la dispute
Apresent entendrez le com̄encement
Par quoi et par quel mesentendu
Eut entre eux la defiance
Or écoutez si ça ne vous en̄uit
Je vous conterrai par déduit
Comment ils vinrent en avant

[1] Горизонтальная черта слева соответствует новой странице записной книжки Пушкина; в прямые скобки заключено зачеркнутое Пушкиным; в ломаные — написанное неразборчиво; заглавие и нумерация строк у Пушкина отсутствуют.

et lisant
Comme j[e] [l]'ai trouvé [lisant]
Qui fut renard & Isangrin.
Jadis je trouvai en un écrin
Un livre, ayant nom Aucupre.

dit
Là je trouvai maint[e] [reason]
De Renard & d'autre chose
Dont j'ôse et doit en parler.
En science, livre rouge
[Et] une grant letre vermeille
Là je trouvai mainte merveille

un
Si je ne l'eu trouvé en livre
J'eus tenu pour ivre celui
Qui diroit avoir eu telle aventure
Mais j'en dois croire l'écriture

En
[Et] desoneur meurt à bon droit
Celui qui n'aime livres ni n'y croit.
Aucupre dit en ce livre (letre)

clui
(Bien assisté de Dieux qui la fit metre)
Comme Dieu eut de Paradis
Adam et Eve dehors mis
Pour avoir outrepassé
Ce qu'il leur avoit comandé

et
Pitié l'en prit [qu] il leur donná

et
Une verge, [qu'] il leur montra que
Quand il n'auroient met⟨i⟩er de rien

la mer
De cette verge fraperoit.
Adam tint la verge en sa main,
En mer ferit devant Evain
Sitôt comme en mer il ferit
Une brebis fors en saillit

Lors dit Adam: dame, prenez
Cette brebis et la gardez;
Tant nous donera lait & fromage,
Assez en aurons compagnage.
Eve en son coeur pensoit
Que si elle encore une avoit
Plus belle seroit la compagnie.
Elle saisit tôt la verge
En la mer frapa roidement:
Un loup en saute, une brebis prend
A
Grand'allure et grand gallop
S'en va le loup fuyant au bois
Quand Eve vit qu'elle a perdue
Sa brebis, elle s'en fache,
Brait et crie: Ha Ha Ha!
Adam a repris la verge
En sa mer frappe par depit,
Un chien en saute hâtivement.
Quand il vit le loup, il courut
Pour la brebis qu'il veut reprendre
Il la redemande: tres contre son envie
Le loup lui laisse la brebis;
Si ne l'eu pas fait demain
S'il la tenoit ni au bois ni dans la plain
Pour ce que le loup eut mesfait
Il s'enfouit au bois tout honteux.
Quand Adam eut son chien et sa bête,
Et en eut grand joie & grand fête
Ces deux bêtes ne purent vivre
Ni durer bien longuement
Si
[S'il] elles n'étoient avec gent.
Les bêtes ne savoit pas penser,
Et mieux ne savoit se conserver.
Toute les fois qu'Adam frapoit
En la mer une bête en sortoit

Рукою Пушкина

Cette bête se retenoit
Quelle que fut, et s'aprivoisoit

—

Celle qu'Eve fit sortir
onqus
Elle ne put V retenir.
Si tôt que de la mer sortoient
Ils alloit au bois après le loup
Les Evains assauvagissoient
Et les Adams aprivoisoient
Entre autres en sortit
Le Gorpil, s['] assauvagit
Roux eut le poil, com̄e Renard
Fut tres gentil, rusé et gaingnard.
Par son esprit [toutes] trompoient
Toutes bêtes qu'il trouvoit.
Le Gorpil nous signifie
Renard qui soit tant de métier
Tout ceux qui sont gens d'engin & d'art
les
Sont depuis appel[oit] Renard.

—

Pour Renard et le Gorpil
Souvent seront cil & cil
Le Renard soit gens conspuer
Le Gorpil bêtes enguener.
Beaucoup furent d'un même lignage
Et de mêmes moeurs, et de coeur.
pareillement
Tout [aisement] d'autre part
Iz.⟨angrin⟩ l'Oncle de renard
brigands
Fut, sachez le, grand [voleur]
voleur de de
Et nuit et jour
ressamble au
Celui-ci [signifia] lou
Qui vola les brebis d'Adam

Tout ceux qui savent bien [voler]
Et de nuit & de jour piller,
Sont à bon droit dit Iz.⟨angrin⟩
—
même
Ceux-la furent tous deux d'un lignage
D'un même pensé⟨e⟩, d'un même cour
Furent tous larrons du même âge,
Et on appelle Iz.⟨angrin⟩
Le loup pour cette raison.
Dame Hersent signifie
La louve qui est si haïe
Que si elle est avide depillage
Bien lui peut Hersent ressembler.
въ веснушкахъ
Cette Hersent la lentilleuse
Qui est femme et épouse d'Iz.⟨angrin⟩
Ressemble à
[Signifie] la Gorpille
Car moult sait d'artifice & de carnage
Ainsi
[Car si] l'une est maitresse aboyeuse
L'autre mettresse gourmande⟨use⟩

Toutes deux furent bien d'un même coeur
De l'une l'autre soeur.
Richout la femme Renard
Pour le grand engin & l'art
Est dite la Gorpille Richout,
Si l'une est chatte, l'autre est mite.
ressemble
Et l'une est l'autre [signifie]
A beaucoup
[Beaucoup] en [si] bonne compagnie
Les quatre furent bien assemblés
tels
Cinq ne furen jamais trouvés
Si Iz.⟨angrin⟩ est maitre — Larron
est aussi
[Aussi est] le roux fort voleur

Si Richout est aboyeuse,
La Gorpille est fort luxurieuse.
Pour ce qu'étoient d'un même train
—
Etoit renard neveu d'Iz.⟨angrin⟩
Parcequ'il s'entre'aimoient
Et qu'ensemble souvent alloient
Si parfaitement com̃e, je vou dit,
Sont entre'eux parents et amis
Ne s'apartenoient pas autrement
Si mes bons livres ne me ment
Parceque le Gorpil disoit
Quand il alloit avec le loup
Bel oncle, que voulez vous faire.

Автограф находится в записной книжке Пушкина, служившей ему в 1828—1833 гг., на лл. 83_2—88_2 (см. *РП*, стр. 24—25, № 43). Хранится в *ПБЛ*.

Французская запись Пушкина публикуется впервые. Смысл ее не был ясен для исследователей рукописей Пушкина, считавших ее «выпиской» и связывавших ее с фаблью.

В действительности она представляет работу Пушкина над текстом знаменитого памятника классовых противоречий средневековья — буржуазной сатирической поэмы «Роман о Лисе» («Le Roman de Renard»). Коллективная поэма сложилась на интернациональной почве (Фландрия, Франция, Германия) и восходит к XII веку, пародируя систему феодальной иерархии. В 1794 г. Гете создал свой перевод-переделку — «Рейнеке-Фукса». В конце двадцатых — начале тридцатых годов XIX века интерес к этой поэме был значителен. В 1826 г. вышло первое, в 1832 г. — второе (с гравюрами) издание «Ренара», сделанные Мэоном.

Пушкин в письме к Рылееву от 25 января 1825 г. упомянул «Ренике-Фукса» в ряду с «Orlando Furioso», «Гудибрасом», «Вер-Вером», «Душенькой», сказками Лафонтена и баснями Крылова. До сих пор было известно лишь еще одно упоминание поэмы Пушкиным — в статье «О ничтожестве литературы русской»[1] (1834 г.): «Гете оживил сатиру Ренике Фукс». В черновике значится: «Германия (что довольно странно) отличалась Сатирой едкой шутливой, коей памятником остается „Ренике-Фукс"».

Приведенные слова давали возможность считать, что Пушкин знал коллективный древний животный эпос лишь по обработке его Гете и счи-

[1] Прежде статья была известна под названием: «О русской литературе с очерком французской».

тал его специфически германским явлением. Это предположение отпадает. Знакомство Пушкина с древнефранцузским народным эпосом в оригинале несомненно. Интерес Пушкина к французскому «Роману о Лисе» подтверждается также и наличием в библиотеке поэта изданий поэмы:

1) № 1324 — Мэоновское издание 1826 г.

2) № 1310 — «Le Renard ou le Procès des Animaux», 1803 (неразрезанная книга).

3) № 1325 — издание дополнений, вариантов и поправок, сделанное P. Chabaille, 1835.[1]

Однако не все эти издания были у Пушкина в момент его работы над приведенным текстом в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Об этом свидетельствует также счет Пушкину от книгопродавца, из которого очевидно, что Пушкин купил 21 ноября 1835 г. за 13 рублей «Roman du Renard» in 8°.[2] Надо полагать, что это был № 1325 библиотеки Пушкина, а что до этой покупки Пушкин имел издание Мэона (№ 1324) и работал именно с этим изданием. Работа заключалась в переводе древнефранцузского текста на французский язык. Пушкин заменял архаические, старофранцузские формы новыми, более близкими современному ему сознанию. Менял соответственно и старую конструкцию на модернизованный синтаксис, отчего разрушался подчас ритм (например, в стихе 48), уничтожалась рифма (стихи 5—6, 53—54 и др.).

Публикуемый текст соответствует по изданию Мэона (том I, стр. 1—28) первым 165 стихам первой песни.[3]

ROMAN DU RENART

C'EST DE BRANCHE DE RENART ET D'YSENGRIN COM IL ISSIRENT DE LA MER

Seignor, oï avez maint conte
Que maint conteres vos aconte,
Coment Paris ravi Helayne,
Les max qu'il en ot et la paine,
De Tristram qui la chievre fist,
Qui assez belement en dist
Et fables et chançons de gestes:
Romanz du leu et de la beste
Maint autre conte par la terre;

---

[1] *ПС* IX—X, 320, 323; первые значатся и в описи библиотеки Пушкина, сделанной после его смерти П. А. Вяземским и Н. И. Тарасенко-Отрешковым (копия была любезно сообщена мне Л. Б. Модзалевским). *Примеч. Д. Я.*

[2] *ПС* XIII, 114.

[3] В экземпляре Пушкина разрезаны стр. 1—72 (6-я песнь разрезана не вся).

Mais onques n'oïstes la guerre
Qui tant fut dure de grant fin
Entre Renart et Ysengrin,
Qui moult dura et moult fu dure.
Des deus barons ce est la pure,
Onques ne s'entr'amerent jor,
Mainte mellée et maint estor.

EPISODE DU ROMAN DE TRISTAN,
SUR LEQUEL MARIE DE FRANCE A FAIT UN LAI

Ot entr'aus deus, ce est la voire:
Dès or comencerai l'estoire
Et de la noise et du content.
Or orrez le commencement
Par qoi et par quel mesestance
Fut entre eus deus la deffiance.
Or oez, si ne vos anuit,
Je vos conteré par déduit
Comment il vindrent en avant,
Si con je l'ai trouvé lisant,
Qui fu Renart et Ysengrin.
Je trouvai jà en un escrin
Un livre, Aucupre avoit à non:
Là trovai-je mainte reson
Et de Renart et d'autre chose
Dont l'en doit bien parler et ose.
A une grant letre vermoille
Là trovai-je mainte mervoille;
Se je ne la trovasse el livre,
Je tenisse celui por yvre
Qui dite éust tele aventure;
Mès l'en doit croire l'escripture.
A dessenor muert à bon droit.
Qui n'aime livre ne ne croi.
Aucupre dist en cele letre
(Bien ait de Diex qui li fist metre!)
Come Diex ot de paradis
Et Adam et Evain fors mis
Por ce qu'il orent trespassé
Ce qu'il lor avoit commandé.
Pitié l'emprist, si lor dona
Une verge, si lor mostra

Qant il de riens mestier auroient,
De cete verge en mer ferroient.
Adam tint la verge en sa main,
En mer feri devant Evain:
Sitoit conen la mer feri,
Une brebis fors en sailli.
Lors dist Adam, dame prener
Ceste brebiz, si la gardez:
Tant nos donra let et fromage,
Assez i aurons compenage.
Evain en son cuer porpensoit
Que s'ele encor une en avoit.
Plus belle estroit la conpaignie.
Ele a la verge tost saisie,
En la mer feri roidement:
Un Leus en saut, la brebis prent,
Grant aléure et granz galos
S'en va li Leus fuiant au bos.
Quant Éve vit qu'ele a perdue
Sa brebiz, s'ele n'a aïue,
Bret et crie forment, ha! ha!
Adam la verge reprise a,
En la mer fiert par mautalent,
Un chien en saut hastivement.
Quant vit le Leu, si lesse corri
Por la brebiz qu'il velt rescorre.
Il li resquest: moult à enviz
L'a laissé li Leus la brebiz;
Si feroit-il encor demain
S'il la tenoit n'à bois n'à plaïn.
Por ce que mesfet ot li Leus,
Au bois s'en foui tot honteus.
Quant Adam ot son chien et sa beste
Si en ot grant joie et grant feste.
Selonc la sentence del livre
Ses deus bestes ne puent vivre
Ne durer mie longement,
S'eles n'estoient avec gent.
Ne savez beste porpenser
Miex ne s'en puisse consiévrer
Toutes les foiz c'Adam feri
En la mer, que beste en issi.
Cele beste si retenoient.
Quele que fust, et aprivoient

Cele que Eve en fist issir,
Ne pot-il onques retenir;
Sitost con de la mer issoient,
Après le Leu au bois aloient,
Les Evain assauvagisoient,
Et les Adam aprivoisoient.
Entre les autres en issi
Le Gorpil, si asauvagi.
Rous ot le poil conme Renart
Moult par fu cointes et gaingnart:
Par son sens toutes decevoit
Les bestes qanq'il en trovoit.
Icil Gorpil nos senefie
Renart qui tant sot de mestrie:
Tot cil qui sont d'engin et d'art
Sont mès tuit apelé Renart.
Por Renart et por le Gorpil
Moult par sorent et cil et cil.
Se Renart set gens conchier
Le Gorpil bestes engingnier
Moult par furent bien d'un lignage
Et d'unes meurs et d'un corage,
Tot ensement de l'autre part
Ysengrin li oncles Renart,
Eu, ce sachiez, moul fort roberre,
Et par nuit et par jour fort lerre.
Icelui Leu senefia,
Qui les berbiz Adam roba,
Tot cil qui sorent bien rober,
Et par nuit et par jor embler
Sont bien à droit dit Ysengrin.
Cist furent bien endui d'un lin,
Et d'un pansé et d'un coraje,
Larron furent tuit d'un aage,
Et Ysengrin apele-l'on
Le Leu par iceste acoison
Dame Hersent resenefie
La louve qui si est haïe
Que si par est aigre d'aubler
Bien puet cele Hersent senbler.
Cele Hersent la lentilleuse,
Qui fame ert Ysengrin espeuse,
La Gorpille le senefie,
Car moult set d'art et de murtrie;

Se l'une iert mestre abaeresse,
Et autre mestre lecharesse,
Moult firent bien les deux d'un cuer,
L'une fu l'autre...... suer
Por Richout la fame Renart
Por le grant engin et por l'art
Est la Gorpille Richeut dite,
Je l'une est chate, l'autre est mite.
Moult a ci bone conpaignie,
Et l'une et l'autre senefie.
Cist quarte furent bien asanblé,
Cinz ne furent mès tel trové.
Se Ysengrin est mestre lerre,
Aussi est li rous forz roberre:
Si Richeuz est abaieresse,
La Gorpille est fort lecharesse.
Por ce qu'erent si d'un train,
Estoit Renart niés Ysengrin;
Por ce que si bien s'entr'amoient.
Et qu'ansanble sovent aloient,
Li Leus dou Gorpie fait neveu,
Et li Gorpiz oncles dou Leu,
Si faitement con je vos di,
Sont entre eus parent et amis,
Ne s'apartienent autrement,
Por ce que le Gorpil disoit,
Quant il avec le Leu aloit,
Biaus oncles, que volez-vos fere?

Перевод: [1]

РОМАН О РЕНАРЕ

(ВОТ ВЕТВЬ[2] О РЕНАРЕ И ИЗЕНГРИНЕ, КАК ОНИ ВЫШЛИ ИЗ МОРЯ)

1 Сеньеры, вы слышали многие сказки,
Которые рассказывали многие сказители —
О том, как Парис похитил Елену,
О муках, которые он из-за этого претерпел, и страданиии;

[1] Русский перевод для настоящего издания сделан с текста издания Мэона, который служил оригиналом и Пушкину. В ломаные скобки заключены строки, выпущенные Пушкиным. Для удобства пользования текстом перевода на полях его проставлены те же цифры, что и при тексте Пушкина.

[2] Технический термин, обозначающий отдельные повести Романа о Ренаре, наслоявшиеся друг на друга так, что целое представляло как бы дерево с ветвями.

О Тристане, который сочинил лэ о жимолости
И который довольно прекрасно о том сказал;
Басни и героические песни;
Сказанья о волке и о животном;
И многие другие сказки на земле,
Но никогда еще вы не слышали о войне,
Которая была бы столь жестокой вплоть до своего великого конца,
Как та, которая была между Ренаром и Изенгрином,
Которая долго длилась и была очень жестокой,
Этой усобице двух баронов. Вот — чистая правда:
Они никогда не любили друг друга;
Много схваток и много стычек

⟨ЭПИЗОД РОМАНА О ТРИСТАНЕ, НА КОТОРЫЙ МАРИЯ ФРАНЦУЗСКАЯ СОЧИНИЛА ЛЭ.⟩

Было между ними, это истина.
Но вот начну я повесть
И о смуте и о споре.
Сейчас услышите начало,
Из-за чего и из-за какой неполадки
Возникла между ними вражда.
Сейчас послушайте, если вам не скучно,
Я вам расскажу для развлечения
О том, как они выступили,
Так, как я это нашел, читая
О том, кто был Ренар и Изенгрин.
Я нашел в ларце
Книгу, Окюпр по названию,
Там я нашел много чего
И о Ренаре и о другом,
О чем нужно и следует поговорить надлежащим образом.
Под большой рубрикой[1]
Я нашел там много диковинок;
Если бы я не нашел их в книге,
Я счел бы того за пьяного,
Кто бы рассказал подобное приключение;
Но писаному следует верить.
В бесчестии умирает по справедливости тот,
Кто не любит книги и не верит ей.
Окюпр говорит под этой рубрикой
(Помогай бог тому, кому он внушил эту главу!),

---

[1] Красной буквой.

Как бог из рая
Изгнал Адама и Еву
За то, что они преступили
Заповеданное.
Жалость взяла его, так что он дал им
Прут и показал им,
Что, как только им что-либо понадобится,
Они должны будут ударить этим прутом по морю.
Адам взял прут в руку
И ударил по морю в присутствии Евы:
Как только он ударил по морю,
Из моря выскочила овца.
Тогда Адам сказал: Госпожа, возьмите
Эту овцу и храните ее.
Она нам будет давать столько молока и сыра,
Что на нас этого хватит.
Ева про себя подумала,
Что если у нее будет еще вторая,
То хозяйство у них будет еще лучше.
Она схватила прут
И шибко ударила по морю.
Волк выскакивает из него, хватает овцу,
И быстрым ходом и галопом
Уходит волк, убегая в лес.
Когда Ева увидала, что она потеряет
Свою овцу, если ей не помогут,
Заорала и закричала она сильно: а! а!
Адам забрал обратно прут
И с досады ударяет по морю.
Быстро выскакивает из него собака.
Когда она увидела волка, она пустилась бежать
За овцой, которую она хочет спасти.
Она ее требует: очень неохотно
Волк оставил ей овцу.
Так бы он поступил и завтра,
Если бы он схватил ее в лесу или в поле.
Волк, так как он натворил злое,
Убежал в лес пристыженный.
Когда Адам получил свою собаку и свою овцу,
Он сильно возрадовался и возвеселился.
По словам книги,
Эти двое животных не могут жить вместе,
Ни долго существовать,
Если они не при людях.

Pour Renard et le Gorpil
Souvent seront cil & cil
Le Renard: tout que conspier
Le Gorpil bêtes engeigner
Beaucoup furent d'un même lignage
Et de mêmes moeurs, et de coeur:
tout. ~~autrement~~ pareillement; d'autre part
Iz. l'oncle de renard
fut, sachez le, grand ~~voleur~~ brigands
volur de
Et ~~nuit~~ & jour ensemble au
Celui-ci ~~engeignor~~ lou
Qui vola les brebis d'Adam
tout ceux. qui savait leur ~~robes~~
Et de nuit & de jour piller
sent à bon droit dit Iz.

Роман о Ренаре, стихи 108—122

Ceux-là furent tout deux d'un ~~lig~~ même
d'un même pere, d'un même cour
furent tous larrons de même âge
& on appelle Y3.
le loup pour cette raison.
Dame Hersent signifie
la louve qui est d. nature
Que si elle est avide de pillage
bien lui peut Hersent ressembler
Cette Hersent la sentilleuse et l'engouleuse
Qui est femme et épouse d'Y2.
~~signifie~~ ressemble à la gorpille
car moult sait d'artifice, & de
ceci. carnage
~~Car~~ l'une est maîtresse aboyeuse
l'autre mettresse gourmande

Роман о Ренаре, стихи 123—137

Вы не можете представить себе какого-либо другого животного,
Которое бы могло лучше охотиться.
Всякий раз, как Адам ударял
По морю, выходило животное.
Это животное они удерживали,
Какое бы оно ни было, и приручали,
Но тех, кого вызывала из моря Ева,
Никогда нельзя было удержать, —
Как только они выходили из моря,
Они бежали за волком в лес,
Евины дичали,
Адамовы приручались.
Среди других вышел оттуда
Лис и одичал.
Рыжий мех имел, как Ренар,
Большой был умница и хитрец,
Своим умом всех обманывал
Животных, каких бы он ни встречал.
Этот лис нам означает
Ренара, который в столь многом был искушен:
Все те, кто обладает хитростью и искусством,
С тех пор называются Ренарами.
Через Ренара и через лиса
Многому обучились и тот и этот.
Если Ренар умеет людей за нос водить,
То лис перехитрит животных.
Они были вполне одного рода,
И нравов одних и характера.
Вместе с тем, с другой стороны,
Изенгрин, дядя Ренара,
Был, да будет вам это известно, большим грабителем,
И днем и ночью он много разбойничал.
Этот волк означал —
Который похитил у Адама овец —
Всех тех, кто хорошо умеет грабить
И ворует днем и ночью, —
Все эти, по праву называются Изенгринами.
Все они идут от одной породы,
Они одинаковых мыслей и одинакового характера.
Все они разбойники с одних лет.
И Изенгрином называют
Волка по этой причине.
Госпожу Эрсенту, опять же, означает
Волчица, которую так ненавидят,

Потому что она так здорова красть,
Что может уподобиться этой Эрсенте.
Эту Эрсенту — веснушчатую,
Которая была супругой Изенгрина,
Означает лиса,
Так как она очень искусна и кровожадна.
Если одна была весьма алчной,
То другая — весьма прожорливой,
И они обе достигли большого единодушия,
Одна другой прямо была сестрой.
Из-за Ришё, жены Ренара,
Из-за великой хитрости и искусства
Называется лиса Ришё.
Если одна кошка, то другая моль.
Недурная здесь компания.
И та и другая что-либо да значат,
Эти четверо славно подобрались друг к другу,
Пятого бы такого не найти.
Если Изенгрин первый разбойник,
То рыжий изрядный грабитель,
Если Ришё алчна,
Лиса большая обжора.
Так как они все подходили друг к другу,
Ренар был племянником Изенгрина,
Так как они так друг друга любили
И вместе часто ходили,
Волк берет в племянники лиса,
А лис в дядюшки волка.
Точно так, как я вам говорю.
Они меж собой и родня и друзья,
И не находятся в иных отношениях,
Если моя добрая книга мне не лжет.
Так как лис говорил,
Когда выходил с волком на добычу, —
Милый дядя, что намереваетесь Вы сделать?

Переведенная Пушкиным песнь (заглавие «C'est la branche de Renart et d'Isengrin com il issirent de la mer») представляет наиболее древнюю, редкую ветвь (branche) поэмы (точнее — вступление в нее), приписываемую Pierre de Saint-Cloud (имя этого автора упоминается в предисловии, как и «le charmant poëme de Jean Wolfgang Goethe», p. XI).[1]

[1] Новейшую литературу о «Roman du Renart» см. у Sourd, Potyin Rothe, E. Martin.

Заинтересовавший Пушкина эпизод представляет собою вводный рассказ (до стиха 20-го — литературная интродукция; со стиха 20-го — самое повествование), якобы найденный в таинственной книге «Aucupre», о том, как бог, изгнав Адама и Еву из рая, дал им волшебную хворостину. Ударив ею по морю, Адам создает овцу и поручает ее Еве. Но Ева ударяет в свою очередь по морю. Выскочивший из моря волк гонится за овцой, спасаемой собакой, тем же способом созданной Адамом. От дальнейших ударов возникают Gorpil — прообраз лиса, Isengrin — прообраз волка, его жена Hersent и др. На их характеристике и начавшемся разговоре обрывается Пушкинский перевод (из 748 стихов первой песни Пушкин перевел 162).

Начальные стихи у Мэона имеют следующий вид:

Seignor, oï avez maint conte
Que maint conteres vos aconte,
Coment Paris ravi Helayne,
Les max qu'il en ot et la paine.
De Tristram qui la chievre fist,
Qui assez belement en dist...
etc.

У Пушкина:

S e i g n e u r v o u s avez o u i maint conte
Que maint c o n t e u r vous raconte
C o m m e Paris ravit H e l è n e
Les m a u x qu'il e n e u et la p e i n e
De T r i s t a n qui f i t l a c h e v r e
Q u i e n d i t a s s e z b e l l e m e n t
etc.

Уже сличение этих стихов дает возможность судить о методе работы Пушкина. Его перевод на новофранцузский язык, может быть, лишь стадия, предшествовавшая переводу поэмы на русский язык, быть может, только чисто учебная студия, задание которой — простой, механически «подстрочный» перевод.

В качестве словаря Пушкину должен был служить имеющийся в конце книги Мэона и сполна разрезанный Пушкиным (стр. 359—402) «Glossaire des mots hors d'usage» («Словарь вышедших из употребления слов»). Тщательный сравнительный анализ позволяет наметить в переводе Пушкина следующие важнейшие категории отличий от подлинника и способов передачи:

1. Случаи *замены близких форм* (seignor — seigneur, conteres — conteur, leu — loup, grant — grand, escrin — écrin).

2. Случаи *перевода* (onques — jamais, or — apresent, estor — histoire, fist issir — fit sortir (92), sens — esprit (103), ensement — pareillement.

3. Написание *собственных имен*: Evain — Eve (44), Renard — Renart, Les Evain и Les Adam — Les Evains и Les Adams (95—96).

4. Случаи *пояснений и колебаний*:

livre (letre) (41) — слово «letre» оригинала заменено через «livre», но в скобках вновь приписано «letre», между тем как в предыдущем стихе,

где не могло быть подобных смешений, оставлено «livres»; «toutes» (103) — вначале сохранено, потом зачеркнуто; «Fort roberre» (116) — сначала заменено через «grand voleur», потом через «brigands» (см. снимок); «senefia» (118—119) заменено через «signifia», но зачеркнуто и надписано «ressembla au» (стр. 134, 144); «rober» (120—121) переведено «voler» и зачеркнуто.

5. Случаи *расхождения стихов:*

Пушкиным пропущен стих 83 оригинала:

Selons la sentence del livre

Пушкиным пропущено двустишие (157—158)

Li Leus dou Gorpil fait neveu
Et li Gorpil oncles dou Leu.

Вследствие этих пропусков нумерация, даваемая нами, не совпадает с нумерацией и числом стихов оригинала.

Особо следует отметить *случай сохранения* старых форм: onques; колебание в написании «deduit» (24); «jor» (вместо jour), последнее подчеркнуто Пушкиным в стихе 15, но переведено ниже (121—122); «comment» (25); «fors» (54).

Старая конструкция сохранена в стихе 26: «lisant» зачеркнуто и перенесено в начало стиха.

Испорченный стих 140 оригинала (отмечен у Мэона: «Il y a ici un mot illisible») так и оставлен у Пушкина.

Подчеркнут Пушкиным в стихе 132 эпитет жены Изенгрина, дамы Hersent — «*la lentilleuse*». Любопытно, что кроме того (единственный случай в данном переводе) над этим словом дан *русский* перевод эпитета — «в веснушках» (см. снимок).

В стихе 144 Пушкиным сделана описка («et» заменено через «est»).

Перевод представляет собою один из самых больших известных нам (свыше полутораста строк) терпеливых переводов Пушкина с иностранного языка.

Ценитель сатиры, любитель «эзоповского языка», Пушкин тридцатых годов имел причины быть сильно заинтересованным «героическим эпосом наизнанку», «диким и глупым феодалом волком и веселым и злостным проходимцем Ренаром, буржуа и легистом, разлагающим цельность героического миросозерцания» (А. Н. Веселовский).

Перевод на новофранцузский язык сделан Пушкиным по изданию Мэона, очень неблагополучному в отношении текста. Правда, в это время лучших изданий не было. Принимая во внимание качество текста и состояние изучения Романа о Ренаре ко времени перевода Пушкина, ряд неясных мест подлинника просто не мог быть осмысленно переведен. Это

следует учитывать при сличении русского перевода (при выполнении которого переводчик пользовался советами проф. А. А. Смирнова и проф. В. Ф. Шишмарева) с текстом Пушкина. Это, например, относится к стиху:

De Tristram qui la chievre fist.

Если исходить из текста Мэона и не пользоваться посторонними тексту соображениями, иного перевода, кроме de Tristan qui fit la chèvre, получить нельзя, между тем при этом получается явная бессмыслица. Стих этот, по догадке А. А. Смирнова и В. Ф. Шишмарева, следует перевести так, как он дан в русском тексте, понимая под chèvre — chèvrefeuille — жимолость, что подтверждается указаниями на сочинение Тристаном lai du chèvrefeuille. Некоторые рукописи вместо qui дают в этом месте que, что может заставить предположить, что la Chièvre или (по другим рукописям) li Kievre есть имя автора, сочинившего повесть о Тристане. Это толкование стиха 5 и является обычным в современной литературе.

Перевод Пушкина, строго говоря, не является переводом, а просто модернизацией старофранцузских форм языка, причем ряд требующих пояснений мест в тексте перевода не разъясняется. К последним принадлежат такие стихи, как dont tant dura la grande issue; assez en aurons compagnage и т. д., смысл которых так и остается неясным, даже после перевода на современный язык. Непонятные слова Пушкин оставляет без перевода и подчеркивает: jor, letre, fors, brait. Все почти домыслы Пушкина в трудных местах оказываются неправильными:

14. C'etoit pure guerre de deux barons
77. il ne l'eut pas fait demain
86. Les betes ne savoit pas penser

Сравнительно удачный перевод Пушкиным некоторых трудных мест следует объяснить пользованием приложенным к изданию словарем, который, однако, в виду малой изученности старофранцузского языка в это время, мог ввести иной раз и в заблуждение. Французский язык перевода не на высоком уровне. Не говоря уже об орфографических ошибках (пропущенные accents, ошибки в употреблении простых и двойных букв, несогласование причастий, путаница в глагольных формах и т. д.), встречаются и прямые ошибки в употреблении времен и т. д. и неловкости в оборотах, вроде: très contre son envie.

В последней своей части текст Пушкина становится более небрежным и местами представляет собою сравнительно мало измененную выписку из старофранцузского текста.

На основании всего изложенного следует предположить, что перевод Пушкина не преследовал никаких художественных целей, а являлся для переводчика как бы проверкой понимания им старофранцузского текста.

8.

Сервантес. «Цыганочка»

A peine Pr. finit sa romance
quand de l'illustre auditoire
et du grave sénat qui l'é
de baucoup
coutoit [s'éleva] qui l'écou-
toi[t]ent se forma une seule
voix — qui lui dit — Recomence
Pr, car il ne te manquera
pas de quartos come terre.
Mais des doctes personnes qui
etoient à admirer la danse
et à écouter le chant de la
G. et dans [l]sa plus grande
fuga, vint à passer par
là un des lieutenants de
la ville, et voyant tant de
monde joint, demanda
qu'étoit-ce? — et lui fut
répondu qu'ils etoient à é
couter la G. jolie qui chan-
tait

Apenas acabò Pre su roman
[en]
ce, quando [del]* [l']ilustre au-
[en]
ditore y [del]* grave senado
que la oya
[que la escuchiaba], de mu-
chos [que la oja], se formò
una voz sola, que dixa:
torna à cantar, Pr. que quartos
a
no faltar[o]n como tierra.
as
Mas de doscient[es]personas
[à mirar] [l]
[que] estaban [escuchando] el
mirando
bayle y escucha[r] el canto de
la ndo
la G. y en [el] mayor fuga
el por alli
de [esta], acertò a passar √ uno[s]
de los tenientes y viendo
pregunto
tanto gente junto, que
era — y fuele respondido
que estaban escuchiando
la G. hermosa que cantaba.

Автограф находится на отдельном листе белой бумаги, in f°, без водяных знаков, вшитой жандармами в искусственно составленную ими тетрадь № 2376 Б, л. 17. Отсутствие каких-либо других текстов на этом листе и на продолжении его (л. 46), как и отсутствие водяных знаков, не дает оснований для датировки автографа. Писано карандашом.

Испанский текст расположен на правом столбце согнутого листа, французский — на левом.

Печатается впервые.

Упоминалось, как испанский текст с переводом его на французский язык, у *Я* X, 81. В *КП* VI, 329 в заметке «Сервантес» указано, что, «занимаясь изучением испанского языка, Пушкин обратился для упражнения к тексту одной из новелл Сервантеса „Цыганочка"».

Текст взят из новеллы Сервантеса «La Gitanilla» — проза, следующая непосредственно за первым стихотворным отрывком.

Приводим текст Сервантеса.

Apenas acabó Preciosa su romance, quando del ilustre auditorio y grave, senado que la oia, de muchos se formó una voz sola que dixo: torna á cantar Preciosa, que no faltarán quartos como tierra. Mas de doscientas personas estaban mirando el bayle y escuchando el canto de las gitanas, y en la mayor fuga de él, acertó á pasar por allí uno de los Tenientes de la Villa, y viendo tanta gente junta, preguntó, qué era; y fuéle respondido que estaban escuchando á la Gitanilla hermosa que cantaba.

Перевод: [1]

Едва Пресиоса кончила свой романс, как слушавший ее знаменитый аудиторий и важное судилище закричали в один голос: «Еще, еще, Пресиоса. За квартами дело не станет». Более двухсот человек смотрели пляску и слушали пение Хитанок, и в самый-то разгар случилось проходить там одному из городских тениентов. [2] Видя такое стечение народа, он спросил: что тут такое? Ему отвечали, что слушают, как поет красавица Хитаночка.

Примечание см. следующий номер.

9.

Сервантес. «Цыганочка»

En pauvre finit le dernier
vers, dit a ce moment P, mau-
vais signe — jamais les a-
mouréux ne disent qu'ils

---

[1] Нами взят перевод с испанского П. Петровского, почти современный Пушкину, напечатанный в журнале «Сын Отечества» 1842, ч. I, № 2, отдел IV (Иностранная словесность), стр. 1—22, и ч. II, № 3, отдел IV, стр. 1—58, где повесть Сервантеса названа «Хитаночка». Данный отрывок находится в № 2 на стр. 10—11.

[2] Род пристава с судебной властью. *Прим. переводчика.*

sont pauvres, car á mes
principes, la povrètè parut
être la grande enemie de
l'amour —
En pobre acaba el ul-

esta
timo verso, dixo a [questa]

a
sazzone P. mal[e] señal.
nunca los enamorados
han de decir que son
pobres, porque à los
principios a mi parece

es
la pobrezza [ser] la
muy enemiga del amor

Автограф, написанный карандашом, находится в записной книжке[1] 1828—1833 гг., хранящейся в *ПБЛ*. Запись эта расположена в цепи текстов, написанных с обратного конца тетради и писавшихся в аккуратной последовательности в марте и апреле 1832 г. Непосредственно перед ней (на л. 91_2) написан черновой текст стихотворения «Когда-то (помню с умиленьем)», вписанного в альбом кж. А. Д. Абамелек 9 апреля. Таким образом, испанский и французский текст написаны, вероятно, в апреле 1832 г. Так нужно датировать по связи с ним и предыдущий перевод с испанского.

Настоящая запись считалась ранее неразборчивой.[2] Печатается впервые. В работе К. Н. Державина («Slavia, 1934. Ročnik XIII, Sešit 1, стр. 114—120) дан анализ этой записи, установлена ее связь с выпиской (стр. 83) и то, что тексты заимствованы из «Novela de la Gitanilla» Сервантеса (экземпляр Пушкинской библиотеки Novelas exemplares de Miguel de Cervantes Saavedra, 1816, I, p. 20).

Буквой «P» Пушкин обозначил сокращенно имя героини — Preciosa.

Этот отрывок является прозой, следующей непосредственно за второй стихотворной частью «Цыганочки» Сервантеса.

---

[1] См. *РП*, стр. 24—26, № 43.
[2] Там же, стр. 25.

Приводим текст Сервантеса.

En pobre acaba el ultimo verso, dixo á esta sazon Preciosa, mala señal; nunca los enamorados han de decir que son pobres, porque á los pricipios á mi parecer la pobreza es muy enemiga del amor.

Перевод: [1]

В последней строфе сказано: бедный, сказала Пресиоса: худой знак! Возлюбленные никогда не должны говорить, что они бедны, потому что для начала бедность, как мне кажется, большой враг любви.

До сих пор о знакомстве Пушкина с испанским языком было известно лишь два свидетельства. 12 сентября 1825 г. Пушкин писал Катенину: «по гишпански не знаю». И второе: отец поэта, С. Л. Пушкин, в своих «Замечаниях на так называемую биографию А. С. Пушкина, помещенную в „Портретной и биографической галлерее"» («Отечественные Записки» 1841, т. XV, особое прилож., стр. 111), между прочим говорит: «... справедливее бы прибавить, что он выучился в зрелом возрасте по-испански».

Теперь, после обнаружения в тетрадях поэта двух испанских записей, слова С. Л. Пушкина получают документальное подтверждение.

Оба текста представляют собою материал для упражнений в испанском языке. Если относительно второго текста можно с уверенностью сказать, что испанский текст является обратным переводом с французского, так как оба текста — французский и испанский — написаны под ряд в один столбец, причем испанский следует за французским, то относительно первого текста возможны два мнения. В пользу перевода с испанского на французский говорит расположение текста. Когда Пушкин переписывал тексты набело, но предполагал, что могут быть изменения (например, рукопись «Истории Пугачева», представленная для прочтения Николаю I,— № 2390), или переписывал тексты для перевода (например, Мицкевич, см. стр. 549—550), то он постоянно, можно сказать почти — как правило, сгибал листы сверху вниз пополам и писал на французский лад основной текст на правом столбце, если он был на правой странице, и на левом столбце, если он был на левой странице, иначе говоря, писал на наружном столбце. Далее, более вероятно предположить перевод таких сравнительно трудных выражений, как torna á cantar — recommence... acertó á pasar — vint á passer, с испанского на французский, нежели обратно.

Наконец, упражнения в обратном переводе имеют только тогда смысл, когда после перевода происходит тщательное сличение с подлинником, в то время как здесь в испанском тексте оставлен ряд ошибок.

---

[1] Перевод взят из упомянутой выше русской публикации «Хитаночки», стр. 15, № 2.

Если это предположение признать правильным, следует думать, что при переписке запоминалась фраза целиком, а затем переписывалась. Так как Пушкин воспринимал испанский на фоне других романских языков, могли возникнуть ошибки с синонимами oir: escuchar и т. д. Предположение, что в данном случае имел место обратный перевод (мнение В. Ф. Шишмарева и К. Н. Державина), основано главным образом на следующем.

Во-первых, во французском тексте есть слова, пропущенные в испанском, un des lieutenants de la ville: у Пушкина uno de los tenientes (de la villa — пропущено); во-вторых, исправления синонимов; конструкции с инфинитивом вместо герундия, à (с acente agudo вместо grave, под влиянием французского языка), mirar вместо mirando и т. д.; наконец, вообще большее количество исправлений в испанском тексте, нежели во французском. Если кроме того привлечь и второй текст, то тут выступят соображения аналогичного характера упражнений и, далее (предполагая что оба текста написаны примерно в одно время), что Пушкин умел переводить обратно на испанский довольно сложные выражения — à ce moment: á esta sazon.

На какой бы гипотезе мы ни остановились, из настоящих отрывков можно вывести следующие заключения. Прежде всего настоящие упражнения указывают на поверхностный характер занятий (небрежное исправление ошибок и т. д.); испанский язык воспринимается на фоне ранее знакомых французского и итальянского языков (ср. отражение в орфографии испанского escuchiar, sazzon, pobrezza); о произношении написанного испанского, да и, быть может, итальянского слова, если судить по этим текстам, Пушкин имел довольно неточное представление; к испанской орфографии (да и к французской, например povrété) Пушкин относится невнимательно; испанский он понимал настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря.

На последнее обстоятельство указывает характер нескольких грубых ошибок: mas de doscientas (более двухсот): mais des doctes (но из ученых); á los principios (для начала): à mes principes (в смысле selon mes vues? — согласно моим воззрениям — «à mes principes» в данном контексте — бессмыслица). Иногда, впрочем, Пушкин мог справляться со словарем — acertó á pasar могло быть переведено со словарем (их у Пушкина было несколько см. *ПС* IX—X, №№ 579, 827, 936 и 937) или понято из контекста.

Если основываться на степени понимания испанского, то второй отрывок был написан позднее первого, так как указывает на более удовлетворительное знание языка. К данным отрывкам правильнее всего было бы, пожалуй, подходить как к вспомогательным средствам для запоминания испанских слов и целых выражений. Следы этих упражнений свидетельствуют еще раз о действительно незаурядной памяти Пушкина.

10.

Гомер. «Одиссея»

ΤΗΣ ΟΜΗΡΟΥ ΟΔΥΣΣΕΙΑΣ, **Омірова Одиссея**

Ραψοδια, γραμμα

повѣдай **много**

Мужа мнѣ designe **многоразлично** [*прэбр*] **много**

Ανδρα μοι εννεπε, Μουσα, πολυτροπον, ος μαλ[λ]α πολλα

странствующій когда жертва город — напряженъ

Πλαγχθη, επει Τροιης ιερον πτολιεθρον επερσε

много мужей вотъ

Πολλον δ'ανθροπον ιδεν αστεα και νου εγνω

много

Πολλα δ'ογ εν ποντω παθεν αλγεα ον κατα θυμον

Αρνιμενος ην τε ψυχιν νοστον επαιρων.

Αλλα ουδ ος εταρος ερριοατο ιεμενος περ

Мужа мнѣ повѣдай, Муза, многоразлично

Странствующій послѣ Тро жертва городъ напряженъ

Мног муж

[что]

Написано карандашом на л. 2_1 в т. № 2374. У *Я* IX, 641 приведено лишь заглавие, весь же текст нами печатается впервые. Судя по положению в тетради, запись датируется 1833 годом. Запись представляет собою «транскрипцию» заглавия и первых шести стихов первой песни «Одиссеи» Гомера.

В библиотеке Пушкина имеется «Одиссея» на греческом языке в издании: 'Η του 'Ομήρου 'Οδυσσεία. Homeri Odyssea. Glasguae. Excudebant Andreas et Jacobus Duncan. 1819». («Одиссея Гомера. Глазго. Напечатали Андрей и Яков Дункан. 1819»). См. *ПС* IX—X, стр. 252, № 1000.

Возможно, что с текста в этой книге и списывал Пушкин. На намерение его изучать греческий язык, может быть, указывают имеющиеся в библиотеке Пушкина книги: Павел Антонович, «Греческого языка начальное познание», в двух частях, изд. 1797 г., и Vendel-Heyl L. A. «Cours de Thèmes Grecs, précédé d'une Grammaire Grecque». Paris. В двух частях. (Вендель-Гейль Л. А. «Сборник упражнений в греческом языке, с грамматикой». Париж.)

До этого времени не занимаясь греческим языком, Пушкин и при списывании печатного текста сделал ряд «упрощений», описок и ошибок.

Прежде всего, Пушкиным не проставлены ни ударения, ни знаки «густого» и «легкого» придыханий при гласных в начале слов. Написания: «ψυχιν» вместо «ψυχην», «ερρισατο» вместо «ερρυσατο», «Αρνιμενος» вместо «Αρνυμενος», свидетельствуют о том, что Пушкин умел читать по-гречески и что читал он в так называемом рейхлиновском произношении, где «η» и «υ» произносятся как русское «и». Кроме этого сделаны следующие ошибки: в третьем стихе не «πολλονι» и «ανθροπον», а «πολλων» и «ανθρωπων», не «νον», а «νοον»; в пятом после слова «ψυχιν» пропущено слово «και»; в шестом — не «εταρος», а «ἑταρους».

Перевод пятнадцати слов сделан с ошибками, а именно:

πολύτροπον — не «многоразлично», как написано у Пушкина, а «многоизворотливого», «многоопытного», «хитрого».

μαλα — не «много», а «очень», «весьма».

πλαγχθη — не причастие: «странствующий», а аорист: «странствовал».

ἱερον — здесь не существительное «жертва», а винительный падеж прилагательного «священный».

ἔπερσε — не «напряжен», а «разрушил».

ἴδεν — не «вот» (если, конечно, это слово так читается у Пушкина), а «видел».

Выписанные шесть стихов, с переводом которых совсем не справился Пушкин, могут быть переведены так:

«Поведай мне, муза, о многоопытном муже, который очень долго скитался, после того как разрушил священный город Трои; многих людей, города он видел и изучил их образ жизни; много страданий перенес он в своей душе на море, заботясь (стараясь добиться) о спасении своей жизни и о возвращении товарищей. Но и таким образом он не спас своих друзей, как ни желал».

О знании греческого языка Пушкиным см. стр. 23. См. еще выходящее вскоре факсимильное издание «Рукописи Пушкина». Выпуск I. Альбом без переплета (тетрадь № 2374), где попытка перевода с греческого комментирована Н. К. Козминым. Изд. «Academia», 1935.

11.

Вордсворт. «Экскурсия»

Изъ Wodsworth

лѣтнее утро — Авторъ доходитъ до развалившейся хижины въ деревнѣ, и тамъ встрѣчаетъ почтеннаго друга, путешественника, о коемъ отдастъ отчетъ. Странникъ, покамѣсть отдыхаетъ подъ тѣнью деревъ осѣняющихъ хижину, разказываетъ повѣсть о послѣднемъ ея обитателѣ.

Было лѣто, и солнце взошло ужъ высоко — Съ югу поля неясно блистали сквозь паръ, Но вся сѣверная сторона возвышаясь въ ясномъ воздухѣ являла далече[1] (far off, au loin) поверхность запятнанную[2] тѣнями (brooding, couvant) облаковъ тѣнями, лежащими по своимъ мѣстамъ недвижно и опредѣленно, между тихими лучами яркаго и веселаго солнца — приятнаго тому кто на мягкій холодной мохъ простиралъ безпечные члены, передъ великой пещерой, коей каменистый (ceiling, plafond) кровля[3] простирала сумракъ (of its own, отъ себя самихъ) широкую тѣнь, въ коей (wren roitelet) пташки поютъ — Покамѣсть дремлющій человѣкъ (with side long eye) косымъ долгимъ взоромъ глядитъ на зрѣлище силою сего наклоненнаго убѣжища простертаго до самаго прелестнѣйш⟨аго⟩[4] отдаленія — Не такова была участь моя, но я скоро надѣялся найти столь же пріятное убѣжище и столь живую радость — Черезъ пустую и широкую (common) деревню шелъ я (baffled amusé) томными шагами по скользкому грунду — Не могла моя слабая рука отогнать (the host, l'armée) толпу мошекъ (gathering) вьющихся около моего лица и со мною неразлучныхъ пока я шелъ —

Автограф карандашом находится в тетради № 2374, лл. 31_2 и 31_1 (верхом вниз). Заглавие и первые семь слов напечатаны впервые у *Я* IX, 644. Затем вдвое больше было напечатано в *М*[2] II, 495, и то же в *В* IV, 352, и несколько меньше в примеч. *В* V, LIII. Впервые полностью весь текст напечатан Н. В. Яковлевым в статье его «Перевод Пушкина из поэмы Вордсворта „Экскурсия"», в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926, стр. 133. Там же впервые указано, что перевод Пушкина сделан с начала поэмы Вордсворта «The Excursion». Первый абзац сделан с прозаической ремарки, дальнейший текст с двадцати четырех начальных стихов поэмы. Там же приведен и текст английского оригинала, который приводим и мы.

A summer forenoon. — The Author reaches a ruined Cottage upon a Common, and there meets with a revered Friend, the Wanderer, of whom he gives an account. — The Wanderer, while resting under the shade of the Trees that surround the Cottage, relates the History of its last Inhabitant.

---

[1] *Вписано позднее.*
[2] *Под этим словом записан вариант:* изпещренная.
[3] *Было начато слово:* свод; *заменив это слово словом:* кровля, *Пушкин забыл согласовать с ним грамматически прилагательное.*
[4] *Чтение предположительное.*

'T was summer, and the sun had mounted high:
Southward the landscape indistinctly glared
Through a pale steam; but all the northern downs,
In clearest air ascending, show' d far off
A surface dappled o'er with shadows flung
From brooding clouds; shadows that lay in spots
Determined and unmoved, with steady beams
Of bright and pleasant sunshine interposed;
Pleasant to him who on the soft cool moss
Extends his careless limbs along the front
Of some huge cave, whose rocky ceiling casts
A twilight of its own, an ample shade,
Where the wren warbles; while the dreaming Man,
Half conscious of the soothing melody,
With side-long eye looks out upon the scene,
By power of that impending covert thrown,
To finer distance. Other lot was mine;
Yet with good heart that soon I should obtain
As grateful resting-place, and livelier joy.
Across a bare wide Common I was toiling
With languid steps that by the slippery ground
Were baffled; nor could my weak arm disperse
The host of insects gathering round my face
And ever with me as I paced along.

Перевод: [1]

Было лето, и солнце высоко взошло;
К югу ландшафт неясно блистал
Сквозь бледный пар; но все северные склоны,
Подымаясь в чистейшем воздухе, являли издали
Поверхность, испещренную тенями, упавшими
От остановившихся облаков; тенями, которые лежали пятнами,
Отчетливыми и недвижными, вперемежку
С крепкими лучами яркого и отрадного солнечного света,
Отрадного тому, кто на мягкий мох
Простирает беспечное тело у входа
Какой-нибудь огромной пещеры, чей скалистый навес отбрасывает
Собственный сумрак — широкую тень,
В которой щебечет королек, меж тем как дремлющий человек,
Едва сознавая нежащую мелодию, [2]

[1] Перевода прозаической части не даем, так как Пушкин перевел ее безошибочно.
[2] Эту строку Пушкин при переводе пропустил.

Искоса посматривает на зрелище,
Которое благодаря нависающему крову отодвинуто
В еще более прекрасную даль. Не такова была моя участь,
Но я всё же надеялся, что скоро обрету
Такой же отрадный приют и живейшую радость.
Через пустой широкий выгон я брел
Усталыми шагами, затрудненными скользкой почвой,
И моя слабая рука не могла рассеять
Рой мошек, собиравшихся вокруг моего лица
И неразлучных со мною всё время, пока я шел.

Пушкин, переводя этот отрывок, задавался, вероятно, одними лишь целями упражнения в английском языке. Любопытно фонетическое написание фамилии английского поэта. Так же написана она и в автографе [1] Сонета: «(из Wodsworth)».

Перевод этот сделан, судя по положению в тетради, в феврале — октябре 1833 г., о чем подробно см. в статье С. М. Бонди «История заполнения тетради» в выходящем вскоре факсимильном издании «Рукописи Пушкина». Выпуск I. Альбом без переплета (тетрадь № 2374). Изд. «Academia», 1935. Там же см. и комментарии Д. П. Якубовича к переводу из Вордсворта.

12.

Сербская песня

Славiј птица мала свакомъ покој дала
А мени јунаку [2] три туге задала
Прва ми је туга на срдашцу моме
Што ме није мајка оженила млада

Соловей, мой соловѣйко
Птица малая ночная —
А [3] тебя у [4] малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни —

Автограф написан на четвертке белой бумаги, вшитой в случайно составленную жандармами тетрадь № 2375 (*ЛБ*). Искусственно полученные

[1] В *ИРЛИ*.
[2] *Поправлено из:* юнаку.
[3] *Описка вместо:* У.
[4] *Поправлено из:* ли.

два листка имеют жандармские цифры 18 и 35. На листке 35-м и расположен публикуемый текст. На этой четвертке находится еще несколько текстов: два черновика стихотворения «Когда б не смутное волненье» (1833 г., осень),[1] черновой набросок начальных строк «Осени» (октябрь 1833 г.), три стиха из «Медного всадника» или «Родословной моего героя» (октябрь 1833 г.), программа автобиографических записок «Кишенев — приезд мой из Кавказа...».

Все эти тексты писаны одним почерком и одними резко-черными чернилами, встречающимися у Пушкина очень редко. Ясно, что все они написаны в одно время, [2] то есть, повидимому, в октябре 1833 г.

Впервые напечатано у *Я*, IX, 649. Факсимильное воспроизведение дано в книге А. К. Виноградова «Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928; стр. 238.

Сербский текст является выпиской начала сербской песни «Три величайших печали» из I тома собрания сербских песен Вука Стефановича Караджича («Народне Српске пјесме, скупио и на свијет издао Вук Стеф. Караџић». 1824).

Следующие четыре стиха — начало стихотворения Пушкина «Соловей» — переложение сербской песни.

В переводе сербский текст читается:

Соловей, птица малая, всякому покой дала,
А мне, молодцу, три печали задала:
Первая печаль на сердечке моем,
Что меня мать не женила молодого

Как и всегда, непонятные слова в переводимом тексте Пушкин подчеркнул; не узнав, что они значат, он взялся за перевод. Отсюда несоответствие его стихотворения «Соловей», где «рано молодца женили», оригиналу, где «мать не женила молодого».

Несоответствие это отмечено еще Н. О. Лернером [3] в его статье «О Пушкине» (*РС* 1912, № 4, 105).

---

[1] Беловой автограф, виденный Анненковым, имел на себе помету «1833, дорога. Сентябрь». Вероятно это — время встречи, породившей стихотворение, которое было написано уже в Болдине, в октябре, в одно время с «Медным всадником».

[2] Никак нельзя согласиться с А. К. Виноградовым, который непонятным образом видит в интенсивно-черных чернилах чернила разного цвета и строит на этом разновременность записей на этом листке, чтобы оправдать предвзятое положение, что Вука Караджича надумал Пушкин переводить в 1828 г., а стал переводить в 1833 г. («Мериме в письмах к Соболевскому», М. 1928, стр. 238—239).

[3] В *ПС* XXXVIII—XXXIX, стр. 98. М. Н. Сперанский, в статье «К вопросу о песнях, записанных Пушкиным», неправильно возражал Н. О. Лернеру.

13.

Бари Корнуол. «Марциан Колонна»

O thou vast ocean! ever souding sea	O toi vaste ocean, toujours звучащее море.
thou symbol[1] of drear immensity	Символъ ужасной безпредѣльности
thou thing that windest round the solid world	бродящая около Ты вещь [окружающая] твердую землю
Like a huge animal, which downward hurld	сильному Подобно великому звѣрю, который внизъ брошенный
From the blak clouds, lies weltering and alone	съ черныхъ тучь лежитъ гранича и одинъ
Lashing and writhing till its Strength be gone	бьясь и клубясь пока сила его пройдетъ — —
thy voice is like the thunder, and thy sleep	Голосъ твой подобенъ грому
Is as a giant's slumber, loud and deep —	Сонъ ему великому тяжелъ и глубокъ.
thou speakest [Ты] in the East and in the West	Ты вдругъ говоришь на востокѣ и на западѣ
At once — and on thy heavily laden brast	тяжело И по твоей [глубоко]-нагруженной груди
Fleats come and go, and shapes that have no life	Приходятъ и уходятъ [Идутъ туда] [и] и образы безъ жизни
Or motion, yet are moved and met in strife	и движенія, но двигнутые и борющіяся

⟨*на обороте:*⟩

Земля ничего не имѣетъ моря chance[2] волнуетъ ruffles[3] [Довольно для земли!] — ни accident[4] ни переливы не измѣняютъ ея поверхности, духи ея не смѣютъ дать отвѣтъ бурно проснув-

[1] *s* переделано из *c*.
[2] удача *(фр.)*. [3] тревожат *(англ.)*. [4] злоключение *(фр.)*.

шемуся воздуху — но по ея пространству слабыя властители раз-
ранять
поряжаются по волѣ, и [раздираютъ] ея грудь какъ идетъ

Всегда одна, она не имѣетъ ни прилива ни [волнъ]. отлива —
statio[1] возвращаются
но въ ихъ положеный кругъ Времена приходятъ и [проходятъ]
какъ видѣнья къ своимъ незримымъ жилищамъ — и вновь прихо-
дятъ и изчезаютъ — молодая весна всегда блеститъ листьями и
кличетъ е ое дѣло
цвѣтомъ, и всегда зима [winds][2] сво[й] печальн[ый] [рогъ], когда
потеряннымъ
дикая осень съ видомъ [забытомъ] умираетъ въ своей бурной зрѣ-
вянутъ
лости — и небо плачетъ и [ник] цвѣты когда бѣжитъ лѣто —

Ты одинъ, ужасный Океанъ — имѣешь власть волю и гласъ;
и въ твоей wrathful[3] часъ когда ты свой гнѣвъ lift.[4] къ облакамъ
ужасная и великолѣпная краса покрываетъ твое широкое седое
чело —

Автограф находится в *ИРЛИ* (№ 357), куда поступил из Онегинского собрания (*ПС* XII, стр. 18, № 45).

Текст, написанный чернилами, расположен на первой странице сложенного пополам полулиста простой писчей бумаги; прозаический текст помещается на 4 странице того же листа. На четвертушках этих — жандармские пометы 78 и 79.

Впервые текст был опубликован Н. В. Яковлевым в *НП*, 141—144, и вторично — в переиздании этой книги. Яковлевым установлено, что английская выписка и перевод сделаны Пушкиным из поэмы Бари Корнуоля — «Marcian Colonna» (часть III, строфа VII).

Приводим текст английского оригинала:

The earth hath nought of this: no chance nor change
Ruffles ist surface, and no spirits dare
Give answer to the tempest-waken air;
But o'er its wastes the weakly tenants range
At will, and wound its bosom as they go:
Ever the same, it hath no ebb, no flow;
But in their stated rounds the seasons come,
And pass like visions to their viewles home,

---

[1] положение *(лат.)*. [2] трубит *(англ.)*. [3] яростный *(англ.)*. [4] подымаешь *(англ.)*.

And come aigain, and vanisch: the young Spring
Looks ever bright with leaves and blossoming;
And Winter always winds his sullen horn,
When the wild Autumn with a look forlorn
Dies in his stormy manhood; and the skies
Weep and flowers sicken when the Summer flies.
— Thou only, terrible Ocean hast a power,
A will, a voice, and in thy wrathful hour,
When thou dost lift thine anger to the clouds,
A fearful and magnificent beauty shrouds
Thy broad green forehead.

Перевод:

У земли ничего этого нет; ни случайности, ни перемены
Не тревожат ее поверхности, и никакие духи не дерзают
Дать ответ разбуженному бурей воздуху;
Но на ее просторах хилые обитатели бродят,
Как хотят, и ранят ее грудь, ступая по ней.
Всегда одна и та же, она не имеет ни отливов, ни приливов.
Но положенными кругами приходят времена года,
И проходят как призраки на свою незримую родину,
И приходят вновь и исчезают: Юная Весна,
Всегда блистательная листьями и цветами.
И Зима всегда трубит в свой унылый рог.
Когда дикая Осень с потерянным взглядом
Умирает в своей бурной зрелости и небеса
Плачут и цветы чахнут; когда отлетает Лето —
Лишь ты, ужасный Океан, имеешь власть,
Волю, голос; и в час твоего гнева,
Когда ты подъемлешь свою ярость к облакам,
Страшная и великолепная красота окутывает
Твое широкое зеленое чело.

Издание, которым Пушкин мог пользоваться, был сборник четырех поэтов: «Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall», P. 1829 (у Пушкина в библиотеке этой книги не было). Этим определяется и датировка этого автографа — не ранее 1829 г. Н. В. Яковлев относит этот перевод предположительно к болдинской осени 1830 г., когда Пушкин вообще пользовался английскими поэтами («Пир во время чумы», «Цыганы»). Но стихотворный перевод из драматической пьесы Бари Корнуоля «Сокол» — «О бедность! Затвердил я наконец Урок твой горький» — датируется предположительно 1835 г., так что не исключено отнесение к этому же времени и перевода из «Марциана Колонны».

14.

Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда»[1]

Mot à mot[2]	
Не въ тѣхъ краяхъ гдѣ я бродилъ	*по коимъ я странствовалъ* *Ни въ краяхъ [гдѣ я] [бродилъ]*
недавно, хоть красота почиталась	*издавно* *[недавно] и гдѣ красота [долго]*
тамъ долго безпорочной; не	*почиталась совершенствомъ;*
въ видѣніяхъ, развивающихъ	*по м* *Ни въ видѣніяхъ [о] кои[х]ъ*
для сердца образы, о коихъ жалѣетъ	*сердце воздыхаетъ, сожалѣя*
оно воздыхаетъ, что только	*что они пустыя грзы*[3]
онѣ ему грезились: Явилось	*2 | ни во снѣ ни наяву | 1 [Ничто]* *Не явилось мнѣ [ничего] Ничего*
что нибудь тебѣ подо-	*[Узнав]* *тебѣ подобнаго. | [Увидѣвъ]*
бное во снѣ иль наяву —	*тщетно захотѣлъ* *[тебя] [напрасно] [сталъ] бы*
Увидѣвъ тебя, напрасно	*сать* *я опис[ывать] измѣнчивыя*
буду я искать описывать пре-	*| твои | Для | го* *и блестящія √прелести. То[му]*
лести измѣнчивыя и сія-	*тебя* *кто не видалъ [тебя], слова*
ющія. Тому кто не видалъ	*для* *мои были ли*[4] *бы слабы — [То]*
тебя слова мои были бы	*тебя* *того, кто видѣлъ [тебя], какая*
слабы; тому кто на тебя	*рѣчь можетъ их выразить?*
[какая] что можетъ и⟨хъ⟩ смотритъ, [чья] рѣчь [ихъ] имъ выразитъ?	*а -же* *Останься вѣкъ, т[ою] что ты*

---

[1] Напечатанное прямым шрифтом — карандаш. Напечатанное курсивом — чернила. Зачеркнутое чернилами заключено в курсивные скобки.

[2] *Слово в слово (франц.).*

[3] *Описка вместо:* грезы.

[4] *Описка, это слово лишнее.*

та же
О будь всегда что ты теперь — достойная обѣща-нiй весны твоей, [столь-же]

[образомъ]
прекрасна [чертами], [какъ] [чиста] и горяча сердцемъ, образъ на землѣ любви безъ крылъ, и безъ обману передъ воображенiемъ Наде--жды! и вѣрно та, которая
rears [1]
теперь столь нѣжно ведетъ твою юность, въ тебѣ этотъ минутный
блескъ
созерцаетъ радугу будущихъ лѣтъ своихъ, предъ коимъ небесномъ видѣ всякая грусть изчезаетъ —

достойна[я] [будь]
теперь, [дос] обѣщанiй весны твоей, прекрасна видомъ, сердцемъ
*[На землѣ]**
горяча и безпорочна, образъ [на]
[на землѣ]
любви бескрылой, Не обманчивая предъ воображенiемъ Надежды и вѣрно та, которая съ такою нѣжностiю бережетъ? юность свою, видитъ въ [тебѣ] минутномъ ея
небесной
сiянiи радугу будущихъ ея годовъ предъ которой всѣ печали изчезаютъ —

Юная Пери Запада! —

[хорошо для меня] что я почти вдвое старше тебя, безлюбо-вный взоръ мой [не тронутый] может тебя видѣть, √ и безо-
глядѣть на блескъ
ей
пасно [видѣть] разцѣтующ[ую] [2] твоей красоты [сiянiе] — Ща-
ужъ [тѣмъ] что
стливъ я [никогда] не увижу

Щастливъ я
что мои годы почти вдвое превы-шаютъ твои лѣта
безстрастной
не
[безъ] смущаясь

но тѣмъ
Щастливѣе [тѣмъ]

[1] двигать *(англ.)*.
[2] *Описка, вместо:* разцвѣтающую.

е[е] *я*
[нхъ] [въ] увяданіе; [Щастливѣе]
что пока молодыя сердца
изтекать будут кровью, мое
избѣжитъ участь предопредѣлен- *назначенную тобою*
ому
ную твоими глазами т[ѣмъ] *даже и тому, чье хоть*
его *восторжествуетъ, но смѣшенное*
ко[ихъ] удивленіе удастся, но
смѣшеное съ мученіями *съ муками опредѣленн*
опредѣлеными самымъ щастливѣйшимъ часомъ любви. *О пусть блеснутъ*
пусть *эти очи* *[склони] на страницу [сію]*
О [оставь] [этотъ] глазъ, дик[ій] *ія*
ы *ярко*
какъ у Газел[и], то [свѣтло]
е *стыдливыя*
смѣлы[й] то прекрасно [холо-
увлекательныя *сверкаютъ*
дный] wins[1] √ когда [бродитъ] ослѣ-
недвижны
пляющій когда [покоится],
[заб] [блеснетъ на страницу сію],
Не откажи моему стиху
той улыбки, о которой тщетно вздыхалъ бы я, если бъ
могъ я
[я долженъ] [былъ] быть для
емъ
тебя болѣе [чѣмъ] друг[ъ] *Нѣжели*
милая *награду*
[Cie] [може] дѣва, [дозволь мнѣ] — *дозволь мнѣ [на] сію*
Не спрашивай зачѣмъ столь
молодому созданію я посвящаю пѣсни мои, но
дай мнѣ вплести въ мой вѣнокъ

---

[1] побеждает *(англ.)*.

[без]
одну [чистѣйшую] лилію.—

Таково имя твое впле-
мои
тенное въ [его] стихи. И
гда
[всегда] ка[къ] дружескій взоръ *читателя*
упадетъ на страницы Гарольда
[имя] *[оно]*
[Іанөы], здѣсь освященное,

оно встрѣтъ[1] *его*
первое [будетъ] [имъ] [встрѣчено]
(когда)
будетъ имъ
послѣднее √ забыто. [Дни]
мои единожды сочтены —
да возможетъ сей минувшій
ношеніе
при[вѣтъ] привлечь пальцы
твои къ лирѣ, того кто при-
вѣтствовалъ тебя, любезную
каковою была. Вот все
что память моя можетъ
отъ тебя желать — Хоть болѣе

Когда не станетъ
меня пус[кай]ть
это давнее
привлечетъ перри
мою, того кто
нѣкогда тебя при-
вѣтствовалъ —
Вотъ все чего желаю
для своей памяти,
болѣе нежели
дерзаю надѣиться.
дружба

нежели Надежда можетъ требовать — *Но можетъ ли*
можетъ-ли дружба менѣе просить *менѣе требовать?*

Даем сводку вышеприведенной транскрипции:

Ни в краях, по коим я странствовал и где красота издавна почиталась совершенством; ни в видениях, по коим сердце воздыхает, сожалея, что они пустые грезы, — ничего тебе подобного ни во сне, ни наяву не явилось мне. Тщетно захотел бы я описать изменчивые и блестящие твои прелести. Для того, кто тебя не видал, слова мои были бы слабы, — для того, кто тебя видел, какая речь может их выразить?

---

[1] *Описка, вместо:* встрѣтитъ.

Останься век та же, что ты теперь, достойна обещаний весны твоей, прекрасна видом, сердцем горяча и беспорочна, на земле образ бескрылой любви, не обманчивая пред воображением Надежды, и верно та, которая с такою нежностию *бережет?* юность свою, видит в минутном ее сиянии небесную радугу будущих ее годов, перед которой все печали исчезают —

Юная Пери Запада! — счастлив я, что мои годы почти вдвое превышают твои лета, бесстрастный взор мой может тебя видеть не смущаясь и безопасно глядеть на блеск расцветающей твоей красоты. — Счастлив я уже [тем], что не увижу ее увядание; но счастливее тем, что пока молодые сердца истекать будут кровью, — мое избежит участь, назначенную тобою даже и тому, чье <удивление> хоть восторжествует, но смешанное с муками, определенными самым счастливейшим часом любви.

О пусть блеснут на страницу [сию] эти очи, дикие как у Газелы, то ярко смелые, то прекрасно стыдливые; увлекательные, когда сверкают, ослепляющие, когда недвижны. Не откажи моему стиху той улыбки, о которой тщетно вздыхал бы я, если б мог я быть для тебя более, нежели другом. Милая дева, дозволь мне награду сию. Не спрашивай, зачем столь молодому созданию посвящаю я песни мои, но дай мне вплести в мой венок одну чистейшую лилию.—

Таково имя твое, вплетенное в мои стихи. И когда дружеский взор читателя упадет на страницы Гарольда, — имя Ианфы, здесь освященное, первое встретит его, последнее будет им забыто. Когда не станет меня, пусть это давнее ⟨приношение⟩ привлечет Пери мою, того, кто некогда тебя приветствовал. Вот всё, чего желаю для своей памяти, более нежели дерзаю надеяться. Но дружба может ли менее *требовать?*

———

Перевод посвящения поэмы Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» в автографе Пушкина написан на отдельном листе, попавшем в одну из сшитых жандармами тетрадей (№ 2386 Б, лл. 2_1, 2_2 и 37_1). Бумага, на которой сделан этот перевод, белая, в лист, верже, с водяным знаком: А. Гончаров. 1833. Подобной бумагой Пушкин пользовался в 1836 г., [1] почему и перевод этот, вероятно, относится к 1836 году. Впервые начальные строки первой редакции напечатаны у *Я* XII, 534—535, где сказано, что это перевод из Байрона, и объяснено, что в левом столбце мы имеем первый дословный перевод, в правом же — некоторую литературную обработку его. Якушкин пропустил описание листа 37-го, являющегося второй поло-

[1] Часть статьи «О Российской Академии» (№ 2386 А, двойные листы 7/56, 8/55, 9/54), написанной в феврале-июне 1836 г., письма Петра I, срисованные и транскрибированные Пушкиным (№ 2388 Б — три полулиста) в 1835—1836 г.

виной листа 2-го. Морозов в *М*² VI, 434—435, дал контаминацию обеих редакций, сказав, впрочем, в примечании (стр. 654), что он печатает то, что имеется в более обработанном виде. В примечании (стр. 654—655) он напечатал начало буквального перевода до слов: «слова мои были бы слабы и проч.».

В *В* IV, 352 дана одна лишь сводка, местами замененная первой дословной редакцией. Любопытно, что оба редактора, занимавшиеся каждый [1] по рукописи, не заметили конца перевода на не указанном Якушкиным листе 37-м. Отсюда слова Морозова: «Это перевод $3^1/_2$ строф из посвящения Чайльд-Гарольда: «К Ианте». На самом же деле переведены все пять строф. Полностью все пять строф в обеих редакциях и в сводке печатаются нами впервые. Вероятно, прав Якушкин, что Пушкин предполагал, овладев прозаическим текстом, переложить его в стихи.

Вот текст оригинала Байрона, с которого сделан перевод Пушкина.

TO IANTHE

Not in those climes where I have late been straying,
Though Beauty long hath there been matchless deem'd;
Not in those visions to the heart displaying
Forms which it sighs but to have only dream'd,
Hath aught like thee in truth or fancy seem'd:
Nor, having seen thee, shall I vainly seek
To paint those charms which varied as they beam'd —
To such as see thee not my words were weak;
To those who gaze on thee what language could they speak?

Ah! may'st thou ever be what now thou art,
Nor unbeseem the promise of thy spring,
As fair in form, as warm yet pure in heart,
Love's image upon earth without his wing,
And guileless beyond Hope's imagining!
And surely she who now so fondly rears
Thy youth, in thee, thus hourly brightening,
Beholds the rainbow of her future years,
Before whose heavenly hues all sorrow disappears.

Young Peri of the West! — 't is well for me
My years already doubly number thine;
My loveless eye unmoved may gaze on thee,
And safely view thy ripening beautios shine;

---

[1] Впрочем, С. А. Венгеров работал, кажется, только по фотографии, а заказал снять лишь страницы, указанные Якушкиным и Морозовым.

Happy, I ne'er shall see them in decline;
Happier, that while all younger hearts shall bleed,
Mine shall escape the doom thine eyes assign
To those whose admiration shall succeed,
But mixed with pangs to Love's even loveliest hours decreed.

Oh! let that eye, which, wild as the Gazelle's,
Now brightly bold or beautifully shy,
Wins as it wanders, dazzles where it dwells,
Glance o'er this page, nor to my verse deny
That smile for which my breast might vainly sigh,
Could I to thee be ever more than friend:
This much, dear maid, accord; nor question why
To one so young my strain I would commend,
But bid me with my wreath one matchless lily blend.

Such is thy name with this my verse entwined;
And long as kinder eyes a look shall cast
On Harold's page, Ianthe's here enshrined
Shall thus be first beheld, forgotten last:
My days once number'd, should this homage past
Attract thy fairy fingers near the lyre
Of him who hail'd thee, loveliest as thou wast,
Such is the most my memory may desire;
Though more than Hope can claim, could Friendship less require?

15.

Ювенал. X сатира

ится
Лицо какъ [наморщено] [покроется] [измѣнится] [морщинами] [покроется] — оно

er
tetrum, rude, horrible cipet ⟨?⟩ подобно

bucca joue, creux
saltus saut
pando — developer, ouvrir

Запись карандашом на обороте листа (в лист, с водяным знаком: 1834), на лицевой стороне которого имеется черновик трех последних строф стихотворения «Памятник», беловой текст которого датирован 21 августа 1836 г. Предположительно августом 1836 г. датируется запись. Лист входит в Май-

ковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 577). См. *ПС* IV, 19, № 79. Печатается впервые.

Запись сделана под черновиком неоконченного стихотворения «От западных морей до самых врат восточных» (впервые напечатано Б. В. Томашевским в *КН* II, 209), являющегося вольным переводом 1—4 и 188—195 стихов X сатиры Ювенала.

Первые две строки печатаемой записи представляют собой попытку перевода стихов X сатиры Ювенала. Последние четыре строки — выписанные латинские слова: teter, bucca, saltus и pando, переведенные на французский язык. Teter — мерзкий, гадкий, страшный; bucca — щека, рот; saltus — скачок, прыжок; pando — распространяю, развертываю.

Слова эти выписаны из следующих стихов (188—195) X сатиры Ювенала:

Da spatium vitae, multos da, Juppiter, annos!
Hoc recto vultu, solum hoc et pallidus optas.
Sed quam continuis et quantis longa senectus
Plena malis! deformem et tetrum ante omnia vultum,
Dissimilemque sui, deformem pro cute pellem,
Pendente sque genas et tales adspice rugas;
Quales umbriferos ubi pandit Tabraca saltus,
In vetula scalpit jam mater simia bucca.

Перевод:

«Дай продолжительность жизни, дай многие годы, Юпитер!»
Этого с свежим лицом и лишь этого, бледный, ты просишь.
Но сколь упорных и тягостных зол преисполнена старость
Долгая! Взглянь ты сперва на лицо: безобразно и гадко,
И на себя непохоже, не кожа, а гадкая шкура,
Щеки обвислые, да и такие морщины, какие
Там, где Табрака тенистые рощи свои простирает,
На престарелой щеке своей чешет уж мать обезьяна.

(Сатиры Д. Юния Ювенала. Стихотворный перевод и объяснения Андрея Адольфа. М. Изд. кн. маг. Ланга, 1888, стр. 334.)

В черновом наброске стихами это место у Пушкина передано:

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен долог век. Во-первых, [как] рубцами
Лицо [морщинами покроется] — оно
превращено
[Мартышка старая
Которая в лесах Табрации]
Кривляясь [чешется].

Объяснение, почему Пушкин оставил в самом начале попытку перевода Ювенала, можно видеть в следующих стихах написанного тогда же стихотворения «Ценитель умственных творений исполинских»:

Простясь с мечтой и с идеалом
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
[Переложить] я было дал обет;
Но развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья.
[Стихи бесстыдные] *нрзбр* торчат,
В нем звуки странною гармонией трещат.

16

Шатобриан. «Очерк английской литературы»

«Порядокъ общественный, внѣ порядка политическаго, составленъ изъ Религіи, умственной дѣятельности, и промышленности матеріяльной. Во всякомъ народѣ, во [всякое] время [посреди] вели[кихъ]чайшихъ бѣдствій и важнѣйшихъ событій, священникъ молится, [поэтъ] стихотворцы поетъ, ученый мыслитъ, живописецъ, ваятель, зодчій творятъ и зиждутъ, ремесленникъ работаетъ: Смотря только на нихъ, вы видите міръ настоящій, истинный неподвижный, основаніе человѣчества, [но] однако [міръ] по видимому чуждый обществу политическому. Но священникъ въ своей молитвѣ; [ученый] поэтъ, художникъ, ученый въ своихъ твореніяхъ; ремесленникъ въ своемъ трудѣ, открываютъ отъ времени до времени, въ какую[1] эпоху они жи[вутъ]*[ли], въ нихъ отзываются удары событій отъ которыхъ сильнѣе и обильнѣе текли ихъ жалобы, ихъ потъ и дары вдохновенія.....

«Среднія вѣка представляютъ картину странную и которая[,] кажется произведеніемъ мощнаго но разстроеннаго воображенія. Въ древности, каждый народъ, исходитъ, такъ сказать, изъ собственнаго своего источника. Нѣкій первобытный духъ проникаетъ во все и во всемъ отзывается. Нравы и гражданскія установленія дѣлаются однородными. Общество въ среднихъ вѣкахъ было составлено изъ обломковъ тысячи другихъ обществъ. Римская

[1] *Переделано из:* какой.

цивилизація[,] и Паганизмъ въ немъ оставили свои слѣды; Христіянская Религія несла ему свое ученіе и торжества; Франки, Готфы, Бургунды, Англо-Саксы, Датчане, Нордманцы сохраняли обычаи и [ха] нравы свойственныя ихъ племенамъ. Всѣ роды собственности и законовъ были перемѣшаны между собою..... всѣ формы свободы и рабства сталкивались между собою: монархическая свобода короля, аристократическая свобода благороднорожденнаго, личная свобода священника, общая свобода волостей, изключительная свобода городовъ, судилищъ, сословій ремесленныхъ и купечества, представительная свобода народа, рабство Римское, повинность варварскихъ племенъ, крѣпость приземельная. Отселѣ явленія [противу] несообразныя ни съ чѣмъ, обычаи [другъ другу] одинъ другому противурѣчащія, [скрѣпленныя] и связанныя только узами религіи. Кажется будто народы разные, неимѣющія между собою никакого сношенія, [будто] согласились жить подъ единою властію, около единаго алтаря.

Автограф находится в *ИРЛИ* (№ 369) на двух полных листах писчей бумаги в лист с водяным знаком: А. Г. 1833; без жандармских помет. На бумаге писарской рукою проставлены посредине на некоторых листах года: «1820» и «1818»; они зачеркнуты Пушкиным во время писания текста. Упоминалось впервые Б. Л. Модзалевским в описании рукописей Онегинского собрания (*ПС* XII, 23—24, № 4), где напечатаны и первые 13 слов. Весь текст впервые не совсем точно напечатан Н. К. Козминым в *НП* 207—208, подтвердившим предположение Б. Л. Модзалевского, что запись эта представляет собою перевод из Шатобрианова «Опыта об английской литературе» («Essai sur la littérature anglaise», Paris 1836, t. I, pp. 31, 33, «Introduction»). Перевод этот, вероятно, должен был быть приложением к статье Пушкина, названной Жуковским «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“», и напечатанной в вышедшем после смерти Пушкина томе V «Современника» 1837 г. (стр. 127—139). В том IX *Ak*, содержащий критическую прозу, перевод этот почему-то не был введен, даже в примечания, и после *НП* тот же текст появился лишь в *КН* V, 163—164.

Книга Шатобриана «Essai sur la littérature anglaise» вышла в свет между апрелем и июлем 1836 г.,[1] так что статья Пушкина и перевод этот сделаны, очевидно, во второй половине 1836 г.

---

[1] В конце марта А. И. Тургенев еще посылал Шатобриану материалы для его книги. 14 июля в «Journal des Débats» уже появилась рецензия на нее.

Приводим текст оригинала перевода:

L'ordre social, en dehors de l'ordre politique, se compose de la religion, de l'intelligence et de l'industrie matérielle: il y a toujours chez une nation, au moment des catastrophes et parmi les plus grands événements, un prêtre qui prie, un poëte qui chante, un auteur qui écrit, un savant qui médite, un peintre, un statuaire, un architecte, qui peint, sculpte et bâtit: un ouvrier qui travaille. Ces hommes marchent à côté des révolutions et semblent vivre d'une vie à part: si vous ne voyez qu'eux, vous voyez un monde réel, vrai, immuable, base de l'édifice humain, mais qui paraît fictif, et étranger à la société de convention, à la société politque. Seulement le prêtre dans son cantique, le poëte, le savant, l'artiste, dans leurs compositions, l'ouvrier dans son travail, révèlent de fois à autre, l'époque où ils vivent, marquent le contre-coup des événements qui leurs firent répandre avec plus d'abondance leurs sueurs, leurs plaintes et les dons de leur génie...[1]

⟨Moyen age. Lois et monuments.⟩

Le moyen âge offre un tableau bizarre qui semble être le produit d'une imagination puissante, mais déréglée. Dans l'antiquité, chaque nation sort, pour ainsi dire, de sa propre source; un esprit primitif qui pénétre tout et se fait sentir partout rend homogènes les institutions et les moeurs. La société du moyen âge était composée des débris de mille autre sociétés: la civilisation romainé, le paganisme même, y avaient laissé des traces; la religion chrétienne y apportait ses croyances et ses sollennités, les Barbares franks, goths, burgondes, anglo-saxons, danois, normands, retenaient les usages et le caractère propre à leurs races. Tous les genres de propriétés se mêlaient; toutes les espèces de lois se confondaient, ⟨l'aleu, le fief, la mainmorte, le Code, le digeste, les lois — salique, gombette, visigothe, le droit coutumier;⟩[2] toutes les formes de liberté et de servitude se rencontraient: la liberté monarchique du roi, la liberté aristocratique du noble, la liberté individuelle du prêtre, la liberté collective des communes, la liberté privilégiée des villes, de la magistrature, des corps de métiers et des marchands, la liberté représentative de la nation; l'esclavage romain, le servage barbare la servitude de l'aubin. De là ces spectacles, incohérents, ces usages qui se paraissent contredire qui ne se tiennent que par le lien de la réligion. On dirait de peuples divers sans aucun rapport les uns avec les autres, mais seulement convenus de vivre sous un commun maître autour d'un même autel.

Перевод Пушкина из Шатобриана является классическим образцом литературного перевода.

---

[1] Здесь у Пушкина пропуск абзаца — переход от общих вопросов истории к средним векам.

[2] *Заключенное в ломаные скобки Пушкиным не переведено:* аллод, феод, неотчуждаемая собственность, Кодекс, дигест, законы — салический, Гундобада, вестготский, обычное право.

17.

Арабские буквы

Гласныя:

ا و ى

آ — а; ا — о

و — у, о. — сверх буквы, [illegible]

— б. ([illegible])

ى [illegible]

ى ([illegible])

ى ([illegible])

[illegible]

4

Запись арабских букв

(Продолжение текста, помещенного на стр. 108)

Даем аннотированную транскрипцию арабских букв:

Гласные

ى
= й, и

و
= в, у

ا
а, «алиф»

آ — а

«алиф» со знаком «мадд» произносится $\bar{a}$ (долгое)

ا — э

«алиф» может произноситься по-разному, в зависимости от гласного знака, стоящего при нем.

ُ — у, о. — сверху буквы, u (fr.).

знак гласного над согласной буквой; = у (иногда = о); в турецком произношении = u французскому.

— ٓ (передъ гласной)

знак «васла»; обозначает слияние двух слов с пропуском «алифа», над которым он ставится.

ى въ началѣ какъ і

неверно: в начале слов произносится как согласный й, а в середине и конце слов иногда й, иногда и.

یر (согласная мягкая)

на самом деле здесь две буквы й + р; между ними можно подразумевать какой-либо гласный звук.

ییر (согласн. ъ)

написано: й + й + р; при этом у второй буквы й нехватает в строке «зубца», на ее наличие указывают только точки под строкой; сближение с «согласн. ъ» говорит о том, что написанный комплекс звуков казался похожим на название русской буквы «ер».

[یل]

написано: й + л.

Внизу страницы написаны отдельные буквы.

ا و ى

и, у, а

ن
آ ن ى

н,
и, н, а (с «Мадд»)

ا ن

н. а

Запись сделана на листе голубой бумаги in f°, верже, с вод. зн.: 1834 МФАГ, и гербом. Лист вшит жандармами в составленную ими тетрадь (№ 2386 В *ЛБ*), где составляет лист 4.

Печатается впервые. Упоминалось лишь Якушкиным: «Написаны несколько арабских букв с переводом и объяснениями» (*Я* XII, 540).

На верхней половине страницы расположены арабские буквы и их объяснение. Некоторые буквы, для упражнения, написаны на нижней половине листа, где повидимому непосредственно после того написан черновой текст французского письма, обращенного, вероятно, в Геккерену.

Датируется запись арабских букв временем не ранее июня 1836 г., потому что она сделана на бумаге, которой Пушкин стал пользоваться с этого времени.[1] Может быть, безошибочно будет отнести запись к ноябрю 1836 г. — январю 1837 г., по соседству ее с письмом к Геккерену.

Волнующее впечатление производит сопоставление этих двух текстов. Очевидно, одним из средств отрешиться от мучительной действительности в последние месяцы жизни Пушкина было для него такое отвлекающее занятие, как изучение арабских букв.

По предположению Л. И. Жиркова запись объяснений букв могла быть сделана Пушкиным со слов славянина, знавшего арабский язык в турецком произношении. Возможно, что этим «славянином» был О. И. Сенковский, бывший ученым арабистом.

Кроме этих арабских букв, в рукописях Пушкина имеются опыты написаний арабских слов. Все эти записи являются предметом специального исследования Л. И. Жиркова, подготовляемого им к печати.

---

[1] Обзор рукописей, написанных на такой бумаге, и датировку их см. в книге «Рукописи Пушкина», вып. 1, изд. «Academia», 1935.

II

ИСПРАВЛЕНИЯ В ТЕКСТАХ ДРУГИХ АВТОРОВ

Три включенные в этот отдел текста впервые появляются в печати. Первый из них — стихотворение кн. П. А. Вяземского с замечаниями Пушкина, — транскрибирован Т. Г. Зенгер и комментирован М. А. Цявловским; второй — записки П. В. Нащокина, правленные Пушкиным, — транскрибирован и комментирован мною; третий — исправления Пушкина в переводе Жуковского «Слова о полку Игореве» — Т. Г. Зенгер. По техническим соображениям тексты первых двух номеров этого отдела, писанные чужою рукою, напечатаны не петитом, а корпусом, причем поправки Пушкина выделены курсивом.

Л. Модзалевский

1.

ради Христа, очисти эти стихи — онѣ стоятъ унынія

Къ нимъ.

За что служу я вашей злобѣ цѣлью?
Чему завидовать во мнѣ:
Какимъ честямъ? Какой казнѣ?
Какому изъ убранствъ фортуны ожерелью?
Всмотритесь; истиной прочистите глаза:
Они утѣшатъ васъ моею наготою — *Она (Истина)*
Быть можетъ, язвами, которыми гроза
Меня прожгла (незримою стрѣлою)[1] — *лишнее*

2 3 1
Что въ даръ мнѣ принесли Судьбы?[2]
Новорожденному даръ на зубокъ былъ нуженъ: — *NB Княгиня права, что морщится*

---

[1] *Заключено в скобки Пушкиным.*
[2] *Перестановка сделана Пушкиным.*

NB Что? двѣ, три мысли, два три чувства, не изъ дюжинъ;
Отъ коихъ кормятся корыстные рабы.
И только! Но сей даръ вамъ не былъ бы по нраву;
Онъ заколдованъ искони;
На сладость тайную, на тайную отраву
(Ему подвластные)[1] онъ обрекаетъ [дни][2] *наши дни.*

Онъ избраннымъ бываетъ мздой и казнью,
Его ношу въ груди, болящей отъ заботъ,
Какъ мать преступная съ любовью и боязнью
Во чревѣ носитъ тайный плодъ.
Еще до бытія пріялъ враждой закона
Онъ отверженія печать;
И гордо ближними отъ ихъ отринутъ лона, *прекрасно*
Какъ бытія крамольный тать.
И я за кровный даръ передъ толпой краснѣю;
И только въ тишинѣ и скрытно отъ людей
Я бремя милое лелѣю
И Промыслъ за него молю у олтарей.
Счастливцы! Вы и я, мы служимъ двумъ фортунамъ.
Я къ вашей не прошусь: моя мнѣ зарекла
Противопоставлять волненью и перунамъ
Миръ чистой совѣсти и хладный миръ чела.

Стихотворение кн. П. А. Вяземского написано его рукой на листе почтовой бумаги большого формата, хранящемся в составе Остафьевского архива в *ГАФКЭ.* На листе сверху позднейшая помета рукою Вяземского: «Мои стихи вчернѣ съ замѣчаніями Пушкина». Последние напечатаны курсивом. Факсимиле см. в издании: «П. А. Вяземский. Избранные стихотворения», под ред. В. С. Нечаевой, М.—Л., 1935, стр. 204—205.

Стихотворение, вызванное доносом в III Отделение Булгарина на Вяземского, было написано, вероятно, в ноябре 1829 г. См. об этом в *П* II, 324—325. Впервые напечатано в «Полном собрании сочинений» Вяземского, т. IV, СПб. 1880, стр. II—III прим.

Вяземский из Москвы послал стихотворение в Петербург Пушкину, который, сделав в тексте ряд изменений, послал рукопись Боратынскому. Последний, вероятно, в декабре 1829 г. писал Вяземскому в Остафьево:

---

[1] *Заключено в скобки и подчеркнуто Пушкиным.*

[2] *Зачеркнуто Пушкиным.*

«Посылаю вам вашу пьесу «К ним», перемеченную Пушкиным. Признаюсь, что и я согласен с его замечаниями. Ради бога, переправьте ее: она высокого лирического достоинства. В первом письме моем из деревни я постараюсь вам доказать, почему вы несправедливо защищаете стих: «новорожденному дар на зубок был нужен», упоминая об иронии. Покуда прощайте, но только на одну неделю». (См. *СН*, книга V, СПб. 1902, стр. 49.) Боратынский сдержал обещание и в следующем письме к Вяземскому высказал ряд общих мыслей о лирической поэзии по поводу неудачного стиха Вяземского и всего его стихотворения в целом. (См. там же, стр. 49—50.) Под влиянием критики жены (ее нужно видеть в словах Пушкина «Княгиня права...»), Пушкина и Боратынского Вяземский отчасти переделал стихотворение на этом же листе. Окончательную вторую редакцию Вяземский послал Пушкину, который и напечатал пьесу в № 5 (от 21 января) «Литературной газеты» за 1830 г. Здесь первые четыре стиха читаются:

За что служу я целью мести вашей,
Чем возбудить могу завистливую злость?
За трапезой мирской непраздуемый гость,
Не обойден ли я пирующею чашей?

Замечания Пушкина о восьмом, одиннадцатом и шестнадцатом стихах Вяземский оставил без внимания. Сделанную Пушкиным перестановку слов в девятом стихе Вяземский принял.

Этот стих получил такой вид:

И что же в дар судьбы мне принесли

Десятый стих заменил стихом:

В раскладке жребиев участок был мне нужен.

Двенадцатый стих, отмеченный Пушкиным, заменил стихом:

Которые в ходу на торжищах земли.

Семнадцатый стих заменен стихом:

Сей дар для избранных бывает мздой и казнью,

Двадцать третий — стихом:

Он гордо ближними от их отринут лона,

Все остальные стихи остались в том же виде, как и в автографе.

Извещая Вяземского о напечатании его стихотворения, Пушкин писал: «Я напечатал твое «К ним» противу воли Жуковского. Конечно я бы не допустил в печати ничего слишком горького, слишком озлобленного, но элегическую..... позволено сказать, когда не в терпеж приходится благородному человеку». (См. *П* II, 74.)

Уныние — стихотворение (1820 г.) Вяземского, нравившееся Пушкину.

2.

Любезный Александръ Сергѣевичъ! [Покорствуя] *Повинуясь* твоему желанiю я началъ [писать]* свои [записки] *воспоминанiя* отъ самаго рожденiя. Оно кажется и мудрено помнить свое рожденiе, [но я оправдываюсь слѣдующимъ:] [*я объяснюсь*]

[1] [Ребенокъ, занимаясь въ углу игрушками, или пересыпая [*песокъ*] [*ребенокъ*] изъ помадныхъ банокъ песокъ въ кучу и обратно, не взирая на *все* его наружное равнодушiе ко всему постороннему, все слышитъ что говорятъ кругомъ его, вниманiе у него не затмѣн[о]*ено* воображенiемъ и][1] [*а*] *но* разсказы слышанные въ дѣтствѣ такъ сильно врѣзываются въ память [ребенка] [*его*] *нашу* что въ послѣдствiи [времяни намъ представляется что какъ будто мы были самовидцами слышаннаго] *намъ*[2] *кажется* [*ему*] *что мы*[2] [*онъ*] *был*[*ъ*]*и свидѣтел*[*ь*]*ями всего* [*того*] *о чемъ* [*онъ*] *въ самомъ дѣлѣ* [*это*] *мы*[2] *только слышалъ.*

[Оправдался еси?!..]

[*Я* былъ не одинъ у своихъ родителей, а потому исключая моей няни, были еще другiя и ихъ-то розсказни] *Толки мамушекъ и нянюшекъ* первыя поражаютъ ухо ребенка; толки эти болѣе или менѣе ограничиваются: пересудами и[ли] сплетнями, [разговорами] страшными *разказами* и разговорами о [дѣтяхъ] *дѣтскомъ бѣльѣ.* [Первые] *сплетни* не оставляютъ въ ребенкѣ впечатленiй. [Впечатленiе] [разговоровъ] [*разказовъ*] [страшныхъ сильны.] Не смотря на то что [мамушкамъ, нянюшкамъ и] всѣмъ окружающимъ насъ строго было запрещено пугать насъ вѣдьмами, лѣшими, домовыми, [онѣ] *няньки* все таки иногда [разсказывали о] *говорили о* нихъ [другъ другу] *между собою* и эти розсказни сильно на меня подѣйствовали [и] здѣсь-то я полагаю корень склонности моей къ мистицизму и ко всему чрезвычайному. [Вотъ первое обстоятельство дѣйствiя отвлеченнаго страха:] я какъ теперь помню что няня моя, желая заставить меня скорѣе заснуть, стращала всегда какою-то А р и н о ю,[3] которая и теперь осталась для меня какимъ-то *знакомымъ* фантастическимъ лицомъ.

---

[1] *Перечеркнуто от слов:* Ребенок занимаясь *до* воображением

[2] *Вставлено позднее.*

[3] *Подчеркнуто Нащокиным*

Въ жаркую, лунную ночь безсонницы я, казалось, сквозь занавѣсъ, видѣлъ ее сидящую подлѣ моей кровати [и страхъ заставлялъ меня невольно смыкать глаза и тѣмъ вынуждался столь желанный для] *я отъ страха закрывалъ глаза и засыпалъ поневолѣ къ великому удовольствiю моей* нянюшки [сонъ дитяти. Послѣднiй разрядъ ихъ толковъ] [*Толки о домашнемъ*] [*Толки о дѣтскомъ*] оставляетъ[1] [въ насъ неизгладимое впечатленiе рожденiя нашего со всѣми слышанными подробностями и нѣкоторое, впрочемъ весьма неясное, понятiе о предпочтенiи или разположенiи родителей нашихъ къ кому нибудь изъ насъ. Отецъ мой, кажется, очень меня любилъ; о разположенiи же ко мнѣ матушки [теперь] *покамѣсть* говорить [совсѣмъ] не для чего];[2] [изъ записокъ моихъ оно будетъ лучше видно.]

Въ 1800 ли, 801, 802 ли году я родился, утвердительно не знаю; причина въ послѣдствiи [сама] откроется; но знаю вѣрно что это было съ 14 на 15-е Декабря за полночь. Отецъ мой выпилъ рюмку Мадеры съ крѣпостнымъ [и домашнимъ] подлѣкаремъ, вывезеннымъ изъ Польши Жидкомъ; — *въ сертучкѣ* — маленькимъ худенькимъ, черненькимъ, съ впалыми сверкающими глазками, курносымъ и съ [впадиной] *ямочкой* на подбородкѣ, въ сюртучкѣ. Мадеру подавалъ буфетчикъ Севолда, толстый румяный, бѣлокурый, средняго роста, въ голубомъ фракѣ въ красномъ камзолѣ обшитомъ галуномъ въ чулкахъ и башмакахъ. [Это все я помню потому что] *Я еще* помню этихъ людей и камзолы и сюртукъ того и другого. Во время моего появленiя на свѣтъ отецъ мой былъ въ [жупанѣ] *чекм*⟨*енѣ*⟩ замѣнявшемъ у него наши нынѣшнiе халаты, но достовѣрными были плисовые сапоги, ибо какъ и всѣ баре того времени онъ имѣлъ подагру. [Объ отцѣ доскажу послѣ,] Севолду [же] описалъ *я* въ знакъ благодарности, онъ съ удовольствiемъ разсказывалъ мнѣ о подробностяхъ моего рожденiя. Онъ еще живъ, но разсказы его я помню съ шести или семи лѣтъ; [взапрѣвши] *вспотѣвъ* отъ бѣга[тни]*нья* въ саду въ деревнѣ я прибѣгалъ въ большую столовую чтобы освѣжиться и заставалъ его въ томъ же нарядѣ сидящего *съ чул-*

---

[1] *Дальше густо зачеркнуты два вписанные Пушкиным слова.*
[2] *Зачеркнуто от слов:* в нас *до:* не для чего.

комъ въ рукахъ у подъемнаго большаго окна, заставленнаго бутылками съ уксусомъ, [съ чулкомъ въ рукахъ, съ вопросомъ] *Онъ спрашивалъ меня* скоро ли выйдетъ изъ саду маменька? довольно ли я набѣгался? скоро ли выросту? когда буду настоящимъ бариномъ? а тамъ [будто разговаривалъ съ самимъ собою] *не заботясь о томъ слушаютъ его или нѣтъ* разсказывалъ о томъ времяни когда я былъ еще меньше, когда и какъ родился.

И такъ я родился въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Полянкѣ, въ приходѣ у Косьмы и Даміана; крестила меня старшая сестра съ роднымъ дядею по матери Я. Я. М. и съ пріѣхавшимъ въ ту же ночь мѣлкопомѣстнымъ сосѣдомъ Н. П. О. которому ввѣренъ былъ присмотръ Ростовской вотчины въ послѣдствіи доставшейся мнѣ, теперь же мною проданной. Всѣ [эти] упомянутыя лица кромѣ Н. П. О. имѣли значительное вліяніе на мою жизнь.

Отъ появленія моего на [здѣшній бѣлый] свѣтъ до того времяни какъ начну лепетать и помнить, займусь описаніемъ происхожденія нашего рода, нѣкоторыхъ предковъ и познакомлю тебя съ моимъ отцомъ. Виновникъ нашего бытія въ Россіи былъ какой-то выходецъ изъ Италіи Дуксъ и Владѣтельный Князь,[1] какъ значится въ Россійскомъ Гербовникѣ, онъ прибылъ въ Россію весьма давно, вѣроятно въ гости къ какому нибудь удѣльному Князю. Изъ потомства его, а изъ предковъ моихъ замѣчателенъ былъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ А. Л. О-Н., Царственныя Большія Печати и Государственныхъ Великихъ Дѣлъ Оберегатель.[2] Родной дѣдъ мой былъ человѣкъ также весьма замѣчательный; свѣденія объ немъ теперь собираются и скоро появятся въ свѣтъ. Что касается до меня, то я мало слышалъ о немъ, слышалъ только что по предложеніи Императрицы Анны Ивановны окружающимъ ея вельможамъ арестовать Безстужева

---

[1] *Подчеркнуто Пушкиным.*

[2] «Знаменитый сановникъ сей чуждый своекорыстія, почестей и отличій, подвизался на поприщѣ Государственнаго служенія изъ одного только желанія быть полезнымъ, и для цѣли сей, жертвовалъ всѣми на то правами человѣческаго честолюбія, которое нерѣдко увлекало даже умнѣйшихъ мужей». Вотъ объ немъ одно изъ историческихъ извѣстіи. *Прим. Нащокина.*

ни у кого изъ нихъ не достало на то твердости духа, такъ былъ силенъ Безстужевъ въ предпослѣдніи минуты своего владычества, и Императрица возложила сіе порученіе на дѣда моего В. А. Н. который и исполнилъ оное [съ надлежащимъ успѣхомъ.] Общая молва о немъ говоритъ что онъ былъ человѣкъ умный, честный, твердъ и быстръ въ исполненіяхъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ славной; я не только люблю его память, но даже и тѣхъ которые знавали и помнятъ его. Я его очень люблю. Его давно нѣтъ въ живыхъ; я остался послѣ него пяти лѣтъ, но не смотря на то онъ часто служитъ для меня большимъ утѣшеніемъ. Онъ былъ человѣкъ достойный въ полной силѣ слова, и потому чувство что я сынъ хорошаго отца удерживало меня отъ многихъ дѣлъ такого рода, гдѣ съ пылкимъ сердцемъ и съ раздраженнымъ воображеніемъ не мудрено было увлечься къ весьма худому. Не рѣдко въ самыхъ [трудныхъ]* [обстоятельствахъ] *случаяхъ* жизни, когда со всею твердостію характера, не въ силахъ *былъ я* довольствоваться самъ собою и [ищешь къ пособію какого нибудь сильнаго средства въ отношеніи нравственномъ въ другомъ] *искалъ* [*посторонней*] *помощи у другого существа* существѣ, то этимъ *покровительствующимъ* существомъ для меня [никто не былъ кромѣ отца моего] *былъ мой отецъ*. Объяснить это я могу только примѣромъ: истощивъ всѣ способы къ преодолѣнію какого нибудь [труднаго] *непріятнаго* обстоятельства, выбившись изъ силъ я ложился спать (конецъ дня я полагаю нѣкоторымъ образомъ концомъ всякому дѣлу) и засыпая въ такомъ расположеніи, всегда видалъ во снѣ отца моего, чаще будто возвращающагося из-далека послѣ долгаго отсутствія въ свое семейство какимъ-то неопределеннымъ лицомъ, и тутъ же тягость заботъ съ меня спадала, и хотя во снѣ, но съ чувствомъ любви и покорности я полагалъ уже себя подъ покровомъ существа сильнѣйшаго, и этотъ душевный покой сновидѣнія возобновлялъ во мне силы и надежды [на самомъ дѣлѣ]. Съ самаго малолѣтства до сихъ поръ, ни въ товарищахъ юности, ни въ товарищахъ по службѣ, ни теперь въ связяхъ знакомства и родства, никогда я не находилъ ни помощи, ни истинно полезнаго совѣта. Изъ тысячей людей вмѣшивающихся въ мои обстоятельства и дѣла, я никогда ни слы-

халъ ни отъ одного чего нибудь новаго, надъ чемъ бы я уже самъ не ломалъ себѣ головы [и] гдѣ [самымъ труднымъ] *нужно* было не совѣтывать, а дѣйствовать, [за что никто изъ нихъ не брался, а] *тамъ ихъ не было* есть ли [и брался], *и бывали*, то за это я всегда поплачивался терпѣніемъ, *и* душевнымъ [безпокойствомъ] *неудовольствіемъ*, а чаще всего деньгами; и потому, рѣшительно могу сказать, что въ сей жизни я никому и ничѣмъ существенной пользою не обязанъ. Получа отъ отца достояніе и оставшись послѣ него въ такомъ возрастѣ въ которомъ только возможно помнить дѣтское чувство привязанности, зависимости и ласку его, не мудрено что я сохранилъ къ [нему] [*его*] [одно][му] [*го*] [несомнѣнное чувство предпочтенія моимъ способностямъ и силамъ.]

Ты подумаешь, какъ я расхваливаю своихъ, но ей! ей! пишу безпристрастно, ибо пишу не для потомства, а собственно для себя и для твоего дружескаго любопытства. Хотя всякому свое и мило, но успокойся, еще достанется и моимъ на калачи. Теперь все въ сторону; по силѣ возможности буду все припоминать про моего отца и слышанное и видѣнное.

В. В. Н. родился въ почести и богатствѣ. Крестили его во дворцѣ; воспріемницею была Императрица[1]

Онъ крестился во имя Доримедонта, но Императрица назвала его Воиномъ, по причинѣ чрезмѣрной малости и быстраго движенія младенца. При самомъ крещеніи онъ былъ произведенъ въ Гвардіи сержанты; осьмнадцати лѣтъ онъ былъ уже Полковникомъ, а на двадцать первомъ Генералъ-Маіоромъ. Въ началѣ служба его ограничивалась тѣмъ что онъ находился при особѣ Принца Гольштинскаго, потомъ уже Императора Петра III, коимъ и былъ посланъ съ поклономъ къ Фридриху II, которому онъ не знаю почему понравился и былъ удержанъ имъ при Прускомъ Дворѣ шесть мѣсяцовъ. Отецъ мой вообще любилъ иностранцевъ, но Нѣмцовъ и ихъ языкъ особенно, вѣрно потому что ему тамъ было хорошо; слѣдствіемъ всего этаго было то что у меня въ помощь моей Руской няни была еще Нѣмка. По смерти ли батюшки ей отказали, или послѣ, я не знаю, но

[1] *Оставлено место для имени императрицы.*

ея пребываніе было весьма не долгое, ибо я помню что она была, а какова она была и какая не помню; но слѣды ея пребыванія долго не могли изгладиться въ моемъ изломанномъ Руско-Нѣмецкомъ языкѣ, и въ малолѣтствѣ я произносилъ *т* вмѣсто *д* и *ш* вмѣсто *ж*; даже и теперь хотя я такъ и не говорю, но въ выговорѣ моемъ осталось какое-то препинаніе, особенно когда говорю по французски, а при разсѣянности иногда и пишу какъ говорилъ въ малолѣтствѣ; но при всемъ этомъ по нѣмецки я не знаю. Однакожъ рѣчь не о нѣмецкомъ языкѣ.

Формулярный списокъ моего отца мнѣ совершенно не извѣстенъ, кромѣ того что — тутъ написано. Служилъ онъ все въ военной службѣ. Во скольких и въ какихъ сраженіяхъ онъ былъ, гдѣ и что получалъ въ награду, ничего не знаю; окончилъ же онъ свое поприще службы въ чинѣ Генералъ-Поручика съ именемъ храбраго и хорошаго Генерала: свидѣтельствовать это могутъ еще и теперь бывшіе его подчиненные и множество ранъ которыя не за долго до смерти его открылись и ускорили оную. Женился онъ 30-ти лѣтъ слишкомъ; вышелъ въ отставку при вступленіи на престолъ Императора Павла I, а умеръ ровно 30 лѣтъ тому назадъ. Женился онъ въ отъѣзжемъ полѣ въ пребываніе свое въ Курской Губерніи съ ввѣреннымъ ему войскомъ. Любя страстно всякаго рода охоту, онъ часто потѣшался оною въ окрестностяхъ Курска, со множествомъ дворянъ той Губерніи и съ своими офицерами. Такія поѣздки продолжались иногда недѣли по двѣ и по три, съ музыкой, съ Цыганами, съ пѣсенниками, съ плясунами и разнаго рода подобными забавами и съ великимъ запасомъ вина. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ застала ихъ буря и непогода, отъ которой не устояли шатры отцовскаго стана, а дождь залилъ и кухонной огонь и провіантъ; въ такомъ слу⟨чаѣ⟩ дѣлать было нечего — отецъ мой послалъ въ бывшую на виду усадьбу съ опросомъ разположиться на нѣкоторое время въ обширной оранжереѣ, замѣченной ими, съ условіемъ отнюдь не обременять и не обезпокоивать ничемъ владѣтелей той усадьбы. Переночевавъ, на утро пошелъ онъ изъ оранжереи въ господской домъ благодарить за гостепріимство хозяина или хозяйку; но при первомъ взглядѣ трудно было решить хозяйка ли то была или хозяинъ въ женскомъ платьѣ:

потому что бабушка моя, сказываютъ имѣла всѣ ухватки мужскіе, росту была самаго большого женскаго, собой сухая, лицомъ мужественная, и взглядъ имѣла орлиный. Она встрѣтила его повязанная черным платкомъ, въ длинномъ капотѣ темнаго цвѣта. Отецъ мой, думаю, поразилъ ее не менѣе. Я еще не говорилъ каковъ онъ былъ собою — теперь кстати. Росту онъ былъ очень малаго, въ плечахъ необыкновенно широкъ, такого рода сложенія какъ по руски говорится: молотками сбитъ. Маленькая круглая головка, почти безъ шеи лежала на могучихъ плечахъ какъ на подносѣ; впрочемъ исключая недостатокъ шеи и чрезмѣрно широкія плечи онъ былъ соразмѣрно статенъ. Лицомъ онъ былъ хорошъ. Волосы его были непельнаго цвѣта, открытый и прямой лобъ, брови выдавшіяся, одинаковаго цвѣта съ волосами на головѣ. Брови и глаза раздѣлены были неглубокими морщинами въ видѣ пятиугольника, который вмѣстѣ со взглядомъ опредѣлялъ его рѣшительный, твердый и нѣсколько суровый характеръ. Я уже разъ сознался въ пристрастіи къ моему отцу, и потому прости великодушно мою, можетъ быть излишнюю отчетливость въ его описаніи, ибо не могу утерпѣть чтобы не приложить рисунка сего пятиугольника, замѣчательнаго въ его физіономіи, вотъ онъ[1] Отъ основанія онаго начинался правильный прямой носъ, въ оконечности нѣсколько раздвоенный. Глаза его были темнокаріе, величиною немного меньше среднихъ, свѣтлыя и въ беспрестанномъ быстромъ движеніи. Короткія правильныя смѣющіяся губы, нѣсколько смягчавшія суровое выраженіе его лица и маленькій четыреугольный подбородокъ дорисовываютъ его физіономію. Голосъ его былъ пріятный; въ разговорѣ и въ движеніяхъ былъ онъ скоръ и отрывистъ. Задумчивости онъ не зналъ и лицо его было мало измѣнчиво; на немъ отражалось обыкновенное разположеніе его души свѣтлой и веселой или бурной и вспыльчивой, каковъ онъ бывалъ часто, и первое отраженіе души заставляло любить его, а второе бояться. Самъ же онъ не зналъ что такое страхъ и не смотря на пылкой свой правъ, кажется мнѣ не имѣлъ ни къ кому особенной привязанности. Любовь его простиралась на всѣхъ; запаль-

---

[1] *Оставлено место для небольшого рисунка, но самого рисунка нет.*

чивость же и краткій гнѣвъ обрушивались всегда на одномъ существѣ, говорю существѣ потому что онъ могъ вспылить не на одного человѣка, но и на животное, даже на вещи неодушевленные.

Бабка моя, не смотря на различіе наружностей каждаго въ своемъ родѣ, сходствовала съ нимъ сильнымъ характеромъ и рѣшительностію; послѣднѣе качество въ ней было замѣчательно сильно. Вотъ одинъ примѣръ тому. Разъ, во время ея любимыхъ занятій по саду, вдругъ ей вздумалось взглянуть на свою милую дочьку, которая уже нѣсколько лѣтъ была за мужемъ и жила вмѣстѣ съ отцомъ моимъ въ жалованной Воронежской деревнѣ, отстоящей отъ ея сада верстъ 300! Въ подвязныхъ карманахъ были деньги, въ рукахъ палочка, нѣсколько схожая на дубину, и, не заходя домой, прямо из сада она пошла и пришла къ своей милой дочькѣ пѣшкомъ. Кажется довольно рѣшительно! И тамъ-то, говорили мнѣ, носила она меня на рукахъ, пѣла и прыгала, утѣшая меня. Фамилія ея Н.; звали ее А. В. После этой [1] Выхотки [2] ты можешь вообразить себѣ пріемъ А. Вны. В. Вчу былъ [3] и какъ скоро она перешла отъ объясненія къ простому обращенію. Одна изъ дочерей А. В. вбѣжала будто нечаянно и тутъ осталась; это была моя тетка, въ послѣдствіи М., другую же дочь вызвали по неволѣ изъ внутреннихъ комнатъ въ гостиную и онѣ обѣ представлены были отцу моему такими словами: вотъ тебѣ, батюшка, обѣ мои дочери, вот Клеопатра, старшая, Петербургская, тихая, умная и скромная, учена языкамъ и наукамъ; а вотъ это, прибавила она, указывая на вбѣжавшую прежде, моя вторая Александра; деревенщина — я ее сама, батюшка, учила, и потому она такая же дура и сумашедшая какъ и я; выбирай себѣ любую. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, но тутъ скоро было сказано и скоро дѣло сдѣлано, и отецъ мой, не допуская никакого отлагательства посадилъ ихъ въ карету, повезъ въ Курскъ, сопутствуя имъ и всѣмъ своимъ охотничьимъ штатомъ, верхами.

---

[1] *Было:* этого. *Исправлено П. В. Нащокиным.*
[2] *Было:* Легко. *Переделано П. В. Нащокиным.*
[3] *Вместо слов от:* было, *до:* обращенію, *первоначально записано:* и скорый переходъ ихъ отъ объясненія къ короткому обращенію. *Помещенный взамен этой фразы текст писан рукою П. В. Нащокина*

А на другой день по пріѣздѣ въ городъ все было кончено и тихая, скромная Клеопатра сдѣлалась женою моего отца. То была моя мать.

Публикуемый впервые текст записок П. В. Нащокина с карандашными поправками Пушкина сохранился среди бумаг Пушкина в собрании А. Ф. Онегина, хранящемся теперь в *ИРЛИ* (№ 371) (см. *ПС* XIII, 24, № 6, и Modeste Hoffman, «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris», 1926, pp. 32—33). Подлинник записок писан чернилами неизвестною рукою в виде письма П. В. Нащокина к Пушкину и, кроме поправок последнего, имеет одну поправку чернилами П. В. Нащокина. Текст писан на 6 листах писчей бумаги с водяным знаком: *Ф. К. Н. Г.;* исписаны первые 10 страниц и 1 строчка 11-й страницы.

До сих пор были известны записки Нащокина по записи Пушкина, находящиеся в его так называемой Плетневско-Гротовской тетради (хранится в *ИРЛИ*, № 398); они имеют Пушкинское заглавие: «Записки П. В. Нащокина им диктованные в Москве 1830», и вошли в собрание сочинений Пушкина (см. *КН* V, 426—428, где текст их напечатан по рукописи Пушкина Л. Б. Модзалевским).

Публикуемый текст записок Нащокина дает совершенно новый мемуарный материал и, за исключением отдельных мелочей, значительно отличается от первого по своему содержанию. Известно, что Пушкин неоднократно просил Нащокина заняться своими мемуарами. Так, в письме к нему 2 декабря 1832 г. Пушкин писал: «Что твои мемории? Надеюсь, что ты их небросишь. Пиши их в виде писем ко мне. Это будет и мне приятно, да и тебе легче — незаметным образом выростет том, а там, поглядишь: и другой» (*АП* II, 398). Нащокин в ответном письме, от 10 января 1833 г., лаконично отвечал: «Мемории не начинал, некогда» (*АП* III, 1).

В одном из следующих писем (вторая половина февраля 1833 г.) Пушкин, рисуя Нащокину картину благополучия, говорил ему: «Дай бог мне зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведем тебя с сожительницей, заведем мельницу в Тюфлях, и заживешь припеваючи и пишучи свои записки» (*АП* III, 8). Но материальные затруднения, семейные дела (Нащокин в это время покидал свою сожительницу Ольгу Андреевну и вскоре женился на Вере Александровне Нарской) и другие заботы мешали Нащокину исполнить просьбу Пушкина. Но что он о ней не забывал, видно из письма Нащокина Пушкину от второй половины апреля 1834 г., когда Нащокин был в Туле в тяжелом материальном положении. «Силы нет — описать тебе могущее быть унизительное мое положение, не то что бы не умел — в мемориях я в своих опишу, — но теперь какая то русская амбиция мешает — не люблю ни представлять себя, ни сам себя видеть — в жалком положении...» («Искусство» 1923, № 1, стр. 315, и в «Письмах Пушкина и к Пушкину», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 22). Следующие годы переписка П. В. Нащокина и Пушкина не дает никаких упоминаний о записках Нащокина, и только из письма

Пушкина к Нащокину от 27 мая 1836 г. мы узнаем, что какие-то записки Нащокина Пушкин забыл взять у него, когда уехал в Петербург, после 18-дневного пребывания у Нащокина, с 3 по 20 мая 1836 г. В указанном письме Пушкин писал: «... я забыл взять с собою твои записки; перешли их, сделай милость скорее...» (*АП* III, 325). Очевидно, что именно в этот приезд Пушкина Нащокин и начал писать для него свои записки. Теперь рукопись их вполне доступна. Публикуемый нами текст и есть, несомненно, тот самый, который Нащокин переслал Пушкину по его просьбе в виде письма к нему с обращением «Любезный Александр Сергеевич», как того хотел Пушкин еще в письме 1832 г. (см. выше). То, что Нащокин послал Пушкину копию, а не оригинал начала записок, объясняется тем, что Нащокин, вероятно, хотел продолжать их и, по мере написания, копировать и отсылать к Пушкину. Что новый текст начала записок Нащокина писан именно в 1836 г., видно из следующих слов записок в том месте, где говорится об отце Нащокина, который «умер ровно 30 лет тому назад», а скончался Воин Васильевич Нащокин, по документальным сведениям (о чем см. ниже), в 1806 г.

Интересно отметить, что начало записок М. С. Щепкина, вписанное Пушкиным в его альбом, помечено 17 мая 1836 г. (об этом см. стр. 639), то-есть в этот же приезд Пушкина в Москву, вероятно, также у Нащокина, у которого Пушкин и встретился с М. С. Щепкиным (об их встречах у Нащокина см. в воспоминаниях А. В. Щепкиной в *РА* 1889, I, 549).

Итак, рукопись записок Нащокина писана в мае 1836 г. Почему, однако, Пушкин просил Нащокина выслать их «поскорее»? Мы позволяем себе высказать предположение о том, что записки Нащокина Пушкин предполагал печатать в «Современнике», с каковою целью, получив с них копию, и стал наносить на них свои исправления. Они идут главным образом по линии сокращения длиннот и отступлений от основной мысли повествования, а также уточняют некоторые выражения Нащокина и неправильное употребление отдельных слов. Исправив, однако, приблизительно половину текста, Пушкин бросил эту работу, или за недосугом, отвлеченный свою душевною драмою конца 1836 г., или убедившись в невозможности опубликовать записки без коренной их переделки, на что требовалось много времени. Нащокин, надо полагать, ограничившись посылкою этого отрывка записок и не понуждаемый, после последовавшей вскоре смерти поэта, никем из друзей к их продолжению, больше уже за них не принимался. И теперь только, почти через сто лет со дня кончины Пушкина, мы можем выполнить его волю и опубликовать записки его друга, но в том виде, в каком они сохранились в бумагах поэта.

Точная дата рождения П. В. Нащокина до сих пор неизвестна. Большинство источников указывает на 1800 г., но есть указания и на 1798 и 1801 гг. В родословии Нащокиных у кн. А. Б. Лобанова-Ростовского в «Русской родословной книге», т. II, изд. 2, СПб. 1895, стр. 465, сообщена

дата: 8 декабря 1801 г. Но как эту дату согласовать с личным показанием Нащокина, не знаем. Если принять год по Лобанову-Ростовскому, а месяц и число по Нащокину, которые он твердо помнил, то тогда следует принять следующую дату его рождения: 15 декабря 1801 г. Скончался же Нащокин в Москве 6 ноября 1854 г. Родоначальником рода Нащокиных, как значится в «Гербовнике», ч. III, стр. 14, был князь и владетель Дукс, выехавший «из Италианския земли» к великому князю Александру Михайловичу Тверскому; этому Дуксу после крещения дано было имя Дмитрий, по прозвищу Красный. Сын его Дмитрий получил наименование Нащока, вследствие раны на щеке от татар. Эти сведения относятся к 1327 г. см. гр. А. Бобринский, «Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской империи», ч. I, СПб. 1890, стр. 343).

А. Л. О-Н — Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, в монашестве Антоний (ум. в 1680 г.), наместник Шацкий, боярин, царственной большой печати оберегатель (15 июля 1667 г.), постригся в 1672 г. П. В. Нащокину он приходился дальним родственником по боковой линии; сведения о нем, сообщаемые Нащокиным, точны и верны. Откуда Нащокин сделал о нем выписку, установить не удалось. (Об А. Л. Ордин-Нащокине см. в родословии Ординых-Нащокиных в книге кн. А. Б. Лобанова-Ростовского «Русская родословная книга», т. II, изд. 2, стр. 52; «Русский провинциальный некрополь», т. I, М. 1914, стр. 39, и в «Русском биографическом словаре», т. Обезьянинов-Очкин, СПб. 1905, стр. 282—303.)

Дед П. В. Нащокина — Василий Александрович Нащокин (род. 7 января 1707 г., ум. в 1760 г.), генерал-поручик; сведения о нем собраны были впервые Д. Н. Бантышем-Каменским в его известном «Словаре достопамятных людей русской земли», 1836, часть 4, стр. 11—14. Известные же «Записки Нащокина», с предисловием и примечаниями Д. И. Языкова, изданы были впервые в 1842 г.[1] и затем перепечатаны в *РА* 1883, кн. II, стр. 243—351. См. также изданную в 1841 г. книгу К. М. Бороздина «Опыт исторического родословия Нащокиных». Подлинник записок Нащокина принадлежал брату П. В. Нащокина — Василию Воиновичу.

Гр. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1693—1768), канцлер императрицы Елизаветы Петровны, был арестован в ночь с 8 на 9 ноября 1740 г., одновременно с арестом Бирона.

Отец Нащокина — Воин Васильевич, род. 1 августа 1742 г.; на надгробии его в родовом имении с. Шишкине, Костромского уезда, в Преображенской церкви, сказано, что его «тезоименитство сентября 19 числа мученика Доримедонта, кое имя ему дано от восприемницы его государыни императрицы Елизаветы Петровны»; скончался 29 ноября 1806 г.; жил 64 года 3 месяца и 28 дней (см. «Русский провинциальный некрополь», т. I, М. 1914, стр. 596—597). Кроме того, что о нем сообщает П. В.

---

[1] Отрывки из них печатались П. П. Свиньиным в «Отечественных записках», часть XVI, стр. 76—104.

Нащокин, известно, что В. В. Нащокин умер в чине генерал-лейтенанта; в генерал-майоры он был произведен 21 апреля 1773 г. и в генерал-поручики — 5 мая 1779 г. Женат был с 1783 г. (см. «Стихотворения Ю. А. Нелединского-Мелецкого», СПб. 1876, стр. 104, примеч.) на Клеопатре Петровне Нелидовой (род. в 1767 г., ум. 20 августа 1828 г.); она была помещицей Бобровского у., Воронежской губ. (см. «Московские ведомости» 1828, № 100). О В. В. Нащокине и А. В. Суворове см. еще рассказ П. В. Нащокина в записи Пушкина (*КН* V, стр. 426—427). Рассказ этот, по свидетельству П. И. Бартенева, Пушкин передал в письменном виде вел. кн. Михаилу Павловичу (см. *РА* 1866, стлб. 930—931, и «Девятнадцатый век. Исторический сборник, изд. П. И. Бартеневым», кн. I, М. 1872, стр. 395, примеч. 27); включен он также в «Заметки к „Истории Пугачевского бунта"», представленные Пушкиным Николаю I (см. «Сборник исторических материалов и документов, относящихся к новой русской истории XVIII и XIX века. Изд. М. Михайловым. Составлен при содействии и участии ученых литераторов», СПб. 1873, изд. журнала «Заря», стр. 418—422: ср. *РС* 1892, № 7, стр. 5—8). Здесь Пушкин пишет: «Нащокин (Воин Васильевич) был один из самых странных людей своего времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее...» (ср. *КН* V, стр. 424). Пушкин, конечно, имеет в виду те записки П. В. Нащокина, которые он записал с его слов в 1830 г. в Москве. Там же Пушкин говорит о том, что В. В. Нащокин был крестник императрицы Елизаветы и что умер в 1809 г. Всё это им написано, конечно, со слов П. В. Нащокина.

О женитьбе В. В. Нащокина ср. также в записи Пушкина рассказов П. В. Нащокина (*КН* V, 428).

Бабку П. В. Нащокина со стороны матери нам определить не удалось. Ее другая дочь, Александра Петровна Нелидова, была замужем за Я. Я. М., о котором Нащокин говорит в начале своих воспоминаний.

3.

Слово о полку Игореве [1]

Не прилично ли будетъ намъ, братія, [2] *NB 1)*ч [3]
—ч
Начать древнимъ складомъ

---

[1] Основной текст написан писарской рукой. Этой же рукой проставлены (не везде!) номера стихов. Слова, написанные Жуковским, обозначены буквой ж. Курсивным корпусом напечатаны замечания Пушкина. Подчеркивания под словами сделаны Пушкиным. Большинство поправок и подчеркиваний сделаны карандашом. Сделанные в другой раз — чернилами — обозначаются дальше буквой ч у слова или у линейки. Подчеркнутое писарем передано разрядкой.

[2] *Исправлено Жуковским (дальше будем его обозначать Ж) из:* братіе.

[3] *Цифра 1) означает заметку, написанную на отдельном листе. См. стр. 217.*

Печальную повѣсть о битвахъ Игоря
Игоря Святославича!
Начаться же сей пѣсни
По былинамъ сего времени,
А не по вымысламъ Бояновымъ —
Вѣщій Боянъ,
то Если пѣснь кому сотворить хотѣлъ,
Носился[ч] Растекался мыслію по древу, *NB* *(славіемъ)*[ч]
————— ч
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.

NB Вамъ памятно, какъ пѣли о браняхъ первыхъ временъ
——— ч
Тогда пускались 10 соколовъ на стадо лебѣдей;
Чей соколъ долеталъ, того [1] и пѣснь прежде пѣлась!
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему редедю передъ полками Касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боянъ же, братія, не 10 соколовъ на стадо лебѣдей пускалъ,
Онъ вѣщіе персты свои на живыя струны вскладывалъ
NB И сами они славу Князьямъ рокотали (звучали).

Начнемъ же, братія, [2] повесть сію
Отъ стараго Владиміра, до нынѣшняго Игоря.
Натянулъ онъ умъ свой крѣпостью,
Изострилъ онъ мужествомъ сердце,
Ратнымъ духомъ исполнился
И навелъ храбрые полки свои
На землю Половецкую за [3] землю Русскую.
Тогда Игорь возрѣлъ на свѣтлое солнце,
воиновъ[ж]
Увидѣлъ онъ воевъ своихъ, тьмой отъ него прикрытыхъ,[4]
И рекъ Игорь, дружинѣ своей:
«Братія,[5] и дружина!
«Лучше намъ быть порубленнымъ, чемъ даться въ полонъ.
«Сядемъ же други на борзыхъ коней,
«Да посмотримъ синяго Дона

---

[1] *Исправлено Ж из:* то.
[2] *Исправлено Ж из:* братіе.
[3] *Исправлено Ж из:* на. *Им же вычеркнута запятая перед этим словом.*
[4] *Исправлено Ж из:* покрытыхъ.
[5] *Исправлено Ж из:* братіе.

Вспала Князю на умъ охота,

Закрыло отъ него 1[2]

NB А знаменье |заступило|[1] ему желаніе
Отвѣдать Дона великаго.
«Хочу, онъ рекъ, преломить копье
кондѣ[ж]
«На [краяхъ] поля Половецкаго, съ Вами люди русскіе!
Хочу положить свою голову,
Иль выпить шеломомъ изъ Дона.

О Боянъ, соловей стараго времени!
Какъ бы воспѣлъ ты битвы сіи,
Скача /соловьемъ/[3] по мысленну древу, *NB*[ч]
Взлетая умомъ подъ облаки, *со всѣхъ сторонъ*
NB[ч] Свивая всѣ славы сего времени *[всячески] сплетая хвалы*.[4]

Рыща тропою Трояновой чрезъ поля на горы
онаго[ж]
Тебѣ бы пѣснь гласить Игорю того Олега внуку;
2 {Не буря соколовъ занесла чрезъ поля широкія!
Галки стадами бѣгутъ къ Дону великому!
3)[ч] *1*[5] | Тебѣ бы пѣть, вѣщій Боянъ, внукъ велесовъ!

Ржутъ кони за Сулою,
Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,
NB Стоятъ знамена въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ милаго брата Всеволода!

И рекъ ему буй-Туръ Всеволодъ:
Одинъ мнѣ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорь,
Оба мы Святославичи!
«Сѣдлай же[ж] братъ, борзыхъ коней своихъ!
NB «А Мои тебѣ готовы, *извѣстны*
«Осѣдланы предъ Курскомъ!
NB Мѣтки въ стрельбѣ мои Куряне! [ч]

---

[1] *Отметка Пушкина чернилами.*
[2] 1 *означает, что Пушкин переставил слово:* желаніе *перед словом:* ему.
[3] *Скобки Пушкина* чернилами.
[4] Шесть слов чернилами.
[5] *Цифры* 1 *и* 2 *означают перестановку стихов; цифра* 3) *означает заметку, написанную на отдельном листе. См. стр. 218.*

«Подъ трубами повиты!
«Подъ шеломами взлелѣяны,
NB «Концемъ копья вскормлены,
«Пути имъ всѣ вѣдомы
«Овраги имъ знаемы,
«Луки у нихъ натянуты,
«Тулы отворены,
«Сабли отпущены, /полѣ/
«Сами скачутъ, какъ, сѣрые волки въ [лѣсѣ], полѣ[ж]
«Ища себѣ чести, а Князю славы.

Тогда вступилъ Князь Игорь въ златое стремя
NB И поѣхалъ по чистому полю,
сокрыло[1] Солнце дорогу ему тьмой заступило
и я
Ночь, грозою шумъ на[2] него[2] птицъ пробудила.
Ревъ въ стадахъ звѣриныхъ!
NB[ч] Дивъ /Филинъ/[3] кличетъ на верьху древа:
———ч
NB велитъ прислушать землѣ незнаемой:
Волгѣ, поморію и посулію,
И сурожу и Корсуню
И тебѣ истуканъ тьмутараканскій.
NB И Половцы не готовыми дорогами побѣжали къ Дону великому
Кричатъ въ полночь телеги, словно распущенны лебѣди;
Игорь ратныхъ къ Дону ведетъ!
Уже бѣда его птицъ скликаетъ!
И волки угрозою воютъ по оврагамъ,
я
Клектомъ орлы на кости звѣрей зовутъ,
NB Лисицы брешутъ на червленные щиты.
О русская земля! Ужь ты за горами!
Далеко!
NB[ч] Ночь меркнетъ!
Свѣтъ-заря запала! *[пропала[ч]]*
———ч
Мгла поля покрыла,
Щекотъ соловьиный[4] заснулъ
Галичій говоръ затихъ! (убылъ)[ж]

---

[1] *Было:* закрыло.

[2] Вписано Ж по написанному карандашом писарем тексту. Ниже обозначаем его пк.

[3] Скобки Пушкина.

[4] иный *дописано Ж.*

Рускіе поле великое червленными щитами прегородили[1]
Ища себѣ чести, а Князю славы.

Въ пятницу на зарѣ потоптали они нечестивые полки половецкіе
И разсѣясь стрѣлами по полю, помчали красныхъ дѣвъ Половецкихъ
А съ ними и злато и паволоки и драгія оксамиты!
О ртмами,[2] епанчицами и кожухами[Ж] и разными узорочьями Половецкими
·По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ, начали мосты мостить
А стягъ[3] червленный съ бѣлою хоругвію,[4]
А чолка червленная [и] съ древкомъ серебренымъ
Храброму Святославичу!
Дремлетъ въ полѣ Олегово храброе гнѣздо —
Далеко залетѣло!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебѣ черный воронъ, невѣрный Половчанинъ!
Гзакъ[5] бѣжитъ сѣрымъ волкомъ,
А[6] Кончакъ ему слѣдъ прокладываетъ къ Дону великому!
И рано на другой день кровавыя зори[7] свѣтъ повѣдаѣтъ;
NB Черныя тучи съ моря идутъ,
Хотятъ прикрыть четыре солнца!
NB И въ нихъ трепещутъ синія молніи!
Быть грому великому!
NB Идти дождю стрѣлами съ Дона великаго!
Тутъ-то[ж] копьямъ поломаться,
Тутъ-то саблямъ притупиться
О шеломы Половецкіе
На рѣкѣ на Каялѣ у Дона великаго!
О русская земля! далеко ужь ты за горами!
И вѣтры Стрибоговы внуки
Вѣютъ съ моря стрѣлами NB
На храбрые полки Игоревы!
Земля гремитъ;[8]

---

[1] пре *вписано Ж.*
[2] *Вписано Ж по пк.*
[3] *Было:* стязъ. *Поправлено Ж карандашом и сверху чернилами.*
[4] *Поправлено Ж из:* хорухвью.
[5] *Поправлено Ж из:* Гсакъ
[6] *Приписано писарем потом.*
[7] *Исправлено Ж из* зари.
[8] *Стих вписан Ж по пк.*

Рѣки текуть мутно [!],
Прахи поля покрываютъ,
Стяги глаголютъ!
Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ сторонъ
Русскіе полки отступили!
Бѣсовы дѣти кликомъ поля прегородили, [1]
А храбрые русскіе щитами червленными.
Ярый Туръ Всеволодъ!
Стоишъ на оборовѣ,
Прыщешъ на ратныхъ стрѣлами,
Гремишь [2] по шеломамъ мечемъ харалужнымъ;
Гдѣ ты, Туръ, ни проскачешь шеломомъ златымъ
вая [3]
посвѣча[ешь]
Тамъ лежатъ нечестивыя головы Половецкія,
Порубленныя калеными саблями шлемы аварскіе
Отъ тебя ярый Туръ Всеволодъ!
Какою раною подорожитъ онъ, братіе!
Онъ [какъ] по[4]забывшій о жизни и почестяхъ,
О градѣ Черниговѣ, златомъ престолѣ родительскомъ,
О свычаѣ и обычаѣ милой супруги своей Глѣбовны, красныя [5]
(вѣки) [ж]
Были сѣчи Трояновы,
Миновались лѣта Ярославовы!
битвы[ж] а[ж]
Были [походы] Олег[овы],
Олега Святославича!
Тотъ Олегъ мечемъ крамолу ковалъ
И стрѣлы онъ по землѣ сѣялъ!
Ступалъ онъ въ златое стремя въ градѣ Тьмутараканѣ !
Молву объ немъ [6] / слышалъ давній великій Ярославъ сынъ
всеволодовъ [7]

---

[1] *Исправлено Ж из:* пригородили.
[2] *Исправлено Ж из:* Грѣмишь.
[3] *Исправлено Ж по пк.*
[4] *Вставлено Ж на смену вычеркнутого им слова:* как.
[5] *Стих вписан Ж вместо вычеркнутого им после поправок стиха:*

ей
О [красной Глѣбовнѣ, миломъ сво[емъ] желаніи, свычаѣ и обычаѣ].

[6] Эти три слова обведены снизу и справа карандашом Пушкиным.
[7] *Пушкиным карандашом указано, что слово это надо перенести до слова:* сынъ.

князь[1]
А [какъ] Владиміръ†[2] всякое утро уши затыкалъ въ Черниговѣ;
хвала на судъ
Бориса же Вячеславича слава на судъ привела;
NB И на |конскую| зеленую попону | положили его

За обиду Олега, храбраго, юнаго Князя.
(увелъ)ж
Съ той же Каялы Святополкъ послѣ сѣчи взялъ отца своего
Между Угорскою конницею ко Святой Софіи въ Кіевъ.
Тогда при Ольгѣ[3] Гориславичѣ сѣялось и выростало
междоусобіемъ

Погибала жизнь Даждобожіихъ внуковъ.
Во крамолахъ Княжескихъ вѣкъ человѣческій сокращался!
Тогда по русской землѣ рѣдко оратаи распѣвали.
Но часто граяли[4] враны,
Трупы дѣля межъ собою,
А Галки рѣчь свою говорили:
Хотимъ
[Тещяся] полетѣть на добычу![4]
ч

сѣчахъж битвахъж
То было въ тѣхъ [ратяхъ], [и] въ тѣхъ [походахъ],
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
Отъ вечера до свѣта
Летають стрѣлы каленыя,
Гремятъ мечи о шеломы,
Трещатъ харалужныя копья
Въ полѣ незнаемомъ
Среди земли Половецкія!
Черна земля подъ копытами,
Костьми была посѣяна,
Полита была кровію,
NB И по русской землѣ взошло бѣдой.[5]

Что мнѣ шумитъ[?],
Что мнѣ звѣнитъ [?],

---

[1] *Поправка Ж по пк.*
[2] Крест поставлен карандашом Пушкиным.
[3] *Исправлено Ж из:* Олегѣ.
[3] *Ж по пк*
[4] *Весь стих и поправка Ж по пк.*
[5] *Переделано из:* бѣдою *Ж по пк.*

Такъ задолго рано передъ зарею?
Игорь полки заворачиваетъ!
Жаль ему милаго брата Всеволода!
Билися день!
Бились другой!
На третій день къ полдню
Пали знамена[1] Игоревы![1]
Тутъ разлучилися[2] братья на брегѣ быстрой Каялы.
Тутъ кроваваго вина не достало,
Тутъ пиръ докончили бесстрашные русскіе,
Сватовъ попоили[!],
А сами легли за русскую землю!
Поникаетъ трава отъ жалости!
А древо печалію
К землѣ преклонилось.
Уже не веселое, братья, время настало![3]
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида въ силахъ Дажбожіихъ внуковъ.
Дѣвой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебѣдиными,
На синемъ морѣ у Дона плескаяся.

Zir[4] Zierde[5]

(*золотыя*[ч] [жирныя[ж]])
Прошли времена благоденствіемъ[6] обильныя
Миновалися брани Князей на невѣрныхъ!
Братъ сказалъ брату; то мое, а это мое же!
говорить про е про е[7]
И стали Князья [спорить] [о] мало[мъ] какъ [о] велико[мъ]
тьж
И сами на себя крамолу кова[ли]!
А невѣрные со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на русскую землю.
О! далеко залетѣлъ ты соколъ[!], сбивая птицъ къ морю!
храброму[8]
А [безсмертному] полку Игореву уже не воскреснуть!

---

[1] *Вписано Ж*[ч] *по пк на пустое место.*
[2] *Исправлено Ж вместо:* разлучились.
[3] *Весь стих, кроме первого слова, вписан Ж по пк.*
[4] *Корм, пища (польск.).*
[5] *Украшение (нем.).*
[6] *Исправлено Ж из:* благоденствія.
[7] *Стих исправлен Ж.*
[8] *Ж по слову* безстрашному *пк.*

Въ слѣдъ за нимъ крикнули[1] Карна[2] и Жля и по русской землѣ поскакали.

смага[ч3] *побѣду*

NB Мча раззореніе въ пламенномъ рогѣ! *дорогѣ*[ч]

Жены русскія всплакали, приговаривая:
«Ужь намъ своихъ милыхъ ладъ
«Ни мыслію смыслить,
«Ни думою[4] сдумать![5]
«Ни очами сглядѣть!

(не мало для того)[ч]

NB у ченож

А злата сребра (много)[6] [по]тра[тить]!
И застоналъ, друзья, Кіевъ печалію,
Черниговъ напастію,

NB Тоска разлилась по русской землѣ,

печаль[ж]

Обильна [тоска] потекла среди земли русскія!
Князи сами на себя крамолу ковали,

набѣгали[ж]

А невѣрные сами съ побѣдами [врывались] на русскую землю[7]
Дань собирая по бѣлкѣ съ двора.

Такъ-то сіи два храбрые Святославича

NB Игорь и Всеволодъ раздоръ пробудили, *lozhba*[8]

Едва усыпилъ его мощный отецъ ихъ
Святославъ грозный, великій Князь Кіевскій

былъ[ж]

Гроза Святославъ!

битвами[ж]

Притрепеталъ онъ враговъ своими сильными [ратями]
И мечами булатными!
Наступилъ онъ на землю Половецкую;
Притопталъ холмы и овраги,
Возмутилъ озера и рѣки,
Изсушилъ потоки, болота,

---

[1] *Исправлено Ж из:* крикнулъ.
[2] *Ж по nk.*
[3] *Огонь (из «Слова о П. И.»), неверно переданное и Пушкиным (победу), в противовес пониманию Жуковского (разорение).*
[4] *Исправлено Ж из:* душою.
[5] *Исправлено Ж из:* вздумать.
[6] *Скобки Пушкина.*
[7] *Стих исправлен Ж. Было:...* врывались въ землѣ русскія.
[8] *Помета непонятна,*

А Кобяка[1] невѣрнаго изъ[2] луки[2] моря[2]
NB Отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ
вырвалъ, какъ вихорь![3]
И Кобякъ очутился въ городѣ Кіевѣ
Во гридницѣ[4] Святославовой!
Нѣмцы и Венеды,
Греки и Мо[двы] равыж
Славу поютъ Святославу,
Каютъ (корятъ) Игоря-Князя
тысячи[ч]
Погрузившаго силу на днѣ Каялы рѣки Половецкія
Насыпавъ ее золотомъ русскимъ.[5]
пересѣлъ на седло[ж]
Тамъ Игорь Князь изъ златаго седла [изъшелъ въ сѣдло
Кощіево] отрока:[ж]
Уныли въ градахъ забралы
И веселіе поникло!

И Святославу смутный[6] сонъ привидѣлся:
«Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сію съ вечера
«Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покровомъ на кровати
тесовой,
«Черпали мнѣ синее вино съ горечью смѣшенное;
раковинами[ч])[7]
«Сыпали мнѣ ([7] пустыми [колчанами][8]
«Жемчугъ великой ([9] въ нечистыхъ раковинахъ)[9] на лоно
«И меня нѣжили. *Hêranie* ⟨?⟩[10] *покидаютъ, оставляютъ
меня*
NB А кровля безъ князя была на теремѣ моемъ златоверьхомъ

---

[1] *Исправлено Ж из:* Кобака.
[2] *Приписано Ж по пк.*
[3] Весь стих вписан Ж по другому, не вполне разбираемому стиху Ж. У писаря был пропуск.
[4] *Исправлено Ж вместо:* градицѣ.
[5] *Весь стих Ж по пк.*
[6] *Исправлено Ж из:* мутный.
[7] *Скобки Пушкина*[ч].
[8] *Вычеркнуто Пушкиным*[ч].
[9] *Скобки Пушкина*[ч].
[10] *Помета непонятна.* Может быть тут написано слово (русскими и латинскими буквами) пытающееся объяснить слово «нѣгуютъ» подлинника. См. снимок.

И веселие поникло!

И Святославу смутный сонъ привидѣлся.
„Въ Кіевѣ на горахъ въ ночь сю съ вечера
„Одѣвали меня, рекъ онъ, чернымъ покровомъ на кровати тесовой;
„Черпали мнѣ синее вино съ горечью смѣшанное;
„Сыпали мнѣ (пустыми ~~колчанами~~ раковинами)
„Жемчугъ великой (съ нечистыхъ раковинахъ) на лоно
„И нѣжили меня
„И кровля безъ князя была на теремѣ моемъ златоверхомъ.
„И съ вечера цѣлую ночь ~~граяли~~ [вороны] врани [бусыи] зловѣщіе
„Слѣтѣвшіе ~~на~~ [8.] гонѣ въ дебри кисановой!
„Ужь не послать ли мнѣ къ синему морю? —
И Бояре Князю въ отвѣтъ рекли.
„Печаль намъ, Князь, умы полонила!
Слетѣли два сокола съ золотаго престола отцовскаго
Поискать города Тьмутороканя,
Или выпить шеломомъ изъ Дона!
Ужь соколамъ и крылья нехристей саблями подрублены,
Сами же запутаны въ желѣзныхъ опутинахъ
Въ третій день тьма наступила!
Два солнца померкли!
Два багряныхъ столпа угасли!

Поправки Пушкина в переводе В. А. Жуковского «Слова о полку Игореве»

(К стр. 136—137)

И Кобякъ очутился въ городѣ Кіева

Во гридницѣ Святославовой!

Нѣмцы и Венеды,

Греки и Моравы

Славу поютъ Святославу,

Каютъ / корятъ / Игоря-Князя

Погрузившаго силу (тысячи) на днѣ Каялы рѣки Половецкія,

насыпавъ ее золотомъ рускимъ

Тамъ Игорь Князь ~~изъ златаго сѣдла~~ ~~[illegible]~~ пересѣлъ на сѣдло

Унылы въ градахъ забралы и туга ~~[illegible]~~

Поправка Пушкина в переводе В. А. Жуковского «Слова о полку Игореве»

(К стр. 136)

и — кричали[ч] *рьзвые*[ч]
NB «И съ вечера цѣлую ночь [граяли][1] враны зловѣщіе *[плотоядные]*[1] *[кровож⟨адные⟩]*
NB «Слѣтѣвшись на выгонъ въ дебри кисановой!
[NB][1] «Ужь не послать ли мнѣ къ синему морю? —
И Бояре Князю в отвѣтъ рекли:
Печаль намъ, Князь, умы полонила!
Слетѣли два сокола съ золотаго престола отцовскаго
NB Поискать города тьмутораканя,[2]
Или выпить шеломомъ изъ Дона!
Ужь соколамъ и крылья невѣрныхъ саблями подрублены,
Сами жъ запутаны въ желѣзныхъ опутинахъ.
Въ третій день тьма наступила!
Два солнца померкли!
Два багряныхъ столпа угасли!
А съ ними и два молодые мѣсяца Олегъ и Святославъ
Тьмою подернулись!
На рѣкѣ на Каялѣ свѣтъ темнотою покрылся!
Гнѣздомъ Леопардовъ | простерлись Половцы по русской землѣ

И въ море ее погрузили.
И въ Хана вселилось буйство великое!
Нашла хула на хвалу!
NB Неволя грянула на волю! *Нужда смѣнила изобиліе*
В[в]ергнулся дивъ на землю.
Вотъ ужъ и Готскія красныя дѣвы
вспѣли на брегѣ синяго моря,
Звоня золотомъ русскимъ.
Поютъ онѣ время Бусово,
Величаютъ месть Шураканову!
А наши дружины гладны веселіемъ. —
Тогда изронилъ Святославъ великій слово златое:
«О сыновья мои Игорь и Всеволодъ!
«Рано вы стали мечами разить Половецкую землю.
«А себѣ искать славы!
«Не съ честію вы побѣдили! *Неславно*
«Съ нечестіемъпролили кровь невѣрную!
«Ваше храброе сердце въ жестокомъ булатѣ заковано,
«И въ буйствѣ закалено!
NB «То[ль][3] сотворили вы моей серебряной сѣдинѣ!

---

[1] *Вычеркнуто Пушкиным*[ч].
[2] *Исправлено Ж из:* тьмотораканскаго.
[3] *Вычеркнуто Пушкиным*[к].

«Уже не вижу могущества моего сильнаго, богатаго,
многовойнаго[ж]
[миловиднаго] брата Ярослава!
NB «Съ его Черниговскими племенами *отраслями*
«Съ Монгутами, Татринами[1] и Шелбирами.
«Съ Топчаками, ревугами и Олберами
за[ж]
«Они безъ щитовъ съ кинжалами сапожными
«Кликомъ полки побѣждали *во славу*
«Звеня славою прадѣдовъ![2] *[хваля] прадѣдовъ*
«Вы же рекли: мы одни постоимъ за себя
«Славу [передню][3] сами похитимъ!
«Заднюю славу сами подѣлимъ!
NB «И не диво бы, братья, старому стать молодымъ
«Соколъ ученый NB *полинявшій*
«Птицъ высоко взбиваетъ,
«Не даетъ онъ въ обиду гнѣзда своего!
вотъ
«Но горе! [горе]; Князья мнѣ не въ помощь!
вспять
«Времена обратились на [низкое]
«Вотъ у ромеяя[4] кричатъ подъ саблями Половецкими;
А Князь Владимiръ подъ ранами!
«Горе и бѣда сыну Глѣбову!
«Гдѣ жь ты великiй Князь Всеволодъ!
«Иль не помыслишь прилетѣть издалеча, отцовскiй златой престолъ защитить?
«Силенъ ты веслами Волгу разбрызгать
«А Донъ шеломами вычерпать
«Будь ты съ нами и[5] была бы дѣва по ногатѣ
отрокъ[ж]
«А [кощей] по резанѣ;
«Ты же по суху можешь
шерешпрами
«Стрѣлять живыми [самострѣлами] съ чадами Глѣба удалыми;[6]

---

[1] *Описка, вместо:* Татаринами.
[2] Весь стих вписан Ж по пк.
[3] Вычеркнуто Пушкиным[к].
[4] Исправлено Ж по какому-то ошибочному написанию писаря.
[5] Начиная с этого слова до конца стиха — Ж по пк.
[6] *Начиная с слова:* живыми — *Ж по пк.*

А вы безстрашные Рюрикъ съ Давыдомъ
NB «Не ваши[ль] [1] позлащенные шеломы въ крови плавали?
«Не ваша[ль] [2] храбрая дружина рыкаетъ,
«Словно какъ Туры калеными саблями ранены въ полѣ незнаемомъ!
«Вступите, вступите въ стремя златое!
За честь сего времени, за русскую землю,
«За раны Игоря, буйнаго Святославича!
«Ты Галицкій Князь Осьмомыслъ Ярославъ
«Высоко ты сидишь на престолѣ своемъ златокованномъ,
NB? «Подперъ Угрскіе горы | <u>полками желѣзными,</u> ?

«Заступилъ ты путь Королю,
«Затворилъ Дунаю ворота,
«Бремена черезъ облаки мечешь,
«Рядишь суды до Дуная!
«И Угроза твоя по землямъ течетъ!
«Вороты отворяешь къ Кіеву,
«Стрѣляешь въ Султановъ съ златаго престола отцовскаго черезъ дальнія земли.
2 1
«Стрѣляй же Князь, въ Кончака невѣрнаго Кощея за русскую землю
«За раны Игоря буйнаго Святославича!
ты[ж]
«А ты Мстиславъ и смѣлый Романъ!
Храбрая мысль носитъ васъ на подвиги,
«Высоко возлетаете вы на дѣло отважное,
«Словно какъ соколъ на вѣтрахъ ширяется,
«Птицъ одолѣть замышляя въ отважности!
«Шеломы у васъ Латинскіе, подъ ними железные <u>панцыри!</u>

«Дрогнули отъ нихъ земля и многія области хановъ, [3]
«Литва, Деремяли, Ятвяга,
|*папорзи*| [4]
«И половцы копья свои повергнувъ
«Главы подклонили
2[5] 1[5]
«Подъ мечи ваши харлужные.

[1] Вычеркнуто Пушкиным[К].
[2] То же.
[3] *Весь стих Ж.*
[4] *Нагрудники, верхняя часть брони (слово из Слова о полку Игореве).*
[5] *Цифры, означающие перестановку, написаны Жуковским или Пушкиным.*

«Но уже для Игоря Князя солнце свѣтъ свой утратило
И древо свой листъ не добромъ сронило.
«По роси, по Сулѣ грады подѣлены.
«А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
«Донъ тебя, Князя кличетъ!
«Донъ зоветъ Князей на побѣду!
Ольговичи храбрые Князю доспѣли на бой!
«Вы же Ингваръ и Всеволодовъ и всѣ три Мстиславича
«Не худаго гнѣзда шестокрильцы,
«Не по жеребью ли побѣды власть себѣ вы похитили?
«На что вамъ златые шеломы,
ваши польскія копья, щиты?
«Заградите въ поле врата своими острыми стрѣлами
«За землю русскую, за раны Игоря, смѣлаго Святославича.
«Не течетъ уже Сула струею сребряной
«Ко граду Переяславлю!
Ужь и Двина болотомъ течетъ
«Къ онымъ грознымъ Полочанамъ подъ кликомъ невѣрныхъ.
«Одинъ Изъяславъ сынъ Васильковъ
мечами[ж]
«Позвѣнѣлъ своими острыми [щитами] о[ж] шлемы[ж] Литовскіе[ж]
«Утратилъ[1] онъ славу Дѣда своего Всеслава
Под червленными щитами на кровавой травѣ
«Положенъ[2] мечами Литовскими
× [3] «И на семъ одрѣ возгласилъ онъ:
«Дружину твою, Князь Изславъ
«Крылья птицъ пріодѣли,
«И звѣри кровь полизали
«Не было тутъ брата Брячислава,[4] ни другаго Всеволода
«Одинъ изронилъ ты жемчужную душу
«Изъ храбраго тѣла
«Черезъ златое ожерелье!
«Голоса пріуныли!
«Поникло веселіе!
«Трубятъ Городенскія трубы[5]
«И ты Ярославъ, и вы внуки Всеслава!
«Пришлось преклонить вамъ стяги[6] свои,
«Пришлось вамъ во ножны вонзить мечи поврежденные.

---

[1] *Исправлено Ж из:* Утишилъ.
[2] *Исправлено Ж из:* положилъ.
[3] *Помета Ж?*
[4] *Исправлено Ж из:* Бречислава.
[5] *Исправлено Ж из:* Городенскіе.
[6] *Исправлено Ж из:* стязи.

«Отскочили[1] вы отъ дѣдовской славы
«Навели нечестивыхъ крамолами[2]
«На Русскую землю на жизнь Всеславову.
жь[ж]
«О какое бывало вамъ прежде насиліе отъ земли Половецкія!
На седьмомъ вѣкѣ трояновомъ,
ему[ж]
«Бросилъ Всеславъ жребій о дѣвицѣ √ милой,
о коня
«Онъ подпершись клюками [сѣлъ на коня], |
«Поскакалъ ко граду Кіеву
«И коснулся древкомъ копья до златаго престола Кіевскаго,
Лютымъ зверемъ въ полночь поскакалъ онъ изъ Бѣлграда,
«Синею мглою обвѣшенный,
вонзивши[ж] лся[ж]
«Къ утру жъ[3] √ Стрикузы, [ворва[вшись]] раздвигнулъ[4] врата Новуграду
«Славу разшибъ Ярославову!
(Неману)[ж]
«Волкомъ помчался съ Дудутокъ къ Немизѣ,
На немизѣ стелютъ снопы головами,
«Молотятъ цѣпами булатными,
«Жизнь на току кладутъ
«вѣютъ[5] душу отъ тѣла;
«Кровавые бреги Немизы не добромъ были посѣяны
Посѣяны костями русских сыновъ!
«Князь Всеславъ людей судилъ,
«Князьямъ онъ рядилъ города,
«А самъ въ ночи волкомъ рыскалъ!
«До пѣтуховъ онъ изъ Кіева успѣвалъ къ Тмутораканамъ.
волкомъ[6] онъ[6]
NB Къ Херсоню [онъ][ж] великому √ путь перерыскивалъ[6]
«Ему в Полоцкѣ рано къ заутренѣ зазвонили
«Въ колокола у Святыя Софіи —
«А онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ!
«Пусть[6] и вѣщая душа была въ крѣпкомъ тѣлѣ,

---

[1] *Ж по пк.*
[2] *Ж по пк.*
[3] *Исправлено Ж вместо:* же.
[4] *Исправлено Ж вместо:* раздвигнули.
[5] *Исправлено Ж из:* Полютъ ⟨?⟩.
[6] *Ж по пк.*

Но часто страдалъ онъ отъ бѣды.
первому ж
«Ему √и вѣщій Боянъ мудрымъ[ж] припѣвомъ[ж] предрекъ:
«Будь хитеръ,[1] будь смышленъ.
«Будь по птицѣ гораздъ,
«но Божьяго суда не минуешь!
О! стонать тебѣ земля Русская,
«Вспоминая времена первыя и первыхъ Князей!
«Не льзя было стараго Владиміра пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ!
«Стяги[2] его стали нынѣ Рюриковы,
«Другіе Давыдовы!
(|Нъ рози| нося имъ |хоботы| пашутъ)[3]
славятъ
«[И] копья [поютъ] на Дунаѣ».
|Нарозь| Голосъ Ярославнинъ слышится, на зарѣ одинокой чечоткою кличетъ:
чечоткою ж
«Полечу, говоритъ, [кукушкою] по Дунаю,
«Омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ
«Оботру ж Князю кровавыя раны на отвердѣвшемъ тѣлѣ его!
Ярославна поутру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ приговаривая:
«О вѣтеръ, ты вѣтеръ!
«Къ чему же такъ сильно вѣешь
«Мало ль подоблачныхъ горъ твоему вѣянью?
«Малоль кораблей на синемъ морѣ твоему лелѣянью
«На что жъ, как ковыль траву, ты развѣялъ мое веселіе.

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ припѣваючи:
«О ты Днѣпръ, ты Днѣпръ ты слава-рѣка!
«Ты пробилъ горы каменныя
«Сквозь землю Половецкую!
«Ты лелѣя несъ суда Святославовы къ рати Кобяковой.
«Прилелѣй же ко мнѣ ты Ладу мою
«Что бы не слала къ нему по утрамъ по зарямъ слезъ я на море

Ярославна по утру плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ городской припѣваючи:
«Ты свѣтлое, ты пресвѣтлое солнышко!

---

[1] *Исправлено Ж из:* хитръ.
[2] *Исправлено Ж из:* Стязи.
[3] *Весь стих написан Ж по пк:* нося на рогахъ ихъ волы нынѣ землю пашутъ. *Пушкиным обведены карандашом слова:* нъ рози *и* хоботы.

«Ты для всѣхъ тепло, ты для всѣхъ красно!
«Что жъ такъ простерло ты свой горячій лучъ на воиновъ Лады моей?[1]
«Что въ безводной степи луки имъ сжало жаждой!
«И заточило имъ тулы печалію.

Прыснуло! море къ полуночи!
Идутъ мглою туманы! *Сумрски съ мглою*
Игорю Князю Богъ путь[ж] указываетъ[ж]
Изъ земли Половецкой въ русскую землю,
Къ златому престолу Отцовскому.
Пріугасла заря вечерняя!
Игорь Князь спитъ не спитъ!
Игорь мыслію поле мѣряетъ.
Отъ великаго Дона
До малаго Донца.
(готовъ)
Конь къ полуночи!
Овлуръ свиснулъ за рѣкою,
Чтобъ Князь догадался!
(въ полѣ)
Не быть Князю Игорю!
ъ застучала
2[2] *Онъ* Кликнула, стукнула земля!
Зашумѣла трава:
Половецкія вежи подвинулись!
Побѣжалъ
[Прянулъ] Князь Игорь Горностаемъ въ тростникъ
Бѣлымъ гоголемъ на воду!
Взвергнулся[3] Князь на быстра коня!
плотояднымъ
Соскочилъ съ него [босымъ[4]] волкомъ
И помчался онъ къ лугу Донца;
Полетѣлъ онъ какъ соколъ подъ мглами,
яж
Избива[лъ] гусей лебѣдей къ завтраку, обѣду и ужину
Когда Игорь Князь соколомъ полетѣлъ,
Тогда Овлуръ волкомъ потекъ за нимъ

---

[1] *Ж по пк.*
[2] Знак перестановки стиха, сделанный Пушкиным.
[3] *Исправлено Ж из:* Взвернулся.
[4] *Исправлено Ж из:* бѣсомъ.

Сбивая [стр] съ травы студеную росу; [1]
Притомили [2] они своихъ борзыхъ коней.

Донецъ говоритъ: ты Игорь Князь!
«Не мало тебѣ величія!
«Кончаку нелюбія,
«Русской землѣ веселія!»
Игорь въ отвѣгъ: Ты Донецъ рѣка:
«И тебѣ славы не мало!
Тебѣ,[ж]
« √Лелѣявшему на волнахъ Князя
«Подстилавшему ему зелену траву
«На своихъ берегахъ серебряныхъ;
его[ж]
«Одѣвавшему [ему] теплыми мглами,
«Подъ навесомъ зеленаго древа,
ему[ж]
«Охранивш[аго] его на водѣ гоголемъ,
«Чайками на струяхъ,
«Чернедями на вѣтрахъ.
«Не такова, примолвил онъ, Стугна [3] рѣка,
«Худая про нее слава!
«Пожираетъ она чужіе ручьи;
торгаетъ[ж]
«Струги [4] межь кустовъ раз[дираетъ];
«А юношѣ, князю Ростиславлю
«Днѣпръ затворилъ брега зеленыя.
«Плачетъ мать ростиславова
«По юношѣ Князѣ ростиславѣ.
Увянулъ[ж] *ъ*[ж] *отъ* ы
«[Цвѣтутъ] цвѣт[ы] жалобою
съ *и*
«А деревья печалію къ землѣ преклонило:

Не сороки защекотали —
Въ слѣдъ за Игоремъ ѣдетъ Гзакъ и Конзакъ. [5]
и
Тогда враны не гра[я] ли, [6]

---

[1] Весь стих Ж по другому тексту пк.
[2] Жч по Жк.
[3] *Исправлено Ж из*: Стузна.
[4] *Исправлено Ж из*: Стру⟨?⟩
[5] *Описка вместо*: Кончакъ.
[6] *Буква* и *приписана Пушкиным, им же вычеркнута* я, *чтобы получилось*: играли.

Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,[1]
Полэком только ползали
Дятлы стукомъ путь къ рѣкѣ кажутъ,
Соловьи веселыми пѣснями свѣтъ прорекаютъ!

Молвилъ Гзакъ Кончаку:
«Есть-ли соколъ ко гнѣзду долетитъ,
«Соколенка мы разстрѣляемъ стрѣлами злачеными
Гзакъ — въ отвѣтъ Кончаку:
«Есть-ли соколъ ко гнѣзду долетитъ
«Соколенка опутаемъ красной дѣвицей!
И сказалъ опять Гзакъ Кончаку:
«Есть-ли опутаемъ красной дѣвицей!
«То соколенка не будетъ у насъ,
«Не будетъ и красной дѣвицы;
«И начнутъ насъ бить птицы в полѣ Половецкомъ.

Пѣлъ Боянъ пѣснотворецъ стараго времени
Пѣлъ онъ[2] на[ж]
√Походы √Святослава
(Правнука Ярослава сына) Олегова супруга дщери Качаковой[3]
Тяжко, сказалъ онъ, быть головѣ безъ плечь[4]
Худо тѣлу, какъ нѣтъ головы!
Худо русской землѣ безъ Игоря
Солнце свѣтитъ на небѣ —
Игорь Князь въ русской землѣ!
Дѣвы поютъ на Дунаѣ,
Голоса долетаютъ черезъ море до Кіева.
Игорь ѣдетъ по Боричеву
Ко Святой Богородицѣ Пирогощей[ж];
Радостны земли;
Веселы грады!
Пѣснь мы спѣли старымъ Князьямъ;
Пѣснь мы спѣли Князьямъ молодымъ,
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному Туру Всеволоду!
Слава Владиміру Игоревичу!
Здравствуйте, Князья и дружина!
Поборая за Христіанъ полки невѣрные,
Слава Князьямъ, а дружинѣ аминь!

---

[1] *Исправлено Ж из*: строкотали
[2] Вставлено *Ж* по пк.
[3] Весь стих пк.
[4] Весь стих *Ж* по пк.

Рукою Пушкина.

Печатаемый нами текст перевода «Слова о полку Игореве» принадлежит Жуковскому. Писарская копия его оказалась в бумагах Пушкина к моменту разбора их жандармами совместно с Жуковским, после смерти Пушкина. Так как она имела на себе слой поправок руки Пушкина, то она и была вшита в составленную жандармами тетрадь с другими бумагами Пушкина по «Слову о полку Игореве» (тетрадь № 2386 Г, лл. 5—11 и 14—20).

На основании нескольких текстовых наслоений на рукописи можно более или менее восстановить историю ее.

В 1817—1819 гг. Жуковский написал перевод «Слова о полку Игореве» на русский язык, которого он сам никогда не напечатал. Было снято для него несколько копий. Одна из них сохранилась в бумагах Жуковского и с его архивом была в 1884 г. передана сыном его П. В. Жуковским в Публичную библиотеку в Петербурге. Другая копия — публикуемая нами. Написана она на белой бумаге верже, с водяным знаком АО 1817 и АО 1818, то есть во всяком случае не ранее этих лет. Переписывал текст Жуковского повидимому не простой писарь, так как иногда его рукой наряду со словами текста перевода приписаны и варианты. Иные строчки написаны карандашом, точно переписчик сомневался в правильности перевода, именно перевода, а не своего чтения, так как в большинстве случаев Жуковский подтверждал записанный им стих, покрывая его чернильным повторением, но иногда писал совсем иначе построенный стих. Может быть, впрочем, всё это объяснилось бы, если бы оказалось, что рукопись Жуковского, с которой снималась копия, была сильно черновой, и переписчику трудно было принять ту или иную редакцию за окончательную. В таком виде рукопись лежала у Жуковского, очевидно, до тех пор, пока Пушкин не заинтересовался текстом «Слова о полку Игореве» вплотную. Было это, вероятно, в феврале 1833 г. (спор о подлинности «Слова» он вел в Московском университете еще в 1832 г.), когда Пушкин получил от Вельтмана его перевод «Песнь ополчению Игоря Святославича» (см. *АП* III, № 700), который он испещрил поправками на полях (см. *ПС* IX—X, 20—21). Листок, вложенный в книгу с замечаниями на текст «Слова» датируется 1836 г. (см. стр. 219—220).

Надо думать, что Пушкин делился с Жуковским своими впечатлениями от перевода Вельтмана, и тогда-то Жуковский и дал ему свой перевод для ознакомления. Могло это быть не ранее середины ноября 1833 г., так как с начала года до 10 сентября Жуковского не было в Петербурге, он был в своей заграничной поездке, а когда он вернулся, то Пушкин отсутствовал — он был в Оренбурге и потом в Болдине. Итак, Пушкин мог получить копию перевода Жуковского в самом конце 1833 г., интересовался же и занимался «Словом о полку Игореве» он до самой смерти, о чем свидетельствует замечательное письмо А. И. Тургенева к брату, Николаю Ивановичу, от 13 декабря 1836 г.: «О песне о полку Игореве переговорю с Пушкиным, который ею давно занимается и издает с примеча-

н и я м и» (разрядка моя. *Т. З.*), и дальше: «Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он приготовляет критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экз. этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных: всё основано на знании наречий слав. и языка русского». (П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», 3 изд., 1928, стр. 278).

Пушкин пользовался переводом В. Ганки «Слова» на чешский язык (изд. 1821 г.) и переводом Беловского на польский язык (изд. 1833 г.).

Тот же А. И. Тургенев писал 28 марта 1837 г. Жуковскому, разбиравшему бумаги Пушкина: «Может быть найдется у вас и Песнь о полку Игореву in 4°, в бумажке, с отметками карандашом Италинского. Я ссудил ею Пушкина для его издания этой песни. Пожалоста поищите. Пропадет, и никто не узнает, что рука единственного русского археолога объясняла певца древнейшего; да и объяснения — по восточным языкам — важны» («Русский библиофил» 1916, № 4, стр. 34—35). Тургенев, общавшийся с Пушкиным в декабре 1836 г., вероятно, тогда и передал поэту этот недошедший до нас документ.

Другие веские свидетельства о занятиях Пушкина «Словом о полку Игореве» весной и летом 1836 г. собраны Н. К. Козминым (*Ak* IX, примеч., 595—596). Мне кажется, что всех этих показаний, а в особенности слов Тургенева о том, что Пушкин ему «прочел несколько замечаний своих», смысл которых мы узнаем в статье Пушкина, совершенно достаточно, чтобы утверждать, что работа Пушкина над переводом Жуковского и статья его относятся к 1836 г., и, может быть, точнее — к декабрю этого года.

Последним доказательством того, что Пушкин занимался переводом Жуковского в 1836 г., служит то обстоятельство, что отдельные замечания на него писаны на обрывках бумаги, которой Пушкин пользовался в 1836 г. (см. стр. 217—219, № 38—42).

Вчитываясь в эти замечания, можно установить, что именно они были материалом для статьи Пушкина о «Слове о полку Игореве». (Кстати сказать, это имеет и прямое подтверждение: рукописи того и другого, очевидно, лежали у Пушкина вместе, так как сшиты жандармами в одну тетрадь.) Ни разу не называя Жуковского, потому что перевод его не был опубликован, Пушкин полемическую часть своей статьи направляет между прочим и против него. Поставленные на переводе Жуковского Пушкиным

цифры 1, 2, 3 означают номера замечаний, имеющихся на отдельных лоскутках бумаги (см. стр. 217—218). Эти первые наброски мыслей использованы в статье, разделенной на параграфы, сохранившие нумерацию отдельных заметок.

Пушкин дважды критически читал текст перевода Жуковского. Один раз с карандашом в руках. Тогда были подчеркнуты им неуместные слова, наставлены NB (кроме тех, которые мною обозначены NBч) и сделана большая часть поправок. Вторично он делал отметки чернилами и тогда же писал эти замечания на маленьких бумажках (см. стр. 217—218). Поправки Пушкина сводятся к двум типам. Один тип — это уничтожение явных ошибок и нахождение правильных выражений. Другой тип — Пушкин отводит слово Жуковского, но вместо своего, которое ему, может быть, не дается, он пишет оригинальное слово из «Песни о полку Игореве» для сличения и напоминания себе.

Переходим к истории рукописи после смерти Пушкина. Жуковский, как мы видели, разбирая бумаги Пушкина, оставил среди них свой перевод с заметками Пушкина, не сделав никакой пометы, указывающей на то, что он, а не Пушкин, автор перевода. Кроме того, готовя посмертное издание собрания сочинений Пушкина и заказывая писарю копии различных ненапечатанных произведений его, Жуковский дал списать и эту трудную в текстологическом смысле рукопись «Слова о полку Игореве». Текст был списан дважды и вплетен в толстый том (т. № 2395 *ЛБ*). Напечатано это всё же в посмертном собрании сочинений Пушкина не было, и текст этот лежал без движения до 1882 г., когда его опубликовал Е. В. Барсов.

С этой публикацией связан ряд недоразумений. Дело было, очевидно, так. Рукописи Пушкина, пожертвованные в 1880 г. сыном его А. А. Пушкиным в Румянцевский музей, были перевезены в Москву П. И. Бартеневым и временно задержались у него. Он выговорил себе право первой публикации того, что он найдет интересным. Пересматривая огромный том писарских копий с пушкинских текстов, Бартенев увидел и «Слово о полку Игореве», о чем сообщил автору трехтомного исследования об этом памятнике, своему приятелю Е. В. Барсову. [1] Понятно, что Барсов увлекся и напечатал этот писарский текст в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» 1882 г., кн. 2, и отдельным оттиском в 1883 г., назвав свою публикацию: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича

---

[1] Что Барсов работал еще на квартире Бартенева, я сужу по тому, что по справке, любезно наведенной Г. П. Георгиевским, в книге посещений Рукописного отделения Румянцевского музея (ныне Ленинской библиотеки) с 1880 г. по 1883 г. за Барсовым не числится ни одной рукописи Пушкина, ни тетради № 2395.

Пушкина. С предисловием Е. В. Барсова». Нечего и говорить, что работа эта должна быть совершенно зачеркнута для исследователя вопроса о работе Пушкина над «Словом о полку Игореве». Во-первых, текст напечатан по писарской копии, представляющей сумбурную контаминацию основного текста из тетради № 2386 Г и случайно принятых некоторых поправок Пушкина, а во-вторых, и основной-то текст принадлежит не Пушкину, а Жуковскому. Первое сомнение о том, что перевод принадлежит Пушкину, было высказано в следующем же году Якушкиным (*Я* XII, 543) при описании тетради № 2386 Г. Окончательно же обнаружилась ошибка Барсова в 1887 г., когда в приложениях к «Отчету Публичной библиотеки за 1884 г.» (стр. 182—199) был напечатан полностью текст перевода Жуковского «Слова о полку Игореве»; однако перевод этот всё же успел попасть в два издания (I т.) Суворина 1887 г. собрания сочинений Пушкина. В *ИВ* 1889, № 3, была напечатана статья А. И. Незеленова «Новые отрывки и варианты сочинений Пушкина» (вошла в его книгу «Шесть статей о Пушкине»), где автор окончательно разрешает все сомнения, указывая на то, что автор перевода — Жуковский. Но Незеленов не заметил, что Барсов публиковал по скверной копии (тетрадь № 2395), и недоумевал по поводу текста, хотя уже в 1887 г. Якушкин писал о дефектах публикации Барсова (см. *РС* 1887, № 2, стр. 712). Незеленов привел некоторые поправки Пушкина, не претендуя на исчерпывание их. Полностью же поправки Пушкина на переводе Жуковского так до сих пор и не были опубликованы, вплоть до академического издания Пушкина, где редактор критической прозы Н. К. Козмин сообщил только, что «известно также, что попытка В. А. Жуковского переложить «Слово» на современный русский язык вызвала ряд поправок со стороны Пушкина» (*Ak* IX, 2-й полутом, 595). При этом Козмин ссылался не на рукопись, а на Незеленова, «Чтения в Обществе истории и древностей российских», на *РС* 1884 (*Я* XII) и на «Отчет Публичной библиотеки за 1884 г.».

Работа Пушкина над «Словом о полку Игореве» была последней творческой работой его.

Пушкин написал лишь небольшую часть предполагавшейся статьи о «Слове о полку Игореве», но текст перевода Жуковского он внимательно прочитал до конца и все свои возражения отметил подчеркиваниями, значками «NB», а часто и более ясной критикой. Будущему исследователю вопроса о работе Пушкина над «Словом о полку Игореве» публикуемый здесь текст предоставит богатый материал.

III

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ПЛАНЫ, ОТРЫВКИ И ЧЕРНОВИКИ ПИСЕМ, ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ КНИГ, ЗАПИСИ МЫСЛЕЙ

В этот отдел включены тексты творческого характера, по ряду причин не вошедшие ни в одно из изданий собрания сочинений Пушкина. Первую группу этих текстов составляют, во-первых, такие законченные «произведения», как запись рассказа Паэса (№ 29), в роде тех рассказов, которые вошли в «Table talk», и любопытная заметка по поводу «Путевых картин» Гейне (№ 30); во-вторых — черновая заметка о П. А. Катенине (№ 11), список материалов к статье «Отрывок из литературных летописей» (№ 22), заметки при чтении II тома «Истории русского народа» Н. А. Полевого (№ 24), две записи на французском языке загадочного происхождения (№ 23 и 36), возможно, заготовленные для эпиграфов, восемь кратких заметок об отдельных местах «Слова о полку Игореве» (№ 38—45) и аналогичные им три заметки лингвистического характера (№ 7, 37 и 48).

Вторую группу составляют фрагменты, в виде отдельных фраз и слов неизвестных произведений в прозе (№ 5, 10, 13—16, 20, 31 и 33).

В третью группу, во-первых, входят законченное стихотворение, мнимый отрывок из басни Сумарокова, образец блестящей стилизации Пушкина (№ 46), и отдельные стихи — начала ненаписанных стихотворений и записи отдельных «неиспользованных» стихов (№ 3, 6, 8, 9, 12, 25, 28 и 32), и, во-вторых, «планы» стихотворных произведений (№ 17, 19 и 21).

Последнюю группу составляют записка (№ 47), черновики двух писем к К. А. Собаньской (№ 26—27) и фрагменты писем, полностью нам неизвестных (№ 1, 2, 4, 18, 34 и 35). Число их можно было бы увеличить, но было решено тексты эпистолярного характера, включенные покойным Б. Л. Модзалевским и его преемниками в работе Н. В. Измайловым и Л. Б. Модзалевским в подготовляемое издание писем Пушкина, в настоящую книгу не вводить.

Транскрипция № 1—4, 8—15, 17, 18, 20, 23, 24, 26—28, 31, 35, 36, 38—42, 46 и 47 сделана Т. Г. Зенгер, которой принадлежит и комментарий к № 23, 26—27, 29, 35, 36, 46 и 47. Транскрипция № 7, 16, 19, 21, 22, 29, 30, 32—34, 35, 43—45 и 48 принадлежит Л. Б. Модзалевскому. Транскрипция № 5 принадлежат Т. Г. Зенгер и С. М. Бонди, № 6 — Л. Б. Модзалевскому и С. М. Бонди, а № 25 и 31 — С. М. Бонди.

Комментарий к № 1—22, 24, 25, 28, 31—34, 37—45 и 48 принадлежит мне, а к № 30 мне и М. Г. Муравьевой.

М. Цявловский

1.

На
[произтекающей, имъ]
Против
боясь обезпоить [1] [И]
мирной
сонъ почтеннаго
Невѣж [К]
[п]

Запись в тетради № 2364, на обрывке вырванного листа, между лл. 49 и 50. Написано, надо думать, по выходе из лицея, а потому датируется не ранее июня 1817 г. По положению же в тетради не могло быть написано позднее 1818 г. Запись — отрывок черновика иронического письма к неизвестному.

Печатается впервые.

2.

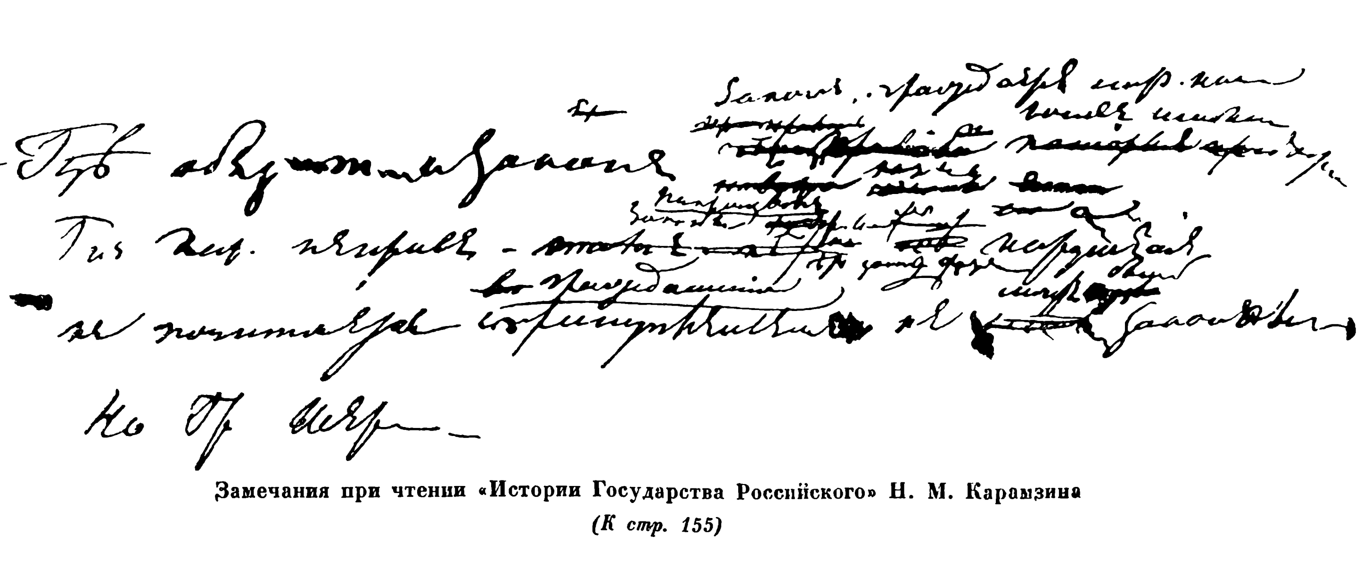
іада.
Мим своими
любим въ, Нови-
ковъ С ⟨Гол⟩ицинъ
Орлов
Тур⟨геневъ⟩ ⟨м⟩олодежь
аговъ
[Ка] ⟨ц⟩ензура
К
р
Це ц.

Запись в тетради № 2364, л. 54_1, у черновика стихов четвертой песни «Руслана и Людмилы», по краям вырванного куска листа. По положению в тетради запись нужно датировать 1818 г.

У Я III, 653 лишь два слова; полнее дал Брюсов в «Весах», 1907, I, стр. 74—75. Трудно определить, что представляет собою запись.

---

[1] *Описка, вместо:* обезпокоить.

Замечания при чтении «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина

(*К стр. 155*)

Новиков — вероятно, деятель просвещения и издатель, Николай Иванович Новиков, *Орлов* — вероятно, Михаил Федорович Орлов, *Тургенев* — вероятно, Александр Иванович Тургенев или его брат Николай Иванович Тургенев, *Кар.* — Николай Михайлович Карамзин.

3.

[Кто хочетъ, пой]

Запись в тетради № 2364, л. 77_1, верхом вниз у черновика стихотворения «Русалка» («Над озером»). По положению в тетради запись нужно датировать мартом-ноябрем 1819 г. Напечатано впервые в *КН* I, 363. В *ПГ* не введено по незначительности.

4.

Chère Olinka

Запись в тетради № 2364, л. 78_1; написано и смазано у черновика стихотворения «Платоническая любовь». По положению в тетради запись нужно датировать ноябрем-декабрем 1819 г. Возможно, что это начало неизвестного письма Пушкина к сестре Ольге Сергеевне, впоследствии Павлищевой. Печатается впервые.

5.

Законъ ограждается стр. нак
[нра] [нра] [нравств] коихъ исполне
Но [Обязанност] [Правила] [которыя] [пред]оставл
Гдѣ обяз т. и Законъ кажд
[на волю] [*нрзбр*] [коего]
на произволъ
Законы [граж] нравст [его] а
Г нъ Кар. ⟨?⟩ неправъ — [тамъ] [нѣтъ] [гдѣ] нарушеніе
[онъ]
суть законы граждан
быть
гражданскимъ можетъ [назва] омъ
не почитается √ преступленіемъ не [есть] закон[ъ]
Но Гр ⟨?⟩. Шер ⟨?⟩

Из этого очень трудного (по запутанности построения) текста (см. снимок) схематично вычитываются писавшиеся в следующем порядке положения:

а) *Где обязанность, там и закон.*

Это явно цитата, на которую возражает Пушкин. К ней он приписал потом в начале слово: но.

б) *Господин Кар. не прав. Там [нет] где нарушение не почитается преступлением:*

в) *Законы [гражданские]*[1] *нравственности, где нарушение не почитается гражданским преступлением, не может быть*[2] *законом.*

г) *Правила, которые предоставляются на волю каждого*

В результате вычитывается такая сводка:

«Но где обязанность, там и закон. Г⟨осподи⟩н Кар ⟨?⟩ неправ: закон ограждается страхом наказания. Законы нравственности, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением, не суть законы гражданские. Но»

Запись в тетради № 2364, л. 78_1, там же, где и предыдущая запись. По положению в тетради датируется 1818—1819 г. *У Я* III, 662, лишь несколько слов.

Запись представляет собою отрывок черновика какого-то рассуждения, беловой текст которого неизвестен. «Кар» вероятнее всего Карамзин. На какое место из «Истории государства российского», читавшейся в то время Пушкиным, он возражал — остается неизвестным.

6.

ени
Ведите же прежде телятъ вы къ полному вым[ю] юницы.

Написано на л. 47_2 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП* № 42, стр. 22). На этой же странице имеются еще: заметка при чтении книги (см. следующий номер) и черновые наброски: «Чей голос выразит ясней...» из «Бахчисарайского фонтана» и стихотворения «Кокетке», датируемого 1821 г. К этому времени, надо полагать, относится и запись.

Первые четыре слова впервые напечатаны Л. Б. Модзалевским в *РП*, 22.

Полностью запись печатается впервые, в транскрипции Л. Б. Модзалевского и С. М. Бонди, которому удалось прочесть слово: «полному» и этим обнаружить, что запись представляет собою стих, вроде тех, какими писал Мерзляков. (Об этих стихах говорится в статье в «Литературной газете», приписывавшейся Пушкину.)

---

[1] *Описка, обратная утверждению.*

[2] *Было*: *а*) не есть *б*) не может назваться.

7.

внушить — внять
И пріимите ушима вашима
словеса устъ его. Іеремія пр.

Запись на л. 47_2 в тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП* № 42, стр. 22, где запись не указана). Вместе с этой записью на этой же странице: запись стиха «Ведите же прежде телят...» (см. предыдущий номер) и черновые наброски: «Чей голос выразит ясней...» из «Бахчисарайского фонтана» и стихотворения «Кокетке», датируемого 1821 г.

Печатается впервые.

Судя по положению в тетради, запись сделана в 1821 г.

Первая строка записи — лингвистическая заметка, говорящая о том, что Пушкин слово «внушать» объяснял как составленное из приставки «вн» (в + н) и «ушать», производя последнее от слова «ухо», подобно слову «внять», составленному из «вн» и «ять», то есть имать, брать. В качестве иллюстрации этого объяснения и приведена цитата из славянской библии, книги «Пророка Иеремии», 20 стих главы IX, который читается: «Тѣмже слышите, жены, слово господне и пріимите ушима вашима словеса устъ его и научите дщери ваша рыданію и каяждо искреннюю свою плачу».

Вообще же в церковно-славянском языке и у поэтов XVIII века «внушать» значит «внять». Например:

О ты, которою Россия
Давно от чресл Петровых ждет,
Для коего мольбы святые
Елисавета к богу льет,
Гряди, гряди, гряди поспешно:
О сем едином безутешно
Вздыхают Россы всякой час!
О небо, предвари судьбину,
Снабди плодом Екатерину!
Внуши народов многих глас!

М. В. Ломоносов «Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны 1752 г.», строфа 20-я. [1]

8.

[Пускай услышитъ]
Объ милыхъ щастливую вѣсть

---

[1] Этой справкой мы обязаны С. М. Бонди.

Написано на л. 7_2 тетради № 2370, на странице, где находятся черновики: XXXII строфы третьей главы «Евгения Онегина», «Цыган», стихотворения «Морей [красавецъ] окрыленный», которые можно датировать июнем 1824 г., когда, надо думать, был записан и этот стих.

Печатается впервые.

9.

Какъ узникъ, Байрономъ воспѣтый
Вздохнулъ оставя мракъ тюрьмы

Запись в тетради № 2370, л. 9_1. На этой же странице — окончание черновика письма Пушкина к А. И. Казначееву от начала июня 1824 г. и черновик стихотворения «О жены чистые пророка», но запись сделана не тем почерком, каким написаны эти вещи. Предположительно датируем ее второй половиной 1824 г.

Единственный раз напечатано у *Я* VII, 5. Стихи не введены ни в одно из собраний сочинений Пушкина, и вопрос об авторстве их остается открытым.

10.

Я мнилъ иной успѣхъ оправдалъ меня — тутъ я ихъ узналъ

Запись в тетради № 2370, л. 34_1, непосредственно после черного наброска «Я не дремал», (см. *ПГ* I, 487), написанного, судя по положению в тетради, в октябре 1824 г.

Смысл записи непонятен.

Печатается впервые.

11.

превосходно ⟨?⟩
П. А. Катенинъ [пе] перевелъ многія трагедіи, также комедію
Не упоминаю объ
le Méchant и проч. √ Его [Тр] [рукописная] Трагедія Андромаха
[еще] въ рукописи и не игранна — Она безъ сомнѣнія лучшая
изо всѣхъ

Написано на л. 56_1 тетради № 2370, на той же странице, где черновик сцены «Келья в Чудовом монастыре» «Бориса Годунова», почему это начало заметки можно датировать 1825 г.

Впервые напечатано у *Я* VII, 30, а затем в E^4 V, 588, прим., и *Ak* IX, 495, прим.

П. А. Катенин перевел трагедии: Корнеля «Сид» и Расина «Эсфирь». Комедия Катенина «Сплетни», переделка комедии Грессе «Le méchant», была впервые поставлена на сцене в Петербурге 31 декабря 1820 г., а напечатана в 1821 г. Третье действие трагедии Катенина «Андромаха» было напечатано в «Русской Талии» 1825 г. Вся пьеса вышла в свет в 1827 г.

12.

И я бы могъ, какъ [шутъ на]
И я бы могъ

Запись в тетради № 2368, л. 38 $_1$. На странице два рисунка виселицы с пятью повешенными и ряд портретов в профиль неизвестных лиц. На соседних страницах находится черновая статьи «О народном воспитании», писавшаяся в ноябре 1826 г. К этому же времени нужно отнести и запись с рисунками, имеющую связь с написанной по заказу Николая I статьей, в которой поэт должен был осудить декабристов.

Запись впервые напечатана Якушкиным в *Я* VI, 550, прочитавшим вместо совершенно бесспорного «шут» — «тут». Правильное чтение дал Венгеров в *В* II, 5, воспроизведший факсимильно (стр. 527) всю страницу с записью и посвятивший ей специальную заметку (стр. 529—530), в которой доказал, во-первых, что слова «как шут» относятся к повешенным декабристам и, во-вторых, что в этом нет ничего оскорбительного для их памяти. Против такого истолкования смысла записи возражал В. Ф. Боцяновский в заметке «Пушкин и декабристы» («Вестник литературы» 1921, № 2 (26), стр. 8—9), справедливо указавши, что слова «как шут» относятся не к декабристам, а к самому Пушкину, противопоставившему себя, не политического деятеля, а «таинственного певца», декабристам, героям и мученикам. Аргументацию Боцяновского подкрепил Н. О. Лернер в заметке «Пушкин о казненных декабристах» («Книга и революция» 1921, № 1 (13), стр. 80—81), привлекший к истолкованию записи заметку Пушкина о «Графе Нулине» (*Ak* IV, 230—231), который был написан в исторические дни 13 и 14 декабря 1825 г. Но комментаторами не было указано самое главное: во-первых, что запись представляет собою начало стиха,[1] и, во-вторых, что выражение «висеть как шут» было общеупотребительным.

За то, что запись — начало стиха, говорит двукратное повторение первых слов и тот факт, что кроме этого на л. 56 $_2$ тетради № 2367 имеется

---

[1] «Начатым стихом» назвал запись А. М. Эфрос в своей книге «Рисунки поэта», М. 1930, стр. 320.

такая же зачеркнутая запись карандашом: «[И я бы могъ в]», сделанная, возможно, тоже в ноябре 1826 г.

Об общеупотребительности выражения «висеть как шут» свидетельствует хотя бы «герои-комическая» поэма В. И. Майкова «Елисей или раздраженный Вакх», где Зевс за неповиновение ему грозит богам:

А если кто из них хоть мало укоснит,
Тот будет обращен воронкою в зенит,
А попросту сказать, повешу вверх ногами,
И будет он висеть, как шут, между богами.

(Песнь I, стихи 407—410.)[1]

Найдется, конечно, это выражение и в других произведениях до Пушкина и после него.

Введено в *КН* V, 487.

На имеющиеся в рукописях Пушкина другие его рисунки повешенных указал Н. О. Лернер сначала в статье «Из дневника Пушкина» («Нива» 1912, № 5, стр. 99), а затем в названной заметке. Рисунки на л. 38_8 в тетради № 2371 воспроизведены им в «Речи» 1912 г., № 28, от 29 января, а затем А. М. Эфросом, который дал снимки и с двух рисунков в той же тетради (№ 2371) на лл. 39_1 и 43_2, сопроводив их содержательным комментарием (первоначально в «Литературной газете» 1930 г., № 29, от 15 июля, а затем в указанной книге, стр. 119).

13.

а	вой
Эду	ввелъ
	то
он	по-
	1
	одѣнить
	ній
	я
	ъ
	[и]

---

[1] Не решаюсь утверждать категорически, но соглашаюсь с высказанным в беседе со мной мнением С. М. Бонди, что выражение это применялось к картонному шуту, висевшему на веревке, в известной детской игрушке.

Запись в тетради № 2368, лл. 20_1 и 20_2. Текст находится на оставшейся в тетради части вырванного (после жандармской нумерации) листа. Судя по положению в тетради, возможно, написано в июне 1827 г. На основании слова «Эду» можно думать, что здесь мы имеем обрывки статьи о Боратынском.

Печатается впервые. См. С. М. Бонди, «Новые страницы Пушкина», изд. «Мир», 1931, стр. 118, прим.

14.

одними догадками —

Запись в тетради № 2368, л. 21_1. Это последние слова текста, бывшего на вырванном листе, от которого осталось лишь несколько, частью неполных, слов.

Напечатано впервые у *Я* VI, 536.

15.

Когда бъ
ты прежде
зналъ ⟨?⟩

Записано в тетради № 2371, л. 3_1 (и тогда же же смазано) на полях черновика первых стихов IV строфы седьмой главы «Евгения Онегина», писавшихся, вероятно, в августе 1827 г., когда, надо думать, сделана и запись, объяснить которую мы не можем.

Печатается впервые.

16.

старáясь приноравливаться къ слабости ихъ понятія.

Запись на л. 24_2 тетради в 8 д. л. (в 51 лист) с перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (в *ПБЛ*) (см. *РП* № 14, стр. 10).

Печатается впервые.

К чему относится запись, определить не можем. Датировать ее можно предположительно 1826—1827 гг., временем переписки четвертой и пятой глав «Евгения Онегина».

17.

[На] прежняя любовь
[Сыны Весны] Пиръ поэтовъ
[Въ] деревня —
[Благодарю]
[Но вы во мнѣ почтили годы]

Тебѣ принесъ
Юноша предсѣдатель тебѣ и первая чарка etc.
Ст. Поэтъ благодарю за привѣтъ — мы[1] почитаете во мнѣ старость, а не Генія — онъ угасъ —
Юнош. [Мы] почитаемъ въ тебѣ твою славу —
Ст. Поэтъ что Слава? Я ею насладился, но она прошла — другія времена другія вдохнов⟨енія⟩
другой поэтъ
Спой намъ что нибудь — Что я вамъ буду

Запись в тетради № 2371, л. 16$_2$, на странице, где черновой набросок «Волненьем жизни утомленный». На основании пометы «25 июня» (см. стр. 315) и помет на ближайших листах запись можно датировать июнем 1828 г.

Запись представляет собою план какого-то задуманного произведения в стихах, на что указывает стихотворная строка: «Но вы во мне почтили годы».

Напечатано впервые у *Я* VII, 41. Брюсов в *Б*, I, 295 довольно странно переделал эту прозаическую запись в стихи.

18.

Забыли вы меня

Запись в тетради № 2371, л. 23$_1$, верхом вниз по отношению к тексту на этой странице — черновику стихотворения «Анчар»; по положению в тетради датируется августом 1828 г. Эти три слова — вероятно, начало письма, до нас недошедшего, а может быть, и ненаписанного.

Печатается впервые.

---

[1] *Описка, вместо:* вы.

19.

[Цыганка]
[Зима]
дорога
Москва
Генералъ
Одесса

Запись на листе с текстом черновика стихотворения «Анчар», датированного в этой рукописи: «9 ноября 1828. Малинники». Рукопись входит в собрание автографов Пушкина, принадлежавших вел. кн. Константину Константиновичу (в *ИРЛИ*, № 166).

Впервые напечатано Д. П. Якубовичем в «Заметке об «Анчаре» в № 16—18 (стр. 874) «Литературного наследства», отметившим, что «возможно, что это план окончания „Евгения Онегина“».

Запись представляет собою план содержания с XXX строфы до конца седьмой и начала восьмой главы «Евгения Онегина».

Зима — это XXX строфа.
дорога — XXXI — XXXVIII строфы.
Москва — XXXIX — LIII строфы.
Генерал — LIV строфа.

Как известно, после седьмой главы первоначально шла глава, заключавшая в себе путешествие Онегина и впоследствии исключенная поэтом. Помета «Одесса» и говорит об этом первоначальном замысле описать путешествие Онегина непосредственно после приезда Татьяны в Москву.

Что касается стоящего в первой строке зачеркнутого слова: «Цыганка», то оно, вероятно, указывает на замысел поэта ввести цыганку, гадающую Татьяне перед ее отъездом из деревни.

Может быть, об этом замысле свидетельствуют стихи чернового наброска начатой и брошенной строфы:

Татьяну всё воображая
Еще ребенком, няня ей
Сулит веселье, истощая
Риторику хвалы своей.[1]

Строки эти написаны между строфой, ставшей впоследствии XXXV («Зато зимы порой холодной»), и строфой, названной впоследствии «XXXIX—XL» («В сей утомительной прогулке»).

[1] Чтение Б. В. Томашевского в *КН* IV, 211.

20.

Гордое суровое лицо освѣтилось улыбкой

Написано карандашом на внутренней стороне передней крышки переплета тетради № 2378.

Судя по положению, запись должна бы относиться к «Арапу Петра Великого», но такой фразы здесь нет. Запись, возможно, сделана в то же время, как и эпиграфы к «Арапу Петра Великого». См. стр. 508—509. *У Я* XI, 335

21.

Prologue[1]

[J'ai][2] Я посѣтилъ твою
могилу — [mais][3] но тамъ
тѣсно; les morts m'en
distrait[4] — теперь иду
на поклоненіе
въ Ц.⟨арское⟩ С.⟨ело⟩
и въ Баб... ⟨олово⟩
Ц.⟨арское⟩ С.⟨ело⟩!... (Gray) l⟨e⟩s jeux
de Lycée, nos leçons — —
Delvig & Kuchel⟨becker⟩ la
poësie[5] —
Баб... ⟨олово⟩

Запись на листке в 4 д. л. синеватой бумаги, входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ИРЛИ*, № 610).

По описанию В. И. Срезневского, это — «отрывок из записок (ранние годы)» (см. *ПС* IV, стр. 25, № 1). В качестве такового набросок помещен в *КН* V, 487, в отделе «автобиографических» прозаических писаний, с чем нельзя согласиться. Запись, несомненно, представляет собою программу стихотворения. В программе намечены две темы: посещение могилы любимой женщины и Царское Село. Слова: «там тесно» и «les morts m'en

---

[1] Пролог.
[2] Я.
[3] но.
[4] *Описка, вместо:* distraient, то есть покойники меня от нее отвлекают.
[5] (Грей) лицейские игры, наши уроки—Дельвиг и Кюхельбекер, поэзия—

distrait», напоминающие тему первой части стихотворения «Когда за городом задумчив я брожу», говорят, очевидно, о городском (петербургском) кладбище. Поэт посетил эту могилу по возвращении в Петербург летом 1827 г., после семилетнего отсутствия, вероятно, во время которого умерла любимая женщина. Вторая тема — воспоминания, охватившие поэта при посещении им «родной обители», когда он вновь вступил в «царскосельские хранительные сени». Эта тема разработана в неоконченном стихотворении 1829 г. «Воспоминания в Царском Селе». Как и в этом стихотворении, поэт идет «на поклонение» дорогим ему по воспоминаниям местам, в Царское Село и Баболово, которые тоже «кладбище» невозвратного прошлого. Стих в «Воспоминаниях»: «И слышу наших игр я снова шум», соответствует «играм в лицее» программы, а «la poësie» последней намечает стихи:

Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

Воспоминания о себе, авторе лицейских элегий, о Дельвиге и Кюхельбекере заставили вспомнить образ сентиментального юноши-поэта в «Сельском кладбище» Грея.

Двукратное упоминание уединенного Баболовского парка точно бы намечает третью, вероятно, любовную тему неосуществленного замысла. Содержание программы заставляет датировать ее 1827—1829 гг.

22.

Pièces justificatives [1]

1) Объявленіе на подписку В⟨ѣстника⟩ Е⟨вропы⟩.
2) Замѣчанія Телегр⟨афа⟩. Примѣч⟨аніе⟩ Р⟨е⟩д⟨а⟩к⟨тора⟩.
3) Голосъ Измайл⟨ова⟩
4) Рѣчь Глинки.
5) Вторая статья Полевого
6) Письмо Г⟨линки⟩ къ Бл⟨удову⟩.
7) Письмо Блудова.

Написано на второй странице последнего листка из тринадцати листков (в 4 д. л.) с черновым текстом статьи «Отрывок из литературных

[1] *Оправдательные статьи.*

летописей», датированным (л. 13_1): «27 марта 1829. Москва». Листки входят в Майковское собрание автографов Пушкина. См. *ПС* IV, стр. 27, № 11.

Единственный раз напечатано Н. К. Козминым в *Ak* IX, прим., стр. 119. Воспроизведено факсимиле в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 431.

Запись представляет собою список материалов, которые нужно было использовать для статьи. Статья эта, напечатанная с сокращениями, вызванными цензурными требованиями, в «Северных цветах на 1830 г.», посвящена тяжбе М. Т. Каченовского с цензором С. Н. Глинкой по поводу статьи Полевого о Каченовском, на которую обиделся последний.

Первый номер списка Пушкина разумеет объявление «О подписке на „Вестник Европы"», напечатанное в «Вестнике Европы» 1828, № 18, стр. 156—159, и № 23, стр. 235—239.

Второй номер списка — статья Полевого (под псевдонимом: «И. Бенигна») «Новости и перемены в русской журналистике на 1829 год» в № 20 (октябрь) «Московского телеграфа» за 1828 г. В статье этой Полевой по поводу объявления «Вестника Европы» сделал ряд замечаний по адресу Каченовского, сильно его задевших.

«Примечание редактора» — примечание Каченовского (за подписью: «Рдръ») в статье Надеждина (Никодима Надоумки) «Отклики с Патриарших прудов» в № 24 «Вестника Европы» за 1828 г. Это примечание Пушкин приводит в своей статье «Отрывок из литературных летописей».

Третий номер списка — особое мнение члена Московского цензурного комитета В. В. Измайлова, поданное им по поводу жалобы Каченовского на цензора С. Н. Глинку, пропустившего статью Полевого «Новости и перемены». Об этом мнении, напечатанном М. И. Сухомлиновым (см. его «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», т. II, СПб. 1889, стр. 264—266) Пушкин говорит в своей статье. См. *ПГ* 5, кн. 1, стр. 76.

Под четвертым номером значащаяся «Речь» Глинки — или ответ его на жалобу Каченовского, поданный в Московский цензурный комитет (см. указанную книгу Сухомлинова, стр. 261—263), или, что вероятнее, действительно какая-то речь. В статье своей Пушкин писал: «Пылкость и неустрашимость его ⟨Глинки⟩ духа обнаружились в его речах, письмах и деловых записках».

Пятый номер списка — статья Полевого (Бенигны) «Литературные опасения кое за что» в № 23 (декабрь) «Московского телеграфа» за 1828 г. В статье этой, по словам Пушкина, «Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор».

Шестой и седьмой номера — документы, не появлявшиеся в печати. Д. Н. Блудов в это время был товарищем министра народного просвещения, и к его защите, очевидно, прибегал Глинка.

23.

[toutes] presque toutes les religions ont donné à l'homme deux[1] [chr] Il est quelque chose d'aussi hideux que l'atheisme qu'un homme se jette.

Перевод:

все почти религии дали человеку богов [хр]... Есть нечто столь же отвратительное, что и атеизм, то, чтобы человек бросался

или: Есть нечто столь же отвратительное, что и атеизм, когда человек бросается

Текст этот вписан Пушкиным в тетрадь № 2382, л. 29_2 на полях, косо, непосредственно после статьи, называемой «О литературной критике». Вслед за заметкой о религии вписана заметка об Андрее Шенье («Французские критики имеют свое понятие об романтизме»).

Датировать запись Пушкина о религии можно, опираясь на окружающие даты, 1830 годом, между 7 января (письмо к Бенкендорфу на л. 28_1) и 3 мая (письмо к А. Н. Гончарову на л. 32_1).

Единственный раз напечатано у *Я* XI, 352.

По первой поправке еще нельзя сказать, что это творческая запись. Пушкин мог, начав выписывать откуда-нибудь, решить взять текст на одно слово раньше. Начало же слова «христианство» (или что-нибудь в этом роде) как будто говорит о моменте творческого раздумья. Формулировка мысли Пушкина, если только это его мысль, не очень грамотна, как это ни странно. Таким образом, вопрос о том, оригинальная ли эта запись, или цитата откуда-нибудь, остается открытым.

24.

⟨1⟩ ⟨37—38 стр.⟩ Семейственной феодализмъ
есть безсмыслица Гизо

Стр. 37—38: Но единовластие не могло *с тех времен* установиться в Руси: оно было еще слишком ново для Русского государства, и притом система политического быта должна была испытать еще одну необходимую степень, составляющую переход от феодализма к монархии: *систему Уделов*, обладаемых членами одного семейства, под властию старшего в роде — *Феодализм семейный.*

[1] *Может быть, описка, надо:* dieux?

⟨2⟩ 87 стр.
верхо⟨вный?⟩

Стр. 87: Деление сословий народных на аристократов, духовенство и народ после Ярослава существовало уже решительно в Руси.

Но аристократизм существовал собственно только в отношении к народу: пред лицом Князя всё сливалось в одно звание: *рабов*. Его первый чиновник и последний смерд были пред ним равны. Поставляемый торжественно на княжеский стол, повелитель дружин, судия народа, получавший от него присягу в верности и повиновении, Князь был выше всякого суда народного.

⟨3⟩ ⟨92 стр.⟩ огнище[1]
очагъ
foyer (дымъ)
что тутъ забавнаго
Огнищанинъ
владѣлецъ
proprietoire

Стр. 92—94. Кроме княжеских Тиунов, были Тиуны городские, или *огнищане*[85].

[85] *Тиун городской, тиун боярский,* понятны после предыдущего изъяснения; но, что такое *огнищане*? Кажется, что это были какие-то избранные, почетные люди. Читаем в *Новгородской летописи* (стр. 35): «Приде Ростислав из Киева на Луки, и позва Новгородцы на поряд, *огнищане*, гридь, купцы вяцшие (купце вячьшее)». Тиун огнищный был важная особа: вира за него полагалась двойная, как за Тиуна княжеского; он поставлялся рядом с Тиуном конюшим: следовательно он был *чиновник, k чему либо приставленный*. Прежние изъяснители Русской Правды говорили (*Прод. Древн. Росс. Вивлиофики*, т. II, стр. 17): «Огнищанин *тоже, что и при нас* (в 1767 г.): именовались так *огневщики* и объездщики; ныне *полицейские офицеры в городах*». Не соглашаемся. Огнищане составляли какое-то сословие, выше смердов: плата за оскорбление огнищанина полагалась *вчетверо более* против смерда. Карамзин говорит, что тиун огнищный значил *тиун граждан именитых* (Ист. Г. Р., т. II, стр. 46). Он не верил издателям Русской Правды, которые считали огнищан *однодворцами*, и прибавлял о сем мнении их: —«слова, написанные единственно из головы», а потом изъяснял, что «имя огнищан произошло в глубокой древности от слова: *огнище*, или *очаг*, знаменовало граждан домовитых и наконец обратилось в название *житых людей*» (Ист. Г. Р., т. II, прим 67). Где ж доказательства? Карамзин ссылается на 306-ое примечание в IV-м томе Ист. Г. Р. и 36-е и 106-е в V-м. Развертываем сии места и находим:

---

[1] *Первоначально было*: огнищане.

«Имя: *житейские люди* означало то же, что люди житые, или прежде огнищане». В другой ссылке: «житых людей, вместо древнейших огнищан»; в третьей: Житьими, или житыми людьми назывались граждане зажиточные, нарочитые, или все не принадлежавшие к черному народу. В XI-м веке они назывались огнищанами». Такие ссылки забавны, но вовсе не положительны, а изъяснение огнищан очагом походит на изъяснение ключа человеком (см. выше, т. I, стр. 124). — Мы знаем, что была в казацких войсках, и у волжских разбойников, должность *огнищанина* или кашевара: это был род казначея. Не значил ли тиун огнищный выборного человека при казне и податях со стороны города? Но почему некоторые из горожан именовались огнищанами, не знаем.

⟨4⟩ 96
военные
отро⟨ки⟩
⟨5⟩ гридня (комната)
метникъ щетникъ [1]

Стр. 95—96: Двор Князя состоял из *бояр*. Сим древним названием означались почетные, отличенные Князем и приближенные к нему люди [87]. Военные чиновники: *тысячские, сотники*, дополняли число придворных. Они, и вообще избранная воинская дружина Князей, носили название *гридни*, или двора княжеского. Впрочем, с XI-го века сие слово заменялось уже словом: двор[88].

[88] *Гридня* произошло от скандинавского Grith, и значило: *двор господский, княжеский*; отселе гридин, как *придворный* (см. Барона Розенкампфа, *Обозр. Кормчей книги*, стр. 315)... Вообще, кажется, можно вывести следующие различия: вся аристократия княжеская разделялась на *княжих мужей* и *княжих отроков*. Первые вообще были *бояре*; исправляя какую-либо должность, принимали они общее название *тиунов*, а по месту и должности имена: *тысячского, вирника, мытника* и проч. Вторые были вообще *гридины* (потом *дворяне*), а по должностям назывались: сотские, метники (метельники)...

⟨6⟩ 97 крестьяне
смердѣть (73) [2]

Стр. 97: Будучи рабами Князей, тем не менее подданные его считались людьми свободными. Общее именование всех было: *крестьянин*, имя, испорченное из имени: *христианин*, чем отличали себя принявшие христианскую веру [91].

---

[1] *Пушкин писал вместо «счет» «щет». Запись означает, что Пушкин объяснял слово «метник» как «счетник».*

[2] Указанная Полевым страница I тома его Истории.

[91] Во всех древних памятниках читаем: *крестьянин*, вместо: *християнин*: не от слова ли: *крест* сделано было сие изменение?

[92] Вообще номенклатура и подразделения званий в древней Руси требуют еще исследований. Мы будем иметь случай говорить о сем предмете, предварительно изъясненном здесь и в I-м томе (стр. 73 и след.). Имея уже общее понятие, скажем, что всего труднее в сем отношении исследования хронологические, и что всего легче можем мы принять позднейшее название за древнее. Скажем в отношении званий то, что говорили в отношении древнего местного управления (прим. 82): надобно бы сообразить и изъяснить все звания, какие доныне находятся еще в России. Вызывая на подобные труды опытных юристов, просим только их не увлекаться толкованиями Татищевых и Болтиных, большею частию неверными: можно ли и поверить, например, чтобы *смерд* происходило от *смердеть*? Карамзин с сим соглашался!

⟨7⟩ 110 ст⟨раница⟩
дѣтск⟨ое⟩ примѣч⟨анiе⟩

Стр. 109—110: Так в Ростовской области, в княжение Святослава, во время голода, явились два кудесника, распространяя какое-то нелепое понятие о боге, мире, человеке, и уверяя, что хлеб, рыбу, мед скрывают в телах своих женщины. Жители приводили к ним матерей, жен, сестер, дочерей своих, и волхвы, *обморачивая* легковерных, разрезывали женщинам спины, плечи и показывали вынятые из тела съестные припасы. Многие женщины были растерзаны народом, как чародейки[104].

[104] *«В мечте* пререзываша за плечом»... (*Кен. сп.*, рук. л. 103). Это выражается ныне русским словом: *обмороч ивать*. Так доныне ни один простолюдин не верит, что искусство и ловкость помогают фокусникам, и уверены, что они *обморочивают зрителей*. Замечательно, что на старух, особливо безобразных, всюду падало и падает обвинение в колдовстве. Неужели безобразная старость всегда почиталась и почитается признаком зла? Любопытно еще, что даже ныне некоторые из старух, будучи уверяемы другими, что они колдуньи, сами начинают верить этому в преклонных летах. Имя *колдуньи* почти везде у нас принадлежность старухи уродливой.

⟨8⟩ 115 скута
платье епанча
кутаться

Стр. 115. Тогда Глеб, спрятав топор под *скуту*, подошел к волхву и спросил: «Твое всеведение простирается ли на следующий день, или только то знаешь ты, что сегодня будет?» — Всё провижу! отвечал волхв. — «И то, что случится с тобою сегодня?» продолжал князь. — Я сотворю великие чудеса! вскричал волхв. Тогда Князь с размаха ударил его топором, и с падением злодея народ безмолвно разошелся[110].

[110] *Скутание* значило *спрятание, сохранение* (см. *Иоанн Экзарх Булгарский*, стр. 196); что же такое значит: *скута*? (не пола ли платья?) — Рассказ о Новгородском волхве см. *Кен. спис.* (рукоп. лист 106).

⟨9⟩ 121 товары
умножилъ

Стр. 120—121: В 1161 году восстал спор в Суздальской области. Епископ Леонтий утверждал, что в праздники, если они придутся в среду и пятницу, не должно есть мяса [117]. После долгого прения, Леонтия послали в Царьград, где, оскорбив греческого императора бранью, он едва не был брошен в реку [118].

[118] «Стоящу царя *товары* (табором?) над рекою, и Леону молвящу на царя, удариша слуги царевы Леона за шею, и хотеша в реце утопити» (*Кен. спис.*, стр. 237). Тут были послы: Киевский, Суздальский, Переяславский и Черниговский. Леонтий замечателен тем, что интригами успел взойти на Суздальскую епархию, и был оттуда изгнан за *умножение церквей*, от чего доходы священников уменьшились. Карамзин изъясняет слова летописи: «*Умножил бяше церковь, грабя и попы*» тем, что Леонтий *умножил церковные налоги* (*Ист. Г. Р.* т. III, прим. 29). Едва ли можно на это изъяснение согласиться».

⟨10⟩ 139 примѣч ⟨аніе⟩
2 три ⟨?⟩ образа

Стр. 140 (примечание): Самый образ писания истории в новейшие времена, т. е. после Средних веков, поставляет в затруднительное положение новых историков. А. Тьерри прекрасно разделил образ писания истории, бывший после Средних веков, на три методы (Lettres sur l'hist. de France, [1] стр. 53 и след.). Оставив монастырские летописи, в XV-м и XVI-м столетиях преимущественно стали издавать сборники любопытнейшего (trésor, miroir, jardin des histoires). [2] Потом явились подражания древним историкам: raconter avec pompe, supposer des discours bien faits, tracer des portraits avec finesse, ce furent les qualités que l'on exigea d'un historien, et sur lesquelles on mesura le degré d'estime qu'il convenait de lui accorder. [3] Затем потребовали Историй с фразами, сентенциями и рассуждениями. Всё это прекращается только в новейшее время, когда созданная англичанами, одушевленная умом германцев и красноречием

---

[1] Письма об истории Франции.

[2] «Сокровищница», «Зерцало», «Сад рассказов».

[3] Рассказывать высокопарно, выдавать за верные, хорошо составленные выдумки, тонко рисовать портреты — это были качества, которых требовали от историка и по которым измеряли степень уважения, которое подобало ему оказывать.

французов, история является истинною дщерью философии и опыта. Надобно ли делать применения слов Тьерри к России?

⟨11⟩ 159 замѣч.

Стр. 159: Но кто убил кого в частной ссоре, или на пиру, то платит сам за себя, без участия виры.

IV. Если вервь за убийцу не заступится, и сам он платить виры не может, то отдается Князю на поток и разграбление с женою и с детьми [156].

[156] Вот важные, хотя чрезвычайно темные статьи. Прошу читателей внимательнее рассмотреть ее в тексте Русской Правды. *Как* я понимаю ее, это видно из моего перевода; цель сей статьи я объяснял в I-м т. (стр. 80). Карамзин, мне кажется, решительно не понял сей статьи, и изъяснял ее неудовлетворительно и превратно. «Аже, кто убьет княжя мужа *в разбои»*, он перевел: «Ежели кто убьет человека в ссоре или в пьянстве, и скроется», т. е. он соединил следующую после статью: «Оже будет убит, или в сваде, или в пиру явлено». Положим, что «головника не ищут», значит: *скроется*, а не то, что *«скрывшегося не хотят искать»*, за что ж было платить верви, когда головник *не скрылся* (будет головник в верви?) За то, отвечает Карамзин, что убийство сделалось *в ссоре*, или в *пьянстве*, и прибавляет: «Закон весьма благоразумный в тогдашние времена: облегчая судьбу преступника, разгоряченного вином или ссорою, он побуждал всякого быть миротворцем, чтобы в случае убийства не платить вместе с виновным». Но разве убийство *без ссоры* могло быть? Было по мнению Карамзина, и за него-то отдавали на поток и разграбление. Карамзин сам дивится всему этому и восклицает: *«устав жестокий и несправедливый!»* (см. *Ист. Гос. Росс.*, т. II, стр. 49).

⟨12⟩ 160 конокрадъ

Стр. 160: Также безусловно отдается на поток человек, укравший коня [157].

[157] Конь езжалый, военный, ценился весьма дорого: сличите цену за покражу других животных, неезжалого жеребенка и кобылу. У саксонов за кражу воинского коня казнили смертью. Доныне ужаснейшее оскорбление назвать русского крестьянина *конокрадом*: это следы древности.

⟨13⟩ 163

порѣжетъ

порча

Стр. 162—163: XII. Продажи за причинение убытков: Кто порчею уморит у кого либо скотину, продажи 12 гривен и гривна *урока* за пакость [163].

[163] «Пакощами порежет конь, или скотину, то продажа 12 гривен, а за пагубу гривна урок платити». Кажется, что речь идет о *порче* скота,

столь известной у нас доныне в простона́родии и приписываемой колдовству. Карамзин думал, что это значит: *умышленно зарезать*, и прибавил нравоучительное размышление: «Злоба бесчестила граждан», и проч. (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 53).

⟨14⟩ 163

прав⟨ильно⟩

Стр. 163: Кто похитит борть, или испортит ее, перекопает межу бортную, запашет межу ральную, перегородит тыном межу дворную, срубит дерево межное, продажи 12 гривен.

Если при том останутся следы, вервь обязана искать вора, или платить продажу [163].

[163] Карамзин (*Ист. Г. Р.* II, 53 и прим. 80) читал: *бобр*, вместо *борть*, ибо кроме принятого нами в основание списка, в других стоит: *бобр*; но можно ли было за бобра платить 12 *гривен*? Притом, далее в сей статье идет речь о борти и межевых деревьях. О борте ниже сказано еще: «Аще борть *подьтнеть*, то 3 гривны продажи, а за дерево пол-гривны»: противоречие с законом, коим тот, кто *украдет, раззнаменает перетнет* борть, или замеченное дерево, платит 12 гривен. Борть значило дерево с значком. Карамзин внес оба закона в текст свой и полагает на 53-й странице II-го т. *Ист. Г. Р.* за стесание бортных знаков 12 гривен, а на 54-й за ссечение самой борти только 3 гривны!

⟨15⟩ 165

1 замѣч. дѣльное

⟨16⟩ 2 дѣтское

⟨17⟩ 165

олекъ

essaim [1]

Стр. 165: За украденного в перевесе сокола, или ястреба, 3 гривны и хозяину гривна [166].

За выдерку улья 3 гривны продажи; если притом был мед, прибавляется 10 кун; если был *олек*, 5 кун [167].

[166] Сокол и ученый ястреб ценился чрезмерно дорого, следственно он составлял важную принадлежность знатных. Соколиная охота была страсть, роскошь знатных скандинавов, германцев, франков (см. Галлама, L'Europe au moyen age, [2] т. IV, стр. 144). Отнятие сокола за долг считалось бесчестием должника; у дворянина даже запрещалось отнимать его; цены соколов были безмерные; бывали даже силь-

[1] Пчелиный рой.

[2] Европа в средние века.

ные сражения за соколов. Карамзин полагал, что большою ценою соколов — «законодатель хотел *обеспечить тогдашних многочисленных птицеловов в их промысле*» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 54)!! — Голубиная охота осталась и доныне страстью русских простолюдинов; потому и за голубей, вероятно ученых, была цена огромная. И доныне есть голуби, продаваемые весьма большою ценою. Странная охота сия состоит в том, что заставляют голубей летать разными образами; это называется: *гонять голубей.*

[167] «Аже бчелы выдерет, то 3 гривны продажи, а за мед, оже будут бчелы не лажены, то 10 кун; будет ли олек, то 5 кун». Следственно пасеки были в лесах, а ульи просто в дуплах дерев. Что такое: *олек*?

⟨18⟩ 169 проц.⟨енты⟩

отчего они были ненавистны

Стр. 169: Но, если кто дал что-либо другому, получая с него прибыток (куны из процентов, мед в настав, жито в присып), то требуются свидетели непременно; впрочем, при долге такого рода, если он дан был деньгами, не более 3 гривен, можно обойтиться и без свидетелей, с присягою истца. Но долг более 3-х гривен требует свидетелей непременно и истцу суда не давать, ибо он сам виноват, что свидетелей у него нет [178].

[178] След. отдававший в процент пользовался меньшими против других удобствами. Изъяснение, почему за неимением свидетелей, при долге более трех гривен, суда не давать, за присягою: «рещи ему тако: *промиловал еси, оже еси не ставил послухов*». Странно, почему отдача из *барыша*, всюду, до знаменитого Бентама, первого защитника процентов, считалась грехом и неправедным нажитком? Это изъясняется, если не ошибаюсь, сущностью дела и соображением нравов каждого первобытного народа. Труд капитала не поставлялся ни во что; требовался личный труд, и деньги притом не считались товаром. В Средние времена еще более обесславило проценты то, что жиды занимались ими преимущественно. Таких предрассудков всегда и везде найдем довольно. Что древние Руссы почитали *резоимство* грехом, видим множество доказательств. «Мзды не емлите и в лихву не дайте», говорит Лука Жидята, исчисляя главнейшие грехи (*Русск. Достоп.*, т. I, стр. 10). Резоимец не мог быть избран ни в священники, ни в диаконы.

⟨19⟩ 172

весьма дѣльное

Стр. 172: Но раб может торговать с позволения своего господина, и в сем случае господин отвечает за долги его, или лишается раба, которого должники могут продать [178].

[178] Следственно, в сем случае, мы отступили еще в отношении понятий о кредите от наших предков. Ныне поверивший крепостному чело-

веку более пяти рублей не имеет никакого права взыскивать, если должник ему не платит, хотя крепостные люди *могут свободно торговать, записываться в гильдии, и имеют полное право требовать долгов с свободного человека,* и посадить его даже в тюрьму за неплатеж долга!!

⟨20⟩ ⟨173 стр.⟩ домъ меньшому

Стр. 173: 5. Дом отцовский всегда достается меньшому сыну.

⟨21⟩ 182 буди добръ будетъ

Стр. 174: Если же она ⟨мать⟩ умрет не распорядив своего имения [182], то наследует тот сын, который кормил ее, и у которого она жила.

[182] «А матери, который же сын будет добр, тому же *даст* свое; аще все будут ей сынови лихи, а дочери *может дати,* кто ю кормит».

⟨22⟩ 179
хлѣвъ

Стр. 179: 6. Если закуп утратит *своего* коня [185] в поле, господин ему ничего не платит... — Если же конь был введен в хлев, и орудия земледельческие положены на место, закуп не отвечает.

⟨23⟩ 193 дѣл⟨ьное⟩

Стр. 193: 8-е. Видим, вместе с грубостью нравов, дикостью понятий, малосложностью обязанностей, и ту детскую простоту, то дикое добродушие нравов, которых мы уже не можем понимать. Как просты изъяснения многих законов; как много значила власть отца; какое сильное непосредственное влияние имела религия на состав общественной жизни [203].

[203] Впрочем, вспомним в сем случае слова Гизо, выше приведенные, и не будем повторять слов Монтескьё, примененных Карамзиным к Русской правде (*Ист. Г. Р.* т. II, 66).

⟨24⟩ Феодализма
не было

285
ф⟨еодализмъ⟩

Стр. 285: Мог ли Варяг понимать благость другого правления, кроме феодального?

Записи в тетради № 2387 А, л. 1_1. Большинство записей находятся внизу страницы, по краям ее, вкось по отношению к остальному тексту (см. запись, воспроизведенную на стр. 510). Якушкин, не поняв значения записей, ограничился замечанием: «Тут же записаны разные слова иногда с объяс-

нениями, — напр. скута — платье, епанча — кутаться; гридня — комната; или без объяснений олек, смердеть, очаг, дым» (*Я* XII, 544). На самом деле эти «разные слова» — заметки Пушкина при чтении вышедшего в свет в июле 1830 г. второго тома «Истории русского народа» Н. А. Полевого. Пушкин этот том взял в Болдино, куда уехал 31 августа и откуда писал в конце октября - начале ноября Погодину: «Дай бог здоровье Полевому! его второй том со мною и составляет утешение мое». По соседству с текстом «Истории села Горюхина», находящимся на той же странице, и на основании письма к Погодину, записи нужно отнести к октябрю-ноябрю 1830 г. Дав отзыв (в двух статьях в «Литературной газете» 1830, № 4 и 6) о первом томе Полевого, Пушкин, вероятно, обещал Дельвигу написать статью и о втором томе. По крайней мере Дельвиг в заметке, напечатанной в № 51 «Литературной газеты» (от 8 сентября), сообщал, что «рассмотрение сего второго тома будет помещено в одном из следующих номеров «Литературной газеты». Но статьи этой Пушкин не написал — от нее сохранились лишь два черновых наброска (см. *КН* V, 418—420; в *Ak* IX, 71—78, эти наброски контаминированы с текстами, не относящимися к этой статье) и, как теперь оказывается, предварительные отметки при чтении книги.

Первый из сохранившихся набросков заключает в себе общую характеристику второго тома «Истории» Полевого, который Пушкин ставит выше первого, отмечая, что «тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее» и что «самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому».

Главная тема второго наброска — опровержение мнения Полевого о существовании в России феодализма. «Феодализма в России не было» — таково положение Пушкина.

Естественно, в тесной связи с этими набросками находятся впервые публикуемые заметки Пушкина при чтении второго тома «Истории» Полевого.

Первая и последняя из них отмечает места в книге, где говорится о феодализме. В первом случае мнению Полевого Пушкин противопоставляет положение Гизо, что «семейственный феодализм есть бессмыслица». Термин «семейственный» (или точнее: семейный) феодализм употреблен Полевым (см. «История русского народа» Ник. Полевого, 1830, т. II, стр. 37), понимающим под ним «систему уделов, обладаемых членами одного семейства под властью старшего в роде». Гизо, однако, считает существенным признаком феодализма то, что взаимоотношения вассала и сюзерена принципиально являлись свободным договором их, и, хотя на практике сын вассала обычно наследовал фьеф отца, это не могло произойти без формального акта, определявшего всякий раз права и обязанности сторон. Таким образом, принцип наследственного права на земельную собственность, характерный для нового европейского общества, отсутствовал в феодальную эпоху, знавшую, напротив, лишь индивидуальное соглашение (см. Guizot, «Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation

en France depuis la chute de l'empire romain jusqu'en 1789» — Гизо, «Курс новой истории. История цивилизации во Франции от падения римской империи до 1789 г.», Париж, 1829—1830, т. IV, стр. 286—294). Вышеприведенная запись Пушкина, не являясь точной цитатой из Гизо, имеет в виду, повидимому, это место из его книги.

В последней заметке Пушкин пишет и дважды подчеркивает: «Феодализма не было», то есть формулирует положение, развиваемое во втором черновом наброске статьи. Из остальных заметок Пушкина семь (3, 6, 9, 11, 14, 15 и 23) относятся к местам книги, где Полевой полемизирует с Карамзиным. Важно отметить, что в трех случаях (14, 15 и 23) Пушкин соглашается с первым. Особенно интересно то, что Пушкин согласен с мнением Полевого об общей оценке Карамзиным «Русской правды». В примечании (203) на стр. 193 II тома «Истории русского народа» Полевой отказывается «повторять слова Монтескье, примененные Карамзиным к „Русской правде“». Полевой имеет в виду следующие слова Карамзина: «Приметим, что древние свободные россияне не терпели никаких *телесных* наказаний: виновник платил или жизнию, или вольностию, или деньгами — и скажем о сих законах то же, что Монтескьё говорит вообще о германских: они изъявляют какое-то удивительное простосердечие; кротки, грубы, но достойны людей твердых и великодушных, которые боялись рабства более, нежели смерти» («Ист. гос. рос.», т. II, гл. III). Этой характеристике «древних свободных россиян» Полевой противопоставляет слова Гизо, приводимые Полевым на стр. 188—189 II тома его «Истории русского народа»: «Кажется, что читаешь выводы, сделанные после разбора Русской Правды, читая следующие слова: «Это собственно уголовные законы: уголовное право занимает в них первое, и почти всё место. Право политическое является косвенно, в применении, в отношении к делам, которые почитаются установленными, коих не хотят даже исчислять. По гражданскому праву встречаем несколько распоряжений более точных, определяющих то или другое обстоятельсто, включенных с намерением. В судопроизводстве уголовном напротив предполагаются все предмсты установленными, известными: дополняется только немного промежутков, определяются только в немногих случаях обязанности судей и свидетелей. Уголовное право преимуществует, цель закона — наказать преступление, определить меру наказания: это *уголовное уложение*. Таковы бывают все первоначальные законоположения. Уголовными законами делает народ *первый видимый* или, лучше сказать *первый письменный* шаг (если можно так выразиться) из варварского состояния к общественности. Тогда не думают писать политических законов. *Кто* управляет, *как* управляет, дело для народа не нужное, не принадлежащее ему: о государственных уставах спорить тогда некому. Гражданское право также существует, как событие: соглашения и отношения людей отданы естественному равновесию, или совершаются по нескольким основным правилам, нескольким формулам, общепринятым. Законное установление

сей части проявляется с бо̀льшим развитием общества. Первые усилия общественной жизни состоят в поставлении предварительных преград необузданной, отдельной воле каждого дикаря, то есть в определении казни излишеству частной свободы». Всё это говорит Гизо о *Салических законах*, важной отрасли законоположений европейских в Средние времена (Hist. de la civil. en France, т. I): вот настоящая точка зрения и на русские древние законы!». Против одного выпада Полевого (3) Пушкин определенно возражает, причем нужно заметить, что толкование Карамзиным слова «огнищанин», не удовлетворяющее Полевого и защищаемое Пушкиным, согласно с объяснениями этого слова в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг.: «Огнищанин — свободный человек, никакой службою не обязанный», и в «Словаре церковно-славянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии Наук» 1847 г.: «Огнищанин — первостепенный, зажиточный гражданин». В остальных трех случаях (6, 9 и 11) Пушкин не высказывает своего мнения, но, вероятно, он не соглашается с Полевым. В пяти случаях (5, 7, 8, 13, 16[1]) Пушкин отметил заинтересовавшие его слова из приводимых Полевым памятников XI—XII веков, причем в двух случаях (7 и 16) толкование этих слов Полевым совершенно не удовлетворяет Пушкина. Во втором случае слово «олек» переведено Пушкиным по-французски «essaim» согласно с объяснением этого слова в «Словаре Академии Российской» 1789—1794 гг. и 1806—1822 гг.: «Олек — подрезанный улей».

Наконец, восемь мест (2, 10, 12, 18—22) книги Пушкин отметил, очевидно, как заслуживающие внимания, но, кажется, только три (2, 12, и 19) заметки относятся к собственному тексту Полевого, остальные же пять (10, 18, 20—22) вызваны текстом приводимых Полевым цитат из древних памятников и сочинения А. Тьерри.[2]

Общее впечатление, сложившееся у Пушкина от чтения второго тома «Истории» Полевого, было довольно благоприятно для него.

В первом наброске статьи своей Пушкин, отметив как главные недостатки историка его «опрометчивость и необдуманность», писал: «Несмотря па сии недостатки, История Русского Народа заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по

---

[1] 16-я заметка: «2<ое> детское» — относится к тому же, о чем говорит 17-я заметка.

[2] В 10-й заметке числа «139» и «2» мы расшифровываем как «страница 139, 2 часть примечания». Примечание (138-е), начинающееся на 138-й, продолжающееся на 139-й и оканчивающееся на 140-й странице, в первой своей части посвящено рассмотрению двух главных недостатков Карамзина и во второй (отделенной от первой тире) — приведенному нами суждению Тьерри.

своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований».

25.

[были рѣ]
Чуждъ мнѣ [былъ]
гнѣвъ богиня воспой глaсный —]
[рѣчи] [Чуждъ мнѣ былъ Гомеровъ языкъ сладко-
[свободный]
[Звучный какъ Леты журчанье]
[во всѣхъ земнородныхъ]

Написано на л. 10_2 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, №43, стр. 25, где почему-то этого текста не указано).

Печатается впервые.

И по содержанию и по положению в тетради, в ближайшем соседстве (лл. 11_2—12_1) со стихотворением «На перевод Илиады» («Слышу божественный звук...»), данная запись представляет собою первоначальную редакцию этого стихотворения, написанную в начале ноября 1830 г. Слова: «гнев богиня воспой» — первые слова «Илиады» в переводе Гнедича, записанные Пушкиным, вероятно для скандирования гекзаметра.

26—27.

⟨1⟩ Vous vous jouez de mon impatience, vous [vous] semblez prendre plaisir à me désapointer, [l'espoir de vous voir aujourd'hui m'avoit reveillé] je ne vous verrez donc que demain — soit. [Cependant]* [il faut que je vous parle] [je ne puis être] [il faut que] [je m'occupe] [je [n'ai] ne puis m'occuper que de vous]*.

Quoique vous voir et vous entendre soit pour moi [le bonheur]* [la volupté] j'aime mieux vous écrire que vous parler. [Vous] [d] [loin de vous] [Votre présence m'attriste et me dècouragent]. [Mes paroles sont genée, mes sentiments pénibles] —

Il y a en vous une ironie, une malice qui [m'attriste] aigrissent [est] [me] et découragent. [Mes] les sentiments [sont] deviennent pénibles, et [mes] les [paroles]* du coeur se [glacent] tournent en pures plaisanteries [en votre] présence. [Surement] vous êtes [un] le démon, c. à dire celui qui doute et nie, comme le dit l'Ecriture.

[Vous] dernierement — vous m'avez cruellement parlé du passé [et du] vous m'avois dit [tout haut] ce que [je] j' [ai] tâchois de ne pas croire — pendant 7 ans entiers. [étoit-ce] pourquoi-celà [vouliez vous vous venger] [la ve⟨ngeance⟩]

[Vous n'] le bonheur est si peu fait pour moi, que je ne l'ai pas reconnu quant il étoit devant moi — Ne m'en parlez donc plus, au nom du Christ — [vous me faites connoitre la rage] [un rem] le remords, si tout est que je l'aurois connu, le remords [a] auroit eu sa volupté — [le] un regrêt pareil ne [laissé] [produit] laisse [qu'une rage] [que des larmes] à l'âme[1] rien[1] que des pensées [des] de rages [et des blasphèmes] de blasphême —

Chère Ellenore, permettez moi de vous donner ce nom qui me rappellent et [vos] [v] [et] [les charmes idéale] [une des femmes] et [mes] les lectures brulantes de mes jeunes[1] années [et] [le phantome] [le p] et le doux phantome qui [n] me seduisoit alors, et [votre] [l'] [m] votre [e] propre éxistence si violente si [bouleversée par les passions] orageuse [si éloignée] [de votre des] [si éloignée de ce qu'] [si] [loin] si [elo] différente de ce qu'elle devoit être —

Chère Ellenore, [il fut un tems] [où votre voix votre regard] [m'enivroit] vous le savez [que] où j'ai subi toute votre puissance. [Si j'ai connu] [l'ivresse] [tout] [l' abbattement] [des *нрэбр*] [toute] [la stupide ivresse du malheur, c'est à vous que je la dois] c'est à vous que je dois d'avoir connu toute [la stupide ivresse de l'amour] ce [que l'ivresse] [de] l'amour a de plus convulsifs et de plus doul⟨oureux⟩ — [vous] [connu tout ce qu'elle a de plus st ⟨upide⟩ et de plus stupide [n'a] [de tous les] ces [sentiments] [si convulsifs] [si] [douloureux] [il ne] et de tout cela il ⟨ne⟩ m'est resté [à me consoler] qu' [un] une faiblesse de convalescent attachement, [que] bien doux, bien vrai, [et] et qu'un peu de [cette] crainte, [que] [je ne puis ne pas ressentir en présence d'un être aussi supérieur et malfaisant] qu'il m'est impossible de surmonter —

[Je sa] Si jamais vous lisez celà, je sais bien ce que vous penserez — [voyez donc vous comme] [il se] [met à la torture] [pour me]* [pour] [faire croire ce qu'il n'est pas] — [quelle] que de mala-

[1] *Чтение предположительное.*

dresse — il est humilié du passé, voilà tout — Il mérite bien que je le joue encore — [car] (Il a toute la fatuité de [S] de satan son maître). N'est ce pas [Sans en avoir] [je] [le bien[1]] [je vous jure je vous trouve]

Cependant [je vo] en prenant la plûme je voulois vous demander quelque chose — je ne sais plus quoi — [la] ha oui — c'est de l'amitié — [c'est à dire l'intimité] — [la confian] cette demande est bien [platte] vulgaire, bien — c'est comme un mendiant qui demanderoit du pain — le fait est [que j'ai] qu'il me faut votre intimité [c'est la premiére qu'il me paroit]

et cependant vous êtes [bien] toujours aussi belle que le jour de la traversée, [que] ou bien celui du bâpteme[2], lorsque vos goits[3] [humides] me toucherent le front — cette impression me reste encore — froide, humide [et froide] c'est-elle qui m'a rendu Catholique — Mais vous allez [vous passer]* [passer]; cette beauté va [tomber] [comme une] pencher comme une avalanche [et de tout] [tout à l] [tout] à la — [Quand elle ne sera plus le monde aura perdu] Votre âme restera debout quelque tems encore, au milieu [d'une rui] [des ruines] de tant de charmes tombées — et puis elle s'en ira [réjoindre] [seule] et peut etre jamais — la mienne, [ne] [pauvre[1]], [pauvre] pauvre timide esclave ne [re] la rencontrera [parmi la foule] [la *нрзбр*] dans l'infini de l'éternité —

[Mais votre ame] et puis qu'est-ce qu'une âme [sans votre regard] ça n'a ni regard, ni mélodie — mélodie peut-être —

Перевод:

Вас забавляет мое нетерпение, [вы] вам кажется доставляет удовольствие приводить меня в отчаяние [Меня разбудила надежда видеть вас сегодня] Значит, я увижу вас только завтра — пусть будет так. [Между тем]* [мне необходимо говорить с вами], [я не могу быть] [надо чтобы] [я занят] [все мои мысли только о вас].*

Хотя вас видеть и слышать вас — для меня [счастье]* [наслаждение], мне легче писать вам, чем говорить. [Вы] [вдали от вас] [ваше присутствие наводит на меня печаль и уныние] [моя речь неловка, чувства угнетены] —

---

[1] *Чтение предположительное.*
[2] *Описка, вместо:* baptême. *Прочтено М. П. Неведомским.*
[3] *Описка, вместо:* doigts.

Есть в вас какая-то ирония, насмешливость, которые вызывают во мне [печаль] горечь и лишают меня бодрости, чувства [мои] угнетены и слова, идущие из сердца, [в присутствии вашем [леденеют] обращаются в чистейшие шутки. [Конечно] вы демон, т. е. тот кто сомневается и отрицает, как сказано в Писании.

[Вы] недавно вы с жестокостью говорили мне о прошлом [и о] вы мне сказали [вполне открыто] то, чему я старался не верить в течение целых семи лет [было ли это] Зачем это [Хотели ли вы мстить] [ме⟨сть⟩].

[Вы не] Счастье не создано для меня и потому я не узнал его, когда оно было передо мной — Ради Христа не говорите мне более о нем. — [Вы заставляете меня познать бешенство]. Угрызение, если бы я только мог ощутить его, угрызение имело бы свое сладострастие — подобное же сожаление [оставляет] [рождает] оставляет [одно] [бешенство] [только слезы] в душе лишь мысли бешеные и [кощунство] кощунственные —

Дорогая Элленора, позвольте мне дать вам это имя, которое мне напоминает [и ваши] [и идеальное очарование] [одну из женщин] и жгучие чтения юных лет моих [и призрак] и нежный призрак тогда меня пленявший и [вашу] [м] вашу собственную жизнь столь исполненную порывов, столь [потрясенную страстями] бурную, [столь удаленную] [от ваш] [от] [столь удаленную] [от того что] [столь далекую] столь [отда] отличную от того, чем она должна быть —

Дорогая Элленора, [было время] [когда голос ваш, взор] [что] [опьяняли меня] и вы это знаете, когда я испытал всю вашу власть надо мной. Если я познал [опьянение] [всю угнетенность] [всё одуряющие опьянение несчастия] [то этим обязан я вам] вам я обязан тем, что познал всё [одуряющее опьянение любви] всё [что опьянение] [любви] [всё что опьянение] содрогания и муки любви. — [Вы] [познал] [всё что в ней есть самого] познал [мне были посланы как] [мне не] все что она имеет самого одуряющего. От всех этих чувств [столь судорожных] [столь] [мучительных] от всего этого мне осталась [в утешение] лишь слабость выздоравливающего, привязанность [которая] очень нежная, очень искренняя, и немного боязни [которой] [я не могу не испытывать в присутствии существа высшего и творящего зло] которую мне невозможно преодолеть.

[Я зна] если когда-нибудь вы это прочтете, я хорошо знаю что вы подумаете [Посмотрите как он мучается] [чтобы мне] [казаться не тем, что он есть] [какая] как он неловок — он оскорблен прошлым — вот и всё. Он заслуживает того, чтобы я и дальше его дурачила [так как] (У него всё самомнение его

учителя сатаны) Не так ли? [Не имея] [я] [очень] [клянусь вам я нахожу вас]

Между тем [я хо] берясь за перо, я хотел просить вас о чем то — уж не знаю о чем, ах да — о дружбе — [то есть о близости — [довер] Эта просьба очень [плоска] пошла, очень, точно нищий который просил бы хлеба — Всё дело в том, [что я] что мне необходима ваша близость [это первая которая мне кажется]

А между тем, вы [очень] всё так же прекрасны как в день поездки морем или в день крещения, когда ваши [влажные] пальцы коснулись моего лба — это впечатление еще сохранилось во мне — холодное влажное [и холодное] оно обратило меня в католичество. — Но вы [увянете];* эта красота [спадет как] и [ото всего] сойдет как лавина — [когда ее не будет, мир потеряет] Ваша душа еще будет пребывать некоторое время среди [облом] [обломков] стольких разрушенных очарований — а потом она отойдет [соединиться [одна] [с земли] и может быть никогда моя душа бедная [1] [бедная] бедная робкая рабыня не встретит ее в [толпе] [*нрзбр*] в беспредельной вечности —

[Но ваша душа] да и что такое душа [без вашего взгляда] она не имеет ни взора, ни мелодии — разве что мелодию —

⟨2⟩ [C'est aujourd'hui] [9 ans qu] [Il y a] [jour] [aujourd'hui]

C'est aujourd'hui [le] c'est le 9 anniversaire du jour ou je vous ai vu pour la première fois. Ce jour a [de] décidé ma vie — [plus] C'est

plus j'y pense, plus je vois que mon existence est inséparable de la votre; [tout c] je suis né pour vous aimer & vous suivre — [tout] tout autre soin de ma part est erreur ou folie. [erreur] ou [*нрзбр*] [votre présence] [seule] [me ranime] [peut me ranimer] — loin de vous je n'ai que [les rem] [des remords] [des morn⟨es⟩ regrets] les remords d'un bonheur dont je [n'aurois pu assez jouir] n'ai pas su m'assouvir.

tôt ou tard il faut bien que j'abandonne tout, & que je vienne [errer autour de vous] tomber à vos pieds. l'idée de pouvoir un jour avoir un coin de terre en [*нрзбр* [1]] M ⟨*нрзбр*⟩ et la seule qui me sourit et me ranime au milieu de mes mornes regrets. [de] Là je pourrai venir en pelerinage errer autour de votre maison [vous rencontrer] [m'enivr [2]] vous rencontrer, vous entrevoir —

---

[1] *В статье моей «Три письма Пушкина к неизвестной» в «Звеньях», 1933, № 2, это слово прочитано как Crimée. В настоящее время я сомневаюсь в этом чересчур смелом чтении.*

[2] *Чтение предположительное.*

Перевод:

[Сегодня] [прошло девять лет как] [прошло] [сегодня]

Сегодня 9 годовщина того дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день решил мою судьбу — [более] это

Чем более я об этом думаю, тем более вижу, что моя жизнь неотделима от вашей; [всё что] я рожден чтобы вас любить и следовать за вами — [всё] всякая иная забота с моей стороны ошибка или безумие [ошибка] или [*нрзбр*] [одно лишь] [ваше присутствие] [меня воодушевляет] [может меня воодушевить]. Вдали от вас я испытываю лишь [угрыз] [угрызения] [мрач] [сожаления] угрызения по поводу счастия коим я [бы никогда не мог вволю насладиться] не умел насытиться.

Рано или поздно, неминуемо, чтобы я всё оставил и пришел [бродить вокруг вас] пасть к вашим ногам. Одна лишь мысль о том, что я смогу когда-нибудь иметь клочок земли в [*нрзбр*] М ⟨*нрзбр*⟩ только и манит меня и воодушевляет меня среди мрачных сожалений. Туда смогу я совершать паломничества чтобы бродить вокруг вашего дома [вас встречать] [упиваться][1] вас встречать, вас мельком увидеть —

Первое черновое письмо находится в тетради № 2382, лл. 69_2—68_1, второе в тетради № 2373, л. 24_1. Тетради эти хранятся в *ЛБ*. Оба письма опубликованы Якушкиным (*Я VIII*, 327 и *Я XI*, 369).

Введены эти письма в тома писем Пушкина в собраниях его сочинений лишь изд. Литературного фонда, под редакцией Морозова, 1887 г., изд. Суворина, под ред. Ефремова, 1903 г., и изд. «Просвещение», под ред. Морозова. В другие издания писем Пушкина письма эти не были включены, так как признавались редакторами не личными письмами, а скорее набросками для романа, что полагал, впрочем, и Ефремов, как видно из его комментариев к этим письмам.

Мною была напечатана в «Звеньях», книга 2, 1933 г., стр. 200—221, статья «Три[2] письма Пушкина к неизвестной»,[3] где после текста писем и их факсимиле (полностью) даны комментарии к ним, но не сказано, кому письма написаны.

Мы имеем возможность назвать имя женщины, которой написаны эти самые напряженные любовные письма Пушкина.

Женщина эта — Каролина Собаньская. Первый, вскрывший это, был одесский пушкинист Александр Михайлович Де-Рибас, который путем

---

[1] *Чтение предположительное.*

[2] Третье письмо — южное письмо Пушкина, которое входит в *АП* (№ 43) и в *П* (№ 47). Я не настаиваю на том, что оно обращено к той же женщине.

[3] Дальше я называю эту работу «Три письма...

анализа текста приведенных писем Пушкина пришел к этому заключению. «Вспомните характеристику, которую дает Пушкин предмету своего увлечения: как женщины, жизнь которой прошла исполненная порывов, потрясенная страстями, бурная и столь отличная от того, чем она должна была быть. Это вполне соответствует образу Собаньской, которая, также как Элеонора Б. Констана, была полька и любовница графа... (де-Витта) и вела жизнь бурную и беспорядочную, тяготясь при этом своим двухсмысленным положением в одесском обществе».[1] Вполне присоединяясь к его гипотезе привожу сводку собранного мною материала.

Каролина-Розалия-Текла Адамовна Собаньская, рожд. графиня Ржевусская (1794 — 1885), прожила незаурядную жизнь.

Происходя по отцу и по матери от знатнейших польских фамилий,[2] она была дочерью гр. Адама Станиславовича Ржевусского (ум. 1825), киевского губернского предводителя дворянства (1809), тайного советника (1815) и сенатора (1821), видного масона (великий мастер петербургской Великой ложи Астрея, 1821).

Братья ее тоже служили на русской службе. Старший, Генрих (1791 — 1866), камер-юнкер, приятель Мицкевича, под влиянием которого он стал довольно известным польским писателем, автором исторических романов, изображавшим быт крупного польского шляхетства.

Из сестер ее известна Ева Ганская (1803—1882), бывшая предметом долгой и мучительной любви Бальзака и ставшая незадолго до смерти романиста его женой.

---

[1] Цитирую из письма А. М. Де-Рибаса ко мне, от 8 февраля 1934 г. «Я, как вам уже писал об этом, — писал мне А. М. Де-Рибас 3 апреля 1934 г., — свои первые догадки сообщил уже много лет тому назад Н. О. Лернеру, который сначала не соглашался, находя невероятным, чтобы Пушкин во время своей влюбленности в Гончарову мог увлекаться еще другою страстью, но потом, через несколько годов, признал мои соображения правильными. Убедило его в этом сделанное им открытие, что еще одно стихотворение Пушкина (кроме «Что в имени тебе моем»), тоже напечатанное (я не считаю себя пока в праве назвать его) было также посвящено Собаньской и также свидетельствовало об увлечении ею. Лернер просил у меня разрешения на использование моих доводов в своем готовившемся им тогда новом труде о «романах» Пушкина, с указанием на меня, как на их автора. Но труд Николая Осиповича почему-то до сих пор не напечатан».

[2] Прадедом Каролины Ржевусской со стороны отца был воевода подольский и гетман Вацлав Ржевусский, известный как поэт и писатель, сын его (дед Каролины) Станислав-Фердинанд был австрийским фельдмаршалом. Одним из предков Каролины был знаменитый князь Иеремия Вишневецкий (1612—1651), прославившийся жестоким подавлением казацких восстаний. В имении «Погребище», которое в свое время входило в состав Вишневеччины, родилась Каролина. В числе ее предков были представители польских магнатских родов: Мнишек, кн. Любомирских и кн. Радзивилл.

Графиня Каролина Ржевусская получила хорошее образование и светское воспитание, прожив в детстве некоторое время у тетки гр. Розалии Ржевусской, имевшей блестящий салон в Вене.

Впоследствии была Каролина прекрасной пианисткой, коллекционировала автографы и, еще живя в России, умудрилась собрать очень редкие автографы — государственных деятелей Англии Питта и Веллингтона, французских писателей Шатобриана, Лафатера, M-me де Сталь и др.*

Об ней вспоминает мемуарист как об одной «из самых блестящих красавиц польского общества русского юга»... «Я помню ее, — пишет Маркевич, — еще в тридцатых годах в Киеве, в доме отца моего, — помню как теперь пунцовую бархатную току с страусовыми перьями, необыкновенно красиво шедшую к ее высокому росту, пышным плечам и огненным глазам». [1]

Красивая, хотя с несколько огрубевшими чертами лица в зрелых годах, прекрасно сложенная, обладавшая пленительным голосом, веселая, Каролина была постоянно окружена самыми разнообразными поклонниками. Юной девушкой вышла она замуж за пятидесятилетнего подольского помещика Иеронима Собаньского и имела от него дочь, но жила она с ним недолго. Уже в 1816 г. отдалилась от него, а в 1825 г. формально развелась «из-за страстной любви к одному из дон-жуанов первой четверти нашего века, графу Витту», [2] с которым она сблизилась еще в 1819 г. [3] В начале двадцатых годов Собаньская жила в Одессе, шокируя чопорное общество открыто афишируемой связью с Виттом.

Генерал граф Иван Осипович Витт (1781—1840) — достаточно известная фигура. Начальник военных поселений в Новороссии, специализовавшийся в политическом сыске, безуспешно пытавшийся в целях провокации проникнуть в Южное тайное общество, предатель Александра и Николая Раевских, Михаила Орлова, В. Л. Давыдова и многих других, организовавший тайный сыск за Пушкиным в Михайловском летом 1826 г., председатель уголовного суда над польскими повстанцами (1832 г.), человек, которого даже вел. князь Константин Павлович назвал «обманщиком и негодяем в полном смысле слова, канальей, подобно которой свет не производил», «достойным виселицы», считая открытие им заговора 1825 г. «грязнейшей интригой». [4]

С этим-то человеком прожила Собаньская до 1836 г., когда была оставлена им.

В феврале 1825 г. приехал в Одессу высланный туда Мицкевич и пленился кокетливой соотечественницей. Он воспел ее в целом ряде

---

[1] Б. М. Маркевич, Полное собрание сочинений, М. 1912, т. XI, стр. 425. Мемуарист путает хронологию, и с этой стороны ему доверять нельзя.

[2] Там же.

[3] Об этом см. дальше, стр. 190 и 193.

[4] Н. П. Чулков, Биография Витта в «Сборнике биографий кавалергардов», т. II, стр. 448—458.

стихотворений, отразивших всю гамму его сложных отношений к ней. Здесь мы видим и робкую влюбленность (сонет «С собой говорю я, с другими немею»), и бурную страсть, и глубокую, отравленную сомнением любовь (элегия к Д. Д. «О, если б ты лишь день в душе моей была»), и беспечность («Когда в час веселый откроешь ты губки». Сонеты к Д. Д. Визиты. К делателям визитов), и наконец разочарование, презрение (сонет «Прощание». К Д. Д.). [1]

Мицкевич участвовал в поездке из Одессы в Крым морем в обществе Собаньской, ее мужа Собаньского, Витта и брата ее гр. Ржевусского. Написанные Мицкевичем в Крыму знаменитые крымские сонеты тоже связываются с ее именем, особенно неоконченный сонет «Ястреб»: «Вспомни же и мою и свою собственную историю. Ведь и ты на море жизни видела страшные призраки, а меня далеко загнал вихрь, дождь вымочил крылья. Зачем же эти милые слова, изменчивые надежды? Сама в опасности, ты расставляешь сети другим...». [2] Что именно разумеют эти намеки — не выяснено, но несомненно одно — отношения между Мицкевичем и Собаньской были не просты.

В ноябре 1825 г. Мицкевич уехал из Одессы. Поэт понял и не скрыл в своих стихах, как ничтожна только что превозносившаяся им женщина, как обидно по-пустому растрачены им душевные силы. С чувством, близким к негодованию, расстался Мицкевич с Каролиной Собаньской, но не раз встречался он потом с нею.

Вигель рассказывает о своем знакомстве с Собаньской в Одессе в 1827 г., когда ее салон занимал одно из первых мест в польском обществе. По словам Вигеля, «Пален и Потоцкий часто бывали то на утренних, то на вечерних ее беседах и веселостию ума оживляли на них разговор; Витта считать нечего, он имел собственный дом, а проводил тут дни и ночи; Ланжерона строгая жена не пускала к ней. Вообще из мужского общества собирала она у себя всё отборное, прибавляя к тому много забавного, потешного»... «Из Вознесенска, из военных поселений приезжали к ней на поклонение жены генералов и полковников, мужья же их были перед ней на коленах. Несмотря на свои аристократические претензии, она высватала меньшую сестру свою за одного весьма богатого, любезного и образованного негоцианта Ивана Ризнича, [3] который в угождение ей давал пышные обеды, что и составляло ей другой дом, где она принимала свое общество. Такое существование было довольно приятно и совсем не

---

[1] Называю стихотворения по изд. Вольфа, где переводы сделаны разными поэтами. К Собаньской же относится «В альбом к Ржевусской» и предположительно к ней — «Разговор», «Элегия», «Час» и «Сон». Из воспевающих ее стихов, вероятно, не всё дошло, и не всегда ясно, что именно обращено к ней.

[2] А. Л. Погодин, «Адам Мицкевич», т. I, стр. 373—374.

[3] Иван Ризнич первым браком был женат на Амалии, воспетой Пушкиным и умершей в 1825 г. О втором браке его Туманский писал Пушкину 2 марта 1827 г.: «одна из наших новостей, могущая тебя за-

уединенно, и она тешилась мыслию, что позорный ее триумф производит зависть в женщинах, верных своему долгу».

Вигель вспоминает, что он был «ослеплен ее привлекательностию», «но, когда несколько лет спустя, — пишет мемуарист, — узнал я, что Витт употреблял ее и сериозным образом, что она служила секретарем сему в речах столь умному, но безграмотному человеку и писала тайные его доносы, что потом из барышей поступила она в число жандармских агентов, то почувствовал необоримое от нее отвращение. О недоказанных преступлениях, в которых ее подозревали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами». [1]

Обвинения, взводимые на Собаньскую известным зоилом Вигелем, оказываются безупречно верными. Неизвестно лишь, что разумел он под «недоказанными преступлениями» ее. Работа же Собаньской как агента сыска безусловно подтверждается двумя недавно обнаруженными документами. Получала ли она за это деньги? — этот вопрос настолько щекотлив, что его естественно никогда не касались даже в секретной переписке.

Эти два документа относятся к пребыванию Собаньской в Варшаве, куда она переехала с Виттом, в связи с назначением его 29 августа 1831 г. варшавским военным губернатором.

Агентурная работа Собаньской велась настолько умело и тонко, что испытанные правительственные чиновники и сам Николай I подозревали ее в политической неблагонадежности.

Когда наместник царства Польского Паскевич предложил Витта Николаю I на должность вице-председателя новообразовавшегося временного правления в Польше, Николай возразил так: «Назначить Витта председателем никак не могу, ибо, женившись на Собаньской, он поставил себя в самое невыгодное положение, и я долго оставить его в Варшаве никак не могу. Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая под личиной любезности и ловкости всякого уловит в свои сети, а Витта будет за нос водить в смысле видов своей родни. И выйдет противное порядку и цели, которую иметь мы должны, — т. е. уничтожение происков и протекции». [2]

Паскевич успокаивал Николая, что «явный» брак Витта с Собаньской не состоится, так как слух о смерти графини Витт оказался ложным,

---

интересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, Виттовой любовницы. В приданое за ней получил Ризнич в будущем 6000 черв., а в настоящем Владимирский крест за услуги, оказанные одесскому лицею. Надобно знать, что в лицее он никогда ничего не делал. Новая мадам Ризнич, вероятно, не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти: это малютка с большим ртом и польскими ухватками. Дом их доселе не открывался для нашей братии» (*ПП* II, 7—9).

[1] Вигель. «Записки», VII, 185—186.

[2] Щербатов, «Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность (по неизданным материалам)», П. 1888, т. IV., стр. 204.

«и они остаются теперь в прежнем положении, то есть что они тайно обвенчаны». Главное же, чем наместник Польши утешал монарха, было то, что он сообщал ему о полезной деятельности пресловутой польки. «Преданность ее законному правительству не подлежит сомнению; она дала в сем отношении много залогов»... «Напротив того, родственные связи госпожи Собаньской с поляками по сие время были весьма полезны. Наблюдения ее, известия, которые она доставляет графу Витту, и даже самый пример целого польского семейства, совершенно законному правительству преданного, имеют здесь видное влияние».[1]

Но враждебная Собаньской информация упорно продолжалась. Вот что писал управляющий III Отделением А. Н. Мордвинов шефу жандармов Бенкендорфу:

«...Но частные известия из Варшавы поистине отвратительны. Поляки и польки совсем завладели управлением. Образовалось что-то вроде женского общества под председательством г-жи Собаньской, продолжающей иметь большую силу над графом Виттом. Благодаря этому главные места предоставляются полякам, и именно тем, которые наиболее участвовали в мятеже. Остальных не призывают к делу, и они жалуются, что оставлены в покое. Новости эти не с ветру, а верны вполне. Очень печально, а кто виноват? Один человек. Смените его кем-либо другим, кто смыслит в делах управления и умеет держать себя самостоятельно, и всё пойдет гораздо лучше, и нам нечего будет так тревожиться насчет Польши...» (Письмо из Петербурга, от 19 октября 1832 г.).[2]

Но в это время судьба Собаньской (но не Витта) была уже решена Николаем I, встревоженным новым неблагоприятным отзывом о ней русского посланника в Дрездене Шредера.[3] Шредер не знал, что Собаньская приехала в один из центров польской эмиграции по поручению Витта, с специальной целью шпионажа. Он был обманут провокаторским общением Собаньской с бежавшими из России польскими революционерами, о чем и доложил Николаю I.

«Посылаю тебе оригиналом, — писал Николай Паскевичу, — записку, мною полученную из Дрездена от нашего посланника, самого почтенного, надежного и в особенности осторожного человека; ты увидишь, что мое мнение на счет Собаньской подтверждается.

Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна

[1] Отрывки из письма Паскевича от 2 января 1832 г. к Николаю I печатаются впервые. Текст письма любезно сообщен мне М. М. Чистяковой. Подлинник хранится в Архиве революции и внешней политики в Москве.

[2] *РА*, 1886, № 11, стр. 410—411.

[3] Письмо Шредера к Николаю I не сохранилось. Нет также ни одного упоминания о Собаньской в донесениях Шредера министру иностранных дел Нессельроде за 1832 г. Донесения эти хранятся в Архиве революции и внешней политики.

г. Витту как любовница, как России, быв ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на ее счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолию».[1] Паскевич принужден был приказать Собаньской покинуть Варшаву.

Собаньская была уязвлена в «лучших» чувствах. Она, еще из Одессы писавшая непосредственно Бенкендорфу доносы на своих соседей по имению, ездившая в Дрезден в целях слежки за повстанцами, она изгоняется из Варшавы как человек нелояльный!

В секретном архиве III Отделения[2] сохранилось письмо, написанное ею Бенкендорфу из места высылки. На письме имеется пометка: «4 декабря 1832 г. граф <то есть Бенкендорф> ей отвечал».

Письмо написано хорошим французским языком, отделано риторически. Изящный характерный почерк и элегантная бумага дают почти реальное ощущение этой польской аристократки.

Вот текст письма Собаньской.

Mon général,

Le prince maréchal vient de m'envoyer l'ordre que sa majesté l'empereur lui a donné relativement à mon départ de Varsovie; je m'y soumets avec une entière résignation comme je le ferais aux décrets de la providence elle-même.

Qu'il me soit pourtant permis, mon général, de vous ouvrir mon coeur dans cette occasion et de vous dire jusqu'à quel point je me sens comblée de douleurs, moins encore par l'arrêt qu'il a plu à sa majesté de porter contre moi, que par l'affreuse idée que mes principes, mon caractère et mon amour pour mon maître aient étés aussi cruellement jugés, aussi indignement défigurés. J'en appelle à vous même, mon général; à vous, à qui j'ai parlé si ouvertement, à qui j'ai écrit si franchement avant et pendant les horreurs qui agitaient le pays. Daignez reporter vos yeux sur le passé, ce sera déjà de quoi me justifier! J'ose dire que jamais femme n'a été dans le cas de montrer plus de dévouement, plus de zèle, plus d'activité pour le service de son souverain que j'en ai mis souvent au risque de me perdre, car vous ne pouvez ignorer, mon général, qu'une lettre que je vous adressais d'Odessa a été saisie par les insurgés de la Podolie et qu'elle a mis contre moi haine et vengeance dans le coeur de tous ceux qui en ont eu connaissance.

Les opinions que ma famille a toujours professées, le danger que ma mère a couru pendant l'insurrection du gouvernement de Kieff, la conduite de mes frères, le lien qui m'unit depuis treize ans à un homme dont les intérêts les plus chers se concentrent sur ceux de son souverain, le profond

---

[1] Письмо от 1 октября 1832 г. *РА* 1897, № 1, стр. 8.

[2] Архив революции и внешней политики (Архив III Отделения, I секретный архив, № 1343).

mépris que je porte au pays à qui j'ai le malheur d'appartenir; tout enfin, j'osais le croire, devait me mettre au-dessus des soupçons dont je suis maintenant la victime.

Je ne vous parlerai pas du passé, mon général, j'ai besoin d'arrêter votre attention sur le moment actuel.

A mon arrivée à Varsovie, l'année dernière, une grande question venait d'être résolue. La guerre était terminée d'une manière brillante et les jacobins étaient réduits au silence et à l'inaction. C'était une crise heureusement commencée mais elle n'était pas complète, elle n'était qu'ajournée. (Je parle de l'Europe.) Polonaise de nom, je fus tout naturellement l'objet sur lequel s'arrêtaient ici les espérences de ceux qui criminels d'intention et lâches de caractères, voulaient se sauver sauf a renier leurs opinions et à trahir ceux qui les avaient partagés. Je vis dans cette circonstance un fil qui pouvait guider à travers le labyrinthe dans lequel on se trouvait encore. J'en parlais à Witt qui m'ordonna de ne pas négliger ce moyen et d'en profiter pour suivre les sentiers tortueux et ténébreux, formés par l'esprit du mal. Vous le savez, mon général, je n'ai plus dans le monde ni nom, ni existence; ma vie est flétrie, elle est finie mondainement parlant. Tous les intérêts de ma vie ne s'attachent donc qu'à ceux de Witt et les siens sont toujours la gloire de son pays, celle de son souverain. Cette considération toute puissante pour moi m'engagea à m'utiliser pour lui — n'était-ce pas d'ailleurs m'utiliser pour le Prince que mon coeur honore comme mon maître et chérit commo un père qui veille sur nos destinées à tous. Witt vous dira toutes les découvertes que nous fîmes. Sur ces entrefaites mon voyage pour Dresde se décida et Witt me donna ses instructions sur les renseignements que je devais en apporter. Tout cela se passait entre lui et moi — pouvait il donc flétrir mon nom, flétrir l'affection qu'il me portait, au point de faire part à Mr. de Schroeder de la mission qu'il me confiait? Il crut pourtant devoir ajouter dans la lettre de recommandation qu'il me donna pour lui qu'il *répondait de mes opinions*. Je conçois que Mr. de Schroeder n'ayant pas saisi le sens de cette phrase ait été induit en erreur par ce qu'il a vu et quoique je doive dire qu'il y a de l'exagération dans ce qu'il avance, je lui dois également la justice d'avouer que ne connaissant pas nos rapports avec Witt, il devait remplir, ainsi qu'il l'a fait, le devoir exigé par son poste.

Mr. de Schroeder se plaignait dans ses dépêches au Maréchal de ne pouvoir parvenir à approfondir ce qu'on lui demandait de faire savoir ici. Cette difficulté, je pouvais peut-être la vaincre et je l'essayais. Me croyant par ma position et mes relations en dehors de tout soupçon, je crus pouvoir agir comme je l'entendais. Je vis donc des Polonais; j'en reçus même quelques uns qui répugnaient à mon caractère. Il me fut pourtant impossible d'approcher ceux dont le contact me faisait l'effet de la bave du chien enragé; je ne sus jamais vaincre cette répugnance et, j'avoue, négligeais peut être des découvertes importantes pour ne pas m'exposer à rencontrer des

êtres qui me faisaient horreur. Witt a lu au Prince Maréchal les lettres que je lui écrivais; il en envoyait des copies dans ses rapports, elles l'aidaient à faire d'importantes découvertes.

Ma société se composait de la famille Sapieha dans laquelle ma fille devait entrer (son mariage avec un des jeunes gens ayant été arrêté par son père dès l'année 1829), de Mr. Potocki, fils du général tué le 29 Novembre, du Pce Lubomirski et d'un nommé Krassinski, sujet du roi de Prusse. Ce dernier ayant eu à Zakroczym le portefeuille des affaires étrangères, ayant été à la tête du comité polonais de Dresde et se trouvant en relation suivie avec le Pce Czartoryski et tous les agens polonais, était une connaissance précieuse. Borné et vaniteux, il me fut aisé de m'emparer de sa confiance. J'appris les trâmes qu'on ourdissait, les connexions secrètes qu'on entretenait avec la Russie, le système Machiavelique qu'on voulait propager. Enfin un monde d'horreur s'ouvrit devant moi et je vis combien les rapports qu'on mettait en jeu pouvaient devenir funestes. Toutes ces données étaient pourtant vagues car ce n'était pas des confidences entiéres, ce n'était que par manière de surprise que je parvenais à savoir ce que je voulais. Tout en cherchant à prendre et à approfondir je me laissais aussi aller au besoin de faire connaître et aimer le pays que je chérissais, le souverain que je révérais; la preuve en est, qu'il n'y a pas un seul des Polonais qui a passé le seuil de ma porte qui n'ait fait son acte de soumission pendant que je me trouvais à Dresde. Les moins disposés au repentir ont fini par voir clair et leurs erreurs et la clémence qui daignait pardonner d'aussi grands forfaits. Ce fait est positif et Mr. de Schroeder ne pourra pas le nier. Alexandre Potocki, est le seul qui ait résisté; l'intérêt qu'il m'inspire à plus d'un titre me portait à le voir souvent, d'ailleurs Mr. de Schroeder lui même m'avait engagé à lui parler et à l'engager de recourir à la générosité de Sa Majesté l'Empereur. — Voilà mon histoire, mon général, dans toute sa vérité; et me voilà frappée au coeur! Je ne sens pas l'humiliation, je ne me plains pas de devoir partir souffrante d'âme et de corps ainsi que je le suis. Je ne succombe que sous une idée — c'est celle que le courroux de Sa Majesté se soit fixé un seul instant sur celle dont la seconde religion ici bas est son dévouement et son amour pour son souverain!

Je ne sais, mon général, l'usage que vous fèrez de ma lettre; j'ose éspérer que votre loyauté et votre justice vous portera à en mettre le contenu aux pieds de Sa Majesté. Je ne demande rien, je n'ai rien à désirer, car encore une fois tout est terminé pour moi ici bas — qu'il me soit au moins permis de demander à n'être méconnue là, où mon coeur remplit un devoir cher et sacré.

Ne sachant de quel côté tourner mes pas, j'ai commencé par me rendre chez une de mes soeurs dans le gouvernement de Minsk. C'est là que j'attends la réponse qu'il plaira à votre excellence de me faire. J'ose la réclamer de vous comme d'un homme de bien, d'un homme trop juste et trop religieux pour me la refuser. Je suis plus qu'injustement accusée et ce n'est

pas la première fois que ce malheur m'arrive. Ce fait une fois avancé et prouvé, je crois pouvoir oser mendier une réponse. Bonne ou mauvaise, daignez, mon général, me la faire passer sans retard. Vous savez que j'ai brisé tous mes liens et que je ne tiens au monde que par Witt. Mes affections, mon bien être, mon existence tout est en lui ou dépend de lui. Si le séjour de Varsovie m'est interdit, que la charité vous porte à me l'apprendre positivement, afin que je pense à m'assurer un asile quelconque. Une santé délabrie et un état qui menace de devenir incurable, rendent cet abri plus que nécessaire. Je vous demande cette réponse, mon général, au nom de l'honneur, au nom de la religion!

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments du plus profond respect, mon général,

de votre excellence
la très humble et très obéissante
servante
C. Sobanska, née comtesse Rzewuska.

Перевод:

Генерал,

его сиятельсто наместник только что прислал мне распоряжение, полученное им от его величества относительно моего отъезда из Варшавы; я повинуюсь ему безропотно, как я бы это сделала по отношению к воле самого провидения.

Да будет мне всё же дозволено, генерал, раскрыть вам сердце по этому поводу и сказать вам, до какой степени я преисполнена страданий, не столько даже от распоряжения, которое его величеству угодно было в отношении меня вынести, сколько от ужасной мысли, что мои правила, мой характер и моя любовь к моему повелителю были так жестоко судимы, так недостойно искажены. Взываю к вам, генерал, к вам, с которым я говорила так откровенно, которому я писала так искренно до ужасов, волновавших страну, и во время них. Благоволите окинуть взором прошлое; это уже даст возможность меня оправдать. Смею сказать, что никогда женщине не приходилось проявить больше преданности, больше рвения, больше деятельности в служении своему монарху, чем проявленные мною часто с риском погубить себя, ибо вы не можете не знать, генерал, что письмо, которое я писала вам из Одессы, было перехвачено повстанцами Подолии и вселило в сердца всех, ознакомившихся с ним, ненависть и месть против меня.

Взгляды, всегда исповедывавшиеся моей семьей, опасность, которой подверглась моя мать во время восстания в Киевской губернии, поведение моих братьев, узы, соединяющие меня в течение 13 лет с человеком, самые дорогие интересы которого сосредоточены вокруг интересов его государя, глубокое презрение, испытываемое мною к стране, к которой я имею несчастье принадлежать, всё, наконец, я смела думать, должно

было меня поставить выше подозрений, жертвой которых я теперь оказалась.

Я не буду вам говорить о прошлом, генерал, мне нужно остановить ваше внимание на настоящем моменте.

Когда я приехала в Варшаву в прошлом году, только что был разрешен большой вопрос. Война была блестяще закончена, и якобинцы были приведены к молчанию, к бездействию. Это был перелом, счастливо начатый, но он не был завершен, он был только отсрочен (я говорю о Европе). Полька по имени, я естественно была объектом, на который здесь возлагались надежды тех, кто, преступные в намерениях и презренные по характеру, хотели спасти себя ценой отречения от своих взглядов и предательства тех, кто их разделял. Я увидела в этом обстоятельстве нить, которая могла вывести из лабиринта, из которого еще не было найдено выхода. Я поговорила об этом с Виттом, который предложил мне не пренебрегать этой возможностью и использовать ее, чтобы следовать по извилистым и темным тропинкам, образованным духом зла. Вам известно, генерал, что у меня в мире больше нет ни имени, ни существования; жизнь моя смята, она кончена, если говорить о свете. Все интересы моей жизни связаны, значит, только с Виттом, а его интересами всегда является слава его страны и его государя. Это соображение, властвовавшее надо мной, заставило меня быть полезной ему; не значило ли это быть полезной моему государю, которого мое сердце чтит как властителя и любит как отца, следящего за всеми нашими судьбами. Витт вам расскажет о всех сделанных нами открытиях. В это время решена была моя поездка в Дрезден, и Витт дал мне указания, какие сведения я должна была привезти оттуда. Всё это происходило между мною и им — мог ли он запятнать мое имя, запятнать привязанность, которую он ко мне испытывал, до того, чтобы сообщить г-ну Шредеру о поручении, которое он мне доверил. Он счел однако нужным добавить в рекомендательном письме, которое он мне к нему дал, что он отвечает за мои убеждения. Я понимаю, что г-н Шредер, не уловив смысла этой фразы, был введен в заблуждение тем, что он видел, и, хотя я должна сказать, что есть преувеличение в том, что он утверждает, я должна ему однако отдать справедливость, что, не зная о наших отношениях с Виттом, он должен был выполнить, как он это и сделал, долг, предписываемый ему его должностью.

Г-н Шредер жаловался в своих депешах наместнику, что ему не удалось проникнуть в то, что от него хотели здесь узнать. Я могла может быть преодолеть это затруднение, и я попыталась это сделать. Предполагая, что я по своему положению и по своим связям выше подозрений, я думала, что могу действовать так, как я это понимала. Я увидела таким образом поляков; я принимала даже некоторых из них, внушавших мне отвращение при моем характере. Мне всё же не удалось приблизить тех, общение с которыми производило на меня впечатление

слюны бешеной собаки. Я никогда не сумела побороть этого отвращения, и, сознаюсь, пренебрегала может быть важными открытиями, чтобы не подвергать себя встречам с существами, которые вызывали во мне омерзение. Витт прочитал его сиятельству наместнику письма, которые я ему писала; он посылал копии с них в своих донесениях; они помогали ему делать важные разоблачения.

Мое общество составляли семья Сапега, в которую должна была вступить моя дочь (ее брак с одним из молодых людей был решен ее отцом с 1829 г.), Потоцкий, сын генерала, убитого 29 ноября, князь Любомирский и некий Красинский, подданный короля прусского. Этот последний, имевший раньше в Закрошиме портфель министра иностранных дел, стоявший во главе польского комитета в Дрездене, находившийся в постоянных отношениях с кн. Чарторыжским и всеми польскими агентами, был ценным знакомым. Так как он был ограничен и честолюбив, я легко могла захватить его доверие. Я узнала заговоры, которые замышлялись, тайную связь, поддерживавшуюся с Россией, макиавеллистическую систему, которую хотели проводить. Словом, мир ужасов открылся мне, и я увидела, сколь связи, которые были пущены в ход, могли оказаться мрачными. Все эти данные были однако неопределенными, так как признания были неполными; лишь врасплох удавалось мне узнавать то, что мне хотелось. Пытаясь захватить и углубить сведения, я поддавалась также потребности дать узнать и полюбить страну, которую я возлюбила, монарха, которого я чтила. Доказательством этому служит, что не было ни одного поляка, переступившего порог моего дома, который не выказал бы своего повиновения, пока я находилась в Дрездене. Наименее расположенные к раскаянию кончили тем, что признали свои заблуждения и милосердие, которое благоволило простить столь большие преступления. Этот факт неоспорим, и г-н Шредер не сможет отрицать его. Единственным устоявшим был Александр Потоцкий; интерес, который я по многим причинам к нему проявляла, побуждал меня его часто видеть; впрочем, г-н Шредер сам побудил меня говорить с ним и предложить ему обратиться к великодушию его величества государя. Вот моя история, генерал, во всей своей достоверности. И вот я поражена в самое сердце! Я не чувствую унижения, я не жалуюсь на то, что должна уехать, страдающая душой и телом. Я падаю лишь под бременем мысли, что гнев его величества хоть на минуту остановился на той, второй религией которой на этой земле были преданность и любовь к монарху!

Я не знаю, генерал, применения, которое вы сделаете из моего письма; смею надеяться, что ваша честность и справедливость побудят вас повергнуть его содержание к стопам его величества. Я ничего не прошу, мне нечего желать, так как, повторяю еще раз, всё для меня на этой земле окончено. Но да будет мне по крайней мере дозволено просить не быть неправильно судимой там, где мое сердце выполняет дорогой и священный долг.

Не зная, в какую сторону обратить шаги мои, я начала с того, что отправилась к одной из моих сестер в Минскую губернию. Здесь я ожидаю ответа, который вашему превосходительству будет угодно мне дать. Смею просить его от вас, как от человека чести, человека слишком справедливого, слишком религиозного, чтобы мне в нем отказать. Я более чем несправедливо обвинена, и это несчастие не в первый раз со мной случается. Высказав и доказав этот факт, я думаю, что могу молить об ответе. Будет ли он хорошим или плохим, благоволите, генерал, его мне без промедления сообщить. Вы знаете, что я порвала все связи и что я дорожу в мире лишь Виттом. Мои привязанности, мое благополучие, мое существование, — всё в нем, всё зависит от него. Если пребывание в Варшаве мне воспрещено, да побудит вас милосердие сообщить мне об этом положительно, чтобы я могла позаботиться обеспечить себе приют. Расстроенное здоровье и положение, грозящее стать неисправимым, делают это убежище необходимым. Я вас прошу об этом ответе, генерал, во имя чести, во имя религии!

Имею честь пребывать с чувством глубочайшего уважения, генерал, вашего превосходительства смиреннейшей и покорнейшей слугою.

К. Собаньская, рожденная графиня Ржевусская.

Результаты этого письма остаются неизвестны, как и вообще жизнь Собаньской в 1833—1836 гг.

В 1836 г. Витт бросил Собаньскую, и она нашла убежище в Крыму у кн. А. С. Голицыной, мужеподобной старухи, собиравшей вокруг себя мистически настроенных одиноких женщин.

Брат Голицыной, Н. С. Всеволожский, встретивший у сестры Собаньскую, писал о ней: «Редко встречал я женщин, столь прелестных во всех отношениях».[1]

Собаньская недолго оставалась одинокой. В этом же году вышла она замуж «faute de mieux»[2] за адъютанта Витта, Степана Христофоровича Чирковича.[3]

О личных свойствах этого человека говорит сама Каролина Чиркович в письме к Голицыной и ее приятельнице бар. Ю. Беркгейм, перед которыми она словно оправдывается в своем браке: «Я убеждена, что бог в бесконечном милосердии к каждому из своих чад хотел для меня этого союза: он был необходим для моей натуры, которая не может

[1] «Крым и Одесса» Н. С. Всеволожского в журнале «Сын Отечества», 1838, т. VI, стр. 25.

[2] (За неимением лучшего). Б. М. Маркевич, назв. том, стр. 426.

[3] Родом сербский дворянин, офицер австрийской службы, он перешел в русскую армию, где и состоял до 19 декабря 1836 г., когда был уволен от военной службы с чином статского советника. В 1831 г. Чиркович участвовал в подавлении польского восстания. С 1828 по 1830 и с 1833 по 1836 год был адъютантом гр. Витта (см. Архив Раевских, под ред. Б. Л. Модзалевского, т. III, П. 1910, стр. 674).

обойтись без руководителя и неизбежной поддержки в свободном, независимом положении, каково мое, натуры, которая не сумела бы воспользоваться своей волей иначе, чем во вред самой себе; он был необходим, чтобы обеспечить мою старость хлебом насущным, необходим, чтобы защитить меня против людей и самой себя, необходим также, чтобы заставить меня потерять привычку к счастию и ласке, всё более и более расслаблявшую мою природную изнеженность. Мое пребывание подле вас обеих было последней главой моего полного счастья. Будьте же благословенны за это, как и за все другие благодеяния, которыми вы осыпали мою жизнь.

Молю бога внести их в книгу живота и отплатить вам радостью и вечным блаженством. К небу поднимаются глаза мои, чтобы молить его обеспечить и вознаградить вас полностью; вас, которых он выбрал, чтобы меня спасти, защитить, любить, помогать мне, такой бедной, слабой, одинокой!

Ныне развернулась передо мной вся серьезность жизни; мой муж добродетельный человек, честный во всем значении этого слова; но серьезность его характера и строгость его правил отражаются на всем, что составляет жизнь; мой муж, впрочем, сопровождал меня в мои безумные и светские годы, и он требует во всех моих привычках перемены, которая обеспечит мне его уважение. Я должна работать, чтобы добиться этого уважения, и это накладывает на меня тысячу обязанностей, которым временами противится моя дурная природа, хотя мой рассудок их всегда одобряет. Серьезность моего мужа беспокоит моих в отношении моего счастья, но это такой достойный человек, настолько проникнутый идеей долга, что я уверена, что мое счастье будет зависеть только от меня, моего рассудка, моего послушания воле, которая всегда будет стремиться к тому, что для меня хорошо».[1]

Надежды Собаньской, что Чиркович обеспечит ей хлеб насущный, не оправдались ни в какой мере. Как ни старались ее приятельницы выхлопотать ему какую-нибудь службу, четыре года оставался он без места. Каролине пришлось уже с мужем опять ютиться у Беркгейм, которая унаследовала от умершей Голицыной Кореиз.

В 1841 г. поступил, наконец, Чиркович в штат новороссийского и бессарабского генерал-губернатора гр. Воронцова, в 1845 г. занял должность бессарабского вице-губернатора, но уже в 1846 г. вышел в отставку.

Вскоре он и умер,[2] а вдова его переехала в Париж. Может быть она приехала туда к сестре своей Еве, овдовевшей в августе 1850 г. после пятимесячного брака с Бальзаком.

---

[1] Архив Раевских, т. II, стр. 316—317, где текст дан во французском оригинале, в виде цитаты в письме Беркгейм к Н. Н. Раевскому (письмо от середины января 1837 г.).

[2] Маркевич, назв. книга и страница.

В Париже у Каролины Чиркович опять стал бывать Мицкевич, а после его смерти — его биограф,[1] которому она неверно и путанно рассказывала историю своих отношений с покойным поэтом.

Лет шестидесяти вышла Каролина Чиркович замуж в четвертый раз — за французского поэта, романиста, драматурга и переводчика Жюля Лакруа (1808—1887), брата известного Поля Лакруа (Jacob Bibliophile).

В 1872 г. выпустил он сборник стихов «L'année infâme»,[2] первый сонет которого посвящен им жене, воспетой в последний раз, таким образом, в возрасте восьмидесяти лет.

Вскоре после выхода в свет этой книги Жюль Лакруа ослеп, и Каролина глубокой старухой последние десять лет своей жизни была связана со слепым мужем. Она умерла в 1885 г., девяноста одного года, за два года до смерти мужа.[3]

Обратимся к истории отношений Пушкина и Каролины Собаньской.

Первая встреча их произошла или в феврале 1821 г. в Киеве (куда поэт ездил с Раевскими из Каменки на помолвку[4] Екатерины Николаевны Раевской с Михаилом Федоровичем Орловым), или, что вероятнее, в феврале-марте в Одессе. В Одессе Пушкин был в первый раз, повидимому, на обратном пути из Каменки в Кишинев.[5] Тогда же заезжал он и в Тульчин.

Пушкин не избег общей участи и был, можно сказать, ошеломлен блистательной Собаньской. Встреча эта запомнилась ему на всю жизнь. Вернувшись в Кишинев, Пушкин недолго там усидел. В начале мая вновь поехал он на месяц в Одессу. Анненков говорит: «Недаром отпрашивался Пушкин у добродушного Инзова и в Одессу так часто. Там были у него любовные связи, не уступавшие кишиневским, но никогда не заслонявшие их».[6] Не для Собаньской ли ездил Пушкин в Одессу?

О дальнейших поездках Пушкина нам неизвестно. Знаем мы еще о поездке в июле 1823 г. и об окончательном переезде туда в начале августа этого года.

---

[1] Аер. См. А. Л. Погодин, «Адам Мицкевич», т. I, стр. 330.

[2] Книги этой мне не пришлось видеть; ее нет ни в московских библиотеках ни в Публичной библиотеке в Ленинграде.

[3] Словарь Ларусса, дополнительный том.

[4] См. Анненков, «Материалы к биографии Пушкина», стр. 80, и М. О. Гершензон, История молодой России, изд. 1923, стр. 33. В неопубликованном письме М. Ф. Орлова к А. Н. Раевскому от 12 февраля 1821 г., на которое ссылается Гершензон, нет указания на помолвку, а лишь извещение о том, что предложение принято (подлинник хранится в ЦМЛ).

[5] Этот заезд в Одессу обычно остается в тени или оспаривается. М. П. Алексеев в рецензии на «Письма Пушкина», под ред. Б. Л. Модзалевского, доказал, что пребывание Пушкина в Одессе в феврале—начале марта 1821 г. несомненно имело место («Известия по русскому языку и словесности», 1928, т. I, кн. I, стр. 316—319).

[6] «Пушкин в Александровскую эпоху», СПб., 1874, стр. 191.

Есть одно черновое письмо к Ал. Ник. Раевскому, датируемое октябрем 1823 г.[1] Оно посвящено, повидимому, Собаньской, которая названа здесь лишь «M. S.», то есть Madame Sobanska.[2] Приведу письмо полностью в переводе на русский язык.

«Отвечаю на вашу приписку, так как она более занимает [вас] ваше тщеславие. Г⟨оспожа⟩ С⟨обаньская⟩ еще не вернулась в Одессу, поэтому я и не мог еще воспользоваться вашим письмом [и] во-вторых, так как моя страсть очень уменьшилась, и так как, тем временем, я влюбился в другую — я раздумал, и подобно Ларе Ганскому,[3] который сидит на моем диване, я решил более не вмешиваться в это дело — то есть я не покажу вашего [письма] послания Г-же С⟨обаньской⟩, как я сначала намеревался, [оставив] скрыв[4] от нее только то, что придавало вам интерес характера [Байронического] Мельмотического, — и вот что я намерен сделать: из вашего письма будут сделаны только выдержки, с подобающими исключениями; зато я приготовил на него пространный, прекрасный ответ, в котором беру столько же перевеса над вами, столько вы взяли надо мной в вашем письме; я начинаю его, говоря вам: «Вы меня не обманете, любезный Иов; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под вашим напускным цинизмом» и т. д., остальное — в том же роде. Думаете ли вы, что это произведет эффект? Но так как вы — мой постоянный учитель в делах нравственности, я прошу у вас [смиренно] позволения на всё это и в особенности — ваших советов; но торопитесь, так как скоро приедут ⟨on arrive⟩. Я имел о вас известия [ваш брат], мне передавали, что Атала Ганская[5] сделала из вас фата и человека скучного, но

---

[1] *П* I, № 61. Б. Л Модзалевский, относя письмо предположительно к А. Н. Раевскому, пишет в комментариях (стр. 281), что «в Академическом издании Переписки Пушкина (т. I, стр. 79 и 80) и в изданном под нашею редакциею «Архиве Раевских» (т. I, стр. 233—234) оно отнесено предположительно к Александру Николаевичу Раевскому; возможность такого приурочивания не исключена, хотя Раевский в октябре 1823 г. жил, кажется, в Одессе, и потому Пушкину, казалось бы, не было надобности с ним переписываться; но возможна ошибка в дате черновика, ему приписываемой; к тому же упоминания о брате и дяде адресата (Н. Н. Раевском и А. Л. или В. Л. Давыдовых, или же гр. М. С. Воронцове, женатом на тетке Раевского), название его Мельмотом, тон письма — все дает возможность относить его к А. Н. Раевскому».

Мне представляется бесспорной эта аттрибуция, в особенности на основании слов «вы — мой постоянный учитель в делах нравственности». Относительно же местопребывания Ал. Ник. Раевского во время написания этого письма, повидимому, точных данных нет.

[2] Первый, высказавший это предположение, был М. П. Алексеев (*П* II, стр. 503, *ОП* III, стр. 85—86; названная рецензия на *П* I, стр. 321—322).

[3] Ганский — муж сестры Собаньской Евы, названный Пушкиным «Лара» по имени героя поэмы Байрона.

[4] Очевидно это описка, и следует восстановить первое чтение: «оставив только то...»

[5] Сестра Собаньской Ева, названная «Атала» в честь героини романа Шатобриана.

последнее письмо ваше далеко не скучно. Я желал бы, чтобы мое могло хоть на минуту развлечь вас в ваших горестях...»

Повидимому, А. Н. Раевский неравнодушен к Собаньской, и Пушкин, уже несколько остывший в своем чувстве (если верить искренности его тона в письме к Раевскому), как-то хлопочет об успехе своего приятеля у Собаньской. Делается всё это по заранее задуманным тактическим ходам.

Поразительно подтверждает гипотезу о связи этого письма с Собаньской и Раевским одно изустное предание, сохранившееся в Одессе и переданное мне Александром Михайловичем Де-Рибасом. Оно тем интереснее, что рассказов о Пушкине и Собаньской в мемуарной литературе почти нет.

«Мой отец (М. Ф. Де-Рибас) знал в своем детстве Собаньскую и сам слышал ее слова по поводу Пушкина и Ал. Раевского: «Ils ont été tous les deux amoureux de moi».[1] А потом такую фразу о Пушкине: «nous lisons avec lui les romans que me donne de Witt».[2]

Отец мой, передавший нам эти слова, всегда удивлялся, что роман Пушкина с Собаньской в Одессе так мало известен биографам поэта».[3]

Намеки на соперничество Пушкина и Раевского в ухаживании за Собаньской видим мы и в большом петербургском письме Пушкина, в словах о некоем ученичестве Пушкина у «демона», то есть Раевского.

О совместном же чтении романов Пушкина и его возлюбленной говорит его выражение «lectures brulantes» там же.

Имя Элленоры дано здесь Пушкиным Собаньской в честь столь похожей на нее характером и судьбой героини романа Бенжамена Констана «Адольф», совместно ими прочитанного.

Итак, Пушкин читал с ней романы, сопровождал ее в костел. Случай, как она за него опустила пальцы в кропильницу и затем коснулась знаком креста его лба («крещение»), с умилением вспоминается Пушкиным через семь лет.

---

[1] «Они оба были влюблены в меня».

[2] «Мы читаем с ним романы, которые мне дает де-Витт».

[3] Цитирую из письма А. М. Де-Рибаса ко мне от 8 февраля 1934 г.; в следующем же письме его, от 24 февраля, Александр Михайлович разъяснял: «Мой отец Михаил Феликсович де-Рибас, племянник основателя Одессы. Иосифа де-Рибаса, родился в деревне Тузлы, близ Одессы, в 1808 г. Его мать была полька — Брониславa Малиновская, уроженка Киевской губернии. Там ее семья была близка к Ржевусским, к Собаньским и др. Когда Собаньские поселились в Одессе, то Каролина Собаньская, бывшая не в ладах со своим мужем (старшим ее на 33 года), стала очень дружною с моею бабушкою, часто посещала ее и делилась с нею интимными подробностями своей очень бурной и свободной жизни. Мой отец хорошо ее помнил. В 1823 г. ему было всего 15 лет, и в беседы со старшими, по прежним обычаям, он не вступал, но слышал их разговоры, и многое осталось в его памяти. С ее же слов он знал о ее отношениях к своему мужу, к де-Витту, к Пушкину, к Раевскому, а потом к Мицкевичу. Но всё это отрывочно».

Вероятно, подобным времяпрепровождением и ограничивались отношения Пушкина с Собаньской. Тон писем Пушкина заставляет думать, что близости между ними не было. Но это ли слышится в ее словах: «он заслуживает, чтобы я и дальше его дурачила» (в первом письме поэта к ней)?

Повидимому, всё время пребывания Пушкина в Одессе, за небольшими отлучками, как в октябре 1823 г., Собаньская жила в этом городе. Так, в июле 1824 г. с ней познакомился только что приехавший в Одессу гр. М. Д. Бутурлин, встретив ее на балу у Витта.[1]

Новые встречи Пушкина с Собаньской происходили в Петербурге, куда она приехала в 1823 г. Пржецлавский вспоминает, как он с Мицкевичем часто бывали у Собаньской: «Она раз сказала Мицкевичу: «Это непростительно, что вы и Пушкин, оба первые поэты своих народов, не сошлись до сих пор между собою. Я вас заставлю сблизиться. Приходите ко мне завтра пить чай». Кроме нас двух и Пушкина был приглашен только Малевский и родственник хозяйки, Константин Рдултовский.[2] Мы явились в назначенный час и застали уже Пушкина, который, кажется, неравнодушен был к нашей хозяйке, женщине действительно очаровательной.

Первые приветствия Пушкин принял с довольно сухой, почти надменной, вежливостью. Тогда была мода на байронизм, который так много повлиял на Пушкина и внутренно и наружно. Он держал себя как Лара, или, по крайней мере, как Онегин. Мицкевич, по своему обычаю, был прост и натурален; он никогда не позировал и не рисовался. За чаем шел общий разговор. Потом Собаньская стала особенно заниматься поэтическим дуэтом своих гостей, дабы заставить поэтов поговорить с собою. И, действительно, между ними завязался диалог о литературе и искусстве вообще».[3]

Очень вероятно, что Собаньская, привлекая в свой салон в Петербурге таких поклонников, как Пушкин и Мицкевич, делала это не столько из-за честолюбия, сколько преследуя, как в Одессе, Варшаве и Дрездене, всё те же цели — политического сыска.

Описанная встреча произошла в апреле-октябре 1828 г.[4]

Не Собаньскую ли надо видеть в «la cousine de M-de Lubomirska»,[5] слова которой Пушкин цитирует в своем известном письме о «Борисе Годунове» к Николаю Раевскому? Письмо (от 29 января 1829 г.) черновое, не отосланное, и тем не менее Собаньская названа уклончиво, и даже такое, скрытое, имя ее зачеркнуто. Вспомнившиеся Пушкину слова Собань-

---

[1] *РА* 1897, № 5, стр. 15.

[2] Мать Собаньской, рожденная Рдултовская. *Т. З.*

[3] Ципринус, «Калейдоскоп воспоминаний», *РА* 1872, 1907.

[4] В апреле приехал Мицкевич в Петербург, Пушкин же уехал оттуда 19 октября.

[5] Предположение, высказанное А. А. Ахматовой. «Cousine» по-французски означает не только двоюродную сестру, но и вообще родственницу.

ской были сказаны ею о Марине Мнишек: «Elle est horriblement polonaise».[1] Для нас это упоминание имеет значение потому, что говорит о том, что Пушкин ценил ум Собаньской, беседовал с ней о Марине Мнишек а может быть читал ей своего «Бориса Годунова» и запомнил сказанный ею вероятно задолго до письма отзыв: «comme le disait la cousine de M-de Lubomirska».[2]

Любопытно отметить выражение Пушкина о Марине Мнишек — «*l'existance* la plus *orageuse* et la plus extraordinaire».[3] Почти дословно повторяет через год поэт это выражение в применении к Собаньской: «Votre propre *existance* si violente, si *orageuse*».[4]

Вновь встретился Пушкин с Собаньской в ноябре-декабре 1829 г., когда он вернулся в Петербург после путешествия в Арзрум.

Первое свидетельство об этих встречах — написанное в ее альбом 5 января 1830 г. стихотворение:

Что в имени тебе моем...

Исполненное задушевной печали посвящение это, еще более выразительное в автографе, чем в печатном тексте, говорит о былой любви. Тут слышится почти покорность тому, что поэта, когда-то не безразличного любимой женщине, оттеснили другие люди, хотя он втайне верен ей.

Любовь между Пушкиным и Собаньской — факт, еще неизвестный в литературе, и поэтому эти проникновенные стихи относились за счет «простого человеческого сочувствия, а не иного чувства».[6]

О том, что стихотворение «Что в имени тебе моем» не только переписано в альбом Собаньской, но и посвящено ей, свидетельствует составленный поэтом в 1830—1831 гг. список его стихотворений, намечавшихся в сборник, изданный в 1832 г. (см. стр. 256). В этом списке значится стихотворение «Соб — ой», то есть «Собаньской», в котором нельзя не видеть стихотворения «Что в имени тебе моем».

Конечно, имея в виду близкое общение Пушкина с Собаньской в декабре 1829 г. — феврале 1830 г., Вяземский писал жене: «Собаньска умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, всегда ли она такова или только со мною и для первого приема» (Письмо от 7 апреля 1830 г. из Петербурга в Москву).[7]

В период этих частых встреч написаны Пушкиным два письма к Собаньской. Письма эти — не сказанные речи глубоко взволнованного

[1] Она до невероятия полька.
[2] Как говорила кузина госпожи Любомирской.
[3] Жизнь самая бурная и самая необычайная.
[4] Ваша собственная жизнь, столь исполненная порывов, столь бурная.
[5] См. стр. 654.
[6] Н. О. Лернер, «Что в имени тебе моем», в сборнике «А. С. Пушкин», изд. журнала «Русский Библиофил», 1911, стр. 62.
[7] См. публикацию В. С. Нечаевой, Пушкин в неизданных письмах Вяземского к жене, в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 804.

человека. По собственному признанию поэта, пишет он Собаньской потому, что ирония ее не позволяет ему объясниться с ней при их свиданиях.

Поводом к написанию первого из двух сохранившихся писем Пушкина к Собаньской было получение им записки ее, где она откладывала их встречу на один день:

J'ai oubliée l'autre jour, — писала Собаньская, — que c'était à Dimanche que j'avais remis le plaisir de vous voir. J'ai oubliée qu'il fallait commencer sa journée par la Messe et que je devais la continuer par des visites et courses d'affaires. J'en suis desolée car cela va retarder jusqu'à demain soir le plaisir de vous voir et celui de vous entendre. J'espère que vous n'oublierez pas la soirée de Lundi et que vous ne m'en voudrez pas trop de mon importunité en faveur de toute l'admiration que je vous porte.

C. S.

Ce Dimanche matin

Перевод:

Прошлый раз я забыла, что отложила удовольствие видеть вас на воскресенье. Я забыла, что надо было начать свой день с мессы и продолжать его визитами и деловыми поездками. Я очень жалею об этом, так как это задержит до завтра удовольствие видеть и слышать вас. Надеюсь, что вы не забудете о вечере понедельника и простите мою назойливость, приняв во внимание чувство восхищения, которое я к вам питаю.

К. С.

Воскресенье утром [1]

Первое письмо Пушкина к Собаньской датировано мною в статье «Три письма Пушкина к неизвестной» («Звенья» II, стр. 209) на основании положения его среди черновых текстов для «Литературной Газеты» так: «последние числа января до 3 февраля 1830 г.» Теперь датировку эту можно уточнить. Пушкин отвечает Собаньской в день получения ее записки. Записка же ее помечена воскресеньем. Воскресенье в указанный промежуток приходилось на 2 февраля, когда, следовательно, написаны и записка Собаньской и черновое письмо Пушкина.

Подпись, сделанная одними инициалами, говорит об известной близости отношений. Выражение «l'autre jour» говорит о совсем недавней встрече. Предстоящая встреча очевидно будет tête-à-tête. Витиеватые слова об ее «назойливости» и «чувстве восхищения» — конечно, лишь светский тон. Собаньская совершенно уверена, что Пушкин придет, когда угодно, лишь только она его позовет.

---

[1] Записка опубликована Ю. Г. Оксманом как «Записка неизвестной светской женщины» в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 570—571. (Там-же факсимиле, стр. 569). На стр. 616 имеется дополнительное примечание Ю. Г. Оксмана о том, что записка написана Каролиной Собаньской. За это говорят не только ее инициалы, но и почерк.

«Вас забавляет мое нетерпение, вам, кажется, доставляет удовольствие приводить меня в отчаяние», раздраженно отзывается Пушкин на записку Собаньской, извещающей поэта, что свидание вторично откладывается. «[Меня разбудила надежда видеть вас сегодня]. Значит я увижу вас только завтра — пусть будет так».

И дальше Пушкин, уже давно настроившийся на объяснение с ней, изливает свои чувства к ней в этом черновом письме в своей тетради — письме, которого он, вероятно, не только не послал ей, но может быть даже и не переписал для нее. Ему просто необходимо было высказаться до конца с пером в руке.

Он с тоской говорит об ее насмешливости, столь характерной для Собаньской и столь нравящейся незаинтересованным людям, [1] с отчаянием отзывается на ее слова, что блаженство могло быть семь лет назад, вспоминает ее очарование, ее власть над ним и свои муки. Представляет ее увядание (Собаньской уже 36 лет) и робко, унизительно просит у нее доверия и дружбы.

В этом письме перед нами встает художественный образ Каролины Собаньской, известной по воспоминаниям современников. Женщина, сумевшая в то время и в той среде с чувством независимости выдерживать двусмысленность положения «незаконной» жены, вследствие которого, несмотря на ее графское происхождение, многие дома были для нее закрыты, женщина, не раз менявшая мужей и любовников, — вызвала слова Пушкина: «ваша собственная жизнь, столь исполненная порывов, столь [потрясенная страстями], бурная, столь отличная от того, чем она должна была быть».

Собаньская как бы воплощала лаконично выраженный Пушкиным образ «кокетки богомольной». Ее письма к приятельницам, к Бенкендорфу полны ханжества. Даже в коротенькой записке к Пушкину упоминается обедня (месса), которая ломает ее планы на день. Пушкин в своем письме вспоминает, как она его «обратила в католичество». Выражаясь ее языком, говорит он о «душах, ищущих друг друга в беспредельной вечности», но не выдерживает несвойственного ему тона: «Да и что такое душа. Она не имеет ни взора, ни мелодии — разве что мелодию». Пушкин сбился с взятого вначале тона; на этом обрывается черновик письма.

Второе письмо написано, вероятно, в феврале того же года.[2] Пушкин отмечает девятую годовщину первой встречи и признает безусловную власть Собаньской над собой. Он рожден, чтобы ее любить и следовать за ней. Его мечта бросить всё, иметь клочок земли подле нее и, бродя вокруг ее дома, встречать ее иногда.

В течение февраля, повидимому, окончательно стала ясной невозможность близости между ними, или же после сближения произошел

---

[1] См. «Записки» Вигеля.

[2] Обоснования датировки см. в моей статье «Три письма...», стр. 209.

разрыв. 4 марта Пушкин стремительно уехал из Петербурга, покинув Собаньскую. [1]

Он поехал в Москву, но, впрочем, туда не спешил. По дороге заехал к П. А. Осиповой в Малинники на три дня. В день приезда в Москву (12 марта) Пушкин был на публичном балу в Дворянском собрании, где одним из первых лиц, встретившихся ему, была Наталья Николаевна Гончарова.

Вероятно, Пушкин обрадовался возможности отвлечься от душевной боли, и контрастный образ скромной юной девушки, в которую он был уже год влюблен, вновь завладел им в какой-то мере. Правда, он часто проводит дни и у Ушаковых, но Гончарова побеждает, и 6 апреля Пушкин вновь просит руки Натальи Николаевны, отказанной ему за год перед тем. Предложение было принято.

В сватовстве Пушкина решающую роль, возможно, сыграло сознание необходимости жениться. На смену рассеянной жизни поэту хотелось прочного, верного чувства. Тут было спасение от мучительно опустошающей, безнадежной любви к Собаньской.

Но не радостно готовился Пушкин к браку с Натальей Николаевной. Боязнь потерять свободу была исключительно сильна в нем даже в первые недели «счастья». Это ярко отразилось в автобиографической заметке: «Участь моя решена. Я женюсь» (написанной через неделю после помолвки). Письма его к друзьям о предстоящем браке невыразимо грустны.

«Милый мой, — пишет он Плетневу 31 августа 1830 г., — расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. Жизнь жениха тридцатилетнего хуже 30-ти лет игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. К тому же московские сплетни доходят до ушей невесты и ее матери — отселе размолвки, колкие обиняки, ненадежные примирения — словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив... Чорт меня догадал бредить о счастьи, как будто я для него создан».

А за неделю до свадьбы поэт вновь писал горькие строки приятелю своей юности Николаю Ивановичу Кривцову:

«...я женюсь без упоения, без ребяческого очарования. Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты. Всякая радость будет мне неожиданностию».

Рассказы об его печальном состоянии на мальчишнике, об его рыданиях от песни цыганки Тани перед свадьбой — всего этого более чем достаточно, чтобы видеть, как неполно отдавался Пушкин любви к невесте.

---

[1] Вяземский был у нее в Петербурге в апреле 1830 г. См. выше.

Через два месяца после помолвки (бывшей 6 мая) Пушкин по делам поехал на несколько дней в Петербург (14—16 июля); вернулся к невесте он лишь через месяц (14 августа). Какие дела требовали присутствия Пушкина в Петербурге? Языков пишет брату, что этим делом была необходимость наблюдать за печатанием Годунова, но мы знаем, как мало входил Пушкин в печатание своих книг и как легко и привычно он передавал эти дела Плетневу. Дедушке невесты Пушкин писал еще 7 июля: «Каждый день ожидал я обещанных денег и нужных бумаг из Петербурга — до сих пор не получил... Думаю, что буду принужден в конце сего месяца на несколько дней отправиться в П. Б., чтоб привести дела свои в порядок».

Не одни дела держали Пушкина в Петербурге. Об этом свидетельствует и его, может быть не вполне правдивая, записка к В. Ф. Вяземской: «...Признаюсь к стыду моему, что я веселюсь в Петербурге и не знаю, как и когда я вернусь».

Нам неизвестно, была ли летом 1830 г. Собаньская в Петербурге, и общался ли с ней Пушкин в это время. Но эта возможность представляется нам очень вероятной.

Не бесследно прошла в творчестве поэта любовь его к Каролине Собаньской.

Пушкиным посвящено ей, как мы видели, «Что в имени тебе моем». Мне кажется более чем вероятным, что к ней же обращено стихотворение «Я вас любил». До сих пор оно не связывалось ни с чьим именем. Между тем оно датировано самим поэтом 1829 годом, как и стихотворение «Что в имени тебе моем», и чрезвычайно близко к нему как темой, так и тоном смирения и грусти:

Я вас любил: любовь еще быть может
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

Основное чувство здесь — огромная любовь в прошлом и сдержанное, бережное отношение к любимой в настоящем.

Как это близко к стихам «Что в имени тебе моем», где читаем:

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных —

мотив любви в прошлом, и

Но в день печали, в тишине
Произнеси его тоскуя;

Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я —

мотив преданности, сдержанности, самоотверженной любви.

Стихотворение «Я вас любил» связывается и с первым письмом Пушкина к Собаньской: Слова «Я вас любил так *искренно*, так *нежно*» развиваются в первом письме: «От всего этого мне осталась лишь слабость выздоравливающего, привязанность очень *нежная*, очень *искренняя* и немного боязни...»

Стихотворением «Я вас любил», повидимому, открывается цикл обращений поэта к Каролине Собаньской.

Я думаю, что к ней же нужно отнести стихотворение, напечатанное, как и «Что в имени тебе моем», в «Литературной Газете» 1830 г. Это — К ** («Когда твои младые лета»). [1]

Характеристика женщины, даваемая в этих стихах, как нельзя более подходит к образу Собаньской.

Стихотворения «Что в имени тебе моем» и «Когда твои младые лета» написаны в одном тоне, а последние строфы, развивающие один и тот же мотив, заключаются близкими по смыслу стихами:

Тебе один остался друг

и

Есть в мире сердце, где живу я.

Любопытным и не случайным представляется мне и то обстоятельство, что в упоминавшемся списке стихотворений, составлявшемся Пушкиным в апреле 1830 г. для подготовляемого издания, непосредственно вслед за «Что в имени тебе моем» стоит «Когда твои младые лета». [2]

Наконец, в автографической копии этого списка оба стихотворения помечены 1830 годом. В книге же они помещены под 1829 годом. Датировку эту можно объяснить тем, что оба стихотворения написаны зимой 1829—1830 гг., что подтверждается тем, что стихотворение «Что в имени тебе моем» было вписано в альбом Собаньской 5 января 1830 г. и, следовательно, сочинено могло быть в 1829 году.

---

[1] «Что в имени тебе моем» напечатано 6 апреля 1830 г. в «Литературной Газете». Вероятно, Пушкин оставил его текст в редакции газеты перед отъездом в Москву (4 марта), может быть одновременно со стихотворением «Когда твои младые лета». Очевидно, расчетливые редакторы решили разделить стихотворения Пушкина и, напечатав «Когда твои младые лета» 1 марта, отложили печатание второго на семь номеров. Между ними было еще помещено послание Пушкина к Языкову.

[2] В издании «Стихотворений» 1832 г. «Когда твои младые лета», помещенное перед «Я вас любил», отделено от «Что в имени тебе моем» восемью стихотворениями. Сделано это, может быть, для отвода возможных сближений стихотворений. Поэт не хотел, чтобы лица, знавшие Собаньскую, относили к ней слова о шумной молве, позорящей ее младые лета.

Единственным серьезным возражением моему предположению могло бы быть утверждение Нащокина, что стихотворение обращено к графине Закревской,[1] и слова Плетнева: «Помнится, к жене Закревского, урожденной графине Толстой».[2] Но оба эти утверждения высказаны спустя двадцать лет после написания стихотворения и поэтому едва ли могут быть признаны решающими вопрос.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно: связь VIII главы «Евгения Онегина» с личным романом Пушкина с Собаньской. «Евгений Онегин», не имевший с самого начала строго продуманного плана, питался на всем многолетнем протяжении своем богатыми жизненными впечатлениями поэта. VIII глава его была начата 24 декабря 1829 г. и закончена осенью 1830 г. в Болдине. Ситуация героев напоминает любовную ситуацию Пушкина в начале этого года. Его страсть не производит желаемого впечатления, она запоздала на несколько лет. Для письма Онегина к Татьяне поэт в большей мере черпает мысли, обороты и жизненную силу из своих писем к Собаньской. Письмо Онегина не было написано одновременно со всей главой. Его смог написать поэт лишь через год по окончании романа (5 октября 1831 г.), — слишком живы были для Пушкина осенью 1830 г. его февральские письма он еще не мог смотреть на них глазами художника.

28.

[на землѣ]

|Есть мѣсто — но|

Запись в тетради № 2376 В, л. 5_1. Написано наверху страницы, среди чернового текста стихотворения «Как весенней теплою порою», датируемого предположительно 1830 годом. Печатается впервые.

29.

Mr Paëz, alors secretaire d'Embassade à Paris, m'a confirmé le recit de Bourienne. Ayant apris quelque jours avant qu'il se preparoit quelque chose de grave, il vint à St Cloud & se rendit à la salle des Cinq-Cents. Il vit Napoléon lever la main pour demander la parole, il entendit ses paroles sans suite, il vit d'Estrem & Biot

[1] «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 29 (Запись пятидесятых годов).

[2] Переписка Грота с Плетневым, т. III, стр. 414 (письмо 1849 г.). Подробную историю аттрибутирования этого стихотворения см. в книге М. Цявловского. «Рассказы о Пушкине».

le saisir au collet, le secouer. Bonaparte étoit pâle (de colère, remarque Mr Paëz). Quand il fut dehors & qu'il harangua les grenadiers, il trouva ceux-ci froids & peu disposés à lui prêter mainforte. Ce fut sur l'avis de Talleyrand & de Ciyès, qui se trouvoient pres, qu'un officier vint parler à l'oreille de Lucien, président. Celui-ci s'écriat: vous voulez que je prononce la mise en accusation de mon frère &c... il n'en étoit rien, au milieu du tumulte les cinq-cents demandoient le Général à la barre, pour qu'il y fit ses excuses à l'assemblée. On ne connaissoit pas encore ses projets, mais on avait senti d'instinct, l'illégalité de sa démarche. 10 aout 1832 c'est hier que l'Embassadeur d'Espagne me donnat ces détails à diner chez le Cte J. Pouchkine.

Перевод:

Господин Паэс, в то время секретарь посольства в Париже, подтвердил мне следующий рассказ Бурьена. Узнав за несколько дней, что готовилось что-то серьезное, он прибыл в Сен-Клу и отправился в залу пятисот. Он видел, как Наполеон поднял руку, требуя слова, он слышал его бессвязные слова, он видел, как Дестрем и Био схватили его за шиворот и трясли его. Бонапарт был бледен (от гнева, отмечает Паэс). Когда он вышел и обратился с речью к гренадерам, он нашел их хладнокровными и малорасположенными оказать ему поддержку. По совету Талейрана и Сийеса, которые находились вблизи, некий офицер подошел и сказал что-то на ухо председателю Люсьену. Последний воскликнул: «Вы хотите, чтобы я привлек к суду моего брата», и т. д. Не тут-то было, среди общего шума члены пятисот требовали генерала к решетке для принесения извинений собранию Еще не знали о его намерениях, но инстинктивно почувствовали незаконность его выступления. 10 августа 1832. Вчера испанский посланник сообщил мне эти подробности во время обеда у тр. И. ⟨Мусина-⟩ Пушкина.

Автограф Пушкина находился до революции в Виленском военном собрании; где он теперь — неизвестно. Написан он на листе бумаги in f°, на листе жандармская помета: «74». Фотография хранится в *ИРЛИ*.

Впервые напечатано Т. Г. Зенгер в «Литературном Наследстве», №16—18 («Запись Пушкина о 18 брюмера»), где дано и факсимильное воспроизведение автографа (стр. 883) по фотографии, хранящейся в *ИРЛИ*.

Автограф, судя по жандармской помете, находился в день смерти Пушкина в его кабинете и остался после разбора бумаг его в руках Жуковского среди некоторого числа других листков. Позднее автограф

принадлежал археологу Николаю Казимировичу Богушевскому, который передал его Александру Владимировичу Жиркевичу, автору мемуаров, собирателю автографов; последний подарил его в 1903 г. Виленскому военному собранию, а в 1904 г. прислал фотографический снимок в комиссию по изданию сочинений Пушкина при Академии наук.

Записанный Пушкиным рассказ очень напоминает те записи исторических событий и анекдотов, которые Пушкин в последние годы своей жизни собирался издать отдельной книгой под заглавием «Table talk». Это сходство особенно подчеркивается заключительной пометой об источнике рассказа, обычной в этом собрании анекдотов («Слышал от Дмитриева», «Слышал от Вельгорского»). Принадлежность к этим записям рассказа Паэса подкрепляется и имеющейся на листе цифрой «74» жандармской нумерации, говорящей о том, что автограф этот лежал у Пушкина вместе с листками «Table talk» (нумерованными в сохранившейся части цифрами 1—69).

Упоминаемый в тексте *Паэс* — дон Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена — чрезвычайный посланник Испании в России в 1825—1835 гг., знакомый Пушкина (см. стр. 326)—лицо, до сих пор неизвестное в биографии Пушкина. О нем мы не располагаем никакими сведениями (нет их ни в испанской энциклопедии, ни во французском биографическом словаре), кроме одного неопубликованного письма Зинаиды Волконской к нему, где она говорит о его блестящем пере («votre plume brillant»). *Гр. Иван Алексеевич Мусин-Пушкин* (1783—1836), гофмейстер, брат гр. Влад. Ал. Мусина-Пушкина, с которым Пушкин путешествовал в 1829 г. на Кавказе. *Бурьен* (1769—1834) — секретарь Наполеона, оставивший о нем небольшие рукописные записи, которые легли в основу десятитомной подделки Вилламарэ «Mémoires de la Bourrienne» («Мемуары Бурьена»), изданной в Париже в 1829—1830 гг., когда Бурьен уже был психически болен. Труд этот был встречен с огромным интересом, так как изобиловал разоблачениями Наполеона, подчас весьма скандальными. Фальсификация Вилламарэ была вскрыта в литературе совсем недавно. Пушкин верил «Мемуарам Бурьена» и опирался на них в реплике трезвого поклонника истины в стихотворении «Герой» (1830 г.).

Упоминаемый в комментируемой записи рассказ Бурьена находится в VIII главе его «Мемуаров» (французское издание 1829—1830, т. III, стр. 88—110) и относится к перевороту 18 брюмера VIII года республики (9 ноября 1799 г.), когда вместо Директории был провозглашен консулат. *Д'Эстрем* и *Био* — члены Совета Пятисот. *Талейран* — министр иностранных дел, в эпоху рассказа — сторонник Наполеона. *Сийес* — член Директории, провозглашенный 18 брюмера одним из консулов. *Люсьен Бонапарт*— родной брат Наполеона, председатель Совета Пятисот. Паэс вносит новые детали в рассказ Бурьена о 18 брюмера. Таковыми являются выступления д'Эстрема и Био и упоминание, что заступничество Люсьена было вдохновлено Сийесом и Талейраном.

30.

La liberation de l'Europe viendra de la Russie, car c'est là seulement que le préjugé de l'Aristocratie n'existe absolument pas. Ailleurs ont croit à l'Aristocratie, les uns pour la dédaigner, les autres pour la hair, les troisièmes pour en tirer profit, vanité &c. — En Russie rien de tout celà. On n'y croit pas, voilà tout.

Перевод:

Освобождение Европы придет из России, так как только там предрассудок аристократии не существует вовсе. В других местах верят в аристократию, одни, чтобы презирать ее, другие, чтобы ненавидеть, третьи, чтобы извлекать из нее выгоду, тщеславие и т. п. В России ничего подобного. В нее не верят, вот и всё.

Запись на обрывке почтовой бумаги, оторванном от письма, от которого сохранились строки: «22-го Апрѣля 1835. Его Высокобл. А. С. Пушкину». Листок с записью оказался вложенным между 162 и 163 стр. 2-го тома собрания сочинений Г. Гейне на французском языке («Oeuvres de Henri Heine», Paris, 1834—1835) в библиотеке Пушкина и хранится в *ИРЛИ* (№ 21).

Единственный раз запись была напечатана Б. Л. Модзалевским (см. *ПС* IX—X, 247), считавшим запись «выпиской из Гейне», что неверно; такого текста ни в «Путевых картинах», составляющих 2-й и 3-й томы бывшего у Пушкина издания сочинений Гейне, ни в других его произведениях нет. Запись Пушкина не только не цитата из Гейне, но и не пересказ его мыслей. Это самостоятельная заметка Пушкина, происхождение которой объяснить довольно трудно. Дело в том, что во французском издании Гейне, в которое был вложен листок с заметкой, нет текста, по поводу которого Пушкин мог бы написать эту заметку. Но в оригинальном (немецком) издании «Путевых картин» Гейне есть места, которые могли вызвать заметку Пушкина. Это главы: XXX «I. Италия (1828—1829). Путешествие от Мюнхена до Генуи» и XIV «Город Лукка». В первой из указанных глав Гейне между прочим пишет: «... благодаря удивительным переменам в лозунгах и среди представителей великой борьбы, обстоятельства сложились так, что самый горячий приверженец революции в победе России видит благо всего мира, а в лице императора Николая должен видеть знаменосца свободы... ...знамена... водрузили... в Петербурге и выбрали знаменосцем императора Николая, рыцаря Европы, защитившего от азиатских варваров греческих вдов и сирот и в этой борьбе завоевавшего себе шпоры...

...То, что до сих пор сочиняли алармисты об опасности, грозящей нам от слишком возросшего могущества России, глупо. По крайней мере

нам, немцам, нечего рисковать; немного больше или немного меньше рабства, для нас это не существенно, когда должно быть достигнуто нечто более высокое — освобождение от остатков феодализма и клерикализма...

стоит сравнить, в смысле свободы, Англию с Россией, и у самого осторожного человека не останется никакого сомнения относительно того, к которой партии следует примкнуть. Свобода в Англии возникла на почве исторических событий, в России она вытекла из принципов. Как те события, так и их результаты носят на себе отпечаток средних веков; вся Англия застыла на своих средневековых, необновляющихся учреждениях, которыми окопалась аристократия, ожидающая решительного боя. Те же принципы, из которых вытекала, или, вернее сказать, с каждым днем развивается русская свобода, суть либеральные идеи нашего новейшего времени; русское правительство проникнуто этими идеями, его неограниченный абсолютизм скорее диктатура, проводящая эти идеи непосредственно в жизнь; — это правительство не имеет своим основанием феодализм и клерикализм: оно как раз борется с церковной и дворянской силой; уже Екатерина ограничила церковь, а русское дворянство достигается государственной службой. Россия демократическое государство, и я даже назвал бы ее христианским государством, если бы я мог употребить это слово, которым столько злоупотребляли в его общечеловеческом значении, потому что русские, благодаря одной уже обширности государства, свободны от узости языческого национализма, они космополиты, или, по меньшей мере, на одну шестую космополиты, так как Россия занимает почти одну шестую часть населенной земли...»[1]

Во второй из указанных глав Гейне пишет:

«... Я ненавижу не трон, а лишь изменчивых дворянских гадов, свивших себе гнездо в щелях старых тронов, и характер которых так точно изображает нам Монтескье в словах: «Честолюбие в союзе с бездельем, низость в союзе с высокомерием, жажда нажиться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, клятвопреступление, презрение своих гражданских обязанностей, страх перед добродетелью государя и выгода от его пороков...»[2]

В пояснение приведенных извлечений из статей Гейне нужно заметить, что в них будущий друг Карла Маркса не выступает ни против монархии, ни против религии, а видит угрозу свободе лишь в могуществе аристократии и в светской власти церкви, почему наивно и идеализирует самодержавие Николая I, которое, по его мнению, будто бы не имеет основанием ни феодализм, ни клерикализм. Г. И. Чулков (в статье «Тютчев

---

[1] Перевод М. В. Михайлова в изд. Вольфа 1900 г. полного собрания сочинений Г. Гейне.

[2] Перевод М. Г. Муравьевой. Цитата, приведенная Гейне из Монтескье, взята из «Духа законов», кн. III, гл. V.

и Гейне» — «Искусство», журнал *ГАХН*, 1923, № 1, стр. 363—364) высказывает весьма правдоподобное предположение, что суждения Гейне о России в «Путевых картинах» навеяны беседами Гейне с Тютчевым. Во всяком случае отношение Гейне к Николаю I весьма скоро изменилось. Во вступлении к статье «Кальдорф о дворянстве в письмах к графу Мольтке» Гейне в 1831 г. писал: «...А во Франции всё ярче разгорается солнце свободы и озаряет своими лучами весь свет. Каждый день разрастается всё шире идея гражданского короля без придворного этикета, без рыцарей, куртизанок, посредников, без взяток и другой расточительности. Странное превращение! В этот критический момент дворянство обратилось к государю, в котором оно видело до сих пор своего злейшего, ненавистнейшего врага, — к России. Великий царь, который еще недавно был хоругвеносцем либералов, враждебно настроенных против феодальной аристократии, и, казалось, принял решение вскоре пойти на нее войной, этот самый царь был теперь избран вождем аристократии и принужден стать ее передовым бойцом. Ибо, хотя русское государство и покоится на антифеодальном принципе равенства всей государственной буржуазии, которая обязана своим положением не происхождению, а достигнутой государственной должности, — всё же, с другой стороны, самодержавная царская власть не уживается с идолами конституционной свободы, могущей защитить последнего подданного от царского произвола. И если императора Николая I ненавидели феодалы за этот принцип равенства буржуазии, и он, как открытый враг Англии и тайный враг Австрии, был фактическим заступником либералов, то всё же с конца июля он сделался их сильнейшим противником. Их смелые идеи о конституционной свободе угрожали его самодержавию, и европейская аристократия сумела побудить его в качестве самодержца к борьбе с совершенно свободной Францией».[1]

31.

На дняхъ прочелъ я новый романъ Лажечникова.

Написано на л. 421 в тетради № 2384, наверху страницы, на которой — черновая стихотворения «На выздоровление Лукулла», писавшаяся в октябре-ноябре 1835 г. Единственный раз напечатано у *Я* XII, 526.

Новый роман Лажечникова — «Ледяной дом», о котором Пушкин писал 3 ноября 1835 г. Лажечникову. Роман вышел в свет в июле 1835 г.

Запись представляет собою начало ненаписанной (или не дошедшей до нас) заметки или статьи о «Ледяном доме».

---

[1] Перевод А. К. Герцик. — Полное собрание сочинений Г. Гейне в переводе русских писателей под ред. П. В. Быкова, изд. Вольфа, СПб. 1900, т. XII, стр. 293—294

32.

[Не вижу я твоихъ очей]
[И сладострастныхъ и суровыхъ]
[Не]

Запись на листке в 4 д. л., входящем в Майковское собрание автографов Пушкина (см. *ПС* IV, 17, № 68). На листке этом (в *ИРЛИ*, № 566) — черновик стихотворения «Когда владыка ассирийский», датируемого ноябрем 1835 г. Предположительно датируем этим временем и записанные стихи. Печатается впервые.

33.

Не скромничай, продолжая

Запись на первой странице листа в 4 д. л. с черновиком стихотворения «Кто из богов нам возвратил», предположительно датируемого 1835 г. Лист входит в Онегинское собрание автографов Пушкина (см. *ПС* XII, 17, № 39), хранящихся в *ИРЛИ* (№ 350). Запись, сделанная вдоль страницы сбоку, единственный раз была напечатана М. Л. Гофманом в *НП*, 98. К чему она относится, сказать не можем.

34.

Милостивый Государь
Вл

Написано на обороте листка в 4 д. л. почтовой бумаги большого формата, на лицевой стороне которого находится черновой набросок из «Мыслей на дороге»: «Увидя разбойника, заносящего нож...». Листок входит в Онегинское собрание автографов Пушкина (см. *ПС* XII, 14—15, № 29 и *НП*, 190—191), хранящихся в *ИРЛИ* (№ 340). Печатается впервые.

Запись представляет собою начало письма к неизвестному лицу, имя которого, очевидно, «Владимир». «Мысли на дороге» датируются 1833—1835 гг., когда, надо думать, была сделана и комментируемая запись.

35.

Je suis encore plus malheureux que coupable — M[de] la Comtesse

Перевод:

Я еще более несчастен, чем виновен — Графиня

Слова эти написаны Пушкиным на листе голубой бумаги верже с водяным знаком «33», то есть 1833 г. Мог пользоваться Пушкин такой

бумагой в 1835—1836 гг. Лист этот является шестым в сшитой жандармами тетради № 2386 В. Это узкий листок, длиной in f°, шириной не более 1/8 листа. Продолжение этого листа — л. 74. На л. 74_2 начато черновое письмо к военному историку Н. И. Ушакову. Письмо продолжается на л. 6_1 и кончается на л. 6_2. Л. 74_1 — чистый. Письмо к Ушакову датировано в *АП* III, 327 (№ 1024) концом мая — началом июня 1836 г. Я думаю, его можно датировать точнее, а именно 14 июня. Вернувшись 23 мая из Москвы в Петербург, Пушкин нашел у себя на столе несколько книг и писем, отвечать на которые он, очевидно, всё откладывал. Наконец однажды, 14 июня, он решил засесть и ответить всем сразу, и все эти письма, вызванные скучным обязательством, имеют одно общее начало: «Возвратясь в П. Б., имел я счастие найти у себя письмо...» (И. И. Дмитриеву) «Возвратясь из Москвы, нашел я у себя письмо ваше...» (И. М. Пеньковскому), и, наконец, «Возвратясь из Москвы, [нашел у себя книгу] имел я честь получить...» (Н. И. Ушакову). Первые два письма датированы Пушкиным 14 июня 1836 г. Дату эту нужно было выяснить как предельную, после которой не могли быть написаны французские строчки. Дело в том, что концы строк этого чернового письма к Ушакову написаны поверх французских строчек в направлении, перпендикулярном к ним. Оторванная часть этого листка заключала, может быть, часть этого интимного письма. Эта запись не может быть сделанной для себя, судя по официальной формуле: Madame la Comtesse. Это, конечно, и не обращение, а упоминание в записке к кому-то третьего лица. Тире было у Пушкина в рукописях часто заменой точки, заключением выраженной мысли, написанного стиха. Если позволено на основании полуторы фразы что-то строить, то, может быть, имеет под собой основание предположение, что это начало письма к Е. М. Хитрово, с каким-то объяснением о гр. Д. Ф. Фикельмон.

Печатается впервые.

36.

il y avoit dans ses sentiments un abandon
et dans ses opinions une licence qui
me
frappoirent, quelque accoutumé que
je fusse aux libertins de toutes les
écoles —

Перевод:

в его чувствах была непринужденность и в воззрениях его распущенность, которые поразили меня, сколь ни был я привычен к вольнодумцам всех школ.

Слова эти написаны Пушкиным на внутренней стороне задней крышки переплета № 2382 (л. 108_1) сбоку. Тетрадью этой Пушкин пользовался с 1829 г. до 1831 г., но есть там текст и 1834 г. и 1836 г. Таким образом эта запись, сделанная совершенно изолированно, не поддается датировке более точной, чем 1829—1836 гг.

Единственный раз напечатана Якушкиным (*Я*, XI, 371) с ошибками·

Что представляет собою эта запись — сказать трудно. Навряд ли это выписка: не так эти слова значительны, чтобы остановить внимание Пушкина. Если же это выписка, то это похоже на эпиграф, выбранный Пушкиным к какой-нибудь главе повести. Может быть вероятнее, что это эпиграф, придуманный Пушкиным в дидактическом стиле французских писателей XVIII века, как это ему бывало свойственно — например эпиграф к «Евгению Онегину»: «Petri de vanité...», якобы извлеченный «из частного письма». К кому из героев Пушкина мог относиться этот эпиграф? Может быть к Якубовичу, хотя в том, что дошло до нас из «Романа на Кавказских водах» (1831 г.), не дан еще четкий характер Якубовича, известного по другим источникам своей беспринципностью. Может быть, надо эти слова относить к Федору Орлову из ненаписанного романа «Русский Пелам» (1835 г.). Вероятнее же всего эти слова являются первой редакцией также сочиненного Пушкиным эпиграфа к IV главе «Пиковой дамы» (1833 г.): «7 mai 18** Homme sans moeurs et sans religion! *Переписка*»; то есть «Человек без нравственности и без религии». Слова эти разумели Германа.

37.

Блудитъ или[1] блядитъ — вмѣсто заблуждаетъ или заблуждается вовсѣ не уп.⟨отребляется⟩

Запись на клочке бумаги, вложенной между 22-й и 23-й страницами находящейся в библиотеке Пушкина книги: «Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира, с историческими примечаниями и с кратким описанием его жизни. В Санкт-Петербурге. 1762» (в *ИРЛИ*, № 23).

Единственный раз напечатано Б. Л. Модзалевским в *ПС* IX—X, 47, неполно прочитавшим запись.

Предположительно датируем запись 1830—1836 гг. Запись является замечанием к 117—118 стихам II и к 6 стиху VII сатиры Кантемира:

«Но бедно блудит наш ум, буде опираться

Станем мы на них одних...» и «Дружок, ум твой блудит».

Пушкин считал, что слово «блудит» в данном контексте употреблено неправильно.

---

[1] *Чтение слова* или — *предположительное*,

38—42.

Всѣ толкователи [Пѣ] [сего стихо] поэмы [перевели] поняли сіе мѣсто одинаковымъ образомъ: не прилично ли будетъ &c., но [смыслъ показываетъ] что поэтъ говоритъ утвердительно — Не прилично будетъ намъ а начаться по былинамъ сего времени [инач] такимъ образомъ смыслъ становится яснымъ. Какой тутъ смыслъ: частица ли не всегда [знач] означаетъ вопросъ. Въ пѣсни о плкѣ встрѣчается [нѣсколько] два три мѣста [гдѣ] коего смыслъ явно утвердителенъ не смотря на сію частицу и [всѣ] толкователи [приня] почли ее за описку. В русскихъ пѣсняхъ поминутно встрѣчается ли не при дающая смысла вопросительнаго напримѣръ во саду ли въ огородѣ

ошибко⟨ю⟩

2) Тутъ кажется выпущено слово Славіемъ, которое довершаетъ аллегорію — Ниже поэтъ повторяя свое [сравненіе] описаніе, говоритъ:

3) Тутъ должна быть перестановка стиха — Je le retablis — Я читаю такимъ образомъ —

Тебѣ бы пѣть &.
Не буря &.

Чрезъ то описаніе Игорева нашествія дѣлается полнѣе и живѣе

Готовый на языкѣ [Сл.] Западныхъ славянъ неизвѣстный —

изъ Грамм.
Кмети (выписка изъ Вельтм.)
Кметъ на языкѣ западныхъ славянъ значитъ простолюдинъ, мужикъ (на пр. изъ Сл.)

Все записи находятся на пяти узеньких (первая на большем листке) листках, вложенных жандармами в т. № 2386 Г (см. стр. 147). Белая тонкая почтовая бумага, на которой написаны эти заметки, употреблялась Пуш-

киным в 1836 г. (на ней написана часть анекдотов, входящих в «Table talk»).

Записи представляют собою замечания на отдельные места «Слова о полку Игореве», сделанные Пушкиным при чтении им текста перевода Жуковского (см. стр. 127—145).

Все эти записи печатаются впервые. Первая запись относится к началу «Слова»: «Не лепо ли ны бяшет, братие...», переведенному Жуковским: «Не прилично ли будет нам, братия». В тексте Жуковского Пушкин подчеркнул слово «ли» и на полях поставил: «NB» и «1)», что указывало на первое примечание, написанное на отдельном листке. Положение, высказанное Пушкиным в примечании, развито в первых абзацах черновика статьи Пушкина о «Слове» (см. *КН* V, 378 и *ПГ* 5, кн. II, стр. 615—616).

Второе замечание относится к следующему месту, читающемуся в издании 1800 г.: «то растекашется мыслию по древу» и переведенному Жуковским: «растекался мыслию по древу». В тексте Жуковского Пушкиным поставлено на полях «NB», подчеркнуто слово «растекался», и на полях объяснено: «то носился» и помечено: «(славием)». Замечание развито в статье (см. *КН* V, 379 и *ПГ* 5, кн. II, стр. 617). В словах: «Ниже поэт, повторяя свое описание, говорит» — Пушкин имеет в виду следующее место в издании 1800 г.: «скача славию по мысленну древу», переведенное Жуковским: «скача соловьем по мысленну древу» (стих 41). Пушкин в тексте Жуковского слово: «соловьем» заключил в прямые черты и на полях поставил: «NB».

Третье замечание относится к ст. 46—48 перевода Жуковского:

Не буря соколов занесла чрез поля широкие!
Галки стадами бегут к Дону великому
Тебе бы петь, вещий Боян, внук велесов!

Пушкин у третьего из этих стихов поставил: «1», а у первого и второго скобку с цифрой «2», то есть показал ту самую перестановку, о котоой говорит третье замечание, и на что указывает цифра: «3», стоящая у ст. 48 перевода Жуковского.

Четвертое замечание относится к ст. 58 перевода Жуковского: «А мои тебе готовы». В тексте перевода Пушкин подчеркнул слово «готовы», а на полях слева поставил: «NB», и справа: «известны». Подчеркнул Пушкин слова «не готовыми» и в ст. 81: «И половцы не готовыми дорогами побежали к Дону великому». Оба стиха Пушкин привел в своей статье о «Слове» (см. *КН* V, 380 и *ПГ* 5, кн. II, стр. 619).

Пятое замечание относится к ст. 60 перевода Жуковского. Слова подлинника: «а мои ти Куряни свѣдоми къ мети...» переведены были в первом издании (1800 г.) памятника: «Мои Курчане в цель стрелять знающи», а Жуковским: «Метки в стрельбе мои куряне». Этот стих в переводе Жуковского у Пушкина подчеркнут, а на полях стоит: «NB». Помета: «изъ

Грамм.» означает ссылку на книгу: «Слово о полку Игоревом» Николы Грамматина. М. 1823 г. Здесь это место переведено: «А мои Куряне, кмети храбры, сведомы». Ссылка в примечании на Вельтмана развита в черновом наброске статьи Пушкина о «Слове» (см. *КН* V, 380 и *ПГ* 5, кн. II, стр. 620).

на пр. изъ Сл. — вероятно, значит: «Например из Словаря», то есть из словаря польского или чешского языков. По-польски kmieć и по-чешски kmet значит крестьянин, простолюдин.

Как видим, статья Пушкина о «Слове о полку Игореве» целиком вышла из этих замечаний на перевод памятника Жуковским.

43.

Хочу копье преломити а любо испити... Г. Сенковскій съ удивл. видитъ тутъ выраженіе рыцарское — нѣтъ; это значитъ просто [неудачу:] [1] Или сломится копье мое, или напьюсь изъ Дону. [Либо погибну, либо завоюю.] [Это] Тотъ же смыслъ какъ и въ пословицѣ либо панъ, либо пропалъ.

Запись на листке почтовой бумаги с золотым обрезом и вод. зн. ⟨А.⟩ Г. ⟨18⟩34 в 4 *д. л.*, вложенном между стр. 22 и 23 книги: «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом. Москва. 1833» (в *ИРЛИ*, № 20). Эта бумага знакома нам по автографу стихотворения 1836 г. «Странник». Возможно, что это та же бумага, на которой написаны вышепомещенные замечания на «Слово», только на те кусочки не попали ни водяной знак, ни обрез.

Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено Б. Л. Модзалевским в *ПС* IX—X, 21 и между стр. 20 и 21.

Запись относится к следующим словам «Слова о полку Игореве»: «Хощу бо, рече, копие приломити конець поля Половецкого с вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

Н. К. Козмин полагает (*Ak* IX, прим. 594), что в словах записи: «Г. Сенковский с удивлением видит тут выражение рыцарское» Пушкин ошибочно назвал Сенковского вместо М. Т. Каченовского, писавшего: «*Хощу kопие приломити... с вами.* Фраза рыцарская!! Rompre une lance avec [1] и также pour quelqu'un.[2] Смотри Словари. Странная встреча!» («Ученые записки Московского университета» 1834, ч. V, № 3, стр. 457). С этим мнением Козмина едва ли можно согласиться. Хотя в рецензии на книгу

---

[1] Сломать копье ⟨чем⟩.

[2] За кого-нибудь.

А. Глаголева «Умозрительные и опытные основания словесности», где Сенковский писал о «Слове» («Библиотека для чтения» 1834, т. IV, отд. V, стр. 5—6), и нет приводимого Пушкиным суждения, последнее он мог слышать от Сенковского. На то, что Сенковский, как и Каченовский, видел в словах «Слова» «выражение рыцарское», указывает рецензия 1854 г. Сенковского на перевод «Слова» Н. Горбеля. В «перорации», заключающей эту рецензию, Сенковский к своему пересказу слов Игоря: «Хощу бо копие приломити» делает примечание: «Rompre les lances — выражение, принадлежащее турнирам французского рыцарства» (см. Собрание сочинений Сенковского, т. IX, СПб., 1859, стр. 478).

44.

стуга — то-же, что туга, какъ скопъ — и копъ.

Запись на узенькой полоске бумаги с золотым обрезом, хранящейся в архиве А. А. Краевского в *ПБЛ* (см. *РП*, № 37, стр. 18).

Впервые напечатано И. А. Бычковым в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб., 1893, стр. 38, приложения, затем Ефремовым в *Е*[4] VI, 277 и Л. Б. Модзалевским в *РП*, № 37, стр. 18.

Слово «туга» Пушкин знал по «Слову о полку Игореве», где оно встречается семь раз. В выписке из жития святого Иоанна Кущника Пушкин подчеркнул это слово (см. *КН* V, 475 и *ПГ* 5, кн. II, стр. 769). Судя по палеографическим данным, эта запись примыкает к четырем предыдущим.

45.

въ хоботы — съ задп —

Запись карандашом на обороте письма П. Я. Чаадаева к Пушкину, датируемого первой половиной мая 1836 г. Письмо (хранится в *ИРЛИ*, № 465) факсимильно воспроизведено (без записи Пушкина!) в «Отчете о деятельности Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук за 1912 г.», СПб. 1912, стр. 61. Напечатано впервые Н. О. Лернером в изд. «Пушкин. 1834 год», Л. 1934, стр. 107.

Запись представляет собою замечание к тексту «Слова о полку Игореве», где есть фраза: «Нъ розно ся имъ хоботы пашутъ», что значит: «Но у них знамена врозь развеваются». Встретив интересовавшее его слово «хобот» в романе Лажечникова «Последний Новик», Пушкин спрашивал автора в письме от 3 ноября 1835 г., «в каком смысле упомянул» он это слово «и по какому наречию» (*АП* III, 250).

Таким образом восемь заметок по поводу текста «Слова о полку Игореве», сделанных в одно время, разбиты по трем различным хранилищам (*ЛБ*, *ИРЛИ* и *ПБЛ*).

46.

Глава XI.

Мятежная слобода

[Въ то время левъ]
[Левъ вопросилъ безъ гнѣва]
[безъ страшна рева]
[За чѣмъ пожаловать изволилъ въ
мой вертепъ?
левъ
(Въ ту пору [былъ] былъ сытъ хоть
хоть онъ
Сказалъ левъ ласково духомъ [и] свирѣпъ)]

Въ ту пору Левъ былъ сытъ
хоть съ роду онъ свирѣпъ.
За чѣмъ пожаловать изволилъ
въ мой вертепъ?
Спросилъ
[Сказалъ] онъ ласково.

А. Сумароковъ.

Запись в тетради № 238., представляющая эпиграф к главе XI «Капитанской дочки». Время написания этой главы не поддается точному определению. В конце рукописи «Капитанской дочки» имеется дата: «19 октября 1836». Возможно, что и XI глава написана в этом же году.

Впервые транскрибируемый нами текст эпиграфа дает повидимому картину творчества Пушкина, а не записи стихов Сумарокова по памяти. Что стихи — сочинение Пушкина, стилизовавшего под Сумарокова, подтверждается и тем обстоятельством, что у Сумарокова их нет.

47.

je voudrois vous faire une question, mais elle sera inutile? heureusement non!

Перевод:

Я хотел бы задать вам вопрос, но он будет излишним? к счастию нет!

Автограф представляет собою маленькую записку (5,3 × 11 *см*) на желтой бумаге, сохранившей следы того, что она была много раз сложена. Записка эта засунута жандармами в сшитой ими тетради № 2386 Г (представляющей собою бумаги о «Слове о полку Игореве») за шнурок, сшивший тетрадь, между лл. 12 и 13.

Печатается впервые.

Слова «heureusement non!» написаны на обороте. На такой же желтой бумаге написана Пушкиным часть материалов по «Истории Пугачевского бунта» (№ 2391, лл. 131, 131а, 132, 146), списывавшихся им в 1836 г. Да и то обстоятельство, что записка эта оказалась среди работы Пушкина по «Слову о Полку Игореве», указывает на то, что и эта записка должна относиться к 1836 г. Так как записка написана на маленьком клочке бумаги и несколько раз сложена, то, может быть, Пушкин сунул ее тайно кому-то в руку. Слова на обороте—может быть ответ на устную реплику. Судя по тому, что записка написана на бумаге, употреблявшейся Пушкиным для работ, записка написана им дома, вероятно к кому-нибудь из домашних (Александре Николаевне Гончаровой?).

48.

нѣтъ — разумѣется Волохія
Влахія

Запись на обрывке бумаги, найденном в библиотеке Пушкина (в *ИРЛИ*, № 38). В какую книгу был вложен этот листок, определить в настоящее время невозможно, так как он вместе с пятью другими такими же закладками положен в отдельный конверт.

IV

ПЛАНЫ ИЗДАНИЙ

Включенные в этот отдел списки произведений Пушкина дают картину работ поэта над композицией изданий его сочинений.

Предоставляя другим лицам, главным образом Плетневу, хлопоты по техническому оформлению своих книг, Пушкин сам занимался лишь их содержанием.

Особенно больших трудов стоила Пушкину композиция трех частей «Стихотворений» 1829—1832 гг. Списки произведений, вошедших в это издание, и занимают центральное место в ряду текстов этого отдела (№№ 6, 7, 16, 17). Многократно Пушкин обращался и к плану издания собрания своих сочинений (№№ 8, 9, 10, 13, 14, 15, 18, 19, 21), которое ему так и не пришлось осуществить.

Из остальных записей особенно интересен план издания «Евгения Онегина» (№ 11).

Последние две записи (№№ 23 и 24) — случайно сохранившаяся часть, вероятно, большой работы по составлению томов «Современника».

Транскрипция №№ 1, 3—5, 8, 9, 11, 15—17, 20 и 24 сделана Л. Б. Модзалевским, №№ 10, 12—14, 18, 19, 21, 22 и 23 — Т. Г. Зенгер и №№ 6 и 7 — Б. В. Томашевским. Комментарий ко всем текстам принадлежит мне.

М. Цявловский

1.

1. Часть

I

Посланія
къ Александру.
къ Жуковскому.
—————— +
къ Батюшкову.
къ Галичу
Дельвигу [+] —

Лирическія.
Наполеонъ на Эльбѣ
Воспоминанія въ Ц. С.
[Кр] Оранскому Принцу
Пѣвецъ —
Слеза —
Истина

Дельвигу
Сестрѣ +
Бонапарте +
къ Юдину
Пущину

Ломоносову
Трубецкому
Лицинію
Кюхельбекеру.
Аристарху
Оправданная лѣнь. —
Друзьямъ
Шишкову
Актрисѣ
[Завѣщанье]

Усы
Мечтатель
Ринальдо.
и всѣ пьески
Пирующіе студенты

XV Элегіи
Эпиграммы надписи
Картины
Леда —

Список находится на обороте последнего листа с текстом стихотворения «Пирующие студенты». Автограф В. В. Никольским был пожертвован в Пушкинский музей Александровского (б. Царскосельского) лицея и ныне хранится в *ИРЛИ* (№ 62).

Первое упоминание об этом списке имеется в *Е*[1] II, 442.

Впервые список был опубликован в виде факсимиле в брошюре: «29 января 1887 года. В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина. Издание Императорского Александровского лицея», СПб. 1887. Впервые напечатал текст списка Л. Н. Майков в *Ak* I (прим., стр. 7), неверно прочтя: «Две песни» — вместо: «и все пьески», и неверно датируя список 1815 годом. Во второй раз факсимильно был воспроизведен список в издании кн. Олега Константиновича «Рукописи Пушкина», в. I, СПб. 1911. Список напечатан Морозовым во введении к I тому *М*[2], Венгеровым в *В* V, 412 и Оксманом в *КН* V, 510 и *ПГ* 5, кн. II, 734.

Список представляет собою перечень стихотворений, которые Пушкин предполагал включить в первый сборник своих произведений. Как видно из списка, стихотворения в сборнике предполагалось разбить на четыре отдела, пока «начерно» названные: «Послания»; «Лирические» и «Пьески»; «Элегии» и «Эпиграммы и надписи». Отделы эти соответствуют отделам сборника 1826 г., где имеем: «Элегии», «Разные стихотворения» (то есть то, что в комментируемом списке названо: «Лирические» и «Пьески»), «Эпиграммы и надписи» и «Послания».

К Александру — «На возвращение государя императора из Парижа в 1815 г.» 1815 г.

К Жуковскому — «К Жуковскому» («Благослови, поэт»). 1816 г.

К Жуковскому — стихотворение, до нас не дошедшее. Возможно, что оно не было написано.

К Батюшкову — «К Батюшкову» («Философ резвый»). 1814 г. — или «Батюшкову» («В пещерах Геликона»). 1815 г.

К Галичу — «К. Галичу» («Пускай угрюмый рифмотвор»). 1815 г.

К Галичу — «Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой»). 1815 г.

Дельвигу — стихотворение, до нас не дошедшее или, что вероятнее, лишь предполагавшееся.

Дельвигу — «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных»). 1815 г.

Сестре — «К сестре». 1814 г.

Бонапарте — стихотворение, до нас не дошедшее.

К Юдину — «Послание к Юдину». 1815 г.

Пущину — «К Пущину» («Любезный именинник»). 1815 г.

Пущину — «Воспоминания. К Пущину» («Помнишь ли, мой брат по чаше»). 1815 (?) г.

Ломоносову — «К Н. Г. Ломоносову». 1814 г.

Трубецкому — «Городок». 1814 г.[1]

Лицинию — «К Лицинию». 1815 г.

Кюхельбекеру — «К другу стихотворцу». 1814 г.[1]

Аристарху — «Моему Аристарху». 1815 г.

Оправданная лень — «Сон. Отрывок». 1816 г.

Друзьям — «Мое завещание (Друзьям)» («Хочу я завтра умереть»). 1815 г.

Шишкову — «К Шишкову». 1816 г

Актрисе — «Послание к молодой актрисе». 1814 г.

Завещанье — уже включенное в список «Мое завещание», почему и вычеркнуто.

Наполеон на Эльбе — «Наполеон на Эльбе». 1815 г.

Воспоминания в Царском Селе — «Воспоминания в Царском Селе». 1814 г.

Оранскому принцу — «Принцу Оранскому». 1816 г.

Певец — «Певец». 1816 г.

√ *Слеза* — «Слеза». 1815 г.

Истина — «Истина». 1816 г.

Усы — «Усы». 1816 г.

Мечтатель — «Мечтатель». 1815 г.

Ринальдо — стихотворение, до нас не дошедшее.

Какие именно стихотворения разумел Пушкин под «всеми пьесками» остается неизвестным.

Пирующие студенты — «Пирующие студенты». 1814 г.

XV Элегий — В число элегий нужно прежде всего включить цикл из девяти стихотворений, имеющийся в так называемой Никитенковской

---

[1] См. *ПГ* 5, кн. II, стр. 734—735.

тетради, опубликованной М. О. Гершензоном в 6-м томе «Русских пропилей», 1919 г. В этот цикл — «Элегии» — входят: 1) «Опять я ваш, о юные друзья», 2) «Осеннее утро», 3) «Сну» — то есть «К сну» («Знакомец милый»), 4) «Любовь одна — веселье жизни хладной», 5) «Месяц», 6) «Счастлив, кто в страсти», 7) «Когда пробил последний счастью час», то есть «Разлука», 8) «Друзьям» («К чему, веселые друзья») и 9) «Я Лилу слушал», то есть «Слово милой». К этим стихотворениям нужно присоединить: два стихотворения 1816 г., названные элегиями в лицейской тетради (№ 2364): 10) «Я думал, что любовь погасла» и 11) «Я видел смерть»; 12) «Пробуждение», в издании стихотворений 1826 г. помещенное в отделе «Элегий», и, вероятно, 13) «Желание» («Медлительно влекутся»), 14) «Окно» и 15) «Наслаждение». Все эти стихотворения написаны в 1816 г.

В отдел *«эпиграмм и надписей»* Пушкин ко времени составления списка мог включить по крайней мере двенадцать эпиграмм 1814—1816 гг. и семь «надписей». Последнюю группу могли составить три стихотворения, включенные в отдел «Эпиграмм и надписей» сборника стихотворений 1826 г.: 1) «Лиле» 2) «Роза» и 3) «Старик», и еще четыре стихотворения: 4) «Венере от Лаисы», 5) «Моя эпитафия», 6) «К письму» и 7) «Надпись в беседке».

Картины — «Фавн и пастушка. Картины». 1816 г.

Леда — «Леда. Кантата». 1814 г.

По вероятному предположению Ю. Г. Оксмана, крестиком отмечены стихотворения, требовавшие правки.

Судя по тому, что список включает в себе пятнадцать элегий, которые были написаны во второй половине 1816 г., он не мог быть составлен ранее декабря этого года и вероятнее всего был составлен в последних числах декабря 1816 г. — первых числах января 1817 г. Подробное обоснование этой датировки см. в I томе Полного собрания сочинений Пушкина издания Академии Наук (1935 г.).

2.

Капнистовская тетрадь

Элегія I. Пробужденіе.

* Элегія II. Друзьямъ.

* Элегія III. Морфею.

⟨сбоку:⟩ Если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.

* Элегія IV. (1818). Мечтателю.

* Элегія V. Выздоровленіе (1818).

* Элегія VI. [Черное море] 1820. «Погасло дневное свѣтило».

* Элегія VII. (1820). «Увы! зачѣмъ она блистаетъ».
* Элегія VIII. (1821). «Мой другъ, забыты мной».
* Элегія IX. Война (1821).
* Элегія X. (1821) «Я пережилъ свои желанья».
* Элегія XI. (1821) «Умолкну скоро я».
* Элегія XII (1823) «Простишь-ли мнѣ ревнивыя мечты».
* 1821. Гробъ юноши (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.

Подраженія древнимъ или какъ хотите

* I. Дорндѣ.
II. Таврида. Рѣдѣетъ облаковъ и проч. (безъ 3 послѣдн. стих.
III. Муза. Въ младенчествѣ моемъ и проч.
IV. Нереида. Среди зеленыхъ волнъ и проч.
* V. Діонея.
* VI. Дѣва.
* VII. Ночь.
* VIII. Примѣты.
IX. Земля и море (Идиллія Мосха). Когда по синевѣ и пр.
X. Красавица передъ зеркаломъ.

NB. Есть у меня еще какая-то Дорида. См. Невскій Зритель. Если достойно тисненія, то отыщите ее.
Сожженное письмо (отрывокъ). Помѣстить въ элегіяхъ.
Подражаніе Андрею Шенье (1824). Помѣстить въ элегіяхъ.
* Подражаніе (1816). Въ элегіи.

<Дальше на скольких-то утраченных листах были написаны «послания». Среди них было «К Овидию», что видно из письма Пушкина к брату от 27 марта 1825 г. Из посланий сохранились лишь два последние>.

* Къ К. [1823]. 1821. «Кто мнѣ пришлетъ».
Дочери Карагеоргія.
NB. Эти 2 штуки можно помѣстить и въ Смѣси.
Твоя воля.

Смѣсь: Пѣвецъ (1816) Баллада (1819) Къ Щербинину. (1819) 2) Къ Т..... (1820) 1) Домовому (1818) Торжество Вакха (1818) Прозерпина (1824) (подражаніе) Гробъ Анакреона (1815) Пѣснь объ Олегѣ Демонъ (1823) Друзьямъ (1822) Подр. Корану Къ морю. (послѣднее) Черная шаль (1820). Аделѣ (а не Въ альбомъ малюткѣ). Начало Деревни (подъ заглавіемъ: Уединеніе, до стиха: Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ).

* Къ Каверину (1817). Въ посл.

NB. Въ Пѣс. о вещ. Ол. строфа

Волхвы не боятся и пр. должна быть вся означена «—» Это отвѣтъ кудесника, а не мои разсужденія.

Телѣгу жизни напечатать ли?

Годы вездѣ назначены, но думаю, что это лишнее. Вообще въ расположеніи піесъ должно наблюдать нѣкоторое разнообразіе.

Заглавіе Смѣсь не нужно.

Эпиграммы, надписи и пр.

* Пріятелямъ. «Враги мои, покамѣсть».

[1) Надпись къ портрету.
Клеветникъ безъ дарованія и проч.]
2) Другая
Охотникъ до журнальной драк...
* 3) Совѣтъ «У Клариссы денегъ»
[4) Добрый человѣкъ.]
5) Добрый человѣкъ.
6) Ист[орія] стихотв[орца]
7) Уединеніе
8) Лилѣ (Лила, Лила!)
9) Роза.
10) Имянины.
11) Надпись къ пор⟨трету⟩ Ж⟨уковскаго⟩.
12) Надпись къ портрету (Пол.⟨ярная⟩ Звѣзд.)
13) Экспромптъ (Что можемъ наскоро).
[14) Эпигр. Иной имѣлъ мою Данаю (а не Аглаю)]

* 15) Эпиграмма. «Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный».

16) Въ альбомъ иностранкѣ. На языкѣ, тебѣ невнятномъ, и проч.

* 17) Эпиграмма. «Какъ брань тебѣ не надоѣла!»

18) [Баратынскому (изъ Бессарабіи).]

19) Пріятелю («Не притворяйся»).

Если найдутся и другія, то тисни. Нѣкоторыя изъ вышеозначенныхъ находятся у Бестужева, возьми ихъ отъ него.

Дай всему этому порядокъ, какой хочешь, но разнообразіе!

Настоящий список представляет собою извлечение из так называемой Капнистовской тетради, теперь неизвестно где находящейся. Тетрадь эта принадлежала гр. Петру Ивановичу Капнисту (1830—1898), получившему ее, вероятно, от Л. С. Пушкина. Тетрадью пользовался П. А. Ефремов, а в 1896 г. описал ее Л. Н. Майков («Автографы Пушкина, принадлежащие графу П. И. Капнисту», сообщение академика Л. Н. Майкова в «Известиях Отделения русского языка и словесности Имп. Академии Наук», 1896, т. I, кн. 3). С шести страниц тетради [1] были сделаны фотографические снимки (со стихотворениями: «Умолкну скоро я», «Простишь ли мне», «Погасло дневное светило», «Сожженное письмо», «Подражания древним»).

По описанию Майкова, тетрадь была в четвертку, без переплета и заключала в себе 19 листов. Как отметил уже Майков, тетрадь к нему дошла не в полном виде. Б. В. Томашевский установил, что в тетради были утрачены первый и сколько-то листов между лл. 7 и 8 по описанию Майкова. [2]

Тетрадь, вся написанная рукой Пушкина, является программой первого собрания его стихотворений, вышедшего в свет 30 декабря 1825 г. Кроме перечня стихотворений, на дошедших до Майкова листах Пушкин вписал текст двадцати восьми стихотворений, к которым нужно прибавить еще одно («Пробуждение»), написанное на утраченном первом листе. Все эти стихотворения выше отмечены звездочками.

Эту тетрадь, дававшую план предпринятого издания, Пушкин 15 марта 1825 г. послал Плетневу и Льву Сергеевичу с тем, чтобы они на основании посылаемой тетради изготовили рукопись собрания стихотворений для представления в цензуру.

Кроме описания Майкова, анализ Капнистовской тетради сделан Б. В. Томашевским в указанной книге и в статье «Капнистовская тетрадь»

---

[1] Отпечатки имеются в *ИРЛИ* (6) и у меня (4) в собрании фотографических снимков с рукописей Пушкина, принадлежавшем В. Е. Якушкину.

[2] Б. Томашевский, «Пушкин», Л. 1925, стр. 108—109. В предпоследней строке на стр. 108 опечатка: «лист» между № 7 и № 8, вместо: «листы»

в пушкинском номере «Литературного Наследства», № 16—18, стр. 843—868. Заключительные фразы, со слов: «Если найдутся и другія», помещены Б. Л. Модзалевским в *П I*, № 129, стр. 121.

3.

Стихотворенія
Александра Пушкина.

Элегіи.

I. Пробужденіе. 1816.
II. Мечтателю. 1818.
III. (Увы! зачѣмъ...). 1819.
IV. (Мой другъ! Забыты мной...). 1821.
V. Друзьямъ 181[7].6
VI. Выздоровленіе. 1818.
VII. Война. 1821.
VIII. (Я пережилъ). 1821.
IX. (Умолкну скоро я.). 1821.
X. Гробъ юноши. 1821.
XI. (Простишь ли мнѣ...). 1823.
XII. (Ты вянешь и молчишь...) 1824.
Не нужно
[XIII. (Я видѣлъ смерть...). 1816].[1]
XIV. [Къ ней.] [1817]. Не нужно
XV. [Уныніе. 1816.][1]
XVI. (Черное море). 1820.
XVII. Сожженное письмо. 1825.
XVIII. (Ненастный день потухъ). 1823.
XIX. Желаніе славы. 1825.
XX. Андрей Шенье. 1825.

Разныя стихотворенія.

I. Воспоминанія въ Цар. Селѣ. 1814.
II. Къ Овидію. 1821.
III. Русалка. 1819.
IV. Гробъ Анакреона. 1815.
V. Черная шаль. 1821.
VI. Торжество Вакха. 1817.
VII. Фонтану Бах. Дворца. 1820.

[1] *Зачеркнуто Пушкиным.*

VIII. Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. 1822. [2]
IX. Пѣвецъ. 1816.
X. Амуръ и Гименей. 1816.
XI. Романсъ. 1814.
XII. Наѣздники. 1815.
XIII. Мѣсяцъ. 1816.
XIV. Разлука. 1817. ×
XV. Адели. 1822.
XVI. Виноградъ. 1820
XVII. Стансы Т—му. 1819.
XVIII. Уединеніе. 1819.
XIX. Прозерпина. 1824.
XX. Домовому. 1819.
XXI. Вакхическая пѣснь. 1825.
XXII. Друзьямъ. 1822.
XXIII. Къ морю. 1824.
XXIV. Демонъ. 1823.
XXV. Подраж. Турец. Пѣснѣ. 1820.
XXVI. Телѣга жизни. 1823.
XXVII. Наполеонъ. 1822.

Эпиграммы и надписи.

I. Пріятелямъ
II. (Охотникъ до Журнал. драки....)
III. (У Кларисы денегъ...)
IV. Добрый Человѣкъ.
V. Исторія Стихотворца.
VI. Уединеніе.
VII. Лилѣ.
VIII. Роза.
IX. Имянины.
X. Къ портрету Жуковскаго.
XI. (Судьба свои дары....)
XII. К. А. Б.
XIII. Старикъ.
XIV. Веселый пиръ.
XV. (Хоть впрочемъ онъ...)
XVI. Иностранкѣ.
XVII. (Как брань тебѣ...)
XVIII. (Не спрашивай, зачѣмъ унылой...)
XIX. Пріятелю.
XX. Усы.

---

2 *Переправлено Пушкиным из* 3.

XXI. Живъ, живъ Курилка.
XXII. На Выпускъ птички.

Подражанія Древнимъ.

I. Доридѣ.
II. (Рѣдѣетъ облаковъ...).
III. Муза.
IV. Нереида.
V. Діонея.
VI. Дорида.
VII. Дѣва.
VIII. Ночь.
IX. Примѣты.
X. Земля и Море.
XI. Красавица предъ зеркаломъ.

Посланія.

I. Къ Лицинію. 1815.
II. Къ Вс—му. 1819.
III. Отрывокъ. 1817.
IV. Къ Н. Я. П. 1818.
V. Къ Ш—ву. 1816.
VI. Къ Дельвигу. 1817.
VII. Къ Кривцову. 1819.
VIII. Къ Алексѣеву. 1821.
IX. Къ К**. 1823.
X. Къ Козлову. 1825.
XI. Къ Прелестницѣ. 1818.
XII. Къ N. N. 1819.
XIII. Къ Ч**. 1820.
XIV. Къ Гречанкѣ. 1821.
XV. Къ Дочери Карагеоргія. 1822.
XVI. Къ Жуковскому. 1818.
XVII. Къ Ч**. 1821.
NB. Что бы прибавить здѣсь: къ Плетневу!

Подражанія Корану.

1824.

I. II. III. IV. V. VI. VII. VIII. IX.

Получив от Пушкина Капнистовскую тетрадь, Лев Сергеевич Пушкин на основании, вероятно, главным образом «распоряжений» Жуковского, о чем писал Плетнев Пушкину 26 сентября 1825 г., составил тетрадь собрания стихотворений для представления цензору Бирукову, которому

тетрадь и переслал Плетнев. Пушкину он послал напечатанное выше оглавление этой тетради. Единственный раз оно было напечатано в *АП* I, 293—295. Подлинник хранится в *ИРЛИ*, № 708.

Вместо предлагавшегося Пушкиным деления стихотворений на пять отделов: «Элегии», «Подражания древним», «Послания», «Смесь» или «Мелкие стихотворения» (Пушкин предоставлял издателям самим придумать название) и «Эпиграммы, надписи и проч.», в присланном Плетневым оглавлении стихотворения разбиты на шесть отделов: «Элегии», «Разные стихотворения» (вместо «Смеси»), «Эпиграммы и надписи», «Подражания древним», «Послания» и «Подражания Корану».[1]

В отделе «Элегии», вместо намеченных Пушкиным пятнадцати пьес, в оглавлении значатся двадцать. К названным Пушкиным прибавлены: 1) «К ней» («В печальной праздности»), 1817 г., 2) «Уныние» («Мой милый друг»), 1816 г.; 3) «Ненастный день потух», 1823 г.. 4) «Желание славы», 1825 г., и 5) «Андрей Шенье», 1825 г.

Первые две пьесы Пушкин вычеркнул из оглавления. Вычеркнул он и «Я видел смерть», включенную им самим в Капнистовскую тетрадь. Изменен был издателями предложенный Пушкиным порядок элегий, на что, правда, поэтом было дано разрешение.

Что касается дат при стихотворениях, то «1820 г.», поставленный в списке Пушкиным при Увы, зачем...», изменен в Плетневском оглавлении на «1819 г.», что неверно, но чего Пушкин не исправил. Поставленное в оглавлении «1817» при стихотворении «Друзьям» — Пушкиным изменено на «1816».[2]

Второй отдел оглавления, названный «Разные стихотворения», заключает в себе двадцать семь стихотворений, вместо предложенных Пушкиным восемнадцати (считая за один номер «Подражания» Корану). Из намеченных в этот отдел Пушкиным издатели «Подражания Корану» выделили в особый отдел (в конец книги), а «К Щербинину» и «Морфею» совсем не ввели в книгу. К оставленным таким образом из списка Пушкиным пятнадцати пьесам издатели присоединили: 1) «Воспоминания в Царском Селе» (о включении этого стихотворения в сборник писал Пушкин к брату 27 марта 1825 г.), 2) «К Овидию» (в письме Пушкина к брату 27 марта 1825 г. стихотворение это, помещенное в Капнистовской тетради среди посланий, он предлагал перенести в отдел элегий), 3) «Фонтану Бахчисарайского дворца», 4) «Амур и Гименей», 5) «Романс» («Под вечер осенью ненастной»), «Наездники», 7) «Месяц», 8) «Разлука», 9) «Виноград».

---

[1] Об этом писал Плетнев: «Я назову всю книгу просто: *Стихотворения* Ал. Пуш., для того, чтобы второй разряд можно было назвать: *Разные стихотворения.* Если же книгу всю назвать *Разн. Стихотв.*, то не обойдешься во втором разряде без *Смеси*, которой ты не жалуешь».

[2] Какой год стоял в Капнистовской тетради — неизвестно, так как лист с началом стихотворения утрачен.

10) «Бакхическая песнь», 11) «Подражение турецкой песне» («О дева-роза») и 12) «Наполеон» (о включении этого стихотворения Пушкин писал брату в начале апреля).

Порядок пьес в оглавлении иной по сравнению с Капнистовской тетрадью. Датировка Пушкина в Капнистовской тетради изменена в оглавлении в четырех случаях:

Капнистовская тетрадь	Оглавление Плетнева
«Черная шаль», 1820 г.	1821 г.
«Торжество Вакха», 1818 г.	1817 г.
«Стансы Толстому», 1820 г.	1819 г.
«Домовому», 1818 г.	1819 г.

У пяти пьес, Пушкиным не датированных: «Песнь о вещем Олеге», «Адели», «Уединение», «К морю», «Телега жизни», в оглавлении поставлены даты годов написания. Дату «1823» «Песни о вещем Олеге» Пушкин изменил на «1822».

В третьем отделе оглавления — «Эпиграммы и надписи» — вместо предложенных Пушкиным семнадцати пьес значатся двадцать две. Из намеченных Пушкиным одно стихотворение—«Баратынскому (из Бессарабии)»[1] не включено в оглавление. К шестнадцати предложенным Пушкиным издателями прибавлено: 1) «Старик», 2) «Веселый пир», 3) «Не спрашивай, зачем унылой...», 4) «Усы», 5) «Жив, жив курилка» и 6) «На выпуск птички» (о включении этого стихотворения писал Пушкин брату 27 марта 1825 г.). В отличие от отдела «Разных стихотворений», «Эпиграммы и надписи» оглавления сохраняют порядок стихотворений в Капнистовской тетради. Как в Капнистовской тетради, так и в оглавлении все стихотворения в этом отделе без дат.

Все пьесы, намеченные Пушкиным в отдел «Подражания древним», вошли в этот отдел оглавления, которое сохранило и порядок, предложенный Пушкиным, поставив названное им дополнительно стихотворение «Дорида» между №№ 5 и 6 списка Пушкина.

Как уже было сказано, из отдела «Посланий» Капнистовской тетради сохранились указания лишь на три стихотворения: «К Катенину» («Кто мне пришлет»), «Дочери Карагеоргия» и дополнительно приписанное «К Каверину» («Забудь, любезный»). Последнее стихотворение не вошло в оглавление, которое содержит всего семнадцать стихотворений. Все «Послания» в оглавлении датированы, из трех же сохранившихся в Капнистовской тетради «Посланий» — «К Катенину» первоначально было датировано: «1823», но потом зачеркнуто и поставлено: «1821». Несмотря на это, в оглавлении оно датировано: «1823», и Пушкин даты этой не исправил.

---

[1] В описании Майкова неясно сказано, вычеркнуто ли это стихотворение из списка, или только зачеркнуто слово «Баратынскому». Мы принимаем последнее.

Наконец, выделенные в оглавлении в конец книги «Подражания Корану», Пушкиным в Капнистовской тетради включались в «Смесь».

Тетрадь стихотворений, посланная Плетневым цензору Бирукову, в настоящее время также утрачена, но ею пользовался Анненков. По указаниям Анненкова, тетрадь эта, после того как была подписана Бируковым, посылалась Пушкину, который зачеркнул, кроме уже вычеркнутых им в оглавлении, присланном Плетневым, трех стихотворений, еще пять: 1) «Воспоминания в Царском Селе», 1815 г., 2) «Романс», 1814 г., 3) «Наездники», 1815 г., 4) «Месяц», 1816 г., и 5) «Усы», 1816 г. Все эти восемь пьес и не вошли в сборник «Стихотворения Александра Пушкина. СПб. 1826 г.». Но, кроме этого, сборник отличается от оглавления еще тем, что в первом нет двух стихотворений: «Жив, жив курилка» и «К Н. Я. П.» (то есть «Н. Я. Плюсковой» — «На лире скромной, благородной»), исключенных, по мнению Б. В. Томашевского, цензурой, и, наоборот, прибавлено три: «В альбом», 1825 г. («Если жизнь тебя обманет»), «Ex ungue leonem» и «Юноша», 1825 г.

4.

кѣ Дав —
кѣ Гал. Сув.

Запись карандашом на стр. 1 тетрадки в 8 д. л., с текстом «Графа Нулина», названного здесь «Новый Тарквиний» и датированного 13 декабря 1825 г. Тетрадка эта входит в Онегинское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ* № 370 — см. *ПС* XII, 24).

k Дав — «А. Л. Давыдову» («Нельзя мой толстый Аристипп»), 1824 г.

k Гал. Сув. — «Кн. М. А. Голицыной («Давно об ней воспоминанье») 1823 г; кн. М. А. Голицына — рожд. княжна Суворова-Рымникская.

Возможно, что запись сделана для памяти при подготовке списка стихотворений, которые должны были войти в издание 1829 г. См. список № 6 (стр. 238), где на первом и четвертом местах стоят эти самые стихотворения. При этом предположении запись нужно датировать 1827 г., не позднее августа.

5.

кѣ Щерб. 1819.
кѣ Дав.

Запись наверху обрывка листа бумаги с водяным знаком «1823 г.» входящего в Майковское собрание автографов Пушкина (*ИРЛИ*, № 494). На листе текст перебеленных частью рукою Л. С. Пушкина стихотворений 1817 г.: «К Каверину» и «Добрый совет».

k Щерб. 1819 — «К Щербинину» («Житье тому, любезный друг»).

k Дав. — А. Л. Давыдову («Нельзя мой толстый Аристипп»), 1824 г.

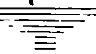
Возможно, что и эта запись сделана при подготовке списка стихотворений, которые должны были войти в издание 1829 г. См. список № 7 (стр. 240—241), где под №№ 26 и 16 стоят эти самые стихотворения, а под № 25 — стихотворение «Каверину», текст которого имеется на том же листе, где и комментируемая запись. При этом предположении запись нужно датировать 1828 г., не позднее мая.

6.

къ Давыд.
къ Бара
къ———
къ Кн. Гал.
къ Тим[1]
къ Языкову
къ ———
Измѣна
къ Кернъ А. П. К.
къ Гр. Ол.
къ Зинѣ
къ Морфею
— Совѣтъ, движенье, кукушка, дружба —
Прозаику
Идилику.
Пѣсни о С. Раз.
Нѣтъ! не Черкешенка —
Зачѣмъ безвремянную скуку
Великой скорбію томимъ
Наташа
19 дек.
Подр. Восточн. Стих.
къ Родз.
въ Альбомъ П. А. О.

Язы — кто тебѣ внушилъ
твое посланье удалое

6 элегій[2]
5 капит. піэсъ
14 лирическ.
5 посланій
17 мѣлочей
1 переводъ.

[1] *Читается предположительно.*
[2] *Эта колонка приписана позднее чернилами.*

Список карандашом, теперь очень стершимся, на черновике письма Пушкина к А. Х. Бенкендорфу от 24 апреля 1827 г., находящемся в Майковском собрании автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 614) (см. описание собрания, сделанное В. И. Срезневским в *ПС* IV, 26, № 5). Впервые опубликован Б. В. Томашевским в книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения». Изд. «Образование», Л. 1925, стр. 111, давшим комментарий и определившим время написания списка.

В список включены «Песни о Стеньке Разине». О запрещении Николая I печатать их Пушкин узнал в первых числах сентября 1827 г. Поэтому время составления списка конец апреля — август 1827 г. В список вошли тридцать стихотворений 1816—1827 гг., которых Пушкин не включил в собрание стихотворений 1826 г. и которые он намечал ввести в собрание стихотворений в двух частях; из них первая вышла в мае, а вторая в июне 1829 г.

К Давыдову — «А. Л. Давыдову» («Нельзя, мой толстый Аристипп»), 1824 г.

К Баратынскому — «Баратынскому из Бессарабии», 1822 г.

——————— «Баратынскому» («Я жду обещанной тетради») 1822 г.

К кн. Галицыной — «Кн. М. А. Голицыной» («Давно об ней воспоминанье»), 1823 г.

К Тим — «Е. А. Тимашевой» («Я видел вас»), 1826 г.

К Языкову — «К Языкову» («Издревле сладостный союз»), 1824 г.

——————— «К Языкову» («Языков, кто тебе внушил»), 1826 г.

Приписка к заглавию двух начальных стихов указывает на то, что Пушкин дает новую редакцию. В первой редакции, написанной 28 августа 1826 г., стихи читались:

Языков, брат! Я получил
Твое посланье удалое.

Измена — «Коварность» («Когда твой друг на глас»), 1824 г.

К Керн. А⟨нне⟩ П⟨етровне⟩ К⟨ерн⟩ — «К А. П. Керн» («Я помню чудное мгновенье»), 1825 г.

К гр. Олизару — «Графу Олизару» («Певец! Издревле меж собою»), 1824 г.

К Зине — «В альбом Е. Н. Вульф» («Вот, Зина, вам совет»), 1826 г.

К Морфею — «К сну» («Знакомец милый и старинный»), 1816 г.

Совет — «Совет» («Поверь: когда слепней и комаров»), 1825 г.

Движение — «Движение» («Движенья нет»), 1825 г.

Кукушка — «Соловей и кукушка» («В лесах во мраке ночи»), 1825 г.

Дружба — «Дружба» («Что дружба?»), 1824—1825 гг.

Прозаику — «Прозаик и поэт» («О чем, прозаик»), 1825 г.

Идилику — «Русскому Геснеру» («Куда ты холоден и сух»), 1827 г.

Песни о Стеньке Разине — «Песни о Стеньке Разине»: 1. «Как по Волге», 2. «Ходил Стенька Разин» и 3. «Что не конский топ», 1826 г.

Нет! не черкешенка — «Ответ Ф. Т***» («Нет, не черкешенка»), 1826 г.

Зачем безвременную скуку — «К С. Ф. Пушкиной» («Зачем безвременную скуку»), 1826 г.

Великой скорбию томим — «Пророк» («Духовной жаждою томим»), 1826 г. Первая строка дана в редакции, из текста которой неизвестно ничего, кроме этого стиха.

Наташа — «Жених» («Три дня купеческая дочь»), 1825 г.

19 декабря — описка, вместо 19 октября — «19 октября» («Роняет лес»), 1825 г.

Подр⟨*ажания*⟩ *Восточн*⟨*ым*⟩ *Стих*⟨*отворениям*⟩ — «В крови горит огонь желанья», 1825 г., и «Вертоград моей сестры», 1825 г. Неизвестно, под «подр.» разумел ли Пушкин одно или два стихотворения, но так как в собрании стихотворений 1829 г., ч. II, помещено два стихотворения, то мы расшифровываем «подр.» как «подражания».

К Родзянке — «А. Г. Родзянке» («Ты обещал о романтизме»), 1825 г.

В альбом П. А. О⟨*сиповой*⟩ — «П. А. Осиповой» («Быть может, уж недолго мне»), 1825 г.

О приписанном позднее подсчете см. в примечании к следующему списку.

7.

○	1 Вы насъ увѣрили поэты			27 Стансы —
~	2, 3 Барат.		51 Слепину.	28 Къ Тим.
—	4 Кернъ		52 Кипренск.	29 Измѣна —
+	5 19 окт.			33 Совѣтъ дв. кук. др.
○	6 дѣва			
○	7 элег.			34 Идилику
	8 Прозаику			35 Нѣтъ не черк.
~	9 Языкову			
~	10 Языкову			
	11 Волк. Зен.	—	36 Пророч.	
—	12 Ночной Зеф.	—	37 Подр. вост.	
+	13 Женихъ		38 въ Альб. Ос.	
+	14 Фаустъ		39 Морфею	
—	15 Пока не требуетъ	○	40 Медлительно —	
~	16 Давыдову	+	41 Черепъ	
	17 К. Сув. Гал.	—	42 Талисманъ	

○	18	На смерть Р.	—	43	Недоконч. карт.
—	19	Ангелъ	—	44	На день рожд.
	20	Соловей и роза.		46[1]	Ты и вы, to Dow
—	21	Художникъ варваръ	○	47	Бдѣніе
	22	Гондоліеръ		48	Изъ Мицк.
	23	Озеро	—	49	Зимн. путь
+	24	Вадимъ	∼	50	Глинкѣ.
∼	25	Каверину		26	Щерб. [99]

Список находится на четвертушке бумаги, на одной стороне которой имеется черновой текст стихотворения «[Еще дуют холодные ветры]». Этот листок входит в Майковское собрание (в *ИРЛИ*, № 518) (см. описание этого собрания, составленное В. И. Срезневским в *ПС* IV, 7, № 26) и впервые весьма несовершенно был опубликован П. О. Морозовым в *ПС* XVI, 115—116. В исправленном виде издал список и обстоятельно его прокомментировал Б. В. Томашевский в книге «Пушкин», Л. 1925, стр. 112—114. Так как в список включено стихотворение «26 мая 1828 г.», то время составления списка, вероятно, конец мая — июнь 1828 г. При составлении этого списка Пушкин пользовался предыдущим списком № 6, из которого вошло в новый список двадцать три стихотворения. Из списка № 6 не вошли: 1) «Графу Олизару», 2) «К Зине», то есть «В альбом Е. Н. Вульф», 3—5) три песни о Стеньке Разине, 6) «Зачем безвременную скуку» и 7) «К Родзянке». Как доказал Б. В. Томашевский, Пушкин, после того как составил список, условными обозначениями отметил четыре жанра вошедших в список пьес, а именно: ○ Пушкин отметил «элегии», + «капитальные» пьесы, — «лирические стихотворения», ∼ «послания». Неотмеченными остались стихотворения пятого жанра — «мелочи» и один «перевод».

Сделав эту разметку,[2] Пушкин подсчитал стихотворения по жанрам и результаты подсчета записал на листке со списком № 6. По этому подсчету «элегий» оказалось шесть, «капитальных» пьес пять, «лирических» четырнадцать.[3] «Посланий» в подсчете записано пять, тогда как знаком ∼ их отмечено семь. Разница объясняется тем, что один

---

[1] *Первоначально было*: 45.

[2] Остается непонятным, что означают подчеркивания названий у №№ 18, 23, 44, 45, 46 и 52.

[3] Четырнадцать пьес у Пушкина получилось оттого, что № 40—«Медлительно», уже отмеченный им ноликом, то есть сосчитанный как «элегия», был отмечен и черточкой, то есть сосчитан как «лирическое» стихотворение. Очевидно, Пушкин колебался, к какому жанру отнести это стихотворение.

значок поставлен у двух посланий к Батюшкову, и, очевидно, за один Пушкин считал два значка у посланий к Языкову. Таким образом, у Пушкина в подсчете получилось число лиц, к которым адресованы «послания», а не самых «посланий». «Мелочей», то есть не отмеченных никаким значком в списке, в подсчете значится семнадцать. Очевидно Пушкин считал правильно за два стихотворения, написанные «в подбор»: «Ты и вы» и «To Dow», и ошибочно счел за одно стихотворение написанные в одну строку названия четырех стихотворений: «Совет дв. кук. др.». Наконец, в подсчете значится: «1 перевод». Это — «Из Мицкевича». Таким образом, по записи подсчета всего стихотворений в списке должно быть сорок восемь, но, когда Пушкин перенумеровал в списке стихотворения, их оказалось пятьдесят два. В этой нумерации Пушкиным сделана ошибка: № 37 он пометил два стихотворения. Таким образом, в списке нужно считать пятьдесят три стихотворения.

1. *Вы нас уверили поэты* — «Люблю ваш сумрак неизвестный», 1822 г.

2—5. То же, что в предыдущем списке.

6. *Дева* — «Буря» («Ты видел деву»), 1825 г.

7. *Элегия* — может быть, «Зачем безвременную скуку» предыдущего списка.

8—10. То же, что в предыдущем списке.

11. *Волконской Зенаиде* — «Княгине З. А. Волконской» («Среди рассеянной Москвы»), 1827 г.

12. *Ночной зефир* — «Ночной зефир», 1824 г.

13. То же, что в предыдущем списке.

14. *Фауст* — Сцена из «Фауста», 1825 г.

15. *Пока не требует* — «Поэт» («Пока не требует поэта»), 1827 г.

16—17. То же, что в предыдущем списке.

18. *На смерть Ризнич* — «Под небом голубым страны своей родной», 1826 г.

19. *Ангел* — «Ангел» («В дверях Эдема»), 1827 г.

20. *Соловей и роза* — «Соловей» («В безмолвии садов»), 1827 г.

21. *Художник варвар* — «Возрождение» («Художник-варвар кистью сонной»), 1819 г.

22. *Гондолиер* — «Близ мест, где царствует Венеция златая», 1827 г.

23. *Озеро* — Какое это стихотворение, остается неизвестным.

24. *Вадим* — «Свод неба мраком обложился», 1822 г.

25. *Каверину* — «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин»), 1817 г.

26. *Щербинину* — «К Щербинину» («Житье тому, любезный друг»), 1819 г.

27. *Стансы* — «Стансы» («В надежде славы и добра»), 1826 г.

28—35. То же, что в предыдущем списке.

36. *Пророч* ⟨*ество*⟩ — то есть «Пророк», указанный в предыдущем списке.

37. *Подр⟨ажания⟩ вост⟨очному⟩* — то же, что в предыдущем списке.

38—39. То же, что в предыдущем списке.

40. *Медлительно* — «Желание» («Медлительно влекутся дни мои»), 1816 г.

41. *Череп* — «Череп» («Прими сей череп, Дельвиг»), 1827 г.

42. *Талисман* — «Талисман» («Там, где море вечно плещет»), 1827 г.

43. *Недоконч⟨енная⟩ карт⟨ина⟩* — «Недоконченная картина» («Чья мысль восторгом угадала»), 1819 г.

44. *На день рожд⟨ения⟩* — «Дар напрасный, дар случайный», 1828 г.

45. *Ты и вы* — «Ты и вы» («Пустое вы»), 1828 г.

46. *To Dow* — «To Dawe Esq-r» («Зачем твой дивный карандаш»), 1828 г.

47. *Бдение* — «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день»), 1828 г.

48. *Из Мицк⟨евича⟩* — «Сто лет минуло», 1828 г.

49. *Зимн⟨ий⟩ путь* — «Зимняя дорога» («Сквозь волнистые туманы»), 1826 г.

50. *Глинке* — «Ф. Глинке» («Когда средь оргий»), 1822 г.

51. *Сленину* — «И. В. Сленину» («Я не люблю альбомов модных»), 1828 г.

52. *Кипренскому* — «Кипренскому» («Любимец моды легкокрылой»), 1827 г.

Из пятидесяти трех стихотворений списка ни в одну из двух частей издания стихотворений 1829 г. не вошло одиннадцать произведений: № 10—«К Языкову» («Издревле сладостный союз»); № 17 — «Кн. Суворовой»; № 25 — «К Каверину»; № 26 — «К Щербинину»; № 28 — «Е. А. Тимашевой»; № 34 — «Русскому Гесснеру»; № 39 — «Морфею», то есть «К сну»; № 40 — «Желание» («Медлительно влекутся»); № 44 — «Дар напрасный дар случайный»; № 50 — «Ф. Глинке» и № 52 — «Кипренскому». К этим одиннадцати стихотворениям нужно присоединить загадочное «Озеро». Из остающихся сорока одного стихотворения списка в первую часть издания стихотворений 1829 г. вошло десять и во вторую часть — тридцать одно.

Всего в первой части — восемьдесят одно стихотворение. Таким образом не вошло в список из стихотворений, составивших первую часть издания 1829 г., семьдесят одно. Все эти стихотворения взяты из издания 1826 г.

Во второй части всего семьдесят шесть стихотворений. Таким образом в книгу введено сорок пять стихотворений, не имеющихся в комментируемом списке. Из них взято из издания стихотворений 1826 г. двадцать восемь, к которым прибавлено семнадцать.

В число последних входят: одно стихотворение 1822 г.: «Нет ни в чем вам благодати»; одно — 1825 г.: «Н. Н.» («Примите Невский альманах»); одно — 1826 г.: «К Баратынскому» («Стих каждый»); одно — 1827 (?) г.: «Золото

и булат»; двенадцать[1] — 1828 г.: «Кобылица молодая», «Ответ Катенину», «Наперсник», «Предчувствие», «Ответ Готовцевой», «Чернь», «Утопленник», «Ворон к ворону летит», «Цветок», «Город пышный», «Не пой, красавица» и «Любопытный», и одно — 1829 г.: «Е. Н. Ушаковой» («Вы избалованы природой»).

В заключение нельзя не отметить той строгости, с какой Пушкин относился к делу печатания своих стихотворений. Если исключить из числа стихотворений, составивших обе части издания 1829 г., лицейские стихотворения 1815—1816 гг., а также одно стихотворение 1829 г., то мы получим сто сорок семь стихотворений 1817—1828 гг., включенных Пушкиным в издание, в то время как за эти годы им было написано по крайней мере двести восемьдесят два стихотворения. Таким образом лишь немногим больше половины из числа всех написанных поэтом стихотворений он счел достойными быть включенными в собрание стихотворений.

8.

Русланъ
Кавк. Плѣнникъ
Бахч. фонт.
Братья разбойники

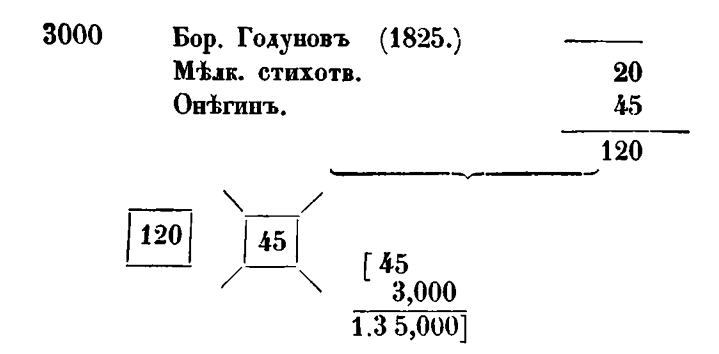
Запись на листке в 16 д. л., без водяного знака и жандармской пометы, с надписью неизвестной рукою: «authographe d'Alexandre Pouschkine». Хранится в *ИРЛИ* (№ 215), куда листок поступил из собрания Б. Л. Модзалевского в дар 11 апреля 1925 г. Печатается впервые.

Запись представляет собою, вероятно, первоначальный набросок следующего списка.

9.

3,000.	Русланъ и Людм. (1820)	10
700	Кавк. Плѣн. (1821)	10
600	Бахч. фонт. (1822)	10
300	Братья разбойники (1822)	5
600	Цыганы (1824)	5
500	Гр. Нулинъ. (1825)	5
1300	Полтава. (1828.)	10

[1] Из этих двенадцати стихотворений первые пять написаны несомненно после составления списка.

Запись сделана на листке в 8 д. л., без водяного знака, входившем в Онегинское собрание автографов, но в описание последнего, составленное Б. Л. Модзалевским, не попавшем (поступил позднее). Хранится в *ИРЛИ* (№ 327). Единственный раз список напечатан Б. В. Томашевским в его книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Л., 1925, стр. 130.

По мнению Б. В. Томашевского, «список относится, вероятно, ко времени издания двух частей стихотворений (июнь 1829 г., на это указывает цена 20 р. — по 10 р. за часть) и во всяком случае составлен раньше отдельного издания «Бориса Годунова» (декабрь 1830 г.), так как его цена не указана».

Судя по письму Плетнева к Пушкину от 29 марта 1829 г., план издания собрания сочинений у Пушкина возник в феврале-марте 1829 г., так что список и в это время мог быть составлен. По связи же списка со списками №№ 10 и 13 он не мог быть составлен позднее начала мая 1830 г.

Список представляет собою перечень всего написанного Пушкиным с учетом количества стихов в отдельных произведениях и продажной их стоимости. И то и другое взято Пушкиным в круглых числах. В действительности в «Руслане и Людмиле» не 3000 стихов, а 2812, в «Кавказском пленнике» — не 700, а 777, в «Бахчисарайском фонтане» — не 600, а 578, в «Братьях-разбойниках» — не 300, а 235, в «Цыганах» — не 600, а 539, в «Графе Нулине» — не 500, а 371, в «Полтаве» — не 1300, а 1544, в «Борисе Годунове» — не 3000, а 2640 (без прозы) стихов. Цены, по которым продавались произведения, тоже часто округлены: «Кавказский пленник» изд. 1824 г. стоил не 10 р., а 6 р. ассигнациями, «Бахчисарайский фонтан» изд. 1827 г. — не 10 р., а 7 р., «Братья-разбойники» — не 5 р., а 2 р., «Цыганы» — не 5 р., а 6 р., «Граф Нулин» — не 5 р., а 2 р. 50 к.

Цена «Бориса Годунова» не проставлена, так как ко времени составления списка трагедия еще не была издана (вышла в свет в декабре 1830 г.), и Пушкин не знал еще, какую цену можно будет назначить. Под «мелкими стихотворениями» Пушкин разумеет две части издания «Стихотворений», вышедшие в свет в мае и июне 1829 г. Как уже указано, ко времени

составления списка эти книги еще, может быть, и не вышли. Продавались они по цене, указанной в списке. Наконец, цена «Евгения Онегина» поставлена из расчета по 5 р. за девять глав, из которых ко времени составления списка вышло шесть или семь. Тем не менее Пушкин подсчитал валовой доход от продажи всех девяти глав романа из расчета тиража в 3000 экземпляров.

10.

Онѣгинъ

I
II
III
IV
V
VI
VII
VIII
IX

16300
5800
10500

	I часть		
	Предисловіе		
6	Русланъ и Людмила	3000	
7	Кавказскій плѣнникъ	600	
8, 9 } 8			
10	II часть		
11	Братья Разб.	300	
12	Бахч. фонт.	600	
13	Цыганы	600	
14	Графъ Нулинъ	600	
15		5700	
II [III]	Полтава		15000
	Онѣгинъ		4000
			5500
III [IV]	Трагедія съ Notami съ предисл.	3000	6
IV [V]	Мѣлкія стихотворенія 2 разговоръ поэта		

Список находится в тетради Пушкина № 2372 (л. 66). Единственный раз список был напечатан В. Е. Якушкиным в *Я*, VIII, 315.

Список можно датировать 12 мая 1830 г., потому что на смежной с ним странице имеется начало отрывка «Участь моя решена», датированное самим Пушкиным (в этой рукописи) 12 мая ⟨1830 г.⟩. Список написан теми же чернилами и почерком, какими написан отрывок «Участь моя», и как бы на полях этого текста и по содержанию связан с отрывком, являясь выражением тех забот о материальной стороне своего существования, каким предавался Пушкин в связи с предстоящей женитьбой.

В. Е. Якушкин ошибочно считал, что цифры, поставленные при названиях, означают суммы рублей гонорара.

Как и в списке № 9, стихи в произведениях даны в круглых числах Первоначальное деление собрания сочинений на пять частей затем было изменено на деление на четыре части, причем Пушкин забыл зачеркнуть слова «II часть» перед «Братья-разбойники».

В числе стихов «Полтавы» Пушкин по рассеянности приписал лишний нуль. Сложив 1500 стихов «Полтавы» с 4000 стихов «Евгения Онегина», Пушкин написал сумму этих слагаемых: «5500», но потом, вероятно после того, как в списке № 13 были проставлены числа стихов в главах «Евгения Онегина», Пушкин изменил «5500» на «6500», приписав у первой пятерки (по рассеянности не зачеркнув ее) шестерку.

Трагедия — «Борис Годунов».

Ноты (написаны латинскими буквами) — означают примечания, которыми хотел снабдить Пушкин трагедию, но чего не сделал. Не написал поэт и предисловия к трагедии, за которое многократно принимался.

Разговор поэта — это, конечно, «Разговор книгопродавца с поэтом», печатавшийся при первой главе «Евгения Онегина», в обоих отдельных изданиях (1825 г. и 1829 г.) этой главы романа.

Цифра «2» перед словами «разговор поэта» указывает на то, что теперь Пушкин решил перенести это стихотворение из «Евгения Онегина» в собрание стихотворений, что и было сделано: в первом издании (1833 г.) всего «Евгения Онегина» «Разговор» не был напечатан и был включен в четвертую часть «Стихотворений», изданную в 1835 г.

В вычислении слева от основной записи (16 300 — 5 800 = 10 520), возможно, первое число (16 300) означает общее число стихов во всех пяти (или четырех) «частях» собрания. При этом предположении число стихов в «мелких стихотворениях» Пушкин считал в 2100. Из общего числа стихов (16 300) Пушкин вычитал, очевидно, число стихов в первых двух (или одной) частях, увеличив его на 100 стихов (5800 вместо 5700).

Значение цифр, написанных под вычислением, объяснить не можем.

11.

Онѣгинъ

Часть Первая Предисловіе

I пѣснь	Хандра Кишеневъ, Одесс
II ——	Поэтъ Одесса 1824
III ——	Барышня Одесса. Мих. 1824

Часть Вторая

IV пѣснь	деревня Михайлов. 1825
V ——	1826.
	[Пра] Имянины Мих. 1825.
VI ——	Поединокъ Мих. 1826

Часть третья Мих. 1827. 8.

VII пѣснь	Москва. П. Б. Малинн. Моск. 1829.
VIII ——	Странствіе Павл. Болд.
IX——	Большой свѣтъ Болд.

Примѣчанія

[Примѣчанія]

Кишеневъ —— Болдино

1823 год. 9 мая —— 1830 25 сент.

26 сент. АП

И жить торопиться и чувствовать спѣшитъ

А. Р. К. В.

[45] (25) [3⅓] 4 мѣ 17 д.

[15] [2400

15

12000

24]

7 лѣ. 4 мѣ. 17 д.

Запись на листе в 4 д. л., входящем в Шляпкинское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 267). На обороте листа — черновой текст стихотворения «Ответ анониму», беловой текст которого датирован: «26 сент. Болдино».

В этот же день (дата у стиха Вяземского) сделана и комментируемая запись.

Впервые напечатано Анненковым в *А* I, 227, затем Шляпкиным в *Ш*, 46 с факсимильным воспроизведением и в E^4, VIII, стр. 471. Перепечатывалось в ряде изданий в примечаниях к «Евгению Онегину». Запись, обычно называемая не совсем точно «хронологией» «Евгения Онегина», представляет собою план издания всего романа, выходившего отдельными главами, в виде одной книги.

Закончив 25 сентября 1830 г. последнюю, девятую, главу своего любимого произведения, Пушкин на другой день написал этот план, являющийся как бы комментарием к стихотворению «Труд» («Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний...»), в котором так трогательно и вместе значительно поэт прощался со своим «молчаливым спутником ночи».

По почерку видно, что в «плане» первоначально были написаны номера «песен» и указания, где [1] и когда они писались. Последнее, конечно, сделано Пушкиным для себя: помещать в книгу этих сведений он не собирался — просто ему любопытно было в памяти снова пройти путь, который он совершил со своим «спутником» в течение, как он точно вычислил, семи лет четырех месяцев и семнадцати дней. Затем, записав даты начала и окончания работы над романом, поэт записал стих из стихотворения кн. П. А. Вяземского «Первый снег» (1817 г.). Запись эта указывает на то, что этот стих в издании всего романа должен быть взят эпиграфом к первой главе, вместо напечатанного в двух изданиях главы: «Petri de vanité...», который в издании всего романа поставлен на отдельной странице ко всему роману.

После этого Пушкин решил дать названия всем «песням», которые и вписаны другим почерком. Этим же почерком вписаны и «части».

Кроме подсчета времени, в течение которого писался роман, Пушкин начал было подсчитывать валовой доход с издания, считая тираж в 2400 экземпляров и продажную цену в 15 р. за экземпляр. Но, решив, что цена эта слишком мала, подсчета не кончил. Записав продажную цену всех девяти глав — 45 р. из расчета по 5 р. за главу, как они продавались, и 15 р., цену, которую он думал назначить, Пушкин окончательно решил брать за роман 25 р., что и выразил, обведя число кружком.

Обращаясь к хронологии романа, нужно заметить, что еще Анненков, публикуя запись плана издания, писал об условности приурочивания пи-

---

[1] *Павл.* — Павловское, имение (Тверской губ., Старицкого уезда) Павла Ивановича Вульфа, дяди приятеля Пушкина А. Н. Вульфа.

сания той или иной главы к определенному году. Более или менее точная хронологизация писания всех строф романа — большая работа, которую еще предстоит проделать по рукописям Пушкина. Но и в результате ее мы полной картины не получим, так как шестидесяти строф в рукописях не сохранилось. Изложение современного состояния вопроса дано Б. В. Томашевским (в *КН* VI, 134—135), здесь же мы остановимся только на датах начала и окончания писания романа.

Дату начала работ над «Евгением Онегиным» Пушкин мог узнать лишь из своей Кишиневской тетради № 2369. Здесь на л. 4_2 находится черновой текст первых двух строф первой главы романа, с датой: «9 мая», близ которой (несколько ниже ее) имеется еще вторая: «28 мая ночью», обозначающая, несомненно, второй «приступ» к работе над романом.

Первую дату Пушкин совершенно правильно и принял как дату начала писания романа, неправильное же чтение Якушкина, прочитавшего, вместо «9 мая» — «9 июня» (см. *Я* VI, 522),[1] сбило с толку редакторов, и после разъяснения Щеголева (см. *ПС* XIII, 164—165) до сих пор говорящих о «неясной» помете.

Весьма условна дата окончания романа — 25 сентября 1830 г.

Хотя на листке с последней строфой восьмой (бывшей девятой) главы и имеется дата: «Болдино 1830, сент. 25, $3^1/_4$ ⟨часа⟩» (*ПС*, IV, 11), в этот день роман не был окончен, так как не было еще написано письмо Онегина к Татьяне. Написано оно было через год. На листке с текстом этого письма (строфа XXXII) имеется дата: «5 окт. 1831. Ц⟨арское⟩ С⟨ело⟩» (*ПС* IV, 11).

Ко времени составления комментируемого плана издания всего романа были напечатаны первые семь глав. Прежде чем издавать весь роман в девяти главах одной книгой, нужно было издать отдельно восьмую и девятую главы. Несмотря на то, что последняя глава не была еще окончена, так как не было написано письмо Онегина к Татьяне, Пушкин 28 ноября 1830 г. набросал текст предисловия к этому изданию двух глав. Но план этот не осуществился. Когда же было написано письмо Онегина, Пушкин решил, по неизвестным причинам, восьмую главу не печатать, назвав восьмой бывшую девятую.

Таким образом, роман оказался в восьми частях, и стройное членение его на три части, по три главы в каждой, отпало.[2] Издав в 1832 г. отдельной книжкой восьмую главу, Пушкин лишь в марте 1833 г. выпустил весь роман в одной книге. В этом издании не было ни предисловия, ни названия глав, намечавшихся планом 1830 г., и стоил он не 25 р., как предполагал Пушкин, а лишь 12 р.

---

[1] До него Бартенев вовсе не прочел первой даты (см. *РА* 1881, I, 221).

[2] Первоначально Пушкин делил роман на части иначе: в конце шестой главы (в отдельном издании ее 1828 г.) имеется пометка: «Конец первой части», говорящая о том, что в романе будет двенадцать глав.

12.

Предисловіе

Гробовщикъ

Не зримъ ли каждый день гробовъ,
Сѣдинъ дряхлѣющей вселенной?

Держ.

Смотритель

Коллежскій регистраторъ,
Почтовой станціи диктаторъ

К. В.

Барышня крестьянка

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша

Богд.

Выстрѣлъ

Теперь сходитесь...

Евг. Онѣг.

Мятель

Вдругъ метелица кругомъ
Снѣгъ валитъ клоками
Черный вранъ свистя крыломъ
Вьется надъ санями
Вѣщій стонъ гласитъ печаль......
Кони торопливы
Чутко смотрятъ въ темну даль
Воздымая гривы.....

Жуковскій

Запись на последней странице тетради «Повестей Белкина», № 2379. Она сделана после окончания последней из повестей, «Метели», 20 октября 1830 г., и представляет собой план издания повестей. В издании их 1831 г. «Предисловие» названо: «От издателя», а повести расположены в другом порядке: «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня крестьянка». «Выстрел» в издании имеет два эпиграфа: «Стрелялись мы, Баратынский» и «Я поклялся застрелить его по праву дуэли (За ним остался еще мой выстрел). Вечер на бивуаке». Эпиграф к «Метели» в издании заключает в себе не восемь стихов из «Светланы» Жуковского, а двенадцать: к стихам, выписанным в рукописи, прибавлено сначала четыре:

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий.

13 и 14.

Цыг —
Граф Ну
Полт— *15*
Окт.— *45*
Сказка — *2*
[*Онѣг*] — *135000*[1]
[*Траг*] —
[*90,000*] *Октавы*
[*18.000*]

I томъ

Русланъ	— 3000		*10*
Кавк. Плѣ.	— 600		*5*
Бра Разб.	— 300		*2*
Бахч.	— 600		*5*
Цыганы	— 600		*5*
Гр. N	— 600		*5*
	6400		*32*

Траг —
Окт —
[*Ск*]
Сцены.

II

III томъ

Трагедія	[*15*]	*15*
Мѣлкія стихотв.		*20*
Сцены		*35*

45 *45*
55
35
32 [*122*
122 *45*
77]

Онѣгинъ	I	—	500
	II		500
	III		600
	IV		600
	V		600
	VI		600
	VII		600
	VIII		600
	IX		600
Полтава	I	—	400
	II	—	500
	III	—	500
			6500

[1] *В числе* 135000 *пятерка переделана в нуль.*

13.

Список находится в тетради Пушкина № 2372 (л. 61_1).

Единственный раз список был напечатан В. Е. Якушкиным в *Я*, VIII, 317.

Список можно датировать началом июня 1830 г., так как на смежной странице находится черновик письма к Н. Н. Гончаровой, датируемый началом июня 1830 г. Текст письма написан карандашом, но исправлен теми же чернилами и почерком, какими написан и список, так же связанный с текстом письма, как список № 10 связан с отрывком «Участь моя решена».

Список (текст его напечатан на стр. 252 прямым шрифтом) представляет собою копию списка № 10, с тем лишь отличием, что III и IV части списка № 10 соединены в списке № 13 в один (третий) том. Кроме того в списке № 13 проставлены числа стихов у глав «Евгения Онегина». И эти числа, по обыкновению Пушкина, округлены: в действительности в первой главе не 500, а 756 стихов, во второй главе — не 500, а 560, в каждой из остальных Пушкин считал 600 стихов, тогда как в третьей главе — 671, в четвертой — 601, в пятой — 588, в шестой — 602, в седьмой — 728, восьмая глава осталась ненапечатанной, а в девятой (сделавшейся восьмой) — 774.

Непонятно, как в подсчете числа стихов первого тома у Пушкина получилось вместо 5700 — 6400 стихов. Ошибка у него и в подсчете стихов второго тома: вместо 6600 — 6500 стихов.

14.

Список находится на той же странице, где и список № 13. Список, написанный карандашом, печатается впервые. На стр. 252 текст его напечатан курсивом. В. Е. Якушкин из него напечатал лишь слово «Сцены» и общий подсчет продажной стоимости изданий отдельных произведений, принятый им за подсчет листов.[1]

Список написан в сентябре-октябре 1831 г., так как, с одной стороны, включенная в список «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане», была написана в августе этого года, с другой стороны — Пушкин попрежнему считает в «Евгении Онегине» девять глав, от чего он отказался в ноябре 1831 г., когда была разрешена к печати «последняя», восьмая, глава романа.

Список представляет собою проекты распределения произведений по четырем томам собрания.

---

[1] Кроме того в список № 13, то есть в список, написанный чернилами, Якушкин ввел из написанного карандашом: «Октавы».

Отчеркивание первых четырех поэм в первом томе списка № 13 указывает, что только эти четыре произведения остаются в первом томе.

Второй том должен составить перечисленные в списке № 14: «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Октавы», то есть «Домик в Коломне», оконченный в октябре 1830 г., и «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане». Третий том — «Евгений Онегин», и четвертый том — «Трагедия». Затем в четвертый том Пушкин решил включить: «Трагедию», «Октавы» и «Сцены», то есть написанные в октябре-ноябре 1830 г. «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость» и «Пир во время чумы». Но потом, видимо, он отказался от четвертого тома и оставил прежнее распределение списка № 13, лишь прибавив в первый том «Октавы» и в третий том «Сцены». Затем, так же как сделано в списке № 9, Пушкин проставил продажные цены отдельных изданий. На этот раз числа, поставленные Пушкиным, ближе к действительности, чем это было в списке № 9. За «Бориса Годунова» Пушкин поставил 15 р., тогда как продавалась трагедия по 10 р. Цифра «20» при «мелких стихотворениях» указывает на то, что Пушкин имел в виду две части «Стихотворений», изданных в 1829 г. Из общего подсчета стоимости произведений, входящих во все три тома, видно, что цену за «Евгения Онегина» Пушкин попрежнему считает в 45 р., а за «Полтаву» — 10 р. Число «45» под списком произведений третьего тома означает предполагаемую цену за том, при включении в него и сцен.

Наконец, зачеркнутый подсчет внизу страницы является прикидкой стоимости всех произведений без «Евгения Онегина».

Значение чисел наверху слева объяснить не можем.

15.

Русланъ и Людмила 1820	3,000	
Кавказскій Плѣнникъ, 1821	700	
Братья разбойники, 1822	300	[*1500*
Бахчисарайскій фонтанъ, 1822	600	*2400*
Цыганы, 1824	600	
Графъ Нулинъ, 1825	500	
Полтава, 1828	1,500	*240*
Евгеній Онѣгинъ 1823—30	5,000	*6*
Октавы, 1830	400	*1,440*]
Борисъ Годуновъ 1825	1,500	
Мѣлкія. стихотворенія	5,000	
Драмматическія сцены 1830	1,000	
Сказка 1831	1,000	

Томъ первый	Томъ второй	Томъ третій
Русланъ и Людмила	Цыганы	Борисъ Годуновъ
пѣснь I	Графъ Nулинъ	Драмм. Сцены
—— II	Полтава	Мѣлкія стихотвор.
—— III	Октавы	
—— IV	Евгеній Онѣгинъ	
—— V	Пѣснь — I	
—— VI	—— II	
Кавк. Плѣнникъ	—— III	
Часть I	—— IV	
—— II	—— V	Томъ четв.
Братья Разбойники	—— VI	
	—— VII	
	—— VIII	
Бахчисарайскій фонтанъ	—— IX	

1833 Анджело

1833 Мѣдн. Всадн.

Сказки

1831 I

1833 II

1833 III

Список написан на листе толстой сероватой бумаги и находится в Майковском собрании автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 609) (см. *ПС* IV, 25, № 2). Воспроизведен факсимильно в «Вестнике Академии Наук СССР», 1934, № 2, стр. 41—42 при статье Д. П. Якубовича «Пушкинские планы полного собрания его сочинений».

Впервые список был напечатан П. О. Морозовым в *ПС* XVI, 112—123, а затем Б. В. Томашевским в его книге «Пушкин», 1925, стр. 18.

Список составлен в два приема. Первоначальный текст напечатан прямым шрифтом, позднейшие приписки — курсивом.

Первоначальный список, судя по тому, что в него не вошла «Сказка», то есть «Сказка о царе Салтане», написанная в августе-сентябре 1831 г., но вошли «Драматические сцены», написанные в октябре-ноябре 1830 г., составлен в ноябре 1830 г. июле 1831 г.

Во второй части (распределение по томам) список близок к спискам №№ 13 и 14.

Предварительный список произведений, подлежащих распределению по томам, дает, по принятому Пушкиным обыкновению, числа стихов. Как и в прежних списках, числа эти приблизительны. Так, в «Евгении Онегине» не 5000, а 5280 стихов, в «Борисе Годунове» — не 1500, а 2640, в «Октавах», то есть «Домике в Коломне», — не 400, а 320, в «мелких стихотворениях», то есть в двух частях издания 1829 г., — не 5000, а 4141, в «Драматических сценах», если считать все четыре пьесы, — не 1000, а 2145 (в одном «Каменном госте» 983 стиха). Только количество стихов в «Сказке о царе Салтане» указано близко к действительности: в сказке 997 стихов.

Текст, напечатанный курсивом, приписан не ранее ноября 1833 г., когда была написана «Сказка о мертвой царевне», очевидно последняя из трех включенных в список сказок. «Анджело» и «Медный всадник» были написаны в октябре 1833 г.

Первая сказка 1831 г. — «Сказка о царе Салтане».

Вторая — 1833 г. — «Сказка о рыбаке и рыбке».

16.

\+ Брожу ли я
Я васъ узналъ
Я ѣхалъ къ Вамъ
\+ Филарету
\+ Соб — ой
\+ Когда твои младыя лѣта
\+ Сонетъ 3 [1]
\+ Поѣдемъ, я готовъ
\+ На холмы Грузіи
Каченовск. 3 [1] Какъ печатью

Надежд. 1
++ 2 Ноябр.
Олеговъ щитъ
Щастливъ ты
Подъ Ижоры

Я васъ любилъ
Богъ помочь [2]
Даръ напрасный [2]
[Глаза] [2] Насъ было много [2]
++ Бѣсы.
Аквилонъ
Делибашъ —
Благосл. Новоселье
Я жить хочу —
\+ Кавказъ
Казбекъ
Цыганы
Пью за здр.
Къ портр. Зав.
[Гекз. 2]
\+ Анониму Трудъ [2]

---

[1] *Цифра вписана позднее карандашом.*
[2] *Вписано позднее другими чернилами.*

Онегин

Часть первая. Предисловие

I песнь — Хандра. Кишинев, Одесса

II — Поэт. Одесса 1824

III — Барышня. Одесса. Мих. 1824

Часть вторая

IV песнь — Деревня. Михайлов. 1825 1826

V — Именины. Мих. 1825

VI — Поединок. Мих. 1826

Часть третья

VII песнь — Москва. Мих. П. Б. Малин. 1827.8

VIII — Странствие. Моск. Павл. 1829 Болд.

IX — Большой свет. Болд.

Примечания

1823 год. 9 мая Кишинев — 1830 25 сент. Болдино

26 лет.

А. Р. К. В.

25

4 м. 17 д.

7 л. 4 м. 17 д.

П. Д.

План издания «Евгения Онегина»

(К стр. 248)

Сѣдой Хв.	Осень I окт.	Ц. С.
┼ Зимн. утро	Къ EW	Рифма
┼ Зимн. вечеръ	Дорожн. стихи	Рыб.
[Дельвигу 4]	15 годъ.	
Фаргатъ-Беку	Октавы	
[Изъ радуги]	Булгар	
Насѣкомые	Заклин	
┼┼ Юсупову	[Герой]	
Каверину 1817.	Обвалъ	
[Глаза 1828]	Донъ	
Видокъ Фигл.	Къ Клевети.	
Анчаръ	Годовщ. Бород.	
	Эхо.	

⟨Сбоку приписано⟩:

Глаз

Какой въ нихъ огнь! Какой въ нихъ генiй!...

Список находится на листке в четвертку, на обороте чернового письма к родителям, которое датируется 12 или 13 апреля 1830 г.

Листок этот входит в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 659) (см. описание В. И. Срезневского в *ПС* IV, 34, № 9).

Впервые список очень неисправно напечатан П. О. Морозовым в *ПС* XVI, 120—121. В исправленном виде, с комментариями напечатан Б. В. Томашевским в его книге «Пушкин», Л. 1925, стр. 114—115. По мнению Томашевского, начат список в 1830 г. Список составлялся в несколько «присестов». Последние записи сделаны в первых числах сентября 1831 г., после того как была написана (6 сентября 1831 г.) «Бородинская годовщина», вошедшая в перечень стихотворений.

Список сделан для издания собрания стихотворений 1832 г. («Стихотворения Александра Пушкина». Третья часть. СПб. 1832).

Брожу ли я — «Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829 г.

Я вас узнал — «Ответ» («Я вас узнал»), 1830 г.

Я ехал k вам — «Приметы» («Я ехал к вам»), 1829 г.

Филарету — «В часы забав иль праздной скуки», 1830 г.

Соб — ой — Собаньской («Что в имени тебе моем»), 1830 г.

Когда твои младые лета — «Когда твои младые лета», 1829 г. и 1830 г.

Сонет 3. — 1. «Мадонна» («Не множеством картин»), 1830 г.
2. «Поэту» («Поэт! не дорожи»), 1830 г.
3. «Сонет» («Суровый Дант»), 1830 г.

Поедем, я готов — «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья», 1829 г.

На холмы Грузии — «На холмах Грузии лежит ночная мгла», 1829 г. Слова: «На холмы» — вместо «На холмах», указывают на раннюю редакцию стихотворения.

Каченовск. 3. — 1. «Как сатирой безымянной», 1829 г.; приписка: «Как печатью» означает вариант первого стиха эпиграммы. В издании 1832 г. оставлена редакция «Как сатирой».

2. «Литературное известие» («В Элизии Василий Тредьяковский»), 1829 г.

3. Вероятно, одна из трех: «Жив, жив курилка», 1825 г., «Там, где древний Кочерговский», 1829 г., и «Журналами обиженный жестоко», 1829 г. Последние две ко времени составления списка были напечатаны.

Надежд. — вероятно, «Надеясь на мое презренье», 1829 г.

2 нояб. — «Зима. Что делать нам в деревне», 1829 г.

Олегов щит — «Олегов щит» («Когда ко граду Константина»), 1829 г.

Счастлив ты — «Счастлив ты в прелестных дурах», 1829 г.

Под Ижоры — «Подъезжая под Ижоры», 1829 г.

Седой Хв. — эпиграмма «Седой Свистов, ты царствовал со славой», 1829 г.

Зимн. утро — «Зимнее утро» («Мороз и солнце»), 1829 г.

Зимн. вечер — «Зимний вечер» («Буря мглою»), 1825 г.

[*Дельвигу 4*] — Цифра «4», вероятно, означает четыре стихотворения, посвященные бар. А. А. Дельвигу. Несомненно, в это число входит «Кто на снегах возрастил», 1829 г. Остальные три могут быть: «Мы рождены, мой брат», 1830 г.; «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»), 1821 г., и «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных»), 1815 г. Все эти стихотворения ко времени составления списка не были напечатаны.

Фаргат-Беку — «Не пленяйся бранной славой», 1829 г.

[*Из радуги*] — К. А. Т — вой («Я видел вас»), 1826 г. Стихотворение впервые было напечатано в альманахе «Радуга» 1830 г.

Насекомые — «Собрание насекомых» («Мое собранье насекомых»), 1829 г.

Юсупову — «К вельможе» («От северных оков»), 1830 г.

Каверину 1817. — «К Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин»), 1817 г.

[*Глаза 1828*] — «Ее глаза» («Она мила»), 1828 г. Приписка сбоку относится к этому стихотворению и представляет собою вариант к стиху: «Какой задумчивый в них гений». Эту редакцию Пушкин предполагал заменить: «Какой в них огнь! Какой в них гений!»

Видок Фигл. — «Эпиграмма» («Не то беда, Авдей Флюгарин»), 1830 г.

Анчар — «Анчар» («В пустыне чахлой»), 1828 г.

Я вас любил — «Я вас любил: любовь еще, быть может», 1829 г.

Бог помочь — «19 октября 1827 г.» («Бог помочь вам, друзья»).

Дар напрасный — «Дар напрасный, дар случайный», 1829 г.

Нас было много — «Арион» («Нас было много на челне»), 1827 г.

Бесы — «Бесы» («Мчатся тучи»), 1829 г. и 1830 г.

Аквилон — «Аквилон» («Зачем ты, грозный аквилон»), 1824 г. и 1830 г.

Делибаш — «Делибаш» («Перестрелка за холмами»), 1829 и 1830 г.

Благословл. новоселье — «Новоселье» («Благословляю новоселье»), 1830 г.

Я жить хочу — «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»), 1830 г.

Кавказ — «Кавказ» («Кавказ подо мною»), 1829 г.

Казбек — «Монастырь на Казбеке» («Высоко над семьею гор»), 1929 г.

Цыганы — «Цыганы» («Над лесистыми брегами»), 1830 г.

Пью за здр. — «Пью за здравие Мери», 1830 г.

К портрету Зав. — «К бюсту Завоевателя» («Напрасно видишь тут ошибку»), 1829 г.

[*Гекз.* 2] — «Труд» («Миг вожделенный настал»), 1830 г.

Ц. С. — «Царскосельская статуя» («Урну с водой уронив»), 1830 г.

Рифма — «Рифма» («Эхо, бессонная нимфа»), 1830 г.

Рыб. — «Отрок» («Невод рыбак расстилал»), 1830 г.

Анониму — «Ответ анониму» («О, кто бы ни был ты»), 1830 г.

Осень 1⟨ые⟩ *okt*⟨авы⟩ — «Осень» («Октябрь уж наступил»), 1830 г.

К EW — Какое стихотворение скрыто под этими инициалами, сказать трудно. Б. В. Томашевский утверждает, во-первых, что буквы EW означают «Elise Woronzoff», и, во-вторых, что Пушкин разумеет здесь стихотворение «В последний раз твой образ милый». Последнее утверждение, основывающееся на сравнении комментируемого списка со следующим, нам представляется не бесспорным (см. об этом стр. 261).

Дорожн. стихи — «Дорожные жалобы» («Долго ль мне гулять»), 1829 г.

15 год — «Паж или пятнадцатый год» («Пятнадцать лет мне скоро минет»), 1830 г.

Oktавы — «Домик в Коломне», 1830 г.

Булгар. — «На Булгарина» («Не то беда»), 1830 г.

Заклин. — «Заклинание» («О если правда, что в ночи»), 1830 г.

[*Герой*] — «Герой» («Да, слава в прихотях вольна»), 1830 г.

Обвал — «Обвал» («Дробясь о мрачные скалы»), 1829 г.

Дон — «Дон» («Блеща средь полей»), 1829 г.

К клеветн. — «Клеветникам России», 1831 г.

Годовщ. Бород. — «Бородинская годовщина», 1831 г.

Эхо — «Эхо» («Ревет ли зверь»), 1831 г.

По вероятному предположению Б. В. Томашевского, крестиком Пушкин отметил напечатанные стихотворения, печатный текст которых

имелся под рукой у Пушкина. Если это так, то разметил список крестиками Пушкин не ранее конца декабря 1831 г., так как только в это время вышли в свет «Северные цветы на 1832 г.», где было напечатано стихотворение «Бесы», отмеченное в списке двумя крестиками. Вообще отметка двумя крестиками трех стихотворений непонятна. Занеся в список всего шестьдесят шесть стихотворений, Пушкин затем вычеркнул семь.

17.

\+ Брожу-ли я 1829
Я васъ узналъ 1830
Я ѣхалъ къ Вамъ 1829
× + Соб—ой 1830
\+ Когда твои младыя лѣта 1830
× + Три сонета 1830
× Поѣдемъ, я готовъ — 1829
\+ На холмы Грузіи 1829
× 3 эпигр. на Кач.
× 1 —— на Над.
\+ 2 Ноября 1829
\+ Олеговъ щитъ 1829
\+ Щастливъ ты 1829
\+ Подъ Ижоры 1829
× Сѣдой Хв.
\+ Зимнее утро 1829
\+ Зимній вечеръ 1825
× + Фаргатъ Беку 1829
Насѣкомые 1829
× + Юсупову 1830
× Видокъ Ф. (2.) 1830
Анчаръ 1829
\+ Я васъ любилъ 1829
Богъ помочь 1828
\+ Даръ напрасный 1828
Насъ было много

Бѣсы 1829
Аквилонъ 1824
Делибашъ 1829
\+ Благосл. новос. 1830
Я жить хочу 1830 ×
\+ Кавказъ 1829
\+ Казбекъ 1829
\+ Обвалъ 1829
\+ Цыган. 1830
\+ Here's health 1830. ×
Экзам.
{ Къ Дельв. ×
{ Трудъ 1830
{ Статуя
{ Рифма
{ Рыбакъ ×
\+ Анониму 1830
Осень въ деревнѣ 1830
Въ послѣдній разъ 1829
Заклинаніе 1828
Для береговъ чужбины & 1828
Дону 1829
Къ клеветн. Р. 1831
На вз. Варш. 1831
Эхо. 1829.
Каковъ я п

Список написан на листке в четвертку грубой серой бумаги и находится в Майковском собрании автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 608) (см. опи-

сание В. И. Срезневского в *ПС* IV, 24, № 1). Впервые список неисправно напечатан П. О. Морозовым в *ПС* XVI, 116—120. В исправленном виде, и с комментариями напечатан Б. В. Томашевским в его книге «Пушкин», Л. 1925, стр. 116—118.

Список представляет собою перебеленную копию предыдущего списка, сделанную вероятно (по правдоподобному предположению Томашевского) между 5 и 14 сентября 1831 г., о чем речь ниже.

Перебеляя предшествующий список, Пушкин не включил в копию, кроме зачеркнутых в первом, еще шесть стихотворений: 1) «Филарету» то есть «В часы забав», 1830 г.; 2) «Каверину» («Забудь, любезный мой Ка верин»), 1817 г.; 3) «К портрету Завоевателя» («Напрасно видишь»), 1829 г. 4) «Дорожные стихи», то есть «Дорожные жалобы», 1829 г.; 5) «15 год», то есть «Паж или пятнадцатый год», 1830 г., и 6) «Октавы», то есть «Домик в Коломне», 1830 г. Из намеченных в первом списке четырех посланий к Дельвигу Пушкин в перебеленный список ввел лишь одно. «Кто на снегах возрастил», 1829 г.

«Видок Ф 〈иглярин〉 (2)», 1830 г. — те же эпиграммы, которые в первом списке значатся порознь, как «Видок Фигл.» и «Булгар».

Неясно обстоит дело с стихотворением, названным в первом списке «EW». По мнению Б. В. Томашевского, именно это стихотворение, расшифровываемое им как посвященное гр. Е. К. Воронцовой, в перебеленной копии списка названо «В последний раз», то есть «В последний раз твой образ милый». Такое утверждение нам представляется малообоснованным. Сличение текстов обоих списков не позволяет категорически утверждать что «EW» и «В последний раз» — одно и то же стихотворение. Весьма вероятно, что «EW» означает Элизу Воронцову, но какое стихотворение скрыто под этими инициалами, остается неизвестным. Утверждать же, что Пушкин не исключил из первого списка этого стихотворения, а внес его в копию, назвав «В последний раз», у нас нет данных.

Кроме стихотворения «В последний раз», Пушкин прибавил к стихотворениям первого списка еще два: «Для берегов чужбины», то есть первая редакция стихотворения «Для берегов отчизны дальной», 1830 г., и «Каков я», то есть «Каков я прежде был», 1828 г.

Таким образом, вместо шестидесяти шести стихотворений первого списка — во втором их пятьдесят шесть.

Прямые крестики у стихотворений, по утверждению Томашевского, поставлены Пушкиным при тех стихотворениях, которые были напечатаны ко времени составления списка. «Впрочем, — оговаривается исследователь, — некоторых печатных стихотворений Пушкин или не имел под руками, или не помнил, где они появились, так как около шести стихотворений, не отмеченных, были напечатаны до сентября 1831 г.». Что среди стихотворений, отмеченных прямым крестиком, нет таких, которые бы были напечатаны после составления списка, это совершенно правильно; но неверно утверждает Б. В. Томашевский, что «около шести стихотворе-

ний, не отмеченных, были напечатаны до сентября 1831 г.». Из тридцати одного не отмеченного в списке прямым крестиком стихотворения по меньшей мере одиннадцать к сентябрю 1831 г. были напечатаны.[1] Невероятно и предположение Томашевского, что крестиков в первом списке меньше, чем во втором, якобы потому, что при составлении второго списка Пушкин разыскал еще несколько печатных экземпляров своих стихотворений. Что дело было не так, видно из того, что, отметив в первом списке стихотворение «Зимний вечер», напечатанное в «Северных Цветах на 1830 г.», Пушкин не отмечает прямым крестиком остальных шести стихотворений, напечатанных там же («Олегов щит», «Счастлив ты», «Подъѣзжая под Ижоры», «Я вас любил», «Дар напрасный», «Седой Свистов»). Очевидно, Пушкин просто недостаточно внимательно расставлял эти прямые крестики. Весьма вероятно подсказанное Томашевскому И. С. Зильберштейном предположение, что косыми крестиками отмечены стихотворения, к которым нужно было подыскать названия, скрыв в печатном виде имена, под которыми стихотворения значатся в списке.

Располагая в издании 1832 г. стихотворения по годам их написания, Пушкин в комментируемом списке почти у всех названий проставил годы. Тринадцать из этих датировок требуют объяснений.

В издании 1832 г. в отделе стихотворений «разных годов» без дат напечатаны: «Приметы», «Подъезжая под Ижоры», «Зимний вечер» и «Собрание насекомых». Стихотворение «Приметы» («Я ехал к вам») при жизни Пушкина печаталось без даты и написано было несомненно в январе 1829 г., что подверждается и датой списка. «Подъезжая под Ижоры» впервые было напечатано в «Северных Цветах на 1830 г.», с пометой «1828 г. Ижоры». Последнюю дату нужно признать неверной: стихотворение написано 18 января 1829 г., что подтверждается и датой списка. Стихотворение «Зимний вечер» при жизни Пушкина печаталось без обозначения года написания, в рукописи это стихотворение неизвестно, и дата списка (1825 г.) — единственное указание на время написания, что, конечно, нужно принять. Стихотворение «Собрание насекомых» при жизни Пушкина печаталось без даты написания, и нет оснований отвергать дату списка (1829 г.).

Стихотворение «Анчар» в издании 1832 г. помещено среди стихотворений «разных годов», но с пометой: «1828». Кроме того в одном из автографов стихотворения имеется дата: «9 ноября 1828 г.», а поэтому дату списка (1829 г.) нужно объяснять ошибкой памяти Пушкина. Стихотворение «Бог помочь вам» напечатано в издании 1832 г. также в отделе стихотворений «разных годов», но под названием: «19 октября 1827». На

---

[1] Точно указать число стихотворений, напечатанных к сентябрю 1831 г., нельзя, потому что неизвестно, какие три эпиграммы на Каченовского разумел Пушкин.

этот же год указывает и содержание пьесы, а потому дата в списке (1828 г.) — тоже ошибка памяти.

Стихотворения «Что в имени тебе моем» и «Когда твои младые лета», датированные в списке 1830 годом, в издании 1832 г. помещены среди стихотворений 1829 г. В рукописи эти стихотворения неизвестны. Стихотворения написаны, вероятно, зимой 1829—1830 гг., и Пушкин мог легко спутать, в каком именно месяце. См. об этом стр. 206—207.

Стихотворение «Бесы», датированное в списке 1829 годом, в издании 1832 г. помещено среди стихотворений 1830 г. Имеются три черновых рукописи этого стихотворения. Изучение их приводит к несомненному выводу, что «Бесы» вчерне были написаны в сентябре-ноябре 1829 г.: на перебеленном же тексте с поправками имеется дата: «1830 7 сентября Болдино». Последнюю дату и нужно считать временем написания пьесы.

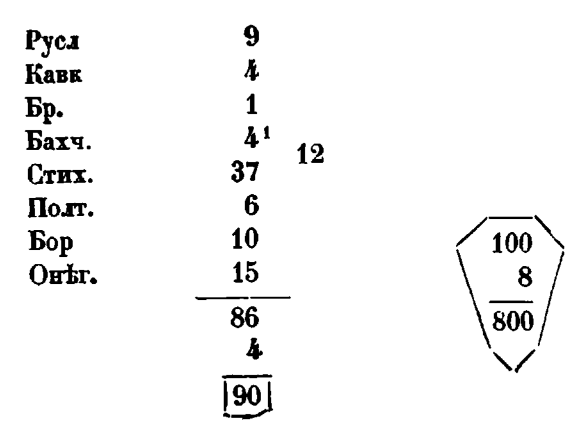
Стихотворение «Эхо», датированное в списке 1829 годом, в издании 1832 г. помещено среди стихотворений 1831 г. В рукописи стихотворение неизвестно, и поэтому у нас нет данных для определения, какая из двух дат является правильной.

Стихотворения, не печатавшиеся Пушкиным: «В последний раз твой образ», датированное в списке 1829 годом, «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной», датированные в списке 1828 годом, имеются в автографах представляющих собою перебеленный текст с поправками и датами: на первом стихотворении: «5 окт. 1830. Болд.», на втором: «17 окт.» и на третьем: «27 ноября 1830. Болд.». Таким образом, в вопросе о датировке первого и третьего стихотворений не может быть сомнений. По связи содержания и настроения второй пьесы с первой и третьей, о чем писал еще Анненков, и «Заклинание» нужно датировать 1830 годом. Даты же, проставленные Пушкиным в списке, как заметил уже Морозов, имели целью отвести читателей от всякого рода приурочиваний и догадок, хотя, возможно, добавим мы, указывали вместе с тем на годы создания первоначальных редакций.

Из пятидесяти шести стихотворений списка в издание 1832 г. вошло лишь сорок четыре. Не были включены в книгу двенадцать стихотворений: одна эпиграмма на Каченовского (одна из трех, указанных в примечании к списку № 16, стр. 258), одна эпиграмма на Надеждина (вероятно, «Надеясь на мое презренье»), «Седой Свистов», обе эпиграммы на Булгарина, «Арион», «Аквилон», «Безумных лет», «Осень», «В последний раз», «Заклинание» и «Для берегов отчизны дальной».

Взамен этих стихотворений в книгу были введены три больших произведения: «Пир во время чумы», 1830 г.; «Моцарт и Сальери», 1830 г., и «Сказка о царе Салтане», 1831 г.; два стихотворения из списка № 10: «Дорожные жалобы» и «В часы забав»; одно стихотворение, намечавшееся в свое время в издание 1829 г.: «К Языкову» («Издревле сладостный союз»), и три стихотвориния, не имеющиеся в списках: «Калмычке», 1829 г., «На перевод Илиады», 1830 г., и «Узник», 1822.

18.

Запись, сделанная карандашом (кроме цифры «12», написанной чернилами), находится на обороте письма к Пушкину М. И. Калашникова от 15 марта 1832 г., приобретенного в феврале 1933 г. Литературным музеем в Москве. См. П. С. Попов, «Новый архив А. С. Пушкина», «Звенья», кн. 3—4, стр. 132 и 133. Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено в указанной статье Попова. Так как запись сделана на письме Калашникова от 15 марта 1832 г. и заключает в себе три части «Стихотворений» Пушкина, из которых третья часть вышла в свет в последних числах марта 1832 г., расчет составлен, вероятно, в апреле 1832 г.[2] Запись представляет собою расчет произведений и сборников стихотворений по печатным листам (шестнадцать страниц в листе).

Русл — «Руслан и Людмила». В издании поэмы 1828 г. XVI + 160 стр., то есть 11 печ. л.

Кавk — «Кавказский пленник». В издании поэмы 1828 г. 60 стр., то есть 4 печ. л.

Бр. — «Братья-разбойники». В издании поэмы 1827 г. 16 стр., то есть 1 печ. л.

Бахч. — «Бахчисарайский фонтан». В издании поэмы 1830 г. 4 нен. + 46 стр., то есть 3 печ. л.

Стих. — «Стихотворения». В трех частях «Стихотворений» изд. 1829—1832 гг. 224 + 176 + 209 стр., то есть 38 печ. л.

Полт. — «Полтава». В издании поэмы 1829 г. 4 нен. + 92 стр., то есть 6 печ. л.

---

[1] *Первоначально было написано:* 6.

[2] В указанной статье Попова на стр. 133 дважды опечатка: «1833 г.» вместо: «1832 г.».

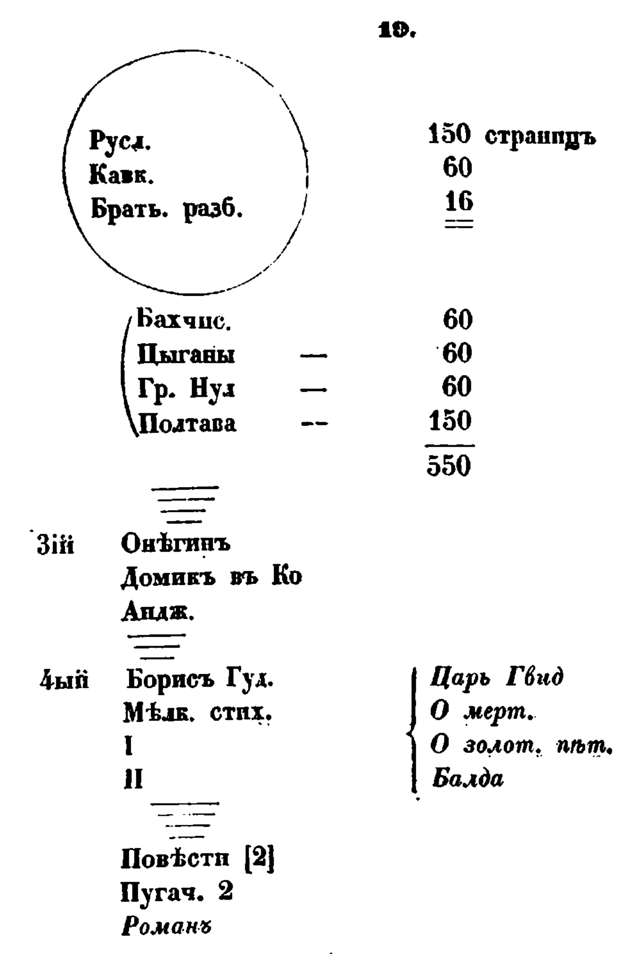
Бор — «Борис Годунов». В издании трагедии 1831 г. 6 нен. + 142 стр., то есть 9 печ. л.

Онег. — «Евгений Онегин». В изданиях первой — восьмой глав романа 1825 — 1832 гг. 60 + 42 + 51 + 98 + 48 + 57 + 51 стр., то есть 25 печ. л.

Таким образом, подсчет Пушкина приблизительный, причем он сильно ошибся в подсчете листов «Евгения Онегина».

Что означает цифра 12 и умножение справа, объяснить не можем.

19.

Русл. 150 страницъ
Кавк. 60
Брать. разб. 16

Бахчис. 60
Цыганы — 60
Гр. Нул — 60
Полтава -- 150
550

3ій Онѣгинъ
Домикъ въ Ко
Андж.

4ый Борисъ Гуд.
Мѣлк. стих.
I
II

Царь Гвид
О мерт.
О золот. пѣт.
Балда

Повѣсти [2]
Пугач. 2
Романъ

Список находится в тетради Пушкина № 2374 (л. 20_1). Единственный раз был неисправно напечатан В. Е. Якушкиным в *Я* IX, 643—644.

Список (текст, напечатанный прямым шрифтом) написан не ранее ноября 1833 г., когда была закончена включенная в список «История Пугачевского бунта», и до сентября 1834 г., когда писалась «Сказка о золотом петушке», черновой текст которой находится на этой же странице тетради, причем написан он, несомненно, после того, как был написан список.

При названиях поэм стоят числа, показывающие количество страниц в произведении. Числа эти округлены. На самом деле в «Руслане и Людмиле» изд. 1828 г. — XVI + 160 стр., в «Кавказском пленнике» изд. 1828 г. — 60 стр., в «Братьях-разбойниках» — 16 стр., в «Бахчисарайском фонтане» изд. 1830 г. — 4 + 46 стр., в «Цыганах» — 46 стр., в «Графе Нулине» — 28 стр. и в «Полтаве» — 4 + 92 стр.

Список почему-то не включает драм и дает несколько иное распределение произведений по томам, по сравнению со списком № 14. Очерченные кружком первые три поэмы составляют первый том. В четвертый том включены лишь две части «мелких стихотворений», хотя ко времени составления списка уже вышла в свет третья часть «Стихотворений» (1832 г.). Особенностью списка является включение прозы: «повестей» и «Истории Пугачевского бунта» в двух томах. Цифра «2» у «повестей», потом зачеркнутая, означает два тома.

Текст, напечатанный курсивом, является позднейшей припиской, сделанной теми же чернилами, какими написан находящийся на этой же странице текст «Сказки о золотом петушке». Закончена была эта сказка 20 сентября 1834 г., и тогда же, вероятно, и была сделана приписка.

Царь Гвидон — «Сказка о царе Салтане», 1831 г.

О мерт. — «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях», 1833 г.

Балда — «Сказка о попе и о работнике его Балде», 1831 г

Роман — вероятно, «Дубровский», 1832—1833 гг.

20.

Простонародныя сказки
[Съ позволенія высшаго начальства]
[I Сказка о женихѣ
II О Царевнѣ Лебеди
III О мертвой царевнѣ
IV О Балдѣ
V О Золотой рыбкѣ
VI О Золотомъ Пѣтушкѣ]

Запись на последней (л. 8_2) странице тетради (в лист) с перебеленным с поправками текстом «Сказки о золотом петушке», датированным тут же: «Болдино 20 сент. 1834. 10 ч. 53 м.» (см. *РП*, стр. 14—15, № 30).

Запись не печаталась, но была факсимильно воспроизведена в «Петербургской газете» 1912, № 28, стр. 11.

Запись, сделанная, вероятно, после окончания «Сказки о золотом петушке» 20 сентября 1834 г., представляет собой проект издания в одной книге всех сказок, включая в их число и стихотворение «Жених», 1825 г., дважды напечатанное Пушкиным с подзаголовком: «Простонародная сказка». Издание это не было осуществлено.

21.

Подраж.	1
———	2
Эл.	3
Ист.	4—5—6—7
Серб.	8
Подр.	9—10
Арз.	11—12
Ин.	13—14

Запись сделана на листе писчей бумаги, на котором находятся: стихотворение бар. А. Боде, датированное 8 октября 1834 г., и планы «Капитанской дочки» и сказки о Бове. Лист (с жандармской цифрой «59») принадлежит к тем рукописям, которые были подарены П. В. Анненковым В. Н. Назарьеву и ныне находятся в *ЛБ*.

Впервые напечатано и факсимильно воспроизведено М. А. Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина», в. III, М., 1934, стр. 25.

Запись, которую нужно датировать 1835 годом, не поддается расшифровке. Цифры, надо думать, означают печатные листы какой-то книги.

Подраж. — конечно, «Подражания».
Эл. — может быть, «Элегии».
Ист. — вероятно, «История» и, может быть, «История Пугачевского бунта».
Серб. — может быть, «Песни западных славян».
Подр. — опять какие-то «подражания».
Арзр. — «Путешествие в Арзрум».
Ин. — может быть, «иностранное»

22.

2 тома повѣстей
2 тома стихотв.
Онѣг. и Траг.
Проза —

Список, написанный карандашом, находится в т. № 2386 Б, л. 26_2, сшитой жандармами из отдельных листов. Бумага листа, на котором имеется список, с водяным знаком: «1834 Г». Такую бумагу Пушкин употреблял в 1836 г. Точнее определить время составления списка трудно, так как неясно, что разумел в списке Пушкин. Возможно, что под «двумя томами повестей» он разумел то, что было издано в двух частях в 1835 г. (цензурное разрешение 12 января этого года) под названием «Поэм и повестей», то есть «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» (первая часть) и «Братья-разбойники», «Цыганы», «Граф Нулин», «Полтава», «Домик в Коломне» и «Анджело» (вторая часть). Под «двумя томами стихотворений» Пушкин, вероятно, разумеет все свои мелкие стихотворения. «Евгений Онегин» и «Борис Годунов», очевидно, должны были составить два тома. Что хотел Пушкин включить в том «прозы», остается неизвестным.

Этот список печатается впервые и является последним из пушкинских планов издания собрания сочинений, оставшегося неосуществленным.

Вместо него Пушкин издал в 1834 г. «Повести», куда вошли: «Повести Белкина», две главы из «Арапа Петра» и «Пиковая дама», и в двух частях «Историю Пугачевского бунта»; в 1835 г. — две части «Поэм и повестей» и четвертую часть «Стихотворений», в которую вошли восемь стихотворений, три сказки (о мертвой царевне, о золотом петушке и о рыбаке и рыбке) и «Песни западных славян».

Незадолго до смерти Пушкин решил переиздать без изменений все четыре части своих стихотворений в одном томе. Издание это было разрешено к печати 2 декабря 1836 г., но за смертью поэта в свет не вышло.

23.

Тютч. 1	$1^1/_2$
Над. $1^1/_2$	Тютчева ——
	Надежда
	Мои

Запись в т. № 2386 В, л. 28_1, на заглавном листе статьи «Мнение М. А. Лобанова о духе словесности». Впервые напечатано у *Я* XII, 542.

Запись представляет собою заметку о составе третьего тома «Современника», вышедшего в свет в начале октября (не позднее 9-го) и процензурованного в сентябре 1836 г

Тютчева — шестнадцать стихотворений Ф. И. Тютчева, напечатанные (за подписью: Ф. Т.) в т. III «Современника», под заглавием: «Стихотворения, присланные из Германии». Они занимают с 5-й по 22-ю страницы книги, то есть на две страницы больше печатного листа, как показано у Пушкина, так как цифра «1» обозначает, конечно, печатный лист.

Надежда — статья кн. П. Б. Козловского «О надежде», занимающая двадцать пять (с 23-й по 47-ю) страниц, то есть на одну страницу больше помеченных Пушкиным полутора листов.

Мои — то есть произведения Пушкина, вошедшие в т. III «Современника»: «Мнение М. А. Лобанова», «Об Истории Пугачевского бунта», «Родословная моего героя», «Вольтер», «Фракийские элегии. Стихотворения Теплякова», «Анекдоты», «Полководец», «Отрывок из неизданных записок дамы», «Сапожник», «Джон Теннер»; рецензии на книги: «Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико» и «Словарь о святых»; «Письмо к издателю» А. Б. и заметки от Редакции.

24.

47
47 — 1
94
94 2
188
188
376 –
[67]
67
[268 134
268] 134

Дрезденъ 2[2] 318
146

Тютч. $\frac{1}{2}$

Вяз. 1 [150]
Бар. 2
Капит.
1 $1\frac{1}{2}$
2
3
4 $1\frac{1}{2}$
5
6
7
8
9
10
11
12
13

въ Хлѣбномъ переулкѣ

Написано на четвертой странице сложенного полулиста писчей бумаги, первые страницы которого заняты письмом А. П. Плещеева к Пушкину от 3 октября 1836 г. Лист входит в Шляпкинское собрание автографов Пушкина (*ИРЛИ*, № 680).

Колонна цифр слева написана карандашом верхом вниз по отношению к остальному тексту, остальные — чернилами.

Единственный раз напечатано И. А. Шляпкиным в *Ш*, 284.

Запись представляет собою расчет по листам т. IV «Современника», разрешенного цензурой 11 ноября и вышедшего в свет во второй половине ноября — в декабре 1836 г. Таким образом запись датируется второй половиной октября — первой половиной ноября этого года.

Дрезден — статья Д. В. Давыдова «Занятие Дрездена 1813 года 10 марта», занимающая в «Современнике» стр. 6—31, то есть почти полностью первые два листа книги.

Тютч. — Тютчев, то есть «Стихотворения, присланные из Германии», восемь стихотворений (XVI—XXIII), занимающие стр. 32—41, то есть 0,6 печатного листа.

Вяз. Бар. — очевидно, нужно читать: стихотворение «К князю П. А. Вяземскому» Боратынского, занимающее стр. 216—218, то есть лишь 0,1 печатного листа.

Шляпкин (*Ш*, 285) высказал предположение, что занимающий стр. 219—231 анонимный рассказ «Вечер в Царском Селе» принадлежит кн. П. А. Вяземскому. Рассказ этот, конечно, не Вяземского. Записав стихотворение Боратынского, Пушкин не продолжал перечисления статей тома журнала, отметив лишь самую большую вещь, «Капитанскую дочку», занимающую стр. 42—215, то есть, 10,8 печатных листов.

Колонна цифр с 1 по 13 означает номера листов. Пушкин, очевидно, хотел полистно расписать содержание тома, но этого не сделал.

Что означает колонна цифр слева, объяснить не можем.

В Хлѣбномъ переулке — чей-то московский адрес.

V

СПИСКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

В отличие от предыдущего отдела, списки произведений Пушкина, включенные в этот отдел, составлялись поэтом «для памяти» по разным поводам.

Шесть списков (№№ 1, 2, 5—7 и 9) — перечни произведений, написанных за определенный период времени, своего рода отчет в исполненной работе. Из остальных списков особенного внимания заслуживают интригующий список (№№ 4) произведений, из которых одни были написаны, другие же, видимо, были только задуманы, и список «библиографических опытов» для «Современника» (№№ 11).

Транскрипция №№ 1, 2, 4—7 и 12 сделана Т. Г. Зенгер, а №№ 3, 8—11 — Л. Б. Модзалевским.

Комментарий ко всем записям принадлежит мне.

М. Цявловский

1.

Черное море
Увы за чемъ
Черн. шаль
Эпигр. Мосх. Ид.
Чадаеву
Чернильницѣ

Список находится на внутренней стороне передней крышки переплета тетради Пушкина № 2367.

Единственный раз список был напечатан у *Я* V, 338. Строка точек, поставленная здесь после слова «Чернильнице», намекающая как будто на то, что в подлиннике есть еще что-то, совершенно излишняя. Так как последним произведением, вошедшим в список, является стихотворение «К моей чернильнице», написанное 11 апреля 1821 г., то список был составлен, вероятно, во второй половине апреля 1821 г.

Черное море — «Погасло дневное светило». Написано в сентябре 1820 г.

Увы зачем — «Увы, зачем она блистает». Написано во второй половине августа — первой половине сентября 1820 г.

Черная шаль — написано 14 ноября 1820 г.

Эпигр. — «Эпиграммы во вкусе древних»: «Нереида» и «Редеет облаков летучая гряда», написанные в конце ноября — декабре 1820 г.

Мосх. Ид. — «Земля и море». Идиллия Моска. Написана 8 февраля 1821 г.

Чадаеву — «Чаадаеву» («В стране, где я забыл»). В рукописи датировано 6 апреля 1821 г., а в печатном тексте — 20 апреля 1821 г.

Чернильнице — «К моей чернильнице». Написано 11 апреля 1821 г.

Назначение этого списка, заключающего восемь стихотворений, написанных в период времени с августа 1820 г. по апрель 1821 г., остается неизвестным.

9.

въ 1821	1822
Конецъ Кавказкаго плѣнника	
Я пережилъ	братья-разбойники
Кинжалъ	Олегъ
Чедаеву	Царь-Никита
Чернильницѣ	Цензору
3 элегіи	Ѳ. Г ——
Алексѣеву	Старайся пр..
Наполеонъ	Гречанкѣ
Овидію	
М	

Список находится в тетради Пушкина № 2365 (л. 53_1).

Впервые список был напечатан В. Е. Якушкиным в *Я* IV, 103—104, а затем П. О. Морозовым в *Ak* III, 233 прим. Воспроизведено факсимильно в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 299.

Второй столбец написан не одновременно с первым. Оба они написаны в 1822 г.

Конец Кавказского пленника. — В рукописи в конце текста поэмы стоит дата: «20 февраля 1821 г.»

Я пережил — «Я пережил свои желанья». Написано 22 февраля 1821 г.

Кинжал. — Время написания этого стихотворения с трудом поддается определению. На основании этого списка «Кинжал» нужно датировать 1821 г. и, пожалуй, мартом, если признать, что в списке стихотворения размещены в строго хронологическом порядке.

Чедаеву — «Чаадаеву» («В стране, где я забыл»). Как указано на стр. 274, известны две даты этого стихотворения: 6 и 20 апреля 1821 г.

Чернильнице — «К моей чернильнице». Написано 11 апреля 1821 г.

3 элегии — это, вероятно: «Гроб юноши», написанное в июле 1821 г., «Умолкну скоро я», датированное 23 августа 1821 г., и «Мой друг, забыты мной», датированное 24—25 августа 1821 г.

Алексееву — «Алексееву» («Мой милый, как несправедливы»). В рукописи и в изданиях стихотворений 1826 г. и 1829 г. стихотворение помечено 1821 г.

Наполеон. — Судя по положению в тетради Пушкина, № 2365, стихотворение писалось в сентябре — не позднее 12 ноября 1821 г.

Овидию. — В одной из рукописей стихотворение датировано: «1821 дек. 26».

М. — Край листа со следующими буквами оторван. Якушкин и Морозов чита́ли «Л». Какое тут было слово, сказать не можем.

Братья-разбойники. — О времени написания поэмы, кроме того что к маю 1822 г. она была написана, данных не имеется. Судя по этому списку, «Братья-разбойники» были написаны уже к 1 марта этого года.

Олег — «Песнь о вещем Олеге». В рукописи датировано: «1 марта 1822».

О времени написания стихотворений: «Царь-Никита», «Цензору», то есть «Послание цензору» («Угрюмый сторож муз»), «Ф. Г.», то есть «Ф. Глинке» («Когда средь оргий»), и «Гречанке» («Ты рождена воспламенять»), кроме того что они написаны в 1822 г., нет данных. Что касается стихотворения «Приметы» («Старайся наблюдать»), то в изданиях стихотворений 1826 г. и 1829 г. оно помечено как написанное в 1821 г. Для решения вопроса, какая из двух дат правильнее, у нас нет данных.

Почему и для чего составлен список, сказать не можем.

3.

о Байронѣ
о дворянствѣ
о point d'honneur
прим.⟨ѣры⟩ невѣж.⟨ливости⟩

Записано на л. 6_2 тетрадки в 8 д. л., с замечаниями по поводу двух статей В. К. Кюхельбекера, входящей в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 470).

Запись единственный раз напечатана В. И. Срезневским в *ПС* XXXVI, 35, 37—38, который дал и исчерпывающий комментарий к ней.

Запись представляет собой перечень четырех заметок, которые Пушкин намеревался включить в статью: «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанную в «Северных Цветах на 1828 г.».

о Байроне — это заметка: «Байрон говорил, что никогда не возьмется...» («Северные Цветы», стр. 219—220).

о дворянстве — вероятно, заметка: «Гордиться славою своих предков...» (там же, стр. 217—218).

о point d'honneur — заметка: «Иностранцы, утверждающие...» (там же, стр. 216—217).

Примеры невежливости — заметка под таким заглавием, напечатанная в «Северных Цветах», стр. 211—212.

«Северные Цветы на 1828 г.» вышли в свет 22 декабря 1827 г., а потому список заметок набросан, вероятно, в этом году.

4.

Скупой
Ромулъ и Ремъ
Моцартъ и Сальери
Д. Жуанъ
Іисусъ
Беральдъ Савойской
Павелъ I
Влюбленный Бѣсъ
Димитрій и Марина
Курбскій

Список, написанный карандашом, находится на обороте листа, на другой стороне которого имеется текст стихотворения «Под небом голубым страны своей родной», написанный чернилами.

Листок этот во время работ П. В. Анненкова над рукописями Пушкина был увезен редактором в свое симбирское имение, где и был найден в 1897 г. Д. И. Сапожниковым, передавшим рукопись в Румянцевский музей (ныне Публичная библиотека СССР им. Ленина) (инв. № 3266).

Впервые список был напечатан у *А* I, 284—285, с пропуском, по цензурным соображениям, двух строк: «Иисус» и «Павел I», замененных строками многоточий. «Нецензурные» слова эти были напечатаны Анненковым в его статье «Литературные проекты А. С. Пушкина» в *ВЕ* 1881, VII, 60. Стихотворение «Под небом голубым» написано 29 июля 1826 г. Список был сделан несомненно после того как стихотворение было написано и лист согнут пополам. С другой стороны, список составлен до 20 октября 1828 г., и устанавливаем мы это вот по каким соображениям. В список вошло произведение «Влюбленный бес». Пушкин

не только задумал эту вещь, но и набросал начало плана ее, опубликованного в 1922 г. в *НП*, 147.[1] Кроме того, как-то у Карамзиных в Петербурге, вероятно в 1828 г. (до отъезда в Малинники 20 октября), Пушкин рассказал на эту же тему о «влюбленном бесе» фантастическую новеллу. Один из слушателей, В. П. Титов, записал этот рассказ, показал свою запись Пушкину, и тот, проредактировав текст Титова, великодушно разрешил ему напечатать рассказ за его, Титова, подписью. Последний так и сделал, поместив рассказ «Уединенный домик на Васильевском» за подписью Тита Космократова в «Северных Цветах на 1829 г.», вышедших в свет в декабре 1828 г.[2] Так как трудно допустить, чтобы Пушкин, уступив Титову рассказ о «влюбленном бесе», сам продолжал над ним работать, то и план произведения о «влюбленном бесе», а следовательно и список с этой темой написаны до передачи сюжета Титову, то есть самое позднее до 20 октября 1828 г.

Под текстом списка рукою Анненкова написано: «Настоящий перечень драматических проектов. Переписано мною. П. А — въ», и далее его же рукою написан весь текст списка. Публикуя его, Анненков писал: «На оборотной странице стихотворения «Под небом сладостным Италии своей» мы нашли перечет всех драм, написанных им, из которых только половина нам известна; другая или была истреблена автором, или изложена вчерне и затеряна потом. Пушкин никогда не делал перечета произведениям, еще не существующим». См. *А* I, 284.

В указанной статье 1881 г. Анненков произведения «Ромул и Рем», «Влюбленный бес», «Иисус» и «Павел I» уже определяет как «не получившие обработки и осуществления при жизни поэта», то есть отказывается от своего прежнего утверждения, что в список вошли будто бы только написанные Пушкиным произведения.

Не зная точно времени составления списка, мы не можем сказать, что из вошедшего в список было уже написано Пушкиным, что было у него в работе и что, наконец, было записано как темы только задуманных произведений.

Скупой, Моцарт и Сальери и *Д. Жуан* — «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери» и «Каменный гость», оконченные в октябре-ноябре 1830 г. О последнем произведении С. П. Шевырев в 1841 г. вспоминал, что

---

[1] Связь этого плана с записью в комментируемом списке установлена Ю. Г. Оксманом в статье «Может ли быть раскрыт пушкинский план „Влюбленного беса“» в «Атенее, историко-литературном временнике», кн. 1—2, 1924, стр. 166—168.

[2] См. издание под заглавием: «Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова. С послесловием П. Е. Щеголева и Федора Сологуба», СПб., изд. Издательского товарищества писателей, 1913, 61 стр. Связь «Уединенного домика на Васильевском» Тита Космократова с Пушкинским планом повести о «влюбленном бесе» установлена В. Писной в статье «Фабула Уединенного домика на Васильевском» в *ПС*, в. XXXI—XXXII, 19—24.

Пушкин еще в 1826 г. задумывал «Каменного гостя».[1] О «Ромуле и Реме» Шевырев пишет в той же статье: «еще был у него проект драмы «Ромул и Рем», в которой одним из действующих лиц намеревался он вывести волчиху, кормилицу двух близнецов».

О замыслах *Иисус*, *Павел I* и *Курбский* ничего неизвестно.

О *Беральде Савойском* см. стр. 497—501.

О *Влюбленном бесе* мы уже сказали.

О замысле *Димитрий и Марина* Шевырев в своих воспоминаниях о Пушкине пишет: «Пушкин сам говорил, что намерен писать еще „Лжедимитрия" и „Василия Шуйского"».[2]

5.

Портретъ
Наперсникъ

Написано на л. 22_2 в тетради № 2371, на полях черновых стихов из «Анчара». На этой же странице черновик стихотворения «Счастлив, кто избран...», составлявшего одно время часть стихотворения «Наперсник» и написанного в июле-августе 1828 г., когда, надо думать, сделана и данная запись. Это стихотворение («Счастлив, кто избран...»), «Портрет» и «Наперсник» посвящены одному лицу — гр. А. Ф. Закревской.

Печатается впервые.

6.

I Окт.
II Скупой
III Саліери
IV Д. Г.
V Plague

Список находится в сшитой жандармами тетради Пушкина № 2376 А (л. 19_2). Воспроизведен факсимильно в $Э^2$. стр. 325.

Единственный раз список был напечатан у *Я*, X, 76.

Судя по тому, что л. 19 составляет одно целое с л. 6, где находятся композиции заглавия драматических сцен (см. стр. 331—332), список написан в конце ноября 1830 г., когда были закончены названные в списке произведения.

---

[1] «Москвитянин» 1841, ч. V, стр. 245. См. Майков, «Пушкин», СПб., 1899, стр. 351.

[2] Л. Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 330. Впервые напечатано в «Русском Обозрении» 1892, № 4.

Okm. — то есть Октавы — «Домик в Коломне», написанный 5—10 октября 1830 г.

Скупой — «Скупой рыцарь», оконченный 23 октября 1830 г.

Сальери — «Моцарт и Сальери», оконченный 26 октября 1830 г.

Д. Г. — то есть Дон-Гуан — «Каменный гость», оконченный 4 ноября 1830 г.

Plague — то есть Чума — «Пир во время чумы», законченный 6 ноября 1830 г.

7.

[Гробовщикъ]
1 Барышня-крестьянка
Ст. Смотритель
+ Самоубійца
[Зимнее⟨?⟩ приклю⟨?ченіе?⟩]

Написано в тетради № 2379 на той же странице, где окончание «Гробовщика», датированное: «9 октября 1830 г.», но в другом направлении, сбоку. Печатается впервые.

Запись представляет собою перечень «Повестей Белкина». Если верно прочтена последняя, зачеркнутая строка, то нужно считать, что *Зимним приключением* названа повесть «Метель».

Самоубийца — очевидно, первоначальный замысел «Выстрела», судя по предположению Ю. Г. Оксмана (см. *КН*, в. 12, стр. 283).

8.

[За чѣмъ ты бурн.]
[Насъ было много] — — 26
26
52

Запись сделана на одной из четырех страниц четвертки листа, согнутой пополам и находящейся в Онегинском собрании рукописей Пушкина (в *ИРЛИ*, № 336; см. *ПС* XII, 14, № 25). На страницах листка находятся: второй перечень произведений (см. следующий номер), затем план статьи о народных песнях и черновики строф из «Путешествия Онегина».

Единственный раз напечатано Н. К. Козминым в *НП*, 183.

Запись представляет собою первые стихи стихотворений: «Аквилон» («Зачем ты бурный аквилон...») и «Арион» («Нас было много на челне...»). Первое стихотворение было написано в 1824 г. и несколько исправлено

7 сентября 1830 г.; второе было написано 16 июля 1827 г. Значение записи непонятно. Если запись сделана одновременно со следующей, то датировать ее можно не ранее ноября 1830 г., а если план статьи о песнях сделан в 1833 г., то запись нужно датировать не позднее этого года.

9.

Скуп. [Изъ Англ.]
Моц. и Саль съ нѣ.
Пиръ чумы съ Анг.

Запись сделана под предыдущей.

Единственный раз напечатана Н. К. Козминым в *НП*, 183.

Так как «Пир во время чумы» был написан в ноябре 1830 г., то запись сделана не ранее этого времени, а если датировать написанный под комментируемой записью план статьи о песнях 1833 г. (см. стр. 437), то запись нельзя датировать позднее этого года. Возможно, что запись представляет собою проект тех помет, которые Пушкин хотел поставить при заглавиях трагедий в печати.

Скуп., то есть «Скупой рыцарь», напечатанный (единственный раз) в т. I «Современника» 1836 г., был назван: «Скупой рыцарь (Сцены из Ченстоновой трагикомедии: The caveteous Knight)», а *«Пир чумы»*, впервые напечатанный в «Альционе» 1832 г., был назван: «Пир во время чумы (Из Вильсоновой трагедии: The City ot the Plague)». Что касается «Моцарта и Сальери», то от намерения дать при заглавии помету: «С Немецкого», Пушкин отказался, и трагедия появилась без подзаголовка.

Пометы при «Скупом» и «Моцарте и Сальери» — мистификация, так как названные трагедии — оригинальные произведения Пушкина. И лишь третья представляет собой свободный перевод четвертой сцены первого акта трехактной (в тринадцати сценах) трагедии Вильсона со вставками Пушкина.

10.

Видѣніе
Морл. въ Венц
Конь Словака
Сербск. пѣснь
[Сказка о рыбакѣ]
Рыбакъ и рыбка.

Запись на одном из восьми листов (in f°) с текстом статьи, называемой «О русской литературе с очерком французской» и датируемой 1834 г.,

когда, надо думать, сделана и комментируемая запись. Листы входят в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 644). В описании этого собрания, составленном В. И. Срезневским, этот список пропущен (см. *ПС* IV, 31, № 28).

Печатается впервые.

Видение — «Видение короля».

Морл. в Венц. — «Морлак в Венеции», то есть «Влах в Венеции», стихотворение, являющееся переводом песни, названной в книге «La Guzla» Мериме «Морлак в Венеции».

Конь Словака — «Конь».

Сербск. песнь — Непонятно, какую именно из сербских песен (то есть «Песен западных славян») под этим заглавием разумел здесь Пушкин. Может быть, это — «Похоронная песня Иакинфа Маглановича».

«Сказка о рыбаке» и *«Рыбак и рыбка»* — конечно, «Сказка о рыбаке и рыбке». Пушкин не только в этой записи считает ее сербской песнью: черновой текст сказки в конце имеет помету: «14 окт. 1833. Болдино. 18-я песнь сербская» (см. *Я* X, 82). Трудно сказать, почему из шестнадцати стихотворений, составляющих цикл «Песен западных славян», в комментируемый список включено лишь четыре. Может быть, это стихорения, которые Пушкин хотел напечатать в первую очередь. За это говорит включение в список стихотворения «Конь», которое впервые было напечатано (под заглавием: «Сербская песня») в кн. № 14 «Библиотеки для чтения» 1835 г. Остальные три стихотворения списка впервые были напечатаны в числе пятнадцати в кн. № 15 «Библиотеки для чтения» 1835 г.

11.

Походъ 1711 +
St. Kaz. +
Путеш. В. Л. (Дм)
Календарь. +
Путеш. Рад. +
Собраніе Р. пѣсенъ
Тредьяк.
О Пугач. +
Сказки,
Р. шутки
О Ван. Каинѣ.
l'Abbé Chappe
Antidote.
о легчайш. способѣ &c. Дашк.

о Пословицахъ.
о Hist. tragiques.
Aventuriers &c.
о Библ. Новико
о Путеш. Арт. Ар.
о MS

Опыты библіографическія

Запись на продольной половине полулиста голубоватой почтовой бумаги большого формата, входящего в Онегинское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 317) (см. *ПС* XII, 8—9, № 6).

Впервые напечатано Н. К. Козминым в *НП*, 209. Введено в *Ak* IX, прим., стр. 986—687, *КН* V, 386 и *ПГ* 5, кн. II, 760.

Запись представляет собою перечень статей и рецензий о книгах, намеченных Пушкиным для помещения в «Современнике».

Список этот составлен в начале 1836 г., до выхода в свет 11 апреля тома I «Современника», так как в список вошла рецензия о книге И. Т. Радожицкого, напечатанная в томе I журнала.

С течением времени Пушкин проставлял в списке крестики у статей, которые были написаны или материал для которых был собран.

Поход 1711. — В конце 1835 г. Пушкин перевел отрывок из трехтомных мемуаров бывшего на русской службе французского офицера Моро де-Бразе, снабдив перевод предисловием и примечаниями. Хотя Пушкин и просил у Николая I разрешения напечатать в «Современнике» этот перевод, последний был напечатан в этом журнале лишь после смерти поэта (1837 г., № 2). Возможно, что Пушкин в комментируемом списке разумеет статью о мемуарах Моро де-Бразе, а не самый перевод.

St. Kaz. — вероятно, «Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt, écrits par lui-même» («Мемуары Жака Казановы-де-Сэнгальт, написанные им самим»). Знаменитые мемуары итальянского авантюриста XVIII в. Пушкин упоминал в своей заметке 1830 г. о записках Самсона, назвав первые «бесстыдными», а в предисловии к своему переводу мемуаров Моро де-Бразе писал, что «они не имеют ни прелести Гамильтона, ни оригинальности Казановы».

Путеш. В. Л. (Дм.) — «Путешествие Василия Львовича Пушкина», соч. И. И. Дмитриева. Заметку об этой брошюре Пушкин набросал для «Современника».

Календарь — календарь на 1721 г. В бумагах Пушкина сохранилась копия календаря руки писаря и самого Пушкина (см. стр. 587—589).

Путеш. Рад. — «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Пушкин, очевидно, разумеет свою статью «Александр Радищев», которую

он хотел напечатать в т. III «Современника». Статья не была разрешена цензурой и была напечатана лишь Анненковым в *А*, VII.

Собрание Р. песен — собрание русских песен. Трудно сказать, какое «собрание» разумеет Пушкин. Может быть, это собрание П. В. Киреевского, и Пушкин имеет в виду свое предисловие к нему (см. стр. 433—438).

Тредьяк. — В рукописях Пушкина нет следов какой-либо специальной статьи о Тредьяковском.

О Пугач. — о Пугачеве. Пушкин разумеет свою статью о рецензии Броневского (в «Сыне отечества») на «Историю Пугачевского бунта», напечатанную в т. III «Современника».

Сказки — Что разумеет Пушкин, сказать затрудняемся.

Р. шутки — очевидно, «русские шутки». Среди приписанных Н. О. Лернером Пушкину заметок в «Литературной Газете» 1830 г. есть одна (№ 18, отд. «Смесь», стр. 146), начинающаяся словами: «Кто-то заметил, что русские шутки выгодно пользуются правом давности...» (см. *ПС* XII, 126—130). Б. В. Томашевский в своей книге: «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения», Л. 1925 (стр. 121), предполагает, что автором заметки был О. М. Сомов. Возможно, что и намеченная в списке статья должна была быть написана на эту же тему.

О Ван. Каине — о Ваньке Каине, московском воре и сыщике XVIII в., герое лубочных народных изданий и песен. Очевидно, об этих изданиях и песнях, приписывавшихся самому Ваньке Каину, и собирался писать Пушкин. В библиотеке Пушкина было одно из лубочных изданий под заглавием «История славного вора, разбойника и бывшего Московского сыщика Ваньки Каина, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми песнями и портретом»; но оно не сохранилось в составе библиотеки Пушкина, описанной Б. Л. Модзалевским (см. в статье Л. Б. Модзалевского в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 997).

l'Abbé Chappe — книга: Voyage en Sibérie, fait par ordre du roi en 1761; contenant les moeurs, les usages des russes et l'état actuel de cette puissance etc. par l'Abbé Chappe d'Autroche, de l'Académie Royale des Sciences. Amsterdame. MDCCLXIX» («Путешествие в Сибирь, предпринятое по повелению короля в 1761 г., содержащее описание нравов и обычаев русских и современного состояния этой державы и т. д., аббата Шапп д'Отроша, члена Королевской Академии Наук. Амстердам. 1769») имеется в библиотеке Пушкина, вывезенная им в 1833 г. из имения его тещи, Н. И. Гончаровой, Ярополец. В рукописях Пушкина сохранился набросок его статьи об этой книге.

Antidote — книга: «Antidote, ou examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Siberie... par l'Abbé Chappe d'Autroche Amsterdam. MDCCLXXI» («Противоядие, или оценка плохой книги, роскошно изданной под заглавием: «Путешествие в Сибирь... аббата Шапп д'Отроша. Амстердам. 1771») тоже имеется в библиотеке Пушкина и тоже была им вывезена в 1833 г. из имения тещи. Книга эта была написана,

вероятно, гр. А. П. Шуваловым по просьбе Екатерины II, в опровержение сведений о России, сообщаемых Шапп д'Отрошем.

О легчайш. способе etc. Дашк. — книга: «О легчайшем способе возражать на критики. Соч. Дмитрия Дашкова. СПб. 1811», направленная против теории Шишкова о «старом и новом слоге». Книга эта имеется в библиотеке Пушкина, но намеченной статьи о ней Пушкин не написал.

О пословицах. — Об интересе Пушкина к пословицам свидетельствуют сохранившиеся в рукописях поэта объяснения нескольких старинных пословиц и имеющиеся в его библиотеке книги: «Полное собрание русских пословиц и поговорок» И. Богдановича (*ПС* IX—X, стр. 81) и «Собрание 4291 древних российских пословиц», М. 1770, со многими отметками Пушкина на полях (*ПС* IX—X, 96—98). Известный этнограф И. М. Снегирев записал в дневнике 15 мая 1836 г.: «Утром я был у Пушкина, который обещался написать разбор моих „Пословиц"» (*РА* 1902, № 10, стр. 170). Речь идет о четырехтомном труде Снегирева: «Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках». М. 1831—1834. Очевидно, в комментируемом списке Пушкин и разумел свою статью о труде Снегирева.

о Hist. tragiques. — Вероятно, Пушкин имел в виду находившуюся в его библиотеке книгу: «Les histoires tragiques de nostre temps, où sont contenuës les mors funestes et lamentables de plusieurs personnes, arriuées par leurs ambitions, amours dereglées, sortilèges, vols, rapines, et par autres accidents divers et memorables. Composées par F. de Rosset et dédiées à Feu Monseigneur le Chevalier de Guise. Dernière èdition, reueuë avec une notable augmentation de diverses histoires, arriuées depuis peu, lesquelles n'ont pas encore esté mis en lumière. A Lyon. 1666» («Трагические истории нашего времени, в коих излагаются мрачные и плачевные обстоятельства смерти нескольких лиц, возникшие вследствие их честолюбия, распутства, колдовства, воровства, грабежей и других разнообразных и достопамятных приключений. Сочинение Ф. де-Россе, посвященное покойному монсеньеру кавалеру де-Гиз. Издание последнее, пересмотренное и значительно пополненное различными историями, случившимися недавно и еще не опубликованными. В Лионе. 1666»).

Aventuriers etc. — Какую именно книгу разумеет Пушкин, сказать не можем.

о Библ. Новико — о книге: «Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе: собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российския касающихся, изданная Николаем Новиковым». М. В библиотеке Пушкина имеется 2-е издание (в 20 частях), 1788—1791 гг. (*ПС* IX—X, стр. 38).

о Путеш. Арт. Ар. — о книге «Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Артиллерии подполковника И..... Р......... <И. Т. Радожицкого>». М. 1835 (на обложке: 1836 г.), в четырех томах, имеющейся в

библиотеке Пушкина. В т. I «Современника», в отделе «Новые книги», есть заметка об этой книге, принадлежащая Гоголю.[1] Включение рецензии в список, очевидно, говорит о том, что Пушкин сначала собирался сам писать об этой книге.

о MS — вероятно, «Mémoires de Sanson», то есть «Mémoires pour servir à l'histoire de la révolution française, par Sanson, exécuteur de jugemens criminels pendant la révolution». Paris («Мемуары, служащие материалом для истории французской революции, составленные Сансоном, исполнителем судебных приговоров во время революции». Париж).

12.

Изъ Bunyan
Кладбище
Мнѣ не спится
Молитва
Сосны
Осень въ деревнѣ
[Въ]
Не дорого цѣню
Зачѣмъ ты бурный Акв
[Послѣдняя туча]
[1825] [Мн]

Запись в тетради № 2377 А (л. 4_2).

Единственный раз список был напечатан В. Е. Якушкиным в *Я*, X, 85. Список заключает в себе стихотворения, ко времени составления списка еще не напечатанные, и намечает пьесы, которые Пушкин, очевидно, собирался печатать. Сделан список после 14 августа 1836 г. и до января 1837 г., так как вошли, с одной стороны, в список стихотворение «Когда за городом задумчив», написанное 14 августа 1836 г., с другой — стихотворение «Аквилон», напечатанное 2 января 1837 г. Забыв, что стихотворение «Последняя туча» (то есть «Туча») было напечатано в июле 1835 г. в «Московском Наблюдателе», Пушкин включил было в список и это стихотворение, но потом зачеркнул.

Из Bunyan — «Странник» («Однажды странствуя»), 1835 г.

Кладбище — «Когда за городом задумчив я брожу», 14 августа 1836 г.

Мне не спится — «Стихи, сочиненные ночью, во время бессонницы», 1830 г.

---

[1] См. Сочинения Н. В. Гоголя, изд. 10, под ред. Н. Тихонравова, т. V, М. 1889, стр. 667—668.

Молитва — «Отцы пустынники и жены непорочны», 22 июля 1836 г.
Сосны — «Вновь я посетил», 1835 г.
Осень в деревне — «Осень» («Октябрь уж наступил»), 1833 г.
Не дорого ценю — «Из Пиндемонте», 5 июля 1836 г.
Зачем ты, бурный Акв. — «Аквилон», 1824 и 1830 гг.
Последняя туча — «Туча», 1835 г.

Из намеченных к печати восьми стихотворений Пушкин напечатал лишь одно — «Аквилон» — в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» на 1837 г., № 1. Остальные семь стихотворений были напечатаны уже после его смерти, в посмертном издании собрания сочинений Пушкина и у *А*, VII

VI

МЕЛКИЕ ЗАПИСИ, ЗАМЕТКИ, ПОМЕТЫ, ПОДСЧЕТЫ

Настоящий отдел составляют разного рода мелкие заметки и записи разбросанные Пушкиным преимущественно в его черновых рукописях.

В первую группу этих заметок можно выделить тексты автобиографического характера, представляющие собой как бы неразвернутые записи дневника (№№ 5—7, 9, 11, 17, 19, 20, 23—26, 35—37, 39, 43, 45—47, 50, 53, 55, 56, 66, 68, 69, 75, 77, 83 и 97).

Многие из этих записей — глубоко интимны и отмечают события и факты, изложение которых Пушкин не может и не хочет доверять даже своей черновой тетради. Интимный характер записей обусловливал типические для них абревиатуры, раскрытие которых составляет своего рода спорт у пушкинистов.

Затем идут: записи о Пугачеве и другие заметки, сделанные Пушкиным в записной книжке во время путешествия его в Оренбург (№№ 84—90); списки лиц, которым нужно написать письма, сделать визиты, послать книги и т. п. (№№ 10, 13, 27, 38, 58, 59, 93 и 98), адреса (№№ 22, 42, 63, 74, 78, 79, 99 и 101); списки вещей, которые нужно было купить или заказать (№№ 27, 30, 31, 42, 94 и 104); подсчеты стихов в написанных произведениях (№№ 16, 18, 21, 29, 33, 61 и 70); отдельные заглавия произведений и проекты титульных листов книг (№№ 4, 8, 14, 71, 96, 100 и 105), схемы стихотворного размера (№№ 34 и 54) и, наконец, самые разнообразные записи, среди которых и рецепт лекарства (№ 40), и вычисления хода игры в штос (№ 73), и списки русских царей (№№ 91 и 92), и вычисление года рождения молодого Гринева (№ 81), и запись поговорки святогорского игумена (№ 67), и ряд анаграмм фамилии любимой девушки (№№ 44, 49, 51 и 52), и «petits jeux» (№№ 102 и 103), и многое другое (№№ 1—3, 12, 15, 28, 32, 41, 48, 57, 60, 62, 64, 65, 72, 76, 80, 82, 95, 106 и 107), часто не поддающееся расшифровке.

Конечно, свои рукописи имел в виду Пушкин, когда писал об альбоме Онегина:

Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Меж непонятного маранья
Мелькали мысли, замечанья,
Портреты, числа, имена,

Да буквы, тайны письмена,
Отрывки, письма черновые,
И словом, искренний журнал,
В которой душу изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ...

Транскрипция №№ 1—11, 14—33, 35—40, 43—49, 51, 52, 55—60, 65—67, 69—71, 74, 77, 79, 81, 91, 92, 94, 96, 99, 100, 104, 105 и 107 сделаны Т. Г. Зенгер, которой принадлежит и комментарий к №№ 58, 59, 77 и 100.

Транскрипция №№ 13, 34, 42, 50, 53, 61—64, 68, 72, 73, 75, 76, 78, 80, 82—90, 93, 95, 97, 98, 101—103 и 105 сделана Л. Б. Модзалевским.

Транскрипция № 12 принадлежит С. М. Бонди.

Транскрипция № 54 принадлежит Б. В. Томашевскому.

Транскрипция и комментарий к № 41 сделаны Д. П. Якубовичем.

Комментарий к №№ 1—40, 42—57, 60—76, 78—99, 101—106 принадлежит мне.

М. Цявловский

1.

J'ai peu d'esprit peu de beauté[1]
d'esprit

Запись в тетради № 2364, л. 47_1, у черновика стихов II песни «Руслана и Людмилы». По положению в тетради запись сделана в июне 1817—1818 гг. Напечатано впервые у *Я* III, 650.

Написано, судя по измененному почерку, вероятно, левой рукой, что, кажется, не позволяет истолковывать запись как серьезное признание.

2.

Giguet et Michaud

Запись в тетради № 2364, л. 51_2, у черновика стихов IV песни «Руслана и Людмилы» и стихотворений «Уж я не тот» и «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени»).

Судя по одному почерку и наклону строк с последним, запись нужно датировать 1819 годом (январь-ноябрь). Напечатано впервые у *Я* III, 652

Giguet et Michaud (Жиге и Мишо) — с 1797 г. владельцы парижской типографии, служившей распространению почти исключительно религиозной и монархической литературы.

---

[1] Я не умен и некрасив.

3.

1819 [Я клялся на свободной]
8 mars[1]

Запись в тетради № 2364, л. 72_2, под стихотворением «Уныние» («Не спрашивай, зачем»).

Напечатано у *Я* III, 660, и в книге В. Я. Брюсова «Лицейские стихи Пушкина», М. 1907, стр. 77 и 89.

4.

Владимiръ 1820 Агуста[2]
24

Запись на л. 9_1 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП* № 42, стр. 21). На этой же странице заглавный лист рукописи «Кавказского пленника»: «Кавказ. Поэма 1820. Юрзуф. *Августа*». Анненков (в *А* VII, 65—66), публикуя имеющиеся в этой же тетради (л. 24_2) две программы поэмы «Кавказский пленник», писал: «... любопытно, что при второй программе Пушкин хотел назвать новое свое произведение ⟨то есть «Кавказский пленник». *М.Ц.*⟩ именем героя, долженствовавшего в ней действовать, именно: Владимиром», как это оказывается из надписи карандашом сверху отрывка: «Владимир. 1820. Августа 21[3]». Это неверное указание со слов Анненкова повторили Ефремов в E^1 (I, 545), E^3 (I, 511) и E^4 (VIII, 382) и Морозов в M^1 (II, 300) и M^2 (III, 111).

Правильное объяснение записи дал Якушкин в *Ak* II, 382 и 414, указав, что никакой пометы при второй программе в рукописи нет и что запись на л. 9_1 говорит о задуманном Пушкиным произведении из древнерусской истории. Об этом писал в своей рецензии на «Кавказского пленника» П. А. Вяземский в «Сыне Отечества» 1822 г., ч. XXXII, № 49: «Ожидая с нетерпением давно обещанной поэмы «Владимира», который, и после Хераскова, еще нуждается в достойном себя песнопевце, желаем, чтобы молодой поэт... не заставил нас, как и он, жаловаться на давно просроченные обязательства» (см. Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского, СПб. 1878, т. I, стр. 78). Не учтя этого свидетельства, Морозов в *В* II, 25 совершенно неосновательно настаивал на Анненковском и своем объяснении записи.

---

[1] 8 марта.
[2] *Описка, вместо:* Августа.
[3] *Опечатка, вместо:* 24.

5.

31[1] mars
Harting

Перевод:

31[1] марта Гартинг.

Эта помета чернилами под карандашным рисунком с датой «1 avril» (см. стр. 394) находится в тетради № 2365 л. 51_2, среди записей 1821 г.; тем самым и она датируется 1821 г. Гартинг — вероятно, Елена Григорьевна Гартинг, рожд. Стурдза, по первому мужу кн. Гика, жена кн Александра Гика. Второй ее муж — Мартын Николаевич Гартинг (1785—1824), генерал-майор, генерал-квартирмейстер 1-й армии (с 1816 г.), знакомый Раевских (см. «Архив Раевских», т. I, стр. 532). С ним Елена Григорьевна «жила в разводе и не отличалась строгим поведением», как рассказывал П. В. Анненкову К. К. Данзас, по словам которого Е. Г. Гартинг приняла его раз, сидя в ванне (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», 1929, стр. 338). Напечатано единственный раз у *Я* IV, 103, где неправильное чтение: «30 may».

6.

4 іюня ночью
5 іюня поутру.
Дегилье

Запись на л. 40_2 в тетради № 2365, на странице, где набросок плана комедии «Скажи, какой судьбой...»

Год записи — 1821 — определяется кишиневским дневником. О Дегилье см. стр. 396—397. Напечатано впервые у *Я* IV, 98.

7.

18 juillet. 1821[2]
nouvelle de la mort de Napoleon.
bal chez l'archevèque
Armenien. 1821.

Перевод:

18 июля. 1821[2] известие о смерти Наполеона, бал у армянского архиепископа. 1821.

---

[1] *Переделано из:* 30.
[2] *Дата года приписана позднее, другими чернилами.*

Запись в тетради № 2365, л. 45_2. Впервые напечатано Анненковым в статье «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» в *ВЕ* 1874, I, 23 (перепечатано отдельной книгой в этом же году), затем Бартеневым в *Бр*, 219 и *Бр*[1] I, 131, и, наконец, Якушкиным в *Я* IV, 100. Входит в собрания сочинений Пушкина, начиная с *Е*[3], как запись в кишиневском дневнике, что совершенно неверно.

Наполеон умер на острове св. Елены 5 мая н. с. (23 апреля) 1821 г. Так что известие о его смерти дошло до Пушкина почти через три месяца.

Армянский архиепископ, о бале у которого записал Пушкин, — Григорий Захарьянов (см. Арх. Гавриил (Айвазовский), «Армяно-григорианские архиереи в Новороссии и Бессарабии» — «Записки Одесского Общества истории и древностей», т. IX, стр. 163).

8.

Таврида.

1822.

Gieb meine Jugend mir zurück [1] —

Страсти мои утихают, тишина цар ⟨ствуетъ⟩ въ душѣ моей — ненависть, разкаянiе, все изчезаетъ — любовь, одушевл

Strof 4/croisés, 4 de suite 1. 2. 1. et deux.

1811 1812 1813 1814 1815 1816 1817

1818 1818 1819 1820

1821

1822

22 1814

22 16 avr.

22 1822

22 1815

22 1816 1820

1822 1823

1828 1817 1824

22 1819

1822 1830

1822 24 31

23

[1] Возврати мне мою молодость.

Запись в тетради № 2366_1, лл. 13_1 и 13_2 (со слов: «Страсти мои»).

Таврида — заглавие задуманной Пушкиным поэмы.

После л. 13 в тетради вырвано несколько листов, на которых, возможно, были написаны строфы поэмы. Числа годов на л. 13_2 написаны, надо думать, после того, как были вырваны листы с текстом строф поэмы и когда вообще заглавный лист потерял свое значение. Эпиграф из «Фауста» Гете Пушкин еще прежде хотел взять для «Кавказского пленника». Строка под эпиграфом означает: «строфа, состоящая из четверостишия перекрестного, четверостишия смежной рифмовки, четверостишия охватного и двустишия». Это формула строфы для поэмы «Таврида», впоследствии использованной для «Евгения Онегина». Прозаическая запись, сделанная на обороте листа, вероятно является как бы программой строф поэмы.

Напечатано впервые у *Я V*, 331, затем в *ПС* XIV, 173,[1] *Ak* III, 223, прим. См. также предисловие М. Л. Гофмана к «Евгению Онегину» в изд. 1920 г. («Народная библиотека» Гиза), стр. 10—11, и Б. Томашевский, «О стихе», 1929, стр. 77—79.

9.

27 мая 1822 Кишиневъ

№ 4

Pouschk

Alexeeff

Pou

Пушкинъ

Запись в тетради № 2369, на внутренней стороне передней крышки переплета; написано с росчерками. Дата дня, когда заведена тетрадь, занумерованная Пушкиным. Так понимал эту дату еще Щеголев (*ПС* XIV 142, *ЩП*[1], 130, *ЩП*[2], 211).

Напечатано впервые у *Бр*, 221 и *Бр*[1] I, 133, затем у *Я* VI, 550.

Alexeeff — приятель Пушкина Николай Степанович Алексеев (1789—1850).

10.

— Катенину

— Вяземскому

— Баратынскому

[Дельвигу]

[Раевскому]

Брату —

---

[1] Перепечатано *ЩП*[1], 161, *ЩП*[2], 230—231.

Запись в тетради № 2366, л. 1_1. Если считать, что запись представляет собою список лиц, к которым нужно было написать письма, — а предположение это весьма вероятно, — то список этот нужно датировать концом апреля — началом мая 1822 г. Запись сделана в южной тетради, датируемой 1822 г. В это время Пушкин прочел № 13 «Сына Отечества» за 1822 г., побудивший поэта написать П. А. Катенину (см. *П* I, № 35 и прим. 242). Напечатано впервые у *Я* V, 325.

11.

Нкшп
Пшкн
После об⟨еда⟩ во сне виделъ Кхбкр.

	п у
1 юля день щастл⟨ивый⟩	Н к ш п
Пшкн	Н щ П

Запись в тетради № 2366, л. 33_2. Год записи, судя по ее положению в тетради. — 1822.

Кхбкр. — В. К. Кюхельбекер.

Написав его фамилию только согласными буквами, Пушкин слева сверху, так же написал свою в прямом и обратном порядке букв. Затем другими чернилами написаны внизу слева и справа анаграммы фамилий: «Пушкин» и «Пущин», фамилия другого товарища Пушкина по лицею, И. И. Пущина.

Впервые напечатано у *Я* V, 335. Введено в *КН* V, 483.

12.

Veux tu
m'aimer
beauté

Перевод:

Хочешь ли ты меня любить красота

Запись на обрывке листа, находящемся между лл. 65 и 66 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП* № 42, стр. 24, где не указан этот обрывок). Эта тетрадь заполнялась в 1820—1822 гг., когда, надо думать, сделана и запись. Печатается впервые.

Запись эту (без последнего слова) Пушкин повторил 18 мая 1824 г. (см. стр. 301).

13.

Стам.
Сундул.
Карп.
Кал. [1]
Алек.
Палад.
Коменд.
Евст.
Губ.
В. Губ.

Запись на лоскуте грубой серой бумаги, входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина в *ИРЛИ*, № 579 (см. *ПС* IV, 20, № 81).

Единственный раз напечатано в *Ak* III, стр. 364—365 прим.

На лоскуте, кроме этой записи, черновой набросок стихотворения «Мой пленник вовсе нелюбезен», датируемый февралем (?) 1823 г. (см. *ПГ* I, 461).

Запись представляет собою, вероятно, список лиц, которым нужно сделать визиты (может быть, на первый день Пасхи, бывшей в 1823 г. 22 апреля).

Стам — Стамати, «местный литератор и поэт», по словам И. П. Липранди (*РА* 1866, стб. 1217), или Апостол Константинович Стамо, дипломатический чиновник, женатый на красивой и умной Екатерине Захарьевне, рожд. Земфираки (Ралли) (там же, стб. 1231).

Сундул. — вероятно Сандулаки, отец «миленькой девицы» Аники, впоследствии вышедшей замуж за помещика города Бельцы Катаржи (там же, стб. 1235).

Карп. — личность неизвестная.

Кал. — Василий Фёдорович Калакуцкий, адъютант М. Ф. Орлова, женатый на молдаванке, дочери чиновника Деческула.

Алек. — Алексей Петрович Алексеев, отставной драгунский полковник, служивший в Кишиневе областным почтмейстером. По словам Липранди, Пушкин довольно часто бывал у него (там же, стб. 1135).

Палад. — Паладн, муж Кассуки (Кассандры) Ивановны Прункул, дочери члена Верховного совета Ив. Конст. Прункул (там же, стб. 1234).

Коменд. — комендант. Кого разумеет Пушкин, сказать не можем.

---

[1] *Чтение предположительное.*

Евст. — личность неизвестная.
Губ. — губернатор, Константин Антонович Катакази.
В. Губ. — вице-губернатор, Матвей Егорович Крупенский.

14.

Евгеній Онѣгинъ
поэма въ

Запись в тетради № 2369, л. 5_1, на полях черновика III и IV строф первой главы «Евгения Онегина», начатой 9 мая 1823 г.

Напечатано впервые у *Бр*, 221 и *Бр*[1] I, 133, с неверным указанием, что запись находится на *л.* 4_2. Якушкин (*Я* VI, 552) указал, что на *л.* 4_2 записи нет, но не заметил, что она находится на следующей странице.

Запись — как бы проект названия книги.

15.

aime[1]-moi[2]

Запись в тетради № 2369, *л.* 19_1, сбоку черновика стихов L строфы первой главы «Евгения Онегина». Судя по положению в тетради, строфа писалась между 14 и 22 октября 1823 г., когда могла быть сделана и запись.

Напечатано впервые у *Я* VI, 557.

16.

50
14
———
200
50
———
700

Запись в тетради № 2369, *л.* 20_1, на полях черновика LIII и LIV строф первой главы «Евгения Онегина», писавшихся в октябре 1823 г.

Запись представляет собою подсчет количества стихов в написанных к этому времени пятидесяти строфах первой главы романа.

Печатается впервые.

[1] *Можно прочесть и:* aimez (любите).
[2] Люби меня.

17.

Q. S.[1] F.[1] O. Y.[2]

Запись в тетради № 2369, л. 26_2, на странице, где черновик VIII и IX строф второй главы «Евгения Онегина», писавшихся не ранее 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 г.

Напечатано впервые у *Я* VI, 561.

Смысл букв расшифровать не можем. Может быть, они имеют отношение к рисункам голов, находящимся на этой странице (см. снимок).

18.

15	18
14	14
60	72
15	18
210	252
28	

Запись в тетради № 2369, л. 27_2 на полях черновика XI и XII строф второй главы «Евгения Онегина». Снова (см. № 16) подсчет стихов в написанных строфах романа. В первой записи подсчитаны стихи сначала в пятнадцати строфах, а затем прибавлено количество стихов еще в двух строфах. Вторая запись — подсчет стихов в восемнадцати строфах. По положению в тетради, подсчеты эти сделаны после 22 октября и до 3 ноября 1823 г.

Печатается впервые.

19.

6.⟨?⟩ nov.⟨?⟩20 p. a.A.

Запись в тетради № 2369, л. 29_2, на полях черновика стихотворения «Мне было грустно, тяжко, больно» (первоначальная редакция стихотворения «Демон»).

Напечатано впервые у *Я* VI, 562, где первая цифра прочтена: «1»; вместо читаемого нами: «A», Якушкин прочел: «et».

[1] *Чтение предположительное.*

[2] *Может быть прочтено:* H, *как прочел Якушкин, и:* L.

По положению в тетради, год записи—1823. Возможно, что запись нужно расшифровывать: «6 ноября 20 рублей ассигнациями Алексееву» или «Алексеев».

20.

3 nov. 1823
u b. d. M. R.

Запись в тетради № 2369, л. 30_2, на полях, среди рисунков женских профилей, на странице, где черновик XVII строфы второй главы «Евгения Онегина».

Напечатано у *Бр* 228 и *Бр*[1] I, 140, где буквы не развернуты в слова, но в сноске к букве «R» сказано: «Мадам Ризнич? П. Б.». У *Я* VI, 69 запись развернута: «3 novembre 1823 un billet de M-me Riznic». Чтение это стало общепринятым в пушкинской литературе, но, кажется, правильнее видеть в буквах: «M. R.» «Marie Rayevscky», так как едва ли в интимной записи Пушкин назвал бы Амалию Ризнич «Мадам Ризнич». Среди женских профилей, у которых сделана комментируемая запись, можно видеть профили и М. Н. Раевской и Амалии Ризнич.[1] Введено в неразвернутом виде в *КН* V, 483.

21.

27
14
———
108
27
———
378

Запись в тетради № 2369, л, 33_2, на полях черновика XIX строфы второй главы «Евгения Онегина».

По положению в тетради, запись сделана не ранее 4 ноября и не позднее 1 декабря 1823 г. Опять (см. №№ 16 и 17) подсчет стихов в «Евгении Онегине». Подсчитаны стихи в двадцати семи строфах второй главы романа.

Печатается впервые.

---

[1] Предположение А. М. Эфроса.

22.

На Мойкѣ, въ д. Гр. Вельгорскаго Н.[1] Н. Р.

Запись в тетради № 2369, л. 36_1, на странице, где черновик XXVII строфы второй главы «Евгения Онегина». По положению в тетради, запись сделана не ранее 4 ноября и не позднее 1 декабря 1823 г.

Напечатано впервые у *Я* VI, 566; факсимиле — у *Э*[1] 89 и *Э*[2] 173.

Запись — вероятно, адрес приятеля Пушкина Н. Н. Раевского, жившего в это время в Петербурге (см. «Архив Раевских», под ред. Б. Л. Модзалевского, I, 233).

23.

8 fevr. la nuit
1824

joué avec Sch. et Sin.
perdu

soupé chez C. E. W.

Перевод:

8 февр. 1824 ночь играл с Ш. и Син. проиграл ужинал у Гр. Е. В.

Записи в тетради № 2369, л. 48_2, сбоку черновика I строфы третьей главы «Евгения Онегина». Судя по чернилам и почерку, все три записи сделаны одновременно.

Напечатано впервые у *Я* VI, 570. Введено в *КН* V, 483. Во второй записи, до сих пор остававшейся нерасшифрованной, «Ш и Син» — вероятно, адъютанты гр. М. С. Воронцова, кн. Валентин Михайлович Шаховской (1801—1850) и Иван Григорьевич Сенявин (1801—1851). Указаний на знакомство Пушкина с первым в пушкинской литературе не имеется; о втором поэт писал брату 1 апреля 1824 г.: «Письмо это доставит тебе Синявин,[2] адъютант гр. Воронцова, славнейший малой, мой приятель». Об И. Г. Сенявине см. *П* I, 315, а о кн. В. М. Шаховском — в книге А. А. Сиверса «Материалы к родословию Мухановых», СПб. 1910, стр. 145.

C. E. W. — конечно, comtesse Elise Woronzoff, гр. Е. К. Воронцова.

---

[1] *Можно прочесть и* Н, *и* М, *и* И., *и* А.; *Якушкин прочел:* И.

[2] Что «Sin.» записи — Сенявин, подтверждается написанием «Синявин» в письме.

24.

1824 19/7 avr. mort de Byron.

Перевод:

1824 19/7 апреля смерть Байрона.

Написано на внутренней стороне задней крышки переплета тетради № 2370.

Напечатано впервые у *Я* VII, 1.

25.

veux tu m'aimer 18/19 Mai 1824
pl. v. D'

Перевод:

хочешь ли ты меня любить? 18/19 мая 1824

Запись в тетради № 2367, л. 26_1. Написано непосредственно под черновым текстом стихотворения «Иностранке» («На языке тебе невнятном») и, вероятно, как-то связано с этим стихотворением. Что значит последняя строка, объяснить не можем. Анненков в статье «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» в *ВЕ* 1874, II, 501, и в отд. изд., стр. 244, читает: «Point de D», а относительно последней буквы пишет: «Не Дегилье ли?»

Дегильи — бывший французский офицер, проживавший в Кишиневе. С ним у Пушкина было столкновение в 1821 г. Догадка Анненкова нам кажется маловероятной, так как комментируемая запись сделана в Одессе.

Напечатано впервые у *Я* V, 343, где: «pl. d. D».

26.

5 сентебр. 1824
u. l. de [L V]

Запись в тетради № 2370, л. 11_2. Запись нужно читать: «une lettre de Lise Voronzoff».[1] Напечатано впервые у *Я* VII, 6: «5 сент. 1824, u. l. de... [une lettre de]». Щеголев в статье «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина» в *ВЕ* 1904, I, 311, (перепечатано в *ЩП*[1], 204 и *ЩП*[3], 261), приведя запись в таком виде: «1 сентября[2] 1824 года — Une lettre de***», связал ее с сообщением

---

[1] Письмо от Лизы Воронцовой

[2] *Опечатка, вместо:* 5 сентября.

О. С. Павлищевой о том, как Пушкин в Михайловском, получая письма из Одессы с такой же печатью, какая имелась на его перстне, запирался в своей комнате, никуда не выходил и никого не принимал к себе. Щеголев не утверждал, что письма эти были от Воронцовой, но такой вывод сделал М. О. Гершензон в статье «Пушкин и гр. Е. К. Воронцова» в *ВЕ* 1909, II, 537,[1] утверждавший, что запись Пушкина никакого отношения к Воронцовой не имеет, так как будто бы в записи после слова «de» стоит зачеркнутая буква, «похожая на R». Против этого чтения возражал П. Е. Щеголев в статье «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина»: «Пушкин написал сначала Pr, потом это Pr покрыл буквою V, а затем горизонтальными линиями зачеркнул их. Желательно было бы, чтобы лица, имеющие возможность посмотреть подлинную рукопись ⟨П. Е Щеголев читал по фотографии. *М. Ц.*⟩, высказались, правильно ли мое мнение». (См. *ПС* XIV, 188 и *ЩП*[1] 176). Перепечатывая эту статью в своей книге «Из жизни и творчества Пушкина», 1931, Щеголев последнюю фразу о желательности проверки его чтения выкинул, взамен ее заявив, что под читаемым им буквами «Pr. V.» нужно разуметь «Princesse Viasemsky», то есть кн. В. Ф. Вяземскую, пославшую Пушкину письмо между 9 и 25 августа (см. *ЩП*[2] 240). С чтением П. Е. Щеголева нельзя согласиться.

27.

Бумаги	Жук⟨овскому⟩
Перьевъ	Тург⟨еневу⟩
Сыру	Всеволож⟨скому⟩Бест⟨ужеву⟩
Облатокъ	Вязем⟨ской⟩

Записи в тетради № 2370, л. 33_2. Записи сделаны, судя по положению их в тетради, числа 10—15 октября 1824 г.: на л. 27_2 — дата: «10 окт.», а на л. 34_2—35_1 — черновик письма к кн. В. Ф. Вяземской, датируемого между 10 и 15 октября 1824 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 12.

Первая запись — перечень вещей, о присылке которых нужно было написать Л. С. Пушкину. В письме к нему, датируемом началом ноября 1824 г., Пушкин просил прислать между прочим «горчицы и сыру».

Облатки — для заклеивания писем.

Вторая запись — перечень лиц, которым нужно было написать письма. Жуковскому имеются письма от конца октября (*П* I, № 100) и 31 октября (*П* I, № 102). Писем к А. И. Тургеневу и А. А. Бестужеву за это время

[1] Перепечатано в книгах Гершензона: «Образцы прошлого», М. 1912. стр. 40, и «Мудрость Пушкина», М. 1919, стр. 193—194.

неизвестно. Письмо к Николаю Всеволодовичу Всеволожскому — № 87, датируемое октябрем — началом ноября 1824 г. (см. *П* II, 505). На основании комментируемой записи письмо можно датировать у́же, не раннее 10 октября — начало ноября.

Письмо к кн. В. Ф. Вяземской — № 99 (*П* I).

28.

Акъ-мечеть
Сеюнъ-Бору
Акъ-мечеть
Сеюнъ-мирза

Запись в тетради № 2370, л. 35_1. Написано среди строк чернового письма к В. Ф. Вяземской, датируемого 10—15 октября 1824 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 14. По мнению Якушкина, эти слова показывают, «что поэт в это время занимался восточными стихотворениями». К стихотворениям эта запись, надо думать, не имеет отношения. «Ак-мечеть» — татарское название Симферополя.

29.

60	89
12	27
—	30
120	56
60	42
—	42
720	26
	42
	42
	41
	51
	30
	53
	—
	570

Запись в тетради № 2368, л. 15_1. Написано на поле страницы, на которой находится конец «Цыган». Правый столбец — числа стихов в «Цыганах»

Написано это, вероятно, вскоре после окончания поэмы, в октябре 1824 г. Решив подсчитать количество стихов в только что написанной поэме, Пушкин подсчитывал стихи на каждой странице и число стихов ставил внизу страниц, а именно: л. 4_1 — 30; л. 4_2 — 30; л. 5_1 — 29; л. 5_2 — 27; л. 6_1 — 30; л. 6_2 — 28; л. 7_1 — 28; л. 7_2 — 18; л. 8_1 — 15; л. 8_2 — 15; л. 9_1 — 27; л. 9_2 — 26; л. 10_1 — 42; л. 10_2 — 18; л. 11_1 — 24; л. 11_2 — 14; л. 12_1 — 27; л. 12_2 — 25; л. 13_1—26; л. 13_2 — 4; л. 14_1 — 26; л. 15_1 — 53.

Первое число (89) в столбце — сумма стихов первых трех страниц, второе (27) — число стихов четвертой страницы, третье (30) — пятой страницы; каждое из следующих трех — сумма стихов на двух смежных страницах; седьмое (26) — число стихов на двенадцатой странице, восьмое (42) — на стр. 13; каждое из следующих четырех — сумма стихов на двух смежных страницах, и последнее — число стихов на последней странице.

В итоге Пушкин ошибся — всего стихов получается 571, а не 570.

Печатается впервые.

30.

карты
Пугачева
allumettes [1]

Запись в тетради № 2370, л. 39_2, Запись сделана во второй половине октября — начале ноября 1824 г., так как в письме Л. С. Пушкину, датируемом началом ноября (*П* I, № 103), поэт просил прислать ему: «карты, т. е. картежные», «Жизнь Емельки Пугачева», «серные спички». «Жизнь Емельки Пугачева», по весьма вероятному предположению Б. Л. Модзалевского, — книга: «Ложный Петр III или жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельки Пугачева» с портретом Пугачева. М. 1809.

Напечатано впервые у *Я* VII, 17.

31.

Бумаги, перьевъ
облатокъ, чернилъ
чернильницу
de voyage [2]
Чамоданъ
Библія 2

[1] спички.
[2] дорожную.

Шекспиръ
Вина [bordeau]
Soterne
Champagne
сыръ
ли⟨мбургскій⟩
курильницу
[lampe de voyage [1]
allumettes [2]
Табакъ.
Гл. труб. черешн.]
⟨*на обороте:*⟩ Chemises [3]
form⟨es⟩ [4]
bague [5]
Medaillon simple [6]
montre [7]

Запись на листе голубой толстой бумаги верже, с водяным знаком фабрики Хлюстиных, вырванном из тетради № 2367 или № 2365. Листок входит в состав переплетенных в том писем Пушкина к Льву Сергеевичу, хранящийся в *ЛБ* (№ 1254, л. 30).

Впервые напечатано в «Библиографических записках» 1858, № 1, стр. 1, прим., и перепечатывалось в изданиях писем, но только в примечаниях.

Листок был вложен в одно из декабрьских 1824 г. писем Пушкина к брату из Михайловского в Петербург. Поэт в это время собирался нелегально уехать за границу, и в посылавшемся списке перечислялись вещи, необходимые Пушкину в дороге.

Библии 2. — В письме к брату от середины ноября Пушкин писал: «Библию, библию! и французскую непременно» (*П* I, № 106). Просьба о присылке повторяется и в письме от 4 декабря (*П* I, № 110).

Шекспир. — В других письмах этого времени нет просьбы о присылке Шекспира.

Гл. труб. черешн. — то есть глиняная трубка с черешневым чубуком.

bague — О присылке кольца читаем в письмах №№ 105 и 115 (*П* I).

---

[1] дорожную лампу.
[2] спички.
[3] рубашки.
[4] сапожные колодки⟨?⟩
[5] кольцо.
[6] медальон простой.
[7] часы.

32.

Sottise
et
Impertinence

Перевод:

Глупость и нахальство

Запись в тетради № 2370, л. 52_1, на полях черновика стихов XXIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина», датированной здесь 31 декабря 1824 и 1 января 1825 г. Запись сделана, надо думать, одновременно со стихами, у которых она находится.

Напечатано впервые у *Я* VII, 26.

33.

47
14
———
188
47
———
658

Запись в тетради № 2370, л. 78_2, на полях чернового текста XLVIII строфы четвертой главы «Евгения Онегина». Под XLII строфой дата: «2 генв. 1826», а после LI строфы — «3 генв.». В это же время, конечно, сделан и подсчет количества стихов в написанных 47 строфах четвертой главы. Печатается впервые.

34.

[а] [ли]
не курится тамъ огонекъ
малешенекъ
[а] ◡◡ — |[1] ◡◡◡ |[1] ◡ — ◡ | — ◡ ◡
— [◡]

Запись на обороте второго листа письма П. А. Плетнева к Пушкину от 18 июля 1825 г., хранящегося в *ИРЛИ*, № 19.

Единственный раз напечатано В. И. Саитовым в *АП* I, стр. 238.

---

[1] *Вертикальные черты зачеркнуты.*

Запись сделана не ранее конца июля — августа 1825 г., но когда именно, сказать невозможно. Во всяком случае она одно из ранних свидетельств изучения Пушкиным народного стиха. Запись эта не учтена Б. В. Томашевским в его работе «Генезис „Песен западных славян“» (сборник «О стихе», изд. «Прибой», 1929). Стих взят из песни.

35.

14 juillet 1826 Gon [1]

Перевод:

14 июля 1826 Гон

Запись на л. 66_1 в тетради № 2367.

Напечатано впервые у *Я* V, 353. Введено в *КН* V, 487.

Может быть «Gon» означает «Gonzaga» (или Gonzago, как писал Пушкин), фамилию португальско-бразильского поэта, стихотворение которого («Там звезда зари взошла») перевел Пушкин.

36.

Усл. о см. 25
У о с. Р.П.М.К.Б: 24.

⟨Услышал о смерти Ризнич 25 июля 1826 г.⟩

⟨Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826 г.⟩

Запись под беловым текстом стихотворения «Под небом голубым страны своей родной», над которым написано: «29 июля 1826». Стихотворение переписано на листке в 4 д. л. сильно выцветшими чернилами. На обороте листка — перечень произведений (см. стр. 276). Листок этот, использованный Анненковым в *А* I, был увезен им в свое имение, где и оставался похороненным до 1897 г., когда был найден в сарае в числе других рукописей Пушкина членом Симбирской архивной комиссии Д. Сапожниковым. Теперь листок хранится в *ЛБ* (№ 3266).

Впервые запись напечатал Анненков в *А* I, прочитав пятую букву во второй строке как «И» и сопроводив запись таким комментарием: «В обеих строчках первые слова мы читаем: «услышал о смерти», но буквы Р.И.М.К.Б. и цифры остаются тайной, которую объяснить теперь с достоверностью весьма затруднительно» (стр. 195—196).

К словам этим Анненков сделал примечание, в котором указал, что в альманахе «Северная Лира» на 1827 г., изд. Раича и Ознобишина,

[1] *Первую букву можно прочесть и как* G, *и как* Z, *и как* Q.

имеется стихотворение В. Туманского «На кончину Р... Сонет. Посвящ. А. С. Пушкину». Примечание это было ключом для разгадки и содержания элегии и первой пометы под ней. Ключом этим воспользовался К. П. Зеленецкий, дешифрировавший — правда, из-за цензурных соображений весьма неявственно — и вторую помету. В статье своей «Г-жа Ризнич и Пушкин», воспроизведя пометы в таком виде: «Усл... о см. 25. У. о с. Р.И. (не П. ли?)[1] М.К.Б.: 24», Зеленецкий писал: «Первая строка этой приписки относится, по мнению нашему, к г-же Ризнич, и вот как объясняем мы все эти загадочные буквы. За несколько дней до 29 июля (1826), когда написано было стихотворение, Пушкин мог узнать о смерти нескольких из своих старых петербургских знакомых, последовавшей около того времени. На другой день, 25 июля, дошло до него известие о смерти г-жи Ризнич, этой былой подруги его сердца. Поэт жил тогда уединенно в Михайловском, и при всех этих известиях, конечно, впал в глубокое и сначала мрачное раздумье. Но мрак этого раздумья рассеялся через несколько дней, и из него возникло это светлое создание, эта чудная элегия «Под небом голубым страны своей родной», о которой П. В. Анненков столь справедливо заметил, что в ней искренно сочетались истина сердца с поэзией. Написав элегию 29 июля, поэт приписал внизу ее дни, когда получил эти роковые известия: У<слышал> о см<ерти той, в память коей написал стихи> 25. У. о с. Р.И. (П?) М.К.Б. — 24» («Русский Вестник» 1856, № 11 (июнь), кн. 1, и в книге В. А. Яковлева «Отзывы о Пушкине с юга России», Одесса, 1887, стр. 144).

Казалось бы, последующим редакторам и биографам Пушкина оставалось только принять это совершенно правильное истолкование Пушкинских помет; на самом же деле в дальнейшем вопрос о них был осложнен и запутан до чрезвычайности. П. А. Ефремов, ни словом не упомянув статьи Зеленецкого, в E^1 (II, 415) и в E^2 (II, 398)[2] полностью повторил его истолкование, только раскрыв фамилии декабристов (в 1880-х годах это уже можно было сделать!): Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского и Бестужева. Это чтение фамилий и истолкование второй даты как «24 июля 1826 года» были приняты всеми редакторами. Что же касается первой даты, то ее понимали двояко: и как «1825 год», и как «25 июля 1826 г.». П. О. Морозов, не раскрывавший пометы в M^1 (I, 2), раскрывавший ее в M^2 (II, 393) и в *В* (II, 577) как «25 июля», не указывая при этом года (причем в M^1 и M^2 относя стихотворение к 1826 г., а в *В* — к 1825 г.), в *Ak* (IV, 74, прим.) раскрывает уже как «1825». Д. Сапожников в своей статье о найденных им в имении Анненкова рукописях Пушкина, ссылаясь на M^1, раскрывает как «25 июля 1826 г.» (*РА* 1899, № 2, стр. 355, и в двух изданиях брошюры «Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина», Сим-

[1] Правильность предложенной Зеленецким конъектуры подтвердилась, когда автограф был найден Сапожниковым.

[2] Только в E^3 (VIII, 262) Ефремов очень глухо сослался на эту статью.

Q. S. F. O. Y.

(К стр. 298)

бирск, 1899, стр. 24, и «Ценная находка. Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина», СПб. 1899, стр. 35).

П. Е. Щеголев в первой редакции своей статьи «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина» доказывал, что помету нужно читать: «услышал о смерти Ризнич в 1825 году» (см. *ВЕ* 1904, I, 319), но во второй редакции статьи (*ЩП*[1], 215 и *ЩП*[2], 268) отказался от этого мнения и предлагал читать «25» как «25 июля», причем из контекста явствует, что год — 1826.

Поместив в *Е*[4] элегию в числе стихотворений 1826 г., Ефремов в примечаниях к этому изданию (*Е*[4] VIII, 262) отказался от этой датировки, считая теперь стихотворение написанным в 1825 г., а помету читая как «1825 год». С таким странным чтением согласился и Брюсов в *Б* I, 233.

Ошибочность такого толкования пометы доказана В. В. Вересаевым в его статье «К психологии Пушкинского творчества. В связи с вопросом о датировке элегии на смерть Амалии Ризнич» (в «Красной Нови» 1923, кн. 5; перепечатана в книге «В двух планах», изд. «Недра», 1929). Выводы, к каким пришел Вересаев, состоят в том, во-первых, что стихотворение написано в 1826 г., во-вторых, что дата над стихотворением: «29 июля 1826 г.» является заглавием стихотворения, отброшенным Пушкиным, как слишком интимное, при напечатании стихотворения, и, в третьих, что первую помету нужно читать: «Услышал о смерти 25 июля», причем исследователь с излишней осторожностью не решается утверждать, какого года это «25 июля» — 1825 или 1826. На основании аргументов, им же приводимых в статье, с неоспоримой убедительностью вытекает, что помета говорит о 1826 г.

Запись введена в *КН* V, 486.

Известие о казни 13 июля 1826 г. пятерых вождей декабристского движения тем более должно было поразить Пушкина, что со всеми ими поэт был лично знаком.

О знакомстве с К. Ф. Рылеевым (р. в 1795 г.) Пушкина до отъезда его из Петербурга в мае 1820 г. свидетельствуют письма поэта к А. А. Бестужеву за 1822—1825 гг. (см. *П* I, 31, 72, 111, 112—113, 114, 121, 123, 133 и 169). Так, например, 21 июня 1822 г. Пушкин писал: «С живейшим удовольствием увидел я в письме вашем несколько строк К. Ф. Рылеева, они порука мне в его дружестве и воспоминании». Об этом же говорит и портрет Рылеева, нарисованный Пушкиным (см. «Литературная Газета» 1929, № 7, от 3 июня, где воспроизведен портрет, правда, в таком виде, что дает самое отдаленное представление о подлиннике).

С П. И. Пестелем (р. в 1793 г.) Пушкин встречался в апреле-мае 1821 в г. Кишиневе. Запись в дневнике о первой, вероятно, встрече Пушкин заключает словами: «Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю». Существует портрет П. И. Пестеля в профиль, нарисованный Пушкиным и воспроизведенный там же и так же, как и портрет Рылеева.

О знакомстве Пушкина с М. П. Бестужевым-Рюминым (р. в 1803 г.) и С. И. Муравьевым-Апостолом (р. в 1796 г.) узнаем из показания первого, которое он дал 5 апреля 1826 г. следственной комиссии.

«С Пушкиным, — писал Бестужев-Рюмин, — я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина в 1819 г., но тогда был еще я ребенком. Сергей Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал» (Щеголев, «Император Николай I и Пушкин в 1826 году» в *ПЩ*[1], 234).

О том, что Пушкин был знаком с П. Г. Каховским (р. в 1797 г.), упоминается в письме Софьи Михайловны Салтыковой, впоследствии вышедшей замуж за друга Пушкина бар. А. А. Дельвига, к ее подруге Александре Николаевне Семеновой. Сообщая последней о приезде Каховского в имение Крашнево (Смоленской губ.), где гостила Салтыкова, она пишет 22 августа 1824 г.: «Русская литература составляет его отраду; у него редкостная память — я не могу сказать тебе, сколько стихов он мне продекламировал! и с каким изяществом, с каким чувством он их говорит. Пушкин и в особенности его «Кавказский пленник» нравятся ему невыразимо: он знает его лично и декламировал мне много стихов, которые не напечатаны, и которые тот сообщал только своим друзьям» (Б. Л. Модзалевский, «Роман декабриста Каховского», Л. 1926, стр. 52).

37.

1 сент. 1826 изв. о корон⟨аціи⟩

Запись в тетради № 2367, л. 1_1. Помета карандашом наверху страницы. Коронация Николая I была в Москве 22 августа 1826 г. Пушкин в это время был в Михайловском.

Напечатано впервые у *Я* V, 339.

38.

Пог
Венев
Шевыр
Хомя
Рожалинъ

имя рекъ

Андр. Мур
Оболен
Кубаревъ

Написано на листке (10,2 × 12 *см*) бумаги (без водяного знака), на оборотной стороне, очень грязной. Листок находится в томе писем к Погодину за 1831 г., в «приложениях», среди писем 1827, 1828 и 1829 гг. Хранится в *ЛБ* (№ 3518). Список написан по приезде Пушкина из Михайловского в Москву 8 сентября 1826 г. и, вероятно, до отъезда Д. В. Веневитинова в начале ноября этого года из Москвы в Петербург.

Пог — Михаил Петрович Погодин.

Венев — Дмитрий Владимирович Веневитинов, поэт.

Шевыр — Сергей Петрович Шевырев, критик, поэт и историк литературы.

Хомя — Алексей Степанович Хомяков, писатель.

Рожалин — Николай Матвеевич Рожалин, переводчик, критик. Под словами *имя рек* Пушкин, вероятно, разумеет себя.

Андр. Мур — Андрей Николаевич Муравьев, поэт, впоследствии писатель по религиозным вопросам.

Оболен — Василий Иванович Оболенский, адъюнкт Московского университета, знаток древних языков, переводчик.

Кубарев — Алексей Михайлович Кубарев, адъюнкт по кафедре римской словесности Московского университета, приятель Погодина.

Перечисленные лица входили в «Общество любомудрия», кружок, основавший в конце 1826 г. журнал «Московский Вестник». Пушкина в этот кружок ввел Д. В. Веневитинов. Возможно, что список перечисляет лиц, которых нужно было привлечь к участию в «Московском Вестнике».

Напечатано и воспроизведено в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 680—681.

39.

2 août 1827 j. h.
4 août R. J.[1] P. Jich. en songe.

Перевод:

2 августа 1827 д⟨ень⟩ с⟨частливый⟩[2] 4 августа Р. И. П. Жих. во сне.

Запись на листе 66_1 в тетради № 2367.

Напечатано впервые у *Я* V, 353. Введено в *КН* V, 487.

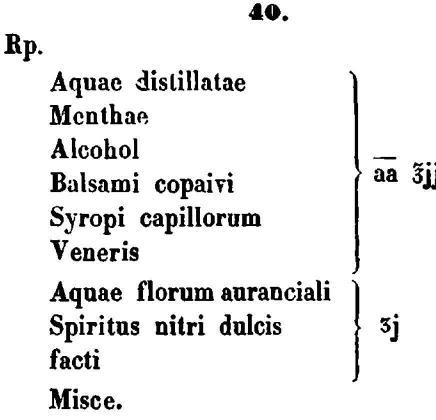
Обе записи сделаны одним почерком и одними чернилами, почему и считаем, что год второй записи — тоже 1827.

В первой записи буквы «j» и «h» расшифровываем как «journée heureuse», по аналогии с записью 1 июля 1822 г. (см. № 11).

[1] *Можно прочесть и kak* I, *и kak* J.
[2] *Если* j. h. *читать:* journée heureuse.

По поводу второй записи Анненков писал в 1874 г. (статья «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» — *ВЕ* 1874, II, 548): «Спустя 11 дней после казни их ⟨то есть декабристов. — *М. Ц.*⟩ Пушкин делает заметку на одном стихотворении: «Услыхал о смерти Р. П. М. К. Б. — 24» июля (Об этой записи см. № 36), а в другом месте эти же ⟨?⟩ инициалы сопровождаются припиской: «видел во сне». Со слов Анненкова это повторил и Ефремов (в E^3 II, 398 и E^4 VIII, 420), сам рукописи Пушкина не видавший. Толкование Анненкова основано на недоразумении: конечно, эта запись не имеет никакого отношения к декабристам.

40.

Rp.

Aquae distillatae Menthae Alcohol Balsami copaivi Syropi capillorum Veneris	} $\overline{\text{aa}}$ ℥jj
Aquae florum auranciali Spiritus nitri dulcis facti	} ℥j

Misce.

Перевод:

Возьми.

Воды дестиллированной Мятной Алкоголя Копайского бальзама Сиропа каменной руты [1]	} поровну по 2 унции
Флердоранжевой воды [2] Спирта, обработанного азотной кислотой	} поровну по 1 драхме

Смешай.

Написано на л. 25_2 тетради № 2368, где расположен черновик III главы «Арапа Петра Великого». Судя по положению в тетради, рецепт записан в августе-сентябре 1827 г., когда Пушкин жил в Михайловском, вскоре после поездки в Псков.

---

[1] Травы «венерины волосы».

[2] Цветов померанца.

Единственный раз напечатано у *Я* IV, 537.

По нашей просьбе доктор А. П. Савельев дал такое объяснение записанному Пушкиным рецепту: «Это рецепт микстуры, предназначенной для лечения гонорреи, так как единственная специфически действующая составная его часть — Balsamum copaive (копайский бальзам) — и по настоящее время не имеет в медицине иного применения, кроме указанного. Из остальных ингредиентов Spiritus nitri dulcis factus, в старое время (без достаточных к тому оснований) имевший применение также при внутреннем лечении гонорреи (это винный спирт, который от соединения при определенных условиях с азотной кислотой получал сладкий вкус), в настоящее время совершенно изъят из практики. Остальные ингредиенты играют роль или растворителей, или улучшающих вкус (corrigens) основного вещества (копайского бальзама)». Рецепт незакончен, так как не содержит указания о способе употребления. Об этом А. П. Савельев пишет: «Если принять современную дозировку, то прописанного количества Balsami copaivi 60,0 должно бы хватить на 60 приемов, т. е. на 20 дней по 3 раза в день, но возможно, что в те времена принимали и более крупные дозы».

Может быть, не случайно в ближайшем соседстве с записью рецепта, на лл. 27_1 и 27_2, находится черновик стихотворения «Сводня грустно за столом».

41.

отъ 7 до 9 гл⟨авы⟩

изъ Arwed
Gillenstierna

Запись на той же странице, где выписка из Альгаротти (см. стр. 505); написана сбоку вдоль страницы. Напечатано впервые Д. П. Якубовичем в «Литературном Современнике» 1935 г., № 1, стр. 212.

Пушкин имеет в виду роман немецкого писателя Фан-дер-Фельде (1779—1824) «Arwed Gyllenstierna», первая часть которого (Dresden, 1823) имелась в библиотеке П. А. Осиповой в Тригорском (*ПС* I, 31) и главы из которого были напечатаны в № 3 «Московского Вестника» за 1828 г.

42.

въ Мōг. Губ.
Рогачевы
Пет. Ив. Сюбека
д. Городи⟨ичаго⟩.

Moutarde 140
Eau de Cologne
tabac
Café Ch⟨ocolat⟩

Перевод:

Горчица
Одеколон
табак
Кофе ш⟨околад⟩.

Запись очень стершимся карандашом на обороте письма А. А. Дельвига к Пушкину начала 1827 г. (см. *АП*, II, 3); подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 17).

Кто такой П. И. Сюбека и какое отношение он имел к Пушкину, неизвестно.

Вторая запись — очевидно, список покупок.

Впервые напечатано частично во «Временнике Пушкинского Дома на 1914 год», стр. 10.

43.

Кучеръ 19 февр

Запись в тетради № 2371, л. 5_1, наверху страницы, где черновик XIII строфы седьмой главы «Евгения Онегина». Год записи — 1828. Что она означает, объяснить не можем. Печатается впервые.

44.

Eli C
Eninelo АИЦ⟨?⟩
[Olenina]
Pouchkine
[Annette][1]

ettenna eninelo
eninelo ettenna

Запись в тетради № 2371, л. 11_2, среди черновика стихов «Полтавы». На л. 13_1 находится черновик стихотворения «Увы! язык любви болт-

[1] *Слово* Pouchkine *написано по слову* Annette.

ливой», посвященного Анне Алексеевне Олениной и написанного 9 мая 1828 г. Вероятно, и комментируемая запись сделана в это же время. Она представляет собою ряд анаграмм имени и фамилии А. А. Олениной по-французски. Пушкин сватался за Оленину, чем объясняется фамилия «Pouchkine». См. №№ 49, 51 и 52.

На эти и другие в этом роде записи впервые указал П. Е. Щеголев в *ПС* XIV, 189 (перепечатано *ЩП*[1], 177—178 и *ЩП*[2], 241).

Печатается впервые.

45.

18 мая у Княгини Голиц. etc.

Запись в тетради № 2371, л. 14_2. Год записи —1828, что определяется положением ее в тетради.

Напечатано впервые у *Я* VII, 40. Введено в *КН* V, 487.

Пушкин в это время был в Петербурге.

Кн. Голицына — или кн. Евдокия Ивановна, рожд. Измайлова (1780—1850), в которую Пушкин был влюблен в 1817—1818 гг., или кн. Мария Аркадьевна, рожд. княжна Суворова (1802—1870), тоже бывшая предметом увлечения поэта (см. *ПС* XIV, 109—111, *ЩП*[1], 96—98 и *ЩП*[2], 190).

46.

20 мая 1828
при

Запись в тетради № 2371, л. 14_2, сбоку (справа) у первых стихов черновика стихотворения «Ты и вы», но явно не является датой написания стихотворения. Из-за невозможности прочесть слово, начинающееся на буквы «при», смысл записи остается темен.

Напечатано впервые у *Я* VII, 40.

47.

25 іюня
Фанни
Няня †
Elisa e Claudio
ня[1]

[1] *Следующие буквы не поддаются прочтению.*

Запись на л. 16_2 в тетради № 2371, сбоку черновика стихотворения «Волненьем жизни утомленный». Год записи, судя по ее положению в тетради, — 1828.

Впервые напечатано Якушкиным в *Я* VII, 41. Введено в *КН* V, 487.

Запись представляет собою заметки дневникового характера.

Фанни — кого разумеет здесь Пушкин, сказать трудно. Может быть поэт отметил встречу с той самой Фанни, дамой полусвета, которая упоминается в стихотворении «К Щербинину», 1819 г.

Няня — очевидно, означает смерть Арины Родионовны. П. В. Анненков со слов сестры поэта, О. С. Павлищевой, писал в «Материалах для биографии Пушкина», что Арина Родионовна «умерла в 1828 году, 70 лет», в доме Ольги Сергеевны (*А* I, 5). Сын ее в своих насквозь лживых «Воспоминаниях» утверждает, что это было «в конце 1828 года» (Л. Павлищев, «Воспоминания об А. С. Пушкине», М. 1890, стр. 13). Это неверно. В письме (неопубликованном) к Н. М. Языкову от 2 октября 1828 г. О. М. Сомов называл Арину Родионовну «покойной».

Elisa e Claudio — как указал Н. О. Лернер (*РС* 1911, № 12, стр. 653—654), это — название оперы итальянского композитора Меркаданте, первое представление которой в Петербургском Большом театре было 15 июня 1828 г. («Северная Пчела» от 14 июня и «Journal de S-Pétersbourg» № 71, от 14 июля). Второй спектакль был 22 июня, затем был перерыв до 27 июля. Возможно, что на втором спектакле был Пушкин, что он и отметил в записи 25 июня.

48.

upas — анчаръ

Запись на л. 19_1 тетради № 2371, на полях черновых стихов «Давно Украйна волновалась... Спокойно правил он Украйну» — первой песни «Полтавы». На лл. 20_2—21_1 находится черновик «Анчара». Страницы эти писались в августе 1828 г.

Впервые напечатано Якушкиным (*Я* VII, 42), который не прочел первого слова записи (по-английски и по-французски название яда дерева анчар), указывающего на английский или французский источник «Анчара». Полностью прочтено Д. П. Якубовичем. См. его «Заметку об «Анчаре» в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 872. По указанию Н. В. Яковлева, в поэме Эразма Дарвина «Botanic Garden», 1792 г., имеется описание дерева upas (part III, canto III, ines 219—158) (см. «Пушкин в мировой литературе», Ленгиз, 1926, стр. 138. См. еще запись стихов Кольриджа, стр. 506).

В названной заметке Якубовича указывается как на вероятный источник стихотворения Пушкина на одно место из драмы Джорджа Кольмана «Закон Явы».

49.

[Annette Pouch]

Olenine

Olenine [Annette]

[A P]

[A P]

Запись в тетради № 2371, л. 48_1, по черновику стихов: «Мазепа в горести притворной... И потемнять благую славу», из первой песни «Полтавы», оконченной 3 октября 1828 г.

См. №№ 44, 51 и 52.

Печатается впервые.

50.

2 окт.

письмо къ Ц⟨арю⟩

le cadavre [1] — Dorliska —

вечеръ у Кн. Dolg. —

Запись на листе в 4 д. л., входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина (*ИРЛИ*, № 528).

Впервые напечатано В. И. Срезневским в *ПС* IV, 10, № 36а. Введено в *КН* V, 487.

На листе — текст последних стихов первой песни «Полтавы», датированных тут же: «3 октября 1828».

Письмо k Царю — как объяснено Н. О. Лернером («Заметки Пушкина о „Гавриилиаде"» — «Книга и революция» 1921, № 8—9, стр. 118), письмо Пушкина к Николаю I с признанием в авторстве «Гавриилиады». Из протокола заседания 7 октября 1828 г. Комиссии, занимавшейся расследованием дела о распространении «Гавриилиады», видно, что Пушкин был вызван, по распоряжению Николая, к главнокомандующему в Петербурге и Кронштадте гр. П. А. Толстому, у которого он «по довольном молчании и размышлении спрашивал: позволено ли будет ему написать прямо государю императору, и, получив на сие удовлетворительный ответ, тут же написал к его величеству письмо и, запечатав оное, вручил графу Толстому. Комиссия положила, не раскрывая письма сего, представить

---

[1] труп.

оное его величеству» («Дела III отделения Собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине», СПб. 1906, стр. 343). Текст письма неизвестен.

Dorliska — опера Россини «Torvaldo e Dorliska», поставленная в Петербурге первый раз 15 сентября 1828 г. (см. рецензию в «Северной Пчеле», 22 сентября 1828 г., № 114); в октябре опера шла 2-го и 23-го числа, а затем, вследствие перерыва спектаклей до 1 января из-за смерти императрицы Марии Федоровны, была поставлена 8 января 1829 г. Запись Пушкина с несомненностью устанавливает, что 2 октября 1828 г. он был на втором представлении оперы. (Сообщено Б. В. Томашевским.)

Кн. Dolg. — князь Долгоруков или княгиня Долгорукова. Кого из Долгоруковых разумеет Пушкин, сказать трудно. Может быть, это кн. Василий Андреевич Долгоруков (1804—1868), в это время офицер л.-гв. Конного полка, впоследствии военный министр и шеф жандармов. Как о своем близком знакомом Пушкин писал о нем 22 января 1830 г. М. О. Судиенке (*П* II, 74).

51.

Aninelo
A. O.
A. O.
Aninelo
A. O.
Aninelo
Aninelo

Запись в тетради № 2371, л. 57_2; написано и смазано на полях черновика стихов: «И на коварные седины Елей таинственный течет...» третьей песни «Полтавы», писавшейся 9—16 октября 1828 г. В это же время сделана и запись.

См. №№ 44, 49 и 52.

Печатается впервые.

52.

Aninelo

Запись в тетради № 2371, л. 58_1, на полях черновика стихов: «Теперь взывает он пора» — «Сверкает грозными очами» из третьей песни «Полтавы», писавшейся 9—16 октября 1828 г. В это же время сделана и запись.

См. №№ 44, 49 и 51.

Печатается впервые.

53.

16 окт.
1828

С. П. Б.
Ям. 33.
Гр. Т.... отъ Гос.⟨ударя⟩

Запись на клочке бумаги, входящем в состав Майковского собрания автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 530).

Впервые напечатано В. И. Срезневским в *ПС* IV, 10, № 36 в. Введено в *КН* IV, 487.

Запись под текстом последних стихов третьей песни «Полтавы».

Вторая строка (печатается впервые) — непонятна.

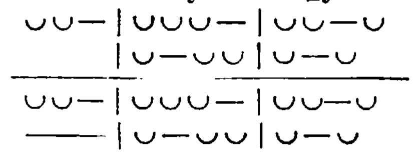
Ям. — возможно, Ямская (улица в Петербурге), а 33 — номер дома.

Как указано Н. О. Лернером (см. запись № 50), последняя строка относится к делу о «Гавриилиаде».

Гр. Т. — гр. Петр Александрович Толстой (1761—1844), в это время главнокомандующий в Петербурге и Кронштадте. Запись, очевидно, говорит об ответе Николая I (переданном через Толстого) на письмо Пушкина с признанием в авторстве «Гавриилиады». После этого письма Пушкин был отстранен от дела о распространении поэмы.

54.

Разсходилисъ по поганскому граду
Разломали тёмную темницу

Запись сделана ниже чернового наброска стихотворения «Из Рима ехал он домой», на обороте листка, на лицевой стороне которого находится черновик второй половины стихотворения «Я помню чудное мгновенье». Листок входит в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 510) (см. *ПС* IV, 6, № 18). Датируется предположительно 1825—1828 гг. О датировке см. в книге Б. В. Томашевского «О стихе», Л. 1929, стр. 81—82.

Впервые напечатан лишь первый стих в *ПС* IV, 6, полностью — в *Ak* IV, 286, прим.

Запись связана с изучением Пушкиным народного стиха. Стихи взяты из неизвестной нам народной песни.

Схема двух стихов написана дважды. Горизонтальная черта в первой стопе второго стиха показывает, что эта стопа такая же, как первая стопа первого стиха.

55.

18 іюля. Арзрумъ — карантинъ
об. у Гр. Паск. — харемъ — сабля

Запись на л. 10_1 в тетради № 2382, сделанная поверх первых строк черновика (карандашом) письма к гр. Ф. И. Толстому от последних чисел мая — начала июня 1829 г. (см. С. М. Бонди, «Новые страницы Пушкина», изд. «Мир», 1931, стр. 135—138).

Впервые напечатано у *Я* XI, 347.

Запись говорит о событиях последних дней пребывания Пушкина в Арзруме, откуда выехал он 21 июля (см. «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899, стр. 60), когда и обедал у командующего войсками гр. И. Ф. Паскевича, подарившего Пушкину саблю (хранится в *ИРЛИ*).

О посещении Паскевича в день отъезда, о полученной от него сабле и о посещении гарема (числа 10 июля) Пушкин рассказывает в V главе «Путешествия в Арзрум».

56.

Арзр. баня
14 іюля — чума —

Запись на л. 103_1 тетради № 2382, наверху страницы, на которой черновики стихотворений «Критон, роскошный гражданин» и «Был и я среди донцов». Год записи — 1829. Впервые напечатано у *Я* XI, 357.

Этой помете в «Путешествии в Арзрум» соответствует в V главе такое место:

«Война казалась кончена. Я собирался в обратный путь. 14 июля пошел я в народную баню, и не рад был жизни. Я проклинал нечистоту простынь, дурную прислугу и проч. Как можно сравнить бани арзрумские с тифлисскими!

Возвращаясь во дворец, узнал я от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума».

57.

Воронъ

{ изправленъ
{ объявленъ
Евг. Онѣ

пѣспь

Запись в тетради № 2382, л. 15_2, на полях чернового текста стихотворения «Зима. Что делать нам в деревне?», датированного тут же: «2 Ноября 1829». Этим же днем можно датировать и запись, смысл которой объяснить не можем.

Печатается впервые.

58.

Gourief
Langeron
Prince S. Gali
Idem
Fickelmon

Список находится в тетради № 2382, л. 20_2, среди черновиков драмы «Русалка».

Впервые напечатано у *Я* XI, 349.

Судя по предыдущим и следующим страницам, датировать этот список можно началом ноября 1829 г., то есть временем приезда в Петербург из Арзрума, о чем уже писал М. Цявловский в статье «Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон» («Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 112—113).

Объяснить значение этого списка мы затрудняемся. Якушкин осмыслял его так: «список лиц, вероятно тех, к кому надо было съездить или т. п.». Слово «Idem» — то есть «то же» — опровергает это предположение. Списком долгов это также не может быть, так как все это не близкие Пушкину лица. Может быть, это карточные долги? Но в таком случае странно, что не проставлены числа рублей.

О Гурьеве, Ланжероне и Фикельмоне см. стр. 323, 325, 326.

Prince S. Gali — кн. Сергей Григорьевич Голицын, по прозванию Фирс (1803—1868) — известный меломан, сочинявший романсы и певший, по

словам М. И. Глинки, «очень приятно прекрасным густым басом», автор эпиграмм, остроумный рассказчик и картежник.

Рассказ его о трех счастливых картах положен Пушкиным в основу «Пиковой дамы».

59.

Дворц. набер.	Австрійскому посланнику 2.
———	Французскому посл. 1
въ миллiонной	Французскому секретарю
	Лагрене 1.
Англ. набер.	[Оленину] Гр. Лаваль 2
———	Англійскому посланнику 2
———	Синявину 2 [Гурьеву 2]
въ морской	Неаполитанскому посланнику 2
въ Подъяческой	Константиновой 2
угольный дом.	
	Плещееву 2
У Чернышева моста	Графу Гурьеву 2
въ большой морской	Гр. Пушкину 2
	Вигелю 1
	Карамзиной 2
	Кн. Мещерской 2
	Хитровой 2
Англ. набер.	Гишпанскому посланнику 1
Невск. проспектѣ д. Сабира	Гр. Ланжерону 2
Въ Имп. библіотекѣ	Гнѣдичу и Крылову 2
	[Дельвигу] 2
	Нарышкину
	Перовскимъ
	Мартынову
	Энгельгарду
	Плетневу
	Молчанову
	Адоевскому
	Титову въ домѣ Министра
	внутр. дѣлъ

Список этот находится в тетради № 2382, л. 26_1, недалеко от текста, помеченного (на л. 15_2): «2 ноября 1829» («Зима. Что делать нам в деревне?»), то есть написан он, очевидно, после приезда из Малинников в Петербург, впервые после путешествия в Арзрум.

Единственный раз список напечатан у *Я* XI, 351.

Непосредственно перед этим листом находятся тексты, датированные 23 и 24 декабря, после него вскоре — 7 января, так что написан список, повидимому, между этими числами.

Список вероятнее всего означает тех лиц, которым Пушкин наметил разослать свои визитные карточки к новому 1830 г. Список заключает сорок два лица и ярко показывает, что круг Пушкина и до брака был тот же дипломатический и аристократический мир, с которым он был тесно связан последние годы жизни, как казалось, из-за брака с Натальей Николаевной Гончаровой и из-за полученного благодаря ее красоте камер-юнкерства. Очевидно, что Пушкин тянулся к этой социальной среде и до брака. Многие же в этом перечне — знакомые Пушкина по Одессе, жившие в это время в Петербурге.

Цифра 2 возле фамилии обозначает, что нужно послать две карточки, 1 — что одну. Две карточки посылались женатым людям, двум сестрам, матери и дочери.

Первым в списке назван *австрийский посланник*, и подразумевается его жена. Это граф Карл Людовик Фикельмон (1777—1857) и жена его Дарья Федоровна (1804—1863), дочь Елизаветы Михайловны Хитрово, в общежитии «Dolly» или «посланница». Известен роман Пушкина с этой незаурядной молодой женщиной.[1] Скептикам[2] приходится согласиться с этим казавшимся им фантастическим рассказом Нащокина, так как за последнее время в печати появилось еще одно подтверждение рассказа Нащокина. В посмертной книге Б. Л. Модзалевского, «Пушкин», среди публикуемых им записей Анненкова о Пушкине имеются такие слова: «Жаркая история с женой австрийского посланника». Датировать этот роман затруднительно, но первое место, занимаемое Фикельмонами (в списке от декабря 1829 г.), может быть, говорит за то, что Пушкин был к ней по меньшей мере неравнодушен в это время.

Французским посланником в 1829 г. был сподвижник Наполеона герцог Мортемар (1787—1875).[3] Вероятно, в доме Фикельмонов или Хитрово познакомился Пушкин с Мортемаром в этот свой приезд в Петербург. Мортемар был назначен посланником в Россию в марте 1828 г., но в Петербурге он появился лишь в феврале 1829 г. Пушкин же около

---

[1] См. М. А. Цявловский, «Пушкин и графиня Д. Ф. Фикельмон» («Голос Минувшего» 1922, № 2), и *ПХ*.

[2] См., например, Л. П. Гроссман, «Устная новелла Пушкина» в книге «Этюды о Пушкине», 1923.

[3] О нем см. в *ПХ*, по указателю.

10 марта 1829 г. из Петербурга уехал; возможно, впрочем, что они за эти немногие дни и успели встретиться. Пушкин, всю жизнь отличавшийся глубоким интересом к истории, высоко оценил личность этого человека, хотя знакомство их было недолгое. 4 марта 1830 г. поэт вновь уехал из Петербурга, а в мае Мортемар покинул Россию.

Числа 8 февраля 1831 г. Пушкин написал из Москвы Елизавете Михайловне Хитрово: «Итак, г-н Мортемар в Петербурге, а в Вашем обществе еще один любезный и исторический человек; как мне досадно, что я еще не там, и как я пресыщен Москвой и ее татарским ничтожеством».

Мортемар с января до августа 1831 г. вновь был в России чрезвычайным посланником, и с декабря 1831 г. до 1833 г. он опять был в Петербурге. Других свидетельств о знакомстве Пушкина с Мортемаром нет.

Французский секретарь — Лагрене,[1] Теодор-Жозеф (1800—1862), был знаком с Пушкиным в 1828—1834 гг., когда Лагрене уехал из России. Летом 1828 г. Пушкин вызывал его на дуэль через Н. В. Путяту, но состоялось примирение (*П*, II, 298—299, *РА*, 1878, I, 126).

Оленин — Алексей Николаевич (1763—1843), президент Академии художеств и директор Публичной библиотеки, был хорошим знакомым Пушкина, который бывал в его доме еще до ссылки на юг; отец Анны Алексеевны Олениной, за которой Пушкин ухаживал в 1828 г. и предположенный брак с которой осенью этого же года расстроился, вероятно из-за Пушкина, уклонившегося от женитьбы. Может быть в связи с этим нежелание поддерживать знакомство и заставило поэта вычеркнуть из списка фамилию, которую он первоначально написал было.

Гр. Лаваль — Иван Степанович (1761—1864) и его жена Александра Григорьевна, рожд. Козицкая (1772—1850), жили открытым домом. Пушкин еще в свою раннюю петербургскую жизнь бывал у них, и в одной из рукописей поэта того времени есть его зарисовка Лаваля (см. стр. 393). Бывал он у них и после ссылки. До наших дней дошло изустное предание, как Пушкин на балу у гр. Лаваль танцовал мазурку «в пику Олениной» с дочерью поэта Александрой Ивановной Козловой, которой было тогда (то есть в 1828 г.) 16 лет (записано со слов С. А. Стахович, которая слыхала от самой А. И. Козловой).

Английским посланником в 1829—1830 гг. был лорд Хейтесбери (Heitesbury), о знакомстве которого с Пушкиным ничего не известно, между тем, судя по тому, что около его имени стоит цифра 2, Пушкин знал и жену его и, может быть, бывал у них в доме.

Синявин — вероятно, Иван Григорьевич Сенявин[2] (1801—1851), знакомый Пушкина по Одессе, состоявший там при наместнике гр. М. С. Воронцове. Известно, что Сенявин в 1829 г. вышел в отставку с военной службы полковником и, судя по этому списку, жил в Петербурге. Будучи

[1] О Лагрене см. *П*, II, 299.
[2] О И. Г. Сенявине см. *ОП* III.

товарищем министра внутренних дел, покончил с собой. (О Сенявине см. выше, стр. 300).

Гурьев — вычеркнут и перенесен ниже, вероятно из-за адреса.

Неаполитанский посланник — чрезвычайным посланником обеих Сицилий (столица — Неаполь) был граф де-Людольф (сын). О нем, как и о Хейтесбери, ничего не известно как о знакомом Пушкина, между тем визитная карточка посылалась и жене его, так как около фамилии стоит цифра «2»

Константинова — внучка М. В. Ломоносова, Екатерина Алексеевна (177.—1846), и сестра ее — Анна Алексеевна (1775 — после 1864) — приходились сестрами жене Н. Н. Раевского-старшего, Софии Алексеевне, рожд. Константиновой. О знакомстве с ними Пушкина никаких сведений, кроме данной записи, нет.

Плещеев — Александр Алексеевич (1778 — после 1845), известный меломан и композитор; приятель Жуковского, А. И. Тургенева, Вяземского, хороший знакомый Пушкина со времен «Арзамаса».

Граф Гурьев — Александр Дмитриевич (1787—1865),[1] знакомый Пушкина по Одессе, где он был (1822—1825) градоначальником. Сын министра финансов при Александре I, брат графини Нессельроде. Жена его — Евдокия Петровна, рожд. графиня Толстая (1795—1863), славившаяся своими чудачествами.[2] Пушкин был с ними, видимо, в хороших отношениях, так как участливо справлялся у Княжевича в декабре 1824 г. о здоровье их маленькой дочери Мими (1817—1824), которая умерла через несколько дней после отъезда Пушкина из Одессы.

Гр. Пушкин — вероятно, граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин (1798—1854)[3] и жена его (с 1828 г.) Эмилия Карловна, рожд. Шеонваль (1810—1846). Пушкин дружил с ним в Петербурге до ссылки на юг и в 1829 г. встретился в Новочеркасске. В «Путешествии в Арзрум» Пушкин вспоминает, как сердечно ему обрадовался и как до Тифлиса они ехали вместе. Жена его — известная красавица, воспетая Лермонтовым в стихотворении «Графиня Эмилия — белее, чем лилия».

Вигель — Филип Филипович (1786—1858), приятель Пушкина по Кишиневу, автор известных мемуаров.

Карамзина — Екатерина Андреевна (1780—1851), вдова историографа Н. М. Карамзина, и ее дочь — Софья Николаевна (1802—1856) — близкие Пушкину лица.

Кн. Мещерская — другая дочь Карамзина, Екатерина Николаевна 1809—1867), и ее муж — Петр Иванович (1820—1876).

Хитрово — Елизавета Михайловна (1783—1839)[4] и ее дочь от первого брака — Екатерина Федоровна, гр. Тизенгаузен (1803—1888), фрейлина.

---

[1] О гр. А. Д. Гурьеве см. *ОП* III.

[2] О гр. Е. П. Гурьевой см. в Записках Бутурлина, *РА* 1897, VIII, 571—572.

[3] О нем см. *П* I, 254 и II, 341.

[4] О Хитрово см. *ПХ*.

Гишпанский посланник — чрезвычайным посланником Испании в России в 1825—1835 гг. был Дон-Хуан Мигуэль Паэс де ла Кадена (Paëz de la Cadena), о котором см. стр. 208—211.

Гр. Ланжерон — Александр Федорович (1763—1831) [1] и его жена (с 1823 г.), рожд. Аркудинская-Бриммер — знакомые Пушкина по Одессе, где Ланжерон, бывший новороссийским генерал-губернатором (1815—1823), жил до 1824 г., когда уехал во Францию. В конце 1825 г. — начале 1826 г. он вернулся в Россию, опять жил в Одессе, позднее в Петербурге. В списке Пушкин указывает его адрес: «Невск. проспект д. Сабира», так что ясно, что в декабре 1829 г. Ланжерон уже жил в Петербурге, а не с «начала 1831 г.», как ошибочно говорится в *П*, II, 435. В письме к Е. М. Хитрово от 19—24 мая 1830 г. Пушкин говорит о Ланжероне как об их общем знакомом, с которым он встречался у Хитрово в Петербурге.

Переводчик «Илиады» Николай Иванович *Гнедич* и баснописец Иван Андреевич *Крылов* названы вместе, так как карточки им можно было завезти одновременно — оба служили в Публичной библиотеке.

Дельвиг — Антон Антонович (1798—1831) и жена его — Софья Михайловна, рожд. Салтыкова (1806 — 1888) — почему-то вычеркнуты из списка.

Нарышкин — какой это Нарышкин, сказать трудно; едва ли Лев Александрович (1785—1846), племянник известной возлюбленной Александра I, Марьи Антоновны, с которым Пушкин был знаком по Одессе. Нет указаний, что Л. А. Нарышкин жил в это время в Петербурге; к тому же Лев Александрович был женат на гр. Ольге Станиславовне Потоцкой, которую Пушкин хорошо знал, и поэтому не мог отвезти ему одну визитную карточку.

Перовские — двое из братьев Перовских, с которыми Пушкин был дружен: Алексей Алексеевич (1787—1836), писатель, известный под псевдонимом «Антоний Погорельский», и Василий Алексеевич (1795—1857), будущий военный губернатор в Оренбурге, у которого Пушкин останавливался во время поездки своей туда в 1833 г.

Мартынов — Иван Иванович (1771—1833), классик и переводчик, деятель просвещения. Известно письмо Пушкина к нему — самое раннее из сохранившихся, написанное ему как одному из попечителей Царскосельского лицея. Вероятнее всего, что Пушкин именно ему посылал свою карточку и вслед за его именем записал имя директора лицея. Но, может быть, запись разумеет и сына Ивана Ивановича, товарища Пушкина по лицею — Аркадия Ивановича (р. в 1801 г.). Хотя в лицее Пушкин и выделял его (повидимому именно его, талантливого рисовальщика, подразумевал он в «Монахе» в стихе: «М....... пусть пленяет кистью нас», и ему же подарил свой рисунок), относительно общения Пушкина после лицея с Мартыновым, скромным чиновником, никаких сведений нет.

---

[1] О Ланжероне и Пушкине см. *П*, *ДП* и *ОП* III.

Энгельгардт — либо Егор Антонович, директор Царскосельского лицея при Пушкине, либо — приятель молодости Пушкина по кружку «Зеленая лампа», Василий Васильевич (1785—1837), отношения с которым Пушкин поддерживал и вернувшись из ссылки.

Плетнев — Петр Александрович (1792—1865), близкий друг Пушкина, постоянно ведавший изданиями сочинений поэта.

Молчанов — Петр Степанович (1772—1831), писатель, бывший статс-секретарь, когда-то видный государственный деятель, а в пору знакомства с Пушкиным слепой старик с большим запасом рассказов о слышанном, часть которых записана Вяземским в «Старой записной книжке», приятель Плетнева. Пушкин писал последнему по поводу смерти Молчанова 16 июля 1831 г. сердечные строки о «нашем добром и умном слепце».

Одоевский — кн. Владимир Федорович (1803—1869), писатель и музыкант, приятель Пушкина.

Титов — Владимир Павлович (1807—1891), сотрудник журнала «Московский Вестник», в конце апреля-начале мая 1827 г.[1] переехавший в Петербург и поступивший на службу в азиатский департамент министерства иностранных дел. Титов жил у дяди своего, известного государственного деятеля Д. В. Дашкова, который хоть и был в это время (1829 г.) товарищем министра юстиции, но продолжал жить по старой своей должности товарища министра внутренних дел в доме этого министерства, куда Пушкин и адресует карточку.

Сохранилась визитная карточка Пушкина, воспроизведенная во «Временнике Пушкинского Дома», 1913, стр. V.

60.

Талантл.⟨ивый⟩ Сѣв⟨еринъ⟩

внукъ портнова и повара

Запись в тетради № 2382, л. 92$_2$. Написано очень мелко (и смазано) между строк чернового текста восьмого письма «Романа в письмах», содержащего в себе рассуждения Владимира ** об упадке древнего дворянства и возвышении новой аристократии. Судя по положению в тетради, «письмо» это написано в декабре 1829 г., когда, надо думать, сделана и запись; содержание её является конкретным примером выдвижения в чиновную аристократию человека «низкого» происхождения и имеет в виду Дмитрия Петровича Северина (1791—1865), члена «Арзамаса», дипломата, бывшего поверенным в делах Швейцарии в 1827—1836 гг. Пушкин еще в 1823 г.

[1] Время переезда выясняется по письмам Одоевского и Титова к М. П. Погодину.

написал на Северина эпиграмму «Жалоба», начинающуюся стихами: «Ваш дед портной, ваш дядя повар, А вы, вы модный господин...».

Печатается впервые.

61.

50
14
———
200
50

Запись на одном (л. 4_1) из восьми листков в 4 д. л., с водяным знаком: «1828», с перебеленным и черновым текстом строф из «Путешествия Онегина», датируемых 1829 г. Листки хранятся в *ПБЛ*. См. *РП*, № 18, стр. 12.

Запись представляет собою неоконченный подсчет числа стихов в пятидесяти строфах, вероятно, седьмой главы «Евгения Онегина».

Печатается впервые.

62.

Lieux ou finit l'Europe et commence l'Asie
17
4

[21
10
———
31]

Перевод:

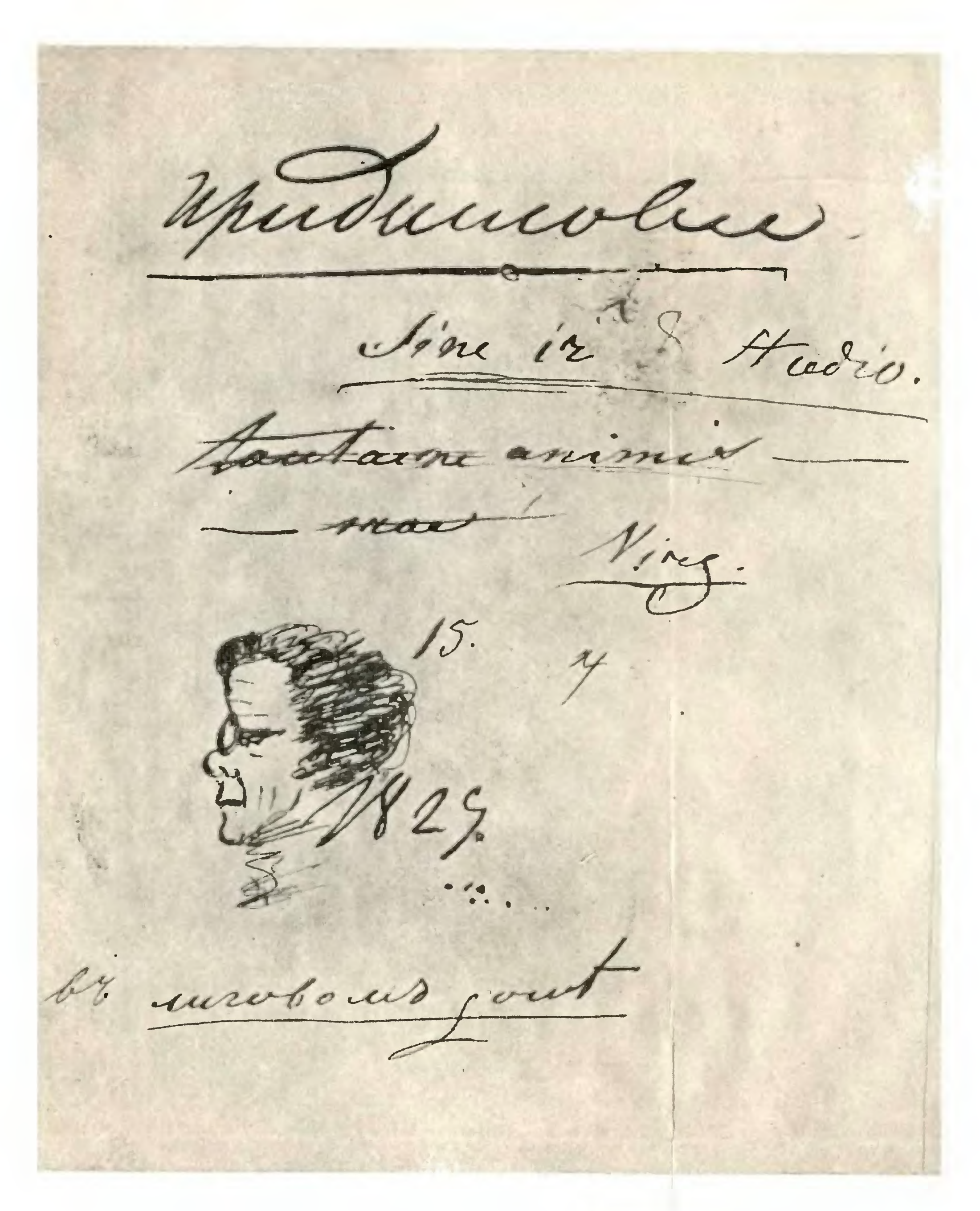
Местности, где кончается Европа и начинается Азия.

Записи на л. 8_1 рукописи в восемь листов (в 4 д. л.) с черновыми и перебеленными текстами «Путешествия Онегина», датируемого 1829 г. (см. *РП* № 18, стр. 12).

Впервые напечатано Л. Б. Модзалевским в *РП*, стр. 12.

Запись представляет собою второй стих девятой песни «Генриады» Вольтера.

Источник записи был установлен уже после того, как книга была сверстана, почему и не представилось возможным перенести запись в X отдел первой части книги, где ей надлежало бы быть.

Запись Пушкина на рукописи «Отрывок из литературных летописей»

(К стр. 329)

63.

ВЪ ЛИГОВОМЪ ДОМѢ

Запись на первой странице рукописи в тринадцать листов (в 4 д. л.) статьи «Отрывок из литературных летописей», входящей в состав Майковского собрания автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 620) (см. *ПС* IV, 27, № 11, где и опубликована запись). Воспроизведена факсимильно в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 423.

Статья «Отрывок из литературных летописей» в указанной рукописи датирована: «27 марта 1829. Москва». На стр. 1, кроме комментируемой записи, написано: «Предисловие», затем эпиграфы: «Sine ira et studio» и «[tantaene animis irae. Virg.]». Ниже нарисован портрет кн. П. А. Вяземского, затем: «1829», и еще ниже — комментируемая запись, которую поэтому датируем этим годом.

Лиговка — улица в Петербурге. «Лигов дом» — очевидно, дом на улице Лиговке, но чей это адрес, сказать не можем.

64.

Сергѣй Сергѣ⟨евичъ⟩
Гагаринъ
у Б

Запись на обороте письма Ф. В. Булгарина к Пушкину от 18 февраля 1830 г. См. *АП*, II, стр. 118—119. Кн. С. С. Гагарин (1795—1852) — в 1829 — 1833 гг. директор императорских театров. Запись может быть обозначает памятную запись о том, что кн. С. С. Гагарину нужно послать записку, о которой Пушкин писал кн. П. А. Вяземскому 14 марта 1830 г. См. *П* II, стр. 76.

Печатается впервые.

65.

Захарово NB

Запись в тетради № 2371, на внутренней стороне передней крышки переплета. Тетрадь эта заведена Пушкиным в мае 1827 г., но пользовался ею поэт в 1827—1829 гг., а может быть и в 1830 г. Помета, возможно, находится в связи с поездкой в первой половине июля 1830 г. в Захарово, где поэт живал в детстве.

Печатается впервые.

66.

9 сентяб
Болдино
1830
Письмо отъ Nat.

Запись в тетради № 2379. Дата окончания повести «Гробовщик» и получения письма от невесты, Н. Н. Гончаровой.

Напечатано впервые у *Я* XI, 339.

67.

А вотъ то будетъ
что и насъ не будетъ
Пословица Св. Игу

Запись в тетради № 2379. Написано на той же странице, где окончание «Гробовщика», в другом направлении, сбоку.

Напечатано в неправильном чтении впервые у *Я* XI, 339. Якушкин не разобрал: «Св. Игу», что значит: «Святогорского игумена». По свидетельству А. Н. Вульфа, этот игумен Святогорского монастыря, Иона, которому было поручено наблюдение за Пушкиным во время его жизни в Михайловском, любил говорить пословицами и поговорками. Пушкин угощал Иону ромом и наливками и вывел его в лице Варлаама в «Борисе Годунове»

68.

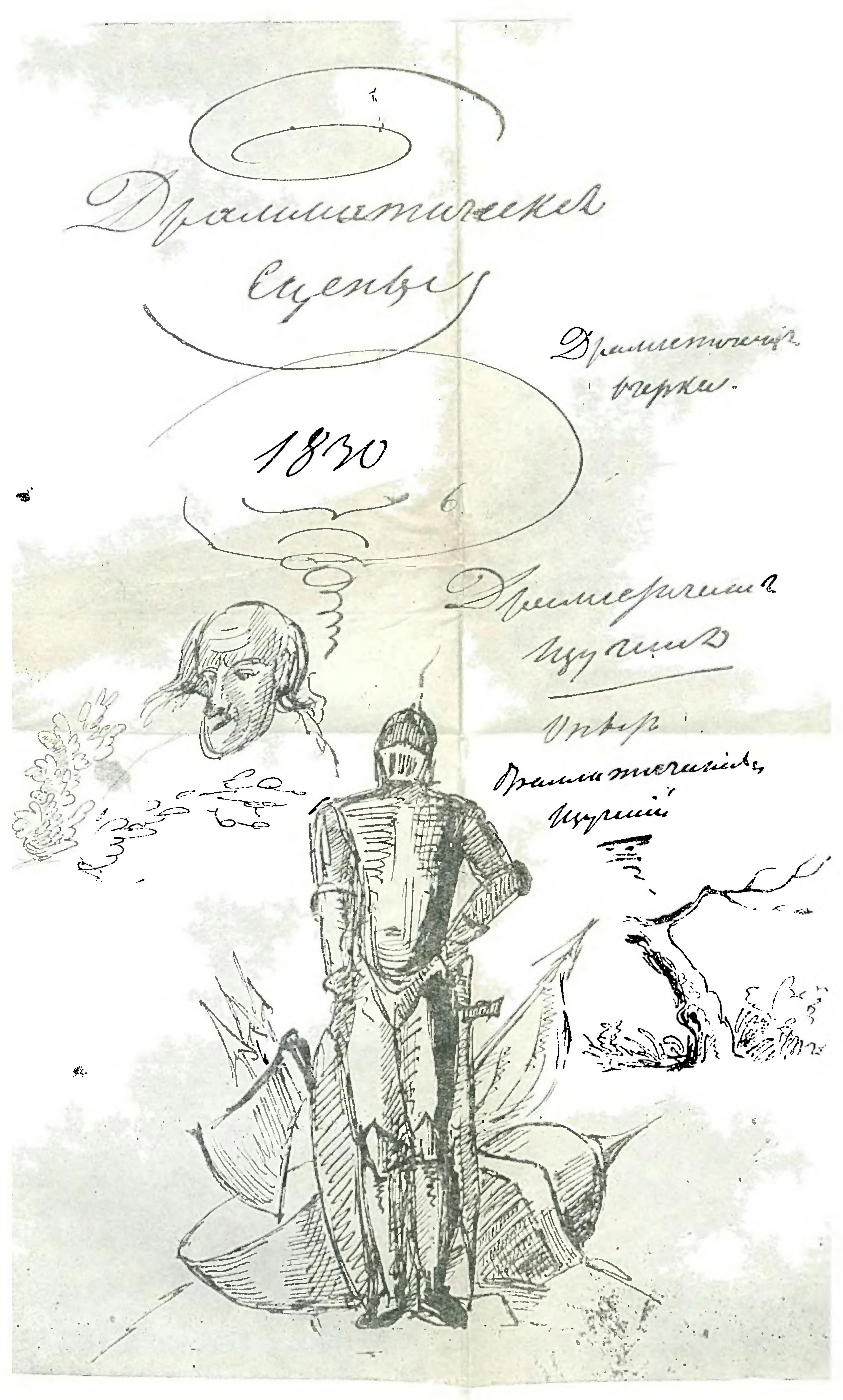
Письмо от. N. Кист. кр.
пор., pt. ка.

Запись на листе с черновым текстом последних строф восьмой главы «Евгения Онегина», датированных тут же: «Болдино. 1830, сент. 25, 3 $^1/_4$». Лист входит в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 535) (см. *ПС* IV, 11, № 37г).

Письмо от N. — письмо от Natalie, то есть невесты, Наталии Николаевны Гончаровой. Письмо это (как и вообще все ее письма) неизвестно.

Кист. kр. — вероятно, кистеневские крестьяне, то есть крестьяне села Кистенева, принадлежавшего Пушкину.

Пор., pt. ka. — непонятно.

Обложка рукописей драматических произведений Пушкина.

(К стр. 331)

69.

18 окт.
сожж. X пѣснь

Запись в тетради № 2379, на полях текста конца «Метели», датированной: «20 окт.». См. «Литературное Наследство», № 16—18, стр. 415. Год записи — 1830.

Напечатано впервые у *Я* XI, 339, где неверная дата: «19 окт.».

Запись говорит о сожжении десятой главы «Евгения Онегина», от которой сохранились лишь первые четверостишия четырнадцати строф и черновые тексты трех строф. (См. П. О. Морозов, «Шифрованное стихотворение Пушкина» в *ПС* XIII, 1—12, *КН* IV, 222—224, и статью С. Я. Гессена, «Источники десятой главы „Евгения Онегина"» в сборнике «Декабристы и их время», т. II, стр. 130—160.)

70.

[57
8
———
456]

Запись в тетради № 2376 А, л. 24_2, на полях черновика строфы: «И там себе мы возимся в грязи...» «Домика в Коломне». Редакция поэмы, находящаяся в этой тетради, была закончена 10 октября 1830 г., когда был сделан подсчет стихов в написанных пятидесяти семи октавах.

Печатается впервые.

71.

Драмматическія
Сцены
1830

Драмматическіе
очерки
Драмматическія
изученія
Опытъ
драмматическихъ
изученій.

Запись в тетради № 2376 А, л. 6_1. На первой странице писчего листа, кроме этих записей, только рисунки: рыцарь в латах, голова ста-

рика, этюды дерева, листвы. Вторая и третья страницы чистые, а на четвертой список № 6 (см. стр. 278). Вероятно, это обложка от рукописи или рукописей «Скупого рыцаря», «Моцарта и Сальери», «Каменного гостя» и «Пира во время чумы». Сделана она, вероятно, в ноябре 1830 г., когда были написаны все перечисленные трагедии.

Напечатана впервые у *А* I, в приложениях (факсимиле), затем у *И* X, 76.

72.

Разумовскій, Никита Панинъ, conspirateurs.
Mr Dachkof embas. à Const. Epris de Catherine
Pierre III jaloux d'Elis. Wor.
(Mde Щербин)

Перевод:

⟨Разумовский, Никита Панин⟩, заговорщики. Г. Дашков, посол в Константинополе. Влюблен в Екатерину. Петр III ревнует к Елизавете Воронцовой.

(Г-жа Щербинина)

Текст написан на узком листке бумаги, отрезанном от листа in f°. На бумаге водяной знак: «А Г», и жандармская помета: «75». Бумага фабрики Гончаровых, употреблявшаяся Пушкиным в 1830-х годах.

Впервые публикуемый автограф хранится в *ИРЛИ* (№ 204), куда он поступил от Л. Б. Бертенсона, получившего его в подарок от А. Ф. Онегина. Под записью в скобках стоит помета: «M-de Щербин»; помету эту нужно понимать в том смысле, что Пушкин слышал записанное от г-жи Щербининой (ср. пометы при записях анекдотов в «Table-talk»). Повидимому, это была Анастасия Михайловна Щербинина (1760—19 июля 1831), вдова бригадира, дочь известной кн. Е. Р. Дашковой (см. стр. 592). Таким образом рассказывала она о своем отце и о тетке. О знакомстве Пушкина с некой Щербининой было известно. А. И. Кошелев писал из Москвы кн. В. Ф. Одоевскому 21 февраля 1831 года: «Вчера на бале у Щербининой встретил Пушкина...». Публиковавший это письмо (в *РС* 1904, IV, 206) И. А. Бычков высказал предположение, что это — Настасья Михайловна Щербинина. Н. П. Чулков в своей работе «Пушкин-москвич» (в книге «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 78) убедительно доказывает, что бал 20 февраля 1831 г. происходил именно у Анастасии Михайловны Щербининой. Так как она умерла летом 1831 г., то Пушкин слыхал ее рассказы не позднее этого времени, почему и запись датируем предположительно первой половиной 1831 г.

Запись Пушкина конспективно передает рассказ А. М. Щербининой о заговоре 1762 г. против Петра III, возведшем на престол Екатерину II. Щербинина рассказывала Пушкину, конечно, со слов своей матери.

Последняя в своих известных записках не говорит о том, что муж ее, кн. Михаил Иванович Дашков, был влюблен в Екатерину и что Петр III ревновал свою фаворитку, сестру кн. Е. Р. Дашковой, гр. Е. Р. Воронцову. Но обо всем остальном, записанном Пушкиным, находим у Дашковой подробные сведения. Не желая подвергать опасности своего мужа в случае неудачи переворота, душой которого, по словам Е. Р. Дашковой, была она, Екатерина Романовна через свою сестру Елизавету (1739—1792) устроила в феврале 1762 г. назначение своего мужа послом в Константинополь («Записки кн. Дашковой», СПб. 1907, стр. 33—34). О том, как Дашкова вовлекала в заговор гетмана Малороссии гр. Кирилла Григорьевича Разумовского (1728—1803), командовавшего л.-гв. Измайловским полком, она рассказывает в своих «Записках» же (стр. 39). Там же (стр. 42—44) рассказывается об участии в заговоре Никиты Ивановича Панина, бывшего с 1760 г. воспитателем вел. кн. Павла Петровича. О близости Петра III с гр. Ел. Р. Воронцовой рассказывала Пушкину и Загряжская. См. «Table-talk».

73.

4 [Онъ мнѣ даетъ]
5
Ф 4
Ф. 5
5 [3 Фиг
7 Фиг.
9 1 [Я даю] 4
8 Ф 4 [Ему пят] 5 9
—— [9] 7 Ф.
Ф.] 9 6
9 8
[8] 4 [4]
6
[9] [4
2 5
3 Ф
—— Ф.
9 5
5 7
7 9
8]

Запись на листке в 4 д. л. бумаги с водяным знаком «А... Г... 30», входящем в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 599) (см. *ПС* IV, 23, № 5).

На листке с записью — один из «планов» «Романа на кавказских водах», датируемых Н. В. Измайловым сентябрем 1831 г. — см. *ПС* XXXVII, 71, где единственный раз напечатана (не полностью) и комментируемая запись (стр. 74), о которой Н. В. Измайлов заметил, что ее «смысл неясен (быть может, карточные расчеты?)».

Последнее предположение нам представляется несомненным. Запись представляет собою расчеты игры в карты вдвоем в штос, о чем говорят слова: «он мне дает» и «я ему даю». «Фиг.» и «Ф.» означают карты с «фигурами», то есть «король», «дама», «валет». Цифры «4», «5», «7», «8» и «9» означают карты «четверка», «пятерка» и т. д.

Запись сделана, вероятно, одновременно с «планами» «Романа на кавказских водах», то есть в сентябре 1831 г.

74.

у Знаменскаго моста въ домѣ купца Гусева Столяръ Бѣляевъ —

Запись в тетради № 2377, А, л. 39_2. Написано карандашом на обороте листа, на котором текст стихотворения: «Чем чаще празднует лицей», датированного тут же: «19 окт. 1831». Адрес написан, вероятно, вскоре после 19 октября 1831 г. 22 октября Пушкин с женой, поселившиеся было по приезде из Царского Села в Петербург в доме Берникова на Вознесенском проспекте, переехали на новую квартиру, в дом Брискорн на Галерной.

Напечатано впервые у *Я* X, 87.

75.

Ф. В. похвал⟨ил⟩ъ вашего сына

Запись карандашом на четвертой странице письма (в конце его) П. А. Осиповой к Пушкину от 25 января 1832 г., хранящегося в собрании Шляпкина (в *ИРЛИ*, № 681) (см. *Ш*, 158—159).

Печатается впервые.

Смысл записи объяснить не можем. Может быть первые буквы означают имя и отчество Булгарина — Фаддей Венедиктович.

76.

Полу. Понѣд.

Помета карандашом вверху первой страницы письма А. Рахманова к Пушкину от 10 апреля 1832 г., хранящегося в собрании Шляпкина (в *ИРЛИ*, № 677) (см. *Ш*, 167, где единственный раз напечатано).

Запись, очевидно, означает: «Получено понедельник». Письмо от 10 апреля из Москвы было получено в понедельник 18 апреля.

77.

8 Ноя⟨бря⟩
1832
Крест. В. К.
2 часа — $^1/_2$

Запись находится в рукописи «Дубровского» в *ЛБ* (№ 2380, I, л. 42_1). Она сделана под концовкой, заключающей описание пожара, которым Пушкин, повидимому, предполагал завершить шестую главу романа.

Впервые опубликовано (с ошибкой в чтении) у *Я* XI, 344. Правильное чтение дано в статье Д. П. Якубовича «Работа Пушкина над прозой» (в сборнике «Работа классиков над прозой», Л. 1929, стр. 17). Раскрытие записи как «Крестины Великого Князя» сделано им же в заметке «Дубровский» (*КН* VI, 132).

8 ноября 1832 г. были крестины сына Николая I, вел. кн. Михаила Николаевича (род. 13 октября 1832 — ум. в 1909), о чем читаем в «Северной Пчеле» от 9 января (№ 262), где между прочим час крещения не обозначен.

Пушкинская запись свидетельствует о том, что еще в ноябре 1832 г., то есть за год до камер-юнкерства, Пушкин в какой-то мере должен был принимать участие в придворной жизни. Запись эта с обозначением часа, конечно, напоминательная, и сказать, был ли Пушкин на крестинах или только собирался, не представляется возможным.

78.

Полк. Kazn въ Фонар
переу — 46 №

Запись карандашом на л. 90_1 в тетради в *ПБЛ*. См. *РП*, № 43, стр. 25, где Л. Б. Модзалевский единственный раз напечатал текст записи,

которую, судя по положению в тетради, можно предположительно датировать 1832 г.

Фонарный переулок — в Петербурге.

Полк. Казн. — полковник Казначеев. Пушкин, возможно, имеет в виду Александра Ивановича Казначеева (1788—1880), в 1823—1827 гг. бывшего правителем канцелярии гр. М. С. Воронцова в Одессе, где с ним был близко знаком Пушкин. Хотя полковником Казначеев был с 1818 по 1824 г., когда (17 января) был произведен в действительные статские советники, но Пушкин мог по старой памяти называть его этим чином. В 20-х и 30-х гг. в Петербурге Казначеев подолгу не жил, и записанный Пушкиным адрес — вероятно, местопребывание Казначеева во время одного из его приездов в столицу. Об отношениях Пушкина к А. И. Казначееву см. *II*, по указателю.

79.

Сдвиженка собств. д.

Запись на л. 29₂ в тетради № 2386 Б, хранящейся *ЛБ*. Датируется 1832 г. Чей-то московский адрес: «Сдвиженка» (в просторечии) — Воздвиженка.

80.

Багрѣев⟨а⟩
Энгельг⟨ардтъ⟩

Запись карандашом на листке (без водяного знака) с первым наброском стихотворения «Он между нами жил»: «Не гость, не любопытный странник», хранящемся в *ИРЛИ* (№ 411).

Датируется августом 1834 г., по соседству с стихотворением.

Багреев⟨а⟩ — вероятно, Елизавета Михайловна Фролова-Багреева (1799—1857), дочь гр. М. М. Сперанского, в 1822 г. вышедшая замуж за Александра Алексеевича Фролова-Багреева, в 1826—1833 гг. бывшего управляющим Государственным заемным банком. В ее салоне бывали Карамзин, Пушкин, Вяземский, Мицкевич, Брюллов, А. И. Тургенев. В письме к невесте от 30 июля 1830 г. Пушкин писал: «Вчера m-me Багреева, дочь Сперанского, присылала за мной, чтоб вымыть мне голову за то, что я не исполнил формальностей, но в самом деле, у меня не хватает сил. Я мало езжу в свет» (см. *П* II, 101). О Е. М. Фроловой-Багреевой см. там же, стр. 453—454.

Энгельг⟨ардт⟩ — вероятно, Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862), бывший директор Царскосельского лицея. Особенно близких отношений у него с Пушкиным не было.

81.

1773
18
———
55

Запись на л. 2_1 тетради № 2374, на той же странице, где греческий текст «Одиссеи» (см. стр. 88). Так как в этой же тетради (лл. 4_2—5_1) имеются две программы «Капитанской дочки», одна из которых датирована 31 января 1833 г., то возможно, что данная запись, сделанная, вероятно, одновременно с программами, представляет собою вычисление года рождения молодого Гринева. 1773 год — год Пугачевщины. В окончательном тексте повести (глава I) Гринев покидает родительский дом на семнадцатом году своей жизни, но вначале Пушкин, можно думать, предполагал пустить его в приключения восемнадцатилетним. Печатается впервые.

82.

Его Сіятельству
Милостивому Государю
Князю Петру Михайловичу
Волконскому
отъ Н. Н. Пушкиной.

Написано рукой Пушкина на обороте второго листка письма Н. Н. Пушкиной от 18 февраля 1833 г., по делу о продаже в казну статуи Екатерины II. Письмо это, запечатанное перстнем-талисманом, находится в деле «О бронзовой колоссальной статуе Екатерины II, предлагаемой к покупке писателем А. Пушкиным», в архиве министерства императорского двора. Теперь это дело хранится в *ИРЛИ* (№ 426).

Впервые напечатано Н. О. Лернером в *РС* 1913, № 12, стр. 512. По весьма вероятному предположению Н. О. Лернера, Пушкин, не будучи в хороших отношениях с министром двора кн. П. М. Волконским, не хотел сам обращаться к нему с просьбой и продиктовал жене письмо от ее имени. Тем не менее просьба была отклонена.

83.

5[1] августа 1833. Черн. рѣчк⟨а⟩
———
в. с. ц. Schw.

[1] *Исправлено из* 4.

Эта помета сделана под перебеленным текстом с поправками предисловия «Капитанской дочки». Рукопись Онегинского собрания, хранящаяся в *ИРЛИ* (№ 366). См. *ПС* XII, стр. 23, № 1.

Напечатано впервые М. Л. Гофманом в *НП*, 165, в другом чтении — Якубовичем в статье «Работа Пушкина над художественной прозой» (в сборнике «Работа классиков над прозой», Л. 1929, стр. 18). На Черной Речке жил Пушкин с семьей на даче летом 1833 г. Смысл второй строчки остается непонятным.

84.

Пуг⟨ачевъ⟩ повѣсилъ Академика
Ловица въ Камышинѣ
Иноходцевъ убѣжалъ

—

Оцюшъ кайбасъ, богъ
Панинъ домъ Пустынникова
Смышляевка

Записи №№ 84—90 сделаны на лл.: 1_1, 2_2, 4_1, 5_2, 6_1, 7_1 и 8_2 в записной тетради из бумажника в зеленой бумажной обложке в малую 8 д. л.

Все записи писаны карандашом, во время поездки Пушкина в Оренбургскую губернию в сентябре 1833 г. (см. в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб. 1893, опись бумаг А. А. Краевского, составленную И. А. Бычковым, стр. 37—38, и *РП*, № 44, стр. 26—27).

Записи на л. 1_1. Первая запись единственный раз напечатана П. О. Морозовым в *М*[2] VII, 278, а вторая — Л. Б. Модзалевским в *РП*, 26.

Первая запись сделана, вероятно, при обратном пути (с 20 сентября) из Оренбурга через Уральск, Саратов и Пензу в Болдино.

Камышин — уездный город Саратовской губ., на Волге, к югу от Саратова. Рассказ о смерти Ловица Пушкин поместил в VIII главу «Истории Пугачевского бунта». Давыд Егорович *Ловиц* (р. в 1722 г. — повешен пугачевцами 13 августа 1774 г.) — профессор астрономии, член Петербургской Академии Наук с 1768 г. На Волге был в служебной командировке для астрономических наблюдений.

Петр Борисович *Иноходцев* (1742—1806) — адъюнкт по астрономии Академии Наук (с 1768 г.), тоже был в научной командировке.

Во второй записи: *оцюш*, *кайбас* — непонятно.

Панин — гр. Петр Иванович Панин (1721—1789), в 1774 г. начальствовавший всеми войсками против Пугачева. Запись Пушкина, сделанная им, вероятно, при проезде из Самары в Оренбург, числа 16 сентября,

говорит о том, что Панин в селе Смышляевке (в 20 верстах к северо-востоку от Самары) останавливался в доме Пустынникова. Эту запись Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» не использовал.

85

Въ Бердѣ Пуг⟨ачевъ⟩ жилъ
въ домѣ ⟨Карпа⟩ Кондр.
Ситникова
въ Озерной у Поле
жаева
Харл.⟨ова⟩ разстрѣлена.

Л. 2_2. Впервые напечатано Морозовым в *М*[3] VII, 278, лучше и полнее Л. Б. Модзалевским в *РП*, 27. Запись сделана в Бердах, слободе близ Оренбурга, куда Пушкин с Далем ездил 19 сентября. Здесь Пушкин слушал рассказы о Пугачеве семидесятилетней казачки Бунтовой, о которой писал жене 2 октября. Рассказ старухи о расстреле жены коменданта Нижне-Озерной крепости Харловой Пушкин ввел в III главу «Истории Пугачевского бунта», оставив неиспользованными указания, у кого и где жил Пугачев. Бунтову (не называя ее имени) Пушкин упомянул в последнем примечании к IV главе «Истории». Описание «дворца» Пугачева в Бердах в главе «Мятежная слобода» в «Капитанской дочке» сделано со слов Бунтовой же. О рассказах ее Пушкину см. в воспоминаниях В. И. Даля о Пушкине в кн. Л. Н. Майкова «Пушкин», СПб. 1899, стр. 417. См. еще там же стр. 427—429.

86.

Благородное собраніе
въ Казани
въ Саратовѣ бедн *нрзбр.*

Лаишевъ городъ
въ шлафоркѣ
Бизяновъ Ур⟨альскій?⟩ Полк⟨овникъ⟩

Л. 4_1. Единственный раз напечатано Л. Б. Модзалевским в *РП* 27.
Первая запись, очевидно, имеет в виду здания «Благородного собрания» в Казани и Саратове.

Значение третьей записи объяснить не можем.

Вторая запись о Лаишеве точно бы говорит о том, что Пушкин был в этом городе. Обычный путь из Казани, откуда поэт выехал 8 сентября, в Симбирск шел на Сеитову, Бурундуки, Сибирчи, Буинск, Елшанку и Шумовку (201 верста). Путь же на Лаишев, Спаск, Тетюши и Буинск был верст на 68 длиннее, нужно было переправляться два раза через Волгу и верст 35 сделать проселком. Подтверждением того, что Пушкин был в Лаишеве, может служить статья О. П. Суворова «Пушкин в Лаишеве» («Московские Ведомости» 1901, № 323), где передается местное предание о пребывании поэта в этом городе.

Запись Пушкина, очевидно, говорит о впечатлении сугубой провинциальности, неблагоустроенности, которое произвел город на Пушкина.

87.

Чугуны — Курм.[1]
Васильс⟨урскъ⟩ — пред⟨аніе⟩ о Пуг⟨ачевѣ⟩
Онъ въ Курмышѣ повѣсилъ
пол⟨ковника⟩ Юрлова за смѣлость
его обличенія — и мертваго
сѣкли нагайками — жена
его спасена его крестьянами.
Сл⟨ышалъ⟩ отъ старухи, сестры ея —
жив⟨ущей⟩ милостынею

Пуг.⟨ачевъ⟩ шелъ мимо копны
сѣна — собачка бросилась на
него — Онъ велѣлъ разбросать сѣно
нашли двухъ барышенъ коихъ
подумавъ, велѣлъ повѣсить.
Слышалъ отъ смотрителя — за

Л. 5_2. Единственный раз напечатана лишь первая запись (не полностью) Морозовым в *М*[2] VII, 279.

Чугуны — почтовая станция между Нижним-Новгородом и Казанью.

Курмыш — уездный город Симбирской губ., на левом берегу Суры. В нем Пушкин, вероятно, не был.

Васильсурск — уездный город Нижегородской губ., на правом берегу Волги и левом берегу Суры, при впадении ее в Волгу. Пушкин по дороге

[1] *Чтение предположительное.*

из Нижнего-Новгорода в Казань проезжал мимо Васильсурска (в нем почтовой станции не было).

Предание о смерти Юрлова (он в «Истории Пугачевского бунта» назван майором) Пушкин ввел в VII главу своей «Истории»: «20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру... Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми».

Вторая запись Пушкиным нигде не использована.

88.

Вас.⟨илій⟩ Плотниковъ Пуг.⟨ачевъ⟩
у него работникомъ

Л. 6[1]. Написана верхом вниз по отношению к большинству записей. Единственный раз напечатана *Л.* Б. Модзалевским в *РП*, 28.

Василий Плотников — яицкий казак, был в числе тех пяти сообщников Пугачева, которым был вынесен приговор: «высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу» (см. второй том «Истории Пугачевского бунта» Пушкина, раздел первый, № 10, «Манифест 18 декабря 1774 г. о преступлениях казака Пугачева»).

89.

Нынче калмыки такъ
обрусѣли, что готовы съ
живого шкуру содрать
Слова Мордвина 16 сент.

долгая молитва широкій крестъ
хорошаго не лизать, дурнова не тѣсать

Л. 8[2]. Написано верхом вниз по отношению к большинству записей. [1]

Впервые напечатано И. А. Бычковым в «Отчете Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб. 1893, приложение, стр. 38, и перепечатано у

---

[1] Вслед за этой записью на *л.* 7[1] имеется запись: «Карницкій Ил. части». Запись сделана рукой повидимому малограмотного старика, очевидно казака Илецкой части. Вероятно, Пушкину захотелось иметь на память автограф может быть свидетеля пугачевщины. Напечатано в *РП*, 27.

E^4 VI, 277, прим.; Морозовым в M^3 VII, 278 перепечатаны только слова мордвина. Ср. *РП*, стр. 27.

Запись сделана, вероятно, в Самаре, где Пушкин должен был быть 16 сентября.

90.

отъ Пензы до Арз.⟨амаса⟩ 285
Починокъ —— 106

179

Л. 8_2. Печатается впервые. Ср. *РП*, 27.

Запись сделана, вероятно, в Пензе 27 или 28 сентября 1833 г.

В письме к жене из Оренбурга от 19 сентября 1833 г. Пушкин писал: «Завтра еду к яицким казакам, пробуду у них дни три — и отправлюсь в деревню через Саратов и Пензу». Непонятно, почему Пушкин решил ехать таким кружным путем. Из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, вдоль Б. Иргиза в Красный Яр и вдоль Волги в Саратов, а оттуда в Пензу, затем в Карсунь, Языково, Абрамово и Болдино 1072 версты, тогда как из Уральска на Умет Переметный, Овсяной Гай, Сызрань, Симбирск, Языково, Абрамово и Болдино лишь 690 верст. Но на то, что он ехал именно этим путем, указывает комментируемая запись.

Приехав в Пензу, Пушкин стал раздумывать, по какой дороге ему ехать. Эти колебания и отражает запись. Прямая дорога от Пензы в Болдино шла на Арзамас [1] до Починок, откуда проселком до Болдина. Всего по этому пути было верст 229. Но Пушкин хотел побывать у Языковых в их имении Языково (Карсунского уезда, Симбирской губернии, в версте от почтовой станции Карлинской на большой дороге Симбирск — Карсунь), а потому решил ехать в Болдино кружным путем: из Пензы на Карсунь до Карлинской, откуда в Языково, из Языкова через Карлинскую до Абрамова, откуда проселком в Болдино. По этому пути нужно было сделать 358,5 верст.

91.

нрзбр [2]
нрзбр
Год.⟨уновъ⟩
В.⟨асилій Шуйскій⟩
М.⟨ихаилъ⟩

---

[1] По «Почтовому дорожнику» 1824 г. от Пензы до Арзамаса несколько меньше верст (280,5), чем записал Пушкин (285).

[2] *Неподдающиеся прочтению две-три зачеркнутых буквы.*

Запись в тетради № 2375, л. 16_1 на полях черновика стихов «Один из них был четвертован. . .» из «Родословной моего героя». Этот лист был вырван Пушкиным из тетради № 2374, а жандармами был вшит в составленую ими из разных листов тетрадь № 2375.

Печатается впервые.

См. примечание к следующей записи.

92.

Ив⟨анъ⟩
Ф⟨едоръ⟩
Год⟨уновъ⟩
Год⟨уновъ⟩
Раз⟨стрига⟩
Ш⟨уйскiй⟩
М⟨ихаилъ⟩
А⟨лексѣй⟩
Ѳ⟨едоръ⟩
I⟨оаннъ⟩
П⟨етръ⟩

Запись в тетради № 2374, л. 16_2, на полях черновика стихов из первой части «Медного всадника»: «Царь молвил — из конца в конец. . .» которые писались не ранее 6 и не позднее 31 октября 1833 г.

Напечатано впервые у *Я* IX, 643. Якушкин не понял значения записи и две буквы прочел неверно.

Рассказывая в «Родословной моего героя» историю своих предков в виде истории рода Езерских, Пушкин напоминал себе последовательность царствований, в которые происходили описываемые события. Первая запись представляет собою первоначальный набросок, написанный одновременно со стихами из «Родословной». Вероятно, тогда же на другом листе тетради Пушкин составил список в более полном виде, который, таким образом, оказался в соседстве со стихами, не имеющими никакой с ним связи.

Иван IV Грозный царствовал в 1547—1584 гг., Федор Иванович — 1584—1598, Борис Годунов — 1598—1605, сын его Федор — 1605, Дмитрий Самозванец — 1605—1606, Василий Шуйский — 1606—1610, Михаил Федорович Романов — 1613—1645, Алексей Михайлович — 1645—1676, Федор Алексеевич — 1676—1682, Иван Алексеевич — 1682—1696, и Петр Первый — 1682—1725.

93.

Отцу
Сестрѣ
Рае⟨вскому⟩
Вяз⟨емскому⟩
Дм⟨итріеву⟩
Елизѣ
мнѣ
Погд.
Пол.

Написано на обороте листка в 8 д. л., на лицевой стороне которого письмо Н. М. Смирнова к Пушкину, датируемое мартом—августом 1832 г.

На оборотной стороне, кроме перечня лиц, имеется набросок заметки о Моцарте и Сальери, датируемый 1833 г.

Листок входит в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ* № 601) (см. *ПС* IV, 24, № 7).

Печатается впервые.

В описании рукописи В. И. Срезневский высказал предположение, что эта запись является перечнем писем, что̀ неправдоподобно, так как в списке стоит: «мне». На основании этого слова в списке нужно видеть перечень лиц, которым предназначались экземпляры какой-то книги Пушкина. Так как список можно датировать 1832—1833 гг., то этой книгой могла быть или третья часть «Стихотворений», вышедшая в свет в последних числах марта 1832 г., или «Евгений Онегин», вышедший в свет в марте 1833 г.

Рае — приятелю Пушкина Н. Н. Раевскому-младшему.

Дмитриеву — Ивану Ивановичу.

Елизе — Елизавете Михайловне Хитрово.

Погд. — Михаилу Петровичу Погодину.

Пол. — Сергею Дмитриевичу Полторацкому.

94.

Бѣлый ж⟨илетъ?⟩
нрзбр
нрзбр
фракъ съ перч⟨атками⟩
шляпу

брю⟨? ки?⟩
бѣлый галстукъ
съ пряж⟨ками?⟩
безъ 6
черн
два бѣл. галст.

• Список находится в тетради № 2386 Б, л. 13_1, сшитой жандармами из отдельных листов. Бумага листа, на котором список, с клеймом: «1834 г.». Поэтому список составлен не ранее этого года. Точнее определить время составления списка затруднительно.

Печатается впервые. У *Я* XII, 537 сказано лишь: «какая-то запись покупок или домашних вещей».

95.

12 may[1] 1835

Надпись карандашом на обороте литографированного, раскрашенного акварелью портрета (погрудный три четверти вправо, в плаще) Байрона работы Julien'a. Портрет находится в Онегинском собрании (в *ИРЛИ*, № 665) (см. *ПС* XII, 27, где дан текст надписи).

Запись, очевидно, означает день покупки или получения портрета.

96.

⟨О Байронѣ и о предметахъ
важныхъ —⟩
1835 г.
Черн. Рѣчк. да⟨ча⟩ Мил⟨лера⟩
25 іюля Jbr.[2] Bls.[2]

Запись на л. 1_1 тетради № 2386 Б, сшитой жандармами из разных листов.

Впервые напечатано (неполностью и с ошибками) у *Я* XII, 534.

На этой же странице сбоку, вдоль листа итальянская цитата (см. стр. 555), а внизу фраза: «Странности Лорда Б⟨айрона⟩ были...», представляющая собою вставку в текст статьи о Байроне, находящейся на лл. 3_1—7_1 и 32_1—36.

[1] мая, *по-английски*.
[2] *Чтение предположительное.*

Запись представляет собою название на обложке (лл. 1 и 38 жандармской нумерации), в которую, очевидно, были вложены Пушкиным несшитые листы со статьей его о Байроне и еще с какими-то материалами, что и выражено перифразой стиха «Горя от ума» («О Бейроне, ну, о матерьях важных»).

Черн. Речк. — Черная речка, дачная местность под Петербургом.

Якушкин вместо «да», то есть «дача», прочел «за», что сделало запись непонятной и ввело в заблуждение Щеголева, в статье «Квартирная тяжба Пушкина» писавшего: «В письмах Н. О. Пушкиной есть упоминание о том, что, получив от зятя Павлищева письмо на имя Пушкина, она отослала его на дачу Миллера, но, судя по одной пометке в рукописях Пушкина («1835. Черная речка, за Мил... 25 июля»), можно думать, что Пушкин в 1835 году жил поблизости Миллеровой дачи» («Красная нива» 1929, № 24, стр. 9).

Абревиатуры: Jbr. Bls., написанные неразборчиво, прочтены предположительно. Что они означают, объяснить не можем.

97.

съ Циц.[1] спорить-де можно
а съ В. М. нѣтъ —

Запись карандашом на письме кн. М. А. Дондукова-Корсакова к Пушкину от 20 марта 1836 г., хранящемся в *ЛБ* (№ 3357).

Печатается впервые.

Циц. — может быть кн. Цицианов, Дмитрий Евсеевич (1747—1835 славившийся своими рассказами и шутками.

Кто скрыт под инициалами «В. М.» — неизвестно.

Вообще смысл записи непонятен.

98.

Шир.
Орл.
Чад.
Со⟨*нрзб*⟩
Хомя
Язык
Гаг Дмитр.
домъ Кампіони

---

[1] *Чтение третьей буквы предположительно.*

Ѳракійскія Элегіи.+)

Стихотворенія Виктора Теплякова. 1836

+) отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу

Заглавная страница рукописи Пушкина с рецензией на книгу В. Г. Теплякова

(К стр. 347)

Запись карандашом на четвертой странице письма М. П. Погодина к Пушкину от 1 мая 1836 г., хранящегося в собрании Шляпкина (в *ИРЛИ*, № 679) (см. *Ш*, 233, где единственный раз запись напечатана).

Запись представляет собою, вероятно, список лиц, которым нужно было послать первый том «Современника». Письмо Погодина, на котором Пушкин сделал комментируемую запись, не застало его в Петербурге, откуда Пушкин выехал 29 апреля в Москву. Из писем Пушкина из Москвы к жене не видно, чтобы она переслала письмо Погодина, так что надо думать, Пушкин прочел письмо Погодина уже по приезде в Петербург из Москвы, 23 мая. Поэтому список можно датировать концом мая.

Шир. — Александр Сергеевич Ширяев, московский книгопродавец, содержатель книжной лавки Московского университета. Пушкин, очевидно, посылал ему экземпляры «Современника» для продажи.

Орл. — вероятно, приятель Пушкина Михаил Федорович Орлов.

Чад. — Петр Яковлевич Чаадаев.

Со — может быть, Матвей Михайлович Сонцов, муж тетки Пушкина, Елизаветы Львовны Пушкиной. В бытность свою в Москве (3—20 мая) Пушкин был у Сонцовых, о чем писал жене 11 мая.

Хомя — Алексей Степанович Хомяков, с которым Пушкин виделся в это время в Москве.

Язык — Николай Михайлович Языков.

Гаг — кн. Федор Федорович Гагарин, брат жены кн. П. А. Вяземского, лейб-гусар, славившийся своими эксцентрическими выходками. Пушкин был у него 10 мая 1836 г. (См. *АП* III, стр. 312.) Слова записи: «Дмитр. домъ Кампиони» — адрес кн. Ф. Ф. Гагарина. В «Книге адресов» 1839 г. значится, что он живет на Большой Дмитровке в доме Кампиони (см. Н. П. Чулков, «Пушкин — москвич» в книге «Пушкин в Москве», М. 1930, стр. 86).

99.

Дача Добровольскаго на Каменн. остр. Пушкинъ

Запись на листке в 16 д. л., находящемся в архиве Мухановых (собрание П. И. Щукина в *ГИМе*). Печатается впервые.

Запись представляет собою адрес Пушкина; он жил на Каменном острове на даче Ф. О. Доливо-Добровольского летом 1836 г. См. стр. 616.

100.

Фракiйскiя элегi[я]и. +)

Стихотворенiя Виктора Теплякова.

1836

+) Отпечатаны и на дняхъ поступятъ въ продажу.

Запись в тетради № 2386 В (л. 23_1), сшитой жандармами из отдельных листов. На этой же странице, первой странице обложки рукописи статьи о книге Теплякова, портрет последнего. Статья писалась, вероятно, в августе 1836 г., так как вошла в т. III «Современника», вышедшего в свет в начале октября. А. М. Эфрос в $Э^2$ (стр. 457—458) полагает, что портрет, нарисованный Пушкиным, изображает не Теплякова, а В. Г. Бенедиктова (см. рисунок ibid., на стр. 365). Утверждение это однако требует дальнейшей проверки.

Напечатана впервые у *Я* XII, 541.

Любопытна эта композиция обложки книги. У Теплякова книга называлась «Стихотворения Виктора Теплякова». На шмуцтитуле стояло «Фракийские элегии». Портрета в издании не было.

101.

8 линія
вревской

Запись карандашом на четвертой странице (где адрес) письма П. А. Осиповой к Пушкину от 9 января 1837 г., хранящегося в собрании Шляпкина (в *ИРЛИ*, № 678). (См. *Щ*, 301, где единственный раз напечатано.)

Запись — адрес бар. Е. Н. Вревской, рожд. Вульф, бывшей в январе 1837 г. в Петербурге (8-я линия Васильевского острова) (см. *ПС* XXI—XXII, 397, 398).

102.

lentille

Une lentille n'est bonne qu'à être mangeé.
Un plat de lentilles vaut bien le droit
d'âiné, témoin la bible — mais j'aime
mieux les pommes de terre. j'aime la
lentille auprès d'une [jolie] jolie bouche
surtout auprès de la bouche d'un arcange
ah! le pauvre ange il aura mal à l'estomac.

Перевод:

Чечевица

Чечевица годна лишь на то, чтобы быть съеденной.

Блюдо из чечевицы очень стоит права старшинства (свидетель — библия), но я предпочитаю картошку.

Я люблю чечевицу рядом с [красивым] красивым ртом, в особенности со ртом архангела.

Ай, бедный ангел, у него будет болеть живот.

Рукопись — листок без водяного знака, с жандармской пометой: «45», хранится в Онегинском собрании в *ИРЛИ* (№ 339) (см. *ПС* XII, 14, № 28).

Напечатано один раз в *Н*II, изд. 1 и 2, стр. 227.

Чьей рукой написано набранное петитом — определить не удалось. Той же рукой писан второй абзац в № 103. Объяснение этой игры см там же.

Датировке не поддается.

103.

Malheur

que me veux tu je m'appelle ainsi [venez]
viens ta com
pagne t'aime vivons enssem-
ble et changeons [s'il] notre
sort en bonheur y consens
tu.
S'il faut fuir le malheur,
certes ce n'est pas vous que
je voudrais fuir; mais il ne faut
pas changer de sort comme
dit ma précédente, mais
seulement de sentiment c'est-
à-dire devenez Phedre.
je veux être chagrin pour
accompagner le malheur

Перевод:

Несчастие

Чего ты от меня хочешь? Я так зовусь. [приходите]. Иди, твоя подруга любит тебя. Будем жить вместе и обратим [если] нашу судьбу в счастье. Согласен ли ты на это?

Если надо бежать от несчастья, конечно, не от вас хотела бы я бежать; но не надо менять судьбу, как говорит предыдущая, а только чувство. то есть станьте Федрой.

Я хочу быть печалью, чтобы сопровождать несчастье.

Лист в Майковском собрании автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 666). Он не вошел в описание этого собрания, составленное В. И. Срезневским в *ПС* IV.

На обороте листа жандармская помета: «28».

Печатается впервые.

Первый абзац — неизвестной руки. По карандашу обведено чернилами. Второй абзац — другой неизвестной руки, той же, что писала «Lentille» (см. стр. 348). Третий абзац — карандашом — автограф Пушкина.

Очевидно, мы имеем и тут документ «Petits jeux», где участвующие должны были писать свои мысли на заданное слово.

Датировке не поддается.

104.

Карандаши
полосканіе
щетки
духи

Запись в тетради № 2382, л. 64_2. Тетрадь эту Пушкин начал заполнять в мае 1829 г., но пользовался ею не систематически в 1829—1831, 1834 и 1836 гг. В каком из этих годов сделана запись — перечень покупок, — определить не представляется возможным.

Впервые напечатано у *Я* XI, 369.

105.

Вольтеръ.

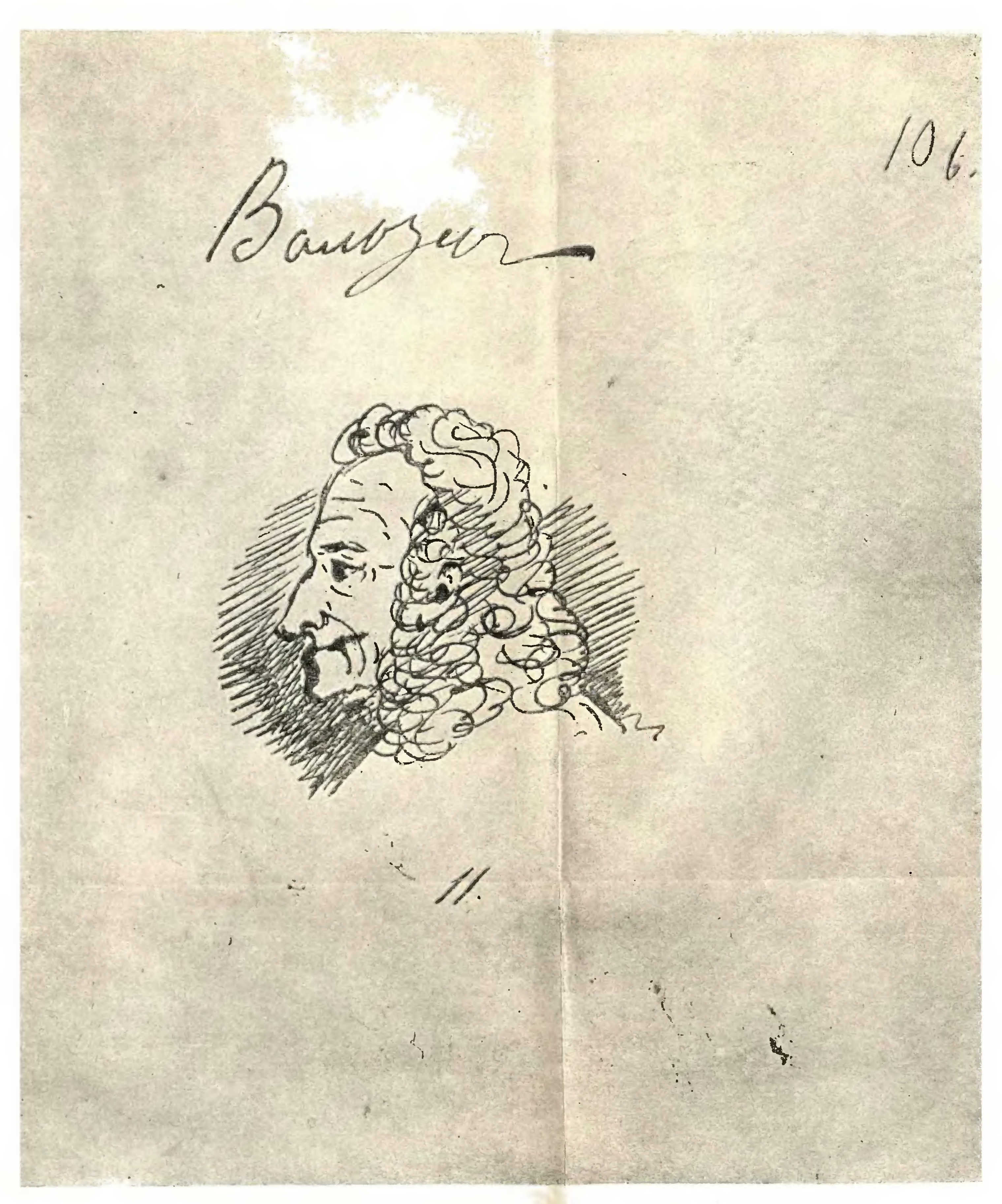
Обложка к критической статье Пушкина о Вольтере в сшитой жандармами из отдельных листов тетради № 2386 В, л. 11_1. Впервые воспроизведено в *Ал*[1], стр. 120/121.

106.

Воронъ ворону глаза не выклюнетъ — Шотландская пословица, приведенная В. Ск⟨оттомъ⟩ въ Woodstock. [1]

Запись на обороте четвертого листа черновика письма Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (*ПБЛ*. См. *РП*, 41, № 112). Впервые напечатано П. И. Бартеневым в *РА* 1884, № 4, стр. 455, и перепечатывалось в собраниях писем Пушкина. Как уже указал Д. П. Якубович (статья «Предисловие к «Повестям Белкина» и повествовательные приемы Вальтер

[1] Вудсток.

Обложка рукописи критической статьи Пушкина «Вольтер»

(К стр. 350)

Скотта» в книге «Пушкин в мировой литературе», Гиз, 1926, стр. 381), Пушкин имеет в виду предисловие к роману. В книге «Woodstock or The Cavalier. A tale of the year sixteen hundred and fifty-one». Paris 1832 («Вудсток или Кавалер. Рассказ из 1651 года», Париж 1832) на стр. XXXIX предисловия соответствующее место читается: «Hawks, we say, in Scotland, ought not to pick out hawks'eyes or tire upon each other's quarry», то есть «Ястребы, говорим мы в Шотландии, не должны выклевывать глаза ястребам или охотиться за добычей друг друга».

В имеющейся в библиотеке Пушкина книге — «Собрание 4291 древних российских пословиц», М. 1770, — среди многих отмеченных крестиком на поле карандашом пословиц есть и такая: «Ворон ворону глаза не выклюнет; а хоть и выклюнет, да не вытащит» (см. *ПС* IX — X, 96).

107.

Е. Тимоѳ. Посолской 788
Подолской

Запись в тетради № 2377 А, л. 51_1 на листе (в четыре страницы с выписками о соколиной охоте из книги: «Урядник или новое уложение и устроение чина сокольничья пути», 1668 г. Смысл записи непонятен.

Впервые напечатано у *Я* X, 91.

VII

ПРИХОДО-РАСХОДНЫЕ ЗАПИСИ

Приходо-расходные записи, включенные в этот отдел, за малым исключением, до сих пор не были предметом изучения, а между тем значение их как первостепенного биографического материала несомненно. Скупые, почти без слов, записи сумм рублей ярко живописуют ту материальную нужду, в тисках которой всю жизнь находился поэт. «Долги» — такова тема почти всех этих записей. Восемь из них (№№ 2—9) — записи карточных долгов лета и осени 1828 г., одного из самых острых периодов азартной игры. Общие списки долгов заключают в себе и №№ 14, 15, 20, 21, 23 и 24. Записи №№ 16—18 — интересные «щеты по части управления Болдина и Кистенева 1834 г.», когда поэт, спасая семью от разорения, взял на себя ведение денежных дел отца, брата и сестры. Наконец, расчеты № 22 и 25 — сметы расходов за год — красноречиво говорят о материальном быте Пушкина в последние годы его жизни.

Транскрипция №№ 1—10, 14, 20 и 24 сделана Т. Г. Зенгер, а №№ 11—13, 15—19, 21—23 и 25 — Л. Б. Модзалевским. Комментарий ко всем записям сделан мною.

М. Цявловский.

1.

choc. 20 f
post 5. 40

Запись в тетради № 2369, л. 30_1, на полях черновика стихотворения «Надеждой сладостной младенчески дыша», написанного после 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 г.

Напечатано впервые в *Я* VI, 563.

Первая строка записи значит: «шоколад 20 франков», «post» — деньги за отправку писем или посылки, может быть, этого же шоколада.

2.

[6] [6]
[3800] [300] [410]
[3500
270
800]
|15000|
500
6000
3500
800
270
―――――
1⟨0⟩570

Запись в тетради № 2371, л. 22₂. Написано на странице, где черновики стихотворений «Счастлив, кто избран» и «Анчар». По положению в тетради запись нужно датировать июлем-августом 1828 г. В это время Пушкин сильно играл в карты, и записанные числа несомненно суммы проигрышей. См. следующую запись.

Печатается впервые.

3.

10570
2500
―――――
8070
200
150
―――――
7720
6
500 [1720]

Запись в тетради № 2371, л. 23₁, на странице, где черновики стихов из первой песни «Полтавы» и письма к Бенкендорфу, датируемого второй половиной августа 1828 г. Как и предыдущая запись, это — подсчет карточных проигрышей и, может быть, выигрышей. Первое число (10 570) — сумма предыдущего подсчета. О карточных долгах этого времени см. дальше, стр. 357—358.

Печатается впервые.

4.

3000[1]
300
500
300
350
300
———
4750

Запись в тетради № 2371, л. 34_2. Написано карандашом на полях отрывка «Гости съезжались на дачу», который датируется, по положению в тетради, сентябрем 1828 г. Запись, несомненно, сделанная тогда же, возможно, представляет собою, как предыдущие, перечень карточных долгов.

Печатается впервые.

5.

1300 Галиц.
500 } Тр.
850 }
———
2650
170 }
150 }
———
500 brev.
250 Хитр.

Запись в тетради № 2371, л. 43_1. Написано на полях черновика стихов: «Удар обдуман, С Кочубеем... К ногам положит не робея?..» из первой песни «Полтавы», оконченной 3 октября. Время записи поэтому — сентябрь 1828 г.

Напечатано впервые у *Я* VII, 47.

Запись представляет собою перечень долгов, проигрышей в карты. Летом 1828 г. Пушкин в Петербурге сильно играл, о чем писал Вязем-

[1] 3 *переделано из* 6.

скому 1 сентября: «Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом

А в ненастные дни собирались они
Часто,
Гнули, их ...! от 50-ти
На 100.
И выигрывали и отписывали
Мелом,
Так в ненастные дни занимались они
Делом».

Галиц — кн. Сергей Григорьевич Голицын (1806—1868), о котором см. стр. 321—322.

Тр. — вероятно, кн. Никита Петрович Трубецкой (1804—18..), брат декабриста, служивший с 2 апреля 1823 г. по январь 1827 г. в Кавалергардском полку. По донесению агента Бенкендорфа С. А. Соболевский в августе 1827 г. останавливался «у кавалергардского офицера князя Трубецкого, в доме Устинова, у Семеновского моста». (М. И. Сухомлинов, «Исследования и статьи». СПб. 1889, т. II, стр. 390). Об этом же Трубецком писал Пушкин в мае-июне 1828 г. Соболевскому: «ты перевелся на Трубецкого, а он терпел, терпел целый месяц — а как стало невтерпеж, пристал ко мне внезапно: «давай денег! — денег — а где их взять?» (*П* I, 52). В комментарии к этому письму (стр. 292) Б. Л. Модзалевский пишет: «Какого Трубецкого имеет в виду Пушкин — не знаем». Несомненно, Трубецкой в донесении агента, в письме Пушкина и в комментируемой записи — одно лицо. Б. Л. Модзалевский отказывался видеть в этом Трубецком кн. Никиту Петровича, вероятно, потому, что в январе 1827 г. последний вышел из Кавалергардского полка, а с 22 июля этого года служил в Иностранной коллегии. Нам представляется вероятным, что агент Бенкендорфа, «по старой памяти», в августе 1827 г. назвал Трубецкого кавалергардом, с января таковым уже не бывшим. Из приведенных слов Пушкина в письме к Соболевскому видно, что последний, проиграв в карты Трубецкому, перевел свой долг на Пушкина, который был должен Соболевскому.

brev. — вероятно, brevet — заемное письмо.

Хитр. — вероятно, приятельница Пушкина Елизавета Михайловна Хитрово. Пушкин, очевидно, занял у нее деньги для уплаты карточного долга.

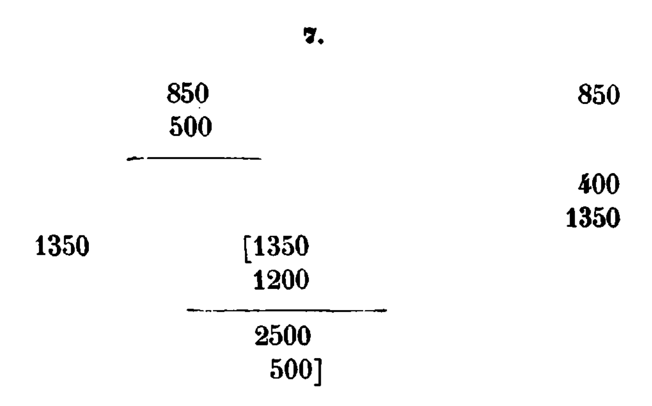
6.

850 Тр
[850
500
———
1350]

Запись в тетради № 2371, л. 43_2. Написано на полях черновика стихов: «Один с младенческих годов Ее любил любовью страстной» из первой песни «Полтавы», вскоре (может быть, в тот же день) после предыдущей записи. Настоящая запись — долг кн. Н. П. Трубецкому — повторение части предыдущей записи.

Печатается впервые.

7.

Запись в тетради № 2371, л. 51_2. Написано на полях черновика стихов: «Но ключ звучит... Служитель Господа Христа» из второй песни «Полтавы», писавшейся с 3 по 9 октября 1828 г. И эти записи — числа рублей долгов. Снова и снова Пушкин записывает числа рублей своего долга, очевидно очень его беспокоившего, кн. Н. П. Трубецкому.

Печатается впервые.

8.

362
440
———
802

Запись в тетради № 2371, л. 57_2. Написано (верхом вниз по отношению к стихам «Полтавы») на полях черновика стихов: «Предчети смерти, приковали Его к одру. — Уже готов...» из третьей песни «Полтавы», писавшейся с 9 по 16 октября 1828 г. По аналогии с предыдущими записями, и эта, надо думать, представляет собою подсчет карточных проигрышей.

Печатается впервые.

9.

1100
1200
1500
———
3800

Запись в тетради № 2371, л. 71_2. Написано на полях черновика стихов. «Но лето быстрое летит. Настала осень золотая...» из XXIX строфы седьмой главы «Евгения Онегина», оконченной 4 ноября 1828 г. XXIX строфа писалась, вероятно, во второй половине октября. Возможно, что и эта запись — подсчет долгов. Во всяком случае записаны числа рублей.

Печатается впервые.

10.

3 окт.

16^{50} [1] короб ⟨?⟩
3900 книги ⟨?⟩
4650
2500
———
7150

[9300
1500
———
10800
7150
———
3650]

Запись в тетради № 2382, л. 97_2, на полях черновика стихов: «Он видит, Терек своенравный» из «Путешествия Онегина». Год записи — 1829 — определяется ее положением в тетради.

короб — может быть, какие-нибудь «коробки». Смысл подсчетов неясен.

Печатается впервые.

———

[1] *Первоначально было* 1650.

11.

дек. 1832 Полу —
500
160

Запись в записной книжке (л. 1_1) Пушкина, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП* № 43, стр. 24).

О получении каких денег говорит запись, сказать не можем.

Печатается впервые.

12.

1) Станція дано 84[1] руб
Нанято за 84[2]
дано 14[3]
дано 50

См. примечание к следующей записи.

13.

220
20
———
44,0 рубля до Ор⟨енбурга⟩
32
———
12
500 [0]
20
———
100.00

Эта и предыдушая, публикуемые впервые, записи сделаны в записной книжке (лл. 1_1 и 6_1) Пушкина, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, № 44, стр. 26 и 27) и бывшей у Пушкина во время его поездки в Оренбург в 1833 г. Приехав в Москву 25 августа, Пушкин 29-го выехал в Нижний-Новгород

[1] *4 переделано из* 0.
[2] *Обе цифры написаны очень неясно.*
[3] 1 *написана неясно.*

и, проехав через Казань, Симбирск и Самару, приехал 18 сентября в Оренбург. Выехав 20 сентября из Оренбурга в Уральск, 1 октября Пушкин приехал в Болдино.

Вторая запись представляет собою расчет платы за лошадей. Стоимость проезда на почтовых лошадях взималась по 5 копеек с лошади за версту. Хотя по своему чину Пушкин имел право лишь на три лошади, ехал он, очевидно, на четверке, так как плату высчитывает из расчета 20 копеек за версту. Слова записи — «до Оренбурга» — указывают, что расчет сделан во время поездки в Оренбург, а не на обратном пути оттуда. По дороге из Самары в Оренбург в 220 верстах (по «Почтовому дорожнику» 1824 г.— 219 верст) от Оренбурга была почтовая станция Погромная. Стоимость провоза от нее и высчитывал Пушкин. Второе вычисление этой записи — тоже подсчет платы за лошадей. От Болдина до Москвы Пушкин считал 500 верст (см. *АП* III, 114). О плате за провоз говорит и первая запись. В ней слово «дано» означает плату за почтовых лошадей, а слово «нанято» — плату «вольному» ямщику. О каких перегонах говорит запись, сказать трудно. Считая по 20 копеек за четыре лошади с версты, 84 рубля Пушкиным было заплачено за часть пути в 420 верст.

14.

[300	Отцу	[1000		[1300
1000	на раз	300		250
300	Изв.	200	[400]	50
300	Изв.	100		2000
300	Дюм⟨е⟩	200		1000
200	Сестрѣ]	600		2000
		2400]		2000]

Запись в тетради № 2377 А, 18 л. 29$_1$. Публикуемая впервые запись находится на странице с текстом конца главы «Москва» статьи «Мысли на дороге», писавшейся в 1833—1835 гг. Предположительно датируем запись концом марта 1834 г. на основании статей расхода. 300 р. отцу и 200 р. сестре, может быть, уплата из тех самых 550 р., которые уплачены были Пушкиным перед 6 апреля 1834 г. и которые были внесены в «Щеты» как «старый» долг (см. стр. 365).

1000 на раз — конечно, на расходы.

300 изв.— извозчику. Расход, неоднократно встречающийся в записях Пушкина (см. стр. 376, 380, 381, 382, 383, 386).

Дюме — ресторан в Петербурге.

Вторая колонна чисел дает ту же сумму, что и первая, и, очевидно, перечисляет в несколько иной комбинации те же статьи расхода, что и первая колонна.

15.

К. Ив. ——	3000
Яковл. ——	3900
См. ——	3000
Книг. ——	2000
Об.—— ——	1500
	13400
Пл.—— - ——	300
	6200
	1800
	1700
	800

Написано карандашом на обороте письма Д. М. Княжевича к Пушкину от 21 марта 1834 г. Письмо хранится в *ТМ* в делах опеки над детьми и имуществом Пушкина.

Запись напечатана Б. Л. Модзалевским в *ПС* XIII, 103.

Время написания этого перечня долгов Пушкина — не ранее 22 марта 1834 г. С другой стороны, если понимать запись: «Книг. — 2000» — как долг И. Т. Лисенкову, то перечень сделан не позднее 25 мая 1834 г.

К. Ив.— Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), тетка Н. Н. Пушкиной. Этот долг значится и в списках № 21 и 24.

Яковл.— Иван Алексеевич Яковлев (1804—1882), миллионер, владелец железных и медных заводов и полотняных фабрик, очень широко живший и ведший большую карточную игру. Ему Пушкин еще в 1829 г. проиграл в карты 6000 р. Возможно, что часть этого долга и записана Пушкиным. Сохранилось письмо Пушкина к И. А. Яковлеву от 9 июля 1836 г. (*АП* III, 345) с просьбой об отсрочке уплаты долга до осени. Но и осенью Пушкин денег не уплатил, и 6000 р. Яковлев получил с опеки (*ПС* XIII, 97). Об И. А. Яковлеве и Пушкине см. *П* II, 355—356.

См.— Николай Михайлович Смирнов (1807—1870) знакомый Пушкина, муж Александры Осиповны, рожд. Россет. Долг Смирнову в 2000 р. записан Пушкиным и в перечне долгов 1836 г. (см. список № 24).

Книг.— вероятно, книгопродавец Иван Тимофеевич Лисенков, которому Пушкин 12 июля 1833 г. выдал вексель на занятые 3000 р., сроком

на шесть месяцев (по 12 января 1834 г.). По этому векселю Пушкин уплатил в срок лишь 1000 р., а 26 мая 1834 г. выдал Лисенкову новый вексель на занятые 4000 р., сроком на три месяца (по 26 августа 1834 г., см. стр. 377 и 379). Таким образом о долге в 2000 р. Лисенкову Пушкин мог записать в период времени между 12 января и 25 мая 1834 г.

Об. — кн. Николай Николаевич Оболенский (1792—1857), дальний родственник поэта. Долг ему — карточный проигрыш Пушкина. Этот Оболенский, по свидетельству М. Н. Лонгинова, был шулер (неопубликованные заметки на принадлежавшем М. Н. Лонгинову экземпляре «Родословной книги» кн. П. В. Долгорукова.[1] Об одной карточной истории с Оболенским рассказывал П. И. Бартеневу П. В. Нащокин («Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым», М. 1925, стр. 46). В делах опеки имеются два векселя, выданные Пушкиным кн. Н. Н. Оболенскому, но более позднего времени (1 июня 1836 г.), чем комментируемая запись (см. стр. 807—808.

Пл. — вероятно, П. А. Плетнев, как предполагал Б. Л. Модзалевский (*ПС* XIII, 103). Н. О. Лернер считал (*ИВ* 1910, VIII, 666), что это П. А. Плещеев, которому был должен Л. С. Пушкин 2000 р. и 30 червонцев. Если наша датировка записи верна, то «Пл.», конечно, не Плещеев, уплата долга которому относится к более позднему времени.

16.

⟨л. 1_1⟩

Щеты по части
Управленія Болдина
и Кистенева
1834

⟨л. 2_1⟩

1834 года

Апрѣля 6	за домъ	заплачено
		666 р.
— 9	деньгами	200 р.
Стараго долгу осталось		550 р.
	разходу всего	1,416 р.

[1] Собственность В. С. Арсеньева.

За брата Льва Сергѣевича

Апрѣля 29го за квартиру	1,330 рубл.
въ ресторацію ————	260 р.
разходу вс.	1,590.

⟨л. 2_2⟩

Май

24го	деньг. матушкѣ	100 р.
30го	——	200 р.
	разходу всего	300 р.

Іюнь.

4го	деньг.⟨ами⟩	50 р.
6го	каретнику	678 р.
8го	деньга⟨ми⟩	150
9го	ден⟨ьгами⟩	350
	всего разх.	1228

Получено изъ Болдина 400 р

Всего разхода отъ 6го апрѣля

(кромѣ долгу)

по 9 іюня .	3924 р.
Стараго долгу .	550
всего	4,474 руб.
Прихода .	400 руб.

⟨л. 3_1⟩

Іюнь

9го	——	50

Іюля

3 портному 50
[4 каретнику]
6го получено оброку 30 руб.
20 іюля заложено 74 души
за 13,260 рублей. (60 задерж. въ Ломб.)
тоже числа ————
За Льва Серг. заплочено Дюме 220 р.
2
Выдано ему-же ———————[3]80 р
23 въ Варшаву, за Л. С. ——— 837 р.
31 Льву Серг. —— ——— 950 р.

августа

14 авг. за перевозъ мебели 35 р.
16 — въ деревню 500
——— за домъ 166

приходу	13,230 руб.	
разходу	3,088 руб.	да забранныя
впередъ	4,070	
	7,158	

⟨л. 3₂⟩

Итого изъ всей суммы остается
6,042 рубля

Сентябрь

1го въ Совѣтъ ——— 350 р.
Щетъ Портного за Льва Серг. 391

Октябрь

22 въ деревню — — — — — 500

Ноября

1го За 4 мѣсяца людямъ 168 — [50]
18го Послано въ дерев⟨ню⟩ 350
21ое отъ Ив. Кукшина получено 30

декабря

4го людямъ дано 40 р.
21го дек. 150 р.

⟨л. 4₁⟩

28 дек. за домъ 800
— — за Л. С. Беклемишеву 1500

Въ концѣ декабря изъ доходовъ

Болдина, заплачено 1270
въ С. П. Б. Опекунскій Совѣтъ (просроченныхъ процентовъ) въ теченіи лѣта заплачено 300 р.

⟨л. 5.₁⟩

1835 года

⟨л. 5₂⟩

Приходъ

11,114 рублей въ февралѣ заплачены въ Опекунскій Совѣтъ (просроченныя проценты)

⟨л. 6₁⟩

Разходъ

3го Янв дано — — 15
4го — — — — 150
11го — — — — 500
26 — — — 100
765

Февраль

14го	дано — — —	100
15го	отъ Ан. Ник. В. взято	20
16	за домъ — — — — — —	300
22	дано — — — — — — —	75
		495

Марта

1	дано	200
4	за домъ	300
17	дано	100
31	—	100
		700

⟨л. 6_2⟩

Приходъ

⟨л. 7_1⟩

Разходъ

апрѣль

6го	дано — — — — —	200 р.
17	— — — —	100 р.
		300

Май

3	—— дано — — — — — —	200 р.
17	— —	150
		150
		500

іюнь

14	— — — — —	25
17	— — — —	375
20	портному	175
		575

Записи сделаны в приходо-расходной самодельной книжке, сшитой из шестнадцати согнутых пополам листов почтовой бумаги в четвертку, хранящейся в *ИРЛИ*, № 224.

Из шестидесяти четырех страниц исписаны лишь одиннадцать: лл. 1_1, 2—4_1, 5, 6 и 7_1.

Напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым сперва в «Новом Мире» 1927 г., № 12, стр. 182—187, а затем в *ЩМ*, 215—218 и между 120 и 121. Комментарий к записям см. на стр. 373—374.

17.

Приходъ

8го іюня изъ Болдина . 400
6го іюля оброку . 30
20го за залож. 74 душъ (за вычитомъ долгу) . . 13,260
4го окт. оброку 200

13, 890
въ Лом. задерж. 60

Остается 5,709 —— —— Вычесть
изъ нихъ стараго долгу за сестру и
за людей 550, остается 5,159.
Беклемишевъ требуетъ изъ нихъ 2,000
а Прасковья Александровна 1,870 ——
Если имъ заплатить, то останется еще
1,229 рубл.

Бекл. запл. 1500
въ дер. посл. 350
дано 150
—— 800

2800
за Л. С. Векс. 2500
5300

Разходъ

6го апрѣля, за домъ 666
9го дано . . 200
29го за брата Л. С. въ домъ Энгельгарда . . 1,330
— за него-же въ ресторацію 260
24го мая, дано —— —— —— 100
30го —— ——. 200
4го іюня . . 50
6го ——каретнику 678
8го ——дано . 150
9го —— —— 350
того же . 50
3го іюля, портному . . 50

за брата:
20го —— Дюме за Л С. 220
—— . . . дано. Ему-же . . 280
—— ——въ Варшаву за Л. С. 837
—— ——дано въ дорогу . . 950

14го августа за перевозъ мебели . 35
16го ——въ деревню посл. . 500
— ——за домъ . . . 166
1го сент. портному за Л. С. 391
22 октября въ деревню . 500
1го ноября людямъ . 168

8, 131

Въ ломбардъ заплочего изъ оброчн. денегъ 350 р.

21 дек. дано деньг. —— 150
28 дек. за домъ 800
——— за Л. С. Беклемиш. 1,500

2,400

Янв 1835

3 Янв. —— — —— 15
4 —— —— —— —— 150
11 —— —— — — — 500
26 —— —— —— —— 100
15 февр ——— —— —— 100
— — взято отъ Ан. Ник. В. 20
16 за домъ — — — — 300
22 дано —— —— —— 75
1 Марта дано 200

4 за домъ —— ——— 300
17 дано — — —— —— 100
31 —— — — — — — 100
апр: 6 дано —— —— 200
17 —— 100
мая 3 —— —— —— 200
17 —— —— —— 150
— — — — — — 150
іюня 14 25

17 —— 375
20 порт — — — — — 175

Записи сделаны на листе (две страницы) голубоватой бумаги большого формата с золотым обрезом, без вод. зн., хранящемся в *ПБЛ*, куда лист поступил от Н. И. Тарасенко-Отрешкова (см. *РП*, № 124, стр. 43).

Единственный раз напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым в *ЩМ*, 223—226.

Комментарий к записям см. стр. 373—374.

18.

Приходъ

іюня 8го изъ Болдина ——	400
—— [1]6го оброку	30
—— 2го [2] за залож. 74 душъ	
за вычетомъ долгу	13,200
октября 4го оброку	200
ноября 21го оброку	30
	13,860

5 377

[3 877]
1

Разходъ

апрѣля 6го, за домъ	666
—— 9го, дано	200
Мая 24го ——	100
—— 30го ——	200
іюня 4го ——	50
—— 6го каретнику	678
—— 8го дано	150
—— 9го ——	350
того же	50
іюля 3го портному	50
августа 14го за перев. меб.	35
—— 16го въ дер. посл.	500
—— —— за домъ	166
октября 22го въ дер.	500
ноября 1го людямъ за чет. мѣс. —— —— —— ——	168
—— 18го въ дер	350
декабр. 4го людямъ	40
дек. 21го дано	150
	4,403
	800

За брата Л. С. ——

апрѣля 29го за квар. Энг.	1,330
—— —— въ рестор. Энг.	260
іюля 20го Дюме	220
—— —— дано	280
—— —— въ Варшаву	837
дано въ дорогу	950
	3,877

[1] *Описка, вместо:* іюля.
[2] *Описка, вместо.* 20.

5,377

3 [1 500]

За Л. С. [5377]

[Разходъ] 3,877 891

16,268

Сент. 1го

Портному — — — 391 1 230

Дек. 2го купленъ вексель

въ 10,000 за 2,500 15 038

[8,268]

6,768

1,500

15 030

1 230

8,268

15,030 13,800

всего разходу 12,271 3877 1570

старого долгу — 550 1391 1114

[*нрзб*] 500 2,684

[...] 5768

[12,821] [14,00]

Впередъ взято мною изъ до

ходовъ — 3,000 мои.

На Бр. Льва вышло, 6768 — Этими деньгами получилъ онъ 1500 рубл. ассиг. и заплачено долгу — [1]

12,768

12,288

4,000 5 835

6768 950 18,123

280 2,500

3

Бекл. 500 7 12,30 20,623

Пр. Ал. 2,000 [100] 4 403

			6	5,835
дано	765	[100]		[2 400]
				[8 800]
—	495	5835		550
			20623	1500
—	700		6	———
			14,623	12 288
—	800			
—	575			
	———			
	5835			

Записи сделаны на листе (две страницы) голубоватой почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «А. Г. 1826», хранящемся в *ПБЛ*, куда лист поступил от Н. И. Тарасенко-Отрешкова (см. *РП*, № 123, стр. 43). Единственный раз напечатано и факсимильно воспроизведено Щеголевым в *ПЦМ*, 219—222.

В начале апреля 1834 г. Пушкин, спасая от разорения отца, мать, сестру и брата, вынужден был взять на себя управление имением и вообще вести денежные дела семьи. В деньгах, которыми Пушкин распоряжался, он должен был отчитываться, для чего и была заведена им специальная тетрадь «Щетов по части управления Болдина и Кистенева». В тетради этой записи приходов и расходов производились с 6 апреля 1834 г. по 20 июня 1835 г.

Одновременно с записями в тетради Пушкин вел записи на отдельном (первом) листке. С этого листка Пушкин в конце декабря 1834 г. (не ранее 21-го и не позднее 27-го) все записи переписал на второй листок, выделив в конец расходы на Льва Сергеевича и подведя итоги, для чего сделал ряд подсчетов. Нужно сказать, что в последних Пушкин делал очень часто ошибки, так что с бухгалтерской точки зрения все его записи малого стоят. Так, в тетради Пушкин записывает, что всего расходов с 6 апреля по 9 июня, «кроме долгу 3924 р.», а в действительности расходов в тетради записано 3984 р., если не считать 50 р., израсходованных 9 июня.

В следующем итоге — по август 1834 г. — Пушкин, правильно записав (в тетради), что «приходу 13 230 руб.», пишет: «расходу 3088 р. да забранные вперед 4070». Первая сумма получается, если считать, что Льву Сергеевичу 20 июля было выдано 380 р., как было у Пушкина первоначально записано. Но потом Пушкин исправил «380 р.» на «280 р.», и, таким образом, итог оказался неверным. Непонятно, как получилась сумма в 4070 р. «забранных вперед» денег, то есть, денег, которые тратил Пушкин

из собственных средств до получения денег за заложенные в Опекунском совете души. Но если и принять ее, показанный Пушкиным остаток в 6042 р. неверен: остаток был 6072 р.

В итогах приходов и расходов с 6 апреля по 1 ноября 1834 г. Пушкин в первом листке делает две ошибки. Выведя сумму приходов в 13 830 р. (13 890 — 60 р., задержанных в ломбарде), а сумму расходов в 8131 р., Пушкин записал (сбоку): «Остается 5709», тогда как должно бы остаться 5699.

В этой же боковой записи Пушкин утверждает, что если уплатить долги Беклемишеву и П. А. Осиповой, то останется «еще 1229 рубл.», тогда как на самом деле оставалось бы 1289 р.

Для полного уразумения записей Пушкина нужно еще принять во внимание, что они касаются лишь денег, прошедших через его руки. Из доходов Болдина к Пушкину поступала незначительная часть, большая же часть этих денег шла непосредственно в Опекунский совет на уплату процентов за многократно заложенные и перезаложенные души. Но, вводя эти деньги в сумму тех, в которых он должен был отчитываться перед родными, Пушкин записывал их особо в тетради. Таковы записи в тетради в конце 1834 г.: «В конце декабря из доходов Болдина...», и в начале 1835 г.: «11,114 рублей в феврале заплочены...».

Почти ко всем записям реальный комментарий дан Щеголевым в *ЩМ*. Здесь (стр. 128—129, 136—137, 138—142) выдержками из семейной переписки Пушкина и деловыми документами вскрыто значение записей об уплате долгов Льва Сергеевича: «за брата Л. С. за дом Энгельгарда», «за него же в ресторацию», «Дюме за Л. С.», «дано ему же», «в Варшаву за Л. С.». «дано в дорогу», «за Л. С. Беклемишева», «куплен вексель в 10 000», выяснено, что записи «за дом» говорят об уплате за квартиру в семь комнат, которую наняли родители Пушкина в ноябре 1833 г. в доме Ефремова у Пустого рынка, что записи «людям» означают выдачи харчевых прислуге Пушкиных, остававшейся в Петербурге во время пребывания стариков в Михайловском, где они жили с июня до декабря, и т. д

19.

19 іюля 1834 заложено на 37 лѣтъ 74 души (за удержаніемъ долгу) выдано 13,242 р.
Платить процент. 900 руб. (за 15,200)

Запись сделана рукой Пушкина на третьей странице документа (2 листа in f°), представляющего собою справку из Опекунского совета о займах С. Л. Пушкина (стр. 1—3) и письмо С. А. Соболевского к Пушкину (стр. 4). Документ до 1928 г. принадлежал внуку поэта Григорию

Александровичу Пушкину, а затем через В. С. Нечаеву поступил в *ИРЛИ* (№ 393). Единственный раз полностью текст документа с записью Пушкина был напечатан В. С. Нечаевой в *КА* 1928, XXVIII, 231—234.

Приняв в апреле 1834 г. с большой неохотой управление Болдиным, Пушкин просил своего приятеля С. А. Соболевского получить точную справку в Опекунском совете о положении дел по займам отца под залог душ. Бухгалтер, «приятель» Соболевского, такую справку дал, а Соболевский, посылая ее Пушкину, сделал к ней такую приписку:

Из сей бумаги следует

1) что у тебя душ 1037 по последней ревизии, а не 950 как ты говорил. К ним земли 4698 десятин.

2) что из них 563 заложены с надбавочными
200 заложены с надбавочными
200 тобою заложены без надбавочных
74 совершенно свободны.

И так ты можешь получить: на свои 200 надбавочных 10.000 руб.
на 74 всего по 250. 18.500.

Сверх этих 28.500 рублей есть надежда что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить. —

3) что недоимка 11.045 рублей 92 копейки, кои должно немедленно заплатить, как то отметил мой приятель бухгалтер. Впрочем я думаю, что у него последний платеж, сделанный теперь в деревню, еще не известен. И так 11.045 есть maximum, с надеждою на minimum.

И так у тебя остается с первого раза 17.000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца, и на прокорм отца за год вперед, не считая оставшихся доходов. Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николаевне дуться?!!

[Соболевский]

4) ежегодно следует платить	за отца	11.826 рублей	50 сор.
	за себя	2.400 —	
	за те, коих переложишь и заложишь	11.847.	
		16.173	50.

Пушкину ничего не оставалось делать, как последовать совету Соболевского, и 74 души были заложены. Об этом и говорит запись Пушкина на справке бухгалтера. Сумма, полученная под залог душ, в комментируемой записи — 13 242 р., а в «щетах» 13 260 р., причем из записей на листках (см. стр. 369 и 371) выходит, что фактически Пушкин получил 13 200 р.

20.

[20
500
10000]

	2
Пол.	4,000
Забр.	2,000
За от.	1,500
въ дер.	7500[1]
За ж.	1000[2]
За обои	200
Дюр[3]	300
Изв.	300[4]
кар	200

Рукопись принадлежит к рукописям Пушкина, которые Анненков увозя к себе в Симбирскую губернию, подарил В. Н. Назарьеву. Ныне хранится в *ЛБ*. Впервые напечатано и факсимально воспроизведено М. А. Цявловским в «Трудах Публичной библиотеки СССР им. Ленина», в. III, 1934, стр. 25. Записи сделаны на обороте листа (in f°), на лицевой его стороне написано стихотворение бар. А. К. Боде к жене и детям, оставленным в Судаке, датированное: «С. Петербург. 28 октября 1834 г.». На той стороне листа, где сделаны комментируемые записи, находятся планы «Капитанской дочки» и сказки о Бове. На основании даты стихотворения Боде запись приходов и расходов сделана несомненно не ранее начала ноября 1834 г. и, вероятно, в конце декабря этого года — январе 1835 г., когда Пушкин получил 4000 р. за экземпляры вышедшей в свет «Истории Пугачевского бунта». См. еще запись № 21.

Забр. — означает, вероятно, 2000 р. за экземпляры, «забранные» К. А. Полевым (см. запись № 21).

в дер. — означает, конечно: «в деревню» (см. запись №№ 16—18), но непонятна столь большая сумма уплаты в 7500 р., превосходящая сумму поступлений (6000 р.). Возможно, что Пушкин описался и написал вместо: «750» — «7500».

за ж. — означает, вероятно: «за жену», то есть долг модистке Сихлер за наряды Натальи Николаевны. Ср. в записи № 21 «3000 р. Сихл».

за обои — расход, связанный, вероятно, с переездом к Пушкиным сестер Натальи Николаевны. Ср. с записью уплаты столяру в записи № 21.

Дюме — ресторатору Дюме.

Изв — плата извозчику в месяц за лошадей. Ср. записи № 14, 22, 23 и 24.

Кар — вероятно, каретнику. Ср. в записях № 17 и 18.

Подсчет наверху (умножение «20» на «500»)—непонятен. Такой же подсчет имеется в записи № 13, но там он означает вычисление прогонных денег из Болдина в Москву, здесь же он едва ли может означать это.

---

[1] *Последний нуль можно прочесть и как:* с.

[2] *Первоначально было:* 2000.

[3] *Описка вместо:* Дюм⟨е⟩.

[4] *Первоначально было:* 500.

нрзбр
нрзбр

10,000
1 330
837
12,167
1 391
8

1,000
1,200
300
4,000
4,000
2,000
1,000
[13,500]

6 768
7 500
[14,268]
1 500
нрзбр 2768
[100]

768
12,[500]

[13,500
2,000]
15,000

[3000] 2,000
1,200

0 | 66 90

72
6

10,000

4000
4000

4 000 ⟨*нрзб*⟩
1 300 Энг.
За бум.
Лис
Пав
К. И.
Юр
Пр А.
Бекл [200]
Стол.
Нащ.

40,000
[10000] ([6500])
5,000
1,500

3 113
2 600
1 500
3,000
1,800
1,800
500
1,000—
3,000
18,313
10,000
7,000
35,313
3,000
38,000

Сихл.

долж.

3 500 Смирд.
2 600 экз.
2,000 есть
8,109
[4,000]
1 800
9.900—
500
8,109
10,000

Публикуемая впервые запись сделана на одной стороне листа в 4 д. л. (голубой бумаги без водяного знака), на другой стороне которого черновой набросок песни о Георгии Черном (в *ИРЛИ*, № 559) (см. *ПС* IV, 16, № 61).

Левая часть записи, занятая подсчетами, не имеет отношения к правой и стоит в связи с записью № 18. Так, например, числа у левого края: «1330», «837», «1391» — это деньги, уплаченные за Льва Сергеевича Энгельгардту, Павлищеву («в Варшаву») и портному (391 р.), с присоединением 1000 р., уплаченных Беклемишеву.

Наверху стоящее «6768» — общая сумма уплаченных долгов Льва Сергеевича, занесенная в качестве таковой в записи № 18. Все эти подсчеты сделаны в первой половине 1835 г., когда поэт ведал еще денежными делами родных.

Правая часть записи представляет собою перечень долгов, который Пушкин сделал, вероятно, в связи с получением 4000 р. за «Историю Пугачевского бунта», вышедшую в свет в конце декабря 1834 г. Еще приступая к изданию «Истории», Пушкин рассчитывал выручить от продажи ее 40 000 р. (*АП* III, 77). Из этой суммы Пушкин исходит и теперь считая, что он продаст книгопродавцам 3000 экземпляров по 13 р. за экземпляр (то есть со скидкой в 35%, так как номинал «Истории» — 20 р.). В ожидании получения этой суммы поэт и составил список предстоящих уплат

4000 — вероятно, сумма, полученная за проданные экземпляры «Истории Пугачевского бунта». Это же число дважды написано по середине записи слева и справа, где обведено рамкой.

1300 Энг. — это, вероятно, все тот же долг 1330 р. Льва Сергеевича за квартиру в доме Энгельгардта. В счетах по управлению Болдиным значится этот долг как уплаченный 29 апреля (см. стр. 369 и 371), но Пушкин фактически денег этих не уплатил, так как в делах опеки имеется вексель, выданный Пушкиным 3 мая 1834 г. на год В. В. Энгельгардту на ту же сумму 1330 р., какую был должен ему Лев Сергеевич (см. стр. 804).

Запись об этом векселе, сделанная несколько в стороне перечня долгов и не включенная в подсчет, указывает на то, что по этому векселю, по крайней мере полностью, Пушкин платить не собирался.

за бум. 3113. — Имеется в виду стоимость бумаги, на которой печатались 1800 экземпляров «Истории Пугачевского бунта». Из письма Пушкина к М. Л. Яковлеву от 3 июля 1834 г. видно, что для этого числа экземпляров бумага шла за счет Пушкина.

Лис. — конечно, И. Т. Лисенкову, по его векселю в 4000 р.

Пав. — мужу Ольги Сергеевны, Н. И. Павлищеву.

К. И. — Екатерине Ивановне Загряжской, тетке Н. Н. Пушкиной. См записи № 15 и 24.

Юр. — ростовщику, прапорщику Василию Гавриловичу Юрьеву. В архиве опеки имеются выданные ему векселя, но более позднего происхождения, чем комментируемая запись (см. стр. 793 и 805).

Пр. А. — Прасковье Александровне Осиповой. Это долг отца. О нем напоминала Осипова в письме к Пушкину от 1 ноября 1834 г., о чем отметил Пушкин в записи № 17.

Бекл. — П. Н. Беклемишеву, дяде А. П. Плещеева, которому был должен Лев Сергеевич 2000 р. и 30 червонцев. Из этих денег Пушкин уплатил в декабре 1834 г. 1500 р. Об оставшихся 500 р. и 30 червонцах напоминал Плещеев Пушкину в письме от 5 июля 1835 г. (см. *ЩМ*, 141).

Стол. — Возможно, что разумеется долг столяру за изготовление мебели. Ср. запись адреса столяра (стр. 334).

Нащ. — П. В. Нащокину.

Подведя итог долгов, Пушкин стал высчитывать, сколько он должен получить денег за взятые книгопродавцами экземпляры «Истории Пугачевского бунта». Эти вычисления сделаны в крайней колонне. Слова «экз. есть» означают, очевидно, что производится подсчет экземпляров, которые уже взяты книгопродавцами. Таким образом, число «3500» означает сумму рублей, на которую взял экземпляров «Истории» Смирдин, «2600» — И. Т. Лисенков, которому, следовательно, Пушкин уплачивает долг по векселю книгами. На векселе Лисенкову от 26 мая 1834 г. значится, что Пушкин уплатил ему 2343 р. (см. стр.805). Эта уплата, очевидно, и есть та, о которой говорит комментируемая запись. Меньшая сумма (2343 р.), чем та, которую записал Пушкин (2600 р.), свидетельствует о том, что Лисенков расчелся лишь за экземпляры, им фактически проданные ко времени расплаты. Сумма «2000», вероятно, означает деньги за экземпляры, взятые московским комиссионером Пушкина К. А. Полевым. Присчитав еще 1800 р. за экземпляры, кому-то отданные, Пушкин полученную сумму (9900 р.) округлил до 10 000 р. (то есть до 769 экземпляров «Истории») и приписал к полученной сумме долгов, так как, очевидно, всем книгопродавцам он был должен, о чем, возможно, и говорит сделанная наверху помета: «долж⟨ники⟩».[1] Затем приписано еще 7000 р. кому-то, и, наконец, после того как был уже подведен итог, пришлось приписать долг мадам Сихлер, содержательнице модного магазина, где одевалась Наталья Николаевна. В окончательном итоге получилась сумма в 38 000 р., то есть почти все те деньги, которые получил бы Пушкин, если бы «История Пугачевского бунта» разошлась полностью. На самом же деле о вышедшей в свет в последних числах декабря 1834 г. «Истории» Пушкин записал в своем дневнике в феврале 1835 г.: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают». И действительно, по подсчету П. Е. Щеголева, Пушкин ко дню своей смерти выручил от продажи «Истории» maximum 20 000 р.[2] Итак, все расчеты оказались построенными на песке,

[1] Слово «должник» означало «заимодавец». В «Горе от ума»: «Но должников не согласил к отсрочке».

[2] После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории Пугачевского бунта». См. П. Е. Щеголев, «Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни», «Прожектор», 1929, № 11 (181), стр. 23,

и, вероятно, почти все долги, намечавшиеся к уплате, остались неуплаченными.

22.

```
                                              3          6000
         pour la maison ¹                 6,000          [Dettes de p.]
         —— les chevaux ²                 4,000
         pour la cuisine ³                4 800
                                         ———————
                                         14,800
|1000 par mois|          [100]           12,000
                                         ———————
                                         26,800
         robes,⁴ theatre &c.              4,000
                                         ———————
300                                      30,000                 [14]
      [12
        3      [3]                      [5,000]
      ———————            41[0]   ———————————————               |19|
      3600   [3,60]      12             |4900|
     12000               ————
      3000]              82
                         41
                        ————
                        [492]
      ———————————————————————————————————
                 15000    [15]   [600]
```

и его же «Материальный быт Пушкина», «Искусство», ежемесячный журнал Главискусства Наркомпроса РСФСР, № 3—4, май-июнь 1929, стр. 42, где в одном месте сказано, что экземпляров «Истории» на квартире Пушкина оказалось 1775, а в другом — 1750. Не заметив ошибки, Щеголев высчитал, что продано было 1250 экземпляров, тогда как продано было всего 1225 экземпляров.

[1] на дом. [2] на лошадей. [3] на кухню. [4] платья.

Запись сделана на листе (две страницы) почтовой бумаги большого формата, входящем в состав Шляпкинского собрания автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 272) (см. *Ш* 11 и 104). Кроме этой записи, на листе черновой набросок «То было вскоре после боя» и черновик письма Пушкина к Бенкендорфу от 4 июля 1835 г. Единственный раз напечатано у *Ш* 11.

Запись представляет собою план расходов на год. Первой статьей поставлена плата за квартиру, которую Пушкин снимал с 1 мая 1835 г. по 1 июня 1836 г. в доме Баташева на Дворцовой набережной, у Прачешного моста за 6000 р. в год.

Из других записей и имеющегося в архиве опеки детей Пушкина счета извозчика Ивана Савельева видно, что последний получал 300 р. в месяц за четверку лошадей, которые закладывались в экипажи Пушкина. Исходя из этой суммы в 300 р., Пушкин и подсчитал было тут же стоимость лошадей в год, но потом прибавил еще 400 р., поставив «pour les chevaux 4000». На стол Пушкин считал по 400 р. в месяц. Подсчитав итог трех главных статей, Пушкин прибавил еще разных расходов по 1000 р. в месяц, но и этого показалось недостаточно, и он прибавил еще на платья, театр и т. п. 4000 р. Таким образом, всего расходов оказалось в год 30 000 р.

Подсчет этого сделан в июне-июле 1835 г. В это время Пушкин для поправления своего материального положения решил уехать на три-четыре года в деревню, а когда ему в этом было отказано, обратился к Николаю I за денежной помощью (см. *АП*, №№ 909, 914, 917, 918, 920, 928 и статью Щеголева «Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни» в «Прожекторе», 1929, № 11 (181)).

На основании этого подсчета Пушкин и писал жене из Михайловского 21 сентября 1835 г.: «А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения: он его уже споловину промотал; Ваше имение на волоске от погибели. Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты. Писать книги для денег, видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30000».

23.

4 сент.

За книги	15р
посл. къ Нижег. Губ.	
за акцiи	1,500р
На почту туда и	
обратно	38р
За шаль	600
За часы	90

За Бюстъ	60
Pourc. ⟨?⟩	7,340
N H.	720
Гурьеву	800
	11,203
Яковлеву	495
5 сент. за домъ	2,000
выигралъ	290
Извощ.у	130
Првщ.	100
По дѣлу Жад.	30

Публикуемая впервые запись сделана в записной книжке (л. 81_1—81_2), хранящейся в *ПБЛ* и поступившей туда от А. А. Краевского (см. *РП*, № 43, стр. 25). Год записи (1835) определяется статьями расхода: «посл. к Нижег. Губ. за акции» и «по делу Жад.», о чем см. ниже.

За книги. — О покупке каких книг говорит запись, сказать невозможно. Это была какая-нибудь случайная покупка, так как обычно Пушкин покупал книги в магазине Беллизара в кредит.

Посл.⟨ано?⟩ k Нижег.⟨ородскому⟩ Губ.⟨ернатору⟩ за акции. — В бумагах Пушкина сохранилось письмо к нему Михаила Бушина (?) от 23 мая 1835 г., извещающего, что он по «изъявленному» Пушкиным «желанию взять акции второго страхового от огня общества» «назначить оных нисколько не может, потому что все сии акции, как отозвался к нему управляющий губерниею вице-губернатор, уже им розданы» (см. *АП* III, 202—203). Комментируемая запись свидетельствует о том, что акции эти Пушкин всё же купил. Нижегородским губернатором в 1835 г. был Михаил Петрович Бутурлин, знакомый поэта, который обедал у него в сентябре 1833 г., проезжая через Нижний-Новгород.

Pour cent — проценты «за заложенные» в Опекунском совете души.

NH — вероятно, Наталье Николаевне Пушкиной.

Гурьеву — вероятно, гр. А. Д. Гурьев, о котором см. стр. 325.

Яковлеву — трудно сказать, какого Яковлева разумеет запись. Едва ли это Иван Алексеевич Яковлев, которому Пушкин был должен 6000 р. еще с 1829 г., о чем см. стр. 363. Может быть это Михаил Лукьянович Яковлев, лицейский товарищ Пушкина, но о долге ему поэта нет сведений.

5 сент. за дом. — С середины августа 1834 г. по октябрь 1836 Пушкин жил в доме С. А. Баташева. По контракту с последним Пушкин должен был заплатить 1 сентября 1835 г. 2000 р. (см. об этом стр. 772).

Выиграл — конечно, в карты.

Извощику — вероятно, постоянному годовому извозчику Пушкина.

Првщ. — вероятно, «перевощикам», перевозившим вещи с дачи Миллера на Черной речке на квартиру в доме Баташева.

По делу Жад.⟨имировского⟩. — У Пушкина с П. А. Жадимировским, в доме которого жил поэт с декабря 1832 г. по июль 1833 г., было судебное дело, изложенное П. Е. Щеголевым в статье «Квартирная тяжба Пушкина» («Красная нива» 1929, № 24 от 9 июня), где опубликован счет (первые числа сентября 1835 г.) ходатая по делам на 28 р. 60 к. Уплата по этому счету и записана Пушкиным. О деле с Жадимировским см. еще стр. 776—777.

24.

		4				
	+ Сихл	3500				
	+ Нащок	2000 +			6500	
	Теткѣ	3000 +			800	
	[+] Пр. Ал.	2000 +			———	
[50]	[Смир	2000]			7300	
		[500]				
	[Руч	500]			200	
	+ Портн	700			[300]	
	Изв	500		15		
	Книгопр.	1500	14			
	+ Анг —	1000	7			16
	+ Бекл ——	500	21	|20|		
	[Сестрѣ	1000]	15			
	+ Энг.	1300			41,[300]	
	[Дюме	400]			16	
	+ Въ погр	400			25,[000]	
	[въ Ломб	7000]			20,[000]	
	[За карты	|5000|]			45,[000]	
					[10, 000]	
	Шишк	9000		[25		
	[Кокѣ [1]]			13		
		41,300		12]		

Написано в тетради № 2382, л. 77_1 верхом вниз по отношению к остальному тексту. Судя по положению в тетради, этот подсчет долгов

[1] *Читается предположительно.*

сделан в 1836 г. Суммы долгов сестре и Шишкину позволяют датировать запись августом: между 8 и 15.

Впервые напечатано у *Я* XI, 364—365 неполно и с ошибками.

Сихл — известная модистика Sichler (на Большой Морской, в доме Храповицкого, № 31). После смерти Пушкина ею был представлен в опеку над детьми и имуществом Пушкина для уплаты счет за наряды Н. Н. Пушкиной на 3364 р. (см. *ПС* XIII, 106).

Нащок — приятель Пушкина П. В. Нащокин, писавший поэту в конце октября 1836 г.: «Со старым счетом ты мне должен 3 т.» (*АП* III, 397). Так как в комментируемом списке сумма долга Нащокину показана в 2000 р., то мы и полагаем, что список составлен до получения от Нащокина третьей тысячи.

Тетке — Екатерине Ивановне Загряжской, тетке Н. Н. Пушкиной. Этот долг значится и в списках №№ 15 и 21.

Пр. Ал. — Прасковье Александровне Осиповой. Это, вероятно, долг отца поэта, С. Л. Пушкина, в 1500 р., который требовала Осипова в 1834 г. в размере 1870 р. (*ЩМ*, 130, 223) и который в 1836 г. Пушкин считает в 2000 р. (ср. список № 21).

Смир. — Николаю Михайловичу Смирнову. Долг Смирнову в 3000 р. значится в списке № 15, а в делах опеки есть документы об уплате Смирнову долга Пушкина в размере 4900 р. (*ПС* XIII. 97).

Руч — «портной мастер» Руч. В делах опеки имеется счет «Conrad Rutsch et C-ie» за сшитые Пушкину платья на 405 р.

Портн. — В делах опеки имеются два счета от портного Бригеля на 1065 р. и на 1142 р. (от 10 августа 1835 г.). По последнему счету Пушкиным было уплачено в четыре срока 612 р. (см. стр. 811).

Изв — постоянному извозчику, о чем см. списки № 14, 22 и 23.

Книгопр — вероятно книгопродавец Иван Тимофеевич Лисенков, которому Пушкин выдал 26 мая 1834 г. вексель в 4000 р. 26 августа 1834 г. по этому векселю Пушкин уплатил лишь 2343 р., оставшись должным 1657 р. Об уплате этих денег и записано Пушкиным, но он их не уплатил (*ПС* XIII, 105) (ср. список № 21).

Анг — вероятно, в английский магазин Никольса и Плинке, счет которого на забранные вещи с 29 октября 1834 г. по 6 января 1837 г. на 2015 р. 12 к. имеется в делах опеки (*ПС* XIII, 104).

Бекл — Петру Николаевичу Беклемишеву. Это долг Льва Сергеевича Пушкина, который должен был уплатить поэт. История этого долга рассказана П. Е. Щеголевым в *ЩМ* 138—140. Хотя Пушкин и писал брату 3 июня 1836 г., что «долг Плещееву [1] заплочен» (*АП* III, 330—331), последний в письме от 3 октября 1836 г. просил уплатить 500 р. и 30 червонцев (там же, 378). Ср. в «Лит. Наследстве», № 16—18, стр. 582.

---

[1] А. П. Плещеев, племянник Беклемишева, который и требовал долг с Пушкина.

Сестре — Ольге Сергеевне Павлищевой. О получении этой тысячи писал Пушкину муж Ольги Сергеевны, Н. И. Павлищев, 21 августа 1836 г. (*АП* III, 368). Уплата долга обозначена зачеркиванием.

Энг — Василию Васильевичу Энгельгардту. Поэт еще 3 мая 1834 г. выдал Энгельгардту вексель сроком на 3 мая 1835 г. на 1330 р., но денег этих так и не уплатил. Энгельгардт получил их с опеки (*ПС* XIII, 105 и *АП* III, 194) (см. список № 21).

Дюме — в ресторан Дюме. Долг, судя по зачеркиванию, был уплачен, что подтверждается отсутствием счета в делах опеки.

В погр. — В делах опеки имеется заборная книжка от винного погреба Рауля с 19 марта 1832 г. по 30 января 1837 г., по которой вин забрано на 777 р. (*ПС* XIII, 97 и 194).

в Ломб — в Ломбард, то есть в Опекунский совет проценты за заложенные «души».

За карты — проигрыш в карты.

Шишкину — подполковнику Алексею Петровичу Шишкину, у которого Пушкин закладывал шали, жемчуга и серебро. Сын Шишкина представил счет в опеку, в котором значилось, что Пушкиным были заложены вещи:

1 апреля	1835 г.	на	3550 р.
1 февраля	1836 г.		1250 р.
13 марта	1836 г.		650 р.
8 августа	1836 г.		7060 р.
25 ноября	1836 г.		1250 р.
25 января	1837 г.	»	2200 р.
Итого			15960 р. (*ПС* XIII, 96, 98 и XII, 38).

На основании этого счета мы и полагаем, что комментируемая запись долгов не могла быть сделана ранее 8 августа. До заклада вещей за 7060 р., сделанного 8 августа, Пушкин не мог записать долг Шишкину в 9000 р. Правда, на основании приведенного счета Шишкина выходит, что с 8 августа 1836 г. Пушкин был должен 12 510 р., но, с одной стороны, он мог забыть о закладе 1 апреля 1835 г.,[1] с другой стороны, вдова А. П. Шишкина (он умер 5 января 1838 г.) писала Опеке 20 февраля 1838 г., что Пушкин остался должен ее мужу 12 500 р., а не 15 960 р., как писал сын Шишкиной, почему счет последнего можно считать неверным (*ПС* XIII, 96, и XII, 38).

Коке — Если прочтено верно, то, может быть, Екатерина Николаевна Гончарова, как называли ее дети Пушкина.

Как мы уже сказали, зачеркнутое обозначает, что долг уплачен. Сумма уплаченных долгов выходит на 16 000 р. В расчетах, сделанных справа от списка, эта сумма и вычтена из общей суммы долгов в 41 300 р. К оставшейся сумме в 25 000 р. Пушкин прибавил еще имевшихся долгов

[1] В приходо-расходной книжке за 1835 г. нет записи об этом закладе.

на 20 000 р. Таким образом выходит, что ко времени составления подсчета (август 1836 г.?) Пушкин считал сумму своих долгов в 45 000 р. После смерти Пушкина опека уплатила его долгов на сумму до 120 000 р. Крестиками обозначены долги, которые, вероятно, нужно было уплатить в первую очередь.

25.

[300 за лошадей
4,500 за квар. с дров.
350 на кухню
300 на разходы
5,450

4 500
950
12
1900
950
11400
4500
15900]

16,000

17000

[6,000
1,000
5,000]

[4,000
1,300
6,000
11,000]

[2,000]

[4,000
6,000
2 500
1 500
4 000
1 000]

18,000
4,000
22,000
13,000
9,000
3,000

[Съ *нрзбр*]

Не смотря на

18,000
4,500
22,500

[voue *нрзбр*]
[voue]

Запись сделана на листе в 8 д. л., на одной стороне которого черновой набросок о «Путешествии в Сибирь» аббата Шапп д'Отроша и об «Антидоте» Екатерины II. Лист входит в Майковское собрание автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 635; см. *ПС* IV, № 25, стр. 30, и *КН* V, 387—388).

Печатается впервые.

Набросок о «Путешествии в Сибирь» датируется 1836 г. Этим же годом нужно датировать и комментируемую запись, за что говорит и проставленная плата за квартиру. В доме Баташева Пушкин с 1 мая 1836 г. занимал квартиру за 4000 р. в год. С 1 сентября этого года он снимал квартиру в доме кн. Волконской на Мойке за 4300 р. в год.

Запись сделана следующим образом. Сначала Пушкин записал четыре главных статьи расхода: лошади, квартира, стол и разные расходы. Первая, третья и четвертая статьи взяты в месячном расходе, вторая — в годовом. Сложив все четыре числа, Пушкин вычел из полученной суммы годовую стоимость квартиры, чтобы получить сумму ежемесячных расходов на лошадей, стол и разные расходы. Она определилась в 950 р. Чтобы узнать расход по этим статьям в год, Пушкин помножил 950 р. на 12 месяцев и к полученной сумме прибавил годовую стоимость квартиры. В итоге получилось 15 900 р., но Пушкин сейчас же округлил ее до 16 000 р., а потом еще накинул тысячу и полученную сумму, как окончательную, предельную, заключил для большей выразительности в рамку, подчеркнув ее длинным рядом черточек, как бы говорящих о том, что за пределы этого числа ему нельзя выходить в своих расходах.

Сравнивая комментируемую запись с аналогичной записью июня-июля 1835 г., мы видим, что последняя предусматривает бо́льшие расходы. Теперь, в 1836 г., и квартира на 1500 р. в год дешевле, чем в прошлом году, и лошади в месяц стоят 300 р., а не 333 р., и на стол определено в месяц 350 р., а не 400 р., и на остальное положено всего 300 р., тогда как в 1835 г. намечалось 1333 р. В итоге, вместо 30 000 р. 1835 г., теперь сумма расходов определилась лишь в 17 000 р.

Другие черновые денежные подсчеты и отдельные слова на этой странице не поддаются дешифровке.

VIII

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

В настоящем отделе собраны подписи Пушкина к рисункам.

В первой части воспроизводятся подписи Пушкина к рисункам, сделанные *им для себя. Они* очень лаконичны *и* однообразны. Самая частая подпись — дата. При этом дата ставится при рисунках, которые важны Пушкину как памятники событий или виденного. Таковы даты при рисунках №№ 5, 11 и 12. Заметим, что пейзажи Пушкин часто рисовал с натуры, а портреты обычно по памяти.

Ни одна иллюстрация к собственному произведению Пушкина, ни одна свободная композиция, ни один портрет даты не имеют.

Зато портреты иногда имеют надпись с фамилией изображенного лица. Но портретов среди *рисунков Пушкина десятки* (и среди них есть *исключительные по* сходству), а подписано всего несколько. Так, даже на одном рисунке портреты Марата и Занда подписаны (№ 7), а у портрета Лувеля подписи нет. Подписи сделаны как будто случайно, и уловить какую-нибудь закономерность в подписании их нельзя.

Три подписи к рисункам стоят особняком. Первая — это название персонажей под иллюстрациями к «Сказке о попе» (№ 10). Иллюстрировал свои произведения Пушкин очень обильно, сделал же к ним надписи единственный раз.

Вторая — текст к карикатуре на Дегильи (№ 6). Здесь функции и рисунка и подписи слиты воедино.

Третья, отличающаяся от всех прочих, это авторская подпись к рисунку, оставшемуся у поэта (№ 8). Это единственный рисунок Пушкина, который получил признак удовлетворения у равнодушного к своим наброскам художника.

В этот же отдел нами включена карта Приднепровья, нарисованная Пушкиным (№ 13). Известны еще две карты его работы, одна сделанная при изучении Пугачева, другая — Петра I, но эти карты не входят в нашу книгу, как и все материалы по этим двум трудам.

Т. Зенгер

I. ПОДПИСИ К СВОИМ РИСУНКАМ

1.

1818

15 Dec

le baiser

Перевод:

1818, 15 декабря

Поцелуй

Рисунок карандашом на пустой странице (л. 45_1) в тетради № 2364. Это один из ранних рисунков Пушкина, сделанный в то время, когда над ним еще тяготели навыки срисовывания с гипсов. См. снимок.

Воспроизведен впервые у *В* I, 473. Подробное его *описание см.* у Э[1] 266—268 и *Э*[2] 188—190.

2.

Рисунок карандашом, обведенный чернилами, находится на л. 49_1 в тетради № 2364. Датируются началом 1819 г.

Воспроизведен впервые А. М. Эфросом (Э[1] 24 и Э[2] 33), определившим, что портрет, подписанный буквой К, является портретом актрисы Колосовой; головка в кокошнике — портрет Семеновой, а правая верхняя головка предположительно является портретом Вальберховой (Э[1] 269—271 и Э[2] 190—192). *Рисунки Пушкина ср. с портретами всех трех актрис, воспроизведенными в Ал [2], табл. 52.*

3.

Laval

Рисунок *Пушкина* карандашом с этой подписью, изображающий Лаваля в профиль (погрудно), находится в Онегинском собрании *ИРЛИ* (№ 359), на листке с черновым текстом стихотворения «Там у леска, за

ближнею долиной». Стихотворение это датируется концом 1819 г. Рисунок же сделан, очевидно, до записи его, так как строки стихотворения, задевая за рисунок, идут по последнему. О Лавале см. стр. 324. Для выяснения сходства портрета Пушкина с натурой можем указать литографированный портрет Лаваля работы неизвестного (*Ал* [2], табл. 80), взятый хотя и в три четверти, но указывающий на большое сходство рисунка Пушкина с натурой. Конечно, Пушкин рисовал дома по памяти, но ему отчетливо запомнились характерные черты: горбатый нос, тяжелые веки, вдавленный рот, выступающий подбородок и три глубокие морщины на щеке.

Воспроизводится впервые.

4.

1 avril

Перевод:

1 апреля.

Рисунок карандашом находится в тетради № 2365, л. 51_2. Датируется 1821 г., судя по окружающим страницам тетради. Таким образом, это кишиневский пейзаж, сделанный Пушкиным из окна своей комнаты в доме Инзова. О виде, открывавшемся из этого окна писал Н. В. Берг в 1855 г.: «... Из окон, которые принадлежали ему <Пушкину>, самый лучший вид в городе. Место очень высоко... Вдали горы с белеющимися кое-где домиками какого-то села. Говорят, прежде, около Инзова дома был огромный сад и службы. Теперь не осталось ничего. Дом стоит отдельно, один-одинешенек, и подле него две сироты — акации...». Эти акации и изображены как на рисунке Пушкина, так и на позднейших рисунках дома Инзова.

Подробнее см. об этом в «Летописи Литературного музея», т. I.

Воспроизводится впервые. Снимок см. стр. 394—395.

5.

12 Апр.

Рисунок карандашом, находится в тетради № 2365, л. 68. Снимок см. стр. 394—395.

Воспроизведен впервые у *В* II, 176.

Дата сделана чернилами. По положению в тетради датируется 1821 г. Рисунок этот является довольно редким для Пушкина случаем сложной композиции. Он представляет группу лиц — молдаван, армян — в церкви. Верх композиции занят иконостасом: бог Саваоф, симметрично окруженный барочными ангелами. — 12 апреля 1821 г. был третий день Пасхи. Постом Пушкин, по обязанности чиновника, говел («Я променял парнасски бредни И лиру, грешный дар судьбы, На часослов и на обедни, Да на сушеные грибы» — «В. Л. Давыдову», начало апреля 1821 г.). Был он,

1 Avril

5.

12 Апр.

конечно, и у пасхальной заутрени в ночь на 10 апреля, а может быть и 12-го был в церкви и зарисовал молящихся в кишиневской церкви. Любопытно, что в этот же день — 12 апреля — написано им легкомысленное стихотворение «Христос воскрес, моя Ревекка».

Толковался этот, казалось бы, несложный по содержанию рисунок очень различно. Первым описал его П. В. Анненков, против обыкновения очень *осложнив и запутав мысль* Пушкина. Он счел этот рисунок *изображением одного эпизода в кишиневской масонской ложе*, известного со слов Липранди: «На одно из заседаний этой ложи, которое приходилось в день *Пасхи* и имело место в подвале какого-то каменного дома, явился болгарский архимандрит, пожелавший сделаться братом-каменщиком. Следуя обычному церемониалу приема новых членов, он спустился в подвал с *завязанными глазами*, ведомый под-руки, но болгаре, его соотечественники, собравшиеся у решетки дома, полагая, что духовный пастырь их попал в западню и подвергается опасности, бросились за ним и торжественно вывели спасенного на божий свет, прося и принимая от него благословение. Мы знаем, что случай этот чрезвычайно забавлял Пушкина: Он не преминул пометить его в своих тетрадях особой картинкой, которая заслуживает внимания. Под сводами какого-то массивного строения которое должно принять за паперть церкви, перед большим образом с зажженной *лампадой, стоят 7 лиц по порядку* один за другим, представляя *собою самое странное* и дикое смешение национальностей и характеров: именно, тут собраны греческий монах, молдаванский боярин, бессарабский мужик, католический поп, якобинец в фригийской шапке и с палкой в руке и проч. Внизу красуется подпись: «12 апреля, день святого воскресения 1821 г.». Картина, по всем вероятиям, очень близко передавала состав ложи, но она также может служить и эмблемой того смешения национальностей, которое водарилось в городе, когда разыгрался последний акт революционной драмы в Молдавии и Валахии в том же 1821 г.» (Анненков, «Пушкин в Александровскую эпоху», *ВЕ* 1874, № 1, стр. 40). Тут всё преувеличено и прикрашено, вплоть до подписи Пушкина под рисунком, а история с болгарским архимандритом не имеет никакого отношения к этому рисунку.

Якушкин, возражая Анненкову, правильно писал: «По-моему, как по обстановке, так и по лицам, это просто сцена в молдавской церкви» (*Я* IV, 109).

Новое осложнение внесено Б. В. Томашевским. Вот что он пишет: «В кишиневской тетради (№ 2365, л. 68) сохранился рисунок карандашом, изображающий бога-отца на троне в облаках, в католической тиаре. Около рисунка еле заметны следы какого-то текста. На эту страницу указывал в своем «описании» Якушкин как на имеющую отношение к «Гавриилиаде». Возможно, что в 80-х годах надпись поддавалась прочтению. Возможно также, что стихи из «Гавриилиады», опубликованные Бартеневым в 1881 г. среди выдержек из рукописей Рум. Муз., основаны на тексте, находившемся на этой странице. Рядом с этим листом несколько

листков вырвано из тетради. Под рисунком чернилами дата: «12 Апр.». На воспроизведении этой страницы в собрании Сочинений Пушкина под ред. Венгерова, т. II, стр. 176, рисунок, относящийся к «Гавриилиаде», не вышел» (А. С. Пушкин, «Гавриилиада», П. 1922, стр. 107).

Первое недоразумение заключается в том, что Б. В. Томашевский принимает изображение иконостаса в общей композиции церкви за изолированный рисунок к «Гавриилиаде».

Второе — об «еле заметных следах какого-то текста». Навряд ли исследователь имеет в виду отпечаток на этой странице невысохших чернил текста с вырванного соседнего листка. Вероятнее, что он принимает за следы букв грязь, смешанную с размазанным мягким карандашом. Что это не могли быть какие-то поддававшиеся в 80-х гг., а теперь не поддающиеся прочтению стихи, можно утверждать с уверенностью. Якушкин не разбирал, а иногда даже не замечал таких карандашных текстов, которые сейчас вычитываются (№ 2374, л. 2_1 — список прозаических произведений Пушкина; № 2371, л. 21_1 — черновой текст показания Пушкина по делу о «Гавриилиаде»; № 2382, л. 10_1 — черновое письмо к «американцу» Толстому). То же можно сказать и о Бартеневе (№ 2374, л. 3_2 — выноска к плану «Капитанской дочки»), так что никоим образом он не мог прочесть стихи там, где сейчас ничего не видно.

Ошибка Б. В. Томашевского объясняется тем, что в указателе к «Описанию рукописей Пушкина» *имеется* досадная опечатка: в разделе «Программы» (стр. 587) под словом «Гавриилиада» указаны листы тетради № 2365: 28_1 и 68_1. Между тем, эта цифра 68_1 попала сюда из предыдущей строчки, где она должна была обозначать лист тетради № 2364, где имеется программа «Руслана и Людмилы».

6.

Ma femme! . . . . . ma culotte . . . . . et mon duel donc! . . . . ah ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte . . . .

Перевод:

Жена! . . . . . штаны . . . . . а дуэль-то моя! . . . . . эх, право, пускай она сама как хочет отыгрывается, раз она играет первую скрипку. [1]

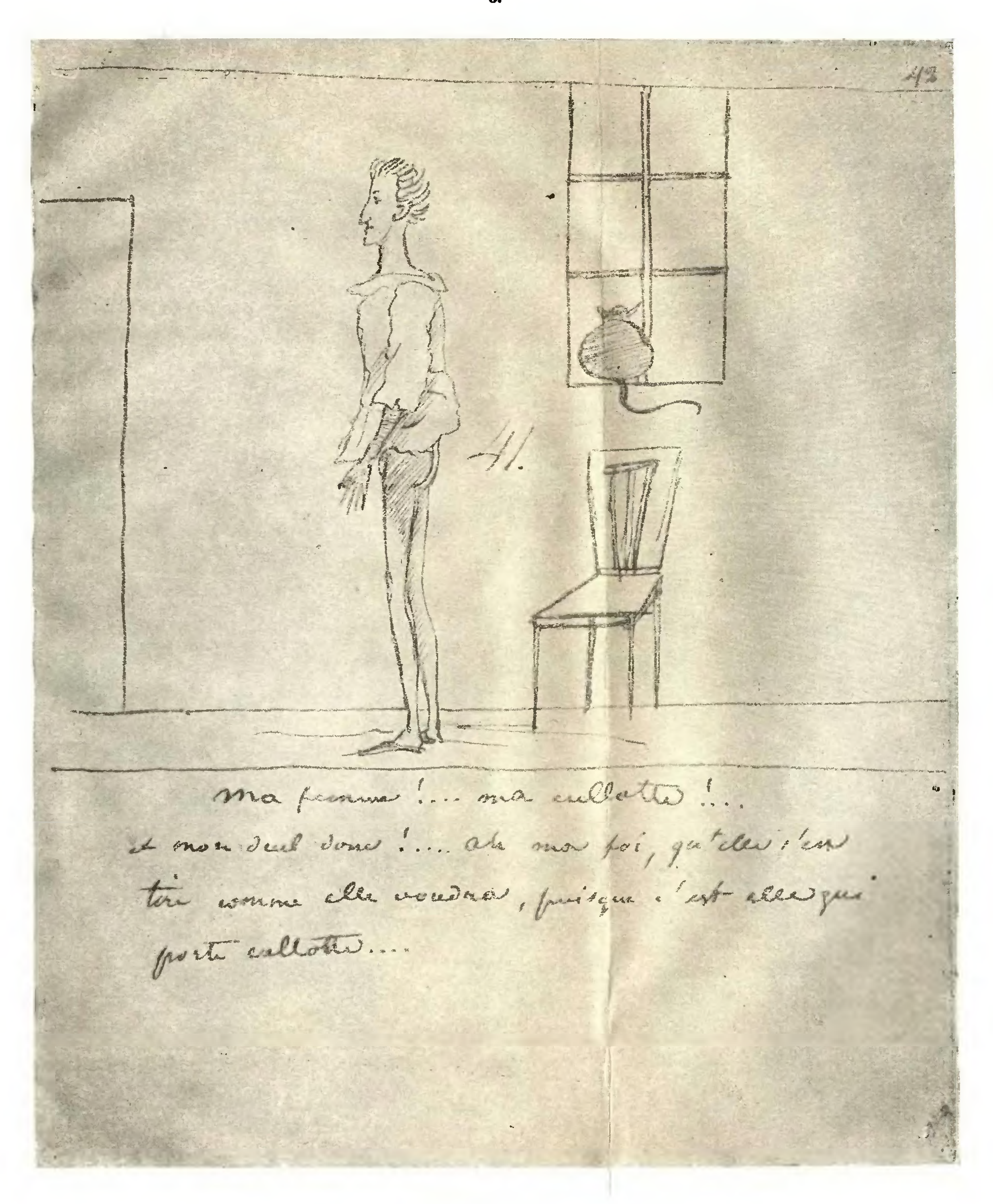
Рисунок Пушкина с его французским текстом находится в тетради № 2365, л. 41_1.

Воспроизведен впервые в *В* II, 171, затем у *Э*[2] 89.

---

[1] Во французском тексте — непереводимая игра слов. Porter culotte, в прямом смысле означающее носить штаны, в переносном — применяется к женам, которые верховодят в браке.

6.

Ma femme?... ma culotte!...
et mon donc duel!.... ah ma foi, qu'elle s'en tire comme elle voudra, puisque c'est elle qui porte culotte....

Sand Marat

AP. 26. Sept. 1821

Портрет Калипсо

Рисунок этот является карикатурой Пушкина на Дегильи, французского отставного офицера, уклонявшегося от дуэли с Пушкиным. Причина вызова Пушкина неизвестна, но, очевидно, Пушкин вышел из себя, так как написал Дегильи оскорбительнейшее письмо (6 июня 1821 г.), начало которого занес себе в дневник; нарисовал на него карикатуру и записал на смежном листе даты истории, связанной с ним: «4 июня ночью 5 июня поутру. *Дегилье*» (см. стр. 292). Эти даты, может быть, означают следующее: *4 июня ночью произошел скандал*, побудивший Пушкина *драться* с Дегильи на *дуэли*; 5 июня поутру Пушкин послал к нему секунданта для вызова. 6 июня, вероятно, получив отказ, Пушкин написал Дегильи негодующее письмо, затем нарисовал карикатуру и, уже несколько успокоившись, начал записывать в дневнике текст письма, но оборвал его словами: «Оставим этого несчастного». (Об этом см. *П* I, 227.)

Датируется этот автограф, вероятно, 6 июня 1821 г., сделан он в Кишиневе.

Смысл карикатуры в том, что Дегильи как-то связывал с женой свой отказ от дуэли, о чем Пушкин говорит и в письме к нему.

7.

Sand Marat

Рисунок чернилами, находится в тетради № 2365, л. 46_1.

Впервые воспроизведено у *В* II, 159.

Два изображения подписаны самим Пушкиным, третье (налево, в три четверти) является портретом Лувеля, по указанию Л. С. Гинзбурга (доклад в Пушкинской комиссии О-ва любителей российской словесности) По положению в тетради лист с портретами революционеров точно датируется июлем 1821 г., то есть, тем самым временем, когда Пушкин воспел террор и его героя Карла Занда в «Кинжале».

Интересно отметить необыкновенную зрительную память Пушкина. Известно, что одним из поводов к высылке Пушкина из Петербурга было то, что он открыто показывал в театре литографированный портрет Лувеля с надписью: «Урок царям». Было это весной 1820 г. Летом 1821 г. Пушкин зарисовывает по памяти его лицо. (См. Леонид Гроссман, «Вокруг Пушкина», М. 1928, стр. 3—11.)

8.

A. Pouchk

Рисунок Пушкина с французской подписью его находится в Майковском собрании, *ПС* IV, 27, № 11, л. 13_2 (в *ИРЛИ*, № 620). Так как рисунок находится в рукописи Пушкина «Отрывок из литературных летописей»,

датированный им самим: «27 марта 1829. Москва», то и рисунок, надо полагать, сделан тогда же.

Портрет неизвестного вероятно отличается большим сходством, почему, надо думать, Пушкин и подписался под ним.

Воспроизведено впервые в «Литературном Наследстве» № 16—18, стр. 431.

9.

25 мая
Коби

Автограф находится в тетради *№ 2382, л. 106*$_1$. *Рисунок*, изображающий Кавказские горы и типы горцев — мужчину и женщину, не имеет отношения к наброску стихотворения:

Благословенъ и день и часъ
[подъ]
Когда [судьба] [въ горахъ Кавказа]
Судьба соединила насъ.

Стихотворение это обращено к персидскому поэту Фазил-Хану, встречу с которым Пушкин описал в I главе «Путешествия в Арзрум».

Дата — «25 май» (1829 г., когда Пушкин был на Кавказе и проезжал через пост Коби) — в равной мере может быть относима и к стихам и к рисунку.

Воспроизведено в *В* III, стр. 75.

10.

Балда Бѣсенокъ Попъ талаконный лобъ Старый бѣсъ

Рисунки эти находятся на *л.* 45$_2$ сшитой жандармами тетради № 2376 Б.

Они являются иллюстрациями Пушкина к его «Сказке о попе и работнике его Балде», находящейся в этой же рукописи. Сказка эта датирована самим Пушкиным 13 сентября 1831 г. Конечно, и рисунки к ней надо датировать сентябрем 1831 г., когда Пушкин с молодой женой высиживал в Царском Селе холерный карантин.

Два из этих рисунков (Балда и Поп) без надписи воспроизведены впервые Анненковым (*А* I, приложения).

Все четыре — в *В* III, 201.

106.
25 мая
Коби

Балда Бѣсенокъ Попъ талаконный лобъ Старый бѣсъ

11.

10 mars 1832

Bibl. de V.

Рисунок находится в записной книжке № 43, л. 95_2, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, 26).

Запись напечатана впервые в статье И. А. Бычкова «Бумаги Краевского» в «Отчете Публичной библиотеки за 1889 г.», П. 1893, стр. 37. Полностью текст впервые помещен в *РП*, 26.

Рисунок воспроизведен впервые в № 16—18 «Литературного Наследства» стр. 917.

В этот день — 10 марта 1832 г. — *Пушкин занимался в библиотеке Вольтера* (см. стр. 534), *которая тогда находилась в Эрмитаже. В библиотеке же помещалась и статуя Вольтера работы Гудона, которую Пушкин и срисовал с натуры. Это очень редкий для Пушкина тип рисунка.*

12.

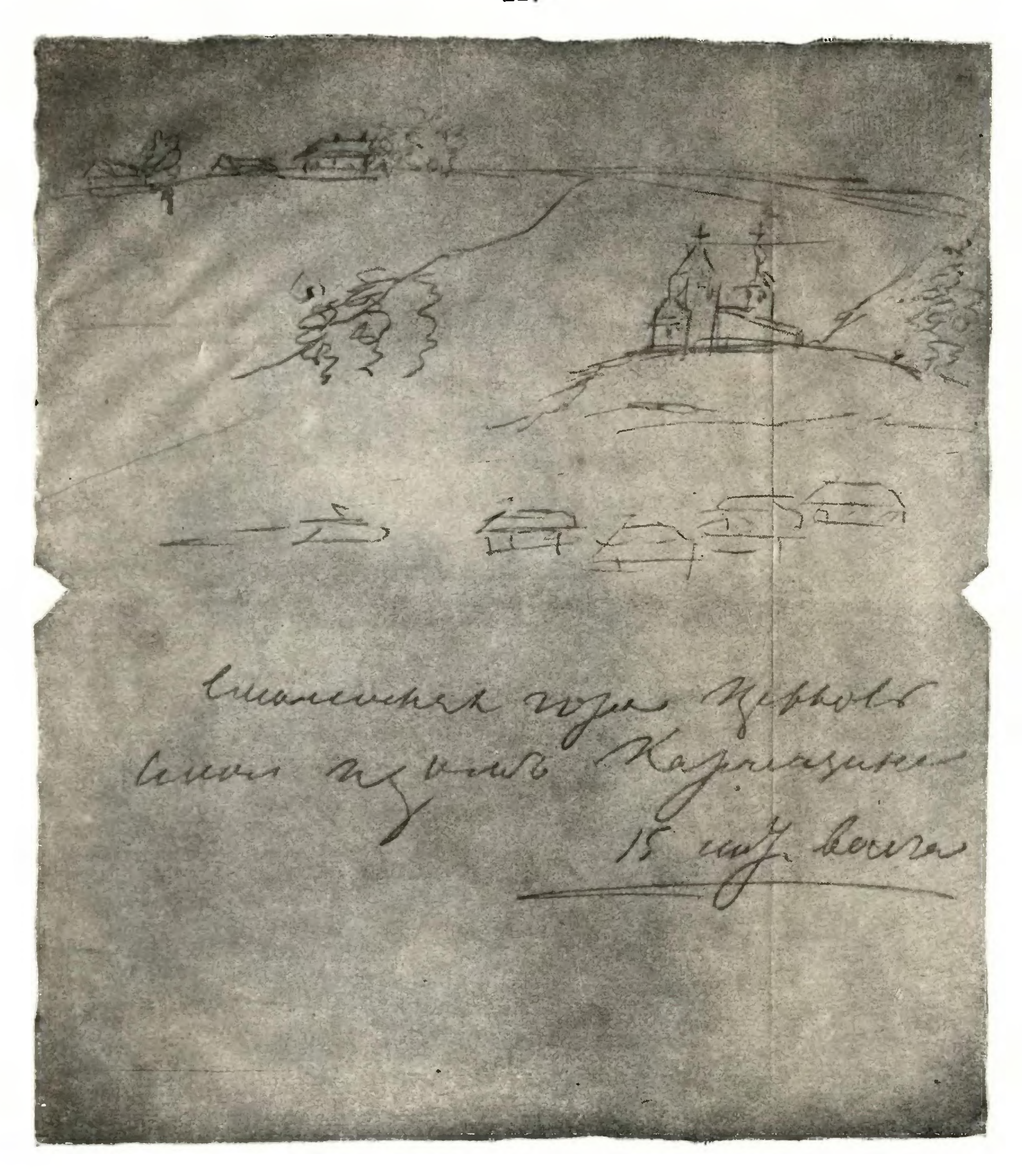
Смоленская гора Церковь
Смол. и домъ Карамзина
15 сент. Волга.

Рисунок и подпись к нему находятся в записной книжке, которую Пушкин брал с собой в свое путешествие осенью 1833 г. на Урал в поисках материалов по Пугачеву. Хранится в *ПБЛ* (см. *РП*, стр. 27, № 44, л. 1_2—2_1). Рисунок воспроизводится впервые. Текст же к нему (не совсем правильно) был напечатан в статье И. А. Бычкова «Бумаги Краевского» в «Отчете Публичной библиотеки за 1889 г.», П. 1893, стр. 38.

Рисунок изображает пейзаж в Симбирске, где Пушкин был в середине сентября 1833 г. Сделан пейзаж с натуры. Смоленской горой в Ульяновске с давних пор называется один из склонов Симбирской горы к Волге—тот, на котором (с 1864 г., после стихийного пожара) устроен спуск в Волге. Внизу этого спуска была и Смоленская церковь, разрушенная оползнем в девятисотых годах. Дома у Н. М. Карамзина в Симбирске не было, да он и не жил никогда ни в Симбирске, ни в своем родном селе Знаменском, Симбирской губ., где он родился. А жил и в селе и в городе брат историка, Василий Михайлович Карамзин, умерший в 1827 г. Вероятно, ему и принадлежал дом, отмеченный Пушкиным. Возможно, что Пушкину сказали, что это дом Карамзина, и он понял, что это дом историка. (Сведениями о Смоленской горе, Смоленской церкви и о доме Карамзина мы обязаны Н. Н. Столову).

До сих пор точно не было установлено, когда Пушкин выехал вторично из Симбирска — 14 или 15 сентября 1833 г. Письмо его к жене от 14 сентября, заключающее слова: «Теперь еду опять другим трактом», создавало впечатление, что он пишет перед самым отъездом. Между тем датированный рисунок Симбирска говорит за то, что 15 сентября Пушкин был еще там.

12.

Смоленская гора Церковь Смол. и домъ Карамзина 15 сент. Волга

13.

13.

Карта начерчена карандашом и чернилами верхом вниз по отношению к остальному тексту в тетради № 2367, л. 35_2.

Соседние с этой страницей листы заполнялись в 1827 г., но когда начерчена карта, сказать затруднительно, так как то обстоятельство, что она начерчена верхом вниз по отношению к тексту соседних страниц, может свидетельствовать о том, что чертеж сделан когда-либо позднее. Датируем предположительно 1828 годом, когда писалась «Полтава», к которой, надо думать, карта и имеет отношение.

Чертеж этот не единственный в рукописях Пушкина. В материалах для «Истории Пугачевского бунта», тетрадь № 2391, имеется начерченная Пушкиным карта Приуралья. Такую карту, как известно, Пушкин приложил к своей «Истории Пугачевского бунта».

II. ПОДПИСЬ К ЧУЖОМУ РИСУНКУ

Turban vert; tunique Violette,

Рукою Пушкина.

Перевод:

Тюрбан — зеленый; тупика — лиловая.

Подпись Пушкина под акварелью работы неизвестного. Хранится в Онегинском собрании (в *ИРЛИ*, № 664). Может быть, это проект костюма для Натальи Николаевны, причем Пушкин указывал, какими цветами нужно заменить цвета, имеющиеся на акварели.

Подпись Пушкина напечатана в *ПС* XV, стр. 26, но без указания на ее автографичность.

Воспроизводится впервые.

IX

ЗАПИСИ НАРОДНЫХ СКАЗОК И ПЕСЕН

В настоящий отдел входит полное собрание известных до сих пор пушкинских записей народных сказок и песен.

Первую часть составляют записи семи сказок, вторую — записи песен. Последние разбиты нами на две группы: на записи, сохранившиеся в *копиях* в собрании песен П. В. Киреевского, и на записи, имеющиеся в *автографах* Пушкина. Записи первой группы, в свою очередь, делятся на записи свадебных песен и на записи песен необрядовых.

Транскрипция записей сказок и песен, сохранившихся в автографах Пушкина, сделана Т. Г. Зенгер. Л. Б. Модзалевскому принадлежит транскрипция записей №№ 12—15 песен необрядовых, сохранившихся в копиях П. В. Киреевского, и плана «вступления» к сборнику песен, который собирался издать Пушкин вместе с С. А. Соболевским.

Транскрипция всех записей свадебных песен и первых одиннадцати песен необрядовых сделана мною. Мною же написан и комментарий ко всем записям этого отдела.

М. Цявловский

I. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ СКАЗОК

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

1

Нѣкоторый Царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему нраву никого — подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ [дѣ] сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормитъ, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнетъ, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшой, и съ первой ночи она понесла. Царь уѣхалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ рѣшилась ее погубить. Послѣ 3

мѣсяцовъ Царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудомъ — ножки поколѣно серебряные, ручки по локотки золотые; во лбу звѣзда, въ заволокѣ мѣсяцъ. послали извѣстить о томъ Царя. мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала что Царица разрѣшилась не мышью не легушкой, невѣдомой звѣрюшкой. Царь весьма опечалился но съ тѣмъ-же гонцомъ повелѣлъ дождаться пріѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе чтобъ заготовить двѣ бочки, одну для 33 царевичей, а другую для Царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано.

Долго плавали Царица съ Царевичемъ въ засмоленой бочкѣ — наконецъ море выкинуло ихъ на землю — сынъ замѣтилъ это — матушка ты моя благослови меня на то чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — Господь благослови тебя дитятко. Обручи лопнули, они вышли на островъ сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить да править — Ѣдетъ мимо карабль — Царевичь остановилъ карабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ что ѣдутъ они къ Султану Султановичу Турецкому [Цар] Государю, обратился въ муху и полетѣлъ вслѣдъ за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости карабельщики разказываютъ Царю о новомъ Государствѣ и о чудесномъ отрокѣ ноги серебр. и пр. Ахъ говоритъ Царь поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо говоритъ мачиха вотъ что чудо: у моря лукоморья стоитъ дубъ а на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ въ верхъ идетъ сказки сказываетъ внизъ идетъ пѣсни поетъ. Царевичь прилетѣлъ домой и съ благословенья матери перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый карабль. то же опять. тотъ же разговоръ у Султана — Царь опять хочетъ ѣхать. Что это за чудо говоритъ опять мачиха во что чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся а межъ ими сыплетъ золото да серебро — и проч. 3-й карабль и проч. также. что за чудо а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ точь вточь [одни] ровны и голосомъ и волосомъ и лицомъ и ростомъ. а выходятъ они изъ моря только на одинъ часъ —

Тужитъ Царевна объ остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичь съ ея благословенія берется ихъ отыскать. Нацѣди ты матушка своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ. — Онъ идетъ къ морю, море всколыхалося, и вышли 30 юношей и съ ними старикъ — и [од] Царевичь спрятался и оставилъ одну лепешечку. одинъ изъ нихъ и съѣлъ ее: Ахъ братцы говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали — старикъ погналъ ихъ въ море. на другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешки, и познали брата своего. На третій вышли безъ старика — и Царевичь привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й карабль — тоже самое — мачихи уже болѣе дѣлать нечего. Царь Султанъ ѣдитъ на островъ, узнаетъ свою жену и дѣтей — возвращается съ ними домой — а мачиха умираетъ.

2

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну, онъ оставилъ жену свою беременную — Ѣдучи домой дорогою, захотѣлось ему пить — видитъ онъ пролубь и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ — но только хочетъ онъ изпить воды, кто-то его хвать за бороду и не выпускаетъ — Царь взмолится — нѣтъ; подари мнѣ чего ты не знаешь задумался бѣдный Царь, какъ чего я не знаю, я все знаю — ну такъ и быть дарю. — пріѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодаго Ивана Царевича безъ него родившагося — Царь догадался что его то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Ив. Ц. выросъ, прогуливаясь однажды верьхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пѣнять за то что онъ еще не явился — и что срокъ де его прошелъ. Ив. Ц. требуетъ и получаетъ объясненіе отъ Отца своего. 3 раза является ему старикъ и научаетъ его куда идти. Ив. Ц. приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся а одна по одоль. Онъ беретъ ея платья. всѣ одѣваются, она остается одна. Ц. выходитъ — другъ со другомъ обручаются. Она научаетъ его какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика [Царя] Отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ сидя на крыльцѣ взбѣсился завидя Царевича — сей, по совѣту Марьи Царевны — становится на колѣни, шапку возноситъ на мечѣ выше головы и т. о. приближается. Царь посылаетъ его въ особую комнату и повелѣваетъ ему готовиться

отвѣчать на его загадки т. е., повелѣваетъ ему построить церковь въ одну ночь. Царевичъ думалъ думалъ и наконецъ сказалъ мать его такъ повѣсить такъ повѣсить, голова моя недорога. Царевна, обратясь въ муху, является къ нему. Не печалься И. Ц., скинь портки, повѣсь на шестокъ да спи — а завтра возьми молоточикъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее, отрѣжъ, гдѣ неровно, приколоти. Царевичь былъ безупывная головушка легъ и заснулъ. По утру церковь готова — Ну сказалъ Царь послѣ обѣдни я хитеръ а ты хитрѣе меня. Отдамъ за тебя старшую дочь. Но сперва узнай ее между 30 проччими. Это не мудрено думалъ Ив. Ц. нѣтъ мудрено, сказала Царевна муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ. Задумался Царевичъ, мать его такъ вѣсить, такъ вѣсить. — Но Царевна его надоумила. На утро приходитъ онъ къ Царю видитъ всѣхъ Царевенъ — одной муха садится на щеку, она гонитъ ее платкомъ. вотъ старшая — Правда, Ив. Ц. но всѣ эти хитрости не твои, а посли завтра 3-ю загадку. — Ну Ив. Ц. сказала М. Ц. тутъ ужъ тебѣ не помогу — дѣло въ томъ чтобъ ты сшилъ сапоги покамѣсть у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть — Убѣжимъ. Она плюнула 3 слюнки на окно Ив. Ц. — да три слюнки къ себѣ — сѣли верьхомъ и ускакали. По утру послалъ Царь къ Ив. Ц. — что ты, Ив. Ц. спишь-ли ты, али думу думаешь — думу думаю, отвѣчаютъ слюнки. — Наконецъ Царь видитъ обманъ и посылаетъ за ними въ погоню. Послушай ка Ив. Ц. сказала М. Ц. не гонятся ли за нами. Тотъ прилегъ къ землѣ — нѣтъ М. Ц. — послушала — близко и тотчасъ обратила Ив. Ц. въ рожь, а себя въ пшеницу. Погоня наскакала — Не видя дороги, и не видя ни одного измятаго колоса — они воротились. Новая погоня. М. Ц. превращаетъ Ив. Ц. въ церковь а сама въ священники, и церковь такъ ветха что мхомъ обросла, и священникъ такъ старъ что еле дышетъ. — Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но М. Ц. разливаетъ между имъ и собою рѣку и Царь возвращается со стыдомъ.

Ив. Ц. и М. Ц. вступаютъ во свое государство — забудешь ты меня Ив. Ц. не цалуй ребенка, когда приѣдешь къ Отцу къ Матери — а то забудешь меня—И. Цар. приѣзжаетъ къ Отцу и къ Матери — въ восторгѣ цалуетъ ребенка и забываетъ М. Ц. Между

тѣмъ — предлагаютъ ему Невѣсту онъ съ нею обручается — М. Ц. просится у старушкѣ, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ у поваровъ позволеніе изпечи пирогъ. Пирогъ подаютъ на Царской столъ, разрѣзываютъ, оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и говоритъ голубокъ ты мой не забудь ты меня какъ забылъ Ив. Цар. свою М. Царевну. и проч.

3

Попъ поѣхалъ искать работника. На встрѣчу ему баллà. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только 3 щелка въ лобъ попу. Попъ радехонекъ, попадья говоритъ каковъ будетъ щелкъ. Балда дюжъ и работящь — но срокъ ужъ близокъ, а попъ начинаетъ безпокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медведю, будто-бы за коровой — балда идетъ и приводитъ медведя въ хлѣвъ. Попъ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ сбирать балда беретъ пеньку, смолу — да дубину — садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду и въ водѣ охнуло; «кого я тамъ зашибъ стараго али малаго — и вылезъ старый; что тебѣ надо? — оброкъ собираю — «а вотъ внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами — сидитъ Балда да веревки плететъ да смолитъ — Бѣсенокъ выскочилъ — что ты — балда? — да вотъ стану море морщить, да васъ чертей корчить — бѣсенокъ перепугался. — Тотъ заплатитъ попу оброкъ кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря.[1] Бѣсенокъ не могъ — Балда сѣлъ верьхомъ и объѣхалъ — ахъ дѣдушка! онъ не только что въ ахапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ — Новая выдумка: кто прежде обѣжитъ около моря? куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я — а гдѣ то меньшой братъ — У балды были въ мѣшкѣ два зайца. Онъ одного пустилъ. Бѣсенокъ запыхавшись обѣжалъ — а Балдà гладитъ уже другого — приговаривая, усталъ ты бѣднинькой братецъ, 3 раза обѣжалъ около моря — Бѣсенокъ въ отчаяньи. 3 способъ — дѣдъ даетъ ему трость[2] кто вышѣ броситъ. Балда

[1] *Было*: согласны мы съ дѣдомъ заплатить попу оброкъ, если ты вотъ эту лошадь обнесешь три раза вокругъ моря.

[2] *Дальше было*: забросить за.

ждетъ облака чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку попъ видя Балду бѣжитъ — и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей — утопляетъ ночью попадью вмѣсто его — и проч.

Балда у Царя — дочь одержима бѣсомъ — балда подъ страхомъ висилицы берется вылѣчить [кня] Царевну — съ нею почуетъ — беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старые карты да молотокъ — знакомаго бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи; играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ — На другую ночь тоже — На третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ открывается — Что такое балда? — Пить хочетъ — всунь ему стручокъ-то свой, свою дудочку въ ротъ — бѣсенокъ пойманъ и высѣченъ и проч.

4

Царь Кащей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать за мужъ покамѣсть самъ будетъ живъ — дочь приступаетъ къ нему, гдѣ-де твоя смерть. въ баранѣ, отвѣчаетъ Кащей, въ козлѣ, въ вѣникѣ — дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣникъ — напрасно; Кащей живъ — Наконецъ онъ объявляетъ что смерть его на море на океанѣ, на островѣ буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ дупло, а въ дуплѣ сундукъ, а въ сундукѣ заяцъ, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яицо. — Ив. Цар. идетъ за смертiю Кащея — голодъ. Попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ — Ив. Ц. говоритъ имъ — каждому: Я тебя съѣмъ — но оставляетъ имъ животъ — приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ зайца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выноситъ изъ моря яицо — Кащей тотчасъ занемогъ, дочь его получаетъ яицо; Отецъ проситъ отъ нее мѣсяца, нѣдѣли, дня и проч. —

5

Слѣпой Царь не вѣровалъ [1] своей женѣ — и не пускалъ ее въ садъ. вели, сказала она, повѣсить кровать мою на яблоню, я

[1] *Было:* не вѣруетъ.

взлѣзу туда, ты покамѣсть обхватишь яблоню — да держи. — Царь согласился любовникъ былъ уже тамъ, Царица къ нему лезетъ — Царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе мужъ съ женою (Царь да Царица) поссорились и побранились — жена была беремѣнна; она родила; и велѣла убить сына, и принести себѣ его сердце. Младенецъ уговорилъ повара, принести вмѣсто [себя] своего — собачье сердце. а подмѣнить кузнецкаго сына — Молодой Царевичь собираетъ маленькую шайку, ребяты признаютъ его Царемъ — ибо по его велѣнію береза преклонилась а легушки замолкли. — Царенокъ дѣлаетъ висилицу, вѣшаетъ, кнутомъ сѣчетъ, и въ ссылку ссылаетъ — доходитъ слухъ о томъ до Царя — который задаетъ ему разныя задачи, и изумляется раннему понятію сына кузнеца —

Ѣдетъ Царь мимо кузницы. Богъ помочь кузнецъ — спасибо, В⟨аше⟩ В⟨еличество⟩ — Сколько ивереній съ тѣхъ поръ какъ ты куешь? — а сколько шаговъ ступилъ твой конь? — Приѣзжай-же ко мнѣ завтра, ни верьхомъ ни пѣшкомъ; покажи мнѣ своего друга и недруга, и да принеси мнѣ даръ, котораго я не взялъ — Кузнецъ приѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга) — жену бьетъ — она его бранитъ и убѣгаетъ — собаку бьетъ; та визжитъ и къ нему ласкается. Царь догадывается что кузнецъ уменъ умомъ сыновьнимъ. — Призываетъ его и ѣдитъ съ нимъ и съ своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться — Подъѣзжаютъ къ сосновой рощѣ — Чтобъ изъ нее сдѣлать мой сынъ, спр⟨ашиваетъ⟩ Ц.? — да наковальню, отвѣч⟨аетъ⟩ Цар. с⟨ынъ⟩ — а ты, кузн.? — Терема Царскіе — Видятъ еловую — и березовую — Тотъ-же вопросъ; отвѣты въ томъ же духѣ. — Царь привозитъ кузнецова сына домой; Мать его въ него влюбляется. Новый Іосифъ, онъ убѣгаетъ — и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ, онъ серитъ, ѣстъ и вшей бьетъ — что ты дѣлаешь? убавляю и прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. — Царевичь приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ ввергаетъ его въ темницу и осуждаетъ на смерть. Три висилицы, золотая, серебряная, шелковая. Царь и Царица ѣдутъ смотрѣть казнь

Королевича. Онъ хохочетъ; чему ?[1] — да тому что переднія колесы ѣдутъ за лошадью, а заднія-то за чемъ? (allusion à la reine qui suit le roi [2]) приѣзжаютъ. Царевичь проситъ позволеніе играть на рожкѣ рать его вооружается — ступаетъ на ступень на другую, на третью и все играетъ въ рожокъ — наконецъ опять хохочетъ — чему дуракъ? — Самъ ты дуракъ: взгляни какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ — и проч. — —

На шелковой висилицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова, вотъ куда каламбуры зашли!

6

⟨1⟩ О святкахъ молодыя люди играютъ игрища, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ чортъ, жени меня. Чортъ выходитъ из-за печки соглашаются — женить. [Это] Невѣста дочь проклятая отцомъ и матерью. [Они] Молодые ѣдутъ въ чужой городъ — заживаютъ домкомъ — разъ видятъ двухъ нищихъ старика со старухою, и несутъ они младенца что ни пьетъ ни ѣстъ ужъ [20] 30 лѣтъ — Молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца и вываливается оттуда осиновой чурбанъ — она открываетъ имъ что она ихъ дочь.

⟨2⟩ Въ томъ-же родѣ. Женихъ пропадаетъ 3 года; невѣста его узнаетъ что должно въ лѣсу въ пустой хижинкѣ 3 ночи ночевать дабы достать его. Находитъ хижинку, около нее ходитъ слышитъ голосъ его — но не видитъ входа — видитъ ходъ чертей, между ими и онъ на гудкѣ играетъ — Хижинка открывается (стукотъ) она видитъ тамъ кучу змѣй — бросается туда — то былъ хворостъ; и проч.

3. Мать разсердясь на сына ему: Лукавый тебя побери. Мальчикъ изчезаетъ — Тожь слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ) она туда — а плачутъ въ ригѣ, у пруда, Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе! — мальчикъ тутъ — я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ и проч.

---

[1] *Было:* о чемъ.
[2] Намек на царицу, которая сопровождает царя.

7

Царевна заблудилася въ лѣсу. Находитъ домъ пустой — убираетъ его. 12 братьевъ пріѣзжаютъ: ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то али мущина али женщина, коли мущина будь намъ отецъ родной али братъ названой, коли женщина будь намъ мать али сестра..... Сіи братья враждуютъ съ другими 12 богатырями; уѣзжая они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку — если кровію нальются — то[1] не жди насъ. — пріѣзжая назадъ спятъ они сномъ богатырскимъ. 1) разъ 12 дней 2) 24, 3) 31. — Противники пріѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — — — — и проч.

Мачиха ея — приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищеньки — Собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея. — Она даритъ Царевнѣ рубашку которую та надѣвъ, умираетъ — Братья хоронятъ ея въ гробницѣ натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичь влюбляется въ ея трупъ и проч.

Записи всех семи сказок находятся в тетради Пушкина № 2368 *ЛБ*.

Тетрадь эту Пушкин заполнял, как он это делал многократно, с двух концов. Начав писать с одного конца и желая отделить новые записи от записей, уже сделанных в тетради, поэт, перевернув ее верхом вниз, начинал писать с другого конца. С какого конца Пушкин начал заполнять описываемую тетрадь, сказать трудно, но в данном случае это обстоятельство не важно. Важно то, что крайние девятнадцать страниц тетради (по жандармской нумерации лл. 59_2—50_2) сплошь заняты записями *народных* произведений.

Первые пятнадцать страниц (лл. 59_2—52_2) заняты записями сказок (№ 1 — лл. 59_2—58_1; № 2 — лл. 58_1—56_2; № 3 — лл. 56_2—55_2; № 4 — 55_2—55_1; № 5 — 55_1—53_2; № 6 — 53_2—53_1; № 7 — лл. 53_1—52_2). Затем, непосредственно ними (лл. 52_2—50_2), начинаясь на той же странице, где находится конец записи последней сказки, идут записи четырех песен.

Записи сказок сделаны в Михайловском, вероятно, в первой половине ноябр 1824 г., когда Пушкин писал брату, что вечером слушает сказки. А из письма Пушкина к Д. М. Княжевичу от начала декабря узнаем, что он слушает сказки няни. На основании последнего сообщения можно с уверенностью утверждать, что комментируемые записи сказок сделаны со слов Арины Родионовны.

---

[1] *Дальше было:* съ нами.

Сказка № 1 впервые напечатана П. В. Анненковым в *А* I, 437—438. Запись послужила материалом для «Сказки о царе Салтане».

Сказка № 2 впервые напечатана П. В. Анненковым в *А* I, 439—441. Ряд поправок к этому тексту дал В. Е. Якушкин в *Я* VI, 543—544. Эту запись Пушкин отдал в 1831 г. Жуковскому, который использовал ее как материал для своей сказки о царе Берендее.

Сказка № 3 впервые напечатана П. В. Анненковым в *А* I, 441. Дополнение к этому тексту дал В. Е. Якушкин в *Я* VI, 544. Запись использована Пушкиным как материал для сказки о попе и его работнике Балде.

Сказки №№ 1—3 входят в собрания сочинений Пушкина, начиная с *Е*[2].

Сказка № 4 впервые напечатана в *Я* VI, 545. Запись дала материал, использованный Пушкиным в стихах «У лукоморья дуб зеленый», написанных на внутренней стороне крышки переплета тетради № 2368, то есть непосредственно перед текстом записей сказок, в качестве эпиграфа к сказкам, и использованных в 1828 г. во втором издании «Руслана и Людмилы» в качестве пролога к этой поэме.

Сказка № 5 впервые напечатана в *Я* VI, 545—546. Запись № 6, заключающая в себе запись трех сказок, впервые напечатана в *Я* VI, 546—547.

Сказка № 7 впервые напечатана в *Я* VI, 547. Запись использована Пушкиным как материал для его сказки о мертвой царевне.

Сказки №№ 4—7 входят в собрания сочинений Пушкина, начиная с *М*[1].

II. ЗАПИСИ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

1. ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В КОПИЯХ В СОБРАНИИ ПЕСЕН П. В. КИРЕЕВСКОГО

А. Песни свадебные

1

Береза белая!
Береза кудрявая!
Куда ты клонишься?
Куда поклоняешься?
— Я туда клонюсь,
Туда поклоняюся,

Куда ветер повеет. —
Княгиня-душенька!
Куда ты ла̀дишься?
— Туда я лажуся,
Куда батюшко отдаёт
С родимой матушкой.

2

Между гор по ка̀менью
Серебром ручей бежит.
По тому по ру́чейку
Ходила гуляла княгиня душа;
Искала княгиня душа
Самоцветна камушка;
Нашла, нашла камушек,
Нашла самоцветненький;
Разломила камушек
Его на̀ три граночки;
Первую граночку
Ее родну батюшке,
Вторую граночку
Родной ее матушке,
А третью граночку
Ладу милому. —

3

Как в долу-то берёзынька белёхонька стоит,
А наша невеста белее ее,
Белее ее снегу белого лицё.
Шла наша невеста с высокого терема,
Несла она золоту чару вина;
Она чару расшибла, вино всё пролила,
Всё глядючи на Ивана своего,
На Ивана своего, на куде́рушки его;
«Видеть ли мне, куде́рушки, вас у себя?
На правой на ру́чушке на золотом перстеньке?»

4

(Девушки поют, когда молодая возвратится из церкви.)
Ягода с ягодой сокатилася!
Ягода ягоде поклонилася!
Ягода с ягодой слово молвила!
Ягода от ягоды не вдали росла!

5

Дни за два перед девичником кладут на блюдо ленты из косы невестиной. Брат ее или ближний родственник носит его по улице. Это называют: *красу носить*. Между тем поют:

Трубчистая коса
Вдоль по улице шла,
Жемчужная пчёлочка
За нею гонялася,
За нею гонялася,
За косу хваталася:
«Коса ты, косонька!
Ужели ты моя?»
— Я тогда буду твоя,
Как в божью церковь вступлю,
Золотой венец приму! —

6

В бане девушки, моя невесту, поют и пляшут, пьют и пивом поддают. Невеста между тем плачет голосом, приговаривая:

Как-то мне будет в чужие люди итти?
Что как будет назвать свёкра батюшкой?
А как будет назвать свекровь матушкой? (т. е. стыдно)
Бог тебе судья, свет мой, родимый батюшко!
Али я тебе, молодёшенька, принаскучила? и пр.

Из бани пришед, девушки чешут ей голову, оденут, посадят за стол. — Жених приезжает со своими холостыми товарищами. Они друг друга дарят.

В день сватьбы девушки с пеньем одевают её; потом сажают одну за стол перед блюдом, куда все кладут деньги, за что она молча кланяется. Потом отец ее и мать выводят её посередь комнаты и начинают благословлять, после чего идёт невеста, крестясь садится, чтоб ехать к венцу. Все девушки за нею; также крестятся.

7

Мимо дворика батюшкина,
Мимо терема матушкина,
Пролегала тут дороженька;
Пробегал тут добрый конь;
За конём бежит добрый молодец,
У ворот стоит красна девица.
Как возго́ворит добрый молодец:
«Перейми коня, красна девица!»
— Мне нельзя перенять коня:
У меня травой ноги спутаны,
Росой глаза замочены. —
Возговорит добрый молодец:
«Не приманывай, красна девица:
Не травой ноги спутаны,
Не росой глаза замочены:
Ноги спутаны кручинушкой,
Глаза замочены горючьми слезми!»

8

Собрала невеста подружек;
Посадила подружек высоко;
А сама села выше всех,
Наклонила головушку ниже всех,
Думает думушку крепче всех:
«Что долго нет Ивана?
Мне посла послать — некого,
Мне самой иттить — некогда.
Я хотя пойду, — не дойду;

Я хотя дойду, — не найду;
Я хотя найду его, —
Позвать к себе не смею».

9

В сыром бору на клену
Висит колыбель на шелку;
В колыбели лежит Иванушко,
Перед ним стоят бояры:
«Вскачните колыбель высоко!
Столь высоко, выше клёну стоячего,
Ниже облака ходячего,
Чтобы видно было тестев двор,
Чтобы видно было тёщин терём!»
В терему гуляет княгиня,
По имени зовут её Катерина;
Калёные орешки читает,
Шитою ширинкою махает:
— Ты сюды, сюды, Иван Князь!
Как здесь твоё су́женое,
Здесь твоё ряженое:
Здесь твоя княгиня,
По имени Катерина.

10

Поётся на девичнике жениху.

Висит колыбель на шелку,
В колыбельке лежит Князь молодой:
Вскачните колыбель высоко,
Вы столь высоко — выше клёну,
Чтоб был виден тестев двор,
Тестев двор, тёщин терём.
В этом терему ходит, гуляет,
Ходит, гуляет Княгиня душа,
Шёлковым платком помахивает:
«Ты сюда, сюда, молодой князь!
Здесь твоя су́женая, твоя ряженая!»

11

(Поется, когда едут за невестой к венцу.)

Как у нашего князя
Невесёлые кони стоят;
Они чуют путь-дороженьку
По невесту ехати.
«Ах вы девушки, подруженьки!
Уливайте * гору кру́тую,
Чтобы моему разлучнику
Ни взойттить-бы, ни взъехати!»
— Не грози, княгиня, душа! **
На крутую гору пеш взойду,
Добра коня в поводу сведу. —
«Ах вы девушки подруженьки!
Запирайте вы воротечки,
Что тремя замками немецкими!»
— Не печалься, княгиня душа!
Приведу я с собой слесаря:
Отопрет замки немецкие. —
«Ах вы девушки, подруженьки!
Заплетайте косу русую!
Чтобы моему разлучнику
Не расплесть, не расчесать ее!»
— Не печалься, княгиня душа!
Привезу с собою свахоньку:
Расплетет она косу русую,
Увезем тебя с собой, душеньку! —

* Или: «укатайте», смотря по времени года.
** Поется также:

Не печалься, княгиня душа!
Поведем мы коней в кузницу,
Подкуем коней подковами,
Подковами то булатными.[1]

---

[1] *Трудно решить, кому принадлежат эти и все последующие примечания в сносках — Киреевскому или Пушкину.*

12

Невесту ведут в баню, в девичник, накануне свадьбы

Затопися, баненька,
Раскалися, каменка!
Расплачься, княгиня душа,
По своей сторонушке,
По родимой матушке,
По родимому батюшке, и проч.

13

О горе, горе!
То невестино!
О горе, горе!
Ты невестушка,
О горе, горе!
Ты ластушка!
О горе, горе!
Оглянись-ко ты назад,
О горе, горе!
Что подружек-то стоят!
О горе, горе!
Что подружки говорят,
О горе, горе!
Что наказывают,
О горе, горе!
Что приказывают:
О горе, горе!
«Ты спихни-ко худяка,
О горе, горе!
Ты с кроватушки долой!»
О горе, горе!
— Вы лебедушки,
О горе, горе!
Вы подруженьки!
О горе, горе!

Мне нельзя спихнуть!
О горе, горе!
В головах-то у него
О горе, горе!
Плетка шелковая;
О горе, горе!
Она об осьми хвостов,
О горе, горе!
Она больно бьет,
О горе, горе!
Приговаривает:
О горе, горе!
«Не зови-ко худяком,
О горе, горе!
Зови добрым молодцом!»

14

Поётся, если жених приехал издалеча.

Как при вечере, вечере,
При последнем часу времячке,
При княгинином девичнике
Вылетал же млад ясён сокол;
Он садился на окошечко,
На серебряну решёточку,
На шелкову зановесочку.
Как увидела да узрела
Свет княгинина матушка:
«Ты дитя мое, дитятко,
Ты дитя, чадо милое!
Приголубь ты ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Доброго молодца заезжего!
Свет Ивана Александровича!»
— Государь родной батюшка,
Государыня матушка!
Я бы рада приголубить его:

Скоры ножки подломилися,
Белы руки опустилися,
Красота с лица сменилася. —

15

Когда молодые сидят за столом, приехав от венца, то девушки поют всем гостям; первого начинают величать попа.

У попа у батюшки
Золота скуфеюшка;
Низала скуфеюшку
Его молода жена,
(Такая то)
Слышишь-ли, батюшка!
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём:
Мы хотим с тебя даров,
Даров великиих, —
Две гривны золотом.

А поп отвечает: «Нате, суки, возьмите в руки, не корите попа».

16

Не стыдно ли вам, бояры,
Перед нами, девками, стояти,
В руках шапочки держати?

17

Поётся вдове.

Княгиня душенька,
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка
Молодая вдовушка,
Вдова моло́дая,
Вдова богомольная:
Всем святым святителям
Богомолилася
О своих о детушках».

Слышишь ли, вдовушка?
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

18

Величают холостого.

Князёк молоденький,
Лебедёк наш беленький, *
Скажи, пожалуй, нам
Про свого гостя нам!
«У меня свет гость дорогой,
(Такой-то)
Во любви он позваный,
Во честѝ посоженый,
За дубовым столом,
За браной скатертью,
Не женатый Иванушка,
Холостой Михайлович,
Холостой завистливый,
Его глаз урочливый.
Выйди, холостенький,
Выдь к нам за за́весу! **
Выбери, холостенький,
Кто тебе покажется!
Слышишь ли гость дорогой?
Мы тебе песню поём,
Тебе честь воздаём.
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

* Девушки обращаются к молодому.
** Девушки сидят за занавесом, продернутым через всю избу.

Им подают деньги в стакане пива, приговаривая:

19

Вот вам, красные девушки!
Малое примите,
На большом не судите.
Денежки принимайте.
Пол поровняйте
(Т. е. попляшите).

20

Величают гостью, как девушку, так и замужнюю.

Княгиня душенька! *
Скажи, пожалуй, нам
Про свою гостейку!
«У меня свет гостейка,
(Такая-то)
Во любви позвана,
Во чести́ посожена,
Хорошо снаряжена:
Серёжки-яхонты,
Лицё разгорелося,
Монисты зо́лоты
Шею огру́зили!»
Слышишь ли, гостейка,
Тебе песню поём,
Тебе честь воздаём,
Мы хотим с тебя даров,
Даров великих, —
Две гривны золотом.

* Девушки обращаются к молодой.

21

А у свата сводника
Лихорадка с бо́лестью,
Она с черной не́мочью,
На печи́ под шубою,

На дворѣ нагишкою!
По морозу босиком,
Покрове нагишём!
Ему чирій въ гóлову,
А другой въ бóроду,
Третій въ рýчушку,
Четвертый въ ноженьку!
У сватушки кудри
На четыре грани,
Его черти драли,
Шýты полыскáли,
По кучам таскали,
Братом называли.
Ты сватушко, братец!
Дари, дари девок,
Дари, дари красных!
Станешь дарити —
Не станут корити.

22

Сват, сват молодой!
Не бывать тебе у нас,
Не едать киселя!
Не бежать тебе лугóм,
Не др.....ь тебе гужём!

23

Бестолковый сватушко!
По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку прóлили,
Всю капусту пóлили.
Верее молилися:
«Верея, верéюшка!
Укажи дорóженьку
По невесту ехати!»

Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежки шевелятся,
Они к девушкам норовятся,
А копейка ребром станови́тся,
Она к девушкам норовится!

24

На девичнике свата корят.
Все песни перепели,
Го́рлушки пересохли!
А сва́тушко рыжий
По берегу рыщет,
Хочет удавиться,
Хочет утопиться,
От красных девок,
От белых лебёдок.
Дари, дари девок!
Дари лебёдок!
Не станешь дарити —
Мы пуще корити!
Сватушко догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

25

Поётся на девичнике.
Сватушка гость, богатый, торова́тый,
Он с гривны на гривну ступает,
Он рублём воро́ты запирает,
Он полтиной воро́ты отпирает.
Сватушко, догадайся!
За мошёночку принимайся!
В мошне денежка шевелится,
Красным девушкам норовится.

26

Про жениха, как взойдет к невесте.

Как сказали-то, Иванушко хорош да хорош! —
Чёрт у него, не хорóшество!
Сам шестóм,
Голова пестóм,
Уши ножницами,
Руки грáбельками,
Ноги вилочками,
Глáза дырочками.
Соловьи́ны-то глаза
По верхáм глядят.
По верхáм глядят,
Они каши хотят.
Вчера каша сваренá,
Вчера съéдена была.
Шея-то синя́,
Будто в пéтле была!
Нос-от синь, —
Это свахин сын!

27

Ты, невеста, перед кем стоишь?
Перед кем стоишь, на кого глядишь?
Он тебе чуж чуженек,
У него поросячий душек!
Он с кýрами клевал,
С поросятами едал!

28

Мы все песенки перепели,
У нас горлушки пересохли!
Мы князьева пива не пивали,
У княгини дары увидали.
У княгини дары миткали́ны,

А князево пиво облйва,
На собаку льёшь, облезет.

29

Эту песню поют девушки, гуляя по улице, водя пóд руки покровенную невесту.

Уже вéчер на дворе на дворе вечереется,
Уж красное солнушко зá лес кóтится,
Что частые-то звездочки высыпаются,
У меня ли молодёшеньки некрасованой
С моими лáстушки, сестрицы, милыми подружки.
Я пойду ли спрошусь у родимой матушки.
«Ты сударыня, родимая матушка!
Не гулять у тебе прошуся, не красоватися,
Я развеить свою кручинушку великую.
Я пойду ль молодёшенька во чистó поле,
Я ударюсь молодёшенька о сырý землю;
А мы вскрикнемте, сестрицы, громким голосом:
Ты раздайся ли, мать сырá земля!
Ах, ты встань, ты встань, родной батюшко! *
Ты приди ко мне, горюше молодёшеньке,
На мою ли на смиренную на беседушку!
Снарядить то меня горюшу есть кому,
А благословить-то меня нéкому.
Мы взойдём ка ли, сестрицы, в новые сени,
Мы воскрикнемте, сестрицы, громким голосом.
Не шатитесь, не ломитесь, сени новые!
Неужлй ж я молодёшенька тяжелёшенька?
С моим ластушкам, сестрицам, милым подружкам?
Тяжела моя великая кручинушка.
Государыня, родимая матушка!
Отвори-тка свой высóк терём!
Не зноби меня горюшу молодёшеньку!
Я и так молодёшенька назяблася.
Я сяду молодёшенька под окошечком;
Не летит ли мой кормилец батюшко?

Мы пойдёмте-тка, сестрицы, вдоль по улице;
Вы кладите-тка следочки частёхонько,
Уливайте следочки горючьми́ слезьми́.
Опосле пойдёт родимая матушка:
«Не княгиня тут гуляла, не боярыня,
Тут ходила, тут гуляла чадо милое!»

* Если невеста не сирота, то, разумеется, выпускаются стихи, обращенные к покойному отцу, или заменяются другими, импровизированными.

30

Много, много у сыра́ дуба́
Много ветвей и по́ветвей,
Только нету у сыра́ дуба́
Золотыя вершиночки:
Много, много у княгини души
Много роду, много племени,
Только нету у княгини души
Нету ее родной матушки:
Благословить есть кому
Снарядить не́кому. *

* Благословляет обыкновенно отец, снаряжает мать.

31

Поётся сироте.

Ты река ли моя реченька,
Ты река ли моя быстрая!
Течешь, речка, колы́хнешься,
На крутой берег не взо́льешься,
Желтым песком не возму́тишься!
Отчего же мне возмутитися?
Ни дождя нету, ни вихорю:
Ах ты умная девица
(Такая-то)
Что сидишь ты, не улы́бнешься?
Говоришь речи, не усме́хнешься?

— Что чему же мне смеятися?
На что глядя, радоватися?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собралися,
Одного-то гостя нет как нет;
Уж как нет гостя милого,
Моего батюшки родимого *.
Снарядить-то меня есть кому,
Бла́гословить-то меня не́кому;
Что снарядит меня родная мать,
Бла́гословит меня чужой отец.

* Если-ж молодая круглая сирота, то поется:

Уж как нет гостей милыих:
Моего батюшки родимого,
Моей матушки родимой.

32

По́ мёду, мёду по па́точному
Плавала чарочка серебряная.
Кто эту чарочку пе́ренял?
Пе́ренял, пе́ренял князь государь,
Подносил, подносил госпоже княжне:
«Выкушай, выкушай, душа госпожа!
Я тебе, княгиня, про свой сон расскажу:
Будто у нас середь широ́ка двора
Будто у нас расстилалась трава;
По травке гуляет па́вынька,
Па́вынька-па́вынька княгиня душа».

В отдел свадебных песен входят тридцать две песни. Как уже указано, ни одна из этих записей не имеется в автографе Пушкина.

Копии всех этих песен находятся в собрании песен П. В. Киреевского, хранящемся в *ЛБ*.

В двух (2-я и 3-я) папках этого собрания, описанных М. Н. Сперанским под шифром: «I» в *ПК* (в. I, стр. LXII), находятся копии руки П. В. Киреевского тридцати одной песни: №№ 1—21, 23—32. Копии эти сняты им с текстов подлинной тетради Пушкина, о которой см. ниже. Текст каждой песни написан на листке в 8 д. л. (писчего). Наверху каждого

листка помета: «Свадебная». На обороте каждого листка имеется помета также руки П. В. Киреевского: «Пушк». Все листки перенумерованы красными чернилами (после Киреевского).

Во 2-й папке находятся листки [1] 548 (32); 550 (31); 553 (30): 555 (29); 579 (28); 581 (27); 582 (26); 596 (25); 597 (24); 598 (23); 599 (21); 602 (20); 603 (18 и 19); 604 (17); 608 (16); 609 (15).

В 3-й папке находятся листки: 636 (14); 637 (1); 670 (13); 672 (12); 694 (11); 706 (10); 707 (9); 738 (8); 748 (7); 777 (6); 780 (5); 795 (4); 796 (3); 797 (2).

Кроме этих копий, имеются еще копии тринадцати песен в так называемых «зеленых тетрадях» (см. *ПК*, в. I, стр. LXII). Первая из этих тетрадей представляет собою приготовленную П. В. Киреевским к печати и процензурованную (И. М. Снегиревым) 5 марта 1838 г. рукопись (в формате большого почтового листа), имеющую заглавие: «Русские народные песни, изданные П. Киреевским. Часть 1-я. Песни свадебные». Несмотря на разрешение к печати, тетрадь эта осталась неизданной. В тетрадь вошло сто свадебных песен, написанных неизвестной рукой, но исправленных рукою П. В. Киреевского, которым написаны пояснения к тексту и примечания. Все песни в тетради перенумерованы римскими цифрами. Песен, записанных Пушкиным, в тетради пять. Это [2] — IV (1), XX (14), XXXVI (12), XXXIX (13), LXIV (11). На отдельном листе, вложенном в тетрадь, еще две: CLXXXIV (9 и 10).

Вторая «зеленая тетрадь» (такого же формата, как и первая) содержит песни, окончательно не приготовленные к печати, и имеет помету неизвестной руки: «Свадебные. Другая половина, приготовленная самим П. В. Киреевским». Текст песен (ненумерованных) написан несколькими почерками. Здесь имеются тексты шести пушкинских записей: №№ 5, 7, 8, 3, 4 и 2. Тексты копий в «зеленых тетрадях» по сравнению с копиями на отдельных листках, имеют второстепенное значение. Обработка песен для печати выразилась в том, что Киреевский в тех случаях, когда имел два и более вариантов одной песни, в качестве основного помещал один какой-нибудь вариант, к которому подводил текст других вариантов в примечаниях. [3]

В таком виде имеются в «зеленых» тетрадях песни: №№ 7, 9, 10 и 14. В примечаниях указано, что вариант песни записан Пушкиным, а под текстом песен №№ 1—5, 8, 11 и 13 имеются пометы: «(Доставлена от А. С. Пушкина)». Кроме того Киреевский в «зеленых» тетрадях к имевшимся очевидно в записях Пушкина при некоторых песнях пояснениям (перед текстом) и примечаниям к нему, сделал ряд своих добавлений, а именно:

---

[1] Первое число — номер листка, второе — в скобках — номер песни, под которым она напечатана у нас.

[2] В скобках ставим номера, под которыми песни напечатаны у нас.

[3] Точное представление о том, в каком виде были приготовлены П. В. Киреевским песни к печати в первой «зеленой» тетради, дает публикация песни «Как при вечере вечерничке» в «Русской беседе» 1857, II, кн. 6, стр. 26—27 шестой пагинации.

К первой из включенных в тетрадь пушкинских записей (IV в тетради) (песне № 1) рукой Киреевского приписано два примечания: первое к 9 стиху: «Ладиться — итти замуж; вероятно, от древнего слова *ладо* — муж, которое еще часто встречается в народных песнях во многих концах России». Второе примечание, сделанное к помете (после текста): «Доставлена от А. С. Пушкина», посвящено сообщению о доставлении Пушкиным Киреевскому своих записей (см. об этом ниже).

В песне № 5 к пояснению перед текстом Киреевский сделал сноску: «Примечание А. С. Пушкина».

После текста песни № 8 Киреевским приписано: «(Доставлена от А. С. Пушкина. Сходство начала с № заставляет думать, что здесь две смешаны песни». После «№» Киреевский оставил пустое место, чтобы проставить номер какой-то песни, но не сделал этого.

Перед текстом песни № 12, вместо пояснения, надо думать, Пушкина, Киреевским написано: «Поется в девичнике, накануне свадьбы, когда моют невесту в бане», а после последнего стиха: «Затем окончания недостает».

Копия песни № 22 находится в собрании П. В. Киреевского, в 9-й папке (№ 2926) среди «лакейских и нехороших» песен. Текст написан на листке в 8 д. писчего листа рукой Киреевского и на обороте имеет обычную помету: «Пушк».

Впервые из этого собрания свадебных песен была опубликована песня № 14 в «Русской беседе» 1857, кн. 6, стр. 26—27, в статье «Две песни из сборника П. В. Киреевского». Как уже указано, песня напечатана по первой «зеленой» тетради. Публикация эта не обратила на себя внимания редакторов, и никто из них не ввел записи Пушкина в собрание его сочинений.

Затем В. Ф. Миллер в приложении к своей статье «Пушкин, как поэт-этнограф», напечатанной в «Этнографическом обозрении», кн. 60—64, 1899 г.,[1] опубликовал двенадцать песен, включая в это число и № 14, о публикации которой в «Русской беседе» он не знал. По текстам «зеленых» тетрадей Миллером опубликованы песни №№ 1—5, 8—14. Песни эти вошли в собрания сочинений Пушкина M^{3}, E^{4} и *В*.

Пропущенная В. Ф. Миллером во второй «зеленой» тетради песня № 7 впервые была напечатана Н. Н. Трубицыным в статье «Народные песни, записанные Пушкиным (Некоторые поправки и дополнения к найденным проф. В. Ф. Миллером)» в *ПС* XV, 139—142.

В этой же статье (стр. 144) впервые напечатана в виде отдельной песни песня № 10, текст которой в публикации В. Ф. Миллера дан в виде вариантов к песне № 9, помещенных в примечаниях к последней.

Девятнадцать песен, № 6, 15—32, впервые опубликованы М. Н Сперанским (*ПК* в. I, стр. 55—60 и LXXII).[2]

---

[1] Дальше указываем страницы отдельного оттиска этой статьи.

[2] В нумерацию напечатанных здесь песен вкралась опечатка: после песни «144 (6)» идет песня «145 (10)», затем «146 (11)» и т. д., вследствие

Песни, опубликованные Н. Н. Трубицыным и М. Н. Сперанским, кроме песни № 28, перепечатаны Н. О. Лернером в статье «Народные песни в новооткрытых записях Пушкина» в *РС* 1912, I, а затем в *В* VI, 236—239.

Нами текст песен печатается по копиям на отдельных листках собрания П. В. Киреевского.

Вследствие отсутствия каких-либо помет в этих копиях (а также и в «зеленых» тетрадях) остается неизвестным, в каком порядке были расположены записи в подлинной тетради Пушкина. М. Н. Сперанский напечатал песни в порядке исполнения их во время свадебных обрядов. Этот порядок сохранен и нами. Напечатанную Сперанским вне цикла песню № 22 мы поместили в общий ряд.[1]

История собирания Пушкиным народных песен и передачи им своего собрания П. В. Киреевскому в настоящее время освещается с достаточной полнотой. С. А. Соболевский в письме к С. П. Шевыреву из Турина от 15 декабря 1831 г., сообщая о своих планах составления песенника, заметил: «Я же и до отъезда <из Петербурга за границу в первых числах ноября 1828 г. — *М. Ц.*> задумал издать с Пушкиным «Собрание русских песен» (*РА* 1909, VII, 502—503).

В это же время (16 декабря 1831 г.) Н. М. Языков писал из Москвы брату: «Пушкин говорит, что он сличил все доныне напечатанные русские песни и привел их в порядок и сообразность, зане ведь они издавались без всякого толку: но он кажется хвастает» (*ИВ* 1883, XII, 533—534).

Что Пушкин не «хвастал», доказывает письмо П. В. Киреевского к тому же Н. М. Языкову от 12 октября 1832 г.: «Пушкин был недели две в Москве, — пишет Киреевский, — и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова, и намерен, как можно скорее, издавать русские песни, которых у него собрано довольно много». «Киреевский думает даже, — прибавляет Д. Н. Садовников, опубликовавший приведенную выдержку из письма, — послать Пушкину копию с своего собрания» (*ИВ* 1883, XII, 535—536).

Тот же Садовников, на основании бывших у него писем Языковых и Киреевских, говорит: «отвлеченный другими работами, Пушкин, как видно, раздумал издавать сборник народных песен, и все материалы из разных рук стали понемногу стекаться в Москву к П. В. Киреевскому. Признавая громадное значение русской народной поэзии, Пушкин ограничился теперь обещанием написать к сборнику свое предисловие» (*ИВ* 1883, XII, 538).

Итак, когда же произошла эта передача?

чего получилось, что будто всех песен тридцать четыре, тогда как их на самом деле тридцать одна. Не заметив этой опечатки, М. Н. Сперанский как в предисловии к книге (стр. XLVI), так и во всех своих позднейших статьях говорит о тридцати четырех песнях, отчего оказались ошибочными и все подсчеты его о числе сохранившихся пушкинских записей.

[1] Так же сделал и Н. О. Лернер в *В* VI.

Как уже указано, к песне № 1 в первой «зеленой» тетради Киреевский сделал примечание о пушкинских записях. Текст его такой: «Покойный А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ 50 №№ пѣсенъ, которыя онъ съ большой точностію записалъ самъ со словъ народа, хотя и не обозначилъ, *гдѣ* именно. Вѣроятно, что [эти пѣсни записаны имъ въ его имѣніи][1] онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ. въ Псковской Губерніи».

Примечание это написано не ранее февраля 1837 г., так как Пушкин назван «покойным», и не позднее февраля 1838 г., так как 5 марта первая «зеленая» тетрадь была процензурована И. М. Снегиревым.

Лет через десять в предисловии к своему «Собранию народных песен», напечатанных в «Чтениях Общества истории и древностей российских» 1848, № 9, Киреевский так писал о пушкинских записях: «Пушкин еще в самом почти начале предприятия доставил замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии». Лет через пять, летом 1853 г., П. И. Бартенев со слов П. В. Киреевского записал рассказ его о встречах с Пушкиным в 1835 г. в Петербурге. В записи этой читаем: «Пушкин с великою радостью смотрел на труды Киреевского, перебирал с ним его собрание, много читал из собранных им песен и обнаруживал самое близкое знакомство с этим предметом. Еще прежде, через Соболевского, он доставил Киреевскому тетрадку псковских песен, записанных с голоса, частью собственною рукою Пушкина, частью другой рукою (около 40 пес.)

Обещая Киреевскому собранные им песни, Пушкин прибавил: «там есть одна моя, угадайте!» Но Киреевский думает, что он сказал это в шутку, ибо ничего поддельного не нашел в песнях этих» («Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах», М. 1925, стр. 52—53).

В 1889—1891 гг. Ф. И. Буслаев в своих воспоминаниях так передавал слова, сказанные ему П. В. Киреевским в 40-х годах: «Вот эту пачку дал мне сам Пушкин и притом сказал: «когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, — продолжал Киреевский, — никак не мог сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные» (*ВЕ* 1891, X, 637).

Сопоставление буслаевской версии с записью Бартенева, сделанной сейчас же после беседы с Киреевским, заставляет предпочесть последнюю и признать, что Киреевский говорил об одной песне, сочиненной Пушкиным и включенной им в свое собрание записей, а не о «песнях», как передал Буслаев.

По записи Бартенева выходит, что передача произошла до 1835 г. («еще прежде...»). С другой стороны, из приведенного нами письма самого П. В. Киреевского от 12 октября 1832 г. явствует, что в это время он еще не имел тетради Пушкина. Больше того, Киреевский в это время даже

---

[1] Стоящее в скобках у Киреевского зачеркнуто.

думал послать Пушкину копию с своего собрания (*ИВ* 1883, XII, 535—536). Итак, передал Пушкин Киреевскому свои записи песен после 12 октября 1832 г. и до 1835 г. По словам Киреевского, получил он пушкинские записи «через Соболевского», вернулся же последний из-за границы в Петербург числа 27—29 июля 1833 г., а 17 августа поехал в Москву вместе с Пушкиным, отправившимся на Урал. 26 августа 1833 г. Соболевский с Пушкиным были у Киреевских, и здесь решено было приступить к изданию сборника. Соболевский, по обыкновению, взял на себя хлопоты по издательской части, а Пушкин, надо думать, обещал Киреевскому, во-первых, написать предисловие к его собранию песен, во-вторых, доставить ему через Соболевского тетрадь со своими прежними записями песен, и, в-третьих, привезти записи из своей поездки в Оренбургскую губернию. 29 августа Пушкин выехал из Москвы в Нижний, а Соболевский через несколько дней поехал обратно в Петербург, куда приехал 5 сентября и откуда 7 сентября писал ученому и поэту А. Х. Востокову: «Московский литератор П. В. Киреевский занимается большим собранием русских народных стихотворений. Кроме напечатанного у Чулкова, Новикова и Кирши Данилова, подслушал он сам или получил от Языкова, Шевырева и А. Пушкина более тысячи повестей, песней и так называемых стихов» (неизданное письмо из архива А. Х. Востокова в Архиве Академии Наук. Сообщено Л. Б. Модзалевским).

Хотя Соболевский и пишет, что Киреевский уже «получил» записи от Пушкина, но, вероятно, к этому времени тетрадь пушкинских записей еще не была у Киреевского, так как если бы Пушкин взял ее с собой, поехав на Урал, то, конечно, и передал бы Петру Васильевичу в Москве.

Самому Пушкину Соболевский писал из Петербурга 2 октября: «Я здесь с пятого числа едва прошлого месяца, и чорт меня знает, сколько еще пробуду. Хлопочу (будто бы) об делах, стряпаю песенник... Остаюсь здесь еще несколько дней, потом в Москву, потом опять сюда, потом опять в Москву и опять сюда к генварю» (*АП* III, 48).

В одну из этих поездок в Москву Соболевский и доставил, наконец, тетрадь с пушкинскими записями песен Киреевскому. 17 января 1834 г. последний писал Н. М. Языкову: «Уральских песен обещанных перед отъездом туда он ⟨то есть Пушкин⟩, кажется, ни одной не привез; по крайней мере мне не присылал (*ИВ* 1883, XII, 538—539). Если бы у Киреевского к этому времени не было и первой тетради, он, конечно, не умолчал бы об этом. Итак, в октябре — декабре 1833 г. Киреевский получил от Соболевского пушкинскую тетрадь.[1]

По словам Киреевского, в передаче Бартенева, записи Пушкина представляли собою «тетрадку псковских песен, записанных с голоса, частью

---

[1] Слова вышеприведенной записи Бартенева о том, что тетрадь была получена «через Соболевского», подтверждаются тем, что сам Киреевский дважды писал, что Пушкин «доставил» ему свои записи, а в копиях этих записей всегда помечал: «Доставлена *от Пушкина*».

собственною рукою Пушкина, частью другой рукой (около 40 пес.)». Сам же Киреевский в своем первом сообщении указывал, что Пушкин доставил ему записи пятидесяти песен без обозначения места, где они были сделаны. Только по предположению Киреевского песни были записаны в Псковской губернии. Во втором сообщении (1848 г.) Киреевский уже безоговорочно писал, что песни Пушкин собрал в Псковской губернии. Как мы теперь твердо знаем, среди полученных Киреевским пушкинских записей есть сделанные, несомненно, и в Болдине (и его окрестностях) и в Оренбургской губернии. Свое обещание Киреевскому перед поездкой на Урал привезти ему оттуда песни Пушкин исполнил. В рукописном собрании песен Киреевского нашлась одна («Не белинька березонька к земле клонится») в автографе Пушкина, датируемая октябрем — первой половиной ноября 1833 г., то есть временем пребывания Пушкина в Болдине по возвращении из Оренбургской губернии. Лист с записью этой песни был вырезан Пушкиным из своей тетради (№ 2373) и подарен Киреевскому. Было это, вероятнее всего, в июне 1835 г., когда Киреевский с Жуковским посетили Пушкина.

Сколько же всего песен Пушкин отдал Киреевскому? В своей заметке последний говорит о пятидесяти песнях, а в записи Бартенева указано: «около 40 песен».

Это разноречие мы объясняем тем, что Киреевский имел в виду общее количество полученных от Пушкина песен, а запись Бертенева говорит о тетради псковских песен. В настоящее время все пятьдесят пушкинских записей найдены в собрании песен Киреевского. Это, во-первых, сорок семь песен, сохранившихся в копиях в собрании П. В. Киреевского (тридцать две свадебных и пятнадцать необрядовых), во-вторых, две песни из этого же собрания, ни в автографе Пушкина, ни в копиях пока не найденные, и, в-третьих, песня в автографе Пушкина, найденная в собрании песен П. В. Киреевского.

Наконец, последний вопрос, связанный с переданными Пушкиным Киреевскому записями песен, — это вопрос о песнях, которые «смастерил» сам поэт. К сожалению, все писавшие об этом основывались на старческих воспоминаниях Ф. И. Буслаева, как мы уже указали, несомненно исказившего слова П. В. Киреевского. Вышеприведенная запись Бартенева слов Пушкина, сказанных им Киреевскому: «Там есть одна моя, угадайте», — существенно меняет дело. Среди песен, переданных поэтом Киреевскому, впредь нужно искать лишь одну, написанную Пушкиным в стиле народных песен. Слово «моя» нужно, нам кажется, понимать в том смысле, что песня была целиком сочинена Пушкиным, а не явилась результатом разного рода переделок и поправок текста подлинно народной песни. Эту сочиненную Пушкиным песню можно искать лишь в отделе песен необрядовых.

Сборник песен, который Соболевский «стряпал» в сентябре — октябре 1833 г. и к которому Пушкин обещал написать предисловие, в свет не

вышел. Но Пушкин не ограничился обещанием написать предисловие — он набросал план этого «вступления», сохранившийся в бумагах поэта. План этот написан Пушкиным (на согнутой пополам четвертке писчей бумаги) среди черновых набросков строф «Путешествия Онегина») и двух «списков» произведений (см. стр. 279—280), и в транскрипции Л. Б. Модзалевского читается так:

вступленіе
Но есть одно въ осн.
Оригинальность отрица [1]
Истор<ическія пѣсни>
О Ив<анѣ Грозномъ>
О Мас<трюкѣ>
О Ст<енькѣ> Раз<инѣ>
О Цыклерѣ
О Петрѣ
О Шерем<етевѣ>
О Менш<иковѣ>
Казацк<ія пѣсни>
далѣе про Фермора
про Сув<орова>
Новѣйшее вліяніе. Мѣра, риѳмы *нрзбр* Сумароковъ
Свадьба
Семейственныя причины. Элегическ<ій> ихъ тонъ.
Лѣстница чувствъ. [2]

Н. К. Козмин, опубликовавший впервые этот план, счел его за «план статьи о русской литературе с очерком французской» (*НП*, 183). Это же мнение повторил он и в *Ak* IX, 617. Правильнее определил набросок как «план издания русских исторических песен и статьи о них» Ю. Г. Оксман, в *КН* V, 357, давший текст в исправленном виде, по сравнению с текстом, какой имеется у Козмина, но не прочитавший (так же, как и Козмин) имеющихся на обороте листа строк, начиная со слова «Свадьба». [3]

Эти строки говорят о том, что задуманный П. В. Киреевским, Пушкиным и Соболевским сборник русских песен должен был заключать в себе не только исторические, но и свадебные песни.

Перечень первых в плане статьи называет все главнейшие циклы их, начиная с песен об Иване Грозном и кончая солдатскими песнями

[1] *После этой строки идут зачеркнутые, частью не поддающиеся прочтению, слова, транскрипции которых не даем.*

[2] На основании вышеизложенной истории передачи Пушкиным своих записей песен Киреевскому план этот нужно датировать 1833 г. Вероятно, он был набросан в Болдине в октябре этого года.

[3] Впервые на эти строки обратил внимание Б. В. Томашевский в своей книге «Пушкин» (стр. 129).

про Суворова. Задачей дальнейших изучений должно быть определение тех печатных источников, по которым Пушкин изучал эти песни. Пока можно с уверенностью сказать, что в первую очередь такими источниками были сборник Кирши Данилова и Новиковский песенник 1780 г. (о последнем см. стр. 617—618).

Слова плана: «Новейшее влияние. Мера, рифмы... Сумароков» — свидетельствуют о глубоком понимании Пушкиным поэтики исторических песен, до сих пор с указанных им точек зрения не изученных.

Не менее замечательны и заключительные строки плана о свадебных песнях. Намеченная здесь интересная характеристика их основана на материале, собранном самим Пушкиным.

Б. Песни необрядовые

1

Авдотья вдовица
По бережку ходила,
Правой рукой махала:
— А цвет моя сторона, сторона,
Никольская слобода,
На ней тебе не бывать, не живать,
Пивца, винца не пивать,
Калачиков не едать! —
Злодей Ванька вор, победна голова,
Кличет Дуньку из ворот в огород.
Сорвёт Дунька лопушёк
Под самый корешок;
Сошьет Дуньке сарафан
Китаичный голубой:
Снурочик-ат — повиличная трава
А ниточки — ковылок, ковылок,
А пуговки — репеёк, репеёк.
Где не взялся таракан,
Проел Дуньке сарафан,
Над самою над дырой.
А, дядюшка Митрофан,
Зашей Дуньке сарафан
Китаичный голубой!

2

Калина, малина!
На заднием порядке,
Под горою три солдатки:
Одна Настька, друга Машка,
Как третия Наташка.
Повадилась Наташка
Во царев кабак ходить,
Зеленóе вино пить,
Целовальника любить:
— Целовальник молодой,
Проводи меня домой
По улице мостовой,
По дорожке столбовой,
До кроватки тесовóй! —
До перинки пуховóй.
На перине дéвица
Лежит она, нежится;
Лицо разгорелося:
Чего захотелося?
— Не надо мне, матушка,
Ни меду, ни сахару,
Ни сладкиих яблочков,
Ни медовых пряничков;
Приведи-ка, матушка,
Татарина с скрыпкою,
Мордвинá с волынкою,
Холостова с дудками! —
На Бóлдинском на плоту
Мыла девица фату,
Она мыла, полоскала,
Фату в воду опускала.
Милый фаточку ловил,
Кафтан с шубою сронил;
Она губушки надула,
Пошла к старосте на думу
И к бурмистру на рассуду:

Как что староста-та скажет,
И бурмистр-от что прикажет?.
— Ты поставься-ка в попы! —
Как и что это за попок:
В сарафане без порток?!

3

Я вечер, вечер добрый молодец
Вечер загулялся,
Я со любушкой, со своей сударушкой
Долго застоялся;
Я тайного ласкова словечка
От ней дожидался.
Ничего-то моя сударушка
Она мне не сказала,
Только сказала моя сударушка
Грубое словечко:
«Ты отстань, отстань, добрый молодец,
Отстань по охоте;
Не отстанешь ты по охотушке, —
Отстань по неволе».
Тосковал-то я добрый молодец
Ровно три годочка,
Что никто, никто по добром молодце
Никто не потужит:
Что ни батюшка, ни матушка,
Ни жена молодая;
Что потужит ли, погорюет ли
Красная девица,
Что названая моя прежняя,
Милая сестрица!

4

Уродился я несчастлив, бесталанлив:
Приневолили меня, малёшенька женили
Молода была жена, я глупенек,

Стал я молодцем — жена стала старенька.
Полюбилась мне молодка молодая,
Иссушила мое сердце ретивое.
Как вечёр меня молодка огорчила,
Мне несносную насмешку насмеяла:
— Отступися, мне сказала, отвяжися,
У тебя своя жена, с ней и целуйся! —
Во бору ли, во сыром ли стук, треск:
Бурлачки сосну подрубливают,
Подрубливают, поваливают;
Из сыра бора по лугу́ волокут,
По крутому бережку покатывают,
Середь лодочки устанавливают,
Тонкий парус навешивают,
Уплывают вниз по Волге по̀ реке.
Вы постойте, добры молодцы, погодите,
Вы с собой меня возьмите, посадите,
Разлучите с опостылой со женою.

5

Ах ты, молодость, моя молодость,
Не видал я тебя, когда ты прошла,
Когда ты прошла, когда миновалася!
Живучи с женой не с корыстною
Не продать мне жену, не променять ее
Что ни братцу, ни товарищу.
Я пойду ли сам крутым бережком,
Я найму ль себе новых плотничков,
Новых плотничков, корабельщиков.
Я сострою нов тесов корабль
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Я спущу ли корабль на сине море,
Посажу ли жену, свою барыню,
Отпущу ли жену в свою сторону;
А я сам пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море —

А уж корабль бежит, как сокол летит,
А жена то сидит, точно барыня.
Уж я вскрикну-ли громким голосом:
«Воротись, жена, моя барыня,
А мы будем жить лучше прежнего,
А я буду любить лучше старого!»
— Не обманывай ты, распостылый муж:
Что не греть солнцу зимой против летнего,
Не светить месяцу летом против зимнего,
Не любить тебе меня пуще прежнего!

6

Уж как нóнешние люди
Они мóлоды, лукавы,
С измалéнька вороваты;
Не видавши — много видят,
Не слыхавши — много слышат.
Как сказали про девицу
Напраснýю небылицу:
Будто я красна девица
Во всю тёмну ночь не спáла,
В зеленом саду гуляла,
Сладко вишенье щипала;
Показалось девке мало —
Виноградом забавляла,
На белое блюдо клала,
В итальянский плат вязала,
За вороты выходила,
Извозчичка нанимала
Извозчика молодого,
Не женатого, холостого:
Вези меня поскорее,
Чтобы люди не видали,
Соседушки не слыхали, *
Мому батюшке не сказали. **
Мой батюшка очень грозен, —
Посадил меня в темницу,

Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба, да малая.
Ах ты, батюшка родимый!
Проруби ты мне окошко
На прáвую на сторонку,
Куда милый гулять ходит,
Добра коня поить водит.

* Поется также: не спознали.
** В некоторых Песенниках:

Отцу, матери не сказали.
Мой батюшка очень грозен,
Грозней того моя матушка:
Не велит мне на улицу ходить,
С холостыми речи говорить.

Очевидно из другой песни.

7

Долина — долинушка,
Раздолье широкое!
На той на долинушке
Ничто не родилося:
Ни грибки, ни ягодки,
Ни чёрна смородина,
Только уродилася
Рощица зеленая.
Из-за той-ли рощицы
Заря занималася,
Заря занималася,
Солнце выкаталося.
Греет, греет солнушко
Зимой не по летнему:
Любит, любит миленький,
Любит не по прежнему.
Любил, всё обманывал,
Другу́ подговаривал:
«Поди, поди, девица,
За меня замуж,
За меня, за мóлодца,

За парня холо́стова».
Нейду, нейду девица,
Нейду, не подумаю.
Кого же мне, девице,
Полюбить будет?
Полюбить холостова, —
Холост скоро женится;
Полюбить женатого, —
Жена-то рассердится
Полюблю я, девушка,
Солдата гвардейского:
Солдат в поход пойдет,
Девицу с собой возьмет.

8

На зоре-то было на зорюшке,
На зоре-то было вечерпией:
Высоко звезда восходила —
Выше лесу, выше темнова,
Выше садику зелёнова.
Как во городе во Ала̀тыре
Случилося несчастьице.
Как несчастьице немалое:
Жена мужа потеряла,
Востры́м ножичком зарезала;
Вынимала сердце с печенью.
На ноже сердце встрепехнулось,
Она шельма рассмехнулась,
Рассмехнувшись она ужаснулась,
Взяла его за черны́ кудри,
Ударила об сыру́ землю,
Во холодный ледник спрятала,
Дубово́й доской она закрыла,
Золотым перстнём запечатала
Сама пошла в нову́ горницу,
Закричала громким голосом:

«Ты талан ли мой, талан лихой,
Или участь моя горькая!
На роду ль мне так написано?»
Прилетели к ней два сокола
Два Ивана, два Иваныча:
— Ты сноха наша, невестушка,
Где наш братец Иванушка? —
«Ваш братец — охотничек:
Уехал в лес за охотою, —
За куницами, за лисицами».
— Не обманывай нас, невестушка!
Вон шелкȯв кушак на стене висит,
Перчаточки с шапочкой на пȯлочке лежат.

9

Вдоль по улице по Шведской
В Слободе было Немецкой,
Генерал-от немец ходит,
За собою девку водит.
Водил девку, водил немку,
Молодую иноземку.
Девка Немцу говорила:
«Говори, радость, со мною,
Мы одни теперь с тобою,
Еще третий — высок терем.
Как поедешь, мой любезный,
Во царскую службу,
Заезжай, моя надёжа,
В калинову рощу;
Ты сорви, мой друг, покушай
Горьку ягоду калину:
Какова горька калина —
Таково житье за старцем» *

Иногда прибавляется:

Какȯво житьё за ровнем?
Какова сладка малина,
Таково житьё за ровнем.

10

Не летай, мой соловей,
Поздно вечером один!
Парень девушку любил,
Колечушком подарил:
Колечушко, сердечушко —
Твой золотный перстенёк.
Далеко милой живет
Во матушке во Москве,
Во Покровской улице.
Как пошли наши ребята
В большу́ улицу гулять,
Красных девок забавлять;
Ах, все девки хороши,
Разлапушки пригожи!
Одна девка лучше всех:
В косе лента шире всех,
А другая голубая —
Идет славушка худая,
А третия со кистьми, —
Бежит Дуня со вестьми.
Как взял Дуню задор:
Подняла в губы подол,
Мимо окон, мимо стекол,
Мимо каменных палат
К целовальнику в кабак:
«Целовальник молодой,
Отпирай новый кабак,
Пущай малыих ребят!»

11

Беседа моя, беседушка, беседа смирна!
Во той во беседушке девицы сидят,
Де́вицы сидят, речи говорят: *

* Первых трех стихов обыкновенно не поют.

«Лучина, лучинушка берёзовая!
Что же ты, лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты лучинушка, в печи не была? **
— Я была в печи́ вчерашней ночи́,
Лихая свекровушка воду пролила,
Воду пролила, меня залила. —
Сестрицы, голубушки, ложитеся спать:
Ложитеся спать, вам нѐкого ждать!
А мне красной девице всю ночку не спать —
Кровать убирать, милà дружка ждать;
Убравши кроватушку, сама лягу спать.
Первый сон уснула — без миленького;
Второй сон уснула — без сердечного;
Третий сон уснула — зоря белый день.
Из-под белой зорюшки мой милый идет,
Собольею шубочкой пошумливает,
Пухòвою шляпочкой помахивает,
Сафьянны сапожки поскрыпывают: ***
«Что ж ты, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа-красна девица, позамешкался:
С угрюмой женой побранка была,
Журила, бранила тебя и меня.
Тебя, мою душеньку, курвой назвалà;
А я ее бил, бил, чуть живу пустил. —
«Не бей, не бей, молодец, угрюмой жены:
С угрюмой женою тебе век вековать,
Со мной красной дѐвицей — ночку ночевать».

* Прибавляется также: В печи не была, не высушена.
** В новейших песенниках:

Натуральной тросточкой постукивает.

И песня кончается этим стихом. Остальные же внесены в другую песню:

Сказали про молодца, будто без вести пропал,
Сказали — удаленький в синем море утонул;
А нонече молодец по улице прошел,
Любимую песенку шибко-громко просвистал.
Насвисточку свищет, голос в терем подает:
Услышала б девица удалòго молодцà,

Горела б у девицы воску ярого свеча,
Ждала б красна девица удалого молодца.
А что ж, добрый молодец, давно не пришел?»
— Душа-красна девица ... — и проч.

21

Девушка крапивушку жала,
Красная немного нажала;
Кажется, ни с кем не стояла.
Только я с милым говорила:
«Ах ты, мой сердечный, милый друг!
Я слышала несчастье про тебя:
Идешь в поход. Возьми меня с собой,
Назови меня родной сестрой
Или душенькой молодой женой».
— Нельзя, нельзя мне взять тебя с собой
Что все в полку полковнички знают,
Что нет у меня родной сестры,
Что есть у меня одна матушка,
И та живет в деревне в печали. *

* Поется также: Да и та старенька.

13

Плясовая.

Как нóнече куры
Поют петухами,
Ах, люшеньки, ай люли! и т. д.
Как нóнешни жёны
Владеют мужьями.
Я возьму мужа за ручку
Брошу на постелю:
Лежи, муже, тута,
Поколь схожу — кнýта [1]
Поколь схожу кнýта,
Железного прýта.

---

[1] Т. е. схожу взять кнута.

14

Тёща про зятюшку сдобничала,
Сдобничала да пирожничала;
Испекла пирог в двенадсять рублёв:
Солоду, муки на четыре рубли,
Ягодов, изюму на восемь рублей.
Тёща по горинке похаживала,
Косо на зятюшку поглядывала:
«Как тебя, зятюшку, не розорвало?
Как тебя, зятюшку, не перервало?

15

Бежит речушка слезовая;
На ней струюшка кровавая;
По бережку ростёт част осинничек,
Во тем осинничке куст рябинушки;
Она аленькими цветочками она расцветала,
На цвету сидит кукушечка;
Горемычная куковала,
Жалобнёхонько горемычная причитала
Всем солдатушкам назолушку давала.
Не кукуй-ко ты, кукушечка, жалобненько,
Не одной-то тебе, кукушечка, жить тошно,
И нам-то солдатушкам жить не сладко!
На что матушка нас, сударыня, породила?

16

Туто жил-поживал господин Волконский Князь,
У этого у Князя жил Ванюша Ключничик.
Ваня год живет, другой живет,
На третий год Князь доведался;
Закричал Князь Волконский своим громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные при мне?
«Вы подите — приведите вора Ваньку Ключничка!»
Как ведут Ванюшу широким двором,
Как у Ванюшки головка вся проломана,

Коленкоровая рубашка на нем изорвана,
Сафьяпные сапожки кровью припаполнены.
Закричал-та господин Волконский Князь громким голосом:
«Вы подите-ка, — вы выройте две ямы глубокиих,
«Вы поставьте-ка два столбика дубовыих,
«Положите перекладец сосновыий,
«Повесьте две петли шелко́вые:
«Пускай Ваня покачается,
«Молодая-то Княгиня попечалится!»

17

Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорёну улицу,
К Аракчееву двору.
У Ракчеева двора
Тута речка протекла,
Бела рыба пущена;
Тут и плавали-гуляли
Девяносто кораблей;
Во всякием корабле
По пяти́сот молодцов,
Гребцов-пе́сенничков;
Сами песенки поют,
Разговоры говорят,
Всё Ракчеева бранят:
«Ты Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил,
Доро́женьки проторил,
Он канавушки прорыл,
Берёзами усадил,
Бедных людей прослезил!»

Первые одиннадцать песен этого отдела находятся в копиях в собрании песен П. В. Киреевского, хранящихся в *ЛБ*: в папке 7 — песня,

№ 8 (1703),[1] в папке 7³ — №№ 9 (2079) и 10 (2119), в папке 7⁴ — №№ 11 (1944), 1 (1988) и 2 (2045), в папке 8 — № 3 (2756), 4 (2772) и 5 (2773), в папке 15 — №№ 6 (4777) и 7 (4778). См. описание этих папок в *ПК*, в. I, стр. LXXI—LXXII. Здесь показаны не все пушкинские записи.

Тексты этих песен написаны на отдельных листках в 8 д. л. (писчего), на обороте которых имеется помета: «Пушк». Тексты песен №№ 3, 4, 6, 9 и 11 написаны рукой П. В. Киреевского, тексты остальных шести песен — неизвестным почерком.

Четыре песни (№№ 12—15) в копиях руки неизвестного с дополнениями П. В. Киреевского находятся в части его собрания, оказавшейся в бумагах П. А. Бессонова, ныне хранящихся в составе собрания П. И. Щукина в *ГИМ* (по пометам собрания Киреевского №№ 4614, 2114, 1974 и 1471).

Песни №№ 16 и 17 до сих пор в рукописи не найдены

Песни №№ 1—7 впервые опубликованы (по копиям с копий Киреевского) Н. О. Лернером в газете «Речь» 1912, № 28, от 29 января, а затем им же перепечатаны в *РС* 1912, № 4 и в *В* VI, 239—241. В комментарии к публикуемым песням Лернер высказал сомнение в подлинности песни № 4, которую он склонен считать «не простою записью, а либо переделкой народной песни, либо даже оригинальным произведением в народном духе, возникшим, конечно, под влиянием народных поэтических и бытовых мотивов».

«По крайней мере, — продолжает Н. О. Лернер, — первые десять стихов скорее принадлежат Пушкину, чем народу» (*В* VI, 242). С этим мнением согласился Б. В. Томашевский, писавший в своей статье «Генезис „Песен западных славян“»: «Догадка комментатора, на наш взгляд, несомненно правильна. Десять первых стихов записи и три последних — результат литературной обработки народной песни» (Б. Томашевский, «О стихе», 1929, стр. 87). Точно так же и В. И. Чернышев пишет об этой песне: «мы вслед за Н. О. Лернером могли бы несколько заподозрить ⟨ее⟩ в качестве подлинной народной» (статья В. Чернышева, «Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских песен» — «Slavia» 1929, VIII, 3, стр. 586). Не согласен с догадкой Лернера М. Н. Сперанский (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 97), аргументацию которого нужно признать достаточно убедительной.

По копиям Киреевского песни эти напечатаны М. Н. Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, стр. 231—233.

Песни №№ 8—11 впервые опубликованы М. Н. Сперанским в статье «К истории песен, собранных А. С. Пушкиным» в «Сборнике в честь 70-летия Д. Н. Анучина», М. 1913, а затем им же напечатаны в *ПК*, в. II, ч. II, стр. 233—234.

Ни в одно из собраний сочинений Пушкина песни эти не вошли.

---

[1] Цифры в скобках — номера собрания Киреевского.

Оригинальность песни № 9 без достаточных оснований была заподозрена Н. О. Лернером («Речь» 1914, № от 6 июня), которому весьма веско возражал М. Н. Сперанский (*ПС* XXXVIII—XXXIX, 97—107). Следы «мастерства» Пушкина Лернер видел и в конце песни № 11 («Речь» 1914, № от 6 июня), не приводя, впрочем, никаких доказательств в пользу этого мнения.

Песни №№ 12, 13 и 15 впервые были напечатаны М. Н. Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, стр. 234—235, а затем им же в статье «Записи народных песен Пушкина в собрании П. В. Киреевского» в книге: «Памяти П. Н. Сакулина», Сборник статей, М. 1931.[1] Перепечатаны Н. О. Лернером в статье «Новые песенные записи Пушкина» («Красная панорама» 1929, № 50, от 13 декабря). И эти песни не вошли ни в одно из собраний сочинений Пушкина.

Песня № 14 впервые опубликована Н. Н. Трубицыным по записи в «зеленой» тетради (второй) собрания П. В. Киреевского (см. стр. 431) в *ПС* XV, 141, а затем перепечатана Н. О. Лернером в *РС* 1912, № 1, стр. 228 и в *В* VI, 239.

По копии руки П. В. Киреевского, оказавшейся в бумагах П. А. Бессонова, песня напечатана М. Н. Сперанским в *ПК*, в. II, ч. II, стр. 335.

Песня № 16 впервые была напечатана П. А. Бессоновым в в. 5 редактированных им «Песен, собранных П. В. Киреевским», М. 1863, стр. 137—138. Перед текстом песни помета: «(Псковск. губ.)», а после текста: «Записано А. С. Пушкиным».

Песня № 17 впервые была напечатана П. А. Бессоновым в в. 10 «Песен, собранных П. В. Киреевским», М. 1874, стр. 211—212. Перед текстом песни помета: «Губ. Псковской», а после текста: «Образец замечателен тем еще, что записан в 30-х годах А. С. Пушкиным».

Обе эти песни в собрание сочинений Пушкина были введены лишь С. А. Венгеровым (*В* IV, 73).

Решив почему-то, что упомянутый в описании собрания Киреевского, сделанном М. Н. Сперанским, список «разгульных» песен составлен Пушкиным,[2] Н. О. Лернер, получив копию этого списка от М. Н. Сперанского, напечатал список в «Речи» 1912, № 28, от 29 января, а затем в *РС* 1912, № 4, стр. 103—105 и в *В* VI, 241—242. В списке этом, заключающем в себе восемьдесят пять песен, названо три песни, имеющиеся среди записанных Пушкиным: 4) «Не летай, мой соловей», 56) «Авдотья вдовина», и 60) «Как ноне куры». Этого, конечно, совершенно недостаточно, чтобы признать список за пушкинский.

---

[1] Статья была дана в сборник, издававшийся в честь тридцатилетия научно-педагогической деятельности П. Н. Сакулина, исполнившегося весной 1928 г., до выхода в свет *ПК*, в. II, ч. II, но последняя книга вышла раньше первой.

[2] В папке 7^4 № 1983. См. *ПК*, в. I, стр. LXXI.

II. ЗАПИСИ ПЕСЕН, СОХРАНИВШИЕСЯ В АВТОГРАФАХ ПУШКИНА

1

Пѣсня о сынѣ Сеньки-Разина [2]

Въ городѣ-то было во Астраханѣ, [3]
Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ.
Онъ щеголемъ по городу похаживаетъ,
Черный бархатный кафтанъ на размашечку надѣтъ,
Черна шляпа пуховая на его русыхъ кудряхъ,
Свой персидскій кушачокъ во правой рукѣ несетъ.
боярамъ Государевымъ [4]
Онъ [штабнымъ офицерамъ] не кланяется,
Астр⟨аханскому⟩ воеводѣ
Къ [Губернатору] подъ судъ нейдетъ.
воевода
Какъ увидѣлъ молодца [губернаторъ] со крыльца,
воевода
Закричалъ онъ, [губернаторъ], громкимъ голосомъ своимъ:
Ой
«[Вы], есть ли у меня слуги вѣрны молодцы?
Вы сходите, приведите удалого молодца».
Какъ поймали молодца во царевѣ-кабакѣ,
воеводѣ
Приводили удалого къ [Губернатору] на дворъ;
А какъ сталъ воевода
[Сталъ Губерн⟨аторъ⟩] его спрашивати:
«Ты скажи, скажи дѣтина, незнамой человѣкъ!
Чьего рода, чьего племени, чей отеческой сынъ?
Иль изъ нашего городу, изъ Астр⟨ахани⟩?
Или со Дону казакъ иль Казацкій сынъ?»
— Я не съ вашего городу, не съ Астр⟨ахани⟩,

---

[1] *В нижепечатаемых текстах знаки препинания редакторские. У Пушкина их почти нет.*

[2] *В рукописи описка:* Пѣсня о сынѣ Сеньки-Разинѣ.

[3] *В рукописи со строчной буквы.*

[4] *Эта и все следующие поправки сделаны единовременно, другими чернилами, чем основной текст.*

Я не съ Дону [1] Казакъ, не казацкій сынъ
Я со Камы со рѣки, Сеньки [1] Разина сынокъ.
Взялся батюшка у [2] васъ [2] завтра въ гости побывать
Ты умѣй его приняти, умѣй подчивати. —
Разсердился Губерн⟨аторъ⟩ [3] на удалого молодца,
Закричалъ тутъ Губ⟨ернаторъ⟩ [3] гром⟨кимъ голосомъ своимъ:⟩
«Что есть ли [4] у меня ⟨слуги вѣрны молодцы?⟩
Вы возьмите, отведите уд⟨алого⟩ м⟨олодца⟩
Посадите удалова въ бѣлу-каменну тюрьму.

2

Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ по рѣкѣ,
Вдоль по Камѣ по рѣкѣ легка лодочка идетъ,
Во лодочкѣ гребцовъ ровно 200 молодцовъ.
Посреди лодки хозяинъ Сѣ⟨нька⟩ Р⟨азинъ⟩ отоманъ.
Закричалъ тутъ х⟨озяинъ громкимъ голосомъ своимъ.⟩
«А мы счерпнемте воды изо Камы-со рѣки».
М
[И] [м]ы изчерпнули воды изо Камы со рѣки,
[Какъ нашъ хозяинъ] Припечалился хоз⟨яинъ⟩ С⟨енька⟩-Р⟨азинъ⟩ А⟨таманъ:⟩
«Знать-то[5] знать,[5] что мой сыночикъ во неволюшкѣ сидитъ,
Во неволюшкѣ ⟨сидитъ⟩
Въ бѣлокаменной тюрьмѣ».
— Не печалься, нашъ хозяинъ, С⟨енька⟩ Р⟨азинъ⟩ Ата⟨манъ:⟩
Бѣлукаменну тюрьму по кирпич[ик]у разберемъ,
Твоего милаго[5] сын[очк]а изъ неволи уведемъ,
Астр⟨аханскаго⟩ Губ⟨ернатора⟩ [6] подъ судъ возьмемъ.

3

Во славномъ городѣ во ⟨Кіевѣ⟩
У славнаго Царя у Владиміра,

---

[1] *В рукописи со строчной буквы.*
[2] *Вставлено позднее карандашом.*
[3] *Осталось неисправленным на:* воевода.
[4] *В рукописи:* если.
[5] *Вставлено позднее.*
[6] *Не исправлено на:* воеводу.

Жила была молода вдова
У вдовушки было 9 сыновъ —
10ая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали — лелѣяли
9 сыновъ подъ разбой пошли,
10ую дочь замужъ выдали,
По край моря, за Морьянина.
Они прижили малаго дѣтища.[1]
Она годъ живетъ и другой живетъ,
На третій годъ стосковалася.
Стала она Морьянина въ гости звать:
«Пойдемъ, Морьянинъ-свѣтъ,
Ты къ тёщѣ, а я къ матери,
Ты къ шурьямъ, а я къ милымъ братьямъ.
Они день идутъ и другой идутъ,
На третій день становилися.
развели Нарубили огоничекъ малёшенекъ
Пустили дымочикъ тонешеникъ;
Напали воры, разбойники,
Они морянина зарѣзали,
Морьянинка въ воду бросили,
М⟨орьянин⟩ку въ полонъ взяли.
Какъ всѣ-то разбойнички стали пить и ѣсть,
Одинъ-то разбойничекъ ни пьетъ, ни ѣстъ,
Не п⟨ьетъ⟩ н⟨и⟩ ѣс⟨тъ⟩, богу молится.
Всѣ разбойнички спать легли,
Одинъ-то разбойничекъ ни спитъ, ни лежитъ,
Г⟨осподу⟩ богу молится.
И сталъ онъ у Морьянинки разпрашивать:
«Съ какого ты села-города?
И котораго отца-матери?»
Стала ему М⟨орьянин⟩ка разказывать:
«У слав⟨наго Царя у Владиміра,
Жила была молода вдова;
У вдовушки было 9 сыновъ —

[1] *Этот и следующий стих были в обратном порядке.*

10ая дочь любезная:
Поили, кормили, пелегали.
9 сыновъ подъ разбой пошли,
10ую дочь замужъ выдали,⟩
По край моря за Морья⟨нина⟩.[1]
— Вставайте, братцы родимые!
Не м⟨орьянина⟩ мы зарѣзали,
Не м⟨орьянинка⟩ въ воду бросили,
Не м⟨орьянин⟩ку во полонъ взяли:
⟨Мы зарѣзали⟩ зятя любезнаго,
⟨Въ воду бросили⟩ племянника,
Родну сестру взяли во полонъ. [2] —
Вставали братцы родимые,
Просили у сестры прощеньица:
«[За] Отчего ты намъ не сказалася,
Что ты намъ родна сестра?»
Пошли... къ родной матушкѣ,
Становились на колѣнки всѣ
И просили у нея прощеньица:
«Прости насъ, Родн⟨ая⟩ мат⟨ушка⟩,
Не знавши, зарѣзали зятя люб⟨езнаго⟩,
Въ воду бросили пл⟨емянника⟩
Род⟨ну сестру взяли во полонъ⟩.

4

Какъ за церковью, за нѣмецкою,
Добрый молодецъ богу молится:
Какъ не дай Боже хорошу жену
въ честной
Хо⟨рошу⟩ ж⟨ену⟩ — [часто] пиръ зовутъ,
пригласить Меня молодца не примолвили;
Мою ж⟨ену⟩ — въ новы саночки,
Меня молодца — на запяточки.
Мою жену — на широкій дворъ,
Меня молодца — за вороточки.

---

[1] *В рукописи весь рассказ морьянинки показан так:* У слав — по край моря за Морья.
[2] *Было:* Взяли во полонъ родну сестру. *Исправлено Пушкиным.*

5

Изъ Гурьева городка
Протекла кровью рѣка.
Изъ крѣпости изъ Зерной
На подмогу Разсыпной
Выслан капитанъ Суринъ
Со командою одинъ.
Онъ нечайно въ крѣпость въѣхалъ,
Начальниковъ перевѣшалъ,
Атамановъ до пяти,
Рядовыхъ сотъ до 6.

Ур⟨альски⟩ Казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд.

6

Другъ мой милый, красно солнышко мое,
Соколъ ясный, сизокрылый мой орелъ,
Ужь недѣлю не видалась я съ тобой,
Ровно 7 дней какъ спознаюсь съ горемъ я.
Мнѣ не взмилились подруженьки мои,
Игры, пляски, хороводы и мечи [1]
Не по нраву, не по мысли мнѣ пришли.
Я скиталася по темныимъ лѣсамъ,
Въ темномъ лѣсѣ канареички поютъ
Мнѣ дѣвчонкѣ грусть разлуку придаютъ.
Ты не пой, канареичка, въ саду,
Не давай тоски сердечку моему.

7

Во лесахъ во дремучіихъ
Тутъ брала дѣвка ягоды,
Брамши-то она въ лѣсу заблудилася,

---

[1] *Вероятно:* мячи.

Заблудимши она приаукнулась:
«Ты ау, ау, мой любезный другъ,
Мой любезный другъ, жизнь душа моя».
— Ужъ я радъ бы тебѣ откликнулся,
За мной ходятъ трое сторожей:
Первый сторожъ — родной б⟨атюшка⟩,
Второй сто⟨рожъ⟩ — мила м⟨атушка⟩,
А тр⟨етій⟩ ст⟨орожъ⟩ — молода жена!

8

Не бѣлинька березанька къ землѣ клонится,
Не камышъ трава во чистомъ полѣ разшаталася, —
Зашатался, загулялся добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой кармазиновой черкешучкѣ.
У черкешучки рукавчики назадъ закинуты.
Камчатныя его полóчки назадъ загнуты,
За плечьми несетъ ружеецъ знать Турецкое,
шечекъ
Во правой рукѣ онъ пресо[чешекъ] карновенькой,
Онъ присошечкомъ добр⟨ый⟩ мол⟨одецъ⟩ подпирается,
Горючьми слезми разудал⟨енькій⟩ [ра]заливается.
Вдругъ несчастьеце надъ молодцомъ случилось,
хурта
Поднималася съ горъ, погорушка все [кто] вьюга,
Все хурта подымалась съ горъ, погорушка полуденная.
Собивала то она добра молодца со дороженьки,
Прибивала то она добра молодца ко городу,
Ко тому же то ко городу ко незнамому.

9

Одинъ-то былъ у отца у матери единый сынъ,
И того-то берутъ разуд⟨алень⟩каго въ службу Царскую,
По указу его берутъ, разуд⟨аленькаго⟩, государеву.
Онъ со вечера [1] сталъ разу⟨даленькій⟩ коня сѣдлать,
Ко полуночи сталъ ра⟨зудаленькій⟩ съ двора съѣзжать.

---

[1] *В рукописи описка:* вечеръ

Отецъ-то и мать его, разудаленькаго, провожать пошли,
Провожали его, разудаленькаго, весь и родъ пл⟨емя⟩.
Позади то его идетъ горюшенька молода жена;
Молоду жену, бѣлую лебедушку, уговариваетъ:
«Воротись ты, жена, воротись душа — лебедушка бѣлая,
Впереди то у насъ все огни горятъ, огни неугасимые».
— Разудал⟨енькій⟩ добрый моло⟨децъ⟩ меня не обманывай,
Горитъ у тебя у молодца ретиво сердце.

10

Какъ у насъ было на улицѣ,
У насъ на широкой,

*

Красны дѣвки разыгрались,
Молодушки разплясались

*

Одна дѣвка лучше всѣхъ,
На ней лента ширѣ всѣхъ

*

Дѣвка парню говорила
И всю правду объявила

*

Послушай ка, мой милой,
Сердце-радость дорогой

*

Мой батюшка не лихой
Тебѣ будетъ не чужой.

Все десять песен этого отдела имеются в автографах Пушкина.

Тексты первых четырех песен находятся в тетради Пушкина № 2368, лл. 52_2—50_2 *ЛБ*.

Записи песен сделаны в Михайловском, вероятно, в первой половине ноября 1824 г., когда Пушкин, сообщая брату, что вечером слушает сказки, просил прислать ему «историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице Русской истории». Просьба эта вызвана, надо думать, записью песен (№№ 1 и 2) о сыне Степана Разина.

Песни, как и сказки, записывались Пушкиным со слов няни его, Арины Родионовны.

Любопытно, что, записав со слов ее: «штабным офицерам», «губернатору», Пушкин заменил первых — «боярами государевыми», а второго — «воеводой», восстанавливая этим первоначальный текст.

Песни №№ 1—3 впервые были напечатаны П. В. Анненковым в газете «Порядок» 1881, № 11, от 12 января.

Ряд исправлений к тексту, опубликованному Анненковым, дал Якушкин в *Я* VI, 547—548.

Песни вошли во все издания собрания сочинений Пушкина, начиная с E^3 и кончая *В*, в отдел народных песен, записанных Пушкиным. В качестве таковых, песни не введены в *Ak*, *Б*, *КН* и *ПГ*.

Песня № 4 впервые напечатана П. В. Анненковым в *А* VII, 93 первой пагинации, под заглавием: «Песенка, записанная Пушкиным», и с примечанием «Нельзя ручаться, чтоб эта песенка не была составлена самим Пушкиным. Во всяком случае она — позднейшее произведение народа, если принадлежит народу».[1]

Это двусмысленное примечание как бы определило судьбу песни. В изданиях собрания сочинений Пушкина $Г^1$ и $Г^2$ она помещена среди стихотворений Пушкина. Так же сделано в E^1. В E^3 песня помещена уже в примечаниях, в качестве записи, сделанной Пушкиным. Среди песен, записанных Пушкиным, эта песня напечатана в M^1, M^2, E^4 и *В*. Не включена песня, как только записанная Пушкиным, ни в *Ak*, ни в *Б*, ни в *КН*, ни в *ГП*.

Записью народной песни считают «Как за церковью» В. Ф. Миллер[2] и Шейн.[3] Попытку В. И. Чернышева[4] доказать, что песня является сочинением Пушкина, мы считаем совершенно неосновательной. Как мы уже указали (см. стр. 413), местоположение текста песни в тетради Пушкина говорит за то, что это запись народной песни. Об этом же свидетельствует и пояснение Пушкина: «пригласить» к слову «примолвили» — и то исправление в четвертом стихе, которое, по мнению В. И. Чернышева, служит будто бы доказательством того, что песня сочинялась Пушкиным. Запись: «Хорошу жену часто в пир зовут», вместо: «Хорошу жену в честной пир зовут», легко объяснима тем, что Пушкин хорошо не расслышал, как пропела или сказала ему Арина Родионовна.

Песня № 5 находится в записной книжке Пушкина в малую восьмушку (л. 5_1), хранящейся в собрании бумаг А. А. Краевского в *ПБЛ*. (см. *РП*, 27, № 44). Все записи в книжке сделаны карандашом. Эта записная книжка была у Пушкина во время его поездки в августе — ноябре

[1] Забыв об этой публикации, Анненков в газете «Порядок» 1881, № 11 от 12 января, снова опубликовал песню как новость.

[2] «Пушкин как поэт этнограф» в «Этнографическом обозрении», кн. 60—61, 1899, и отд. оттиск, стр. 31.

[3] «А. С. Пушкин и народная песня» в журнале «Ежемесячные сочинения» 1900, июнь, стр. 91.

[4] «Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен» в «Slavia» 1929, VIII, 3, стр. 590—593.

1833 г. на Урал. Записи песен сделаны, несомненно, во второй половине сентября, во время пребывания Пушкина в Оренбургской губернии.

Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта» (прим. 9 к II главе) привел из записи песни четыра стиха в таком виде:

«Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один и проч.»

Первые десять стихов по тексту записной книжки Пушкина впервые напечатаны И. А. Бычковым в его описании бумаг А. А. Краевского в «Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1889 г.» СПб. 1893, приложение, стр. 37. Стихи 11—14 впервые напечатаны Н. О. Лернером в статье «Забытые стихи Пушкина» в газете «Речь» 1910, № 45, от 15 февраля, а затем перепечатаны в *ПС* XVI, 42 и в *В* VI, 219.

Ни в одно из изданий собрания сочинений Пушкина песня не введена. Лишь Морозов в *М²* VII, 216 напечатал 1—3 и 7—10 стихи (в виде двух песен, что неверно) в примечании к примечанию Пушкина в «Истории Пугачевского бунта».

Запись Пушкина представляет собою два отрывка из песни, в более полном виде записанной в 1858 г. И. И. Железновым на Урале. См. об этом статью Н. О. Лернера «Песенный элемент в „Истории Пугачевского бунта"» в книге «Пушкин. 1834 год.», Лгр. 1934.

Песни №№ 6, 7 и 9 находятся в тетради Пушкина № 2373 (№№ 6 и 7 — л. 31_2, № 9 — л. 30_2). Судя по положению в тетради (верхом вниз, с обратного конца тетради, между копиями стихотворений Мицкевича и переводом «Воеводы» этого поэта), записи в ней сделаны осенью 1833 г. Записи, повидимому, представляют собою перебеленные копии с утраченных первоначальных записей, сделанных Пушкиным во время поездки на Волгу и в Оренбургскую губернию. Переписал в тетрадь Пушкин эти записи в Болдине (в первой половине октября 1833 г.), по приезде туда с Урала. О том, что текст в тетради — копия с первоначальных записей, говорят почерк и неполные написания повторяющихся слов.

Песни №№ 7 и 9 впервые напечатаны Якушкиным в *Я* VIII, 328—329, а затем вошли в *М¹*, *Е⁴*, *М²* и *В*.

По указанию В. И. Чернышева (названная статья в «Slavia», стр. 595—596) три варианта песни № 9 имеются в собрании Соболевского «Великорусские народные песни» (т. VI, №№ 131—132), причем любопытно, что все они записаны в Уральской области, то есть там же, где, как мы полагаем, записал песню и Пушкин.

В этой же статье Чернышева впервые дан печатный вариант песни № 6. Найдя этот вариант в девяти песенниках 1810—1854 гг., исследователь делает весьма странные выводы. Приведя текст из песенника в 40 стихов и сравнив его с текстом записи Пушкина (в ней всего 12 стихов, из кото-

рых лишь первые семь близки к стихам печатного текста), Чернышев говорит об «энергическом сокращении» Пушкиным текста песни. Выходит так, будто бы Пушкин списал песню из какого-то песенника, сократив ее.

В заключение своих совершенно излишних и бесплодных рассуждений исследователь приходит к предположению: «Возможно и то, что весь сохранившийся в записи Пушкина текст взят из ходящего во времена поэта живого песенного материала, и переработка книжного романса — мещанско-народная, а не пушкинская». Этот вывод — не «возможный», а единственный, какой нужно было сделать. И вывод этот, вопреки мнению Чернышева, нисколько не опровергает правильных предположений Миллера и Трубицына, что текст Пушкина — запись народной песни.

Песня № 7 впервые напечатана П. В. Анненковым в газете «Порядок» 1881, № 11, от 12 января.

Входит она в собрания сочинений Пушкина, начиная с $Е^2$

Песня № 8 была найдена заведующим отделением рукописей б. Румянцевского музея С. О. Долговым в собрании песен П. В. Киреевского, хранящемся в *ЛБ* (об этом см. выше, стр. 430).

Текст песни написан на одной стороне листа голубой бумаги (размером in f°), несомненно, вырезанного из тетради Пушкина № 2373, между теперешними лл. 30 и 31, на которых записаны №№ 6, 7 и 9. В настоящей публикации мы поставили ее на том месте, где она была у Пушкина.

По определению В. Ф. Миллера («Пушкин, как поэт-этнограф», отд. отт., стр. 31), запись Пушкина является «отрывком народной песни, повидимому из казацкого цикла». Непонятно, почему Миллер считал запись «отрывком» песни. Указание же на то, что песня казацкого происхождения, весьма ценно и является новым доказательством того, что песня записана на Урале.

Песня № 10 находится в *ЛБ*, куда поступила в 1880 г. от П. Д. Голохвастова (см. «Отчет Румянцевского музея за 1879—1882 гг.», М. 1884, стр. 84).

Текст песни (автограф Пушкина) написан карандашом на одной странице листка почтовой бумаги (без водяного знака). Листок хранится в листе белой бумаги, на котором рукой П. Д. Голохвастова написано: «Автограф Александра Сергеевича Пушкина. Написано (сочинено или записано?) у соседки его по селу Болдину Прасковьи Петровны Кротковой, рожденной Новосильцевой».

Единственный раз песня была напечатана и факсимильно воспроизведена М. А. Цявловским в его брошюре «Два автографа Пушкина», М. 1914, стр. 14—16.

В Болдине Пушкин был три раза: в сентябре — ноябре 1830 г., в октябре — первой половине ноября 1833 г. и во второй половине сентября — первой половине октября 1834 г. В какое из этих пребываний сделана запись, сказать трудно, но вероятнее всего в 1833 г., когда Пушкин занимался собиранием фольклорного материала

X

ВЫПИСКИ ИЗ КНИГ, ЖУРНАЛОВ И ГАЗЕТ, КОПИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ЦИТАТЫ

Состав настоящего отдела довольно пестрый. Сюда вошли копии стихотворений и отрывков в прозе русских и иностранных авторов, выписки из ученых трактатов, журналов и газет, эпиграфы к произведениям, впоследствии неиспользованные, эпиграфы к рукописным тетрадям поэта, цитаты, записи по памяти стихов, копии документов и выписки из каталога библиотеки Вольтера.

Группу копий стихотворений русских авторов составляют копии стихотворений: Дм. Сеченова — «Переодетая борода» (№ 45); Сумарокова — «Не Парисов суд с богами» (№ 46); Ломоносова — «Гимн бороде» и «Ода Трисотину» (№№ 44 и 47); Державина — «Приказ моему привратнику» (№ 49); Батюшкова — «Подражание Ариосту», «К NN» и «Есть наслаждение и в дикости лесов» (№№ 15, 16 и 25); Жуковского — «Желанье» и «Сей день есть день суда и мщенья» (№№ 6 и 14); Д. Давыдова — «Возьмите меч — он недостоин брани» (№ 2); Вяземского — «Прощание с халатом», два неполных списка (№№ 3 и 4), и «Казалось мне» (№ 30) и товарищей Пушкина по Лицею в сборнике «Жертва Мому» (№ 1). Сюда же можно отнести и записи начала стихотворения Мятлева (№ 39), стихов из перевода И. И. Дмитриева сцены из комедии Мольера (№ 58) и солдатской песни (№ 59).

Во вторую группу входят копии стихотворений иностранных авторов: Мильвуа — «Sais-tu, pourquoi cet inquiet tourment...» (№ 19); Шенье — «Près des bords où Venise...» (№ 20); Гара — «Je t'aime tant...» (№ 5); Мицкевича — «Oleskiewicz», «Do przyjaciól Moscali» и «Pomnik Piotra Wielkiego (№№ 36—38), и неизвестного автора — «L'amant que j'adore» (№ 7). Сюда же можно отнести и запись начала галицийской народной песни: «Черна роля заорана» (№ 40).

Отрывки из прозаических произведений русских авторов составляют: примечание Жуковского к стихотворению «Лалла-Рук» (№ 13), отрывок о Радищеве из записок кн. Е. Р. Дашковой (№ 53) и отрывки из «Календаря на 1721 г.» (№ 52). Сюда же можно отнести выписку из «Истории государства российского» Карамзина названий месяцев у славян (№ 9).

К выпискам из ученых трактатов, журнальных и газетных статей принадлежат выписки: из сочинения Ренуара «История муниципального права во Франции» (№ 33), Гизо (№ 27), «Истории итальянской литературы» Женгенэ» (№ 12), «Beralde prince de Savoi» (№ 18), «Gazette de France» (№ 32), «Journal des Débats» (№ 31), «Revue encyclopédique» (№ 11) и из неизвестного сочинения (№ 34).

К эпиграфам, впоследствии неиспользованным, относятся: из Аблесимова, Языкова, Кюхельбекера и Державина для «Арапа Петра Великого» (№ 26), Мандзони (№ 41), Кольриджа (№ 23) и «Книги Иова» (№ 24).

Эпиграфы к собственным тетрадям: из Шенье (№ 10) и Боратынского (№ 21). К цитатам мы относим выписки: из Данте (№ 8), Альгаротти (№ 22), де Бросса (№ 48), Вольтера (№ 51), Бэкона (№ 61) и неизвестных авторов (№№ 17 и 60). Пушкиным сняты копии с четырех писем Петра I (№№ 54—57), с письма А. Х. Востокова (№ 50), с чьего-то перевода стихотворений Сафо (№№ 42 и 43) и с трех «описей» имений (№№ 28 и 29). Сюда же можно отнести выписки из каталога библиотеки Вольтера (№ 35).

Транскрипция №№ 5, 10—14, 18, 21, 24, 26, 28, 30—34, 36—38, 41—43, 50, 51, 53—60, сделана Т. Г. Зенгер, которой принадлежит и комментарий к №№ 2, 11, 12 (совместно с М. Г. Муравьевой), 17—20, 31—34, 48, 50 и 58. Транскрипция №№ 1, 3, 4, 6—9, 17, 19, 20, 23, 25, 27, 29, 39, 40, 42 (текст перевода в *ИРЛИ*), 43 (idem), 48, 49, 51, 52 и 58 сделана Л. Б. Модзалевским; ему же принадлежит и комментарий к №№ 1, 3, 4, 6, 25, 49 и 52. Транскрипция №№ 2, 15, 16, 44—47 сделана М. А. Цявловским, которому принадлежит и комментарий к №№ 5, 7—10, 13—16, 21—24; 26—30, 35 (совместно с Н. И. Киселевым, которому принадлежат аннотации книг), 36—40, 41 (совместно с Б. А. Грифцовым), 44—47, 53—60. Транскрипция №№ 22, 35 и 61 сделана Д. П. Якубовичем, которому принадлежит и комментарий к № 61.

Текст № 59 печатается по копии Б. Л. Модзалевского.

Перевод текстов №№ 7, 11, 12, 17—20, 31—34 и 53 принадлежат М. Г. Муравьевой, №№ 36—38 — Н. К. Гудзию.

Перевод №№ 42 и 43 сделан М. Е. Грабарь-Пассек, которой (совместно со мной) принадлежит и комментарий к этим переводам.

М. Цявловский

1.

ЖЕРТВА МОМУ
ИЛИ
ЛИЦЕЙСКАЯ АНТОЛОГІЯ
1814.

ЖЕРТВА МОМУ.

Нещастіе Клита.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ Гекзаметромъ пѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ;
Мѣра простая сія все портитъ по мнѣнію Клита,

Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ піита
Спорить о томъ я не смѣю, пусть онъ безвинныхъ поноситъ
Ямбъ охладилъ риѳмача, Гекзаметры-жъ онъ заморозитъ.

Надпись.
На конную статую пушкаря В. фонъ Рекеблихера.

Подъѣзжаетъ и нещастной
Къ Амариллѣ голубой
Голубокъ любовью страстной
Виля, рыцарь отставной.

Предназначеніе.

Цыплятопироговъ, ты говоришь, Дамонъ!
Не годенъ никуда ни тѣломъ ни душою,
Куда ты, братецъ, тупъ! не видишь-ли что онъ
Для важныхъ дѣлъ рожденъ судьбою?
И можно-ль подлинно бездѣлкою назвать
Всю жизнь ѣсть пироги да продавать цыплятъ?

Игра словъ.

Цыплятопироговъ въ себѣ заключаетъ
И разумъ Цыпленка и душу пастета.

Пѣвецъ.

Апполонъ, напившись пьянъ,
Пѣлъ однажды на скрыпицѣ
Музѣ, чистенькой дѣвицѣ:
Транъ, транъ, транъ.
Позабывъ сады свои
И виномъ разгоряченной,
Нимфамъ пѣлъ сатиръ влюбленной
Три, ти, ти, ти, ти, ти, ти.
А нѣмчурка-басурманъ,
Ѳеба, Сатира черты,

Вдругъ запѣлъ намъ: транъ, транъ, транъ
Три, ти, ти, ти, ти, ти, ти.

Опроверженіе

Нѣтъ полно Мудрецы, обманывать вамъ свѣтъ
И утверждать свое что совершенства нѣтъ
На свѣтѣ въ твари тлѣнной.
Явися, Вилинька, и докажи собой
Что ты и тѣломъ и душой
Уродъ пресовершенной. —

Жалкій Человѣкъ

Нѣмецъ нѣмцу вслѣдъ иди,
Не мѣшай ни мало
Но ты виля погоди
Коль ума не стало.
Полустишіе твое
Тянется глистою;
Воображеніе мое
Дрем⟨л⟩етъ надъ тобою; —
Какъ мертвецъ.... потухшій взоръ!.....
Не мила мнѣ муза,
Всходитъ солнце-ль изъ за горъ,
Бьетъ ли Рокъ француза,
Неприятенъ, грубъ твой стихъ.
Слогъ твой Виля слишкомъ дикъ!
Риѳмы — караибски.
О прежалкой человѣкъ!
Не заслужишь ты вовѣкъ,
Пышны обелиски. —

Вопросъ.

Ахъ! батюшки, какой уродъ!
Широкій носъ, широкій ротъ,
Широкой задъ, и узки плечи,

И узкой умъ, и плоски рѣчи!....
Скажите что это за филя?.... —
— Виля.

О Дон-Кишотѣ

Оставилъ пику Дон-Кишотъ
И нынѣ публику стихами забавляетъ;
И у него за бѣлкой котъ
Съ сучечка на сучокъ летаетъ.

Новый Апполонъ.

Поѣхалъ, поскакалъ Тарасъ
На греческой парнасъ.
Ну вотъ, ослы вскричали
Мы худо отчего мычали
Вѣдь съ нами не былъ Апполонъ;
Теперь покажемся — вотъ онъ!
И всѣ Тарасу восплескали.
И ими онъ, и имъ они довольны стали.—

Англизированіе.

Дьялоги Англиски Ѳомѣ теперь толкуютъ.
Бывало лишь однихъ коней англизируютъ,
А нынѣ — вотъ нашъ вѣкъ каковъ!
Англизируютъ иословъ.

На случай когда Виля на балѣ разтерялъ свои башмаки.—

Разъ прекрасная Психея
На пирушки у Снохи,
Веселясь, вертясь, потѣя,
Разтеряла башмаки,

Момъ хотѣлъ сыграть ей шутку
Ихъ проворно подобралъ,
И надувъ пастушью дудку,
Augustiny заигралъ.
Стары нѣмцы съ молодыми
Прибѣжали всѣ плясать;
Виля съ лапами босыми
Также сталъ вальсировать.
«Виля, Виля! стой, любезной!
«Ножку можешь занозить
«Эти башмаки не тѣсны,
«Можно, Виля, ихъ носить.
«На, возьми!» — И тотъ у Мома
Обувь взялъ, на пальцы вздѣлъ,
Но боговъ изъ свѣтла дома
Купидонъ на все глядѣлъ.
Въ вѣтеръ быстрой превратился
Хитрый, маленькой божокъ,
И туда скорѣй пустился
Гдѣ кружился дурачокъ.
Лётомъ крадется мальчишка
Сквозь кадрильные кружки,
И срываетъ — о плутишка! —
Съ грубой лапы башмачки.
Но Психея.... носъ зажала;
Башмаковъ ужъ не взяла;
Новые лишь заказала,
А Вильмушку — прокляла.
Виля, Виля будь умнѣе!
Съ рѣзвомъ Момомъ не дружись,
Твой не впору Schuh Психѣе
Лучше-жъ босикомъ кружись! —

Неправосудіе.

Даману доказать хотѣлось
Что правосудье къ чорту дѣлось:
Плутягинъ подъ судомъ;

Хваталкинъ подъ кнутомъ;
Того колесовали,
Того въ Сибирь сослали;
А Клитъ Теласко сочинивъ
Живъ!

На переводъ поэмы: La religion.

Я дѣло доброе сегодня учинилъ,
И радъ тому не мало:
Какой то подъ угломъ продавецъ горько вылъ
И какъ ни выть? бумагъ для семги не достало
И не вчемъ продавать, товаръ межъ тѣмъ гніетъ
Утѣшься, я сказалъ, бѣды великой нѣтъ
Дамонъ поэму издаетъ

Виля Геркулесу, посвящая ему старыя свои штаны.

Алкидъ штанами пусть владѣетъ
Когда другихъ онъ не имѣетъ.
Сей богъ туда взойдетъ съ ногами, съ головой:
Въ сажень ихъ сшилъ портной.
Но молвить по просту, по руски,
Они... въ шагу мнѣ узки. —

Марфорій своему Зоилу.

Клитъ эпиграммами меня терзаетъ, душитъ
Скажите кстатили на брань мнѣ отвѣчать,
Чернилы по пусту съ бумагою терять,
Коль эпиграммою самъ на себя онъ служитъ?

На сочиненіе: Теласко.

Клитъ плачетъ и хлопочетъ
Что Цензоръ пропустить стиховъ его не хочетъ
Однако цензоръ правъ, и впрямъ
Чтобъ было.... право я придумать не умѣю.

Чтобъ было с публикой коль Авторъ самъ
Съ ума сошелъ надъ книгою своею

Новость.

Ахъ! знаешь-ли, Дамонъ? осьмое изъ чудесъ!
  На свѣтѣ совершилось.
Сей часъ къ Заикину случай меня занесъ,
  И чтожъ со мною тамъ случилось?
Я клитовы стихи увидѣлъ и дивлюсь!
  Какой примѣтенъ смыслъ и вкусъ!
Какая чистота, Гармонья, плавность, нѣжность!
Какой высокой духъ! приятная небрежность.
Прочелъ и въ радости души къ тебѣ лечу....
Ты удивляешься, плечами пожимаешь,
И вѣришь мнѣ и нѣтъ, и что сказать не
  знаешь......
  Дамонъ! вѣдь я шучу!

Хата поэта.

Клитъ хату сдѣлать приказалъ
Работникъ смастерилъ и Клита призываетъ
Но только Клита увидалъ
Какъ вдругъ завылъ и закричалъ:
Ай Батюшки! ай, ай, онъ головой сломаетъ!...

На новаго Лагарпа.

Скачите, Музы къ небесамъ,
Велите танцовать водамъ!
За перья!... ну теперь писать!...
Клитъ будетъ васъ критиковать!

Испытанье.

Хотѣлось мнѣ народъ однажды испытать;
  И кто не безъ затѣевъ?

Пошелъ нанять я стиходѣевъ,
Чтобъ кто нибудь взялся Клеону написать
Похвальну оду или слово.
Чтожь? сто даю рублей — никто не хочетъ брать.
Даю и тысячу — нѣтъ толку никакова.
Но только попросилъ сатиру написать,
Лишь вымолвилъ — и даромъ все готово.

Печатается впервые. Факсимиле стих. «Несчастие Клита» воспроизведено в «Вестнике Академии Наук СССР», 1931, № 7, стр. 49—50.

В. П. Гаевский в своей статье «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения»[1] сообщал: «Перед нами целая тетрадь стихотворений, написанных преимущественно на Кюхельбекера. Сборник этот: *Жертва Мому или Лицейская Антология* переписан в 1814 г. Пущиным. Большая часть этих стихотворений принадлежит Пушкину, но они не имеют никакого достоинства, и потому не приводим их». Из всего сборника В. П. Гаевский привел только стихотворение А. Д. Илличевского «Опровержение» («Нет, полно, мудрецы, обманывать вам свет»), указав на то, что оно было в переделанном виде напечатано Илличевским в *ВЕ* 1814 г. (ч. 1, XXVIII, ноябрь № 22, стр. 103) под псевдонимом: «ийший» и, приведя этот исправленный текст, опубликовал эпиграмму: «Несчастие Клита» («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...»), с таким пояснением: «Из помещенных в сборнике эпиграмм написаны на Кюхельбекера: *Надпись на конную статую пушкаря В. фон-Рекеблихера, Певец, Жалкий человек, Вопрос, О Дон-Кихоте, На случай, когда Виля на бале растерял свои башмаки, Виля Геркулесу, Хата поэта,* и некоторые другие с намеками не вполне понятными. Относительно лучшая из них следующая, написанная Пушкиным». Прямое утверждение В. П. Гаевского о принадлежности этой эпиграммы Пушкину не встретило каких-либо сомнений у издателей его сочинений, и она печаталась во всех изданиях сочинений Пушкина под 1814 г., начиная с издания Г. Н. Геннади и до издания В. Я. Брюсова 1920 г., со ссылкой на статью Гаевского и указанием на то, что лицейский сборник, бывший в его руках, не сохранился. То же указание мы находим и в труде К. Я. Грота[2] и в новейшем исследовании Н. В. Измайлова «Новый сборник лицейских стихотворений».[3]

В последней работе Н. В. Измайлов, описывая новый сборник лицейских стихотворений, поступивший в Пушкинский Дом Академии Наук в 1918 г., пишет: «Сборник, бывший в руках Гаевского, теперь, повиди-

---

[1] См. «Современник» 1863, XCVII, 146—148.
[2] «Пушкинский Лицей», СПб. 1911, стр. 141, прим.
[3] *СПД*, стр. 44—45.

мому, исчез. Но в нашем Сборнике мы находим целый отдел, носящий то же заглавие: «Жертва Мому или Лицейская Антология»; в нем содержатся все пьесы, поименованные Гаевским, и в том же порядке. Нет сомнения, что это тот же сборник, который Гаевский видел переписанным рукою Пущина, внесенный полностью в нашу тетрадь неизвестным составителем «Собрания». Таким образом восполняется значительный пробел в антологической лицейской поэзии раннего периода (если принять утверждение Гаевского, что сборник переписан в 1814 г.). К сожалению, туманное указание Гаевского, что «большая часть этих стихотворений принадлежит Пушкину», не позволяет делать никаких определенных выводов об авторах эпиграмм». Далее (на стр. 58—61) Измайлов приводит несколько стихотворений, еще на появлявшихся в печати, из отдела «Жертва Мому» описанного им лицейского сборника. Теперь мы имеем возможность ознакомиться с тем самым сборником «Жертва Мому», который был у Гаевского и так кратко описан им в «Современнике» 1863 г. Он обнаружен нами в Рукописном отделении Библиотеки Академии Наук СССР и поступил туда дополнительно из известной коллекции автографов В. И. Яковлева, от его вдовы, в 1927 г.[1]

Как выяснилось, он имеет исключительное значение уже по одному тому, что переписан весь от начала и до конца не рукою Пущина, как заявлял Гаевский, а рукою Пушкина.[2]

Сборник этот состоит из семи листов писчей бумаги в 8 д. л., без водяных знаков, и сшит от руки, лл. 13 и 14 — чистые. На л. 1 заглавие: «Жертва Мому или Лицейская Антология», и дата: «1814», с росчерком в виде круга вокруг даты; л. 1 об.— чистый.

Сборник открывается стихотворением «Нещастие Клита», вошедшим в издания сочинений Пушкина, без разночтений; далее находятся: «Надпись. На конную статую пушкаря В. фон-Рекеблихера» — приведено в статье Измайлова, на стр. 58, без разночтений. «Предназначение» публикуется впервые; «Игра слов» — публикуется впервые; «Певец» — напечатано впервые в книге К. Я. Грота «Пушкинский Лицей», СПб. 1911, стр. 219, в качестве «Национальной песни». «Опровержение» — напечатано впервые под именем А. Д. Илличевского в названной статье В. П. Гаевского, стр. 147—148; см. также Н. А. Гастфрейнд «Товарищи Пушкина», т. II, стр. 134 и *СПД*, стр. 49 и 61—62 примеч.; «Жалкий Человек» — печатается впервые. «Вопрос» — напечатано в *СПД*, стр. 59; «О Дон-Кишоте» — печатается впервые; «Новый Аполон» — напечатано там же стр. 59; «Англизирование» — печатается впервые; «На случай когда Виля на бале растерял свои башмаки» печатается впервые (ср. *СПД*, стр. 60 — 61); «Неправосудие» напечатано Я. К. Гротом в изд. «Сочинения Я. К

[1] Ныне хранится в *ИРЛИ* (№ 420). Автографы Пушкина из этой коллекции описаны В. И. Срезневским в *ПС* XXXVI, 1—7.

[2] См. заметку Л. Б. Модзалевского, «Новые автографы Пушкина» в «Вестнике Академии Наук» 1931, № 7, стр. 49—50.

Грота», т. III, СПб. 1901, стр. 245 второй пагинации; «На перевод поэмы La religion» — напечатано там же, стр. 245 (ср. *СПД*, стр. 50); «Виля Геркулесу, посвящая ему свои старые штаны» и «Марфорий своему Зоилу» — печатаются впервые; «На сочинение Теласко» — напечатано в *СПД*, стр. 60; «Новость», «Хата поэта» и «На нового Лагарпа» — печатаются впервые; «Испытание» — напечатано в *СПД*, стр. 60.

Рассматривая стихотворения, находящиеся в «Собрании Лицейских стихотворений», где впервые оказался отдел «Жертва Мому», Н. В. Измайлов писал: «Наиболее слабые эпиграммы принадлежат «Жертве Мому». Если верно свидетельство Гаевского, что это — почти все произведения Пушкина, то можно думать, что они принадлежат к самой ранней поре его творчества. Темы их узки и не выходят почти из рамок школьного зубоскальства, подчас — грубого, и большею частью — очень примитивного. Главный предмет насмешки — В. К. Кюхельбекер, Виля, Вильмушка, Клит; под последним именем он выступает на всем протяжении «Собрания». В нем осмеиваются не только умственные и душевные свойства его, поэтическое творчество, критические опыты, но даже наружность — неуклюжесть, неумение ловко носить костюм.., как видно, очень узкое, чисто «классное» острословие. — Некоторые из эпиграмм выражены в очень неуклюжей и малопонятной форме...»[1] С сказанным, конечно, нельзя не согласиться. Но после найденного автографа Пушкина «Жертва Мому» внимание исследователя сосредоточивается вокруг попытки определения авторства всего сборника «Жертва Мому». Прежде всего необходимо рассмотреть вопрос о том, какие из отдельных пьес этого сборника связывались с именем определенного автора и на чем эта связь была основана. Пушкину приписывается «Нещастие Клита».[2] А. Д. Илличевскому принадлежит пьеска «Опровержение». Остальные стихотворения анонимны. Авторство Илличевского в стихотворении «Опровержение» не подлежит сомнению. Авторство Пушкина в стихотворении «Нещастие Клита», основанное лишь на свидетельстве В. П. Гаевского, в последнее время подвергается сомнению.[3]

Н. В. Измайлов, печатая оглавление рассмотренного им «Сборника Лицейских стихотворений»,[4] просмотрел очень важный факт, имеющий первостепенное значение. Дело в том, что в этом сборнике на заглавном листе IV отдела непосредственно после слов «Жертва Мому или Лицейская Антология» написана еще прописная буква «П». Сопоставление найденного автографа Пушкина «Жертва Мому» с буквой «П» в «Сборнике Лицейских стихотворений» окончательно устанавливает связь первого со вторым, заключающуюся в том, что по рукописи Пушкина текст «Жертвы Мому» был вписан в «Сборник Лицейских стихотворений», и

---

[1] *СПД*, стр. 58.
[2] В *КН* и *ПГ* оно отнесено к отделу приписываемых Пушкину.
[3] См. *СПД*, стр. 49.
[4] Там же, стр. 36.

что у неизвестного нам по имени переписчика «Жертва Мому» отождествлялась с именем Пушкина, тем более, что при сличении того и другого текста никаких разночтений не оказалось. Таким образом устанавливается окончательно, что именно Пушкин и никто другой из его товарищей-лицеистов был составителем сборника «Жертва Мому». Отсюда вполне естественно высказать утверждение, что самое лучшее из стихотворений сборника, «Нещастие Клита», поставленное на первом месте, принадлежит именно Пушкину; оно должно включаться в основной текст собрания его сочинений. В. П. Гаевский, зная лично многих лицеистов, однокурсников Пушкина, и несомненно получивший об этом чье-либо авторитетное указание, очевидно, поэтому так определенно и заявил об авторстве Пушкина в стихотворении «Нещастие Клита». Очевидно также, что не напрасно он с той же определенностью утверждал, что «большая часть этих стихотворений», то есть находящихся в сборнике «Жертва Мому», принадлежит Пушкину. Они, действительно, «не имеют никакого достоинства», по выражению Гаевского, но если принять во внимание, что они могли быть писаны только в 1811—1813 гг. (сборник переписан в 1814 г.) и являются ранними поэтическими опытами Пушкина и других лицеистов, то от них, конечно, и нельзя ожидать большего. Один только гипноз гения Пушкина мешает несколько притти к такому выводу. Не располагая, однако, помимо высказанных фактов, никакими другими более точными, сейчас еще нельзя утверждать, какие именно из стихотворений нового сборника, помимо «Нещастия Клита», принадлежат Пушкину, и какие, помимо стихотворения А. Д. Илличевского «Опровержение», принадлежат другим поэтам-лицеистам. Вот почему высказанные соображения позволяют пока рассматривать текст автографа Пушкина «Жертва Мому» как результат коллективного творчества лицеистов, в котором несомненно большую долю участия принимал Пушкин.

2.

Возьмите мечь — онъ не достоинъ брани
Сорвите лавръ съ чела онъ страстью омраченъ
О Боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робкимъ узникомъ въ постыдной риньте плѣнъ
Я вашъ! и кто невоспылаетъ
Кому не пишется любовью приговоръ
Какъ черныя она рѣсницы подымаетъ
И страстью пышетъ взоръ,
Когда Харитой улыбнется
Или въ ночной тиши

Воздушнымъ призракомъ несется
Или надъ чувствами смѣется
Любовью полныя души.

О вы, что прелестьми гордитесь!
Не вамъ ужъ болѣе покорствуетъ любовь —
Вгляните [1] на нее — и сердцемъ содрогнитесь
Она владычица и смертныхъ и Боговъ.
Пускай Свирѣпой Марсъ стыдомъ меня стращаетъ,
И потрясая лавръ зоветъ меня къ боямъ....
Воспитанникъ побѣдъ прахъ ногъ ее лобзаетъ
И говоритъ прости торжественнымъ вѣнкамъ
Но кто сей юноша блаженный
Который будетъ пить дыханье воспаленно
На розовыхъ устахъ
Познаетъ млѣнье чувствъ въ потупленныхъ очахъ
И на груди ея воздремлетъ утомленной?.... —
Давыдовъ.

Копия стихотворения Дениса Давыдова, сделанная Пушкиным, входит в собрание автографов Пушкина в архиве кн. А. М. Горчакова (в *ГАФКЭ*) (см. *КА* XXXI, 156, где не указано, что копия писана Пушкиным).

Стихотворение написано на первой и второй (шесть строк) страницах согнутого полулиста синей писчей бумаги с водяным знаком «МОФЕБ». Подобной бумагой Пушкин пользовался в 1815—1816 гг.: на ней написаны стихотворения: «Воспоминания в Царском Селе» (вшито в тетрадь № 2395 *ЛБ*), «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных») и «Пирующие студенты» (автограф 1816 г.) (оба последние из лицейского собрания в *ИРЛИ*), а также дневник конца 1815 г. Вероятнее всего, датируется этот автограф 1815 г. — за это говорит еще и манера писать на четвертушках, и характерный для этого времени очень мелкий почерк. Таковы же автографы стих. 1814—1815 гг.: «Казак», «Послание к молодой актрисе» и «Пущину» («Любезный именинник») из собрания Академии Наук (в *ИРЛИ*), хотя и написанные на другой бумаге.

Текст стихотворения Дениса Давыдова в копии Пушкина дан в книге «Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений.» Ред. и прим. В. Н. Орлова», Л., Библиотека поэта, ⟨1933,⟩ стр. 243, в виде вариантов к основному тексту.

---

[1] *Описка вместо:* Взгляните.

Полностью текст автографа Пушкина печатается впервые.

В отдельном издании стихотворений Дениса Давыдова (1832 г.) первая Элегия («Возьмите меч») датирована 1814 г., копия Пушкина сделана, вероятно, в 1815 г., а впервые напечатано стихотворение было в 1821 г. (в газете «Реценвент», № 2). Таким образом в копии Пушкина мы имеем более раннюю редакцию, чем первопечатный текст, причем эта редакция является новостью, так как в ней есть отличия от самой ранней редакции, известной по автографу Дениса Давыдова (см. издание 1933 г., стр. 243). В новом виде, в окончательной редакции, Элегия вошла в издание 1832 г. стихотворений Дениса Давыдова.

Стихотворения Давыдова долго распространялись в списках. М. В. Юзефович вспоминал: «Раз я выразил ему сожаление, почему он до сих пор (это было в 1826 г.) не собрал и не издал своих стихотворений? — «Эх, братец, к чему? Ведь их и без того все знают наизусть» (*РА* 1874, II, 732).

Найденная в архиве Горчакова копия Пушкина с первой Элегией Дениса Давыдова — самый ранний документ интереса Пушкина к его поэзии.

Что привлекло юного поэта к этой Элегии? Конечно, не один пафос эротизма. Несомненно, Пушкин оценил и музыкальную игру вольного ямба. Денис Давыдов строил элегии свои на выразительной аритмичности разностопного ямба, и при сравнении трех редакций стихотворения «Возьмите меч» видна работа в организации его звучания. Известны не раз цитировавшиеся слова Пушкина о том, что «в молодости он старался подражать Денису Давыдову в кручении стиха и усвоил себе его манеру на всегда» (П. П. Вяземский, «Александр Сергеевич Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям, 1826—1837», СПб. 1880, стр. 71). Не следует ли под «кручением стиха» понимать пользование вольным ямбом? Пушкин всю жизвь обращался к этому свободному разнообразному ритму (см. статью Г. О. Винокура, «Вольные ямбы Пушкина», *ПС* XXXVIII—XXXIX, 23—36).

О Пушкине и Денисе Давыдове см. статью Бориса Садовского «Д. В. Давыдов», в книге его «Русская камена», М. 1910, нашу заметку «Давыдов Денис» в *КН* VI, 110—111, и заметку В. Н. Орлова в указанном Собрании стихотворений Давыдова, 1933 г., стр. 283—285.

3.

Прости, халатъ! товарищъ нѣги праздной,
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ!
Съ тобою зналъ я міръ однообразной
Но тихой міръ гдѣ свѣта блескъ и шумъ
Мнѣ въ забытьѣ не приходилъ на умъ.

Искуства жить недоученный школьникъ
На поприщѣ обычаевъ и модъ
Гдѣ прихоть Царь тиранитъ свой народъ
Кто не виляль? въ гостинной я невольникъ
Въ углу своемъ себѣ я господинъ
Свой мѣря ростъ не на чужой аршинъ
Какъ жалкой рабъ платящiй дань злодѣю
И день и ночь въ неволѣ изнурясь
Вкушаетъ рай отъ узъ освободясь
Такъ сдернувъ съ плечь гостинную ливрею
И съ ней ярмо взыскательной тщеты
Я оживалъ — когда одѣтъ халатомъ
Мирился вновь съ покинутымъ пенатомъ
Съ тобой меня чуждались суеты
Ласкали сны и няньчили мечты
У камелька гдѣ яркою струею
Алѣлъ огонь, вечернею порою[1]
Задумчивость, краснорѣчивый другъ
Живила сонъ моей глубокой лѣни
Минувшаго проснувшiяся тѣни
Въ прозрачной тьмѣ толпилися вокругъ
Иль въ будущемъ мечтаньемъ окрыленный
Я разсѣкалъ безвѣстности туманъ
Сближая даль жилъ въ жизни отдаленный
И съ истинной перемѣшавъ обманъ
Живописалъ воздушныхъ замковъ планъ
Какъ я въ твоемъ уступчивомъ уборѣ
Въ движеньяхъ былъ портнаго не рабомъ
Такъ мысль моя носилась на просторѣ
Съ надеждою и съ памятью въ троемъ

Текст стихотворения написан на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «УФЛП 1814», входящих в состав архива братьев Тургеневых (в *ИРЛИ*, № 478). Описание автографа (без воспроизведения текста) дано в издании журнала «Русский библиофил» — «А. С. Пушкин», 1911, стр. 9—10 и 24—25.

---

[1] *Было начато*: за⟨рею⟩.

Печатаемый впервые текст Пушкина представляет собою копию стихотворения кн. П. А. Вяземского «Прощание с халатом», впервые напечатанного в *СО* 1821, № 37, стр. 178—182, с датой: «С. Астафьево. 21 сентября 1817 года» (вошло в Полное собрание сочинений Вяземского, т. III, СПб. 1880, стр. 150—153).

Судя по почерку Пушкина, копия сделана им, вероятно, вскоре после написания стихотворения, во всяком случае до отъезда в мае 1820 г. из Петербурга. Таким образом, копия сделана Пушкиным с какого-то рукописного текста (автографа Вяземского?).

Из стихотворения, заключающего в себе сто двадцать стихов, Пушкиным списаны первые тридцать пять.

Отличия текста Пушкина от текста *СО* заключаются в пунктуации в правописании и одном варианте в 55 ст.: «съ памятью въ троемъ» вместо памятью втроемъ».

4.

Прости, халатъ, товарищъ нѣги праздной!
Досуговъ другъ, свидѣтель тайныхъ думъ!
Съ тобою зналъ я міръ однообразной
Но тихой міръ — гдѣ свѣта блескъ и шумъ
Мнѣ въ забытье не приходилъ на умъ.
Искуства жить недоученый школьникъ
На поприще обычаевъ и модъ
Гдѣ Прихоть-Царь тиранитъ свой народъ
Кто не вилялъ въ гостинной я невольникъ
Въ своемъ углу себѣ я Господинъ....

Текст стихотворения написан на листе в 4 д. л. золотообрезанной писчей бумаги с водяным знаком: «John Hayes 1803», хранящемся в *ИРЛИ* (№ 234), куда поступил от Н. О. Лернера, получившего автограф от потомков Е. П. Полторацкой. Автограф полностью воспроизведен факсимильно в статье Лернера «Пушкин и его юношеская любовь» в «Ниве» 1913, № 43, стр. 851—852. Печатается текст впервые.

Как и предыдущий, этот список, судя по почерку, сделан, вероятно, в конце 1817 г. Пушкин на этот раз списал лишь первые десять стихов, переставив в последнем стихе слова «В своем углу» вместо «В углу своем». Другие отличия текста Пушкина от печатного стихотворения Вяземского сводятся к пунктуации и правописанию.

Копия сделана Пушкиным для Екатерины Павловны Бакуниной (1795—1869), в 1834 г. вышедшей замуж за А. А. Полторацкого и в лицейские годы жизни поэта бывшей предметом его романтической любви.

5.

Je t'aime tant,
Je t'aime tant,
Je ne puis assez te le dire.
Je le répète cependant
A chaque instant, que je respire.

Перевод:

Я так люблю тебя,
Я так люблю тебя,
Я не устану твердить тебе об этом,
И всё же постоянно это повторяю
Каждый миг, доколе дышу.

Запись в тетради № 2364, л. 41_2 (верхом вниз), на странице, где беловой текст стихотворения «Счастлив, кто близ тебя, любовник упоенный». Запись сделана, вероятно, в 1818 г.

Впервые напечатано Якушкиным в *Я* III, 648, затем в *Ak* II, 66 без каких-либо объяснений. Н. О. Лернером в *В* II, 541 указано, что стихи — романс французского певца и композитора Жана-Пьера Гара (1764—1823). Как предположительно принадлежащее Пушкину, стихотворение ошибочно введено в *КН* I, 381 (в отдел «dubia»).

6.

Желанье

Ахъ! еслибъ мой милый былъ роза-цвѣтокъ
Его унесла бы я въ свой уголокъ
Его бъ посадила къ себѣ на окно
Съ нимъ сладкою бъ жизнью жилабъ за одно

———

Къ нему вѣтерочикъ въ окно бы влеталъ
Мнѣ запахъ бы свѣжій на грудь навѣвалъ
Жила бъ я, дыханьемъ цвѣточка дыша
И съ нимъ бы въ лобзаньяхъ сливалась душа

———

Рукою Пушкина.

Его бы и ранней и поздней порой
Лелѣя поила струей ключевой
Ко мнѣ прилипая младые листы
Шептали бъ: я милый, а милая ты

Не сѣла бы пчелка на милый мнѣ цвѣтъ
Я ей бы сказала: здѣсь меду вамъ нѣтъ —
Для пчелки-летуньи есть шелковой [цвѣтъ] лугъ
Моимъ безъ раздѣла останься мой другъ

А еслибъ Сильфиды слѣтѣлись толпой
Къ нему любоваться его красотой
Онѣ бы шепнули лаская листы
Мы любимъ что мило, мы любимъ какъ ты.

Тогдабъ встрѣпенулся мой нѣжный цвѣтокъ
Спорхнулъ бы съ цвѣточка румяный листокъ
Къ моей бы горячей ланитѣ присталъ
И пурпурнымъ жаромъ на ней запылалъ

Родная спросила бъ: что другъ мой съ тобой?
Ты вся разгорѣлась какъ день молодой [?]
Родная, родная сказала бы я
Мнѣ въ душу свой запахъ льетъ роза моя

Жуковскій

Печатается по рукописи Пушкина, хранящейся в *ИРЛИ* (№ 310) из собрания Шляпкина; подлинник писан на листе писчей бумаги в 4 д. л., с водяным знаком: висячий рог в картуше в орнаментальной рамке; почерк ранний: 1817—1818 гг. Об этом стихотворении Жуковского, как о «прелести», Пушкин упоминает в письме к нему от конца мая — начала июня 1825 г. из Михайловского (см. *П* I, 134, 446).

Текст впервые, как автограф В. А. Жуковского (sic!), напечатан с небольшим комментарием И. А. Шляпкиным в издании журнала «Русский Библиофил» — «В. А. Жуковский», ⟨1913 г.⟩, стр. 38—39.

7.

L'amant que j'adore
prêt à me quitter
D'un instant encore
voulait profiter
felicité vaine

Перевод:

Возлюбленный, которого я обожаю,
готовый покинуть меня,
еще мгновением
хотел воспользоваться;
тщетное блаженство!

Написано на *л.* 5_1 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, № 42, стр. 20). На этой же странице черновой набросок стихотворения «Мне вас не жаль, года весны моей», датированный: «1820. Юрзуф 20 сентября». Предположительно датируем и запись этим временем. Печатается впервые.

Запись представляет собою, вероятно, стихи французской песенки

8.

Ed ella a me: nessun magior dolore
che ricodarsi del tempo felice
nella miseria.

Перевод:

И она мне: нет сильнее скорби
Как воспоминание о днях блаженства
Во время печали.

Написано на *л.* 4_1 тетради, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, № 42, стр. 20). Текст этот следует непосредственно за концовкой эпилога «Руслана и Людмилы», датированного здесь 26 июля 1820 г. Очень похожий почерк этих двух записей позволяет предположительно датировать и итальянскую запись этим временем, и, во всяком случае, не позднее 8 февраля 1821 г., так как датированные так стихи «Увы зачем она блистает» обходят прежде написанные итальянские строчки. Как указано Л. Б. Модзалевским в *РП*, № 42, стр. 20, текст является выпиской из Дантова «Ада». Стихи взяты из V песни (стихи 121—123).

Впервые напечатан этот текст (в неправильном чтении) в «Сборнике снимков с автографов русских деятелей 1801—1825», изд. ред. «Русской

Старины» и Ф. К. Опочинина. СПб. 1873, стр. 52, где дано и факсимильное воспроизведение автографа (табл. 42, № 92 bis).

Это одна из самых ранних записей Пушкина на итальянском языке, чем объясняется ошибка его: «magior» с одним g; второе — «ricodarsi» вместо «ricordarci» — можно считать опиской. Предыдущую терцину Пушкин предполагал взять эпиграфом к четвертой главе «Евгения Онегина» (в беловой рукописи *ПБЛ*). Выписка этих слов из Данте очень значительна в применении к Пушкину; она показывает его душевное состояние в первые месяцы высылки из Петербурга.

О Пушкине и Данте см. статью акад. М. Н. Розанова в *ПС* XXXVII, стр. 11—41.

9.

Просинецъ
Сѣчень
Сухій
Березозолъ
Травный
Изокъ
Червенъ
Заревъ
Рюенъ
Листопадъ
Груденъ
Студеный

Запись сделана в той же записной книжке (л. 39_2), где и предыдущая выписка (см. *РП*, № 42, стр. 21). Печатается впервые.

На странице с этой записью находится план «Кавказского пленника», почему и возможно запись датировать предположительно второй половиной 1820 г. Запись представляет собою названия месяцев года, начиная с января, у древних славян; названия выписаны из гл. III, т. I «Истории государства российского» Карамзина.

10.

ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
s'eveilloit......

André Chénier.

Перевод:

Но хоть и был я печальным пленником, всё же моя лира пробуждалась.

Андрей Шенье.

Написано в тетради № 2367, на внутренней стороне передней крышки переплета. Тетрадь была заведена Пушкиным для беловых текстов лирических стихотворений. Стихи из стихотворения «Jeune captive» («Узница») Шенье написаны как эпиграф к этой рукописной антологии. Впоследствии Пушкин взял их как эпиграф к стихотворению «Андрей Шенье» (1825 г.).

Первое стихотворение, переписанное в тетради № 2367, «Нереида», написано в конце ноября-декабря 1820 г. Следовательно, тетрадь стала заполняться не раньше этого времени. С другой стороны, тут же на внутренней стороне передней крышки переплета имеется список стихотворений так же, как и стихи Шенье, датируемый, вероятно, второй половиной апреля 1821 г. (см. стр. 273). Так как список стихотворений внесен сюда, конечно, после эпиграфа, то последний, так же как и начало пользования этой тетрадью, нужно отнести к концу ноября 1820 г. — второй половине апреля 1821 г.

Впервые напечатано у *Я* V, 338.

11.

Revue encyclop.
fevrier 1821
Petersbourg

Un ouvrage, publié dernierement dans cette ville, a fixé l'attention de tous les amis des lettres; c'est un poëme Romantique en dix chants intitulé: Rouslan et ludmila.

Son auteur M. Pouchkin, ancien élève du Lycée de Tzarskoe selo, et attaché dans ce moment au gouverneur general de la Bessarabie, n'a guère que 22 ans. le poëme est tiré des contes nationaux du temps du Grand prince Vladimir; il est rempli de beautés du premier ordre; le style est tantot énergique et tantot gracieux mais toujours élegant et pure et fait concevoir de son jeune auteur les plus grandes esperances.

Перевод:

Энциклопед. обозрение

февраль 1821

Петербург

Недавно изданное в нашем городе произведение привлекло внимание всех друзей словесности; это романтическая поэма в 10 песнях, озаглавленная «Руслан и Людмила».

Автору ее, г. Пушкину, бывшему воспитаннику Царскосельского Лицея, ныне состоящему при генерал-губернаторе Бессарабии, всего 22 года. Эта поэма составлена из народных сказок времени великого князя Владимира. Она полна первостепенных красот; язык ее, то энергический, то грациозный, но всегда изящный и ясный, заставляет возлагать самые большие надежды на молодого автора.

Написано в тетради № 2366, л. 1. Выписка эта расположена ниже перечня лиц, которым нужно послать письма (см. стр. 294). Ее можно датировать концом апреля-началом мая 1822 г., как и этот список. Печатается впервые.

Revue encyclopédique (Энциклопедическое обозрение) — периодическое издание, выходившее в Париже в 1819—1835 гг. и заключавшее в себе обширный отдел иностранной корреспонденции. Хроника петербургской культурной жизни велась, несомненно, русским, бывшим в курсе литературной жизни столицы.

Указание, что в «Руслане и Людмиле» десять (dix) песен — очевидно опечатка, вместо six (шесть). Пушкин обратил на это внимание и подчеркнул слово «dix».

Сделанная Пушкиным выписка о себе интересна тем, что в ней впервые даны биографические сведения о нем. В «Опыте краткой истории русской литературы» Греча, вышедшем в 1822 г., по сравнению с тем, что дано в «Revue encyclopédique», ничего нового нет.

12.

Le plus ancien des poëmes romantiques est: Buovo d'Antona nel qual si tratta delle gran' battaglie e fatti che lui fece, con la sua morte etc in ottava rima, 1489 Venezia.

Le heros est Beuves d'Antone descendant de constantin, et bisaïeul de Milon d'Anglante, père de Roland. Brandonie, mère de Beuves fait assassiner Guidon son mari, duc d'Antone, par Dudon

de Mayence qu'elle epouse. Le jeune Beuves s'enfuit sous la conduite de Sinibalde, son père nourricier et de Thierry son fils — il tombe, Dudon l'enleve; le reste comme dans le conte russe.

Beuves, à la cour du roi d'Armenie devient amoureux de Drusiane un tournoi est ouvert — Beuves est vainqueur de ses rivaux — un fils du Soudan de Boldraque, attaque le roi d'Armenie, le fait prisonnier — mais Beuves le replace sur le trône et tue le fils du S. ne pouvant obtenir Drusiane il fuit avec elle — après grand' nombre d'aventures Drusiane accouche de deux jumaux et suit son epoux — ils rencontrent enfin Thierry et sa troupe — retourne a Antone blesse dans un combat Dudon puis se présente au palais déguisé en medecin, tire de dessous sa robe son épée — et le force à fuir (pourquoi ne pas le tuer?) en attendant il fait murer sa mère a l'eception de le tête elle meurt un an après — Beuves la fit ensevelir richement dit le poëte. — Dudon réfugié chez Pepin — Beuves le poursuit tue les mayencois, prend le roi pepin tue le traitre Dudon, le fait ecarteler, et remet Pepin sur le trône — pendant cette guerre le roi le prenant pour un diable envoye son chapelain pour l'exorciser; Beuves le poursuit a coups de paumeau d'epée — et lui demontre qu'il est fait de chair et d'os.

Beuves, en Sardaigne se bat encore contre les Sarrasins — il en tue une partie et convertit l'autre — en attendant Antone est assiegé — Beuves fait lever le siege et ensuite celui de Paris — de là il passe en Hongrie tue et baptise (toujours les Sarrasins)

il revient enfin à Antone après d'autres grandes avantures en Europe et en Asie — mais il perd Drusiane, et lui même est assassiné dans une eglise par un assassin, soudoyé par Raymond de Mayence — ancêtre de Ganelon —

Qu'est-ce qu'Antone? le roman des Reali di Francia la place en Angleterre, près de Londres et dit qu'elle fut fondée par Bovet, aïeul de Бова (c'est probable) il paroit par un passage de l'Arioste qu'Antone etoit un port de mer en Angleterre — le poëme fut composé quelque temps avant 1348, époque où mourut l'historien Villani qui en fait mention (donc le conte est de la 1re moitié du 14me siècle)

(extrait de Giguené[1])

---

[1] *Описка, вместо:* Ginguené.

Перевод:

Самой старой из романтических поэм является: «Буово из Антоны, где говорится о больших битвах, в коих он участвовал, и деяниях, им совершонных, вместе с его смертию и проч., в рифмованных октавах. 1489, Венеция».

Герой ее — Бёв из Антоны, потомок Константина и прадед Милона Англантского, отца Роланда. Брандония, мать Бёва, заставляет Дюдона Майенцкого убить мужа ее, Гидона, герцога Антоны, и выходит за Дюдона замуж. Молодой Бёв бежит, руководимый Синнибальдом, мужем своей кормилицы, и сыном последнего — Тьерри. Он падает ⟨с лошади⟩; остальное как в русской сказке.

Бёв при дворе армянского царя влюбляется в Друзиану. Объявляется турнир. Бёв — победитель своих соперников. Сын судана Болдракского нападает на царя армянского и берет его в плен, но Бёв возвращает ему престол и убивает сына судана. Не имея возможности добиться Друзианы, он бежит с ней. После целого ряда приключений Друзиана родит близнецов и следует за своим супругом. Наконец они встречают Тьерри и его отряд. Возвращается в Антону. Ранит в сражении Дюдона, затем является во дворец, переодетый врачом, обнажает выхваченный из-под платья меч и обращает его ⟨Дюдона⟩ в бегство (почему не убить его?). Тем временем он замуровывает свою мать, оставив ей свободной одну голову; она умирает год спустя. «Бёв богато ее похоронил», говорит поэт. Дюдон, укрывающийся у Пипина, Бёв преследует его, убивает жителей Майенцы, захватывает короля Пипина, убивает предателя Дюдона, велит его четвертовать и возвращает Пипину престол. Во время этой войны король, принимая Бёва за чорта, посылает своего капеллана, чтобы изгнать из него духа. Бёв преследует капеллана ударами рукоятки меча и доказывает ему, что сделан из плоти и костей.

В Сардинии Бёв сражается еще против Саррацинов. Часть их он убивает, часть обращает в христианство. Тем временем Антона подвергается осаде. Бёв заставляет снять осаду ⟨с Антоны⟩, а затем и осаду с Парижа.

Оттуда он переходит в Венгрию, убивает и крестит (всё Саррацинов).

Он возвращается наконец в Антону после новых больших приключений в Европе и Азии. Но он теряет Друзиану, сам же он убит в церкви убийцей, подкупленным Раймондом Майенцким, предком Ганелона.

Что такое Антона? Роман Реали ди Франчиа помещает ее в Англию, близ Лондона, и говорит, что она была основана Бове,

предком Бовы (это вероятно). Судя по одному отрывку из Ариоста, Антона была морским портом в Англии. Поэма сочинена немного ранее 1348 года, когда умер историк Виллани, который ее упоминает (таким образом сказка относится к 1-й половине 14 века).

(извлечение из Женгенэ.)

Написано в тетради № 2366, лл. 31_1—33_1. Датируется июнем 1822 г., так как на обороте имеется дата: «30 июня», а год выводится из сопоставления с окружающими датами.

У *Я* V, 335 дан лишь первый абзац и два замечания Пушкина. Весь текст выписки Пушкина нами печатается впервые.

Текст Пушкина является, как он сам называет, «Extrait», то есть не простой цитатой, а пересказом из «Histoire littéraire d'Italie par P. L. Ginguené», tome IV, deuxième partie, chap. IV, pp. 167—183. Paris, 1812 (Женгенэ, «История италианской литературы», Париж, 1812, том IV, вторая часть, гл. IV, стр. 167—183).

Пересказ Пушкина снабжен тремя попутными замечаниями его. Пушкин передает фабулу эпического романа «Buovo d'Antona» («Буово из Антоны»), точный заголовок которого взял из сноски этой главы. Пушкиным опущена даваемая в начале главы IV общая характеристика персонажей эпических романов, перечень главнейших героев таковых, характеристика авантюр этих героев и оценка октав, которыми разбираемая поэма написана.

При изложении содержания опущены упоминания о сне, который видит Дюдон, об опасности, грозящей ему от мальчика-пасынка Бёва, и о вызванном этим сном намерении матери Бёва отравить сына. Пропущено далее описание второго бегства мальчика и эпизод с купцами, продающими его в Армению. Вся эта часть у Пушкина заменена словами: «le reste comme dans le conte russe» («остальное, как в русской сказке»). Далее в рассказе о бегстве Бёва с дочерью армянского царя Друзианой опущен пересказ его подвигов (сражение с великанами, львами, змеями, медведями). В дальнейшем изложении, после эпизода со священником, опущена оценка невысоких художественных достоинств романа, сделанная Женгенэ. После рассказа об обращении сарразинов в христианство опущен юмористический отзыв о христианских чувствах героя, проявившего такую варварскую жестокость в расправе с матерью, и после описания конца Бёва и Друзианы — сравнение его по жестокости с Агамемноном. В следующей части, дающей историко-географическую справку об Антоне, к словам автора: «elle fut fondée par Bovet» («она была основана Бове») Пушкин добавляет «aïlleul de Bova, (c'est probable)» («предком Бовы, это вероятно»). На датировке поэмы выписка кончается.

Женгенэ — Пьер-Луи (Ginguené) (1748—1816) — французский поэт, музыкальный и литературный критик. Автор «Истории итальянской литера-

туры» (Histoire littéraire d'Italie), выходившей с 1811 г. по 1816 гг. Три последних тома после смерти автора закончены Франческо Сальфи (1759—1832) и изданы в 1819 г. Второе, дополненное издание сочинения вышло в 1833 г. (10 томов in 8°). В библиотеке Пушкина [1] находился экземпляр, «Ginguené P. L. Histoire littéraire d' Italie, Paris MDCCCXI—MDCCCXIX 8° vol. I, III, IV, VI, VII, VIII et IX». Здесь же приложена «Histoire littéraire d'Italie de P. L. Ginguené... continuée par F. Salfi, tome dixième. Paris› MDCCCXXIII».

Извлечения эти Пушкин сделал, интересуясь сюжетом Бовы. Его замечания указывают на хорошее знание русской лубочной сказки, сюжетом которой он еще воспользовался в Лицее, но, не окончив Бову, уступил этот сюжет Батюшкову. Летом 1822 г. у Пушкина был подъем интереса к фольклору и в связи с этим возврат к теме Бовы. На следующей странице окончания этой выписки Пушкин стал вновь писать стихами «Бову», но после трех начал бросил. Два же плана предполагаемой поэмы, написанные тогда же, сохранились в Майковском собрании (опубликованы в *КН* III, 263—264). О Buovo d'Antona Пушкин упоминает в письме к Вяземскому от 25 мая 1825 г. Третье творческое возвращение к теме Бовы было у Пушкина в 1834 г., когда он замышлял написать сказку о Бове, след чего в виде плана и двух стихов остался в рукописи, опубликованной в III выпуске «Трудов Библиотеки СССР имени Ленина», «Academia», 1934, стр. 24—25 и 26—27.

13.

Руссо сказалъ: il n'y a de beau que ce qui n'est pas. [2] Это не значитъ: только то, что не существуетъ. Прекрасное существуетъ, но его нѣтъ, ибо оно является намъ единственно для того, чтобы изчезнуть, чтобы намъ сказаться, чтобы намъ оживить, обновить душу; но его ни удержать, ни разглядѣть, ни постигнуть мы не можемъ. Оно не имѣетъ ни имени, ни образа; оно посѣщаетъ насъ въ лучшія минуты житія. Величественное зрѣлище природы, еще болѣе величественное зрѣлище души человѣческой, поэзія, Счастье, Нещастіе даютъ намъ сіи высокія ощущенія прекраснаго — И весьма понятно, почему почти всегда соединяется съ ними грусть.... Но грусть не приводящая въ уныніе, а животворная, сладкая; какое-то смутное стремленіе.... Это происходитъ отъ его скоротечности, отъ его невырази-

[1] См. *ПС* IX—X, № 494.

[2] Прекрасно только то, чего нет.

мости, отъ его непостижимости.... прекрасно только то, чего нѣтъ. Въ эти минуты живаго чувства, стремишься не къ тому, чѣмъ оно произведено и что передъ тобою,—но къ чему-то лучшему, тайному, далекому, что́ съ нимъ соединяется и что для тебя гдѣ-то существуетъ. И это стремленіе есть одно изъ невыразимыхъ доказательствъ безсмертія души: иначе отъ чего бы въ минуту наслажденія не имѣть полноты и ясности наслажденія? Нѣтъ, эта грусть убѣдительно говоритъ намъ, что прекрасное здѣсь не дома, что оно только мимо пролетающій благовѣститель лучшаго.... оно есть восхитительная тоска по отчизнѣ, оно дѣйствуетъ на нашу душу не настоящимъ, а темнымъ въ одно мгновеніе соединеннымъ воспоминаніемъ всего прекраснаго въ прошедшемъ и тайнымъ ожиданіемъ чего-то въ будущемъ.

А когда насъ покидаетъ
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду —

Текст написан на двух сторонах листа размером в большую четвертку бумаги верже, вклеенного в составленную жандармами тетрадь № 2387 А (л. 52). Почерк начала 1820-х годов.

Текст представляет собою копию с неизвестного (рукописного) подлинника примечания В. А. Жуковского к своему стихотворению «Лалла Рук». Это стихотворение 1821 г. было впервые напечатано без примечания в «Московском Телеграфе» 1827 г., часть XIV, № 5, стр. 3—5.

Что касается «примечания», то оно известно в четырех редакциях, правда, мало чем отличающихся друг от друга. Первой редакцией является текст, находящийся в письме Жуковского из Берлина к А. И. Тургеневу от 7/19 февраля 1821 г., впервые напечатанном М. Л. Гофманом в его книге «Le musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris. Notice, catalogue et extraits de quelques manuscrits». Paris, 1926, pp. 153—156. Другая редакция была вписана Жуковским в альбом кн. Е. Н. Мещерской, рожд. Карамзиной. Этот текст был опубликован Б. Л. Модзалевским в «Русском Библиофиле» 1916 г., кн. 6, стр. 77—78. Эту редакцию дает и текст списанный Пушкиным. Отличия последнего текста от текста, вписанного, Жуковским в альбом Мещерской, заключаются, во-первых, в том, что у Пушкина текст короче, чем у Жуковского: первый кончается на стихе: «Он прощальную звезду»; у Жуковского после этого идет еще абзац прозаического текста; во-вторых, в тексте Пушкина нет слов: «и чего

в нем нет», после слов: «что с ним соединяется»; в-третьих, в тексте Пушкина в трех словах есть незначительные отличия от текста Жуковского.

Третья редакция «примечания» впервые была напечатана П. А. Ефремовым по рукописи Жуковского (в *ПБЛ*) в седьмом издании собрания сочинений Жуковского, 1878 г. (т. II, стр. 327—328). Здесь текст имеет в конце дату: «1821. 6/18 марта. Берлин». Но еще за тридцать лет до публикации Ефремова сам Жуковский напечатал в «Москвитянине» 1848, № 4, стр. 11—26, свое письмо к Н. В. Гоголю, где писал: «Я позволю себе здесь повторить то, что было мною сказано в другом месте: „Руссо говорит....“». Дальше Жуковский привел свое «примечание» к стихотворению «Лалла Рук». Текст в этой автоцитате не совпадает ни с одним из других текстов. Ничего этого не знавший, Якушкин в своем описании рукописей Пушкина напечатал рассуждение Жуковского в копии Пушкина как сочинение последнего (см. *Я* XII, 553—554). На эту ошибку Якушкина скоро указал А. Филонов в «Новом Времени» 1884, № 3174, от 29 декабря, приведший в своей заметке отрывок из письма Жуковского к Гоголю. В ответной заметке Якушкин признал свою ошибку, указав, с своей стороны, что более ранним текстом рассуждения, чем письмо к Гоголю, является текст примечания к стихотворению «Лалла Рук» (см. обложку апрельской книжки *PC* 1885).

Во второй раз как сочинение Пушкина напечатал рассуждение Жуковского М. О. Гершензон в 1919 г. в своей книге «Мудрость Пушкина». Узнав о своей ошибке до того времени, как экземпляры книги были разосланы по магазинам, Гершензон в части их изъял страницы со «скрижалью Пушкина», как было названо в книге рассуждение Жуковского. Тем не менее в заметках П. Е. Щеголева («Книга и Революция», 1920, № 2, стр. 57—60; перепечатано в *ЩП*[2]) и Н. О. Лернера (там же, 1921, № 1, стр. 81) еще раз было доказано, что запись Пушкина в тетради № 2387 — копия произведения Жуковского.

14.

⟨1⟩ Сей день есть день суда и мщенья
Сей грозн⟨ой⟩ де⟨нь⟩ землѣ яв⟨илъ⟩
Неп⟨обѣдимость Провидѣнья)
И силы горд. сопр

⟨2⟩ Гдѣ тотъ предъ кѣмъ гроза не смѣла
Валовъ покорныхъ воздымать
Когда ладья его летѣла
Съ Форту⟨ной⟩ къ берегу при⟨стать⟩

⟨3⟩ Къ стопамъ рабовъ бросалъ онъ троны:
Срывалъ съ Царей Красу Порфиръ
Сдвигалъ народы въ легіоны
И мыслилъ весь граб⟨ить⟩ м⟨іръ⟩

⟨4⟩ И гдѣ онъ —

⟨5⟩ И все что рушилъ онъ — Природа
Уже красою облекла
И по слѣдамъ его Свобода
жизни
Съ дарами [Лести] протекла

⟨6⟩ И честь тому кто вѣрный Чести
мечь свой посвятилъ
Свободѣ [,] [Мужествомъ] [служилъ]
Кто въ грозную мину⟨ту⟩ мести
Лишь благодатью отомстилъ

⟨7⟩ Такъ честь тому — и миръ Вселенной
И Царскія въ вѣнцахъ Главы
И блескъ Лютеціи спасенной
И прахъ низринутой Москвы

⟨8⟩ Объ немъ молитва А⟨льбіона⟩
Одна съ сын⟨овъ⟩ [1]

Написано в тетради № 2370, л. 8_1. Типичная для Пушкина мнемоническая запись стихотворения, когда он само собою разумеющиеся слова, а иногда и целые стихи, заменял волнистой чертой.

Судя по тому, что на следующей странице (л. 8_2) находится черновик письма Пушкина к А. И. Казначееву, датируемого по содержанию началом июня 1824 г., и комментируемая запись сделана в это время. [2]

[1] *Последние две строки написаны на полях и между строк:* Уже красою облекла.... С дарами жизни протекла *из 5-й строфы.*

[2] Тетрадь № 2370 заполнялась последовательно страница за страницей, как уже отметил С. М. Бонди (см. его книгу «Новые страницы Пушкина», М. 1931, стр. 157 и 171).

Пушкин по памяти записал стихотворение Жуковского «Стихи, петые на празднестве английского посла, лорда Каткарта, в присутствии е. и. величества», впервые напечатанное в *СО* 1816, № 14, стр. 68—69, с таким примечанием: «Сей великолепный праздник дан был ныне 28 марта в день падения и отречения Бонапартова за два года перед сим. Все генералы, участвовавшие в той знаменитой кампании, были приглашены к оному».

Текст, записанный Пушкиным, совпадает с текстом «Сына Отечества», кроме следующих мест:

1 строфа, 4 стих	в *СО*:	И гордыхъ силу пристыдилъ
»	у Пушкина:	И силы горд. сопр
4 строфа	в *СО*:	И гдѣ онъ?.....Міръ его не знаетъ! Забытъ разбитый истуканъ! Лишь предъ изгнанникомъ зіяетъ Неумолимый Океанъ
4	у Пушкина:	И гдѣ онъ —
7	1 ст. в *СО*:	Такъ честь Ему; и миръ вселенной
	у Пушкина:	Такъ честь тому — и миръ Вселенной
8	в *СО*:	Объ немъ молитва Альбіона Одна съ сыновъ Его мольбой: «Чтобъ долго былъ красою трона, И человѣчества красой»
	у Пушкина:	Объ немъ молитва А Одна съ сын

Стихотворение Жуковского припомнилось Пушкину в связи с только что написанными собственными стихами о Наполеоне. На предыдущем листе тетради (л. 7_1) имеется черновой текст стихотворения «Зачем ты послан был».

Впервые пушкинская запись стихотворения Жуковского была напечатана П. В. Анненковым (*А* VII, 36 первой пагинации), принявшим запись за стихи самого Пушкина и назвавшим их: «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I». Анненков опустил первую, едва намеченную Пушкиным четвертую, седьмую и восьмую строфы. Кроме того некоторые слова Анненков прочел неправильно и, наконец, принужден был, по цензурным требованиям, исключить слово «царей» (во втором стихе III строфы). Таким образом, в этой публикации запись появилась в чрезвычайно искаженном виде.

На то, что пушкинская запись является не стихами Пушкина, а Жуковского, указал П. А. Ефремов в седьмом издании сочинений Жуковского, 1878 г. (т. II, стр. 491), давший на основании неправильной публикации Анненкова варианты к стихотворению Жуковского. Якушкин (в *Я* VII, 3) текста записи не дал, лишь невразумительно описав его.

15.

Подражаніе Аріосту.

(La virginella e simile alla rosa [1]
Дѣвица юная подобна розѣ нѣжной
Взлѣлѣянной весной подъ сѣнію надежной
Ни стадо алчное, ни взоры пастуховъ
Не знаютъ тайнаго сокровища [бог] луговъ
Но вѣтеръ сладостный но рощи благовонны
Земля и небеса прекрасной благосклонны.

См. примечание к следующей записи.

16.

Къ N N

Среди трудовъ и важныхъ Музъ,
Среди учености всемирной,
Ты не утратилъ нѣжной вкусъ
Еще ты любишь голосъ лирный
Еще въ душѣ твоей огонь
И сердце наслажденій проситъ
И Аполлоновъ борзый конь
Отъ Музъ тебя въ Киѳеру носитъ.
Отъ пепла древняго Аѳинъ,
Отъ гордыхъ памятниковъ Рима
До стѣнъ Пальмира и Солима
Умомъ ты міра гражданинъ
Ты любишь отдыхать съ Эратой
Разнообразной и живой
И насъ уносишь за собой
Въ міры Фантазіи крылатой
Тебѣ легко, ты награжденъ,
Благословленъ, взлелѣянъ Фебомъ
Подъ сумрачнымъ родился небомъ
Но будто въ Аттикѣ рожденъ.

---

[1] Девушка подобна розе.

Автограф Пушкина находится в Остафьевском архиве Вяземских (в *ГАФКЭ*).

Текст обоих стихотворений К. Н. Батюшкова написан на обороте пятого листа сшитых шести листов in f° (12 страниц). На первых девяти страницах находится текст всей второй главы «Евгения Онегина», написанный рукой Пушкина. После текста «Евгения Онегина» идет записка Льву Сергеевичу: «Доставь это Вяземскому, повторив просьбы, чтоб он никому не показывал да и сам [ничего] не пакости — ».

После этой записки без каких-либо пояснений написан текст двух стихотворений Батюшкова, после чего, — опять-таки без пояснений, — текст «Оды Его Сиятельству Гр. Дм. Ив. Хвостову».

В 20-х числах апреля (до 26-го) 1825 г. Пушкин писал Вяземскому: «Дельвиг у меня. Через него пересылаю тебе 2 главу Онегина (тебе единственно и только для тебя переписанного)». Здесь речь идет об описанной рукописи, которую 28 апреля Дельвиг привез в Петербург, и которую Вяземский получил в первых числах июня.[1]

Стихотворения Батюшкова, неизвестно с какого оригинала списанные Пушкиным, Дельвиг взял себе для помещения в издаваемых им «Северных цветах на 1826 г.». Здесь оба стихотворения и были впервые напечатаны. Текст стихотворения «Подражание Ариосту», в автографе Батюшкова неизвестный, в «Северных цветах» ничем не отличается от текста копии Пушкина. Текст стихотворения «Къ NN» по автографу Батюшкова (посвящение С. С. Уварову, написанное на экземпляре «Опытов в стихах и прозе Батюшкова», изд. 1817 г.) был впервые напечатан М. П. Погодиным в «Москвитянине» 1841 г., ч. V. Этот текст по сравнению с текстом копии Пушкина дает другую редакцию стихотворения. Текст же «Северных Цветов» имеет только одно разночтение [с текстом пушкинской копии. В последней 9 стих читается: «От пепла древнего Афин», а в «Северных Цветах» — «От древней Спарты до Афин».

Текст копии Пушкина стихотворений К. Н. Батюшкова печатается впервые.

17.

On a admiré le [Phi] Cynique qui marcha devant celui qui niait le mouvement — le soleil fait tous les jours la même chose que Dioguène mais ne persuade personne —

Перевод:

Восхищались [Фи] Циником, который ходил перед тем, кто отрицал движение — солнце ежедневно совершает то же, что Диоген, но никого не убеждает.

---

[1] См. письмо Вяземского к Пушкину от 7 июня 1825 г. в *АП* I, № 169.

Автограф из Шляпкинского собрания (в *ИРЛИ*, № 259). Текст написан на четвертке грубой писчей бумаги; на обороте листка написано стихотворение «Всё в жертву памяти твоей», датированное здесь: «Триг. 23. Тригорск. 22. 1825». На листке — жандармская помета: «45».

Впервые напечатано Анненковым (*А* I, 272), с объяснением: «На обороте листка с незаконченным стихотворением читаем: «On a admiré...». Эта мысль породила небольшое стихотворение «Движение». Неправильно поняв Анненкова, Морозов (*М*[1] I, 354) к стихотворению «Движение» сделал неверное примечание: «К этому стихотворению Пушкин сделал следующую приписку, которая и послужила для него темою: „On a admiré...“». Поверив Морозову и ссылаясь на него, Шляпкин, описывая комментируемую запись своего собрания (*Ш*, 3), добавляет: «Эта приписка повторяется и в рукописи стихотворения „Движение“».

Выписку Пушкина из неизвестного французского автора нужно датировать 1825 г.; так датировано стихотворение на обороте этого листка, и в этом же году было написано порожденное этой записью стихотворение.

18.

Le duc de Saxe en mourant laissa [son] l' Empereur Othon, son frère, tuteur de ses trois enfants, avec pouvoir de donner le duché au plus digne. Berald devint le favori & le confident de l'Empereur & le Joconde de la cour. Othon le chargea d'aller en Arragon pour y épouser en son nom la Princesse Marianne: en attendant l' Emp. fesoit la cour à Cunégonde fille du Prince de Mons en Hainaut. Ne pouvant en venir à bout il pria Berald de tacher de la séduire et de la lui faire avoir. Cunégonde devint effectivement amoureuse de Berald et l'avoua à Othon. Celui-ci somma son confident de lui tenir parole, Berald y consentit mais la vertueuse Cunégonde eut l'art de lui persuader que son amour prétendu n'etoit de sa part qu'un artifice afin de faire rougir Othon de ses fureurs. elle conjura Berald de faire semblant d'être vraiment amoureux, & celui-ci y consentit encore. l'Empereur étonné de son changement devient jaloux, lui promet de le fiancer et [le fait p] lui ordonne de partir pour l'Arragon. le jour du départ, l'Empereur écrit au nom de Berald une lettre à Cunégonde dans la quelle il lui demande un rendez-vous. Felicime remet le billet et exorte sa maitresse à l'accorder — Cunégonde indigné la chasse et écrit avec un page à Bérald en le priant d'avoir pitié d'elle. Berald s'imagine que tout ceci est un jeu concerté entre l'Emp. et Cunégonde;

qu'elle est grosse &c. il se résout à pénétrer ce mistère en observant quel effet produira son respect et sa froideur. Il vient dans la maison de Cun. et se cache dans la chambre de felicime. Il entend la voix d'Hermentrude, mère de Cunégonde, qui exorte sa fille à ceder aux desirs de son époux. Cunégonde en larmes vient se refugier dans la chambre de Felicime.

L'Empereur arrivé dans la chambre de Cunégonde ne l'y trouvant pas et ayant entendu sa voix et celle de Berald, se croit découvert et court dans la chambre d'Hermentrude. Celle-ci attendoit son amant le marquis de Brandebourg. delà un qui pro quo dont le marquis est témoin. l'Empereur leur persuade de feindre que tout étoit préparé d'avance, envoye le Mrqs chercher un aumonier et 3 témoins et se rend dans la chambre de felicime.— Il veut les marier mais Berald refuse par soupçon, et prend la poste.

Arrivé en Arragon Berald devient amoureux de la Pr. Marianne. Elle l'aime aussi avec toute la vivacité d'une Espagnole. le roi, son père, vieux bon homme voudroit favoriser leurs amours à cause d'une prédiction d'Alphonse qui déclaroit que la Pr. Marianne seroit la plus malheureuse des femmes si elle ne se livreroit pas avant son mariage à l'homme qu'elle aimeroit. Malgré cette prédiction les soins de Nugna, sa nourrice et les belles paroles de son père, Marianne concerve sa vertu. elle fait promettre à Berald de la respecter. Le jour de la cérémonie arrivé l'Archeveque les benit, Berald triomphe dans le tournois, et met la cuisse nue dans le lit de la Princesse. Il part pour visiter les villes d'Arragon et tombe malade d'amour. la Princesse part pour Vienne. Berald arrive le jour du tournois. Il renvoit à Marianne le portrait qu'il avoit eu de Nugna. l'Empereur veut le combattre. Berald s'imagine qu'il est allé jouïr de son épouse, & transporté de jalousie il monte à la chambre de Marianne. Il y trouve le M. de Brandebourg qui vient de violer l'imperatrice. Othon entre et tue le Marquis. Marianne demande l'épreuve du feu. l'Emp. y consent & exile Berald — Mais Cunégonde obtient qu'il reste pour être temoin de sa justification elle demande aussi l'epreuve: la cerémonie a lieu dans la cours du palais. Cunégonde triomphe et Marianne est brulée.

(extrait de Berald de Savoye).

Перевод:

Герцог Саксонский, умирая, оставил императора Оттона, своего брата, опекуном своих трех детей, с полномочием передать герцогство наиболее достойному. Беральд сделался любимцем и доверенным императора и баловнем двора. Оттон поручил ему отправиться в Аррагонию, чтобы быть его заместителем в бракосочетании с принцессой Марианной. Тем временем император ухаживал за Кунигундой, дочерью князя Монс в Эно.

Не придя к желанному концу, он попросил Беральда сделать попытку очаровать ее и помочь ему завладеть ею. Кунигунда действительно влюбилась в Беральда и созналась в этом Оттону. Оттон потребовал от своего наперсника, чтобы тот сдержал слово. Беральд согласился, но добродетельная Кунигунда искусно уверила его, что приписываемая ей любовь была с ее стороны лишь уловкой, имевшей целью заставить Оттона краснеть за свою необузданную страсть. Она заклинала Беральда сделать вид, что он действительно влюблен, на что он также согласился. Император, удивленный переменой в нем, начинает ревновать, обещает ему помолвить его и приказывает ему отправиться в Аррагонию. В день отъезда император пишет от имени Беральда письмо Кунигунде, в котором просит ее о свидании. Фелицима передает письмо и убеждает свою госпожу согласиться на свидание. Возмущенная Кунигунда прогоняет ее и пишет через посредничество пажа Беральду, прося сжалиться над ней. Беральд воображает, что всё это игра, согласованная между императором и Кунигундой, что она беременна и т. д. Он решается проникнуть в эту тайну, наблюдая, какое действие произведет его почтительность и холодность. Он приходит в дом Кунигунды и прячется в комнате Фелицимы. Он слышит голос Герментруды, матери Кунигунды, которая убеждает дочь уступить желанию ее супруга. Кунигунда в слезах ищет убежища в комнате Фелицимы.

Император, придя в комнату Кунигунды, не застав ее там и услыша ее голос, а также голос Беральда, предполагает, что он разоблачен, и бежит в комнату Герментруды. Последняя ожидала своего любовника, маркиза Бранденбургского. Отсюда qui pro quo, свидетелем которого является маркиз. Император убеждает их притвориться, что всё было подготовлено заранее, посылает маркиза за священником и тремя свидетелями и отправляется в комнату Фелицимы. Он хочет их повенчать, но Беральд отказывается из подозрительности и уезжает.

Приехав в Аррагонию, Беральд влюбляется в принцессу Марианну. Она тоже любит его со всем пылом испанки. Король, отец ее, добродушный старик, хотел бы покровительствовать

их любви вследствие предсказания Альфонсу, что принцесса Марианна будет несчастнейшей из женщин, если она не отдастся до своего замужества человеку, которого она полюбит. Невзирая на это предсказание, заботы Нуньи, ее кормилицы, и прекрасные слова ее отца, Марианна сохраняет свою добродетель. Она берет с Беральда слово пощадить ее. Когда наступает день обряда, архиепископ благословляет их. Беральд побеждает на турнире и восходит на ложе принцессы. Он уезжает, чтобы посетить города Аррагонии, и заболевает от любви. Принцесса уезжает в Вену. Беральд приезжает в день турнира. Он отсылает Марианне портрет, который он получил от Нуньи. Император хочет его победить. Беральд воображает, что он отправился овладеть своей супругой, и, вне себя от ревности, поднимается в комнату Марианны. Он застает там маркиза Бранденбургского, который только что изнасиловал императрицу. Оттон входит и убивает маркиза. Марианна требует испытания огнем. Император на это соглашается и назначает изгнание Беральду. Но Кунигунда достигает того, что он остается, чтобы быть свидетелем ее оправдания; она тоже требует испытания. Обряд совершается во дворе дворца. Кунигунда торжествует, а Марианна сожжена.

(Извлечение из Беральда Савойского)

Автограф в тетради № 2367, лл. 65_2—62_1. Текст начат на последнем листе тетради верхом вниз. Датируется июлем 1826 г., так как на л. 66_1, то есть на внутренней стороне задней крышки, также верхом вниз, теми же блеклыми водянистыми чернилами сделана помета: «14 Juillet 1826 Gon ⟨?⟩». Этими же жидкими деревенскими чернилами писан текст стихотворения «29 июля 1826» («Под небом сладостным Италии своей»). По этим чернилам нами уже датированы июлем 1826 г. стихотворение «Едва уста красноречивы» (в тетради № 2368) и черновые строфы перевода из «Orlando Furioso» Ариосто (в тетради № 2370, л. 69_1).

Единственный раз напечатано у *Е*[4] VIII, 421—422, с копии Анненкова и с его примечаниями. По автографу печатается нами впервые.

Как указал кн. Н. Костров из Минусинска («Москвитянин» 1856, № 1), данный отрывок является извлечением из сочинения «Beralde prince de Savoie», помещенного в сборнике «Bibliothèque de campagne ou Amusements de l'esprit et du coeur», tome septième. Bruxelles, Benoit et Francq, 1785, стр. 161—254 («Сельская библиотека или развлечения ума и сердца», том седьмой, Брюссель, изд. Бенуа и Франк, 1785). Пушкин изложил страницы 165—225, причем первое лицо подлинника (Беральд Савойский сам рассказывает о своих похождениях) заменено у Пушкина третьим лицом. Рассказ передан очень кратко, сбивчиво, что затемняет смысл передаваемой фабулы. Есть одна явная описка в том месте, где Беральд из комнаты Фелицимы слышит, как Гермонтруда уговаривает дочь уступить желанию супруга

(надо: императора). В начале рассказа Пушкин слова оригинала: «j'eus le bonheur... de me voir... l'amour des Belles de la Cour» заменяет выражением: «Berald devint le Joconde de la cour». Joconde (от латинского jucundus — привлекательный) у Ариосто (1474—1533) — имя одного персонажа, любезного обольстителя.[1] Выражением: «Berald .... met la cuisse nue dans le lit de la princesse» — Пушкин сокращенно передает подробно описанный в подлиннике обряд символической брачной ночи, который в средние века следовал за благословением архиепископа в тех случаях, когда на месте жениха был его представитель (в данном случае вместо императора Оттона — Беральд Савойский).

У Пушкина пересказ Беральда обрывается на смерти Марианны. Таким образом не изложены последующие сложные события из жизни Беральда и Кунигунды. Основой этого рассказа Пушкин предполагал воспользоваться для драматического или повествовательного замысла (см. список № 4 на стр. 276).

Ал. Ник. Вульф, рассказывая в дневнике о своем посещении Пушкина в Михайловском 15 сентября 1827 г., описывает его рабочий стол: «...дружно также на нем лежали Montesquieu с Bibliothèque de campagne и «журналом Петра I»...» (Л. Н. Майков, «Пушкин», 1899, стр. 170). Интересующая нас книга находилась в библиотеке Тригорского (ныне хранится в *ИРЛИ*) и первая страница о Беральде согнута пополам (сообщено Д. П. Якубовичем), то есть это — та самая книга, из которой делал выписку Пушкин.

19.

[Dis moi] Sais-tu, pourquoi cet inquiet tourment
De mon bonheur empoisonne l'ivresse?
Sais-tu pourquoi dans le plus doux moment
Mon oei[u]l distrait se voile de tristesse,
Pourquoi souvent a ta main qui la presse
Ma froide main répond negligeament?
Le sais-tu? Non? connais donc ma faiblesse,
Ris, tu le peux, de mes transports nouveaux!
Je suis jaloux, & jaloux sans rivaux.
Quand le présent — m'enivre de delices
Dans le passé je cherche des supplices.

---

[1] Это же имя позднее носит герой комической оперы «Joconde ou les coureurs d'aventures» («Жоконд или искатели приключений»), музыка Николо, текст Этьенна. Первое представление этой комической оперы было 28 февраля 1814 г. Жоконд в первой половине XIX века был одним из самых популярных сценических образов (ср. Пушкин «Метель»), и имя его тогда же стало нарицательным.

Ton coeur, réponds sans nul déguisement
N'a-t-il battu que pour moi seulement?
Durant la nuit, à l'heure où tout someille,
Jamais dit-moi, les traits d'un autre amant
N'ont-ils [*нрзбр*] troublé tes songes ni ta veille?
Le regard fixe et le sein oppressé
Te rappelant une image trop chère
N'as-tu jamais le soir près de ta mère
laissé tomber le travail commencé?
Tu me dis j'aime, & d'une voix si tendre!
Ce mot charmant à moi seul l'as-tu dit?
Que sais-je? un[e] autre avant moi l'entendit,
Un autre..... & bien je ne veux plus l'entendre.
Pardonne, helas! dans mon trouble fatal.
Je te parois injuste ingrat... mais j'aime
Ah! songe bien que pour l'Amour extrême
Un souvenir est encore un rival.

Перевод:

[Скажи] Знаешь ли ты, отчего эта беспокойная мука
отравляет мне упоение счастьем?
Знаешь ли ты, отчего в самое сладостное мгновение
мой рассеянный взгляд омрачается печалью,
отчего часто пожатию твоей руки
небрежно отвечает моя холодная рука?
Знаешь ли ты это? Нет? Узнай же мою слабость,
смейся, ты это можешь, над моим новым бредом.
Я ревную, и ревную без соперников.
Когда настоящее опьяняет меня наслаждением,
в прошлом ищу я пыток.
Твое сердце, отвечай безо всякого притворства,
билось ли лишь для одного меня?
В течение ночи, в час, когда все дремлет,
никогда, скажи мне, черты другого возлюбленного
не тревожили твоих снов и твоего бдения?
С остановившимся взглядом, со стесненной грудью,
вспоминая слишком дорогой образ,
никогда вечером, сидя рядом с матерью,
не роняла ты начатой работы?
Ты говоришь мне люблю, и таким нежным голосом!
Это чарующее слово одному ли мне ты говорила?

Что знаю я? другой раньше меня его слышал,
другой... Что же, я не хочу его больше слышать.
Прости, увы, в моем роковом смятении
Я кажусь тебе несправедливым, неблагодарным, но я люблю.
Ах, подумай хорошенько, что для чрезмерной любви
воспоминание — тоже соперник.

Автограф, на листе писчей бумаги in f° без водяного знака, находится в *ИРЛИ* (№ 380), куда поступил из собрания Б. Л. Модзалевского, получившего его от потомков П. А. Осиповой. Судя по почерку, автограф этот относится к середине 1820-х годов. Текст автографа Пушкина печатается впервые. Упоминаний в пушкиниане об этом автографе также не было. Запись, как указал Б. В. Томашевский, представляет собою копию стихотворения Millevoye «L' inquiétude» (Мильвуа, «Беспокойство»).

В библиотеке Пушкина имеется издание «Oeuvres complètes de Millevoye, nouvelle édition, Bruxelles, MDCCCXXIII», где в томе I, в отделе «Elégies», на стр. 73—74, напечатано это стихотворение. Копия Пушкина имеет небольшие отличия от текста этого издания, откуда он, надо думать, выписал эти стихи. Вот главнейшие разночтения, не считая незначительных знаков препинания: в стихе 7 после слова «Non» у Пушкина «?» вместо точки оригинала; в ст. 14 у Пушкина *la nuit* вместо *les nuits*; в ст. 22 у Пушкина *à moi seul* вместо *pour moi seul*; в ст. 24 у Пушкина начинается: *Un autre... et bien* вместо *Peut-être!.. Eh bien.* Все эти варианты надо объяснить описками. Б. Л. Модзалевский на обложке автографа отметил сходство этого французского текста со стихотворением Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты», но сходство это нужно признать лишь в теме ревности и в композиции стихотворения в виде ряда вопросов, обращенных к любимой женщине.

Воздействие Мильвуа на Пушкина не раз отмечалось в критике («Пушкин и Мильвуа» Евгении Клебанской в *PC* 1902, XII, 603—604; «Элегия Ленского и французская элегия» С. Савченко в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926). Любопытно, что в пору писания элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» (беловой текст датирован 11 ноября 1823 г.) Пушкин, излагая в письме к Вяземскому (4 ноября) обзор французской литературы, так писал о Мильвуа: «Millevoye ни то, ни се, но хорош только в мелочах элегических».

20.

Près des bords où Venise est reine de la Mer,
Le gondolier nocturne au retour de Vesper
d'un leger aviron bat la vague applanie,
Chante Renaud, Tancrède et la belle Herminie

[Comme lui] il aime ses chansons, il chante sans désir,
Sans gloires, sans projets, sans craindre l'avenir;
Il chante — & plein du Dieu qui doucement l'anime
Sait égayer du moins sa route sur l'abime —
Comme lui, sans echo je me plais à chanter —
& les vers inconnus que j'aime à méditer
Adoucissent pour moi la route de la vie
Où de tant d' Aquilons ma voile est poursuivie
Vers inédits d'André Chenier

Перевод:

У берегов, где Венеция царит над морем,
ночной гондольер с возвращением Веспера
легким веслом ударяет успокоенную волну,
воспевает Рено, Танкреда и прекрасную Эрминию,
[как он] любит свои песни, поет без желаний,
без славы, без замыслов, не боясь будущего;
он поет и, преисполненный бога, который тихо вдохновляет его,
умеет по крайней мере увеселять свой путь над бездной.
Как он, я нахожу удовольствие петь без отклика,
и неведомые стихи, которые я люблю обдумывать,
смягчают для меня жизненный путь,
на котором мой парус преследуют столько Аквилонов.

Неизданные стихи Андрея Шенье.

Автограф в книге «Oeuvres complètes d'André de Chénier, Paris, 1819», на чистом листе после верхней переплетной крышки. Книга эта хранится в библиотеке Пушкина (№ 736), в описании которой Б. Л. Модзалевский впервые и опубликовал этот автограф, а также и воспроизвел факсимильно (*ПС* IX—X, 192). Впервые эти стихи А. Шенье были напечатаны в «Annales romantiques, Recueil de morceaux choisis de litterature moderne, 1827—1828, Paris, MDCCCXXVIII», вышедшей в свет в начале января 1828 г.

Стихи Андрея Шенье были переведены Пушкиным стихами «Близ мест, где царствует Венеция златая» 17 сентября 1827 г. Таким образом, запись стихов Андрея Шенье Пушкиным относится ко времени между 1819 г. и 1827 г. и тем самым свидетельствует о том, что стихи Шенье были списаны Пушкиным до их публикации с какого-то рукописного текста.

21.

Собранье пламенныхъ замѣтъ
Богатой жизни юныхъ лѣтъ
Плоды роскошнаго забвенья
1824.— Гдѣ воплотить умѣлъ поэтъ
1827 Свои живыя сновидѣнья....
Москва 18 Ма

Баратынскій. Пиры.

Запись в тетради № 2371, л. 1_1. На странице, кроме этих стихов, ничего не написано, так что, несомненно, эта цитата из поэмы Боратынского «Пиры» (стихи 252—256) является эпиграфом ко всей тетради Пушкина.

Впервые напечатано у *Я* VII, 38. Поэма Боратынского впервые опубликована в 1821 г. Нельзя сказать, означает ли «Ма» — «марта» или «мая». Непонятен и «1824» в дате. Щеголев (*ПС* XIV, 189; перепечатано в *ЩП*[1], 177 и *ЩП*[2], 241), неправильно указавший, что Якушкин пропустил эту запись, читает «мая» и высказывает предположение, что дата означает день, когда заведена тетрадь, может быть подаренная Пушкину друзьями при отъезде его из Москвы в Петербург в ночь с 18 на 19 мая.

Первые два стиха этой цитаты Пушкин дважды намечал в качестве эпиграфа к «Евгению Онегину»: ко всему роману, в рукописи первой главы, хранящейся в *ПБЛ* (см. *РП*, № 8, стр. 8), и к четвертой главе (см. *КН* IV, стр. 200).

22.

P⟨èters⟩b⟨ourg⟩ est la fenêtre par où la Russie regarde en Europe.

Перевод:

Петербург — это окно, через которое Россия смотрит в Европу.

Запись на *л.* 24_2 тетради в 8 д. л. (в 51 лист) с перебеленным текстом четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» (хранится в *ПБЛ*, см. *РП*, № 14, стр. 10).

Запись (карандашом), печатаемая впервые (прочтена впервые Д. П. Якубовичем; см. *КН* VI, 33), — цитата из книги итальянского писателя Франчески Альгаротти (1712—1764) «Письма о России» (1739 г.). Эту же цитату Пушкин привел в одном из своих примечаний к «Медному всаднику» в таком виде: «Альгаротти где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe». Как указал Н. О. Лернер (в *В* VI, 451), Пушкин мог заимствовать цитату из бывшей в его библиотеке книги

V. C*** «Tableau général de la Russie moderne et situation politique de cet Empire au commencement du XIX-e siècle», Paris, 1802 («Общая картина современной России и политическое положение этой империи в начале XIX века», Париж, 1802), где слова Альгаротти даны как эпиграф к книге в таком виде: «St.-Pétersbourg est la fenêtre par la quelle Russie regarde continuellement l'Europe» («Санкт-Петербург — это окно, через которое Россия смотрит постоянно в Европу»).

Время переписки набело четвертой и пятой глав «Евгения Онегина» — 1826—1827 гг., когда, вероятно, сделана и комментируемая запись.

23.

It is a poison — tree, that
pierced to the inmost
Weeps only tears of poison.
Coleridge

Перевод:

Это — ядовитое дерево, которое,
будучи проколото до глубины,
Плачет только слезами яда.
Кольридж.

Автограф находится в *ИРЛИ* (№ 166; собрание К. Р.). Запись на первой странице сбоку текста первой и второй строф перебеленного с поправками текста стихотворения «Анчар», датированного здесь: «9 ноября 1828. Малинники».

Впервые напечатано Н. В. Яковлевым в статье «Пушкин и Кольридж» («Пушкин в мировой литературе», сборник статей, Госиздат, 1926, стр. 138), не нашедшим у Кольриджа этих строк. Источник найден Д. П. Якубовичем. Таковым оказалась трагедия в пяти актах Кольриджа «Remorse», («Раскаяние») где в первой сцене первого акта, в четвертой реплике Zulimez'a имеются эти полтора стиха. См. Д. П. Якубович «Заметка об „Анчаре“» в № 16—18 «Литературного наследства», стр. 869—874.

24.

Послушайте глаголъ моихъ
Іовъ. Гл. ГІ

Запись в тетради № 2371, л. 92$_2$, поперек черновика стихотворения «Чернь» «(Поэт на лире вдохновенной»), судя по положению в тетради,

писавшегося в 1828 г. Цитата из Библии («Книга Иова», глава XIII, стих 17: «Послушайте, послушайте глагол моих»), вероятно, должна была служить эпиграфом к стихотворению.

25.

Елегія[1]

Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ
Есть радость на приморскомъ брегѣ
И есть Гармонія въ семъ говорѣ валовъ
Дробящихся въ пустынномъ бѣгѣ,
Я ближняго люблю — но ты, Природа-мать
Для сердца ты всего дороже
Съ тобой, владычица, привыкъ я забывать
И то чѣмъ былъ какъ былъ моложе
И то чѣмъ нынѣ сталъ подъ холодомъ годовъ
Тобою въ чувствахъ оживаю
Их выразить душа незнаетъ стройныхъ словъ
И какъ молчать объ нихъ не знаю

К Ба⟨тюшковъ⟩[1]

Печатается впервые по автографу Пушкина, хранящемуся в *ИРЛИ* (№192). Подлинник на листе почтовой бумаги большого формата, без водяных знаков. Стихотворение Батюшкова напечатано было впервые в «Северных Цветах на 1828 г.», стр. 23, и относится к 1819 г. Пушкин мог получить его текст от кн. П. А. Вяземского в 1826 г., после возвращения своего из ссылки. В июле этого года Вяземский записал его, как свежую новость в свою записную книжку (см. «Сочинения кн. П. А. Вяземского», IX, 86). Следовательно, пушкинская запись относится к 1826—1828 гг. Более точной датировке она не поддается. Интересно отметить, что Пушкин это стихотворение Батюшкова переписал вторично, в принадлежавший ему экземпляр «Опытов в стихах и прозе К. Батюшкова», СПб. 1817, испещренный его пометами и замечаниями, относящимися также ко времени 1826—1828 гг. (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 290—291). Но местонахождение этого экземпляра в настоящее время неизвестно. Л. Н. Майков сделал лишь указание на самый факт пушкинской записи, но

[1] *Из Е переделано в Э тою же рукою, что приписала окончание фамилии Батюшкова.*

текста ее не привел. Ср. в работе В. Л. Комаровича в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 886.

Текст комментируемой копии дословно совпадает с текстом «Северных Цветов на 1828 г.».

26.

Я тебѣ жену добуду
Иль я мѣльникомъ не буду
Аблесимовъ, въ оперѣ Мѣльникъ

Ужъ столъ накрытъ; ужъ онъ рядами
Несчетныхъ блюдъ отягощенъ.

Желѣзной волею Петра
Преображенная Россія
Языковъ

Какъ облака на небѣ
Такъ мысли въ насъ [теря] мѣняютъ легкій образъ
Что любимъ днесь, то завтра ненавидимъ

[Какъ сонъ какъ сладкая мечта
Изчезла и моя ужъ младость]
Не сильно нѣжитъ красота
Не столько восхищаетъ радость
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ...
Желаніемъ честей размученъ
Зоветъ, я слышу, славы шумъ!
Державинъ

Написано на внутренней стороне передней крышки переплета тетради № 2378. Записи сделаны в августе 1827 г. — декабре 1828 г., так как «Арап Петра Великого» начат был в конце июля 1827 г., а одна глава (IV) романа была напечатана в «Северных Цветах на 1829 г.», вышедших в свет в декабре 1828 г. Впервые 1—3 и 5 эпиграфы напечатаны Анненковым в *А* V, 525—526. Четвертый эпиграф — в *Я* XI, 335.

Первый эпиграф взят из явления IV действия I комической оперы А. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», 1779 г. Здесь взятые Пушкиным стихи читаются: «Я тебе жену добуду; Иль я Мельник век не буду!..».

Второй эпиграф взят из поэмы Е. А. Боратынского «Пиры» (впервые напечатана в 1821 г.), где 66—68 стихи читаются:

«Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт; уж он рядами
Несчетных блюд отягощен».[1]

Пушкин, взяв 67 и 68 стихи, изменил в 67 стихе «стол» на «он».

Третий эпиграф взят из стихотворения Н. М. Языкова «Ала» («В стране, любимой небесами»), впервые напечатанного в «Северных Цветах на 1826 г.». Пушкин точно записал 30 и 31 стихи.

Четвертый эпиграф был принят Н. О. Лернером за стихи самого Пушкина (см. *ПС* XVI, 56). В качестве таковых они были введены Лернером же в *В* VI, 180—181. В статье «Мнимые строки Пушкина» («Атеней», 1924, кн. I—II, стр. 164—166) Ю. Г. Оксман показал, что стихи эти взяты Пушкиным из трагедии В. К. Кюхельбекера «Аргивяне». В «Мнемозине», ч. I, М. 1824, стр. 93—94, Кюхельбекер напечатал стихи из своей трагедии:

« . . . Как облака на небе,
Так мысли в нас меняют легкий образ:
Мы любим и чрез час мы ненавидим»

Пятый эпиграф взят из оды Державина «На смерть князя Мещерского», 1779 г. Запись Пушкина точно воспроизводит девятую строфу оды.

Первый эпиграф предназначался, вероятно, к пятой главе, второй — к четвертой главе «Арапа Петра Великого». Он был потом заменен стихами из «Руслана и Людмилы». Третий — ко второй главе, четвертый — вероятно к третьей главе. Что касается стихов Державина, то они, надо думать, предназначались к главе, или ненаписанной, или до нас не дошедшей.

27.

Le celibat des prêtres a empeché que le clergé Chr. ne devienne une <u>caste.</u>

Guizot.[2]

Перевод:

Безбрачие священников помешало тому, чтобы хр⟨истианское⟩ духовенство стало <u>кастой.</u>

Гизо.

Выписка из Гизо сделана Пушкиным на листе бумаги, на котором написано черновое письмо к Бенкендорфу о женитьбе и черновой набро-

[1] На то, что эпиграф взят из «Пиров», указал Н. О. Лернер в *ПС* XVI, 55.

[2] *Подпись писана карандашом.*

сок «В пустыне пробился ключ», хранящемся в *ИРЛИ*, № 289. Судя по этому, выписка сделана в апреле 1830 г. Впервые напечатано у *Ш*, 78.

28.

5400 десят. пашни
(покосу и кустарника 664)
лѣсу строевого и дровяного 2000 д⟨ушъ⟩
подъ тростн ([I] 176
подъ рѣками etc. (48)
подъ бол⟨отомъ⟩ (17) деся.

2400 десят. ⟨пашни⟩
Куст⟨арнику⟩ 66 десят.
лѣсу 100 деся.
подъ — 8 десят. 5400—2000 душъ
подъ рѣками 5 деся. 200 душъ — 540
100 — 240[1]

Написано в тетради № 2387 А, на листе 1_1, предшествующем страницам с черновым текстом «Истории села Горюхина». На этой же странице (л. 1_1) имеется программа этого произведения.

Записи эти, сделанные, вероятно, в октябре — ноябре 1830 г., когда писалась «История села Горюхина», представляют собою материал для этой «Истории». Вероятно, Пушкин списал эти «описи» с каких-нибудь подлинных документов. Связь второй «описи», начинающейся с 2400 десятин, с «Историей села Горюхина» несомненна. В тексте последней первоначально было указано, что «страна по имени столицы своей Горюхиным называемая, занимает на земном шаре более 2400 десятин». Затем в числе «2400» последний нуль был зачеркнут, но, конечно, совпадение первоначального числа с числом десятин второй «описи» не случайно.

Расчет внизу справа сделан на основании первой описи. По этому расчету, для 240 десятин в «Горюхине» должно бы быть 88 душ, а в «Истории» их всего 63.

Единственный раз записи (только «описи») с ошибками напечатаны у *Я* XII, 544.

---

[1] *Вероятно, описка, вместо:* 270.

29.

Въ сельцѣ ** съ деревнями въ коихъ рев. ⟨изскихъ⟩ душъ 227 —
Земли въ единственномъ [имѣні] владеніи состоитъ
Пахотной 1230 дес. 577 саж.
Сенокосу 46 дес.
Лѣсу дровяноваго и между онымъ покосу
826 дес.
По болоту лѣсу дровянова 8 десят.
Подъ дорогами и рѣками 21 десятина
На 1200 саж.
Подъ селеніями, огородами и подъ скотными дворами 34 дес.
Всего земли 2170 дес. 1750 саж.
Въ семъ именіи тяглъ на хлѣбопашествѣ 120.
Ежегоднаго посѣва ржи — 100 четв.
Овса — — — 160 четв
Жита — — 24 четв.
Пшеницы — — 4 четв.
Семя льнянаго — — 2 ч.
Гороху — 1
Гречи — 10
Промышленности особой крестьяне не имѣютъ

Написано на листе в 4 д. л., хранящемся в *ИРЛИ* (№ 383).

Единственный раз напечатано и факсимильно воспроизведено П. Е Щеголевым в *ЩМ*, 65—66 и 227.

Публикуя эту опись, П. Е. Щеголев писал: «Трудно сказать, для каких надобностей сделал Пушкин это описание: для практических или для писательских?» Нам представляется, что и эта опись нужна была Пушкину для «Истории села Горюхина».

30.

Казалось мнѣ [что] теперь служить могу
На здравый смыслъ, на честь настало время
И [можно] безъ стыда несть можно службы бремя
Не гнувъ спины, ни Совѣсти въ дугу.
И сдуру сталъ просить я службы — Дали?

Да! чорта сдва! богъ дастъ, мнѣ отвѣчали
Обчелся я — знать не пришла пора
Дать ходъ уму, и мнѣньямъ не наемнымъ
    Обчелся я:
[вотъ какъ нельзя] намъ, братцы, людямъ тёмнымъ
Судить впопадъ о правилахъ двора.

Запись стихотворения кн. П. А. Вяземского сделана на листе в 4 д. л., хранящемся в Остафьевском архиве (в *ГАФКЭ*). На этом же листе (перед записью Пушкина) рукой Вяземского написано его стихотворение «Я Петербурга не люблю», отмеченное Пушкиным знаком: *NB*.

Печатается впервые.

У стихотворения, записанного Пушкиным, рукой Вяземского (позднейшим почерком) написано: «Мои стихи Пушкиным переписанные».

Это стихотворение Вяземского не опубликовано. Написано оно могло быть в то время, когда исключенный со службы (в Варшаве) в 1821 г. Вяземский, как политически «неблагонадежный», был в опале у правительства до апреля 1831 г. Пушкин, общавшийся с Вяземским с сентября 1826 г., в 1826—1830 гг. и мог записать это стихотворение.

31.

Journal des Debats 1 juillet 1831

Depuis quarante ans il semble que la Providence se soit plu à nous donner des leçons de tout genre. Nous avons vu successivement une monarchie toute républicaine, fondée par des gens aux quels ne manquoient ni les lumières, ni l'éloquence, ni les bonnes intentions, s'abimer dans l'anarchie, privée qu'elle étoit de ses appuis naturels; l'anarchie enfanter la terreur; la republique de l'an III, repoussée par nos moeurs, ne servir que de transition au despotisme militaire; le despotisme militaire, vainqueur de l'Europe comme des factions, périr par l'excès même de la gloire, et périr détesté après avoir été salué, à son origine de tant d'espérances, enfin une monarchie constitutionelle succomber à son tour pour avoir violé les lois dans lesquelles étoit toute sa force. Autant de phases de cette grande histoire de quarante ans, autant de leçons marquées par le malheur et le sang dans notre souvenir! Un trône au milieu d'une république, c'est une contradiction insensée, un problême insoluble. Toute forme de gouvernement a ses conditions de vie.

Si vous livrez le trône sans défense à l'insulte, à la haine, au mépris, comment voulez vous que le trône ne périsse pas; si vous avez l'air de ne le conserver que comme une vieille machine, inutile en elle-même, mais bonne pour satisfaire, quelques années encore, un reste de préjugés, comment voulez vous qu'il ne périsse pas! Si vous créez tout autour de lui des institutions au milieu des quelles il soit comme isolé; si vous semblez regretter le peu d'influence que vous lui laissez; si au lieu d'en faire le pivot d'une sociéte libre, vous mettez la liberté en hostilité avec lui, encore une fois comment voulez vous qu'il ne périsse pas! Tel a été le sort de la monarchie, élevée, à si grands frais par l'Assemblée Constituante. — A coup sûr, l'Assemblée Constituante ne vouloit pas renverser le trône. Jamais peut-être la France n'a présentée une reunion plus illustre de talents, de sciences, de vertus. Qu'a-t-il donc manqué à l'Assemblée constituante? De se moins défier du pouvoir. Abaissée, comme elle l'étoit, privée de ses prérogatives essentielles, la royauté, avec sa liste civile et ses palais, ne pouvoit plus servir que de point de mire aux factions. Renouvelez cet essai et vous verrez si les conséquences se feront longtemps attendre!

Nous le disions il y a quelques jours, la tyrannie des lois est la plus dure de toutes. Imposez à un peuple la forme de gouvernement la plus libre du monde, par cela seul qu'il ne l'a pas choisie, mais que vous la lui imposez, par cela seul que ses moeurs et ses opinions la repoussent, vous voilà obligés d'ouvrir le prétendu règne de la liberté par la dictature. A chaque pas que vous faites dans cette carrière, vous rencontrerez un ennemi de plus. C'est un obstacle à détruire et, de jour en jour, la masse de vos ennemis devient telle, que la terreur seule peut régir la société. N'est-ce pas là une grande part au moins de l'histoire de la Convention? On parle des circonstances terribles où s'est trouvée cette formidable assemblée; mais ces circonstances qui les a fait naître? Comptez[1] combien le 10 août a suscité d'ennemis à la revolution, combien le 2 sept., combien le 21 janvier, combien la mort[2] des Girondins, et vous verrez si la révolution dans son délire, n'a pas toujours été s'aliénant les coeurs et aggravant sa position! Chose qu'il ne faut jamais oublier! Tout

[1] *Начиная с этого слова написано рукой Пушкина.*
[2] *Кончая этим словом написано рукой Пушкина.*

ou presque tout s'est fait par les minorités. La majorité ne vouloit pas la chute du trône, la majorité ne vouloit pas la dictature, la majorité ne vouloit pas les massacres, la majorité, par faiblesse de modération, a laissé tout faire jusqu'à l'excès du mal!

Voyez encore ce que l'on gagne à vouloir plier les esprits par la force à une forme de gouvernement qu'ils rejettent! Lorsque la dictature sanglante de 1793 fit place à une république, assez sage et assez modérée, lorsque le règne des lois commenca à renaître, les partis s'emparèrent des lois mêmes et y trouvèrent des armes contre l'ordre établi. Ils reculèrent jusqu'au despotisme et la génération de 89 applaudit à la chute de la liberté. L'illusion, il est vrai, ne fut pas longue, et ceux qui, aujourd'hui, ne nous parlent que de la gloire de l'empire, n'ont pas vu apparemment ou ne se souviennent pas d'avoir vu ces longues files de conscrits arrivant de leurs villages, le visage abbatu, ils n'ont pas entendu les malédictions des familles, ils ne savent pas ce que c'est que la police impériale. Ces éxemples sont bons à rappeler. Car la mobilité des esprits est grande en France, et dès que la liberté ménace de dégénérer en licence, nombre de gens, la veille grands libéraux, tournent les yeux vers le despotisme. La gouvernement le plus dur leur semble un âge d'or; ils regrettent le vieux bias de l'Empereur; ils appellent de tous leurs voeux un ordre de choses qui leur permette au moins de diner et de dormir tranquilles, ne songeant pas que le despotisme a bien aussi sa façon de troubler le sommeil et le diner des gens — La Restauration, pour se sauver, n'avoit qu'à profiter de l'expérience du passé. Sa mission étoit avant tout de respecter les lois. Cet ordre légal, tourné par elle en ridicule, faisoit toute sa force. C'étoit l'ordre légal qui la protégeoit contre la République, contre l'Empire, contre les tristes souvenirs de deux invasions, contre le peu de sympathie qu'elle inspiroit aux générations nouvelles. Elle participoit, en quelque sorte, à l'inviolabilité des lois. La renverser c'eut été renverser les lois; et cela suffisoit pour qu'on ne la renversat pas. On lui a beaucoup passé, ses fraudes éléctorales, sa censure, ses prédilections pour le clergé catholique, toutes choses odieuses à la France! Mais la barière des lois étoit là. Retranchée derrière la restauration n'avoit rien de sérieux à craindre. Et ces lois elle les a foulées aux pieds. Elle a elle-même jeté bas le rempart qui

la couvroit. Elle a défié, par un coup de folie, toutes les passions qui fermentoient contre elle. De ce jour son sort a été fixé. Car qu'étoit-ce que la Restauration sans la Charte? Qu'avoit elle à nous donner en échange de la gloire et de la liberté?

— — — —

Aprenez 'de la révolution à ne pas désarmer le pouvoir, c'est livrer la société aux factions! de l'empire, à vous défier de l'esprit de conquête, de la restauration, à respecter invariablement les lois. La révolution a outré la liberté; elle est morte par l'anarchie. L'empire n'a cherché que l'obeissance et la guerre; il est mort par la servilité et par les batailles. La restauration a cherché le despotisme dans la violation des lois; elle est morte sous les débris des lois renversées. La monarchie constitutionelle, voilà le seul port où il y ait salut pour la France.

Перевод:

«Журналь де Деба» 1 июля 1831 г.

Вот уже сорок лет, как кажется, что провидению угодно давать нам уроки всякого рода. Мы видели последовательно, как вполне республиканская монархия, основанная людьми, не имевшими недостатка ни в знаниях, ни в красноречии, ни в добрых намерениях, будучи лишена своей естественной опоры, выродилась в анархию. Как анархия породила террор, как республика III года, отвергнутая нашими нравами, послужила лишь переходом к военному деспотизму; как военный деспотизм, победитель и Европы, и враждующих партий, погиб именно от избытка славы, притом погиб ненавидимый после того, как был встречен при своем возникновении столькими надеждами, наконец как конституционная монархия пала в свою очередь вследствие того, что нарушила законы, в которых была вся ее сила. Сколько ступеней в этой великой истории сорока лет, столько уроков, отмеченных в нашей памяти несчастием и кровью! Трон среди республики — это безрассудное противоречие, неразрешимая задача. Всякая форма правления имеет свои условия существования. Если вы трон без защиты предаете поруганию, ненависти, презрению, как хотите вы, чтобы он не погиб; если кажется, что вы сохраняете его лишь как старый механизм, который сам по себе не нужен, а годен лишь на то, чтобы еще в течение нескольких лет удовлетворять остаткам предрассудков, как хотите вы, чтобы он не погиб! Если вы создаете вокруг

него ряд учреждений, среди которых он как бы изолирован, если кажется, что вы сожалеете о том небольшом влиянии, которое вы за ним оставляете, если, вместо того чтобы сделать его стержнем свободного общества, вы ставите свободу во враждебные с ним отношения, еще раз, как хотите вы, чтобы он не погиб! Такова была судьба монархии, созданной с такими усилиями Учредительным собранием. Наверное, Учредительное собрание не хотело опрокинуть трон. Никогда, быть может, Франция не представляла более славного собрания талантов, знаний, добродетелей. Чего же нехватало Учредительному собранию? — Проявлять меньше недоверия к власти. Униженная, какою она была тогда, лишенная своих существенных прерогатив, монархия со своим цивильным листом и своими дворцами могла лишь служить мишенью крамоле. Возобновите этот опыт, и вы увидите, долго ли последствия заставят ждать себя!

Несколько дней назад мы утверждали, что худшая из всех тираний — это тирания законов. Предпишите какому-нибудь народу самую свободную форму правления в мире, и только вследствие того, что не он избрал ее, а вы ее ему навязали, только вследствие того, что его нравы и взгляды ее отвергают, вы уже вынуждены начинать так называемое царство свободы с диктатуры. На каждом шагу, который вы делаете на этом пути, вы встречаете одним врагом больше. Это препятствие должно быть устранено, а количество ваших врагов с каждым днем становится таково, что один лишь террор в состоянии управлять обществом. Не в этом ли в большой части по крайней мере история Конвента? Говорят об ужасных условиях, в которых оказалось это грозное собрание, но кто вызвал к жизни эти условия? Посчитайте, сколько 10 августа создало врагов революции, сколько 2 сентября, сколько 21 января, сколько смерть жирондистов, и вы увидите, не всегда ли революция в своем бреду отталкивала сердца и ухудшала свое положение! То, чего не следует никогда забывать. Всё или почти всё совершено было меньшинством. Большинство не хотело падения трона, большинство не хотело диктатуры, большинство не хотело резни, большинство, слабое своей умеренностью, всё допустило, вплоть до чрезмерности зла.

Взгляните еще, что выигрывают, когда хотят силой подчинить умы форме правления, которую они отвергают! Когда кровавая диктатура 1793 года уступила место довольно мудрой и довольно умеренной республике, когда царство законности начинало возрождаться, партии захватили самые законы и нашли в них оружие против установленного строя. Они отступили к деспотизму, и поколение 89 года приветствовало падение свободы.

Заблуждение, правда, не было длительным, и те, кто сегодня говорят нам лишь о славе империи, очевидно не видели или не помнят, что видели эти длинные вереницы новобранцев, прибывающих из своих деревень с удрученными лицами, они не слышат проклятий семей, они не знают, что такое императорская полиция. Хорошо напомнить эти примеры, ибо подвижность умов велика во Франции, и как только свобода грозит выродиться в распущенность, множество людей, накануне больших либералов, обращают взор к деспотизму. Самое жестокое правление кажется им золотым веком, они сожалеют о старой власти императора, они всеми своими желаниями призывают такой порядок вещей, который позволил бы им по крайней мере спокойно обедать и спать, не думая о том, что и деспотизм по-своему тревожит сон и обед людей. Реставрация, чтобы спасти себя, должна была только воспользоваться опытом прошлого. Ее миссией прежде всего было уважать законы. Этот законный порядок, выставленный ею в смешном виде, составлял всю ее силу. Законный порядок был тем, что защищало ее против республики, против империи, против печальных воспоминаний двух неприятельских вторжений, против той малой симпатии, которую она внушала новым поколениям. На нее в некотором роде переносилась неприкосновенность законов. Опрокинуть ее значило бы опрокинуть законы, и этого было достаточно, чтобы ее не опрокидывали. Ей многое простили, ее подлоги при выборах, ее цензуру, предпочтение, оказывавшееся ею католическому духовенству, — все явления, ненавистные Франции! Но преграда законов была налицо. Окопавшаяся за ней реставрация могла не бояться ничего серьезного. И она эти законы попрала ногами. Она сама опрокинула стену, защищавшую ее. Она сама в припадке безумия вызвала наружу все страсти, бродившие вокруг нее. С этого дня судьба ее была определена. Ибо — чем была реставрация без хартии? Что могла она нам дать взамен славы и свободы?

— — — —

Учитесь у революции не разоружать власть; это значит предать общество крамоле! У империи — не доверяться духу завоеваний, у реставрации — неизменно уважать законы. Революция довела свободу до крайности; она погибла от анархии. Империя искала лишь повиновения и войны; она погибла от низкопоклонства и сражений. Реставрация искала деспотизма в нарушении законов; она погибла под развалинами опрокинутых законов. Конституционная монархия — вот единственная пристань, в которой спасение Франции.

Выписка эта сделана рукой Натальи Николаевны Пушкиной в особой тетрадке для выписок (№ 2377 Б), заведенной Пушкиным, вероятно, летом 1831 г. в Царском Селе, когда французская революция 1830 г. натолкнула мысль Пушкина на историю Франции, для которой и были сделаны соответственные выписки. От тетради этой в четвертку сохранилось 12 листов (между нумерованными лл. 4 и 5 два листка — четыре страницы — чистые) и задняя зеленая обложка. Выписка из «Journal des Debats» сделана на лл. 1—2. Пушкиным написаны лишь указание «Journal des Debats. 1 Juillet 1831» и две строки в тексте: «Comptez combien.... la mort».

«*Journal des Debats*» — газета, основанная в 1789 г. Меняла неоднократно название и направление; в 1830-х гг. — сторонница июльской монархии.

Печатаемый отрывок упомянут с приведением из него кратких выдержек Б. В. Томашевским в *ПХ*, 344. Полный текст выписки нами печатается впервые.

32.

La France, depuis son origine, n'a eu que deux modes d'existances: les assemblées génerales, élues par tout le monde, exprimant la volonté de la nation, volonté que le Roi exécute après la séparation de [cette] ces assemblées — Et les assemblées souveraines ou héréditoires, ou élues par un petit nombre, ou sedentoires ou annuelles, controlant et limitant la souveraineté royale et partageant avec le monarque le gouvernement de l'état.

Les assemblées génerales sont le droit de la France. Les Rois qui pour les nouveaux subsides, s'abstenoient de convoquer ces assemblées, usurpoient les droits de la nation. L'usurpation des parlements est née de l'usurpation des Rois.

5 Juillet 1831 Gaz. de France

Перевод:

Франция искони имела лишь две формы существования: генеральные собрания, избранные всем народом, выражавшие волю народа, волю, которую король исполнял после роспуска этих собраний, и верховные собрания: наследственные или избранные небольшим числом, постоянные или годичные, контролирующие и ограничивающие королевскую верховную власть и разделяющие с монархом управление государством.

Генеральные собрания — право Франции. Короли, которые для новых обложений воздерживались от созыва собраний, присваивали себе права народа. Узурпация парламентов произошла от узурпации королей.

5 июля 1831
Газ⟨ет⟩ де Франс

Автограф находится в тетради № 2377 Б (см. стр. 518), л. 3_1. Впервые напечатано Б. В. Томашевским в *ПК*, 345.

Разночтения печатаемого текста с текстом, опубликованным Б. В. Томашевским, объясняются тем, что в настоящем издании текст дается по рукописи Пушкина, тогда как Б. В. Томашевский воспроизводил его по «Gazette de France».

33.

Pepin usurpa sans une necessité indispensable et sans un avantage réel pour la nation, un pouvoir dont le dépôt étoit commis à son zéle et à sa fidélité, un pouvoir dont la nation, ni lui-même ne devoient disposer, avant d'avoir disposé de l'intérêt de tous.

Hugues fonda une dynastie, dont les commencemens furent peu éclatant, mais qui par des moyens lents et heureux, sans trop offusquer les rivaux du dedans, ni les ennemis du dehors, repara le malheur des règnes passés.

«Ces heureux moyens furent:

«1°. De ramener à l'unité le royaume si souvent divisé par les prétentions héréditaires et les ambitions politiques; il suffit à la nouvelle dynastie d'adopter avec prudence et de maintenir avec courage, en l'associant à la loi salique, un système de succession par primogéniture, système presqu'inconnu à cette époque dans les monarchie européennes.

«2°. De revendiquer et de réunir, avec soin et avec constance, l'autorité et les pouvoirs que l'usurpation des seigneurs féodaux avoient ravis au trône et à la dignité royale;

«3°. D'assurer les droits des cités et des bourgs, en respectant l'antique administration municipale, en y ajoutant même, sous le titre de droits de commune, des privilèges, une juridiction et des moyens qui en favorisoient l'éxercice et en assurant les avantages.

«Les Carlovingiens eurent le malheur de ne voir la nation que dans les grands, dans les prélats et dans les armées.

Les Capétiens sentoient qu'au-delà de leur cour et des grands, il y avoit un peuple; cette véritable nation qui constitue la force des états, et sans laquelle et les grands et les rois ne sont presque rien, ils commencèrent à compter les peuples par ce qu'il est, à communiquer et à traiter directement avec lui.

«La dynastie de Capet, la plus ancienne de l'Europe dure depuis 9 siècles, parce que le principe de l'hérédité, la reprise des droits que la feodalité avoit envahis, ainsi que l'abrogation des privilèges qu'elle s'étoit arrogés, et surtout l'émancipation politique du peuple françois formèrent la triple base sur la quelle le trône repose et peut reposer inébranlable. Pour maintenir et assurer à jamais la sécurité politique, qu'on se hâte surtout de rétablir dans son intégrité, dans sa plénitude, ce régime municipal, dont nos ancêtres ont eu l'heureux et le libre exercice, d'abord sous la domination romaine, ensuite sous les trois dynasties, la liberté municipale étoit pour eux un véritable patrimoine de famille, un héritage sacré, ainsi que le trône est devenu l'héritage sacré, le patrimoine de famille de la dynastie capétienne.

Raynourd [1]

La pairie est un corps que le peuple n'a pas le droit d'élire et que le gouvernement n'a pas le droit de dissoudre.

B. Constant.

Перевод:

Пипин узурпировал без настоятельной необходимости и без реальной выгоды для нации власть, которая была поручена его рвению и честности, власть, которою ни народ, ни он не должны были располагать, не обосновав этого в общих интересах.

Гуго основал династию, начала которой были не блестящи, но которая при помощи медленных и удачных средств, не раздражая особенно ни своих внутренних соперников, ни внешних врагов, исправила несчастия предыдущих царствований.

Эти удачные средства были:

1°. Привести к единству королевство, так часто делившееся в силу наследственных притязаний и политических честолю-

[1] *Описка, вместо:* Raynouard

бий; новой династии достаточно было принять с осторожностью и удержать со смелостью, присоединив ее к салическому закону, систему наследования по признаку первородства, систему, почти неизвестную в это время европейским монархиям.

2°. Востребовать и воссоединить тщательно и со стойкостью влияние и власть, которые узурпация феодальных сеньеров похитила у трона и у королевского сана.

3°. Укрепить права городов и посадов, щадя древнее городское управление, прибавив к нему даже под названием коммунальных прав привилегии, юрисдикцию и средства, которые способствовали ее применению и обеспечивали ее преимущества. Карловинги имели несчастье видеть нацию лишь в знати, в прелатах и в армии. Капетинги чувствовали, что вне их двора и знати имелся народ — эта настоящая нация, составляющая силу государства, и без которой и знать и короли почти ничто; они начали считать народ за то, что он есть, общаться и договариваться с ним непосредственно.

Династия Капетингов, самая старинная в Европе, существует уже 9 веков, так как принцип наследования, взятие обратно прав, захваченных феодализмом, так же как отмена привилегий, самовольно им себе присвоенных, и, главное, политическая эмансипация французского народа образовали тройную базу, на которой трон покоится и может незыблемо покоиться. Для того, чтобы удержать и укрепить навсегда политическую безопасность, пусть поторопятся в особенности восстановить в его неприкосновенности, в его полноте, этот муниципальный режим, которым наши предки счастливо и свободно пользовались сначала под римским владычеством, затем при трех династиях; муниципальная свобода была для них настоящей родовой собственностью, священным наследием, так же, как трон стал священным наследием, родовой собственностью капетингской династии.

Ренуар.

Палата пэров — это корпус, который народ не имеет права избирать, а правительство не имеет права распускать.

Б. Констан.

Выписки из Ренуара сделаны рукой Натальи Николаевны Пушкиной в тетради № 2377 Б (см. стр. 518), лл. 3_2—4_1. Помета «Ренуар» сделана Пушкиным.

Печатается впервые; анализ этого текста сделан Б. В. Томашевским в *ПХ*, 345.

Выписки эти являются рядом выдержек из сочинения: M. Raynouard, «Histoire du droit municipal en France sous la domination romaine et sous les trois dynasties», 2 vol., Paris., 1829 (Ренуар, «История муниципального права во Франции при римском владычестве и при трех династиях», 2 т., Париж, 1829).

Отрывок взят из тома II, главы XIII («Résumé des diverses preuves et conclusions» — «Сводка различных доказательств и выводы»), стр. 377—380, 382—383, 388.

Ренуар Франсуа-Жюст-Мари (1761—1836) — литератор, историк и политический деятель.

Выписка из Бенжамена Констана сделана рукой Пушкина. Автограф находится в тетради № 2377 Б (см. стр. 518), л. 4_1, непосредственно вслед за предыдущей выпиской.

Напечатано единственный раз у *Я* X, 92.

Этот отрывок взят Пушкиным без указания источника из сочинения Benjamin Constant (Бенжамен Констан, 1767—1830) «Cours de politique constitutionnelle» («Курс конституционной политики»), глава IV: «Du pouvoir représentatif» («О власти представительной»), по 3-му брюссельскому изд., 1837 г., стр. 16. В библиотеке Пушкина находилось издание: «Benjamin Constant. — Collection complète des ouvrages publiés sur le gouvernement représentatif et la constitution actuelle de la France, formant une espèce de cours de politique constitutionnelle» (Бенжамен Констан, «Полное собрание статей, изданных о представительном образе правления и современной конституции Франции, образующих некоторого рода курс конституционной политики», Париж, 1818—1820) (см. *ПС* IX — X, № 815).

У Бенжамена Констана это место читается так: «Cette chambre legislative est un corps» и т. д. Пушкин слова «cette chambre legislative» (эта законодательная палата) заменил, в соответствии с предыдущим текстом, словом «la pairie», что и дает основание переводить в данном случае «la pairie» — как «палата пэров».

Выписки эти сделаны в связи с занятиями Пушкина историей Великой французской революции, которой он заинтересовался после революции в Париже 1830 г.

34.

.....les Francs envahissoient la Gaule; les Visigoths s'emparoient de l'Espagne; les Ostrogoths sous Theodose dominoient en Italie, bientôt après chassés pas les Lombards. L'Empire Romain, du tems de Clovis, n'existoit plus que dans la Grèce, l'Asie mineure et dans l'Egypte, tout le reste étoit la proie des Barbares. Scythes, Vandales et Francs se firent Chrétiens.....

Les Goths s'emparerent de Rome après les Hérules. Theodoric établit le siège de son empire à Ravenne au comm. du 6-me siécle. Il exerça sur les Romains la même autorité que les Cesars, conservant le Sénat, jugeant les Goths par les loix gothiques et les Romains par les loix Romaines..... Le Gouvernement municipal subsistoit toujours..... Venise étoit déjà puissante.

Pepin avoit partagé ses état entre ses deux enfants, Karlman et Karl: une assemblée solennelle de la nation avoit ratifié le testament.

le royaume de Pepin s'étendoit de la Bavière aux Pyrenées et aux Alpes. Mais il n'en avoit pas à beaucoup près, le domaine directe. La Baviere, l'Aqquitaine, la Provence, la Bretagne rendoient hommage et payoient tribut.

Charlemagne transporta près de 10,000 familles Saxonnes en Flandre, en France et dans Rome; Il établit des Colonies de Francs dans les terres des vaincus...... Il institua la cour Veimique, ou la cour de Westphalie, dans le bourg de Dortmund......

C'est sous Dagobert que commence l'autorité des maires du Palais. Après lui viennent les rois fainéants la confusion et le despotisme de ces maires.

Ni Clovis ni ses successeurs ne firent du Clergé un ordre de l'état. le Gouvernement ne fut que militaire..... Les éveques n'assistoient [1] pas aux assemblées de la Nation franque. Ils étoient tous ou Gaulois ou Italiens, regardés Serfs.... les maires s'appuyerent sur leur autorité en les appelant aux assemblées du Champ de mai (en 692).

Charlemagne étoit obligé à de très grands ménagements devant une nation de guerriers rassemblée en parlement. «Nous vous avertissons, dit-il dans un de ses capitulaires, qu'en considération de notre humilité et de notre obeissance à vos conseils, etc.» mais le parlement dissous, il devenoit despote.

La nation des Francs eut le droit d'élection. Charlemagne le reconnoissoit.... Des comtes, nommés par le Roi rendoient sommairement la justice. Ils avoient leur district assignés. Chaque comte avoit sous lui un lieutenant (viguier) sept assesseurs (scabini) un

[1] *Было:* ne s'assembloient.

greffier (notarius) les Comtes publioient l'ordre des marches, enroloient les soldats sous les centeniers; en tems de guerre leur lieutenant fesoient la fonction de juges. Les Rois envoyoient des commissaires (missi dominici) qui examinoient la conduite des comtes.

Presque tous les délits se rachetoient.... Dans les causes criminelles indécises on se purgeoit par serment..... Quand les deux parties oppossoient serment à serment, on ordonnoit le combat.

La loi salique étoit facilement éludée et les filles héritoient. On emmenoit la fille devant le comte ou [1] le commissaire; on lui disoit: Ma fille, Un usage ancien et impie etc., mais considérant l'injustice etc.

Il n'y avoit que deux ordres de cytoyens: les libres et les serfs. Le terme nobilis signifioit dignitaire. toutes les villes de France et d'Italie se gouvernoient selon leur droit municipal, leurs tributs consistoient en foderum, paratum, mansionaticum (fourrages, vivres, meubles).

Charles le Gros assembla un parlament à Mayence, lequel lui ota le trône.

(912) Le Danois Rolon, ou Raoul s'empara de Rouen; il épousa la fille de Charles-le Simple. Il obtint la Normandie et puis la Bretagne. Ce fut un état séparé, quoique les Ducs rendissent hommages au Rois de France.

Le Goùvernement Féodal a pour origine la coutume d'imposer un hommage et un tribut au plus faible.

(948)[2] Louis d'Outremer, fils de Charles le Simple dit dans un concile d'évèques que tenoit Othon — le Grand à Mayence: «J'ai été reconnu roi et sacré par les suffrages de tous les seigneurs et de toute la noblesse de France etc».... l'usage de donner la couronne par les suffrages des Seigneurs fut bientôt après aboli.

Louis, le dernier des descendants de Charlemagne, n'avoit plus pour tout domaine que les villes de Laons et de Soissons. Chaque province avoit ou ses comtes ou ses ducs hereditoires; celui qui n'avait pu se saisir que de deux ou trois bourgades, rendoit hom-

[1] *Было:* et.
[2] *Было:* 988.

mages aux usurpateurs d'une province, et qui n'avoit qu'un chateau relevoit de celui qui avoit usurpé une ville...

Le tems et la necessité établirent que les seigneurs des grands fiefs marcheroient avec des troupes au secours du roi. Tel seigneur devoit 40 jours de service; tel autre 25. Les arrieres-vassaux marchoient aux ordres de leurs Seigneurs imediats — On servoit l'état quelques jours et on se fesoit la guerre entre soi toute l'année. Les conciles entrevinrent en vain; ils établirent qu'on ne se battroit pas depuis le jeudi jusqu'au point du jour de lundi; au tems de pâques et dans d'autres fêtes. Cependant chaque chateau etoit la capitale d'un petit état de brigand; chaque monastère étoit en armes.

Une anarchie semblable à celle de la France dans tous les royaumes fit sa sureté.

Le Faste consistoit à avoir le plus de chevaux, et d'écyers (vaslets, vassalet) qu'on pouvoit. Les armées consisterent en cavaleries.

Les paysans servoient plutôt de pionniers que de combattants.

Les loix génerales et en vigueur furent celles que plus puissants firent pour le service des fiefs. tous les autres objets de justice distributives furent abandonnés aux maitres d'hotel, prévots, baillis nommes par les possesseurs des terres.

Les vassaux d'un même seigneur l'accoutumèrent à s'appeler pairs (par, pares, égal)

On institua (mais non partout) le Jury en matiere criminelle. Mais leur nombre n'étoit pas fixé; ils étoient pairs entre eux, mais non pairs de leur seigneur féodal.

Les Ducs de Guienne, de Normandie, de Bourgogne, les comtes de Flandres, de Toulouse étoient en effet pairs de France.

Les Barons de Normandie, assemblés en forme d'état, refuserent de l'argent à leur Duc lors de l'expedition de Guillaume (1066).

Au 12 siecle le gouvernement féodal étoit en vigueur dans toute l'Europe.... Si le seigneur d'un fief disoit à son homme lige: venez vous-en avec moi, car je veux guerroyer le Roi, mon maître, qui me dénie justice; l'homme lige devoit d'abord trouver le Roi, et lui demander s'il étoit vrai qu'il eu refusé justice à ce seigneur — En

cas de refus l'homme lige devoit marcher contre le Roi au service de ce seigneur le nombre de jours prescrits, ou perdre son fief..... Cette loi fut en vigueur en France jusqu'à l'extinction de la maison de Bourgogne.

....Sous[1] les premiers Capets tous les petits vassaux combattoient contre les grands, et les Rois conte les barons du Duché de France. Les Ducs de Normandie protegoient ces desordres. Voilà pourquoi Louis le Gros eut tant de peine à soumettre un sire de Couçi; un Baron de Corbeil, un Sire de Montlhéri, de Puiset un seigneur de Baudoin, de Chateaufort. Il n'osa pas les condamner à mort.

Le Gouvernement feodal déplaisoit également au Rois d'Angleterre, de France et d'allemagne. Ils s'y prirent presque de même et presqu'en même tems pour avoir des troupes independemment de leur vassaux. Louis le-jeune donna des privilèges à toutes les villes de son domaine à condition que chaque paroisse marcheroit à l'armée. Plusieurs serfs affranchis devinrent cytoyens et on eut le droit d'élire ses officiers municipaux, ses échevins et ses maires (1137 et 38).

(1199) Jean sans terre s'emparra de la Bretagne qui apartenoit à son neveu Artur. Celui-ci fut fait prisonnier et disparu bientôt après. la Comtesse de Bretagne sa mère, fit présenter à la cour des pairs de France une requête signée de tous les Barons de Bretagne. Le Roi d'Angleterre fut sommé par les Pairs de comparaître. Ne l'ayant pas fait, les Pairs de France le condamnerent à mort (1203) et declarerent tous ses biens cités en France acquis et confisqués au Roi. Quels étoient ces pairs? Les Eclesiastiques ne pouvoient assister à un jugement criminel; Il n'y avoit à Paris ni Comte de Toulouse, ni comte de Flandre, le comte de Champagne étoit mort. C'étoit l'accusé qui étoit Duc de Guienne et de Normandie. L'assemblé des Pairs fut donc composés de Hauts Barons relevant imédiatement de la couronne; celle-la même qui étoit convoquée alors à Melun pour régler les loix feodales (stabilimentum feudorium) Eudes, Duc de Bourgogne y présidoit sous le roi Philippe-Auguste. On n'y trouve aucun grand officier de la couronne.

---

[1] *Было*: Dans.

Louis IX établit le premier la justice de ressort; il créa 4 grands baillages Royax. des lettrés furent admis aux séances des parlements ou les chevaliers décidoient de la fortune des cytoyens.

La liberté que la plupart des bourgardes acheterent de leurs seigneurs est due aux croisades. Le gouvernement municipal s'accrut der ruines des possesseurs des Fiefs.

Le gouvernement feodal de[1] France[1] avoit été conquerant. l'Angleterre, la Sicile, Antioche, Jerusalem et Constantinople furent subjugués tour à tour.

Sous Philippe le-bel (1285) Le tiers-état fut admis aux assemblées de la nation; des tribunaux suprêmes furent érigés sous le nom de parlements, une nouvelle pairie fut instituée. Les états furent convoqués (1303) pour décider que Boniface VIII n'étoit pas roi de France.

Les état-géneraux étoient semblables aux parlements Anglois; et le parlement de Paris étoit ce que la cour du bar du Roi étoit à Londres.

Les états de 1355 firent signer au Roi Jean de France les mêmes reglements qu'avoit signé Jean d'Angleterre: les subsides, la nature des subsides, leur durée, le prix des espéces. Ils imposerent un subside d'environs 190,000 marcs d'argent (10, 500, 000 l.) pour trente milles gendarmes, c. à. d. 80,000 hommes en tout. Cette Charte fut passagère; celle des Anglois fut perpetuelle.

Перевод:

.....Франки вторгались в Галлию, вестготы захватывали Испанию; остготы, владычествовавшие в Италии при Теодорихе, вскоре были изгнаны ломбардцами. Римская империя во времена Хлодвига существовала уже только в Греции, в Малой Азии и в Египте. Всё остальное было добычей варваров. Скифы, вандалы и франки приняли христианство.....

Готы захватили Рим после герулов. Теодорих установил местопребывание своего престола в Равенне в начале VI века. Он пользовался над римлянами той же властью, что и цезари, причем он сохранил Сенат и судил готов по готским законом, а римлян по римским..... Городское управление всё продолжало существовать..... Венеция уже была могущественна.

---

[1] *Вставлено позднее.*

Пипин разделил свое государство между своими двумя детьми — Карломаном и Карлом: торжественное народное собрание ратифицировало завещание.

Королевство Пипина простиралось от Баварии до Пиренеев и Альп. Но прямого владения в большей его части он не имел. Бавария, Аквитания, Прованс и Бретань приносили присягу верности и платили дань.

Карл Великий переселил около 10 000 саксонских семей во Фландрию, во Францию и в Рим; он основал колонии франков в землях побежденных..... Он учредил тайный уголовный суд или Вестфальский суд в Дортмунде.....

При Дагобере начинается власть мэров дворца. После него идут короли-бездельники, беспорядок и деспотизм этих мэров.

Ни Хлодвиг, ни его преемники не сделали из духовенства государственной категории. Управление было исключительно военное. Епископы не присутствовали на собраниях франкского народа. Они все были или галлы, или итальянцы, рассматриваемые как рабы. Мэры нашли поддержку в их авторитете, призвав их на собрания майского поля (в 692 г.).

Карл Великий был вынужден очень считаться с нацией воителей, собранной в парламенте. «Мы вас уведомляем, — говорит он в одном из своих капитуляриев, — что во внимание к нашему смирению и покорности вашим советам и т. д.», но, как только парламент бывал распущен, он вновь становился деспотом.

Франкский народ имел право выборов. Карл Великий признавал его... Графы, назначенные королем, творили краткий суд. У них были определенные округи. Каждый граф имел в своем подчинении одного заместителя (viguier — судья), семь заседателей (scabini) и одного секретаря суда (notarius). Графы отдавали приказы о походах, вербовали солдат в отряды сотников. Во время войны их заместители выполняли обязанности судей. Короли посылали комиссаров (missi dominici), которые проверяли поведение графов.

Почти при всех преступлениях можно было откупаться.... В неясных судебных случаях снимали с себя обвинение клятвой..... Когда обе стороны противопоставляли клятву клятве, назначался поединок.

Салический закон легко обходился, и дочери наследовали. Дочь приводили к графу или к комиссару; ей говорили: «Дочь моя, старинный и нечестивый обычай и т. д., но, принимая во внимание несправедливость и т. д.».

Существовали лишь две категории граждан — свободные и рабы. Термин nobilis обозначал высшее должностное лицо. Все города Франции и Италии управлялись согласно своему муни-

ципальному праву. Foderum, paratum и mansionaticum (фураж, продовольствие, движимость) составляли их дань.

Карл Толстый созвал парламент в Майнце, который лишил его престола.

(912) Датчанин ⟨?⟩ Ролон или Рауль захватил Руан; он женился на дочери Карла Толстого. Он получил Нормандию, затем Бретань. Это было отдельное государство, хотя герцоги приносили присягу верности королям Франции.

Феодальный образ правления возник из обычая налагать на более слабого присягу верности и дань.

(948) Людовик Заморский, сын Карла Толстого, сказал на соборе епископов, созванном Оттоном Великим в Майнце: «Я был признан королем и помазан волей всех сеньеров и всего дворянства Франции и т. д.»... Обычай предоставлять корону голосованием сеньеров был вскоре отменен.

Людовик, последний из потомков Карла Великого, имел в своем владении всего лишь города Лан и Суассон. Каждая провинция имела или своих графов, или наследственных герцогов; тот, кто сумел захватить только два или три поселка, приносил присягу верности захватчикам провинции, а кто имел один лишь замок, зависел от того, кто захватил город...

Время и необходимость установили, что сеньеры крупных фьефов должны были со своими войсками выступать на помощь королю. Так один сеньер обязан был 40 днями службы, другой 25 днями. Под-вассалы выступали по требованию своих непосредственных сеньеров. Государству служили несколько дней, а между собой воевали круглый год. Соборы напрасно вступались; они установили, что воевать нельзя было с четверга до зари понедельника, в пасхальное время и в другие праздники. Тем не менее каждый замок был столицей маленького разбойничьего государства, каждый монастырь был вооружен.

Анархия, подобная французской, укрепилась во всех королевствах.

Роскошь состояла в том, чтобы иметь возможно больше лошадей и оруженосцев (vaslets, vassalets). Армии состояли из кавалерии.

Крестьяне служили скорее разведчиками, чем воинами.

Общими и действующими законами были те, что составлялись самыми могущественными для нужд фьефов. Все другие предметы распределительного правосудия предоставлялись домоуправителям, старостам и судьям (бальи), назначенным землевладельцами.

Вассалы одного и того же сеньера приучили его именоваться пэром (par, pares — одинаковый).

Установили (но не всюду) суд выборных по делам уголовным. Но их количество не было определено; они были равны (pairs) между собой, но не равны со своим феодальным сеньером.

Герцоги Гиени, Нормандии, Бургундии, графы Фландрии и Тулузы действительно были пэрами Франции.

Бароны Нормандии, собранные в форме штатов, отказали в деньгах своему герцогу во время похода Вильгельма (1066).

В XII веке феодальная форма правления была в силе во всей Европе... Если сеньер фьефа говорил своему вассалу: «Идите со мной, так как я хочу воевать с королем, моим господином, который отказывает мне в правосудии», вассал должен был сначала отправиться к королю и спросить его, правда ли, что он отказал в правосудии сеньеру. В случае отказа, вассал должен был участвовать в походе против короля на службе этого сеньера предписанное число дней или потерять свой фьеф... Этот закон действовал во Франции до пресечения Бургундской династии.

При первых Капетингах все мелкие вассалы сражались против крупных, а короли против баронов герцогства Франции. Герцоги нормандские покровительствовали этим беспорядкам. Вот почему Людовик Толстый с таким трудом подчинил господина де Куси, барона де Корбейль, господина де Монлери, де Пюизе, сеньера де Бодуэн, де Шатофор. Он не решился приговорить их к смерти.

Феодальный образ правления одинаково не нравился королям Англии, Франции и Германии. Они почти одинаково и почти одновременно взялись за то, чтобы иметь войска независимо от своих вассалов. Людовик Молодой дал привилегии всем городам своего владения при условии, что каждый приход будет нести военную службу. Несколько рабов, получивших свободу, стали гражданами, и было получено право избирать своих муниципальных должностных лиц, своих заседателей и своих мэров (1137 и 1138).

(1199) Иоанн Безземельный захватил власть, которая принадлежала его племяннику Артуру. Последний был взят в плен и вскоре исчез. Графиня Бретонская, его мать, представила в палату пэров Франции ходатайство, подписанное всеми баронами Бретани. Пэры потребовали, чтобы король Англии явился в палату. Когда он на это не пошел, пэры Франции приговорили его к смерти (1203) и объявили все его владения, находящиеся во Франции, приобретенными и конфискованными у короля. Кто были эти пэры? Духовные лица не могли присутствовать при рассмотрении уголовного дела. В Париже не было ни графа Тулузского, ни графа Фландрского; графа Шампанского уже не

было в живых. Подсудимый был герцогом Гиеньским и Нормандским. Собрание пэров было, стало быть, составлено из высших баронов, непосредственно подчиненных короне. Что касается того, которое было созвано в Мелёне, чтобы установить феодальные законы (stabilimentium feodorium), то на нем председательствовал Эд, герцог Бургундский, при короле Филиппе-Августе. Ни одного высшего чиновника короны на этом собрании не было.

Людовик IX первый установил инстанционные суды; он создал четыре больших королевских судебных округа. Лица с образованием были допущены на заседания парламентов, где рыцари решали судьбу граждан. Свободой, которую большинство посадов покупали у своих сеньеров, они были обязаны крестовым походам. Муниципальное управление росло за счет разорения владельцев фьефов.

Феодальное правление во Франции было завоевательным. Англия, Сицилия, Антиохия, Иерусалим и Константинополь поочереди были покорены.

При Филиппе Красивом (1285) третье сословие было допущено в народные собрания; были учреждены верховные суды под названием парламентов, основана была новая пэрия. Штаты были созваны (1303), чтобы решить, что Бонифаций VIII не является королем Франции.

Генеральные штаты были подобны парламентам Англии; и парламент Парижа был тем же, чем суд королевской скамьи в Лондоне.

Штаты 1355 года заставили Иоанна Французского подписать те же установления, которые подписал Иоанн Английский: налоги, природу налогов, их срок, цену денежных знаков. Они наложили приблизительно 190 000 серебряных марок (10 500 000 л.) за тридцать тысяч вооруженных человек, то есть 80 000 человек всего. Эта хартия была временной, тогда как у англичан она была постоянной.

Выписки эти сделаны рукой Пушкина в той же тетради № 2377 Б, в которой и предыдущие, но начаты с последнего листа тетради верхом вниз (лл. 10_2—5).

Печатается впервые.

Многоточия поставлены Пушкиным и обозначают, что на их месте какой-то текст пропущен.

Откуда сделана Пушкиным эта выписка по истории французского феодализма, установить пока не удалось. Нами обследованы следующие издания:

*

1) *Anquetil* — Histoire de France depuis les gaulois jusqu'à la fin de la monarchie, P., 1805, 14 vol.
2) *Barante* — Histoire des Ducs de Bourgogne. 13 vol.
3) *Daunou P. C. F.* — Cours d'études historiques, Paris.
4) *Guizot* — Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en France depuis la chute de l'empire romain jusqu'à la révolution française, P., 1828.
5) *Guizot* — Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'empire romain jusqu'en 1789, P., 1829 — 1830 (4 vol.)
6) *Guizot* — Essais sur l'histoire de France.
7) *Hallam Henry* — L'Europe au moyen âge. Traduit de l'anglais par P. Dudoit, avocat, et A. Borghers, P., 1828. 4 vol.,
8) *Liqquet T.* — Histoire de Normandie depuis les temps les plus reculés jusqu'à la conquête de l'Angleterre en 1066, Rouen, 1835.
9) *Mezeray F. de* — Histoire de France, depuis Faramond jusqu'au règne de Louis le Juste, Paris, nouvelle édition, 1685.
10) *Michelet* — Histoire de France, Bruxelles, 1834.
11) *Michelet* — Précis de l'histoire de France, 1 vol. in 18°, P.
12) *Michelet* — Précis d'histoire moderne, Paris, III édit., 1832.
13) *Mignet F.-A.* — De la féodalité, des institutions de St. Louis et de l'influence de ce prince, Paris, 1822.
14) *Mignet F.-A.* — Histoire de la Révolution française depuis 1789 jusqu'en 1814.
15) *Millot Claude-François-Xavier, l'abbé* — Élements de l'histoire de France depuis Clovis jusqu'à Louis XV, P., 1806.
16) *Müller Jean* — Histoire universelle divisée en vingt quatre livres. Ouvrage posthume. Traduit de l'allemand par J. G. Hess., Liège, 1829, 4 vol.
17) *Robertson William* — Histoire du règne de l'empereur Charles-Quint, précédé d'un tableau des progrès de la société en Europe, traduite de l'anglais par Suard, P., 1817, 4 vol.
18) *Sismonde de Sismondi Y. C. L.* — Histoire de la chute de l'empire romain et du déclin de la civilisation de l'an 250 à l'an 1000, Bruxelles, 1836.
19) *Sismonde de Sismondi Y. C. L.* — Histoire des français, P., 1821 — 1823, 4 vol.
20) *Staël M-me de* — Considérations sur les principaux événements de la Révolution française, Paris, 1820, 3 vol.
21) *Thierry Augustin* — Dix ans d'études historiques, Bruxelles, 1835.
22) *Thierry Augustin* — Lettres sur l'histoire de France pour servir d'introduction à l'étude de cette histoire, P., 1827.
23) *Thierry Augustin* — Récits des temps mérovingiens, precédés de considérations sur l'histoire de France.
24) *Thiers M.-A.* — Histoire de la Révolution française.
25) *Vélly, l'abbé* — Histoire de France depuis l'établissement de la Monarchie jusqu'au règne de Louis XIV, Paris, 1769 (40 volumes).

35.

⟨л. 100₁⟩

10 mars 1832
Bibl⟨iothèque⟩ de Volt⟨aire⟩

⟨лл. 99₂—97₂⟩

1) Biblia. Breves in eadem annotationes ex doct.⟨is⟩ interpret.⟨ationibus⟩ & Hebraeorum commentariis — Paris⟨iis⟩ 1532 1 vol. in f⟨olio⟩.

2) S. P. Justinii Philosophi & martyris opera quae ex⟨s⟩tant omnia cum Mss coidicibus collata, ac novis Interpretationibus, notis, ad monitionibus & praefationi illustrata, cum indicibus copiosis — Opera & studii unius ex monachis Congregagationis[1] S. Mauri Venetiis 1747 — 1 vol. in f.

3) Q. Septimi Florentis Tertulliani Opera ad vetustissimorum exemplarium fidem Sedulo emendata, diligentia Nic. Rigaltii I. C. — Cum ejusdem annotationibus integris & variorum commentariis Seorsim antea editis. Ph. Priorius Argumenta et nota in libros omnes de novo adjecit — accedunt Novatiani Tractatus de Trinitate, et cibis Judaicis cum Notis. Lutetiae Parisiorum 1675 1 vol. in f.

4) Sancti Hieronymi Stridonensis Opéra omnia cum notis et Scholiis, variis item Lectionibus, Desiderii Erasmi Roterdami, Mariani victorii Reatini, Henrici Gravii Frontionis Ducaei Latini Latinnii aliorumque. Francofurt⟨i⟩. 1684—4 vol. in f.

5) Thesaurus Temporum Eusebii Pamphili Caesariae Palestinae Episcopi chronicorum Canonum omnimodae historiae libri duo interprete Hieronymo ex fide vetustissimorum Codi⟨c⟩um Castigati — Item auctores omnes derelicta ab Eusebio, & Hieronimo continuantes — Opera ac studio Josephi Justi Scaligeri Julii Caesaris a Burden filii — Lugduni Batavorum 1606 — 1 vol in f.

---

première page du
Catalogue de[2] la Bi⟨bliothèque⟩ de V⟨oltaire⟩.

⟨л. 96₁⟩

manuscrit La Poloniade

---

[1] *Описка Пушкина, произошедшая из-за переноса на новую страницу.*
[2] *Перерправлено из* des.

⟨л. 96_2⟩

Extraits de convulsions et discours de differents convulsio⟨n⟩ naires [tout] concernant Mr Arouet connu dans les convulsions sous le nom de Fr⟨ère⟩ Brou ou de gros Brou, frère de Mr de V.⟨oltai-re⟩ — manuscrit 1 vol⟨ume⟩ in 4. 1re
(armoire 2)

Записи карандашом на лл. 96_1—96_2, 97_2—99_2 и 100_1 тетради Пушкина, хранящейся в *ПБЛ*, в бумагах А. А. Краевского (см. *РП*, № 43, стр. 26). Записи делались начиная с конца тетради.

Из этих записей впервые были напечатаны И. А. Бычковым в описании бумаг А. А. Краевского (см. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб. 1893, стр. 37 отт.) лишь две даты, о самих же записях сказано, что это «заглавия некоторых старинных книг». Л. Б. Модзалевским в *РП*, стр. 26, напечатана небольшая часть записей. Полностью записи напечатаны Д. П. Якубовичем в № 16—18 «Литературного Наследства» с воспроизведением факсимиле на стр. 913—917.

Записи представляют собою выписки из каталога библиотеки Вольтера и сделаны Пушкиным в самой библиотеке Вольтера, после смерти писателя приобретенной русским правительством и хранившейся в Эрмитаже.

Поводом для Пушкина проникнуть в эту библиотеку было желание познакомиться с «разными редкими книгами и рукописями, доставленными Вольтеру Шуваловым для составления его „Истории Петра Великого“», как писал поэт Бенкендорфу 24 февраля 1832 г. Просимое разрешение было дано, и 10 марта Пушкин уже занимался в библиотеке Вольтера.

Из какого каталога делал выписки Пушкин, неизвестно. Можно думать, что он начал было снимать копию с этого каталога, но, списав первую страницу, бросил это делать.

Выписаны (с ошибками) заглавия пяти изданий:

1. Библия на латинском языке с краткими примечаниями. Второе издание знаменитого парижского печатника Роберта Этьенна, вышедшее в свет 6 ноября 1532 г. и подвергшееся преследованиям со стороны Сорбонны. Подробно описано у Panzer «Annales typographici», VIII, p. 156, № 2147, и у A. A. Renouard «Annales de l'imprimerie des Estienne». Deuxième édition, Paris, 1843, pp. 35—36.

2. Сочинения Юстина Мученика и Философа, греческого христианского писателя II века, автора «Апологии в защиту христиан». Бенедиктинец из конгрегации св. Мавра, редактировавший сочинения Юстина, назывался P. Maranus. Первое его издание вышло в Париже в 1742 г., второе — в Венеции в 1747 г.

3. Собрание сочинений Тертуллиана, знаменитого христианского писателя II — III вв., под редакцией филолога и юриста Никола Риго (по-латыни Rigaltius). Первое его издание вышло в 1634 г.

4. Собрание сочинений Иеронима Стридонского, знаменитого латинского отца церкви IV—V вв., автора латинского перевода Библии, принятого в католической церкви (Вульгата). Это одно из многих изданий.

5. «Сокровище времен» Евсевия Памфила (III — IV вв.), первого и важнейшего историка древнего христианства. Это сочинение сохранилось лишь в армянском переводе, но главная часть сохранилась также в переводе Иеронима на латинский язык. Этот перевод многократно переиздавался, начиная с 1475 г. Издание 1606 г. в Лейдене сделано известным филологом XVI в. Иосифом Юстом Скалигером, сыном философа Юлия Цезаря Скалигера.

По указанию Д. П. Якубовича (в статье в № 16—18 «Литературного Наследства») все эти книги и ныне хранятся (№№ 229—233 нового шифра) в библиотеке Вольтера, находящейся в *ПБЛ*.

Из рукописей в библиотеке Вольтера Пушкин отметил трактат о конвульсионерах. По весьма вероятному предположению Якубовича, о существовании этой рукописи в библиотеке Вольтера Пушкин узнал из «Мемуаров» Лонгшмана и Ваньера, секретарей Вольтера. Рукопись посвящена секте конвульсионеров, распространенной в высших классах Парижа в 1730-х гг. Вольтер выступал против этих изуверов, истязавших девушек.

La Poloniade — поэма Фридриха II, направленная против польских конфедераторов.

Обе рукописи также хранятся в библиотеке Вольтера (№№ 211 и 240).

36—38.

Z Mickewicza
Oleszkiewicz.

Dzień przed powodzią Peterzburską 1824.

Gdy się najtęższym mrozem niebo żarzi [1]
Nagle ssinialo, plamami czernieje
Podobne zmarzlej nieboszczyka twarzy
Ktora się w iźbie przed piecem rozgrzeje
Ale nabrawszy ciepla a nie źicia,
Zamiast oddechu, zionie parą gnicia.

---

[1] *Было:* czernije.

Wiatr zawial cieply.—Owe slupy dymów,[1]
Ow gmach powetrzny jak czarów widziadlo,[2]
Rumęlo w gruzy i na ziemlę spadlo:
I dym rzekami po ulicach[3] plynął,
Zmieszany s parą cieplą i wilgotną;
Snjeg zaczął topnieć i nim wieczor minął,
Oblewal bruki rzeku Stygu blotną.
Sanki uciekli, Kocze i landary
Zerwano s plozow; grzmia po bruku kola
lecz pośród mroku i dymu i parzy,
Oko pojazdow rozróżnic nie zdola;
Widac jo tylko po latarek blyskach
Jako plomyki blędne na bagniskàch

Sczli owi mlodzi podróżni nad brzegiem
Ogromnei Newy; lubiąe iść o zmroku,
Bo czinownikow uniknu widoku,
I w pustèm miejscu nie zejdą się szpiegiem.
Sczli obcym s sobą gadając jezykiem
Czasem pieśń jakąś obcą, s cicha nócą,
Czasami staną i oczy obrocą,
Czi Kto nie slucha?—Nie zeszli się s nikiem
Noçąc blądzili nad Newy karytem
Które się scągnie jak Alpejska s ciana,
Aż się wstrzymali, gdzie między granitem
Ku rzece droga spada wyrąbana.
Stamtąd, na dole, urzeli z daleka
Nad brzegiem wody z latarką czlowieka;
Nie szpieg, bo tylko szledzil czegoś w wodzie,
Ani przewoźnik, ktoż plywa po lodzie?

---

[1] *Написано русское* м *и* в, *переделанное* в w.
[2] *В автографе ошибочно соединены два стиха:*

Ów gmach powietrzny jak miasto olbrzymów,
Niknąc pod niebem jak czarów widziadło,

[3] *Было:* ulyzim.

Nie jest rybakiem, bo nic nie mial w ręku
Oprocz latarki i papierow pęku.
Podeszli bliżej, on nie zwrócil oka,
Wyciągnal powroz, ktory w wodę zwisal,
Wyciągnąl, węzly zliczyl i zapisal;
Zduwal się, mierzić jak woda gląboka
Odblask latarki otbity od lodu
oblewa jego xiegi tajemnicze,
I pochylone nad świécą oblicze
Żolte, jak oblok nad sloncem zachodu;
Oblicze piękne, szlachetne, surowe.
Okiem tak pilnie w swojej xiędze czytal
Że slysząc obcych kroki i razmowę
tuż po nad sobą, kto są nie zapytal,
I tylko z ręki lekkiego skinienia
Widać że prosi, wymaga milczenia.
Coż tak dziwniego bylo w ręku ruchu,
Że choć podróżni tuż nad nim Staneli
Patrząc, i scepcąc i śmiejąc[1] w duchu,
Umilkli wszyscy, przerwac mu nie śmieli.
Jedeń w twarz spójrzal i poznal i krziknąl:
to on! i ktoż on? Polak, jest molarzem,
lecz go wlasciwej nazywać guślarzem,
Bo dawno od farb i pędzla odwyknąl,
Biblią tylko i kabalę bada
I mowią nawet, że z duchami gada.
Malarz tym czasem wstal, pisma swe zložyl,
I rzekl jak gdyby rozmawiając sobą:
Kto jutra dożyl, wielkich cudow dozyl,
będze to drugą, nie ostatnią probą,
Pan Wstrąsnie sczceble assurskiego tronu
Pan wstrąsnie grunty miasta Babilonu
lecz trecią widziec, Panie, nie daj czasu! —
Rzekl i podrożnich zastawil u wody
A sam z latarką zwolna szedl przez schody

---

[1] *Дальше зачеркнуто* [ąs] *вместо нужного:* się.

I zniknął wkrotze za parkan terasu.
Nikt nie zrazumial, co ta mowa znaczy:
Jedni zdumieni, drudzi rozsmiesceni,
Wszyzcy krzyknąli: Nasc guślarz dziwaczy.
I chwilę jesze stojąc posròd cieni,
Widząc noc poźną, chlodną i burzliwą
Każdy do domu powracal co żiwo.
Jeden nie wrócil, lecz na schody skoczil,
I begl terasem, nie widzial czlowieka,
tylko latarku jego zdala zoczyl,
Jak blędna gwiazda świecila zdaleka.
Chociaż w malarza nie zajrzal oblicze
Choć nie doslyszal co o nim mowili,
Ale dzwięk glosu, slowa tajemnicze
tak nim wstrząsnęly — przypomnial po chwili
Ze glos ten slyszal, i begl, co mial mocy
Nieznaną drogą, sròd sloty sròd nocy.
Latarka prędko niesiona mignęla,
Coraz mniejszala, zakryta mgly mrokie:
Zdala sie gacnąc; w tem nagle stanęla
W posròdku pustek na placu szerokim.
Podrożni kroki podwoil, dobiega.
Na placu lieżal wielki stos kamieni
Na jednym glazie malarza spostrzega:
Stal nieruchomy posród nocnych cieni,
Glowa otkryta, odsloniony barki
A prawa ręka wzniesiona do góry,[1]
I widac bylo s kierunku latarki,
Że patrzyl w dworca cesarskiego mury.
I w murach jedno okno w samym rogu
Błysczalo światlem, to światlo on badal,
Szeptal ku niebu, jak modląc się bogu,
Potem glos podniosl i sam s sobą gadal.
ty nie[2] spisz carze! — noc już w kolo glucha,
Spią już dworzanię — a ty nie spisz carze

[1] *Было:* [nieb].
[2] *Вставлено над строкой.*

Jescze bóg laskaw poslal na cię ducha,[1]
On cie w przeczuciach ostrzega o karze,
Lecz car chce zasnąć, gwaltem oczy zmruża.
Zaśnie glęboko — dawnej, ileż razy
Byl ostrzegany od aniola stroża
Mocnej, dobitnej, sennemi obrazy.
— On tak zly nie byl; dawniej byl czlowiekem
Powoli wreszce, sszedl aż na tyrana,
Anioly Panskie uszli, a on z wiekiem
Coraz to gblęjej[2] padal w[3] moc szatane.
Ostatnią radę, to przeczucie ciche
Wybije s glowy jak marzenie liche
Nazajutrz w dumę wzbiją go pochlebce
Wyżej i wyżej, aż go szatan zdepce....
— Ci w niskich domkach nikczemni poddani,
Naprzód za niego będą ukarani;
Bo piorun w martwe gdy bije zywioly
Zaczina z wierzchu, od gory i wieży,
Lecz między ludzmi, naprzod bije w doly
I najmniej winnych najperwej uderzy....
— Usnęli w pijanstwie, w swarach lub w roskoszy
Zbudzą się jutro — biednie czaszki trupie!
Spijcie spokojnie jak żwierzęta glupie
Nim was gniew Panski jak myśliwiez sploszy
Tepiący wszystko co w knei spotyka
Aż dojdzie w koncu do legowisk dzika. —
Slyszę! — tam! — wichry — juz wytknęli glowy
S polarnych lodow, jak morskie straszydla;
Już sobie z chmury porobili skrzydla,
Wsiedly falę, zdjęli jej okowy;
Slyszę! — już morska otchlan roschelznana[4]
Już mokra szyję pod obloki wzdyma;

---

[1] *В этом слове* u *написано над зачеркнутым русским* у.
[2] *Вместо:* głębiéjd. *Было начато:* głęb.
[3] *Было:* въ.
[4] *В автографе дальше пропущен следующий стих:*

Wierzga i gryzie lodowe włdzidła.

Już — jescze jeden, jeden lancuch trzyma
Wkrótce rozkują; slyszę mlotow kucie...

Rzekl i postrzeglszy ze ktoś slucha z boku
Zadmuchnął święcę i przsepadl w pomroku.
Blysnął i zniknął jak niesczęść przeczucie,
Ktore yderzi [1] w serce, niespodziane
I przeide straszne — lecz niezrozumiane

Do Przyiaciol moskali.

Wy czy mnie wspominacie! ja ilekroc marze
O mych przyiaciol smerciach, wygnaniach, więzieniach
I o was myslę: wasze cudoziemskie twarze
Mają obywatelstwa pravo w mych marzeniach.
Gdzież wy teraz? Ślachetna szyja Rylejewa,
Ktorąm jak bratnią ściskal, carskiemi wyroki
Wisi do hańbiącego przywiązana drzewa,
Klątwa ludóm co swoje morduja proroki?
ta ręka, którą do mnie B⟨estużew⟩ wyciegnął,
Wieszcz i żolnierz; ta ręka od piora i broni,
Oderwana,i car ją do tacki zaprządgnął;
Dziś w minach ryje, skuta obok polskiej dloni —
Innych może dotknęla sroższa niebios kara;
Może kto z waś, urzędem, orderem zhańbiony,
Duszę wolną na wieki przedal w laskę cara,
I dziś na progach jego wybija pokloni
Może platnym jęzikiem triumf jego slawi,
I cieszy się ze swoich przyjaciol męczęstwa;
Może w ojczyżnie mojej moją krwią się krwawi,
I przed carem jak z zaslug, chlubi sie s przeklęstwa.
Ieśli do was z daleka, od wolnych narodow
Aż na polnoc zalecą te piesni żalosne
I odezwą się z góry nad krainą lodow,
Niech wam swiastują wolnosc, jak żorowie wiosnę

---

[1] *Описка: первая буква русское* у *вместо латинского* u.

Już — jeszcze jeden, jeden
łańcuch trzyma
Wkrótce roskują. Sły-
szę młotów kucie...

Rzekł i postrzegł ~~się~~ szy
że ktoś słucha z boku
Zadmuchnął świecę i
przepadł w pomroku.
Błysnął i zniknął jak
nieszczęść przeczucie
Które uderzy w serce,
niespodziane
I przejdzie straszne — lecz
niezrozumiane

Poznacie mię по[1] głosie; pókim był w okuciach
Pełzając milczkiem jak wąż łudziłem despotę
lecz wam odkryłem tajnie zamknięte w uczuciach
I dla was miałem zawsze gołębia prostotę.
teraz na świat wylewam ten kielych trucziny
Zrąca jest i paląca, mojej gorycz mowi
Gorycz wyssana ze krwi i z lez mej ojczyzny
Niech zrze i pali, nie was, lecz wasze okowy
Kto z was podniesie skargę, dla mnie jego skarga
Będzię jak psa szczekanie, ktory tak się wdròzy
Do cierpliwie i długo noszonej obroży,
Ze w końcu gotow kąsac, rękę coja targa.

Pomnik Piotra Wielkiego.

Z wieczora na dżdzu stali dwaj młodzieńce
Pod jednym płaszczem, wziąwszy się za ręce
Jeden ow pielgrzym przybylec z zachodu,
Nieznana carskiej ofiara przemocy.
Drugi był wieszczem ruskiego narodu,
Sławny piesniami na całej połnocy.
Znali się ⟨z⟩ sobą, niedługo lecz wiele —
I od dni kilku już są przyjacele.
Ich dusze, wyższe nad ziemne przekody,
Jako dwie Alpów spokrewione skały,
Choć je na wieki rozerwał nurt wody:
ledwo szum słyszą swej neprzyjaciółki,
Chyląc ku sobie podniebne wierchołki.
Pielgrzym coś dumał nad Piotra Kolosem
A wieszcz rossyjski tak rzekł cichym głosem
Pierwszemu z carow, co te zrobił cuda,
Druga carowa pamietnik stawiała.
Juz car odlany w kształcie wielkoluda
Siadł na bronzowym grzbiecie bucefała,

---

[1] *Описка: первая буква русское* п *вместо латинского* p.

I miejsca czekal gdzieby wjechal konno.
Lecz Piotr na własnej ziemi stać niemoże,
W ojcziznie jemu nie dosyć przestronno,
Po grunt dla niego poslano za morze.
Poslano wyrwać z Finlandzkich nadbrzeży
Wzgorek granitu; ten, na Pani slowo
Plynie po morzu i po lądzie bieży
I w miescie pada na wznak przed carową.
Już wzgorek gotów leci car miedziany
Car knutowladny w todze Rzymianina,
Wskakuje rumak na granitu sciany,
Staje na brzegu i w gòrę się wspina.

Перевод:

Из Мицкевича
Олешкевич
День накануне петербургского наводнения 1824

Когда небо пламенеет от лютого мороза,
Оно вдруг посинеет, почернеет пятнами —
Подобно замерзшему лицу мертвеца,
Которое, отогревшись в компате перед печью,
Но набравшись тепла, а не жизни,
Вместо дыхания отдает запахом гниенья.
Повеял теплый ветер. Столбы дыма,
Воздушная громада, как призрак царей, [1]
Рухнули и упали на землю,
И по улицам реками плавал дым,
Смешанный с теплым и влажным туманом.
Снег начал таять и, прежде чем минул вечер,
Заливал мостовые стигийской болотной рекой.
Сани исчезли, коляски и колымаги
Сняты с полозьев, гремят по мостовой колеса;
Но в сумерках, в дыму и в тумане
Глаз неспособен различить экипажи;
Видны они только по блеску фонарей,
Похожих на блудящие болотные огоньки.

---

[1] *В автографе ошибочно соединены две строки:*
Воздушная громада, как город великанов,
Исчезнув в небе, как призрак царей,

Шли молодые путники по берегу
Огромной Невы. Они любят ходить в сумерки:
Не встретятся с чиновниками
И в глухом месте не наткнутся на шпиона.
Шли они, разговаривая на чужом языке;
Порой они тихо напевают какую-нибудь чужую песню,
Порой остановятся и оглянутся:
Не слушает ли кто-нибудь? Но не встретили никого.
Напевая, блуждали вдоль русла Невы,
Которое тянется, как альпийская стена,
И задержались там, где между гранитом
Высечен путь к реке.
Оттуда внизу увидели издалека
На берегу человека с фонариком.
Это не был шпион, так как он только следил за чем-то в воде,
И не перевозчик: кто ж плавает по льду?
И не рыбак, потому что ничего не имел в руках,
Кроме фонарика и связки бумаг.
Подошли ближе; он, не поворачивая головы,
Вытянул веревку, погруженную в воду,
Вытянул, сосчитал узлы и записал;
Казалось, он измерял глубину воды.
Отблеск фонарика, отражающийся ото льда,
Освещает его таинственные книги
И лицо, склонившееся над свечой,
Желтое, как облако над заходящим солнцем,
Красивое, благородное, строгое лицо.
Он так внимательно читал свою книгу,
Что, слыша посторонние шаги и разговор
Тут же, над собой, не спросил, кто это,
И только по легкому движению руки
Было видно, что он просит, требует молчания.
Было что-то такое необычное в движении руки,
Что хотя путники тут же над ним остановились,
Глядя, перешептываясь и посмеиваясь в душе,
Но все умолкли, не смея ему мешать.
Один посмотрел в его лицо, узнал и крикнул:
«Это он!» — «Кто ж он?..» — «Поляк, художник,
Но его правильнее называть кудесником,
Потому что он давно отвык от красок и кисти
И только Библию и Кабалу изучает
И, говорят, даже разговаривает с духами».
Художник между тем поднялся, сложил свои бумаги
И сказал, как бы говоря с самим собой:

«Кто доживет до утра, тот будет свидетелем великих чудес,
То будет второе, но не последнее испытание:
Господь потрясет ступени ассирийского трона,
Господь потрясет основание Вавилона,
Но третьего не приведи, господи, увидеть!»
Сказал и, оставив путников у реки,
Сам с фонариком медленно пошел по лестнице
И вскоре исчез за оградой площадки.
Никто не понял, что значит эта речь,
Одни удивленные, другие рассмешенные,
Все воскликнули: «Наш кудесник чудачит!»
И, постояв еще минуту в темноте,
И, видя, что ночь уж поздняя, холодная и бурная,
Каждый поторопился домой.
Лишь один не ушел, а взбежал на лестницу
И побежал по площадке. Он не видел человека,
Только издали приметил его фонарик,
Который светил издалека, как призрачная звезда.
Хотя он не заглянул в лицо художника,
Хоть не расслышал, что о нем говорили,
Но звук голоса, таинственная речь
Так его потрясли... Тотчас припомнил,
Что он слыхал этот голос, и пустился, что было силы,
Незнакомой дорогой, в ночной темноте.
Свет быстро несомого фонарика мигал,
Всё уменьшался и, потонув в ночной мгле,
Казалось, потухал, но вдруг остановился
Среди пустынной широкой площади.
Путник удвоил шаги, догнал.
На площади лежала большая груда камней.
На одном из них он увидел художника.
Стоял тот неподвижно, в ночной темноте,
С обнаженной головой, подняв плечи,
С протянутой вверх правой рукой.
И видно было по направлению фонаря,
Что вглядывался он в стены царского дворца.
В одном окне, в самом углу,
Горел свет; этот свет он наблюдал
И шептал, глядя в небо, как будто молясь богу,
Потом заговорил вслух сам с собой:
«Ты не спишь, царь. Кругом глухая ночь,
Двор уж спит, а ты, царь, не спишь.
Милосердный бог еще посылает тебе духа,
Он в предчувствиях предостерегает тебя о возмездии,

Но царь хочет заснуть, он насильно закрывает глаза.
Заснет глубоко... Бывало, сколько раз
Предостерегал его ангел-хранитель
Сильнее, настойчивее в сонных грезах...
«Он раньше не был так дурен: он был человеком,
Но постепенно стал тираном,
Божьи ангелы его покинули, а он с летами
Всё больше становился добычей дьявола.
Последнее напутствие, то тихое предчувствие
Он прогонит прочь, как злое наваждение,
А на другой день льстецы вознесут его гордыню
Всё выше и выше, пока его не растопчет дьявол...
«Эти жалкие подданные, живущие в лачугах,
Прежде всего будут покараны за него.
Потому что молния, когда она поражает неживое,
Начинает сверху, с горы и башни;
Когда же бьет людей, то начинает снизу
И поражает прежде всего наименее виновных.
«Заснули в пьянстве, ссорах или в наслаждениях,
Проснутся утром — несчастные мертвые черепные чашки.
Спите спокойно, как неразумные животные,
Пока божий гнев не спугнет вас, как охотник,
Сокрушающий всё, что встречает в лесу,
Добираясь до логовища дикого кабана!
«Слышу!.. там!.. вихри... уже подняли головы
С полярных льдов, как морские чудовища,
Уже сделали себе крылья из тучи,
Сели на волны, сняли с них оковы.
Слышу!.. уж морская пучина разнуздана.[1]
Уже вздымает влажную шею под облака,
Уже... еще лишь одна цепь удерживает.
Но скоро ее раскуют... слышу удары молотов...»
Сказал и, заметив, что кто-то его сбоку слушает,
Задул свечу и исчез во мраке.
Блеснул и скрылся, как предчувствие беды,
Которое неожиданно взволнует сердце
И пройдет — страшное и непостижимое.

---

[1] *В автографе пропущена следующая строка:*

Лягается и грызет ледяные удила.

Русским друзьям

Вспоминаете ли вы меня... Всегда, когда думаю
О смерти, изгнании, заточении моих друзей,
Думаю и о вас, вы — чужеземцы —
Имеете право гражданства в моих мечтах.

Где же вы теперь? Благородная шея Рылеева,
Которую я обнимал, как шею брата, по царскому приговору
Висит, привязанная к позорному дереву...
Проклятье народу, который казнит своих пророков!

Та рука, которую протягивал ко мне Бестужев,
Поэт и воин, от пера и сабли
Оторвана, и царь приковал ее к тачке.
И она теперь роет в рудниках, работает бок-о-бок с польской рукой.

Иных, быть может, постигла еще более тяжелая божья кара...
Быть может, кто-нибудь из вас, чином, орденом обесславленный.
Свободную душу продал за царскую ласку
И теперь у его порога отбивает поклоны.

Быть может, продажным языком славит его торжество
И радуется страданиям своих друзей.
Быть может, в моей отчизне пятнает себя моей кровью
И перед царем хвалится, как заслугой, тем, что его проклинают.

Если до вас издалека, от свободных народов,
На север, дойдут эти жалобные песни
И отзовутся сверху над страной льдов,
Пусть возвестят они вам вольность, как журавли возвещают весну.

Узнаете меня по голосу... Пока я был в оковах,
Полз я тихо, как уж, я хитрил с тираном,
Но вам открыл то, что таилось в душе,
И для вас всегда хранил чистоту голубя.

Теперь я опрокидываю в мир кубок яда...
Едка и жгуча горечь моей речи,
Горечь, высосанная из крови и слез моей отчизны.
Пускай же она ест и жжет — не вас, но ваши оковы.

А кто из вас посетует на меня, для меня его жалоба
Будет как лай собаки, которая так привыкла
К ошейнику и так терпеливо и долго его носила,
Что готова кусать руку, срывающую его.

Памятник Петра Великого

Вечером, в ненастье стояли двое юношей
Под одним плащом, взявшись за руки.
Один был странник, пришелец с запада,
Неведомая жертва царского гнета,
Другой — русский поэт,
Прославленный на севере своими песнями.
Они недолго, но близко были знакомы
И через несколько дней уж стали друзьями.
Их души, возвышаясь над земными препонами,
Были подобны двум породнившимся альпийским скалам,
Хоть и навеки разделенным водной стремниной;
Они едва слышат шум своего врага,
Сближаясь друг с другом поднебесными вершинами.
Странник о чем-то думал над колоссом Петра,
А русский поэт так промолвил тихим голосом:
«Первому из царей, вершителю чудес,
Вторая царица соорудила памятник.
Уж царь, отлитый в образе великана,
Сел на медный хребет буцефала,
И искал места, куда бы он мог въехать на коне,
Но Петр на собственной земле не может стать,
В отечестве ему нехватает простора;
За пьедесталом для него послано за море,
Послано вырвать на финляндском побережьи
Глыбу гранита; она, по приказу государыни,
Плывет по морю и бежит по земле
И падает в городе навзничь перед царицей.
Уж пьедестал готов; летит медный царь,
Царь-кнутодержец в тоге римлянина;
Конь вскакивает на стену гранита,
Останавливается на самом краю и поднимается на дыбы».

В тетради № 2373, на лл. 41_2—36_2, 35_2—34_2 и 33_2—33_1, верхом вниз по отношению к большинству исписанных листов, списаны стихотворения Мицкевича: «Oleskiewicz», «Do przyjaciół Moscali» и «Pomnik Piotra Wielkiego».

На лл. 41_2—36_2, на наружных половинах согнутых пополам листов чернилами списано полностью стихотворение «Oleskiewicz».

Л. 36_1 — чистый.

На лл. 35_2—34_2 строками во всю ширину страницы, карандашом списано полностью стихотворение «Do przyjaciół Moscali».

Л. 34_1 — чистый.

На лл. 33_2—33_1 строками во всю ширину страницы карандашом списаны первые тридцать один стих (из шестидесяти шести), стихотворения «Pomnik Piotra Wielkiego».

Копия Пушкина текстов Мицкевича представляет такую картину: необыкновенно четким, аккуратным почерком списаны польские слова. Впечатление такое, что человек пишет с большим трудом, без всякого навыка, на незнакомом языке. Каждая буква вырисована, отстоит от другой; постоянные описки, часто исправленные; трафаретные ошибки. Пушкин не только заменяет букву *ł* буквой *l*, букву *ź* буквой *c* или *s*, букву *y* буквой *i*, пишет не *z*, а *ż*, не *ó*, а *o*; он даже ставит, вместо латинских букв, русские (*в* вместо *w*, *у* вместо *u*, *Л* вместо *L*), правда, обычно видоизменяя их на ходу письма, но в одном месте осталось даже неисправленным «yderzy» (вместо «uderzy»). Самый частый тип ошибок, кроме указанных, это пропуск специфически польских шипящих букв в словах, близких к русским: «kriknall» вместо «krziknall»; «razumial» вместо «zrozumial»; или «otkryta» вместо «odkryta». Вообще заметно невольное приближение к русскому языку, через который Пушкин и воспринимал польский.

О том, что Пушкин «в зрелом возрасте выучился по-польски в той степени только, в какой это знание было необходимо для чтения великих образцов поэзии и литературы», писал О. И. Сенковский в биографическом очерке Пушкина, помещенном в издании «Портретная и биографическая галлерея словесности, художеств и искусств в России. I. Пушкин и Брюллов, СПб. 1841». Против этого совершенно неосновательно возражал отец поэта: «Еще ошибка, будто А. Пушкин после учился по-польски. Он не учился этому языку, а мог его понимать столько, сколько все русские понимают другие славянские наречия» (см. М. А. Цявловский, «Книга воспоминаний о Пушкине», М. 1931, стр. 376). Конечно, Сенковский лучше Сергея Львовича знал, занимался или не занимался Пушкин польским языком.

В библиотеке Пушкина имеются две грамматики польского языка: одна на польском языке (*ПС* IX—X, № 951), другая — на немецком (№ 1270), словарь польского языка Линде (№ 1105) и словарь польско-немецко-французский на этих языках (три тома) Троцы (№№ 1451—1453).

Стихотворения Мицкевича списаны Пушкиным из IV тома Собрания сочинений Мицкевича (в четырех томах) парижского издания 1828—1832 гг.

В библиотеке Пушкина сохранилось это издание. На обложке IV тома (он весь разрезан) имеется надпись: «А. С. Пушкину, за прилежание, успехи и благонравие С. Соболевский» (см. *ПС* IX—X, № 289).

Этот том, привезенный Пушкину в подарок возвратившимся из-за границы в Петербург 22 июля 1833 г. С. А. Соболевским, заключает в себе вводный эпизод «Петербург» («Ustęp Petersburg») в третьей части поэмы «Дзяды», посвященный «русским друзьям» и представляющий

собою цикл из семи стихотворений: «Do przyjaciół Moscali» («Русским друзьям»), «Droga do Rossyi» («Дорога в Россию»), «Przedmiescia stolicy» («Предместья столицы»), «Petersburg» («Петербург»), «Pomnik Piotra Wielkiego» («Памятник Петра Великого»), «Przegląd wojska» («Смотр войскам») и «Oleszkiewicz» («Олешкевич»).

Эти вдохновенные, проникнутые гражданским пафосом стихотворения, дающие сатирическое изображение Петербурга, символизирующего для поэта николаевскую Россию, не могли не обратить на себя самого пристального внимания Пушкина. Прочитав их, вероятно, вскоре после получения книги, Пушкин взял ее в поездку в Оренбургскую губернию. На обратном пути оттуда, в Болдине, где поэт прожил с 1 октября до середины ноября, Пушкин занимался Мицкевичем.

Из семи стихотворений цикла «Петербург» Пушкин списал в свою тетрадь три для того, чтобы их тут же переводить. Понятно, почему именно эти стихотворения выбрал Пушкин для перевода. Стихотворение «Oleczkiewicz» интересно ему было описанием наводнения 1824 г. (в это время Пушкин писал «Медный всадник»), «Do przyjaciół moscali» было не только адресовано ему как одному из «русских друзей», но и заключало в себе обидные строки, которые Пушкин мог принять и, вероятно, принял на свой счет; наконец, в стихотворении «Pomnik Piotra Wielkiego» говорилось о дружбе Пушкина с Мицкевичем и излагались их задушевные беседы.

Но от перевода этих стихотворений Пушкин отказался.[1] Приняв «Петербург» Мицкевича как вызов со стороны польского собрата, поэт посчитался с ним иначе. «Медный всадник», написанный тогда же в Болдине, был ответом Пушкина на памфлет польского патриота. Сатирическому изображению северной столицы России в стихотворениях «Петербург», «Смотр войскам» и «Олешкевич» Пушкин во вступлении к поэме противопоставил свой панегирик в честь Петербурга, а описанию наводнения 1824 г. у Мицкевича в стихотворении «Олешкевич» — свое описание в первой части «Медного всадника», сопроводив его примечанием: «Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было.— Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта».

Но, отказавшись от перевода политических стихотворений Мицкевича, Пушкин в это же пребывание в Болдине перевел две баллады польского поэта: «Czaty» (у Пушкина «Воевода») и «Trzech Budrysów» (у Пушкина «Будрыс и его сыновья»).

---

[1] Трудно сказать, почему из последнего стихотворения списана лишь первая часть. Пушкин мог оставить переписывание или потому, что отказался от перевода, или потому, что намеревался перевести лишь первую часть стихотворения.

39.

Настоичка травная,
Настоичка тройная,
Изъ зелья составная
Удивительная!...
Въ присядку при народѣ
Тряхнулъ бы въ хороводѣ
Подъ: Збранной Воеводе
Побѣдительная!...

Запись на обороте листа с письмом П. В. Нащокина к Пушкину от второй половины апреля 1834 г. (№ 794 в *АП* III; о датировке этого письма см. «Искусство» 1923, № 1, стр. 316—317). Письмо хранится в *ЛБ* (№ 3379).

Впервые напечатано П. И. Бартеневым в *РА* 1904, XI, 450, где было напечатано письмо Нащокина.

П. И. Бартенев еще 8 октября 1851 г., читая у Нащокина его письма к Пушкину,[1] списал себе эту запись (см. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 годах», М. 1925, стр. 33). В тетради Бартенева, на полях у этой записи приятель Пушкина С. А. Соболевский приписал: «Стихи Мятлева, которого произведения Пушкин очень любил и беспрестанно твердил».

Запись представляет собою первые восемь стихов стихотворения И. П. Мятлева «Восторг» (см. Полное собрание сочинений И. П. Мятлева, изд. Д. Федорова, т. I, СПб. 1857, стр. 101).

С автором «Курдюковой» Пушкин был в приятельских отношениях 18 мая этого же (1834) года Мятлев приглашал к себе на обед Пушкина, обещая прочесть ему новые свои стихотворения, которые Вяземский называл «стихи на матерный манер». Возможно, что на этом обеде (или на другом, 28 мая, на который звал Пушкина Вяземский) и читались эти стихи, так понравившиеся Пушкину и приобревшие впоследствии огромную популярность. Об И. П. Мятлеве и его отношениях к Пушкину см *ДП*, 70—72 и *ДМ*, 211—216.

40.

Черна роля заорана
Гей гей
Чер &c.

---

[1] После смерти Пушкина письма к нему П. В. Нащокина были возвращены последнему вдовой поэта.

И кулями засіяна
Билымъ тиломъ взволочена
Гей гей
И кровію сполочена
&& —

Запись на обороте письма (бумага без водяного знака) Гоголя к Пушкину, начинающегося словами: «Я вчера был у Уварова», и датируемого июлем 1834 г. (см. *АП*, III, № 855). В конце записи какие-то арифметические вычисления. Письмо хранится в собрании М. И. Семевского в *ИРЛИ* (№ 402). Факсимильно воспроизведено в *РС*, 1879, IV, 776—777.

Печатается впервые.

В подаренной Пушкину М. А. Максимовичем и сохранившейся в библиотеке поэта (см. *ПС* IX—X, № 227) книге: «Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Часть первая. Книга I. Украинские *Думы.* Книга II. Песни Козацкие *былевые.* Книга III. Песни Козацкие *бытовые*», М. 1834, на стр. 154—156 имеется эта песня.

Текст ее такой:

(Г á л и ц к а я)

Чóрна рôля́ (170) заóрана —, *гей гей* —
Чóрна рóля́ заóрана
И кýлями (171) засѣ́яна
Бѣ́лымъ тѣломъ зволóчена, — *гей, гей* —
И кровóю сполóщена.

Лежи́ть воя́къ на купинѣ́ — *гей, гей* —
Лежи́ть воя́къ на купинѣ́
Накры́въ óчѝ китайкóю
Китайкою червонóю — *гей, гей* —
Накры́въ óчи китайкóю.

А нѝ труны́ (172), а нѝ я́мы — *гей, гей* —
А нѝ труны́, а нѝ я́мы,
А нѝ вôтця́, а нѝ мáмы.
А нѣкому задзвони́ти — *гей, гей* —
А нѣкому затужи́ти!

Дзвóнять кóнѝ копытáми — *гей, гей* —
Дзвóнять кóнѝ копытáми,
А вояки́ острогáми
Дзвóнять конѝ копытáми — *гей, гей* —
А вояки́ острогáми.

---

170 Рôля́ — пашня.
171 Кýля — пуля.
172 Труна́ — гробъ,

Лети́ть во́ронъ зъ чужи́хъ сторо́нъ — *гей, гей* —
Летить во́ронъ зъ чужи́хъ сторо́нъ,
На моги́лѣ усѣда́е,
Очи̂ ёму́ выпива́е — *гей, гей* —
Очи̂ єму́ выпива́е.

Хо́дить ма́ти гука́ючи — *гей, гей* —
Хо́дить ма́ти гука́ючи,
Сы́на своrо́ пыта́ючи.
— Ой я́ твого́ сы́на зна́ю, — *гей, гей* —
Бо я́ зъ ёго по́пасъ (173) маю!

«Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый — *гей, гей* —
Скажи́ менѣ́, во́ронъ ми́лый:
Чи мо̂й сыно́къ ище́ бѣ́лый,
Чи ще́ о́ченьки ясне́ньки̂ — *гей, гей* —
Да чи уста́ румяне́ньки̂?...»

— Вже ёго́ уста́ сине́ньки̂ — *гей, гей* —
Вже́ ёго́ уста́ сине́ньки̂,
Его́ ли́чко вже́ чорне́ньке,
Я на ли́чку присѣда́ю — *гей, гей* —
Очи̂ ёму́ выпива́ю!...

В виду отличия правописания записи Пушкина от правописания печатного текста сборника Максимовича, можно, кажется, определенно утверждать, что Пушкиным четыре стиха песни не списаны с книги Максимовича, а записаны под чью-нибудь диктовку, может быть, того же Гоголя, который, по свидетельству Максимовича, принимал участие в составлении его сборника 1834 г. (см. предисловие к этому сборнику).

По положению записи на письме Гоголя датируем ее второй половиной 1834 г.

По правдоподобному предположению Н. О. Лернера, Пушкин мог заинтересоваться этой песней в связи со своими занятиями «Словом о полку Игореве», где есть сравнения битвы со вспаханным полем. См. статью Лернера «Из истории занятий Пушкина „Словом о полку Игореве“» в кн. «Пушкин. 1834 год», Лгр. 1934, стр. 102.

41.

Ma chi cerca sinceramente la verità, invece di lasciarsi spaventare del ridicolo, deve far un oggetto di esame el ridicolo stesso.

Osservazioni sulla morale Cattolica.

---

173 Паству.

Перевод: [1]

Но кто чистосердечно ищет истину, должен, вместо того, чтобы пугаться смешного, — сделать предметом своего исследования самое смешное.

Замечания о католической морали.

Автограф находится на л. 1_1 сшитой жандармами тетради № 2386 Б. Бумага in f°, с водяным знаком: «1830». На той же странице имеются слова в скобках: «О Байроне и о предметах важных», мастерской рисунок мужской головы, дата: «1835», запись адреса: «Черн. Рѣчк. да ⟨ча⟩ Мил⟨лера⟩», и фраза к статье о Байроне, расположенной на других листах. Оборот страницы и продолжение этого листа (38_1 и 38_2) — чистые.

Лист этот, вероятно, служил Пушкину обложкой к различным статьям, во главе с статьей о Байроне. Пушкин воспользовался словами из «Горя от ума»: «О Байроне и о матерьях важных» (действие 4, стих 103), и применил их к своим будущим работам. Итальянский текст написан на полях вдоль корешка тетради. Датировать этот автограф можно предположительно 1835 г.

Впервые напечатано Анненковым (*А* I, 272). У *Я* XII, 534 упоминалось Морозовым (*М*[2] VI, 654) текст этот дан в примечаниях, в качестве эпиграфа к переводу из «Чайльд-Гарольда». М. Н. Розанов из слов Анненкова делает вывод, что эта итальянская выписка, «очевидно, должна была служить как motto» к статье о Байроне. Но навряд ли это так. Во-первых, мы никогда не встречали в рукописях Пушкина такого местоположения эпиграфа, как описанное; и, во-вторых, в следующем затем тексте статьи, являющейся в сущности выдержкой из «Воспоминаний Байрона» («Mémoires de Lord Byron», publiés par T. Moore, t. I, Paris 1830), нет ничего смешного, что бы оправдывало подобный эпиграф. Правда, может быть, ненаписанная часть статьи вызвала подобный эпиграф, но этого трудно ожидать, судя по тону статьи, и естественнее считать это просто записью заинтересовавшей мысли или эпиграфом к тем «предметам важным», которые, вероятно, были положены в эту обложку и ко времени просмотра бумаг Пушкина жандармами в ней уже не находились.

До сих пор не объясненная запись представляет собою выписку из бывшей в библиотеке Пушкина книги: Sulla morale cattolica osservazioni di Alessandro Manzoni. Unum gestit interdum ne ignorata damnetur. (Tertull. Apol. cap. I) Parigi, Baudry, libreria europea, 1834» («Замечания на католическую мораль Александра Мандзони). Между тем она ⟨истина⟩ желает только одного, чтобы ее не осуждали, не зная ее (Тертулиан. Апология, гл. I, Париж, Бодри, Европейская библиотека», 1834) (см. *ПС* IX—X, № 1130).

---

[1] Перевод П. В. Анненкова в *А* I, 272.

Цитата взята из XVI главы (стр. 176) «Sulla sobrietà e sulle astinenze, sulla continenza e sulla verginità» («О трезвости, умеренности, воздержании и девственности»).

По нашей просьбе Б. А. Грифцовым написана следующая заметка о сделанной Пушкиным выписке:

«Цитата из малоизвестного сочинения чрезвычайно известного автора, лишний раз доказывающая, как важно изучить круг чтения Пушкина, как много дает для характеристики его ума и его культуры принцип, которым он руководился при выборе своих выписок. Говоря коротко: из очень скучной, полной условного пиэтизма и казуистики книги выбрана единственная острая мысль. Почему этот трактат, вернее — апологетический этюд во славу католической церкви и католической морали, оказался в руках Пушкина и даже попал в его библиотеку? Напасть на него Пушкин мог по ряду причин. Во-первых, он очень ценил знаменитый роман Мандзони «Обрученные» («I Promessi Sposi,» 1-е изд., 1825—1827 гг.)[1] и, естественно, мог заинтересоваться теоретическими сочинениями, как бы слабы они ни были, того автора, которого он ставил выше столь популярного тогда Вальтер Скотта. Во-вторых, этюд Мандзони есть не что иное, как опровержение мыслей женевского свободомыслящего историка Сисмонди, имя которого, согласно тогдашним литературным обычаям, Мандзони не называет ни разу,[2] но книгу которого, «История итальянских республик в средние века», цитирует на каждой странице. Исследование Сисмонди также имелось в библиотеке Пушкина, который естественно заинтересовался полемическим опытом Мандзони. На чьей стороне Пушкин в этом очень резком поединке двух мировоззрений? Самым выбором цитаты из Мандзони дается ответ совершенно бесспорный. Экземпляр из пушкинской библиотеки весь разрезан, выдержка взята из главы XVI, со стр. 176.

Если даже предположить, что само заглавие главы XVI — «О трезвости, умеренности, воздержании и девственности» — заинтересовало Пушкина, то, может быть, он прочел не всю книгу от строки до строки (ход мыслей Мандзони ясен с первой же страницы), но во всяком случае он перелистал ее всю.

Прежде всего этот факт дает окончательное решение вопросу, до сих пор остающемуся спорным, — о том, знал ли Пушкин итальянский язык. Да, он его знал в 1835 г. Правда, он читал «Обрученных» во французском переводе. Но не следует забывать того, что мы читаем этот роман по второму, вышедшему в 40-х годах, варианту, переделанному, с точки

---

[1] См. «Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1851—1860 гг.», М. 1925, стр. 35 и 98 и *ПХ*, стр. 250—251.

[2] Характерно, что парижский издатель книги Мандзони помещает на ее обложке перечень изданных им книг; здесь имеются и «Айвенго» и «Веверлей», «Тристрам Шенди» и «Уэкфильдский священник», но имена Вальтер Скотта, Стерна и Гольдсмита не названы.

зрения языковой, очень существенно уже после того, как автор «прополоскал свои пожитки в водах Арно» и имел возможность изъять многочисленные диалектизмы первого издания, единственно доступного Пушкину. А для того, чтобы прочесть трактат Мандзони, вовсе уж не такой легкий по языку, Пушкин владел итальянским достаточно. Ведь он выбрал не какое-нибудь бросающееся в глаза основное положение книги, а мысль, незаметную по ходу изложения, но яркую самое по себе, совершенно чуждую вялому и приторному благочестию Мандзони, и таким образом определил свою позицию в борьбе двух мировоззрений. Ход мыслей Сисмонди таков: «церковь завладела нравственностью», «авторитетность предписаний — вместо света разума и совести, казуистика — вместо нравственной философии», и вот «нравственность совершенно потеряла всякую естественность в руках казуистов», «учение о покаянии еще более извратило нравственность, уже достаточно затемненную произвольной таблицей грехов», «чревоугодие и бесстыдство укоренились в сердцах тех, кому внушались монашеские добродетели», «до какой же степени пагубно повлияло на нравственность ложное религиозное воспитание в Италии, где все постоянно заняты религиозными обрядами, но никто не соблюдает заповедей, где все научились не слушаться голоса совести, а обманывать свою совесть». Что этим мыслям противополагает Мандзони? Он приводит не факты, а цитаты из проповедей Бурдалу и Массильона, цитаты из отцов церкви, дедуцируя тот вывод, что католическая церковь и есть настоящее христианство, что католическая мораль и есть единая подлинная мораль. «Прежде чем осуждать религиозное рвение, оглянемся вокруг, и глаза наши встретят кого-нибудь из тех людей, кои являются живым свидетельством того, сколь прекрасна католическая мораль».

Во всей этой псевдо-смиренной казуистике и аффектированной растроганности деятельный ум Пушкина не нашел ни одной достойной быть отмеченной мысли, кроме выписанного им афоризма, который, конечно, понравился бы и Сисмонди. Иные пушкинисты пытались сделать из Пушкина середины тридцатых годов кого-то вроде Массильона, но одна эта цитата из книги Мандзони, этот один из тысячи фактов работы Пушкина, свидетельствует, наоборот, о том, каким легким и свободным движением руки устранял он со своей дороги всякого рода массильонизм».

42—43.

Пѣсенка Аѳродитѣ.

О Венера, безсмертная драгоцѣнно престольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дщерь Юпитера прошу тебя: не огорчай меня, о [Мор] Богиня, въ душѣ обманомъ и печа-

лію, но приди [для] любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала, оставивъ [отце] златой отцев-
по воздуху несли
скій домъ ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые везли тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая — лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицемъ спрашиваешь меня чѣмъ я
тебя
огорчена и зачѣмъ [меня] ([ты] здѣсь) я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать [? — Изъ] въ любовномъ изступленіи? Кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь Онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ, скоро будетъ давать. Если теперь не любитъ, скоро полюбитъ — Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь избавь меня отъ печали тяжкой — И то что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей — — —

Діонизіи.

Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую — и улыбаясь приятно, то что мнѣ сердце въ груди наполнило страхомъ какъ только тебя увидѣла — — Теряю голосъ — языкъ мой [сломанъ] ломается — огонь проникаетъ въ мою кожу — [уши] [les oreilles] въ ушахъ звенитъ, и глаза покрываются ночью — и холодный потъ те-
παῖσαν
четъ — дрожь по всему тѣло[1] — я становлюсь зеленѣе травы — боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна — — — —

Текст перевода двух од греческой поэтессы Сафо написан рукой Пушкина на отдельном листе белой бумаги верже, in f°, с водяным знаком: «1830 AO pro patria». Лист этот вшит в тетрадь, составленную жандармами (№ 2386 В, л. 1).

Первые строки переводов обоих стихотворений даны впервые у *Я* XII, 539. Полностью напечатано в книге А. И. Незеленова «Шесть статей о Пушкине», СПб. 1892, стр. 82—83, затем в *М*[2] VI, 435—436, и еще

---

[1] *Описка, вместо:* тѣлу.

один раз у *B* IV, 352. Морозов в примечании (M^2 VI, 655) указывает письмо П. А. Катенина к Пушкину из Ставрополя от 1 июня 1835 г., где, между прочим, читаем: «Нет ли у тебя знакомого греколога, кто бы мог en vile prose ⟨низкой прозой⟩ рабски переложить крошечные два стихотворения Сафы: Венере и Heureux qui etc. Очень бы ты одолжил. Кантата засела в голове и не может вылезть за недостатком книжных пособий». За две недели до этого письма, 16 мая, Катенин писал об одном стихотворении своем, что оно «припасено в состав кантаты: Сафо... Всей кантаты здесь сложить не могу, хочется поместить стихи самой Сафы, а ни подлинника, ни словаря, ни точного перевода в Ставрополе не достанешь». 7 июля Катенин опять просил у Пушкина перевода: «Кантата «Сафо» рисуется прелестно в воображении, так и манит; но без топора не рубят дров, и я с низким поклоном повторяю мое прошение о присылке оного, то есть немногих греческих стихов в оболочке новейшей прозы, сколько можно vile et servile».

Очевидно, после этих писем и оказался у Пушкина этот «низкий и буквальный» перевод с греческого. После перевода первого стихотворения в автографе сделана такая концовка, какую Пушкин делал в 1835—1836 гг. Таким образом, перевод можно датировать второй половиной 1835 г. О своем незнании греческого языка Пушкин писал Гнедичу 6 января 1830 г. и в черновом наброске своего «объяснения» к заметке об «Илиаде» в переводе Гнедича (см. *Ak.* IX, прим. 221 и выше, стр. 23). Об этом же свидетельствует и напечатанный выше (стр. 88) опыт Пушкина перевести стихи из «Одиссеи». Поэтому сделать перевод двух стихотворений Сафо он не мог. Остается предположить, что Пушкин или записал под диктовку, или списал чей-то перевод. Любопытно, что в Онегинском собрании автографов Пушкина имеется лист писчей бумаги, in f°, с водяным знаком: «1830» (см. *ПС* XII, 18, № 46), с текстом, написанным неизвестной рукой, перевода этих же самых стихотворений (*ИРЛИ*, оп. 3, № 15). Даем этот текст, ни разу до сих пор не напечатанный:

Пѣснь къ Венерѣ

(слово въ слово)

О пестрый престолъ имѣющая, безсмертная Венера, хитрая дщерь Юпитера! прошу тебя, не угнетай сердца моего скорбію и печалію, о богиня! но сюда пріиди, если когда и въ другое время, слыша частыя мои мольбы, ты имъ внемляла, и оставя отцёвскій [домъ] златый домъ пріѣзжала, запрягши колесницу. Тебя везли по воздуху съ неба надъ черною землею прекрасные, быстрые воробьи, часто махавшіе крыльями. Скоро долетели. (т. е. воробьи). И ты, о блаженная, улыбаясь безсмертными устами спрашивала меня, [че]чѣмъ страдаю, за чѣмъ (тебя) призываю и чего желаетъ мое изступленное сердце (До сихъ поръ были слова Сафы, теперь слѣдуютъ слова Венеры) Какого [тебѣ] плѣняющаго (слово въ

слово: [въ] [за] въ сѣтяхъ запутывающаго) любовника [склоня] [склоню] привлеку (къ тебѣ)? Кто огорчаетъ Сафу? Если (кто) тебя [огорч] убѣгаетъ, то скоро будетъ преслѣдовать; если не принимаетъ даровъ, самъ будетъ давать, если не любитъ, скоро полюбитъ даже не желающую (т. е. противъ твоей воли. — (теперь опять слова Сафы) Приди ко мнѣ и теперь, избавь меня отъ тяжкихъ печалей, и все что свершить желаетъ мой духъ. Свершк, и сама будь мнѣ помощницей.

Тотъ человѣкъ мнѣ кажется равнымъ богамъ, который напротивъ тебя сидитъ и вблизи слушаетъ (тебя) говорящую и пріятно смѣющуюся: это потрясаетъ сердце въ груди моей. Ибо когда я тебя [увидѣлъ] вижу, я тотчасъ [онѣмѣлъ] теряю голосъ (слово въ слово: ничего болѣе отъ голоса у меня не оста[лось]ется) У меня слома[лся]нъ языкъ, тонкій огонь быстро пробѣ[жалъ]гаетъ по тѣлу, [я] глазами ничего не вижу, звенитъ въ ушахъ, [и] холодный потъ выступаетъ, дрожь меня всю пробѣгаетъ, я становлюсь зеленѣй травы и, будучи бездыханною, кажусь долженствующею скоро умереть. —

Текст подлинника такой:

⟨I⟩

⟨1⟩ Ποικιλόθρον', ἀθάνατ' Ἀφρόδιτα,
παῖ Δίος, δολόπλοκε, λισσομαί σε,
μή μ'ἄσαισι μήτ'ὀνίαισι δάμνα,
πότνα, θῦμον.
⟨2⟩ ἀλλὰ τυῖδ'ἔλθ', αἴ ποτα κἀτέρωτα
τᾶς ἔμας αὔδως ἀΐοισα πήλυι
ἔκλυες, πάτρος δὲ δόμον λίποισα
χρύσιον ἦλθες
⟨3⟩ ἄρμ'ὐπαζεύξαισα· κάλοι δε σ'ἆγον
ὤκεες στροῦθοι περὶ γᾶς μελαίνας
πύκνα δίννεντες πτέρ'ἀπ'ὠράνω αἴθε-
ρος διὰ μέσσω.
⟨4⟩ αἶψα δ'ἐξίκοντο σὺ δ',ὦ μάκαιρα,
μειδιάσαισ' ἀθανάτῳ προσώπῳ,
ἤρε', ὄττι δηὖτε πέπονθα κὤττι
δηὖτε κάλημι,
⟨5⟩ κὤττι ἔμῳ μάλιστα θέλω γένεσθαι
μαινόλᾳ θύμῳ· „τίνα δηὖτε Πείθω
μαῖς ἄγην ἐς σὰν φιλότατα, τίς σ',ὦ
Ψάπφ', ἀδικήει;
⟨6⟩ καὶ γὰρ αἰ φεύγει, ταχέως διώξει,
αἰ δὲ δῶρα μὴ δέκετ', ἀλλὰ δώσει,
αἰ δὲ μὴ φίλει, ταχέως φιλήσει
κωὐκ ἐθέλοισα“.

⟨7⟩ ἔλθε μοι καὶ νῦν, χαλεπᾶν δε λῦσον
ἐκ μεριμνᾶν, ὄσσα δέ μοι τέλεσσαι
θῦμος ἰμμέρρει, τέλεσον· σὺ δ'αὔτα
σύμμαχος ἔσσο.

⟨II⟩

⟨1⟩ Φαίνεταί μοι κῆνος ἴσος θέοισιν
ἔμμεν ὤνηρ, ὄστις ἐνάντιός τοι
ἰζάνει καὶ πλάσιον ἆδυ φωνεύ-
σας ὐπακούει
⟨2⟩ καὶ γελαίσας ἰμμέροεν· τό μοι μάν
χαρδίαν ἐν στήθεσιν ἐπτόασεν·
ὠς γὰρ ἐσχίδω βροχέως σε, φώνας
οὖδεν ἔτ' εἴχει·
⟨3⟩ ἀλλὰ κὰμ μὲν γλῶσσα χέαγε, λέπτον δ'
αὔτικα χρῶ πῦρ ὐπαδεδρόμακεν,
ὀππάτεσσι δ' οὖδεν ὄρημ', ἐπιρρόμ-
βεισι δ'ἄκουαι.
⟨4⟩ ἀ δέ μ' ἴδρως κακχέεται, τρόμος δὲ
παῖσαν ἄγρει, χλωροτέρα δε ποίας
ἔμμι, τεθνάκην δ'ὀλίγω 'πιδεύης
φαίνομαι ἄλλα.

⟨I⟩

⟨1⟩ Пестропрестольная, бессмертная Афродита, дочь Зевса, козноплетущая, не подавляй мне душу ни досадой, могущественная, ни печалями.

⟨2⟩ Но приди сюда, если ты и прежде иногда, услышав издали мои призывы, следовала им, и, оставив дом отца, являлась, запрягши золотую колесницу.

⟨3⟩ Красивые, быстрые воробьи несли тебя (мимо) вокруг черной земли взмахивая густыми крыльями, с неба, сквозь середину эфира.

⟨4⟩ И тотчас же улетали. А ты, блаженная, улыбнувшись бессмертным лицом, спрашивала, что такое я сейчас претерпела, и почему я сейчас зову,

⟨5⟩ И чего я более всего желаю для моей безумной души? «и кого, ты хочешь, чтобы Пейто привела к твоей любви, кто, Сафо, обижает тебя?»

⟨6⟩ Если бежит, — скоро погонится; если не принимала даров, — пришлет их; если (не любит) не целует, — скоро поцелует (полюбит), даже не желая.

⟨7⟩ Приди ко мне и теперь, освободи изъ тяжких скорбей и все, чего душа желает, чтоб оно совершилось (закончилось), соверши (закончи), а сама будь мне союзницей.

1. Переводчик употребляет более распространенное в то время римское название «Венера» вместо греческого «Афродита». У переводчика «обманом»; ἄσῃ — пресыщение, недовольство, огорчение, а не обман.

2. У переводчика «ради любви» переведено на основании слова κἀτέρωτα; очевидно, в старых изданиях было κατ'ἔρωτα — «по любви», в новейших — κἀτέρωτα — сложное слово из καὶ и ἑτέρωτα, что значит: «и в другое время», «и прежде». У переводчика «золотой» отнесено к «дому отца», но более новым переводам это, согласно с изображениями Афродиты, относится к колеснице (форма падежа χρύσιον одинакова в обоих случаях).

3. «Черный» относится к земле, а не к крыльям; περὶ γᾶς μελαίνας — частый эпитет. Напротив, эпитет к крыльям: πύκνα — «плотные, густые» — у него опущен.

5. «что ты хочешь из *себя* сделать» — очень приблизительно; «из себя» — неправильно вообще, скорее: «чего я хочу, чтобы произошло для моей безумной души» или «моей безумной душой», «Кого я должна слушать» — имеется двоякое толкование: а) если πείθω — существительное, то «кого Пейто (богиня убеждения и внушения) должна привести...»; б) если πείθω — глагол, то «кого я должна привести...».

6. «когда прикажешь» — неверно понято; слова «когда» нет вовсе; κωὐκ ἐθέλοισα — есть два разночтения: а) полюбит против воли (своей), б) даже против твоего желания; это основано на чтении ἐθέλοισαν (то есть, «не желающую») — винительный падеж единственного числа женского рода.

⟨1⟩ Тот муж мне представляется равным богам, что сидит против тебя и из близи внимает тебе, сладко говорящей

⟨2⟩ и прелестно смеющейся; мне же это потрясает сердце в груди; как только взгляну на тебя кратко (на миг), уже ни один звук не идет (из горла).

⟨3⟩ но у меня язык ломается, тотчас же пробегает легкий огонь под кожу, глазами я ничего не вижу, и гудит в ушах,

⟨4⟩ пот меня обливает, дрожь охватывает всю, я зеленей травы, я кажусь почти умершей, безумная.

1. «и улыбаясь приятно» — повидимому «улыбающейся приятно», «сладко говорит и прелестно смеется» (повторный параллельный эпитет); γελῶ — смеюсь; «улыбаюсь» — есть особый глагол — μειδιῶ.

3. «глаза покрываются ночью» — вольный перевод; в тексте: «глазами ничего не вижу».

4. «*боюсь* скоро умереть»; этой мысли нет: «я кажусь почти что умершей»; лучше и точнее можно передать по-немецки: «Es scheint mir wenig zum Sterben zu fehlen».

Опущено последнее слово ἄλλα — эолическая форма от ἠλεά — безумная, одержимая; возможно, что переводчик его не знал или принял за союз ἀλλά — но.

Вторая ода у Пушкина озаглавлена: «Діонизіи». Четвертая буква этого слова написана так, что ее можно прочесть как латинское «n», но шестая — несомненно русское «з». Этому заглавию посвящена специальная заметка Г. Г. Гельда в *ПС* XXXVIII—XXXIX, 202, в которой автор, основываясь на чтении Н. В. Измайлова, утверждает, что Пушкин написал по-латыни: «Dionusiu», неправильно транскрибируя греческое: «Διονυσίου». Последнее предположение весьма вероятно, но транскрипцию эту Пушкин сделал не по-латыни, а по-русски.

44—47.

Неизданные стихи Ломоносова и Димитрія Сѣченова

Гимнъ[1] бородѣ

Ломоносова

Не роскошной я Венерѣ
Не уродливой Химерѣ
Въ гимнахъ жертву воздаю;
Я похвальну пѣснь пою
Волосамъ отъ всѣхъ почтеннымъ
По грудямъ распространеннымъ
Что подъ старость нашихъ лѣтъ
Уважаютъ нашъ совѣтъ.
Борода предорогая!
Жаль что ты некрещена
И что тѣла часть срамная
Въъ томъ тебѣ предпочтена.
Попечительна природа
О блаженствѣ смертныхъ рода
Несравненной красотой

[1] *Первоначально было:* Гимны.

*

Окружаетъ бородой
Путь которымъ въ міръ проходимъ,
И свой первый взоръ возводимъ.
Неотверста борода
Неотверсты ворота.

Борода предорогая etc.

О сколь въ свѣтѣ ты блаженна!
Борода глазамъ замѣна,
Люди обще говорятъ;
И по правдѣ-то твердятъ.
Дураки, врали, пролазы!
Были-бы безъ ней безглазы.
Имъ въ глаза плевалъ бы всякъ;
Ею здравъ и цѣлъ ихъ зракъ.

Борода etc.

Если правда что планеты
Нашему подобны свѣты
Нонче въ оныхъ мудрецы
И всѣхъ пуще тамъ жрецы
Увѣряютъ бородою
Что насъ нѣтъ сдѣсь головою.
Если-жъ скажутъ что мы тутъ
Въ струбѣ тамъ того сожгутъ.

Борода etc.

Борода въ казну доходы
Умножаетъ по вся годы
Керженцамъ[1] (?) любезный братъ
Съ радостью двойной окладъ
Зборъ за оную приноситъ;
И съ поклономъ низкимъ проситъ
Въ вѣчной пропустить покой
Безголовыхъ съ бородой.

Борода etc.

[1] Первенцамъ? *Прим. Пушкина.*

Ненапрасно онъ дерзаетъ
Вѣрно свой прибытокъ знаетъ.
Лишь разгладитъ онъ усы,
Смертной не боясь грозы,
Скачутъ въ пламень суевѣры.
Сколько..... изъ пещеры
Послѣ ихъ похабствѣ долгой
Достаетъ онъ бородой.
Борода etc.

Есть ли кто невзраченъ тѣломъ,
Или въ разумѣ незрѣломъ,
Если въ скудости рожденъ,
Или чиномъ не почтенъ
Будетъ взраченъ и разсуденъ
Знатенъ чиномъ и нескуденъ
Для великой бороды.
Таковы ея плоды!
Борода etc.

О прикраса дорогая,
О прикраса золотая
Мать достатковъ и чиновъ | 2
Мать дородства и умовъ, | 1
Корень дѣйствій невозможныхъ,
И завѣса мнѣній ложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслугу заплатить?
Борода etc.

Черезъ многія разчесы,
Заплету тебя я въ косы,
И всю хитрость покажу
По всѣмъ модамъ наряжу;
Черезъ разныя затѣи
Я завить хочу въ тупеи.
Дайте ленты, кошельки
И крупичетой муки!
Борода etc.

Ахъ, куда съ добромъ дѣваться!
Всѣ уборы не вмѣстятся.
Для ихъ многаго числа
Борода недоросла.
Я крестьянамъ подражаю,
И какъ пашню удобряю,
Борода, теперь прости,
Въ жирной влажности рости.

Борода etc.

Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ.

Пасквиль
Митрополита Димитрія
Сѣченова, на Ломоносова по поводу предыдущихъ стиховъ.

Бороды я неругаю,
Почитая праотцевъ.
И ей гимновъ не слогаю.
Я пою изъ тѣхъ творцевъ
Однаго главу избранну
Славой Гудеровъ (?) вѣнчанну
Съ молодыхъ который лѣтъ
Сыномъ Бахуса слыветъ.
Голова предорогая,
Жаль что ты окрещена
И что тѣла часть срамная
Предъ тобой не почтена.
Попечительна природа,
О блаженствѣ смертныхъ рода
Въ свѣтъ тебя произвела;
Вѣдь не тѣмъ путемъ вела
Что украшенъ бородою.
Бочки ты тоя дырою

Въ человѣческій лезъ родъ
Гдѣ сидитъ оный Уродъ.

Голова etc.

О коль въ свѣтѣ ты блаженна!
Борода глазамъ замѣна.
Люди въ правду хоть велятъ
Въ бороду глупцамъ плевать,
Но твоя хмѣльная рожа
Болѣе къ тому есть гожа
И на твой разумный зракъ
Правый харкать можетъ всякъ.

Голова etc.

Если правда что планеты
Нашему подобны свѣты,
Нонче пьяницъ тамъ такихъ,
Нѣтъ, ни сумазбродовъ злыхъ,
Вѣру чтобъ свою ругали,
Тайны оной осмѣяли;
Есть ли проявятся тутъ
Дѣльно въ срубѣ коль сожгутъ.

Голова etc.

Голова въ казнѣ доходы
Уменьшаетъ по вси годы.
Пьяницамъ любезный братъ,
Взявши годовой окладъ,
Безполезно пропиваетъ,
И безпутства всѣ вчиняетъ
Не дадутъ когда вина
Сходитъ онъ тогда съ ума.

Голова etc.

Ненапрасно онъ дерзаетъ
Пользу въ томъ свою щитаетъ,
Чтитъ обманомъ вѣкъ прожить,
Общество чтобъ обольстить
Либо мазаніемъ ложнымъ,

Либо бисеромъ подложнымъ
Иль сребро сыскать въ дерьмѣ
Хоть къ ущербу все казнѣ.

Голова etc.

Съ хмѣлю безобразенъ тѣломъ,
И всегда въ умѣ незрѣломъ,
Ты преподло бывъ рожденъ,
Хоть чинами и почтенъ,
Но безмѣрное буянство,
Бѣшенство, обманъ и пьянство
Всѣхъ когда лишить чиновъ
Будешь пьяный рыболовъ.

Голова etc.

Голова о прехмѣльная,
Голова ты препустая,
Дурости, безумства мать,
Нечестивыхъ мыслей кладь
Корень изысканій ложныхъ,
О забрало дѣлъ неложныхъ!
Чѣмъ могу тебя почтить,
Чѣмъ заслугу заплатить?

Голова etc.

Я тебѣ тріумфы новы,
Чести я тебѣ отцевы [1]
Сколько можно покажу
Въ тѣжъ уборы наряжу
Украшу тебя рогами;
И Индійскими слонами
Прямо весть велю въ кабакъ
Съ хоромъ пьяницъ и бурлакъ.

Голова etc.

Ужъ и чарки.......
Склянки, кружки и стаканы
Тамъ готовы для тебя,

[1] Бахусовы *Прим. Пушкина.*

Ужъ и стойка тамъ чиста
Холмогорскія ярыги
Собрались встрѣчать тя съ лики
Дайте дудку и сопѣль
И волынку и свирѣль.
Голова etc.
Ахъ, куда съ добромъ дѣваться?
Всѣ тріумфы негодятся
Для Бакусова сынка.
Онъ бѣжалъ до кабака
На пути въ калъ повалился,
И такъ торжества лишился.
Голова, теперь прощай;
Со свиньями почивай.
etc.

Возраженіе Ломоносова.

Гимнъ II.

Не Парисовъ судъ съ богами,
Не Гигантовъ брань пою,
Бородѣ надъ бородами
Честь за судъ я воздаю;
Бородѣ, что тѣхъ судила
Коихъ ненависть вредила
Посмѣяніемъ своимъ
И ругалась явно имъ.
О Брада, что для покою
Тамъ сидишь гдѣ всѣ стоятъ,
Чешешься чужой рукою
Вкругъ тебя вездѣ кадятъ.
Бородѣ всѣ поклонились;
Бороду за старость чли;
Тутъ предъ нею появились
Разныхъ тьмы бородъ вдали.
Первая къ ней приступила

И разширясь говорила:
О защита Бородамъ!
Дай совѣтъ и судъ ты намъ.

О брада etc.

Тутъ Брада возопіяла,
Разтрепавшись предъ судьей:
Ненависть на насъ возстала
Въ дерзкой наглости своей.
Брадоборецъ неотложно
Говоритъ что есть безбожно
Почитать наши чины,
Тѣмъ что мы некрещены.

О брада etc.

Только рѣчи окончала
Борода предъ бородой,
Издалека приступала
Къ ней другая чередой.
Съ сердца вся почти дрожала.
Издалека закричала
Сквозь широкія усы.
Что ей придало красы.

О брада etc.

Я похвастаться дерзаю,
О Судья, передъ тобой:
Тридцать лѣтъ ужъ покрываю
Брюхо толстое собой.
Много я слыхала злова;
Но ругательства такова
Не слыхала я нигдѣ
Что нѣтъ нужды въ бородѣ.

О брада etc.

Послѣ той кричитъ сквозь слезы
Борода вся въ сѣдинахъ,
Что на силу изъ трапезы
Поднялась на костыляхъ:

Сколько лѣтъ меня всѣ чтили!
Всѣ меня всегда хвалили;
Я теперь живу въ стыдѣ.
Сносно-ль старой бородѣ?

О брада etc.

Множество бородъ ходили
Другъ за другомъ предъ судью.
Всѣ отмщенія просили
За обиду имъ свою.
Та служила многи годы,
Та запомнитъ всѣ походы,
Та умѣетъ всѣхъ учить.
Какъ за нихъ не отомстить!

О брада etc.

Наконецъ чуть слышны рѣчи
Бороды еще одной,
Что судьѣ взвалясь на плечи
Шепчетъ въ ухо съ бородой.
Что двѣ бороды шептали,
Говорятъ что отгадали
А жестокой суевѣръ
Что и ставилъ намъ въ примѣръ.

О брада etc.

Тутъ нестало уже мочи
Бородѣ хулу сносить;
Возводя на небо очи
Стала во слезахъ просить,
Чтобъ ей помощи послало
Притупить клеветъ всѣхъ жало.
Но какую хоть сыскать,
Брадоборца наказать?

О брада etc.

Борода надъ бородами
Съ плачемъ къ стаду обратясь,
Осѣнила всѣхъ руками

И кричала разсердясь.
Становитесь всѣ рядами
Вейте бороды кнутами
Бейте ими сатану!
Самъ его я прокляну.

О брада etc.

О какой-же крикъ раздался
Отъ бородъ сердитыхъ тутъ!
Усъ со усомъ въ плеть свивался
Борода съ брадою въ кнутъ.
Тамо сѣть изъ нихъ готовятъ;
Брадоборца тѣмъ изловятъ,
Злобно потащатъ на судъ
И усами засѣкутъ.

О брада etc.

Ода
Трисотину
(Ломоносова.)

Что за дымъ
По глухимъ
Деревнямъ курится?
Тамъ Разколъ
Дно крамолъ
Въ грубости крѣпится.
Середи того гнѣзда
Поднятая борода
Глупыхъ капитановъ флагъ
Далъ къ соборищамъ ихъ знакъ.
Всѣ спѣшатъ
Всѣ кричатъ:
Борода святая!

Мы съ тобой
Съ дорогой
Въ рай идемъ пылая.
Ты намъ вѣра и законъ,
Ты обѣдня и трезвонъ
О Апостольская сѣть!
Рады мы съ тобой сгорѣть.
Кто зажегъ?
Лже-пророкъ
Изъ какого лѣсу?
Онъ одинъ
Трисотинъ
Сердцемъ сроденъ бѣсу.
Онъ безбожный лицемѣръ
Побродяга, изувѣръ, Пободряга
Онъ продерзостью своей
Ободрилъ бородочей.
Онымъ въ лесть
Добрыхъ честь
Понося терзаетъ
И святошъ
Глупу ложь
Правдой объявляетъ.
Только-жъ угождая имъ
Мерзокъ бредомъ сталъ своимъ;
И хотя чтить праотцевъ
Онъ почтилъ отца бѣсовъ.
Оглянись,
Веселись,
Адская утроба!
О Уродъ,
Твой комплотъ
Возстаетъ изъ гроба.
Образецъ твой Геростратъ
Храмъ зажечь Парнасскій радъ;
Адъ готовъ тебѣ помочь
День наукъ затмить какъ ночь.

Братецъ твой
Пал лецкой
Адскимъ углемъ пишетъ,
Какъ песъ золъ
За разколъ
На святыню дышетъ.
На Россiйскаго Христа
Отперъ срамныя уста
Къ защищенiю бородъ
Злой къ тебѣ валится сбродъ.
Ахъ, какъ радъ
Пустосвятъ

Для того разпопа
Что въ тебѣ
Какъ въ себѣ
Видитъ злость холопа!
Аввакумъ протопопъ
Поднялъ лысину и лобъ
Улыбаясь, на тебя
Смотритъ, злость твою любя.
Что за гамъ?
Валаамъ,

Iюда и Каiафа
Чу! кричатъ
Эй, нашъ братъ,
Ты не бойся штрафа.
И отъ тартарскаго дна
Самъ поднялся Сатана,
Онъ поджегъ тебя на зло,
За свое мстить помело.
Нужъ, хватай,
Поскоряй!

Не теряй минуты!
Тѣшься такъ,
Какъ Исаакъ,

Въ пляску, въ валку, жгуты!
Какъ Петриль тебя каталъ,
И Балакеревъ гонялъ.
Всѣ ревутъ тебѣ: куражъ!
Трисотинъ угодникъ нашъ.
Лжесвятой
Керженской!
Какъ тебя прославить?
Какъ почтить?
Чѣмъ кадить?
Что тебѣ поставить?
Вмѣсто ладону и свѣчь,
Въ бородахъ тебя сожечь;
Чтобы ихъ поганый смрадъ
Былъ горчае какъ самъ адъ.

Рукопись в 13 листов (26 страниц) голубой тонкой бумаги «конторского» формата с золотым обрезом (без водяного знака). Такую бумагу Пушкин употреблял в 1835—1836 гг.

На 1 стр. написано рукой Пушкина: «Неизданные стихи Ломоносова и Димитрія Сѣченова». Под этими словами — рукой кн. П. А. Вяземского: «Переписанные А. Пушкинымъ». Стр. 2 — чистая. На стр. 3 — 26 находится текст четырех стихотворений, сплошь написанный Пушкиным. До сих пор этот автограф не только не был опубликован, но даже о существовании его никто никогда не упоминал в печати. Листы с текстом стихотворений вошли в том рукописей разных лиц, составленный кн. П. П. Вяземским и названный им «Автографы». Том этот хранится в составе Остафьевского архива в *ГАФКЭ.*

С какого текста, при каких обстоятельствах и когда Пушкин сделал описанную копию, неизвестно. Во всяком случае ко времени написания главы «Ломоносов» в статье «Мысли на дороге», датируемой 1833—1835 гг., «Гимн бороде» и относящиеся к нему стихотворения были Пушкиным списаны, так как о них он упоминает в этой главе. Но еще в марте 1830 г. Пушкин из Москвы посылал Вяземскому в Петербург «донос» Сумарокова на Ломоносова, прося «состряпать из этого статью». Вероятно, и с интересующими нас стихотворениями Пушкин поступил так же — отдал Вяземскому, чем и объясняется факт нахождения автографа в архиве Вяземского.

Направленный преимущественно против старообрядцев, но, весьма вероятно, метивший и в духовенство, «Гимн бороде» был написан Ломо-

носовым в начале 1757 г. Автограф стихотворения Ломоносова не сохранился, и текст стихотворения известен в девяти копиях XVIII—начала XIX века.

Впервые «Гимн» был напечатан по рукописному сборнику библиотеки Казанского университета А. Н. Афанасьевым в «Библиографических Записках» 1859, № 15, в статье «Образцы литературной полемики прошлого столетия». Насколько можно судить по неполно и с ошибками приведенным М. И. Сухомлиновым в академическом издании сочинений Ломоносова (т. II, 1893 г., стр. 161—162) разночтениям списков стихотворения с основным текстом (неизвестно, по какому источнику напечатанным), текст оригинала, с которого списывал Пушкин, был, пожалуй, ближе всего к тексту, опубликованному Афанасьевым. Полное намеков на современные «злобы дня», стихотворение Ломоносова в частностях было непонятно читателям уже второй половины XVIII века. Не понимал некоторые места и Пушкин. В 4 строфе 3 стих у Пушкина читается: «Нонче въ оныхъ мудрецы», тогда как в казанском сборнике: «Конче всѣ ихъ мудрецы», а во всех остальных известных списках: «Конче въ оныхъ мудрецы». Как объяснил Афанасьев, «конче» — значит «конечно», и Пушкин, очевидно, не зная этой формы, написал вместо нее «нонче». В 3 стихе 5 строфы Пушкин не понял слова: «Керженцамъ». Поставив у этого слова знак вопроса, он внизу написал: «Первенцамъ?», предлагая, таким образом, «первенцами» заменить непонятных ему «керженцев». Но «керженцы» (они имеются во всех списках) — это раскольники, жившие в лесах по р. Керженцу, впадающему в Волгу и протекающему по Костромской и Нижегородской губерниям. По указу Петра I раскольники были обложены двойным окладом. 5 стих 6 строфы: «Скачутъ въ пламень суевѣры», говорит о массовых самосожжениях раскольников, не желавших подчиняться распоряжениям власти, в которой они видели слугу антихриста. Стихи 6 и 7 строфы 6-й во всех списках, кроме казанского, читаются: «Сколько съ Оби и Печеры Послѣ нихъ богатствъ домой», а в казанском: «Сколько послѣ изъ печеры Послѣ тѣхъ богатствъ домой». Пушкин или не смог прочесть: «съ Оби», и поставил, вместо этих слов, пять точек, или, что менее вероятно, в оригинале, с которого он списывал, уже стояли эти точки. [1]

Но, с другой стороны, один стих, искаженный во всех списках, пушкинская копия дает в правильном виде. В 3 строфе 5 стих в казанском сборнике читается: «Дураки зрѣли проказы», а в других списках: «Дураки, врали, проказы». Афанасьев в своей публикации текста казанского сборника предложил конъектуру: «Дураки, врали, пролазы», то есть как раз тот текст, какой дает копия Пушкина.

Чтобы понять смысл сатиры Ломоносова, нужно вспомнить то значение, какое придавали бороде противники реформ Петра. Сухомлинов в

[1] Других разночтений текста пушкинской копии «Гимна бороде» с опубликованными текстами других копий не приводим.

примечании к стихотворению Ломоносова приводит отзыв о раскольниках Дмитрия Ростовского, предлагавшего называть их за такую приверженность к бороде не «христианами», а «бородианами». М. Чулков в «Абевеге русских суеверий» 1786 г. писал: «Раскольники, именующие себя староверами, сию кучу волосов почитают выше всех своих членов и дороже самой их головы, мня, что они с бородою составляют образ и подобие божие... А для сей неправосоставленной ими системы лучше хотят быть лишены головы, нежели бороды». (Сочинения М. В. Ломоносова, изд. имп. Академии Наук, т. II, СПб. 1893, стр. 164, прим.).

Распространявшийся в рукописных списках «Гимн бороде» вызвал сильнейшее негодование в членах святейшего синода, усмотревших в стихах Ломоносова «бесстрашное кощунство святых тайн». Императрице Елизавете Петровне «князьями церкви» был представлен специальный доклад о стихотворении Ломоносова. Этот любопытнейший доклад был подписан архиепископом санкт-петербургским Сильвестром, епископом рязанским Димитрием, епископом переяславльским Амвросием и архимандритом донским Варлаамом. Доклад не имел никаких последствий для Ломоносова, но слухи об этом произведении членов синода распространились в соответствующих кругах, и имена двух наиболее видных архиереев, авторов доклада, с течением времени связались с той стихотворной полемикой, которая возникла вокруг «Гимна». В одном из списков он назван: «Стихи на архиепископа Кулябку, соч. г. Ломоносова». Архиепископ Кулябко — это архиепископ санкт-петербургский Сильвестр, первый подписавший доклад. «Гимн бороде» считал «пасквилем Ломоносова на Сильвестра, архиепископа петербургского» и историк митрополит Евгений (см. В. Н. Перетц, «К биографии Ломоносова», в «Ломоносовском Сборнике», СПб. 1911, стр. 89). Второе из списанных Пушкиным стихотворений названо в его копии: «Переодѣтая борода или гимнъ пьяной головѣ. Пасквиль Митрополита Димитрія Сѣченова на Ломоносова по поводу предыдущихъ стиховъ». Атрибуция эта — новость. Ни в одном из известных до сих пор списков «Переодетой бороды» это стихотворение не приписывалось митрополиту Димитрию Сеченову. По связи «Переодетой бороды» с прозаическими письмами «Христофора Зубницкого», в котором видели Тредьяковского, и стихотворение, пародирующее «Гимн бороде», приписывали ему же. В указанной статье В. Н. Перетц, на основании опубликованной им записи митрополита Евгения, довольно убедительно доказывает, что под «Христофором Зубницким» скрывался архиепископ Кулябко. Что же касается «Переодетой бороды или гимна пьяной голове», то, по мнению Перетца, «слог этого стихотворения, легкий и живой, даже слишком развязный для Тредьяковского, особенно в последних строфах (8—11), так же мало похож на Тредьяковского, как и стиль «Гимна бороде» (указ. соч., стр. 103). «Не составлен ли, — заключает свои соображения Перетц,— «Имн голове» каким-нибудь бойким секретарем Сильвестра?» (там же). Вместо этого гипотетического «бойкого секретаря», копия Пушкина на-

зывает митрополита Дмитрия Сеченова. Соответствует ли это действительности, мы, за неимением данных, сказать не можем, но вполне понятно, почему автором стихотворения, порочащего Ломоносова, назван этот иерарх. Он ведь тот «епископ рязанский Димитрий», который вторым подписал доклад синода против Ломоносова.

Таким образом выходит, что архиереи, потерпев неудачу у Елизаветы, обратились к средствам литературной борьбы и пустились в сочинительство памфлетов. В публику «было пущено» три письма «Христофора Зубницкого» из «Колмогор», то есть Холмогор, родины Ломоносова, — к нему, Миллеру и Поповскому и к Тредьяковскому, — сочиненных Кулябкой; к письмам же прилагалось стихотворение Сеченова, пародирующее «Гимн» Ломоносова. «Впрочем нельзя лутче, — пишет Кулябко, — заплатить сему предерзкому безбожнику, как сей же самый Гимн переворотить и, вместо б о р о д ы, описать п ь я н у ю его г о л о в у со всеми ее природными свойствами, кои бы нам его живо представляли». В своем стихотворении автор и «переворачивает» строфу за строфой «Гимн» Ломоносова, цинично изображая его пьяным сумасбродом.

Имея в виду «Гимн бороде» и относящиеся к нему стихотворения, Пушкин в статье своей «Мысли на дороге» писал: «Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве, Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей: в Академии, где, по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым по случаю *Гимна Бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника».

В 1 строфе 6 стих был, очевидно, искажен в оригинале, с которого списывал Пушкин. В тексте казанского сборника стих читается: «Славно гедерой вѣнчанну». Афанасьев, опубликовавший в указанной статье текст стихотворения, вместо «гедерой» предложил чтение «чередой», пояснив, со ссылкой на академический словарь, что «череда» — особая порода травы. Коньектура Афанасьева неправильна. Гедера значит по латыни — плющ (hedera), растение, посвященное Бахусу.

В 4 строфе 3 стих в казанском сборнике: «Конче пьяницъ тамъ такихъ», как, вероятно, было и в оригинале, с которого списывал Пушкин. В 6 строфе 5 стих в казанском сборнике, вероятно, правильнее читается: «Либо мозаикомъ ложнымъ» — намек на устроенную Ломоносовым мозаичную фабрику. В 10 строфе 1 стих в казанском сборнике: «Ужъ и чарки, ужъ и канны». Вероятно, так же было и в оригинале, с которого списывал Пушкин, почему он и поставил недоуменные точки. Афанасьев предлагает чтение: «Ужъ и чарки изысканны».

Третье стихотворение, названное у Пушкина: «Возраженіе Ломоносова. Гимнъ II», на самом деле, вероятнее, принадлежит А. П. Сумарокову. Ему, по крайней мере, оно приписано в Казанском Сборнике. Так же, как и Тредьяковский, противник Ломоносова, Сумароков, на этот раз стал на его сторону.

В 8 строфе 7 и 8 стихи в казанском сборнике, кажется, лучше: «О жестокой суевѣръ! Что поставилъ имъ въ примѣръ». В 9 строфе 7 стих в казанском сборнике тоже лучше: «Но какую бъ казнь сыскать». То же самое и 3 стих 10 строфы: «Осѣняла всѣхъ крестами».

Последнее из списанных Пушкиным стихотворений — «Ода Трисотину» — обозначено как произведение Ломоносова. Ломоносову же приписано оно и в казанском сборнике, где называется: «Сатира на Тредьяковского». Под заглавием «Ода Тресотину» имеется это стихотворение и в сборнике, принадлежавшем А. Ф. Бычкову, где автор не указан. (Сочинения М. В. Ломоносова, изд. имп. Академии Наук. т. II, СПб. 1893, стр. 179—182, прим.)

Тресотиниусом или *Тресотином* — принято было называть Тредьяковского после того, как под этим именем он был выведен Сумароковым в его комедии «Тресотиниус» 1750 г.

В стихе 52 у Пушкина находится не имеющее смысла слово. В обоих указанных сборниках это слово читается: «Керженской». Стих 53 в обоих сборниках: «Адскимъ углемъ пышетъ».

Помета у стиха 28: «Пободряга» означает, повидимому, что так было написано в оригинале, с которого списывал Пушкин.

В стихах 87 и 88 *Петраль* и *Балакерев* — Педрило и Балакирев, придворные шуты. Ломоносов этим намекает на шутовскую роль, которую играл при дворе Анны Иоанновны Тредьяковский.

48

Quod non fecere Barbari, fecere Barberini +)
de Brosse tom II—314

+Urbain VIII

Перевод:

Что не сделали варвары, сделали Барберини +)
де Бросс том II—314

+Урбан VIII

Автограф находится в Шляпкинском собрании в *ИРЛИ* (№ 286). Написано карандашом на л. 2_2 четвертки бумаги с водяным знаком: «1834». На первом листе выписка из письма Вольтера (см. стр. 586—587).

Единственный раз напечатано Шляпкиным (*Ш*, 120) без каких-либо объяснений.

Слова эти представляют выписку из книги: Charles de Brosses «Lettres historiques et critiques sur l'Italie», Paris, an VII, t. II, p. 315 (Шарль де Бросс «Исторические и критические письма об Италии»). Книга эта находилась в библиотеке Пушкина (*ПС* IX—X, № 675), и второе ее издание вызвало восторженные слова его в статье 1836 г. «Вольтер»: «Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями, но лучшим из его сочинений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1730—1740, и недавно вновь изданные под заглавием «L'Italie il y a cent ans». В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость, истинная, но никогда не отягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что писано было в том же роде» (*Ak* IX, 314).

Выписанные Пушкиным слова находятся в XVII письме де Бросса, обращенном к M. de Quintin (Кентену) и названном «Mémoires sur Rome» («Воспоминания о Риме»), стр. 289—335. Всё письмо посвящено подробному описанию архитектуры и скульптуры Рима. По поводу старинных бронзовых дверей на колодце на площади Пантеона де Бросс говорит: «On a beaucoup crié contre le pape Urbain VIII, de ce qu'il fit enlever les poutres de bronze du portique et les autres revetissements du même métal: *Quod non fecère Barbari, fecêri Barberini*» («Очень возмущались папой Урбаном VIII по поводу того, что он приказал снять бронзовые перекладины с портика и другие части из бронзы: Что не сделали варвары, сделали Барберини»). Дальше де Бросс защищает папу Урбана VIII.

Слова, выписанные Пушкиным, относятся к папе Урбану VIII,[1] который был из семейства Барберини. Надо думать, что Пушкину понравилась игра слов, звучащая по-французски острее, чем по-русски.

Неравнодушие Пушкина к каламбуру известно. Достаточно вспомнить слова его в письме к Вяземскому (от середины апреля 1825 г.): «Переписываю для тебя Онегина — желаю чтобы он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя me sourit.[2] (Извини эту плоскость: в крови!..)». Или еще слова в письме к Кюхельбекеру (от начала декабря 1825 г.): «со злости духом прочел «Духов», и сноску к этому слову: «Calembourg! Reconnais tu le sang?» («Каламбур! Узнаешь ли ты кровь?»). Отец Пушкина и дядя Василий Львович славились своими каламбурами. Пушкин с детства мог заразиться этой страстью к острословию. Выписка Пушкина датируется 1836 г., так как, во-первых, в это время он рецензировал второе издание книги, откуда взял цитату, и, во-вторых, бумага с водяным знаком «1834» употреблялась Пушкиным в 1836 г.

---

[1] Шляпкин ошибочно счел это за слова самого Урбана VIII (*Ш*, 127).

[2] Мне улыбается.

49.

[печатать][1]
[Отправить въ цензуру][2]

ое стихотвореніе[3]

Неизданн[ыя стихи] Державина[4]

(переписанное рукою Пушкина, который хотѣлъ напечатать его въ «Современникѣ».)[5]

Этой статьи печатать нельзя
А. Крыловъ

Приказъ моему привратнику

⟨1⟩ Единъ есть Богъ, единъ Державинъ
Я въ глупой гордости мечталъ.
Одна мнѣ рифма — древній Навинъ
Что солнца бѣгъ остановлялъ.
Теперь другой Державинъ зрится
И рифма тажъ ему годится
Но тотъ Державинъ попъ — не я.
На мнѣ парикъ, на немъ скуфья.

⟨2⟩ И такъ чтобъ вратъ моихъ приставу
Въ Державиныхъ различье знать,
Пакетовъ, чести по уставу,
Чужихъ мнѣ въ домъ не принимать,
Не брать отъ имрековъ пасквилей,
Цыдулъ, листковъ; не будь впредь филей,
Тебѣ даю на то приказъ
Не выпускай сего изъ глазъ.

⟨3⟩ На имя ктобъ мое пакеты,
Какія письма не принесъ,
Вопросы долженъ на отвѣты

---

[1] *Карандашом, рукою А. Краевского; зачеркнуто чернилами одной чертой.*
[2] *Чернилами, рукою А. Краевского; зачеркнуто карандашом.*
[3] *Поправка рукою Краевского, чернилами.*
[4] *Рукою Пушкина; зачеркнуто Краевским. Писано все чернилами.*
[5] *Карандашом, рукою Краевского.*

Тотчасъ онъ дать: +) бумагъ тѣхъ вѣсъ,
Сказать отколь къ кому писанья
Свободнымъ безъ запинокъ ртомъ;
Отъ неизвѣстныхъ-же посланья,
Подложны сплетни жги огнемъ

⟨4⟩ А чтобъ Державина со мною
Другова различалъ ты самъ,
Вотъ знакъ: тотъ младъ, но съ бородою;
Я старъ, юнъ духомъ по грѣхамъ.
Онъ въ рясѣ длинной и широкой,
Мой фракъ кургузъ и полубокой;
Онъ въ волосахъ, я голъ главой;
Я подлинникъ, онъ списокъ мой.

+) То есть, отвѣты на вопросы. Промахъ совершенно Державинскій

⟨5⟩ Онъ пѣлъ малебны, панихиды,
И ихъ понынѣ все поетъ;
Я Марса былъ слуга, Ѳемиды —
А нынѣ отставной поэтъ.
Онъ Пастырь, чадъ Отецъ духовный,
А я правитель былъ народный;
Онъ Оберъ-попъ, я ктиторъ музъ
И днесь пресвитеръ ихъ зовусь.

⟨6⟩ Кропитъ водой, брянчитъ кадиломъ,
Онъ руку тянетъ ко рту дамъ;
За честь я чту тянуться рыломъ
И цаловать ихъ ручки самъ.
Онъ молитъ небеса о мирѣ,
Героевъ славлю я на лирѣ;
Онъ — тайны сердца изповѣсть,
Скрывать я тайны чту за честь.

⟨7⟩ Различенъ платьемъ и дѣлами,
Онъ ѣстъ кутью, а я сальму;

Гремитъ онъ многими псалмами,
Я въ день шепчу по одному.
Державинъ родъ съ потопа влекся,
Онъ въ семинаріи нарекся
[Но] Лишь сходствомъ рифмъ моихъ и стопъ;
Мой дѣдъ Мурза, его дѣдъ Попъ.

⟨8⟩ И словомъ онъ со мной несходенъ
Ни видомъ, ростомъ, ни лицомъ;
Душой быть можетъ благороденъ
Но Гербомъ не Державинъ онъ.
Въ моемъ: Звѣзда рукой держима;
А имъ клюка иль трость носима.
Онъ можетъ четки внесть въ печать,
Я — лирою златой блистать.

⟨9⟩ А потому, почталіоновъ
Его носящихъ письма мнѣ
Отправя съ множествомъ поклоновъ,
Ни средь обѣдовъ, ни во снѣ
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
Съ двора ихъ съ честью провожай.
Державу съ мvтрой различай.

Печатается впервые по автографу Пушкина, хранящемуся в *ПБЛ* (см. *РП*, № 127, стр. 44). Подлинник на четырех листах тонкой голубой почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, с золотым обрезом.

Так как при жизни Пушкина стихотворение Державина, написанное в 1808 г., напечатано не было, то Пушкин, предполагая опубликовать его в 1836 г. в своем «Современнике», переписал его текст, написав заглавие: «Неизданные стихи Державина». А. А. Краевский, бывший в это время помощником Пушкина по изданию «Современника», изменил заглавие, исправив его на: «Неизданное стихотворение Державина», и отправил пушкинскую рукопись на рассмотрение цензуры. Вследствие запретительной надписи цензора А. Л. Крылова стихотворение не было напечатано, и рукопись Пушкина осталась в бумагах А. А. Краевского (см. «Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.», СПб. 1893, стр. 39 в приложении (№ 7), и *РП* № 127, стр. 44).

Ходившее во множестве списков стихотворение впервые было напечатано лишь в «Библиографических Записках» 1859, т. II, № 11, стр. 329 По копии, с поправками Державина, находящейся в одной из тетрадей поэта, стихотворение (датировано 16 января 1808 г.) было напечатано Я. К. Гротом в «Сочинениях Державина», т. III (СПб. 1866, стр. 420—424). Текст Пушкина дает следующие разночтения с текстом, напечатанным Гротом.

2 строфа	5 стих	П	Не брать от имреков пасквилей
	»	Д	Не брать из *имреков* пасквилей
	6	П	Цыдул, листков; не будь впредь филей
	»	Д	Цидул, листков, — не быть впредь филей
	7	П	Тебе даю на то приказ
»	»	Д	Даю сей вратнику приказ
»	8	П	Не выпускай сего из глаз
»	»	Д	Не выпускать сего из глаз
3	1	П	Какія письма не принесъ
	»	Д	Какіе, письма не принесъ
	4	П	Тотчас он дать: бумаг тех вес
	»	Д	Тотчас он дать, — бумаг тех в вес, —
	6	П	Свободным без запинок ртом;
	»	Д	И те все произнесть признанья
	7	П	От неизвестных же посланья
	»	Д	Свободным без запинок ртом; —
	8	П	Подложны сплетни жги огнем.
»	»	Д	Подметны сплетни жги огнем.
5	3	П	Я Марса был слуга, Фемиды:
	»	Д	Слуга был Марса я, Фемиды,
	8	П	И днесь пресвитер их зовусь.
»	»	Д	Иль днесь пресвитер их зовусь.
6	1	П	Кропит водой, брянчит кадилом,
	»	Д	Кропит водой, курит кадилом,
	2	П	Он руку тянет ко рту дам;
	»	Д	Он тянет руку дам к устам:
	3	П	За честь я чту тянуться рылом
	»	Д	За честь я чту тянуться с рылом
»	8	П	Скрывать я тайны чту за честь
»	»	Д	Скрывать я шашни чту за честь
7	1	П	Различен платьем и делами,
»	»	Д	Различен также и делами:
	3	П	Гремит он многими псалмами,
	»	Д	Он громок многими псалмами,
»	6	П	Он в семинарии нарекся
»	»	Д	Он в семинарьи им нарекся
8 »	7 »	П	Он может четки внесть в печать

8 строфа 7 стих Д Он может четки взнесть в печать
9 » 3 » П Отправя с множеством поклонов,
» » » » Д Отправя множеством поклонов.

50.

Мнѣ сказывалъ знатокъ (пок⟨ойный⟩ А. И. Ермолаевъ) видѣвшій рукопись до изтребленія ея въ 1812 году, что почеркъ ея былъ полууставъ XV вѣка. Что касается до нарѣчія ея, будто бы не согласнаго ни со Славянскими, ни съ нашими областными, не сходство сіе касается только[1] до нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, какъ то: харалугъ, стрикусъ и проч. вообще-же въ ней нарѣчіе то-же самое, какое и въ лѣтописяхъ нашихъ и въ другихъ древнихъ памятникахъ языка Русскаго, Чистое Русское, а не Польское, ниже какое-либо другое нарѣчіе.

Окончаніе глаголовъ шетъ или шеть, вмѣсто ше, и хуть вмѣсто ху, напр. бяшетъ, помняшетъ, сыпахуть, говоряхуть отличается отъ простаго ше или ху только усиливательною[2] приставкою ть, которая не въ одномъ Словѣ о Полку Игоревѣ,[3] но и въ другихъ старинныхъ памятникахъ языка встрѣчается. Напр. въ Лаврентьевскомъ спискѣ временника Несторова л. 98: «и даръ си отъ Бога прія, да егда въ церкви внидишетъ, и слыша пѣніе, и абіе слезы испущашетъ». — Одѣвахте есть, вѣроятно, описка, вмѣсто одѣвахуть: Впрочемъ, въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано Сл. о Плк. Иг., нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый переписщикъ перемѣнялъ правописаніе своего подлинника, частію неумышленно по привычкѣ; частію-же и съ умысломъ поправить мнимую ошибку.

Востоковъ.

Автограф Пушкина находится в сшитой из разных бумаг жандармами тетради № 2386 Г (лл. 4_1 и 4_2). Продолжение листа — лл. 21_1 и 21_2 — чистые. Бумага белая (зеленоватая) верже, in f°, с водяным знаком: «FAO pro patria».

Впервые напечатано Е. В. Барсовым в «Чтениях в Имп. обществе

[1] *Дальше было*: до нарѣчія ея
[2] *Было*: [усилительною].
[3] *В рукописи описка*: Игорор.

истории и древностей российских при Московском университете» 1882, кн. 2, и отдельным оттиском: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина», с предисловием Е. В. Барсова, М. 1883, стр. 15—16. Барсов напечатал текст по копии (об этом см. стр. 148—149), находящейся в тетради № 2395, лл. 424—425 (или по повторению его на лл. 447—448), где писарем не была списана подпись Востокова. Поэтому Барсов счел эту выписку за текст Пушкина. В его публикации, вообще изобилующей неточностями, почему-то отсутствует конец (со слов: «Впрочем в списке»). Конец этот напечатан Якушкиным (*Я* XII, 543).

Весь текст затем был напечатан у *Е*[3] V, 213, у *М*[2] VI, 639—640, где сказано о том, что эта «записка о «Слове» принадлежит А. Х. Востокову», и у *Е*[4] V, 617.

По какому же поводу написал Востоков эту записку?

Специальной работы о «Слове о полку Игореве» у Востокова нет. В «Филологических наблюдениях А. Х. Востокова», собранных И. Срезневским, СПб. 1865, и в ученой переписке его, охватывающей 1798—1864 гг., изданной также И. Срезневским («Сборник II отд. Имп. Академии Наук», т. V, вып. 2, СПб. 1873), нет даже ни одного упоминания ни о «Слове о полку Игореве», ни о Пушкине. Лишь в его «Опыте о русском стихосложении» есть страницы, посвященные этому памятнику, но исключительно с точки зрения построения стиха.

Н. К. Козмин, напечатавший (в *Ak* IX, прим., 596) текст копии Пушкина с письма Востокова в сноске к своим примечаниям, полагает, что «Пушкин, повидимому, обращался и к А. Х. Востокову за разрешением своих сомнений о рукописи «Слова», и последний составил для него особую записку, где было изложено его мнение».

Навряд ли прав Н. К. Козмин; странным кажется, что в бумагах Пушкина не сохранился столь значительный автограф так ценимого им Востокова, когда всякое письмо к себе Пушкин берег. Гораздо вероятнее предположить, что Востоков написал эту записку о «Слове о полку Игореве» для Жуковского, может быть Вельтмана или еще кого-нибудь из тех, кто занимался этим произведением, а Пушкин уже списал для себя интересующие его строки великого филолога.

Текст письма Востокова, судя по словам: «покойный А. И. Ермолаев», написан не ранее 10 июля 1828 г. (дня смерти этого ученого). Списал же себе Пушкин это письмо в 1833—1836 гг., когда занимался «Словом».

51.

Je tâche de n'en rien croire, mais j'ai peur d'être comme les cocus, qui s'efforcent à penser que leurs femmes sont très fidèles. Les pauvres gens sentent au fond de leur coeur quelque chose qui les avertit de leur désastre.

Ce dont je suis très sûr c'est que mon gracieux maître m'a honoré d'un bon coup de dents dans ses mémoires etc.

Перевод:

Я стараюсь не верить этому, но я боюсь уподобиться рогоносцам, которые силятся думать, что жены их очень верны. Бедняги чувствуют в глубине сердца что-то предупреждающее их об их бедствии.

Но в чем я очень уверен, это, что мой благосклонный повелитель удостоил меня здорового злословия в своих мемуарах и т. д.

Печатается по автографу Пушкина, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 286); писано карандашом на л. 1_1 (2 л. в 4 д. л.) бумаги с водяным знаком: «1834».

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным (*Ш*, 120), с неправильным толкованием текста как письма Пушкина к А. О. Смирновой. Ошибку Шляпкина указали П. Е. Щеголев в «Известиях Отд. русск. языка и словесности Имп. Академии Наук», т. VIII, 1903, кн. 4, стр. 379, и П. А. Ефремов в своей книге «Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях», СПб. 1903, стр. 40—41. Текст Пушкина является выпиской из письма Вольтера к д'Аржанталю.

В своей статье «Вольтер» Пушкин, говоря о разрыве в 1752 г. писателя с Фридрихом II, писал: «Он ⟨Вольтер⟩ видел в поступках короля явное к нему охлаждение и предчувствовал опалу. «Я стараюсь тому не верить» — писал он в Париж к д'Аржанталю — «но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!» На основании этого указания по сорокадвухтомному изданию собрания сочинений Вольтера, бывшему в библиотеке Пушкина («Oeuvres complètes de Voltaire» Nouvelle édition. Paris MDCCCXVII — MDCCCXX), были просмотрены письма Вольтера не только к д'Аржанталю, но и к другим корреспондентам писателя за 1752—1755 гг., но текста, цитируемого Пушкиным, мы нигде не нашли. Поэтому есть основания предполагать, что эта мнимая цитата — новая мистификация Пушкина.

52.

⟨1⟩

Календарь или Мѣсяцословъ на лѣто отъ Рождества Господа нашего Iисуса Хрiста, 1721. указующiй затмѣнiя солнечная, мѣсячная рожденiя, и полный мѣсяцъ съ четвертми. такожде время солнечнаго восхожденiя и захожденiя долгоденствiе и долгонощiе на всякiй день. Учиненный по мерiдiану, и шiринѣ

царствующаго санктпітербурха. Въ санктпітербурхской Тіпографіи, лѣта Господня, 1720 Декабря въ 12 день

(Въ началѣ означены)

Знаки мѣсячные.

Имена по гречески и Римски седми планетъ я-же показуютъ и седмічные дни. солнце, Соль. луна, луна. Арісъ, Марсъ. Ермій, Меркурій. Діи и Зевсъ, Іовішъ. Афродита Венера. Кронъ, Сатурнъ. — Воскресеніе названо Недѣлею. Слѣдуютъ знаки и имена 12 зодіи.

⟨2⟩

Генварь иматъ 31 день. Здравіе благословеніе и миръ да подастъ Богъ православнымъ. — Слѣдуетъ обыкновенное показаніе числъ [также] и праздниковъ, съ присовокупленіемъ предсказаній о погодѣ. На пр. 8-го Генв. зело мразно, 12 марта не весело и проч.

⟨3⟩

При семъ картинки изображающія Весну лето осень и зиму

⟨4⟩

Форма календаря

Печатается впервые, по подлиннику, входящему в состав Майковского собрания автографов Пушкина (в *ИРЛИ*, № 650); подлинник писан частью Пушкиным, частью рукою писца на двенадцати листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «A. F. Rall» с гербом; нами печатается лишь текст Пушкина.

Л. 1_1 — заглавный лист календаря, сплошь переписанный рукою Пушкина; приведен нами как ⟨1⟩.

Л. 1_2 — чистый.

Л. 2_1 — содержание календаря — переписано писцом; нач. «Во имя Иисусово» «от Начатия 4-х монархий. А имянно». В конце этого отдела на том же листе Пушкин сам написал текст, приведенный нами как ⟨2⟩.

Лл. 2_2—5_1 — текст календаря, нач.: «О затмениях», переписанный писцом; на *л.* 5_1 в отделе «О четырехъ Временѣхъ Года», Пушкин приписал сбоку примечание, приведенное нами как ⟨3⟩.

Лл. 5_2—9_2 — продолжение текста календаря, переписанного писцом.

Лл. 10_1—12_1— чистые.

На *л.* 12_2 Пушкин графически изобразил форму календаря (см. снимок) и сделал надпись, приведенную нами как ⟨4⟩.

Описание этого автографа Пушкина впервые дано В. И. Срезневским в *ПС* IV, 32. Самый календарь уже во времена Пушкина представлял большую библиографическую редкость. Поэт совершенно точно списал титульный лист издания и отметил все его особенности, изобразив даже внешнюю его форму, представляющую перегнутую пополам четвертку в 36 ненумерованных листов, с гравированными на меди изображениями в конце текста (подробное описание календаря см. у П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом», т. II, стр. 490). Интерес к этому изданию возник у Пушкина, надо думать, после приобретения им экземпляра календаря. Хотя он и не сохранился в библиотеке Пушкина, судя по библиографическому описанию ее, составленному Б. Л. Модзалевским (*ПС* IX—X), но поэт имел его у себя, в чем убеждает нас опись его библиотеки 1837 г., в которой календарь этот значится (см. в нашей работе о библиотеке Пушкина в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 998; см. также «Искусство» 1929, № 3—4, стр. 42, в статье П. Е. Щеголева «Материальный быт Пушкина»). Сделав для себя копию календаря, Пушкин намеревался написать о нем специальную статью для «Современника», но не успел осуществить это намерение. В перечне статей, намеченных им к помещению в журнале, находится краткое упоминание о календаре, с знаком + с правой стороны, что, вероятно, должно было означать, что материал к этой работе уже был собран (см. стр. 281). Публикуемый нами текст календаря в копии Пушкина и есть тот еще сырой материал, которым он предполагал воспользоваться для своей библиографической работы.

53.

Mon frère avoit sous ses ordres le département du comerce et des douanes. Je voyois chez lui un jeune homme Mr Raditchef qui avoit fait ses études à Leipzig, et pour lequel il avoit beaucoup d'amitié. L'on me montra un jour à l'Academie Russe, comme une preuve que nous avions beaucoup d'écrivains qui ne savoient pas leur langue, une brochure qu'avoit écrit et fait imprimer ce même Radichtchef. C'étoit la vie et l'éloge d'un de ses compagnons d'étude de Leipzig, un certain Ouchakof. Je le dis le soir même à mon frère qui envoya d'abord chez un libraire chercher cette brochure, et je lui remarquai que son protégé avoit une démangeaison d'écrire sans que son style et ses idées soient bien digerées, et qu'il y

a même des pensées ou expressions qui dans le tems où nous vivions étoient dangereuses. Quelques jours après mon frère me dit que j'avois jugé trop severement le petit ouvrage de Radischtchef qu'il l'avoit lu et que l'on pourroit en dire qu'il est menteur, puisque cet Ouchakof n'avoit jamais fait ni dit rien de remarquable: et puis c'est tout. Il se peut, je dis, qu'il y ait de la séverité dans le jugement que j'en ai porté. Mais comme il s'interessoit à l'auteur, je crus de mon devoir de l'avertir de ce que je croyois avoir vu dans cette sotte petite brochure; que quand un homme n'a éxisté que pour dormir, boire et manger, il ne sauroit trouver des panégéristes, sinon dans quelques uns qui étoient attaqués de la folie de s'imprimer tout vifs et que cette démangeaison d'auteur, pouvoit porter son protégé à écrire à l'avenir quelque chose de plus reprehensible encore. Effectivement, l'été suivant j'étois par congé à troitskoe quand je reçus une lettre de mon frère, par laquelle il m'annonça qu'il est dans le plus grand chagrin, que ma prophetie au sujet de Радищевъ était accomplie, qu'il avoit publié un ouvrage qu'il est faché d'avouer que l'on pourroit nommer le tocsin, qu'il a été dénoncé et qu'il vient d'être relegué en Sibérie. Loin d'être flatté de la vérité (que cette catastrophe prouvoit) de ma conclusion; je m'attristoi sur le sort de Radischtshef et surtout sur le chagrin que je savois que mon frère ne dissiperoit pas de sitôt. Je prévis même que le favori qui n'étoit pas l'ami du comte Alexandre tacheroit de jetter sur lui quelque blâme à ce sujet. Effectivement il l'essaya et sous un autre souverain que la Grande Catherine il auroit réussi à lui faire du tort, mais cela ne fit pas impression sur elle. Mon frère cependant en ressentit quelques dégouts, qui joints aux intrigues du procureur Général, le mirent de mauvaise humeur. Sur quoi mon frère demanda un congé d'un an, prétextant une mauvaise santé, qui demandoit du repos et l'air de la campagne. Je me voyois à Petersbourg seule, dans ce cercle qui me devint encore plus odieux; mais j'esperois toujours qu'après le terme mentionné il retourneroit. Avant le terme de son congé il demanda sa demission et l'obtint. Ce fut l'année 1794 qu'il finit la carriere de ses services utiles à la patrie et honorables pour lui-même.

(Изъ записокъ Княгини Дашковой (Mon histoire), часть II).

Перевод:

Мой брат имел под своим началом коммерц-коллегию и таможни. Я встречала у него одного молодого человека, г. Радищева, который получил образование в Лейпциге и к которому брат был очень привязан. Однажды в Российской академии, в доказательство того, что у нас много писателей, не знающих родного языка, мне показали брошюру, которую написал и издал этот самый Радищев. Это было жизнеописание одного из его товарищей по учению в Лейпциге, некоего Ушакова, и похвальное слово ему. Я об этом в тот же вечер сказала брату, который начал с того, что послал к книгопродавцу за этой брошюрой. Я заметила ему, что его протеже страдает зудом писать, несмотря на то, что ни его стиль, ни его мысли не переварены как следует, и что у него встречаются даже мысли или выражения, опасные по нашему времени. Несколько дней спустя мой брат сказал мне, что я слишком строго осудила маленькое произведение Радищева, что он прочитал его и что о нем можно было бы сказать, что оно лживо, ибо этот Ушаков никогда не сделал и не написал ничего замечательного, и вот и всё. Возможно, сказала я, что слишком много строгости в вынесенном мной суждении. Но, так как брат интересовался автором, я сочла своим долгом предупредить его о том, что, казалось мне, я усмотрела в этой глупой маленькой брошюре: что, когда человек существовал лишь для того, чтобы спать, пить и есть, он не мог бы найти панегиристов, разве что в лице некоторых, охваченных безумием печататься при жизни, и что этот писательский зуд может привести его протеже к тому, что он напишет в будущем что-нибудь еще более предосудительное. Действительно, следующее лето я была в отпуску в Троицком, когда получила письмо от брата, в котором он меня извещал, что находится в величайшем огорчении, что мое пророчество по отношению к Радищеву сбылось, что он издал работу, которую, как брат с досадой должен признать, можно было бы назвать набатом, что на него донесли и что он только что сослан в Сибирь. Далекая от того, чтобы быть польщенной правотой моих выводов (доказанной этой катастрофой), я опечалилась судьбой Радищева, и в особенности огорчением моего брата, которое, я знала, не так скоро рассеется. Я предвидела даже, что фаворит, который не был другом графа Александра, попытается набросить на него тень по этому поводу. Действительно, он пробовал это сделать, и при ином государе, а не при великой Екатерине, он бы успел повредить ему, но на нее это не произвело впечатления. Мой брат, однако, почувствовал некоторое отвращение, которое

так же, как интриги генерал-прокурора, привело его в плохое настроение. Вследствие этого мой брат испросил годовой отпуск под предлогом расстроенного здоровья, требующего отдыха и деревенского воздуха. Я оказалась в Петербурге одна в этом обществе, которое стало мне еще более ненавистным; но я всё надеялась, что после упомянутого срока он ⟨брат⟩ вернется. До срока своего отпуска он подал в отставку и получил ее. В 1794 году окончил он свою деятельность, полную заслуг, полезных для его родины и почетных для него самого.

Выписка находится на *лл.* 3_1, 3_2 и 77_1 тетради № 2386 В, сшитой жандармами из отдельных листов.

Якушкин в *Я* XII, 539 только упомянул об этой выписке, печатаемой нами впервые.

Записки кн. Е. Р. Дашковой, рожд. гр. Воронцовой, имелись в двух рукописях руки приятельницы Дашковой, англичанки Вильмот, по мужу Бредфорд. Одна рукопись была увезена Вильмот-Бредфорд в Англию, где и издана в 1840 г. на английском языке: «Memoirs of the princess. Daschkaw, London 1840» (см. кн. А. Б. Лобанов-Ростовский «Еще о записках кн. Дашковой (Рукопись, сохранившаяся в Англии)» — *РА* 1881, I (2), 366—369), Другая рукопись после смерти Дашковой, в 1810 г., была найдена в ее бумагах и взята Ю. А. Нелединским-Мелецким, державшим рукопись у себя два года. В 1812 г. рукопись поступила в архив кн. М. С. Воронцова (М. Шугуров, «Мисс Вильмот и княгиня Дашкова» — *РА* 1880, III (1), 196), где и пролежала до 1881 г., когда была издана П. И. Бартеневым в XXI томе «Архива кн. Воронцова».

В 1859 г. записки Дашковой были изданы Герценом в Лондоне на французском и русском языках (в двух отдельных книгах). Во время нахождения рукописи у Нелединского-Мелецкого с нее пошли списки. Один из них был у кн. П. А. Вяземского, что видно из его письма к И. И. Дмитриеву от 27 июля 1829 г., где читаем: «Позвольте мне, следуя вашему примеру, задрать вас допросом: не у вас ли Записки кн. Дашковой? Если они у вас, то прошу оставить их у себя до моего приезда. Не находя их в своих книгах, я что-то стосковался о них. Боюсь, не пропали ли» (*РА* 1866, стб. 1721).

Вероятно, с экземпляра, принадлежавшего Вяземскому, и сделал выписку Пушкин. Было это, надо думать, в 1836 г., когда поэт работал над своей статьей о Радищеве.

Мой брат — гр. Александр Романович Воронцов (1741—1805), президент коммерц-коллегии в 1773—1794 гг. и государственный канцлер в 1802—1804 гг. Яркий представитель либеральных магнатов, англоман Воронцов покровительствовал Радищеву (см. статью В. П. Семенникова «Радищев и гр. А. Р. Воронцов» в его книге «Радищев. Очерки и исследования», 1923).

Брошюра Радищева — вышедшее в свет в 1789 г. «Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений».

Троицкое — подмосковная (близ Серпухова) кн. Е. Р. Дашковой.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева вышло в свет в июне 1790 г. 27 июня состоялся приказ об аресте Радищева, 30 июня он был заключен в Петропавловскую крепость, 24 июля приговорен к смертной казни, замененной 4 октября лишением прав и ссылкой на десять лет в Сибирь.

Фаворит — кн. Платон Александрович Зубов (1767—1822).

Пушкин интересовался кн. Е. Р. Дашковой как крупной фигурой XVIII века и безотносительно к Радищеву. Об этом свидетельствует и запись, напечатанная на стр. 332, и тот факт, что в имеющемся в библиотеке Пушкина третьем томе собрания сочинений Дидро издания 1821 г. поэтом отчеркнут ряд мест в статье о Дашковой (см. *ПС* IX—X, № 881, стр. 225).

54.

Т. е.

Г. Подполковникъ,

Зело желаю отъ васъ вѣдать можетели вы успѣть къ Дунаю
ф
прежде турковъ или нѣтъ и буде еще того вамъ вскорѣ подлинно знать не льзя, то дайте знать въ сколько дней можете (по принятію сего письма) подлинную вѣдомость [отпустите на сіе] намъ дать а сего курьера не державъ отпустите на сіе съ отповѣдію У насъ ничего новаго нѣтъ. Отшедъ отъ Бреславля 5 мая въ 9 іюня 1711.

См. примечание к № 56.

55.

Г. Подполковникъ. Зело удивляюсь что вы такъ оплошно дѣлаете для чего посланы. Ежелибъ такъ сдѣлали какъ приказано, давно бъ были у Дуная я зело на васъ надѣялся а нынѣ вижу что тебѣ тожъ пристава (надо) что же ссылаетесь на письмо Савино, то отвѣтствовалъ Гр. Головкинъ а что требуете указовъ новыхъ то я не знаю что больше писать ибо обо всемъ Указы уже даны что-же (цыфирь) дѣлѣ принадлежитъ потомъ пространно

См. примечание к № 56.

нѣе буду писать. Сего дня отъ Днѣстра съ Костентиномъ когда будемъ къ вамъ не уморите солдатъ съ голоду. Piter

56.

Г. Подполковникъ объявляю вамъ что мостъ симъ вѣтромъ попортило и по утру чинить будемъ. Только трудно при сей погодѣ скоро здѣлать. Того ради намѣрились мы солдатъ на здѣшнія морскія большія суды посадить въ низъ и въ верхъ сколько возможно и прямо на тотъ берегъ[1] высадить однако если и сіе замѣшкается а неприятелей осмотрите что не гораздо много перебралось и Вамъ подъ силу то лучше съ помощію Божіей атаковать (ежели[2]) ждать чтобъ оныхъ болѣе перебралось того ради Вамъ тяжеле будетъ и ретирада далече. Сіе мое намѣреніе объяви прочимъ Генераламъ и дѣлайте что возможно, а я перевезя солдатъ самъ напередъ къ Вамъ буду. Однакожъ когда случай позоветъ недожидайтесь меня

Петръ

Изъ Фридерихштата въ 10 февр
1713.

Написано в тетради № 2388 Б, на трех отдельных листах писчей бумаги верже, in f°, с водяным знаком: «1833 г.». Такую бумагу Пушкин употреблял в 1835—1836 гг.; на ней написана статья «Российская академия», «Записки бригадира Моро-де-Бразе» и «Материалы по истории Петра I», хранящиеся в *ИРЛИ*.

У *Я* XII, 572 только упомянуто.

Печатается впервые.

Письма Петра I Пушкин скопировал сначала «факсимильно», а затем написал их текст в своем чтении, без соблюдения особенностей начертаний Петра. См. прим. к следующему номеру.

57.

17.

Г. Подполковникъ

ся

Письма Ваши два дошли о мундирѣ и прочемъ трудить да будемъ. Мы отъѣзжаемъ на двухъ дняхъ въ путьевой а въ ка-

---

[1] *Пушкиным оставлено пустое место, так как он не разобрал слов Петра.*

[2] *Было:* нежели.

Копии, сделанные Пушкиным с письма Петра I

(К стр. 593—594)

кой силѣ о томъ писалъ я пространно къ К. М. Правда зело
бъ
жалѣю что отъ Васъ поѣхалъ. Только когда при мнѣ что партикулярное оныя здѣлали то бъ я ни съ тѣмъ ни сѣмъ остался тако жъ ежелибъ сюды ни поспѣлъ въ о пискахъ все бы пропало ибо отъ и акартову дивизію хотѣли послать (отъ) къ Кіеву которая бъ туды непоспѣла а здѣсь [Нива стала] безъ нее все такъ же и прочее о чемъ время объявить

изъ С.П.Б. 23 апрѣля 1713

В тетради № 2388 В, лист тонкой голубой бумаги в большую четвертку («конторского» формата), с золотым обрезом, употреблявшейся Пушкиным в 1835—1836 гг. У *Я* XII, 573 только упомянуто.

Печатается впервые.

Копия письма Петра I. Из неопубликованных выписок Пушкина из «Деяний Петра Великого» Голикова явствует, что адресат этих писем кн. Долгоруков. Это — кн. Василий Владимирович Долгоруков (1667—1746), видный деятель царствования Петра I. За участие в полтавском сражении произведен в генерал-поручики, но с оставлением в звании подполковника гвардии. Письма Петра Пушкин получил от кн. Вас. Вас. Долгорукова (1787—1858), которому кн. Вас. Влад. Долгоруков приходился братом прадеда.

58.

Сонетъ, сударь, хорошъ скажу вамъ наконецъ
И доказательство: я самъ его
[Вы? Я. — Не можетъ быть — по чести]
[это чудо]
Конечно
[Когда мнѣ его]

Записано на полулисте писчей бумаги с текстом «Примечания о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину», написанного в августе-сентябре 1836 г., когда, надо полагать, была сделана и комментируемая запись *(ИРЛИ,* № 324).

Впервые напечатано Н. В. Измайловым в *НП*, стр. 211, писавшим о стихотворной записи: «вследствие крайней неразборчивости ее, воздерживаемся от высказывания наших догадок по этому поводу» (стр. 212). Б. В. Томашевский сначала утверждал в заметке «Попытка Пушкина переводить Мольера» («Жизнь Искусства» 1924, № 2 (296), от 8 января,

стр. 18), что «строки эти представляют собою попытку перевода нескольких стихов Мольера из его «Ученых женщин», а затем указал, что стихи эти — запись отрывка перевода И. И. Дмитриева из Мольера (см. Б. В. Томашевский, «Писатель и книга» 1928, стр. 181).

Дмитриевым переведена сцена «Триссотин и Вадиус» из комедии Мольера «Ученые женщины».

В этой сцене есть стихи:

Вадиус.

Сонет, сударь, хорош, скажу вам, наконец;
А доказательство... Я сам его творец.

Триссотин.

Вы?

Вадиус.

Я.

Триссотин.

Не может быть; по чести это чудо!
Конечно, мне его читали очень худо,
Иль я был развлечен.

Перевод Дмитриева был впервые напечатан в издании 1810 г. собрания его сочинений.

59.

Чувствительная барыня идетъ въ пол-пьяна, за нею честный Инвалидъ идетъ и проситъ ради Христа барыня поетъ: голос томный и жалостливый

Солдатъ бѣдный человѣкъ;
Ему негдѣ взять —
Изъ за евтаго бездѣлья
Не домой ему идти   bis
Не свою жену 〈...〉
(Нѣжнее)   Ужъ я дамъ сиротѣ
На своемъ 〈.....   〉—
(Плачетъ)   Пусть онъ мой голубчикъ
Попатѣшится
За 〈. .   .〉
Понадержится.

Записано на листке в 4 д. л. без водяных знаков, хранящемся в Остафьевском архиве (в *ГАФКЭ*). Копия с автографа была в свое время

сделана Б. Л. Модзалевским, сообщившим текст Н. О. Лернеру, который, назвав эту, по его словам «народную сценку» «Солдат и блядь», упомянул ее в «Трудах и днях Пушкина», СПб. 1910, стр. 382.

Печатается впервые по копии Б. Л. Модзалевского.

Судя по тому, что листок оказался у кн. П. А. Вяземского, текст едва ли был написан ранее второй половины сентября 1826 г., когда началось тесное общение Пушкина с Вяземским. Поэтому время записи приходится относить к 1826—1836 гг.

Текст представляет собою запись солдатской песни. А. О. Россет передавал П. И. Бартеневу: «Пушкин, играя в банк, заложит бывало руки в карман и припевает солдатскую песню с заменою слова *солдат:*

«Пушкин бедный человек,
Ему негде взять.
Из-за эвтова безделья
Не домой ему идтить...

См. *РА* 1899, кн. II, стр. 356.

60.

farewell my friend
—— my foes ! —

Перевод:

прощай, мой друг,
прощайте, мои враги ! —

Запись на внутренней стороне задн. крышки переплета тетради, № 2382.

Единственный раз напечатана у *Я* XI, 371, с ошибками.

Запись представляет собою, вероятно, цитату. Во второй строке первая черта, надо думать, означает, что повторяется первое слово первой строки. Тетрадью № 2382 Пушкин пользовался в 1829—1831 гг., но есть в ней тексты и 1834 г. и 1836 г. Таким образом, эта запись, сделанная изолированно, не поддается более точной датировке, чем 1829—1836 гг.

61.

It is a reverend thing to see an ancient castle or building not in decay, or to see a fair timber-tree sound and perfect; how much more to behold an ancient noble family, which hath stood again the waves and weathers of time

Bacon

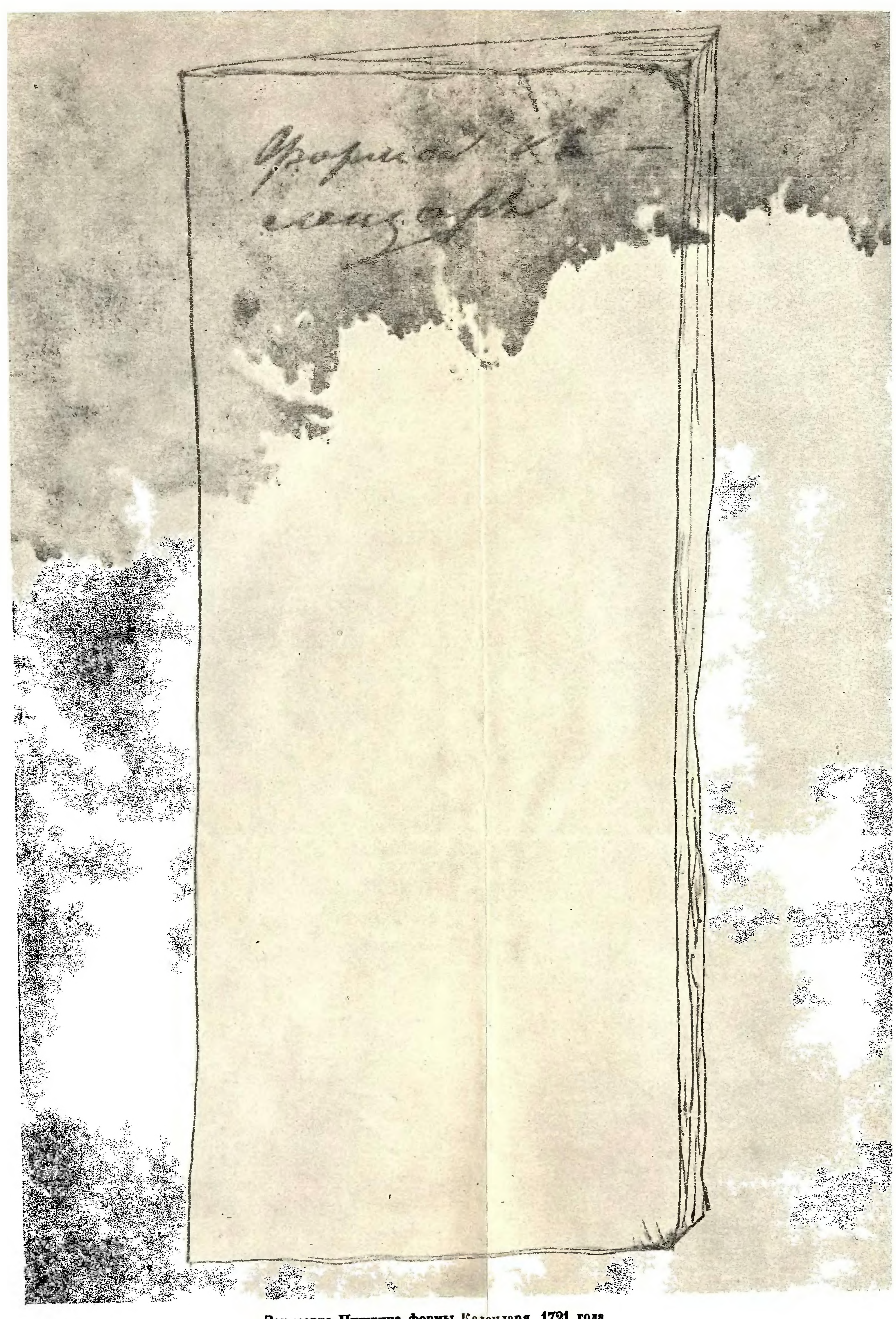
Перевод:

Достойная уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке, или видеть прекрасное строевое дерево крепким и целым. Сколь еще более (достойно уважения) взирать на древний дворянский род, который выстоял против волн и непогод времени.

Бэкон

Написано карандашом на полулисте писчей бумаги in f° без водяных знаков (*ИРЛИ*, № 45).

Означенная выписка сделана Пушкиным из «Essays, moral, economical and political by Francis Bacon». Эта книга в лондонском издании 1819 г. имелась в библиотеке Жуковского. В ней разрезаны предисловие с оценкою Бэкона и стр. 57—73. На стр. 57—59 находится главка «of Nobility» («о дворянстве»), заключающая в себе и место, заинтересовавшее Пушкина. Однако, как показывают некоторые особенности пушкинского текста, Пушкин пользовался каким-то другим экземпляром. Внешний вид листка, на котором сделана выписка, также говорит за то, что он лежал в какой-то другой книге, из которой и выпал при разборке Пушкинской библиотеки. Выписка тематически связана с набросками Пушкина «О дворянстве» 1833 г. (см. подробнее заметку Д. П. Якубовича «Неизвестная запись Пушкина» в сборнике «Звенья» 1932, № 2, 225—231, там же снимок).

Зарисовка Пушкина формы Календаря 1721 года

(К стр. 588)

XI

НАДПИСИ НА КНИГАХ

В этом отделе собраны надписи на книгах о принадлежности их Пушкину, о прежних владельцах книг и об обстоятельствах покупки. Всего таких книг оказалось двадцать одна, число совершенно ничтожное, принимая во внимание, что в библиотеке Пушкина находится по описанию Б. Л. Модзалевского 1522 названия книг.

Л. Модзалевский

1.

ce 13 juillet 1817, à Michailovskoy.

Перевод:

13 июля 1817, в Михайловском.

Надпись эта находится на листке перед переплетом в конце книги из библиотеки Пушкина: Fables choisies mises en vers par M. De La Fontaine. Paris. MDCCLXXV («Избранные басни в стихах» Лафонтена, Париж 1785). (См. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина» в *ПС* IX—X, стр. 265, № 1060; здесь же и факсимиле между стр. 264—265.) Подлинник хранится в *ИРЛИ*.

2.

Карта, принадлежавшая Императору Александру Павловичу. Получена въ Симбирскѣ отъ А. М. Загряжскаго 14 септ. 1833.

Печатается впервые (ср. M. Hofmann, «Le Musée Poushkine d'Alexandre Onéguine à Paris», Paris, 1926, стр. 33, 64), по автографу, хранящемуся в *ИРЛИ* (собрание А. Ф. Онегина, ныне № 372). Надпись сделана на обороте карты, наклеенной квадратами на полотне, под названием «Генеральная Карта Екатеринославской Губерніи съ показаніемъ почтовыхъ и большихъ проѣзжихъ дорогъ, станцій и разстоянія между оными верстъ. Сочинена по новѣйшимъ достовѣрнымъ свѣденіямъ въ С-тъ Петербургѣ 1821 года

Сочин. и Гравир. Полков. Пядышевъ. Вырез. слова М. Ивановъ ⟨тоже по-французски⟩.

Александр Михайлович *Загряжский* (1797 — после 1878), дальний родственник Екатерины Ивановны Загряжской и ее сестры Наталии Ивановны (матери Н. Н. Пушкиной); на его дочери Елизавете (с 13 октября 1843 г.) был женат Л. С. Пушкин. А. М. Загряжский в молодости служил в военной службе в л.-гв. Преображенском полку, а с 1826 г. перешел на службу по гражданскому ведомству; с 2 июля 1831 г. по 5 марта 1835 г. был Симбирским губернатором, затем служил членом консультации при министре юстиции (1837 г.), с 1863 г. состоял по Министерству внутренних дел и вышел в отставку в 1867 г. См. о нем в записках Э. И. Стогова (*РС* 1903, № 5, стр. 314—328), *ОА* III, 744 и «Воспоминания» И. А. Гончарова, который изобразил его под именем Льва Михайловича Углицкого (Полное собрание сочинений И. А. Гончарова, т. IX, СПб. 1889; ср. *ВЕ* 1907, № 2, стр. 573—574).

Пушкин приехал в Симбирск по дороге в Оренбург, для собирания сведений о Пугачеве, 10 сентября 1833 г. и остановился ненадолго в доме Загряжского, где получил письмо от жены (см. *АП* III, 43). О пребывании Пушкина у А. М. Загряжского в это время сохранился не лишенный интереса и достоверности рассказ московской старожилки К. И. Коротковой, которая лично видела поэта в Симбирске (см. статью Д. Лебедева «А. С. Пушкин и симбирские старожилы» в «Московских Ведомостях» 1901, № 242; перепечатана в «Новом Времени» 1901 г., № 9161, и в «Литературном Вестнике», т. II, кн. VI, 1901, стр. 180). Очевидно, А. М. Загряжский перед отъездом Пушкина из Симбирска в Оренбург и подарил поэту 14 сентября 1833 г. карту Екатеринославской губернии на память о пребывании поэта у него в доме. О знакомстве Пушкина с А. М. Загряжским более не дошло до нас никаких свидетельств; напечатанный же Н. П. Кичеевым со слов А. М. Загряжского рассказ о проигрыше Пушкиным в карты 5-й главы «Евгения Онегина» настолько фантастичен, что не может быть принят во внимание (см. *РС* 1874, № 3, стр. 564).

3.

Купл. 17 іюля 1835 года, день Демид. праздн. въ годовщину его смерти.

Эта надпись сделана на внутренней стороне обложки книги из библиотеки Пушкина: «Specimens of the Table Talk of the late Samuel Taylor Coleridge. London». MDCCCXXXV («Образцы застольных бесед покойного С. Т. Кольриджа», Лондон, 1835) (см. *ПС* IX—X, 19а № 760). Подлинник хранится в *ИРЛИ*.

Что за «*Демид. праздн.*» — сказать не можем.

Под «*Годовщиной его смерти*» Пушкин разумел смерть поэта Кольриджа, умершего 25 (13 по старому стилю) июля 1834 г. В качестве предположения это было высказано еще Н. В. Яковлевым («Не была ли эта покупка своего рода поминками по Кольридже?») в его статье «Пушкин и Кольридж» в сборнике «Пушкин в мировой литературе», 1926, стр. 139.

Любопытно, что Пушкин отмечал годовщины смерти любимых поэтов, как людей лично близких: в годовщину смерти Байрона он служил по нем панихиду, в годовщину смерти Кольриджа (не совсем правильно вычисленную Пушкиным) он купил его посмертную книгу.

4.

Acheté dans une vente publique (avec de sots commentaires au crayon).

Перевод:

Куплена на распродаже (с дурацкими комментариями карандашом).

Запись сделана карандашом, на внутренней стороне обложки I тома издания: «Oeuvres complètes de Machiavel, traduites par J. V. Périès». Paris, MDCCCXXIII — MDCCCXXVI (в двенадцати томах) («Полное собрание сочинений Макиавелли в переводе Ж. В. Периэ», Париж, 1823—1826). Подлинник хранится в *ИРЛИ* (см. *ПС* IX—X, 278, № 1118).

Факсимиле воспроизведено при статье М. Н. Куфаева в «Альманахе Библиофила», Л. 1929, стр. 68—69.

«Дурацких комментариев», о которых говорит Пушкин, на книге нет. По предположению Б. Л. Модзалевского, они, может быть, были сделаны на отдельном листке, который не сохранился.

5.

Экземпляръ бывшій въ тай-
ной канцеляріи запла-
ченъ двести рублей
А. Пушкинъ.

Первые три строчки писаны Пушкиным на обороте мраморного листка книги А. Н. Радищева в красном сафьяновом с золотом переплете с золотым обрезом, под заглавием: «Путешествие из Петербурга в Москву. 1790. В Санктпетербурге», 8°. Последняя строчка с подписью Пушкина писана на следующем чистом листке той же книги. Подлинник в *ПБЛ*

(см. *РП*, стр. 44 (№ 128) и 49). Об этом редком экземпляре издания см специальную статью Вл. Бурцева «Пушкинский экземпляр «Путешествия» Радищева с пометами императрицы Екатерины II» («Биржевые Ведомости», 13 декабря 1916 г., № 15981); см. также *Е*[4] VIII, стр. 561; Б. Л. Модзалевский *ПС* IX—X, стр. XVII; Д. Н. Анучин, «Судьба первого издания «Путешествия Радищева», М. 1918, стр. 23—24; «Заметки и воспоминания В. М. Флоринского» в *РС* 1906, № 3, стр. 585, № 5, стр. 307—308; «Библиотека гр. Строганова в Томском университете» в «Русском Библиофиле» 1914, № II. стр. 9—10. Текст Пушкина воспроизведен факсимильно в книге П. Н. Полевого «История русской словесности», т. II, стр. 208—209, при статье М. Н. Куфаева «А. С. Пушкин-библиофил» в «Альманахе Библиофила», Л. 1929, между стр. 80—81 (см. там же, стр. 80) и в «Литературном Наследстве», №№ 9—10, стр. 343.

6.

А. Пушкинъ.

С этой пометой в библиотеке Пушкина имеются следующие книги, хранящиеся ныне в *ИРЛИ*:

1. «Старая погудка на новый лад или полное собрание древних простонародных сказок», часть вторая, М. 1795.

Надпись находится на оборотной стороне переплетной крышки (см. Б. Л. Модзалевский, *ПС* IX—X, 99—100, № 367).

2. «Oeuvre complètes de la Fontaine, ornées de trente vignettes dessinées par Deveria et gravées par Thompson». Paris. MDCCCXXVI («Полное собрание сочинений Лафонтена, украшенное тридцатью виньетками, рисованными Деверья и гравированными Томсоном». Париж. 1826).

Надпись находится на обложке книги (см. ibidem, 265, № 1061).

3. «Słownik języka Polskiego, przez M. Samuela Bogumiła Linde». Warszawa. 1807 («Словарь польского языка, составленный М. С. Богумилом Линде». Варшава. 1807).

Надпись находится на III томе (из четырех томов), на чистом листе после переплетной крышки (см. ibidem, 275, № 1105).

4. «Oeuvres complètes de Montesquieu, précédées de son Eloge, par d'Alembert». Nouvelle édition. Paris. MDCCCXXVII («Полное собрание сочинений Монтескье, с приложением похвального слова д'Аламбера». Новое издание. Париж. 1827).

Надпись находится на листе после обложки книги (см. ibidem, 293, № 1187).

5. «Voyages dans les steps d'Astrakhan et du Caucase. Histoire primitive des peuples qui ont habité anciennement ces contrées. Nouveau périple du Pont-Euxin. Par le Comte Jean Potocki». Paris. 1829 («Путешествия в астраханские и кавказские степи. История первобытных народов, оби-

тавших некогда в этих странах. Новое описание путешествия по Черному морю. Соч. гр. Яна Потоцкого», Париж, 1829).

Надпись находится наверху обложки I тома (из двух томов) (см ibidem, 314, № 1279).

6. «Српски рjечник. Истолкован немачким и латинским риjечма. Скупио га и на свиjет издао Вук Стефановић». У Бечу. Wien, Viennae. Gedruckt bei den P. P. Armeniern. 1818 («Сербско-немецко-латинский словарь. Собрал и издал Вук Стефанович. Вена. Напечатано у П. П. Армениер». 1818).

Надпись находится на оборотной стороне переплета книги (см. ibidem, 343, № 1409).

7. «De la Démocratie en Amérique, par Alexis de Tocqueville». Paris MDCCCXXXVI («Демократия в Америке, соч. Алексея Токвиля». Париж 1836).

Надпись находится на обложке II тома (из двух томов) наверху (см. ibidem, 350, № 1440).

7.

Пушкинъ.

С этой пометой в библиотеке Пушкина имеются следующие книги хранящиеся ныне в *ИРЛИ*:

1. «Стихотворения Владимира Бенедиктова», СПб. 1835

Надпись находится наверху обложки (см. Б. Л. Модзалевский, *ПС* IX—X, 7, № 23).

2. «Сочинения князя Антиоха Дмитриевича Кантемира», СПб. 1836.

Надпись находится наверху обложки 3-й тетради (см. ibidem, 47—48, № 174).

3. «Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором». СПб. 1786.

Надпись находится на листе после переплетной крышки (см. ibidem, 54, № 200).

4. «История Села Царского. В трех частях. Составленная из дел Архива Правления Села Царского Ильею Яковкиным. СПб. 1829—1831.

Надпись находится на чистом листке после переплетной крышки (см. ibidem, 119—120, № 443).

5. «Tragedie scelte di Vittorio Alfieri, publicate de A. Buttura». MDCCCXXV («Избранные трагедии В. Альфиери, изданные Буттура». 1825).

Надпись находится на верхней обложке 3-го томика (см. ibidem, 138, № 533).

6. «Le chemin le plus court, par Alphonse Karr». Paris. 1836 («Кратчайший путь, соч. А. Карра». Париж 1836).

Надпись находится наверху обложки I тома (см. ibidem, 262 № 1043).

7. «Voyages d'un Gentilhomme Irlandais à la recherche d'une religion. Avec des notes et des éclaircissements. Par Thomas Moore, traduit de l'Anglais par L'abbé D***». Paris. 1833 («Путешествия ирландского дворянина в поисках религии». С примечаниями и пояснениями. Соч. Томаса Мора, перевод с английского языка аббата Д***». Париж. 1833).

Надпись находится наверху обложки (см. ibidem, 294, № 1190).

8. «Mémoires, fragments historiques et correspondance de Madame la Duchesse d'Orléans». Paris. MDCCCXXXII (на обложке: MDCCCXXXIII). («Воспоминания, исторические отрывки и переписка герцогини Орлеанской». Париж. 1832).

Надпись находится на шмутц-титульном листе (см. ibidem, 303, № 1229).

9. «Histoire de René d'Anjou, Roi de Naples, Duc de Lorraine et C-te de Provence. Par M. le Vicomte F. L. de Villeneuve Bargemont». Paris. 1825 («История Рене Анжуйского, Короля Неаполитанского, герцога Лотарингского и графа Прованского, соч. виконта Ф. Л. де Вильнев Баржемон». Париж. 1825).

Надпись находится на обложке каждого из трех томов этого издания (см. ibidem, 359—360, № 1487).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТЕКСТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ АРХИВАХ

I

ПЕРЕВОД НА ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

В этот отдел вошел перевод Пушкина одиннадцати русских народных песен на французский язык, сделанный в 1836 г. Транскрипция перевода принадлежит Л. Б. Модзалевскому, комментарий к нему — мне.

М. Цявловский

1.

Chansons russes

⟨1⟩

Ne murmures-donc pas, verte forêt, ma mère! ne m'empêche pas de reflechir. Demain je dois [répondre] comparaître devant le terrible juge, devant le Tsar lui même; le Tsar m'interrogera. Apprends moi, jeune homme, avec qui as-tu exercé tes brigandages? — Je m'en vais te le dire, tsar orthodoxe, notre Esperance, je m'en vais te dire toute la verité. J'ai eu quatre complices: le premier, c'étoit la nuit sombre; le second, c'étoit mon bon cheval; le troisieme, mon coutelas d'acier; le quatrième mon arc dur à plier. Les flêches cuires etaient mes émmissoires. Alors le tsar, notre espérance, me répondra: Bravo! jeune homme; tu as su voler, & tu as su répondre; c'est pourquoi je m'en vai te récompenser: tu auras un haut chateau au milieu de la plaine: deux poteaux avec une poutre au travers [1])

---

[1]) Une portence

⟨2⟩

Don paisible, Don, notre père! pourquoi donc es-tu si trouble? — Comment ne serois-je pas trouble? de froides sources jaillissent du fond de mon lit; le poisson agite mes ondes; trois barques m'ont traversé.

Dans la premiere barque il y avoit les glorieux cozaques du Don. Dans la seconde on a passé les drapeaux; Dans la troisième il y avoit un jeune seigneur et une jeune fille.

Le jeune seigneur tentoit de faire entendre raison à la jeune fille. Ne pleure pas, ma belle jeune fille. Ne pleure pas, ma belle amie! je te marierai à mon fidele esclave tu seras l'épouse de l'esclave et la douce amie du maitre; tu feras son lit et tu coucheras avec moi.

La jeune fille répond au jeune homme. Je seroi la douce amie de celui dont je serai la femme. Je coucherai avec celui dont je ferai le lit.

Le jeune seigneur se facha. Il tira son sabre bien effilé, il coupa la tête à la jeune fille & la jetta dans les ondes rapides.

---

[1]) Epithète consacrée.

⟨3⟩

Un peu plus bas que la ville de Saratof un peu plus haut que la ville de Tsaritsine coule notre mère la rivière [de] Kamyschenka. Elle même à sa suite de beaux rivages escarpés [,] et des vertes prairies; elle tombe dans La Volga, notre mère. Deux belles barques voguoient sur la rapide rivière. Elles étoient tres bien ornées; elles étoient couvertes d'une foret de lances & de drapeaux. Il y avait dans les barques de braves rameurs, des Kozaques du Don, des Grebentsi, & des Zaporogiens. Ils avoient des bonnets de velours doublés de zibeline; des Kaftans bruns, doublés de Koumatch; des ceintures de soie d'Astrakan; des chemises de couleur, bordées de galon d'or; des bottes de maroquin vert avec des talons de travers. Ils ranent, ils chantent des chansons, ils glorifient le tsar orthodoxe, le tsar Pierre I; ils maudissent, ils outragent le Prince Menchikoff; ils le maudissent lui, sa femme, ses enfants & ses petits-enfants: Ce chien, ce voleur, il nous mange notre paye, nos provisions & nos appointements. & encore ne nous permet-il pas de nous promener sur le Volga & de chanter le Doudinay! [+])

[+]) C. à. d. — faire les pirates. le Doudinay est le refrain d'un chant de Brigands.

⟨4⟩

Ecoutez, jeunes gens, ce que nous autres vieillards nous allons vous raconter, touchant le terrible tsar Ivan Vassilievitz: Le tsar, notre Seigneur, avoit marché sur Kazan; il avoit fait creuser des mines sous la Kazanka & le Soulay (rivieres) il y avoit fait rouler des tonneaux pleins de poudre; et dans la plaine déserte il avoit établi ses batteries & ses caissons. Les tartares se promenoient par la ville; ils se mocquoient du terrible tsar, ils disoient: ha! le tsar blanc 1) n'aura pas notre ville. Alors le tsar se mit en colère de ce que la mine tardoit à jouer. Il[s] ordonna de mettre à mort les canoniers, les mineurs et ceux qui allumoient les mèches. Ils baisserent la tête & se mirent tristement à penser; un seul canonier eut le courage de s'ecrier: ordonnes moi, Seigneur, de te dire un mot.... Il n'eut pas le tems de dire ce mot; le [es] feu des mêches gagna [les mêch] les mines; les tonnaux de poudre éclaterent; les murailles volèrent par delà le Soulai, les tartars furent frapés de terreur et ils se soumirent au tsar blanc.

1) Titre que les sujets de race tartare donnent à notre Souverain.

⟨5⟩

C'étoit sur la Kamischenka, devant l'embouchure de la Samara. Une legère chaloupe voguait d'après le courant; Le jeune Ambassadeur du tsar, le Prince Semen Konstantinovitch Karamichef étoit assis dans la chaloupe; dans sa main gauche il tenoit l'oukaze du tsar, dans sa main droite un sabre bien effilé. Sur le beau rivage escarpé, sur le sable jaune et fin, se promenoient des braves jeunes gens: des Cozaques du Don, des Grebentsi, des Zaporogiens, et puis des Cozaques du glorieux Yaïck +). Ils s'assemblèrent en un même cercle, ils pensèrent une même pensée, ils dirent un même mot. Ils pointerent un petit canon du cuivre, ils y firent rouler un petit boulet de fer, ils firent feu sur la légère chaloupe; Ils ne blessèrent personne; Ils [ne] tuèrent seulement l'Ambassadeur du tsar

---

+) Ancien nom de l'Oural.

⟨6⟩

Lune brillante, notre père 1)! pourquoi ne brilles-tu pas comme jadis? pourquoi ne brilles-tu pas du soir jusqu'à minuit, de minuit jusqu'à la blanche aurore? tu te caches derrière le nuage, tu t'enveloppes d'obscurité.

Voilà ce qui est arrivé dans la Sainte Russie 2), dans la glorieuse ville de Pétersbourg, dans la Cathedrale Petropavlovsky (de St Pierre & St Paul). A droite près du Klyros, près du tombeau de L'Empereur, Pierre I, dit le Grand, un jeune matelot prioit Dieu; il pleuroit comme coule une rivière 3), il pleuroit la mort de l'Empereur, il disoit en sanglottant: Ouvres-toi terre humide, notre mère! 4) Ouvres-toi en quatre; couvercle, otes-toi du cercueil; déplies-toi, linceul de drap d'or; & lèves-toi, reveilles-toi notre père, tsar orthodoxe 5). Jette un regard sur ta brave, ta chère armée. Sans toi elle est devenue orpheline & impuissante.

---

1) La lune, en langue Russe, est du genre masculin.

2) Sviataya Rousse, expression consacrée. Moscou n'a jamais été appelée la ville sainte, son épithète est la ville de pierre blanche, bélo-kamennaja.

3) Expression consacrée.

4) Expr. consac.

5) Pravoslavny tsar, un de titres de nos souverains.

⟨7⟩

N'est-ce pas bien triste & bien endevant? Mon amant me quitte. Ne valoit-il pas mieux que nous ne fussions jamais connus? je n'aurais connu ni les chagrins, ni les penibles soupirs, ni les larmes de la séparation; ma poitrine ne m'auroit pas fait mal, mon sang n'aurait pas bouilloné, je ne l'aurois pas regretté.

J'irai sur le nouveau perron, je m'appuirai sur la balustrade, je m'enveloperai de fourrures, je m'inonderai de larmes, je regarderai la plaine deserte. Dans la plaine deserte l'hermine joue avec la zibeline. C'est ainsi que mon amant joue avec une autre que moi.... Mon amant seroit-il content si je jouais avec un autre que lui?

⟨8⟩

Ho! caves souterraines, caves de notre tsar!.. 1) Ho, voilà qu'un brave jeune homme sort des caves souteraines, des caves de notre tsar. Il chancelle & trebuche, mais il n'est pas ivre. Il s'appuie sur son fusil. Deux belles jeune filles ont vu de leur fenaitre le brave jeune homme. Elles descendent l'escalier, elles demandent au ve jeune homme: Es-tu marié, jeune homme?—J e suis marié, belles jeunes filles. Ma femme est une grande dame, c'est le fusil que m'a donné le tsar. [Mais] Mes petits enfants, ce sont les balles de plomb; toute ma parenté c'est ma giberne avec ses cartouches; mes terres et mon heritage c'est le large champ de bataille.

---

1) La couronne avoit le monopole de l'eau-de-vie.

⟨9⟩

C'étoit sur le Don paisible, dans la ville de Tsherkask: il est né un brave jeune homme. Stepan Timofeevitch Razine. Le bon Stepan ne fréquentait pas les Krougs +) des kozaques. Il n'y délibéroit pas avec nous autres. Le bon Stepan fréquentait le Kabak du Tsar; il y délibéroit avec les va-nus-pieds. Messieurs mes frères les va-nus-pieds! Allons un peu nous promener sur la mer bleue, attaquons y les vaissaux des mécréans, prenons de l'or autant qu'il nous en faut. Et puis frères nous irons dans Moscou bâti en pierre, nous y acheterons des habits de couleur, et nous reviendrons chez nous.

+) Assemblées publiques où l'on déliberoint en commun.

⟨10⟩

C'étoit, frères, à la pointe du jour, au lever du rouge (beau) soleil +), au coucher de la claire lune: ce n'étoit pas un faucon qui planoit sous le ciel, c'étoit le Yassaoul ++) qui se promenoit par le bourg, & qui reveilloit les braves jeunes gens. Levez-vous braves jeunes gens; éveillez vous, kozaques du Don! Il ne fait pas bon chez nous; Le glorieux, le paisible Don s'est troublé depuis sa source jusqu'à la [mere] mer d'Azof. Tout le peuple Kozaque s'est

ému. Nous n'avons plus d'Ataman, Nous n'avons plus Stepan Timofeevitch dit Stenka Razine. On a pris le brave, On lui a lié ses blanches mains. On l'a mené à Moscou bâtie en pierre & au milieu de la glorieuse Krasnaia-Plochtchade +++) on lui a tranché sa tête rebelle.

+) éxpression consacrée & inévitable.
++) Officier kozak
+++) Grande place au Kremle.

⟨11⟩

Loin, bien loin dans la plaine déserte, s'élevoit bien haut un arbre bel arbre; sous le bel arbre croissoit un gazon, [sur] parmi le gazon fleurissoient des fleurs bleus; un tapis étoit étendu sur les fleurs; Deux frères étoient assis sur le tapis; l'ainé frapoit sur des cymbales, le cadet chantoit une chanson: Notre mère nous mit au mond, comme deux enfants; notre père nous éleva, comme deux jeunes faucons; il nous éleva & rien ne nous appris. La lointaine contrée étrangere fit notre éducation: la lointaine contrée étrangere desseche sans qu'il vente; la lointaine contrée étrangere fait transir sans qu'il gèle. Notre mère a cru ne pouvoir de sa vie se debarasser de nous; et la voilà qui nous a perdus en une seule heure. Elle nous a perdus, elle ne nous verra jamais.

Перевод на французский язык одиннадцати русских песен — автограф Пушкина на семи страницах в 4 д. л. — в настоящее время находится в *ИРЛИ* (№ 435).

Перевод сделан Пушкиным для французского писателя Лёве-Веймара (1801—1854), гостившего в Петербурге в июне-июле 1836 г. Об этом говорит приписка на рукописи перевода, сделанная рукой Лёве-Веймара (после названия: «Chansons Russes», написанного Пушкиным): «traduites par Alex. de Pouschkine pour son ami L. de Weimars aux îles de la Néva,— datcha Brovolsky [1] —juin 1836» («переведенные Алекс. Пушкиным для его друга Л. де Веймара на островах Невы, дача Бровольского, [1] июнь 1836»).

В 1839 г. Веймар подарил автограф Пушкина ученому, собирателю автографов Фелье-де-Коншу (1798—1884?). В сопроводительном письме от 9 мая 1839 г. Веймар так писал об автографе Пушкина: «Voici les autographes inédits de Pouckine que je vous prie d'accepter. Ils sont précieux, car

[1] Веймар ошибся: дачи Бровольского не было; Пушкин снимал дачу у Ф. О. Доливо-Добровольского (см. А. Г. Яцевич, «Пушкинский Петербург», Л. 1931, стр. 37 и 191 и выше, стр. 347).

c'est un travail qu'il a fait pour moi seul, quelques mois avant sa mort, dans la campagne de Kamennoi-Ostrow, qui est une île de la Néva près S-t Pétersbourg où j'ai passé de bien bons moments» («Вот неизданные автографы Пушкина. Прошу вас принять их. Они драгоценны, так как труд этот был им совершен для меня одного, за несколько месяцев до его кончины, на даче Каменноостровской, т. е. на одном из невских островов под Петербургом, где я очень приятно проводил время). См. *РА* 1885, № 3, стр. 451.

После смерти Фелье-де-Конша рукопись Пушкина была куплена в 1884 г. на аукционе в Париже собирателем автографов, херсонским губернским предводителем дворянства Иваном Ираклиевичем Курисом (1840—1898), предоставившим рукопись для публикации П. И. Бартеневу, который и напечатал ее в *РА* 1885, № 3. Затем текст пушкинского перевода перепечатывался в собраниях сочинений Пушкина, начиная с издания *М*[1].

П. И. Бартенев, печатая перевод Пушкина, в качестве оригинала первых шести песен напечатал текст песен из сборника И. П. Сахарова «Сказания русского народа», М. 1836. Вопросу о текстах, послуживших Пушкину подлинником, посвящена статья Н. Н. Трубицына «О русских народных песнях, переведенных Пушкиным на французский язык», в книге: «Памяти А. С. Пушкина. Сборник статей преподавателей и слушателей Историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета», СПб. 1900 (были отдельные оттиски).

Из статьи Трубицына явствует, что девять песен для перевода (1—4, 6, 8—11) Пушкин взял из сборника: «Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. В Москве в Университетской типографии у Н. Новикова 1780 года».[1] Все песни взяты Пушкиным из первой части этого собрания, а именно: первая песня — № 131 (стр. 147), вторая — № 129 (стр. 145), третья — № 126 (стр. 142—143), четвертая — № 125 (стр. 141—142), шестая — № 122 (стр. 137—138), восьмая — № 128 (стр. 144), девятая — № 137 (стр. 152—153), десятая — № 134 (стр. 149—150 и одиннадцатая — № 133 (стр. 148—149).

Вообще нужно заметить, что новиковский песенник был обычным источником, откуда Пушкин черпал нужный ему песенный материал. Так, в «Борисе Годунове» песня Варлаама «Как во городе было во Казани» взята из четвертой части (№ 149) новиковского песенника (см. А. С. Орлов «Народные песни в «Капитанской дочке» Пушкина» — «Художественный фольклор», под ред. Ю. Соколова, II—III, М. 1927, стр. 89). В рукописи «Капитанской дочки» (№ 2381) в главе VIII Пушкин, списав первые семь стихов песни «Не шуми мати зеленая дубравушка» из новиковского песенника (ч. I, № 131), пометил: «(и проч. стр. 147)», то есть указал стра-

---

[1] Эта книга находилась в библиотеке Пушкина. См. статью Л. Б. Модзалевского в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 1002.

ницу этого песенника. Не зная этого, А. С. Орлов в названной статье показал, что Пушкин и песенку Гринева (в IV главе) и эпиграфы к II, V (два эпиграфа), VI и VII главам «Капитанской Дочки» взял из новиковского сборника песен.[1]

Оригиналом для пятой из переведенных Пушкиным песен, как показал Трубицын в названной статье, послужила запись песни, сделанная Н. М. Языковым в Симбирской губернии и переданная им П. В. Киреевскому. От одного из них Пушкин, очевидно, и имел эту запись, напечатанную впоследствии П. А. Бессоновым в VII выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским» 1868 (стр. 132—133).

Что касается оригинала седьмой песни, то он до сих пор не найден. Трубицын высказал, по нашему мнению, вероятное предположение, что Пушкин «мог на память воспроизвести этот варьянт плача». Трубицыным же приведена схожая с пушкинским текстом часть одной песни, первоначально напечатанной в календаре Вятской губернии на 1893 г. (перепечатана в собрании песен А. И. Соболевского, т. II, № 481):

Выйду я в новые сени,
Навалюсь на перила,
На точеные на балясы;
Обольюся слезами,
Оботрусь рукавами,
Погляжу в чисто поле:
Что там за пыль, что за копоть,
За великие туманы?
Соболь с куницею играет,
Молодец с девицею гуляет.
Чем она меня лучше,
Чем она меня краше?
Личиком не белее,
Бровями не чернее.

Ниже (стр. 622) мы даем перевод Трубицына текста перевода Пушкиным этой (7-й) песни. Характеристика перевода Пушкина сделана Трубицыным, правильно отметившим, что «Пушкин при своей работе не преследовал никаких эстетических целей, а имел задачей познакомить Веймарса с содержанием некоторых памятников русского народного творчества».

Даем тексты песен, служившие Пушкину оригиналами для его перевода.

---

[1] Лишь цитируемые первые два стиха «любимой» песенки Швабрина (глава IV):

Капитанская дочь
Не ходи гулять в полночь,

по мнению Орлова, взяты Пушкиным из сборника Прача (стр. 89). Конечно, Пушкин знал этот сборник, но для того, чтобы привести два стиха, ему не нужно было обращаться к книге. Поэт, конечно, знал наизусть немало бытовавших в его время песен, и сводить целиком все его цитации к заимствованиям из книг совершенно невозможно.

1

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати,
Что заутра мне, доброму молодцу, в допрос итти,
Перед грозного судью — самого царя.
Еще станет государь царь меня спрашивать:
«Ты скажи, скажи, детинушка крестьянский сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
— Я скажу тебе, надежа православной царь,
Всее правду скажу тебе, всю истину.
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ — темная ночь;
А второй мой товарищ — булатной нож;
А как третий-то товарищ-то мой доброй конь;
А четвертый мой товарищ-то тугой лук;
Что рассыльщики мои-то калены стрелы.
Что возговорит надежа православной царь:
«Исполать тебе, детинушка крестьянской сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими —
Что двумя ли столбами с перекладиной».

2

Ой! ты наш батюшко, тихой Дон,
Ой, что же ты, тихой Дон, мутнехонек течешь!
Ах, как мне, тиху Дону, не мутному течи,
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбица мутит,
Поверьх меня, тиха Дона, три роты прошли;
Ай первая рота шла, — то донские казаки,
Другая рота шла, — то знамена пронесли,
А третья рота шла, — то девица с молодцом;
Молодец красну девицу уговаривает:
«Не плачь, не плачь, девица, не плачь, красная моя,
Что выдам тебя, девица, я за вернова слугу;
Слуге будешь ладушка, мне миленькой дружок,
Под слугу будешь постелю стлать, со мной вместе спать».
Что возговорит девица удалому молодцу:
«Кому буду ладушка, тому миленькой дружок;
Под слугу буду постелю стлать, с слугой вместе спать».

Вынимает молодец саблю острую свою,
Срубил красной девице буйну голову,
И бросил он ее в Дон, во быструю реку.

3

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышенка река;
Как с собой она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга;
Она устьицем впадала в Волгу матушку реку;
Что по той ли быстрыне, по Камышинке реке
Как плывут тут выплывают два снарядные стружка,
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамены, будто лесом поросли,
На стружках сидят гребцы, удалые молодцы.
Удалые молодцы, всё донские казаки,
Да еще же гребенские, запорожские,
На них шапочки собольи, верхи бархатные.
Еще смурые кафтаны кумачем подложены,
Астрахански кушаки полушелковые,
Пестрядиные рубашки с золотым галуном,
Что зелен сафьян сапожки, кривые каблуки,
И с зачёсами чулочки, да все гарусные;
Они веслами гребут, сами песенки поют,
Они хвалят-величают православного царя,
Православного царя, императора Петра;
А бранят они-клянут князя Меншикова,
Что с женою, и с детьми, и со внучатами,
— Заедает, вор-собака, наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное,
Да еще же не пущает нас по Волге погулять.
Вниз по Волге погулять — сдунинаю воспевать.

4

Вы, молодые робята, послушайте
Что мы, стары старики, будем сказывати,
Про Грозного царя Ивана про Васильевича,
Как он, наш государь-царь, под Казань город ходил,
Под Казанку под реку подкопы подводил,
За Сулай за реку бочки с порохом катал,
А пушки и снаряды в чистом поле расставлял.
Ой, татаре по городу похаживают,

И всяко грубиянство оказывают,
Они грозному царю насмехаются.
«Ай, не быть нашей Казани за белым за царем!»
Ах! как тут наш государь разгневался,
Что подрыв так долго медлится,
Приказал он за то пушкарей казнить,
Подкопщиков и зажигальщиков.
Как все тут пушкари призадумалися,
А один пушкарь поотважился:
— Прикажи, государь-царь, слово выговорить.
Не успел пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорели зажигальные свечи,
И вдруг разрывало бочки с порохом.
Как стены бросать стало за Сулай за реку,
Все Татаре тут, братцы, устрашилися,
Они белому царю покорилися.

5

Вниз то было по матушке Камышенке реке,
Супротив то была устьица Самары реки,
Что плывет тут легка лодочка коломенка;
Что в лодочке сидит млад посланник царев,
Карамышев князь Семен сударь Константинович,
В левой он руке держит государев указ,
А во правой руке держит саблю острую.
Что по крутому по красному бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Что ходили тут-гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, всё донские казаки,
Всё донские, гребенские, запорожские,
Да и славные казаки, братцы яицкие.
Они думали крепку думушку заедино
Что сказали все словечушко во единый глас,
Становили они пушку, братцы, медную,
Закатили в нее ядрушко чугунное,
Что палили они в лодочку коломенку:
Никого они в лодочке не ранили,
Только убили одного царского посланника.

6

Ах! ты батюшка светел месяц,
Что ты светишь не по-старому,
Не по-старому и не попрежнему,

Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бела света;
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною.
Что у нас было на святой Руси,
В Петербурге в славном городе,
Во соборе Петропавловском,
Что у правого у крилоса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра Первого,
Петра Первого Великого,
Молодой сержант богу молится,
Сам он плачет, как река льется,
По кончине вскоре государевой,
Государя Петра Первого;
В возрыданье слово вымолвил:
Расступись ты, мать сыра земля,
Что на все четыре стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися золота парча,
И ты встань-пробудись, государь,
Пробудись, батюшка православной царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Без тебя мы осиротели,
Осиротев, обессилели.

7

Как ни грустно мне и ни горько мне? Мой милый меня покидает. Не лучше ль было бы нам никогда не знать друг друга? Я не ведала бы горя, ни тяжких вздыханий, ни слез разлуки; моей груди не было бы так больно, моя кровь не кипела бы, и я не сожалела бы о нем. Пойду я на новое крыльцо, обопрусь на перила, прикроюсь шубкой, зальюсь слезами и стану смотреть на пустую равнину. А в пустой равнине соболь с куницею играет. Вот так же и мой милый играет теперь с другой... Был ли бы мой милый доволен, если бы и я играла с другим?

8

Ах! вы, выходы, выходы
Погреба государевы!
Ах! из тех ли из выходов
Выходил доброй молодец:
Он не шумен, — шатается,

Он не пьян, — идет валяется,
Сам фузеею подпирается;
Что увидели из терема
Души красные девицы,
Две майорские дочери;
Как сойти было с терема,
Как спросить было молодца:
«Ах женат ли ты, молодец?»
«Я женат, женат, девицы,
Я женат, женат, красные!
Как жена моя боярыня, —
Что фузея государева,
А малые мои детушки,
Круглы пули свинцовые;
А род-племя у молодца
Сума и с патронами;
Поместье и вотчины,
Раздолье широкое;
А честь и жизнь у молодца,
Моя сабля булатная».

9

У нас-то было, братцы, на тихом Дону,
На тихом Дону, во Черкасском городу,
Породился удалой доброй молодец,
По имени Степан Разин Тимофеевич,
Во казачей круг Степанушка не хаживал.
Он с нами, казаками, думу не думывал,
Ходил-гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голудбою.
«Судари мои, братцы, голь кабацкая,
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьемте, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы, братцы, казны сколько надобно,
Поедемте, братцы, в каменну Москву,
Покупим мы, братцы, платье цветное,
Покупивши цветно платье, да на низ поплывем».

10

На заре то было, братцы, на утренней,
На восходе краснова солнышка,
На закате светлова месяца,
Не сокол летал по поднебесью,

Ясаул гулял по на садику;
Он гулял, гулял, погуливал,
Добрых молодцев побуживал:
«Вы вставайте, добры молодцы,
Пробужайтесь, казаки донски!
Нездорово на Дону у нас,
Помутился славной тихой Дон,
Со вершины до Черна мòря,
До Черна мòря Азовскова,
Помешался весь казачей круг;
Атамана больше нет у нас,
Нет Степана Тимофеевича,
По прозванию Стеньки Разина;
Поимали добра молодца,
Завязали руки белые,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову».

11

Ах! далече, далече в чистом поле,
Стояло туто деревцо вельми высоко,
Под тем ли под деревом вырастала трава,
На той ли на траваньке расцветали цветы,
Расцветали цветы, всё лазуревые;
На тех ли на цветах разостлан ковер;
На том ли на ковре два брата сидят,
Два брата сидят, два родимые.
Большой-та братец в цымбалы играл,
А меньшой-та братец песню припевал:
«Породила нас матушка, как двух сыновей,
Вспоил, вскормил батюшка, как двух соколов,
Вспоивши, вскормивши, ничему нас не учил,
Научила молодцов чужа дальна сторона,
Чужа дальна сторона, понизовы города;
Чужа дальна сторона без ветру сушит,
Без ветру и без морозу знобит;
Как думала матушка нас век не избыть,
Избыла нас родимая единым часом,
А теперь тебе, матушка, нас век не видать».

II

ЗАПИСИ В АЛЬБОМАХ

В этот отдел включены нами записи Пушкина в альбомы его знакомых и друзей. В большинстве своем тексты эти общеизвестны, и публикуются нами не как произведения поэта, вошедшие в собрания его сочинений, а как автографы, вписанные в альбомы *на память*. Как таковые, они еще никогда собраны не были, хотя представляют интерес по своим особенностям (даты, посвящения, приписки, подписи, разночтения текста с общепринятым и т. п.). Особую группу представляют записи поэта чужих произведений, они поэтому не входят в отдел копий чужих произведений, в котором собраны лишь те копии, которые Пушкин списывал для себя лично и не предназначал их к дарению другим. Ставя перед собой задачу собрать в этом отделе по возможности все альбомные записи поэта, мы, естественно, ограничили их круг теми записями, которые или дошли до нас в автографах и сохранились в подлинных альбомах прежних их владельцев, или если и не сохранились, то были напечатаны ранее как альбомные записи Пушкина (например, в альбомы С. Н. Карамзиной, кн. Е. Н. Мещерской, Д. А. Остафьева и др.). Не вошли в отдел записи, сделанные в альбомы, которых никто из исследователей не видел, или описания которых не сохранилось (напр. запись в альбом кн. П. П. Вяземского «Друг мой Павел...» и др.)

Транскрипция и комментарий в первом разделе № 3 и во втором № 11 и комментарий к № 20 второго раздела принадлежат Т. Г. Зенгер; комментарий к № 3 второго раздела принадлежит Т. Г. Зенгер и мне; комментарий к № 5 сделан М. А. Цявловским; все остальные записи транскрибированы и комментированы мною.

Л. Модзалевский

1. ПРОЗАИЧЕСКИЕ ЗАПИСИ

1.

Кн. А. М. Горчакову

Вы пишите токмо для вашего удовольствія, а я который васъ искренно люблю, пишу чтобъ вамъ сіе сказать.

А. Пушкинъ

Печатается впервые, по автографу в альбоме лицейского товарища Пушкина кн. А. М. Горчакова, хранящемся в *ГАФКЭ*. Запись относится к 1811 г. и приурочивается к первому году пребывания Пушкина в Царскосельском лицее; она является самым ранним из известных автографов Пушкина; факсимиле ее дано в *ПГ* I, между стр. 496 и 497 (ср. в статье М. А. Цявловского «Новые пушкинские рукописи и материалы» в *КА*, т. XXXI, стр. 159).

Запись Пушкина является переводом следующих стихов известного французского писателя Прадона (Nicolas Pradon, 1632—1698), написанных им «A mademoiselle Bernard»:

Vous n'ecrivez que pour écrire,
C'est pour vous un amusement:
Moi qui vous aime tendrement
Je n'écris que pour vous le dire.[1]

Перевод:

Вы пишете, только чтобы написать,
Для вас это развлечение:
Я же, который вас нежно люблю,
Пишу лишь, чтобы вам это сказать.

2.

Е. А. Энгельгардту

Приятно мнѣ думать что, увидя въ книгѣ вашихъ воспоминаній и мое имя между имянами молодыхъ людей, которые обязаны вамъ щастливѣйшимъ годамъ жизни ихъ, вы скажете: въ Лицѣе не было неблагодарныхъ

Александръ Пушкинъ

Печатается по автографу Пушкина в *ПБЛ* на 128 листе (255 стр.; л. 28 с записями) альбома директора Царскосельского лицея Егора Антоновича Энгельгардта. Запись Пушкина относится к 1817 г. как и большинство других записей лицеистов, писавших в этом альбоме после окончания Лицея (см. *РП*, 43—44, № 125). Запись Пушкина впервые опубликована в «Отчете Публичной Библиотеки за 1900—1901 год», стр. 125, затем в статье Д. Ф. Кобеко «Альбом директора Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардта» в *ПС* VII, 14 и в его же книге «Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы 1811—1843», СПб. 1911, стр. 206 и 498. Об Е. А. Энгельгардте см. также в книге А. А. Рубца «Наставникам, хранившим юность нашу», СПб. 1911,

[1] Сообщено Б. В. Томашевским.

стр. 204—209; в статье Д. Ф. Кобеко «Директор Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардт и его питомцы» в «Вестнике Всемирной Истории» 1899, № 1, стр. 90—104; в книге К. Я. Грота «Пушкинский лицей (1811—1817)» СПб. 1911, по указателю и в его же статье «Е. А. Энгельгардт и питомцы Царскосельского лицея» в *ИВ* 1905, № 7, стр. 79—93. Факсимиле записи Пушкина дано в «Петербургской Газете» 1912, № 28, стр. 11.

3.

Ек. Ник. и Елиз. Ник: Ушаковым:
Так называемый Дон-Жуанский список.

Наталья I
Катерина I
Катерина II
NN
Кн. Авдотія
Настасья
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пульхерія
Амалія
Элиза
Евпраксѣя
Катерина IV
Анна
Наталья

———

Марія
Анна
Софья
Александра
Варвара
Вѣра
Анна
Анна
Анна

Варвара
Елизавета
Надежда
Аграфена
Любовь
Ольга
Евгенія
Александра
Елена
Елена
Татьяна
Авдотья

Эти списки женских имен написаны Пушкиным в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой. Альбом этот очень своеобразен: в нем писали и сестры Ушаковы и Пушкин; в нем есть рисунки барышень и рисунки Пушкина, и их коллективные рисунки, и рисунки неизвестной нам руки, о которых см. стр. 695—699. Писал и рисовал Пушкин в этом альбоме весной 1829 г. (есть помета: «1 d'avril 1829»), до поездки в Арзрум, и осенью 1829 г., по возвращении оттуда (много рисунков, относящихся к этому путешествию; один портрет Елизаветы Николаевны Ушаковой подписан: «5 окт. 1829»).

Списков женских имен два. Конец второго не уместился на страничке альбома, и три имени перешли на следующую страницу. Этим были введены в заблуждение некоторые исследователи, видевшие в этих трех именах начало нового списка. Эти три имени пришлись на той же странице, где был рисунок с пометой: «№ 1». Помета эта оказалась близко от имени Авдотья, и по недоразумению этот № 1 стали относить к Авдотье. Тут же около № 1 кем-то (может быть, одной из Ушаковых) мелко приписано: «и послѣднiй».

Впервые напечатаны списки факсимильно в «Альбоме Пушкинской выставки 1880 года», М. 1887, табл. 4, 5, 6, после стр. 116, где в «Биографическом очерке» А. А. Венкстерна впервые имеется осмысление этих списков: «по объяснению П. С. Киселева — это дон-жуанский список поэта, то есть, перечень всех женщин, которыми он увлекался».

В статье «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых»[1] Л. Н. Майков заметил, что в ушаковском альбоме мы имеем не один, а два списка. «В одном списке, по мнению Майкова, находятся женские имена, большею частью не поддающиеся объяснению, в другом читаются имена женщин,

[1] Первоначально напечатана в «Русском Обозрении» 1895, № 9 и затем вошла в книгу Майкова «Пушкин», СПб. 1899.

хорошо известных по биографии поэта и действительно имевших в его жизни большее или меньшее значение».[1]

Первой специально посвященной спискам работой явилась статья Н. О. Лернера «Дон-Жуанский список» в *В* IV. Вторая работа на эту тему — книга П. К. Губера «Дон-Жуанский список А. С. Пушкина», П. 1923.[2] На основании этих работ большинство имен списков с большей или меньшей вероятностью можно считать расшифрованным.

Наталья I — вероятно, крепостная актриса[3] Царскосельского театра гр. В. В. Толстого,[4] которой Пушкин посвятил «Посланье к Наталье», «Посланье к молодой актрисе» и часть первой и начало третьей песни «Монаха». Но, может быть, Наталья I — не она, а гр. Наталья Викторовна Кочубей (1800—1855), по мужу (с 1820 г.) гр. Строганова.[5] Ей посвящены стихотворения: «Воспоминаньем упоенный» и «Чугун кагульский, ты священ», строфы XIV—XVI восьмой главы «Евгения Онегина». Она же под фамилией Чоколей должна была быть изображена в неосуществленном романе «Русский Пелам».

Катерина I — несомненно, Екатерина Павловна Бакунина (1795—1869), по мужу (с 1834 г.) Полторацкая.[6] О ней писал Пушкин в своем лицейском дневнике, ей же посвящены элегии 1816 г.

Катерина II — вероятно, Екатерина Андреевна Карамзина (1780—1851), рожд. Колыванова, единокровная сестра кн. П. А. Вяземского, жена историографа. О влюбленности в нее Пушкина-лицеиста много свидетельств.[7]

NN — имя, самое трудное для определения. Судя по тому, что первый список довольно точен в смысле хронологии, любовь к этой женщине должна относиться ко времени до ссылки Пушкина на юг. Если Наталья I — актриса, то, может быть, NN — Наталья II, то есть гр.

---

[1] Указанная книга, стр. 373.

[2] Суровые рецензии на нее — Б. В. Томашевского в «Русском современнике» 1924, I, 322—323, и В. Я. Брюсова в «Печати и Революции» 1924, I, 258—260.

[3] О ней см. В. П. Гаевский, «Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения». «Современник» 1863, № 7, стр. 139.

[4] См. Письма Илличевского к Фусу в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», П. 1899, стр. 63; и *ЩП*[2] 23.

[5] О ней см. в названной книге П. К. Губера и в статье С. П. Шестерикова «Одна из воспетых Пушкиным» в *ОП* I.

[6] О ней см. воспоминания товарищей Пушкина по Лицею: С. Д. Комовского в книге Я. К. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники», 1899, стр. 220, и И. И. Пущина «Записки». См. также статью В. Я. Брюсова «Первая любовь Пушкина» в *В* I, 284—288 (перепечатана в книге Брюсова «Мой Пушкин», М.—Л. 1929, 25—31, статью Н. О. Лернера «Милая Бакунина» в его книге «Рассказы о Пушкине», Л. 1929, 57—65, и заметку в «Путеводителе по Пушкину», в *КН*, VI.

[7] Все они собраны М. А. Цявловским в книге «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», М. 1925. стр. 53 и 129.

Н. В. Кочубей.[1] Но возможно — это и М. Н. Раевская (1805—1863,) по мужу (с 1825 г.) кн. Волконская.[2] Вернее же всего — это неизвестная нам женщина, предмет «северной» мучительной любви Пушкина, может быть, безответной, во всяком случае, как-то оборвавшейся. Возможно, что она рано умерла, и ее могилу посетил Пушкин, вернувшись в Петербург, в 1827 или 1829 г. См. Prologue (стр. 164—165).

Кн. Авдотия — несомненно, кн. Евдокия Ивановна Голицына (1780—1850), рожд. Измайлова, известная под именем Princesse Nocturne.[3] Об увлечении Пушкиным ею в 1817—1818 гг. писали Н. М. Карамзин и А. И. Тургенев. Пушкин посвятил ей стихотворение «Простой воспитанник природы» и «Краев чужих неопытный любитель». Написав имя «Авдотья», Пушкин потом приписал: «Кн.», то есть княгиня.

Следующее имя — без уверенности читается *Настасья*. Женщины с таким именем в окружении Пушкина мы не знаем. Не так ли звали билетершу при зверинце, о которой писал А. И. Тургенев кн. Вяземскому 12 ноября 1819 г. «Его 〈беснующегося Пушкина〉 мельком вижу, только в театре, куда он заглядывает в свободное от зверей время. Впрочем и жизнь его проходит у приема билетов, по которым пускают смотреть приведенных сюда зверей, между коими тигр есть самый смиренный. Он влюбился в приемщицу билетов, сделался ее cavalier servant; наблюдает между тем природу зверей и замечает оттенки от скотов, которых смотрит gratis» (*ОА*, I, 350).

Повидимому, со следующего имени начинаются увлечения Пушкина в ссылке на юге.

Катерина III — вероятно, Екатерина Николаевна Раевская (1797—1885), по мужу (с мая 1821 г.) Орлова.[4] Пушкин писал Вяземскому 13 сентября 1825 г. по поводу «Бориса Годунова»: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? не говори однакоже этого никому», и в следующем письме.

Аглая — Аглая Антоновна Давыдова (1789 — 18..), рожд. герцогиня де Граммон, жена владельца Каменки А. Л. Давыдова; во втором браке жена маршала Себастиани. Ей посвятил Пушкин стихотворение «Кокетка» и написал на нее эпиграммы: «Иной имел мою Аглаю», «A son amant Eglé sans résistance» и «Оставя честь судьбе на произвол».

---

[1] Об этом см. в названной книге П. К. Губера.

[2] См. П. Е. Щеголев «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» в *ПС* XIV и переиздание этой работы под названием «Утаенная любовь» в *ЩП*[1] и *ЩП*[2]. См. также М. О. Гершензон «Северная любовь Пушкина» в *ВЕ* 1908, I, и заметку его «В ответ П. Е. Щеголеву» в *ПС* XIV.

[3] О ней см. статью И. А. Кубасова «Пушкин и кн. Е. И. Голицына» в *В* I, стр. 516—526.

[4] О ней см. в *П* по указателю, а также в указанной, статье Н. О. Лернера и книге П. К. Губера. Имеется еще неопубликованная работа А. М. де-Рибаса, посвященная отношениям Пушкина и Е. Н. Орловой.

Калипсо — Полихрони (1803—18..), гречанка, которую знал Пушкин в Кишиневе.[1] Она будто бы была возлюбленной Байрона, что особенно пленяло Пушкина. Говорила она лишь на румынском и греческом языках. Ей посвятил Пушкин стихотворение «Гречанке» и, вероятно, «Иностранке».

Пульхерия — Пульхерия Егоровна Варфоломей (1802—1863), по мужу Мано, дочь богатого кишиневского «бояра»; красивая, холодная девушка. Об увлечении Пушкина ею рассказывают В. П. Горчаков, Липранди, Вельтман. Ей посвящено стихотворение «Если с нежной красотой».[2] О ней писал Пушкин в письме к Вигелю (от ноября 1823 г.).

Дальше идут имена женщин, увлечения которыми пережиты Пушкиным в Одессе.

Амалия — Амалия Ризнич[3] (1803—1825), рожд. Риппа, полунемка-полуитальянка, дочь венского банкира, жена богатого коммерсанта из Триеста. С весны 1823 г. жила с мужем в Одессе, откуда в мае 1824 г. уехала в Италию, заболев чахоткой. Пушкин в числе многих был в нее влюблен, и все его стихи, связанные с ней, говорят о ревности: «Простишь ли мне ревнивые мечты», XV и XVI строфы шестой главы «Евгения Онегина» (строфы эти Пушкин не включил в печатный текст). Ризнич упоминается под именем «негоциантки молодой» в «Странствиях Онегина» и в недошедших до нас стихах Пушкина на одесских дам, начинающихся стихом: «Мадам Ризнич с римском носом». Узнав о смерти Ризнич, Пушкин написал элегию «Под небом голубым страны своей родной». Осенью 1830 г. ее же памяти посвятил он стихотворение «Для берегов отчизны дальной».

Элиза — гр. Елизавета Ксаверьевна Воронцова (1792—1880), рожд. Браницкая,[4] жена новороссийского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова, выславшего Пушкина из Одессы в 1824 г. Главной причиной высылки Пушкина была, вероятно, ревность к нему Воронцова. С ее именем связывают предположительно стихотворение «Ангел», «Сожженное письмо», «Желание славы», «Всё кончено, меж нами связи нет», «Ненастный день потух» и, может быть, «Талисман», «Храни меня, мой талисман» и «В пещере тайной».

Следующее имя в списке относится уже к жизни Пушкина в ссылке в Михайловском.

---

[1] О ней см. примечание Лернера к стихотворению «Гречанке» в *В П* и *П*, по указателю.

[2] См. статью С. М. Бонди в его книге «Новые страницы Пушкина». М. 1931, стр. 74—82.

[3] О ней см. статью П. Е. Щеголева «Амалия Ризнич в поэзии Пушкина», впервые напечатанную в *ВЕ*, 1904, январь, затем в измененном виде перепечатанную в *ЩП*[1] и *ЩП*[3]; в *ОП* III и в «Путеводителе по Пушкину» в *КН* VI. Ср. также в статье А. А. Сиверса «Семья Ризнич (Новые материалы)» в *ПС*, XXXI—XXXII, стр. 85—104.

[4] О ней см. в *ОП* III и в *КН* VI.

Евпраксея — Евпраксия Николаевна Вульф (1809—1883), по мужу (с июля 1831 г.) бар. Вревская,[1] вторая дочь соседки Пушкина по Михайловскому, П. А. Осиповой. Ей написаны стихотворения «Если жизнь тебя обманет» и «Вот, Зина, вам совет». Она же под именем Зизи упоминается в XXXII строфе пятой главы «Евгения Онегина».

Катерина IV — Пушкин увлекался многими Екатеринами, и кого имел он в виду под Екатериной IV — сказать трудно. Навряд ли это была Екатерина Николаевна Ушакова, в альбоме сестры которой Пушкин писал этот список. Это указывало бы на то, что чувство уже прошло, о чем он не стал бы ей говорить. Вернее предположить, что это была Екатерина Николаевна Карамзина (1809—1867), по мужу (с 1828 г.) кн. Мещерская, дочь историографа и значащейся в этом списке Екатерины I. Пушкин был увлечен Екатериной Николаевной в 1827 г., памятником чего осталось его стихотворение «Акафист К. Н. К-ой». Об «обожании» ее Пушкиным вспоминал В. П. Титов.[2] Но возможно, что под Екатериной IV следует разуметь не Карамзину, а Екатерину Васильевну Вельяшеву (1812—1865), по мужу (с 1834 г.) Жандр. Пушкин познакомился с ней в январе 1829 г. в Старице. Несмотря на ухаживания Пушкина и А. Н. Вульфа, она, по словам последнего «осталась холодною». Ей посвящено стихотворение «Подъезжая под Ижоры»

Анна — либо Керн, либо Оленина. В Анну Петровну Керн (1800—1879), рожд. Полторацкую, Пушкин влюбился в Михайловском летом 1825 г. Его увлечение вылилось в стихотворении «Я помню чудное мгновенье». Сохранилось несколько писем Пушкина к ней. Керн оставила очень значительные и правдивые воспоминания о Пушкине.[3] Анна Алексеевна Оленина (1808—1888), по мужу Андро.[4] Пушкин был в 1828 г. женихом этой девушки, но, повидимому по его вине, брак расстроился. Ей посвящены стихотворения «Увы, язык любви болтливой», «Ты и вы», «Предчувствие», «Ее глаза», «Город пышный, город бедный»; ее упоминает он в стихотворении «To Dawe, Ecqr.» Если предположить, что Катерина IV — Карамзина, а Анна — Оленина, то оказывается совершенно соблюденной хронология.

Наталья, завершающая первый список, — конечно, Наталья Николаевна Гончарова (1812—1863), будущая жена поэта, в которую Пушкин был влюблен в 1829 г., в пору писания комментируемого списка. Наталье Николаевне посвящены Пушкиным стихотворения: «Когда в объятия мои», «Мадонна» и «Пора, мой друг, пора».

---

[1] См. статью В. В. Вересаева «Пушкин и Евпраксия Вульф» в «Новом Мире» 1927, I. (Перепечатана в его книге «В двух планах. Статьи о Пушкине», «Недра» 1929, стр. 80—96.)

[2] «Воспоминания А. И. Дельвига», М.—Л. 1930, I, стр. 85.

[3] А. П. Керн «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, Л. 1929. См. также статью Б. Л. Модзалевского «Анна Петровна Керн» в *В* III (издана отдельной книгой в 1924 г.).

[4] О ней см. П. М. Устимович «Анна Алексеевна Андро, рожденная Оленина» в *РС* 1890, VIII 387. Н. К. Козмин «Пушкин и Оленина», в *СПД* 1923 г., и примечания Лернера к посвященным ей стихам в *В* IV.

Возглавляет второй список *Мария*. Мы знаем нескольких женщин с именем Мария, в которых бывал влюблен Пушкин: о Марии Николаевне Раевской — см. выше. Мария Егоровна Эйхфельдт — кишиневская знакомая, возлюбленная приятеля Пушкина — Алексеева, которой написано стихотворение «Ни блеск ума, ни стройность платья». Мария Васильевна Борисова, о которой Пушкин писал Вульфу 27 октября 1828 г., что «Марья Васильевна Борисова есть цветок в пустыне, соловей в дичи лесной, перла в море и что я намерен на днях в нее влюбиться». В одном из планов «Капитанской дочки» есть указание на то, что М. В. Борисова была прототипом Маши Мироновой.[1] Кн. Мария Аркадьевна Голицына[2] (1802—1870), рожд. кж. Суворова, внучка полководца, жена (с мая 1820 г.) кн. Михаила Михайловича Голицына. Ей посвящено стихотворение «Давно об ней воспоминанье».

Анна — вероятно, Анна Николаевна Вульф (1799—1857), старшая дочь П. А. Осиповой, соседка Пушкина по Михайловскому. Ей посвящены стихотворения «К имениннице» и «Я был свидетелем златой твоей весны». Письма ее к Пушкину опубликованы.[3]

Софья — Софья Федоровна Пушкина (1806—1862), дальняя родственница Пушкина, была замужем (с 1827 г.) за Валерьяном Александровичем Паниным.[4] В 1826 г., по приезде в Москву из Михайловского, Пушкин познакомился с ней и сватался к ней через две недели. Ей посвящено стихотворение «Зачем безвременную скуку...», о ней же говорит Пушкин в стихотворении «Нет, не черкешенка она».

Александра — Александра Ивановна Осипова (ум. в 1864 г.) — падчерица П. А. Осиповой, возлюбленная ее сына А. Н. Вульфа, замужем (с 1833 г.) за П. Н. Беклешевым.[5] Ей посвящено стихотворение «Признанье» («Я вас люблю, хоть я бешусь...»).

Варвара — женщины с таким именем среди увлечений Пушкина мы не знаем.

Вера — вероятно, Вера Федоровна Вяземская (1790—1876), рожд. княжна Гагарина, жена (с 1811 г.) приятеля Пушкина кн. П. А. Вяземского.[6] С Верой Федоровной познакомился Пушкин в Одессе, куда она приехала

---

[1] См. М. А. Цявловский «Автографы Пушкина» в «Трудах Публичной Библиотеки СССР имени Ленина», выпуск III, М. 1934, стр. 24—26.

[2] О ней см. статью М. О. Гершензона «Северная любовь Пушкина» в *ВЕ* 1908, I и в *ЩП*[1] и *ЩП*[3].

[3] Б. Л. Модзалевским в *АП*.

[4] О ней см. статью Б. Л. Модзалевского «Василий Петрович Зубков и его Записки» в *ПС* IV; см. также в *П* по указателю и статью А. Ф. Кони «Первое сватовство Пушкина» в *В* III.

[5] О ней см. в примечаниях Н. О. Лернера к стихотворению «Признанье» в *В* III.

[6] Письма Вяземской к мужу из Одессы (см. *ОА* IV, вып. 2). О ней см. в *П*, *ОП* III и статью А. Л. Вейнберг «Гр. М. С. Воронцов о Пушкине» в «Московском Пушкинисте», в. II, М. 1930.

с двумя детьми 7 июня 1824 г. и где жила до 26 августа. Она увлеклась Пушкиным [1] и вместе с гр. Е. К. Воронцовой подготовляла побег его за границу морем. До конца жизни поэта у нее сохранились с ним дружеские отношения.

Анна — Анна Ивановна Вульф (ум. в 1835 г.), племянница П. А. Осиповой, замужем (с 1834 г.) за В. И. Трувеллер. Ей посвящено мадригальное четверостишие «За Netty сердцем я летаю...».

Следующая *Анна* списка — Анна Алексеевна Оленина или Анна Петровна Керн. — Кто была третья Анна, сказать не можем, но нет оснований Анну Ивановну Готовцеву считать увлечением Пушкина. [2]

Варвара — может быть, это имя надо связывать с нарисованной Пушкиным в альбоме Е. Н Ушаковой «Варварой мученицею» (см. стр. 686). Кто такая была эта Варвара — неизвестно, но, судя по одежде, она могла быть горничной, и вероятнее всего, Ушаковых.

Елизаветой мы отказываемся считать Елизавету Николаевну Ушакову по тем же основаниям, по каким не видим ни в одной из Екатерин ее сестру. Вероятнее, что обеих сестер Пушкин совсем обошел в списке. Скорее можно тут видеть Елизавету Михайловну Хитрово (1783—1839), рожд. Голенищеву-Кутузову. [3]

Надежда — неизвестна.

Аграфена — конечно, гр. Аграфена Федоровна Закревская (1799—1879). рожд. гр. Толстая. Ей посвящены стихотворения «Портрет» («С своей пылающей душою») «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно». С ней связывают и стихотворение. «Когда твои младые лета». Ее образ отразился в Нине Воронской в восьмой главе «Евгения Онегина» и в Зинаиде Вольской в «Египетских ночах». [4]

Любовь — неизвестна.

Ольга — вероятно, Ольга Михайловна Калашникова (1806—18..) «крепостная любовь Пушкина». [5] К ней относил «открывший» ее П. Е. Щеголев стихотворный набросок «О боги мирные полей, дубрав и гор». Сохранились ее письма к Пушкину, одно от февраля 1833 г. [6] и другое, еще неопубликованное. [7]

Евгения — неизвестна.

Александра — вероятно, Александра Александровна Римская-Корсакова (Алина, Александрина), жена (с февраля 1832 г.) кн. Александра Николае-

---

[1] П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», М. 1925, стр. 28, 78 и 79.

[2] См. названную статью Н. О. Лернера «Дон-Жуанский список».

[3] О ней см. книгу «Письма Пушкина к Е. М. Хитрово», Л. 1927.

[4] О ней см. статью В. В. Вересаева «Княгиня Нина» в «Новом мире» 1927, I (перепечатана в его книге «В двух планах», «Недра» 1929, стр. 97—102, и его же заметку в «Звеньях», № 3—4).

[5] См. книгу П. Е. Щеголева «Пушкин и мужики», М. 1928, гл. I.

[6] Там же, стр. 104—107.

[7] См. в статье П. С. Попова в «Звеньях», № 3—4, стр. 134—136.

вича Вяземского.[1] Кн. П. А. Вяземский указывал,[2] что к ней относятся начальные стихи III строфы седьмой главы «Евгения Онегина». Она должна была быть выведена в неосуществленном замысле «Роман на Кавказских водах».[3]

Елена — кто такая, сказать трудно. Может быть, Елена Николаевна Раевская (1803—1852), которой посвящено стихотворение «Увы зачем она блистает». Может быть, княжна Елена Михайловна Горчакова (1794—1855), по мужу кн. Кантакузен, сестра лицейского товарища Пушкина, которой он еще в 1814 г. посвятил, по преданию, стихотворение «Красавице, которая нюхала табак» и с которой он общался в Кишиневе. Может быть, Елена Федоровна Соловкина, о неравнодушии к которой Пушкина вспоминает Липранди.[4] К одной из двух последних, надо думать, относятся строки из написанной в пору знакомства с ними «Гавриилиады» — «Елену видел я».

Следующая *Елена* — может быть, та самая Елена, о которой мы ничего не знаем, кроме того, что Пушкиным сказано в строках лишь начатого стихотворения «Зачем, Елена, так пугливо», написанного им в бытность его в 1829 г. на Кавказе.

Кто такие *Татьяна* и *Авдотья*, заканчивающие второй список, — неизвестно.

4.

А. Ваттемару

Votre nom est Legion
car vous êtes plusieurs
16 juin v. st.
1834
St Petersbourg
A. Pouchkine

Перевод:

Имя ваше — легион, так как вас несколько.
16 июня ст⟨арого⟩ ст⟨иля⟩ 1834. С.-Петербург.
А. Пушкин.

Печатается по автографу из альбома А. Ваттемара, хранящегося в *ИРЛИ* (№ 35; собрание Э. П. Юргенсона); где находится самый альбом, неизвестно.

---

[1] О ней см. *П* II и «Грибоедовская Москва» М. О. Гершензона.
[2] *РА* 1887, III, 578.
[3] См. в статье Н. В. Измайлова в *ПС*, XXXVII, стр. 68—99.
[4] *РА* 1866, стб. 1235, 1245.

Текст впервые опубликован в «Русской Художественной Газете» Н. В. Кукольника, 1837 г., I, стр. 233, в большой статье о Ваттемаре, а затем в заметке Н. К. Богушевского в *РС* 1880, № 9, стр. 221, в статье М. Пыляева «Былые оригиналы» в «Новом Времени» 1896, № 7397; вошло в *Е*[4], т. VII, стр. 547, в *АП* III, 129 (по ошибке) и в другие издания (см. *ПГ*, т. V, кн. 2, стр. 910). Факсимиле записи впервые опубликовано в «Album cosmopolite, seconde édition choix de sujets, paysages, scènes et moeurs, marines etc... extraits des collections de M. Alexandre Vattemare», Paris 1848, и затем в «Столице и усадьбе» от 15 сентября 1915 г., № 42, стр. 3 и 4. См. также в издании «Пушкин. 1834 год», *Л.* 1934, стр. 147.

Александр Ваттемар (Vattemare) — знаменитый в свое время французский драматический артист, трансформатор, чревовещатель и мимик, пользовавшийся большой известностью в Европе; в России он выступал в 1832 г. и вскоре по приезде, вероятно в 1834 г., познакомился с Пушкиным. 29 мая 1834 г. Пушкин писал жене: «К нам в П. Б. приехал ventriloque,[1] который смешил меня до слез; мне право жаль, что ты его не услышишь» (*АП*, III, 120). Рассказ о посещении Ваттемаром Пушкина записан со слов С. Н. Гончарова и напечатан в *РС* 1880, № 5, стр. 94—96. Посещение это поставлено в связь с письмом Пушкина к М. Н. Загоскину от 9 июля 1834 г. (см. *АП* III, 150), в котором поэт просил М. Н. Загоскина оказать содействие Ваттемару в Москве, куда последний собирался ехать для дачи своих представлений (об этом письме Пушкина см в книге «Lettres autographes composant la collection de M. Alfred Bovet, décrites par Etienne Charavay», Paris 1885, p. 484 (№ 1323), где Загоскин по ошибке назван «Logostine»). Сохранилось и письмо Пушкина к А. Ваттемару (бывшее в собрании И. И. Куриса и ныне хранящееся в *ИРЛИ*) следующего содержания: «Monsieur, La réponse de M-r Zagoskine ne m'est pas encore parvenue; Des que j'aurai reçu sa lettre, j'aurai l'honneur de vous la transmettre» (*АП* III, 155). Существует указание С. Н. Гончарова о том, что Пушкин написал стихи о Ваттемаре, но эти стихи неизвестны (см. *РС* 1880, № 5, стр. 95—96; *РА* 1902, I, стр. 285, прим., и *РА* 1904, I, стр. 71, прим.). О представлениях Ваттемара см. отзыв А. В. Никитенко в его «Дневнике» под 10 июня 1834 г. (СПб. 1905, I, 245) и отзыв И. И. Козлова в его дневнике (*СН*, XI, 53 и «Известия Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук» 1906, т. XI, кн. 1, стр. 219). И. И. Козлов посвятил А. Ваттемару стихотворение «К господину Александру», начинающееся: «Весь мир дивит твой дар чудесный...» (см. в статье К. Я. Грота в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук» 1904, т. XI, кн. 2, стр. 80—81, где оно ошибочно отнесено к А. С. Пушкину; поправка отмечена ibid. 1906, т. XI, кн. 1, стр. 218—220, а также в статье Н. М. Данилова, ibid. 1915, т. XX, кн. 2, стр. 99—100). Сохранилось также письмо А. Ваттемара к В. А. Жуковскому (см. M. Hofmann, «Le Musée

---

[1] Чревовещатель

Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris». 1926. Paris, Champion, p. 79). Сводку сведений о Ваттемаре и о его коллекции автографов, сделанную М. П. Алексеевым, см. в *ОП* II, 46. Ср. в статье Е. П. Казанович в «Звеньях», в. 3—4, стр. 196, 197, 200.

Текст записи Пушкина представляет собою перифразу ответа бесноватого Иисусу Христу («Легион — имя мне, потому что нас много». Евангелие от Марка, V, 9) и объясняется тем, что Ваттемар был чревовещатель.

5.

М. С. Щепкину

17 мая 1836 Москва

Записки Актера Щепкина

Я родился въ Курской Губерніи Обоянскаго уѣзда въ селѣ Красномъ, что на рѣчкѣ Пенкѣ

Печатается по facsimile, приложенному к первому изданию «Записок М. С. Щепкина», изд. Н. М. Щепкина, М. 1864. Подлинник хранился в *ГИМ*, но нам остался недоступен (см. «Русский Библиофил» 1914, № 7, стр. 49 (№ 351), «Речь» от 11 августа 1913 г., № 217, стр. 2, и «Рампа и жизнь» 1913, № 32; в двух последних изданиях дано facsimile). Знакомство Пушкина с знаменитым актером Михаилом Семеновичем Щепкиным (6 ноября 1788 г.—11 августа 1863 г.) произошло, вероятно, вскоре после возвращения поэта из ссылки в 1826 г., но имя Щепкина, как актера, Пушкину должно было быть известно еще с начала 1820-х годов. Сохранилось известие об одной их встрече, 27 марта 1829 г., на завтраке у М. П. Погодина (см. М. А. Цявловский, «Пушкин по документам Погодинского архива» в *ПС*, XIX—XX, 94; *РА* 1878, II, 50; 1882, III 81; Н. Барсуков «Жизнь и труды М. П. Погодина», II, 304). Вероятно, Пушкин видел М. С. Щепкина и на сцене. 9 июня 1832 г. Щепкин поставил в свой бенефис (в Петербургском Большом театре) драматическую переделку «Цыган» Пушкина, в которой читал роль старика-цыгана (переделка эта поставлена была также и 12 июня) (см. «Русский Вестник» 1895, октябрь, стр. 317, и «Пушкин», изд. журн. «Русский Библиофил», СПб. 1911, стр. 75). К 1836 г. относятся сведения о встречах Пушкина и Щепкина в Москве у общего их приятеля П. В. Нащокина. А. Щепкина в своих воспоминаниях об М. С. Щепкине говорит, что «в Соколове встречал М. С. Щепкин нашего славного поэта Пушкина, который бывал там у П. В. Нащокина. Позднее Пушкин посетил несколько раз и дом М. С. Щепкина, чтобы видеться у него с Белинским, которого приглашали тогда принять работу для журнала, в издании которого участвовал Пушкин в Москве» (*РА* 1889, I, 549). В одну из таких встреч, в мае 1836 г., Пушкин беседовал с Щепкиным о постановке «Ревизора» в Москве и

разделил с ним опасение, как бы комедия не показалась московской публике «карикатурной и грязной». «Пошли ты за Гоголем, — писал поэт жене 5 мая, — и прочти ему следующее: видел я Актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву, прочесть Ревизора. Без него Актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и грязна (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны, это же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П. Б.» (*АП*, III, 309; см. также ibidem, 396 и 427). Здесь, в Москве 17 мая 1836 г. Пушкин понуждал М. С. Щепкина заняться своими мемуарами; одновременно он упрашивал об этом Нащокина, который отчасти и выполнил просьбу Пушкина (см. стр. 125). В этот день Пушкин подарил Щепкину тетрадь для будущих «Записок актера Щепкина» и сам вписал начальные строки их, чтобы тем закрепить необходимость их написания. Эту необходимость Пушкин, как известно, ясно сознавал, уговаривая всякого более или менее интересного человека, с которым встречался, писать мемуары. А. О. Смирновой (см. стр. 658), И. И. Дмитриеву, П. В. Нащокину (см. стр. 124—125), Н. А. Дуровой он советовал писать свои воспоминания. Толчок Пушкина хотя и не сразу, но подействовал на М. С. Щепкина, и благодаря Пушкину и впоследствии В. Г. Белинскому и А. И. Герцену мы располагаем теперь интереснейшими записками Щепкина (историю их написания и дальнейшей публикации см. в предисловии А. Б. Дермана к «Запискам крепостного актера М. С. Щепкина», М. 1928, стр. 3—15). «Как красноречиво выражается в этом поступке важность интереса, который придавал Пушкин запискам актера Щепкина!» — восклицал позже С. Т. Аксаков («Московские Ведомости» 1855, № 143, и «Собрание сочинений С. Т. Аксакова», под ред. А. Г. Горнфельда, СПб. 1910, IV, 462—463). Память Пушкина была для Щепкина драгоценна. «И как личность, и как поэт, Пушкин навсегда остался одним из самых дорогих Щепкину сокровищ души» — говорит Н. О. Лернер (см. «Речь» от 11 августа 1913, № 217, стр. 2). А. Стахович в своих воспоминаниях передает, что Щепкин «иногда сидит, задумавшись, и тихо начнет произносить стихотворение Пушкина: «Во глубине сибирских руд, храните гордое терпенье...» и со слезами кончит: «Как в ваши каторжные норы доходит мой свободный глас!» С благоговением показывал он мне тетрадь, подаренную ему Пушкиным для его записок. На первой странице этой тетради Пушкин написал: «Записки актера Щепкина» и сам же написал первые строки... в таком-то году, там-то родился М. С. Щепкин» (*РС* 1896, № 5, стр. 357). Об отношении М. С. Щепкина к смерти Пушкина см. в рассказах Н. И. Куликова в *РС* 1881, № 8, стр. 615—616, 618—619. Памятником дружественных отношений Щепкина к Пушкину является великолепный список «Скупого рыцаря» с акварелями художника Павла Соколова, который Щепкин подарил известной актрисе Рашель, «великой художнице драматического искусства», 19 февраля 1854 г., когда она покидала Россию после своих знаменитых

гастролей (см. *ПС* XII, 42). Экземпляр этот, в котором находятся портреты Пушкина и Щепкина, хранится теперь в *ИРЛИ* (Онегинское собрание). См. также статью Н. О. Лернера «Щепкин и Пушкин (историческая справка)» в «Речи» от 11 августа 1913 г., № 217, стр. 2.

II. ЗАПИСИ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА

1.

Е. П. Бакуниной

Напрасно воспѣвать мнѣ ваши именины
При всемъ усердіи послушности моей;
Вы не милѣе въ день святой Екатерины —
За тѣмъ что никогда не льзя быть васъ милѣй.
АП.

Публикуется по автографу Пушкина, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 233 из собрания Н. О. Лернера). Подлинник писан на продолговатом листке желтой бумаги из альбома Е. П. Бакуниной. Самый альбом неизвестно где находится.

Автограф факсимильно воспроизведен полностью в «Ниве» 1913, № 43, стр. 851, где текст его впервые напечатан Н. О. Лернером на стр. 852. Запись Пушкина, по датировке Н. О. Лернера, сделана 24 ноября 1815 г. в день именин Бакуниной.

Екатерина Павловна Бакунина была предметом юношеской любви Пушкина и включена в его дон-жуанский список под именем «Катерины I» (см. стр. 631).

2.

П. Я Чковлеву

Я люблю вечерній пиръ
Гдѣ Веселье засѣдатель
А свобода мой кумиръ
За столомъ законодатель
Гдѣ до утра слово пей
Заглушаетъ звуки пѣсенъ
Гдѣ просторенъ кругъ гостей
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ.

Запись Пушкина печатается впервые, по его автографу на л. 20 альбома Павла Лукьяновича Яковлева, хранящегося в *ИРЛИ* (№ 399). Факсимиле воспроизведено в №№ 16—18 «Литературного Наследства», стр. 821. На этом же листе имеется помета П. Л. Яковлева: «(А. С. Пушкинъ 1819)». Альбом и в частности автограф Пушкина сильно повреждены водою. Стихотворение Пушкина, написанное в 1819 г., впервые напечатано в «Мнемозине», ч. II, М. 1824, стр. 85, под заглавием «Вечер», и, следовательно, во время записи в альбом (1819 г.) было еще не издано. Разночтений с печатным текстом нет (см *Ak* I, изд. 2, стр. 90 второй пагинации).

Павел Лукьянович Яковлев (5 января 1796—9 июня 1835) — старший брат лицейского товарища Пушкина, Михаила Лукьяновича Яковлева. Племянник баснописца А. Е. Измайлова, он с 1819 г. деятельно участвовал в издании его «Благонамеренного», а также в «Невском зрителе», *СО*, *ВЕ;* в 1826—1827 гг. сотрудничал в альманахах «Календарь муз» и др. С Пушкиным П. Л. Яковлев познакомился, вероятно, через своего брата, когда в 1818 г. приехал в Петербург на службу в Коллегию иностранных дел; здесь же он познакомился с Дельвигом, Кюхельбекером, Боратынским и кружком их друзей и товарищей. — «Пушкин любил это веселое общество и, говорят, посещал его ежедневно вплоть до отъезда своего в Михайловское. Да и по возвращении в Петербург поэт, как известно, не порывал дружеских связей с только что названными молодыми людьми; между прочим сохранилось известие, что Дельвиг и П. Л. Яковлев провожали поэта-изгнанника до Царского Села, когда тот собирался в Кишенев» (*РС* 1903, № 6, стр. 632, и «Современник» 1854. т. XLIII, № 1, отд. III, стр. 7— сообщение М. Л. Яковлева В. П. Гаевскому). В письме Пушкина к кн. П. А. Вяземскому от 2 января 1831 г. сохранилось известие о предполагаемом, но не осуществленном издании П. Л. Яковлева, альманаха «Блин» (см. *АП* II, 208).

Два любопытных анекдота о Пушкине П. Л. Яковлев сообщил А. Е. Измайлову в своей рукописной газетедневнике «Хлыновский наблюдатель» (1828 г.); они опубликованы И. А. Кубасовым в *РС* 1903, № 7, стр. 214. См. также *П* II, стр. 233—234. Перу Яковлева принадлежит небольшой восторженный отзыв о «Борисе Годунове», подписанный: «Яковлев», и помещенный в «С.-Петербургском Вестнике» 1831, № 2, стр. 62—64.

О П. Л. Яковлеве см. названную статью И. А. Кубасова, его же биографию П. Л. Яковлева в «Русском биографическом словаре», т. *Я* — *Ѳ*, стр. 97, и книгу Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина», СПб. 1912, II, стр. 265—268 и 325—326, 327, 341. Некоторые сведения о П. Л. Яковлеве, в частности факт о принадлежности ему, а не М. Л. Яковлеву, попытки издания альманаха «Блин», мы заимствуем из неопубликованных пока примечаний Б. Л. Модзалевского к III тому «Писем Пушкина (1831—1833)».

3.

Кн. М. А. Голицыной

Давно объ ней воспоминанье
Храню въ сердечной глубинѣ.
Ея минутное вниманье
Отрадой долго было мнѣ.
Твержу я стихъ обвороженный
Мой стихъ, унынья звукъ живой
Такъ мило ею повторенный
Замѣчанный ея душой
— — — —

Напечатано впервые, по автографу, П. Е. Щеголевым в его книге *ПЩ*², 173. Подлинник находится на л. 12 альбома М. А. Голицыной в *ИРЛИ* (№ 197). Листок из альбома был кем-то вырезан, а затем наклеен на чистый лист альбома. Текст стихотворения вписан Пушкиным не полностью, только первые восемь стихов, другие восемь стихов отсутствуют. Кроме того в автографе есть два разночтения с печатным текстом (в альманахе «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», 1830, стр. 30—31):

2. Храню в сердечной глубине	Авт.
Ношу в сердечной глубине	Печ.
5. Твержу я стих обвороженный	Авт.
Твердил я стих обвороженный	Печ.

Кн. Мария Аркадиевна *Голицына*, рожд. княжна Италийская, гр. Суворова-Рымникская (26 февраля 1802—16 (28) февраля 1870), жена (с 9 мая 1820 г.) кн. Михаила Михайловича Голицына. Подробные сведения о ней и об ее отношениях с Пушкиным изложены в работе П. Е. Щеголева «Из разысканий в области биографии и текста Пушкина» в названной выше книге, на стр. 150—254. Работа эта была вызвана статьей М. О. Гершензона «Северная любовь Пушкина» в *ВЕ* 1908, № 1.

Стихотворение было написано в 1823 г., судя по помете при публикации его в альманахе, и точнее: в мае—декабре, судя по местонахождению перебеленного черновика в тетради № 2369.

Вопрос—когда и где были вписаны в альбом Голицыной эти стихи, разрешим не до конца. Стихи были у нее до 27 марта 1825 г., когда Пушкин писал брату: «Тиснуть еще стихи К. Голиц⟨ыной⟩-Суворовой, возьми их от нее». С августа 1824 г. Пушкин был уже в Михайловском, так что не мог ее видеть. С середины июня 1824 г. в Одессе жила Варвара Аркадьевна Башмакова, сестра М. А. Голициной, которая могла к ней приехать погостить. Это только гипотеза, так как прямых указаний на это мы не имеем. Если это так, то запись была сделана в июне—августе 1824 г.

4.

П. А. Осиповой

Быть можетъ ужъ не долго мнѣ
Въ изгнаньи мирномъ оставаться,
Вздыхать о милой старинѣ
И сельской Музѣ, въ тишинѣ,
Душой безпечно предаваться;
Но и вдали, въ краю чужомъ
Я буду мыслію всегдашней
Бродить Тригорскаго кругомъ,
Въ лугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ
Въ саду, подъ сѣнью липъ домашней
Когда померкнетъ ясный день
Одна, изъ глубины могильной
Такъ иногда въ родную сѣнь
Летитъ тоскующая тѣнь
На милыхъ бросить взоръ умильной

С. Михайловское
25 іюня 1825 АП

Напечатано впервые М. И. Семевским по автографу в «С.-Петербургских Ведомостях» 1866, № 146 (перепечатано в книге «А. Н. Вульф. Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 60), но без даты. Полностью по автографу напечатано им же в «Русском Вестнике» 1869, № 11, стр. 68. Автограф Пушкина находился на стр. 85 альбома П. А. Осиповой, перешедшего затем к кн. А. А. Хованской, рожд. бар. Вревской (см. [Б. Л. Модзалевский] «Пушкинская юбилейная выставка в Имп. Академии Наук в С.-Петербурге. Каталог, СПб. 1899, стр. 10—11, № 81) и ныне неизвестно где находящегося. Печатается нами по факсимиле, воспроизведенному на стр. 58 (№ 108) «Сборника снимков с автографов русских деятелей 1801—1825», изд. ред. «Русской старины» и Ф. К. Опочинина, СПб. 1873. В тексте этого издания (на стр. 52) сделано следующее пояснение: «Снято с альбома села Голубова, принадлежащего баронессе Е. Н. Вревской. Сообщ. А. Н. Вульф». Так как альбом П. А. Осиповой теперь недоступен, сообщаем описание его, сделанное М. И. Семевским в «Русском Вестнике» 1869, № 11, стр. 65: «Наружность его изящна: это книга во 178 страниц в большую четверку, обтянутая черным сафьяном, с золотыми застежками и золотообрезною почтовою бумагой...»; далее Семевский

сообщает, что четыре стихотворения — «Послание к Чаадаеву» («К чему холодные сомненья»), «Быть может уж недолго мне», «Талисман» и «Близ мест, где царствует Венеция златая» — вписаны в альбом самим Пушкиным. К сожалению, лишь текст стихотворения «Быть может уж не долго мне» Семевский счел нужным напечатать в своей статье.

5.

Е. Н. Вульф

Если жизнь тебя обманетъ
Не печалься, не сердись!
Въ день унынія смирись:
День веселья, вѣрь, настанетъ.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно; все пройдетъ,
Что пройдетъ, то будетъ мило.

Написано на листе, вырезанном из альбома и принадлежавшем Н. О. Лернеру. В настоящее время лист этот хранится в *ЛМ*. В другом альбоме, принадлежащем П. А. Осиповой, а впоследствии кн. А. А. Хованской, стихотворение вписано рукой Прасковьи Александровны под заглавием: «Стихи въ альбаумъ Ев...... и Н.... В...... 1825 году». В этом же году стихотворение под заглавием «Стихи в альбом» было напечатано в сентябрьской (№ XVII) книжке «Московского телеграфа». Таким образом запись в альбом сделана в январе — августе 1825 г.

Об Е. Н. Вульф см. стр. 713 — 714.

6.

Ек. Н. Карамзиной

Акаѳистъ Екатеринѣ Николаевнѣ Карамзиной

Земли достигнувъ наконецъ,
Отъ бурь спасенный Провиденьемъ
Святой Владычицѣ пловецъ
Свой даръ несетъ съ благоговѣньемъ.
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Простой, увядшій мой вѣнецъ

Тебѣ, высокое свѣтило
Въ эѳирной тишинѣ Небесъ
Тебѣ, сіяющей такъ мило
Для нашихъ набожных очесъ
24 Нояб

Печатается по факсимиле с автографа Пушкина, находящегося при статьях Б. Л. Модзалевского в *ПС* XXVIII, 1—4, и в «Русском Библиофиле» 1916, № 6, стр. 76, где текст этого стихотворения впервые был напечатан из альбома (на л. 23 об.) кн. Е. Н. Мещерской, рожд. Карамзиной. Самый альбом ныне неизвестно где находится.

Запись Пушкина сделана в 1827 г., в день именин Е. Н. Карамзиной, 24 ноября.

О черновом тексте стихотворения, находящемся в тетради № 2368, л. 21_1, см. статью П. Е. Щеголева в *ПС* XV, 27—33 и 175—178.

Екатерина Николаевна *Карамзина* (22 сентября 1806—10 ноября 1867) — третья дочь Н. М. Карамзина, жена (с 27 апреля 1828 г.) подполковника кн. Петра Ивановича Мещерского (29 мая 1802—15 апреля 1876). О Пушкине и Е. Н. Карамзиной см. названные статьи Б. Л. Модзалевского, а также *П* II, 398 и др., *ДП*, 186 и *МД*, 328—329.

7.

С. Н. Карамзиной

Въ степи мірской печальной и безбрежной
Таинственно пробились три ключа:
Ключь Юности, ключь быстрой и мятежной
Кипитъ, бѣжитъ сверкая и журча.
Кастальской ключь, волною вдохновенья,
Въ степи мірской изгнанниковъ поитъ.
Послѣдній ключь холодный ключь Забвенья....
Онъ слаще всѣхъ... .achevez le
vers comme il vous plaira +
+ le voilà:
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ —[1]

Печатается по факсимиле с автографа, находящегося при статьях Б. Л. Модзалевского в *ПС*, XXVIII 1—4, и в «Русском Библиофиле» 1916,

[1] *Перевод французских слов:* закончите стих, как вам заблагорассудится. Вот он.

№ 6, стр. 68, где текст этого стихотворения впервые был напечатан из альбома (на лл. 43 и 42 об.) С. Н. Карамзиной. Самый альбом ныне неизвестно где находится. Запись Пушкина, по предположению Б. Л. Модзалевского, сделана, вероятно, в 1827 г. О датировке этого стихотворения см. *В* IV, стр. XXXIX

София Николаевна *Карамзина* (5 марта 1802—4 июля 1856) — старшая дочь Н. М. Карамзина, девица. О Пушкине и С. Н. Карамзиной см. *ДМ*, 368—369.

8.

М. Шимановской

— — — Изъ наслажденiй жизни
Одной любви музыка уступаетъ;
Но и любовь мелодiя...
Александръ Пушкинъ

С. Петербургъ
1 марта 1828.

Текст записи публикуется по фотографии, хранящейся в *ИРЛИ*; факсимиле приложено к статье П. Д. Эттингера «Пушкин и Мария Шимановская» в «Красной Ниве» от 9 июня 1929 г., № 24, стр. 12. Автограф Пушкина, находящийся в альбоме Марии Шимановской, хранится в Музее им. Адама Мицкевича в Париже. Запись эта впервые опубликована Н. О. Лернером в его статье «Неизданные строки Пушкина и хронология „Каменного Гостя"» в *ИВ* 1905, VII, 319.

Мария *Шимановская* (Szymanowska), рожд. Воловская (14 декабря 1790—25 июля 1831), — теща Адама Мицкевича (он был женат на ее дочери Целине), выдающаяся пианистка и композитор, концертировавшая с 1822 г. в России, Германии, Франции и Италии. В 1827 г. возвратилась в Россию, где и умерла в Петербурге 25 июля 1831 г.[1] Она была знакома с крупными людьми как в России, так и за границей, среди которых можно назвать А. Гумбольдта, Шатобриана, К. Делавиня, Бенжамен-Констана, Гете и др., а также Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Н. И. Гнедича, Д. В. Давыдова, кн. П. А. Вяземского, Пушкина. В ее альбом перечисленные и многие другие лица внесли свои записи. Альбом этот описан кн. П. А. Вяземским в его статье «Об альбоме г-жи Шимановской» (см. «Полное собрание сочинений кн. П. А. Вяземского», т. II, СПб. 1879, стр. 59—66).

---

[1] «С. Петербургский некрополь», изд. в. к. Николая Михайловича, т. IV. СПб. 1913, стр. 544. По другому источнику, она умерла 12 июля 1831 г. (см. ее некролог в «Северной Пчеле» 1831, № 159).

С Пушкиным Шимановская познакомилась вскоре после своего водворения в Петербурге, о чем и свидетельствует дата пушкинской записи, а дошедшая до нас небольшая записка к ней поэта (она опубликована в названной выше статье П. Эттингера) говорит об их дружественных отношениях (см. также *РА* III, 27). Впрочем, сделать точных выводов об их знакомстве нельзя вследствие скудости известных нам фактов. О Шимановской см. в названных выше статьях Н. О. Лернера и П. Д. Эттингера, в *ОА* II и III, по указателю (особо — II, 536), и в «Музыкальном словаре» Г. Римана, М. 1901, стр. 1426.

Строки, записанные Пушкиным в альбом Шимановской, являются словами «первого гостя» в доме Лауры (из второй сцены «Каменного гостя» Пушкина), а дата записи позволяет говорить о том, что «Каменный гость» создавался поэтом уже в 1828 г., в то время как окончательное завершение его относится ко времени пребывания Пушкина в Болдине в 1830 г. (подробнее см. в названной статье Н. О. Лернера в *ИВ* 1905, VII, 319; ср. также в статье Б. В. Томашевского «Текст «Каменного гостя» в «Записках передвижного театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской» от 23 февраля 1923 г., № 51).

9.

Н. Д. Киселеву

я ы
Ищи въ чужомъ краю здоровь[е] и свобод[у]
Но сѣверъ забывать грѣшно.
ія ы
Такъ слушай: поспѣшай Карлсбадск[іе] пить вод[у]
Чтобъ съ нами снова пить вино

$\frac{14}{26}$ іюня 1828
Стрѣльна

Автограф Пушкина находится на первой странице записной книжки Николая Дмитриевича Киселева, взятой им в его заграничную поездку. На внутренней крышке переплета нарисован автопортрет Пушкина карандашом, в профиль.

Маленькая книжечка эта (8,8 × 7,6 см) хранится в *ЛБ* (№ 7017). Текст стихотворения впервые напечатан П. С. Киселевым в *РА* 1874, I, стб. 1579

Николай Дмитриевич *Киселев* (1802—1869) — брат С. Д. Киселева, мужа Елизаветы Николаевны Ушаковой, и гр. П. Д. Киселева — видного деятеля Николаевского времени, приятель Пушкина, товарищ Н. М. Языкова по Дерптскому университету, дипломат. Он был близок с А. О. Смирновой, о чем см. в ее «Автобиографии», под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931.

10.

Н. Д. Иванчин-Писареву

Муза

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой; и слегка
По звонкимъ скважинамъ пустова тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами
И пѣсни нѣжныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ.

А. Пушкинъ.

30 дек.
1828
Москва.

Напечатано впервые Н. П. Барсуковым в «Старине и Новизне», кн. X, М. 1905, стр. 482, где на стр. 470—540 дано описание альбома Н. Д. Иванчин-Писарева. Самый альбом с автографом Пушкина (на л. 9_1—9_2) хранился в Остафьевском архиве кн. Вяземских, у гр. С. Д. Шереметева (ныне в Центрархиве), но нам остался недоступен; текст выверен по копии Б. Л. Модзалевского (см. *ОА* I, 560). Об этой записи Пушкина сделал сообщение сам Н. Д. Иванчин-Писарев, не приведя, однако, ее текста, в заметке «Альбомные записи» в «Москвитянине» 1842, ч. 2, № 3, стр. 147, с подзаголовком: «Уважение к стихам Батюшкова», где пояснил следующее: «В 1828 году я часто встречался с Пушкиным, и однажды предложил ему вписать что-нибудь из своих стихов в мой альбом. Он при мне же вписал известные стихи: Муза. На вопрос мой: отчего эти пришли ему на память прежде всяких других? — «Я их люблю, — отвечал Пушкин: — они отзываются стихами Батюшкова» (ср. «Сочинения К. Н. Батюшкова», под ред. Л. Н. Майкова и В. И. Сав.

това, т. I, СПб. 1887, стр. 255). В этой альбомной редакции текст отличается от напечатанного Пушкиным в I части «Стихотворений» (1829 г.) двумя стихами: 7 ст. «И песни мирные» («Стихотворения», 1829 г.) и последним стихом, который там читается: «И сердце наполнял святым очарованьем».

Николай Дмитриевич *Иванчин-Писарев* (30 сентября 1790—25 января 1849) — плодовитый, но малодаровитый писатель, ревностный поклонник Н. М. Карамзина и его литературный последователь; автор стихотворений, пьес и исторических работ (подробнее о нем см. статью В. И. Саитова в «Русском биографическом словаре» т. «Ибак — Ключарев», СПб. 1897, стр. 34—36; статью Б. Л. Модзалевского «Письма Н. Д. Иванчин-Писарева к И. М. Снегиреву» в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук», 1902, т. VII кн. 4, стр. 66—127, и *П* I, 397). О времени начала его знакомства с Пушкиным ничего не известно; вероятно, оно произошло после 1826 г., когда поэт вернулся из ссылки; как писателя, Пушкин знал Иванчин-Писарева еще в 1825 г.; упомянул поэт о нем в письме к кн. П. А. Вяземскому 28 января этого года, назвав «посредственным» (см. *П* I, 116). Иванчин-Писарев относился к поэту с благоговением. Кроме того, что он сообщил в заметке, приведенной нами выше, в своих «Мыслях и замечаниях, касательно современной Русской Словесности», 1829 г. он отвел поэту восторженные строки (в «Атенее», часть IV, М. 1829, ноябрь, стр. 229—232), а после выхода в свет «Бориса Годунова» написал Пушкину стихи, напечатанные в «Дамском журнале», 1831 г., ч. XXXIII, № 7, стр. 104.

11.

Ел. Н. Ушаковой

Вы избалованы природой;
Она пристрастна къ вамъ была
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной модой
Вы сами знаете давно
Что васъ любить немудрено
Что нѣжнымъ взоромъ вы Армида
Что легкимъ станомъ вы Сильфида
Что ваши алые уста
Какъ гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Предъ вами шумъ и суета.

Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ.
И строкъ небрежныхъ начертанье
Внушу [1] смиренно въ вашъ Альбомъ.
Авось на память по неволѣ
Придетъ вамъ тотъ кто васъ пѣвалъ
В тѣ дни какъ пресненское поле
Еще заборъ пе заграждалъ

Александръ Пушкинъ

Автограф этого стихотворения находится на л. 29 альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой, альбома утраченного, от которого сохранилось лишь восемь листков. Хранятся эти листки в *ЛБ* (№ 7018).

Впервые напечатано Л. Н. Майковым в его статье «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» («Русское Обозрение» 1895, № 9; перепечатано в его книге «Пушкин», СПб. 1899). Факсимильно воспроизведена первая страница (по стих 11) в *Ал*, [1] табл. 18.

До нас дошел рассказ сына Елизаветы Николаевны — Петра Сергеевича Киселева — о том, как Пушкин вручил Елизавете Николаевне ее альбом с вписанными им стихами: «Когда Пушкин принес их матушке, они были без подписи: на вопрос матушки, зачем он не подписал своего имени, он отвечал, как будто оскорбленный этим требованием: «Так вы находите, что под стихами Пушкина нужна подпись? Проститесь с этим листком: он недостоин чести быть в вашем альбоме». И Пушкин уже был готов уничтожить его; тут началась борьба, кончившаяся тем, что драгоценный листок остался в руках матушки, совершенно измятый и с оторванным углом. Пушкин был побежден и должен был подписать свое имя под трофеем, который матушка еще держала обеими руками» (Л. Н. Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 371). Листок действительно совершенно измят, что видно на репродукции в Ал², табл. 18, так же как и листок со стихами, вписанными Вяземским. Последнее слово стихотворения Пушкина закончено концовкой. Подпись же он сделал, явно иронизируя над настойчивостью Елизаветы Николаевны, такую, какой никогда не делал в альбомах или письмах — полную, с витиеватым росчерком.

Стихотворение это было напечатано в № 5 «Галатеи» 1829 (стр. 265), вышедшем в свет 2 февраля, с заголовком: «В Альбом (Е. Н. У.... вой)» затем было включено во II часть «Стихотворений» (стр. 143), где было помещено среди стихотворений 1829 г. В январе 1829 г. Пушкин был в Москве лишь первые семь дней этого месяца, которыми и датируется и написание стихотворения и запись его в альбом.

---

[1] *Описка, вместо:* Внушу.

В «Галатее» дан совершенно тот же текст, что в альбоме, если не считать, что выпал стих «И наши рифмы, наша проза». В «Стихотворениях» же 1829 г. стих четвертый исправлен так: «Вам кажется докучной одой».

Стихотворение «Вы избалованы природой» в черновом виде находится в тетради № 2371, л. 12_2, где, кроме черновика, имеется и перебеленный текст с несколькими поправками. Все окружающие листы, как и целый ряд дальнейших, заполнялись, повидимому, под ряд, что видно, помимо содержания листов, и по цвету чернил и почерку. Судя по тому, что здесь, кроме лирики, написана «Полтава», это тексты 1828 г. На л. 5 имеется помета: «19 февраля», на л. 11 — «5 апр.», на л. 13_1 — «9 мая», на л. 13_2— 14_2 — «18 мая», «19 мая», «20 мая 1828», «23 мая». Таким образом, л. 12_2, где расположены тексты стихотворения «Вы избалованы природой», приходится на время между 5 апреля и 9 мая 1828 г. Вот окончательный текст 1828 г.:

Вы избалованы природой
Она пристрастна к вам была,
И наша страстная хвала
Вам кажется докучной модой.
Вы сами знаете давно
Что вас хвалить не мудрено
[Что ваши взоры — сердцу жалы]
Что ваши ножки — очень малы,
Что вы чувствительны, остры,
Что вы умны, что вы добры,
Что можно вас любить сердечно, —
Но вы не знаете, конечно,
Что и болтливая молва
Порою правды не умалит,
Что иногда и сердце хвалит
Хоть и кружится голова.

Напечатано с двумя ошибками[1] у *Я* VII, 41 и перепечатано в книге Л. Н. Майкова «Пушкин», стр. 370.

Сравнивая редакции 1828 и 1830 г., мы видим, что первая похожа на окончательную лишь первыми шестью стихами; дальше же идет совсем иное стихотворение, напоминающее окончательное лишь композицией, построением. Эта первая редакция стихотворения «Вы избалованы природой», написанная в Петербурге (где Пушкин с конца 1827 г. до 19 октября 1828 г. жил безвыездно), не может относиться к Елизавете Николаевне Ушаковой. Весна 1828 г. была разгаром увлечения Пушкина Олениной; на следующем листе тетради, где находится черновик «Вы избалованы природой», написано, ей посвященное, «Увы, язык любви болтливой» и «Снова тучи надо мною», связанное с нею; на предыдущем листе — анаграмма ее имени (см. стр. 314—315). Первое, что Пушкин называет

[1] одой *в 4 стихе, и* Москва — *в 13 стихе.*

в петербургской редакции стихотворения «Вы избалованы природой» среди особенных очарований девушки — это «взоры — сердцу жалы», и «ножки очень малы», и то и другое — атрибуты большинства его стихотворений, обращенных к Олениной. Думаю, что я не впаду в ошибку, сказав, что в апреле — мае 1828 г. Пушкиным было написано стихотворение «Вы избалованы природой», обращенное к А. А. Олениной, и в начале января 1829 г. в Москве (где Пушкин был с 6 декабря 1828 г.) он на основе этого стихотворения написал другое, применительно к Елизавете Николаевне Ушаковой.

Такой возврат к оставленному стихотворению (первого, обращенного к Олениной, она, может быть, и не видала) у Пушкина не единственный. Менее определенная, но похожая история была и со стихотворением «Зачем безвременную скуку».

Случаи записей в альбомы Пушкиным разным женщинам одних и тех же стихов также известны: Е. Н. Вульф, затем Е. А. Ладыженской вписаны «Если жизнь тебя обманет», М. Шимановской и П. А. Бартеневой — «Из наслаждений жизни».

12.

А. Е. Шиповой

Муза.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила.
Она внимала мнѣ съ улыбкой — и слегка,
По звонкимъ скважинамъ пустова тростника,
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные Богами,
И пѣсни мирныя Фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера въ нѣмой тѣни дубовъ
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной,
И радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала.
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ.
Онъ душу наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским в *ПС* XI, 80 и 81, с приложением факсимиле, между стр. 80 и 81. Подлинник, писанный на л. 30 аль-

бома А. Е. Шиповой, хранится в *ИРЛИ* (№ 199), куда передан А. М. Пешковым (М. Горьким). Текст этой записи такой же, как и предыдущий (№ 10); кроме 7 стиха, который здесь такой же, как в «Стихотворениях» 1829 г.

Анна Евграфовна *Шипова* (30 марта 1806—3 марта 1872), рожд. гр. Комаровская, жена (с 1828 г.) генерал-адъютанта Сергея Павловича Шипова (1789—1876), встречалась с Пушкиным, вероятно, в 1827—1830 гг. в великосветском обществе Петербурга или Москвы. В одну из таких встреч поэт и вписал ей в альбом, по ее просьбе, любимые им стихи. Произошло это, повидимому, около 1828 г., когда она вышла замуж и когда Пушкин вписал эти же стихи в альбом Н. Д. Иванчин-Писарева (см. стр. 649—650). Она была знакома также с рядом писателей — В. А. Жуковским, М. Н. Загоскиным, Ф. Н. Глинкою и др., автографы которых сохранились в том же альбоме (см. названную статью Б. Л. Модзалевского)

Поэт знаком был также с ее братом, гр. Егором Евграфовичем Комаровским, о встрече с которым в 1831 г. сохранилось известие по записи П. И. Бартенева (см. *РА* 1879, I, 385; ср. «XIX век», I, 386).

Портреты ее и ее мужа, исполненные акварелью П. Соколовым, хранятся в *ИРЛИ*.

13.

К. А. Собаньской

Что въ имени тебѣ моемъ?
Оно умретъ, какъ шумъ печальной
Волны плеснувшей въ берегъ дальной,
Какъ звукъ ночной въ лѣсу глухомъ.
Оно на памятномъ листкѣ
Оставитъ мертвый слѣдъ, подобной
Узору надписи надгробной
На непонятномъ языкѣ.
Что въ немъ? Забытое давно
Въ волненьяхъ новыхъ и мятежныхъ,
Твоей душѣ не дастъ оно
Воспоминанiй мирныхъ, нѣжныхъ.
Но... въ день печали, въ тишинѣ
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мнѣ,
Есть въ мiрѣ сердце гдѣ живу я.....

5 Янв. 1830. С.П.Б.

Напечатано впервые В. М. Базилевичем в № 16—18 «Литературного Наследства» по автографу, хранящемуся в альбоме К. Собаньской в Киеве (л. 41). На листке с записью Пушкина имеется надпись Собаньской: «par Alexandre Pouchkine à qui je demandois d'écrire son nom sur une page de mon livre de Souvenir. 5 Janvier 1830 à Pétersbourg» («Пушкина, которого я просила написать свое имя на странице моего альбома. 5 января 1830 в Петербурге»). См. факсимиле, там же, стр. 877.

О Каролине (Розалии) Адамовне Собаньской (род. ок. 1794—17 июля 1885 г.) рожд. гр. Ржевуской, и об отношениях ее с Пушкиным см. в названной работе В. М. Базилевича, а также в *ОП*, III, стр. 84—86, в статье Н. О. Лернера в «Русском Библиофиле» 1911 г. № 5, стр. 60—62; «Известия по русск. яз. и слов. Академии Наук СССР, 1928 г., т. I, кн. 1» стр. 321—322 (в статье М. П. Алексеева), в *ПС*, XXXI—XXXII, стр. 95, где указана вся литература, и стр. 179—208 настоящей книги.

14.

Ю. Н. Бартеневу

Сонетъ

Не множествомъ картинъ безсмертныхъ
мастеровъ
Украсить я давно желалъ мою обитель
Чтобъ суевѣрно имъ дивился посѣтитель
Внимая важному сужденію знатоковъ
Въ простомъ углу моемъ средь медленныхъ
трудовъ
Одной картины я желалъ быть вѣчно
зритель,
Одной — чтобъ на меня съ холста
Какъ съ облаковъ
Пречистая и съ ней играющій Спаситель
Она съ величіемъ онъ съ Разумомъ въ очахъ
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ
Одни, безъ Ангеловъ, подъ пальмою
[въ] Сіона[1]
Желанія мои свершилися: Творецъ

---

[1] а *переделано из* ѣ.

Тебя мнѣ ниспослалъ, тебя, моя Мадона
Чистѣйшей прелести, чистѣйшій
образецъ.
А. Пушкинъ

30 августа 1830
Москва
въ память любезному
Юрію Никитичу Барте-
ніеву.[1]

Публикуется по автографу Пушкина в альбоме Ю. Н. Бартенева, хранящемся в *ИРЛИ* (№ 177). Текст писан на лл. 186 и 186 об. названного альбома, на бумаге без водяного знака.

Впервые напечатан П. И. Бартеневым в *РА* 1863, столб. 862—863, с таким предисловием: «Начинаем наши библиографические заметки стихотворением Пушкина *Мадонна,* которое нам дозволил выписать из своего альбома известный и достоуважаемый ревнитель просвещения *Юрий Никитич Бартенев...* Пушкин только что перед тем (8 июля 1830 г.) сочинил эти стихи, имевшие отношение к тогдашним обстоятельствам его жизни. Не было ничего приличнее, как поместить их в записную книжку любителя изящного, и в то же время человека, с любовью преданного религиозному созерцанию. Потом Пушкин отдал их напечатать в Альманах *Сиротка,* изданный в 1831 г. в Москве в пользу призрения бедных сирот.

Так в самых мелких подробностях просвечивает тонкое нравственное чувство великого поэта». Б. Л. Модзалевский об этом автографе написал специальную заметку под заглавием: «Автограф «Мадонны» в альбоме Ю. Н. Бартенева» (*ПС* XV, 21—26), в которой указал на разночтения текста записи с известным, напечатанным самим Пушкиным и в других изданиях. Описание всего альбома Бартенева, в котором находится неизвестно кем сделанные французские переводы двух стихотворений Пушкина — «Русалка» и «Талисман», — дано Б. Л. Модзалевским в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук» 1910 г., т. XV, кн. 4, стр. 212 и др.

Юрий Никитич *Бартенев* (16 февраля 1792—27 ноября 1866) — с 1819 по 1833 г. состоял директором училищ Костромской губернии, а затем с 1836 г. по 1844 г. служил в почтовом департаменте при главноначальствующем кн. А. Н. Голицыне и был одним из приближенных к нему людей, широко интересуясь религиозно-философской и мистической литературой. Склонность к религиозному мистицизму развилась у Бартенева еще в

[1] і *зачеркнуто вдоль одной чертой.*

молодости, когда он был близок с известным А. Ф. Лабзиным и членом его ложи «Умирающий Сфинкс». Влияние Лабзина укрепилось еще более после женитьбы Бартенева на его племяннице и воспитаннице — Екатерине Степановне Микулиной. Ю. Н. Бартенев был близко знаком с многими писателями своего времени и сам был автором нескольких историко-литературных работ (например, о М. М. Хераскове), вел дневник и записки, которые напечатаны в *РА* 1886 и 1898 гг. (см. подробнее в биографии Бартенева в «Русском Биографическом словаре», т. II, СПб. 1900, стр. 518). С Пушкиным Ю. Н. Бартенев познакомился, вероятно, вскоре после возвращения поэта из ссылки, во время своих наездов из Костромы в Петербург или Москву. Кн. П. А. Вяземский писал Пушкину из Остафьева 18 сентября 1828 г. о Бартеневе как об «умном, образованном и великом чудаке, настоящем Квакере» (*АП* II, 76). Сохранилось известие в дневнике кн. П. А. Вяземского, что 21 августа в Москве «в одно утро собрались у него с Пушкиным: Бартенев-Костромской, Сергей ⟨Николаевич⟩ Глинка, ⟨Евграф Иванович⟩ Сибилев,[1] Нащокин, Павел Войнович» («Сочинения кн. П. А. Вяземского», IX, 139), а вскоре после этого, 30 августа, Пушкин записал в альбом Бартенева печатаемый нами текст «Мадонны». Самый факт записи и то, что Пушкин называет Бартенева «любезный», свидетельствует о том расположении, которое питал он к Бартеневу. Через день, то есть 1 сентября, Пушкин выехал в Нижегородскую губернию (*ПС* XV, 22). «Несмотря на дорожные сборы, — говорит Б. Л. Модзалевский,— и неразрывную с ними суету, он успел, однако, зайти накануне отъезда к Ю. Н. Бартеневу и вручить ему его альбом со своею записью» (ibid., 22—23). Бартенев, в свою очередь, подарил Пушкину на память небольшую книжку, сохраняющуюся и по сие время в его библиотеке: «Pensées de Jean-Paul, extraites de tous ses Ouvrages; par le traducteur des Suédois à Prague». Paris MDCCCXXIX», 12°, 198, стр. На шмуц-титуле Бартенев сделал следующую надпись: «Знаменитому Пушкину, и Пушкину любимому на память от Бартенева. 1830 года 31 августа. *Москва*» (см. *ПС* IX—X, 259).

К сожалению, нам больше ничего не известно о сношениях Бартенева и Пушкина. После смерти последнего Бартенев живо интересовался всем, что относилось к памяти Пушкина. Так, 30 декабря 1837 г. он заносит в свой дневник не лишенную интереса беседу свою с кн. А. Н. Голицыным по поводу «Гавриилиады» и о поведении в деле о ней Пушкина (*РА* 1886, II, 327). В 1843 г., во время пребывания в Крыму, Бартенев записывает в свой дневник рассказ доктора Ланга о Пушкине и о создании им «Бахчисарайского фонтана» (*РА* 1899, II, 576, запись 15 июля). Сохранилось указание на то, что однажды (в Крыму, в 1842 г.) он видел во сне Пушкина и, проснувшись, «стал горячо молиться об упокоении души его» (*РА* 1898, II, 79).

---

[1] О нем см. *П* II, 387—388.

15.

А. О. Смирновой

Историческія записки
А. О. С***

Въ тревогѣ пестрой и безплодной
Большаго свѣта и двора,
Я сохранила взглядъ холодной,
Простое сердце, умъ свободной,
И правды пламень благородной
И какъ дитя была добра,
Смѣялась надъ толпою вздорной,
Судила здраво и свѣтло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо на бѣло.
18 марта
1832

Публикуется полностью впервые, по автографу, находящемуся в альбоме, подаренном Пушкиным А. О. Смирновой (л. 1) и хранящемся теперь в *ИРЛИ* (№ 427). Подлинник писан на листе альбомной бумаги с водяным знаком: «J. Whatman Turkey Mill 1824». См. описание альбома у Б. Л. Модзалевского в *ПС*, XII, 24—25, а также Modeste Hofmann «Le Musée Pouchkine d'Alexandre Onéguine à Paris», 1926, pp. 30—31. Текст этого известного стихотворения Пушкина впервые напечатан в «Отечественных Записках» 1840, т. XII, отд. III, стр. 229, под заглавием: «В альбом» (см. *В* VI, 426). Вероятно, по автографу, но с произвольным заглавием: «В альбом А. О. Россетти», и с неверной датой: «16 марта 1832», напечатано в *РС* 1891, № 2, стр. 502, откуда оно вошло в издание сочинений поэта. Указанные ошибки исправлены после описания Б. Л. Модзалевского в *ПС*, XII, 24—25.

Александра Осиповна *Смирнова* (6 марта 1809—7 июня 1882), рожд. Россет, — фрейлина императрицы Александры Федоровны, друг Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, кн. П. А. Вяземского, П. А. Плетнева и других писателей; в январе 1832 г. вышла замуж за Николая Михайловича Смирнова (14 мая 1808 — 4 марта 1870). В своих подлинных воспоминаниях А. О. Смирнова пишет: «В 1832 году Александр Сергеевич приходил всякий день почти ко мне, также и в день рождения моего принес мне альбом и сказал: «Вы так хорошо рассказываете, что должны

писать свои записки»,— и на первом месте написал стихи: «В тревоге пестрой и бесплодной» и пр.» (см. А. О. Смирнова, «Записки, дневник, воспоминания, письма», со статьями и примечаниями Л. В. Крестовой, под ред. М. А. Цявловского, М. 1929, стр. 309). В своей автобиографии А. О. Смирнова замечает: «Я знаю, что я хорошо рассказываю. Жуковский, Пушкин, Тургенев Ал. всегда просили меня рассказывать», а в другом месте она пишет: «У меня есть альбом, который в день моего рождения мне подарила Сонюшка Карамзина, а Пушкин пришел и сказал, что я должна писать свои мемуары... Этот альбом навел Пушкина на мысль написать стихи, которые мне создали репутацию злого существа» (см. А. О. Смирнова-Россет, «Автобиография (Неизданные материалы)», подготовила к печати Л. В. Крестова, с предисловием Д. Д. Благого, М. 1931, стр. 128 и 207). Этот альбом Смирнова показывала Н. Д. Киселеву; в автобиографии приведены полностью стихи Пушкина, со следующим пояснением Смирновой: «Из этого заключили, что я писала свои воспоминания. Между тем, ранее того, что я вам ⟨то есть Н. Д. Киселеву⟩ диктовала, я никогда не написала ни строчки» (ibid., 213). Из приведенных выдержек неясно, кто подарил Смирновой альбом: С. Н. Карамзина или Пушкин. Выяснить окончательно этот вопрос помогает надпись Смирновой, сделанная ею наверху с правой стороны листа с автографом поэта: «Cet Album m'a été donné par Pouschine en 1832 avec les vers qu'il a écrit chez moi» («Этот альбом дан был мне Пушкиным в 1832 г. со стихами, которые он написал у меня»).

Известно, что Смирнова не последовала совету Пушкина и в этом альбоме не начала писать своих записок; она превратила тетрадь, предназначенную для «Исторических записок», в альбом стихотворений, куда вписали свои автографы П. А. Плетнев, М. Ю. Лермонтов, гр. Е. П. Ростопчина и др.

Отношения А. О. Смирновой и Пушкина детально разработаны в названных выше работах Л. В. Крестовой. См. еще *ДП* и *ДМ* (по указателям, где указана библиография).

16.

Кн. А. Д. Абамелек

Когда то (помню съ умиленьемъ)
Я смѣлъ Васъ нянчить съ восхищеньемъ,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвѣли — съ благоговѣньемъ
Вамъ нынѣ поклоняюсь я
За Вами сердцемъ и глазами

*

Съ невольнымъ трепетомъ ношусь
И Вашей славою и Вами,
Какъ нянька старая, горжусь.
9 Апрѣля
1832

Впервые по этому автографу напечатано в «Столице и Усадьбе» от 1 ноября 1915 г., № 45, стр. 7, но без даты. Подлинник вместе с альбомом А. Д. Боратынской хранится в *ИРЛИ* (№ 395). Автограф находится на л. 19 об. этого альбома, причем он был из него кем-то вырезан, а затем вновь помещен на прежнее место. Под стихами неизвестною рукою сделана подпись: «А. Пушкинъ», с росчерком.

Княжна Анна Давыдовна *Абамелек* (3 апреля 1814—13 февраля 1889) — дочь кн. Давыда Семеновича и Марфы Иоакимовны, рожд. Лазаревой, с 1832 г. была фрейлиной, а в 1835 г. вышла замуж за Ираклия Абрамовича Боратынского (1802—1859), брата Е. А. Боратынского. По свидетельству современников, она отличалась своеобразной красотой восточного типа, что, между прочим, хорошо видно по ее акварельному портрету работы А. П. Брюллова, воспроизведенному на обложке названного номера «Столицы и Усадьбы»; вариант этого портрета воспроизведен в «Старых Годах» (1910, июль — сентябрь). Ей посвящали свои стихи поэты И. И. Козлов («Собрание стихотворений Ив. Козлова», СПб. 1834, II, 273), кн. П. А. Вяземский («Сочинения кн. П. А. Вяземского», IV, 176 и XII, 479—480), И. П. Мятлев («Татевский сборник С. А. Рачинского», СПб. 1899, стр. 63—64). А. Д. Боратынская известна как переводчица русских поэтов на иностранные языки; она перевела на французский язык стихотворения И. И. Козлова и Пушкина, и на английский — Пушкина, Тютчева, Лермонтова, Некрасова, А. Толстого, Апухтина и др. Подробнее о ней, а также о ее муже см. в *В* VI, 430—431, и в книге Ю. Н. Верховского «Е. А. Боратынский. Материалы к его биографии. Из Татевского архива Рачинских», П. 1916, стр. 57—58 и др., где указана библиография. Список литературных работ А. Д. Боратынской см. у Д. Д. Языкова «Обзор жизни и трудов покойных русских писателей», вып. IX, М. 1905, 5—6. См. также R. I. Ermerin «Annuaire de la noblesse de Russie... second année», St.-P. 1892, pp. 10—13.

Кроме факта занесения в альбом Боратынской комментируемых стихов, о знакомстве с ней Пушкина нигде более нет никаких сведений, хотя по смыслу стихов поэта можно думать, что он знал ее еще до 1820 г., то есть до своей ссылки на юг. Ср. в статье И. П. Хрущова «Одна из воспетых Пушкиным», Харьков, 1900.

Текст стихов напечатан впервые в «Отечественных Записках» 1840, т. VIII, отд. III, стр. 1.

17.

Гр. Е. М. Завадовской

Все въ ней гармонія, все диво,
Все вышѣ міра и страстей:
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей,
Она вокругъ себя взираетъ
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Въ ея сіяньи изчезаетъ
Красавицъ нашихъ гордый кругъ...
Куда бы ты не поспѣшалъ,
Хоть на послѣднее свиданье;
Какое бъ въ сердцѣ не питалъ
Ты сокровенное мечтанье.
Но встрѣтясь съ ней, въ смущеньи ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

АП

Запись впервые опубликована М. А. Цявловским в «Московском Пушкинисте» II, М. 1930, стр. 164 (и факсимиле, между стр. 168 и 169). Автограф писан на листе альбомной бумаги белого цвета, без водяного знака, размером 17,5 × 21 см., с золотым обрезом с трех сторон. Лист был вырезан из альбома гр. Елены Михайловны *Завадовской* (2 декабря 1807—22 марта 1884), рожд. Влодек. Подробные сведения о ней, а также о самом стихотворении см. в названной статье М. А. Цявловского, стр. 163—181, где указана библиография, а также в «Литературном Наследстве», № 16 — 18, стр. 558—562.

18.

П. А. Бартеневой

Изъ наслажденій жизни
Одной любви музыка уступаетъ
Но и любовь Гармонія

А. Пушкинъ. 5 Окт. 1832.

Печатается по автографу, хранящемуся в *ЦЛМ*. Стихи вписаны в альбом «Pauline Barténieff» (л. 18) и являются словами «Первого гостя» в доме Лауры из второй сцены «Каменного гостя». От текста «Каменного гостя» и записи в альбоме М. Шимановской (см. выше, стр. 647) текст отличается только в последнем слове: вместо «мелодия» — «гармония». В дате цифра «5» переделана из «3».

Опубликовано впервые в каталоге Пушкинской выставки в Праге («Výstava «Puškin a jeho doba», Puškiniana Katalog dila Puškinova a Prací o nĕm» V Praze, 1932, стр. 12), а затем в заметке Г. Лозинского «Романтический альбом П. А. Бартеневой» во «Временнике общества друзей русской книги», III, Париж, 1932, стр. 93—106, с приложением факсимиле на стр. 106. В этом же альбоме имеется текст Пушкина: «Нет, нет: не должен я, не смею, не могу...» с датой: «Москва 5 Окт.». Но, во-первых, листок этот вклеен в альбом, и стихи эти не вписаны в альбом специально для П. А. Бартеневой (см. описание выставки в Праге, назв. соч., стр. 11—12, а также статью Н. С. Ашукина «Новые автографы Пушкина» в «Звеньях», № 2, стр. 221—224). Главное же, что этот «автограф» Пушкина при рассмотрении его нами в Москве оказался списком неизвестной руки (ср. факсимиле при заметке Г. Лозинского).

Прасковья Арсеньевна *Бартенева* (13 ноября 1811—24 января 1872) — дочь Арсения Ивановича (1780—1861) и жены его Феодосии Ивановны, рожд. Бутурлиной (1790—1835), была камер-фрейлиной императрицы Александры Федоровны и обладала выдающимся голосом, которым владела в совершенстве, исполняя вокальные партии на великосветских вечерах и концертах, преимущественно в Москве, где ее несомненно встречал и слышал ее пение Пушкин. О ее голосе сохранилось множество отзывов современников. А. Я. Булгаков называл ее «московским соловьем» (*РА* 1902, I, 126, 142, 145, 601, 621), а кн. П. А. Вяземский — «московским соловьем-разбойником» (*РА* 1879, 256). Ей посвящали стихи И. И. Козлов («Когда ты нежностью своей»), гр. Е. П. Ростопчина (см. «Сочинения», т. I, СПб. 1890, стр. 10—11, 15—16, и «Стихотворения» т. I, СПб, 1841, стр. 41, 57—58, 85—86; ср. *РА* 1892, II, 176), И. П. Мятлев (см. *РА* 1889, III, 412—413) и др. Она была постоянной участницей концертов гр. Д. Н. Шереметева (*РС* 1886, № 3, стр. 665 и 667), выступала в доме гр. М. Ю. Виельгорского, на концертах Патриотического Общества, у К. Я. Булгакова (см. *РА* 1904, I, 562, 565, 566, 569 и 576, и 1879, II, 255), бывала у В. А. Жуковского и И. И. Козлова (см. *РА* 1886, I, стр. 181, 182), была дружна с М. И. Глинкою и оказывала ему содействие в его музыкальной карьере при дворе (см. М. И. Глинка, «Записки», под ред. А. Н. Римского-Корсакова, Л. 1930, стр. 148, 165, 214, 222, 347, 471 и *РА* 1869, столб. 363, 374, 375). Успех ее был единодушен. О ней, как об одной из первых певиц, говорит в своих воспоминаниях и гр. М. Д. Бутурлин (*РА* 1897, II, 178). Сравнивая ее с другой первоклассной певицей, Елизаветой Алексеевной Окуловой, он, однако, давал предпочтение последней, говоря, что у Барте-

невой «голос был пространнее, может быть, серебристо-звучнее; но в пении ее не было увлекательности и выражения страсти, чем вдохновлялись природный голос и метод Е. А. Окуловой» (*РА* 1897, II, 549; ср. там же, 551). О самой Бартеневой и ее семье см. в «Воспоминаниях о былом Е. А. Сабанеевой», под ред. Б. Л. Модзалевского, СПб. 1914, стр. 99—103; у бар. Елизаветы Менгден «Из дневника внучки» в *РС* 1883, № 8, стр. 416 и 1913, № 1, стр. 112—113. Пушкин о голосе Бартеневой не высказывался, но голосом ее и объясняется характер выбранной им для ее альбома цитаты из «Каменного гостя» (ср. в статье Н. С. Ашукина, «Новые автографы Пушкина» в «Звеньях» № 2, стр. 223—224, где перепечатана запись Пушкина в альбом П. А. Бартеневой). 5 Октября 1832 г. и Пушкин и Бартенева были в Москве, и здесь-то поэт и вписал комментируемую нами запись.

19.

Е. А. Ладыженской

Если жизнь тебя обманетъ
Не печалься не сердись:
Въ день уныпія смирись,
День веселья, вѣрь, настанетъ.. —

А. Пушкинъ
7 апрѣля 1835. П. Б.

Публикуется по автографу, находящемуся в альбоме Е. А. Ладыженской, принадлежащем Г. М. Ладыженскому в Ленинграде. Подлинник писан на одном из листов альбома на бумаге большого альбомного формата без водяного знака. Впервые напечатано Л. Б. Модзалевским в «Звеньях», № 1, 1931 г., стр. 52, где дан и исчерпывающий комментарий; там же воспроизведено и факсимиле.

Елизавета Александровна *Ладыженская,* рожд. Сушкова (1815—1883) — родная сестра Екатерины Александровны Сушковой, по мужу Хвостовой, сыгравшей значительную роль в жизни М. Ю. Лермонтова, и двоюродная сестра писательницы Е. А. Ган и поэтессы гр. Е. П. Ростопчиной. 18 сентября 1835 г. вышла замуж за псковского помещика, поручика гвардии в отставке, бывшего в 1838—1840 гг. островским и в 1847—1849 гг. порховским уездным предводителем дворянства, Евграфа Семеновича Ладыженского (род. в 1802 г.). 7 апреля 1835 г. был первый день Пасхи, день традиционных визитов; во время такого визита Пушкину, очевидно, и был вручен этот альбом стихов. В день смерти Пушкина Е. А. Ладыженская написала на листе альбома с автографом Пушкина: «mort le 29 Janvier». Пушкин вписал ей первую строфу своего известного стихотворения, обращенного к Евпраксии Николаевне Вульф, потом бар. Вревской, и относящегося к 1825 г. (см. стр. 645).

20.

Ан. Н. Вульф

Простите, сѣни!
Гдѣ дни мои текли въ глуши,
Исполнены страстей и лѣни
И сновъ задумчивой души....
How seldom, friend, a good
great man obtain
&c
2 oct. 1835
Trigorsk

Эта запись Пушкина в альбоме Анны Николаевны Вульф (на л. 59) хранится в *ИРЛИ* (№ 51). Запись в альбоме сделана во время предпоследнего приезда поэта в Михайловское и Тригорское, где он провел почти весь сентябрь и первую половину октября 1835 г.

Впервые опубликована М. Л. Гофманом в его статье «Из Пушкинских мест» в *ПС* XIX—XX, 99 (с неправильным указанием на то, что запись сделана в альбом бар. Е. Н. Вревской); факсимиле записи дано в издании *ВПД* 1914, стр. 9. Нами печатается по автографу.

Русские стихи являются отрывком из XLVI строфы шестой главы «Евгения Онегина». Английский стих найден мною у Кольриджа [1] в его книге «The Friend. A Series of Essays; the third Landing-Place» («Друг. Ряд опытов; третье место высадки») (издано впервые в 1809—1810 гг.; по изд. 1910 г., стр. 348), где среди прозаического текста имеется довольно много стихотворных цитат из разных поэтов. Здесь приведено целиком, но без заглавия, стихотворение «Complaint» («Жалоба») 1809 г., включенное Кольриджем в его сборник «Sibylline leaves, IV», 1817 («Листы сивилл»).

Привожу первое пятистишие, в котором заключается жалоба. Остальные десять стихов содержат возражение друга.

How seldom, friend! a good great man inherits
Honour or wealth with all his worth and pains;
It sounds, like stories from the land of spirits,
If any man obtain that which he merits
Or any merit that which he obtains.

Перевод: [2]

Как редко, друг, достойный великий человек получает в награду
Почести или богатство, несмотря на все свои достоинства и труды;

[1] Этим обязаны мы И. А. Лихачеву, указавшему, что стих этот должен принадлежать Кольриджу или кому-нибудь из других лэкистов.

[2] Перевод сделан Г. О. Винокуром.

Это звучит, как сказка из страны духов,
Если кто-нибудь получает то, чего он заслуживает,
Или кто-нибудь заслуживает того, что он получил.

Описка Пушкина («obtain» вместо «inherits») в написании первого стиха легко объяснима. Записал он его, вероятно, по памяти и смешал со стихом седьмым, который звучит так:

What would'st thou have a good great man obtain?
(Что бы ты хотел, чтобы достойный великий человек получил?)

Таким образом, по этой записи в альбом Анне Николаевне Вульф в 1835 г. мы можем судить о чувстве, которое испытывал в это время Пушкин, — чувстве разочарования и обиды за несоответствие его всеобщего признания постоянному безденежью. Судя по сокращенной форме записи, Анна Николаевна знала это стихотворение. О том, что она владела английским языком, свидетельствует ее приписка на этом языке в письме Пушкина к брату его Льву Сергеевичу (от 14 марта 1825 г.).

Только теперь, в свете этих стихов Кольриджа, становятся понятными и обоснованными строчки, найденные в рукописях Пушкина (листок, вшитый в составленную жандармами тетрадь № 2387Б) и опубликованые впервые в *ГП* II, 277:

За все заботы и досады
Берет достойные награды
Или достоин сих наград.

Стихи эти извлекаются из чрезвычайно запутанного черновика, который, как теперь оказывается, представляет собой попытку перевода начала стихотворения Кольриджа «Жалоба». Этот черновик по своему виду, несомненно, первая стадия этой работы.

Вот его полная транскрипция:[1]

Стяжаетъ онъ стоитъ
[Получитъ] * то чего [достоинъ]
[то то] что получилъ
Иль стоитъ [*нрзбр*] [того] [стяжалъ]

въ какой то вѣкъ
[И то] [какъ]
[мзду онъ] всякій
Какъ рѣдко [плату получаетъ] (и то дивиться радъ!)
[В. д. чел.]
заботы Бер<?>[2]
За всѣ [труды] и досады

---

[1] Транскрипция эта и сводка из нее сделаны С. М. Бонди и мною.
[2] *Ниже оторвано.*

въ кой то вѣкъ
[Какъ рѣдком] [онъ]
берѣтъ достоную[1] наградъ[2]
Или достоинъ сихъ наградъ
И то [за благо]
[За] какъ сказку *нрзбр*
[въ —]

Из этой транскрипции можно извлечь несколько отдельных фрагментов:

I

Получит то чего он стоит
Иль стоит то, что получил

II

Как редко [плату получает]
[В⟨еликий⟩ д⟨обрый⟩ чел⟨овек⟩]
в какой то век

III

За все заботы и досады
(И то дивиться всякий рад)[3]
Берет достойную награду
Или достоин сих наград

Как видим, здесь имеются расчлененные элементы перевода всех строк стихотворения. Но почему-то Пушкин не привел их в связь (если только на оторванной части листка не было целого перевода), почему и мы не решаемся как-нибудь комбинировать эти три фрагмента.

III. ЗАПИСИ СТИХОТВОРЕНИЙ ДРУГИХ ПОЭТОВ

1.

Ан. Н. Вульф

Не говори: любовь пройдетъ
О томъ забыть твой другъ желаетъ,
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ
Ей въ жертву сердце отдаетъ
Дельвигъ

[1] *то есть* достойную.
[2] *то есть* награду.
[3] *Этот стих, повидимому, должен был быть замененным не до конца прочитанным стихом:* И то как сказку *нрзбр.*

Печатается по автографу Пушкина на л. 20 альбома Анны Николаевны Вульф, хранящегося в *ИРЛИ* (№ 51). Запись Пушкина относится к 1824 г., ко времени пребывания поэта в Михайловском, и представляет собою первые четыре строки стихотворения бар. А. А. Дельвига «Романс», впервые опубликованного в «Полярной звезде на 1824 г.», стр. 315, где стих второй читается: «Того не знать твой друг желает» (см. также А. А. Дельвиг. «Полное собрание стихотворений», под ред. Б. В. Томашевского, Л. 1934, стр. 184).

Впервые опубликована М. Л. Гофманом в его статье «Из Пушкинских мест» в *ПС* XIX—XX, 99 прим., с неправильным указанием о принадлежности альбома бар. Евпраксии Николаевне Вревской. Слова «Увы на», приведенные Гофманом, написаны не Пушкиным.

2.

Д. А. Остафьеву

(Послѣдніе стихи Державина.)
Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей;
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры иль трубы
То Вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.....
1830 Ноября 26
Болдино

Печатается впервые по фотографии, любезно предоставленной Б. А. Садовским с автографа, бывшего в альбоме Д. А. Остафьева. Факсимильно воспроизведено в «Литературном Наследстве», № 9—10, стр. 385. Самый альбом ныне неизвестно где находится. Описание его см. в статье Б. А. Садовского «Новый автограф Пушкина. Находка в старинном альбоме» в «Лукоморье» 18 апреля 1915 г., № 16, стр. 10—12 (ср. также «Литературный Вестник» 1902, т. III, кн. 2, стр. 251).

Дмитрий Алексеевич *Остафьев* (1778 — 16 июня 1846) — подпоручик, участник кампаний 1812, 1813, 1814 и 1815 гг., вместе с русской армией был в Париже; помещик села Инкина, Княгининского уезда, Нижегородской губ., отстоявшего от Болдина на 50—55 верст; его сестра Наталия Алексеевна была замужем за Петром Алексеевичем Новосильцовым, владельцем с. Апраксина: с ними поэт был также лично знаком (см. «Разго-

воры Пушкина», собрали С. Я. Гессен и Л. Б. Модзалевский, М. 1929, стр. 153—155). (о Д. А. Остафьеве см. в названной выше статье Б. А. Садовского и в изд. R. I. Ermerin «Annuaire de la noblesse de Russie», seconde année, S.-Pt. 1892, p. 397). Надо думать, что Пушкин вписал в альбом Остафьева стихи Державина, когда Остафьев посетил Пушкина в Болдине как сосед и почитатель его таланта. Таких случаев посещения соседей и записи в их альбомы у Пушкина, вероятно, было немало, но судить о характере пушкинских записей в подобные «соседские» альбомы мы можем только по одной этой записи, и то дошедшей до нас лишь в фотографии.

Стихотворение Державина впервые напечатано в *СО* 1816, ч. 31, № XXX, стр. 175, под заглавием «Последние стихи Державина»; под этим же заглавием вошло оно во все собрания его сочинений. Державин писал эти стихи перед своей смертью, на аспидной доске, которая хранится в *ПБЛ* (см. *СО* 1817, ч. 34, № II, стр. 67). Подробнее см. в «Сочинениях Г. Р. Державина», с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. III, СПб. 1870, стр. 178—179. Пушкин вписал эти стихи, вероятно, по памяти, так как в его тексте имеются разночтения с единственным известным тогда текстом Державина: вместо державинского: «Река времен в своем стремленьи», у Пушкина: «теченьи» и вместо: «Чрез звуки лиры и трубы», у Пушкина «Чрез звуки лиры иль трубы».

III

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

В настоящем отделе собраны подписи Пушкина к своим и чужим рисункам, сделанные им для других.

Известно, что Пушкин много рисовал для других — и в альбомы и отдельные рисунки. Так, Колосова вспоминает в своих записках, что Пушкин «исписал несколько страниц ⟨ее альбома⟩ очень милыми стихами, и что-то нарисовал», и еще: «Но стихами и рисунками в моем альбоме Пушкин не ограничился. Он имел терпение скопировать все росчерки и наброски пером на бумажной обложке [1] переплета: подлинную взял себе, а копиею подменил ее и так искусно, что мы с графинею [2] долгое время не замечали этого «подлога». Относится это к 1818 г. Колосова признается: «Грустно мне каяться в моем вандализме: впоследствии я затеряла этот альбом, не придавая ни стихам, ни рисункам Пушкина никакого значения!». [3]

Пущин рассказывает, вспоминая те же годы ранней петербургской жизни Пушкина (1817—1820): «Между нами было и не без шалостей. Случалось, зайдет он ко мне. Вместо «здравствуй», я его спрашиваю: «От нее ко мне, или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать.

В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика — прелесть полька!

На прочее завеса! [4]

Возвратясь однажды с ученья, я нахожу на письменном столе развернутый большой лист бумаги. На этом листе нарисована пером знакомая мне комната, трюмо, две кушетки. На одной из кушеток сидит развалившись претолстая женщина, почти портрет безобразной тетки [5] нашей Анжелики. У ног ее — Стрикс, маленькая несносная собачонка.

Подписано: «От нее ко мне, или от меня к ней?».

Не нужно было спрашивать, кто приходил. Кроме того я понял, что этот раз Пушкин и ее не застал.

---

[1] Сделанной самой Колосовой и ее подругами.

[2] Гр. Е. М. Ивелич.

[3] П. А. Каратыгин, «Записки», изд. «Academia», Л. 1930, II, 275.

[4] Стих Пушкина. *Прим. Пущина.*

[5] Не ее ли изобразил Пушкин в тетради № 2369, л. 36? Воспроизведено у $Э^1$ 89 и $Э^2$ 173.

Очень жаль, что этот смело набросанный очерк в разгроме 1825 года не уцелел, как некоторые другие мелочи. Он стоил того, чтобы его литографировать». [1]

В письме к неизвестным дамам из Одессы в Кишинев (от конца 1823 г.) Пушкин говорит: «Hélas, aimable Maiguine, loin de vous tout malaise, tout maussade ⟨?⟩ [toutes]mes facultés s'anéantissent, j'ai perdu jusqu'au talent des carricatures, quoique la famille des Pr. Mourouzi soit si bien digne de m'en inspirer [des plus grotesques]». [2] Перечисляя удовольствия, предстоящие этим веселым женщинам в Одессе, Пушкин между прочим пишет: «je vous dessinerai M-de de *нрзбр* dans les [trente] 38 postures de l'Aretin». [3]

Все эти и, конечно, очень многие подобные рисунки пропали бесследно. Главное, что нам осталось от рисунков для других, это ушаковский альбом, [4] щедро изрисованный Пушкиным. Это — альбом, принадлежавший младшей сестре, Елизавете Николаевне Ушаковой. Альбом же старшей сестры, Екатерины Николаевны (см. стр. 714—715), был уничтожен вместе со всеми подарками Пушкина ревнивым мужем Екатерины Николаевны — Дм. Мих. Наумовым. Сохранилось еще 8 листков [5] из утраченного альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой, где имеется большая композиция Пушкина, называемая «Будущее семейное счастье Елизаветы Николаевны». Ни этот рисунок, ни автопортрет Пушкина в записной книжке [6] Николая Дмитриевича Киселева мы не воспроизводим, так как они не имеют при себе никакого текста Пушкина.

Помещаем еще в этом отделе интересную надпись к автопортрету, подаренному Пушкиным неизвестному лицу.

Как сразу бросается в глаза, надписи Пушкина к рисункам для других не имеют ничего общего с надписями к рисункам для себя. Насколько те деловиты, серьезны и кратки, настолько эти беспечны, веселы и многословны. Пушкин этими надписями документально подтверждает многочисленные рассказы о его «резвости и ребяческой шаловливости», о том, что он «был невыразимо мил, когда задавал себе тему угощать и занимать общество». Даже рисунок Арзрума, — который как будто случайно попал в альбом барышни, а мог бы найти место наряду с домом Карамзина в записной книжке поэта, — расцвечивается тут шутливой надписью, долженствующей ослабить сухость исторического документа.

Т. Зенгер

---

[1] И. И. Пущин, «Записки о Пушкине», М. 1925, стр. 116—117.

[2] *П* I, 63. Перевод Б. Л. Модзалевского (на стр. 291): «Увы, любезная Майгин, вдали от вас я совсем расстроен и угрюм [все] мои способности пропадают, я потерял даже талант к карикатурам, хотя семейство князя Мурузи и было бы достойно внушить их [самые забавные]».

[3] Там же. Перевод Б. Л. Модзалевского: «Я нарисую вам г-жу де *нрзбр* в 38 позах Аретина»

[4] № 4222 *ЛБ.*

[5] № 7018 *ЛБ.*

[6] № 7017 *ЛБ.*

I. ПОДПИСИ К СВОИМ РИСУНКАМ

1.

Трудясь надъ образомъ прелестной У
И проч И проч И проч
1 d'avril 1829

Рисунок Пушкина, изображающий Екатерину Николаевну Ушакову в рост, с приписанным началом стихов и датой, находится в *УА*, *л.* 27_3. Воспроизводился факсимильно в *Ал*², табл. 19 и в *Э*², 267 и 396—398. Текст первого стиха напечатан впервые в *КН* II, 213.

«*У*» в первом стихе надо читать: «Ушаковой» «*И проч*» — «и прочее».

«Подпись составляет начало еще одного стихотворения Пушкина, которое, однако, не сохранилось» — писал Майков со слов племянника Екатерины Николаевны Ушаковой — Н. С. Киселева (Л. Н. Майков, «Пушкин», 1899, стр. 366).

2.

Трудясь над образом

Портрет Екатерины Ушаковой en face с этой подписью. Рисунок свинцовым карандашом. Этим автографом владела племянница Екатерины Николаевны Ушаковой — Надежда Константиновна Дунин-Борковская [1] (1861—1926?), которая дважды выставляла его на пушкинских выставках: в 1880 г. (см. «Каталог Пушкинской выставки, устроенной Комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб. 1880, стр. 52) и в 1899 г. на выставке в Академии Наук. В альбоме этой выставки (см. *Ал*³, 13, № 387 и табл. 24) рисунок был воспроизведен факсимильно. Репродукция в настоящем издании сделана с этого факсимиле, где нехватает первых двух букв и конца стиха. Стих будто бы читался: «Трудясь над образом прекрасной», как свидетельствует брат покойной Н. К. Дунин-Борковской, Василий Васильевич Ушаков, утверждающий, что рисунок Пушкина всегда висел у сестры его в рамке на стене. Эта рамка могла закрывать и первые буквы и конец стиха, где, вероятно, стояла буква «У», то есть стих был, вероятно, тот же, что и на предыдущем рисунке. Всего же стихотворения и на этом автографе не было. Трудно

[1] Л. Н. Майков неправильно называет ее Шпиндлер, по фамилии ее отчима (Майков, «Пушкин», стр. 366).

допустить, чтобы покойные Б. Л. Модзалевский и Л. Н. Майков (работавшие на выставке 1899 г.) не вынули рисунка из рамки и не заметили стихов на обороте листка.

В. В. Ушаков сообщил, что рисунок был украден из квартиры Н. К. Дунин-Борковской во время ее отсутствия из Петербурга в первые годы революции.

Рисунок представляет собою редкий для Пушкина портрет en face. В лице Екатерины Николаевны подчеркнуты тяжелые веки (обращающие на себя внимание во всех портретах ее других художников), о которых Пушкин писал:

«томных глаз
Буду прелестью размучен».

Эти два портрета Екатерины Николаевны Ушаковой как будто оправдывают стих Пушкина: «Трудясь над образом прелестной Ушаковой». Пушкин, как художник, готовящийся к серьезному портрету, делает с Екатерины Николаевны зарисовки в разных видах. Рисунок en face, судя по руке, сделан с натуры.

3.

Плѣнился онъ смазливой рожей
Онъ умеръ, мы умремъ
И вы умрете тоже
+ Лаптевъ +

Рисунок могилы и весь текст надмогильной плиты воспроизводится впервые. Этот рисунок с текстом вклеен в *АУ*, л. 47.

Надпись на плите является новой пародией в большом кругу пародий Пушкина. В двух стихах он сумел блестяще подчеркнуть неуклюжие вирши эпитафии, сочетание общего места — философствования с индивидуальной характеристикой, производящей обычно неожиданно-комическое впечатление своим прозаизмом. Текст этот заслуживает места в собраниях сочинений Пушкина наряду с «нравоучительными четверостишиями», пародирующими басни Дмитриева.

Датируется он, вероятно, весной (15 марта - 1 мая) 1829 г., пребыванием Пушкина в Москве, по дороге в Арзрум.

Александр *Лаптев* — поклонник Елизаветы Николаевны Ушаковой, повидимому, старый, больной человек, знакомый Пушкина, который сохранил в своих бумагах чрезвычайно комическое письмо его к себе, где Лаптев жалуется Пушкину, что родители Елизаветы Николаевны Ушаковой отказывают им в браке. Лаптев пишет Пушкину вскоре после «Фоминой недели», то есть после 28 апреля 1829 г. — 1 мая Пушкин уже уехал из Москвы, так что, может быть, рисунок с эпитафией Лаптеву

1.

Трудясь над образом ⟨...⟩

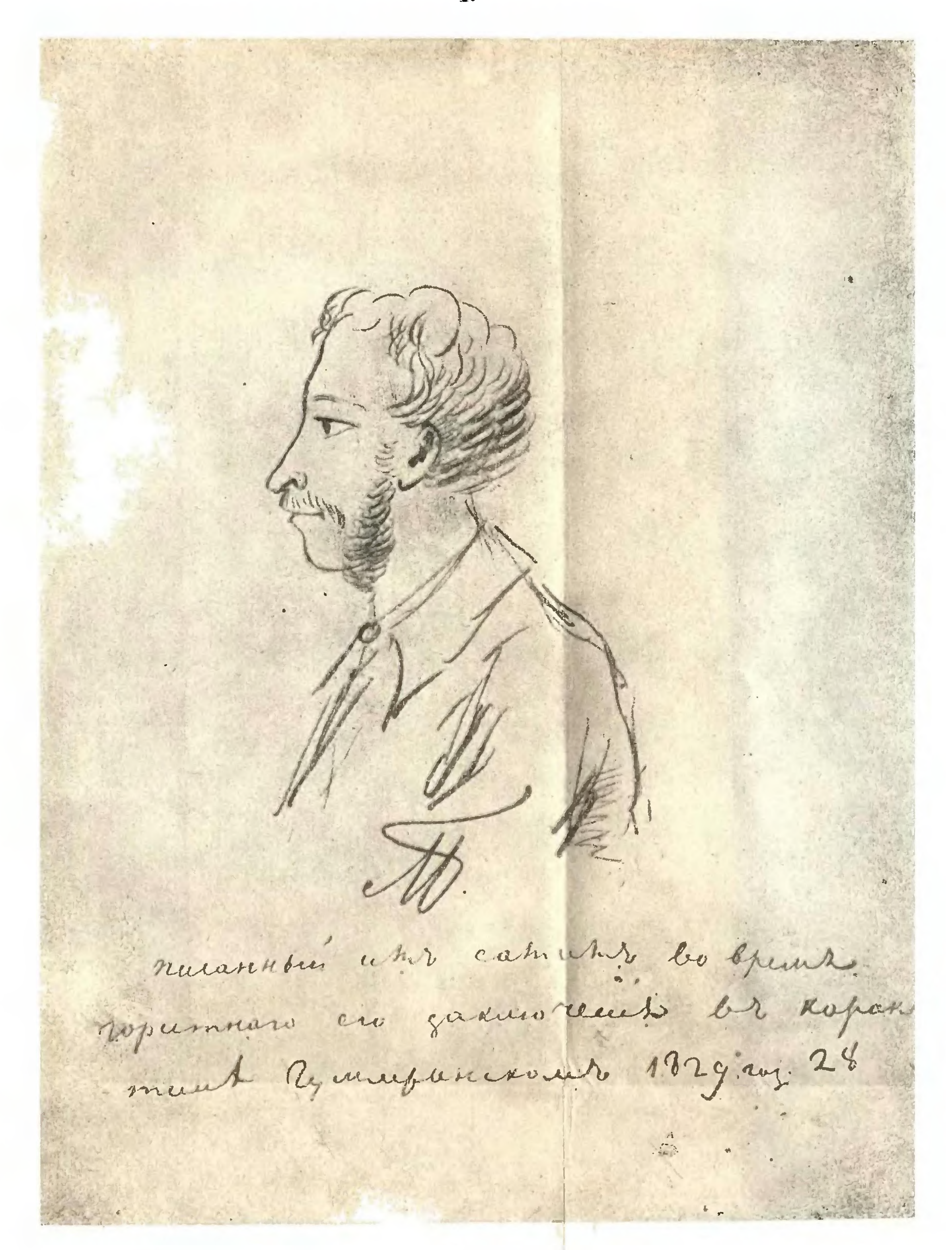
2.

Трудясь надъ образомъ

Плѣнился онъ смазливой рожей
Онъ умеръ, мы умремъ
И вы умрете тоже
+ Лаптевъ +
et son amante ne vint pas!!!

писанный имъ самимъ во время
горестнаго его заключенія въ каран
тинѣ Гумрійскомъ 1829 год. 24

АП

Арзрумъ взятый мною А. П. помощію божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27 іюня 1829 года о Р. Х.

сделан и до его письма, но во всяком случае в апреле, когда, судя по письму Лаптева, чувства его достигли высшего напряжения.

et son amante ne vint pas !!![1]

— цитата из стихотворения Мильвуа «La chute des feuilles», где он употреблен в том же применении: «Sous le chêne on creuva la tombe.. Mais son amante ne vint pas Visiter la pierre isolée».

Слова: «Ce n'est pas vrai» (это неправда) — приписаны, вероятно, Елизаветой Николаевной Ушаковой, которую, может быть, и задела шутка Пушкина, направленная против ее жестокости к умирающему от любви и болезней старику.

4.

АП

Автопортрет Пушкина карандашом, с его монограммой. Под ним сделана неизвестной рукой надпись: «писанный имъ самимъ во время горестнаго его заключенія въ карантинѣ Гуммранскомъ 1829 года 28 іюля». Автограф этот принадлежал кн. Н. С. Путятину. П. Я. Дашков представил его вместе с автографами своего собрания для воспроизведения редакции *ИВ*, в № 5 которого за 1899 г. этот рисунок и был факсимильно воспроизведен.

О карантине в Гумрах (на обратном пути из Арзрума в Тифлис) читаем в «Путешествии в Арзрум»: «В Гумрах выдержал я трехдневный карантин». Гумры с 1837 г. назывались Александрополем. Кому подарил Пушкин этот рисунок и как попал он к кн. Н. С. Путятину — сказать не можем. Подлинник хранится в *ИРЛИ* в собрании Лицейского Музея, куда он был передан Путятиным.

5.

мною А. П.
Арзрумъ взятый √ помощію
божіей и молитвами Екатерины Николаевны 27 іюня 1829 года о Р. Х.

Рисунок Арзрума с подписью Пушкина находится в *АУ*, л. 58_2; воспроизводился в *Ал*^{2}, табл. 9, после стр. 116, в *В*, IV, стр. 525 и *Э*^{3}, стр. 273 и 400—402. Рисунок сделан осенью 1829 г. (между 20 сентября и 12 октября).

---

[1] А его возлюбленная не пришла!!!

6.

Пушкинъ.

Портретъ Льва Сергеевича Пушкина, с подписью: «Пушкинъ», сделанный поэтом Пушкиным, находится в *АУ*, л. 32_1. Сбоку карандашом помета (руки Киселева?): «Левъ Серг. П.». Этот рисунок относится, вероятно, к осени 1829 г., когда Пушкин, рисуя Ушаковым свои впечатления от Арзрума, изобразил им своего брата офицером, как он его видел на войне.

Портрет с подписью воспроизводился факсимильно в *Ал*[1], табл. 10 после стр. 116 и в *Э*[2], 275 и 404.

Этой подписью Пушкин как бы имитировал настоящую подпись Л. С. Пушкина.

7.

Al. Pousch, pinxit [1]
5 окт. 1829.

Портрет Елизаветы Николаевны Ушаковой (по сообщению ее сына П. С. Киселева — см. *Ал*[1], 116), с подписью в стиле подписей больших итальянских художников и точно датированный находится в *АУ*, л. 70. На руках Елизаветы Николаевны кошка — намек на фамилию ее жениха Киселева, начинающуюся на звук «кис» — атрибут большинства изображений Пушкиным Елизаветы Николаевны Ушаковой. Ниже подписи что-то вроде урны с пылающим сердцем. На урне усердно зачеркнутый текст, в котором, можно прочесть написанные Пушкиным слова:

Кошечка Крошечка Душечка ⟨?⟩ Чушечка ⟨?⟩ [2]

Впервые воспроизведено в *Ал*[1], таб. 3 после стр. 116, описание же в статье Л. Н. Майкова «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых» (в кн. «Пушкин», СПб. 1899). См. также *Э*[2], стр. 283 и 412.

8.

Елизавета Миколавна
въ день Ангела Д. Жуана.

Рисунок в *АУ*, л. 76_2. Как и в предыдущем рисунке, кошки — намек на фамилию Киселева, которого Пушкин называет тут Дон-Жуаном. Впервые воспроизведен факсимильно в *Ал*[1], табл. 2 после стр. 116. Ср. *Э*[2], стр. 281 и

[1] Рисовал Ал. Пушкин.
[2] Прочтено С. М. Бонди.

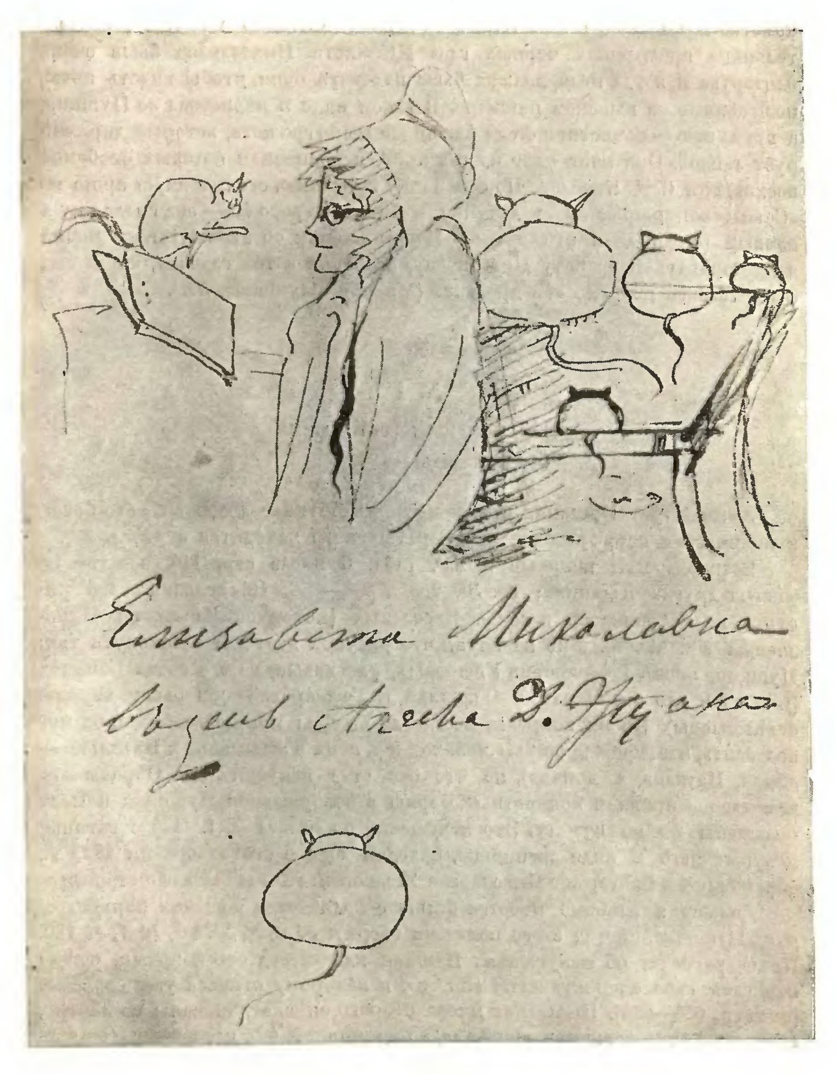
Пушкинъ.

7.

Al. Pousch, pinxit
5 окт. 1829.

8.

**Елизавета Миколавна
въ день Ангела Д. Жуана.**

410—412. Описание же и объяснение находим в статье Л. Н. Майкова «Знакомство Пушкина с семейством Ушаковых»: «...Дело в том, что обладательница прекрасных черных глаз Елизавета Николаевна была очень близорука и, когда пела, должна была надевать очки, чтобы видеть ноты, положенные на высоком пюпитре. В таком виде и нарисовал ее Пушкин, а перед нею — поместившегося на том же пюпитре кота, который дирижирует лапкой. Она поет одну из тех арий, исполнением которых особенно восхищался С. Д. Киселев. По семейному преданию, его любимую арию из «Севильского цырюльника» Россини — «Una voce poco fa» — она спела ему в первый раз в день его ангела. Напоминанием об этом Пушкин любил поддразнивать Елизавету Николаевну, особенно в тех случаях, когда она отказывалась петь по его просьбе» (Майков «Пушкин», 372).

9.

№ 1

Не искушай (сай) меня
безъ нужды —

Автопортрет Пушкина в монашеском клобуке, с дразнящим его бесом и комическим перифразом стиха Боратынского находится в *АУ*, л. 49_1.

Воспроизведен впервые в *Ал*[1], табл. 6 после стр. 116, а затем во многих других изданиях; ср. *Э*[2], 255 и 384—386. Объяснения этого рисунка не сохранилось в семье Киселевых (потомков Елизаветы Николаевны Ушаковой). Мне кажется, что рисунок этот мог возникнуть так: Пушкин, занимая барышень Ушаковых, рассказывал им о своих романах (известно, что о романах с Олениной и Гончаровой они были хорошо осведомлены). На их вопросы, всегда ли он был так любвеобилен, он мог возразить, что прежде он был монахом (ср. стих в «Посланьи к Наталье» — «Знай, Наталья, я монах»), но что бес стал искушать его. Образы эти немедленно приняли конкретные формы в воображении Пушкина и были положены им на бумагу. Это искушение он назвал № 1. Образ сатаны, искушающего в виде женщины, находим еще в стихотворении 1827 г., обращенном к Екатерине Николаевне Ушаковой: «Когда бывало в старину»

Дальше в альбоме имеется большое количество женских портретов руки Пушкина, иногда с его пометами сверху: № 2, № 3, № 4, № 7, № 130. После рассказа об искушениях Пушкин, как вывод своей жизни, решил написать свой «дон-жуанский список», к которому отнесся уже серьезно (см. стр. 629—630). Последние имена второго списка дописаны на листке, смежном с «дон-жуанским списком», а именно на л. 49_1, где находится автопортрет в клобуке. Навряд ли Пушкин начинал эту композицию с автопортретом на занятом листке (листов чистых оставлено много), скорее он туда вписал непоместившиеся имена. Под бесом рукой одной из Ушаковых написано: «Кусай его», а рядом с № 1 приписано: «и послѣднiй», то есть

Не искушай (сай) меня
безъ нужды —

что Пушкин опять стал монахом. Возможно, что тут намек на неудачное сватовство к Н. Н. Гончаровой 1 мая 1829 г. Если это так, то и этот рисунок и весь цикл нумерованных женских портретов и «дон-жуанский список» датируются осенним пребыванием 1829 г. в Москве (то есть между 20 сентября и 12 октября). Во время пребывания в Москве весною Пушкин не успел бы всего этого сделать (и навряд ли стал бы), так как в тот же день, когда он сделал предложение Н. Н. Гончаровой и получил отказ, он уехал в Арзрум.

10.

№ 43

Варвара мученица

Рисунок Пушкина, с этими его подписями, находится в *УЛ*, л. 46_2. Кто такая эта «Варвара мученица» — неизвестно. Сделан рисунок, вероятно, осенью 1829 г. (см. стр. 636 и 685).

Воспроизведен факсимильно с текстом в *Ал*[2], табл. 21.

11.

№ 4—5

Рисунок девушки у верстового столба, с надписью на столбе:

отъ Моск⟨вы⟩ 235

— всё рукой Пушкина, находится в *АУ*, л. 72_1. Он входит, очевидно, в цикл женских портретов, объяснение которых и датировку см. на стр. 682—684. Над нарисованной женской фигурой имеется зачеркнутая приписка повидимому рукой Пушкина:

je vous attends à

то есть «я вас жду в». А. М. Эфрос делает попытку вскрыть эти намеки в *Э*[2], стр. 285 и 414—418. Впервые воспроизведено в *Ал*[2], табл. 21.

12—17.

№ 2, № 3, № 4, № 7, № 12, № 130.

Рисунки Пушкина женских портретов с этими номерами находятся в *УЛ*. лл. 40_2 (№ 2), 41_2 (№ 3), 42_2 (№ 4), 43_2 (№ 7), 40_1 (№ 12), 36 (№ 130). Попытку объяснения их и датировку осенью 1829 г. см. на стр. 682, 684 № 2 и № 7 воспроизведены впервые в *Ал*[2], табл. 20, № 3 и № 4 — в *Э*[2] 261, 263.

10.

№ 43

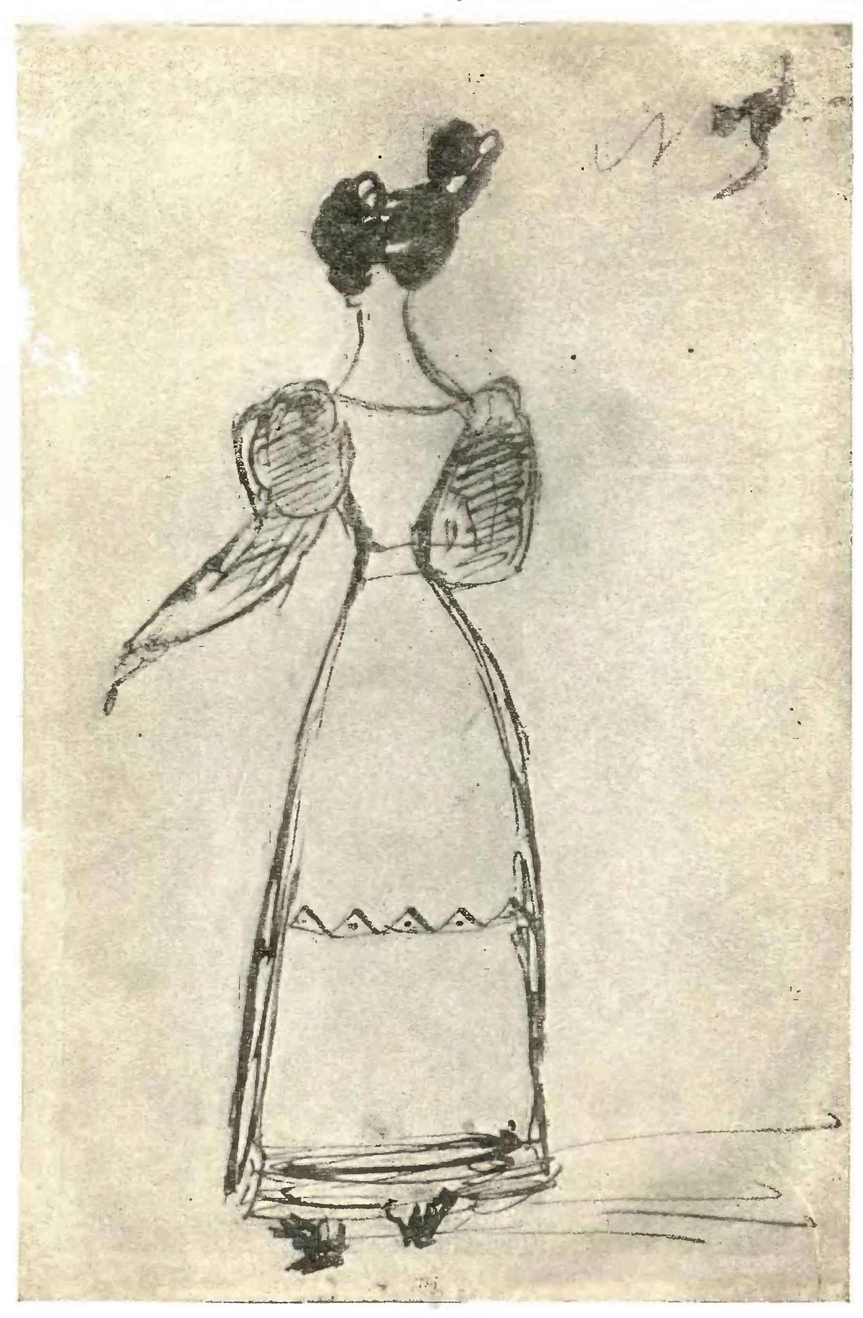
Варвара мученица

№ 4—5

№ 2

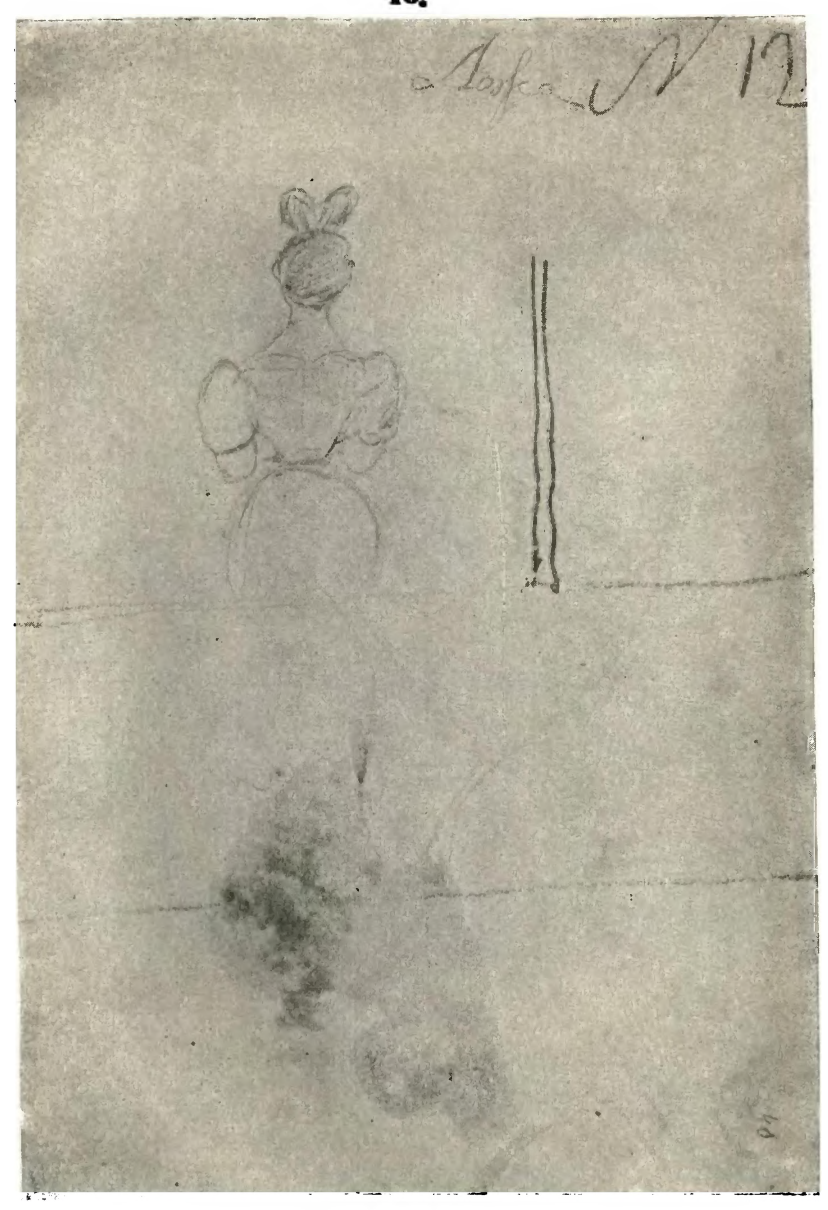
№ 3

№ 4

№ 7

№ 12

17.

№ 130

При № 12 слово «ложа» написано кем-то из Ушаковых. Самый рисунок значительно слабее других и, возможно, сделан не Пушкиным.

18.

il gran' Padre A. P

Перевод:

великий Отец А. П.

Рисунок карандашом на листке (11,5×11,8 *см*) тонкой белой бумаги без водяного знака. Листок этот вклеен в альбом (л. 5) неизвестного владельца, приобретенный в 1921 г. *ГИМ* (арх. № 378) у некоего В. В. Сарнова. Напечатан впервые в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 469;

самое существование этого рисунка до публикации в литературе не было известно. Еще в декабре 1823 г. Пушкин впервые высказал,— правда, в брошенном черновике, — ту мысль, которая привела его к такому автопортрету. XXXIX строфа второй главы «Евгения Онегина» имела в рукописи такие варианты:

Быть может, этот стих небрежный
Переживет мой век мятежный
Могу ль воскликнуть, ⟨о друзья⟩
Exegi monumentum[1] я

Существует автопортрет Пушкина в лавровом венке, с зачеркнутым профилем в тетради № 2373, дважды воспроизводившийся: Н. О. Лернером в «Красной Ниве» 1929, № 11, и А. М. Эфросом (*Э*², 299, 426—427). Рисунок этот связывают с увенчанием Пушкина на Кавказе в 1829 г. (см. «Рассказ К. И. Савостьянова о встречах с Пушкиным в 1829 и 1833 гг.», сообщ. А. А. Достоевским в *ПС* XXXVII, стр. 48).

Утрированные черты лица, сбивающиеся на карикатуру, и надпись говорят за то, что рисунок сделан в шутку. Пушкин называет себя «il gran' Padre» — так, как он называл великого Данте (в письме к Н. Н. Раевскому от марта — апреля 1827 г.), повторяя вместе с Байроном имя, данное Данту Альфиери в сонете последнего:

«O gran padre Alighieri, se dal ciel miri...

об этом см. в статье М. Н. Розанова «Пушкин и Данте» в *ПС* XXXVII, стр. 18, не исчерпавшей, впрочем, всех упоминаний и цитаций Пушкина из Данте).

Рисунок можно отнести к 1835—1836 гг., так как бумага, на которой сделан рисунок, употреблялась Пушкиным в эти годы: она хорошо знакома нам по заметкам к «Слову о Полку Игореве» и по «Table talk'у», часть которого написана на тонкой белой (скрипучей) бумаге без водяного знака.

Рисунок Пушкина оказался пророческим. Весной 1837 г. скульптор Витали сделал для друга Пушкина Нащокина мраморный бюст поэта в лавровом венке (бюст этот хранится в *ИРЛИ*). Об этой скульптуре см. статью М. Беляева и П. Рейнбота «Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга» (*ПС* XXXVII, стр. 200—204).

---

[1] *я памятник воздвиг.*

II. ПОДПИСИ К ЧУЖИМ РИСУНКАМ.

1

Фаргатъ-Бекъ.

Подпись Пушкина под чужим рисунком находится в *УА, л.* 84. Воспроизводится впервые.

Вероятно, Пушкин, вернувшись из путешествия в Арзрум в Москву осенью 1829 г., рассказывал у Ушаковых о своих впечатлениях, и кто-то

из присутствовавших, довольно искусный рисовальщик, зарисовал по образным рассказам Пушкина встреченных им лиц, а Пушкин подписал под рисунками имена своих персидских знакомцев.

Фаргат-Бек был тот юноша, которому Пушкин написал 5 июля 1829 г. в лагере при Евфрате стихи, названные им «Из Гафиза»:

Не пленяйся бранной славой
О красавец молодой...

2.

Камергеръ двора
Фатали шаха

Подпись Пушкина под чужим рисунком находится в *УА*, л. 57_1.

Рисунок такого же происхождения, как и предыдущий.
Кто такой Фатали шах и его «камергер» — неизвестно.

3.

Фараджула-Бекъ

Подпись Пушкина под чужим рисунком находится в *УА*, л. 85_1. Рисунок такого же происхождения, как и два предыдущих.

Кто такой Фараджула-Бек — неизвестно.

4.

Kars, Kars

Подпись Пушкина под рисунком кого-то из девиц Ушаковых в *УА*, л. 26_2. «Карсом» называли в кругу Ушаковых Наталью Николаевну Гончарову.

Пушкин 15 ноября 1829 г. писал из Петербурга С. Д. Киселеву: «Скоро-ли, боже мой, приеду из П. Б. в Hotel d'Angleterre мимо Карса! по крайней мере мочи нет хочется»

5.

Константинъ Николаевичъ Батюшковъ
Пріятный стихотворецъ и добрый человѣкъ.

имъ самимъ рисованный.

Автопортрет Батюшкова, исполненный карандашом на листе почтовой бумаги, с пометами руки Батюшкова (?): «Константинъ Николаевичъ Батюшковъ. Пріятный стихотворецъ и добрый человѣкъ», и: «посмотрите въ двадцать лѣтъ блѣдность щеки покрываетъ», был послан Батюшковым в 1821 г. Жуковскому, который приписал внизу стихи Батюшкова:

Ты знаешь, что изрекъ
Прощаясь съ жизнію сѣдой Мельхиседекъ:
Рабомъ родится человѣкъ,
Рабомъ въ могилу ляжетъ
И смерть ему едва ли скажетъ,
За чѣмъ онъ шелъ долиной чудной слезъ,
Страдалъ, рыдалъ, терпѣлъ, изчезъ?

Теперь этот лист находится вклеенным в альбоме С. Н. Батюшковой (л. 27) и хранится в *ПБЛ*. В альбоме сделана аннотация: «Собственноручный портрет, посланный Жуковскому в 1821 г.». Когда и при каких обстоятельствах приписал Пушкин слова (чернилами): «имъ самимъ рисованный»,— остается неизвестным. Одно можно сказать, что было это, конечно, не раньше 1827 г., когда Пушкин впервые приехал в Петербург после ссылки и впервые видел Жуковского после мая 1820 г. В это время Батюшков уже был психически болен, и Пушкину важно было подчеркнуть его когда-то яркую одаренность. Впрочем, Батюшков много рисовал и в состоянии болезни, причем эти его рисунки поражают диапазоном — от беспомощных детских картинок-аппликаций до блестящих акварелей глубокого художественного проникновения, предваряющих французских импрессионистов.

Подпись Пушкина к портрету Батюшкова печатается впервые, и вообще до сих пор в ней не видели руки Пушкина,[1] так что в издании сочинений Батюшкова (1882, т. II), где приложена гелиогравюра с этого портрета с подписями, слова, написанные рукою Пушкина, даже вытравлены и заменены другим автопортретом Батюшкова.

[1] Автографичность почерка Пушкина впервые установлена Л. Б. Модзалевским. (Ср. воспроизведение этого текста на факсимиле, приложенном в издании: «К. Н. Батюшков. Сочинения, редакция, статья и комментарии Д. Д. Благого», изд. «Academia», 1934, между стр. 24—25.)

IV

ПОМЕТЫ НА ЧУЖИХ РУКОПИСЯХ

Этот отдел заключает в себе пометы, сделанные Пушкиным на трех чужих рукописях.

Транскрипция и комментарий к № 1, 2 и 3 принадлежат мне.

Л. Модзалевский

1.

Ecrit de la main
de Davidof
(General de cavalerie
Seigneur de Borodino
&c.)[1]

Перевод:

Написано рукой Давыдова Генерала-от-кавалерии Властителя Бородинского и т. д.

Запись на обороте листка в 8 д. л., без водяного знака, на лицевой стороне которого находится текст трех строф стихотворения Д. В. Давыдова: «Люблю тебя как сабли лоск», написанный рукою Давыдова. Листок хранится в *ИРЛИ* (№ 235). Впервые напечатано Н. О. Лернером в статье «Пушкин и цыганы» в «Столице и усадьбе» от 15 декабря 1915, № 48, а затем им же в *ПС* XXXVI, стр. 22.

Запись сделана под написанной рукой Пушкина строфой: «Так старый хрыч цыган Илья» (см. *ПГ* II, 253). Написав эту строфу для помещения ее третьей (на это указывает цифра «3», стоящая перед четверостишием) в стихотворение Давыдова, Пушкин, шутки ради, подписал под своим автографом удостоверение, что это автограф Д. В. Давыдова, которого поэт на этот случай произвел в чин генерала-от-кавалерии и пожаловал ему, в стиле раздававшихся Наполеоном своим маршалам титулов, титул «Властителя Бородинского». Запись можно предположительно датировать 1830—1831 гг.

---

[1] После этих слов имеется карандашная приписка неизвестной руки: «poète célèbre» (знаменитого поэта).

2.

Въ скоромъ времени выйдутъ стихотворенія подъ заглавіемъ **МОИ МЕЧТЫ** — сочиненіе Ѳ. Я. Господина Кафтарева. Изъ опыхъ нѣкоторыя уже были напечатаны въ Гирландѣ, Сѣверномъ Меркуріи и въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду. Сочинитель почтетъ особеннымъ счастіемъ для себя вниманіе подписавшихся Особъ потому, что имя на нѣсколько времени останется, можетъ быть въ Русской Литтературѣ, а болѣе, что онъ симъ надѣется смягчить жес<т>кое, несправедливое съ нимъ обращеніе неумолимой судьбы со дня самаго рожденія его т: е: съ 17 февраля 1803 года! —

Для Особъ, имѣющихъ титулъ Превосходит...	Число экземп.	Одинъ 3 р. ассиг.
Ивановичъ Александръ Тургеневъ	2	пол
Клементій Осиповичь Россети ——	2 экз	получ
Кн. Петръ Андреевичь Вяземскій	2 экз	
Неизвѣстный [1]	2 экз	

Печатается по автографу Пушкина из собрания И. А. Шляпкина, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 311). Подлинник писан на двух листах почтовой бумаги большого формата, без водяного знака.

Текст впервые полностью напечатан И. А. Шляпкиным в *Ш* 226, причем Шляпкин без всяких оснований отожествил Федора Яковлевича Кафтарева с Никанором Ивановым (см. разъяснение П. Е. Щеголева в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук» 1903, т. VIII, кн. 4, стр. 382—383). В печатаемом нами документе рукою Пушкина вписаны — как подписавшиеся на издание стихотворений Кафтарева — К. О. Россет, кн. П. А. Вяземский и неизвестный (под этим именем нужно разуметь, вероятно, самого Пушкина). Кроме того в подпись А. И. Тургенева Пушкин вписал его отчество: «Ивановичь». В подписном листе имеются еще не заполненные никем графы: «Для особ, имеющих титул высокоблагородия», и «Для особ, имеющих титул благородия». Запись Пушкина относится к концу 1831 — началу 1832 г.

Федор Яковлевич *Кафтарев* (род., по собственному показанию, 17 февраля 1803 г.) — мелкий стихотворец 1820—1830-х годов, печатавшийся в альманахах «Гирлянда» и «Северный Меркурий» и в «Литературных прибавлениях к Русскому Инвалиду», автор сборника стихотворений «Петропольские ночи», СПб. 1832, экземпляр коего сохранился в библиотеке

[1] *Это слово приписано позднее.*

Пушкина с подписью автора: «Его Благородию Александру Сергеевичу Пушкину с душевным почтением подносит Автор. Июня 2. 1832» (см. Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина», *ПС* IX—X, 50). Пушкин стихов этих не читал, ибо экземпляр этот им не был разрезан. Другой сборник стихотворений Кафтарева, «Мои мечты», вышел в свет в Петербурге в 1832 г., под заглавием: «Мои мечты. Стихотворения Ф. Я. Кафтарева. Санктпетербург. В типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи. 1832». Он был также в библиотеке Пушкина, вероятно, с надписью Кафтарева, но не сохранился (см. в работе Л. Б. Модзалевского о библиотеке Пушкина в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 999). Пушкина, как известно, не раз осаждали бездарные стихотворцы с просьбами о прослушании их стихов или с подношениями (см., например, статью П. Е. Щеголева «Обожатели Пушкина» в «Московском Пушкинисте», II, 184—195).

«Их было много, обожателей Пушкина, — пишет Щеголев, — среди безвестных, безымянных поэтов, с печатными стихотворными опытами и без оных. В силу общности профессии они полагали себя в некотором роде в родственных отношениях с великим поэтом, который как-никак доводился им «братом» по искусству. На этом основании без всяких церемоний прибегали они со своими нуждами к первому русскому поэту, утруждали его беседами и беспокоили письмами. Сношения с ними играют видную роль в образовании мелочей пушкинской жизни, и не последнее место среди корреспондентов Пушкина занимают его обожатели из литературной среды» (стр. 184). Таковы поэты: Никанор Иванов, Василий Мызников, В. А. Коленов, Федор Яковлев, Дмитрий Сигов и многие другие. «Поэт Ф. Я. Кафтарев, — говорит П. Е. Щеголев, — гораздо скромнее» других. В предисловии к «Моим мечтам» он пишет: «Выдавая в свет стихотворения мои, я был далеко от мысли занять даже последнее место в рядах литераторов на пространном поле отечественной словесности» и в конце его так благодарит лиц, подписавшихся на его издание: «обращаю сердце мое к особам, удостоившим меня подписью: благодарю вас искренно за нежное участие, особенно прекрасный пол, которому обязан я много раз счастливейшими днями жизни! Имена ваши обовьются широким лавром вокруг чела моего и защитят от зноя критики, если мелкий труд мой нечаянно будет замечен ею» (цитируем по Щеголеву, ib., стр. 186). Интересно отметить, что в приложенном к книге списке подписавшихся особ, между высокородиями, но в красную строку и жирным шрифтом, выделен «поэт А. С. Пушкин».

Александр Иванович *Тургенев* (1784—1845) — приятель Пушкина.

Клементий Осипович *Россет* (1811—1866) — брат известной А. О. Смирновой, в 1831—1832 г., после выхода в отставку с военной службы (21 октября 1830 г.), проживал в Москве, не у дел (см. *АП* II, 311 и *РА* 1900, I, 361 и 363). Вновь поступил на службу 17 декабря 1832 г., поручиком в Бутырский пехотный полк, стоявший в г. Мценске, Орловской губ., и вскоре

перешел в отдельный Кавказский корпус. С Пушкиным Россет находился в дружеских отношениях (см. отзыв о нем Пушкина в письме к П. С. Санковскому 1833 г., в *КА*, т. 29, стр. 220). Осенью 1836 г. Пушкин приглашал его в секунданты (*РА* 1882, I, 247; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Л. 1928, стр. 75, 105 и др. по указателю, и Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», Л. 1929, стр. 377). Записочка К. О. Россета к Пушкину, относящаяся к этому же времени, напечатана у *Ш*, 283 и в *АП* III, 384.

Князь Петр Андреевич *Вяземский* (1792—1878) — один из ближайших друзей Пушкина.

3.

Потемки‹нъ›

Печатаемая впервые надпись эта сделана Пушкиным карандашом сверху автографа кн. Г. А. Потемкина-Таврического. Автограф хранится в собрании, принадлежавшем П. П. Свиньину (автограф Потемкина находится на л. 33 этого собрания). Ныне это собрание, в котором имеются автографы разных исторических и литературных деятелей: Петра I, Н. М. Карамзина, В. К. Тредьяковского, П. С. Палласа и др.,— находится в Архиве Академии Наук СССР (разр. II, оп. 1, № 203), куда перешло из собрания Российской Академии, приобревшей его от П. П. Свиньина вместе с другими рукописями его «Музеума» (об этом см. *ДП*, 147—150). Записка Потемкина писана карандашом на листке бумаги и обращена к неизвестному лицу:

«[Пошлите] Завтрѣ въ восемь часовъ поутру чтобы былъ здѣсь священникъ и пѣвчiя всенощную служить».

Надпись Пушкина свидетельствует о том, что в его руках находился указанный выше том с автографами исторических лиц из собрания П. П. Свиньина, у которого Пушкин, очевидно, бывал и рассматривал сокровища его «Музеума». Свидетельствует она также и о том, что Пушкин настолько хорошо знал почерка исторических лиц, что, рассматривая автограф, определил анонимную записку Потемкина, сделав на нем соответствующую надпись. Этот новый факт позволяет установить еще одну черту многогранности Пушкина и углубленного знания им русской истории.

Так как свой «Музеум» Свиньин продал в 1834 г., а к 1833 г. (февраль) относится переписка Пушкина с Свиньиным о рукописи «Дневника А. В. Храповицкого» (см. *АП* III, 6), следовательно, рассматривать автограф Потемкина и сделать на нем надпись Пушкин мог примерно около этого времени, то есть в начале 1830-х годов, как мы и датируем пушкинскую надпись. О Пушкине и П. П. Свиньине см. еще заметку в *КН* VI, 326—327 и в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 600—602.

V

ДАРИТЕЛЬНЫЕ НАДПИСИ НА КНИГАХ

Свои издания Пушкин дарил друзьям и знакомым в большом количестве, причем почти всегда делал какую-либо надпись. Подобных экземпляров должно было сохраниться множество, но, когда мы собрали тексты всех дошедших до нас дарительных надписей, выяснилось, что сохранилось их очень немного. Достаточно пересмотреть переписку Пушкина, чтобы увидеть, сколько экземпляров подаренных Пушкиным книг своих сочинений пропало безвозвратно из-за небрежения многих владельцев, в том числе друзей поэта. Нет ни одной надписи, обращенной к бар. А. А. Дельвигу, П. А. Катенину, кн. П. А. Вяземскому, В. А. Жуковскому, Н. И. Гнедичу, А. А. Бестужеву, братьям Раевским, С. А. Соболевскому и многим другим. Значение этих надписей до сих пор не осознано в достаточной степени, поэтому есть еще надежда, что некоторые экземпляры сочинений Пушкина с дарительными надписями, хранящиеся в недрах государственных библиотек СССР или у частных лиц, будут опубликованы, но чтобы их было много — на это надежды мало. Мы обследовали специально для выявления подобных экземпляров библиотеки: Пушкинского Дома (Института русской литературы) Академии Наук (*ИРЛИ*), Библиотеку Академии Наук, Ленинградского университета и Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (*ПБЛ*). К сожалению, обследовать систематически библиотечные хранилища Москвы нам не удалось. Все же и то, что удалось собрать, представляет немалый научный интерес. Правда, наиболее замечательные надписи Пушкина уже были опубликованы ранее, но и из впервые печатаемых нами некоторые заслуживают внимания, как по своему содержанию, так и по лицу, к которому они обращены (например, надписи бар. Е. Н. Вревской, кн. Э. П. Мещерскому, И. И. Дмитриеву, Г. П. Небольсину, В. Г. Теплякову и др.).

В этот отдел не включены две надписи Пушкина, которые хотя и написаны на изданиях Пушкина, но по своему содержанию рассматриваются как письма и входят в собрание писем поэта. Таковы: надпись на экземпляре «Бориса Годунова», подаренном П. Я. Чаадаеву,[1] и надпись на экземпляре «На взятие Варшавы», 1831 г., подаренном А. О. Смирновой.[2]

[1] См. «Сочинения М. Н. Лонгинова», под ред. П. К. Симони, I, 70, и *АП* II, 208. Подлинник находится в *ЛБ*.

[2] См. статью М. А. Цявловского в «Голосе Минувшего» 1917, № 11—12,

По неточности текста не включена также надпись на экземпляре «Цыган», подаренном А. А. Ивановскому 23 апреля 1828 г. (см. *РС* 1874, № 2, стр. 399). Не вошла также надпись на экземпляре «Истории Пугачевского бунта», подаренном гр. В. А. Перовскому. Экземпляр этот продавался неизвестным лицом в лавку «Международной книги» в Москве и не был ею приобретен. Текст надписи остался нам недоступен.

Все надписи на книгах и на одной рукописи, включенные в этот отдел, разбиты на две группы. В первую группу включены надписи, сделанные Пушкиным на книгах своих сочинений, а во вторую — надписи, сделанные Пушкиным на книгах других авторов.

Транскрипция №№ 5, 10, 14 и 21 первой группы сделана М. А. Цявловским, транскрипция всех остальных номеров этой группы, а также и всех номеров второй группы, и комментарий ко всем надписям принадлежат мне.

Л. Модзалевский

1. НАДПИСИ НА КНИГАХ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

1.

Его Высоко-Превосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу
Дмитріеву
отъ Сочинителя.

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в библиотеке Московского университета. Надпись сделана неизвестною рукою, вероятно по поручению Пушкина на обороте шмутц-титула книги: «Руслан и Людмила. Поэма в шести песнях. Соч. А. Пушкина. Санктпетербург. В Типографии Н. Греча. 1820»; 8°, 142 стр.

Как известно, Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) благожелательно встретил юную музу Пушкина и угадал в нем поэтический гений. Эта надпись Пушкина ценна как памятник подношения молодого Пушкина маститому старцу-поэту. Однако «Руслана и Людмилу» И. И. Дмитриев не вполне одобрил (см. в письмах И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому в *СН* II, 125—200, в письмах Дмитриева к А. И. Тургеневу в *РА* 1867, стлб. 1091—1136 и в *РС* 1903, № 12, стр. 713, 717 и 718, а также в *ОА* II, 427).

стр. 160. Подлинник был у Ю. П. Бартенева («Каталог Пушкинской выставки в Московской 5-й гимназии», М. 1899, стр. 3).

2.

Парасковіи Александровнѣ
Осиповой
отъ Автора
въ знакъ глубочайшаго
почтенія и сердечной
преданности

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 25). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1825»; 12°, XXII+2 нен.+60 стр.

Дружеские и приятельские отношения Пушкина с Прасковьей Александровной Осиповой (1781—1859) и ее семьей от первого и второго брака общеизвестны, поэтому здесь нет надобности об этом говорить подробно. Надпись Пушкин сделал, вероятно, вскоре после выхода книги (15 февраля 1825 г.) при посещении Осиповой в ее имении Тригорском, в то время, когда поэт жил в ссылке по соседству с ней, в своем Михайловском.

3.

Дорогой Имянинницѣ
Аннѣ Николаевнѣ
Вульфъ
отъ нижайшаго
ея доброжелателя
А. Пушкина
Въ село Вороничь
1826 года
3 февраля
изъ сельца Зуёва

Напечатано впервые в *ПС* I, 11 и 38—39; ср. в «Известиях Имп. Академии Наук», VI серия, 1911, стр. 512 и в *ВИД* на 1914 г., стр. 8 (№ 24). Подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 671). Надпись находится на обороте обложки книги без переплета: «Стихотворения Александра Пушкина. Санкпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1826», 8°, XII+192 стр. В правом верхнем углу лицевой стороны обложки имеется

оттиск перстня-талисмана на красном сургуче. Текст надписи, кроме подписи Пушкина, позже густо вымаран чернилами.

Эту книгу Пушкин преподнес Анне Николаевне Вульф (1799—1857) во время пребывания своего в с. Михайловском, называвшемся также Зуёвым. Отношения Пушкина к А. Н. Вульф — общеизвестны: она была длительно увлечена Пушкиным.

4.

Александру Ивановичу
Тургеневу
отъ А. Пушкина
20 октября
1826
Москва

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 467) Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин. Роман в стихах, сочинение Александра Пушкина. В типографии Августа Семена при Импер. Мед. Хирург. Академии. 1826»; 12°, 42 стр. 〈глава II〉.

Судя по дате, Пушкин подарил этот экземпляр книжки, как только она вышла из печати. Поэт незадолго до этого возвратился из своей ссылки и один из экземпляров преподнес одному из ближайших старших своих друзей. Александр Иванович Тургенев (1784—1845) находился в это время за границей, и книжка была, вероятно, послана ему туда. Кн. П. А. Вяземский писал ему 5 октября: «Пушкин напечатал 2-ю часть Онегина стихов 500 не с большим, и книгопродавцы уже предлагают ему 5000, а он просит семь» («Архив бр. Тургеневых», VI, 45).

5.

Другу Олёсеньк〈ѣ〉
отъ Француза.

Написано на обложке первого издания второй главы «Евгения Онегина» 1826 г., вышедшего в свет в октябре этого года.

Книга хранится в *ЛМ*.

«Олёсенькой» в Лицее прозвали Алексея Демьяновича Илличевского, а «французом» Пушкина. См. запись протокола празднования лицейской годовщины 1828 г. (стр. 733).

Предположительно датируем надпись 1827—1828 гг.

6.

Ея Превосходительству А. П. Кернъ
отъ господина Пушкина,
усерднаго ея почитателя.
Трактиръ Демутъ № 10.

Впервые напечатано в «Воспоминаниях А. П. Керн» (см. Л. Н. Майков, «Пушкин», СПб, 1899, стр. 251; А. П. Керн, «Воспоминания», под ред. Ю. Н. Верховского, Л. 1929, стр. 271). Надпись сделана по свидетельству Керн в 1828 г. на обложке издания «Цыганы», М. 1827. Подлинник не сохранился.

Об Анне Петровне Керн (1800—1879) и об отношениях ее к Пушкину см. в названных выше изданиях, в *П* I и II по указателю и в книжке Б. Л. Модзалевского «Анна Петровна Керн», Л. 1924.

7.

Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ
отъ Автора
Твоя отъ твоихъ
22 февр.
1828

Впервые опубликовано М. И. Семевским в «Русском Вестнике» 1896, № 11, стр. 71, а затем в *ПС* I, 6; ср. статью М. Л. Гофмана «Голубово-Тригорское» в газ. «Против течения» 1911, № 15, и в «Известиях Имп. Академии Наук», VI серия, 1911, стр. 512. Факсимиле воспроизведено в *ВПД* на 1913 г., стр. VIII. Описание дано в *ВПД* на 1914 г., стр. 8 (№ 25). Подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 468). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин. Роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1828», 12°, 92+2 неп. стр. <главы IV и V>.

Слова: «Твоя от твоих» взяты из возгласа священника во время литургии.

Евпраксия Николаевна *Вульф* (1809—1883), дочь П. А. Осиповой, вышедшая замуж за бар. Бориса Александровича Вревского, называлась в семье Зизи, Зина или Euphrosine; она была предметом увлечения Пушкина во время пребывания его в Михайловском и Тригорском у П. А. Осиповой. Слова «Твоя от твоих», по разъяснению М. Л. Гофмана, отно-

сятся к тому месту из 5-й главы «Евгения Онегина» (строфа XXXV), где Пушкин говорит о Е. Н. Вульф:

...За ним — строй рюмок узких, длинных,
Подобных талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал, —
Ты, от кого я пьян бывал...

См. *ПС*. XIX--XX, 103—105. Ср. *П* I, 363—364.

8.

Евпраксеи Николаевнѣ
Вульфъ

Опубликовано впервые М. Л. Гофманом в газ. «Против Течения» 1911 № 15; ср. «Известия Имп. Академии Наук» 1911, VI серия, стр. 512, и в *ВПД* на 1914 г., стр. 10 (№ 26). Подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 673). Надпись сделана на обороте обложки книги без переплета: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии департамента народного просвещения. 1828», 12°, 48 стр. <глава VI>. Книга вышла в свет около 22—23 марта 1828 г. Вероятно, Пушкин подарил ее Е. Н. Вульф осенью 1828 г., когда провел около шести недѣль в имении Малинники, Старицкого уезда, Тверской губернии

9.

Екатеринѣ Николаевнѣ
Ушаковой
отъ Пушкина
1 апр.
1829

Печатается впервые. Факсимиле воспроизведено в очень уменьшенном виде при статье Н. С. Ашукина «Путеводитель по Пушкину» в «Красной Ниве» № 49, от 1 декабря 1929 г., стр. 15. Подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 487). Надпись сделана на лицевой стороне обложки книги в простом переплете: «Полтава, поэма Александра Пушкина. Санктпетербург, в типографии департам. народного просвещения. 1829», 8°, VIII+4 нен.+92 стр. Книга вышла в свет около 27—28 марта, и, судя по дате надписи, Пушкин подарил ее сразу же по получении. Он находился в это время в Москве, где увлекался Е. Н. Ушаковой (1809—1872). О Пушкине и Ушаковой см. статью Л. Н. Майкова, «Знакомство Пушкина с семейст-

вом Ушаковых» в его сборнике «Пушкин», СПб. 1899, стр. 355—377, статью И. Виноградова, «Автографы Пушкина в Тверском музее» в «Материалах Общества изучения Тверского края», апрель 1925 г., вып. 3, стр. 17—21, и *П* II, 376—377, а также выше, стр. 673.

10.

Полторацкому отъ Пушкина.
2 Апр. 1829. Москва.

Печатается впервые. Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 491. Подлинник принадлежал И. С. Остроухову в Москве, купившему его в книжном магазине П. П. Шибанова. В настоящее время хранится в Третьяковской галлерее. Надпись находится на шмутцтитуле книги: «Полтава, поэма Александра Пушкина, СПб. 1829».

Сергей Дмитриевич *Полторацкий* (1803—1804), известный впоследстви библиофил и библиограф, находился с Пушкиным в приятельских отношениях. К этому же времени, что и надпись Пушкина, относится небольшая записочка поэта к Полторацкому, писанная 25 марта 1829 г. в Москве: «Ты совершенно забыл меня, мой милый. А. П.» (см. *П* II, 63 и 247—248). В изд. «Венок на памятник Пушкину», СПб. 1880, стр. 323, сообщается, что на Пушкинской выставке 1880 г. в Москве находился экземпляр «Цыган» 1827 г. с подписью Пушкина: «С. Д. Полторацкому отъ А. Пушкина»; местонахождение его теперь неизвестно.

11.

Евгенію Баратын⟨скому⟩
отъ Александра Пуш⟨кина⟩
7 апр
1829.

Печатается впервые. Подлинник, принадлежавший А. Ф. Онегину в Париже, теперь составляет собственность *ИРЛИ* (№ 490). Надпись сделана на шмутцтитуле книги без обложки, в позднейшем переплете: «Полтава, поэма Александра Пушкина, СПб. 1829». При переплетании экземляра концы слов обрезаны.

Евгений Абрамович *Боратынский* (1800—1844) — известный поэт, которого очень ценил Пушкин. В последние годы его жизни между ним и Боратынским наступило некоторое охлаждение. О них см. в *П* I—II, по указателю.

12.

всякое даяніе благо— —
Всякъ даръ совершенъ свыше есть.
Катеринѣ Николаевнѣ
Ушаковой
отъ А. П.
21 сентября
1829
Москва
Nec femina, nec puer...[1]

Впервые опубликовано неточно в *ПС* II, стр. III; затем в статье И. Виноградова «Автографы Пушкина в Тверском музее» в «Материалах Общества изучения Тверского края», апрель 1925 г., вып. 3, стр. 17—21, с воспроизведениями, и в статье Н. Н. Фатова «Дефинитивный текст стихотворения „19 октября (1825 г.)"» в сборнике «Пушкин», вып. II, под ред. Н. К. Пиксанова, М.—Л. 1930, стр. 173—175. Подлинник хранится теперь в *ИРЛИ* (№№ 424 и 425). Надписи сделаны на экземпляре книги: «Стихотворения Александра Пушкина. Первая часть. Санктпетербург в типографии Департамента народного просвещения. 1829», 8°, 224 стр.

Первая строка надписи находится наверху лицевой стороны обложки; вторая строка надписи — на узкой полоске бумаги того же цвета, что и обложка, наклеенной внизу лицевой стороны обложки. Текст их — цитата из так называемой «заамвонной» молитвы священника во время литургии. Следующие шесть строк написаны на оборотной стороне обложки. Последняя строка, значащая в переводе: «Ни женщина, ни мальчик», находится на задней стороне обложки, внизу. Экземпляр переплетен в простой переплет. При нем находится в таком же переплете экземпляр второй части «Стихотворений А. Пушкина», замечательный тем, что на стр. 43 Пушкиным вписан карандашом текст 21 строфы стихотворения «19 октября ⟨1825 г.⟩». Об этом см. подробнее в названных статьях И. Виноградова и Н. Н. Фатова. О Е. Н. Ушаковой см. выше, стр. 714—715.

13.

Княгинѣ Екатеринѣ Семеновнѣ Гагариной
отъ Пушкина. Семеновой — отъ сочинителя.

Впервые опубликовано Н. И. Стародубским в статье «Артистки Семеновы» в *РС* 1873, № 2, стр. 267. Ср. «Русский биографический словарь»,

[1] *Перевод:* Ни женщина, ни мальчик...

т. Сабанеев — Смыслов, СПб. 1904, стр. 303. Подлинник ныне неизвестно где находится. Надпись Пушкина сделана на обложке экземпляра книги: «Борис Годунов. Санктпетербург. В типографии Департамента народного просвещения. 1831», 8°, 6 нен. + 142 стр. Вышла она в свет около 22—23 декабря 1830 г.

Екатерина Семеновна *Семенова* (1786—1849) — знаменитая драматическая артистка. В мае 1828 г. вышла замуж за сенатора кн. Ивана Алексеевича Гагарина (1771—1832), с которым до брака прожила пятнадцать лет и прижила сына и трех дочерей, получивших фамилию Стародубских. Пушкин в период своего увлечения театром (1817—1820) был горячим поклонником Семеновой. Ей он посвятил восторженные строки в своей статье «Мои замечания о русском театре», которую затем ей подарил. По словам Н. И. Гнедича, Пушкин в 1819 г. «приволакивался» за Семеновой, «но бесполезно» (см. *П* I, 250—251). Семенова воспета Пушкиным в «Евгении Онегине» (XVIII строфа первой главы):

«...Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил».

14.

Его Высокопревосходительству
Милостивому Государю
Ивану Ивановичу Дмитрiеву
отъ Автора

Печатается впервые по подлиннику, хранящемуся в Библиотеке Московского университета. Надпись сделана на экземпляре «Бориса Годунова», изд. 1831 года, на обороте лицевой обложки. Экземпляр в переплете. В письме к Пушкину 3 января 1831 года Дмитриев благодарил поэта за «драгоценный подарок» (*АП* II, 210).

15.

К. Елиму Мещерскому

Печатается впервые. Подлинник, принадлежавший Н. О. Лернеру, хранится теперь в *ЛМ*. Надпись сделана на обложке книги в переплете «Борис Годунов. СПб. 1831 г.».

Князь Элим Петрович *Мещерский* (26 октября 1808 — 2 ноября 1844) [1] — поэт и переводчик; писал преимущественно на французском языке. Член-

[1] Дата смерти в «Петербургском Некрополе» 2 октября — ошибочна.

корреспондент Лионской академии наук. Служил по Министерству иностранных дел, при русской миссии в Дрездене (1828—1830), затем в Турине (1831—1833) и все остальное время — в Париже. Мещерский сотрудничал в русских альманахах и журналах, а также в иностранных журналах, например, в издававшемся в Париже журнале «Le Panorama litteraire de l'Europe» («Литературная панорама Европы»). В 1830 г. он издал книгу: «De la litterature russe. Discours prononcé à l'Athenée de Marseille, dans le séance du 26 juin 1830, par le prince Elim Mestchersky («О русской литературе. Речь, произнесенная в «Атенее» в Марселе, на заседании 26 июня 1830 г. кн. Элимом Мещерским»), выдержки из которой на русском языке были опубликованы в «Литературной газете» 1831, № 7, стр. 56. Пушкин, несомненно, читал их. Перу Мещерского принадлежит также изданная анонимно книга: «Lettres d'un russe adressées à M. M. les rédacteurs de la Revue Européenne, ci-devant du correspondant. Nice 1832 («Письма русского, адресованные гг. редакторам «Европейского Обозрения» б. «Корреспондент», Ницца), в которой много места уделено Пушкину. Несколько произведений Пушкина в переводе Мещерского помещено в его изданиях «Les Boréales par B. de G. et le prince Elim Metscherski, membre correspondant de l'Académie de Lyon». Paris. 1839 («Северные сияния» соч. Б. де Г. и кн. Э. Мещерского, члена-корреспондента Лионской академии. Париж); «Les roses noires par le prince Elim Mestchersky». Paris 1845. («Черные розы». Соч. кн. Э. Мещерского); «Les poètes russes, traduits en vers français, par le prince Elim Mestcherski», в двух томах. Paris 1846 («Русские поэты в переводе на французский язык стихами кн. Э. Мещерского») (см. рецензию в «Северной Пчеле» 1847, № 38). Содержание этих трудов Мещерского см. в книге В. И. Межова «Puschkiniana», Спб. 1886, №№ 3247, 3278, 3284, 3289. О других сочинениях его см. у Г. Н. Геннеди, «Справочный словарь о русских писателях и ученых», т. II, Берлин, 1880, стр. 316, и в примечаниях В. И. Саитова к *ОА* III, 695—698 700, 715 и др. по указателю. См. также Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды Погодина», IV, 25 и 137; «Записки М. И. Глинки», под ред. А. Н. Римского-Корсакова, Л. 1930, стр. 297—298; С. Н. Дурылин, «Русские писатели у Гете в Веймаре». «Литературное Наследство», № 4—6, 1932, стр. 222—236.

Кроме публикуемой нами надписи Пушкина, сохранился еще один материальный след их встреч. В библиотеке Пушкина имеется книга «Dernières Paroles, Poésies, Paris, 1835» («Последние слова. Стихотворения»), со следующею надписью: «à M. le prince Elim Mestchersky Antoni Desch⟨amps⟩» («князю Элиму Мещерскому Антон Деш⟨амп⟩») (см. *ПС* IX—X, 222; ср. *ПС* XXXVIII—XXXIX, 79). В июне 1836 г. Мещерский приезжал временно из Парижа в Петербург (см. *ОА* III, 322), и имя его довольно часто мелькает в петербургском дневнике А. И. Тургенева в период времени с 7 декабря 1836 г. по 16 января 1837 г. (см. П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Л. 1928, стр. 276, 279, 285 и 287). В это время, очевидно

Мещерский, задумывая, по свидетельству Н. В. Кукольника, издавать в Петербурге «Revue русских произведений для русских во французских переводах» (см. «Записки М. И. Глинки», Л. 1930, стр. 460), довольно часто встречался с Пушкиным у общих знакомых, беседовал на литературные темы и ссудил Пушкина книгой, подаренной Мещерскому Антонием Дешамп. Книгу эту Пушкин так ему и не возвратил. В это же время, очевидно, Пушкин и преподнес Мещерскому экземпляр «Бориса Годунова».

16.

Плетневу отъ Пушкина
Въ память Дельвига
1832
15 февр.
С.П.Б.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в *ПС*, XVI, 38, а затем в *ПХ*, стр. 91. Подлинник принадлежал П. Е. Щеголеву, приобревшему его от Петра Александровича Плетнева — внука, а теперь находится у П. П. Щеголева. Надпись сделана на экземпляре (в переплете) книжки: «Северные Цветы на 1832 год. Санктпетербург, в Типографии Департамента Внешней Торговли. 1831, 12°». См. воспроизведение в №№ 16—18 «Литературного Наследства», стр. 595. Издание «Северных Цветов» на этот год Пушкин взял на себя после смерти Дельвига, в пользу вдовы его — бар. С. М. Дельвиг; в этом деле Пушкину помогал П. А. Плетнев, чем объясняется, что вскоре по выходе книжки в свет (она вышла в конце декабря 1831 г.) Пушкин один экземпляр ее подарил Плетневу, сделав на нем соответствующую надпись (о смерти бар. А. А. Дельвига и об издании «Северных Цветов» см. в *ПХ*, стр. 83—91).

17.

Его Превосходительству
Милостивому Государю
Александру Николаевичу
Мордвинову
въ знакъ глубочайшаго
уваженія
отъ Автора

16 декабря
1834

Печатается впервые по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ* (№ 340—51 особого хранения). Надпись сделана на обороте форзаца 1-й части «Истории Пугачевского бунта», СПб. 1834; экземпляр без обложек в одном издательском переплете (обе части). Ср. «Известия ЦИК СССР» 26 октября 1934, № 251.

Александр Николаевич *Мордвинов* (5 июня 1792—31 января 1869) в это время (с 1 сентября 1831 г.) состоял управляющим III Отделением собственной е. и. в. канцелярии; с 1832 г. кроме того служил в Главном управлении цензуры; впоследствии был вятским гражданским губернатором и умер в звании сенатора. А. Н. Мордвинов был правою рукою А. Х. Бенкендорфа и нередко заменял последнего в сношениях с Пушкиным (подробнее см. в *ПС*, VI, 110—113). Судя по дате, экземпляр книги Пушкин поднес Мордвинову еще до выхода ее в свет; очевидно это был первый экземпляр.

18.

Александру Петровичу
Куницыну
отъ Автора
въ знакъ глубокаго уваженія
и благодарности
11 *Янв*
1835

Печается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 670). Надпись сделана на обороте листка перед шмутцтитулом книги в издательском переплете: «История Пугачевского бунта. Часть первая. Санктпетербург. 1834»; б. 8°. В таком же переплете имеется и вторая часть «Истории Пугачевского бунта», но без надписи. Книга вышла около 28 декабря 1834 г. См. факсимиле в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 445.

Александр Петрович *Куницын* (1783—1840) был адъюнкт-профессором Царскосельского Лицея (1811—1816) и преподавал в нем нравственные и политические науки (1814—1820). Из всех своих учителей Пушкин только одного Куницына вспоминает с благодарностью в своих стихотворениях (см., например, его стихотворение «19 октября 1836 г.»). А. П. Куницын, очевидно, сообщал Пушкину какие-либо сведения во время его работы над историей Пугачева, но в своем издании Пушкин о нем нигде не упоминает. Надпись Пушкина является единственным документом, свидетельствующим о сношениях Пушкина с Куницыным в последние годы жизни поэта. О надписи и о Пушкине и Куницыне см. в книге А. А. Фомина «К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века», стр. 55 прим. и др., а также «Известия ЦИК СССР» 26 октября 1934, № 251.

19.

Сергѣю Дмитревичу
Комовскому
отъ А. Пушкина
въ память Лицея
26 Янв
1835
С.П.Б.

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 489). Надпись сделана на обороте шмутцтитула книги в обложке, без переплета: «История Пугачевского бунта, СПб. 1834, часть I». Имеется и вторая часть «Истории Пугаческого бунта», но без надписи (ср. «Известия ЦИК СССР» 26 октября 1934, № 251.)

Сергей Дмитриевич *Комовский* (1793—1880) — товарищ Пушкина по Лицею; в это время служил правителем канцелярии Совета воспитательного общества благородных девиц. С Пушкиным Комовский никогда не был в особенно близких отношениях. К 1861 г. относится записка Комовского о пребывании Пушкина в Лицее, но дальше общих мест и всем известных фактов она не идет (см. «Труды Я. К. Грота», т. III, СПб 1901, стр. 218—222 второй пагинации). О Комовском см. в книге Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина», I, 517—548.

20.

Любезному другу
Алѣксѣеву
отъ Пушкин⟨а⟩
въ память б⟨ылова⟩

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 491). Надпись сделана на лицевой стороне обложки первой части «Истории Пугачевского бунта», СПб. 1834. Экземпляр в простых переплетах (имеется и вторая часть, но без надписи) с позднейшими (сделанными по заказу Лицейского музея) супероблoжками. При переплетании часть букв, заключенных в угловые скобки, отрезана; слово «былова» восстановлено по надписи, сделанной, вероятно, самим Алексеевым. На экземпляре имеется ex-libris: «Библiотека Н. Алексѣева № «..» «...» полка ...томъ №...». (Ср. «Известия ЦИК СССР» 26 октября 1934, № 251.)

Николай Степанович *Алексеев* (род. в 1789 г. — ум. в 1850—1860-х гг.) — был едва ли не единственным интимным другом Пушкина в годы его

ссылки в Кишиневе. Есть основания думать, что «Гавриилиада» посвящена Пушкиным Н. С. Алексееву (см. *П* I, 283, и книгу «Пушкин. Гавриилиада», под ред. Б. В. Томашевского. MCMXXII, стр. 26, 29, 43, 46, 47, 48, 79 и 102). Из переписки Пушкина с Алексеевым до нас дошли два письма Пушкина и четыре письма Алексеева (см. *АП* I, №№ 278, 289, II, №№ 309, 500 и III, № 887). В письме от 23 января 1835 г. (№ 887) Алексеев писал Пушкину: «В заключение напоминаю тебе об обещанном экземпляре Пугачева с твоею подписью, которая не раз уже украшала полученные мною от тебя книги». Надо думать, что вскоре же по получении этого письма Пушкин и подарил экземпляр Алексееву с публикуемой надписью.

21.

Его Высокопревосходительс⟨тву⟩
Милостивому Государ⟨ю⟩
Ивану Ивановичу
Дмитрїеву
отъ Автора,
въ знакъ глубочайшаго почт⟨енїя⟩
преданности и благодарно⟨сти⟩

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в библиотеке Московского государственного университета. Надпись сделана на шмутцтитуле книги: «История Пугачевского бунта». Часть первая, СПб. 1834». При переплетании книги концы четырех слов, заключенные нами в угловые скобки, срезаны. (Ср. «Известия ЦИК СССР» 26 октября 1934, № 251.)

Пушкин благодарил И. И. Дмитриева за некоторые сведения, которыми он воспользовался для своей «История Пугачевского бунта». Так, И. И. Дмитриев сообщил Пушкину о распоряжении Г. Р. Державина повесить двух мужиков: «более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости», когда мужики одного села намерены были присоединиться к Пугачеву; в другом месте Пушкин воспользовался отрывком неизданных записок Дмитриева, где последний описывал казнь Пугачева (см. *Ак* XI, 154, 206 и др. по указателю). И. И. Дмитриев благодарил Пушкина за присылку экземпляра «Истории Пугачевского бунта» письмом от 10 апреля 1835 г. (Москва): «Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего Автора. Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание» (*АП* III, 191), и далее передает Пушкину о толках в Москве по поводу нового труда поэта.

22.

**Баронессѣ Евпраксіи Николаевнѣ
Вревской**

**22 сент
1835
Михайловское**

⟨стр. 1, глава I, внизу⟩ [1]	**+ Написана въ Кишеневѣ и Одессѣ 1823**
⟨стр. 39, глава II, внизу⟩	**Писана въ Одессѣ въ 1823 и 24**
⟨стр. 67, глава III, внизу⟩	**Писано въ 1824 въ Од⟨ессѣ⟩ и Михайловскомъ**
⟨стр. 101, глава IV, внизу⟩	**Въ Михайл. 1825**
⟨стр. 131, глава V, внизу⟩	**въ Мих. въ 1826**
⟨стр. 161, глава VI, внизу⟩	**въ Мих. 1826**
⟨стр. 191, глава VII, внизу⟩	**въ Мих. и въ П. Б. 1827 и 28**
⟨стр. 227, глава VIII, внизу⟩	**Въ Болдинѣ 1830** [2]

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 672) Надпись Пушкина сделана карандашом (теперь полустертым и покрытым молоком) на шмутцтитуле книги в простом переплете с красным кожаным корешком, без обложек: «Евгений Онегин, роман в стихах. Сочинение Александра Пушкина. Санктпетербург. В типографии Александра Смирдина 1833», 8°. Другие пометы писаны также карандашом, при каждой главе, внизу указанных страниц. При переплетании часть слова, вставленная нами в угловые скобки, отрезана. Вверху надписи Пушкина на шмутцтитуле рукою бар. П. А. Вревского написано: «Прошу не стирать карандаш, ибо это почерк поэта А. С. Пушкина. П. Вревский». На листке перед шмутцтитулом бар. Е. Н. Вревская написала: «Donné à mon cher Paul en souvenir de sa visite à Goloubowo l'année 1877 le 3 Janvier par sa grande maman E. Wrewsky» («Подарено моему дорогому Павлу на память о его посещении Голубова 3 января 1877 г. его бабушкой Е. Вревской»).

---

[1] *После печатных слов:* глава первая — *сделан знак сноски:* +

[2] *На этой же странице в эпиграфе, в слове* Buron *Пушкин сделал палочку к букве* u, *чтобы получить* y.

*

Книга вышла около 23 марта 1833 г. Пушкин подарил ее Вревской в 1835 г., когда был в Михайловском с начала сентября до середины октября 1835 г.[1] Экземпляр замечателен отметами Пушкина о времени написания каждой главы «Онегина». Отличия этих помет от помет на листе так называемой «Хронологии Онегина» (см. стр. 248) заключаются в следующем: в последний не поставлены годы написания I и VIII бывшей IX) песен, II песня имеет один год — «1824»; V песня — два года: «1825, 1826», и VII песнь — «Мих. П. Б. Малинн<ики> 1827, <182>8».

23.

Милостивому Государю
Григорью Павловичу
Небольсину
въ знакъ глубочайшаго
уваженія
отъ издателя
1836 декабрь

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 488). Факсимиле в уменьшенном виде воспроизведено при статье Д. Горбова «Зачем нам Пушкин?» в «Красной Ниве», № 48, от 24 ноября 1929 г., стр. 18 и в «Лит. Насл.», № 16—18, стр. 433. Надпись сделана на лицевой стороне обложки книги без переплета: «Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Второй том. Санктпетербург. В Гуттенберговой типографии. 1835», 8°. Экземпляр «Современника» является единственным материальным следом знакомства Пушкина с Г. П. Небольсиным.

Григорий Павлович *Небольсин* (25 октября 1811 — 16 июня 1896 г.) — член Государственного совета, сенатор и почетный член Совета мануфактур и Московского университета. В молодости служил в Министерстве финансов по Департаменту внешней торговли, а затем чиновником особых поручений этого департамента; с 1829 г. по 1859 г. был редактором «Коммерческой газеты» и позднее товарищем министра финансов. Он был известен статистическими и научно-литературными трудами; принимал участие в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара и печатался в разных периодических изданиях, например, в «Библиотеке для чтения» и «Трудах Вольного экономического общества», в котором состоял секретарем в течение многих лет и был затем его почетным членом (подробнее о нем см. в *ИВ* 1896, № 8, стр. 561—563, а также у С. А. Венгерова,

[1] Пушкин подарил Е. П. Вревской также и экземпляр последней главы «Евгения Онегина», но без всякой надписи (см. «Известия Имп. Академии Наук», VI серия, 1911, стр. 512, и *ВПД* на 1914 г., стр. 10, № 27).

«Источники словаря русских писателей», т. IV, П. 1917, стр. 506, где указана библиография). В 1835 г. Небольсин составил и издал «Статистические записки о внешней торговле России». Возможно, что Пушкин знал эту книгу и, желая привлечь молодого автора к участию в «Современнике», подарил ему экземпляр своего журнала.

24.

Твоя отъ твоихъ!
Сказочнику казаку Луганскому,
сказочникъ Александръ Пушкинъ

Впервые напечатана П. Мельниковым в «Полном Собрании сочинений Владимира Даля (казака Луганского)», т. I, 1897 г., стр. XXXIII. По словам Мельникова, надпись была сделана Пушкиным на рукописи его сказки о рыбаке и рыбке, подаренной с этой надписью В. И. Далю, после того как последний напечатал в 1832 году свои «Русские сказки. Первый пяток». «Они встречены были с восторгом всеми лучшими писателями того времени; особенно Пушкин был от них в восхищении. Под влиянием первого пятка сказок Казака Луганского, он написал лучшую свою сказку — *О рыбаке и золотой рыбке* и подарил Владимиру Ивановичу ее в рукописи» с приведенной выше надписью. Сказка о рыбаке и рыбке датирована в рукописи (в тетради № 2376-В, лл. 2 и 21) «14 окт. 1833. Болдино». Действительно, незадолго до этого, 18—19 сентября, Пушкин виделся с Далем в Оренбурге, когда поэт был там, собирая сведения о Пугачеве. В своей статье «Пушкин и Даль» (в книге «Пушкин», СПб. 1899, стр. 415) Л. Н. Майков не соглашается с Мельниковым в том, что сказка Пушкина написана под влиянием Сказок Даля; можно только предположить, говорит тот же исследователь, «что от Даля Пушкин получил материал для своей сказки». С этим мнением согласился и Н. О. Лернер в *В* VI, стр. 445.

Рукопись сказки, подаренной Далю, не сохранилась. Пушкин подарил ее ему несомненно после 14 октября 1833 г., но точнее определить дату не представляется возможным.

О Пушкине и Дале (род. в 1801, ум. в 1872 г.) известна большая литература. Кроме названной выше статьи Л. Н. Майкова об их взаимоотношениях, см. еще *РС*, 1907, № 10, стр. 63—67 (записки Даля о Пушкине), *СПД* на 1923 г., стр. 18—30; Я. К. Грот, Труды, т. III, СПб. 1901, стр. 397, *РА*, 1880, III, стр. 473—480 (статья Даля, оставшаяся в бумагах Пушкина и, вероятно, предназначавшаяся к напечатанию в «Современнике», с датой 16 августа 1836 г.), *РА*, 1872, столб. 2026; *РС*, 1907, № 12, стр. 280; «Известия Отд. рус. яз. и слов. Академии Наук 1910, т. XV, в. 1 стр. 63—77; *ПС*, в. XXIII—XXIV, стр. 67—100 и 301—304; «Киевские Университетские Известия» 1912 г., № 12, стр. 140; П. Е. Щеголев, «Дуэль и смерть Пуш-

кина», 3 изд., Л. 1928, по указ., и «Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 21—22 и 67—68, где указана главнейшая литература. О самом Дале ценные биографические сведения см. в *РС*, 1913, № 7, стр. 82—86.

II. НАДПИСИ НА КНИГАХ СОЧИНЕНИЙ ДРУГИХ АВТОРОВ

1.

Другу отъ Друга

Печатается по автографу, хранящемуся в *ПБЛ* (см. «Отчет Библиотеки за 1887 г.», стр. 105—106; Л. Н. Майков, «Материалы для академического издания сочинений Пушкина», СПб. 1902, стр. 1; *ПС* IX—X, стр. XVII и *РП*, 5—6 и 46, где указана библиография). Надпись Пушкина сделана, вероятно, в 1818 г., на листке перед титульным листом книги: «La Pucelle, poéme en vingt un chant avec les notes par Voltaire Edition stéréotype d'après le procédé Firmon Didot. A Paris. An X (1801)». («Девственница, поэма в двадцати одной песне, с примечаниями Вольтера». Стереотипное издание по способу Фирмон Дидо, 12°, 300 стр.). Экземпляр этот в темно-синем сафьяне с золотым тиснением и обрезом подарен был Пушкиным Н. И. Кривцову. После печатаемой нами надписи Пушкина в экземпляр вклеен листок ($13 \times 8^1/_2$ см.) с автографом послания Пушкина Н. И. Кривцову: «Когда сожмешь ты снова руку», с датой: «1818 Марта 2». Листок этот, вероятно, был вклеен самим Кривцовым, и, когда Пушкин дарил эту книгу, его не было.[1] См. снимок в «Лит. Насл.». № 16—18 стр. 989.

Николай Иванович *Кривцов* (1791—1843) познакомился с Пушкиным в 1817 г.; в 1818 г. Кривцов был причислен к русскому посольству в Лондоне; перед отъездом его за границу Пушкин и подарил ему этот экземпляр поэмы Вольтера (см. *П* I, 195—196).

2.

Милостивому Государю Братцу Льву Сергѣевичу Пушкину

Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским в *ПС* IX—X, 15 (№ 50). Факсимиле воспроизведено в «Литературном Наследстве», № 16—18, стр. 777.

[1] Надпись Пушкина ввела в заблуждение Л. Н. Майкова, озаглавившего послание Пушкина: «Другу от Друга» (см. «Материалы для академического издания сочинений Пушкина», стр. 1; ср. в *Ак* II, прим. 3—4).

Эта шуточная надпись Пушкина сделана на внутренней стороне верхней крышки переплета книги: «О запое и о лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения для неврачей о способе лечения сей болезни. Сочинение Доктора К. Бриль-Крамера. Москва. В Университетской Типографии. 1819», 8°, 197 стр. Пушкин мог подарить эту книгу брату не ранее мая 1827 г., когда приехал в Петербург после ссылки. Л. С. Пушкин отличался беспорядочным образом жизни, много проигрывал в карты и кутил.

Весьма вероятно, что Пушкин книгу с надписью фактически и не подарил беспутному братцу; так как книга сохранилась в библиотеке поэта.

3.

Павлу Воиновичу
Нащокину
отъ Автора
6 мая 1830 г
Москва 1 билетъ

Напечатана впервые Н. С. Ашукиным в «Литературной Газете», № 7 от 3 июня 1929 г., по копии, снятой В. Я. Брюсовым с оригинала, ныне находящегося в *ИРЛИ* (№ 18). Надпись сделана на обороте печатного пригласительного билета о помолвке Пушкина с Н. Н. Гончаровой, следующего содержания: «Николай Афонасьевичъ и Наталья Николаевна ⟨sic!⟩ Гончаровы, имѣютъ честь объявить о помолвкѣ дочери своей Натальи Николаевны съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, сего Маія 6 дня 1830 года» (ср. «Девятнадцатый век», I, 383). Подробности см. в названной заметке Ашукина. Ср. «Вечерняя Красная газета» 23 октября 1934: «Новый Пушкинский автограф».

4.

Souvenir aimable de la part de M-r Pouchkine, jeune littérateur très distingué.

Перевод:

Любезный подарок г-на Пушкина, молодого писателя, весьма почтенного.

Напечатана впервые Б. Л. Модзалевским, как надпись Пушкина, в «Каталоге Пушкинской юбилейной выставки в имп. Академии Наук в С.-Петербурге», СПб. 1899, стр. 21 (№ 169). Подлинник принадлежал

П. П. Зубовой, внучке бар. Е. Н. Вревской, к которой, вероятно, и относится эта шуточная надпись Пушкина, сделанная на книге: «Popular ballads and songs, from tradition, manuscripts and scarce editions». Paris 1825. Издание бар. Лёве-Веймарса («Народные баллады и песни по преданиям, рукописям и редким изданиям», Париж 1825».)

Экземпляр этой книги Пушкин подарил Е. Н. Вульф-Вревской, вероятно, в 1825—1826 гг. в Михайловском, но может быть и позже. Подлинник в настоящее время неизвестно где находится.

5.

поэту Тѣплякову
отъ поэта Пушкина
Въ 1836
25 сентября
С. П. Б.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 437, 1—2). Напечатано впервые в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 1022. Надпись Пушкина сделана на листке перед шмутцтитулом первого тома книги: [Thomas Hope] «Anastase, ou mémoires d'un grec, écrits a la fin du XVIII-e siècle; traduits de l'anglais par l'auteur de Londres en 1819». Paris, 1820, т. I—4 нен. + 1 карта Оттоманской империи + 499 стр.; т. II—525 стр. Оба тома в простых переплетах. На шмутцтитуле второго тома надпись, вероятно, прежнего владельца книги: «Ивановский». Слово «Тѣплякову» печатается нами по чтению Б. Л. Модзалевского, хотя оно написано неясно и, по мнению Б. В. Томашевского, может читаться: «Тяняшову». Мы все же склонны придерживаться чтения Б. Л. Модзалевского, считая вторую букву за «ѣ», а не за «е», как читал последний.

Виктор Григорьевич *Тепляков* (1804—1842) — известный поэт и путешественник-археолог.

На творчество Теплякова Пушкин имел сильное влияние. Тепляков называл его «великим учителем». Личное знакомство Теплякова с Пушкиным, вероятно, произошло в 1835—1836 гг.; до этого времени они не могли сталкиваться.[1] «Во время пребывания в Петербурге, — говорит Ф. А. Бычков, — с 21 мая по 4 июля 1835 г. и с 15 октября того же года по 21 июня 1836 г. Тепляков вращался в среде светил тогдашнего русского

[1] Выдержки из дневника В. Г. Теплякова, опубликованные А. Греном в «Петербургском Вестнике» 1861 г., № 14, вымышлены. Они вошли в книгу Н. В. Гербеля «Русские поэты в биографиях и образах», изд. 3, СПб. 1888, стр. 273—274, и в книгу П. И. Бартенева, «Пушкин в Южной России», М. 1862, стр. 72—73 (ср. «Известия Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук» 1911, т. XVI, кн. 3, стр. 321).

литературного мира; в дневнике его, оставшемся в рукописи, то и дело встречаются заметки об обедах и вечерах, проведенных Виктором Григорьевичем в обществе Жуковского, Пушкина, князя Одоевского, Плетнева, графа Виельгорского, Норова, Соболевского и др.» (*ИВ* 1887, № 7, стр. 11). К сожалению, дневник этот до сих пор не напечатан. 26 августа 1836 г. Тепляков был уже в Одессе (см. письмо его кн. В. Ф. Одоевскому в *ПС* XXIX—XXX, 221). Очевидно, Пушкин книгу Норе'а послал Теплякову уже после его отъезда из Петербурга. К его поэзии Пушкин относился также весьма сочувственно. Известен его благоприятный отзыв о напечатанном в «Северных Цветах» на 1830 г. стихотворении Теплякова «Странники» (см. *РС* 1896, № 3, стр. 660 и 662).

В 1836 году вышел в свет второй том «Стихотворений Виктора Теплякова» под заглавием: «Фракийские элегии», о котором Пушкин написал восторженную рецензию в своем «Современнике», т. III, стр. 170—186 (ср. *Ak* IX, 322—335 и прим., 813—821). Надо думать, что Пушкин и лично высказывал Теплякову свое мнение по поводу его «самобытного таланта».

Об отношении Теплякова к Пушкину см. еще *РС* 1896, № 9, 661; ibid. № 4, 201, 203; *ИВ* 1887, № 7, 20—22; *РС* 1896, № 8, стр. 415—418; ibid, № 10, 236; *ПС*, XXIX—XXX, 212—214.

6.

А. Норову
Отъ А. Пушкина

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 28). Напечатано впервые в №№ 16—18 «Литературного Наследства», стр. 1022 и снимок на стр. 993. Надпись Пушкина сделана на листке перед титульным листком книги в кожаном переплете: «Poesies sur la constitution unigenitus. Recueillies par le Chevalier de G... Officier du Regimen de Champagne. A. Villefranche, M.DCC.XXIV»; т. I — 2 нен. + XXIV + 317 + 1 нен. стр. + 1 гравюра; т. II — 2 нен. + 389 + 3 нен. стр. (с нотами и виньетками); в одном переплете. *ИРЛИ* книга приобретена в 1929 г. за восемь рублей в Художественно-антикварной конторе Госторга.

Авраам Сергеевич *Норов* (1795—1869) — поэт и писатель, служил по Министерству внутренних дел. В 1834 г. путешествовал по Египту и Нубии и по Палестине и издал описания своих поездок. Впоследствии был министром народного просвещения (1853—1858) и членом Академии Наук. Пушкин был с ним «на ты» и пользовался его замечательной по подбору книг библиотекой, о чем свидетельствуют письма к нему поэта от 1833 г. (см. *АП* III, №№ 759 и 760; «Русский Вестник» 1899, № 6, стр. 393—394 и прим.). Пушкин упомянул его в своем дневнике 2 апреля 1834 г. и дал нелестный отзыв в письме от 1836 г. (см. *ДП*, 10 и 250—251 и *АП* III,

314), а к 1827 г. относится неодобрительный отзыв Пушкина о переводах Норова из Данте, напечатанных в альманахе «Северная Лира на 1827 г.» (см. *ПС* XXIII—XXIV, 1—8 и *АК* IX, ч, 1, стр. 44 и ч. 2, стр. 104). Рассказ Норова о «Гавриилиаде» Пушкина см. в «Записках и дневнике А. В. Никитенко», СПб. 1905, II, 240.

Книгу подарил Норову Пушкин, вероятнее всего, в 1833—1834 гг., и этот дар был, повидимому, данью благодарности со стороны Пушкина за пользование библиотекой Норова (о ней см. сведения в книге У. Г. Иваска, «Частные библиотеки в России», ч. II, прилож. к «Русскому Библиофилу» за 1911, СПб. 1912, стр. 17).

VI

ПРОТОКОЛЫ ПРАЗДНОВАНИЙ «ЛИЦЕЙСКИХ ГОДОВЩИН»

Празднование «лицейских годовщин» началось в среде лицеистов первого курса с первого же года существования Лицея, но документальные свидетельства об этих годовщинах дошли до нас далеко не за все годы. Подробности и исчерпывающие сведения о лицейских праздниках можно найти в следующих статьях: В. П. Гаевского «Празднование лицейских годовщин в пушкинское время» в «Отечественных Записках» 1861, № 12, стр. 29—41 второй пагинации; Я. К. Грота «Лицейские годовщины» («Труды Я. К. Грота», III, под ред. К. Я. Грота, СПб. 1901, стр. 81—86 второй пагинации) и К. Я. Грота «Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него» в *ПС* XIII, 38—89. Публикуемые два протокола годовщин 19 октября 1828 и 1836 гг. писаны почти сплошь рукою Пушкина.

Впервые в извлечениях оба протокола опубликованы В. П. Гаевским в названной выше статье его, на стр. 34—35 и 37—38. В извлечениях же напечатаны в работах Я. К. и К. Я. Гротов (почти полностью). См. также *E*[4], т. VII, стр. 304—305 и 661—662.

Л. Модзалевский

1.

19 октября 1828. С. П: Б.

Собралися на пепелище скотобратца Курнофеiуса Тыркова[1] (по прозвищу Кирпичнаго бруса) 8 человѣкъ скотобратцевъ а имянно: Дельвигъ — Тося, Илличевскiй — Олосенька, Яковлевъ — поясъ, Корфъ — дьячокъ морданъ, Стевенъ Шведъ Тырковъ (смотри выше) Комовскiй лиса, Пушкинъ — французъ (смѣсь обѣзiаны съ тигромъ —)

а) пѣли извѣстный лицейскiй пэанъ

<u>лѣто, знойна</u>

---

[1] а *переделано из* у.

NB. Пушкинъ-французъ открылъ, и согласилъ съ нимъ соч. Олосенька что должно вмѣсто общеупотребляемаго припѣва лѣто знойно, пѣть какъ выше означено.

b) Вели бесѣду.
c) выпили вдоволь ихъ здоровій.
d) пѣли рефутацію Гна[1] Беранжера.[2]
e) пѣли пѣсню о Царѣ Соломонѣ
f) пѣли скотобратскія куплеты прошедшихъ 6ти годовъ —
g) Олосенька въ видѣ фр. тамбура Мажора утѣшалъ собравшихся
H) Тырковіусъ безмолствовалъ
I) Толковали о Гимнѣ ежегодномъ и негодовали на вдохновеніе скотобратцевъ
K) Паясъ представлялъ восковую персону————
L) И завидѣли на дворѣ часъ 1ой и стражу вторую скотобратцы разошлись, пожелавъ[3] добраго пути Воспитаннику Императорскаго Лицея Пушкину французу, иже написа сію грамоту

Дельвигъ (Тосинька)
Илличевскій (Олесинька)
Яковлевъ (Поясъ-Комикъ)
Корфъ (Дьячокъ Морданъ)
Стевенъ (шведъ)
Кирпичный брусъ (Тырковъ)
Камовскій — (Лиса)

Пушкинъ (французъ)

Усердно помолившись Богу
Лицею прокричавъ Ура
Прощайте, братцы: мнѣ въ дорогу
А вамъ въ постель уже пора

Весь текст, кроме подписей, написан рукой Пушкина на двух листах почтовой бумаги большого формата без водяного знака и хранится в *ИРЛИ* (собрание Я. К. Грота) (см. К. Я. Грот, «Пушкинский лицей», СПб. 1911, стр. 349; здесь же между стр. 352—353 приложено факсимиле начала протокола).

---

[1] а *переделано из* у.
[2] Б *переделано из* В.
[3] *Переделано из*: пожалѣвъ.

Относительно лицейских прозвищ лицеистов бар. М. А. Корф сообщил В. П. Гаевскому следующее: «Самая подпись протокола этими прозвищами доказывает, что никто не считал их для себя обидою, даже и при тогдашних наших, более тридцати лет тому назад, понятиях. Сколько могу припомнить, это было так: Яковлев — паяс, по чрезвычайному дару к самым разнородным фарсам и к передразниванию;[1] Корф — дьячок Мордан, первое вследствие особенного знания им церковных служб, последнее из переделки его имени Модест (как у Дельвига из Антона — Тося, у Илличевского из Алексея — Олосенька); Комовский, очень проворный и лукавенький (в школьном смысле) мальчик — лиса. Тырков был курнос и какого-то смугло-бурого цвета (кирпичный брус); Стевен был точно швед, родом из Финляндии; наконец Пушкина прозвали французом еще с первых почти дней лицейской жизни, потому что он поступил к нам с совершенно французским воспитанием» («Отечественные Записки» 1861, № 12, стр. 34—35 прим.).

Тырков — Александр Дмитриевич (1799 — 7 ноября 1843).

Дельвиг — Антон Антонович, барон (6 августа 1798 — 14 января 1831).

Илличевский — Алексей Демьянович (1798 — 6 октября 1837).

Яковлев — Михаил Лукьянович (19 сентября 1798 — 4 января 1868).

Корф — Модест Андреевич, барон, затем граф (11 сентября 1800 — 2 января 1876).

Стевен — Федор Христианович (1797 — 1/13 августа 1851).

Комовский — Сергей Дмитриевич (1 июля 1798 — 8 июля 1880).

О перечисленных лицах см. в книге Н. А. Гастфрейнда «Товарищи Пушкина». СПб. 1912—1913, тт. I—III.

Лицейский пэан «Лето, знойна...» — бар. М. А. Корф в своих заметках, приложенных к рукописи статьи В. П. Гаевского о лицейских годовщинах (в *ИРЛИ*, № 18031—CXIII 6. 55) пишет: «Этот «пэан» был написан на манер Тредьяковского и в подражание ему. Вместо «согласилъ» должно быть «согласился», то есть что сочинитель Илличевский принял вариант, предложенный Пушкиным, кажется, лишь для увеличения бессмыслицы». Пэан принадлежит к числу лицейских, так называемых «национальных песен» и полностью опубликован в книге К. Я. Грота «Пушкинский лицей», СПб. 1911, стр. 192—193 и 221. Сочинен он А. Д. Илличевским.

Рефутация Беранжера — пародия Пушкина, начинающаяся: «Ты помнишь ли, ах, ваше благородье», впервые как произведение поэта опубликованная В. П. Гаевским в «Отечественных Записках» 1861, № 12, стр. 36 (ср. Ю. Н. Щербачев «Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин», М. 1912, стр. 127—128). Входит в собрания сочинений Пушкина *КН* II, 41—42 и *ПГ* II, 284—285, но достоверного кононического текста ее не имеется. У Беранже подобного стихотворения, послужившего Пушкину

[1] Список ролей, в которых «паясил» М. Л. Яковлев (200 номеров), напечатан в книге К. Я. Грота «Пушкинский лицей». СПб. 1911, стр. 80—81.

материалом для пародии, нет. Стихотворение принадлежит Эмилю Дебро (Emile Debraux, 1788—1831), популярному во Франции поэту буржуазно-демократического направления. Песенка Дебро была широко известна и начинается следующими стихами: «T'en souviens tu, disait un capitaine» («Ты помнишь ли, говорил капитан»). Текст ее, с нотами на голос, по которому она пелась, напечатан Б. В. Томашевским в *ПС* XXXVII, 119—122. Беранже посвятил памяти Дебро («Oeuvres complètes», Paris, 1853, pp. 543—544, 636) стихотворение на голос этой песенки («Soldat, t'en souviens-tu...»), в котором говорил: «Debraux dix ans régna sur le goguette... du pauvre peuple il chanta les amours...» («Дебро десять лет царил в шутливых песенках... бедного народа он пел любовь...»)' (См. об этом подробнее в *В* V, стр. VII—VIII, а также «Воспоминания Ф. П. Фонтона», Лейпциг, 1866, II, 182.)

Песня о царе Соломоне — стихотворение бар. А. А. Дельвига «Друзья поверьте, не грешно Любить с вином бокал...»; в отрывке приведено В. П. Гаевским в «Библиографических Записках» 1861, № 12, стр. 35, прим. В «Сочинения бар. А. А. Дельвига», изд. журнала «Север», СПб. 1893, не вошло. Нет о нем сведений и в позднейших исследованиях о Дельвиге (например: Дельвиг, «Неизданные стихотворения», под ред. М. Л. Гофмана, П. 1922, и Ю. Верховский, «Барон Дельвиг», изд. А. С. Кагана, 1922). Стихотворение ныне полностью по записи М. Л. Яковлева напечатано в «Полном собрании стихотворений А. А. Дельвига», под ред. Б. В. Томашевского, Л. 1934, стр. 395 и 495.

Конец стихов Пушкина имеет в виду его отъезд. Действительно, в этот же день, в ночь на 20 октября, Пушкин уехал в с. Малинники, Старицкого уезда, Тверской губернии, в имение П. А. Осиповой, где и провел около шести недель (об этом см. *П* II, 56—58 и прим. к ним, и заметку Л. Б. Модзалевского «Два новых автографа Пушкина» в «Звеньях» № 1, М.—Л. 1932, стр. 50—52).

2.

19 Октября 1836.

Праздновали двадцатипятилѣтіе Лицея (на Екатерининскомъ каналѣ, въ бывшемъ Библейскомъ домѣ, возлѣ Михайловскаго Дворца, на квартирѣ Яковлева):

П. Юдинъ
П. Мясоѣдовъ
П. Гревеницъ
М. Яковлевъ.
Мартыновъ.
Модестъ Корфъ
А. Пушкинъ
Алексѣй Илличевскій

С. Комовскій
Ф. Стевенъ.
К. Данзасъ

Собрались выше упомянутыя Господа лицейскія въ домѣ у Яковлева и пировали слѣдующимъ образомъ:

1) Обѣдали вкуспо и шумно
2) выпили три здравія (по заморскому toasts)
   a) за двадцати пятилѣтіе Лицея
   b) за благоденствіе Лицея
   c) за здоровье отсутствующихъ
3)[1] Читали письма писанныя нѣкогда отсутствующимъ братомъ Кюхельбекеромъ къ одному изъ товарищей.
4) Читали старинныя протоколы, пѣсни, и проч. бумаги хранящіяся въ Архивѣ Лицейскомъ у старосты Яковлева —
5) Поминали Лицейскую старину
6) Пѣли національныя пѣсни.
7) Пушкинъ начиналъ читать стихи на 25-ти лѣтіе Лицея, но всѣхъ стиховъ не припомнилъ и кромѣ того отозвался, что онъ ихъ не докончилъ; но обѣщалъ докончить, списать и пріобщить въ оригиналѣ къ сегодняшнему протоколу.

Примѣчаніе. Собрались всѣ къ половинѣ 5-го часа, разошлись въ половинѣ десятаго.

Текст, напечатанный обычным шрифтом, написан рукой Пушкина, начало и конец протокола (мелкий шрифт) написаны рукой М. Л. Яковлева. Подписи участников празднования — их автографы.

Протокол написан на двух листах писчей бумаги с водяным знаком: «Б. У. 1835», и хранится в *ИРЛИ* (собрание Я. К. Грота) (см. К. Я. Грот, «Пушкинский лицей», СПб. 1911, стр. 349 и стр. 350 и 351, где полностью воспроизведено факсимиле протокола).

Юдин — Павел Михайлович (1798 — 28 января 1852).

Мясоедов — Павел Николаевич (1799 — 3 ноября 1868).

Гревениц — Павел Федорович, барон (17 мая 1798 — 10 мая 1847).

Мартынов — Аркадий Иванович (1801 — 2 мая 1850).

О М. Л. Яковлеве, бар. М. А. Корфе, А. Д. Илличевском, С. Д. Комовском, Ф. Х. Стевене — см. выше, стр. 735.

[1] *Переделано из* 2.

Данзас — Константин Карлович (1801 — 3 февраля 1870).

О перечисленных лицах см. в книге Н. А. Гастфрейнда, «Товарищи Пушкина», СПб. 1912—1913, тт. I—III.

Письма Кюхельбекера — по утверждению В. П. Гаевского, обращены к С. Д. Комовскому. Одно из них напечатано Я. К. Гротом (см. «Труды Я. К. Грота», III, 257—258 второй пагинации). Ср. *ПС* XIII, 61 прим.

Стихи Пушкина — «Была пора: наш праздник молодой...»

Обещания своего приложить к протоколу список с этого стихотворения Пушкин не выполнил.

По поводу чтения Пушкиным этих стихов до нас дошло два рассказа товарищей Пушкина — один, записанный П. В. Анненковым со слов неназванного лица, другой — В. П. Гаевским со слов М. Л. Яковлева, как бы в возражение Анненкову. Анненков писал: «...По обыкновению и к 1836 году он 〈Пушкин〉 приготовлял лирическую песнь, но не успел ее докончить. В день праздника он извинился перед товарищами, что прочтет им пьесу не вполне доделанную, развернул лист бумаги, помолчал немного, и только что начал, при всеобщей тишине, свою удивительную строфу:

«Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался»,

как слезы покатились из глаз его. Он положил бумагу на стол и отошел в угол комнаты, на диван... Другой товарищ уже прочел за него последнюю лицейскую годовщину» (*А* I, 425).

Через несколько лет В. П. Гаевский, в своей статье «Празднование лицейских годовщин», писал: «По свидетельству Яковлева, поэт только что начал читать первую строфу, как слезы полились из его глаз. Он не мог продолжать чтение». Далее Гаевский возражает Анненкову, цитируя конец только что приведенного нами абзаца: «Заметил, что Пушкин читал наизусть и, следовательно, никто не мог дочитать его стихов» («Отечественные Записки» 1861, № 11, стр. 38).

Кроме первого чернового автографа, до нас дошел лишь один перебеленный автограф этого стихотворения, писанный на отдельном листе (№ 2377 А). Он представляет собою текст с поправками, зачеркнутыми и не замененными словами и недописанным последним стихом. Стихи так и не были закончены. Вообще говоря, Пушкин писал стихи чаще в тетрадях, чем на отдельных листах. Не исключена возможность, что он написал на листе именно для того, чтобы взять его с собой на празднование лицейской годовщины.

Как видно из приведенных рассказов участников празднования, Пушкин так разволновался, что не мог продолжать чтение. Это отразилось и на протоколе празднования. Конец его написан Яковлевым.

День 19 октября 1836 г. совпал со днем 25-летия существования Лицея. В этот день Пушкин последний раз в жизни присутствовал на товарищеском празднике. Кроме этого протокола, написанного частью Пуш-

киным (весь текст, кроме даты, адреса Яковлева, подписей и конца протокола, с пункта 6-го), сохранилась еще его записочка к М. Л. Яковлеву от начала октября 1836 г., касающаяся вопроса о необходимости, по примеру прежних лет, собраться только лицеистам первого курса. С этим мнением согласились и другие лицеисты-первокурсники. Записка Пушкина впервые напечатана В. П. Гаевским в названной выше статье его на стр. 37 и вошла *АП* III, 379.

VII

ПОКАЗАНИЯ ПО ДЕЛАМ О РАСПРОСТРАНЕНИИ СТИХОВ ИЗ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ» И «ГАВРИИЛИАДЫ»

В этот отдел выделены показания Пушкина по делам о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады», занимающие совершенно особое место среди биографических документов по своему политическому значению.

Транскрипция текстов (кроме черновика второго показания по делу о «Гавриилиаде», транскрибированного Т. Г. Зенгер) и комментарий принадлежат мне.

Л. Модзалевский

I. ПОКАЗАНИЯ ПО ДЕЛУ ОБ ЭЛЕГИИ «АНДРЕЙ ШЕНЬЕ»

Впервые сведения о деле, возбужденном против Пушкина и других прикосновенных к нему лиц, появились в статье чиновника III Отделения М. М. Попова, напечатанной в *РС* 1874, № 8, под заглавием: «Александр Сергеевич Пушкин» (стр. 691—694). Затем П. А. Степанов в том же издании (1874, № 11, стр. 584—588) опубликовал «Решение суда по поводу элегии А. С. Пушкина «Андрей Шенье» 1828 г.», а в 1882 г. в том же издании (№ 2, стр. 465—469) П. А. Ефремов напечатал «Официальное объявление А. С. Пушкину решения по делу об элегии «Андрей Шенье» 1827—1831». В 1887 г. некоторые документы из производившегося над Пушкиным следствия и в том числе два его подлинных показания (второе и третье) переданы были из Департамента министерства юстиции в Пушкинский музей Александровского лицея (см. «Памятную книжку Имп. Александровского лицея» за 1898—1899 гг. «К биографии Пушкина», стр. 26—28; ср. С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов, «Описание Пушкинского музея Имп. Александровского лицея», под ред. И. А. Шляпкина, СПб. 1899, стр. 4; И. А. Шляпкин, «К биографии Пушкина», СПб. 1899, стр. 26—28 и *Ш* 339—341). Факсимиле двух документов по этому делу напечатано было в журнале «Звезда» 1887, № 4, стр. 13—15. Новые материалы по тому же делу Пушкина были введены в научный оборот А. Слезскинским в его статье «Преступный отрывок элегии „Андрей Шенье“», напечатанной в *РС* 1899, № 8, стр. 313—326. Новый автограф Пушкина (второе показание), опубликованный

здесь в пересказе А. Слезскинского, вошел в *Е*[4] 260—261, где перепечатаны были и два другие (третье и четвертое) показания Пушкина (стр. 276—277 и 286). Впервые полностью второе показание Пушкина напечатано было по сообщению П. Е. Щеголева П. А. Ефремовым в *Е*[4] VIII, 597—602. Дополнительные сведения к этому делу появились в *СД*, 15—17 и 267—300. Наконец, покойный исследователь Пушкина П. Е. Щеголев, разобравшись во всем накопившемся к этому времени материале и занявшись вновь подлинными следственными делами, опубликовал в 1909 г. свою обширную, подводящую итоги этому вопросу, работу под заглавием: «А. С. Пушкин — в политическом процессе 1826—1828 гг. (из архивных разысканий)» (см. *ПС* XI, 1—51, перепечатана в *ЩП*[1], 266 и *ЩП*[2], 95—126). К этой работе П. Е. Щеголева мы и отсылаем.

1.

Московской Оберъ-Полицмейстеръ получивъ Отношеніе Коммисіи военного Суда, учрежденной Лейбъ-Гвардіи при Конно-Егерскомъ полку от 13-го сего Генваря за № 4, по дѣлу производящемуся въ оной по Высочайшему повелѣнію надъ Штабсъ-Капитаномъ Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскаго полка Алексѣевымъ, требуетъ отъ прикосновеннаго къ оному дѣлу Сочинителя А. Пушкина письменное показаніе противъ нижеслѣдующихъ пунктовъ:

1) Имъ ли сочинены извѣстныя стихи, когда, и съ какою цѣлію они сочинены?

Александръ Пушкинъ не знаетъ о какихъ извѣстныхъ стихахъ идетъ дѣло, и проситъ ихъ увидѣть.

2) Почему извѣстно ему сдѣлалось намѣреніе злоумышленниковъ, въ стихахъ изъясненное?

Онъ не помнитъ стиховъ могущихъ дать поводъ къ таковому заключенію

3) Кому отъ него сіи стихи переданы?

4) Въ случаѣ же отрицательства, неизвѣстно ли ему кѣмъ оные сочинены?

Печатается впервые, по подлиннику, находящемуся в деле московского обер-полицмейстера (*л.* 161_2) и хранящемуся ныне в Московском Облархиве. За сообщение этого документа для настоящего издания приносим благодарность тов. Грекулову. (Ср. «Литературный Ленинград» 14 октября 1934, № 52(74). Факсимиле воспроизведено в № 16—18 «Литературного наследства», стр. 693).

Это первое показание Пушкина было дано им 19 января 1827 г. Отношение комиссии военного суда от 13 января было получено московским обер-полицмейстером генерал-майором Шульгиным 18 января, о чем в деле имеется соответствующая помета (на л. 160). Уже на следующий день Пушкин был призван к Шульгину, где и дал свое показание. На основании ответа Пушкина Шульгин в тот же день 19 января за № 38 отправил в комиссию отношение, в отпуске сохранившееся в том же деле (л. 164) и по подлиннику из дела комиссии напечатанное П. Е. Щеголевым в его работе «Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.» (см. *ЩП*[2], 112). Из сличения показания Пушкина с текстом ответа Шульгина видно, что последний почти дословно воспроизвел слова Пушкина.

2.

Сіи стихи дѣйствительно сочинены мною. Они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей и помѣщены въ Элегіи Андрей Шенье, напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ Стихотвореній.

Они явно относятся къ Французской революціи, коей А. Шенье погибъ жертвою. Онъ говоритъ:

Я славилъ твой небесный громъ
Когда онъ разметалъ позорную твердыню

Взятіе бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье.

Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ
Великодушную присягу.
И самовластію безтрепетный отвѣтъ —

Присяга du jeu de paume, и отвѣтъ Миробо: allez dire à votre maître &c.

И пламенный трибунъ и проч.

Онъ-же, Мирабо.

Уже въ безсмертной Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни

Перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ.

Мы свергнули царей — — —

въ 1793.

Убійцу съ палачами
Избрали мы въ Цари

Робеспьера и конвентъ.

Всѣ сіи стихи никакъ, безъ явной безсмыслицы не могутъ относится къ 14 декабрю.

Nе знаю кто надъ ними поставилъ сіе ошибочное заглавіе Nе помню кому могъ я передать мою Элегію А. Шенье.

Александръ Пушкинъ

27 января
1827
Москва

Для большей ясности повторяю, что стихи извѣстныя подъ заглавіемъ: 14 декабря, суть отрывокъ изъ элегіи, названной мною Андрей Шенье.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 10); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f°, без водяного знака, и находился в деле Главного военно-судного управления. Впервые опубликовано, в пересказе, в статье А. Слезскинского в *РС*, 1899, № 8, стр. 317, и перепечатано отсюда П. А. Ефремовым в *Е*[4] VII, 260—261. Полностью по автографу Пушкина напечатано им же в том же издании, VIII, 599—600, а затем в статье П. Е. Щеголева *ПС* XI, 31—32 и факсимиле, *ЩП*[1], 291—293 и факсимиле и *ЩП*[2], 114—115 и факсимиле.

3.

Элегія Андрей Шенье напечатана въ Собраніи моихъ стихотвореній вышедшихъ изъ Цензуры 8 окт. 1825 года. Доказательство тому: одобреніе цензуры на заглавномъ листѣ.

Цензурованная рукопись, будучи вовсе ненужною, затеряна какъ и прочія рукописи мною напечатанныхъ стихотвореній.

Опять повторяю что стихи найденные у Г. Алексѣева взяты изъ Элегіи Андрей Шенье, не пропущены Цензурою и замѣнены точками въ печатномъ подлинникѣ, послѣ стиховъ

Но лира юнаго пѣвца
О чемъ поетъ? поетъ она свободу:
Не измѣнилась до конца.
«Привѣтствую тебя, мое свѣтило &с.

Замѣчу что въ семъ отрывкѣ поэтъ говоритъ

О взятіи Бастиліи.

О клятвѣ du jeu de paume.
О перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ.
О побѣдѣ революціонныхъ идей.
О торжественномъ провозглашеніи Равенства.
Объ уничтоженіи Царей.

Чтоже тутъ общаго съ нещастномъ бунтомъ 14 декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?

Въ заключеніи объявляю что послѣ моихъ послѣднихъ объясненій мнѣ уже ничего не остается прибавить въ доказательство истинны.

10го класса Александръ Пушкинъ

С. Петербургъ
1827 г. 29 іюня.

Помета канцелярская вверху: получено 3-го Іюля 1827 года.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 70); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «J. Whatman Turkey Mill. 1826», и находился в деле департамента министерства юстиции о Пушкине, Леопольдове, Алексеве и др.

Впервые напечатано в пересказе М. М. Попова в *РС* 1874, № 8, стр. 693, и полностью в «Памятной книжке Имп. Александровского лицея на 1898—1899 г.», стр. 26—27, и в брошюре И. А. Шляпкина «К биографии Пушкина», СПб. 1899, стр. 26—27 (ср. *Ш*, 339—340 и *Е* [4] VII. 276—277).

4.

Господину С. Петербургскому Полицмейстеру Полковнику Дешау

от 10го класса чиновника
Александра Пушкина

Объясненіе.

На требованіе суда узнать отъ меня: «какимъ образомъ случилось что отрывокъ изъ Андрея Шенье будучи не пропущенъ Цензурою сталъ переходить изъ рукъ въ рукѣ во всемъ про-

странствѣ» отвечаю: стихотвореніе мое Андрей Шенье было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что я не думалъ дѣлать изъ него тайну.

Александръ Пушкинъ

24 Ноября
1827
С. Петербургъ

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 71); подлинник писан на двух листах писчей бумаги in f° с водяным знаком: «A F R» и «Pro Patria», и находился в деле Департамента министерства юстиции о Пушкине, Леопольдове, Алексееве и др. Впервые очень кратко, в пересказе, напечатано М. М. Поповым в *РС* 1874, № 8, стр. 694, и полностью в «Памятной книжке Имп. Александровского лицея на 1898—1899 г.», стр. 27—28, и в брошюре И. А. Шляпкина «К биографии Пушкина», СПб. 1899, стр. 27—28 (ср. *Ш*, 341 и *Е*[4] VII, 286).

В фамилии петербургского полицмейстера Пушкин сделал описку. В это время в Петербурге полицмейстером был полковник Карл Федорович *Дершау* (1784—20 февраля 1862), впоследствии генерал-лейтенант и комендант г. Або в Финляндии.

II. ПОКАЗАНИЯ ПО ДЕЛУ О «ГАВРИИЛИАДЕ»

Фактическая сторона дела по привлечению Пушкина к дознанию об его авторстве в написании «Гавриилиады» находится в следующих основных печатных источниках: *СН* V, 3—5; В. Щеглов, «Новые документы о Гавриилиаде» (*СН* XIII, 1—2); «Дело архива III Отделения Собственной е. и. в. канцелярии о дурном поведении шт. кап. Митькова и др.» в *СД*, 313—367; «Переписка по делу о развращении отставным шт.-кап. Митьковым своих дворовых людей в понятиях христианской религии чтением рукописного стихотворения «Гаврилиады», а также о допросе по этому делу А. С. Пушкина и его письменных ответах на вопросном листе, им лично подписанном 1828 г.» в *СН* XV, 184—213; Б. Л. Модзалевский, «К истории Гавриилиады» (*ПС* XVII—XVIII, 74—76 и *П* II, 299—301; «Гавриилиада, поэма», под ред. Б. В. Томашевского, П. 1922; М. П. Алексеев, «Мелкие заметки к „Гавриилиаде"» в сб. «Пушкин. Статьи и материалы», под его же редакцией, в. I, Одесса, 1925, стр. 20 — 31 и др.

1.

⟨между 3 и 5 августа 1828 г.⟩

1828 Года, въ присудствіи С. Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ, бывъ спрашиванъ по изложеннымъ ниже сего вопросамъ, показалъ:

1) Вами ли писана Поэма, известная подъ названіемъ Гавриліады? — Не мною.

2) Въ которомъ году сію Поэму вы писали? — въ первый разъ видѣлъ я Гавриліаду въ Лицѣе въ $15^{мъ}$ или 16 году и переписалъ ее; не помню куда дѣлъ ее — но съ тѣхъ поръ не видалъ ее —

3) Имѣете ли вы и нынѣ у себя екземпляръ этой поэмы? — Если таковой находится, то представьте его. — Не имѣю —

$10^{го}$ класса Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые в пересказе в *СН* V, 4, и в таком виде перепечатано в *E*[4] VII, 301. Полностью напечатано в *СН* XV, 207, с приложением факсимиле на стр. 205. Нами печатается по автографу, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 29); подлинник писан на одном листе писчей бумаги без водяного знака и находился в деле о «Гавриилиаде» (л. 35) из архива Собственной е. и. в. канцелярии.

2.

1828 года Августа $19^{ч}$ нижеподписавшійся $10^{го}$ класса Александръ Пушкинъ въ слѣдствіи Высочайшаго повеленія объявленнаго Г. Главнокомандующимъ въ С. Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призванъ къ С. Петербургскому военному Губернатору, спрашиванъ отъ кого именно получилъ поэму подъ названіемъ Гавриліады показалъ:

Рукопись ходила между офицерами Гусарскаго полку, но отъ кого изъ нихъ именно я досталъ оную, я никакъ не упомню. Мой-же списокъ сжегъ я вѣроятно въ $20^{мъ}$ году —

Осмѣливаюсь прибавить что не въ одномъ изъ моихъ сочиненій, даже изъ тѣхъ, въ коихъ я наиболѣе разкаиваюсь, нѣтъ слѣдовъ духа безвѣрія или кощунства надъ религіей. Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе приписывающее мнѣ произведеніе столь жалкое и постыдное.

10го класса Александръ Пушкинъ

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 114); автограф писан на двух листах почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, и находился в деле III Отделения собственной е. и. в. канцелярии (л. 21).

Впервые опубликовано в *СН* V, 4—5 и вошло в *Е*[4] VII, 301 (ср. VIII, 604—607); см. также *СД* 332 и 345.

черновое[1]

рукопись ходила между [офицер] юнкерами Гус. полку, но я никакъ [*нрзбр*] не запомню отъ кого именно я досталъ оную [Знаю только что ее припи] [ее приписали покойному поэту ⟨?⟩ Кн. Дм. Горч.⟨акову⟩]

[Осмѣливаюсь зам] Списокъ [оный] сей я сжегъ въ 20-мъ году — но [помню что никому не давалъ] [его]

Осмѣливаюсь замѣтить что ни въ одномъ изъ моихъ сочин⟨еній⟩ [нѣтъ] даже и въ тѣхъ, въ коихъ, я разк⟨аиваюсь⟩ — не видно ни направленія къ безвѣрію ни кощунства надъ религіей — Тѣмъ прискорбнѣе для меня мнѣніе приписывающее мнѣ въ [нынѣшнемъ] [возрастѣ] [м] настоящихъ лѣтахъ и обстоятельствахъ, произведеніе столь жалкое и постыдное.

Вторая часть, со слов: «Осмеливаюсь заметить», опубликована впервые В. Е. Якушиным в *Я* VII, 43, но без всякого объяснения, к чему этот отрывок относится. Более точно и с текстом начала показание напечатано Б. В. Томашевским в издании: «А. С. Пушкин, Гавриилиада», П, 1922, стр. 51—52. Нами печатается по подлиннику, написанному карандашом, теперь плохо читаемым, в тетради № 2371 (лл. 21_1—21_2). На л. 21_1 по тексту начала показания чернилами сделан набросок «Анчара», почему Якушин и пропустил его в своем описании рукописей Пушкина.

---

[1] Транскрипция сделана Н. В. Измайловым и Т. Г. Зенгер.

VIII

ДЕЛОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В настоящий отдел входят деловые документы Пушкина, характеризующие его денежные и правовые отношения. Документы эти являются биографическим материалом первостепенного значения.

Транскрипция текстов (кроме №№ 12, 15, 22 и 23, транскрибированных Т. Г. Зенгер) сделаны мною. Комментарий к №№ 3 и 12 сделан М. А. Цявловским. Мне принадлежит комментарий ко всем остальным текстам.

Л. Модзалевский

1.

Расписка в приеме повестки полиции

⟨2 Мая 1821 г.⟩

Получ. 1-го Марта 1821 года

1-й Части Города Кишинева

Прилагаемую при семъ повѣстку на имя Коллежскаго Секретаря Пушкина предписывается оной части вручивъ ему потребовать должные дворовому человѣку Федору Росину по передачѣ отъ Барона Сергѣя Шиллинга 2000 Р. ассигнаціями деньги, и таковые представить в сію Полицію. — Апрѣля 29 дня 821 года

№ 2658

Полицмейстеръ ⟨подп. *нрзб.*⟩
Столоначальникъ ⟨подп. *нрзб*⟩

⟨*на обороте*⟩

Принята повѣстка
Александръ Пушкинъ

2 мая
1821.
Кишиневъ.

Напечатано впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ПБЛ*, Л. Б. Модзалевским в *РП*, стр. 42. Расписка Пушкина писана на обороте предписания полицмейстера г. Кишинева (два листа голубоватой писчей бумаги в 4 д. л., с водяным знаком «СФС»; ср. «Отчет. Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г.», стр. 231). После вручения повестки Пушкину

частный пристав сообщил следующее: «Приложенная при сем предписании повестка Г. Коллежскому Секретарю Пушкину вручена и требовано надлежащей уплаты должных им денег но он в место уплаты оных подал отзыв которой присем в Кишиневскую градскую полицию подлинником препровождается. Маия дня 1821 года Частный пристав ⟨подпись *нрзбр*⟩». См. следующий номер.

2.

Отзыв о долге по векселю

Копія

⟨5 Мая 1821 г.⟩

Проигравъ заемное письмо Барону Шиллингу будучи еще не въ совершенныхъ лѣтахъ и не имѣя никакого состоянія движимаго или недвижимаго, нахожусь въ несостояніи заплатить вышеозначенное заемное письмо

Коллежской Секретарь Александръ
Пушкинъ

1821 года
маія 5 д.
Кишиневъ

Напечатано впервые Л. С. Мацеевичем в его статье «Карточный должок А. С. Пушкина» в *РС* 1878, № 7, стр. 502 (ср. «Дело о Пушкине (1820)», изд. «Пушкинской комиссии Одесского литературно-артистического общества», Одесса 1899, стр. 7) по копии, сохранившейся в деле кишиневской городской полиции (см. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г.», стр. 231). Подлинник отзыва был препровожден 2 сентября 1822 г., согласно постановлению журнала Бессарабского областного правительства от 28 августа 1822 г., в С.-Петербургский приказ общественного призрения «на его о том дальнейшее распоряжение»; в настоящее время он неизвестно где находится и обнаружен не был.

Отзыв Пушкина стоит в связи с векселем его, выданным им бар. С. Р. Шиллингу. Об этом см. стр. 797—799.

3.

Билет на проезд в Петербург

⟨29 ноября 1825 г.⟩

Билетъ

Сей данъ села Тригорскаго людямъ: Алексѣю Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темпорусыя, глаза голубыя, бороду брѣетъ,

лѣтъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. $3^1/_2$ в. волосы светлорусыя, брови густыя глазомъ кривъ, рябъ лѣтъ 45, въ удостовѣреніе что они точно посланы отъ меня въ С. Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ и потому прошу господъ командующихъ на заставахъ чинить имъ свободный пропускъ. Сего 1825 года, Ноября 29 дня.

Село Тригорское что въ Опоческомъ уѣздѣ.

Статская Советница
Прасковья Осипова

[Печать Пушкина]

Напечатан впервые П. С. Поповым в сборнике «Звенья», кн. 3—4, М. 1934, стр. 146, где воспроизведено факсимиле; ср. в заметке М. А. Цявловского «Пушкин — Хохлов» в «Литературной Газете» 6 июня 1934 г., № 71 (387). Подлинник хранится в *ЛМ*, куда поступил в составе части архива Пушкина от его внука Григория Александровича Пушкина.

«Билет» написан Пушкиным вскоре после получения известия о смерти в Таганроге 19 ноября 1825 г. императора Александра I. Сейчас же из Таганрога выехали с извещением об этом два фельдъегеря. Первый фельдъегерь приехал в Варшаву 25 ноября, второй приехал в Петербург 27 ноября. От этих фельдъегерей по пути их следования и узнавали неофициально о смерти Александра. Весть о смерти царя легко могла дойти до Пушкина 29 ноября. Получив это важное известие, поэт решил нелегально ехать в Петербург, для чего и написал этот «билет» сильно измененным почерком. Подпись Осиповой также написана Пушкиным другим, остро очиненным пером.[1] Это говорит о том, что даже ей, обычно посвящаемой поэтом в его дела, Пушкин не решился доверить свой план. Текст «билета» свидетельствует о том, что под именем Алексея Хохлова скрывается сам Пушкин. Приметы этого «Хохлова» совпадают с приметами поэта. По свидетельству художника Чернецова рост поэта был «2 аршина 5 с половиной вершков» (*В* VI, стр. 568—569. Ср. Майков, Пушкин, СПб. 1899, стр. 9). Годы себе Пушкин прибавил, очевидно считая, что на вид ему было больше, чем было в действительности. О спутнике Пушкина, Архипе Курочкине, мы не имеем никаких сведений. Можно только отметить, что эту фамилию носит в «Капитанской дочке» (гл. VIII) казак, пáривший Пугачева, и в «Барышне-крестьянке» — Акулина Петровна.

План побега из Михайловского в качестве слуги для Пушкина был не нов. Незадолго до этого он замышлял уехать за границу (см. М. Цявловский, «Тоска по чужбине у Пушкина». «Голос Минувшего» 1916, № 1,

[1] Что текст билета и подпись П. А. Осиповой написаны Пушкиным, установлено Л. Б. Модзалевским.

стр. 41—42). Теперь поэт решил отправиться дворовым своей соседки П. А. Осиповой.

Как известно, существуют рассказы современников поэта о том, как он в дни «междуцарствия» выехал из Михайловского в Петербург и как, напуганный «дурной приметой» (перебежавшим дорогу зайцем), вернулся домой. Сохранившийся в архиве Пушкина «билет» документирует эту поездку. Вопрос теперь только в том, когда, почему и зачем Пушкин поехал в Петербург. Можно выдвинуть две гипотезы: или поэт по собственному почину, вне всякой связи с действиями декабристов, решил бежать из места ссылки и самым приездом в Петербург поставить друзей перед совершившимся фактом, чтобы они затем выхлопотали ему легализацию его самовольного «освобождения», или Пушкин поехал, вызванный Пущиным для того, чтобы принять участие в предпринимаемых декабристами приготовлениях к государственному перевороту. Мне кажется, правдоподобнее будет принять первую версию, потому что при второй версии нужно предположить, что, написав «билет» 29 ноября, Пушкин раздумал ехать и воспользовался самодельным документом лишь числа 10 декабря, когда получил письмо от Пущина. К этому нужно добавить, что предъявлять 13 декабря на петербургской заставе «билет», датированный две недели тому назад, едва ли было удобно.

4.

Доверенность П. А. Плетневу

〈7 сентября 1828 г.〉

Текст доверенности напечатан не был. Подлинник ее неизвестно где находится. П. А. Плетнев 14 декабря 1853 г. писал П. И. Бартеневу: «Доверенность Пушкина, которую он формально выдал мне на все сделки с альманашниками и прочими литературными факторами, собственноручно им написана и подписана 7 сентября 1828 года» (см. *РА* 1912, II, 311).

5.

Прошение о вводе во владение имением

〈11 сентября 1830 г.〉

№ 794 Подана 11-го Сентября 1830. Записана. Доложить.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій Государь, императоръ Николай Павловичь, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій

просит̃ъ дворянинъ Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, а о чемъ тому слѣдуютъ Пункты.

1-ое.

Сего года июня 27 дня родный мой Отецъ Чиновникъ 5-го Класса и Кавалеръ Сергѣй Львовичь Пушкинъ по данной мнѣ отдѣлной Записи

засвидетелствованной С: петербургской Палаты Гражданскаго Суда во 2-мъ департаментѣ, отъ дѣлилъ мнѣ въ вечное и потомственное владеніе изъ Собствѣннаго своего и недвижимаго имѣнія, доставшагося Ему по наслѣдству послѣ Смерти брата Его артиллеріи подполковника Петра Львовича Пушкина, состоящаго Нижегородской губѣрніи Сергачьскаго уѣзда въ Селцѣ Кистеневѣ, всего писаннаго по 7-й ревизіи мужеска пола четыре ста семдесятъ четыре души изъ числа оныхъ двѣсти душъ мужеска пола съ женами ихъ и рожденными отнихъ послѣ 7-й ревизіи обоего Пола детьми, и совсѣми ихъ Семействами, спринадлежащею на число оныхъ двухъ сотъ душъ въ Упомянутомъ Селцѣ пашенною и непашенною землею, съ лѣсы, съ сенными покосы съ ихъ крестьянскимъ строеніемъ, и за веденіями съ хлѣбомъ наличнымъ и вземлѣ посѣеннымъ, со скотомъ, птицы, и протчими угодьи, и принадлежностями что онымъ душамъ слѣдуетъ и во владѣніе ихъ состояло. Но какъ еще оная Запись неявлена, то и прошу къ сему

Дабы высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ по велѣно было сіе мое прошеніе и приложенную при семъ подлинную отдѣлную Запись, въ Сергачьскомъ уѣздномъ Судѣ принять и поступить на основаніи Законовъ, а между тѣмъ Нижнему Земскому Суду предписать; въ весть меня во владѣніе того отдѣлнаго мнѣ имѣнія, подлинную жъ Запись по списаніи снее копіи возвратить мнѣ обратно. прошенію

Всемилостивѣйшій Государь! прошу Вашего Императорскаго Величества осемъ моемъ прошеніе решеніе учинить Сентября дня 1830-го года къ поданію надлѣжитъ въ Сергачьскій уѣздный Судъ. Прошеніе въ чернѣ сочинялъ и набѣло переписалъ крепостной его человѣкъ Петръ Александровъ, сынъ Кирѣевъ, Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ [1] 10го класса чиновникъ руку приложилъ.

Прошеніе сіе вѣрю подать, по оному хожденіе имѣть и подлинную запись получить, человѣку моему Петру Киреѳву.

Впервые напечатано П. Е. Щеголевым в «Новом Мире» 1927, № 12, стр. 165—166, а затем в *ЩМ*, 75—77. Подлинник на двух листах гербовой бумаги ценою в 50 коп., с водяным знаком: «1829 г.», находится в деле (на лл. 1 и 2) Сергачского уездного суда (№ 561) — «о вводе Александра Сергеевича Пушкина во владение имениями при сельце Кистеневе» (*ИРЛИ*, № 24).

Текст записи С. Л. Пушкина 27 июня 1830 г. в выдержке напечатан по копии Б. Л. Модзалевским в *ПС* XIII, 99, и полностью по другой копии П. Е. Щеголевым в *ЩМ*, 229—230. Пушкин введен был во владение

---

[1] Пушкинъ *вписано позже над строкою.*

имением уже 16 сентября 1830 (см. *ПС* XIII, 99; *ЩМ*, 72—78 и др. и *П* II, 464). 9 сентября, будучи в Болдине, Пушкин писал своей невесте, Н. Н. Гончаровой: «Мое пребывание здесь может продолжиться вследствие обстоятельства, совершенно непредвиденного. Я думал, что земля, которую мой отец дал мне, составляет особое имение, но она — часть деревни из 500 душ, и нужно приступить к разделу. Я постараюсь устроить все это как можно скорее» (стр. 105).

6.

Брачный обыск

<18 февраля 1831 г.>

1831-го года февраля 18 дня по Указу Его Императорскаго Величества Никитскаго Сорока Церкви Вознесенія Господня, что на Царицыной улицѣ Протоіерей Іосифъ Михаиловъ съ причтомъ о желающихъ вступить въ бракъ женихѣ 10-го класса Александръ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, и невѣстѣ Г-на Николая Афонасіевича Гончаровѣ дочери Его дѣвицѣ Наталіи Николаевной Гончаровой обыскивали и по троекратной публикаціи оказалось: 1-е что они православную вѣру исповѣдуютъ такъ какъ святая, соборная и Апостольская Церковь содержитъ; 2-е между ими плотскаго кровнаго и духовнаго родства т. е. кумовства, сватовства и крестнаго братства по установленію Св. Церкви не имѣется; 3-е состоятъ они въ цѣломъ умѣ, и къ сочетанію бракомъ согласіе имѣютъ вольное, и отъ родителей дозволенное, женихъ и невѣста первымъ бракомъ; 4-е лѣта ихъ правильны, женихъ имѣетъ отъ роду 31 годъ, а невѣста 18 лѣтъ. И въ томъ сказали самую сущую правду. Естли же что изъ объявленнаго показанія окажется что ложное, или что скрытое, за то повинны суду, какъ духовному, такъ и гражданскому. Во увѣреніе всего вышеписаннаго какъ сами женихъ и невѣста, такъ и знающіе состояніе ихъ поручители своеручно подписуются.

Къ сему обыску во всемъ вышеписаннымъ вышеозначенный 10го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

Къ сему обыску Наталья Николаевна дочь Гончарова руку приложила.

Къ сему обыску Мать ея Калежская Ассесорша Наталья Иванова Дочь Гончарова руку приложила

Къ сему обыску по женихѣ братъ его Поручикъ Левъ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

Къ сему обыску по женихе 9-го Класса Алексѣй Семеновъ сынъ Передѣльскій руку приложилъ

Къ сему обыску по нѣвестѣ Коллегскій Совѣтникъ и Кавалеръ Павелъ Матвѣевъ сынъ, Азанчевскій руку приложилъ. —

Къ сему обыску по невестѣ Отецъ ея, Коллегскій Асессоръ, Николай Афанасьевъ сынъ Гончаровъ, руку приложилъ.

Къ сему обыску по женихѣ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Князь Петръ Андреевъ сынъ Вяземскій руку приложилъ.

Напечатано впервые в «Петербургской Газете» от 27 апреля 1899, № 113, и Н. Невзоровым в его брошюре «К биографии А. С. Пушкина. Материалы из архивов и других малоизвестных источников», СПб. 1899, стр. 6—7, и факсимиле с подписей, начиная с подписи Пушкина. Перепечатано П. А. Ефремовым в E^4 VII, 396—397. Весь текст полностью факсимильно воспроизведен в «Московском Листке. Прибавление к № 146» четверг 27 мая 1899 г., № 21, стр. 4. Подлинник писан на лл. 41_2—42_2, книги для брачных «обысков Никитского Сорока вознесенской церкви, что на Царицынѣ улицѣ» в Москве, где венчались Пушкин и Н. Н. Гончарова (ныне в *ИРЛИ*, № 404).

Из всех подписей свидетелей под документом неизвестны только имена двух лиц — А. С. Передельского и П. М. Азанчевского. Интересно отметить, что А. С. Передельский подписался свидетелем по женихе, то есть по Пушкине. Имя Передельского нигде в пушкинской литературе не упоминается и встречается только здесь. О нем никаких сведений найти не удалось.

Павел Матвеевич *Азанчевский* (15 октября 1789 — 11 октября 1866 г.) — помещик Бронницкого уезда, Московской губернии, статский советник, писатель по агрономии; служил в Коллегии иностранных дел (с 1805 г.), а в 1811 г. перешел в Московский архив Министерства иностранных дел, где служил библиотекарем; в 1833 г. оставил службу, посвятив досуги хозяйству и писательству (см. «Русский биографический словарь», т. I, «Русский провинциальный некрополь», т. I, и «Месяцесловы» 1831 и 1832 гг.). Во время службы Пушкина в ведомстве Министерства иностранных дел (с 1832 г.) Азанчевский был сослуживцем Пушкина.

Свадьба Пушкина, решенная еще в мае 1830 г., как известно, откладывалась в течение целых девяти месяцев — то вследствие невыясненности отношений к Пушкину, хотя 20 июля 1830 г. С. Л. и Н. О. Пушкины официальным письмом на имя А. Н. Гончарова известили его о принятии сватовства сына (см. «Известия Калужской ученой архивной комиссии», вып. 1901 г., стр. 8), то из-за смерти В. Л. Пушкина (20 августа 1830 г.), то по причине ссоры с будущей тещей, то по вине холеры и невозможности жениху вернуться в Москву из Болдина, куда он уехал для устройства своих дел, то, наконец, из-за безденежья, капризов тещи и тому подобных задержек. Кн. В. Ф. Вяземская даже по просьбе Пушкина ездила однажды к Н. И. Гончаровой, чтобы просить ее «скорее

кончать дело» (*РА* 1888, II 306). Часто женитьба поэта грозила совсем расстроиться, о чем сохранилось несколько свидетельств современников (см. «Вестник Всемирной Истории» 1899, № 1, стр. 101; *РА* 1902, I, 52; «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64; *РА* 1902, I, 54). Накануне свадьбы, 17 февраля, Пушкин устроил у себя холостой обед («мальчишник» или «девишник») (см. *РА* 1902, II, 50—51; *ПС* XXIII—XXIV, 112; *ИВ* 1883, № 12, стр. 531; *ВЕ* 1897, № 12, стр. 604; «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 53 и 129; *РА* 1904, № 1, обложка; *РС* 1884, № 7, стр. 134; «Русский Библиофил» 1916, № 8, стр. 75—76). Быть может, на этом «мальчишнике» у Пушкина кн. П. А. Вяземский написал нескромные стихи, сохранившиеся в бумагах поэта (второй зачеркнутый куплет их был писан не Пушкиным; утверждение И. А. Шляпкина об автографичности почерка Пушкина не верно, — см. *Ш*, 136—137). «Сегодня свадьба Пушкина наконец, — сообщал А. Я. Булгаков брату, — с его стороны посаженными Вяземский и гр. <Елизавета Петровна> Потемкина, а со стороны невесты — Ив. Ал. Нарышкин и А. П. Малиновская. Хотели венчать их в домовой церкви кн. Серг. Мих. Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать, видно в домовых нельзя» (*РА* 1902, I, 53). Обряду венчания, назначенному на вечер, предшествовал так называемый «брачный обыск», текст которого напечатан выше. Во время венчания,[1] по свидетельству кн. Е. А. Долгоруковой (дочери посаженной матери Н. Н. Гончаровой), нечаянно упали с налоя крест и евангелие, когда молодые шли кругом. Пушкин весь побледнел от этого. Потом у него потухла свечка — «Tous les mauvais augures»,[2] — сказал Пушкин («Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64: ср. *РС* 1880, № 1, стр. 148). После венчания молодые поехали на квартиру поэта, где был большой ужин (см. «Сочинения кн. П. П. Вяземского», СПб. 1893, стр. 529 и «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 64). О самой свадьбе ср. рассказ Пушкина в письме к жене из Москвы от сентября 1832 г. (*АП* II, 392); см. также *ЩП*², 313. Из писем, которыми друзья приветствовали Пушкина со вступлением в новую жизнь, до нас дошли только два: П. А. Плетнева (от февраля) и Е. А. Карамзиной (от 3 марта) — см. их в *АП* II, 224 и 228—229. А. Н. Вульф, приятель Пушкина, лишь кратко отметил в своем дневнике 28 марта: «Сегодня Ушакова брат привез из Москвы известие, что Пушкин наконец женился» (*ПС* XXI—XXII, 162). Тонко охарактеризовал новую эру в жизни поэта Н. М. Смирнов, когда вспоминал впоследствии, что «женитьба была его несчастие» и что «все близкие друзья его сожалели, что он женился. Семейные обязанности должны были неминуемо отвлечь его много от занятий, тем более, что, не имея еще собственного имения, живя произ-

---

[1] Пушкин венчался во фраке П. В. Нащокина, чтобы не тратить денег на заказ нового («Девятнадцатый век», I, 386, прим.).

[2] «Все плохие приметы».

ведениями своего пера и женясь на девушке, не принесшей ему никакого состояния, он приготовлял себе в будущем грустные заботы о необходимом для существования. Так и случилось. С первого года Пушкин узнал правду, и хотя никто из самых близких не слыхал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо» (*РА* 1882, I, 232—233).

7.

Доверенность Н. И. Тарасенко-Отрешкову

〈16 сентября 1832 г.〉

Милостивый Государь
Наркизъ Ивановичь!

Получивъ отъ Правительства позволеніе на изданіе Политической и Литературной Газеты и имѣя нынѣ Ваше, Милостивый Государь согласіе быть Редакторомъ оной, — я довѣряю и покорнѣйше прошу Васъ принять на себя всѣ нужныя для того распоряженія, дѣлать съ кѣмъ признаетѣ выгоднымъ [1] условія на заготовленіе бумаги для печатанія; устроить собственную типографію Редакціи на два станка, съ необходимыми принадлежностями и наймомъ нужныхъ людей; нанять квартиру для помѣщенія Редакціи; равно какъ и занять, по оказавшейся надобности, до двухъ тысячь рублей Ас., — словомъ производить все то, что клонится къ устроенію и привиденію въ дѣйствіе общихъ нашихъ пользъ. — Въ томъ же, что Вы по сему учините я спорить и прекословить не буду

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданостію имѣю честь быть
Милостивый Государь

16 сентября

Вашимъ покорнѣйшимъ
слугою
Александръ Пушкинъ
титулярный совѣтникъ

1832 года
» Сентября
С.П.бургъ.

Сія довѣренность принадлежитъ Титулярному Совѣтнику Наркизу Ивановичу Атрѣшкову. —

1832-го года сентября 16 дня сіе письмо санкт-петербургской палаты Гражданскаго Суда въ 1-мъ департаментѣ титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ явилъ, и на основаніи указа 1765-го года Сентября 5

---

[1] *Переделано из:* выгодные.

дня объявилъ, что оное собственноручно имъ подписано и дано титулярному совѣтнику Наркизу Иванову Атрешкову.

Заседатель Ф. Садовниковъ
Секретарь ⟨подпись *нрзбр*⟩

У сей надписи Его Императорскаго Величества сей палаты 1 де. печать.

Коллежск. Секретарь Соловьевъ.

Опубликовано впервые Н. К. Пиксановым в *ПС* V, 60. Подлинник, писанный рукою Н. И. Тарасенко-Отрешкова и подписанный Пушкиным, на двух листах гербовой бумаги в лист, ценою 3 рубля, с водяным знаком: «1830», хранится в *ПБЛ* (см *РП*, 42).

Наркиз Иванович *Тарасенко-Отрешков* (1805 — 22 ноября 1873) или, как его называл Пушкин, — Отрыжков (*АП* II, 395), статский советник и камер-юнкер, член ученого комитета Министерства государственных имуществ; писатель-экономист, прожектер и фантазер, писал по вопросам финансовой и экономической политики и воображал себя первым русским политико-экономом, хотя ничего выдающегося не написал. В 1833 и 1834 гг. издавал «Журнал общеполезных сведений или Библиотека по части промышленности, сельского хозяйства и наук к ним относящихся». Из отдельных его работ при жизни Пушкина издана статья «Об устроении железных дорог в России» (СПб. 1835), о которой сохранилось упоминание в письме Пушкина к кн. В. Ф. Одоевскому (*АП* II, 398). Подробный список изданных работ Отрешкова см. в «Русском биографическом словаре», т. Суворова-Ткачев, СПб. 1912, стр. 303. По отзывам современников, Отрешков имел незавидную репутацию. П. В. Анненков говорит о нем, что он составил «себе репутацию серьезного ученого и литератора по салонам, гостиным и кабинетам влиятельных лиц, не имея никакого имени и авторитета ни в ученом, ни в литературном мире. Он прослыл агрономом, политико-экономом, финансовой способностью, не соприкасаясь с людьми науки и не выходя на арену публичности» («Воспоминания и критические очерки», т. III, 1881, стр. 258). «Есть личности, которые неизвестно, как и почему, делаются известными всему миру, — говорит В. А. Инсарский. — К числу подобных личностей принадлежал и Отрешков. Спросить кого-нибудь в Петербурге: знает ли он Отрешкова — все то же, что спросить: знает ли он, где Казанский собор?» (*РС* 1894, № 2, стр. 17—21; ср. в воспоминаниях Н. М. Колмакова, *РС* 1891, № 4, стр. 37—38). Но самую замечательную характеристику Отрешкова дал М. Ю. Лермонтов в своем неоконченном романе «Княгиня Лиговская», где Отрешков выведен под именем Горшенко: «Он был со всеми знаком, служил где-то, ездил по поручениям, возвращаясь, получал чины, бывал всегда в среднем обществе и говорил про связи свои со знатью, волочился за богатыми невестами; подавал множество проектов, продавал разные акции, предлагал всем подписки

на разные книги, знаком был со всеми литераторами и журналистами, приписывал себе многие безыменные статьи в журналах, издал брошюру, которую никто не читал, был, по его словам, завален кучею дел и целое утро проводил на Невском проспекте» (см. статью Н. О. Лернера в «Ниве» 1913, № 37, 731—732, «Оригинал одного из героев Лермонтова»). С Пушкиным Н. И. Тарасенко-Отрешков познакомился через Э. П. Перцова в 1832 г. и сразу же стал помощником поэта по задуманному им изданию газеты «Дневник». С этою целью Пушкин и выдал Отрешкову комментируемую нами доверенность на ведение дел по изданию. Был даже отпечатан заглавный лист газеты с пробным текстом (подлинник хранится в *ПБЛ*), но издание не было осуществлено и было оставлено, так как оформление его и проведение через соответствующие правительственные инстанции приняли затяжной характер. Подробнее об этом см. в обстоятельной статье Н. К. Пиксанова, требующей, однако, некоторой переработки в смысле дополнения ее фактическими данными, накопившимися в литературе со времени появления ее в печати: «Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832)» в *ПС* V, 30—74, а также в «Воспоминаниях Н. И. Тарасенко-Отрешкова», опубликованных Ф. А. Бычковым в статье «Несостоявшаяся газета Пушкина» (*ИВ* 1886, № 2, стр. 387—391) и Н. О. Лернера в *РА* 1908, № 2, стр. 428—433, где Отрешков дает описание внешности поэта и общую характеристику его как человека, не лишенную биографического интереса.[1] После смерти Пушкина Тарасенко-Отрешков был назначен членом опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина, и играл в ней весьма значительную роль (см. *СД*, 210—211), но выказывал себя с самой неприятной стороны (см. возмущение кн. В. Ф. Одоевского в письме к М. С. Волкову от 14 мая 1837 г. в *РС* 1880, № 8, стр. 804). Под его непосредственным наблюдением печаталось и посмертное издание сочинений поэта, «удивившее, — говорит П. В. Анненков, — даже и тогдашнюю не очень взыскательную публику своей беспорядочностью» («Воспоминания и критические очерки», III, 258). О том же говорит и дочь Пушкина, Н. А. Меренберг, сообщившая также, что Отрешков расхитил значительную часть библиотеки ее отца («Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», Лгр. 1924, стр. 129—130). Надувательство Отрешкова в деле издания сочинений Пушкина отмечает и С. А. Соболевский (см. «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 27 и 76—77, где собраны библиографические сведения об Отрешкове). Интересный материал, рисующий столкновение Отрешкова с Н. Н. Пушкиной-Ланской, обвинившей его в краже рукописей поэта, опубликован В. Андерсоном в «Русском Библиофиле» 1913, № 6. У Тарасенко-Отрешкова хранилась камер-юнкерская шляпа Пушкина, полученная им от дядьки поэта Никиты Козлова;

---

[1] Вопрос о газете Пушкина вновь пересмотрен нами в примечаниях к III тому «Писем Пушкина», выходящему в изд. «Academia».

шляпу эту впоследствии Отрешков подарил Николаю Гавриловичу Головину, бывшему в дружественных с поэтом отношениях (см. «Раут», кн. 3, изд. Н. В. Сушкова, М. 1854, стр. 342—344, и *ИВ* 1894, № 12, стр. 775—778).

8.

Доверенность М. И. Калашникову

⟨30 сентября 1832 г.⟩

Михайла Ивановъ!

Желаю я занять Императорскаго Воспитательнаго Дома въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ надбавочныя деньги по 50 рубл: на душу, подъ залогъ недвижимаго моего имѣнія Нижегородской Губерніи, почему и довѣряю тебѣ исходатайствовать откуда слѣдуетъ по узаконенной формѣ описаніе имѣнію моему, а потому и поручаю тебѣ отъ имени моего за твоимъ вмѣсто меня рукоприкладствомъ куда слѣдовать будетъ по сему предмѣту подавать прошенія и объявленія, и гдѣ слѣдуетъ росписываться и по исходатайствованіи оное получи и ко мнѣ доставь, а равно и испроси отъ мѣстной Гражданской Палаты того имѣнія, что бы оная увѣдомила Совѣтъ, что на моемъ имѣніи послѣ дачи свидѣтельства никакихъ взысканій какъ по казеннымъ, такъ и по частнымъ искамъ не имѣется, или какія есть, то показала бы, для удержанія оныхъ при займѣ, въ чемъ я тебѣ вѣрю, и что ты учинишь впредь спорить и прекословить не буду Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ титулярный совѣтникъ

«   » Сентября 1832 Года.

Сія довѣренность принадлежитъ Управляющему моему, крѣпостному Статской Совѣтницы Надежды Осиповны Пушкиной человѣку Калашникову.

Подлинник находится в деле: «По прошению титулярного советника Александра Сергеева Пушкина поверенного г-жи Пушкиной дворового человека, Михаила Калашникова, о уведомлении Московский Опекунский Совет». Дело это хранилось в архиве Нижегородской архивной комиссии среди дел Нижегородской гражданской палаты (теперь в Горьковском Крайархуправлении). Текст доверенности и изложение дела впервые было напечатано в «Московском Листке», а затем в 1913—1914 гг. доверенность была экспонирована на выставке Нижегородской архивной комиссии, как значится в издании комиссии: «Из родной старины. Выставка Нижегородской ученой архивной комиссии 26 декабря 1913—7 января 1914 г.», Нижний-Новгород, 1913, стр. 22 (№ 284). Нами печатается по фотографии, хранящейся в *ИРЛИ*. Текст напечатан был также в «Курских губернских ведомостях» 3 сентября 1899 г., № 188 (отдел «Среди газет и журналов»), откуда нами взяты данные этого «дела».

В *ЩМ*, 100 эта доверенность только упомянута. Очевидно, Щеголев не знал ее текста. Доверенность засвидетельствована 30 сентября того же года во 2-м департаменте Московской палаты гражданского суда, которая подписью заседателя Шульца и приложением печати удостоверила собственноручность «рукоприкладства» поэта.

По этой доверенности «человек» Михаил Калашников подал в узаконенной форме прошение, которое собственноручно подписал: «поверенный господина Пушкина крепостной статской советницы Надежды Осиповны Пушкиной служитель Михаил Иванов сын Калашников собственноручно руку приложил», обозначив тут же и место жительства своего — в селе Болдино Лукояновского уезда.

Нижегородская гражданская палата, однако, отказала удостоверить, что на имении Пушкина нет ни казенных, ни ипотечных исков, на том основании, что в прошении дворового человека Калашникова нет указания на то, в каком уезде и селениях находится имение Пушкина. При этом установлено взыскать с Пушкина «за употребленную в сей палате вместо гербовой простую один лист бумагу».

Взысканию этому, однако, не суждено было осуществиться, хотя дело о взыскании с Пушкина одного рубля тянулось вплоть до декабря 1841 г., когда решено было, в силу манифеста от 16 апреля 1841 г., взыскание прекратить, так как 18-м пунктом манифеста повелено было: «по взысканиям, определенным и к исполнению предписанным по 1840-й год за употребленную вместо гербовой простую бумагу и поныне в казну по неуплате оных не поступившим, сложить с каждого». См. еще *ЩМ* 93—96 и др.

9.

Контракт на наем квартиры в доме П. А. Жадимеровского

⟨копия⟩ ⟨1 декабря 1832 г.⟩

Санктъ Петербургъ. Тысяча восемьсотъ тридцать второго года, Декабря перваго дня. Я, нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевичь Пушкинъ, заключилъ сей контрактъ съ Фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ Петромъ Алексѣевичемъ Жадимеровскимъ въ томъ, что нанялъ я Пушкинъ у него Жадимеровскаго въ собственномъ его каменномъ домѣ, состоящемъ 1-ой адмир. час. 2-го квар. подъ № 132-мъ Отдѣленіе въ 3-мъ этажѣ, на проспектѣ Гороховой улицы, состоящее изъ двѣнадцати комнатъ и принадлежащей кухни, и при ономъ службы: 1-нъ сарай для экипажей, конюшня на 4 стойла, 1-нъ небольшой сарай для дровъ, 1-нъ ледникъ и чердакъ для вѣшанья бѣлья, — отъ вышеписаннаго числа впредь на одинъ годъ, т. е. по 1-е декабря 1833 года, за которой наемъ обязанъ я Пушкинъ платить ему Жадимеровскому по три тысячи триста рублей банковыми ассигнаціями въ годъ, платежъ

оныхъ денегъ производить за каждые четыре м-ца по равной причитающейся суммѣ впередъ безъ всякаго отлагательства, а ежели я Пушкинъ въ платежѣ наемныхъ денегъ буду неисправенъ и по срокамъ не заплачу, то воленъ онъ, Жадимеровскій, оные покои отдать другому, хотя бы то и съ уменьшеніемъ противъ моей наемной цѣны, а я Пушкинъ обязанъ какъ за содержаніе, такъ и за всѣ убытки, отъ сего последовать могущіе, ему Жадимеровскому заплатить и до показаннаго срока отъ платежа отказаться не могу — также оную квартиру не передавать другому безъ согласія Жадимеровскаго. — Покои оные нынѣ мной приняты во всякой цѣлости и чистотѣ, въ 3-хъ комнатахъ стѣны обклеены французскими обоями, въ 5-ти комнатахъ полы штучные, въ прочихъ сосновые, находящіяся въ комнатахъ печи съ мѣдными дверцами, — двери съ задвижками, замками и ключами, переплеты какъ лѣтніе такъ и зимніе съ цѣлыми стеклами и оные всѣ съ мѣдными задвижками, въ кухнѣ англійская плита, очагъ съ котломъ и пирожная печь съ машинкою; — въ срочной день сего контракта сдать мнѣ Пушкину ему Жадимеровскому все сіе во всякой цѣлости, исправности и чистотѣ; а если при выѣздѣ моемъ, что окажется изломано, потеряно или разбито, то обязанъ я заплатить что стоитъ, или привести въ прежній видъ какъ было мною принято — Если я Пушкинъ пожелаю въ тѣхъ покояхъ сдѣлать что залучшее или передѣлать какое неподвижное украшеніе безъ поврежденія дому и стѣнъ, то не иначе какъ на свой счетъ и съ согласія его Жадимеровскаго а по выѣздѣ моемъ ничего не отнимать и не отламывать и не требовать за оное никакой платы, и всѣ неподвижныя украшенія остаются въ пользу Жадимеровскаго. Отъ пожарнаго случая (отъ чего Боже сохрани) имѣть мнѣ, Пушкину, осторожность и смотрѣніе, и если случится отъ моей или живущихъ у меня людей — неосторожности пожаръ — и отъ того причинится поврежденіе дому и стѣнамъ, то обязываюсь за все сгорѣвшее и поврежденное отвѣтствовать безъ прекословно, — а ежели же оный случится отъ сосѣдей или молніи, тогда я не отвѣтствую. — Во всѣхъ тѣхъ покояхъ имѣть мнѣ чистоту — помои и соръ приказывать выносить на показанное дворникомъ мѣсто — и не выливать никакой воды въ нужныя мѣста, ибо отъ сего большой вредъ дому. — О прибылыхъ ко мнѣ для жительства и отбылыхъ, тотъ самый часъ давать знать черезъ записки управляющему домомъ, съ приложеніемъ пашпортовъ и билетовъ Конторы адресовъ, и не держать у себя людей безъ тѣхъ и другихъ видовъ, или безъ прописки оныхъ у г. Надзирателя того квартала, а буде таковые люди окажутся у меня въ жительствѣ, то всѣ налагаемые Правительствомъ штрафы, обязываюсь платить я Пушкинъ самъ, не доводя хозяина ни до какой отвѣтственности и платежа. — До срока сего контракта за три мѣсяца, долженъ я Пушкинъ объявить ему Жадимеровскому желаю ли я имѣть квартиру впредь или нѣтъ — равно и онъ Жадимеровскій долженъ въ то же время, мнѣ объявить намѣренъ ли онъ впредь имѣть меня в жильцахъ. — Контрактъ сей съ обѣихъ сторонъ хранить свято и ненарушимо. — Под-

линный контрактъ получилъ и копію выдалъ — съ подлиннымъ вѣрно: Петръ Жадимеровский.

Печатается по копии, опубликованной в статье П. Е. Щеголева «Квартирная тяжба Пушкина» в «Красной Ниве» № 24, от 9 июня 1929 г., стр. 7—8. Там же факсимиле начала контракта. Подлинник, подписанный Пушкиным, неизвестно где находится.

На копии контракта имеются три расписки в получении денег:

1832 года Декабря 2 дня получено отъ г-на Пушкина въ уплату тысячу рублей, банк. ассигнаціями. —

Управляющій Иванъ Ананьинъ.

Декабря 10 дня получилъ достальныя отъ г-на Пушкина съ 1 Декабря по 1-ое Апрѣля 1833 года, денегъ сто рублей.

Управляющій Иванъ Ананьинъ.

Съ 1 Апрѣля по 1 Августа 1833 года получилъ отъ г. Пушкина денегъ тысячу сто рублей.

Прикащикъ Иванъ Ананьинъ.

О возникшем в связи с этим контрактом неприятном для Пушкина деле с П. А. Жадимеровским см. ниже, стр. 767—768 и 780—781.

10.

Объяснение по делу с П. А. Жадимеровским

⟨11 февраля 1834 г.⟩

⟨Копия.⟩

Литейной части въ Съѣзжій Домъ

Титулярнаго Совѣтника Александра Сергѣева сына Пушкина

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Противу предъявленнаго мне объявленія купца Петра Жадимеровскаго, Съѣзжему Дому Литейной Части имѣю честь объяснить, что дѣйствительно нанялъ я въ прошломъ 1832 Году квартиру въ домѣ его и заключилъ съ нимъ Контрактъ по коему обязался я платить впредь за каждую треть по равной суммѣ, то есть по 1.100 рублей, что и выполнялъ я исправно. Въ первыхъ же числахъ Іюля 1833 Года (а не перваго Августа какъ несправедливо показываетъ г. Жадимеровскій) передъ наступленіемъ послѣдней трети, я съ совершеннаго согласія Жадимеровскаго, оставилъ сію квартиру и очистилъ оную по настоятельной просьбѣ и требованію его Управителя, на что могу представить и Свидѣтелей. Вѣроятно г. Жадимеровскій не могъ согласиться съ новымъ своимъ жильцомъ; но сіе до меня не касается, ибо г. Жадимеровскій отъ меня денегъ уже не требовалъ, что по силѣ контракта долженъ былъ онъ учинить предъ первыми числами Августа. А что онъ самъ полагалъ сей Контрактъ

уничтоженнымъ доказывается тѣмъ, что онъ отдавалъ оставленную мною квартиру отъ себя и на Годъ надбавя сверхъ платимой мною суммы еще 200 рублей, въ чемъ въ случаѣ требованія такъ же представлю Свидѣтелей. Что онъ Г. Жадимеровскій, велелъ чрезъ своего Управителя людямъ моимъ очищать квартиру прежде 1-го Августа то есть прежде наступленія послѣдней трети, то я на сіе имѣю свидѣтелей. А что онъ говоритъ въ Объявленіи своемъ, что будто бы я объ отдачѣ квартиры въ наймы отъ имени моего, его просилъ, то совершенно несправедливо, ибо я самъ легко бы могъ отдать оную квартиру еслибъ оставалась она за мною, сбавя несколько противу положенной суммы; напротивъ того, онъ Жадимеровскій отдавалъ какъ уже сказано на Годъ (а не на треть) надбавя еще 200 рублей лишнихъ, слѣдственно почиталъ себя полнымъ хозяиномъ дома и дѣйствовалъ отъ своего лица, а не по моей довѣренности; въ противномъ случаѣ сіе было бы съ его стороны наглымъ плутовствомъ къ коему я полагалъ и полагаю Г. Жадимеровскаго не способнымъ. Объяснившись такимъ образомъ прошу предоставить сіе дѣло на разсмотрѣніе Судебныхъ мѣстъ. Въ обеспеченіе же иска впредь до окончанія дѣла представляю въ силѣ своего права, 7 свободныхъ душъ изъ моего имѣнія состоящего въ Нижегородской Губерніи Алаторскаго Уѣзда деревни Кистеневой, на которыхъ документы прилагаю. ⟨На подлинномъ подписано:⟩

Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

Февраля 11-го дня
1834-го Года.

Опубликовано впервые П. Е. Щеголевым в его статье «Квартирная тяжба Пушкина. Из истории материального быта — по неизданным материалам» в «Красной Ниве» № 24, от 9 июня 1929 г., стр. 7—9, по современной копии; там же факсимиле начала объяснения Пушкина. Подлинник неизвестно где находится. Подробности тяжбы Пушкина с купцом Петром Алексеевичем *Жадимеровским* (18 июня 1791 — 30 мая 1844) исчерпывающе освещены в названной статье П. Е. Щеголева, к которой мы и отсылаем. Ср. выше, стр. 765—767, где напечатан контракт Пушкина на наем в доме Жадимеровскаго квартиры (ныне на ул. Герцена, д. 26). См. также А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», в. II, Л. 1931, стр. 114—118, и снимок с фасада дома там же, между стр. 150 и 151.

11.

Обязательство по ссуде в 20 000 руб.

⟨22 марта 1834 г.⟩

Я нижеподписавшійся Камеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго Указа на имя Г. Министра Финан-

совъ въ 9-й день Марта 1834 года послѣдовавшаго, о выдачѣ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства на напечатаніе написаннаго мною сочиненія подъ заглавіемъ Исторія Пугачевскаго бунта двадцати тысячь рублей ассигнаціями въ ссуду на два года безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ, съ тѣмъ, чтобы я возвратилъ сію сумму въ теченіе двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячь рублей, долженъ я, а по мнѣ наслѣдники мои возвратить Государственному Казначейству въ теченіи двухъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года; считая срокъ отъ дня выдачи означенныхъ 20.000 руб: то есть: (отъ двадцать втораго Марта тысяча восемьсотъ тридцать четвертаго года:) и платежи произвести въ Санктпетербургскую Казенную Палату. Въ непремѣнномъ исполненіи сего обязательства, подписуюсь своеручно. — 22 Марта 1834 года.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Напечатано впервые П. И. Бартеневым в *РА* 1890, II, 100, а по копии в *ГД*, 57—58. Вошло в *Е*[4] VII, 524—525. Подлинник на гербовой бумаге «для письма крепостей от 15001 до 20000 рублей, цена сорок рублей», с водяным знаком: «1823 г.» хранится в *ТМ*.

Ссуда в 20 000 рублей выдана была Пушкину вследствие его ходатайства 26 февраля 1834 г. о выдаче этих денег заимообразно для печатания «Истории Пугачевского бунта». Подробности об этом, а также вся переписка между ведомствами напечатаны в *СД*, 243—256 в *РА* 1890 II, 99—100 и в *ГД*, 55—57. Ср. ниже стр. 785—787.

12.

Положение о довольствии О. М. Пеньковскому

〈30 октября 1834 г.〉

1834 году Октября 30 дня мною ниже подписавшимся Назначается Управителю по данной мною доверенности на Село Болдино и Сельцо Кистенево Іосифу Матвѣеву Пеньковскому Жалованья въ Годъ, одну тысячу рублей ходячей монетой, дозваляется держать пару Лошадей собственныхъ и для оныхъ Сено и Овса дватцать чатыри четверти —

Ординарій — Ржи Четыри Чатверти, Ячьменью три четверти, Гороху Четыре Четверика, Гречьи Одна Четверть Четыре Четверика, Муки крупичетой шесть пудовъ, Крупъ рисовыхъ десять фунтовъ, Манныхъ пятьнадцать фунт;, Соли три пуда, Говядины восемъ пудовъ, Свинины три пуда, Коровьего масла три пуда, Индѣекъ десятъ, Гусей пятнадцать, Утокъ дватцетъ, Куръ тридцать, Телятъ Четыри, барановъ пять, поросятъ десятъ, Яицъ Четыриста, Свечей Сальныхъ два пуда

Рукою Пушкина.

двадцать фунтовъ, Вина Пенного шесть ведеръ. въ разѣздахъ росходы мои, если по собственному моему дѣлу, еслиже по какимъ другимъ дѣламъ касающихся лично однихъ Крестьянъ, тогда на щетъ вотчины, Угощеніи приѣзжихъ по должности Чиновникамъ дѣлать умѣренныя.

Александръ Пушкинъ.

30 Октября
1834

Напечатано впервые В. В. Каллашом в «Былом» 1907, № 5, стр. 53, и вторично В. Я. Брюсовым в «Известиях литературно-художественного кружка в Москве» 1913, № 1, стр. 38—39 и 43. Перепечатано в *ЩМ* 116. Подлинник на листе in f° хранится в собрании Е. Ф. Никитиной в Москве, которая любезно разрешила нам вновь выверить текст по автографу. Текст документа писан рукою И. М. Пеньковского. Рукою Пушкина — подпись и дата. Положение о довольствии было послано Пеньковским к Пушкину в Петербург, повидимому при письме от 30-го же октября 1834 г. См. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», стр. 321. Поэт поставил ту же дату, которая стоит в начале документа.

Вероятно Пушкин подписал все условия, поставленные самим Пеньковским, не участвуя предварительно в их обсуждении. Щедрый «ординарий», положенный себе Пеньковским, был увеличен им в 1839 г. при договоре с С. Л. Пушкиным и еще увеличен в 1849 г. при сговоре с Л. С. Пушкиным. О Пеньковском и об управлении им имениями Пушкина см. в примечании на стр. 772—773.

13.

Доверенность О. М. Пеньковскому

⟨20 ноября 1834 г.⟩

Милостивый Государь мой,
Осипъ Матвѣевичь!

По довѣренности отца моего, Статскаго Совѣтника Сергѣя Львовича Пушкина, имѣю я въ своемъ вѣденіи въ Нижегородской Губерніи въ селѣ Болдинѣ по 8-ой ревизіи 563 души а въ сельцѣ Кистеневѣ въ Сергачевскомъ уѣздѣ 274 души, да сверхъ того въ томъ-же сѣльцѣ Кистеневѣ 220 душъ собственно мнѣ принадлежащихъ. По случаю пребыванія моего въ С. Петербургѣ прошу васъ оное имѣніе принять въ полное Ваше разпоряженіе и управленіе, и буде случатся по оному дѣла, то слѣдующія про-

шенія, объявленія и всякаго роду бумаги отъ имени моего, за вашимъ рукоприкладствомъ во всѣ присутственныя мѣста, также и частнымъ лицамъ, подавать. По тѣмъ дѣламъ выписки, экстракты и рѣшенія выслушивать, удовольствія или неудовольствіе подписывать, на апелляціи въ высшія присутственныя мѣста со взносомъ апелляціонныхъ денегъ подавать; крестьянъ отъ обидъ и притѣсненій защищать, для работъ и промысловъ, по вашему разсужденію, отпускать съ законными видами также и дворовыхъ отпускать по паспортамъ съ наложеніемъ оброка.

При томъ имѣете вы наблюдать чтобы казенныя повинности и подати были въ свое время сполна уплачены; Положенный-же съ оброчныхъ крестьянъ оброкъ получать безъ недоимокъ и ко мнѣ высылать; буде окажутся дурнаго повѣденія и вредныя вотчинѣ крестьяне и дворовыя люди, таковыхъ отдавать во всякое время въ зачетъ будущаго рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать безъ зачету, предварительно меня о томъ увѣдомивъ. Словомъ прошу Васъ въ ономъ имѣніи разпоряжаться какъ бы я самъ, высылая доходы на мое имя, что-же вы къ приращенію доходовъ и къ улучшенію имѣнія учините, впредь во всемъ вамъ вѣрю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

20 ноября
1834 года

по 13 Книгѣ № 346-й.

Сія довѣренность принадлежитъ Бѣлорусскому дворянину Осипу Матвѣевичу Пеньковскому.

1834 года Ноября 22 дня Сіе письмо С. петербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1. Департаментѣ Двора Его Императорскаго Величества Камеръ Юнкеръ Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ явилъ и объявилъ, что оное имъ собственноручно подписано и дано Бѣлорускому Дворянину Осипу Матвѣеву сыну Пеньковскому

Совѣтникъ ⟨*подпись неразборчива*⟩

Секретарь Протопоповъ

У сей надписи Его
Императорскаго
Величества сего
1 де Палаты печать

Коллежскій Регистраторъ Васильевъ

Напечатано впервые А. Н. Труворовым в *РА* 1890, I, 436—437; перепечатано в *Е*[4] VII, 581. Подлинник, писанный весь рукою поэта на двух листах гербовой бумаги ценою в 3 рубля, с водяным знаком: «1833 г.», хранится в *ИРЛИ* (№ 231).

Иосиф (Осип) Матвеевич *Пеньковский* (ум. в г. Саранске в 1885—1886 г.) приглашен был на должность управляющего имениями Болдиным и Кистеневым С. Л. Пушкиным, который выдал ему 25 сентября 1833 г. формальную доверенность (см. ее в *ЩМ*, 230—232). В 1834 г. Пушкин сам взялся за управление имениями, о чем сообщил Пеньковскому в письме от 13 апреля: «Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его. По сему утверждая доверенность им данную вам, извещаю вас, чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина» (*АП* III, 96).

В связи с тем, что часть Болдинского имения принадлежала другим невыделенным из него наследникам, брату Л. С. Пушкину и сестре О. С. Павлищевой, Пушкину пришлось по этому поводу вступить в довольно неприятную переписку с мужем последней, Н. И. Павлищевым. Осенью 1834 г. Пушкин был сам в Болдине, где он прожил с половины сентября до половины октября (вернулся в Петербург к 15 октября, *ДМ*, 62), и где сговорился с И. М. Пеньковским, поручив ему непосредственное управление своей частью имения, для чего выдал ему комментируемую нами доверенность на ведение хозяйства по части Кистенева и Болдина. 10 ноября он писал Пеньковскому, что «доверенность посылает к нему на следующей почте» (*АП* III, 170), а после 22 ноября действительно выслал ее ему, вероятно, одновременно с другим документом (см. № 12), определявшим вознаграждение и натуральное довольствие И. М. Пеньковского. (Об управлении имениями Пушкина см. подробно в *ЩМ*, 109—156; ср. *ДП*, 210—211 и *ДМ*, 484—486.) Пеньковский в полной мере оправдал доверие Пушкина и после смерти поэта оставался управляющим имениями до пятидесятых годов (см. письмо Л. С. Пушкина к вдове поэта, от 1 сентября 1849 г.— *ЩМ*, стр. 202—205; подлинник в *ИРЛИ*. Ср. письмо Пеньковского от 14 февраля 1852 г. из Саранска к П. П. Ланскому, из которого видно, что он продолжает управлять имением; подлинник хранится в *ТМ*. Об этом периоде деятельности Пеньковского см. в главе «Кистеневское изнурение» в *ЩМ*, 189—211). Помимо выданных Пушкиным Пеньковскому двух вышеназванных деловых документов, сохранилось еще четыре письма к нему поэта от 1834—1836 гг. (они напечатаны в *РА* 1890, I, 435—439, и в *АП* III, №№ 801, 874, 904 и 1033. Подлинники их хранятся в *ИРЛИ*) и двадцать девять писем Пеньковского с декабря 1833 г. по 28 апреля 1836 г., из которых пятнадцать писем — С. Л. Пушкину, одно письмо без обращения и тридцать к А. С. Пушкину (см. «Звенья», сб. III—IV, 1934, стр. 135). О Пеньковском см. еще *ПС* XVII—XVIII, 163, 165, 179, 184, 190, 202, и XXIII—XXIV, 205, 210—211; XII, 102. После 1849 г. Пеньков.

ский был управляющим имением у камергера А. А. Полянского в с. Макаровке, Нижегородской губернии; в 1875—1885 г. жил в г. Саранске в собственном доме, где и умер.

14.

Предложение об издании «Краткого священного словаря» А. И. Малова

⟨8 декабря 1834 г.⟩

Въ Императорскую Россійскую Академію

Предложеніе

Дѣйствительный Членъ Россійской Академіи Протоіерей Алексѣй Ивановичь Маловъ проситъ Академію объ оказаніи ему пособія къ изданію въ свѣтъ сочиненной имъ и С. Петербургскою Духовною Цензурою одобренной книги подъ названіемъ: Краткій Священный Словарь, напечатаніемъ въ Академической Типографіи на иждивеніи Академіи 800 экземпляровъ.

Представленную мною Г. Сочинителемъ рукопись я поручилъ тремъ Г. г. Членамъ Академіи: Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Языкову, Коллежскимъ Совѣтникамъ: Лобанову и Панаеву разсмотрѣть сіе сочиненіе и о достоинствѣ его представить въ Академію письменное свое мнѣніе за общимъ ихъ подписаніемъ.

Основываясь на поданномъ ими 24-го минувшаго Ноября мнѣніи, въ которомъ прописываютъ, что ясное изложеніе предметовъ въ семъ Словарѣ заключающихся, и полезная цѣль, съ которою единственно предпринято сіе сочиненіе, даютъ ему полное право на вниманіе Императорской Российской Академіи, предлагаю Академіи, неблагоугодно ли будетъ напечатать сего сочиненія 800 экземпляровъ на ея щетъ въ пользу Сочинителя.

Президентъ Академіи Александръ Шишковъ

Алексѣй Оленинъ	М. Лобановъ
Графъ Хвостовъ	В. Панаевъ
Голенищевъ-Кутузовъ	А. М. Данилевскій
В. Полѣновъ	К. Бороздинъ
Д. Языковъ	П. Загорскій
Яков Захаровъ	Гр. Н. Мордвиновъ
Александръ Востоковъ	Совершенно согласенъ Кн. Ширинскій-Шихматовъ

Протоіерей Мысловскій Д. Чижовъ
Прот. Кочетовъ

„⟨8⟩“ Декабря А. Пушкинъ
1834 Года И. Крыловъ

Печатается впервые, по рукописи, находящейся в делах Российской Академии (записки заседаний 1834 г., № 39, л. 531), хранящихся в Архиве Академии Наук СССР (фонд 8). Текст документа писан рукою А. С. Шишкова, а затем подписан членами Академии (один лист писчей бумаги в лист, без водяного знака).

Алексей Иванович *Малов* (1787 — 31 октября 1855) — известный в свое время проповедник, мракобес, протоиерей Исаакиевского собора; по окончании Петербургской духовной академии в 1814 г. был наставником в армейской семинарии в Петербурге, с 1818 г. — священник при церкви Военносиротского отделения, в 1822 г. переведен в церковь при Инженерном замке, а с 1836 г. служил в Исаакиевском соборе. По получении священнического сана был законоучителем в восьми разных учебных заведениях. Пользовался большим успехом как проповедник; его проповеди были изданы несколькими изданиями: в 1822—1824 гг. под заглавием «Поучительные слова и речи», в 3 томах (3 издание в 1835 г.); кроме того им составлены несколько сочинений: «О вере и нравственности христианина», 2 ч., СПб. 1826—1831; «Письма к русским воинам», 2 ч., СПб. 1831, и др. В последнем сочинении, где Малов говорит «о любви и преданности государю», декабристы сравниваются им с «собаками, взбесившимися с жиру». Эта фраза характерна для Малова; она ярко рисует его реакционные взгляды, под знаком которых прошла вся его церковно-педагогическая деятельность. Кроме того Малов был членом известного скопческого корабля Е. Ф. Татариновой (см. А. Родосский, «Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов СПб. духовной академии 1814—1869 гг.», СПб. 1907, стр. 262—263; «Центрархив. Восстание декабристов. Библиография», составил Н. М. Ченцов, под ред. Н. К. Пиксанова, М.—Л. 1929, стр. 143; *РА* 1873, II, 1449; Г. Н. Геннади, «Справочный словарь о русских писателях и ученых», т. II, Берлин 1880, стр. 284—285; о Малове как о священнослужителе и законоучителе см. в *РА* 1901, III, 415, и «Наша Старина» 1917, III, 45—46; «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», II, 357 — отзыв о речи Малова на похоронах И. А. Крылова).

Имена Малова и Пушкина на протяжении жизни последнего и сразу же после его смерти сталкиваются несколько раз.

Пушкин и Малов одновременно, 3 декабря 1832 г. (предварительно) и 7 января 1833 г. (окончательно), были избраны в члены Российской Академии вместе с П. А. Катениным, М. Н. Загоскиным и Д. И. Языковым (см. М. И. Сухомлинов, «История Российской академии», VII, 472, и Б. Л. Модзалевский, «Список членов Имп. Академии Наук», СПб. 1903, стр. 116 и 337—338). Когда Академия была закрыта (в 1841 г). и присоединена к Академии Наук, Малов не попал в академики, а был сделан лишь почетным членом вновь образованного Отделения русского языка и словесности Академии Наук, которым и оставался до своей смерти. Пушкин вначале довольно часто посещал заседания Академии и

вместе с Маловым присутствовал на них 11 марта, 18 марта, 13 мая, 10 июня 1833 г. и последний раз 8 декабря 1834 г. [1] Вот на этом-то заседании 8 декабря и было подписано заранее приготовленное А. С. Шишковым предложение об издании «Краткого священного словаря» А. И. Малова. Предварительно, как видно из этого предложения, рукопись словаря была рассмотрена Рассматривательным комитетом в составе членов Академии Д. И. Языкова, М. Е. Лобанова и В. И. Панаева. Чтение их отзыва, датированного 24 ноября 1834 г., произошло в заседании Академии от того же числа (§ 1), причем было постановлено: «мнение сие представить господину президенту на его благоусмотрение». Предложение А. С. Шишкова было занесено в протокол заседания 8 декабря 1834 г., и постановлено: «Предложение сие произвести в исполнение, когда оное утверждено будет подписанием двадцати действительных членов Академии». Очевидно, что во время заседания присутствующие на нем члены Академии, в том числе и Пушкин, подписали его, и таким образом постановление вошло в силу. Чем руководствовался Пушкин, скрепляя своею подписью новое издание, сказать трудно. Вернее всего предположить, что он присоединился лишь к мнению большинства сочленов, не вникая в существо дела. «Краткий священный словарь» А. И. Малова был отпечатан в 800 экземплярах в 1835 г. (разрешение СПб. комитета для цензуры духовных книг на выпуск его в свет выдано было 29 апреля 1835 г.). [2] Это издание находится в библиотеке Пушкина (см. *ПС* IX—X, 62), причем часть страниц в нем разрезана.

После смерти Пушкина А. И. Малов предполагал произнести над гробом поэта приготовленное им надгробное слово, но, вероятно, оно произнесено не было, так как в многочисленных воспоминаниях современников и в их письмах об этом нет никаких упоминаний (см. *ПС* VI, 64, и А. С. Поляков, «О смерти Пушкина», П. 1922, стр. 42). Интересно отметить, что Николай I подозревал Малова в авторстве известного анонимного пасквильного письма Пушкину, но на чем это подозрение было основано, остается неизвестным (см. назв. книгу А. С. Полякова, стр. 42, 45 и 92).

15.

Контракт на наем квартиры в доме С. А. Баташева

⟨1 мая 1835 г.⟩

Санктпетербургъ, Мая въ первый день Тысяча восемьсотъ тридцать пятаго года, Я нижеподписавшiйся Двора Его Императорскаго Величества

[1] На заседаниях 28 января, 4 февраля и 25 февраля 1833 г., на которых присутствовал Пушкин, Малова не было. В названном труде М. И. Сухомлинова (стр. 83) дата 13 мая вообще пропущена.

[2] «Дела Российской Академии» 1834, № 9, в Архиве Академии Наук СССР (фонд 8). Ср. В. И. Срезневский, «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки Имп. Академии Наук в 1903 г.», СПб. 1904, стр. 173.

Камеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, нанявъ въ домѣ Отставного Гвардіи Полковника и кавалера Силы Андрѣева сына Баташева, Литейной части Перваго квартала подъ № 20-мъ Бельэтажъ, состоящій изъ поименованныхъ въ прилагаемой при семъ описи[1] комнатъ со службами отъ вышеписаннаго числа на одинъ годъ, т. е. по первое Мая будущаго Тысяча восемь сотъ Тридцать Шестаго года, цѣною за Шесть Тысячь рублей ассигнаціями, обязываюсь исполнять слѣдующее: Первое платежъ означенной суммы производить мнѣ Пушкину владѣльцу дома Г. Баташеву по третямъ и имянно при заключении сего контракта двѣ тысячи рублей ассигнаціями, 1-го Сентября 1835 и 1-го Генваря 1836 года тожъ по двѣ тысячи рублей за каждую треть ассигнаціями, съ подписаніемъ сей уплаты владѣльцомъ дома или уполномоченнымъ отъ него на контрактѣ, или на копіи съ онаго. Второе, бельэтажъ и всѣ принадлежности къ нему, принятыя мною по описи, по изтеченіи контракту срока, ежели въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ не послѣдуетъ взаимнаго соглашенія на продолженіе найма на слѣдующій годъ, сдать мнѣ бельэтажъ въ той самой исправности, въ какой принятъ былъ по описи не доводя владѣльца дома ни до какихъ убытковъ и хлопотъ. Третіе чищеніе печныхъ трубъ, отхожихъ местъ, помойныхъ и мусорныхъ ямъ производится должно отъ владѣльца дома безъ всякаго моего за то въ платежѣ участія. Четвертое наблюдать съ моей стороны, чтобы живущіе въ нанятомъ мною бельэтажѣ обходились съ огнемъ осторожно, и въ случаѣ (отъ чего Боже сохрани) учинится въ домѣ Г. Баташева отъ неосторожности моей, или служащихъ при мнѣ, пожаръ, доказанный законнымъ порядкомъ, то я обязанъ отвѣтствовать за послѣдовавшій дому вредъ всею собствѣнностію моею безъ всякихъ хлопотъ, не доводя владѣльца дома, ни до какихъ убытковъ; а на противъ того, ежели пожаръ пройзойдѣтъ не отъ меня и живущихъ при мнѣ, но отъ Грозы, или отъ неисправности трубъ и печей, кои остаются на отвѣтственности хозяйской, или же отъ другихъ жильцовъ, или сосѣдей, тогда я за причиненные дому пожаромъ убытки не отвѣчаю, обязываясь предупреждать владѣльца дома объ опасностяхъ печей и трубъ. Пунктъ сей въ случаѣ застрахованія дома до меня не касается. Пятое, людей, находящихся у меня в услуженіи, имѣть мнѣ съ узаконенными видами, о коихъ и обьявлять мнѣ въ кварталѣ подъ собственною моею за неисполненіе сего отвѣтствѣнностію. Шестое, въ случаѣ поступленія въ другіе руки дома Г. Баташева, ежели покупщикъ онаго, не согласится оставить меня въ нанятой мною квартирѣ до окончанія срока контракту, въ такомъ случаѣ по предварительномъ меня о семъ извѣщеніи, я предоставляю себѣ право выѣхать изъ квартиры не ранѣе трехъ мѣсяцевъ, но съ тѣмъ чтобы въ семъ случаѣ излишне-переданныя мною деньги за наемъ квартиры, были мнѣ владѣльцомъ дома по росчету возвращены. Седьмое, контрактъ

[1] *Опись при контракте не сохранилась.*

сей содержать съ обѣихъ сторонъ Свято и ненарушимо, записавъ оный у Маклерскихъ дѣлъ, подлинному хранится у владѣльца дома, а копію съ него у наемщика квартиры. Восьмое, в случаѣ выѣзда моего изъ Петербурга по какимъ либо обстоятельствамъ предоставляю я Пушкинъ себѣ право квартиру передать другому до истеченія контракту срока, но съ полнымъ владѣльца дома за все контрактное время отъ меня удовлетвореніемъ.

Двора Его Императорскаго Величества камеръ-юнкеръ титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ

№ 289 мъ — 1835-го Года Маія Пятьнадцатаго дня; в С. Петербургѣ, въ Конторѣ Частнаго Маклера; Сей Контрактъ явленъ; и въ книгу; подъ № Двѣсти-Восемъ Дѣсять-Дѣвятымъ Записанъ! — и съ онаго въ Доходъ Города слѣдующіе пошлинные деньги принялъ

Частный Маклеръ Яковъ Степановъ

у Сего Контракта Его Императорскаго Величества Маклерская Печать! —

Комментарий см. на стр. 789—791 к № 22.

16.

Обращение в Главное Управление цензуры

<28 августа 1835 г.>

Честь имѣю обратиться въ Главный Комитетъ Ценсуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что Ему угодно быть самому моимъ ценсоромъ. Въ слѣдствіе Высочайшей воли все что съ тѣхъ поръ было мною напечатано достовляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ 3го отдѣленія Собственной Его Канцеляріи при подписи однаго изъ чиновниковъ: Съ дозволенія Правительства. Такимъ образомъ были напечатаны: Цыганы, повѣсть (1827) 4ая, 5ая, 6ая, 7ая и 8ая Главы Евгенія Онѣгина, романа въ стихахъ. (1827, 1828, 1831, 1833) Полтава, (1829). 2ая и 3ья часть Мѣлкихъ Стихотвореній; 2ое исправленное изданіе поэмы Русланъ и Людмила (1828) Графъ Нулинъ, (1828) Исторія Пугачевскаго Бунта, и проч

Нынѣ, по случаю втораго, исправленнаго изданія Анджело, перевода изъ Шекспира (неисправно и со своевольными поправками напечатаннаго Книгопродавцемъ Смирдинымъ) Г. Попечитель С. П. Б. Учебнаго Округа, изустно объявилъ мнѣ что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ никакого новаго разпоряженія не воспослѣдовало, и такимъ образомъ я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за изключеніемъ собственноручно замѣчанныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную Канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать Комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ Типографію?

Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ

28 августа
1835

Резолюция карандашом: скасать

Черновое

[Осмѣливаюсь] Честь имѣю обратиться [къ В] въ Гл. Комитетъ С. П. Б. Цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся[1] затрудненія [касательно за] печатанія [моихъ сочиненій][2]

Въ 1826 году Г. Имп. изволилъ объявить мнѣ что ему угодно быть самому моимъ Цензоромъ. Въ слѣдствіи Выс. воли все что съ тѣхъ поръ было мною напечатано не проходило предварительно черезъ обыкновенную, но доставлено было прямо отъ [Его В] Ег. В. черезъ Гр. Бенк. — или изъ 3го Отдѣл. собст. Ег. В. Канц. — [изъ котор] [одно] [др] [для напечатанія же употреблена

[1] *Первоначально было:* встрѣтившагося.
[2] *От слов* о разрѣшеніи *до сих пор — зачеркнуто одною поперечною чертою.*

была фор] [съ фор] при надписью: [печатать] съ дозв. Прав — Такимъ образомъ были напечатаны; [поэ] Цыганы, повѣсть. 4 3 5 6 7 и 8 [и] главы поэмы Евгенія Онѣгина; Полтава, поэма; 2 и 3я часть мѣлкихъ стих., Гр. Нулинъ, повѣсть — и Исторія Пуг. бунта.

Нынѣ [объявлено мнѣ было] [Гномъ] [что] по случаю второго изданія [Перевода изъ Шексп. исправ] [поэмы] Анджело, перевода изъ Шексп. [исправленнаго] ([въ] [въ коемъ находились мѣста исправленныя] напечатаннаго съ своевольн. [безтолко] [скудоумно] и ⟨*нрзб*⟩ исправленіями Кн. Смирд.) [Г. Ценс. Ник. и Книгопр. Смирдинымъ, которые В] и второе изданіе поэмы Анджело было остановлено. —

[Неисправ]

Г. попеч. С. П. Б. Учеб. Окр.[1] объявилъ мнѣ что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать [съ объясн] моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались съ 1826. года. [Не зная какъ въ т] [какъ] т. е. съ подписью чиновника Собств. Ка. и [съ] [при] формулою: Съ Дозволенія Пр — Между тѣмъ [отъ Е. В. никакого новаго разпо] никакого новаго разпоряженія не воспослѣдовало, [и я] и такимъ образомъ [освобожденный] отчужденный отъ Ценс. [Гос. Им.] Ег. В. я лишенъ [Цен. Ком] права Цен. Ком. печатать [мои] свои сочиненія, — [даже] [даже] дозволенныя Самимъ Го. Им.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Г. Имп. изволилъ возвратить мнѣ [нѣсколько] сочиненіе дозволивъ мнѣ его печатать, за исключеніемъ собственноручно замѣчанныхъ мѣстъ. — [Послѣ того что я] Не [имѣю] могу [и не хочу] болѣе обратиться для подписи въ собств. Канц. Е. В. — и поневолѣ утруждаю комитетъ вопросомъ: [куда прикажетъ мнѣ обратиться] какую новую форму предпишетъ онъ мнѣ [для представленія въ Це. Ком.] для [со] представленія мо[ихъ]ей рукопис[ей] и въ типографію? —

Беловик напечатан впервые в *РС* 1880, № 5, стр. 101 (ср. *РС* 1903, № 6, стр. 645—646 и *Е*4 VII, 606); черновик — в *Ш*, 104—105, подлинник беловика писан на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «А. Г. 1833», и хранится в *ИРЛИ* (№ 120); подлинник черновика, писанный на

[1] *Слова:* попеч. С. П. Б. Учеб. Окр. *вставлены карандашом вместо первоначального многоточия.*

двух листах почтовой бумаги обычного формата, с водяным знаком «А. Г. 1834», хранится там же (№ 288).

Пушкин неоднократно обращался с письмами к А. Х. Бенкендорфу по поводу своих столкновений с цензурою. Он полагал, что, имея разрешение от Николая I выпускать свои сочинения из печати через А. Х. Бенкендорфа (для чего ставилась помета: «с дозволения правительства»), не нужно отдавать их еще в обыкновенную цензуру. Возникавшие на этой почве с Цензурным комитетом недоразумения причиняли поэту много волнений. Уже пропущенные цензурой Николая I произведения Пушкина и изданные им, при переиздании подвергались обычной цензуре, которая требовала исключений некоторых мест. Так и в данном случае поэту пришлось иметь дело с министром С. С. Уваровым, поставившим Пушкину препятствие при переиздании «Анджело».

Главный комитет цензуры 9 сентября 1835 г. постановил объявить поэту, на его просьбу от 28 августа, что рукописи, издаваемые с особого высочайшего разрешения, печатаются независимо от цензуры министерства народного просвещения (Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910, стр. 471). Уваров, однако, не пожелал считаться с доводами поэта и написал в III Отделение письмо на имя А. Н. Мордвинова 23 сентября 1835 г., в котором настаивал на необходимости цензурования сочинений поэта на основании общих правил о цензуре, приложив к нему копию официального прошения Пушкина. На письме Уварова Мордвинов сделал лаконическую надпись: «Убрать» (см. *Е*[4] VIII, 461—463; *РС* 1903, № 6, стр. 645—646, и *СД* 165). В бумагах Пушкина сохранился черновик его письма к А. Х. Бенкендорфу (вторая половина октября 1835 г.), где он написал, что не удостоился ответа Цензурного комитета и жаловался на притеснения (*Ш*, 106; *АП* III, 240). Вероятно, Бенкендорф уладил дело, так как «Анджело» вторично было напечатано без цензурных пропусков по сравнению с первым изданием.

17.

Прошение по делу с П. А. Жадимеровским

〈5 сентября 1835 г.〉

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичъ Самодержецъ Всероссийскій Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ Титулярный Совѣтникъ
Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ,
а о чемъ тому слѣдуютъ пункты.

1-е

Санктпетербургскаго Надворнаго Суда въ 4 департаментѣ производилось дѣло о взыскиваемыхъ съ меня Фридрихсгамскимъ первостатей-

нымъ купцомъ Петромъ Жадиміровскимъ за наемъ въ домѣ его квартиры 1.063 руб. 33¹/₃ к., и рѣшительнымъ опредѣленіемъ онаго Департамента 15 апрѣля сего 1835 года состоявшимся между прочимъ заключено: претендуемые купцомъ Жадиміровскимъ за квартиру деньги 1.063 руб. 33¹/₃ коп. взыскать съ меня посредствомъ Управы Благочинія, а при неплатежѣ мною денегъ, или отзывѣ о неимѣніи таковыхъ, произвѣсть взысканіе съ недвижимаго имѣнія моего, на обезпеченіе настоящей претензіи Жадиміровскаго мною предоставленного, заключающегося въ 7 свободныхъ душахъ крестьянъ, состоящихъ Нижегородской губерніи Алатырскаго уѣзда въ дѣревнѣ Кистеневой, каковое дѣло по объявленному мною на рѣшеніе тогожь суда неудовольствію, 31 прошедшаго маія представлено на рѣвизію здѣшней Палаты Гражданскаго Суда въ 1 Департаментъ въ которой на неправильное и крайне обидное для меня рѣшеніе означеннаго Надворнаго Суда подана мною апелляціонная жалоба съ подробнымъ изъясненіемъ всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, кои могутъ служить доказательствомъ неправильности иска купца Жадиміровскаго, и несправедливости вышепрописаннаго рѣшенія суда, а потому Всеподданнѣйше прошу Къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе С.-Петербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1 Департаментѣ принявъ записать, а о пріостановленіи исполненія рѣшенія здѣшняго надворнаго суда 4 Департамента по вышеизъясненому дѣлу, предписать томужь Департаменту Указомъ за долженствующую же употребится по сему дѣлу вмѣсто гербовой простую бумагу три рубли денегъ при семъ представляю. прошенію

Всемилостивѣйшій Государь прошу Вашего Императорскаго Величества, о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Сентября 5 дня 1835 года къ подачѣ надлежитъ С.Петербургской Палаты Гражданскаго Суда въ 1 Департаментъ, сіе прошеніе съ сочиненія просителя писалъ канцеляристъ Николай Соснинъ.

Титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

Напечатано впервые П. Е. Щеголевым в его статье «Квартирная тяжба Пушкина» в «Красной Ниве» № 24, от 9 июня 1929, стр. 9, где и факсимиле подписи Пушкина. Подлинник писан на двух листах гербовой бумаги ценою в 1 рубль, с водяным знаком 1834 г., хранится в *ИРЛИ*.

Изложение дела Пушкина с домовладельцем Жадимеровским см. в названной статье Щеголева; ср. стр. 765—768.

18.

Подпись под отпускным билетом крестьян бар. Е. Н. Вревской

〈После 5 октября 1835 г. С. Тригорское.〉

БИЛѢТЪ.

Предъ-явителямъ Сего Тверской Губерніи Старицкаго Уѣзда Крѣпостные Крестьянѣ. Нераздѣльныя съ братомъ Исестрою Моей Вульфовымъ находясь у меня въ работы Псковской Губерніи Островскаго Уѣзда въ селѣ Голубове отъ сего числа 5-го октября отъ правлены обратно нажительство ихъ въ выше прописанною Губернію и уѣздъ 1-го Матвѣй Петровъ 2-й Сергей Максимовъ 3-й Александръ Ивановъ 4-й Захаръ Ивановъ срокомъ отъ нижеписаннаго числа надвѣ недели т: е: по семнатцатое число сего мѣсяца почему прошу Господъ команду имѣющихъ научрежденныхъ заставахъ дожительства ихъ безпрепятственно пропускать, для чего имъ отъ меня сей билѣтъ данъ за подписаніемъ моей руки и съ приложеніемъ Герба фамиліи моей печати мѣсяца Октября 5-го дня 1835-го Года.

〈*Место сургучной печати*〉 Островская помѣщица Евпраксея дочь Николаева Баронесса Вревская.

При семъ былъ свидѣтелемъ и руку приложилъ
Двора Его Императорскаго Величества
камеръ-юнкеръ Александръ Пушкинъ

въ томже свидетельствую Полковникъ 〈*подпись нрзб.*〉
Въ томъ свидетельствую Поручикъ 〈*подпись нрзб.*〉

На полях написаны:

Примѣты.

1-й Матвѣй Петровъ отроду 45-ть лѣтъ росту 2 арш. 9-ти вер.; волосы на головѣ бровяхъ темнорусые глаза серые носъ остръ лице белое подбородокъ круглой особые примѣты усахъ и бородѣ волоса темнорусые лысоватъ. —

2-й Сергей Максимовъ отроду 35-ти лѣтъ росту 2 ар. $4^1/_2$ верш., волосы наголове бровяхъ и бородѣ усахъ, рыжеватые. Глаза светлорусые лицемъ белъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣтъ. —

3-й Александръ Ивановъ отъ роду 50 лѣтъ росту 2 арш. $5^1/_4$ вер., волосы наголове бровяхъ бородѣ усахъ темнорусые глаза каріи лицемъ темноватъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣтъ. —

4-й Захаръ Ивановъ отроду 39-и лѣтъ росту 2 арш. $7^{1}/_{2}$ вер.; волосы на головѣ бровяхъ бородѣ и усахъ темнорусые глаза темнокаріи лицемъ бѣлъ ротъ умеренной носъ посредственной особыхъ примѣтъ нѣимѣется. —

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 73), из собрания Лицейского музея; подлинник писан на двух листах гербовой бумаги in f°, ценою в 50 копеек, с водяным знаком 1834 г. Текст документа писан писцом, а затем идут подписи бар. Е. Н. Вревской, Пушкина и двух других лиц, фамилии которых разобрать не удалось.

С середины сентября до середины октября 1835 г. Пушкин провел время у себя в Михайловском: здесь он неоднократно навещал своих соседей по с. Тригорскому, а также был у бар. Вревских в с. Голубове, о чем писал жене 21 сентября (см. *АП* III, 230 и *ПС* XIX—XX, 104—105, 106 и XXI—XXII, 392 и 393). Но больше всего Пушкин бывал в любимом Тригорском; 25 сентября он даже письмо писал жене именно оттуда: «Пишу тебе из Тригорского» (*АП* III, 231), а в следующем письме ей же сообщал: «Утром дела не делаю, а так из пустова в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах, да орехи грызу» (ibid, стр. 234), он и поддерживал дружескую близость с обитателями Тригорского и Голубова. 22 сентября он подарил бар. Е. Н. Вревской в Михайловском экземпляр «Евгения Онегина», изд. 1833 г., с надписью и с пометками (см. стр. 723—724). 2 октября вписал в альбом Анны Николаевны Вульф XLVI строфу шестой главы «Евгения Онегина» (см. стр. 664) и, наконец, 5 октября, по просьбе бар. Е. Н. Вревской, подписался свидетелем под паспортом крепостных ее крестьян. Помимо подписи Пушкина, паспорт этот интересен и сам по себе, как образец паспортов помещичьих крестьян; такие паспорта выдавал и Пушкин своим крепостным (ср., например, выше, стр. 754—755), но они не дошли до нас.

19.

Подпись под разрешением П. А. Осиповой на вступление в брак своей крепостной за крестьянина деревни Дмитревой

⟨После 12 октября 1835 г. С. Тригорское.⟩

Пригорода Воронеча Церкви Воскресенія Христова, Священнику Ларіону.

Соглосясъ Позволяю Вотчины моей деревни Новой Березовки кресьянину Семіону Герасимову, что прреждѣ жилъ въ деревни Пентузовой; выдать дочь свою Иринію Семенову въ замужъство за кресьянина Удѣльной волости Воронецкаго приказа деревни Дмитревой, Егора Силова, а какъ помянутая Иринья Семенова по послѣдней ревизіи писана $18^{\text{ти}}$

годовъ то не находя никакихъ прѣпятствій, прошу васъ покорнейши объвѣнчать вышеозначенныхъ Егора Силова и Иринью Саміонову законнымъ бракомъ.

Статская Совѣтница Прасковья
Осипова

1835 года
Октября 12 го
С. Тригорское.

<*на обороте*>

Что сей отпускъ писанъ дѣйствительно статской совѣтницей Прасковіей Александровной Осиповой въ томъ свидѣтельствую Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-юнкеръ Александръ Пушкинъ

И я свидѣтельствую въ томъ, что сей видъ дѣйствительно писанъ Статской Совѣтницей Прасковіей Александровной Осиповой. Отст: 14 го класса Николай Шминке.

Въ томъ же свидѣтельствую Отставной Гвардіи подпоручикъ Баронъ Борисъ Александровъ сынъ Вревскій.

<*Стершаяся печать
на красном сургуче*>.

Печатается впервые (ср. заметку Н. Л. Пацко, «Новый автограф А. С. Пушкина» в газ. «Пушкинский колхозник», изд. в Пушкинских Горах, 6 октября 1934 г., № 206 (855)). Подлинник хранится в *ИРЛИ* (№ 19); он писан на гербовой бумаге ценою в 50 копеек, с водяным знаком: 1834. Текст обращения писан весь рукою П. А. Осиповой; на обороте автографы Пушкина, Н. Шминке и бар. Б. А. Вревского.

Священник Ларион — Ларион Евдокимович Раевский, по прозвищу «Шкода», священник села Воронича. «Шкоде» поручен был надзор за духовною жизнью Пушкина во время пребывания поэта в ссылке в с. Михайловском в 1824—1826 гг. (подробнее см. в *П* I, стр. 127, 128, 428, 429, а также в рассказах дочери Раевского — Акулины Ларионовны, по мужу Скоропостижной, в «Историч. Вестнике» 1908 г., № 10, стр. 139—141, 1911 г., № 9, стр. 590—591, и прил. к «Новому Времени» 21 февраля 1909 г., № 11834, стр. 7.). Дочь Раевского умерла 105 лет в июне 1924 г. в с. Михайловском («Известия ЦИК» 25 июня 1924 г.).

О пребывании Пушкина в сентябре — октябре 1835 г. в Михайловском и Тригорском см. выше, стр. 783.

О *Николае Шминке* — никаких сведений нет.

Барон Борис Александрович Вревский (род. 29 ноября 1805, ум. 17 декабря 1888), муж дочери П. А. Осиповой — Евпраксии Николаевны Вульф (о нем см. у И. А. Шляпкина, «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина»

СПб. 1903, стр. 127, 143, 144, 248, 255, 258, 273 и в *АП*, II, стр. 284, 307, и III, стр. 342, 370, 391. 437). В сентябре и октябре (до 20-го) 1835 г. Пушкин приезжал к Вревскому в им. Голубово (см. *ПС*, в. XXI—XXII, стр. 392—393.)

20.

Обязательство по ссуде в 20 000 руб.

⟨22 ноября 1835 г.⟩

Я нижеподписавшійся Коллежскій Ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, на основаніи Высочайшаго повѣленія, на имя Господина Министра Финансовъ въ $\frac{\text{30 сентября}}{\text{12 октября}}$ послѣдовавшаго, о рассрочкѣ выданныхъ мнѣ изъ Государственнаго Казначейства въ ссуду въ 1834 году Двадцати тысячь рублей, начиная съ 1836 года на четыре года безъ процентовъ съ тѣмъ, что бы я возвратилъ сію сумму въ теченіи четырехъ лѣтъ по равнымъ частямъ по истеченіи каждаго года, даю сіе обязательство Государственному Казначейству въ томъ, что оные выданные мнѣ въ ссуду двадцать тысячь рублей долженъ я, а по мнѣ наслѣдники мои, возвратить Государственному Казначейству на изъясненномъ основаніи и платежи производить въ Санктпетербургскую Казенную Палату. Въ непременномъ исполненіи сего обязательства подписуюсь своеручно. Ноября двадцать втораго дня Тысяча восемь сотъ тридцать пятаго года.

Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Коллежскій ассесоръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Напечатано впервые П. И. Бартеневым в *РА* 1890, II, 104; затем Гастфрейндом по копии в *ГД*, 57 и в E^4 VII, 622—623. Подлинник, писанный на гербовой бумаге «для письма крепостей от 15001 до 20000 цена сорок рублей», с водяным знаком 1834 г., хранится в *ТМ*.

26 июля 1835 г. Пушкин обратился к А. X. Бенкендорфу с письмом, в котором сообщал, что «из 60.000 рублей моих долгов, половину составляют долги чести. Для уплаты их я вижу себя вынужденным прибегнуть к займам под проценты, что удвоит мое затруднение, или поставит меня в необходимость снова прибегнуть к великодушию императора», и просил предоставить ему возможность уплатить 30 000 руб. с тем, чтобы обратить эту сумму в ссуду, которую он будет выплачивать путем удержания получаемого им жалованья (см. *РС* 1880, № 5, стр. 100; *АП* III, 218—219, и *СД*, 160). Николай I, вследствие ходатайства Пушкина, пожаловал ему 30 000 руб., с удержанием этой суммы из жалования (переписку по этому делу см. *ГД*, 47—51 и 55—58; *РА* 1880, II, 103—104, и *СД*, 162—164, 168—169). На самом деле, однако, Пушкин получил на руки лишь 18 231 руб. 67 коп., за вычетом 10 000 руб. с процентами в погашение первой ссуды в 20 000 руб., выданной в 1834 г. (см. выше стр. 768—

769). Поставленный в затруднительное положение, поэт обратился 6 сентября 1835 г. с письмом к министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину, в котором, изложив ход дела, просил получить сполна всю сумму в 30 000 руб. (см. *АП* III, 225—226). Вследствие просьбы Пушкина гр. Е. Ф. Канкрин доложил дело Николаю I, который и согласился на возвращение 10 000 руб. с процентами, вычтенных у поэта в погашение прежней ссуды; долг же в 20 000 руб. по ссуде 1834 г. повелел рассчитать на 4 года, начиная с 1836 г., без процентов (см. *СД*, 168—169 и *ГД*, 49 и 56). Согласие Николая I состоялось 30 сентября (12 октября) 1835 г., на которое и ссылается Пушкин в тексте своего нового обязательства. Между тем, пока вопрос этот разрешался в высших инстанциях, срок первого платежа в 10 000 руб. по первому обязательству Пушкина истек (9 марта 1835 г.), и С.-Петербургская казенная палата принимала меры к своевременному погашению Пушкиным взятого на себя обязательства. Вторичным отношением палата 12 августа 1835 г., за № 10488, запросила С.-Петербургского обер-полицмейстера о том, приняты ли какие-нибудь меры к «понуждению камер-юнкера Пушкина к платежу должных им по ссуде 20 000 руб. денег», на что С.-Петербургский обер-полицмейстер генерал С. А. Кокошкин отвечал следующим отношением:

С. Петербургский
Обер-Полицмейстер
Канцелярия
Стол 2
17 июля 1836 года
№ 5440

В С. Петербургскую Казенную Палату

На отношение Казенной палаты от 12 августа 1835 года № 10488, уведомляю, что камер-юнкер Пушкин, был побуждаем к платежу следующих казне 10/т. рублей, но он за всеми настояниями полиции денег сих не плотит, а о причине того подал отзыв, при сем препровождаемый

Генерал майор Кокошин

№ 431

Текст отзыва Пушкина, см. ниже, № 21.

21.

Отзыв по ссуде в 20 000 руб.

⟨4 апреля 1836 г.⟩

Литейной части въ съѣзжій домъ.

От камеръ-юнкера Пушкина

Отзывъ

Въ слѣдствіи предъявленнаго мнѣ предписанія отъ Г. Оберполицмейстера предписанія С. Петербургской казенной палаты

о востребованіе 10,000 рублей съ процентами должныхъ мною, имѣю честь объяснить:

Что по новому разпоряженію Г. Министра Финансовъ, платежъ сей суммы отсроченъ и раздѣленъ на другія сроки.

4 апрѣля
1836.
С. П. Б.

Александръ Пушкинъ

Принялъ Надзиратель Ко ⟨*подпись нрзб.*⟩

Напечатано впервые в «Речи» № 99, от 13 апреля 1911 г. («Находка»). Подлинник, писанный на двух листах писчей бумаги, с водяным знаком «А. Гончаров 1834» находится в деле С.-Петербургской казенной палаты «о выданных по высочайшему повелению камер-юнкеру Пушкину в ссуду на два года 20 000 р., 1834 г.», на двенадцати листах, хранящемся в *ИРЛИ* (№ 46).

Документы дела опубликованы не были. Напечатанные выше сведения (стр. 785—786) извлечены нами из этого дела. Таким образом, поэту, из-за неувязки в переписке между ведомствами, пришлось лишний раз иметь дело с полицией и давать объяснения, в то время как еще 30 сентября 1835 г. вопрос с первой ссудой в 20 000 руб. был улажен распоряжением Николая I, по ходатайству Пушкина (см. выше, стр. 786).

Осенью 1836 г. новые обстоятельства заставили Пушкина обратиться к гр. Е. Ф. Канкрину с письмом от 6 ноября, в котором он писал, что, желая уплатить весь свой долг казне сполна и немедленно, он предлагает в уплату обратить свое имение (см. *АП* III, 399—400). Причины, побудившие поэта к таким решительным действиям, стояли в прямой связи с тяжелой жизненной драмой Пушкина, разыгравшейся осенью этого года, после выпуска в общество известного анонимного пасквиля, намекавшего на близость Николая I к жене поэта (подробности об этом см. в книге П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина», изд. 3, Л. 1928, стр. 467—472). Канкрин ответил Пушкину 21 ноября, что, по его мнению, приобретение в казну помещичьих имений неудобно и что на это нужно испрашивать разрешение Николая I (*АП* III, 411).

Ответ поэта на это письмо Канкрина см. в *АП III*, 460 (опубликовано здесь как письмо к неизвестному). Так как в расчеты Пушкина не входило ставить в известность о своем намерении Николая I, то попытка его осталась без движения.

После его смерти долг его был списан по повелению Николая I, «с избавлением взыскания оных с имения покойного или пенсиона его наследников» (*ГД*, 58).

*

22.

Контракт на наем квартиры в доме С. А. Баташева

<1 мая 1836 г.>

С.-Петербургъ. 1836 года Мая в 1-й день. Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, нанявъ въ домѣ отставного Гвардіи Полковника и Кавалера Силы Андрѣева сына Баташева, Литейной части перваго квартала подъ № двадцатымъ, верхній этажъ, состоящій изъ двадцати жилыхъ комнатъ, съ находящеюся въ нихъ мебѣлью, значущеюся въ приложенной при семъ описи, [1] на одинъ годъ съ платежемъ, т. е. по первое Іюня будущаго тысяча восемь сотъ тридцать седьмаго года цѣною за четыре тысячи рублей ассигнац. обязуюсь исполнить слѣдующее: 1-е) платежъ означенной суммы производить мнѣ Пушкину владѣльцу дома Г. Баташеву по третямъ, и именно: при заключеніи сего контракта тысячу триста тридцать три рубли тридцать три копѣйки ассигн. 1-го Октября 1836 и 1-го Февраля 1837 года тожъ по тысячѣ триста тридцать три рубли тридцать три копѣйки за каждую треть ассигн., съ подписаніемъ сей уплаты владѣльцемъ дома, или уполномоченнымъ отъ него на контрактѣ, или на копіи съ онаго. 2-е) Верхній этажъ, всѣ принадлежности къ нему, и мебѣль принятыя мною по описи, по истеченіи контракту срока, ежели въ теченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцовъ не послѣдуетъ взаимнаго соглашенія на продолженіе найма на слѣдующій годъ, сдать верхній этажъ и мебѣль [2] въ той самой исправности, въ какой принято было по описи, не доводя владѣльца дома ни до какихъ убытковъ и хлопотъ. 3-е) Чищеніе печныхъ трубъ, отхожихъ мѣстъ, помойныхъ и мусорныхъ ямъ, производиться должно отъ владѣльца дома безъ всякаго моего за то въ платежѣ участія. 4-е) Наблюдать съ моей стороны, чтобы живущіе въ нанятомъ мною этажѣ обходились съ огнемъ осторожно, и въ случаѣ (чего Боже сохрани) учинится въ домѣ Г. Баташева отъ неосторожности моей, или служащихъ при мнѣ, пожаръ, доказанный законнымъ порядкомъ, то я обязанъ отвѣтствовать за послѣдовавшій дому вредъ всею собственностію моею безъ всякихъ хлопотъ, не доводя владѣльца дома, ни до какихъ убытковъ; а на противъ того, ежели пожаръ произойдетъ не отъ меня и живущихъ при мнѣ, но отъ грозы, или отъ неисправности трубъ и печей, кои остаются на отвѣтственности хозяйской, или же отъ другихъ жильцовъ, или сосѣдей, тогда я за причиненные дому пожаромъ убытки не отвѣчаю, обязываясь предупреждать владѣльца дома объ опасностяхъ печей и трубъ. Пунктъ сей въ случаѣ застрахованія дома до меня не ка-

---

[1] *Описи при контракте не оказалось.*
[2] *Подчеркнуто карандашом.*

сается. 5-е) Людей, находящихся у меня въ услуженіи, имѣть мнѣ съ законными видами, о коихъ и объявлять мнѣ въ кварталѣ подъ собственною моею за неисполненіе сего отвѣтственностію. 6-е) Въ случаѣ поступленія въ другія руки дома Г. Баташева, ежели покупщикъ онаго не согласится оставить меня въ нанятой мною квартирѣ, до окончанія сроку контракту, въ такомъ случаѣ по предварительномъ меня о семъ извѣщеніи, я предоставляю себѣ право выѣхать изъ квартиры не ранѣе трехъ мѣсяцовъ, но съ тѣмъ чтобы въ семъ случаѣ излишне переданные мною деньги за наемъ квартиры были мнѣ владѣльцомъ дома по расчету возвращены. 7-е) Контрактъ сей содержать съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо, записавъ оный у Маклерскихъ дѣлъ, подлинному храниться у владѣльца дома, а копію съ него у наемщика квартиры. 8-е) Въ случаѣ выѣзда моего изъ Петербурга по какимъ либо обстоятельствамъ предоставляю я Пушкинъ себѣ право квартиру передать другому до истеченія контракту срока, но съ полнымъ владѣльца дома за все контрактованное время отъ меня удовлетвореніемъ.

Къ сему контракту Гвардіи Полковникъ Сила Андрѣевъ сынъ Баташевъ руку приложилъ. —

Къ сему контракту титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

№ 172 въ СПетербургѣ 1836 года Іюня Семнадцатаго Дня сей Контрактъ въ Конторѣ Городоваго Маклера Явленъ и въ Книгу подъ № СТО Семдесятъ вторымъ Записанъ въ доходъ Города Двадцать рублей приняты.

Городовый Маклеръ Василей Селезневъ

У сего конъ
тракта
Маклерская
«Печать»

Контракт от 1 мая 1835 г. (см. стр. 775—777) и этот публикуются впервые. Подлинник первого писан на гербовой бумаге с штампом: «для письма крѣпостей от 5001 до 7000 рублей, цѣна четырнадцать рублей», с водяным знаком: «1822 г.»; подлинник второго — на такой же бумаге «для письма крѣпостей от 3001 до 5000 рублей цѣна десять рублей», с водяным знаком: «Гербовая бумага 1835 цѣна 10 рублей». Оба контракта хранятся в *ЛБ*, под № 3735, куда поступили 26 ноября 1912 г. от В. А. Венкстерна (см. «Русское Слово», № 283, от 8 декабря 1912 г., заметка: «Пушкинские автографы»).

Пушкин переехал в дом Баташева, вероятно, в середине августа 1834 г., но, к сожалению, первого контракта на наем квартиры не сохранилось. Первое упоминание о новой квартире в письмах Пушкина нахо-

дится в письме к жене из Петербурга в Калугу в конце июля 1834 г.: «Наташа, мой Ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими» (*АП* III, 156). В следующем письме он писал ей же (конец июля): «С кн. Вяземским я уже условился. Беру его квартиру. К 10 августа припасу ему 2500 рублей и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе» (ibid., III, 157); «я взял квартиру Вяземских, — писал поэт жене 3 августа, — надо будет мне переехать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу» (ibid., 161).

Дом Баташева находился на Гагаринской, затем на Дворцовой набережной у Прачешного моста, вблизи Фонтанки. В настоящее время это желтый четырехэтажный дом № 32 по Набережной Жореса. Пушкин переехал в ту самую квартиру в бельэтаже, которую до того занимал кн. П. А. Вяземский. Судя по публикуемым теперь контрактам, в доме Баташева Пушкин занимал две квартиры: с момента въезда в 1834 г. до 1 мая 1836 — в бельэтаже за 6000 руб. ассигнациями, а с 1 мая 1836 г. по день выезда (об этом см. дальше) — в верхнем, то есть в третьем этаже за 4000 руб. ассигнациями (весь дом состоял из трех этажей, см. А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», вып. 1, Л. 1930, стр. 69). На подлиннике первого контракта имеются черновые карандашные исправления, свидетельствующие о том, что квартира в бельэтаже 1 августа 1836 г. была снята после Пушкина генерал-майором Алексеем Николаевичем Авдулиным уже за 6500 руб. ассигнациями; вследствие повышения цены за квартиру на 500 руб. Пушкин, надо думать, принужден был ее переменить на другую, в этом же доме, этажом выше, стоящую только 4000 руб. В августе 1836 г. у Пушкина с управляющим домом Баташева произошел разрыв, и Пушкин вынужден был искать себе другую квартиру; он вскоре переехал на набережную р. Мойки, в дом кн. Волконской, где и умер. «Дорогой отец, — писал Пушкин 20 октября 1836 г., — вот мой адрес: на Мойке, близ Конюшенного мосту в доме Кн. Волконской. Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого — негодяй» (см. статью Б. Л. Модзалевского, «Новое письмо Пушкина к отцу» в *ПС* XXXVII, 2). Предполагая расторгнуть публикуемый нами второй контракт, Пушкин писал в конце августа петербургскому обер-полицмейстеру С. А. Кокошкину, приложив копию с этого контракта. К сожалению, текста письма мы не знаем, так как оно, вероятно, не сохранилось, но из ответного письма С. А. Кокошкина, от 5 сентября 1836 г., видно, что Пушкин просил обер-полицмейстера сообщить ему, как он должен поступить, чтобы иметь право нарушить контракт с домовладельцем. С. А. Кокошкин ответил Пушкину, что «для уничтожения сего акта нужно формальное прошение, в коем следует описать причины, нарушающие условие со стороны владельца дома и поставляющие Вас в необходимость отказаться от дальнейшего проживания в оном, без чего Вы от ответственности за квартиру освободиться не можете» (*АП* III, 374). Дальнейший ход дела неизвестен, но уже во второй половине октября 1836 г. Пушкин

жил на новой квартире (см. также А. Яцевич, «Пушкинский Петербург», вып. 1, Л. 1930, стр. 54, 66, 68—69).

О Силе Андреевиче *Баташеве* (22 июля 1794 — 15 августа 1838) известно, что он был отставным полковником л.-гв. Гусарского полка. Подлинники контрактов Пушкина, согласно пункту 7 их, хранились у Баташева и затем перешли, вероятно, от детей Баташева к В. А. Венкстерну, пожертвовавшему их в Румянцевский музей (ныне *ЛБ*); у Пушкина же находились только копии с контрактов.

23.

Контракт на наем квартиры в доме кн. С. Г. Волконской

〈Копия〉 〈1 сентября 1836 г.〉

Получ. 24 февр. 1837 г.

Тысяча восемь сотъ тридцать шестого года Сентября Перваго дня, я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевичь Пушкинъ заключилъ сей контрактъ по довѣренности Госпожи Статсъ Дамы Княгини Софіи Григорьевны Волконской, данной Господину Гофмейстеру Двора Его Императорскаго Величества, Сенатору и Кавалеру Льву Алексѣевичу Перовскому въ томъ: 1-е Что нанялъ я Пушкинъ въ собственномъ Ея Свѣтлости Княгини Софьи Григорьевны Волконской домѣ, состоящемъ 2-й Адмиралтейской части 1-го квартала подъ № 7-мъ весь, отъ однихъ воротъ до другихъ нижній этажъ изъ одинатцати комнатъ состоящій со службами, какъ-то: кухнею и при ней комнатою въ подвальномъ этажѣ, взойдя на дворъ направо; конюшнею на шесть стойловъ, сараѣмъ, сеноваломъ, мѣстомъ въ ледникѣ и на чердакѣ, и сухимъ для винъ погребомъ, сверхъ того двѣ комнаты и прачешную взойдя на дворъ на лѣво въ подвальномъ этажѣ во 2-мъ проходѣ; срокомъ впредъ **на два года**, то есть: по первое число Сентября, будущаго тысяча восемъ сотъ тритцать восмаго года. 2-е За наемъ оной квартиры съ принадлежностями, обязываюсь я Пушкинъ заплатить Его Превосходительству Льву Алексѣевичу Перовскому въ годъ четыре тысячи три ста рублей ассигнаціями, что составить въ два года, восемъ тысячь шесть сотъ рублей, которыя и имѣю вносить по три мѣсяца, при наступленіи каждыхъ трехъ мѣсяцевъ впередъ по **тысячи семидесяти пяти** рублей, бездоимочно. 3-е. Въ какомъ видѣ теперь нанимаемыя мною комнаты приняты, какъ то: полы чистые, двери съ замками и ключами крѣпкія, рамы зимнія и лѣтнія съ цѣлыми стеклами, печи съ крышками тарелками и заслонками, въ такомъ точно видѣ, по выѣздѣ моемъ и сдать я обязанъ; а если что окажется изломано, разбито и утрачено, то за оное заплатить или исправить мнѣ какъ было Пушкину своимъ коштомъ. 4-е. Буде я пожелаю во время

жительства моего въ квартирѣ сдѣлать какое-либо неподвижное украшеніе, то не иначе какъ на свой счетъ и то съ позволенія Его Превосходительства Льва Алексѣевича но отнюдь не ломая капитальныхъ стѣнъ. 5-е. Въ нанятой мною квартирѣ соблюдать мнѣ должную чистоту: не рубить и не колотъ въ кухнѣ дровъ, на лѣстницахъ не держать нечистоты также и на дворѣ ничего не лить и несыпать, но всякую нечистоту выносить въ показанное мѣсто. 6-е. Отъ огня имѣть мнѣ Пушкину крайнюю осторожность; а дабы со стороны моего жительства никакого опасенія не было, обязываюсь я наблюсти, что бы люди мои не иначе выносили огонь на дворъ, какъ въ фонарѣ. 7-е. Чищеніе печныхъ трубъ и прочая Полицейская повинность зависитъ отъ распоряженія Его Превосходительства Льва Алексѣевича. 8-е. О всякихъ пріѣзжающихъ ко мнѣ и отъѣзжающихъ отъ меня, долженъ я немѣдленно давать знать Управляющему домомъ; безъ паспортныхъ же съ непрописанными въ кварталѣ и просроченными билетами людей обоего пола ни подъ какимъ видомъ не держать, а если паче чаянія, сіе и случится, то вся отвѣтственность падаетъ на меня. 9-е. Въ случаѣ продажи дома, Его Превосходительство Левъ Алексѣевичь сосстороны своей обязывается увѣдомить меня объ оной заблаговрѣменно, дабы — если покупщикъ несогласенъ будетъ хранить — контрактъ въ сей силѣ то могъ бы я пріискать для жительства моего въ иномъ домѣ квартиру; равно и я Пушкинъ если болѣе означеннаго въ семъ контрактѣ срока, нанять квартиры не пожелаю, то долженъ увѣдомить Его Превосходительство Льва Алексѣевича, до истеченія срока за мѣсяцъ; и наконецъ 10-е. Сей контрактъ до срочнаго время хранить съ обѣихъ сторонъ свято и ненарушимо для чего и явить его гдѣ слѣдуетъ, подлинному же храниться у Его Превосходительства Льва Алексѣевича, а мнѣ Пушкину имѣть съ него копію. А что на второй страницѣ, на третій и на четвертой строкахъ почищенному написаны слова: мѣсяцевъ впередъ по тысячи семидесяти пяти рублей, то считать вѣрно.

Гофмейстеръ и Сенаторъ Перовскій.

№ 155. 1836 года Декабря десятаго дня, въ Спетербургѣ, въ Конторѣ Нотаріуса, Сія Копія при подлинномъ контрактѣ явлена, и въ книгу подъ № сто пятьдесятъ пятымъ записана.

Нотаріусъ Григорей Сидневъ.

Получено по контракту отъ Госпожи Пушкиной съ 1-го Сентября по 1-е Декабря сего 1836-го года тысячу рублей ассигнаціями.

Смотритель дома Захаръ Шумовъ.

Печатается впервые по экземпляру, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 94—95, где приведены краткие выдержки из текста).

На этом экземпляре нет подписи Пушкина, так как это экземпляр, принадлежавший Пушкину, почему он и остался в бумагах поэта; экзем-

пляр же, подписанный Пушкиным, принадлежал Л. А. Перовскому, и где находится ныне, неизвестно. Текст написан на двух листах гербовой бумаги с вод. зн.: «1835, цѣна 50 копѣек».

Квартиру в доме кн. С. Г. Волконской Пушкин нанял, нарушив контракт с Баташевым (см. стр. 789—790). Точная дата переезда Пушкина с семьей в дом Волконской неизвестна, но, вероятно, это было в сентябре 1836 г. Последней квартире Пушкина посвящена работа М. Д. Беляева «Квартира, где умер Пушкин», Л. 1930. В настоящее время в части этой квартиры устроен музей.

24.

Обращение в С.-Петербургский Цензурный Комитет

⟨5 сентября 1836 г.⟩

Авторъ статьи: Александръ Радищевъ, покорнѣйше проситъ Комитетъ о возвращеніи ему сей статьи, не допущенной къ помѣщенію въ журналѣ.

5 сентября 1836 — Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые в *АП* III, 374 (см. «Русская Школа» 1899, № 5—6, стр. 452). Подлинник, писанный на двух листах писчей бумаги in f°, без водяного знака, хранится в *ИРЛИ* (№ 44).

Статья Пушкина под заглавием «Александр Радищев» предназначена была поэтом к напечатанию в III томе «Современника»; она была закончена вчерне 3 апреля 1836 г. (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910, стр. 355) и в начале августа препровождена цензору А. Л. Крылову при следующей записке: «Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения» (*АП* III, 366). А. Л. Крылов 18 августа представил С. Петербургскому цензурному комитету донесение, заслушанное в заседании Комитета от того же числа (ср. *ВПД* на 1914 г., стр. 15 (№ 50) и «Известия Академии Наук», VI серия, 1911 г., стр. 516), в котором Крылов сообщал, что «признал себя не в праве пропустить ее без разрешения высшего начальства» (текст донесения напечатан в книге М. И. Сухомлинова, «Исследования и статьи по русской литературе и просвещению», СПб. 1889, I, стр. 651). С донесением Крылова С.-Петербургский цензурный комитет согласился вполне и переслал статью Пушкина в Главное управление цензуры 24 августа, за № 160 (ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910, стр. 474). 26 августа Главное управление цензуры отношением в С.-Петербургский цензурный комитет за № 271 предложило «не дозволять статью к печати» (ср. *М*², VI, 650, где неверно сказано, что будто бы статья была возвращена

Пушкину с надписью о недозволении ее к печати 26 августа; может быть надпись эта и была на рукописи, но возвращена она ему была гораздо позже). В заседании С.-Петербургского цензурного комитета 1 сентября было заслушано отношение Главного управления цензуры 26 августа и определено: «удержать рукопись сию при деле Комитета и о запрещении ее уведомить прочие Цензурные Комитеты» (ср. «Известия Имп. Академии Наук», VI серия, 1911, стр. 516, и *ВПД* на 1914 г., стр. 16). Получив известие о постигшей статью неудаче, Пушкин 5 сентября и затребовал ее обратно. 15 сентября С.-Петербургский цензурный комитет вследствие просьбы поэта испросил у Главного управления цензуры разрешение возвратить рукопись автору (ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина» СПб. 1910, стр. 475). На следующий день С. С. Уваров уведомил С.-Петербургский цензурный комитет отношением от 16 сентября, за № 292, что он согласен на возвращение статьи «Александр Радищев» автору ее, с пометкою на оной, что сия рукопись не допущена Цензурным комитетом, и сообщить о том Московскому Комитету» (ср. Н. О. Лернер, idid., стр. 475). И только 22 сентября в заседании Цензурного комитета было постановлено: «исполнить по предписанию». Рукопись была возвращена Пушкину. (Хронологические данные извлечены нами из подлинного дела С.-Петербургского цензурного комитета, № 41—1836 г. «О недозволенной к напечатанию рукописи под заглавием Александр Радищев», начато 18 августа, кончено 22 сентября 1836 г., на 7 листах, хранящегося в архиве М. И. Сухомлинова в Архиве Академии Наук СССР. В нем же находится и подлинник донесения цензора А. Л. Крылова от 18 августа 1836 г.) Подробности о статье Пушкина и ее дальнейшей судьбе см. в *Ak* IX, ч. 2, стр. 710—759, и *ЩП*[2], 364.

25.

Распоряжение о выдаче экземпляров «Современника»

⟨29 декабря 1836 г.⟩

Двадцать пять экз. 4го № Современника выдать по сей записки.
29 декабря 1836

А. Пушкинъ

Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским в газете «Читатель и писатель», №№ 4—5, от 11 февраля 1928, стр. 2, в его статье «К истории пушкинского „Современника"»; там же и факсимиле с этой записки. Подлинник на двух листах писчей бумаги без водяного знака, хранится в *ИРЛИ* (№ 225). Очевидно, с этой запиской Пушкина посланный от книжного магазина А. Ф. Смирдина получил экземпляры IV тома «Современника» или от переплетчика, или из квартиры поэта. Подробнее об этом см. в названной статье Б. Л. Модзалевского.

IX

ВЕКСЕЛЯ И ДЕНЕЖНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

В настоящий отдел вошли векселя и денежные обязательства, выданные Пушкиным. Эти документы, являясь необходимым дополнением к приходо-расходным записям поэта (см. VII отдел первой части книги), дают красочную картину материального быта Пушкина.[1]

Все тексты транскрибированы и комментированы мною.

Л. Модзалевский.

1.

Вексель, выданный бар. С. Р. Шиллингу

<20 ноября 1819 г.>

№ 735 Копія

Тысяча восемь Сотъ девятнадцатаго Года Ноября двадцатаго дня я нижеподписавшійся Коллегскій Секретарь Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ занялъ у барона Сергея Романовича Шилленга денегъ Государственными ассигнациями две тысячи рублѣй за указныя проценты. Срокомъ въ предь нашесть мцовъ то есть будущаго тысяча восемсотъ двадцатаго Года маія по двадцатое число на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить: а буде чего не заплачу то воленъ онъ Г. баронъ Шиллингъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ Колегскій Секретарь Алѣксандръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ.

---

[1] В подготавливаемой к печати Ю. Г. Оксманом книге П. Е. Щеголева «Будни Пушкина» будут опубликованы векселя Пушкина, еще не бывшие в печати. Благодаря любезности редактора мы можем сообщить содержание этих векселей: первый из них выдан Пушкиным 9 января 1832 г. на имя кн. Н. Н. Оболенского в сумме 10 000 руб. сроком на два месяца; на векселе имеется расписка Оболенского в получении 10 февраля 1832 г. 8000 руб. Другой вексель выдан поэтом 27 апреля 1832 г. иностранцу Христиану Соренсену в сумме 500 рублей сроком на 15 дней; на векселе имеются пометы Пушкина об уплате: 125 руб. — 26 января 1833 г., 100 руб. — 15 февраля того же года, 100 руб. — 27 марта того же года и 100 руб. — 11 января 1834 г. Третий вексель выдан Пушкиным 22 апреля 1833 г. прапорщику В. Г. Юрьеву в сумме 6500 руб. сроком на три месяца; никаких помет об уплате этих денег на векселе нет. Последний вексель (частично) факсимильно воспроизведен в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 755.

1819 Года Ноября двадцатаго дня въ С. Петербургѣ сіе Заемное Письмо явлѣно и въ книгу подъ № семсотъ тридцать пятымъ записано Публичной Нотаріусъ Ларіонъ Иевлевъ.

Обязуюсь по сему векселю дворовому Человѣку Федору Михайлову сыну Росину сполна заплатить Александръ Сергеевъ сынъ Пушкинъ.

Права Сего заемнаго письма передаю Г. Капитана и Кавалера Егора Карловича фонъ Лоде дворовому его человѣку Федору Михайлову Росину. Декабря 3 дня 1819 года Баронъ Сергѣй Романовъ Шиллингъ

1819 Года декабря 5 дня въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо съ передачьною надписью отъ барона Сергея Шилленга явлено и вкнигу подъ № семъ сотъ шестьдесятъ третьимъ записано Публичный Нотаріусъ Ларіонъ Иевлевъ.

1820 Года Маія 21 дня въ С. Петербургѣ сіе Заемное Письмо Посроке занеплатежъ явлено ивъ книгу подъ № 349 записано Публичной Нотаріусъ Ларіонъ Іевлевъ

Съ подлиннымъ вѣрно:

Столоначальникъ ⟨*подпись нрзб*⟩

Впервые опубликован по копии Л. С. Мацеевичем в *РС* 1878, № 7, стр. 501, в его статье «Карточный должок А. С. Пушкина», написанной на основании «дела № 1936 по отношению Екатеринославского губернского правления о взыскании с коллежского секретаря Александра Пушкина должных дворовому человеку капитана фон-Лоде Федору Росину 2.000 р. ассигнациями денег от 11 ноября 1820 г. На 18 листах». Как новость, дело изложено И. А. Смирновым в его брошюре «Дело о Пушкине (1820)», изд. «Пушкинской комиссии Литературно-артистического общества», Одесса 1899, 10 стр. Текст векселя публикуется нами по копии, находящейся в упомянутом деле на л. 2 и 2 об., хранящемся в *ПБЛ*; там же хранится и другое дело по этому же вопросу (№ 1394 по столу Кишиневской градской полиции, от 23 декабря 1820 г.), где имеется копия с копии векселя на л. 2 и 2 об. (см. «Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1900—1901 г.», стр. 231 [1]).

История с векселем Пушкина подробно изложена в указанных статьях. К этому можно добавить, что, кроме этого векселя, выданного бар. С. Р. Шиллингу, существовал еще один вексель Пушкина, выданный ему же, в сумме 500 рублей, но не дошедший до нас. По этому векселю Пушкин расплачивался с неким Кистером в 1832 г. (ср. записку Пушкина к Кистеру, опубликованную И. А. Шляпкиным в *Ш*, 87 и в *АП* II, 376).

В «Сенатских объявлениях о запрещениях на недвижимые имения» от 1 ноября 1830, № 44, стр. 2853, в статье 15456, напечатана публика-

---

[1] Ср. недоумения В. Стратена в его статье «Об исчезнувшем Пушкинском деле» в *ОП* I, 58—59.

ния, стоящая в связи с запиской Пушкина к Кистеру и объясняющая ее: «От С.-Петербургского Губернского Правления 16 октября 1830 г. за № 2447 налагается запрещение на недвижимое имение, где бы какое ни оказалось отставного Коллежского Секретаря Александра Сергеева Пушкина за неплатеж Титулярному Советнику Кистеру по заемному письму, данному 1820 года февраля 8-го на имя Барона Шиллинга, переданному портному мастеру Серендену, а от сего к Кистеру по передаточной надписи дошедшему, 500 рублей». Очевидно, и этот вексель имеет то же происхождение, что и первый, — карточный проигрыш Пушкина. Ср. стр. 753 и 754.

2.

Вексель, выданный Л. И. Жемчужникову

⟨3 июля 1830 г.⟩

Тысяча Восемь сотъ Тридцатаго Года Іюля въ 3-й день Я нижеподписавшійся 10-го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Полковника Лукѣ Ильина сына Жемчужникова денегъ Государственными ассигнаціями двѣнадцать тысячь пять сотъ рублей, за указные проценты, срокомъ въ предь на два Года, то есть: будущаго Тысяча восемь сотъ тридцать втораго Года Іюля по Вышеписанное число, на которое долженъ всю ту Сумму Сполна заплатить, а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Господинъ Жемчужниковъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму 10го Класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

№ 1196й 1830 Года Іюля третьяго дня сіе заемное письмо къ определенному въ Москвѣ публичному Нотаріусу явлено и въ книгу подъ № тысячу сто девяносто шестымъ записано. — Нотаріусъ Ратьковъ.

⟨*на обороте*⟩

По сему заемному письму въ уплату получилъ семь тысячь пять сотъ рублей Полковникъ Лука Жемчужниковъ 1831-го года Декабря 24-го дня. Остальную по сему заемному письму сумму капитальную пять тысячь рублей и процѣнты за просроченное время по 1-е маія сего года отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ Пушкина получилъ. Полковникъ Лука Жемчужниковъ 11-го маія — 1837-го года.

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в Театральном Музее им. А. А. Бахрушина в Москве (см. *ПС* XIII, 96 и 104). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 10001 до 15000 рублей, ценою тридцать рублей», с водяным знаком: «1826». Факсимиле воспроизведено в «Красной Ниве», 1923, № 10.

Жемчужников, Лука Ильич (3 февраля 1783 — 22 декабря 1856) — с 11 июня 1817 г. полковник л.-гв. Измайловского полка с назначением в Отдельный грузинский корпус для особых поручений; 6 июня 1818 г. уволен за болезнью от службы (см. П. П. Жемчужников, «Родословие дворян Жемчужниковых», Новгород 1907, стр. 14, и «С. Петербургский некрополь», II, 152—153); профессиональный карточный игрок; проживал в Москве; член С.-Петербургского английского собрания с 1818 по 1857 г. (см. «Столетие С.-Петербургского английского собрания», СПб. 1870, стр. 93), где встречался за карточным столом и с Пушкиным, который также был членом этого собрания с 1832 г. (см. ibid., 111). Пушкин, по свидетельству П. В. Анненкова, занял у Л. И. Жемчужникова, а может быть и проиграл в карты, до 14 000 руб. (см. Б. Л. Модзалевский, «Пушкин», стр. 357). В денежных расчетах с Жемчужниковым в 1831 г. помогал Пушкину П. В. Нащокин (см. *АП* II, 315, 331, 332, 339). Для устройства своих денежных дел Пушкин принужден был в начале декабря 1831 г. уехать в Москву в сопровождении Л. И. Жемчужникова (ibid., 350), где поэт частично и рассчитался с ним 24 декабря. См. также в письме А. Рахманова к Пушкину от 10 апреля 1832 г., из которого видно, что Пушкин выдал Жемчужникову еще другой вексель (*АП*, II, 379). Н. М. Языков, говоря о поездке Пушкина в Москву, писал брату в декабре 1831 г.: «Между нами будь сказано он ⟨то есть Пушкин⟩ приезжал сюда ⟨то есть в Москву⟩ по делам не чисто литературным, или вернее сказать, не за делом, а для картежных сделок, и находился в обществе самом мерзком; между щелкоперами, плутами и обдиралами. Это всегда с ним бывает в Москве. В Петербурге он бывает опрятнее. Видно, брат, не права пословица: женится-переменится!» (*ИВ* 1883, № 12, стр. 534; ср. *ВЕ* 1897, № 12, стр. 603).

3.

Надпись на векселе П. В. Нащокина

8 Mars 1830 ⟨22 декабря 1831 г.⟩

1830 Года Декабря 8-го дня я нижеподписавшійся отставной Порутчикъ Павѣлъ Воиновъ Сынъ Нащокинъ занялъ у Московскаго Купца Никиты Андрѣева сына Веіера денегъ Банковыми Ассигнаціями Двѣ тысячи рублей за указные проценты срокомъ впредь на три мѣсяца то есть будущаго тысяча восемъ сотъ тридцать перваго Года Марта по восьмое число на которое долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Веіеръ просить о взысканіи и поступленіи по Законамъ Къ сему Заемному письмо отставный Порутчикъ Павелъ Воиновъ Сынъ Нащокинъ руку приложилъ.

№ 720 1830-го года Декабря восьмого Дня сіе Заемное письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру явлено, и въ книгу подъ № Семъ Сотъ двадцатымъ записано; Маклеръ Борисъ Герденбергъ

⟨*на обороте*⟩

Право сего Заемнаго Письма передаю 10-го Класса Александру Сергѣевичу Пушкину 1831-го Года февраля 9-го дня. Московский 2 Гильдіи Купецъ Никита Андрѣевъ Сынъ Веіеръ

№ 90 1831 Года февраля девятаго дня сіе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру по передаче явлено, и въ книгу подъ № девяностымъ записано — Маклеръ Борисъ Герценбергъ

Деньги сполна получены 1831 года
22 декабря Александръ Пушкинъ

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в *ИРЛИ* (№ 47), дар А. А. Журавлева. Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей», с водяным знаком «1827». Об этом векселе см. ниже.

4.

Надпись на векселе П. В. Нащокина

10 février 1831. ⟨22 декабря 1831 г.⟩

1831-го Года Генваря 10-го дня, я нижеподписавшійся отставный Порутчикъ Павелъ Войновъ сынъ Нащокинъ занялъ у Московскаго 2-й Гильдіи Купца Никиты Андрѣевича Веіера денегъ Банковыми Ассигнаціями пять тысячь рублей за указные проценты срокомъ впредь на одинъ мѣсяцъ то есть сего жъ тысяча восемь сотъ тридцать перваго года февраля по десятое число на которое долженъ всю ту сумму сполна заплатить а будѣ чего не заплачу то воленъ онъ Веіеръ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. Къ сему заѣмному письму отставный Поруччикъ Павелъ Войновъ Сынъ Нащокинъ руку приложилъ.

№ 12 1831 Года Генваря десятаго дня сіе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру явлено, и въ книгу подъ № двѣнадцатымъ записано; Маклеръ Борисъ Герценбергъ.

Право сего Заемнаго письма передаю 10-го класса Александру Сергѣевичу Пушкину 1831-го года февраля 9-го дня Московскій Купецъ

№ 89 Никита Андрѣевъ сынъ Веіеръ. — 1831 года Февраля девятаго дня, сіе Заемное Письмо къ определенному въ Москвѣ Маклеру по передаче явлено, и въ книгу подъ №-омъ восемьдесятъ девятымъ записано Маклеръ Борисъ Герценбергъ.

деньги сполна получилъ
1831 года
декабря 22

№ 1804

Впервые опубликован И. Л. Поливановым в журн. «Искусство» 1923, № 1, стр. 313—314. Подлинник написан на вексельной бумаге «от 3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», и ныне принадлежит М. Б. Гершензон.

Текст этого векселя, как и предыдущего, имеет прямую связь с письмом Пушкина к П. А. Плетневу от середины февраля 1831 г. (см. *АП* II, 223—224), в котором поэт, распределяя полученные от заклада 200 душ крестьян деньги, определял выдать Нащокину 10 000 руб. «для выручки его из плохих обстоятельств»; таким образом оба векселя Нащокина, всего на сумму 7000 руб., перешли к Пушкину за уплатой им этих денег купцу Н. А. Вейеру. Будучи зимою 1831 г. в Москве (Пушкин выехал туда 3 декабря), он 22 декабря рассчитался с Нащокиным, который погасил свой долг Пушкину. Выехал из Москвы обратно в Петербург Пушкин 24 декабря (см. «Красный Архив», кн. 37, стр. 243).

О *Н. А. Вейере* см. в примечаниях к III тому «Писем Пушкина», выходящему в издании «Academia».

5.

Вексель, выданный И. Т. Лисенкову

⟨12 июля 1833 г.⟩

1833-го Года Іюля двѣнадцатаго дня, Я нижеподписавшійся Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Книгопродавца Ивана Тимофѣевича Лисенкова денегъ Государственными Ассигнаціями Т р и т ы с я ч и рублей за указные проценты, срокомъ впредь, на Шесть мѣсяцевъ, то есть по двѣнадцатое число Генваря будущаго Тысяча восемь сотъ тридцать четвертаго года, на которое я долженъ всю ту Сумму сполна заплотить, а буде чего не заплочу то воленъ онъ Г. Лисенковъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.

№ 878й 1833-го Года Іюля двѣнадцатого дня въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено; и въ Книгу подъ № Восемьсотъ семдесять восьмымъ записано. Nотаріусъ Михайла Кабацкой.

⟨*на обороте*⟩

въ щетъ сего получено въ уплату тысячу рублей 1834 года Генваря 12 дня, Книгопродавецъ Иванъ Лисенковъ.

№ 74 1834 Года Генваря тринадцатаго дня въ С. Петербургѣ въ Нотаріальной Конторѣ сіе заемное письмо по срокѣ занеплатежъ явлено, и въ книгу подъ №№ семьдесятъ четвертымъ записано, въ доходъ Города четверть процентныя деньги приняты Nотаріусъ Александръ Кабацкой.

Впервые опубликован в «Описании Пушкинского музея имп. Александровского лицея», составленном С. М. Аснашом и А. Н. Яхонтовым, под ред. И. А. Шляпкина, СПб. 1899, стр. 5 (№ 9). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей», с водяным знаком: «1827», разорван на десять частей и склеен; хранится в *ИРЛИ* (№ 72, собрание Лицейскаго музея).

Лисенков Иван Тимофеевич (ум. 15 марта 1881) — известный в свое время петербургский книгопродавец-букинист, с которым имел дело ряд писателей (Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Н. А. Некрасов и др.). С Пушкиным Лисенков был довольно хорошо знаком во второй период жизни поэта, после 1826 г., и распространял его издания. Он оставил о Пушкине интересные, но малоизвестные воспоминания, напечатанные в редкой брошюре под заглавием: «Материалы для истории русской журнальной торговли», СПб. 1879, стр. 61—70. В них Лисенков, между прочим, пишет: «Пушкин посещения делал Лисенкову довольно часто, когда издавал журнал «Современник»; ему нужно было знать о новых книгах для помещения беглого разбора о них в его журнале; иногда ему приходила охота острить у Лисенкова в магазине над новыми сочинениями; взявши книгу в руки в прозе, быстро пробегал ее, читая гласно одно лишь предисловие и по окончании приговаривал, что он имеет о ней полное понятие; стихотворные же книги он просматривал еще быстрее и забавнее, и Лисенков иногда невольно хохотал, и сам Пушкин улыбался, читая только одни кончики слова рифм, и, закрывая книги, произносил иногда «а! бедные!», а заглавия их выписывал дома из газет своих. Но как литераторы не все были достаточны, то Лисенков одолжал их без процентов на короткое время, но время это проходило иногда до конца их жизни; так за А. С. Пушкина, по смерти его, Лисенков получил уплату по акту 5 т. руб. от попечителя семейства Пушкина графа ⟨Г. А.⟩ Строганова, по сборам за отпечатанные его сочинения»[1] и др.; далее Лисенков рассказывает, как после смерти поэта «при Лисенкове Л. В. Дубельт с другими лицами со стола переложили покойника в гроб и живописец начал тотчас писать с лежащего покойника во гробе голову его на подушке» (ср. еще «Известия Отд. русск. яз. и слов. Имп. Академии Наук», т. XVI, 1911, кн. 3, стр. 324). По словам сына Лисенкова, у последнего «долгое время хранилась невыкупленная шинель А. С. Пушкина, заложенная вечно нуждавшимся в деньгах поэтом незадолго до его дуэли. Шинель, находившаяся в магазине Гостиного двора, погибла от моли и крыс» (см. «Альманах Библиофила», изд. Ленинградского общества библиофилов, Л. 1929, стр. 349). Известны также и другие воспоминания И. Т. Лисенкова о Пушкине и бар. А. А. Дельвиге, напечатанные А. Н. Сальниковым в «Молве», № 170, от 22 июня 1880 (подлинная рукопись их, написанная старческим, дрях-

[1] Документальных сведений, подтверждающих это сообщение И. Т. Лисенкова, в использованных в печати материалах опеки нет. Ср. вексель Пушкина № 7.

лым почерком И. Т. Лисенкова, хранится теперь в *ИРЛИ*, в собрании В. И. Яковлева).

О самом И. Т. Лисенкове см. в названной брошюре «Материалы для истории русской книжной торговли», СПб. 1879, в воспоминаниях Н. Г. Овсянникова (стр. 21—22) и в книге Н. И. Свешникова, «Воспоминания пропащего человека», под ред. Л. Б. Модзалевского и С. П. Шестерикова, Л. 1930, стр. 89, 357, 396—401.

6.

Вексель, выданный В. В. Энгельгардту

№ 44-й ⟨3 мая 1834 г.⟩

1834-го Года Маія третьяго дня я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Каммеръ-Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Полковника Василія Васильева сына Энгельгарда денегъ Государственными Ассигнаціями Тысячу триста тридцать рублей за указные проценты срокомъ впредь на одинъ годъ т. е. будущаго тысяча восемъ сотъ тридцать пятаго года Маія по третье число, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г-нъ Энгельгардъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Камеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

⟨*на обороте*⟩

№ 521 1834-го Года Маія третьяго дня С. Петербургъ. Сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено и въ книгу за № пятьсотъ двадцать первымъ записано

Нотаріусъ Михайла Кабацкой

Слѣдующіе по сему Заемному письму деньги Тысячу триста тридцать рублей ассигнаціями отъ опѣки учрежденной надъ имѣніемъ покойнаго А. С. Пушкина получилъ 1837-го года Маія 28 дня Полковникъ и Кавалеръ Василій Васильевъ сынъ Энгельгардтъ.

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII 97 и 105). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 руб., ценою в шесть рублей», с водяным знаком: «1827» Факсимиле векселя воспроизведено дважды: в журн. «Искры» (приложение к «Русскому Слову») 1909, № 45, стр. 357, и в «Известиях книжных магазинов т-ва М. О. Вольф» 1910, № 1, стр. 14.

О Василии Васильевиче Энгельгардте и об этом долге Пушкина по векселю см. стр. 378.

7.

Вексель, выданный И. Т. Лисенкову

№ 46 26 мая 1834 г.〉

1834 года Маія двадцать шестаго дня. Я нижеподписавшійся Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ занялъ у Ивана Тимофѣевича Лисенко денегъ Государственными Ассигнаціями Четыре тысячи рублей за указные проценты срокомъ впредь на три мѣсяца т. е. сего же года Августа по двадцать шестое число, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г-нъ Лисенко просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.

Къ сему заемному письму Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ руку приложилъ

№ 639 1834 года Маія двадцать шестаго дня Въ С. Петербургѣ сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ явлено и въ книгу подъ №: шестьсотъ тридцать девятымъ записано

Нотаріусъ Михайла Кабацкой

〈на обороте〉

№ 1282 1834 Года Августа двадцать седьмаго дня въ Ст Петербургѣ въ Нотаріальной Конторѣ, сіе заемное письмо, по срокѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № тысяча двѣсти восемьдесятъ вторымъ записано; въ доходъ Города четверть процентные деньги приняты

Нотаріусъ Александръ Кабацкой

По сему векселю уплачено двѣ тысячи триста сорокъ три рубля; за симъ остается уплатить тысячу шесть сотъ пятьдесятъ семь рублей. Александръ Пушкинъ (1657)

Право сего заемнаго письма передаю Титулярному Совѣтнику Ильи Ивановичу Татаринову. С. Петербургскій Купецъ Иванъ Тимоѳеевъ Лисенко.

1836-го Года Іюня двадцать шестаго дня въ С. Петербургѣ въ

№ 19 Конторѣ Маклерскихъ дѣлъ сіе заемное письмо въ передачѣ явлено и въ книгу подъ № Девятьнадцатымъ записано. А что между первой и второй строками написано письмо то считать вѣрно.— Частный маклеръ Гаврила Устрицовъ

1837 Года маія 29 д Слѣдующія посему заемному письму достальныя капитальныя деньги Тысячу шесть сотъ пятьдесятъ семь рублей отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ умершаго Г. Пушкина получилъ Титулярный Совѣтникъ Илія Татариновъ.

Печатается полностью впервые, по автографу, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС*, XIII, 93 и 105). Подлинник написан на вексельной бумаге «от

3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», с водяным знаком: «1827». Факсимиле векселя воспроизведено в журн. «Искры» (приложение к «Русскому Слову») 1909, № 45, стр. 357.

Об Иване Тимофеевиче Лисенкове см. выше, стр. 803—804.

8.

Обязательство и надписи об уплате денег на счете каретника

⟨2, 3 июля и 1 августа 1834 г.⟩

Ваше Превосходительство

Нужно укареты Поправить упередния оси		
дерево ново. . . . цена	—	20 р.
Нужно на колесахъ шины перетенутъ		
Ивесъ станокъ перекрепитъ ипередния		
лесоры починитъ изаету работу закузнешную		
изалесорною стоитъ — цены	—	100 р.
и запорные ремни Выходитъ четыре паза		
идва помошныя иполесорамъ разъвязныя		
Вся мелкія ремни новыя цена	—	100 р.
И Всю Выкраситъ Карету заново		
Закраску стоитъ — цены	—	100 р.
И заперекровку бронъзы — цена	—	15 р.
Назади лакеиские кисти новыя		15 р.
Назади лакеискую подушку починитъ		5 р.
Накозлахъ чехолъ вымазатъ икарманъ		
вымазать и поправить	—	60 р.
еще за починку фонарей		5 р.
Итого денехъ	—	370 р.
		308
итого		678
запл. изъ нихъ		300
остается		378 —

Обязуюсь заплатить 2го июля

А. Пушкинъ

Заплачено двести дватцать пять

3 іюля

1 Августа заплачены остальныя

А. Пушкинъ[1]

[1] *Запись 3 июля сделана карандашом.*

Печатается по подлиннику, хранящемуся в *ИРЛИ*. Напечатано впервые П. Е. Щеголевым в *ЩМ*, 228 и 133. Об этом счете см. там же, 132 и 135.

9.

Вексель, выданный кн. Н. Н. Оболенскому

№ 3-й ⟨1 июня 1836 г.⟩

1836 года Іюня перваго дня я нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Поручика Князя Николая Николаевича Оболенскаго денегъ Государственными Ассигнаціями пять тысячь Рублей за указные проценты, срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредь по первое Декабря сего же года, на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего не заплачу то воленъ онъ К-зь Оболенскій просить о взысканіи и поступленіи по законамъ.—

Къ сему заемному письму Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

⟨*на обороте*⟩

№ 651 1836 года Іюня перваго дня. Въ Санктпетербургѣ, сіе заемное письмо при написаніи въ Нотаріальной Конторѣ явлено, и въ книгу подъ № шестьсотъ пятьдесятъ первымъ записано. — Въ доходъ Города Двѣнадцать Руб. 50 коп. принято.

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

№ 66 1837 года Генваря шестнадцатаго дня, въ СПБургѣ, сіе заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № шестьдесятъ шестымъ записано. Въ доходъ Города двѣнадцать рублей 50 коп. принято

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

По сему заемному письму деньги получилъ сполна Князь Н. Оболенскій отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ Александра Пушкина Маія 8-го дня 1837 года

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 95, 96 и 103). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 3001 до 5000 рублей, ценою в десять рублей», с водяным знаком: «1834».

Князь Оболенский — Николай Николаевич (1792—17 ноября 1857); в ноябре 1811 г. — прапорщик 7-го егерского полка; в 1827 г. — отставной поручик; помещик Саратовской губ., Хвалынского уезда; игрок; располагал большими средствами, но после смерти был объявлен несостоятельным должником. Пушкину приходился дальним родственником, так как сестра Оболенского, Анна Николаевна (1782—1814), была матерью поэта Д. В. Веневитинова, бывшего четвероюродным братом Пушкина (см. Г. А.

Власьев, «Потомство Рюрика», т. I, ч. 2, стр. 295; в. кн. Николай Михайлович, «Петербургский Некрополь», III, 285; П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 46 и 121, — рассказ о Пушкине и кн. Н. Н. Оболенском; *РА* 1885, I, 118; *ПС* XI, 120; «С.-Петербургские Ведомости» 1825, стр. 745 и 931, и картотека Б. Л. Модзалевского в *ИРЛИ*). Вероятно, об этом же Оболенском писал П. А. Плетнев Пушкину 21 мая 1830 г. (см. *АП* II, 155).

10.

Вексель, выданный кн. Н. Н. Оболенскому

№ 3-й ⟨1 июня 1836 г.⟩

1836 года Іюня перваго дня. Я нижеподписавшійся, Титулярный Совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ у Поручика Князя Николая Николаевича Оболенскаго, денегъ государственными Ассигнаціями т р и т ы с я ч и Рублей зауказные проценты срокомъ отъ вышеписаннаго числа впредь по первое Декабря сего же года, накоторое идолженъ всю ту сумму сполна заплатить; а буде чего незаплачу то воленъ онъ К-зь Оболенскій просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. —

Къ сему заемному письму титулярный совѣтникъ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

⟨*на обороте*⟩

№ 652 1836 года Іюня перваго дня. Въ Санктпетербургѣ, сіе заемное письмо принаписаніи въ Нотаріальной Конторѣ явлено, ивъ книгу подъ № шестьсотъ пятьдесять вторымъ записано. — Въ доходъ Города Семь Руб. 50 коп. принято.

Nотаріусъ Михайла Кабацкой

№ 67 1837 года Генваря шестнадцатаго дня, в СПБургѣ, сіе Заемное письмо въ Нотаріаль. Конторѣ за н е п л а т е ж ъ явлено и въ книгу подъ № шестьдесятъ седьмымъ записано. Въ доходъ Города с е м ь рублей 50 коп. принято

Nотаріусъ Михайла Кабацкой.

По сему заемному письму деньги сполна получилъ Князь Н. Оболенскій Отъ опеки учрежденной надъ имѣніемъ А. Пушкина Маія 8 дня 1837 года.

Печатается впервые, по автографу, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 95, 96 и 103). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 1001 до 3000 рублей, ценою в шесть рублей» с водяным знаком: «1835».

О кн. Н. Н. Оболенском см. выше, стр. 364 и 807—808.

12.

Вексель, выданный В. Г. Юрьеву

№ 2 ⟨19 сентября 1836 г.⟩

1836 года Сентября девятнадцатаго дня, Я нижеподписавшійся Двора Его Императорскаго Величества Каммеръ Юнкеръ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ, занялъ Гвардейскаго Инвалида № 1 роты у Г. Прапорщика Василья Гавриловича Юрьева, денегъ Госу. асс. десять тысячь рубл. за указные проценты, срокомъ впредь по первое число Февраля будущаго тысяча восемь сотъ тридцать седьмаго года на которое и долженъ всю ту сумму сполна заплатить, а буде чего не заплачу, то воленъ онъ Г. Юрьевъ просить о взысканіи и поступленіи по законамъ. Къ сему заемному письму Двора Е. И. В. камерюнкеръ Александръ Пушкинъ руку приложилъ

⟨*на обороте*⟩:

№ 924 1836 года Сентября девятнадцатаго дня, въ СПбургѣ Сіе Заемное письмо въ Нотаріальной Конторѣ принаписаніи явлено и въ книгу подъ № девять сотъ двадцать четвертымъ записано. Въ доходъ города двадцать пять рублей принято.

Нотаріусъ Михайла Кабацкой

№ 146 1837 года Февраля перваго дня въ СПБургѣ, сіе Заемное Письмо въ Нотар. Конторѣ за неплатежъ явлено и въ книгу подъ № сто сорокъ шестымъ записано. Въ доходъ Города двадцать пять рублей принято

Нотаріусъ Михайла Кабацкой

Слѣдующіе по сему заемному письму деньги десять тысячь рублей Ассигнаціями получилъ сполна отъ Опеки, учрежденной надъ имѣніемъ Каммеръ-юнкера А. С. Пушкина. 8-го Маія 1837 года

Прапорщикъ Юрьевъ

Печатается впервые, по автографу Пушкина, хранящемуся в *ТМ* (см. *ПС* XIII, 96, 97, 103 и 105). Подлинник написан на вексельной бумаге «от 7001 до 10000 рублей, ценою в двадцать рублей», с водяным знаком: «1835».

О прапорщике гвардейской № 1 роты Василии Гавриловиче *Юрьеве* никаких сведений не сохранилось; вероятно, это был ростовщик, к помощи которого должен был прибегать Пушкин в трудную минуту жизни. У этого же Юрьева заняла 3900 руб. на три месяца, 30 декабря 1836 г., и Н. Н. Пушкина, вексель которой имеется в делах опеки, учрежденной надъ детьми и имуществом Пушкина, хранящихся в Театральном музее

им. А. А. Бахрушина (см. *ПС* XIII, 105). Вексель Н. Н. Пушкиной воспроизведен факсимиле в журн. «Искры» (приложение к «Русскому Слову» 1909, № 45, стр. 357.

12.

Обязательство об уплате денег на счете фабрики Е. Н. Кайдановой

<28 октября 1836 г.>

Оныя двѣ тысячи четыреста сорокъ семь рублей обязуюсь заплатить въ исходѣ нынѣшняго 1836 года

А. Пушкинъ

28 октября
1836

Обязательство это находится на счете бумажной фабрики Е. Н. Кайдановой от 28 октября 1836 г., на сумму 2935 руб., за поставленную Пушкину бумагу с 2 апреля по 26 июня 1836 г. в количестве $190^1/_4$ стоп. На счете имеется пометка об уплате Пушкиным 14 августа — 487 руб. 50 коп.; за вычетом этой суммы оставалось уплатить 2447 руб. 50 коп. Счет и обязательство Пушкина впервые опубликованы Б. Л. Модзалевским в *ПС*, XIII, 118. Подлинник хранится в делах опеки над детьми и имуществом Пушкина в *ТМ*.

Должную Пушкиным сумму после его смерти уплатила опека 12 мая 1837 г., о чем имеется надпись на том же счете.

13.

Обязательство об уплате денег на счете Ф. Беллизара

<10 ноября 1836 г.>

Je reconnais ce compte montant à la somme de 3713 (trois mille sept cent treize) dont sept cent roubles payables le 10 janvier 1837 et mille cinq pour le 10 avril de la même année — le reste vers le 1r Septembre 1837.

Alexandre Pouschkine

10 Novembre
1836

Перевод:

Я признаю этот счет в сумме 3713 (три тысячи семьсот тринадцать), из которых семьсот рублей обязуюсь уплатить

10 января 1837 и тысячу пятьсот к 10 апреля того же года — остальные около 1 сентября 1837.

Александр Пушкин

10 Ноября
1836.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в *ПС*, XIII, 124. Факсимиле воспроизведено в журн. «Искры» (приложение к «Русскому Слову») 1909, № 45, стр. 356. Подлинник хранится в деле опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина, в *ТМ*. Обязательство Пушкина писано на счете книгопродавца Ф. Беллизара от 9 ноября 1836 г. за полученные Пушкиным книги с 23 апреля 1836 г. (с долгом на 21 марта 1836 г.) по 3 ноября 1836 г., всего на сумму 3713 руб. 65 коп. На счете имеется помета Беллизара в получении 350 рублей от Пушкина, 12 января 1837 г.; остальную сумму Беллизар получил уже от Опеки.

Беллизар, Фердинанд Михайлович (F. Bellizard) умер в Петербурге 28 августа 1863 г. — содержатель книжного магазина у Полицейского моста в Петербурге; издатель «Revue Etrangère» и «Journal de St.Pétersbourg». О нем см. в статье Б. Л. Модзалевского «Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина» в *ПС*, XIII, 96, 97, 108, 109, 111, 112, 115—117, 119, 125 и 127, где опубликованы письма Беллизара к Пушкину и счета его за книги, приобретенные Пушкиным. См. также в *АП*, II, 226, 231, 268, и III, 469—470, 472—473.

Рассказ о встрече Пушкина с Н. И. Гречем в магазине Беллизара напечатан в *РС* 1871, № 11, стр. 501. См. также Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина» в *ПС* IX—X, стр. VI, VIII, XVI, XVIII, 259, 302 и 369.

14.

Отметки выплат на счете портного Бригеля

〈Август 1835—1836 г.?〉

отдано 97-50
отдано 214-50

Камеръ-юнкеръ А. Пушкинъ

Дано 200 рублей
дано 100 рублей

Напечатано впервые Б. Л. Модзалевским в *ПС*, XIII, 104. Отметки Пушкина сделаны чернилами на счете портного Бригеля от 10 августа 1835 г., на сумму 1142 руб. Подлинник хранится в *ТМ* в деле опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина (см. *ПС* XIII, 96). Пушкин уплатил Бригелю 612 руб.; остальную сумму (530 руб.) Бригель получил от опеки. Сохранился и другой счет Бригеля, на сумму 1065 руб., но на нем помет Пушкина нет (ibid., 104).

X

ЧЕРНОВИКИ ПИСЕМ, НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ДРУГИХ ЛИЦ

В этот отдел выделены три черновика просительных писем, сочиненных Пушкиным для неизвестного (публикуется впервые), приятеля поэта Н. Н. Раевского и вдовы писателя Е. Шишковой.

Человек исключительной доброжелательности, Пушкин не раз являлся ходатаем перед власть имущими за своих друзей и знакомых. Таковы его записки о Мицкевиче, Сухорукове, письма о диаконе...

Эту коллекцию существенно дополняют печатаемые документы, приготовленные к печати мною.

Л. Модзалевский

1.

Черновик письма, составленного для неизвестного

⟨1820-е гг.⟩

M. l. C. ayant quitté le service en 1808 pour [& desirant] le perfectionnement de mes études, je quittoi ma patrie & [pendant] je parcouroi les differentes contrées de l'Europe — j'ose dire avoir été reçu avec distinction dans les coures de Saxe, de Prusse, de Weimar, de Paris, de Naples, de Florence, de Londres, de Paris [(*)] de *нрзбр* (dans le règne actuel): Je fus chargé (en 1805) de dépêches de la Part de P. Kourakine de vienne à paris & de paris à Francfort. J'avois aussi de lettres de recomandations de la part de plusieurs personnes distinctes (entres autres du Pr. P. Dolg.) pour M[r] *нрзбр* [M[r] Kl] M[r] tatischef (&tc. &tc) braun *нрзбр* Gens, Moller [et] Aucillon, M[de] de Staël &t &tc. à Pirmont S. Ch⟨?⟩ la *нрзбр* de P. m'acceullit aves bienveillance. Je fus assez heureux pour l'interesser et S. A. la Gr. D. Marie de Veimar appuya sa demande aupres de Notre Auguste souverain pour que je fus nommé gentil'homme de la Ch. — c'était en juillet

1806 — avant l'oukaze de 1808). Les evenements de 1812 13 et 14 le succederent — une maladie cruelle (& connue à S. M.) s'opposa à mon ardent désir de servir ma patrie dans les circonstances difficiles où elle se trouvoit, ce qui cependant ne m'empêchat de me retrouver parmi mes compatriôtes en 1812. [Je n'a] J'ai toujours et partout manifesté hautement ce desir. En 1807 je demandois [du] au Pr. M. Dolg. [tué] la faveur d'êtres attaché à la mission de Paris — En [1812][1] la même année je bliguois une place

[1] En 1812 je demandois par le conseil de Mr Tatichtchef l'honneur de porter ses ordres à l'armée en qualité de son aidecamp.

à l'ambassade de Londres sans que je fus assez heureux pour voir mes desirs accomplis — [La] la nomination de V. Ex. — [à *нрзбр*] a de nouveau reveillé mes éspérances.

[Vous voyez Mes] Son Ex. daignera remarquer que ce n'est pas un caprice momentanné qui me porte aujourd'hui à lui demander de nouvau du service, mais que tel furents toujours mes désirs & mes voeux —

à S. M.

[Exclus du service par [P] feu l'E. Paul à l'age de 15 ans], ayant perdu [9] les premieres années de ma jeunesse — je voudrois consacrer en âge pas avancé à l'avancement de ma carrière & au bienêtre de ma patrie je laisse à l'Experiance de Votre Ex-ce a juger si je puis esperer le rang de C. d'Et. ou de colonel ou bien la plâce de votre aide-camp place que j'ambitionne d'autant plus que les devoir⟨s⟩ m'en sont famliers.

Перевод:

Ваше сиятельство, оставив службу в 1808 г. для [и желая] совершенствования в занятиях, я покинул свою родину и [в то время] объезжал разные местности Европы. Смею сказать, что я был принят с отличием при дворах Саксонии, Пруссии, Веймара, Парижа, Неаполя, Флоренции, Лондона, Парижа [(*)] (при нынешнем царствовании). Мне были поручены (в 1805 г.) депеши от кн. Куракина из Вены в Париж и из Парижа во Франкфурт. У меня были также рекомендательные письма от ряда различных лиц (между прочим от кн. П. Долгорукова) к г. *нрзбр* [г. Кл.] г. Татищеву [и т. д. и т. д.] брауну *нрзбр* Жану Моллеру [и] Осильону, г-же Сталь и т. д. и т. д. в Пирмонт. Ее высочество *нрзбр* П. приняла меня благосклонно. Я имел счастье

заинтересовать ее, и ее высочество великая герцогиня Мария Веймарская поддержала ее просьбу к нашему августейшему повелителю о том, чтобы я был назначен камер-юнкером. Это было в июле 1806 г. — до указа 1808 г. Последовали события 1812, 13 и 14 годов. Жестокая болезнь (известная его величеству) воспрепятствовала моему горячему желанию служить родине при тех трудных обстоятельствах, в которых она находилась, что, впрочем не помешало мне оказаться среди моих соотечественников в 1812 г. [Я не и.] Я всегда и всюду громко заявлял об этом желании. В 1807 г. я просил у кн. М. Долгорукова [убитого] милости быть причисленным к парижской миссии. В [1812][1] том же году я ожидал места при посольстве в Лондоне, но не имел счастия видеть мои желания осуществившимися. Назначение вашего превосходительства снова пробудило во мне надежды.

[Вы видите] Его превосходительство удостоит обратить внимание на то, что не минутный каприз побуждает меня теперь снова просить службу, но таковыми всегда были мои желания и намерения.

Его величеству

[Исключенный со службы [П] покойным императором Павлом в возрасте 15 лет], потеряв [9] первые годы моей молодости, я бы хотел еще не в старом возрасте посвятить себя продвижению по службе и благополучию моей родины. Предоставляю опытности вашего превосходительства судить, могу ли я надеяться на чин статского советника или полковника или на должность Вашего адъютанта, должность, к которой я тем более стремлюсь, что обязанности по ней мне привычны.

Публикуется впервые, по автографу Пушкина, найденному в бумагах Л. Н. Майкова. Подлинник писан на трех листах плотной синей писчей бумаги неровного формата, с водяным знаком: «Н О К Ф 1820», и с жандармскими пометами: «5, 6, 7». На обороте двух листков находится полуграмотная запись неизвестною рукою сказки про царя Арола и птиц. Хранится в *ИРЛИ* (№ 464). Текст Пушкина писан почерком 20-х годов.

К сожалению, по имеющимся в тексте данным нам не удалось установить автора письма, от имени которого Пушкин его составлял. Не удалось также выяснить, на чье имя оно писано. Мы пересмотрели множество биографий лиц окружения русского посольства в Вене в конце XVIII и в начале XIX века, но ни одна из них не подошла к изложенной Пуш-

[1] В 1812 г. я, по совету г. Татищева, просил о чести передавать его приказы по армии в качестве его адъютанта.

Рукою Пушкина. 52

киным. Очевидно, только простая случайность поможет нам открыть имя одного из новых, как нам представляется, знакомых Пушкина и тем даст возможность установить, для кого составлял Пушкин публикуемое письмо.

2.

Поправки на письме Н. Н. Раевского к гр. А. И. Чернышеву[1]

<Начало января 1832 г.>

Милостивый Государь,

Графъ Александръ Ивановичь!

Я принялъ смѣлость всепокорнѣйше просить Ваше Сіятельство довести до Высочайшаго сведенія мое оправданіе и испросить [о] *мнѣ* возвращені[и]*е* наградъ, [къ которымъ] *коихъ* удостоенъ былъ представленіями *начальства*

Его Императорскому Величеству благоугодно *было* [сверхъ мною просимаго] *нетолько соизволить на всеподданнѣйшую просьбу мою но и* опредѣлить меня на дѣйствительную службу. [Я] [въ[2] полнѣ чувствую въ глубинѣ души моей сію новую Высочайшую милость].

Съ чувствомъ благоговѣні[емъ]я[и] и глубочайшей благодарности принялъ я [сію] Высочайшую Милость Но послѣ смерти отца моего, [отвѣтственность на мнѣ] *судьба моего семейства* лежитъ [передъ моимъ семействомъ] *на мнѣ.* [Такъ] *и* какъ въѣздъ въ столицы [во] *запрещенъ старшему* брату моему, то я долженъ на мѣсто его заниматься дѣлами нашего имѣнія, *и думать объ устройствѣ двухъ сестеръ.*

[Кромѣ того положеніе моего брата препятствуетъ устройству] двух сестеръ [*принужден.*] раздѣляющихъ *съ братомъ* его уединеніе.

Не осмѣливаюсь [я] [съ нескромной просьбой] [*озабочивать*] [*преждевременно*] * [взывать къ] Высочайш[ей]*ее* [*вниманіе*] [милости], но вынужденъ [съ прискорбіемъ] испрашивать *себѣ* позволеніе *прожи*[ть]*вать* въ Петербургѣ [пока возможно] *и въ Москвѣ,* сохраняя мое назначеніе.

---

[1] *Поправки Пушкина выделены курсивом.*

[2] в *переделано Пушкиным на* В.

Позвольтѣ Ваше Сіятельство принести мою [совершенную] *глубочайшую* благодарность за участіе, которое изволили принять въ моемъ положеніи, и поручить себя милостивому покровительству Вашему.

Впервые опубликовано Б. Л. Модзалевским в «Архиве Раевских», т. II, СПб. 1909, стр. 107—108. Подлинник написан на листе почтовой бумаги большого формата, без водяного знака. Хранится в *ИРЛИ* (№ 217).

Поправки сделаны Пушкиным на черновике письма Н. Н. Раевского к гр. А. И. Чернышеву, переписанном писарской рукой, и относятся, по датировке Б. Л. Модзалевского, к началу января 1832 г., когда Пушкин и Н. Н. Раевский находились в Петербурге. Ср. в «Литературном Наследстве», №№ 16—18, стр. 571—572.

Николай Николаевич Раевский (14 сентября 1801—24 июля 1843) — сын генерала Н. Н. Раевского и брат А. Н. Раевского, М. Н. Раевской-Волконской и Е. Н. Раевской-Орловой, столь хорошо известных по биографии Пушкина, издавна находился с ним в дружеских отношениях. В это время он состоял при командующем 4-й гусарской дивизией (назначен 24 декабря 1831 г.) и еще испытывал на себе последствия доноса И. С. Паскевича, обвинившего его в 1829 г., когда Н. Н. Раевский был на Кавказе, в сношениях с сосланными туда декабристами. Совершенно естественно, что когда Раевский решил ходатайствовать о пожаловании ему наград за прежнюю его службу, которых он не получал несколько лет, ответственное письмо с просьбой об этом он попросил прередактировать Пушкина, что тот и сделал. Следствием письма Раевского — Пушкина было получение Раевским ордена св. Анны I степени (7 февраля 1832 г.), а вскоре и назначение (2 июня 1832 г.) командиром 2-й бригады 2-й Конно-Егерской дивизии. В это время Раевский проживал то в Москве, то в Петербурге, то в своих имениях Киевской губ. (см. «Архив Раевских», II, 110; Б. Л. Модзалевский, «Род Раевских герба лебедь», СПб. 1908, стр. 70, «Русский биографический словарь», т. Притвиц — Рейс, СПб. 1910, стр. 403, *П* II, 405).

Отец Раевского — генерал-от-кавалерии Николай Николаевич Раевский, умер 16 сентября 1829 г. в имении Болтышке, Чигиринского уезда, Киевской губернии, в один из тяжелых в жизни Н. Н. Раевского-младшего моментов.

Александр Николаевич Раевский (16 ноября 1795 — 23 октября 1863) — старший брат Н. Н. Раевского (о нем см. *П* I, 214 и др.); в июле 1828 г. был, по доносу гр. М. С. Воронцова, выслан из Одессы в Полтаву, без права жить в Петербурге и Москве (об этом см. подробно в *П* II, 308—309)

Сестры Раевского — Елена Николаевна (29 августа 1803 — 4 сентября 1852) и София Николаевна (17 ноября 1806 — 13 февраля 1881).

3.

Черновик письма, составленного для Е. Шишковой

⟨Июль - август 1833 г.⟩

[По смерти мужа моего] [Находясь въ бѣдственномъ и безпомощн положеніи] осмѣливаюсь прибѣгнуть [В.] [съ почтитель] къ В. С. не только какъ къ Министру покровителю просвѣщенія — [По смерти моего мужа] [пр⟨. . .⟩] [но] представила я Г. Имп.] [послѣ смерти] [мо] [между тѣмъ] [представила] представила я Въ [Имп.] Росс. Ак. сочиненія и переводы [имъ самимъ] [оставленные послѣ] него — [Г] [Г. Имп.] единственное наслѣдство [м], имъ оставленное мнѣ и [и] семилѣтней его дочери [его] Академія рѣшила напечатать ихъ на свой щетъ, но до сихъ поръ не приступила къ изданію оныхъ — [ибо] встрѣтились и затрудненія со стороны Цензуры — [за] державшей перевод[итъ] Гетев[ой] а [Трагедіи] Эgmont [задерженъ —] Траг. эта входитъ въ составъ Нѣм. Т. который покойный мой мужъ вознамѣривался издать. Эgm. изданный не особливой книжкою [могъ бы], но помѣщенный въ числѣ другихъ 5 или 6 тр. кажется можетъ быть дозволенъ — [Обращаюсь]* [къ Вамъ]* какъ другу и цѣнителю Велик Гете съ просьбою [чтобы] не лишить Р. лит. хорошаго перевода съ однаго изъ прекраснѣйш. произведеній поэта.

Еще просьба: [находясь въ бѣдств.] я было обратилась к Г. Имп., описывая ему свое бѣдств положеніе и моля его о помощи — Г. приказалъ, писать Кп. П. М. В. развѣдать обо мнѣ и узнать точно-ли не имѣю я никак состоянія — съ тѣхъ поръ [нѣ] [не было мнѣ] не получала я никакого отвѣта, вѣроятно обо мнѣ забыли — Слово В. С. было бы сильно и могло бы перемѣнить мою участь —

Съ глуб. почт. имѣю

В — —

пок слугою

А. Пушкинъ К Ши⟨шкова⟩

Впервые опубликовано И. А. Шляпкиным в *Ш*, 93. Середина письма воспроизведена факсимиле в той же книге Шляпкина, между стр. 84 и 85, и неправильно введено в *Е*[4] VII, 539—540. Подлинник написан на листе

почтовой бумаги большого формата, сложенном пополам, с водяным знаком: «1830», и с жандармской пометой: «81». Хранится в *ИРЛИ* (№ 291).

Екатерина (Текла) *Шишкова*, рожд. Твердовская, — дочь отставного поручика польских войск, жена известного в свое время поэта и переводчика Александра Ардальоновича Шишкова (род. в 1799 г., умер (зарезан на улице А. П. Черновым) 27 сентября 1832 г.), племянника адмирала и президента Российской Академии А. С. Шишкова (об А. А. Шишкове см. *П* I, 298—299 и др., где указана библиография, и «Алфавит декабристов», под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса, в серии «Восстание декабристов. Материалы», т. VIII, Л. 1925, стр. 425—426).

13 марта 1833 г. Н. И. Греч обратился к Пушкину с письмом, в котором писал о бедственном положении вдовы А. А. Шишкова, оставшейся с дочерью Софьею, семи лет, единственной наследницей его литературных произведений, и просил его помочь устроить печатание сочинений А. А. Шишкова на счет Российской Академии, указав на то, что А. С. Шишков, как родственник А. А. Шишкова и президент Российской Академии, не решается сам внести это предложение (письмо напечатано в *АП* III, 14—15). Обращение Н. И. Греча к Пушкину было вызвано тем, что поэт находился в приятельских отношениях с покойным А. А. Шишковым и незадолго перед тем (7 января 1833 г.) был избран членом Российской Академии (см. М. И. Сухомлинов, «История Российской Академии», т. VII, СПб. 1885, стр. 77—84.) После письма Греча Е. Шишкова, очевидно, была лично у Пушкина и сама просила его о помощи в ее деле. Пушкин принял в Шишковой деятельное участие и, взявшись за хлопоты, довел дело до благоприятного решения. Из документов и дел Российской Академии и из письма Шишковой к Пушкину (о котором см. ниже) видно, что по предложению Пушкина была составлена записка следующего содержания, подписанная членами Академии и в том числе Пушкиным[1] и направленная на имя А. С. Шишкова:

«Нижеподписавшиеся члены Императорской Российской Академии, желая оказать вдове покойного Александра Ардалионовича Шишкова вспоможение в предпринимаемом ею издании сочинений и переводов ее мужа и приняв в уважение дарования покойника и недостаточное состояние вдовы его, представляют, не благоугодно ли будет Вашему Высокопревосходительству предложить о напечатании его сочинений, какие доставлены будут, на щет Российской Академии».

Эта записка слушалась в заседании Академии 3 июня, на котором Пушкин не присутствовал, причем в протоколе этого заседания записано следующее:

---

[1] К сожалению, подлинник записки с автографом Пушкина в делах Российской Академии, хранящихся в Архиве Академии Наук СССР (фонд 8) до нас не дошел. Печатаем ее по копии, извлеченной из протокола заседания Российской Академии 3 июня 1833 г., § 1 («Записки заседаний 1833 г.», лл. 51—52).

«После сего представлены Собранию некоторые сочинения и переводы покойного А. Шишкова 2-го сколько по сие время собрать было можно, а именно <следует перечисление>. Из сих сочинений прочитано в нынешнее заседание несколько глав из Катеваны, и все присутствовавшие г. г. члены единогласно признали, что сочинение сие написано слогом чистым и правильным. А Г. Президент его высокопревосходительство Александр Семенович Шишков объявил, что он на поданное ему г. г. членами представление сообщит в Академию свое мнение» («Записки Заседаний 1833 г.», лл. 51—52). Действительно, в следующем заседании, 17 июня (§ 2), собрание (Пушкин на нем не был) имело возможность выслушать мнение президента, который объявил, что «по близости родства моего с упоминаемым здесь покойным Шишковым (ибо он сын родного брата моего) я не могу присовокупить голоса моего к сему поданному ко мне представлению, но предоставляю решение по оному достаточному по уставу числу господ подписавшихся членов» (подписано: «Президент Академии Александр Шишков, Июня 9 дня 1833 года»).

Собравшиеся члены Академии постановили: «Приступить к напечатанию в Академической типографии на щет Академии Сочинения и Переводы покойного Шишкова 2-го, по одобрении С.-Петербургским Цензурным Комитетом в числе 1200 экземпляров и по напечатании все сии экземпляры предоставить в полное распоряжение оставшейся после его вдове» («Записки заседаний 1833 г.», л. 57 об.).

Узнав об этом решении Академии, Е. Шишкова благодарила Пушкина письмом в следующих выражениях: [1]

«Милостивый Государь Александр Сергеевич! После того, как я вас видела, я все время была больна и потому не могла вас видеть и что-нибудь доброе услышать: вчера я только от Александра Семеновича узнала, что по вашему предложению многие члены согласны на то, чтобы все, что я хотела издать после моего мужа, было напечатано в Академии: я вчера была у вас, чтобы лично благодарить вас, вас, как виновника этого благодеяния и в лице вашем всех господ членов Российской Академии, которые были так милостивы, что не отвергли помочь, сколько от них зависило. Сколь ни горька моя участь, но эта черта меня поддерживает; не помощь, конечно, сделанная мне; нет, она меня не может сделать счастливой; могу быть покойней от нее; но меня утешает то, что есть люди, принимающие во мне участие, об которых в самых моих бедствиях я могу сказать, что я не совсем одна. Благодарность моя столь велика, сколь много может чувствовать смертный!

Я бы желала очень видеть, чтобы посоветываться на счет подписки: но не знаю, в которое время можно вас застать дома. Я надеюсь, что если вам время позволит, то вы не откажете посетить меня, чем много, премного обяжете.

---

[1] Письмо без даты, но правильно отнесено В. И. Саитовым ко второй половине июня 1833 г. (см. *АП* III, 23).

Остаюсь с истинным почтением, Милостивый Государь, готовая к услугам К. Шишкова».

Однако постановлением Академии дело с изданием сочинений А. Шишкова не кончилось: пришлось иметь дело с цензурой, вследствие чего Е. Шишкова вторично прибегнула к помощи Пушкина и просила его составить от ее имени письмо на имя управляющего Министерством народного просвещения С. С. Уварова, незадолго до того (21 марта) назначенного на этот пост и бывшего в то же время (с 1818 г.) президентом Академии Наук.

Публикуемый нами автограф Пушкина и есть черновик составленного им от имени Е. Шишковой письма на имя Уварова. Автограф Пушкина не имеет даты, но должен быть отнесен к июлю — первой половине августа 1833 г.[1]

Перевод «Эгмонта» Гете, сделанный Шишковым, так и остался ненапечатанным, и судьба рукописи перевода остается неизвестной.[2]

Интересно отметить, что Пушкин, говоря об Уварове, как ценителе Гете, был хорошо осведомлен об этом факте. Вероятно, Пушкин только что перед этим прочел выпущенную Уваровым в издании Академии Наук к годовщине со дня смерти Гете, в 1833 г. его брошюру «Notice sur Goethe», написанную на основании многолетней с ним переписки. (См. об этом историческую справку Л. Б. Модзалевского «Гете — почетный член Петербургской Академии Наук», в изданном Академией Наук СССР сборнике памяти Гете, Л. 1932, стр. 93—97; в «Литературном Наследстве», № 4—6, стр. 211—216, и в статье П. Н. Беркова в «Вестнике Академии Наук СССР» 1932, № 9, стр. 47—54).

Кн. П. М. В. — министр императорского двора, князь Петр Михайлович Волконский (1776—1852).

Письмо Е. Шишковой к Николаю I и письмо Волконского неизвестны.

Сочинения А. А. Шишкова изданы были Российскою Академией в 4 частях, СПб. 1834—1835, под заглавием: «Сочинения и переводы капитана А. А. Шишкова». Содержание их см. в статье Д. Д. Рябинина «А. А Шишков 2-й, 1794—1833» в *ИВ* 1889, № 10, стр. 69. В архиве Российской Академии сохраняется дело о печатании этого издания (см. В. И. Срезневский, «Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отд. Библиотеки Имп. Академии Наук в 1903 г.», СПб. 1904, стр. 212).

---

[1] См. правильные соображения П. Е. Щеголева в «Известиях Отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наук», 1903, г. VIII, кн. 4. стр. 380. (Ср. в статье Н. О. Лернера в *ИВ* 1905, № 6, стр. 957—958.)

[2] См. в статьях В. М. Жирмунского и С. А. Рейсера в «Литературном Наследстве», № 4—6, стр. 611 и 919—920.

XI

СЛУЖЕБНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В настоящем отделе мною собраны официальные документы, связанные со службой Пушкина в Коллегии иностранных дел в 1817—1824 гг., с высылкой его из Одессы в 1824 г., со службой в той же Коллегии в 1831—1836 гг. и с «пожалованием» в камер-юнкеры в 1834 г. Все эти «клятвенные обещания», «прошения», «расписки» и «подписки» — единственное, что пока известно из написанного Пушкиным в качестве чиновника. Трудно допустить, чтобы в течение всей своей «службы» поэт буквально не написал ни строчки. В Кишиневе, например, по поручению И. Н. Инзова, он «был занят переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов» (см. *РС* 1887, I, стр. 243). Есть указание на то, что были какие-то «дела» с подписями Пушкина кишиневской эпохи (см. *В* II, стр. 162).

Л. Модзалевский

1.

Присяжный лист

⟨15 июня 1817 г.⟩

Клятвенное обѣщаніе

Я нижеименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, который назначонъ будетъ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, как

скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную мнѣ тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

По сей формѣ присягалъ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 10го класса Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Къ присягѣ Приводилъ Сенатскія церкви Священникъ Никита Полуховичъ 1817 года. Іюня 15 дня.

При Сей Присяге Свидѣтелемъ былъ оной Коллегіи Экзекуторъ Коллежскій Совѣтникъ Константиновъ.

Подписи под «обещанием» впервые напечатаны Л. И. Поливановым в *РС* 1887, № 1, стр. 236, по подлиннику, хранившемуся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (ныне в *ГАФКЭ*). Текст «клятвенного обещания» печатается впервые.

2.

Расписка в чтении указа Петра I

⟨15 июня 1817 г.⟩

Читалъ 10го класса Александръ Пушкинъ 1817 Іюня 15

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Музее революции в Ленинграде (№ 885 кн. пр. Док. до 1917 г., № 853). Воспроизведено факсимиле в № 16—18 «Литературного Наследства», стр. 345.

Подпись Пушкина сделана на одном из листов переплетенной тетради в лист под определением Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 г. о неразглашении служебных тайн и указом за подписью Петра I (копия от 13 февраля 1720 г.) «О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим, и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними», среди подписей других лиц, с 1744 г. поступающих на службу в

Читалъ Губернскій Секретарь [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]

читалъ титулярный совѣтникъ Николай
Александровъ ~~Сынъ~~ корсаковъ 1817 Июня 14

Читалъ Титулярный Совѣтникъ
Вилгельмъ Карловъ Кюхельбекеръ
Июня 14го дня 1817аго года

читалъ титулярный Совѣтникъ князь Александръ
Горчаковъ Июня 14го 1817.

Читалъ Титулярной совѣтникъ
Сергѣй Ломоносовъ Июня 14го дня
1817 года. —

Читалъ 10го класса Александръ
Пушкинъ 1817 июня 15

Расписка Пушкина в чтении указа Петра I

(К стр. 828)

Коллегию иностранных дел, непосредственно после подписей А. С. Грибоедова, Н. А. Корсакова, В. К. Кюхельбекера, кн. А. М. Горчакова и С. Г. Ломоносова. См. факсимиле.

Текст указа напечатан в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 г.», VI, 1720—1722, изд. 1830 г. № 3518, стр. 130—131.

3.

Прошение об отпуске

<3 июля 1817 г.>

Под. 3-го Іюля 1817.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ Александръ Павловичь Самодержецъ Всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій.

Проситъ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣовъ сынъ Пушкинъ о слѣдующемъ.

Имѣю необходимую надобность отлучиться въ Псковскую Губернію для приведенія въ порядокъ домашнихъ моихъ дѣлъ, по чему всеподданнѣйше прошу къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ принять, и меня для приведенія въ порядокъ домашнихъ моихъ дѣлъ, уволить въ Псковскую губернію по 15 число будущаго Сентября мѣсяца прошенію

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить Іюля дня 1817 года. Къ поданію подлежитъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Прошеніе писалъ Титулярный Совѣтникъ Котовъ. Коллежскій секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ

Впервые напечатано В. Я. Брюсовым в *ПП*, 3. Подлинник, написанный на гербовой бумаге 1815 г., ценою в 1 рубль, хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1817, IV, 14, № 11, в *ГАФКЭ*. О прошении этом упомянуто в статье Л. И. Поливанова в *РС* 1887, № 1, стр. 236. Согласно своей просьбе, Пушкин уволен был в отпуск (паспорт выдан 8 июня 1817 г.), который был ему нужен для поездки в имение матери — сельцо Михайловское, Опочецкого уезда, Псковской губернии. Но вернулся Пушкин обратно раньше срока, в конце августа, что видно из письма его к кн. П. А. Вяземскому уже от 1 сентября из Петербурга: «...я скучал в Псковском моем уединении. Я очень недавно приехал в Петербург и желал бы как можно скорее его оставить для Москвы» (*П* I, 7 и 189; ср. *РС* 1887, № 1, стр. 236—237).

4.

Прошение об отпуске

⟨9 июля 1819 г.⟩

Под. 9 Іюля 1819.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнейшій, Великій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Имѣя необходимую надобность отлучиться по собственнымъ дѣламъ моимъ въ здѣшнюю Губернію на 28 дней, всеподданнѣйше прошу,

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества Указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ принять и меня въ С.-Петербургскую Губернію на 28 дней уволить.

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить Іюля дня 1819 года. Къ поданію надлежитъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ. Прошеніе сочинялъ и писалъ Титулярный Совѣтникъ Котовъ.

Коллежской Секретарь Александръ Пушкинъ

Впервые опубликовано В. Я. Брюсовым в *ПП*, 4 (ср. *РС* 1887, № 1, стр. 237). Подлинник написан на гербовой бумаге с водяным знаком: «1818 года», ценою в 1 рубль. Хранится в *ГАФКЭ* в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1817, IV, 14, № 11. Пушкин уволен был в отпуск на 28 дней (паспорт выдан 10 июля 1819 г.). А. И. Тургенев 16 июля сообщал кн. П. А. Вяземскому, что пришлет ему два послания Пушкина, «уехавшего к отцу в деревню» (*ОА* I, 267), а 7 августа он же писал И. И. Дмитриеву, что «Пушкина здесь нет; он в деревне на все лето и отдыхает от Парнасских своих подвигов» (*РА* 1867, стлб. 651). Это было, однако, не совсем так, ибо уже 19 августа он же писал Вяземскому, что Пушкин возвратился из деревни (*ОА*, I, 293) и, очевидно, в срок.

5.

Расписка в получении жалованья

⟨9 июля 1821 г.⟩

Кишеневъ Іюля 9 дня 1821 года. Слѣдуемые мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за майскую и Сентябрскую прошлаго 1820 и за Генварскую сего года трети 700 р. ассигнаціями

оклада, всего за вычетомъ на гошпиталь и за уплатою въ почтовый доходъ страховыхъ за пересылку отъ С.-Петербурга до Кишинева остальныя шесть сотъ восѣмдесятъ пять рублей и серебромъ тридцать копѣекъ получилъ

Александръ Пушкинъ

1821 года
Іюля 9.

Печатается по подлиннику, написанному на листе, проколотом при окуривании, in f° писчей бумаги верже с водяным знаком: «1820». Хранится в деле «Об отправлении коллежского секретаря Александра Пушкина к Главному попечителю колонистов Южного края России генерал-лейтенанту Инзову» Московского архива Министерства иностранных дел 1820, IV, 6, № 1 в *ГАФКЭ.*

Впервые напечатано В. Я. Брюсовым в *ПП,* 5, 7—8 (ср. *РС* 1887, № 1, стр. 244; статью Г. Сербского «Неизвестные расписки Пушкина» в *ОП* I, 50—55; *ГД,* 3—7.

6.

Расписка в получении жалованья

〈22 октября 1821 г.〉

1821 Года Октября 22 дня, Присланныя отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Генералъ-Лейтенанту Инзову принадлежащія мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ за Майскую сего Года треть въ жалованье двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и серебромъ восѣмдесятъ пять копѣекъ получилъ Александръ Пушкинъ

Эта и следующая расписки печатаются по подлинникам, каждый из которых написан на листе in f° писчей бумаги верже с вод. зн.: «1818». Хранятся в деле Московского архива Министерства иностранных дел в *ГАФКЭ.* Напечатаны впервые В. Я. Брюсовым в *ПП,* 5—6.

7.

Расписка в получении жалованья

〈25 января 1822 г.〉

Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Генералъ Лейтенанту Инзову, отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода принадлежащія мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за Сентябрскую

истекшаго 1821 Года треть деньги: двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и серебромъ восѣмдесятъ пять копѣекъ Генваря 25 дня 1822 года Принялъ

Коллежской секретарь Александръ Пушкинъ

См. примечание к предыдущему документу.

8.

Расписка в получении жалованья.

⟨23 августа 1822 г.⟩

1822 Года Августа 23 дня. Присланныя отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода къ Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, принадлежащія мнѣ изъ Государственной коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, въ жалованье за Генварскую сего года треть Государственными Ассигнаціями двестѣ двадцать пять рублей и серебром восѣмдесятъ пять копѣекъ мною получены.

Александръ Пушкинъ

Печатается впервые. Подлинник, написанный на листе in f° писчей бумаги с водяным знаком: «1818 г.», проколотом при окуривании, хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 35, в *ГАФКЭ.*

9.

Расписка в получении жалованья.

⟨октябрь 1822 г.⟩

Октября дня 1822 года. Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской области отъ Управляющаго Государственной Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ при отношеніи № 6048, деньги, принадлежащія мнѣ отъ оной Коллегіи въ жалованье за Майскую сего года треть двѣстѣ двадцать пять рублей ассигнаціями и серебромъ восѣмдесятъ пять копѣекъ мною получены. Въ чемъ и дана отъ меня сія росписка.

Александръ Пушкинъ

Печатается впервые. Подлинник, написанный на листе писчей бумаги in f°, хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 106, в *ГАФКЭ.*

10.

Расписка в получении жалованья

⟨3 марта 1823 г.⟩

Присланные къ Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области Господину Генералъ-Лейтенанту Инзову при отзывѣ Управляющаго Коллегіею Иностранныхъ дѣлъ Господина Тайнаго Совѣтника Дивова двѣсти двадцать пять рублей Государственными Ассигнаціями и одинъ рубль серебромъ, изъ слѣдующихъ мнѣ въ жалованье за сентябрскую прошедшаго 1822 года треть мною получены. Кишиневъ. Марта 3 дня 1823 года

Александръ Пушкинъ

Печатается впервые. Подлинник, написанный на листе in f⁰ писчей бумаги верже с водяным знаком: «1822», хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1822, IV, 11, № 11, л. 106 в *ГАФКЭ*. В. Я. Брюсовым в *ПП*, 6 эта расписка напечатана с таким примечанием: «Вся расписка писана рукою А. С. Пушкина, хотя подписи нет. Внизу помета: «переписано». На обороте: «1821, № 401, Пушкин о жалованье»». В тексте, напечатанном Брюсовым, нет числа дня в дате. В том «деле», в котором находится публикуемая нами расписка с подписью Пушкина, документа, напечатанного и списанного Брюсовым, в настоящее время нет.

11.

Расписка в получении жалованья

⟨30 июля 1823 г.⟩

Присланныя къ Господину Исправляющему должность Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области отъ Господина Статсъ-Секретаря Графа Нессельрода, принадлежащія мнѣ изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ въ жалованье за Генварскую сего года треть деньги: Ассигнаціями Двѣстѣ двадцать пять рублей и серебромъ одинъ рубль, мною получены. Кишеневъ. Іюля 30-го дня 1823 года.

Александръ Пушкинъ

Печатается впервые. Подлинник, написанный на листе писчей бумаги с водяным знаком: «1822», хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1823, IV, 11, № 12, л. 47, в *ГАФКЭ*.

12.

Расписка в получении жалованья

<13 декабря 1823 г.>

13-го декабря. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и шестьдесятъ копѣекъ серебромъ, по приказанію Правителя Канцеляріи Господина Новороссійскаго Генералъ-Губернатора и Полномочнаго Намѣстника Бессарабской Области, выданы по принадлежности вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину

Получилъ двѣсти дватцать пять рублей 60 коп. сер. Александръ Пушкинъ

Напечатана впервые Г. Сербским в *ОП* I, 49, по подлиннику, хранящемуся в Архиве новороссийского и бессарабского генерал-губернатора (ныне Одесский исторический архив). Подлинник нам остался недоступен. Об этой и следующих расписках Пушкина см. там же, стр. 50—55. Жалованье за майскую треть было прислано Пушкину генералом И. Н. Инзовым 6 декабря 1823 г.

13.

Расписка в получении жалованья

<4 февраля 1824 г.>

4-го Февраля. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и вмѣсто трехъ рублей мѣдью, серебромъ одинъ рубль выданы по принадлежности находящемуся въ Одессѣ вѣдомства Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Александру Пушкину

Двѣсти дватцать пять рублей ассигнаціями получилъ Александръ Пушкинъ

Напечатано там же, стр. 50. Подлинник нам остался недоступен. Жалованье за сентябрьскую треть 1823 г. прислано было Пушкину гр. К. В. Нессельродом 31 января 1824 г.

14.

Расписка в получении жалованья

〈12 февраля 1824 г.〉

Присланные къ Господину Новороссiйскому Генералъ-Губернатору Полномочному Намѣстнику Бессарабской Области слѣдовавшiе мнѣ въ жалованье за Сентябрскую прошлаго 1823 года треть по исключенiи за промѣнъ и за пересылку остальные ассигнацiями двѣсти двадцать пять рублей и серебромъ одинъ рубль получены мною. Одесса 12 Февраля 1824 года.

Александръ Пушкинъ

Печатается впервые. Подлинник, писанный на листе почтовой бумаги большого формата с водяным знаком: «1821», хранится в деле Московского архива Министерства иностранных дел, 1823, IV, 11, № 12, л. 164, в *ГАФКЭ*.

15.

Расписка в получении прогонов по командировке

〈23 мая 1824 г.〉

Одесса Маiя 23 дня 1824 Года. По случаю отправленiя меня для собранiя свѣденiй о саранчѣ въ Уѣздахъ: Херсонскомъ Александрiйскомъ и Елисаветградскомъ, науплату прогоновъ за двѣ почтовыя лошади примѣрно четыреста рублей Ассигнацiями отъ Казначея Титулярнаго Совѣтника Архангельскаго

Получилъ Коллежскiй
Секретарь Александръ
Пушкинъ

400 р.

Напечатано там же, стр. 50, и факсимиле на стр. 51 (воспроизведено также в «Известиях Одесского губисполкома», литературно-художественное приложение, 15 июля 1923 г., к № 1084 при статье Ю. Г. Оксмана «Неизвестная одесская расписка Пушкина», стр. 3). Печатается по факсимиле. 22 мая 1824 г. Пушкин получил от новороссийского и бессарабского генерал-губернатора и полномочного наместника Бессарабской области гр. М. С. Воронцова предписание за № 7976 отправиться в уезды Херсонский, Елизаветградский и Александрийский для сбора сведений о находящейся в этих районах саранче (текст предписания напечатан К. П. Зеленецким в «Заметке о Пушкине» в *БЗ* 1858, I,

138). Эта командировка очень обидела Пушкина, но отказаться от исполнения ее он не решился. Дата возвращения Пушкина точно неизвестна. Вероятно, он возвратился в Одессу 31 мая (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910, стр. 98). О командировке Пушкина см. письмо его к А. И. Казначееву от 25 мая 1824 г. (*П* I, 77—80) и примечание к нему (ibid. I, 320—323); ср. также *РА* 1889, III, 405; F. Arago, «Notices scientifiques», т. I, P. 1854, стр. 324; «Автобиография А. О. Смирновой», под ред. Л. В. Крестовой, М. 1931, стр. 185; *РС* 1899, № 5, стр. 244, и 1881, № 4, стр. 850, и статью П. Е. Щеголева, «А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов» в *КА*, т. 38, стр. 176—178.

16.

Прошение об увольнении со службы

〈Начало июня 1824 г.〉

Пол. 8 Іюня 1824 г.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь Императоръ Александръ Павловичь, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ Коллежскій Секретарь Александръ Пушкинъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

1

Вступивъ въ службу Вашего Императорскаго Величества изъ Царско-Сельскаго Лицея съ чиномъ Коллежскаго Секретаря въ 1817 году іюня 17 дня, въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ продолжалъ оную въ Санктъ-Петербургѣ до 1820 году, потомъ волею Вашего Императорскаго Величества откомандированъ былъ къ уполномоченному намѣстнику Бессарабской области.

2

Теперь, по слабости здоровья не имѣя возможности продолжать моего служенія, всеподданнѣйше прошу

3

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять и меня, вышепоименованнаго, отъ службы уволить

4

Всемилостивѣйшій Государь, прошу Ваше Императорское Величество о семъ прошеніи рѣшеніе учинить. Іюня дня 1824 года Одесса.

Къ подачѣ подлежитъ черезъ Новороссійскаго Генералъ-Губернатора и полномочнаго Намѣстника Бессарабской области въ Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Сіе прошеніе сочинялъ и писалъ Коллежскій Секретарь Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ

Напечатано впервые П. Е. Щеголевым в его статье «Пушкин и гр. М. С. Воронцов» в *КА*, т. 38, стр. 179, по подлиннику, нам оставшемуся недоступным. История с подачей Пушкиным в отставку подробно изложена в названной статье П. Е. Щеголева (стр. 173—185). Ср. статью А. Л. Вейнберг, «Граф М. С. Воронцов о Пушкине» («Московский Пушкинист», в. II, М. 1930, стр. 55—58).

Расписка в получении жалованья

〈23 июня 1824 г.〉

23-го Іюня. Оныя деньги двѣсти двадцать пять рублей Ассигнаціями и вмѣсто 3 руб. 72 коп. мѣдныхъ одинъ рубль серебромъ выданы по принадлежности состоящему въ вѣдомствѣ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Коллежскому Секретарю Пушкину

Двѣсти двадцать пять рублей асс. и одинъ рубль сер. получилъ Александръ Пушкинъ

Напечатана впервые Г. Сербским в *ОП* I, Одесса 1925, стр. 50. Подлинник нам остался недоступен. См. примечание на стр. 835—836.

18.

Подписка об отправлении в Псковскую губернию и расписка в получении прогонов

〈29 июля 1824 г.〉

Къ № 4844 Къ П 218 / 5

Нижеподписавшійся Симъ обязывается по данному отъ Г-на Одесскаго Градоначальника Маршруту безъ замедленія отправиться изъ Одессы къ

мѣсту назначенія въ Губернскій Городъ Псковъ, неостанавливаясь нигдѣ на пути по своему произволу; а по прибытіи въ Псковъ явиться лично къ Г-ну Гражданскому Губернатору. Одесса 29. ⟨іюля⟩ дня 1824.

Коллежской секретарь Александръ
Пушкинъ
P. S.

По Маршруту отъ Одессы до Пскова изчислено верстъ 1621. На сей путь прогонныхъ на три лошади Триста восемь десятъ девять руб. четыре коп.

получилъ коллежской секретарь
Александръ Пушкинъ

389 р. 4 коп.

Напечатано впервые Л. И. Поливановым в *РС* 1887, № 1, стр. 247, по подлиннику, хранящемуся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел (в *ГАФКЭ*): подлинник писан на бумаге с золотым обрезом и водяным знаком: «А. Гончаров 1817»; перепечатано П. А. Гастфрейндом в *ГД*, 4—5; в *ПП*, 10; *Е*[4] VII, 120 и *КА*, т. 38, стр. 184; факсимиле воспроизведено в *ГД* между стр. 4—5 и 6—7; в книге П. Н. Полевого, «История русской словесности», т. III, СПб. 1900, стр. 60, и в «Красной Панораме», № 12 (30) от 19 июня 1924, стр. 6.

Подробности о высылке Пушкина из Одессы в с. Михайловское напечатаны Н. О. Лернером в *РС* 1908, № 10, стр. 109—118 («Дело о высланном из столицы коллежском секретаре Пушкине 1824»); Б. Л. Модзалевским в его сборнике «Пушкин», Л. 1929, стр. 67—94 («К истории ссылки Пушкина в Михайловское»), и П. Е. Щеголевым («Пушкин и гр. М. С. Воронцов») в *КА*, т. 38, стр. 173—185. (Ср. *П* I, 339—340, 343—347.)

19.

Прошение А. Х. Бенкендорфу

⟨Около 21—22 июля 1831 г. Царское Село.⟩

Заботливость истинно-отеческая Государя Императора глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже багодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе. Мой настоящій чинъ (тотъ самый съ которымъ выпущенъ я былъ изъ Лицея) къ нещастію представляетъ мнѣ препятствіе на поприще службы. Я считался въ Иностранной Коллегіи отъ 1817-го до 1824-го года; мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титу-

лярнаго и коллежскаго ассессора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то что мнѣ слѣдовало.

Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнять волю Его Величества и готовъ служить Ему по мѣрѣ моихъ способностей. Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій (которыхъ у насъ не существуетъ) и Правительству нѣтъ надобности имѣть свой официальный Журналъ; но тѣмъ не мѣнѣе общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостью взялся-бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго Журнала, т. е. такаго въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ-бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его неприязненнымъ къ просвѣщенію.

Болѣе соотвѣтствовало-бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе написать Исторію Петра Великаго и Его наслѣдниковъ до Государя Петра III.

⟨*Карандашная помета А. Х. Бенкендорфа:*⟩ Написать Г^у Нессельроду, что Государь вѣлелъ Его принять въ Иностранную Коллегію съ позволеніемъ рытся въ старыхъ Архивахъ, для написаніе Исторіи Петра Перваго. — Не угодно ли будетъ Г^фу изпросить или самому назначить Пушкину жалованья. —

Черновое

Заботливость истинно отеческая Государя Им. глубоко меня трогаетъ. Осыпанному уже благодѣяніями Его Величества, мнѣ давно было тягостно мое бездѣйствіе; [и] я всегда желалъ служить Ему помѣрѣ [силъ] моихъ [было всегда первымъ моимъ желаніемъ] способностей. Мой настоящій чинъ ([т. е.] тотъ самый, съ которымъ выпущенъ я былъ изъ Лицея) къ нещастію будетъ мнѣ препятствіемъ на поприщѣ службы. Я считался въ

Ин. Колл. отъ 1817 до 1824 года, мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго ассессора; бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи, а я имъ о томъ не припоминалъ. [Но увѣряютъ что мнѣ во всякое время можно] Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то что мнѣ слѣдовало. [Долговр]емянныя упражненія сдѣлали меня способнымъ [токмо] [1]

Если Государю Императору угодно будетъ употребить перо мое для политическихъ [2] статей, [то почту за щастіе, и] то постараюсь съ точностію и съ усердіемъ исполнить волю Его Величества. У насъ Періодическія Изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, (которыхъ въ Россіи и не существуетъ) и Правительству нѣтъ надобности имѣть свой офиціальной журналъ; но тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ случаяхъ общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо [правительствомъ]. Нынѣ когда [общее] справедливое негодованіе и старая народная вражда, долго разтравляемая завистію, [у насъ] соединила [всѣ мысли] всѣхъ насъ противу Польскихъ мятежниковъ; озлобленная Европа нападаетъ покамѣсть на Россію, не оружіемъ, но ежедневной, бѣшеной клеветою — [Пр] конституціонныя правительства хотятъ міра, а молодыя поколѣнія, волнуемыя журналами, требуютъ войны.... [3] Пускай позволятъ намъ Русскимъ писателямъ отражать безстыдныя и невѣжественныя нападенія иностранныхъ Газетъ. [4] Съ радостію взялся бы я за редакцію Политическаго и Литературнаго Журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости — [5] около котораго соединилъ бы [я] писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству, людей полезныхъ, которые [напрасно] все еще дичаться [и напрасно полагаютъ] напрасно полагая Его неприязненнымъ къ Просвѣщенію. [Современемъ] Правительству

---

[1] *Последняя фраза* (Долговремянныя...) *вписана позже, другим почерком.*

[2] *Слова* для политическихъ *зачеркнуты легкими штрихами.*

[3] *Многоточие в рукописи.*

[4] *От слов:* У насъ Періодическія изданія *до* Газетъ — *перечеркнуто карандашом.*

[5] *Фраза:* т е. такого... *вставлена сбоку карандашом*

легко будетъ [употребить] извлечь изъ нихъ всевозможную пользу, когда Богъ дастъ миръ и Государю досугъ будетъ заняться устройствомъ успокоеннаго Государства, ибо Россія крѣпко надѣиться на Царя; и истинные друзья Отечества желаютъ ему Царствованія долголѣтняго [1] [Если политической Журналъ покажется предпріятіемъ излишнимъ, то буду просить] Более [бы] соотвѣтствовало-бы моимъ занятіямъ и склонностямъ [2] дозволенія заняться Историческими изысканіями въ нашихъ Государственныхъ Архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю, и не хочу взять на себя званіе Исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина; но могу современемъ исполнить давнишнее мое желаніе и написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до Государя Петра III.

Беловой текст в отрывках напечатан впервые М. М. Поповым в *РС* 1874, № 8, стр. 707—708 и 710, и полностью с подлинника в *Е*⁴, VII, 426—427; ср. *СД* 120—121 (с подписью: «А. Пушкин», отсутствующей в автографе). Черновой текст по рукописи впервые напечатан П. В. Анненковым в его «Воспоминаниях и критических очерках», СПб. 1881, III, 249, откуда и вошел в сочинения поэта E^2 и M^1. Вновь по рукописи опубликовано П. А. Шляпкиным в *Ш*, 84—85.

Подлинник белового текста, писанный на двух листах писчей бумаги с водяным знаком: «А. Гончаров 1829», хранится в *ИРЛИ* (№ 116). Подлинник чернового текста, писанный на двух листах писчей бумаги с водяным знаком: «А. Гончаров» и с жандармской пометой: «5», хранится там же (№ 287).

Вследствие этой просьбы поэта и резолюции А. Х. Бенкендорфа, после доклада ее царю, Пушкин был вновь принят в Коллегию иностранных дел, о чем Бенкендорф известил гр. К. В. Нессельроде письмом от 23 июля 1831 г., за № 3716 (см. *СД*, 122 и *ГД*, 17); «высочайший» же указ об определении поэта на службу датирован 14 ноября 1831 г. (см. ibid., 23). Прошению Пушкина предшествовал разговор его с Николаем I, с которым он видался, живя в Царском Селе. 22 июля поэт писал П. В. Нащокину: «Нынче осенью займусь литературой, а зимой зароюсь в архивы, куда вход дозволен мне царем. Царь со мною очень милостив и любезен. Того и гляди, попаду во временщики. . .», а на следующий день сообщал

---

[1] *От слов* Правительству легко будетъ... *до сих пор зачеркнуто поперечною чертою.*

[2] *В фразе* Если Политической Журналъ... то буду просить — *заменены карандашом слова:* политической — таковой, то буду — осмѣливаюсь нынѣ, *затем все зачеркнуто, и ниже текста заменено:* болѣе соответствовало-бы...

П. А. Плетневу: «Царь взял меня в службу — но не в канцелярскую, или придворную, или военную — нет он дал мне жалованье, открыл мне архивы, с тем, чтобы я рылся там, и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда-ли? Он сказал: «Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite».[1] Ей богу он очень со мною мил» (*АП* II, 285 и 287). С этого момента жизнь поэта пошла под знаком исторических изысканий. Предполагая вначале заняться историею Петра I, он отклонился в изучение другой эпохи, создав «Капитанскую дочку» и «Историю Пугачевского бунта», и только с 1834 г. усиленно занялся изучением документов и собиранием материалов для истории Петра I (ср. его слова в письме к М. П. Погодину в апреле 1834 г.: «К Петру приступаю со страхом и трепетом», — *АП* III, 93). К сожалению, завершить свой труд поэту не удалось. Сохранились лишь предварительные конспекты его работы, хранящиеся ныне в *ИРЛИ* и ждущие еще своей публикации. (Подробнее об этом, а также о Пушкине-историке см. в следующих работах: акад. М. Н. Покровский, «Пушкин — историк», в *КН* V, 5—15; примечание П. А. Ефремова в *Е*[4] VIII, 584—585; *РС* 1884, № 12, стр. 576 и *ПС* XIII, стр. 102; Я. К. Грот, «Приготовительные занятия Пушкина для исторических трудов», в «Трудах Я. К. Грота», т. III, СПб. 1901, стр. 117—124 второй пагинации; М. М. Попов, «Пушкин», в *РС* 1874, № 8, стр. 707—710 и 714; некролог поэта, составленный М. А. Коркуновым, в *ПС* VIII, 82—83; Н. П. Барсуков, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, СПб. 1890, стр. 275—277; «Сочинения И. Н. Жданова», изд. Академии Наук, т. II, СПб. 1907, стр. 269—322; «Памятные заметки Н. М. Смирнова», в *РА* 1882, I, 229—230; «Сочинения кн. П. А. Вяземского», т. II, СПб. 1879, стр. 373—379; выписки из дневника Д. Е. Келера в *Е*[4] VIII, 586—587, и в *РС* 1914 г., № 3, стр. 535; В. В. Григорьев, «История С.-Петербургского университета», СПб. 1870, прилож., стр. 8; Л. Н. Майков, «Пушкин», СПб. 1899, стр. 178, 353 и 419; П. И. Бартенев, «Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, М. 1925, стр. 51, 52 и 126; некролог поэта, составленный П. А. Плетневым, в «Современнике», X, 21—52, и «Сочинения и переписка П. А. Плетнева», под ред. Я. К. Грота, т. I, СПб. 1885, стр. 383—384 и 338—339; А. Н. Вульф, «Дневники», под ред. П. Е. Щеголева, М. 1929, стр. 137; Н. О. Лернер, «Проза Пушкина», изд. 2, П. 1923 стр. 64; В. И. Даль в *РС* 1907, № 10, стр. 66, и *ИВ* 1889, № 3, стр. 692.)

Слух о том, что Пушкину разрешено заниматься историей Петра I, что ему открыт доступ в исторические архивы и что он принят на службу, быстро распространился среди друзей, знакомых, почитателей и недругов поэта как в Петербурге, так и в Москве. Не имея возможности дать отзывы их об этом событии в развернутом виде, сообщаем библиографические на них ссылки в хронологическом порядке их датировок: М. П.

---

[1] Так как он женат и не богат, нужно его поддержать.

Погодин в *ПС* XXIII—XXIV, 116; А. В. Веневитинов в книге Н. П. Барсукова «Жизнь и труды Погодина», кн. III, СПб. 1890, стр. 276; О. М. Сомов в *РА* 1908, III, 264; А. И. Тургенев в «Журнале Министерста народного просвещения», новая серия, часть XLIV, 1913, № 3, стр. 19 и 21—22; П. Я. Чаадаев в *АП* II, 328; А. Я. Булгаков в *РА* 1902, I, 87; В. А. Муранов в «Щукинском сборнике», V, 344; Н. М. Языков, В. Д. Комовский и А. М. Языков в *ИВ* 1883, № 12, стр. 533, и в *ВЕ* 1897, № 12, стр. 603; И. В. Росковшенко в *РС* 1900, № 2, стр. 482; Е. А. Энгельгардт в «Вестнике Всемирной Истории» 1899, № 1, стр. 101.

20.

Присяжный лист

〈27 января 1832 г.〉

Клятвенное обѣщаніе

Я нижеимянованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссійскому, и Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Престола Наслѣднику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Александру Николаевичу, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому Его Императорскому Величеству Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, нетокмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особливой) опредѣленной и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества Именемъ отъ предуставленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ.

Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую Слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

По сей формѣ присягалъ коллежскій секретарь Александръ Пушкинъ

Къ присягѣ приводилъ Священникъ Ксенофонтъ Делакторскій.

При приводѣ къ присягѣ былъ экзекуторъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярный Совѣтникъ Приваловъ.

27 Генв.

1832 года.

Напечатано впервые Н. Гастфрейндом в *ГД*, 24.

Подлинник на одном листе серой писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «Е. Р. Ф.», хранится в *ТМ*. См. *Е*[4] VII, 463.

Определен на службу в Коллегию иностранных дел Пушкин был еще 14 ноября 1831 г., но оформление его поступления на службу произошло лишь 27 января 1832 г. Оформление это совпало с оформлением пожалования Пушкину следующего чина (6 декабря 1831 г.), поэтому поэт должен был в один и тот же день дать присягу и как коллежский секретарь и как титулярный советник (см. следующий документ).

21.

Присяжный лист

⟨27 января 1832 г.⟩

Клятвенное обѣщаніе

⟨*Печатный текст*⟩[1]

По сей формѣ присягалъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ

Къ присягѣ приводилъ Священникъ Ксенофонтъ Делакторскій.

При приводѣ къ присягѣ былъ экзекуторъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярный Совѣтникъ Приваловъ

27 Генв.

1832 года.

Напечатано впервые Н. Гастфрейндом в *ГД*, 26. Ср. *Е*[4] VII, 463. Подлинник находился в деле С.-Петербургского главного архива Министерства иностранных дел, 1831 г., о «пожаловании коллежского секретаря Александра Пушкина в титулярные советники», и ныне находится в *ЛМ*. Производство поэта в следующий чин титулярного советника произошло еще 6 декабря 1831 г.

[1] *Такой же, как предыдущий.*

22.

Обязательство о непринадлежности к тайным обществам

〈27 января 1832 г.〉

Я нижеподписавшійся симъ объявляю что я ни къ какой масонской ложѣ и ни къ какому тайному обществу ни внутри Имперіи, ни внѣ ея не принадлежу и обязываюсь впредь онымъ не принадлежать и никакихъ сношеній съ ними не имѣть

Титулярный совѣтникъ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 8 и 24 (факсимиле воспроизведено там же между стр. 22 и 23 и П. Н. Полевым в «Истории русской словесности», т. III, СПб. 1900, стр. 104). Подлинник находился в деле Московского главного архива Коллегии иностранных дел, 1831 г., об «определении коллежского секретаря А. Пушкина в ведомство Коллегии иностранных дел с дозволением розыскания в архивах оной материалов для истории Петра Великого», и остался нам недоступен. Подписку датируем днем фактического поступления поэта на службу. Ср. *Е*[4] VII, 462.

Известно еще одно обязательство Пушкина о непринадлежности к тайным обществам, приложенное им к прошению на имя Николая I в мае 1826 г. Мы не перепечатываем его здесь, так как оно вошло в *П*, II, 10—11; см. о нем там же, стр. 156—157.

Как известно, Пушкин был членом кишиневской масонской ложи «Овидий», куда он был принят 4 мая 1821 г. и о чем сохранилась запись поэта в дневнике (см. «Нива» 1912, № 5, стр. 93, *НП*, стр. 225). Исчерпывающую литературу по этому вопросу см. также в работе П. Е. Щеголева «К истории Пушкинской масонской ложи» в *ЩП*[2], стр. 281—285; ср. *РС*, 1907, № 3, стр. 642.

Расписка в чтении указа Петра I

〈27 января 1832 г.〉

Читалъ Титулярный Совѣтникъ Пушкинъ

Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Музее Революции в Ленинграде (№ 885 кн. пр. Док. до 1917 г., № 853). Подпись Пушкина находится на одном из листов переплетенной тетради in f°, под определением Коллегии иностранных дел от 5 марта 1744 г. о неразглашении служебных тайн и указом за подписью Петра I (копия 13 февраля 1720 г.):

«О присутствующих в Коллегии иностранных дел, о порядке рассуждения по делам особенной важности и по бумагам текущим и о назначении числа чиновников с распределением должностей между ними», среди подписей других лиц, между 23 января и 5 февраля 1832 г., т. е. была сделана 27 января, когда Пушкин подписался под клятвенным обещанием (см. выше стр. 844). Текст указа Петра I напечатан в «Полном собрании законов Российской империи с 1649 г.», т. VI, 1720—1722, изд. 1830 г., № 3518, стр. 130—131.

24.

Расписка в получении жалованья

⟨27 июля 1832 г.⟩

Я нижеподписавшійся получилъ изъ Казначейства Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, слѣдующіе на извѣстное Его Императорскому Величеству употребленіе съ 14-го ноября 1831 г. по 1-е Маія сего 1832 года всего двѣ тысячи триста девятнадцать рублей сорокъ четыре копейки съ четвертью, въ чемъ и далъ сію росписку.

Іюля 27 дня 1832 года.

Титулярный Совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 31. Подлинник на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «АО 1831» и изображением льва с мечом и сидящей фигуры с секирою, «pro patria», хранится в *ТМ*.

Будучи принят на службу в Коллегию иностранных дел, Пушкин, однако, не получал жалованья, и только после обращения к А. Х. Бенкендорфу 3 мая 1832 г. (см. *Е*[1] VII, 465, *СД*, 131 и *АП* II, 381) состоялось распоряжение Бенкендорфа от 10 мая гр. К. В. Нессельроде о назначении Пушкину жалованья. Размер его был определен Бенкендорфом в сумме 5000 руб. в год (см. *ГД*, 29—30 и *СД*, 132—134). При комментируемой расписке поэт получил свое первое жалованье после перерыва службы в 1824 г. Интересный рассказ о назначении жалованья поэту напечатан в дневнике Н. А. Муханова (*РА* 1897, I, 655).

25.

Расписка в получении жалованья

⟨9 сентября 1832 г.⟩

Я нижеподписавшійся получилъ изъ казначейства Министерства Иностранныхъ дѣлъ слѣдующія на извѣстное Его Импера-

торскому Величеству употребленіе [съ 14] изъ пяти тысячь рублей причитающіяся съ перваго мая по первое сентября сего 1832 года тысячу шестьсотъ шесть десять шесть рублей шестьдесять шесть коп $^1/_2$ въ чемъ и далъ сію росписку сентября 9 дня 1832 года

Титулярный совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД,* 32. Факсимиле воспроизведено там же между стр. 32 и 33. Подлинник находился в деле Московского Главного архива Министерства иностранных дел, «об отпуске из Государственного казначейства ежегодно по 5000 руб. ассигнациями на известное его императорскому величеству употребление и о выдаче сих денег титулярному советнику Александру Пушкину», и остался нам недоступен. Печатается по фотографии в *ИРЛИ.*

26.

Прошение об отпуске

⟨10 сентября 1832 г.⟩

№ 1567. — 10-го Сентября 1832.

Въ Департаментъ Хозяйственныхъ
и Счетныхъ дѣлъ

От состоящаго въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Александра Пушкина.

ПРОШЕНІЕ

По домашнимъ моимъ обстоятельствамъ, имѣя необходимую нужду отлучится изъ С. Петербурга въ разныя губерніи на двадцать восемь дней, покорнѣйше прошу оный Департаментъ снабдить меня для свободнаго въ оныхъ губерніяхъ проѣзда и прожитія надлежащимъ свидѣтельствомъ.

Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ

Сентября дня
1832 года

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД,* 27; перепечатано в *Е*[4] VII, 470. Подлинник написан на двух листах гербовой бумаги, ценою 2 рубля, с водяным знаком: «1831»; хранится в *ТМ.*

Свидетельство на поездку было выдано поэту 12 сентября; на нем имеется помета «возвратился в срок» (*ГД*, 28). Пушкин ездил в Москву и возвратился в Петербург после 10 октября (см. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», СПб. 1910, стр. 271—272).

27.

Расписка в получении жалованья

<27 декабря 1832 г.>

Я нижеподписавшійся получилъ изъ Казначейства Министерства иностранныхъ дѣлъ слѣдующія на извѣстное [1] Его Императорскому Величеству употребленіе изъ пяти тысячь рублей ассигн. причитающіяся съ перваго [мая] сентебря по первое января сего 1833 года тысячу пятьсотъ пятьдесятъ шесть рублей шестьдесятъ шесть коп $^1/_2$ въ чемъ и далъ сію росписку декабря 27 дня 1832

Титулярный Совѣтникъ
Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 33; там же воспроизведено факсимиле между стр. 48 и 49. Подлинник, писанный на одном листе почтовой бумаги большого формата, без водяного знака, со штемпелем Петергофской бумажной фабрики, хранится в *ТМ*. В сумме полученного жалованья Пушкин описался, — вместо 1666 руб. $66^1/_2$ коп. написал 1556 руб. $66^1/_2$ коп.

28.

Прошение об отпуске

№ 2934. — 11 Августа 1833. <11 августа 1833 г.>

Въ Департаментъ Хозяйственныхъ
и счетныхъ дѣлъ

От состоящаго въ вѣдомствѣ Министерства
Иностранныхъ дѣлъ Титулярнаго Совѣтника Пушкина

ПРОШЕНІЕ

Его Сіятельство Г. Генералъ Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ увѣдомилъ меня чрезъ Г. Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника

[1] *Переделано из:* извѣстныя.

Мордвинова что Его Императорскому Величеству угодно было изъявить свое Высочайшее соизволеніе на увольненіе меня въ отпускъ на четыре мѣсяца въ губерніи Казанскую и Оренбургскую. Въ слѣдствіи сего покорнѣйше прошу Департаментъ Хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ учинить во исполненіи таковой Монаршей воли разпоряженіе о снабженіи меня надлежащимъ для сего свидѣтельствомъ. Письмо-же Г. Действительнаго статскаго Совѣтника Мордвинова при семъ имѣю честь представить.

11 августа 1833 года Титулярный Совѣтникъ

Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 35—36; перепечатано в *E*[4] VII, 489. Подлинник, писанный на двух листах гербовой бумаги in f°, ценою в 2 рубля, с водяным знаком: «1831»., хранится в *ТМ*.

Письмо А. Н. Мордвинова, о котором говорит Пушкин, писано 7 августа 1833 г. (подлинник его хранится в том же музее; см. *ГД*, 35 и *ПП*, 73) и является ответом на письмо к нему Пушкина от 30 июля 1833 г. (ibid., 21 и *АП* III, 31—32); в нем поэт просил о разрешении ему посетить Оренбург и Казань для собирания сведений для задуманного романа. А. Н. Мордвинов сообщил, что Николай I разрешил поэту эту поездку, сроком на 4 месяца (см. также *СД*, 135). Вследствие официального ходатайства, комментируемого нами, Пушкину было выдано 12 августа свидетельство на поездку (см. *ГД*, 36). Вернулся он в Петербург 20 ноября 1833 г., побывав в намеченных им городах и губерниях и собрав материал как для «Капитанской дочки», так и для «Истории Пугачевского бунта».

29.

Расписка в чтении указа о пожаловании в камер-юнкеры

№ 26 ⟨27 января 1834 г.⟩

Въ слѣдствіе предписанія I Отдѣленія Департамента Хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ отъ 27 Генваря за № 405-м Экзекуторъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ долгомъ поставляетъ симъ дать знать Г. Г. Коллежскому Ассесору Ремеру и Титулярному Совѣтнику Пушкину, что они по Высочайшему Имянному Его Императорскаго Величества указу данному Придворной Конторѣ въ 31 день минувшаго Декабря Всемилостивѣйше пожалованы въ

званіе Камеръ Юнкеровъ Двора Его Императорскаго Величества. Генваря 27 дня 1834 г.

Экзекуторъ Приваловъ

Господину Коллежскому Ассесору Ремеру
Господину Титулярному Совѣтнику Пушкину

⟨*на обороте:*⟩

Читалъ Коллежскій Ассесоръ Николай Ремеръ
Читалъ Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 38. Подлинник, писанный на двух листах почтовой бумаги большого формата, с водяным знаком: висящий рог в картуше в орнаментальной рамке, хранится в *ТМ*.

О пожаловании Пушкина в камер-юнкеры см. *ГД*, 38—40, *ДП*, 5 и 79—81, и *ДМ*, 237—241.

Пожалованный вместе с Пушкиным в камер-юнкеры *Николай Ремер* — Николай Федорович (28 ноября 1806 — 13 июля 1889 г.), состоял в это время при Неаполитанской миссии, впоследствии тайный советник и сенатор (см. его биографию в «Русском биографическом словаре», т. Рейтерн—Рольцберг, СПб. 1913, отр. 50—51). Пушкин упоминает о нем в письме к жене от 17 апреля 1834 г. под именем «Реймерса» (*АП* III, 98). При пожаловании в камер-юнкеры для Пушкина и Н. Ф. Ремера были составлены формулярные списки; см. список о службе Пушкина (1834 г.) в издании «Пушкин. 1834 год», Л. 1934, стр. 141—144.

30.

Прошение об отпуске

№ 4003. 4 Августа 1834. ⟨4 августа 1834 г.⟩

Въ Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ.

Отъ Титулярнаго Совѣтника въ званіи Камеръ Юнкера Александра Пушкина

ПРОШЕНІЕ

Имѣя необходимую надобность воспользоваться по домашнимъ обстоятельствамъ отпускомъ въ Нижегородскую и Калужскую губернію на три мѣсяца, покорнѣйше прошу Департаментъ Хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ снабдить меня надлежащимъ для сего свидѣтельствомъ. Двора Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ и титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ

Августа дня
1834

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 41, и вошло в *E*[4] VII, 575. Подлинник на двух листах гербовой бумаги ценою в 2 рубля, с водяным знаком: «1833», хранится в *ТМ*.

Свидетельство на проезд в Нижегородскую и Калужскую губернии сроком на три месяца выдано было Пушкину 15 августа 1834 г. (*ГД*, 42). Пушкин выехал в Москву 25 августа, две недели провел в имении Гончаровых «Полотняный завод», был в Болдине и возвратился в Петербург 15 октября (см. «Известия Литературно-художественного кружка в Москве», октябрь 1913, № 1, стр. 39; ср. Н. О. Лернер, «Труды и дни Пушкина», стр. 320).

31.

Прошение об отпуске

〈2 мая 1835 г.〉

№ 2433 — 2 Маія 1835

Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичь Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемилостивѣйшій

От Служащаго въ Министерствѣ
Иностранныхъ дѣлъ Титулярнаго
Совѣтника въ званіи Камеръ Юнкера
Пушкина

ПРОШЕНІЕ

Имѣя необходимую надобность отлучиться на 28 дней въ Псковскую губернію всеподданнѣйше прошу Къ сему

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ принять, дозволивъ воспользоваться отпускомъ съ 3 сего Маія и снабдить меня для безпрепятственнаго проѣзда надлежащимъ Свидѣтельствомъ Прошенію

Всемилостивѣйшій Государь, прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Къ поданію надлежитъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ Департаментъ Хозяйственныхъ и Счетныхъ дѣлъ.

Прошеніе сіе переписывалъ Протоколистъ Васильевъ 1835. Маія 2 дня руку приложилъ Камеръ-юнкеръ Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 43—44, и перепечатано в *E*[4] VII, 594. Подлинник, написанный на двух листах гербовой

*

бумаги in f°, ценою в 2 рубля, с водяным знаком: «1833», хранится в *ТМ*.

Пушкин был уволен на 28 дней (свидетельство выдано 4 мая 1835 г.) и возвратился 24 мая. См. «Дело об увольнении в отпуск тит. сов. Пушкина» (*ГД*, 43—46).

32.

Расписка в получении отпускного свидетельства

<27 августа 1835 г.>

Министерство
Иностранныхъ дѣлъ
Департаментъ
Хозяйственныхъ и Счетныхъ
Дѣлъ
Отдѣленіе
Столъ

августа 27 дня
1835
№ 4471

СВИДѢТЕЛЬСТВО

Предъявитель сего состоящій въ вѣдомствѣ М. И. дѣлъ Титулярный Совѣтникъ въ званіи Камеръ-Юнкера Александръ Пушкинъ, съ высочайшаго его императорскаго величества соизволенія уволенъ въ отпускъ на четыре мѣсяца [въ разныя Россійскія губерніи]. Въ удостовѣреніе сего и дано ему сіе свидѣтельство отъ Департамента Хоз. и счет. дѣлъ, съ приложеніемъ печати. С. Петербургъ [Августа]

Подлинное свидѣтельство получилъ Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ 27 августа 1835 —

Напечатано впервые Н. А. Гастфрейндом в *ГД*, 45. Подлинник, писанный на двух листах писчей бумаги in f°, с водяным знаком: «А. Б. Ф. 1835», хранится в *ТМ*.

Официального прошения Пушкина об отпуске не сохранилось, и, вероятно, его не было вовсе. Поэт обратился к А. Х. Бенкендорфу 1 июня 1835 г. с письмом о дозволении ему отправиться на несколько лет в деревню (это обширное письмо напечатано в *АП* III, 203—206; ср. *Ш* 101—103). На письме имеется резолюция Николая I: «нет препятствий ему ехать куда хочет, но не знаю, как разумеет он согласить сие со службою. Спросить, хочет ли отставки, ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок» (*СД*, 155). Попытка Пушкина уединиться в деревню на несколько лет не удалась (см. П. И. Бартенев,

«Рассказы о Пушкине», под ред. М. А. Цявловского, стр. 52). По прочтении резолюции Николая I Пушкин отвечал Бенкендорфу письмом от 4 июля о том, что передает свою судьбу в царскую волю. Бенкендорф на письме наложил резолюцию: «если ему нужны деньги, Государь готов ему помочь, пусть мне скажет, если ему нужно дома побывать, то может взять отпуск на 4 месяца» (*СД*, 157). На основании этой резолюции Пушкин и получил отпуск на 4 месяца (ibid. 161 и *ГД*, 45). Свидетельство выдано было поэту 27 августа, в получении которого он и расписался. Занятый устройством своих денежных дел, Пушкин выехал в Михайловское и Тригорское лишь 7 сентября; вернулся он оттуда гораздо ранее срока, в середине октября 1835 г. Официальное же возвращение его из отпуска считалось 23 декабря 1835 г. (см. *ГД*, 45 и 46).

33.

Ответ на запрос о представлении свидетельства о дворянстве

〈Середина марта 1836 г.〉

1-е Отдѣленіе Департамента Хозяйственныхъ и Счетныхъ дѣлъ покорнѣйше проситъ нижепоимянованныхъ Г. г. Чиновниковъ написать на семъ: имѣютъ ли они свидѣтельства о дворянствѣ и учебные аттестаты, какіе именно и гдѣ они находятся, если же кѣмъ изъ нихъ сіи акты еще не представлены, то поспѣшить доставленіемъ ихъ въ помянутый Департаментъ.

Г.г. Титулярныхъ Совѣтниковъ

〈. .〉

Александра Пушкина — кромѣ фамильныхъ бумагъ,[1] — свидѣтельства о дворянствѣ не имѣю. Атестатъ имѣю данный мнѣ изъ Царско-сельскаго Лицея при выпускѣ моемъ въ 1817.

Подлинник хранится в Москве, в Архиве внешней политики. Фонд СПБ. Гл. Арх. IV—4—№ 14: «Дело Департамента хозяйственных и счетных дел. Отделение 1. Стол 1. О производстве некоторых чиновников Министерства иностранных дел в следующие чины за выслугу лет.— 1836 года», л. 5.

---

[1] *Повидимому, вписано после всего остального.*

Печатается впервые. Автограф обнаружен К. В. Пигаревым.

Аттестат об окончании Пушкиным Лицея при поступлении его на службу был представлен в Министерство иностранных дел, в архиве которого он и хранился. Факсимильно воспроизведен в книге Н. Гастфрейнда «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов Министерства иностранных дел», СПб. 1900. Ср. здесь же, стр. 24.

Свидетельство Департамента герольдии Сената в том, что Пушкин «происходит от древнего дворянского рода Пушкиных, коего герб внесен в общий дворянских родов Гербовик и высочайше утвержден», выданное 23 марта 1811 г., было представлено в Лицей при поступлении туда Пушкина и ныне хранится в *ИРЛИ*. См. *РА* 1887, № 12, стр. 576; Шляпкин, «К биографии А. С. Пушкина (Малоизвестные и неизвестные документальные данные)», СПб. 1899, стр. 14, и *ПС* III, стр. 91.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ТЕКСТЫ ПУШКИНА, НЕ ВОШЕДШИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

Собрание текстов, включенных в настоящую книгу, не является исчерпывающе полным, а потому, во избежание возможных недоразумений и для полного учета всех писаний Пушкина в этом роде, считаем необходимым указать, что́ именно не вошло в нашу книгу.

В первый отдел — прозаические переводы — не вошли печатаемые во всех изданиях собраний сочинений Пушкина «Джон Теннер» и «Записки бригадира Моро-де-Бразе».

Во второй отдел — исправления Пушкина в тексте произведений других авторов — исправления его и замечания в тексте рукописи стихотворений А. А. Дельвига (хранится в *ИРЛИ*). Эти исправления в настоящее время приготовляются к печати Ю. Н. Верховским. Они использованы Б. В. Томашевским в примечаниях к стихотворениям Дельвига в издании 1934 г. полного собрания его стихотворений. Не вошла и поправка Пушкина в стихотворении Дельвига «К мальчику», опубликованная Б. Л. Модзалевским в его статье «К истории „Зеленой Лампы“» в сборнике «Декабристы и их время», т. I, М. 1928, стр. 15 и 33. (Подлинник хранится в *ИРЛИ*.)

В третий отдел — фрагменты произведений, планы, отрывки писем, заметки при чтении книг, записи мыслей и т. п. — не введены из черновых текстов произведений Пушкина планы, варианты заглавий, примечания, даты и эпиграфы, безотносительно к тому, было опубликовано или нет что-либо из этого. Из эпиграфов в книге помещены лишь неиспользованные Пушкиным (к главам «Арапа Петра Великого») или спорные (из «Книги Иова» к стихотворению «Чернь»). Не включены и заметки, сделанные на полях: 1) «Опытов» Батюшкова, 2) статьи кн. П. А. Вяземского об Озерове, 3) статьи М. П. Погодина о Борисе Годунове. Первые две серии записей, впервые опубликованные Л. Н. Майковым (в *РА* 1894, I, *СН* 1897, I), введены С. А. Венгеровым в собрание сочинений Пушкина в издании Брокгауза и Эфрона (т. IV) и Ю. Г. Оксманом в гихловское издание 1931—1932 (т. V). В последнее издание введены и замечания на статью Погодина, впервые опубликованные Б. Л. Модзалевским (в *ПС* XIII).

Не введены заметки по объяснению древнерусских слов, встречающихся в «Слове о полку Игореве» на листе и на лоскутке бумаги, приобретенных в 1933 г. Литературным музеем в Москве. Эти заметки печатаются в I томе «Летописи» этого музея.

К этой же категории текстов относятся не введенные в книгу и печатающиеся в собраниях сочинений Пушкина заметки при чтении: 1) «Анналов» Тацита, 2) предисловия Голикова к «Деяниям Петра Великого», 3) «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова и 4) «Нестора» Шлецера.

Не введены в книгу замечания, отметки и корректурные поправки, сделанные Пушкиным на полях имеющихся в его библиотеке книг: 1) «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова. Сыном его сенатором Бибиковым», СПб. 1817 (по описанию Модзалевского № 33); 2) «Песнь ополчению Игоря Святославича, князя Новгород-Северского. Переведено с древнего русского языка XII столетия Александром Вельтманом», М. 1833 (№ 70); 3) «Древнее сказание о победе великого князя Дмитрия Иоанновича Донского над Мамаем. Издано д. членом Общества истории и древностей российских И. Снегиревым», М. 1829 (№ 132); 4) «Собрание 4291 древних российских пословиц. Печатано при Имп. Московском Университете», 1770 (№ 362); 5) «Voyages en Orient, entrepris par ordre du Gouvernement Français de l'année 1821 à l'année 1829... par Fontenier. Paris. 1829» («Путешествия на Восток, предпринятые по приказанию Французского правительства в 1821—1829 гг., соч. Фонтанье» Париж). (№ 919); 6) «Заседание бывшее в Императорской Российской Академии 18 января 1836, СПб. В типографии Имп. Росс. Академии 1836, 45 стр.» (экземпляр в Онегинском собрании в *ИРЛИ*, № 373).

Кроме этого, на следующих книгах библиотеки Пушкина им сделаны на полях отчеркивания: 1) «Русские пословицы, собранные Ипполитом Богдановичем. В Санктпетербурге, иждивением Императорской Академии Наук», 1785 (№ 41); 2) «Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского, изд. Протоиереем Иоанном Григоровичем. Часть вторая, Санктпетербург. Печатано в типографии Императорской Российской Академии, 1835» (№ 89); 3) «Шекспировы духи. Драматическая шутка в двух действиях. Сочинение В. Кюхельбекера. Санктпетербург, в типографии Н. Греча. 1825» (№ 206); 4) «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания оных для удобнейшего их приискания. В типографии Карла Крайя. 1822» (№ 300); 5) «Стихотворения Александра Пушкина. Четвертая часть. СПб. 1835» (№ 308); 6) «Россия и Баторий, историческая драма в пяти действиях. Сочинение Барона Розена». Санктпетербург. В типографии Инспекторского Департамента Военного Министерства, 1833 (№ 318); 7) «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии Наук корреспондентом Петром

Рычковым. В Санктпетербурге. При Императорской Академии Наук, 1762» (№ 342); 8) «Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore; traduits de l'Anglais par M-me Louise Sw. — Belloc. Paris. 1830» («Воспоминания лорда Байрона, опубликованные Томасом Муром. Переведены с английского Луизой Беллок. Париж 1830».) (№ 696); 9) «Oeuvres de Denis Diderot, précédées de Mémoires historiques et philosophiques sur sa vie et ses oeuvres. 1831» («Сочинения Дениса Дидро с приложением исторических и философических записок об его жизни и его сочинениях») (№ 881).

Как уже указано (см. стр. 153), не введены черновые наброски писем, включенные в два тома госиздатовского издания «Писем» Пушкина и в III и IV томы, которые выйдут в издании «Academia».

В пятый отдел — списки произведений — не вошел очень стершийся список в тетради № 2374, л. 2_1, прочтенный недавно С. М. Бонди и Т. Г. Зенгер при работе над этой тетрадью для фототипического издания рукописей Пушкина, предпринятого издательством «Academia».

В шестой отдел — мелких заметок, помет и т. п. — не введены отдельные цифры и подсчеты:

а) в тетрадях Пушкина, хранящихся в *ЛБ*: № 2364, внутренняя сторона передней крышки переплета, лл. 49_2, 67_2, 78_1; № 2365, лл. 38_2, 46_2; № 2366 л. 13_2; № 2367 внутренняя сторона передней крышки переплета, л. 49_2; № 2370, лл. 3_2, 6_2, 12_1, 49_2; № 2371, оборот ненумерованного чистого листа перед л. 2, лл. 2_1, 9_1, 13_2, 20_1, 36_1, 46_1, 47_2, 81_2, 82_1, 87_1, 89_2; № 2372, лл. 64_1, 65_1, 66_1; № 2373, лл. 18_2, 20_1, 21_2, 27_2; № 2375, л. 29_2; № 2376 В, л. 1_1; № 2377 А № 6, л. 6; № 2379, на полях «Барышни-крестьянки»; № 2380, л. 54_2; № 2382, ненумерованный лист перед л. 1, лл. 70_1 94_2; № 2384, л. 15_1; № 2386 Б, л. 13_1; № 2386 В, л 2_2. На письме П. В. Нащокина к Пушкина от 10 января 1833 г. (№ 3379);

б) в рукописях Майковского собрания (*ИРЛИ*): №№ (по описанию в *ПС* IV) 9, 28, 32, 37, 47, 55, 60, 86, № 12 (стр. 24), № 28 (стр. 31), № 30 (стр. 31), и на листе, не вошедшем в описание, с жандармской цифрой «1», на котором выписки (руки не Пушкина) из Novalis, Lichtenberg и др.

в) рукописях Онегинского собрания (*ИРЛИ*): №№ (по описанию в *ПС* XII рукописей с жандармскими цифрами) 8, 32, 34, 50;

г) в рукописях Шляпкинского собрания (*ИРЛИ*): страницы в *Ш*, где напечатаны подсчеты: 31, 36, 92, 96 и 109;

д) в рукописях собрания М. И. Семевского (*ИРЛИ*): № 402;

е) на бумажках-закладках в книгах библиотеки Пушкина (*ИРЛИ*): №№ (по описанию в *ПС* IX—X) 585 и 1345;

ж) в рукописях, хранящихся в *ПБЛ*: №№ (по описанию в *РП*) 10, 18, (лл. 4_1 и 8_1), 21, 29, 42 (лл. 39б, 57_1 и 60_1), 43 (л. 64_1) и 44 (л. 5_2);

з) в рукописях, хранящихся в *ЛМ:* на письмах Калашникова к Пушкину от 19 октября 1831 г. и 19 декабря 1833 г. и на письме Пеньковского от 15 января 1835 г. См. «Звенья», III—IV. М. 1934, стр. 133.

Отдельные слова и буквы:

а) в тетрадях Пушкина, хранящихся в *ЛБ*: № 2364, форзац, лл. 1_1, 2, 3_1, 4, 5_1, 6_2, 7_1, 8_1, 9, 10, 12_2, 13, 14_1, 15_1, 26_1, 33_2, 37_2, 42, 43_1, 44_2, 46_2, 47_1, 49_1, 51_1, 52_2, 65_1, 67_2, 70_1, 77_1, 78_1; № 2365, лл. 20_1, 38_2, 55_2; № 2366, на узких краях вырванных листов между лл. 3 и 4, 8 и 9, 9 и 10, 11 и 12, 17 и 18, 19 и 20, 21 и 22, 22 и 23, 23 и 24, 27 и 28, 33 и 34, и на лл. 1_2, и 29_2; № 2367, на узком крае вырванного листа между лл. 27 и 28, и на л. 51_2; № 2370, лл. 2_1, 3_2, 11_2, 12_1, 57_2; № 2371, лл. 22_1, 23_2, 25_2, 26_1, 27_1, 41_1, 46_1 49_2, 69_1, 75_1; № 2373, на ненумерованном листе перед л. 1, лл. 6_1, 15_1, $21а_1$, $25а_2$; № 2375, л. 35_2; № 2377 А, № 7, л. 44_2; № 2380, л. 1_1; № 2382, л. 29_2. На отдельных листках «Замечаний на Анналы Тацита», № 3266, л. 1_1. На листе (№ 7022);

б) в альбоме Ушаковых (*ЛБ*) на лл. 45_1 и 70_2;

в) в рукописях Майковского собрания: №№ (по описанию в *ПС* IV) 38, 49, 73 и стр.: 27 (№ 14), 31 (№ 28, л. 4_1) и 34 (№ 6);

г) в рукописях Онегинского собрания: № (по описанию в *ПС* IV) 43 (см. *НП* 80/81);

д) в рукописях Шляпкинского собрания: № 244/265 (инвентарный номер каталога *ИРЛИ*). См. в *Ш*, 23;

е) в рукописях Гротовского собрания (*ИРЛИ*): № 159;

ж) в рукописях собрания Б. Л. Модзалевского (*ИРЛИ*): №№ 379 и 422,

з) в рукописях собрания П. А. Ефремова (*ИРЛИ*): № 12;

и) на бумажках-закладках в книгах библиотеки Пушкина: №№ (по описанию в *ПС* IX—X) 309, 1200 и 1481;

к) в рукописях, хранящихся в *ПБЛ*: №№ (по описанию в *РП*) 35 (лл. 2_2 и 273_1) и 42 (лл. 7_2 и 57_1);

л) в рукописях собрания П. Е. Щеголева: на листе с письмом к Пушкину Н. М. Коншина, опубликованным в *ПС* XXXVIII—XXXIX, стр. 256. Войдет в «Письма Пушкина», т. IV. Ныне хранится в *ИРЛИ*, № 391;

м) в рукописях, хранящихся в *ЛМ*: на лоскутке бумаги с заметками по объяснению древнерусских слов, приобретенном в 1933 г. и на письме Калашникова к Пушкину от 15 марта 1832 г.

Не введена, как печатающаяся в собраниях сочинений, запись о газете «Дневник» (см. *КН* V, 532).

В седьмой отдел — приходно-расходные записи — не введены записи: в Майковском собрании (№ 60, жандармская помета: «21»), в Шляпкинском (на письме Н. И. Гончаровой к Пушкину; см. *Ш*, 185), на письме Калашникова к Пушкину от 19 декабря 1933 г. и на листке, входящих в ту часть хозяйственного архива Пушкина, которая в 1933 г. приобретена у Г. А. Пушкина Литературным музеем в Москве. См. «Звенья», III—IV, М. 1934, стр. 132 и 133.

В десятый отдел — выписки из печатных и рукописных источников,— печатающиеся в собраниях сочинений (в лицейском дневнике): стихо-

творение «Венчание Шутовского» («Вчера в торжественном венчаньи») и куплеты на учителей («Предположив — и дальше»).

Затем в этот отдел не введены печатающиеся в собраниях сочинений выписки: 1) из пролога о Савве Сторожевском, 2) из «Урядника сокольнича пути», 3) о приказах, 4) из Четий-Миней (из жития Иоанна Кущника, Ора и Никиты), и до сих пор остающиеся (в течение ста лет!) неопубликованными: 1) обширнейшие выписки (до 10 печатных листов) из «Деяний Петра Великого» Голикова (хранятся в *ИРЛИ*), 2) копии с документов по «Истории Пугачевского бунта», составляющие папку в 269 листов (№ 2391 *ЛБ*) и до сих пор не изученные, и 3) материалы и заметки по «Истории Пугачевского бунта» (в Майковском собрании автографов Пушкина, см. *ПС* I, 30—31, № 27).

В одиннадцатый отдел — надписи на книгах — не введены надпись на атласе России 1745 г., хранящемся в *ЛМ*. (см. «Правда» 8 февраля 1935 г., № 38 (6284) в заметке Д. Дарского «Географический атлас из библиотеки Пушкина), какая-то надпись Пушкина на обрывке заглавного листа какой-то книги, хранящемся в Одесской публичной библиотеке, — см. «Пушкин. Статьи и материалы», Одесса, 1925, стр. 57 и пометы Пушкина для переплетчика (№№ 1381 и 1397).

Из писаний, входящих во вторую часть книги, не включены печатающиеся в собраниях сочинений докладные записки: 1) «о народном воспитании», 2) о Мицкевиче (введена в том V краснонивского и гихловского изданий сочинений Пушкина); 3) о Сухорукове и 4) об издании газеты («Десять лет тому назад»), а также три неопубликованных векселя Пушкина, которые войдут в сборник материалов о Пушкине, собранных П. Е. Щеголевым и приготовляемых к печати Ю. Г. Оксманом (см. стр. 797 настоящей книги в примечании).

Наконец, в «Приложения» не введены печатающиеся в собраниях сочинений копия письма Екатерины II к гр. Я. А. Брюсу о Радищеве и выписка о нем же из «Дневника» Храповицкого и статья «Татищев», включенная Ю. Г. Оксманом в гихловское (том V) издание собрания сочинений Пушкина.

М. Цявловский

В «Приложениях» печатаются: тексты, находящиеся в бумагах Пушкина, хранящихся в *ЛБ*, но написанные не рукой поэта, и запись, подлинник которой в настоящее время неизвестно где находится и относительно которой не может быть полной уверенности, что она сделана Пушкиным.

Тексты в бумагах Пушкина, во-первых, два документа, относящиеся к А. П. Ганнибалу: его прошение императрице Елизавете и письмо к нему Екатерины II. Копии этих документов, несомненно, были сделаны самим Пушкиным.

Что касается третьего (впервые публикуемого) в качестве выписки для Пушкина текста — «Notice sur la secte des Yézidis» («Заметка о секте язидов»), которая находится в тетради, сшитой жандармами, то эту заметку Пушкин хотел напечатать в качестве приложения в отдельном издании своего «Путешествия в Арзрум», и то обстоятельство, что текст ее написан не рукой поэта, конечно, не может иметь решающего значения в вопросе об ее публикации. То же и относительно «Маршрута от Тифлиса до Арзрума».

Транскрипция всех пяти текстов и комментарий к №№ 3 и 5 сделаны мною. Комментарий к № 1 написан М. А. Цявловским, к № 2 — Н. Г. Зенгером, к № 4 П. С. Поповым. Перевод к № 3 сделан М. Г. Муравьевой.

Т. Зенгер

1.

Абрам Петрович. Мне не безъизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находилися в то время, когда блаженныя памяти Государь Петр Великий, по способности вашей, употреблял вас по многим делам; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего великого государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги. А как мне известно же, что он помышлял о строении канала от Москвы до Петербурга и к тому уже и проект сделан был, то вы мне особливую благодарность сделаете, ежели, чертеж

тому отыскав (когда он у вас был), пришлете ко мне со всеми принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он вчерне только был сделан. Но ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то по крайней мере укажите мне, где оный отыскать можно, который я с нетерпеливостью видеть хочу.

Собственноручно { Также есть ли вы о сем проекте от Его Величества рассуждении слышали, прошу, сколь вы о том вспомните, ко мне отписать. Остаюсь вам доброжелательная

Екатерина

2 сентября 1765 г.
Царское Село.

Писарская копия в тетради № 2395 (л. 399; вторая писарская копия в этой же тетради, л. 487). Перечеркнуто, вероятно, Жуковским, не включившим текста в посмертное издание сочинений Пушкина.

Может быть, об этом письме Екатерины II упоминает Пушкин в своей заметке 1830 г.: «В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II)...» (см. *КН* V, 345).

Текст письма впервые опубликовал Анненков в *А* I, 301—302, писавший: «Копия найдена в бумагах Пушкина; мы не знаем, в чьих руках находится теперь подлинник его...» Отметка: «собственноручно» и скобка при ней сделаны рукой А. С. Пушкина». Из последних слов ясно, что Анненков видел копию чьей-то руки, с пометой Пушкина. Этой копии теперь в бумагах Пушкина, хранящихся в *ЛБ*, нет. Шляпкин неверно утверждает, что в тетради № 2395 находится копия Пушкина (см. *Ш*, 310). Тут находится писарская копия.

Подлинное письмо, с которого, надо думать, была сделана копия Пушкиным, принадлежало в 1896 г. «дворянину Владимиру Федоровичу Коротову, жительствующему в сельце Заречье Новоржевского уезда». Впервые по подлиннику письмо было напечатано Гиларием Сондоевским в статье «К биографии Ганнибал, предков А. С. Пушкина» в «Псковских губернских ведомостях», часть неофициальная, 1896 г., № 27 от 18 июля. Кроме этого письма, Г. Сондоевским здесь опубликованы и остальные пять документов Абрама Петровича и Ивана Абрамовича Ганнибалов, как новость напечатанные Шляпкиным в *Ш* 310—317 по подлинникам, хранившимся в это время уже в Псковском археологическом музее, куда они поступили, очевидно от В. Ф. Коротова.

Разночтений копии Пушкина с текстом, опубликованным Сондоевским и Шляпкиным, не даем по их незначительности.

2.

Всепресветлейшая, Державнейшая, Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссийская, Государыня Всемилостивейшая

Бьет челом Генерал-Майор и Ревельский Обер-Комендант Аврам Ганибал, а о чем мое прошение, тому следуют пункты:

1

Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города; в 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву в дом блаженныя и вечнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великого и крещен в Православную, Греческого исповедания веру; а восприемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею Высочайшею персоною; и от того времени был при Его Императорском Величестве неотлучно.

2

По нескольких же летах по Высочайшей Его Императорского Величества милости послан я был для наук в чужие краи и по Всемилостивейшему Его Императорского Величества соизволению, был в службе Его Королевского Величества Французского в Лейб-Гвардии Капитаном, и потом паки выехал в Россию и служил Лейб-Гвардии в Преображенском полку в Бомбардирской роте Порутчиком. И во время той моей службы, был в разных многих военных походах, баталиях и акциях без-отлучно.

3

По кончине же Его Императорского Величества и Великой Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны и Государя Императора Петра Второго; с 730 года служил в Инженерном Корпусе Капитаном, а в 1741 году определен в Ревельской Гарнизон Подполковником, а в нынешнем 1742 году по Всемилостивейшему Вашего Императорского Величества Указу, за верные мои и беспорочные службы, пожалован в Генерал-Маиоры от Армии и в Ревель Обер-Комендантом и деревнями Всемилостивейше награжден; а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет.

И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было, дворянство мое Вашего Императорского Величества Грамотою Всемилостивейше подтвердить

и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорского ⟨Величества⟩ милости, Гербом меня пожаловать.

Всемилостивейшая Государыня! прошу Вашего Императорского Величества, о сем моем прошении решение учинить. Генваря « » дня 1742 года. К поданию надлежит в правительствующий Сенат. Прошение писал Статс-Конторы Копиист Василий Власов.

1781 года, марта 15 дня в журнале Герольдмейстерской Конторы записано:

По челобитной Генерал-маиора и Ревельского Обер-Коменданта Ганибала, о подтверждении его дворянства и о пожаловании ему Диплома и Герба определено: как резолюциею Правительствующего Сената 1768 года Генваря 11-го велено: по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда в Комиссии о сочинении проекта нового Уложения Генеральное о том положение учинено будет, да и самый проситель Ганибал с 1742 года хождения по делу не имеет, почему и жив ли он неизвестно, для чего сие дело и отдать в Архив. Подлинное за подписанием Герольдмейстерской Конторы.

Текст прошения А. П. Ганибала «от « » января 1742 года», о подтверждении его дворянства и пожаловании ему герба написан рукой писаря, переписывавшего рукописи Пушкина после его смерти, на четырех листах (412—415) тетради № 2395, причем листы согнуты в вертикальном направлении пополам, образуя столбцы, из коих правый исписан, тогда как левый оставлен незаполненным. Это прием, которым часто пользовался Пушкин и который здесь сохранил копиист. Текст перечеркнут карандашом, может быть, Жуковским, не включившим его в посмертное издание сочинений Пушкина.

Вторая копия того же документа, написанная тем же почерком и по той же форме, находится в той же тетради на листах 506—509.

Прошение это, написанное на высочайшее имя и поданное в Сенат, было опубликовано А. Барсуковым (в *РА* 1891, II, 101—102) по подлиннику, хранящемуся в архиве 6. Департамента геральдии Сената (Книга 39 решенных дел Герольдмейстерской конторы, 1781 г., дело № 5, лл. 39 и 40).

Изданный Барсуковым текст несколько сокращен в сравнении с публикуемым нами; именно им не дается вступительная часть до 1-го пункта и заключительная, от слов: «И дабы...». Отличия в тексте столь незначительны, что мы их не приводим. Что касается даты документа, то в нашей копии указано: «генваря « » дня 1742 года», без указания числа; Барсуков же сообщает, что Ганнибал подал прошение в Сенат в феврале 1742 г.

Как видно из документа, при жизни А. П. Ганнибала его прошение не было удовлетворено, как по условиям делопроизводственной процедуры, так и по той причине, что и «самый проситель Ганнибал с 1742-го года ⟨по 1781 г.⟩ хождения по делу не имеет».

Что касается герба, то Ганнибал с тех пор стал пользоваться, как и большая часть дворянства, гербом неутвержденным.[1]

Значение этого документа для нас заключается в сообщении Ганнибалом автобиографических данных с твердыми фактами, важными для его достаточно темной биографии. Характерна дата документа — 1742 год. Это начало царствования Елизаветы, вернувшей Ганнибалу милости двора после чуть не 15 лет опалы вследствие придворных интриг. С этого времени начинается продвижение его в чинах, пожалование ему деревень и т. д.

Копия с копии прошения печатается по новой орфографии, с сохранением лишь заглавных букв, разрядки и особенностей орфографии, столь характерных для подлинника.

3.

NOTICE
SUR
LA SECTE DES YÉZIDIS

Entre les sectes nombreuses qui se sont élevées dans la Mésopotamie, parmi les Musulmans, après la mort de leur prophète, il n'en est aucune qui soit odieuse à toutes les autres autant que celle des Yézidis. Les Yézidis ont pris leur nom du scheikh Yézid, auteur de leur secte, et ennemi déclaré de la famille d'Ali. La doctrine dont ils font profession, est un mélange du manichéisme, du mahométisme et de la croyance des anciens Perses. Elle se conserve parmi eux par tradition, et est transmise de père en fils sans le secours d'aucun livre: car il leur est défendu d'apprendre à lire et à écrire. Ce défaut de livres est sans doute la cause, pour laquelle les historiens Mahométans ne parlent de cette secte qu'en passant, et pour désigner sous ce nom des gens abandonnés au blasphême, cruels, barbares, maudits de Dieu, et infidèles à la religion de leur prophète. Par une suite de cela on ne peut se procurer, relativement à la croyance des Yézidis, aucune notion certaine, si ce n'est ce qu'on observe aujourd'hui même parmi eux.

Les Yézidis ont pour premier principe de s'assurer l'amitié du Diable, et de mettre l'épée à la main pour sa défense. Aussi s'abstiennent-ils non seulement de le nommer, mais même de se servir de quelque expression dont la consonnance approche de celle de son nom. Par exemple un fleuve se nomme dans le langage ordinaire s c h a t t, et comme ce mot a quelque léger rapport avec le mot s c h e ï t a n, nom du Diable, les Yézidis appellent un fleuve á v e m a z e n; c'est-à-dire, g r a n d e e a u. De même encore les Turcs maudissent fréquemment le Diable, en se servant pour cela du mot n a l, qui veut dire m a l é d i c t i o n. Les Yézidis évitent avec grand soin tous les mots qui ont quelque analogie avec celui-là. Ainsi au lieu du mot

[1] В. К. Лукомский, «Печать с гербом Ганнибала, арапа Петра Великого» в «Русском Библиофиле» 1911 г., № 8, декабрь. стр. 97—99

n a l qui signifie aussi f e r de c h e v a l ils disent s o l, c'est-à-dire, s e m e l l e d e s s o u l i e r s d'u n c h e v a l, et ils substituent le mot s o l k e r, qui veut dire savetier, au terme du langage ordinaire n a l b e n d a, qui signifie m a r é c h a l. Quiconque fréquente les lieux qu'ils habitent, doit être très-attentif à ne point prononcer les mots d i a b l e et m a u d i t, et surtout ceux-ci m a u d i t s o i t l e d i a b l e; autrement, il courroit grand risque d'être maltraité, ou même tué. Quand leurs affaires les attirent dans les villes Turques, on ne peut pas leur faire de plus grand affront que de maudire le diable devant eux, et si la personne qui a eu cette imprudence vient à être rencontrée en voyage par des Yézidis et reconnue, elle est en grand danger d'éprouver leur vengeance. Il est arrivé plus d'une fois que des hommes de cette secte ayant été arrêtés pour quelque crime par la justice Turque, et condamnés à mort, ont mieux aimé subir leur condamnation que d'user de la faculté qui leur étoit accordée, de s'y soustraire en maudissant le Diable.

Le Diable n'a point de nom dans le langage des Yézidis. Ils se servent tout au plus pour le désigner de cette périphrase, s c h e i k h m a z e n, le grand chef. Ils admettent tous les prophètes et tous les saints révérés par les Chrétiens, et dont les monastères situés dans leurs environs portent les noms. Ils croient que tous ces saints personnages, lorsqu'ils vivoient sur la terre, ont été distingués des autres hommes plus on moins, selon que le diable a résidé plus ou moins en eux: c'est surtout, suivant eux, dans Moïse, Jésus[1] Christ[1] et Mahomet qu'il s'est le plus manifesté. En un mot, ils pensent que c'est Dieu qui ordonne, mais qu'il confie au pouvoir du Diable l'éxecution de ses ordres.

Le matin, à peine le soleil commence-t-il à paroitre, qu'ils se jettent à genoux les pieds nus, et que tournés vers cet astre, ils se mettent en adoration, le front contre terre. Pour faire cet acte de dévotion, ils se retirent à part, loin de la présence des hommes; il font leur possible pour n'être point vus quand ils s'acquittent de ce devoir, dont ils se dispensent même suivant les circonstances.

Ils n'ont ni jeûnes, ni prières, et disent pour justifier l'omission de ces oeuvres de religion, que le scheikh Yézid a satisfait pour tous ceux qui feront profession de sa doctrine jusqu'à la fin du monde, et qu'il en a reçu l'assurance positive dans ses révélations; c'est en conséquence de cela qu'il leur est défendu d'apprendre à lire et à écrire. Cependant tous les chefs des tribus et des gros villages soudoient un docteur mahometan pour lire et interpréter les lettres qui leur sont adressées par les seigneurs et les pachas Turcs, et pour y répondre. Rélativement aux affaires qu'ils ont entre eux, ils ne se fient jamais à aucune personne d'une autre réligion; ils envoient leurs ordres et font faire toutes leurs commissions de vive voix par des hommes de leur secte.

---

[1] *Вычеркнуто карандашом.*

N'ayant ni prières, ni jeûnes, ni sacrifices, ils n'ont aussi aucune fête. Ils tiennent cependant le 10 de la lune d'août, une assemblée dans le voisinage du tombeau du scheikh Adi. Cette assemblée, à laquelle beaucoup des Yézidis se rendent de contrés éloignées, dure toute cette journée et la nuit suivante. Cinq ou six jours avant ou après celui où elle a lieu, les petites caravanes courent risque d'être attaquées dans les plaines de Moussol et du Kurdistan, par ces pélerins qui voyagent toujours plusieurs ensemble et il est rare qu'une année se passe sans que ce pélérinage donne lieu à quelque fâcheux événement. On dit qu'un grand nombre de femmes des Yézidis, à l'exception cependant des filles qui ne sont point encore mariées, se rendent des villages voisins à cette réunion, et que cette nuit là, après avoir bien bu et mangé, l'on éteint toutes les lumières, et l'on ne parle plus jusqu'aux approches de l'aurore, instant auquel tout le monde se retire. On peut se faire une idée de ce qui se passe dans ce silence et à la faveur des ténébres.

Aucune espèce de nourriture n'est defendue aux Yézidis, excepté la laitue et la citrouille. Ils ne font jamais dans leurs maisons de pain de froment, mais seulement du pain d'orge; je ne sais point quelle en est la raison.

Ils emploient pour leurs sermens les mêmes formules qui sont en usage parmi les Turcs, les Chrétiens et les Juifs; mais le serment le plus fort qu'ils fassent entre eux, est de jurer par l'étendard de Yézid, c'est à dire par leur réligion.

Ces sectaires ont un très-grand respect pour les monastères Chrétiens qui sont dans leurs environs. Quand ils vont les visiter, ils ôtent leurs chaussures avant d'entrer dans l'enceinte, et marchant pieds nus, ils baisent la porte et les murs; ils croient par là s'assurer la protection du saint dont le couvent porte le nom. S'il leur arrive, pendant une maladie, de voir en rêve quelque monastère, ils ne sont pas plutôt guéris qu'ils vont le visiter, et y porter des offrandes d'encens, de cire, de miel, ou de quelque autre chose. Ils y demeurent environ un quart d'heure, et en baisent de nouveau les murailles avant de se retirer. Ils ne font aucune difficulté de baiser les mains du patriarche ou de l'évêque, qui est supérieur du monastère. Quand aux mosquées des Turcs, ils s'abstiennent d'y entrer.

Les Yézidis reconnoissent pour chef de leur religion le scheikh qui gouverne la tribu à laquelle est confiée la garde du tombeau du scheikh Adi, restaurateur de leur secte. Ce tombeau se trouve dans la juridiction du prince d'Amadia. Le chef de cette tribu doit toujours être pris parmi les descendans du scheikh Yézid: il est confirmé dans sa place, sur la demande des Yézidis et moyennant un présent de quelques bourses, par le prince d'Amadia. Le respect, que ces sectaires portent au chef de leur religion, est si grand, qu'ils s'estiment très-heureux quand ils peuvent obtenir une de ses vieilles chemises pour leur servir de linceul: ils croient que cela leur assure une place plus avantageuse dans l'autre monde. Quelques-uns donnent jusqu'à quarante piastres pour une semblable relique, et s'ils

ne peuvent l'obtenir toute entière, ils se contentent d'en avoir une portion. Quelquefois le scheikh lui-même envoie une de ses chemises en présent. Les Yézidis font passer secrètement à ce chef suprême une portion de tous leurs brigandages pour l'indemniser de dépenses que lui occasionne l'hospitalité qu'il exerce envers ceux de sa secte.

Le chef des Yezidis a toujours près de lui un autre personnage qu'ils appellent kotchek, et sans le conseil duquel il n'entreprend rien. Celui-ci est regardé comme l'oracle du chef, parce qu'il a le privilège de recevoir immédiatement des révélations du Diable. Aussi quand un Yézidi hésite s'il doit entreprendre quelque affaire importante il va trouver le kotchek, et lui demander un avis qu'il n'obtient point néanmoins sans qu'il lui en coûte quelque argent. Avant de satisfaire à la consultation, le kotchek pour donner plus de poids à sa réponse, s'étend tout de son long par terre, et se couvrant il dort, ou fait semblant de dormir, après quoi il dit qu'il lui a été révélé pendant son sommeil telle ou telle décision: quelquefois il prend un délai de deux ou trois nuits, pour donner sa réponse. L'exemple suivant. fera voir combien est grande la confiance que l'on a en ses révélations Jusqu'à il y a environ quarante ans, les femmes des Yézidis portoient comme les femmes Arabes, afin d'épargner le savon, des chemises bleues teintes avec l'indigo. Un matin, lorsque l'on s'y attendoit le moins, le kotchek alla trouver le chef de la secte, et lui déclara que pendant la nuit précédente il lui avait été révélé, que le bleu étoit une couleur de mauvais augure et qui déplaisoit au Diable. Il n'en fallut pas davantage pour que l'on envoyât sur le champ à toutes les tribus par des exprès l'ordre de proscrire la couleur bleue, de se défaire de tous les vêtements qui étoient de cette couleur, et d'y substituer des habits blancs. Cet ordre fut exécuté avec une telle exactitude, que si aujourd'hui un Yésidi se trouvant logé chez un Turc ou chez un Chrétien, on lui donnoit une couverture de lit bleue, il dormiroit plutôt avec ses seuls vêtements, que de faire usage de cette couverture, fût ce même dans la saison la plus froide.

Il est défendu aux Yézidis d'ajuster leurs moustaches avec des ciseaux, ils doivent les laisser croître naturellement: aussi y en a-t-il parmi eux dont on aperçoit à peine la bouche.

Cette secte a aussi ses satrapes, qui sont connus du côté d'Alep sous le nom de fakiran, et que le vulgaire appelle karabasche, parce qu'il portent sur la tête un bonnet noir avec des bandelettes de même couleur. Leur manteau ou aba, est pareillement noir, mais leurs habits de dessus sont blancs. Ces gens-là sont en très petit nombre; partout où ils vont, on leur baise les mains, et on les reçoit comme des ministres de bénédiction, et de présages de bonne fortune.

Quand on les appelle auprès d'un malade, ils lui imposent les mains sur le cou et sur les épaules, et sont bien récompensés de leurs peines. Si ils sont mandés pour assurer à un mort le bonheur dans l'autre monde avant de vêtir le cadavre, ils le dressent sur ses pieds, et lui touchent légèrement le cou et

les épaules; ensuite ils le frappent de la paume de la main droite, lui adressant en même temps ces mots en langue kurde, ara béhescht, c'est-à-dire vas en paradis. Ils sont chèrement payés pour cette cérémonie, et ne se contentent point d'une modique rétribution.

Les Yézidis croient que les âmes des morts vont dans un lieu de répos où elles jouissent d'un degré de félicité plus ou moins grand, en proportion de leurs mérites; et qu'elles apparoissent quelquefois en songe à leurs parents et à leurs amis, pour leur donner avis de ce qu'elles désirent. Cette croyance leur est commune, avec les Turcs. Ils sont persuadés aussi qu'au jour du jugement universel, ils s'introduiront dans le paradis, les armes à la main.

Les Yésidis sont partagés en plusieurs peuplades ou trubus, indépendantes les unes des autres. Le chef suprême de leur secte n'a d'autorité, pour le temporel, que sur sa seule tribu: néanmoins, lorsque plusieurs tribus sont en différent les unes avec les autres, il est de son devoir d'employer sa médiation pour les consilier, et il est rare que les efforts qu'il fait pour cela ne soient pas couronnés d'un heureux succés. Quelques-unes de leurs tribus demeurent dans les domaines du prince de Gioulemerk, d'autres dans le territoire du prince le Gézirèk; il y en a qui font leur résidence dans les montagnes dépendantes du gouvernement de Diarbékir, d'autres sont dans le ressort du prince d'Amadia. Du nombre de ces dernières, est la plus noble de toutes les tribus, qui est connue sous le nom de scheikhan, et dont le scheikh, qu'ils appellent mir, c'est-à-dire prince est le chef suprême de la religion, et le gardien du tombeau du scheikh Adi. Les chefs des villages occupés par cette tribu descendent tous d'une même famille, et pourroient se disputer la primatie si il survenoit entre eux quelque division. Cependant entre toutes leurs peuplades, la plus puissante et la plus redoutable est celle qui habite la montagne de Singiar entre Moussol et le fleuve Khabour, et qui est divisée entre deux scheikhs, dont l'un commande à la partie du Levant, et l'autre à celle du Midi. La montagne du Singiar fertile en diverses sortes de fruits, est d'un accès très difficile, et la peuplade qui l'occupe met sur pied plus de six mille fusiliers, sans compter la cavalerie armée de lances. Il ne se passe guère d'année, que quelque grosse caravane ne soit dépouillée par cette tribu. Les Yézidis de cette montagne ont soutenu plusieurs guerres contre les pachas de Moussol et de Bagdad; dans ces occasions, après qu'il y a eu beaucoup de sang répandu de part et d'autre, le tout finit par s'arranger moyennant de l'argent. Ces Yézidis sont redoutés en tout lieu, à cause de leur cruauté: lorsqu'ils exercent leurs brigandages armés ils ne se bornent pas à dépouiller les personnes qui tombent entre leurs mains, ils les tuent toutes sans exception; si dans le nombre il se trouvent des scherifs, descendans de Mahomet ou des docteurs musulmans, ils les font périr d'une manière plus barbare, et avec plus de plaisir, croyant acquérir par-là un plus grand mérite.

Le Grand-Seigneur tolére les Yézidis dans ses états, parce que, suivant l'opinion des docteurs mahométans, l'on doit considérer comme fidèle et vrai

croyant, tout homme qui fait profession des dogmes fondamentaux, il n'y a point d'autre Dieu que Dieu, et Mahomet est l'apôtre de Dieu, quoique d'ailleurs il manque à tous les autres préceptes de la loi musulmane.

D'un autre côté, les princes kurdes souffrent les Yézidis pour leur intérèt particulier: ils tâchent même d'attirer un plus grand nombre de tribus de cette nation, dans leurs domaines; car les Yézidis étant d'un courage à toute épreuve bons soldats tant de pied que de cheval, et très-propres à faire un coup de main et à piller de nuit les campagnes et les villages, ces princes s'en servent avec beaucoup d'avantages, soit pour reduire celles des tribus mahométanes de leur ressort qui leur refusent l'obéissance, soit pour combattre les autres princes, quand ils sont en guerre avec eux. D'ailleurs les Mahométans sont dans la ferme persuasion que tout homme qui périt de la main de ces sectaires, meurt martyr; aussi le prince d'Amadia a-t-il soin de tenir toujours auprès de lui un bourreau de cette nation, pour exécuter les sentences de mort contre les Turcs. Les Yézidis ont la même opinion rélativement aux Turcs, et la chose est réciproque; si un Turc tue un Yézidi, il fait une action très agréable à Dieu; et si un Yézidi tue un Turc, il fait une oeuvre très-méritoire aux yeux du grand scheikh, c'est-à-dire du Diable. Lorsque le bourreau d'Amadia est demeuré quelques années au service du prince, il quitte son emploi, afin qu'un autre puisse, en lui succédant acquérir le même mérite; et en quelque lieu que le bourreau, après avoir résigné cette charge, se présente chez les Yézidis, on le reçoit avec vénération, et on baise ses mains, sanctifiées par le sang des Turcs.

Les Persans au contraire, et tous les Mahométans attachés à la secte d'Ali, ne souffrent point de Yézidis, dans leurs états; bien plus, il est défendu parmi eux de laisser la vie à ces sectaires.

Il est permis aux Turcs, lorsqu'ils sont en guerre avec les Yézidis, de faire esclaves leurs femmes et leurs enfans, et de les garder pour leur propre usage, ou de les vendre; les Yézidis n'ayant pas la même permission à l'égard des Turcs font tout périr. Si un Yézidi veut se faire Turc, il suffit, pour toute profession de foi, qu'il maudisse le Diable, et ensuite qu'il apprènne à son aise à faire les prières à la manière des Turcs: car les Yézidis reçoivent la circoncision huit jours après leur naissance.

Tous les Yézidis parlent la langue kurde: il y en a parmi eux qui savent le turc ou l'arabe, parce qu'ils ont souvent occasion de frèquenter des personnes qui parlent l'une ou l'autre de ces langues, et à cause de l'avantage qu'ils trouvent à traiter leur propres affaires avec plus de sûreté, en ne se servant point d'interpètes.

Sans doute les Yèzidis ont bien d'autres erreurs ou superstitions, mais comme ils n'ont aucun livre, celles que j'ai exposées sont les seules dont j'aie pu me procurer la connaissance. D'ailleurs beaucoup de choses, chez eux, sont sujettes à changer, en conséquence des prétendues révélations de leur kotchek, ce qui augmente la difficulté de connoître à fond leur doctrine.

Перевод:

Заметка о секте езидов

Среди многочисленных сект, возникших в Месопотамии среди мусульман после смерти их пророка, ни одна не ненавистна всем прочим в такой мере, как секта езидов. Езиды взяли свое имя от шейха Иезида, основателя их секты и отъявленного врага семьи Али. Учение, которое они исповедуют, является смешением манихеизма, магометанства и верования древних персов. Оно сохраняется среди них посредством предания и передается от отца к сыну без помощи какой бы то ни было книги: ибо им запрещено учиться читать и писать. Это отсутствие книг является, без сомнения, причиной того, что магометанские историки упоминают об этой секте лишь вскользь, обозначая этим именем людей, преданных богохульству, жестоких варваров, проклятых богом и изменивших религии своего пророка. Вследствие этого не удается добыть относительно верования езидов никаких точных сведений, если не считать того, что можно теперь среди них наблюдать.

Первое правило езидов — заручиться дружбой дьявола и браться за оружие для его защиты. Потому они воздерживаются не только от того, чтобы его называть, но и от того даже, чтобы употреблять какое-либо выражение, приближающееся по созвучию к его имени. Например, река на обычном языке называется ш а т т, и так как это слово имеет легкую связь со словом ш а й т а н, именем дьявола, езиды называют реку а в е М а з е н, то есть б о л ь ш а я в о д а. Подобно этому еще: турки часто проклинают дьявола, пользуясь для этого словом н а л ь, которое значит проклятие; езиды же тщательно избегают всех слов, которые имеют с ним некоторую аналогию. Поэтому вместо слова н а л ь, которое кроме того значит п о д к о в а, они говорят с о л ь, то есть п о д о ш в а б а ш м а к о в л о ш а д и, и заменяют словом с о л ь к е р, которое значит сапожник, термин обычного языка н а л ь б е н д а, что значит к у з н е ц. Кто посещает места, где они проживают, должен быть очень внимателен к тому, чтобы не произнести слов д ь я в о л и п р о к л я т ы й, и особенно слов: д а б у д е т п р о к л я т д ь я в о л; иначе он очень сильно рискует, что с ним плохо обойдутся, даже убьют его. Когда дела привлекают езидов в турецкие города, им нельзя нанести большей обиды, как проклясть дьявола в их присутствии, а если лицо, совершившее эту неосторожность, будет встречено в пути езидами и узнано ими, оно подвергается большой опасности испытать их месть. Не раз случалось, что члены этой секты, будучи задержаны вследствие какого-нибудь преступления турецким правосудием и приговорены к смерти, предпочитали итти на то, что приговор будет приведен в исполнение, чем использовать возможность, которая им предоставлялась, избегнуть этого, прокляв дьявола.

Дьявол не имеет имени на языке езидов. Самое большее, если они пользуются для того, чтобы обозначать его, перифразой: ш е й х м а з е н, в е л и к и й н а ч а л ь н и к. Они признают всех пророков и всех святых,

чтимых христианами и имена которых носят расположенные по соседству с селениями езидов монастыри. Они верят, что все эти святые, когда они жили на земле, были отличены от других людей, смотря по тому, насколько в них пребывал дьявол. В особенности, по их мнению, он более всего проявился в Моисее, Иисусе Христе и Магомете. Словом, они думают, что повелевает бог, но что он поручает возможностям дьявола исполнение своих повелений.

Утром, едва солнце начинает всходить, они босыми бросаются на колени и, повернувшись лицом к этому светилу, повергаются ниц в благоговении, прижимаясь лбом к земле. Для выполнения этого молитвенного действия они уединяются далеко от людей; они делают все возможное, чтобы их не видели, пока они выполняют этот долг, от которого они даже освобождают себя, смотря по обстоятельствам.

У них нет ни постов, ни молитв, и, чтобы оправдать себя в упущении этих дел набожности, они говорят, что шейх Иезид выполнил их за всех, кто будет исповедывать его учение, до конца дней, и что он получил в этом положительное уверение в своих откровениях. Вследствие этого им и запрещается учиться читать и писать. Однако все начальники племен и больших деревень оплачивают магометанского наставника, чтобы читать и переводить письма, которые им адресованы турецкими вельможами и пашами, и чтобы отвечать на них. В отношении дел, которые они имеют между собой, они никогда не доверяются человеку другой религии; они посылают свои распоряжения и поручают все свои дела устно людям своей секты.

Не имея ни молитв, ни постов, ни жертвоприношений, они не имеют также и никаких праздников. Однако они устраивают на десятый день после августовского новолуния собрание в соседстве с могилой шейха Ади. Это собрание, на которое множество езидов сходятся из отдаленных местностей, длится весь этот день и следующую ночь. Пять или шесть дней до и после дня, когда оно имеет место, маленькие караваны рискуют подвергнуться в равнинах Моссула и Курдистана нападению этих паломников, которые всегда путешествуют по несколько человек вместе, и редкий год проходит без того, чтобы это паломничество не дало повода для какого-нибудь досадного происшествия.

Говорят, что большое количество женщин езидов, за исключением, впрочем, девушек, которые еще не замужем, отправляются из соседних деревень на это собрание, и что этой ночью, хорошо выпив и поев, гасят все огни и больше уже не говорят до приближения зари, когда все расходятся. Можно вообразить, что происходит в этом безмолвии и под покровом тьмы.

Никакой вид пищи не запрещен езидам, за исключением латука и тыквы. Они никогда не пекут дома пшеничного хлеба, а только ячменный. Не знаю, какая к тому причина.

Для своих клятв они употребляют те же формулы, которые в обычае среди турок, христиан и евреев, но самая сильная клятва, которую они

между собой употребляют, это клятва знаменем Иезида, то есть клятва их религией.

Эти сектанты имеют очень большое уважение к христианским монастырям, находящимся в их окрестностях. Когда они их посещают, то снимают свою обувь, прежде чем войти в ограду, и, идя босиком, целуют дверь и стены; они думают этим заручиться покровительством святого, имя которого носит монастырь. Если им случается во время болезни увидеть во сне какой-нибудь монастырь, то, едва выздоровев, они отправляются посетить его, с приношениями воска, меда или чего-нибудь другого. Они остаются там около четверти часа и снова целуют его стены, прежде чем удалиться. Они без всякого затруднения целуют руку патриарху или епископу, являющемуся настоятелем монастыря. Что касается мечетей турок, они воздерживаются от входа туда.

Езиды признают главой своей религии шейха, управляющего тем племенем, которому поручена охрана могилы шейха Ади, восстановителя их секты. Эта могила находится в ведении князя Амадийского. Начальник этого племени всегда должен быть взят из потомства шейха Иезида; он утверждается в должности князем Амадийским, по просьбе езидов и при помощи подарка в несколько кошельков. Уважение, которое эти сектанты питают к главе своей религии, столь велико, что они почитают себя очень счастливыми, когда могут получить одну из его старых рубашек себе на саван: они верят, что это обеспечивает им более выгодное место на том свете. Некоторые отдают до сорока пиастров за подобную реликвию, и, если они не могут получить ее целиком, они довольствуются частью ее. Иногда сам шейх посылает в подарок одну из своих рубашек. Езиды тайно препровождают этому верховному главе часть добычи от всех своих грабежей, чтобы возместить его расходы, вызванные гостеприимством, которое он оказывает членам своей секты.

Глава езидов всегда имеет при себе другое лицо, которое они называют к о ч е к и без совета которого он ничего не предпринимает. Кочек рассматривается как оракул главы секты, потому что он имеет привилегию непосредственно принимать откровения дьявола. Поэтому, если езид колеблется, должен ли он предпринять какое-нибудь важное дело, он отправляется к кочеку спросить его мнения, которого он, впрочем, не получает без того, чтобы это не стоило ему некоторых денег. Прежде чем высказать совет, кочек, чтобы придать больше веса своему ответу, растягивается во всю длину на полу и, укрывшись, спит или делает вид, что спит, после чего говорит, что ему было открыто во сне то или иное решение; иногда чтобы дать ответ, он берет отсрочку в две или три ночи. Следующий пример покажет, сколь велико доверие, питаемое к его откровениям. Примерно до времени лет сорок до нас женщины езидов, как арабские женщины, носили, чтобы сберечь мыло, синие рубашки, выкрашенные индиго. Однажды утром, когда этого всего менее

ожидали, кочек отправился к главе секты и заявил ему, что в прошедшую ночь ему было открыто, что синий цвет предвещает несчастие и не нравится дьяволу. Этого было достаточно, чтобы немедленно разослать всем племенам с нарочными предписание запретить синий цвет, сбыть с рук все платья этого цвета и заменить их белой одеждой. Это предписание было выполнено с такой точностью, что, если бы в наши дни езиду, которому пришлось поместиться у турка или христианина, дали синее одеяло, он скорее стал бы спать под одной своей одеждой, чем употребить это одеяло, будь это хоть в самое холодное время года.

Езидам запрещено подправлять усы ножницами, они должны предоставить им расти естественно: поэтому среди них находятся такие, у которых едва заметен рот.

Эта секта имеет также своих сатрапов, известных в местности близ Алеппо под именем факиран и которых простолюдин называет карабаш, так как они носят на голове черную шапку с завязками того же цвета.

Их верхняя одежда, или аба, также черная, но их нижнее платье — белое. Этих людей очень небольшое количество; всюду, куда они ходят, им целуют руки и встречают их как посланцев благословения и счастливых предзнаменований.

Когда их призывают к больному, они возлагают ему руки на шею и плечи и бывают хорошо вознаграждены за свой труд. Если они вызваны, чтобы обеспечить умершему блаженство на том свете, они, прежде чем одеть тело, ставят его на ноги и слегка касаются его шеи и плеч; затем они ударяют его ладонью правой руки, обращаясь к нему одновременно со следующими словами на курдском языке: ара бехешт, то есть иди в рай. Они дорого оплачиваются за этот обряд и не довольствуются умеренным вознаграждением.

Езиды верят, что души умерших отправляются в место успокоения, где они наслаждаются большей или меньшей степенью блаженства соразмерно с их заслугами, и что они иногда являются во сне своим родным и друзьям, чтобы сообщить им свои пожелания. Это верование общее у них с турками. Они также убеждены, что в день страшного суда они проникнут в рай с оружием в руках.

Езиды делятся на несколько народностей, или племен, независимых друг от друга. Светская власть верховного главы их секты распространяется только на одно его племя. Тем не менее, когда несколько племен находятся между собой в раздоре, его долг взять на себя посредничество в их примирении; редко случается, чтобы усилия, которые он для этого употребляет, не увенчались успехом. Некоторые из их племен живут во владениях князя Джулемеркского, другие на территории князя Джезиретского, есть среди них и такие, которые имеют местопребывание в горах, подчиненных управлению Диарбеккира, другие находятся в области князя Амадий-

ского. К числу последних относится самое благородное из всех племен, известное под названием шейхан, верховным главой религии которых и хранителем могилы шейха Ади, является шейх, которого они называют мир, то есть князь. Начальники деревень, занимаемых этим племенем, происходят все из одной семьи и могли бы оспаривать друг у друга первенство, если бы между ними произошло какое-нибудь несогласие. Однако среди всех их племен самым могущественным и внушающим наибольший страх является то, которое населяет гору Синджар между Моссулом и рекой Хабур и которое поделено между двумя шейхами, из коих один управляет восточной частью, а другой южной. Гора Синджар, богатая разными сортами плодов, очень трудно доступна, и племя, которое ее занимает, может выставить свыше шести тысяч стрелков, не считая кавалерии, вооруженной копьями. Не проходит года, чтобы какой-нибудь крупный караван не был ограблен этим племенем. Езиды этой горы выдержали несколько войн против пашей Моссула и Багдада. В таких случаях после того, как бывает пролито много крови с той и с другой стороны, все в конце концов улаживается при помощи денег. Эти езиды всюду вызывают страх своей жестокостью, когда они разбойничают, они не ограничиваются тем, что грабят людей, попадающих им в руки, но всех их без исключения убивают, и если среди них находятся шерифы, происходящие от Магомета или от мусульманских наставников, они их истребляют более варварским способом и с большей радостью, предполагая, что это составляет большую заслугу.

Султан терпит езидов в своем государстве, потому что, по мнению магометанских наставников, следует признавать верным и истинно верующим всякого, кто исповедует основные догматы («Нет бога иного, кроме бога» и «Магомет — апостол бога»), хотя бы он в остальном не исполнял всех предписаний мусульманской веры.

С другой стороны, курдские князья терпят езидов ради своей частной выгоды: они стараются даже привлечь большее число племен этого народа в свои владения, так как езиды, будучи испытанной храбрости, хорошие солдаты, как пешие, так и конные, и очень пригодны на всякое смелое предприятие и на ночной грабеж в деревнях, почему эти князья и пользуются ими с большой выгодой, либо чтобы укротить те из магометанских племен их округа, которые им отказывают в подчинении, либо чтобы бороться с другими князьями, когда между ними идет война. Впрочем, все магометане твердо убеждены, что всякий, кто гибнет от руки этих сектантов, умирает мучеником; поэтому князь Амадийский всегда заботится о том, чтобы постоянно держать при себе палача из этого народа, чтобы приводить в исполнение смертные приговоры против турок. Езиды имеют те же взгляды относительно турок, и дело это взаимно: если турок убивает езида, он совершает угодный богу поступок, а если езид убивает турка, он совершает дело очень достойное в глазах великого шейха, то есть дьявола. Когда амадийский палач несколько лет пробыл на

службе у князя, он оставляет свою должность для того, чтобы другой мог, сделавшись его преемником, стать столь же достойным. Куда бы к езидам ни являлся палач после того, что он сложил с себя свои обязанности, его встречают с уважением и целуют его руки, освященные кровью турок.

Напротив того, персы и все магометане, входящие в секту Али, не терпят езидов в своих владениях; более того, среди них запрещено оставлять в живых этих сектантов.

Туркам разрешается, когда они воюют с езидами, обращать в рабство их жен и детей и оставлять их себе для собственной надобности или продавать их; езиды, не имея того же разрешения по отношению к туркам, всех их истребляют. Если езид хочет объявить себя турком, достаточно, чтобы он, вместо всякого исповедания веры, проклял дьявола, а затем пусть он спокойно учится молиться по обычаю турок: ибо езиды получают обрезание через восемь дней после рождения.

Все езиды говорят на курдском языке; среди них есть и такие, которые знают турецкий или арабский, так как им часто случается посещать людей, говорящих на том или другом из этих языков, а также из-за преимуществ, которые они видят в том, чтобы вести свои собственные дела с большей уверенностью, не пользуясь переводчиками.

Без сомнения, езидам свойственно еще много других заблуждений или суеверий, но изложенные мною являются единственными, о которых мне удалось получить сведения, так как у езидов нет никаких книг. Впрочем, многое у них изменяется вследствие так называемых откровений, что увеличивает трудность основательно узнать их учение.

Рукопись этого текста находится в неправильно сшитой жандармами тетради № 2383, лл. 36—39 и 60—62. Обложка (л. 35) с заглавием: «Приложенія къ Путешествію въ Арзрумъ, 1835», является автографом Пушкина. «Маршут от Тифлиса до Арзрума» имеется в рукописи неизвестной руки и в копии писаря, писавшего и часть текста «Путешествия в Арзрум» в этой тетради (№ 2383). «Notice sur la secte» — писарская копия, написанная той же рукой. Обложка и «Notice sur la secte» написаны на листах несколько меньшего формата, чем in f°, белой плотной бумаги с желтоватым оттенком, без водяного знака. Текст «Путешествия в Арзрум» в писарской копии писан на бумаге in f°, с водяным знаком: «А. Г. 1834».

Очевидно, Пушкин, готовя в 1835 г. к изданию «Путешествие в Арзрум», предполагал приложить маршрут от Тифлиса до Арзрума и «Notice sur la secte des Yézidis», текст которой печатается нами впервые.

Выписка о секте езидов сделана писарем по указанию Пушкина из книги «Description du Pachalik de Bagdad, suivie d'une Notice historique sur les Wahabis, et de quelques autres pièces relatives à l'Histoire et à la Littérature de l'Orient. Par M. ***. Paris 1809» («Описание Багдадского

Пашалыка, сопровожденное исторической заметкой о вагабисах и несколькими другими сочинениями, относящимися к истории и литературе Востока. Соч. г. ***. Париж 1809»). Предисловие подписано буквами S. de S.

Среди приложений к этой книге имеется «Notice sur les Yézidis» (стр. 191—210), текст которого скопирован писарем для Пушкина в точности, если не считать, что все редакторские сноски опущены. В заметке (стр. 185—190), предваряющей это приложение, рассказывается, что автором «Заметки об езидах» является монах Морис Гардзони, бывший в течение 18 лет миссионером в Курдистане. Выпустив в 1787 г. в Риме грамматику и словарь курдского языка, Гардзони привлек интерес к этому народу, и некий аббат Сестини, побывав у Гардзони в Курдистане, побудил его написать заметку о религии курдов, которая и вошла в сборник «Viaggie opuscoli diversi di Domenico Sestini («Описание путешествий и различные заметки Доменика Сестини»), напечатанный в 1807 г. в Берлине. Переведенная на французский язык неким S. de S. и озаглавленная «Notice sur les Yézidis», статья эта была помещена в приложениях к книге «Description du Pachalik de Bagdad...» и в таком виде, на французском языке, должна была войти в приложения к отдельному изданию «Путешествия в Арзрум». Что Пушкин хотел дать статью в своей книге, не переводя ее на русский язык, доказывается тем, что книга эта была в библиотеке у Пушкина (см. *ПС* IX—X, № 869), и ему не имело смысла заказывать ее списывать для перевода. В писарской копии есть одна карандашная помета, указывающая, что Пушкин просматривал этот текст: слова «Иисус Христос» вычеркнуты. Очевидно это было сделано применительно к цензуре в России.

Поводом поместить эту заметку при «Путешествии в Арзрум» послужило то обстоятельство, что в III главе Пушкин рассказывает о своем знакомстве с езидами.

«В войске нашем находились и народы закавказских наших областей, и жители земель, недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около трехсот семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина, в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язида правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва, будто бы язиды поклоняются сатане, есть пустая басня; что они веруют в единого бога, что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагородным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются, и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее».

4.

Маршрутъ отъ Тифлиса до Арзерума

Телеты	— 14 верстъ	
Коды	— 11	
Больш. Шулаверы	— 27 —	
Постъ Самисы	— 20 —	
Постъ Акзібеукъ	— $19^1/_2$ —	
Укрѣпл. Джелалъ-Оглу	$19^1/_2$	
Гергерскій постъ	— 13	— переѣздъ чер⟨езъ⟩
Кишлякскій	— 16	— Безобдалъ
Амамлы	— 13	
Бекантъ	— 15 —	
Укрѣпл. Гумры	— 27 —	
Сел. Джамумлы	— 28 —	
Сел. Халивъ-Оглы	— $18^1/_2$	
Карсъ	— 21	— Другая дорога отъ Карса чрезъ Милли-дюзъ до Кеприкёва
Сел. Котанлы	— 24	— Сел. Котанлы — 24 версты —
разв⟨алины⟩ Чирихли	— 22	— Ур⟨очище⟩ Дели-Муса-Пурупъ — 30 верстъ
рѣчка Инжа-су (гдѣ былъ лагерь нашъ съ 14-го по 18-е Іюня на вершинѣ Саганлуга)	— 12	— Разв⟨алины⟩ Караванъ-Сарая на вершинѣ Саганлугскихъ горъ 12 верстъ
		Ур⟨очище⟩ Милли-Дюзъ, гдѣ былъ лагерь Гакки-Паши — 7
рѣчка Гункеръ-Су	—	
Загинъ-Су	— 13	— Замокъ Минджегертъ — 9
	16	— Р⟨ѣка⟩ Чермикъ, при коей теплыя желѣзныя воды $10^1/_2$ —
Замокъ Зивинъ	— 12	— Дер. Хоросанъ 12 —
Сел. Ардосъ	— 24	— Дер. Кеприкёвъ 25 —
Сел. Кеприкёвъ (мостъ на Араксѣ)	— 26 —	
Дер. Гассанъ-Кала	— $14^1/_2$ —	
Арзрумъ	— 35 —	

Текст, написанный неизвестной рукой, занимает л. 2_1 тетради № 2383, сшитой жандармами из отдельных листов с перебеленным текстом «Путешествия в Арзрум». Л. 2 вклеен неправильно. «Маршрут от Тифлиса

до Арзерума» должен был составить одно из двух «приложений» к «Путешествию», которое Пушкин, судя по этой рукописи, намеревался издать отдельной книгой. Другим приложением должно было быть «Notice sur la secte des Yézidis» (см. стр. 866—871). Об этом см. в заметке Ю. Н. Тынянова в *КН.* VI, стр. 298.

«Маршрут» напечатан впервые Якушкиным в *Я* XI, стр. 372—373, и перепечатан в *М²* VI, стр. 662. И здесь и там нет указания, что «Маршрут» писан не рукой Пушкина.

«Маршрут от Тифлиса до Арзерума», составленный по поручению Пушкина на основании неизвестного источника и подготовленный к печати в виде приложения к «Путешествию в Арзрум», находится в соответствии с текстом «Путешествия» и обозначением населенных пунктов и урочищ уясняет путь, проделанный поэтом. Из них для текста «Путешествия» наибольшее значение имеют: *Пост Акзибеук* (надо думать, что к нему относятся слова Пушкина: «Переночевав на казачьем посту» (*КН.* V, стр. 555) — здесь, следовательно, была первая ночевка поэта по выезде из Тифлиса, а не на Самисском посту (всего 72 версты от Тифлиса), как предполагает Е. Вейденбаум, о чем ниже); *Безобдал* («я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении», стр. 555); *Гергерский пост* («я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры», близ Гергер поэт встречает тело Грибоедова, в Гергерах же Пушкин соединяется с Бутурлиным — стр. 556—557); *Бекант* (Пушкин в «Путешествии» называет несуществующий в данном месте казачий пост Пернике, говоря: «От Пернике до Гумров считается 27 верст», на это обратил внимание Вейденбаум, писавший: «Название Пернике приведено Пушкиным ошибочно. Это селение Бекант, где находился казачий пост в 27 верстах от Гумр» (*РА*, т. XL, III, стр. 679), по «маршруту» от Беканта до Гумр всего 15 верст); *Гумры* (впоследствии Александрополь) («до Гумров оставалось верст десять ..... Наконец, я достигнул Гумров около полуночи ..... В этот день проехал я 75 верст» — по «маршруту» от Акзибеука до Гумр $103^1/_2$ версты; если же предположить, что местом первой ночевки был пост Самисы, то во второй день Пушкин должен был проделать 123 версты, а в первый день всего 72 версты, что неправдоподобно); *Халив Оглы* («Я переменил иноходь на крупную рысь и вечером приехал в турецкую деревню, находящуюся в 20 верстах от Карса» — Халив Оглы по «маршруту» в $18^1/_2$ верстах от Карса). От селения Котанлы «маршрут» намечает два пути — первый (западный) через Саганлуг, второй — через Милли дюз (восточный). В начале третьей главы «Путешествия» читаем: «Генерал Бурцов отряжен был влево по большой Арзрумской дороге (второй путь) прямо противу турецкого лагеря, между тем как все прочее войско должно было итти правою стороною в обход неприятелю (первый путь) — этим путем («правою стороною») и шел Нижегородский полк Раевского, с ним и направился поэт. *Саганлуг* («Мы благо-

получно прошли опасное ущелье и стали на высотах Саган-лу, в 10 верстах от неприятельского лагеря», стр. 561); *мост на Араксе* («В 15 верстах от Гассан-Кале находится мост, прекрасно и смело выстроенный на семи неравных сводах», стр. 563, по «маршруту» в $14^1/_2$ верстах); *Гассан-Кала* («24 июня утром пошли мы к Гассан-Кале, древней крепости, накануне занятой князем Бековичем. Она была в 15 верстах от места нашего ночлега»); *замок Минджегерт* — правильнее Меджингерт.[1]

5.

Il y a le bien et le mal dans notre vie qui n'est pas à éviter. Je suis maintenant dans cette époque fatale — la prudence ne peut rien, si l'âme est inquiette, le coeur troublé. — [On ne peut] Comment se rappelé au devoir. Je vois l'abyme qui m'entraîne et je ne saurai résister à la combinaison des maux, des peines, des souffrances — causés par une passion. — Je vous ai rencontré...

Délicieux... et de ce moment infortuné vous êtes devenue mon unique idée — sans vous je ne saurai existée, je n'ai pas encore [vue] connu une femme qui aurait tant de pouvoir sur moi — il n'y ⟨a⟩ rien au monde que je [pourrais] n'aurais préféré au bonheur d'être aimée — d'être sur........ il n'y a pas un mal qui pourrait se comparé à celui de vous déplaire — il n'y a pas un bonheur...

*

Je suis las de souffrir inutilement — faut il enfin que je m'ôte à moi-même toute esperance?

Enfin, quoi qu'il en soit de mon sort, je sens que j'ai pris une charge au-dêssus de mes forces.

Je vous le dis sérieusement, croyez en ce coeur sensible qui ne vit que pour vous.

Перевод:

Есть добро и зло в нашей жизни, которые неизбежны. Я переживаю теперь такую роковую пору — осторожность ничему не поможет, если душа в беспокойстве, сердце в тревоге. — [Нельзя]

[1] Текст настоящего комментария принадлежит П. С. Попову.

Где тут помнить о долге. Я вижу бездну, которая меня притягивает и я не в силах противиться соединению зол, мучений, страданий — причиненных страстью. — Я вас встретил...

Блаженный... и с этого злосчастного мгновения вы сделались моей единственной мыслью — без вас я бы не мог существовать, я еще не [видел] знал женщины, которая бы имела такую власть надо мною — нет ничего на свете что бы я [мог] предпочел счастью быть любимым — быть уверенным....... нет зла худшего, чем вам не нравиться — нет счастья...

Я измучился напрасно страдать — должен ли я наконец лишить себя всякой надежды?

Наконец, какова бы ни была моя участь, я чувствую, что взял на себя бремя свыше моих сил.

Говорю вам серьезно, верьте чувствительному сердцу, которое живет только для вас.[1]

Запись печатается по тексту, единственный раз опубликованному в журнале «Весы» 1908, № 1, стр. 70. Автограф принадлежал к февралю 1905 г. и до января 1908 г. — коллекционеру автографов А. В. Жиркевичу, владельцу еще двух автографов Пушкина. В архиве Жиркевича, хранящемся в Рукописном отделении Гос. Толстовского музея в Москве, имеется между прочим пачка писем Б. Л. Модзалевского, который с 5 марта 1905 г. до 14 января 1907 г. буквально умолял Жиркевича снять фотографию с этого автографа и прислать ее Комиссии по изданию сочинений Пушкина при Академии Наук для экспертизы и включения в переписку Пушкина. Ответные письма не все сохранились, но, повидимому, Жиркевич ограничился обещанием прислать снимок, который передал в редакцию журнала «Весы».

Публикация этого текста была сопровождена таким комментарием от редакции (стр. 4): «Три отрывка из неизданного письма А. С. Пушкина печатаются с любезного разрешения полковника Александра Владимировича Жиркевича, по фотографии, снятой с оригинала, ныне переданного им г. Четыркину. Письмо Пушкина обращено к лицу, нам неизвестному (может быть, к Н. Н. Гончаровой). Оригинал написан рукою Пушкина очень бегло, почти без знаков препинания и без больших букв, но достаточно четко. Некоторые явные описки нами поправлены, важнейшие

---

[1] В первой публикации письмо было сопровождено подписью: А. Пушкинъ.

помарки рукописи оговорены под строкой». Составлена эта заметка, конечно, редактором «Весов», В. Я. Брюсовым, которым очевидно сделана и транскрипция его.[1]

Все три абзаца отделены в публикации «Весов» один от другого звездочками, — очевидно и в подлиннике все они разделены.

13 марта 1908 г. в газете «Русь» (№ 72) появилась анонимная заметка такого содержания: «В первой книжке «Весов» было помещено французское «письмо Пушкина». Рассматривавшие фотографический снимок с него, В. И. Саитов и Н. О. Лернер, признали почерк не пушкинским, а русскую подпись подложной, повидимому подклеенной; «письмо» полно таких орфографических ошибок, каких Пушкин никогда не делал, когда писал по-французски».

После этого Брюсов писал В. И. Саитову: «... теперь я вполне согласен с Вашим мнением и мнением Н. Лернера, что письмо, помещенное нами в № 1 (сообщенное нам А. В. Жиркевичем), — не Пушкина: повидимому, это настоящий подлог».[2] Таким образом, подлинность письма была опорочена, и оно не было включено ни в академическое издание Переписки Пушкина, ни в Собрание его писем под редакцией Б. Л. Модзалевского.

До сих пор мне не удалось найти ни автографа, ни фотографии с него: Сергей Сильвестрович Четыркин[3] — смоленский архивный деятель, которому после Жиркевича принадлежал автограф, — живет в Японии, так что следы автографа затеряны.

В поисках же фотографии с автографа мною обследован ряд архивов (Брюсова — у вдовы его Иоанны Матвеевны, Саитова — у самого Владимира Ивановича и в Литературном музее в Москве, Жиркевича — в Толстовском музее в Москве, сохранившаяся часть архива журнала «Весы» в Литературном архиве при Союзе писателей), но тщетно.

Поэтому судить о почерке документа я не могу; но нужно заметить, что и теперь, когда почерк Пушкина лучше изучен, экспертиза его не всегда бывает безошибочна, и поэтому нет достаточных оснований признавать экспертизу Саитова и Лернера, с которой опрометчиво согласился Брюсов, решающим моментом.

Относительно русской подписи Пушкина на черновом французском письме его разъясняет дело отрывок из письма Жиркевича к Б. Л. Мод-

---

[1] Мною исправлено лишь одно слово rencontré вместо напечатанного remontré. Все указанные им описки и поправки мною внесены в текст письма.

[2] Письмо от 10 апреля 1908 г.; находится в Литературном музее в Москве, в архиве В. И. Саитова.

[3] Визитная его карточка наклеена в альбоме (№ IV, л. 13) с автографами из собрания А. В. Жиркевича со следующей его аннотацией: «Четыркин — коллекционер, находился в отряде подполковника Козлова при его путешествии в центральную Азию». Хранится в Гос. Толстовском музее в Москве.

*

залевскому, от 2 марта 1905 г. «Нашел я здесь и неск. автографов Пушкина, отрывок (черновой) его французского любовного письма к какой-то особе, а также русскую подпись поэта, варварски оторванную от оригинала текста» [1]. Очевидно, фотограф «художественно» сделал снимок с обоих документов вместе, наложив подпись на нижнее поле письма.

Орфографические же ошибки Пушкина во французском языке, при исключительном знании его, — факт несомненный. Об этом см. статью Б. В. Томашевского «Французская орфография Пушкина в письмах к Е. М. Хитрово» в книге «Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово» Л. 1927, стр 362—371. В разбираемом нами документе орфография двух первых отрывков характерна для орфографии Пушкина, закономерность которой уловлена Б. В. Томашевским в указанной статье.

А. А. Ахматова установила, что третий абзац французского текста представляет собою выписки отдельных фраз и выражений из письма Сен-Пре к Юлии из романа Ж. Ж. Руссо «La nouvelle Héloïse» (часть 1, письмо восьмое). Привожу тот отрывок восьмого письма, откуда Пушкин набирал цитаты (выделяю курсивом списанные им слова):

Certes, *je suis las de souffrir inutilement* et de me condamner aux plus dures privations, sans en avoir même le mérite. Quoi! faut-il que vous embelissiez impunément, tandis que vous me méprisez? Faut-il qu'incéssamment mes yeux dévorent des charmes dont jamais ma bouche n'ose approcher? *Faut-il enfin que je m'ôte à moi-même toute espérance* sans pouvoir au moins m'honorer d'un sacrifice aussi rigoureux? Non, puisque vous vous fiez à ma foi, je ne veux plus la laisser vainement engagée: c'est une sureté injuste que celle que vous tirez à la fois de ma parole et de vos précautions; vous êtes trop ingrate, ou je suis trop scrupuleux, et je ne veux plus refuser de la fortune les occasions que vous n'aurez pu lui ôter. *Enfin quoi qu'il en soit de mon sort, je sens que j'ai pris une charge au dêssus de mes forces.* Julie, reprenez la garde de vous-même, je vous rends un dépôt trop dangereux pour la fidélité du dépositaire, et dont la dépense coûtera moins à votre coeur que vous n'avez feint de craindre.

Je vous le dis sérieusement: comptez sur vous, ou chassez moi, c'est-à-dire ôtez moi la vie. J'ai pris un engagement téméraire. J'admire comment je l'ai pu tenir si longtemps; je sais que je le dois toujours; mais je sens qu'il m'est impossible. On mérite de succomber quand on s'impose de si perilleux devoirs. Croyez-moi, chère et tendre Julie, *croyez en ce coeur sensible qui ne vit que pour vous*; vous serez toujours respectée; mais je puis un instant manquer de raison, et l'ivresse des sens peut dicter un crime dont on aurait horreur de sang-froid. Heureux de n'avoir point trompé votre espoir, j'ai vaincu deux mois, et vous me devez le prix de deux siècles de souffrances.

---

[1] Письма Жиркевича к Модзалевскому хранятся в *ИРЛИ*.

Перевод: [1]

Поистине *я устал страдать бесполезно* и сносить самые жестокие лишения, не заслуживая тем ничего. Неужели должно тебе блистать красотой безнаказанно, когда ты меня презираешь? Должно ли глазам моим непрестанно пожирать прелести, к которым уста мои никогда не смеют прикоснуться? *Должно ль наконец мне отнимать у себя всю надежду,* не могши сделать никакой чести из такого тягостного приношения? Нет, когда не полагаешься ты на мою совесть, я не хочу более тем тщетно быть обязан; такая безопасность несправедлива, которой ищешь ты вдруг и в моем обещании и в твоих предосторожностях; или ты слишком неблагодарна, или я слишком разборчив; и я уже не буду больше пропускать счастливых случаев, которых ты лишить меня не можешь. *Наконец, какова бы ни была моя участь, я чувствую, что взял на себя бремя выше сил моих.*

Юлия, охраняй опять сама себя; я возвращаю тебе залог, чрезмерно опасный для верности хранителя, и твое защищение будет легче сердцу твоему, нежели ты притворно того боишься.

Я говорю тебе искренно: храни сама себя, или меня удали, то есть лиши меня жизни. Я принял такое безрассудное обязательство, что дивлюсь, как мог сдержать его так долго: я знаю, что им должен навсегда, но чувствую, что мне того исполнить невозможно. Подвергающие себя столь бедственным должностям, достойны падения. Поверь мне, дражайшая и нежная Юлия, *поверь чувствительному сердцу, которое живет только для тебя,* что ты всегда будешь почитаема; но я иногда могу терять рассудок, и упоенные прелестями чувства могут побудить на такое преступление, которое в спокойном состоянии казалось бы ужасно. Счастлив, что я не обманул твоей надежды! Я преодолевал себя два месяца, и ты должна ценить их за два века моих страданий.

Анализируя извлечения фраз из письма Сен-Пре, мы видим, что взяты самые сильные, самые значительные и романтические слова. Опущены же более конкретные фразы, связанные с фабулой романа Руссо, менее общие.

А. А. Ахматова, сообщив мне о своей находке, поделилась со мною своими соображениями по этому поводу: ей представляется, что этот документ является подготовительным материалом для письма — личного или в художественном произведении. Пушкин, широко пользовавшийся французской литературой XVIII века для своего творчества, смело мог и личное письмо пронизать ставшими классическими словами великих французских образцов. И если Марья Гавриловна в «Метели» «вспомнила

---

[1] Перевод взят нами из издания: Ж. Ж. Руссо, «Новая Элоиза или письма двух любовников», ч. I, пер. с франц. Александр Палицын, изд. второе, М. 1820.

первое письмо St. Preux», то корреспондентке Пушкина пришлось бы вспомнить его восьмое письмо.

Если в третьем абзаце нет ни поправок, ни орфографических ошибок, так как он списывался с книги, то относительно двух первых абзацев можно утверждать обратное, то есть что они были творческими записями Пушкина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

IV. Планы изданий

V. Списки произведений

VI. Мелкие записи, заметки, пометы, подсчеты

VII. Приходо-расходные записи

XI. Надписи на книгах

Часть вторая. Тексты в государственных и частных архивах

I. Перевод на французский язык русских народных песен

II. Записи в альбомах

IV. Пометы на чужих рукописях

V. Дарительные подписи на книгах

VI. Протоколы празднований «Лицейских годовщин»

VII. Показания по делам о распространении стихов из элегии «Андрей Шенье» и «Гавриилиады»

VIII. Деловые документы

Приложения

ОПЕЧАТКИ

	Напечатано	Следует
Стран. 10 стр. 6 сн.	ста двух	ста семи
» 11 » 16 »	тавляют	Составляют
» 16 между 3 и 4 стр. сн.	—	Э — Абрам Эфрос, «Рисунки поэта», изд. «Academia», 1934 г.
31 стр. 5 св.	1929	1829
71 » 5 »	conen	con en
73 » 22 сн.	Gorpic	Gorpil
110 » 9 св.	в Геккерену	к Геккерену
187 » 23	Собаньскоц	Собаньской
208 19	письма он	письма; он
213 10 сн.	л. 421	л. 42,
300 11 св.	la uit	la nuit
303 1	Николаю	Никите
311 9	Сергей	Степан
330 11 »	насъ	ничего
361 16 и 17 св. слева выпало:		{ 27 / 5
378 1 сн.	793 и 805	797 и 809
382 » 1 »	772	776
383 » 11 св.	776—777	780—781
Между 396 и 397 стран. под иллюстрацией, в 3 стр. снизу	donc duel	duel donc
400 стр. 16 сн.	спуск в Волге	спуск к Волге
413 » 9 »	ними	за ними
448 » 5 св.	21	12
728 17 сн.	Тянятову	Тяпятову
920 9	553	552
922 15	678	677
922 12	682	678
922 3	Фатанджула-Бека	Фараджула-Бека
923 11 св.	719	710
926 10 сн.	864	862
926 8 »	863	864

Редактор *А. И. Тихонов*

Художественная редакция
М. П. Сокольников

Технический редактор
Г. Л. Гилес

Сдана в набор 17 · XI · 1934
Подписана к печати 7 · VIII 1935.
Вышла в свет в декабре 1935
Тираж 2300. Уполномоченный
Главлита № 2407. Индекс А-О.
Издат. № 163. Авторск. л. 51.5.
Бумажных листов 29 + 26 вкл.
Формат бумаги 62 × 94 в 1/16.
Заказ № 1390

★

Набрана и матрицирована в
типографии «Печатный Двор»,
Ленинград, Гатчинская, 26

Отпечатана в типографии
им. Володарского. Ленинград.
Фонтанка, 57

Цена Р. 32. —

Переплет Р. 3. —